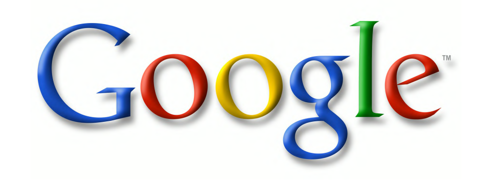
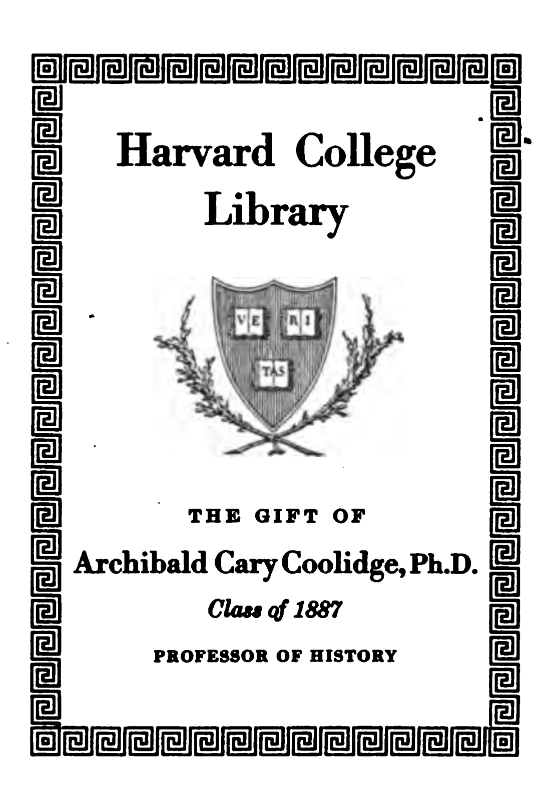
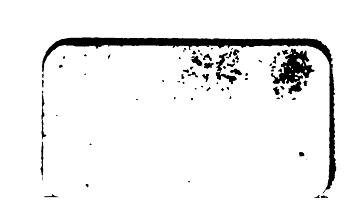



VE
RI
TAS



СЛАВЯНСКІЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ
Русскаго населенія въ Галичинѣ, сѣв.-вост. Угріи и Буковинѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ—1877
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ 12

ИЗДАНІЯ

ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

[бывшій С.-Петербургскій Отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета]

Общеславянская азбука, съ приложеніемъ образцовъ Славянскихъ нарѣчій, составлена А. Ѳ. Гильфердингомъ. 1871. 4 нен., 10 и CXXIX стр. Цѣна . . . . 1 р. —

Чехія и Моравія. Соч. А. С. Будиловича и А. Нарановича. 1871. VIII и 210 стр. Цѣна . . . . 1 „ —

Гусъ и его отношенія къ православной церкви. Соч. А. Ѳ. Гильфердинга. 1871. 82 стр. Цѣна . . . . — „ 50 к.

Первыя Славянскія монархіи на сѣверо-западѣ. Соч. Ѳ. Успенскаго. 1872. 4 нен., XI и 266 стр. Цѣна . . . . 1 „ 50 „

Этнографическая карта Славянскихъ народностей, сост. М. Ѳ. Мирковичемъ. Изд. 3-е, пересмотрѣнное, 1875, на 2-хъ листахъ. Цѣна 1 р., а въ коленкорѣ . . . . 1 „ 50 „

Славянскій Сорникъ, томъ I—подъ наблюденіемъ Н. Н. Страхова. 1875. IX, 631 и 27 стр. Цѣна . . . . 3 „ — „

Содержаніе: 1) *Я. Ѳ. Головацкаго*—Карпатская Русь; 2) *И. Наумовича*—О Галицкой Руси; 3) О современномъ положеніи Русскихъ въ Угріи; 4) *Урiила Метеора*—Положеніе Угорскихъ Русскихъ подъ управленіемъ Стефана Панковича, епископа Мукачевскаго; 5) *О. Пича*—Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ за послѣднія сто лѣтъ, I—VII; 6) *проф. А. С. Будиловича*—Нѣсколько данныхъ и замѣчаній изъ области общественной и экономической статистики Чехіи, Моравіи и Австрійской Силезіи за послѣдніе годы; 7) *проф. Н. А. Попова*—Положеніе райи въ современной Босніи; 8) *проф. В. И. Ламанскаго*—Видные дѣятели западно-Славянской образованности въ XV, XVI, XVII вѣкахъ; 9) *проф. А. С Будиловича*—О современномъ положеніи и взаимныхъ отношеніяхъ Славянъ западныхъ и южныхъ; 10) Очеркъ исторіи старообрядцевъ въ Добруджѣ; 11) Словаки и Русскіе въ статистикѣ Венгріи; 12) Русская печать за предѣлами Россіи.

ВСѢ ЭТИ ИЗДАНІЯ СДОБРЕНЫ МИНИСТЕРСТВОМЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ И ГЛАВНЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СЛАВЯНСКІЙ СБОРНИКЪ

ТОМЪ ВТОРОЙ

съ приложеніемъ
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ
Русскаго населенія въ Галичинѣ, сѣв.-вост. Угріи и Буковинѣ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ—1877

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ 12

Въ 1875 году С.-Петербургскій Отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета, преобразованный, 12-го апрѣля нынѣшняго года, въ С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество, предпринялъ изданіе «Славянскаго Сборника», съ цѣлью — «способствовать изученію нравственной, умственной, художественной жизни родственныхъ намъ Славянъ» *).

Въ предѣлахъ этой задачи, настоящій II томъ «Славянскаго Сборника» продолжаетъ служить ознакомленію Русскаго общества съ исторіею и современнымъ бытомъ Славянскихъ племенъ.

Значительная часть предлагаемаго тома посвящена изученію Славянъ при-Дунайскихъ, которые въ настоящее время приковываютъ къ себѣ вниманіе всего просвѣщеннаго міра. О Болгаріи напечатаны шесть статей, между которыми статья нашего бывшаго генеральнаго консула въ Рущукѣ, покойнаго А. Н. Мошнина, о «при-Дунайской Болгаріи» имѣетъ въ особенности живой современный интересъ. Авторъ знакомитъ насъ съ этою областью въ статистико-экономическомъ отношеніи, въ такой полнотѣ, съ какою этотъ предметъ въ нашей литературѣ еще не былъ ни разу изложенъ. Безъ сомнѣнія, авторъ, при составленіи своей статьи въ 1875 году, не гадалъ и не предчувствовалъ близости нынѣ переживаемыхъ нами великихъ историческихъ событій, ускоряющихъ разрѣшеніе «восточнаго вопроса»; тѣмъ не менѣе, даже и при значительной сжатости въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ сторонъ затронутыхъ въ статьѣ экономическихъ вопросовъ, она съ пользою можетъ служить даже для соображеній и мѣръ чисто-практическихъ, въ виду вводимаго въ Болгаріи новаго гражданскаго устройства. Для болѣе нагляднаго знакомства съ административнымъ дѣленіемъ при-Дунайской провинціи, къ статьѣ Мошнина

*) См. Предисловіе къ I т. «Славянскаго Сборника».

приложены краткія (по недостатку мѣста) статистическія свѣдѣнія объ административныхъ ея центрахъ. Свѣдѣнія эти, даже при неизбѣжной неполнотѣ и возможной неточности, зависящихъ отъ крайне колеблющейся Турецкой статистики, могутъ, отчасти, восполнить замѣтный недостатокъ у насъ свода такого рода данныхъ за послѣдніе годы. Статья проф. М. С. Дринова сосредоточиваетъ вниманіе читателя на изображеніи условій жизни Болгаръ Филиппопольской области, въ которой прежде всего начались безчеловѣчныя звѣрства Турокъ надъ несчастными Болгарами. Что недавнія неистовства Турокъ, удивившія Европу, были лишь выдающимися эпизодами одной, вѣка продолжающейся, кровавой драмы, это наглядно доказываетъ напечатанная здѣсь автобіографія Софронія, епископа Врачанскаго; при переводѣ съ Болгарскаго сохранены, по возможности, своеобразныя черты подлинника. Въ автобіографіи Софронія привлекаютъ преимущественно простота, искренность и правдивость автора — Болгарскаго епископа, человѣка, правда, мало образованнаго и даже не всегда легко понимаемаго, но собственными страданіями изучившаго печальную долю Болгарской райи. Въ автобіографіи рисуется намъ вѣчно угнетенное состояніе мирнаго гражданина, достойнаго представителя христіанской общины, приниженнаго безправною и безнравственною средою,—сообщаются любопытныя черты о состояніи церковной жизни Болгаръ, Турецкаго управленія и суда. Это—страница всегда мрачной и, до настоящаго времени, не измѣнившейся исторіи Болгарскаго народа подъ игомъ варварскаго племени. Грубые инстинкты, лежащіе въ основѣ государственнаго строя Турціи и отношеній ея къ покореннымъ племенамъ, не способны измѣниться никакими затѣянными мишурными реформами: рядомъ съ ними, въ одно и то же время, Турція, изъ хищническихъ ордъ Черкесовъ и башибузуковъ, устраиваетъ спеціальные органы для совершенія надъ мирными жителями всевозможныхъ неистовствъ и вообще для усиленія мусульманскаго элемента среди Славянскихъ племенъ. О переселеніи въ Турцію Татаръ и Черкесовъ и объ отношеніи ихъ къ Болгарамъ помѣ-

щены въ «Сборникѣ», въ видѣ двухъ писемъ, личныя воспоминанія человѣка, долго прожившаго въ Турціи и даже послужившаго ей. Въ безотрадной, безнадежной и исконной борьбѣ Балканскихъ Славянъ за свое существованіе и сохраненіе своей народности, готовы были изсякнуть послѣднія народныя ихъ силы, еслибы въ самомъ народѣ не являлись, отъ времени до времени, безстрашные защитники его попранныхъ правъ: они возбуждали народный духъ, поддерживали въ народѣ увѣренность въ силѣ народныхъ началъ, постоянно питали стремленія его къ свободѣ. То были гайдуки, народные мстители, непримиримые враги Турецкаго устройства, вѣчная гроза Турецкихъ притѣснителей, — опоэтизированные Болгарами и Сербами, преемники давнихъ Славянскихъ героевъ, богатырей, непосредственные дѣятели въ созданіи Сербской независимости въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ виду такого значенія гайдучества въ исторіи Балканскихъ Славянъ, въ «Сборникѣ» помѣщенъ, въ переводѣ съ Болгарскаго, первый опытъ описанія Балканскаго гайдучества, недавно изданный однимъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ гайдуковъ, Панайотомъ Хитовымъ. Записки его: «Мое странствованіе по Балканамъ и жизнеописаніе старыхъ и новыхъ воеводъ» весьма интересны и цѣнны, между прочимъ, и въ этнографическомъ и географическомъ отношеніяхъ, и напечатаны безъ сокращеній и измѣненій.

Въ «Очеркахъ изъ Сербской исторіи», проф. А. С. Будиловича общедоступно изложены результаты ближайшаго изученія Сербскихъ лѣтописныхъ источниковъ въ отношеніи къ тремъ важнѣйшимъ моментамъ исторической жизни Сербовъ княжества: паденію Сербскаго царства, его возрожденію и взаимнымъ историческимъ связямъ народовъ Русскаго и Сербскаго. Въ библіографическомъ обзорѣ новѣйшаго спеціальнаго труда по исторіи Венгерскихъ Сербовъ, помѣщенъ очеркъ исторической жизни Сербовъ, живущихъ и въ Венгріи. Статья: «Минувшее десятилѣтіе у Сербовъ-Лужичанъ», составленная мѣстнымъ писателемъ М. Горникомъ, имѣетъ цѣлью дать понятіе о національной жизни этого Славянскаго племени, наиболѣе отдѣленнаго отъ соприкосновенія

со Славянскими центрами и наиболѣе поглощаемаго иноплеменнымъ вліяніемъ.

Изъ продолженныхъ въ II томѣ статей I тома, напечатаны: а) «Карпатская Русь» —Я. Ѳ. Головацкаго, съ картою его же, подъ названіемъ: «Этнографическая карта Русскаго народонаселенія въ Галичинѣ, сѣверовосточной Угріи и Буковинѣ» *) и б) —О. Пича «Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ», въ которой авторъ описываетъ интереснѣйшую эпоху въ новѣйшей исторіи западныхъ Славянъ—ихъ національное движеніе въ 40—50 годахъ, положившее начало ихъ политическому возрожденію, и передаетъ біографическія свѣдѣнія о многихъ тогдашнихъ Славянскихъ дѣятеляхъ (Штуръ, Гурбанъ, Годжа, Халупка, Краль, Сладковичъ, Гаттала, Коларъ).

Общимъ вопросамъ Славянской науки посвящены въ «Сборникѣ» три статьи: а) По тѣсной связи Славянской исторіи съ Византійскою, статья нашего извѣстнаго византиста, проф. В. Г. Васильевскаго: «Изъ исторіи Византіи въ XII в. (союзъ двухъ имперій въ 1148—1155 г.); б) «О литературномъ единствѣ народовъ Славянскаго племени» — статья проф. А. Г. Будиловича, разсматривающаго вопросъ, давно возбужденный въ Славянской литературѣ и имѣющій живой современный интересъ и великое значеніе для будущности Славянскаго просвѣщенія, и в) «Нѣсколько замѣчаній объ изученіи Славянскаго міра»—того же автора, указывающаго въ ней точку зрѣнія на славянство и взаимныя отношенія племенъ, въ него входящихъ.

По недостатку мѣста во II т. «Сборника», значительно превысившемъ опредѣленную для него норму, не было возможности помѣстить всѣхъ первоначально предположенныхъ и даже заготовленныхъ статей и библіографическихъ обзоровъ.

При изданіи II т. особенно близкое содѣйствіе оказали А. Ѳ. Бычковъ и А. С. Будиловичъ, которымъ и приносимъ живѣйшую благодарность.

Я. З.

---

*) Своевременный выходъ въ свѣтъ II т. «Слав. Сборника» задержало амедлившееся печатаніе въ Вѣнѣ этой карты.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

СТРАН.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ

СЛАВЯНСКАГО МІРА

I.

Для опредѣленія содержанія и объема науки о Славянствѣ или славяновѣдѣнія (славистики), а также отношенія этой науки къ Русскому отечествовѣдѣнію и къ общей системѣ наукъ историческихъ, необходимо разсмотрѣть слѣдующіе вопросы:

1) Существуетъ ли Славянство, какъ одно цѣлое, какъ организмъ этнографическій и историческій, имѣющій, вмѣстѣ съ одною природою, общіе законы развитія и, слѣдовательно, одну общую науку?

2) Сознавалось ли племенное и историческое единство Славянства и сознается ли оно въ настоящее время?

3) Какое мѣсто занимаетъ въ ряду Славянскихъ народностей народъ Русскій?

4) Нѣтъ ли, кромѣ Славянъ, еще нѣкоторыхъ инородческихъ племенъ, которыя бы приближались къ Славянству въ смыслѣ этнографическомъ и историческомъ?

5) Въ какомъ отношеніи находится Славянство къ другимъ культурнымъ племенамъ, какъ дѣятелямъ всемірной исторіи?

Если окажется, что Славянство всегда существовало и существуетъ не только какъ явленіе жизни, но и какъ фактъ сознанія, то изъ этого будетъ слѣдовать, что наука о немъ или славяновѣдѣніе имѣетъ для себя не только предметъ въ жизни, но и почву въ сознаніи цѣлаго ряда поколѣній.

Если обнаружится, что народъ Русскій есть средоточіе Славянскаго племени въ смыслѣ этнографическомъ и историческомъ, а другія Славянскія народности суть уже окраины Славянскаго міра, то позволительно будетъ заключить, что Русское отечествовѣдѣніе есть главная срединная часть славяновѣдѣнія.

Если, далѣе, будетъ найдено, что и внѣ Славянскаго племени были и есть на его территоріи народности, хотя и инородческія по языку, но тѣснѣйшимъ образомъ связанныя со Славянствомъ всѣмъ своимъ прошедшимъ и настоящимъ, смѣшанныя съ племенемъ Славянскимъ этнологически и подчиненныя ему культурно, то очевидно будетъ, что изученію и этихъ инородцевъ должно быть дано мѣсто въ системѣ славяновѣдѣнія.

Если, наконецъ, удостовѣримся, что Славянство составляетъ самобытный культурный типъ въ кругу другихъ культурныхъ племенъ исторіи, то изъ этого можно будетъ заключить, что и славяновѣдѣніе имѣетъ особое, самостоятельное мѣсто въ общей системѣ наукъ историческихъ. Бóльшая же, или меньшая степень близости племенныхъ и историческихъ связей Славянства съ другими культурными племенами исторіи опредѣлитъ степень важности изученія каждаго изъ этихъ племенъ для цѣлей славяновѣдѣнія.

II.

Взаимныя отношенія Славянскихъ народностей или степень ихъ сродства физическаго и духовнаго.

Площадь земли, занимаемой Славянскою народностью, въ смыслѣ отчасти этнографическомъ, отчасти культурномъ (какъ объяснится впослѣдствіи), въ настоящее время содержитъ въ себѣ свыше 400,000 квадр. геогр. миль [1]). Она простирается отъ Тріеста до Берингова про-

---

[1]) Разсчетъ мой слѣдующій: а) Россійская имперія: 389,311 кв. миль («Военно Статистическій Сборникъ»: «Россія», стр. 20); б) Германская имперія: въ ней Славяне составляютъ 1/15 часть населенія и приблизительно занимаютъ 1/15 часть государственной территоріи, чтò составитъ 660 кв. м.; в) Австро-Угорская

лива и отъ Шпицбергена до Эривани и Самарканда, на 174° долготы и на 45° широты. При такой своей обширности, Славянская территорія, конечно, не можетъ не представлять въ своихъ частяхъ чрезвычайнаго разнообразія въ вертикальномъ и горизонтальномъ очертаніяхъ, въ отношеніяхъ геологическомъ и метеорологическомъ, а равно въ характерѣ царствъ растительнаго и животнаго. Но если посмотрѣть на характеръ этой территоріи съ точки зрѣнія болѣе возвышенной и общей, то, при всемъ видимомъ разнообразіи, окажется и много сходныхъ чертъ между всѣми частями этой территоріи. Вся она лежитъ въ одномъ географическомъ поясѣ; вся представляетъ массу, лишь по окраинамъ разчлененную, въ видѣ немногихъ полуостровов (Истрія, Балканскій, Мало-Азійскій, Камчатка, Кольскій и т. д.) и островов (Кварнерскіе, Іоническіе, Архипелагъ, Кандія, Сахалинъ, Новая Земля и т. д.). Почти вся эта территорія есть одна громадная равнина, удаленная отъ океановъ, съ климатомъ континентальнымъ, съ тѣмъ преобладающимъ характеромъ флоры и фауны, который свойственъ умѣренному поясу стараго свѣта. Естественное ограниченіе этой громадной равнины составляетъ почти непрерывная линія морей съ озерами (Ледовитое съ Бѣлымъ, Балтійское, Адріатика съ архипелагомъ, Левантскимъ и Чернымъ морями, Каспійское, Аральское, Байкалъ и, наконецъ, сѣверозападныя части Тихаго океана) и горъ (Финляндскія, Карпаты съ Судетами и Шумавою, восточная часть альповъ съ Триглавомъ, Динары, Комъ, Пиндъ, Олимпъ, Тавръ, Араратъ, Гиндукушъ, Небесныя и Алтайскія горы).

Итакъ, Славянская территорія, взятая въ совокупности, представляетъ одно закругленное цѣлое, особый географическій типъ, особую часть свѣта.

имперія: за отчисленіемъ 2,500 кв. м. территоріи съ Нѣмецкимъ населеніемъ (по разсчету Крижка: «Statistika cisařstvi. Rakouského». Praha, 1872, стр. 84), остается территорія, занимаемая Славянами: 8.800 кв. м.; г) Турецкая имперія: въ ней Славянскому міру принадлежитъ, въ смыслѣ отчасти этнографическомъ, отчасти культурномъ: а) Европейская Турція (съ вассальными владѣніями): 9,870 кв. м.; б) Малая Азія: 9,800 кв. м.; в) Арменія и Курдистанъ: 5,700 кв. м. Слѣдовательно, всего: 424,141 кв. м. Если же не считать за Славянскую территорію тѣ ея части, которыя имѣютъ населеніе смѣшанное, какъ часть Венгріи, Румуніи, Албаніи, Македоніи, Ѳракіи, а также совсѣмъ выключить Малую Азію и Арменію съ Курдистаномъ, входящія въ общую сумму пространства, населеннаго Славянами лишь въ смыслѣ культурномъ, а не этнографическомъ, на ряду съ Кавказомъ, Крымомъ, Финляндіею и т. д., то и въ такомъ случаѣ Славянская территорія занимаетъ болѣе 400,000 кв. г. м.

*

Разсѣянное на этой территоріи Славянское населеніе на первый взглядъ кажется очень различнымъ по своему физическому типу. Если сравнить бѣлокурую и круглолицую красавицу Славянскаго сѣверо-востока съ черноглазою, смуглою и худощавою юго-запада, если сравнить флегматическаго Мазура съ порывистымъ Сербомъ и т. д., то можетъ представиться, будто разныя вѣтви Славянскаго племени совершенно утратили основы своего родоваго, племеннаго единства. Однако, сравнивая, по физическому типу, разныя Славянскія народности съ инородческими племенами, мы находимъ, что всѣмъ имъ (Славянамъ) свойственны черты, дающія возможность съ перваго взгляда распознать Славянскій типъ такъ же явственно, какъ безъ особыхъ затрудненій мы отличаемъ физическій типъ Еврея, Цыгана, Француза. Не даромъ же многіе наблюдатели узнаютъ (или предполагаютъ, будто узнаютъ) Славянскіе типы въ барельефныхъ группахъ на Траяновой колонѣ въ Римѣ. Если бы кто захотѣлъ рѣшительно оспаривать существованіе племеннаго сходства въ физическомъ типѣ всѣхъ Славянъ, то, въ опроверженіе такого мнѣнія, достаточно напомнить замѣчательное единство звуковой системы всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, что́, въ свою очередь, указываетъ на такое же единство устройства ихъ органовъ произношенія. Но какъ дать научное опредѣленіе этому факту? Какъ измѣрить эти нѣжные органы? Безъ сомнѣнія, здѣсь наука имѣетъ дѣло съ величинами безконечно малыми, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и безконечно важными въ ихъ соединеніяхъ и дѣйствіяхъ.

Нѣкоторые антропологи пытались дать научное опредѣленіе физическому типу Славянъ съ другой, краніологической стороны. Такъ, Ретціусъ считалъ всѣхъ Славянъ короткоголовыми и прямочелюстными. Быть можетъ, это опредѣленіе и не выдержитъ строгой, научной провѣрки, но, тѣмъ не менѣе, самый фактъ физическаго единства всѣхъ народностей Славянскаго племени, лежащій въ основаніи антропологической теоріи Ретціуса, едва ли можетъ быть оспариваемъ, хотя въ настоящее время еще и трудно бы дать этому факту научное опредѣленіе.

Тоже самое должно сказать и о психическихъ особенностяхъ разныхъ вѣтвей Славянскаго племени. И древніе и новые писатели о Славянахъ, начиная съ Прокопія и Іорнанда и оканчивая Гердеромъ, Гриммомъ и Гакстгаузеномъ, находили въ нихъ извѣстныя душевныя качества, общія всѣмъ Славянамъ, какъ психическія особенности племени. Допуская даже, что сдѣланныя этими писателями характеристики и

не вполнѣ отвѣчаютъ дѣйствительности, все-таки останется несомнѣннымъ фактъ, что Славянскій нравственный обликъ представлялся всегда и повсемѣстно довольно однороднымъ, слѣдовательно, это явленіе имѣетъ какую нибудь объективную причину.

Еще легче вывести это заключеніе о существованіи извѣстнаго сродства или единства въ духовной природѣ всѣхъ Славянскихъ народностей путемъ наблюденія ихъ языка.

Наблюдателю поверхностному можетъ казаться, что Славянскія нарѣчія, по своему грамматическому построенію и лексикальному составу, представляютъ довольно самостоятельные и различные типы. Но, при болѣе внимательномъ изученіи, оказывается не только родство, но и единство всѣхъ этихъ многочисленныхъ нарѣчій, въ отношеніяхъ звуковомъ, форменномъ и словарномъ. Въ самомъ дѣлѣ, система звуковъ всюду таже, особенно если обратиться, при сопоставленіяхъ, къ нѣсколько старшимъ памятникамъ этихъ нарѣчій. Это видно, между прочимъ, изъ того, что для Славянина чрезвычайно трудно замаскировать свое происхожденіе при выговорѣ, наприм., Нѣмецкихъ словъ: въ каждомъ такомъ Нѣмецкомъ звукѣ слышенъ языкъ Славянскій. Этимологическія формы Славянскихъ нарѣчій отличны лишь на столько, на сколько одни изъ этихъ нарѣчій остались при формахъ болѣе древнихъ (каковы, напр., аористы: у Болгаръ, Сербовъ, Лужичанъ и т. д.), тогда какъ другія сдѣлали шагъ впередъ въ разложеніи этихъ формъ. Съ другой стороны, грамматическая аналогія въ образованіяхъ этимологическихъ формъ дѣйствовала иногда съ нѣкоторыми различіями (напр., вспомогательные глаголы для выраженія формъ будущаго времени у однихъ: буду, стану,—у другихъ: иму,—у третьихъ: хочу и т. д.).

Что касается синтаксическаго построенія Славянскихъ нарѣчій, то они отличны лишь на столько, на сколько одни изъ нихъ менѣе поддались вліяніямъ языковъ иностранныхъ (Русскій, Сербскій, Угро-Словенскій), а другія—болѣе (Чешскій, Польскій, Лужицкій, Хорутано-Словенскій). Въ грамматическомъ отношеніи лишь одно Болгарское нарѣчіе довольно сильно удалилось отъ общаго типа, но и здѣсь въ народѣ хранятся еще живые слѣды лучшихъ старыхъ формъ, которыя, со временемъ, могутъ воздѣйствовать и на формы употребленія языка письменнаго.

Обращаясь, затѣмъ, къ словарю разныхъ Славянскихъ нарѣчій, мы находимъ, что и тутъ матеріалъ ихъ одинъ и тотъ же. Не го-

воря уже объ единствѣ коренныхъ созвучій и образовательныхъ приставокъ, мы находимъ громадный процентъ общихъ образованій, уцѣлѣвшихъ отъ до-историческаго періода, когда Славянскія народности и нарѣчія едва лишь выдѣлялись изъ нѣдръ тогда еще нераздѣльнаго пра-Славянства. Это сходство лексикальное обнимаетъ не только слова нарицательныя, но и собственныя (напр., у разныхъ Славянскихъ вѣтвей существовали и существуютъ города: Кіевы, Краковы, Полоцки, Вышеграды, Бѣлграды, Новграды и т. д.; рѣки: Моравы, Лабы; горы: Шумавы, Берда, Полонины; имена: Ярославы, Болеславы, Святополки, Владиміры и т. д.).

Если же и встрѣчаются въ Славянскихъ словаряхъ различныя стихіи, то, большею частью, это слѣдъ инородныхъ вліяній, какъ напр., Греческихъ и западно-Европейскихъ въ языкѣ Русскомъ, Турецкихъ — въ Болгарскомъ и Сербскомъ, Итальянскихъ — въ Словенскомъ и Хорватскомъ, Мадьярскихъ — въ Словацкомъ, Латинскихъ и Нѣмецкихъ — въ Чешскомъ, Польскомъ, Лужицкомъ и т. д.

Безпристрастные филологи, сравнивавшіе степень взаимнаго различія нарѣчій Славянскихъ съ одной стороны, Нѣмецкихъ (въ тѣсномъ смыслѣ), Французскихъ и Итальянскихъ — съ другой, находили, что первыя гораздо ближе и родственнѣе вторыхъ.

Если же этотъ фактъ не всѣми наблюдается и признается въ общежитіи, то это, главнѣйшимъ образомъ, происходитъ отъ того, что Славяне не имѣютъ общаго литературнаго органа, какъ центра и узла нарѣчій, какіе существуютъ у Нѣмцевъ, Французовъ, Итальянцевъ. Пока же такой общій органъ, въ видѣ языка церковно-Славянскаго, существовалъ у Славянъ восточныхъ съ одной стороны, и южныхъ — съ другой, то никто изъ употреблявшихъ его Русскихъ, Сербовъ и Болгаръ не считалъ особыми языками своихъ отдѣльныхъ нарѣчій, находя всѣхъ ихъ какъ бы нераздѣльными собственниками одного общаго литературнаго органа.

Во всякомъ случаѣ, наукѣ приходится признать чрезвычайную близость всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, какъ въ ихъ составѣ, такъ и въ построеніи.

Но если всѣ Славянскія нарѣчія имѣютъ одинъ общій типъ, то изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что и всѣ народности Славянскія представляютъ одно цѣлое какъ въ физическомъ отношеніи (чтó выражается въ тожествѣ звуковъ), такъ и въ умственномъ (чтó видно изъ единства формъ и построенія языка). Въ самомъ дѣлѣ, извѣстные резуль-

таты предполагаютъ свои извѣстныя причины: ходъ образованія словъ и предложеній въ языкѣ долженъ соотвѣтствовать образованію понятій и представленій въ душѣ, а логика языка должна отражать логику народа. Такимъ образомъ, положеніе о духовномъ единствѣ Славянъ коренится на твердыхъ началахъ науки объ языкѣ, какъ органѣ народной мысли и духа.

Но еслибы и этихъ соображеній для доказательства предложеннаго положенія было недостаточно, то въ исторіи и жизни Славянъ можно отыскать цѣлый рядъ другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ общихъ началахъ духовной природы всѣхъ вѣтвей Славянства. Изъ массы этихъ фактовъ, я приведу нѣсколько такихъ, которые относятся къ религіознымъ воззрѣніямъ Славянъ, ихъ стремленіямъ въ области изящныхъ искусствъ и наукъ, къ началамъ ихъ жизни общественной и къ политическимъ ихъ судьбамъ.

Всѣ изслѣдователи, изучавшіе миѳическія воззрѣнія языческихъ Славянъ, согласны въ томъ, что воззрѣнія эти развились, подобно Славянскому языку, изъ однихъ и тѣхъ же началъ, въ одномъ и томъ же направленіи. Древне-Славянскій Олимпъ былъ одинъ въ такой же мѣрѣ, какъ и древне-Греческій. Если же ученые и замѣчаютъ нѣкоторое отличіе обрядовъ и вѣрованій Славянъ при-Балтійскихъ, въ противоположность всѣмъ остальнымъ вѣтвямъ племени, то, во 1-хъ, это различіе не было ни коренное, ни исконное и, во 2-хъ, оно достаточно объясняется иностранными вліяніями, которымъ болѣе и ранѣе другихъ была подвержена эта окраинная вѣтвь Славянства.

Перейдя, затѣмъ, въ христіанскій періодъ Славянской исторіи, мы замѣчаемъ здѣсь не малое различіе между Славянами юговосточными, съ одной стороны, и западными—съ другой. Одни изъ нихъ остались при старыхъ и исконныхъ формахъ христіанства восточнаго, а другіе отложились къ формамъ культа и церковнаго устройства западной церкви. Въ настоящее время послѣднихъ наберется не менѣе 21 мил. душъ [1]). Нѣкоторая, затѣмъ, часть племени даже отложилась отъ христіанства: въ Турціи насчитывается до 900,000 омусульманенныхъ Славянъ [2]). Хотя цифра этихъ иновѣрцевъ въ средѣ Славянъ безотносительно и довольно высока, но сравнительно съ чи-

[1]) Именно: 19.628,442 католика и 1.436,000 протестантовъ. См. мою брошюру: «Статистич. таблицы распредѣленія Славянъ», стр. 5.
[2]) Тамъ же.

слоемъ приверженцевъ церкви восточной[1]) она является незначительною: она относится къ послѣдней, какъ 22 : 68. Слѣдовательно, три четверти Славянъ остались вѣрны своей древней народной церкви. Одного этого статистическаго факта было бы уже достаточно для признанія религіознаго единства громадной массы Славянскихъ народовъ. Но сюда можно присоединить еще другое соображеніе, указывающее какъ будто на сродство Славянскаго духа съ православіемъ, преимущественно предъ всѣми другими формами христіанства. Въ Славянскомъ прошломъ уже было время, когда и западныя вѣтви племени находились въ полномъ религіозномъ единеніи съ своими братьями восточными и южными, когда Славянская православная литургія служилась въ Прагѣ и Краковѣ, Велеградѣ и Нитрѣ такъ же точно, какъ въ Охридѣ и Преславѣ, Печѣ и Солуни, Новѣгородѣ и Кіевѣ. Правда, иностранныя интриги и насиліе вытѣснили, потомъ, Славянскую литургію изъ употребленія у Поляковъ и Чеховъ, Словаковъ и Хорватовъ, Лужичанъ и Словенцевъ; но память объ ней еще долго хранилась у тѣхъ народовъ и, по временамъ, колебала религіозное ихъ сознаніе. Въ XV в. лишь совершенно неожиданныя случайности (именно, завоеваніе Цареграда Турками) помѣшали возсоединенію Гуситскихъ Чеховъ съ восточною церковью.

Въ XVI в. католическіе Славяне массами бросали папизмъ, принимая различныя протестантскія секты: то лютеранство, то кальвинизмъ, то аріанство. Впослѣдствіи, неимовѣрныхъ усилій стоило Папѣ и его чернымъ янычарамъ возвратить въ лоно католицизма массы отпавшихъ отъ него духовныхъ его овецъ въ средѣ народовъ: Польскаго, Чешскаго, Словацкаго и Хорутано-Словенскаго. Въ Босніи же и Герцеговинѣ католическая пропаганда и занесенная туда францисканами религіозная борьба имѣли то послѣдствіе, что до полу-милліона Сербовъ принадлежатъ теперь къ мусульманству.

Никто не станетъ оспаривать и того общеизвѣстнаго факта, что Славянинъ, принявшій протестантизмъ, становится на половину Нѣмцемъ, а папистъ — Итальянцемъ (въ Далмаціи), Мадьяромъ, Швабомъ (въ Австріи) и т. д. Между тѣмъ, Славянскій обрядъ всюду является геніемъ-охранителемъ Славянской народности, выражающейся

[1]) Сюда, безъ сомнѣнія, должны быть причислены и наши раскольники, и наши уніаты, которые лишь по виду паписты, въ сущности же составляютъ органическую часть церкви восточной.

не только въ языкѣ, но и въ сознаніи, часто, даже тамъ, гдѣ и языкъ не устоялъ отъ давленія инородцевъ, какъ это случилось у Болгаръ-Гагаузовъ, около Варны.

Не позволительно ли, поэтому, сдѣлать выводъ, что всѣ вѣтви Славянскаго племени, въ сущности, имѣютъ однѣ и тѣже религіозныя стремленія, что, слѣдовательно, ихъ можетъ удовлетворить лишь одна извѣстная форма религіознаго сознанія и культа, и что эта форма есть восточная, Греческая или, лучше, Греко-Славянская церковь.

Переходя, затѣмъ, къ сравненію художественныхъ и умственныхъ стремленій разныхъ вѣтвей Славянства, насколько онѣ выразились въ исторіи ихъ искусствъ и наукъ, мы находимъ, что, при всѣхъ видимыхъ различіяхъ ихъ художественныхъ вкусовъ и умственныхъ созданій, и тутъ, въ основѣ, лежитъ много общаго, племеннаго. Существующія же различія достаточно объясняются различіемъ вліяній, которымъ подвергались разныя вѣтви Славянъ, какъ со стороны природы занятыхъ ими странъ, такъ и путемъ заимствованій отъ инородцевъ. Такъ, напр., народный костюмъ странъ холодныхъ и теплыхъ, горныхъ и равнинныхъ, естественно, видоизмѣняется, вслѣдствіе вліяній климатическихъ. Съ другой стороны, очень понятно, что окраинныя вѣтви Славянства не мало позаимствовались отъ сосѣдей: Поляки и Чехи — отъ Нѣмцевъ, при-Адріатическіе Славяне—отъ Итальянцевъ, Болгары—отъ Турокъ и т. д. Но, кромѣ всѣхъ этихъ различій, останется не мало общаго въ костюмѣ крестьянина Русскаго, Болгарскаго, Сербскаго, Польскаго, даже — Волоха и Мадьяра. Это общее заключается въ покроѣ платья, въ выборѣ и сочетаніи цвѣтовъ и т. д.

Эта общность художественныхъ Славянскихъ мотивовъ и вкусовъ еще яснѣе видна при сравненіи у разныхъ Славянскихъ народностей, напр., узоровъ на полотенцахъ, бѣльѣ, платьи и т. д. Между тѣмъ, въ этихъ кажущихся мелочахъ народнаго быта лежатъ, хотя и не развитыя еще, основанія особой школы народной живописи, Славянскаго народнаго искусства.

Тоже самое можно сказать о музыкѣ. Поразительно, напр., то сходство, которое замѣчается между мотивами, сопровождающим эпическую пѣснь Сербскаго гусляра, съ одной стороны, и Русскаго сказителя — съ другой! А какъ сходны мелодіи лирическихъ пѣсенъ на Дунаѣ и Волгѣ, на Вислѣ и Савѣ! Я не оспариваю, что въ этой области есть и замѣтныя различія: даже между Великорусской и Малорусской пѣснями слышится уже что-то особое. Еще сильнѣе будетъ это

различіе между Русскимъ и Чехомъ, или Полякомъ и Сербомъ; но даже и во всѣхъ этихъ отличіяхъ формъ чувствуется общность музыкальнаго содержанія. Этотъ предметъ подвергнутъ даже научному разбору въ замѣчательномъ сочиненіи двухъ Славаковъ-братьевъ Л. и Ю. Рейсовъ: «Основныя правила гармоніи» [1]). Они нашли математическія формулы для законовъ музыкальной гармоніи Славянъ, по сравненію ея съ музыкою другихъ народовъ. Не знаю, подтвердятся ли эти открытія. Но и безъ того мысль о глубокомъ сродствѣ и единствѣ народной Славянской музыки имѣетъ за себя много основаній и ощущается всѣми, кто имѣлъ случай, хоть бѣгло, сравнивать народные напѣвы Славянъ.

Что касается архитектуры, то въ этой области Славяне еще не выработали особаго стиля. Въ этомъ отношеніи, они очень рано подверглись иностраннымъ вліяніямъ: у Славянъ западныхъ привился въ архитектурѣ готическій церковный стиль, а потомъ — стиль возрожденія; на югѣ — въ Далмаціи, Истріи, Приморьи церкви и публичныя зданія строились въ стилѣ классическомъ, видоизмѣненномъ Венеціанскимъ вліяніемъ; наконецъ, Славяне православные (за-Дунайскіе и Русскіе) примкнули къ стилю Византійскому. Повидимому, послѣдній долженъ составить точку отправленія для развитія стиля все-Славянскаго, такъ какъ Византійскій стиль принятъ тремя четвертями Славянъ и болѣе органически совпалъ съ собственнымъ ихъ вкусомъ и пріемами.

Въ области поэзіи наибольшимъ сходствомъ въ пріемахъ и идеалахъ поэтическаго творчества отличаются произведенія народной словесности Славянъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ умовъ Славянства, Словакъ Людевитъ Штуръ, въ своемъ сочиненіи: «О народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ Славянскихъ народовъ» [2]) «Славянскія пѣсни всѣхъ нашихъ вѣтвей и народностей, при всемъ ихъ разнообразіи, произошли, какъ легко убѣдиться изъ сопоставленія и обзора этихъ пѣсенъ, изъ одного и того же источника. Общимъ корнемъ, изъ котораго выросли всѣ наши пѣсни, представляется одно и тоже міро-

---

[1]) Reuss (L. a I) «Základné pravidla súzvuku». 1873. Turč. Sv. Martin. Vydala Matica Slovenska. Было бы очень желательно, чтобы кто-нибудь изъ Русскихъ теоретиковъ музыки это сочиненіе подвергъ подробному разбору.

[2]) Štúr L.: «O národních písních a pověstech plemen Slovanských». Praha, 1853. Изд. Чешскаго Музея. Стр. 133—134.

созерцаніе, одна мысль и одни чувства; внѣшнимъ же выраженіемъ всѣхъ этихъ взглядовъ и чувствъ является одинъ и тотъ же языкъ, хотя онъ и представляетъ нѣкоторыя діалектическія различія. Удивительно сходство Славянскихъ пѣсенъ во всѣхъ отношеніяхъ, между прочимъ, и въ томъ, какъ онѣ взаимно дополняютъ себя для цѣльности народнаго творчества. Недостающее одной вѣтви племени имѣетъ другая, и, притомъ, такъ, что все это, подобно произведеніямъ другихъ племенъ, основывается на общихъ началахъ нашего народнаго творчества. Сходство Славянскихъ пѣсенъ... доходитъ, иной разъ, до значительнаго, а кое-гдѣ и совершеннаго тожества пѣсенъ народовъ, даже удаленныхъ между собою географически, какъ напр., у Чеховъ и Русскихъ, Сербовъ и Малороссовъ, Словаковъ и Сербовъ и т. д. Все это произошло случайно и не есть взаимное заимствованіе, но представляетъ тожество вдохновеній одного и того же духа. Изъ всего этого ясно видно, что народъ нашъ во всѣхъ своихъ вѣтвяхъ дышетъ однимъ духомъ, мыслитъ одной мыслію, живетъ одною жизнію».

Не менѣе сродства представляютъ народныя Славянскія пословицы, въ которыхъ выражается сущность народной морали, народной мудрости. Такое сходство ихъ легко видѣть изъ обширнаго сборника Славянскихъ пословицъ Чешскаго поэта и ученаго Ф. Л. Челяковскаго: «Мудрословіе Славянскаго народа въ пословицахъ» [1]). На основаніи фактовъ, собранныхъ въ этомъ сочиненіи можно утверждать, что нѣтъ почти ни одной Славянской пословицы, которая бы не повторялась у разныхъ, иногда у всѣхъ, народностей Славянскихъ, какъ общій все-Славянскій философскій кладъ.

Не стану распространяться объ общихъ мотивахъ Славянскихъ народныхъ сказокъ и загадокъ, въ которыхъ выражаются древніе миѳы, вѣрованія и понятія племени. Никто и не сомнѣвается въ племенномъ единствѣ Славянъ и никто не отрицаетъ общихъ основъ ихъ мысли и быта въ до-историческую пору. Заявляются сомнѣнія лишь на счетъ того, уцѣлѣли ли до настоящаго времени эти общія бытовыя основы вмѣстѣ съ языкомъ, или, быть можетъ, какъ предполагаютъ другіе, онѣ со временемъ уже испарились, съ распаденіемъ Славянства въ отношеніяхъ политическомъ, литературномъ и религіозномъ. Сходство современныхъ Славянскихъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и загадокъ и т. п., мнѣ кажется, доказываетъ, что общія этнографическія

[1]) Čelakovski F. L.: «Mudroslovi Slovanského národu v prisloviech». Praha, 1852.

основы уцѣлѣли у Славянъ и должны неизбѣжно отражаться на такой же общности ихъ началъ историческихъ или культурныхъ, которыя всегда развиваются изъ первыхъ (этнографическихъ).

Если же въ письменной или художественной литературѣ разныхъ Славянскихъ народностей незамѣтно такого непосредственнаго и тѣснаго сродства, какъ въ словесности устной, то это достаточно объясняется различіемъ иностранныхъ вліяній, которымъ нерѣдко подвергались Славянскіе художники: одни изъ нихъ проходили школу преимущественно Итальянскую (Далматинцы), другіе Французскую (Поляки), третьи Нѣмецкую (Чехи), четвертые обще-Европейскую (Русскіе), что и было дифференцирующимъ началомъ Славянской поэзіи. Но какъ скоро Славянскіе поэты обратились къ изученію образцовъ своей народной поэзіи и на ней стали строить зданіе поэзіи искусственной, немедленно обнаружилось между поэтами разныхъ народностей сходство и родство въ пріемахъ и идеалахъ. Не даромъ Сладковичъ, вдохновенный под-Татранскій пѣвецъ, называлъ нашего Пушкина «братомъ души своей» [1]).

Съ такою же любовью обращается къ нему геніальнѣйшій поэтъ юго-Славянства Петръ II Нѣгошъ, въ стихотвореніи: «Тѣни Александра Пушкина» [2]).

Перломъ Чешской поэзіи, по справедливости, считаютъ «Отголоски Русскихъ пѣсенъ» Ф. Челяковскаго [3]).

Эти пѣсни живо напоминаютъ нѣкоторыя изъ лучшихъ произведеній, въ народномъ духѣ, Пушкина и Лермонтова. Въ предисловіи къ своимъ «Отголоскамъ» Челяковскій высказываетъ, между прочимъ, надежду, что «изученіе народныхъ пѣсенъ всего легче можетъ излѣчить Славянскихъ поэтовъ отъ той надутости и туманности, которыя такъ вредятъ теперь нѣкоторымъ иностраннымъ литературамъ, а отчасти и Чешской,—можетъ привести ихъ къ сознанію, что пестрая вереница словъ никогда не замѣнитъ мысли, которая тѣмъ болѣе нуждается въ легкомъ и прозрачномъ одѣяніи словъ, чѣмъ она выше и прекраснѣе» [4]).

Вотъ эта-то естественность мыслей и простота формы, кажется, и составляетъ главное отличіе Славянской народной поэзіи, въ сравненіи съ эксцентричностію и ходульностію произведеній какъ народной, такъ

[1]) A. Sladkoviča: «Spisy básnické». B. Bystryca. 1861. стр. 386.
[2]) «Огледало Србско». Бѣлград. 1845.
[3]) Čelakovského F. L: «Spisy básnické.» Praha. 1847 г. (стр. 59—107).
[4]) Тамъ же, стр. 47.

и личной поэзіи другихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи лишь Греческая литература можетъ считаться предшественницею Славянской. На этой же почвѣ, прежде всего, сходятся и поэты-художники Славянскіе. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая идеи и формы Славянскихъ поэтовъ народнаго направленія, напр., Чеха Эрбена, Словака Само Халупку и Русскаго Кольцова, Словака Коллара и Русскаго Хомякова, Хорвата Прерадовича и нашего Лермонтова, Серба Петра II Нѣгоша и Украинскаго Шевченко, Словенца Прешерна и Некрасова и т. д., мы находимъ между ними цѣлый рядъ самыхъ ясныхъ аналогій и духовнаго сродства.

Въ ряду поэтовъ Славянства довольно изолированно стоятъ лишь поэты Польскіе. Въ самомъ дѣлѣ, Мицкевичъ, Словацкій и Красинскій представляютъ болѣе духовнаго родства съ поэтами Германіи и Англіи, чѣмъ Славянства. Они постоянно ударяются въ эксцентризмъ и гиперболизмъ, теряютъ почву подъ ногами и иногда доходятъ до поэтическихъ галлюцинацій, до какого-то quasi-пророческаго пиэизма. Но это исключеніе еще болѣе подтверждаетъ мысль, что въ духовной природѣ Славянъ существуютъ извѣстные общіе законы художественнаго творчества, удаляясь отъ которыхъ поэтъ Славянскій— даже самый геніальный—рискуетъ потерять подъ собой почву не только народную, но и всякую другую, и сдѣлаться какимъ-то абстрактомъ, тяжелымъ для себя и непонятнымъ для других.

Впрочемъ, надобно признать, что и въ средѣ Польскихъ поэтовъ не всѣ пошли по такому эксцентрическому направленію; нѣкоторые изъ нихъ остались на реальной почвѣ поэзіи своего народа. Такими поэтами особенно были: Богданъ Залѣсскій, Людовикъ Кондратовичъ (Сырокомля), Викентій Поль, а еще ранѣе ихъ Казиміръ Бродзинскій и другіе. Польскіе поэты этого направленія во многихъ точкахъ дѣйствительно соприкасаются съ поэтами ино-Славянскими. Только это народное направленіе и можетъ имѣть силу и жизненность; все же безпочвенное и космополитическое съ одной стороны, или узко-сословное и эгоистическое съ другой, осуждено на безплодіе и бездѣйственность, какіе бы геніи ни принимали на себя неблагодарную роль служить этимъ туманнымъ и фальшивымъ идеаламъ.

Что касается, затѣмъ, Славянской науки, то въ настоящее время еще трудно дать ей какое-нибудь опредѣленіе, такъ какъ мы присутствуемъ, пока, при первыхъ самостоятельныхъ попыткахъ народа въ этомъ направленіи. Но и à priori можно заключить, что, при всемъ

различіи Славянскихъ племенъ въ степени научнаго развитія, а также въ пріемахъ и направленіи познаванія, обусловленныхъ различіемъ пройденныхъ ими школъ,—все же должны существовать какія-нибудь общія особенности въ ихъ умственномъ настроеніи и направленіи. Это видно, между прочимъ, изъ разсмотрѣннаго выше сходства въ построеніи всѣхъ Славянскихъ языковъ, свидѣтельствующаго о тожествѣ законовъ умственной дѣятельности говорящихъ ими народовъ. Съ другой стороны, тожество Славянскихъ народныхъ пословицъ (о чемъ тоже сказано выше) опять свидѣтельствуетъ объ единствѣ началъ философіи Славянъ и ихъ міросозерцанія, хотя бы эта философія и находилась здѣсь еще лишь въ зародышѣ.

Знаменитый Чешскій историкъ Францъ Палацкій, въ одной изъ новѣйшихъ своихъ брошюръ [1]), высказываетъ важное наблюденіе, что онъ замѣтилъ «не только сродство, но, можно сказать, полное тожество духа Русскаго и Чешскаго въ ихъ отношеніяхъ къ вѣрѣ и богослуженію,—по крайней мѣрѣ, со стороны субъективной. Я (говоритъ Палацкій) убѣдился въ этомъ собственнымъ опытомъ, который рѣдко можетъ представиться другому. Въ бытность мою въ Ниццѣ, въ 1860 г., отъ высокообразованной г. Орловой я получилъ для чтенія книгу Щапова о расколѣ. Начавши чтеніе, я почувствовалъ, что вдругъ, какъ будто, очутился въ средѣ старыхъ своихъ знакомцевъ—Гуситовъ XV—XVIII столѣтій, что будто я читаю разные полемическіе трактаты изъ давняго прошлаго Чехіи, или, будто, я опять, какъ въ дни моей молодости, вступилъ въ общеніе съ остатками старыхъ «Чешскихъ братьевъ» въ восточной Моравіи... Разница между тѣми и другими, конечно, была довольно значительна и существенна, особенно въ отношеніи къ предмету преній... Но по отношенію къ тому, какъ тѣ и другіе понимали и вели свое дѣло, въ совершенной преданности ихъ мысли богослуженію, въ правдивости и глубинѣ убѣжденія, въ усердіи и самоотверженности, съ которыми они защищали свои положенія, въ уловкахъ, къ которымъ они прибѣгали для избѣжанія какъ чужихъ возраженій, такъ и уголовныхъ законовъ своего времени, наконецъ, въ тѣхъ нѣсколькихъ слабыхъ силлогизмахъ, которыми они защищались,—я увидѣлъ совершенное тожество духа...»

Такимъ образомъ, Славянскіе умы встрѣчаются между собой всякій

---

[1]) Doslov k Radhostu. Praha. 1872, стр. 57.

разъ, какъ они пойдутъ въ своихъ обобщеніяхъ путемъ болѣе или менѣе независимымъ.

Еще одинъ фактъ, подтверждающій тоже, представляетъ сравненіе Русскаго славянофильства съ западно-Славянскимъ панславизмомъ. Совершенно независимо одни отъ другихъ, Русскіе славянофилы и Словацкіе панслависты пришли къ однимъ и тѣмъ же результатамъ какъ философскимъ, такъ и политическимъ. Читая философско-политическіе трактаты Людевита Штура, вы, забывшись, можете легко подумать, что читаете сочиненія Хомякова.

Въ области языкознанія мнѣ всегда представляются чрезвычайно родственными умами три замѣчательные Славянскіе лингвиста, раздѣленные между собой и временемъ, и пространствомъ: Хорватскій римско-католическій священникъ Юрій Крижаничъ, Чешскій аббатъ Іосифъ Добровскій и Русскій протоіерей Павскій.

Думаю, что приведенныхъ соображеній и фактовъ достаточно для принятія мысли о единствѣ началъ умственнаго настроенія и направленія Славянъ, изъ чего слѣдуетъ единство началъ для развитія Славянской науки и литературы.

Въ общественно-экономическихъ отношеніяхъ Славянъ въ настоящее время нельзя уже не замѣтить нѣкоторой двойственности. Въ то время, какъ у Славянъ восточныхъ и южныхъ преобладаютъ еще отношенія болѣе первобытныя и учрежденія болѣе демократическія, Славяне западные, въ различной степени, уже захлебнулись стихіями «культуры Европейской», учрежденіями феодально-аристократическими. Я не хочу этимъ сказать, чтобы и въ восточномъ Славянствѣ, въ разныя времена и въ разныхъ мѣстахъ, не обнаруживалось стремленій къ выдѣленію особаго сословія поземельной родовой знати. «Бояре» Русскіе, «были» Болгарскіе, «властели», «великаши» и «племичи» Сербскіе иногда соблазнялись богатствами и вліяніемъ графовъ и бароновъ феодальной Европы, какъ соблазнились этимъ «чехи, лѣхи и владыки» или шляхта западно-Славянская. Но историческія условія не благопріятствовали на востокѣ и югѣ этимъ стремленіямъ. На востокѣ и югѣ аристократизмъ всегда представлялся либо заговоромъ партіи (какъ въ Москвѣ, при Грозномъ), либо иноземнымъ завоеваніемъ (какъ въ Литвѣ и Украйнѣ, Болгаріи и Сербіи); онъ никогда не развивался до значенія учрежденія чисто народнаго, какъ онъ развился, подъ вліяніемъ Европы, у Поляковъ и Чеховъ, Мадьяръ (полуославяненной Чуди) и Хорватовъ. Въ послѣднихъ странахъ аристо-

кратизмъ сталъ преобладающею силою не только политическою, но и экономическою; онъ завладѣлъ не только управленіемъ, но и землею, обративши народъ въ беземельный пролетаріатъ. Нѣкоторые зародыши такихъ порядковъ проникали, правда, съ Европейскаго запада и на дальній Славянскій востокъ, выразившись, между прочимъ, въ эпоху нашего европейничанія, въ закрѣпощеніи Русскихъ крестьянъ; но этотъ порядокъ уже не могъ упрочиться, — онъ упраздненъ однимъ указомъ, почти безъ протестовъ и безъ оппозиціи. На юго-Славянскую почву родъ феодализма, но очень своеобразнаго, принесенъ Турками, покрывшими страну цѣлой сѣтью беглуковъ и спахилуковъ. Но система эта всегда оставалась совершенно внѣшнею для народа и чуждою ему; онъ переносилъ ее вмѣстѣ съ рабствомъ политическимъ, но не примирялся съ нею, какъ съ учрежденіемъ народнымъ. Вслѣдствіе того, система спахилуковъ и беглуковъ сама собою исчезала въ народѣ въ тотъ самый день, когда побѣждалась поддерживавшая ее внѣшняя сила. Такъ случилось въ княжествѣ Сербіи, при Георгіѣ Черномъ; тоже, безъ сомнѣнія, произойдетъ и въ другихъ частяхъ Европейской Турціи. Нѣсколько сложнѣе соціальныя отношенія въ Босніи и Герцеговинѣ. Тутъ турецкое завоеваніе застало уже родъ Европейскаго феодализма, проникшаго туда чрезъ Венгрію и Венецію, вмѣстѣ съ политической и религіозной зависимостію этихъ странъ отъ западной Европы. Католицизмъ приготовилъ здѣсь почву богомильству и оба — мусульманству; съ другой стороны, феодализмъ Европейскій предшествовалъ здѣсь феодализму Турецкому и, перемѣшавшись съ нимъ, легъ въ основаніе тѣхъ сложныхъ общественно-экономическихъ отношеній въ этихъ странахъ, которыя не встрѣчаются въ такой рѣзкости ни въ одной изъ остальныхъ Турецкихъ провинцій.

Изъ того обстоятельства, что аристократизмъ въ западно-Европейской формѣ если и прививался въ какой-либо Славянской странѣ и народности, то не иначе, какъ путемъ внѣшняго насилія и цѣною ренегатства или отреченія извѣстнаго сословія отъ своей народности (какъ, напр., онѣмеченіе знати Чешской и отчасти Польской, омадьяреніе Словенской и Хорватской, отуреченіе Сербской и т. д.), — можно вывести заключеніе, что онъ (аристократизмъ) не соотвѣтствуетъ общественному Славянскому типу, типу крестьянскому, «мужицкому», въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова.

Но вопросомъ о сословіяхъ далеко не исчерпываются тѣ общественныя отношенія, въ которыхъ всѣ Славянскія народности болѣе или

менѣе соприкасаются между собою. Еще важнѣе тѣ взаимныя аналогіи, какія представляютъ Славяне въ своихъ отношеніяхъ въ кругу семьи, рода, общины, общества и т. д. Уже лингвисты замѣтили чрезвычайное обиліе словъ для названій родства въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, въ чемъ Славянскій языкъ едва ли имѣетъ себѣ опаснаго соперника не только между живыми, но и между мертвыми Арійскими языками. О силѣ Славянской семьи можно судить, между прочимъ, и по тому, въ какихъ широкихъ развѣтвленіяхъ родовой жизни она сохраняется, не раздѣляясь на части, какъ это и донынѣ, отчасти, еще существуетъ у Славянъ, особенно восточныхъ и южныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Русская община и Сербская задруга разрослись изъ той же общественной клѣточки-семьи; но на этой послѣдней ступени своего развитія она является уже высшимъ общественнымъ началомъ: узы крови или связь физическая въ ней постепенно замѣняются узами духовными, единствомъ воли, цѣлей и интересовъ.

Правда, что въ настоящее время у разныхъ Славянскихъ народностей болѣе или менѣе ослабѣли уже эти пра-Славянскія общественныя единицы (родъ, община), а гдѣ онѣ въ значительной степени уцѣлѣли, то и тамъ отправленія ихъ постепенно все съуживаются и ограничиваются; однако духъ этихъ отживающихъ формъ общественной жизни носится еще надъ Славянскими селами и волостями, связывая членовъ ихъ какъ будто двойными узами родства не только духовнаго, но и физическаго.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ община сохранила болѣе силы, существуетъ и артель или община промышленная, стоящая на переходѣ отъ общины патріархальной къ общинѣ ново-Европейской или ассоціаціи, представляющей, въ свою очередь, возвращеніе къ первобытнымъ формамъ общежитія. Существенная разница между Европейскою ассоціаціею и Славянскою общиною-артелью можетъ быть объяснена сравненіемъ первой съ протестантизмомъ, а второй — съ православіемъ. Разница эта преимущественно заключается въ томъ, что первая (т. е. ассоціація, коммуна), подобно протестантизму, сочинена теоретиками и создается искусственно, между тѣмъ, какъ послѣдняя (община-артель) есть, подобно православію, произведеніе органической жизни, идущее черезъ рядъ вѣковъ, коренящееся не въ разсчетахъ лишь отдѣльныхъ лицъ, но также и въ преданіяхъ, и въ инстинктахъ народныхъ массъ. Народъ, состоящій изъ сплоченныхъ семей и родовыхъ союзовъ, рѣзко отличается отъ народа, составленнаго изъ личностей, разбившихъ се-

мейныя узы, изъ «изгоевъ» своего рода; различіе это можно уподобить различію химическаго состава тѣлъ органическихъ и неорганическихъ, какъ представляютъ ихъ себѣ нѣкоторые натуръ-философы.

Если личность есть атомъ (элементъ тѣлъ неорганическихъ), то семья есть молекула (элементъ тѣлъ органическихъ). Въ этомъ смыслѣ общественный Славянскій строй тѣснѣе и „органичнѣе", напр., Германскаго, или Романскаго, въ которыхъ личность одержала верхъ надъ общностью, какъ въ религіи (протестантизмъ и папизмъ), такъ и въ строѣ общественномъ (индивидуализмъ).

Общественный консерватизмъ Славянскихъ народовъ и силу ихъ первобытныхъ учрежденій, можно, до нѣкоторой степени, уяснить исторіею современныхъ Славянскихъ волостей или жупъ (гиинъ). Значительная часть ихъ уцѣлѣла до настоящаго времени въ своихъ древнихъ территоріальныхъ границахъ и при старыхъ общественныхъ отправленіяхъ. Тысячелѣтія пронеслись надъ головами народа, будучи свидѣтелями паденія многихъ государствъ, уничтоженія многихъ величавыхъ созданій народнаго духа и рукъ; но пра-Славянскія волости и жупы, эти крѣпкіе и исконные общественные союзы, остаются и донынѣ (нерѣдко, впрочемъ, скрытными) основами общественнаго строя Славянскихъ народностей.

Организація общественныхъ властей у всѣхъ Славянъ искони отличалась замѣчательнымъ единствомъ системы. Она вся развилась на основѣ семейныхъ отношеній, которыя постепенно расширялись въ область отношеній общинныхъ, волостныхъ, земскихъ и, наконецъ, чисто государственныхъ. Если бы уничтожить существующія различія между государствами и народами, происходящія отъ размѣровъ ихъ, то можно было бы сравнить, напр., современное государственное устройство Россіи и Черногоріи и найти замѣчательное сходство во взглядахъ того и другаго народа на своихъ представителей государственной власти. Правда, этого въ такой же мѣрѣ нельзя сказать про Сербію: но и въ ней народъ, въ сущности, совершенно иначе смотритъ на своего князя, нежели чѣмъ долженъ бы глядѣть на него съ точки зрѣнія своей конституціи. Конституція же эта заимствована отъ Австріи и вообще изъ Западной Европы, и совершенно не соотвѣтствуетъ ни инстинктамъ, ни потребностямъ Сербскаго народа, какъ это ясно видно изъ постоянной борьбы партій и траги-комическихъ сценъ, происходящихъ на каждой скупщинѣ.

Конечно, и скупщина есть учрежденіе первоначально Славянское,

но не въ теперешнемъ устройствѣ. Дѣйствительно, у Славянъ всегда существовали народныя собранія: „вѣча“, „сеймы“, „круги“, „рады“, «скупщины» и т. д. Существовали они, наравнѣ съ судомъ присяжныхъ, въ такое время, когда западной Европѣ еще и не снилось о парламентахъ и присяжныхъ. Но, конечно, древне-Славянскія вѣча никогда не представляли такой маски для господства партій и сословій, деспотизма и обиранія общественнаго достоянія, такой арены для болтовни и самохвальства, какъ это мы видимъ въ большей части представительныхъ учрежденій современной Европы. Въ данномъ случаѣ несчастіе Сербовъ заключалось въ томъ, что они полузабыли свои старыя народныя скупщины, свои земскіе соборы и привили себѣ конституцію Австрійскую, самую плохую изъ западно-Европейскихъ. Тоже несчастіе случилось съ Ново-Греками и Румунами, которые и донынѣ не могутъ успокоиться отъ смутъ, привнесенныхъ въ ихъ среду чуждою народу конституціею.

Здѣсь, кстати, можно привести еще одинъ фактъ, паралельный тому, который выше указанъ объ аналогіи умственныхъ стремленій и пріемовъ Русскихъ раскольниковъ съ одной стороны и «Чешскихъ братьевъ» съ другой. Тотъ же Чешскій исторіографъ Палацкій замѣтилъ поразительное сходство духа и учрежденій Гуситскихъ «Чешскихъ ротъ» 16 в. и Русскаго казачества (16—17 в.) [1]). Онъ старается объяснить это сходство историческимъ вліяніемъ первыхъ на послѣднее. Хотя нельзя безусловно отрицать этого вліянія, однако результаты его не были бы столь могущественны, еслибъ духъ и учрежденія Гуситскихъ Чеховъ не встрѣтили себѣ родственныхъ идей и инстинктовъ въ средѣ Русскаго народа. Такой взглядъ на это дѣло выраженъ и въ сочиненіи В. И. Ламанскаго: «О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ и Испаніи» (Спб. 1859. Прибавл. VIII), гдѣ изложено и разобрано это мнѣніе Палацкаго.

Подобные факты духовнаго и общественнаго сродства Русскихъ съ Чехами тѣмъ важнѣе, что послѣдніе болѣе всѣхъ другихъ Славянскихъ народовъ захлебнулись уже западными вліяніями, какъ видно и по ихъ языку, особенно его синтаксису. Въ этомъ случаѣ, народности Русская и Чешская являются двумя почти противоположными полюсами Славянскаго міра. Слѣдовательно, доказанная аналогія между

---

[1]) См. его сочиненіе: Dějiny národu Českého. Dil. IV, částka 1. Praha, 1857; pag. 459.

ними сама собою, въ увеличенныхъ размѣрахъ, распространяется на взаимныя отношенія всѣхъ другихъ Славянскихъ народностей.

Указанное сейчасъ различіе между Русскими и Чехами, какъ двумя полярностями Славянскаго міра, ни въ какой области не выражается съ такою ясностью и осязательностью, какъ въ экономическихъ ихъ отношеніяхъ. Тутъ, дѣйствительно, мы должны признать, что Чехи очень далеко ушли отъ другихъ Славянъ по пути европеизма: не говоря уже о сильномъ развитіи въ Чехіи поземельной аристократіи, скопившей въ своихъ рукахъ чуть не половину всего поземельнаго владѣнія, не говоря и о сильномъ развитіи пролетаріата, какъ результатѣ этой неравномѣрности въ аграрныхъ отношеніяхъ, при сильной густотѣ населенія, — уже одинъ фактъ преобладанія дѣятельности фабричной передъ земледѣльческою и городовъ предъ селами можетъ убѣдить, что на почвѣ Чешской мы находимся въ преддверіи культуры Европейской. Но всѣ остальныя Славянскія земли, со включеніемъ сюда земель, населенныхъ и другими народами Греко-Славянскаго культурнаго міра (напр., Литовцами, Мадьярами, Волохами, Турками, Албанцами, Греками и т. д.), представляютъ рѣзкую противоположность западу въ своихъ экономическихъ, аграрныхъ и промышленныхъ отношеніяхъ. Всѣ Славяне (за немногими изъятіями) представляются и донынѣ народомъ съ чисто земледѣльческими и пастушескими инстинктами, и по образу жизни народомъ сельскимъ, а не бюргерскимъ, народомъ, разсѣяннымъ на громадныхъ пространствахъ, а не скученнымъ, подобно народамъ западнымъ, наконецъ, — народомъ безъ скопленныхъ громадныхъ денежныхъ богатствъ, но и безъ той массы голодныхъ и холодныхъ, которые составляютъ такой непривѣтливый фонъ на экономической картинѣ Европейскаго запада.

Еще однимъ и немаловажнымъ доказательствомъ сродства Славянъ между собою въ отношеніи общественно-политическомъ можетъ служить доказанное юридическою наукою единство основъ Славянскихъ правовыхъ понятій, обычаевъ и институтовъ, а до извѣстной степени даже и положительныхъ законодательствъ. Особенно ясно обрисовывается это единство юридическихъ началъ въ древнѣйшіе періоды Славянской жизни и въ древнѣйшихъ памятникахъ Славянскаго права, напр., при сравненіи Русской Правды съ Винодольскимъ закономъ, Законникомъ Стефана Душана, Вислицкими Статутами и т. д. Впослѣдствіи, начала эти были видоизмѣнены различными вліяніями и особенно — права Византійскаго у южныхъ и восточныхъ Славянъ и права Ла-

тино-Нѣмецкаго на Славянскомъ западѣ. Но въ народныхъ юридическихъ обычаяхъ самыхъ отдаленныхъ вѣтвей Славянскаго племени часто и теперь оказывается очень ясное тожество началъ и исходныхъ точекъ, какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ того матеріала, который собранъ и разработанъ въ сочиненіи г. Богишича: «Юридическіе обычаи Славянъ» [1]).

Мнѣ остается коснуться вопроса о степени сходства и различія разныхъ Славянскихъ народностей въ ихъ государственной дѣятельности, въ судьбахъ ихъ политической жизни.

Нельзя не признать, что до сихъ поръ въ исторіи Славянъ еще не было ни одного момента, когда бы всѣ ихъ вѣтви соединились, хотя бы лишь на короткое время, въ одно государственное цѣлое, какъ это случилось съ Нѣмцами при Карлѣ Великомъ. Болѣе того: не было еще момента, когда бы хотя одна группа Славянскихъ народностей, напримѣръ, одна лишь восточная, или южная, или западная, политически, была собрана во-едино.

Въ составъ государства полумиѳическаго Само и историческихъ Ростислава и Святополка не входила большая часть племени Польскаго и Славянъ при-Балтійскихъ; въ царство Болгарскаго Сvмеона и Сербскаго Душана не входили ни Хорваты, ни Словенцы. Даже величайшее изъ Славянскихъ государствъ — Русское не оправдываетъ еще и теперь своего идеальнаго названія: «царства Всероссійскаго». Цѣлый отдѣлъ Руси коренной, Ярославовой, именно Русь Червонная, остался не возсоединеннымъ съ своимъ общимъ центромъ и принуждена искуственно тяготѣть то къ Вѣнѣ, то къ Пешту.

Но, несмотря на всю эту печальную разрозненность Славянъ въ отношеніи государственномъ, замѣчается, однако, цѣлый рядъ аналогій, какъ во внутреннемъ развитіи, такъ и во внѣшнихъ судьбахъ Славянскихъ государствъ. Образованіе всѣхъ ихъ совершается приблизительно въ одно время и при сходныхъ условіяхъ. 9-й и 10-й вѣка являются временемъ, когда съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ и прочностью кладутся основанія главнѣйшимъ политическимъ центрамъ Славянъ. Нѣсколько раньше начался этотъ процессъ лишь въ средѣ племени Славянъ Болгарскихъ, усиленный исключительными условіями, какъ географическими (близость Византіи), такъ и историческими (нашествіе Болгаръ). Первыя Славянскія династіи Рюриковичей, Пястовичей,

---

[1]) Богишичъ: «Pravni običaji u Slovena», 1867.

Премысловичей, отчасти Арпадовичей (полуославяненная Чудская династія) и Нѣманичей находились въ непрерывныхъ отношеніяхъ и родственныхъ связяхъ, обусловленныхъ не однимъ сосѣдствомъ, но и общностью народовъ и государственныхъ учрежденій. Періодъ Удѣловъ, словно какая-то политическая оспа всѣхъ Славянскихъ государствъ, существовалъ у всѣхъ ихъ и почти одновременно (въ XI—XIII вв.).

Очень многіе изъ историческихъ переворотовъ, въ большей или меньшей степени, коснулись всѣхъ вѣтвей Славянскаго племени: напр., Татарскій погромъ XIII в. пронесся надъ землями почти всѣхъ Славянъ восточныхъ, западныхъ и южныхъ, отъ Волги и Дона до Вислы, Моравы, Дуная и Савы. Крестовые походы Европы западной на восточную (понимаемые въ обширномъ смыслѣ) тоже коснулись всѣхъ Славянскихъ племенъ, отъ Архипелага до Балтики, отъ Марицы до Вислы и Нѣмана (Танненбергская битва).

Дальнѣйшія историческія аналогіи всѣхъ Славянскихъ государствъ заключаются въ томъ, что всѣ они искали своего спасенія въ расширеніи своего государственнаго союза на счетъ другихъ родственныхъ племенъ, но не имѣли силы или искусства упрочить эти союзы: они распадались, а, затѣмъ, разрушались одно за другимъ и всѣ эти Славянскія государства. Болгары не могли прочно соединиться съ Сербами, Чехи съ Поляками, и по одиночкѣ были разбиваемы сосредоточенными силами враговъ.

Ни одно Славянское государство не дожило до одного даже тысячелѣтія, за исключеніемъ государства Русскаго, которое отпраздновало уже первое тысячелѣтіе своего существованія и съ громаднымъ запасомъ силъ природы и духа вступило во второе свое тысячелѣтіе.

И такъ:

Не всѣ Славянскіе народы
Узнали гнетъ чужой руки!
На тѣхъ поляхъ, гдѣ льются воды
Днѣпра, и Волги, и Оки
Живетъ народъ непобѣжденный...
(К. Аксаковъ).

Здѣсь мы впервые встрѣчаемся съ историческимъ фактомъ въ политической жизни Славянъ, не имѣющимъ для себя аналогіи въ Славянской исторіи: «народъ непобѣжденный», государство неразрушенное! Каковы бы ни были причины этого факта, никто не можетъ сомнѣ-

ваться въ его громадной важности для исторіи не только Славянства, но и всего міра.

Русское господство есть главный, а можетъ быть, и единственный, пока, результатъ политической жизни всѣхъ Славянскихъ народностей. Смѣло можно сказать, что имъ однимъ искупается масса принесенныхъ Славянствомъ жертвъ въ борьбѣ за свою политическую независимость. Въ самомъ дѣлѣ, не за одну ли и ту же идею племенной независимости Славянъ ратовали всѣ великіе политическіе люди Славянства: Ростиславъ и Болеславъ, Симеонъ и Нѣманя, Жижка и Подѣбрадъ, Мининъ и Пожарскій, Петръ Великій и Суворовъ, Кутузовъ и Ермоловъ, Сперанскій и Милютинъ? Съ этой точки зрѣнія всѣ Славянскія государства всегда находились въ самой тѣсной связи, хотя часто и невидимой для поверхностнаго наблюдателя. Славяне западные прикрывали восточныхъ отъ натиска Нѣмецкаго, приняли на свою грудь много ударовъ, отразили много полчищъ, которыя, безъ этого сопротивленія, перенесли-бы свои наступательныя дѣйствія въ самый центръ Славянства, какъ это случилось при Карлѣ XII и Наполеонѣ I, послѣ уничтоженія силы государствъ западно-Славянскихъ. Точно также южные Славяне загородили Русь отъ югозападныхъ центровъ Европы — отъ папизма, а потомъ отъ исламизма. Хотя эта южная плотина послѣ долгой и упорной борьбы тоже была сломана, но она нейтрализовала, въ свою очередь, и громадныя силы противниковъ.

Въ этомъ смыслѣ позволительно утверждать, что Русское государство создано и укрѣплено совокупными силами всего Славянскаго племени. Оно по своей исторіи есть не только царство Русское, но и царство Славянское. Въ немъ находитъ свое матеріальное выраженіе идея политическаго единства началъ и задачъ всего Славянскаго племени. Въ немъ же находятъ и всегда будутъ находить точку опоры и устой всѣ новыя политическія образованія Славянъ, какъ Черная Гора, Сербія и др.

На основаніи всѣхъ изложенныхъ соображеній, мы позволяемъ себѣ сдѣлать выводъ, что Славянскія народности, при всѣхъ видимыхъ различіяхъ по отношенію къ особенностямъ физическимъ, языку, религіи, искусству и наукѣ, строю общественному, отношеніямъ экономическимъ, а также по судьбамъ политическимъ, представляютъ такъ много сходства въ своемъ общемъ типѣ физическомъ и нравственномъ, что должны быть признаны какъ бы разчлененіями одного общаго организма,

одного историческаго тѣла, строеніе и отправленія котораго и должна изучать особая наука о Славянствѣ или славяновѣдѣніе.

III.

Сознавалось ли племенное единство Славянства и сознается ли оно въ настоящее время?

Разсмотрѣнію этого вопроса посвящено сочиненіе г. Первольфа: «Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в.» (Спб. 1874). На основаніи цѣлаго ряда собранныхъ имъ свидѣтельствъ изъ Славянскихъ писателей разныхъ вѣковъ и народностей, авторъ даетъ на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ. Для нашей цѣли достаточно привести изъ множества фактовъ лишь нѣсколько основныхъ, рѣшающихъ данный вопросъ самымъ яснымъ и неопровержимымъ образомъ.

Чувство и сознаніе племеннаго единства Славянъ, а отчасти и культурнаго ихъ единства, дѣйствительно проявлялось на всѣхъ ступеняхъ исторической жизни Славянъ то какъ тайный инстинктъ, то какъ священное преданіе, то какъ ясное, разумное сознаніе. Разсматривая внимательнѣе исторію развитія этого все-Славянскаго сознанія, мы замѣчаемъ двѣ эпохи, когда оно выразилось съ наибольшею силою и энергіею. Первую эпоху мы можемъ окрестить именемъ Кирилла Философа, а вторую—именемъ Іосифа Добровскаго.

Св. Кириллъ и его братъ Меѳодій не только поняли мысль о духовномъ единствѣ Славянъ, но и провели ее въ жизнь проповѣдью для всѣхъ ихъ одной религіи, на одномъ и томъ же языкѣ, въ формѣ одной и той же письменности. Степень ясности племеннаго сознанія Славянъ въ поколѣніяхъ, близкихъ къ св. Кириллу и Меѳодію, лучше всего можно видѣть изъ Лѣтописи Нестора, изъ знаменитой ея главы: «По многѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви» и т. д. Несторъ не забылъ ни одной вѣтви Славянства, даже самой отдаленной и уединенной отъ Руси, напр., Хорутанъ, Лутичей, Поморянъ. И эта «книга родства» Славянъ хранилась, потомъ, какъ священное преданіе во всѣхъ послѣдующихъ Русскихъ лѣтописяхъ и хронографахъ, до временъ Татищева и Ломоносова, когда это преданіе было провѣрено и разработано научнымъ образомъ.

На Славянскомъ югѣ, у православныхъ Сербовъ и Болгаръ все-Славянское сознаніе поддерживалось всего сильнѣе церковными и литературными связями ихъ съ Русью, которыя не прерваны были ни Монгольскимъ игомъ на востокѣ, ни Турецкимъ на югѣ. Втеченіе многихъ вѣковъ Аѳонъ служилъ какъ бы международнымъ центромъ Славянскаго монашества и церковной письменности православныхъ Славянъ [1]).

У при-Адріатическихъ Славянъ тоже сознаніе поддерживалось отчасти по вліянію и чрезъ посредство Славянъ Балканскихъ, отчасти по племенной противоположности сосѣднимъ Итальянцамъ, отчасти же и по раннему высокому развитію у нихъ историческаго изученія, какъ, наприм., въ трудахъ: Червы, Врачнича, Орбини, Вальвазора, Богорича, Герберштейна, Лучича, Бандури, особенно же знаменитаго Хорватскаго священника Юрія Крижанича, справедливо называемаго предтечею панславизма.

Живое сознаніе племеннаго единства Славянъ выражается и въ поэтической литературѣ Далматинцевъ 16—17 вв., напр., въ геніальной поэмѣ Гундулича «Османъ».

Въ Чешской литературѣ Славянское сознаніе сказалось съ особой силою въ періодъ Гуситскихъ движеній, хотя и въ вѣка предшествовавшіе это сознаніе было присуще представителямъ народа. Оно довольно ясно выражено, напр., въ Далимиловой хроникѣ и другихъ древнихъ памятникахъ. Точкою исходною и здѣсь были не вымиравшія преданія православія, въ которомъ заключался первый историческій узелъ, свя-

---

[1]) Въ «Гласникѣ Српског Ученог Друштва» за 1867 г., т. 22, напечатано важное и интересное письмо Черногорскаго митрополита Саввы Петровича къ Московскому митр. Платону, отъ 26 февр. 1776 г., въ которомъ онъ, отъ имени своего и 9 другихъ Сербскихъ епископовъ (Самоковскаго, Иштипскаго, Скопскаго, Новопазарскаго, Нишкаго, Ужичкаго, Бѣлъградскаго, Босанскаго и Герцеговачкаго), равно какъ отъ «всѣхъ архіереовъ Словено-Сербскихъ», проситъ м. Платона исходатайствовать у императрицы Екатерины покровительства для Сербской Церкви (Печской патріархіи, незадолго предъ тѣмъ упраздненной) и принять ее «во вѣчные роды подъ Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ: и да никакой архіепископъ Сербской не можетъ поставиться безъ упросу Ея Величества и Святѣйшаго Всероссійскаго Синода. А ежели нужда будетъ за престолъ Печской, да можетъ быть Русской архіерей архіепископъ Печской, по единокровію и единоязычію».

Эта просьба Сербскихъ архіереевъ, какъ видно, не была тогда услышана и удовлетворена. Но вызвавшія ее притѣсненія со стороны какъ Турокъ, такъ и Греческихъ фанаріотовъ не уменьшились и въ наши дни, какъ видно изъ исторіи послѣднихъ десятилѣтій въ Болгаріи, Босніи, Герцеговинѣ и т. д. Думаю, что вопросъ, поставленный Черногорскимъ митрополитомъ Саввою, еще выступитъ нѣкогда на очередь и едва ли будетъ вновь разрѣшенъ отрицательно.

зывавшій Чехію съ другими Славянскими народами. Въ Гуситскомъ движеніи самымъ яркимъ выразителемъ этого стараго панславизма была личность Іеронима Пражскаго, а потомъ Жижки. Отсюда ведутъ свои преданія Славянскія симпатіи Чешскихъ ученыхъ и писателей послѣдующихъ вѣковъ: Благослава, Странскаго, Коменскаго, Бальбина, Добнера и Добровскаго.

Польскіе лѣтописцы выражали свое сознаніе племеннаго единства Славянъ въ миѳѣ о трехъ братьяхъ: Лѣхѣ, Чехѣ и Русѣ. Преданіе это держалось долго и упорно, поддерживаемое осязательнымъ единствомъ языковъ и непрерывностью историческихъ сношеній Поляковъ съ Чехами и Русскими.

Главными выразителями этого сознанія, въ вѣка послѣдовавшіе, въ Польшѣ были: Длугошъ, Стрыйковскій, Папроцкій, Венгерскій. Эта же идея не разъ высказывалась и политическими людьми Польши, въ ихъ международныхъ отношеніяхъ, напр., великимъ канцлеромъ Замойскимъ. Даже іезуиты иногда ссылались на Славянство, когда хотѣли доказать единство народа Русскаго съ Польскимъ, чтобы такимъ убѣжденіемъ облегчить сліяніе перваго со вторымъ по языку и религіи, конечно, въ пользу Польскаго народа.

Въ началѣ XVII в., Польша была сильнѣйшимъ изъ Славянскихъ государствъ. Москва была въ рукахъ Сигизмунда. Поляки сидѣли въ Кремлѣ. При такихъ обстоятельствахъ Гундуличъ написалъ своего «Османа», въ которомъ онъ идеализируетъ Польшу, считая ее центромъ Славянства. Но не прошло и ста лѣтъ, какъ другой Далматинецъ посвящаетъ стихотвореніе Славянскому царю, но такимъ является уже не Польскій король, а Русскій царь—Петръ.

Петръ Великій имѣлъ громадное вліяніе на пробужденіе Славянскаго самосознанія не только результатомъ своей многосторонней дѣятельности, но и своимъ пониманіемъ положенія Россіи въ средѣ Славянъ и тѣхъ выгодъ, которыя могутъ послѣдовать отъ взаимнаго между ними сближенія.

Онъ завязалъ извѣстнаго рода сношенія съ Чехами, Далматинцами, Черногорцами, пользуясь ихъ услугами то по книжной, то по мореходной, то по военной части. Извѣстно письмо Петра Вел. къ Черногорскому митрополиту Данилу, а также къ князю Лукѣ Петровичу (отъ 3 марта 1711 г.), въ которомъ онъ вызываетъ всѣхъ «духовнаго и мірскаго чина сущихъ во Албаніи, Сервіи, Славоніи, Македоніи, Боснѣ, Герцеговинѣ, Черногоріи» ополчиться съ нимъ

противъ Турокъ [1]). Черногорцы съ величайшимъ энтузіазмомъ приняли это предложеніе своего «христіанскаго царя» и дѣйствительно сдѣлали диверсію Туркамъ, которая не принесла Россіи пользы лишь потому, что Петръ самъ попался въ ловушку подъ Прутомъ и долженъ былъ заключить невыгодный миръ. Съ тѣхъ поръ идутъ уже непрерывныя сношенія между Черной Горой и Россіей. Авторитетъ Русскаго царя въ Черногорскомъ народѣ былъ столь силенъ, что имъ воспользовался неизвѣстный бродяга, выдавшій себя за Русскаго царя Петра III и, вслѣдствіе того, принятый Черногорцами за князя, подъ вымышленнымъ именемъ Степана Малаго. Изъ современныхъ намъ эпическихъ Черногорскихъ пѣсенъ видно, что народъ этотъ смотритъ на свою землю и землю Русскую, какъ на одно государство, а своего князя считаетъ подручникомъ «христіанскаго» или «Славянскаго царя» [2]).

Послѣ Петра В. довольно ясно понимала племенное единство Славянъ Екатерина II, особенно въ своей Русско-Польской политикѣ. Что касается Турецкихъ Славянъ, то они какъ будто были нѣсколько сокрыты отъ ея проницательнаго глаза ширмою Греческой народности. Въ то время этнографическія свѣдѣнія были еще мало распространены, и немногимъ было извѣстно, что Балканскій полуостровъ населенъ Славянами, а не Греками, которые занимаютъ лишь южную, приморскую его часть.

Съ конца XVIII и начала XIX в. начинается новый періодъ въ развитіи Славянскаго самосознанія. Въ двухъ великихъ Славянскихъ историко-филологическихъ школахъ полагаются болѣе прочныя основанія Славянской наукѣ, а чрезъ нее и Славянской жизни.

Одна изъ этихъ школъ группировалась вокругъ Добровскаго и Коллара, а другая вокругъ Востокова и Хомякова. Каждая изъ нихъ имѣла своихъ предшественниковъ, своихъ учителей и своихъ учениковъ. Словаки и Чехи поставили самый значительный контингентъ для школы западной: Юнгманъ, Шафарикъ, Ганка, Челяковскій, Эрбенъ, Голый, Сладковичъ, Штуръ, Гурбанъ, Годжа, Кузмани, Францисци, Гаттала и мн. др. Изъ Поляковъ лишь немногіе посвятили себя Славистикѣ: Линде, Ходаковскій, Суровецкій, Мацѣевскій и др.

---

[1]) Грлица Календар Црногорски за 1885 г. 76 — 85 стр. Ср. «Огледало Србско». Бѣлградъ. 1845. стр. 24.

[2]) Вук С. Караджич: «Српске народне піесме» Беч. 1865. V т. 1 пѣсня

Изъ юго-Славянскихъ ученыхъ наиболѣе заслугъ въ исторіи науки о Славянствѣ оказано Словенцами Копитаромъ и Миклошичемъ, которые тоже примыкаютъ къ школѣ Добровскаго, хотя и не безъ особыхъ примѣсей оффиціознаго характера.

Русская школа славистовъ своимъ патріархомъ считаетъ Востокова, хотя многими своими развѣтвленіями она примыкаетъ и къ другимъ именамъ: Болтина и Карамзина, Новикова и Румянцева, Калайдовича и Шишкова и др. Послѣ нихъ начатое дѣло было продолжено довольно успѣшно новымъ поколѣніемъ, при чемъ, важное вліяніе на развитіе Русской школы славистовъ имѣло основаніе Славянскихъ каѳедръ при Русскихъ университетахъ. Впрочемъ, это вліяніе въ нѣкоторыхъ университетахъ нѣсколько ослаблялось слишкомъ археологическимъ направленіемъ преподаванія, обусловленнымъ отчасти самими уставами нашихъ университетовъ, отчасти же, и личными наклонностями преподавателей. Во всякомъ случаѣ, при всемъ нашемъ уваженіи къ именамъ Шафарика и Юнгмана, Челяковскаго и Эрбена и др., мы не можемъ согласиться съ тѣми, которые приписываютъ однимъ только Чехамъ всю заслугу въ дѣлѣ возрожденія и утвержденія славяновѣдѣнія, игнорируя, при этомъ, Русскую школу славистовъ.

Обозначая основателей каждой изъ двухъ школъ Славяновѣдѣнія, я привелъ двѣ пары именъ, представляющихъ нѣкоторую взаимную аналогію: Добровскій на западѣ представляетъ собою параллель Востокову на востокѣ, а Словацкій поэтъ Колларъ—нашему Хомякову. Оба послѣдніе заслуживаютъ названія «пророковъ панславизма». Что касается вопроса о политическихъ отношеніяхъ разныхъ Славянскихъ группъ между собою въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, то въ этой области многіе коренные вопросы не мало разъяснены уже въ теоріи и въ жизни особенно двумя лицами: нашимъ за-Карпатскимъ единоплеменникомъ А. И. Добрянскимъ и покойнымъ Словацкимъ мыслителемъ и дѣятелемъ Людевитомъ Штуромъ.

Замѣчательное сочиненіе г. Данилевскаго «Европа и Россія» показываетъ, что идея все-Славянства теперь достигла уже значительной степени своего внутренняго развитія, что она уже можетъ быть приведена и къ философскимъ ея основаніямъ, и къ историческимъ примѣненіямъ. Для послѣдняго много новыхъ и важныхъ указаній разсѣяно и въ сочиненіи В. И. Ламанскаго: «Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ» (Спб., 1871).

Въ этихъ двухъ, какъ и нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ

Русскихъ сочиненіяхъ, мы находимъ уже органическое сліяніе двухъ философско-историческихъ теорій: восточнаго славянофильства и западнаго панславизма.

Не стану здѣсь распространяться объ историческомъ образованіи, какъ той, такъ и другой теоріи и о способахъ происходящаго на нашихъ глазахъ ихъ сліянія въ одно русло. Скажу только, что одинъ изъ результатовъ этого сліянія, именно принятіе нѣкоторыхъ общихъ началъ для духовнаго соединенія всѣхъ вѣтвей Славянскаго племени, представляется врагамъ Славянства дѣломъ столь серьезнымъ и опаснымъ для ихъ господства надъ Славянскимъ міромъ, что опроверженіе этихъ началъ вызвало цѣлую обширную литературу и рядъ правительственныхъ мѣропріятій со стороны анти-Славянскихъ государствъ.

Но событія идутъ своимъ чередомъ; ихъ уроки гораздо убѣдительнѣе, а сила — неотразительнѣе. Какъ бы краснорѣчиво ни доказывали Итальянцы Далматинцамъ, а Нѣмцы — Чехамъ и Полякамъ преимущества провинціальной и государственной разрозненности разныхъ вѣтвей одного племени, однако ни Сербы, ни Чехи не могутъ повѣрить имъ въ томъ, видя, что сами Итальянцы и Нѣмцы всѣми силами стремятся къ племенному объединенію, т. е., къ тому самому, что представляютъ неразумнымъ и вреднымъ въ примѣненіи къ Славянамъ.

Итакъ, на предложенный нами вопросъ: было ли племенное единство Славянства не только міровымъ явленіемъ, но и фактомъ сознанія, мы должны отвѣтить утвердительно. Все-Славянское сознаніе проявлялось въ исторіи въ разныхъ степеняхъ ясности и опредѣленности, но никогда и нигдѣ совершенно не исчезало. Въ послѣднее же время оно уже заняло видное мѣсто въ міровой наукѣ и жизни. Въ этомъ заключаются историческія преданія славяновѣдѣнія.

IV.

Мѣсто, занимаемое Русскимъ народомъ въ ряду Славянскихъ народностей.

Первымъ центромъ Славянства, въ смыслѣ политическомъ и культурномъ, первымъ его представителемъ въ средѣ международной было Великоморавское царство IX в. Въ началѣ X в., этотъ центръ или представительство Славянъ переходитъ на югъ, въ Болгарію царя Симеона. Затѣмъ, спустя столѣтіе, самымъ блестящимъ и сильнымъ

Славянскимъ государствомъ было Польское, при Болеславѣ Храбромъ. Въ XIII в., сила опять на нѣкоторое время сосредоточивается въ Болгаріи Асѣней, а, затѣмъ, въ XIV в., переходитъ въ Сербію Душана. Но это былъ послѣдній цвѣтъ самостоятельности юго-Славянскихъ государствъ. Со второй половины XIV в. и до половины почти XV в., первенствующее мѣсто въ средѣ Славянъ занимала Чехія, сначала Карла IV, а потомъ, Гуситская. Затѣмъ, на слѣдующія 200 лѣтъ эта роль какъ будто переходитъ отъ Чехіи къ Польшѣ, считавшейся въ XVI в. однимъ изъ сильнѣйшихъ и образованнѣйшихъ государствъ Европы. Въ XVII в. Польша теряетъ свои жизненныя силы и всѣ надежды Славянства все болѣе и болѣе начинаютъ сосредоточиваться на государствѣ и народѣ Русскомъ. Уже Крижаничъ, въ половинѣ XVII в., пришелъ къ убѣжденію, что Русскій народъ «всѣмъ остальнымъ Славянскимъ есть начало и корень». Эту политическую теорію онъ старался оправдать и исторически, между прочимъ, доказывая, что всѣ Славянскіе народы вышли изъ теперешней Россіи, слѣдовательно, должны считаться какъ бы колонистами этой все-Славянской митрополіи. Со временъ Петра В. и Екатерины II, послѣ грознаго возвышенія Россіи и паденія послѣдняго западно-Славянскаго государства Польши, первенствующая роль Россіи въ Славянствѣ становится фактомъ неоспоримымъ. И это первенство Россіи въ Славянствѣ не можетъ быть сравниваемо, напр., съ гегемоническимъ положеніемъ Аѳинъ или Спарты въ союзѣ государствъ и народностей древне-Греческихъ, или съ преобладающимъ положеніемъ Испаніи XVI в., Франціи XVII и XVIII вв. и т. д. въ западной Европѣ. Отношенія силъ государствъ Греческихъ или западно-Европейскихъ никогда не представлялись столь несоизмѣримыми, какъ современныя отношенія силъ разныхъ Славянскихъ народностей въ сравненіи съ Русскою.

Возьмемъ, напр., пространство территоріи и численность населенія Русскаго народа, съ одной стороны, и всѣхъ другихъ Славянскихъ — съ другой.

Территорія Русскаго государства (съ внутренними морями) теперь занимаетъ болѣе 389,311 кв. м. [1]). Если изъ этого числа вычесть часть территоріи Привислинскаго края, примѣрно въ 1,700 кв. м. [2]), затѣмъ,

---

[1]) Обручевъ И. И. «Военно-Статистическій Сборникъ». Россія. Спб. 1871, стр. 23.

[2]) Вся территорія Привислинскаго края занимаетъ 2,216 кв. г. м. Но въ этомъ числѣ, по меньшей мѣрѣ, 500 кв. м. земли, населенной не Поляками, а Русскими и

всю Финляндію (6,835 кв. м.), половину Кавказа (4,000 кв. м.) и весь Туркестанскій край (15,000 кв. м.), то территорія, занимаемая Русскимъ народомъ все еще будетъ составлять до 361,776 кв. м. [3]). Между тѣмъ, къ ней надо еще присоединить до 1,000 кв. г. м., занимаемыхъ Русскимъ народомъ въ Галиціи и Буковинѣ, до 500 кв. г. м. въ сѣверовосточной Угорщинѣ и пространство, занятое Русскими въ низовьяхъ Дуная, какъ на сторонѣ Молдавской (около Измаила; въ Буджакѣ), такъ и на Турецкой (у Тульчи, въ Добруджѣ). Это пространство, занимаемое Русскимъ народомъ внѣ Русскаго государства, превыситъ вычтенную нами площадь Привислинскаго края въ Россіи. Итакъ, Русская территорія, въ смыслѣ этнографическомъ, т. е., территорія съ большинствомъ Русскаго населенія, во всякомъ случаѣ, будетъ составлять до 363,000 кв. г. м., т. е., въ 15 разъ болѣе, чѣмъ территорія всѣхъ остальныхъ Славянскихъ народовъ, вмѣстѣ взятыхъ, которая не превышаетъ 20,000 кв. м. Но если бы мы забыли про Русскія колоніи въ Закавказьи, Туркестанѣ и Сибири, про Русскій народъ въ предѣлахъ нынѣшняго Привислинскаго края, про Русское господство въ Финляндіи, про Русское населеніе въ Австро-Венгріи, Молдавіи и Турціи, то, и въ такомъ случаѣ, территорія Русскаго племени еще обнимала бы до 86,000 кв. м., т. е., вчетверо болѣе, чѣмъ территорія всѣхъ остальныхъ Славянскихъ народовъ въ совокупности. Конечно, на Русской территоріи есть много пространствъ безплодныхъ (тундры, степи, солончаки). Но, во 1-хъ, они безплодны лишь условно, какъ нѣкогда были безплодны дюны Голландіи, или болота Познани и Западной Пруссіи; во 2-хъ, и на территоріи остальныхъ Славянъ есть пространства земли бѣдной и непроизводительной (горы и скалы, степи и топи и т. п.). Но какая изъ Славянскихъ земель соединяетъ въ себѣ такое разнообразіе условій жизни и развитія, какъ земля Русская? Земля, населяемая Польскимъ племенемъ, не имѣетъ вина и кукурузы, Чешская—соли и моря, Словацкая—хлѣба; Истрія, Герцеговина и Черная гора много страдаютъ отъ бездождія и безводія, Македонія отъ безлѣсья, и всѣ онѣ лишены широ-

---

Литовцами, въ губерніяхъ: Люблинской, Сѣдлецкой, Ломжинской и Сувалкской. Для Польскаго племени останется въ Россіи не болѣе 1,700 кв. г. м.

[3]) Въ Сибири Русскіе теперь составляютъ уже абсолютное большинство населенія, именно: 2,300,000 изъ 4,427,922 всего населенія Сибири. (Тамъ же, стр. 46 и 99). На Кавказѣ Русскіе (860 т.) не составляютъ большинства абсолютнаго, но относительное, даже въ сравненіи съ Грузинами (850 т.). Тамъ же, стр. 99.

каго горизонта, выходовъ въ разныя стороны — и на сѣверъ, и на югъ, и на западъ, и на востокъ, что представляетъ Русская земля. Нѣтъ въ мірѣ другой земли, столь независимой отъ другихъ, по изобилію средствъ жизни и такъ огражденной природою, то горами, то морями! Развѣ Китай можетъ помѣряться съ Россіею. Но и Китай въ этомъ отношеніи не сравнится, если мы будемъ разсматривать, какъ одно цѣлое, землю не только Русскую, но и всю Славянскую, и, притомъ, Славянскую въ широкомъ смыслѣ; т. е., землю Славянства, какъ особаго культурнаго міра...

Такими же несоизмѣримыми величинами представляются народъ Русскій съ одной стороны, и любой изъ Славянскихъ съ другой — по численности населенія. Даже сумма населенія всѣхъ Славянскихъ народностей, вмѣстѣ взятыхъ (около 29 мил.), не только не превышаетъ численности одного народа Русскаго (61 мил.), но не составляетъ и половины его, относясь къ нему, какъ 29 : 61, т. е., составляя 47,5%. Самое же многочисленное изъ ино-Славянскихъ — Польское племя составляетъ лишь 15,5% численности Русскаго племени; Сербо-Хорватское племя: 9,6%; Болгарское: 8,3%; Чехо-Моравское: 8,3%; Угро-Словенское: 3,6%; Хорутано-Словенское: 2,09%; племя же Нижне-Лужицкое едва составляетъ 0,06% [1]).

Такимъ образомъ, и съ точки зрѣнія этнографической статистики племя Русское, по своей величинѣ, находится въ такомъ отношеніи къ другимъ Славянскимъ племенамъ, въ какомъ въ мірѣ астрономическомъ, напр., Солнце къ своимъ спутникамъ: Юпитеру, Сатурну, Землѣ и т. д.

Въ политическомъ отношеніи Россія въ настоящее время принадлежитъ къ числу первоклассныхъ міровыхъ державъ, наравнѣ съ Англіей и Соединенными Штатами. Въ средѣ же государствъ Славянскихъ, Россія является единственнымъ великимъ и независимымъ, такъ какъ, изъ двухъ другихъ современныхъ самостоятельныхъ Славянскихъ государствъ, одно (Черная Гора) не можетъ претендовать на званіе великаго, а другое (Сербія) и на званіе независимаго. Да и самымъ существованіемъ своимъ они тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ Россіею, откуда, сами часто того не замѣчая, почерпаютъ и свои силы нравственныя, и поддержку въ области международной.

Но, могутъ замѣтить намъ, культурная сила народа опредѣляется и измѣряется не его территоріею, многочисленностію и политическимъ

---

[1]) Ср. мои «Статистич. таблицы», стр. 4.

могуществомъ, а степенью его дарованій, энергіею ума и воли, богатствомъ языка, развитіемъ наукъ и искусствъ, общественною организаціею, высотою идеаловъ и т. д.

Можетъ ли и въ этихъ областяхъ Русскій народъ сравняться съ другими Славянскими и занять между ними серединное положеніе?

Люди, которые хотятъ разубѣдить въ этомъ себя и другихъ, обыкновенно, ссылаются на теорію пана Духинскаго о туранизмѣ Великорусской вѣтви нашего племени, въ предположеніи, что этимъ самымъ произносится осужденіе всему историческому призванію Россіи. При этомъ считается несомнѣннымъ историческимъ положеніемъ, что одни Арійцы способны къ высшей культурѣ, тогда какъ другія расы стараго свѣта осуждены на подчиненную имъ роль. Но предположимъ, что Русскіе, дѣйствительно, суть Туранцы: кто же доказалъ, что Арійцы имѣютъ монополію культурной жизни? Развѣ не было культуръ: Китайской, Еврейской, Арабской, Мексиканской и, въ извѣстной сферѣ, Турецкой (XVI в.)? И чѣмъ же доказанъ этотъ туранизмъ Руси? Слѣдами инородцевъ Финскаго и Татарскаго происхожденія на теперешней почвѣ Русскаго племени? Но развѣ была какая нибудь страна, въ которой бы Арійцы, при своемъ поселеніи, не нашли уже болѣе древнихъ слоевъ, которыхъ остатки въ иныхъ мѣстахъ уцѣлѣли и до нашихъ дней (Баски, Этруски, Дравидасы въ Индіи и т. д.). Или это можно доказать нѣсколькими десятками Чудско-Татарскихъ словъ въ Русскомъ языкѣ? Но развѣ не во сто разъ болѣе такихъ словъ въ нарѣчіяхъ Болгарскомъ и Сербскомъ, а отчасти и Словацкомъ (изъ Мадьярскаго), и, однако, эти нарѣчія и народности считаются Арійскими!

Никто изъ Русскихъ ученыхъ и не оспариваетъ факта существованія инородческихъ примѣсей въ крови Русскаго народа, какъ и вообще нѣтъ въ мірѣ расъ чистыхъ, несмѣшанныхъ, подобно тому, какъ въ природѣ химическіе элементы почти всегда являются въ смѣшеніи и очень рѣдко въ чистомъ видѣ. Но эти этнологическія помѣси безпристрастными антропологами и этнографами считаются однимъ изъ условій улучшенія народныхъ типовъ, ихъ большей даровитости, какъ это видно на самомъ смѣшанномъ изъ западно-Европейскихъ народовъ, именно—на Англичанахъ.

Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи совершенно устраняется причина, по которой можно бы, апріорически, признать Русскій народъ расою низшею, а всѣ другіе Славянскіе народы принадлежащими къ высшей расѣ.

Но, быть можетъ, есть возможность доказать тоже самое изъ фактовъ историческихъ, а posteriori?

Думаю, что благородство или неблагородство, даровитость или бездарность одного Славянскаго народа въ сравненіи съ другимъ такъ же трудно доказать исторически, какъ и разные предразсудки дворянъ о преимуществахъ ихъ крови и мозга предъ недворянами. Всѣ они братья; всѣ сыновья, а не пасынки одной великой метери; всѣ равно благородны и равно даровиты, хотя дарованія эти не всюду развивались при обстоятельствахъ равно благопріятныхъ и въ направленіяхъ тожественныхъ. Каждый изъ Славянскихъ народовъ имѣлъ день своей славы и день своихъ несчастій.

Признакомъ же громадной нравственной силы Русскаго народа, энергіи его духа служитъ уже самый фактъ созданія Русскаго государства, обрусенія массы инородцевъ, занятія столь обширной территоріи, —смѣлый порывъ въ безвѣстную даль, за моря, степи и горы, и, наконецъ, то страшное самоотверженіе, которое Русскій народъ не разъ приносилъ идеѣ государства, въ періодъ Грозныхъ, Смутъ, Петра Великаго, народной войны 12-го года и, наконецъ, недавно подъ стѣнами Севастополя. Въ этомъ отношеніи, Русскій народъ, по энергіи воли, въ всемірной исторіи можетъ быть сравненъ развѣ съ древними Римлянами, да съ Англичанами въ новый періодъ. Разница же здѣсь та, что политическія завоеванія Россіи отличаются большею гуманностію, чѣмъ Римскія, и большею прочностію, чѣмъ Англійскія. Они представляютъ результатъ скорѣе мирной колонизаціи, чѣмъ военныхъ захватовъ, и имѣютъ характеръ распространенія гражданственности, а не торговой эксплоатаціи занятыхъ областей.

Послѣ государства, вторымъ нагляднымъ выраженіемъ народнаго генія служитъ его языкъ и произведенія народной словесности. Извѣстно, что Славянскій языкъ, какъ одинъ изъ Арійскихъ, принадлежитъ, къ числу языковъ высшей формаціи; между его нарѣчіями Русское есть самое обширное и богатое. Нѣкоторые считаютъ Сербское нарѣчіе благозвучнѣе Русскаго, потому что въ немъ рѣдки накопленія согласныхъ и преобладающая гласная есть *а*, которая считается нѣкоторыми самою благозвучною изъ гласныхъ. Но никто не доказалъ, чтобы и Русскій языкъ допускалъ звукосочетанія какофоническія. Звукъ же *а* еще чаще употребляется въ акающемъ (литературномъ) говорѣ Русскаго языка, чѣмъ въ Сербскомъ. Если же и признать преимущество нарѣчій Сербо-Хорватскаго и Чехо-Словенскаго

предъ Русскимъ, по присутствію въ первыхъ слоговой метрики (т. е. количественныхъ отношеній гласныхъ), чего нѣтъ въ послѣднемъ, то, во 1-хъ, это преимущество не очень существенное и, во 2-хъ, не очень прочное, такъ какъ изъ исторіи языка видно, что метрика всюду гибнетъ въ Арійскихъ языкахъ и, конечно, исчезнетъ со временемъ въ нарѣчіяхъ Сербскомъ и Чешскомъ такъ же точно, какъ она исчезла уже въ языкѣ Русскомъ. Съ другой стороны, если въ тягучести Славянскихъ нарѣчій съ долгими гласными есть своего рода музыкальная прелесть, то и въ отрывочности и краткости Русскаго выговора нельзя не видѣть преимущества силы и экономіи времени, какъ это замѣчается, напр., и въ Англійскомъ языкѣ въ сравненіи съ другими западно-Европейскими.

Не подлежитъ, далѣе, сомнѣнію, что нѣкоторыя Славянскія нарѣчія сохранили такія этимологическія формы, которыя утрачены Русскимъ языкомъ (напр., аористы, двойственное число, звательный падежъ и т. д.); но трудно доказать, что новый способъ выраженія этихъ логическихъ оттѣнковъ, посредствомъ глагольныхъ видовъ, или предложныхъ сочетаній и т. п. хуже и неудобнѣе прежняго.

Что касается, затѣмъ, лексикальнаго богатства Русскаго языка, взятаго въ его діалектическихъ развѣтвленіяхъ и историческомъ развитіи, то это богатство такъ неисчерпаемо, что не только въ средѣ Славянскихъ, но и въ средѣ всѣхъ Арійскихъ языковъ Русскій не боится никакого соперничества. Достаточно сравнить словарь Даля съ любымъ словаремъ живаго языка, чтобы убѣдиться въ этомъ. Русскій словарь на столько обширнѣе каждаго другаго Славянскаго, на сколько Русская территорія разнообразнѣе любой изъ Славянскихъ земель, на сколько обстановка быта и характеръ занятій, а слѣдовательно, и понятій Русскаго народа разностороннѣе быта и понятій каждаго другаго Славянскаго народа.

Не лишена важности та особенность въ составѣ и строеніи Русскаго языка, по которой онъ представляется среднимъ членомъ или связующимъ звѣномъ между діалектическими крайностями Славянскаго запада и юга. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ одни филологи причисляли Русскій языкъ къ юго-восточнымъ Славянскимъ нарѣчіямъ (Добровскій, Шафарикъ), другіе сближали его съ сѣверозападными (Катанчичъ, Копитаръ). Это разногласіе произошло оттого, что, какъ

*

вѣрно замѣтилъ Востоковъ [1]) еще въ 1820 г., «Русскій языкъ составляетъ средину между восточными и западными Славянскими діалектами, и что самое племя Славянъ, заселившихъ Россію, жило нѣкогда въ срединѣ между восточнымъ и западнымъ поколѣніемъ». Разными своими вѣтвями Русскій языкъ сближается то съ нарѣчіемъ Болгарскимъ (Великорусскіе говоры), то съ Сербскимъ (Малорусскіе), то съ Польскимъ (Бѣлорусскіе), то съ Словацкимъ (Червонорусскіе). Это одно придаетъ уже Русскому языку характеръ, до извѣстной степени, международный въ средѣ Славянскихъ говоровъ, дѣлаетъ изъ него какъ бы взаимный мостъ отъ одного изъ нихъ къ другому.

Такой же мостъ представляетъ Русскій литературный языкъ между говорами настоящаго поколѣнія Славянъ и давнопрошедшими, храня въ себѣ вѣрно и любовно всѣ древнія наслоенія, завѣты первыхъ основателей Славянской письменности и всѣхъ ихъ продолжателей.

Этотъ консерватизмъ Русскаго литературнаго языка, эта непрерывность его преданій и его развитія служатъ залогомъ и крѣпости его построенія, и глубокихъ его связей съ народнымъ духомъ, а равно и твердымъ основаніемъ для дальнѣйшаго его развитія. Въ этомъ заключается великое преимущество Русскаго литературнаго языка предъ всѣми другими Славянскими, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ похвалиться тысячелѣтними преданіями, ни одинъ не развивался безостановочно и непрерывно, а нѣкоторые лишь въ XIX в. возникли изъ живыхъ говоровъ, какъ напр., Сербскій, Болгарскій, Угро-Словенскій, слѣдовательно, еще не могутъ имѣть ни историческихъ преданій, ни той инерціи развитія, которая дается вѣками опредѣленной и настойчивой работы цѣлаго ряда поколѣній.

Но, быть можетъ, Россія встрѣтитъ между Славянами опасныхъ соперниковъ на поприщѣ наукъ и искусствъ? Да, были вѣка, когда не Россія первенствовала въ этой области. Въ XIV вѣкѣ Чехія была центромъ образованія не только для всего западнаго Славянства, но и для всей средней Европы. Въ 16 вѣкѣ съ большимъ блескомъ развивается литература у Далматинцевъ и Поляковъ Сигизмундовскаго періода. Но съ 17 в. развитіе литературы слабѣетъ и на западѣ и на югѣ, и въ половинѣ этого вѣка Крижаничъ считаетъ уже Россію единственною страною, гдѣ возможно развитіе Славянской науки и литературы. Съ 18 в. Россія постепенно поравнялась съ своими

[1]) «Филологическія наблюденія» А. Х. Востокова. Спб. 1865, стр. 15.

западными соплеменниками, и противъ каждаго знаменитаго въ наукѣ или литературѣ западно-Славянскаго имени можетъ поставить нѣсколько равносильныхъ Русскихъ. Я знаю, что нѣкоторые Польскіе и Чешскіе патріоты не допускаютъ этого сравненія, ссылаясь на нѣсколькихъ замѣчательныхъ своихъ ученыхъ и поэтовъ, равносильныхъ которымъ они не желаютъ видѣть между Русскими. Однако, безпристрастная критика даже иностранцевъ — Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ — все больше начинаетъ признавать міровое значеніе науки и литературы Русской, тогда какъ даже сами Славяне не претендуютъ на всемірно-историческое значеніе литературъ Польской, Чешской, Сербской и др. Но еслибы даже и согласиться съ тѣмъ, что Мицкевичъ, Красинскій и Словацкій выше Пушкина, Гоголя и Лермонтова, а Челяковскій и Эрбенъ выше Грибоѣдова и Крылова, или что исторіографы и натуралисты Польскіе и Чешскіе гораздо выше Русскихъ (чего, мы съ своей стороны, нигдѣ не видимъ), то и тогда нужно бы признать, что это явленіе временное и случайное, такъ какъ невозможно допустить, чтобы народъ даровитый, самостоятельный въ отношеніи политическомъ, многочисленный, молодой и свѣжій, сплоченный духовно, имѣющій десятки высшихъ и сотни или тысячи среднихъ учебныхъ заведеній, громадныя библіотеки и музеи, обширный физическій, политическій и философскій горизонты, — чтобы такой народъ могъ уступить въ умственной производительности любому Славянскому народу, напр., Польскому, хотя тоже даровитому, но не имѣющему своего государства, раздѣленному политически и соціально, лишенному многихъ необходимыхъ пособій и воспитательныхъ средствъ и ограниченному въ своемъ умственномъ кругозорѣ самыми условіями жизни настоящей и прошедшей.

Говорю это не для того, чтобы возбуждать безполезную зависть между братьями, а единственно для того, чтобы показать неосуществимость надежды, будто какая нибудь изъ Славянскихъ народностей можетъ еще соперничать съ Русскою въ научно-литературной области.

Многіе предполагаютъ, будто западно- и южно-Славянскіе народы далеко опередили Русскихъ въ развитіи общественно-экономическомъ. Я согласенъ признать, что отдѣльныя ихъ вѣтви дѣйствительно достигли болѣе высшаго развитія въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ частяхъ сельско-хозяйственной и промышленной дѣятельности. Особенно это относится къ Чехо-Моравамамъ, которые въ промышленномъ развитіи, въ нѣкоторыхъ частяхъ своей территоріи, дѣйствительно напомина-

ютъ уже Бельгію, или Швейцарію. Но цвѣтущая промышленность страны не есть еще синонимъ правильнаго экономическаго ея развитія. Послѣднее находится въ непосредственной зависимости отъ правильныхъ или неправильныхъ аграрныхъ и другихъ имущественныхъ отношеній населенія. Экономическій строй Чехіи представляетъ, въ результатѣ, выводы не особенно утѣшительные: почти половина поземельной собственности скоплена въ рукахъ нѣсколькихъ сотъ аристократическихъ фамилій; капиталы сосредоточены въ карманахъ немногихъ дюжинъ банкировъ; масса безземельнаго батрачества; чрезвычайно густое населеніе нѣкоторыхъ краевъ, производящее непрерывную эмиграцію! Едва ли такому экономическому строю можно отдать преимущество передъ современными экономическими отношеніями массъ Русскаго населенія. Меньше фабрикъ и заводовъ, за то больше земли и неба, болѣе открытаго воздуха, болѣе свободы занятій, развивающихъ народъ своимъ разнообразіемъ, а не подавляющихъ душу и тѣло (какъ на фабрикахъ) своею механичностію и однообразіемъ.

Что касается нашихъ общественныхъ порядковъ, нашихъ формъ народнаго самоуправленія, суда и расправы, то, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, при всей путаницѣ отживающаго стараго и наростающаго новаго, все таки и теперь можно указать много сторонъ, которыми онѣ превосходятъ формы суда и управленія даже самыхъ образованныхъ ино-Славянскихъ земель. Наши земскія собранія никогда не играютъ такихъ кукольныхъ комедій, какъ, напр., сеймы Галиціи, Буковины, Чехіи, Угорщины и т. д., которые постоянно и съ большимъ успѣхомъ аргументируютъ математическую теорему, что 2 болѣе 4-хъ, а 5 болѣе 8 и т. д. Нашъ судъ присяжныхъ никогда еще не дѣлался орудіемъ политическихъ партій, какимъ онъ служитъ въ тѣхъ же самыхъ странахъ. Наша податная система, при всей ея неудовлетворительности и непослѣдовательности, все еще гораздо снисходительнѣе Австрійской, или Турецкой.

Есть, затѣмъ, еще одна сторона жизни, въ которой Россія является центромъ не только все-Славянскимъ, но и всемірнымъ. Она есть центръ православія. Въ ней одной въ настоящее время сосредоточено, по крайней мѣрѣ, двѣ трети православнаго христіанства, именно до 57 мил. изъ 85 мил. всего числа православныхъ [1]). Остальные православные

---

[1]) Кольбъ въ своей статистикѣ считалъ лишь 80 мил. православныхъ; но онъ, очевидно, исключалъ изъ этого числа уніатовъ и раскольниковъ, которыхъ мы тоже причисляемъ къ церкви восточной или Греко-Славянской.

Славяне (Болгары, Сербы) едва составляютъ 7.662,000, т. е. не болѣе 9% всего числа православныхъ христіанъ. Греки же едва составятъ 3,5%, такъ какъ численность ихъ племени теперь нельзя полагать болѣе 3 мил.

Не удивительно, что Россія служитъ теперь, какъ нѣкогда Византійская Имперія, призваннымъ и признаннымъ покровителемъ всего православнаго міра. Въ переговорахъ о соединеніи церквей старо-католической и англиканской съ одной стороны и православной съ другой—Русскіе депутаты являются главными представителями идей и интересовъ послѣдней. Отъ этого, конечно, ничего не теряютъ въ своемъ почетѣ и вліяніи старые патріаршескіе престолы востока, но, все таки, всемірнымъ центромъ православія является теперь уже Москва, а не Царьградъ и не Іерусалимъ...

И такъ, Русскій народъ является сильнѣйшимъ и срединнымъ въ Славянствѣ; всѣ остальныя Славянскія народности группируются около него, какъ вѣтви этого срединнаго ствола, какъ окраины нашего міра. Слѣдовательно, наше Русское отечествовѣдѣніе есть главная часть или средоточіе общей науки славяновѣдѣнія.

V.

Нѣтъ ли, кромѣ Славянъ, еще такихъ инородческихъ племенъ, которыя бы приближались къ нимъ въ отношеніяхъ этнографическомъ и историческомъ?

На территоріи, занятой Славянами, какъ большинствомъ населенія, разсѣяно много инородческихъ племенъ. По признакамъ этнографическимъ и историческимъ, они распадаются на два отдѣла: 1) на инородцевъ, имѣющихъ свои особые центры племенные и культурные, каковы, напр., Итальянцы, Нѣмцы, Шведы, Евреи, и 2) на инородцевъ, не имѣющихъ такихъ самостоятельныхъ своихъ центровъ, а примыкающихъ къ этнографическимъ и историческимъ центрамъ Славянъ. Сюда относятся: Литовцы, Румуны и Цинцары, Албанцы и Греки, Цыгане и Армяне, Турки и Татары, Мадьяры и вся Чудь, Грузины и другіе Кавказцы. Первые принадлежатъ Славянству лишь въ смыслѣ географическомъ; въ отношеніи же историческомъ они составляютъ интегральную часть соотвѣтствующаго племени: Романскаго, Германскаго и т. п. Лишь полная ихъ ассимиляція

одному изъ Славянскихъ племенъ, путемъ измѣненія языка и смѣшенія крови, отрываетъ ихъ окончательно отъ тѣхъ внѣшнихъ центровъ и вводитъ въ Славянство. Другое дѣло съ инородцами втораго рода: они всецѣло принадлежатъ нашему міру и внѣ его не имѣютъ ни исторіи, ни причинъ существованія. Они являются лишь спутниками нашей культурной системы и сіяютъ отраженнымъ свѣтомъ нашего солнца. Каждый великій историческій народъ имѣлъ такихъ спутниковъ: Греки—Иллиро-Ѳракійцевъ, Романцы—Кельтовъ, Славяне—Литовцевъ, Волоховъ, Чудь и т. д.

Сродство послѣднихъ со Славянами можно доказать и этнографическимъ, и историческимъ путемъ.

Изъ исторіи извѣстно, что Лѣты или Литовцы нѣкогда занимали гораздо болѣе пространства, чѣмъ теперь. Большая часть ихъ территоріи либо обрусѣла (на в. и юв.), либо ополячилась (на ю.), либо онѣмечилась (на з). Въ настоящее время въ Россіи Лѣтовъ считается еще до 2.343,000 и въ Пруссіи 144,500 [1]. Изъ этого видно, что главная ихъ масса живетъ подъ непосредственными воздѣйствіями культуры Славянской, хотя, къ сожалѣнію, нѣкоторыя мѣстныя условія, особенно католицизмъ и германизмъ, затрудняютъ быстрое распространеніе между Лѣтами этой культуры.

Всѣ славныя историческія преданія Литовскаго племени связаны съ борьбою противъ Нѣмцевъ, которую оно вело при помощи Русскихъ и, отчасти, Поляковъ. Русскія стихіи до того были сильны въ старой Литвѣ временъ Ольгерда и Витовта, что православіе уже проникало въ княжескую семью, а Русскій языкъ былъ оффиціальнымъ языкомъ Литовскаго княжества. Впослѣдствіи, союзъ Литвы съ Польшею вытѣснилъ православіе; связи Литовскаго народа съ Русскимъ ослабѣли и въ политическомъ отношеніи: позднѣйшія поколѣнія Литовцевъ совершенно прониклись Польскимъ патріотизмомъ, который, отчасти, и донынѣ поддерживается тамъ вліяніемъ пановъ и ксендзовъ. Въ послѣдніе годы, однако, Русская школа сдѣлала тамъ значительные успѣхи, и нѣтъ сомнѣнія, что Литовцы, современемъ, будутъ такими же полезными сотрудниками Славянства, какими они уже заявили себя въ блестящій вѣкъ Ольгерда.

Волохи всѣми своими преданіями еще сильнѣе связаны съ Славянствомъ. Въ ихъ языкѣ осталось едва 50% Латинскихъ словъ, осталь-

[1] «Военно-Статист. Сб.» «Россія», стр. 99; Kolb, Statistik. Lpz. 1868. 47 pag.

ныя взяты изъ иностранныхъ языковъ (преимущественно же изъ Славянскаго [1]). Славянскій языкъ долгое время былъ у Валаховъ оффиціальнымъ языкомъ: на немъ писаны всѣ древнія грамоты; на немъ отправлялось богослуженіе до половины XVII в. (1643). Потомъ, чрезъ вліяніе Семиградскихъ Румуновъ и Австріи, Славянскій языкъ постепенно вытѣсненъ Румунскимъ; но Славянская азбука (Кириллица) и донынѣ употребляется въ Волошскихъ богослужебныхъ книгахъ, хотя въ гражданскомъ употребленіи она замѣнена Латинскою азбукою.

Румыны обязаны Славянамъ всѣми своими культурными пріобрѣтеніями: съ ними и чрезъ нихъ приняли они христіанство въ формѣ восточнаго православія, которое и донынѣ хранятъ благоговѣйно; отъ Славянъ получили письменность и начала гражданственности, какъ видно изъ Румунскихъ терминовъ, обозначающихъ разные предметы ихъ общественной жизни, а именно: господарь, воевода, исправникъ, староста, бояринъ, постельникъ, стольникъ и т. д. Румыны постоянно держались политическихъ союзовъ то съ Болгарами, то съ Русскими, то съ Поляками. Въ XIX в. они освобождены отъ Турокъ Русскими войсками. Даже свой теперешній «органическій регламентъ» они получили отъ временнаго Русскаго управителя Киселева (1830—34 гг.). По своему типу и костюму, Волохи много походятъ на Малороссовъ и за-Дунайскихъ Болгаръ. Народная ихъ музыка мало отлична отъ Украинской. Вообще, надобно признать, что хотя у Румунъ уцѣлѣлъ языкъ Романскій, но въ бытѣ, типѣ и понятіяхъ Волошскій крестьянинъ несравненно болѣе походитъ на Русскаго мужика, чѣмъ на Французскаго пэйзана. Еще болѣе въ этомъ убѣдимся, если сравнимъ характеръ городовъ и селъ, отношенія экономическія и общественныя, идеалы политическіе, жизнь и направленіе народнаго развитія Румуновъ съ одной стороны, а Славянъ и Романцевъ — съ другой. Отъ Романцевъ Волохи отличаются такимъ же множествомъ особенностей, какимъ соединяются съ Славянами.

Замѣчу, наконецъ, что значительное число Румуновъ теперь владѣетъ, кромѣ своего языка, еще однимъ изъ Славянскихъ: Русскимъ въ Молдавіи, Бессарабіи, Буковинѣ, Мармарошѣ; Сербскимъ—въ Банатѣ и княжествѣ Сербіи, Болгарскимъ—въ Валахіи. Но за то много и сосѣднихъ Славянъ владѣютъ, въ свою очередь, языкомъ Ру-

[1]) Diez: «Grammatik der Romanischen Sprachen». 1856. I. Pag. 89, 91. Miklosich: «Die Slavischen Elemente im Rumunischen».

мунскимъ, который дается имъ очень легко и изучается ими весьма охотно и быстро.

Сказанное о Румунахъ или Волохахъ относится въ значительной части и къ ихъ за-Балканскимъ соплеменникамъ Цинцарамъ или Куцо-Влахамъ, населяющимъ окрестности Пинда, Янины и Аспропотамоса; нѣкоторая часть ихъ продолжаетъ вести кочевую, пастушескую жизнь, а иные, какъ ремесленники и цѣловальники, странствуютъ по всей Европейской Турціи. Историческія преданія Цинцаровъ находятся въ какой-то, хотя темной, связи съ исторіею Болгарской династіи Асѣней. Въ бытовомъ отношеніи, Цинцары, подобно Цыганамъ, народъ восточный и гораздо ближе примыкаютъ къ Болгарамъ, чѣмъ къ Итальянцамъ, или Французамъ.

Такимъ образомъ, эти обѣ вѣтви Романскаго племени, въ совокупности составляющія болѣе 8 милл. населенія[1]), тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ къ Славянству, какъ въ племенномъ отношеніи, такъ и по своимъ историческимъ преданіямъ.

Перехожу къ Албанцамъ (Арнауты или Шкипетары). Изслѣдованія проф. Миклошича открыли въ Албанскомъ языкѣ массу Славянскихъ словъ и, притомъ, словъ, существеннѣйшихъ въ языкѣ, употребляемыхъ для обозначенія предметовъ жизни юридической, нравственной и религіозной. Проф. Макушевъ написалъ особое сочиненіе[2]), съ цѣлію изложить процессъ перерожденія Славянъ въ Албанцевъ. Несомнѣнно, что вся ихъ территорія нѣсколько разъ была пронизана Славянскими населеніями. Пограничный городъ Албанской земли— Охрида одно время была даже столицею Болгарскаго царства и Болгарскаго патріархата. Въ Старой Сербіи и Новобазарскомъ пашалыкѣ Албанцы сильно перемѣшаны съ Сербами и лишь религіозное различіе раздѣляетъ ихъ на два противные лагеря.

Отношеніе Ново-Грековъ къ Славянству уже было предметомъ очень оживленной полемики въ 30-хъ годахъ нашего вѣка. Она была возбуждена извѣстнымъ сочиненіемъ Фальмерайера: „Geschichte der

[1]) Лежанъ, въ своей въ этнографіи Турціи, насчитывалъ Волоховъ 7.600,000 (вмѣстѣ съ Австрійскими и Русскими); числа Цинцаръ онъ не обозначаетъ. Ами Буэ насчитывалъ ихъ 300,000; Убичини — 200,000. Но,. по свидѣтельству бывшаго нашего Янинскаго консула А. С. Іонина (нынѣ ген. консула въ Дубровникѣ), Цинцаръ нужно считать несравненно болѣе, такъ какъ въ статистикахъ они цѣлыми сотнями тысячъ показываются подъ именемъ Албанцевъ.

[2]) «Историческія розысканія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка». Варшава, 1871.

Halbinsel Morea" (1830—36. II)[1]), въ которомъ онъ доказывалъ, что нынѣшнее населеніе Эллады и Мореи, этнологически, очень отлично отъ древне-Греческаго, такъ какъ два раза оно подвергалось «матеріальной революціи», именно: вторженію стихій Славянскихъ въ VI в. и Албанскихъ въ XIV в. Это сомнѣніе въ чистотѣ Ново-Греческой расы вызвало сильное негодованіе въ средѣ какъ Ново-Греческихъ писателей, такъ и Европейскихъ филлэллиновъ. Въ нашей литературѣ этотъ вопросъ затронутъ покойнымъ А. Ѳ. Гильфердингомъ въ „Исторіи Сербовъ и Болгаръ" [2]). На основаніи анализа уцѣлѣвшихъ и донынѣ собственныхъ мѣстныхъ именъ въ Эпирѣ, Элладѣ и Мореѣ (напр., въ Мореѣ: Каменица, Сандомиръ, Подгора, Боляры, Варшава и т. п.), авторъ приходитъ къ заключенію, что мнѣніе Фальмерайера имѣетъ много основаній, но что въ этомъ нѣтъ ничего оскорбительнаго для Ново-Грековъ: «для Греческаго народа не должно быть обидно, что въ его организмъ вошло много Славянскихъ стихій; напротивъ, онъ долженъ дорожить этимъ свидѣтельствомъ своей духовной, своей жизненной силы, которая мирно переработала и пріобщила себѣ цѣлыя племена юныхъ пришельцевъ; онъ долженъ дорожить тѣмъ, что въ его жилахъ течетъ не одна кровь растлѣнныхъ рабовъ Рима, нѣкогда смѣнившихъ собою поколѣнія свободныхъ Аѳинянъ и Спартанцевъ, но и кровь того могущественнаго племени, которое одно въ мірѣ имѣетъ право ожидать несравненно бо́льшаго въ будущемъ, чѣмъ сколько дало ему прошедшее».

Въ настоящее время Греки соприкасаются съ Славянами на большомъ протяженіи отъ Солуни до Одессы, непрерывно смѣшиваясь съ ними и съ каждымъ днемъ теряя свою почву, особенно подъ напоромъ Болгарской народности. Въ Малой Азіи Греческій языкъ во многихъ мѣстахъ уже уступилъ Турецкому, но православіе еще связываетъ эти Греческія колоніи съ центрами Греческой народности, а чрезъ нее и Славянской. Нѣкоторые Греческіе политики лелѣютъ мечты о будущемъ величіи своего народа, о возстановленіи Греческой восточной имперіи, но это возстановленіе едва ли уже потребуется: и безъ того восточная имперія существуетъ, хотя господствующій языкъ въ ней и не Греческій. Для трехъ-милліоннаго народа, какъ современные Греки, въ XIX в., не остается другой роли, какъ примкнуть къ какому нибудь

[1]) Ср. его же: «Fragmente aus dem Orient». 1845. II. 367 squ.
[2]) Собраніе сочиненій, I, 281—296.

великому историческому тѣлу. Изъ сосѣднихъ государствъ, по отношенію къ Грекамъ, могла бы обнаружить притяженіе Италія, но религія и старое соперничество раздѣляютъ ихъ между собою. Между тѣмъ, всѣмъ своимъ прошлымъ и настоящимъ, своими торговыми интересами, степенью своего развитія, формами жизни общественной и экономической, Греки связаны со Славянствомъ.

Послѣ Грековъ, къ числу старыхъ культурныхъ народовъ востока еще принадлежатъ Армяне и Грузины. Но эта старая культура давно у нихъ забыта и подавлена Турецкимъ погромомъ. Армяне разселились по всѣмъ Славянскимъ странамъ отъ Цареграда до С.-Петербурга и отъ Москвы до Тріеста, и во многихъ мѣстахъ, въ языкѣ и бытѣ уже слились съ Славянами (напр., въ Новороссіи, Галиціи, Буковинѣ и т. д.). Хотя въ предѣлахъ Россіи находится лишь пятая часть Армянскаго народа (именно 520 тыс., тогда какъ въ Турціи ихъ насчитывается до 2,400,000), однако, эта Русская Арменія имѣетъ особенную важность, какъ центръ Армянской церкви (Эчміадзинъ, близь Эривани). Армянское вѣроисповѣданіе представляетъ незначительное отступленіе отъ православія. Армянъ же католиковъ, живущихъ въ Русскомъ Закавказьи, насчитываютъ не болѣе 16,000, а въ Турціи около 38,000[1]).

Всѣ Грузины (860 тыс.) находятся въ Русскомъ государствѣ и въ Русскихъ школахъ получаютъ среднее и высшее образованіе; слѣдовательно, въ отношеніи культурно-историческомъ, они въ ближайшемъ будущемъ не могутъ уже не принадлежать Славянскому міру. Тоже можно сказать и о всѣхъ горцахъ нашего Кавказа, отовсюду совершенно охваченныхъ вліяніемъ Русскаго языка и образованности. Исключеніе могутъ составить одни Черкесы (595,000), выселившіеся изъ Кавказа на Балканскій полуостровъ[2]). Но имъ предстоитъ либо вымереть въ новомъ климатѣ и новой обстановкѣ (это вымираніе уже и теперь замѣтно, напр., въ Рущукскомъ вилаетѣ), либо оболгариться.

Главная масса Цыганскаго кочеваго населенія разсѣяна преимущественно въ Славянскихъ странахъ между Карпатами и Балканами, близъ Дуная и Чернаго моря[3]). Хотя Цыгане нѣкогда принадлежали

---

[1]) Обручевъ: «Военно-статист. Сб.», «Россія», стр. 117. «Турецкая имперія», 1868 г. 183—184.

[2]) Тамъ же, стр. 183.

[3]) Въ Европ. Турціи Цыганъ считаютъ 214,000 (Тамъ же, стр. 183); въ Россіи 32,000 (Тамъ же, 98), и до 90.000 въ Австро-Угріи (Крижекъ, 88). Впрочемъ, Фиккеръ насчитывалъ ихъ въ Австріи 156,000 (Völkerstämme d. Oester. Ungar. Monarchie, 1869. 90 pag.).

къ другому культурному міру (Индійскому), но въ настоящее время они должны раздѣлить историческую судьбу окружающихъ ихъ Славянскихъ народовъ и постепенно переродиться въ ихъ средѣ.

Чудь или Финны живутъ всѣ на Славянской территоріи, за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячъ Лопарей, занимающихъ сѣверъ Скандинавскаго полуострова [1]). Одна половина Чуди живетъ въ Россіи [2]), другая же въ долинѣ средняго Дуная, въ королествѣ Угорскомъ [3]). Какъ тѣ, такъ и другіе путемъ смѣшенія крови и духовныхъ связей уже приняли въ себя чрезвычайно много Славянскихъ стихій. Одно только различіе вѣроисповѣданій положило нѣкоторую преграду взаимному сліянію двухъ народовъ, конечно, всегда происходящему въ пользу сильнѣйшей расы. Въ Угорщинѣ, въ послѣднее десятилѣтіе, прежнія дружественныя отношенія между Чудью и Славянами смѣнились враждою. Но все это явленія временныя. Онѣ не изгладятъ той печати славизма, которая положена на физическомъ и духовномъ типахъ Мадьярскаго поселянина, такъ же мало похожаго на западно-*Европейца*, какъ не похожъ на послѣдняго и любой другой народъ Славянскаго востока. Къ тому же, и въ языкѣ Мадьярскомъ находится масса Славянскихъ словъ, не меньшая той, какая принята языками Румунскимъ и Албанскимъ. Кромѣ того, значительная часть Мадьяръ владѣетъ однимъ изъ Славянскихъ нарѣчій, съ которыми Мадьяры встрѣчаются на каждомъ шагу, такъ какъ Мадьярская этнографическая территорія въ разныхъ направленіяхъ вся пронизана перекрестной сѣтью Славянскихъ колоній.

Наконецъ, и въ исторіи Мадьяры являются постояннымъ членомъ Славянскихъ союзовъ, соединяясь то съ Чехіею, то съ Польшею и Хорватіею и находясь въ непрерывныхъ связяхъ съ древнею Русью, Болгаріею и Сербіею. Отъ Славянъ же (Велико-Моравскихъ и Паннонскихъ) наслѣдовали Мадьяры бо́льшую часть своихъ государственныхъ установленій, напр., дѣленіе на жупы, системы сходокъ по жупаніямъ и цент-

---

1) *По Кольбу*, въ 1855 г. ихъ тамъ было 5,685

2) По Обручеву (97, 99 стр.), Чуди въ Россіи: 3.042,000, а именно: 3.038,000 въ Европ. Россіи и 4,000 Вогуловъ въ Сибири.

3) Фиккеръ въ 1869 г. насчитывалъ въ Австріи Мадьяръ 5.506,000, а Крижекъ въ 1872 г. —5.313,000. Но сами Мадьяры еще недовольны и этими преувеличенными исчисленіями. Гунфальви раздулъ эту цифру до 6.287,900! Въ дѣйствительности же число Мадьяръ, въ смыслѣ этнологическомъ, никакъ не превышаетъ 3 мл. Остальные суть Славяне, Нѣмцы, Румуны, притворившіеся Мадьярами или *считаемые за* такихъ офиціальными статистиками.

школъ заключается въ томъ, что Славянство есть одно культурное цѣлое, особый міръ, независимый отъ другихъ историческихъ центровъ. Различіе во взглядахъ на него послѣдователей этихъ двухъ школъ заключалось, главнымъ образомъ, въ томъ, что одни понимали это единство Славянства болѣе съ внѣшней стороны; другіе же сосредоточивали свои наблюденія преимущественно на внутреннихъ бытовыхъ и культурныхъ отношеніяхъ. Скоро, однако, между тѣми и другими стало распространяться убѣжденіе, что теорія эта лишь въ томъ случаѣ можетъ найти болѣе обширное приложеніе и въ наукѣ и въ жизни, если она примиритъ и соединитъ оба направленія: дастъ форму содержанію и содержаніе формѣ. Самымъ блестящимъ выраженіемъ этого «славянофильскаго панславизма» является сочиненіе Данилевскаго: «Европа и Россія»,—одно изъ оригинальнѣйшихъ по содержанію и изящнѣйшихъ по формѣ произведеній въ области Русской философско-политической литературы. Это сочиненіе умышленно незамѣчено нашими писателями противоположнаго направленія. Еще недавно, въ октябрской книгѣ «Вѣстника Европы», помѣщена статья одного изъ извѣстныхъ нашихъ писателей, много трактующая по вопросу, разработанному съ замѣчательной обстоятельностію и ясностію въ сочиненіи г. Данилевскаго. Между тѣмъ, авторъ этой статьи не удостоилъ обратить вниманія на многочисленные доводы послѣдняго, въ данномъ вопросѣ очень рѣшительные. Столь же невнимательно онъ отнесся и къ другому важному сочиненію по тому же предмету, именно къ книгѣ проф. Ламанскаго: «Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ». Сомнительно, чтобы публицистика много могла содѣйствовать разъясненію спорныхъ историческихъ вопросовъ, если одинъ писатель будетъ умышленно игнорировать доводы другаго и опровергать противоположные взгляды не по ихъ существеннымъ и сильнѣйшимъ пунктамъ, а лишь въ мелочахъ. Не есть ли и это своего рода «маниловщина»?

Позволю себѣ замѣтить, что, съ своей стороны, я считаю не только не опровергнутыми, но и неопровержимыми философскія и историческія основанія, на которыхъ утверждается теорія о самобытности Славянства, какъ культурно-историческаго типа, столь же самостоятельнаго, какъ типъ западно-Европейскій, и находящагося въ такихъ же тѣсныхъ историческихъ связяхъ съ культурою Греческою, какъ образованность западно-Европейская—съ культурою Римскою.

Хотя нѣкоторые писатели и утверждаютъ, что это различіе куль-

туры Греко-Славянской съ одной стороны, а Романо-Германской съ другой—есть лишь призрачное, тѣмъ не менѣе, намъ оно представляется столь же существеннымъ, какъ взаимное различіе культуры двухъ другихъ Арійскихъ культурныхъ паръ: Индійской и Иранской, Греческой и Латинской. Это нисколько не противорѣчитъ тому факту, что находится много сходныхъ чертъ между названными культурами. Вѣдь, всѣ онѣ—культуры Арійскія, всѣ разнообразно переплетались между собой, особенно двѣ послѣднія изъ названныхъ паръ (т. е. Греческая и Латинская, Европейская и Славянская). Наука же заключается не только въ соединеніи и обобщеніи сходнаго, но и въ раздѣленіи различнаго [1]).

Не убѣдительно и то возраженіе противъ означенной теоріи, по которому Славяне въ разныя эпохи, напр., въ началѣ своей исторіи, а потомъ при Петрѣ Великомъ, проходили-де западно-Европейскую школу, подвергались ея вліяніямъ. Римъ такъ же нѣсколько разъ подвергался сильному вліянію Греческой культуры, однако, это не уничтожило самобытныхъ сторонъ жизни и мысли перваго, не уничтожило того непримиримаго контраста въ настроеніи населенія двухъ сосѣднихъ полуостровов, который отразился, впослѣдствіи, и въ раздѣленіи христіанства на двѣ существенно отдѣльныя церкви. Тоже самое встрѣчаемъ и между двумя новѣйшими представителями Арійской культуры: Германо-Романцами и Греко-Славянами. Въ ихъ характерахъ, бытѣ, понятіяхъ, вѣрованіяхъ, учрежденіяхъ, идеалахъ, въ ихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, во всей ихъ исторіи находится цѣлый рядъ самыхъ осязательныхъ контрастовъ, гораздо болѣе существенныхъ, нежели чѣмъ какіе были въ исторіи и жизни двухъ культурныхъ народовъ такъ называемаго классическаго міра.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи можно сослаться на примѣръ проф. Лебедева, напечатавшаго въ той же октябрской книжкѣ «Вѣстника Европы» очень любопытную статью: «Исторія церкви, какъ предметъ университетскаго преподаванія». Тутъ (на стр. 796) встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе: «Особенно полезно было бы сравнительное изученіе аналогическихъ явленій церковно-религіозной жизни востока и запада. Такихъ явленій можно указать не мало. И тамъ и здѣсь было преслѣдованіе еретиковъ; и тамъ и здѣсь существовали священныя убѣжища, суды божіи; и тамъ и здѣсь была борьба свѣтской власти съ духовною, была схоластика и мистика и т. п. Но эти паралельныя явленія, при ихъ сходствѣ, имѣли и существенныя особенности, обусловливаемыя особенностями самой почвы, производившей или воспринимавшей ихъ, а потому сравнительное представленіе ихъ, безъ всякаго сомнѣнія, всего болѣе способствовало бы къ выясненію нравственной физіономіи востока и запада». Это замѣчаніе могло бы очень пригодиться и при сравнительно-историческомъ изученіи Русской литературы.

Въ самомъ дѣлѣ, если провести мысленную черту черезъ материкъ Европы, по прямой линіи, примѣрно, отъ Гданска до Тріеста, то этою чертою нашъ материкъ раздѣлится на двѣ существенно различныя части: западную и восточную. На западѣ этой линіи мы видимъ: преобладаніе горъ предъ долинами, климатъ болѣе океаническій, народы Германскаго племени (болѣе или менѣе ороманенные), населеніе довольно густое, сильно сосредоточенное въ городахъ, страны съ преобладаніемъ дѣятельности промышленной надъ сельско-хозяйственною; раздѣленіе народа на сословія и цехи; развитіе крупныхъ формъ землевладѣнія и капитализма, рядомъ съ массами населенія батрачествующаго, безпрестанно ищущаго спасенія въ эмиграціи; въ управленіи видимъ тамъ систему компромиссовъ, заключенныхъ между разными факторами власти, но рѣдко въ пользу народныхъ массъ; видимъ тамъ вѣру то фанатическую, то холодную и формальную, подрытую или суевѣріями папизма, или раціонализмомъ протестанства; поэзію то эксцентрическую, то абстрактную; философію то скептическую, то мечтательную.

Ту же ли картину мы увидимъ на востокѣ отъ намѣченной нами раздѣльной черты?—Страна преимущественно равнинная, съ климатомъ континентальнымъ; населеніе рѣдкое и совершенно разбросанное по селамъ и поселкамъ, безъ настоящихъ городовъ (развѣ населенныхъ Нѣмцами и Жидами), населеніе—земледѣльческое, съ особыли формами экономическихъ и общественныхъ отношеній; народъ мирный и терпѣливый, съ твердою и теплою вѣрою; церковь вселенская по содержанію, но народная по формѣ; идеализмъ въ жизни и въ литературѣ; поэзія менѣе метафизическая, и метафизика болѣе прозаическая: мы видимъ тутъ землю широкую и натуру широкую, часто необузданную, но поэтическую въ своихъ увлеченіяхъ.

Конечно, встрѣтятся на Славянской территоріи мѣстности и отношенія, напоминающія болѣе западъ, чѣмъ востокъ: это относится, напр., къ Чехіи, Словеніи, Хорватіи. Но иначе и быть не можетъ въ жизни: здѣсь нѣтъ математическихъ граней между народами и культурами: неизбѣжны полосы промежуточныя, смѣшанныя. Это нисколько не опровергаетъ, однако, мысли о существованіи общаго типа въ группѣ народовъ занадныхъ или Романо-Германскихъ съ одной стороны, и восточныхъ или Греко-Славянскихъ съ другой.

Профессоръ Ламанскій, въ 1-й главѣ названнаго выше сочиненія, представилъ живую картину историческихъ отношеній двухъ половинъ

христіано-Арійскаго человѣчества, ихъ многовѣковую борьбу за существованіе, начатую еще въ IV в. (по Р. Х.), продолженную, потомъ, Карломъ Великимъ, Оттонами, Папами, Крестоносцами, Габсбургами, Гогенцоллернами, Карломъ XII, Наполеонами I и III, борьбу не оконченную еще и теперь и ежеминутно грозящую потрясти міръ въ такъ называемомъ восточномъ (т. е. Греко-Славянскомъ) вопросѣ или вопросѣ объ окраинахъ Славянскаго міра. Въ этихъ фактахъ всемірной исторіи философская теорія о самобытности Греко-Славянскаго культурнаго типа и объ извѣстной противоположности его типу западному находитъ себѣ фактическое основаніе и реальную почву. Но въ чемъ заключается объясненіе этихъ историческихъ контрастовъ?

И этотъ вопросъ уже разрѣшенъ г. Данилевскимъ, который возводитъ различіе культуръ къ различіямъ: во 1-хъ, природныхъ особенностей расы или народности и, во 2-хъ, исторической школы, пройденной тѣми и другими народами. Въ настоящемъ случаѣ различіе двухъ типовъ объясняется врожденными отличіями Славянъ и Нѣмцевъ, а также различіемъ культурныхъ преданій, восходящихъ для однихъ къ Грекамъ, а для другихъ—къ Латинянамъ. Отъ этихъ различій возникаетъ между народами какая-то традиціонная вражда, которая таится и въ инстинктахъ массъ, и въ сознаніи историческихъ дѣятелей.

Какую провиденціальную цѣль можетъ имѣть эта борьба за жизнь? Развитіе силъ, или ихъ испытаніе?

И кто же побѣдитъ въ этой великой борьбѣ? Пока, еще живы оба соперника и нѣтъ между ними побѣжденнаго, хотя нельзя не признать, что истекшее первое тысячелѣтіе этой борьбы было болѣе счастливо для міра западнаго, чѣмъ восточнаго. Часть Славянской территоріи (при-Балтійская низменность) совсѣмъ утрачена, другая на половину отторгнута отъ востока распространеніемъ разныхъ западныхъ стихій, напр., католицизма и феодализма въ Польшѣ, Чехіи, Угорщинѣ, Хорватіи. Было время, когда и дальній востокъ былъ въ опасности: унія уже обнимала половину Русскаго народа и іезуиты сидѣли въ Кремлѣ! И одну ли землю теряли Славяне! А сколько умственныхъ силъ принесено ими въ жертву непріязненной Славянамъ западной культурѣ, въ лицѣ, наприм., Коперника, Коменскаго, Рокитанскаго, Лейбница, Бошковича, Лессинга, Томашича (Томазео) и сотни другихъ! Нѣмецкія колоніи врѣзались въ самую сердцевину Славянскихъ земель (у Королевца, на Судетахъ, въ Спишѣ, Семиградьи, Банатѣ, Кочевьи и т. д.); Нѣмецкія и другія западно-Европейскія слова, фразы, а также

обычаи, учрежденія забрались въ глубь Славянскихъ языковъ, обществъ, государствъ.

Но кажется, что для этихъ побѣдъ культуры западной надъ восточною положенъ уже предѣлъ. Славянскія народности просыпаются, государства возрождаются, общества созрѣваютъ, народное самосознаніе развивается и проясняется.

Однимъ изъ наиболѣе утѣшительныхъ знаменій новаго времени можетъ служить постепенное развитіе науки «славяновѣдѣнія», котораго центромъ въ Европѣ уже и теперь должна считаться Россія.

Итакъ, мы пришли къ выводу, что Славянство есть отдѣльный культурный міръ, столь же независимый, какъ Европа, имѣющій свою особую территорію, свой кругъ народовъ, свою систему государствъ (хотя теперь еще не вполнѣ развитую), свою религіозную систему, свои отличныя начала и общественно-экономическія условія, зародыши особой философіи, поэзіи и т. д.

Изъ народовъ западной системы наиболѣе связей съ міромъ восточнымъ имѣли: Италія и Германія, особенно же Венеція, Австрія и Пруссія. Три послѣднія государства въ своей исторіи много обязаны сотрудничеству Славянъ. Онѣ представляютъ въ своемъ родѣ политическій и культурный мостъ отъ Германо-Романской Европы къ Греко-Славянскому востоку. Міръ же восточный—буддистскій и мусульманскій—близокъ къ Славянству своимъ географическимъ положеніемъ и все возрастающими связями торговыми, политическими и культурными.

Изъ этихъ данныхъ и соображеній для науки славяновѣдѣнія вытекаютъ слѣдующіе выводы:

1. Она обнимаетъ всю территорію и всѣ народы Греко-Славянскаго культурнаго міра и занимаетъ столь же независимое мѣсто въ общей системѣ наукъ историческихъ, какъ и самый этотъ міръ въ средѣ другихъ культурно-историческихъ типовъ всеміpной исторіи.

2. Въ ближайшей связи съ славяновѣдѣніемъ находятся тѣ отдѣлы западной исторіи, которые касаются Венеціи, Австріи и Пруссіи. Исторія всѣхъ остальныхъ Романо-Германскихъ народовъ стоитъ уже на заднемъ планѣ.

3. Славяновѣдѣніе должно со временемъ связать историческое изученіе крайняго востока и запада стараго свѣта, подобно тому, какъ и Славянство является связующимъ звѣномъ между Скандинавіею и Японіею, Франціею и Китаемъ, Англіею и Индіею, Италіею и Египтомъ...

VII.

Основанія систематики и методики славяновѣдѣнія.

Если Славяновѣдѣніе есть наука объ условіяхъ и законахъ развитія Славянскаго культурнаго типа, то она предполагаетъ изученіе какъ почвы, на которой онъ развивался, такъ и физическихъ и психическихъ особенностей народовъ-носителей этой культуры, ихъ языка и быта, вліяній, которымъ они подвергались, наконецъ, идей и формъ ихъ жизни: политической, общественной, религіозной, художественной, литературной и т. д.

Отсюда вытекаетъ цѣлый органонъ наукъ, на которые развѣтвляется и изъ которыхъ слагается славяновѣдѣніе.

1. Славянская географія.
2. „ этнографія.
3. „ филологія или языкознаніе.
4. „ исторія, въ ея развѣтвленіяхъ:
   α) Исторія политическая.
   β) „ общественно-экономическая.
   γ) „ художественно-литературная.
   δ) „ религіозная.

Географія, этнографія, филологія и исторія Россіи составляютъ средоточіе этого цикла наукъ; но для правильнаго пониманія характера и значенія Русской образованности необходимо изучать ее въ связи и параллельно съ судьбами и положеніемъ всѣхъ другихъ вѣтвей Славянства. Въ Славянской филологіи такой пріемъ давно уже употребляется, какъ наиболѣе надежный и плодотворный для науки.

Славянская археологія и этнографія тоже съ успѣхомъ разрабатывались при помощи сравнительнаго метода. Нѣтъ сомнѣнія, что, со временемъ, онъ долженъ быть приложенъ къ изученію и всѣхъ другихъ сторонъ Славянской жизни и мысли, къ исторіи политической, общественной, литературной и т. д.

Что касается, затѣмъ, сравненія фактовъ жизни Славянской съ одной стороны, а западно-Европейской, Латинской, Греческой, Иранской, Индійской и даже Китайской, Мексиканской и т. д. съ другой, то, конечно, и этотъ пріемъ не можетъ не привести, со временемъ, къ важнымъ

выводамъ, но въ настоящее время онъ можетъ быть съ пользою прилагаемъ лишь къ такимъ вопросамъ славяновѣдѣнія, которые достаточно уже разработаны по первому способу, т. е. изучены уже въ болѣе тѣсныхъ и опредѣленныхъ рамкахъ одного Славянскаго племени, съ присоединеніемъ лишь народностей, непосредственно къ нему примыкающихъ въ племенномъ и культурномъ отношеніяхъ (о чемъ уже говорено выше). Невозможно было бы сравнивать Славянскій языкъ съ Санскритомъ, или Готскимъ, еслибы предварительно не было достаточно разъяснено взаимное отношеніе нарѣчій Чешскаго, Сербскаго, Болгарскаго и т. д., и еслибъ путемъ этого сравненія не были опредѣлены нормы Славянскаго языка въ цѣломъ и не были изучены историческія и діалектическія уклоненія отъ этихъ нормъ. Извѣстно, что Екатерина II сравнивала Русскій языкъ съ 278 другими языками міра. Но принесло ли это сравненіе хоть сотую долю той пользы, какую наука извлекла изъ трудовъ Востокова по сравненію Русскаго языка съ церковно-Славянскимъ и другими Славянскими нарѣчіями? Тоже самое надо бы прилагать и ко всѣмъ другимъ отдѣламъ славяновѣдѣнія.

Итакъ, Славянство представляетъ тотъ организмъ, въ которомъ долженъ быть изучаемъ и Русскій народъ, а славяновѣдѣніе—тотъ органонъ наукъ, интегральною частью котораго должно считать наше отечествовѣдѣніе.

Славяновѣдѣніе есть наше отечествовѣдѣніе. Оно должно лечь въ основу системы преподаванія во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, не только высшихъ, но и среднихъ и низшихъ.

Мысль о культурномъ единствѣ Славянства не чужда уже нашей общественной средѣ, хотя часто проявляется она скорѣе какъ пророческій инстинктъ, чѣмъ какъ ясное сознаніе. Однимъ изъ осязательныхъ ея выраженій служитъ то знаменательное общественное движеніе, которое вызвано въ Россіи послѣдними событіями въ Герцеговинѣ. Здѣсь проявляется не одинъ филантропизмъ, но и болѣе глубокіе и спеціальные племенные инстинкты и стремленія.

Задача науки прояснить эти неясные инстинкты, указать источникъ и цѣли этихъ влеченій, скрытыхъ въ глубинахъ народнаго духа.

Антонъ Будиловичъ.

1-го ноября, 1875 г.
Нѣжинъ.

КАРПАТСКАЯ РУСЬ *).

а) Галичина и Буковина.

На сѣверномъ склонѣ Карпатскаго хребта лежитъ Австрійское королевство Галиціи и Лодомеріи съ великимъ княжествомъ Краковскимъ и княжествомъ Буковиной или, какъ теперь называютъ, коронные края (Kronländer): Галиція и Буковина. Нынѣшнее королевство Галиціи и Лодомеріи не представляетъ края, органически образовавшагося; это — провинція, составившаяся изъ Русскихъ и Польскихъ земель, въ 1772 г., послѣ раздѣла Польши, произведеннаго, какъ извѣстно, помимо всякихъ историческихъ основаній.

Въ 1214 г., во время внутреннихъ усобицъ Русскихъ князей, на Галицкій престолъ возведенъ былъ Угорскій королевичъ, который въ 1218 г. былъ прогнанъ Русскими; впослѣдствіи, онъ еще разъ пытался завладѣть Галицкимъ престоломъ, но въ 1220 г. былъ вторично побѣжденъ княземъ Мстиславомъ Новгородскимъ и навсегда потерялъ Галицкое княжество. По истеченіи 554 лѣтъ, послѣ изгнанія Коломана изъ Галича, императрица Марія-Терезія, воспользовавшись наслѣдственнымъ правомъ королей Угорскихъ, въ 1772 году

---

*) Географическій очеркъ Карпатской Руси напечатанъ въ 1 т. «Славянскаго Сборника», стр. 1—30. Спб. 1875.

заняла не только бывшее Галицкое княжество, но и всю землю отъ Силезіи до Буковины, и пріобрѣтенную землю назвала королевствомъ Галиціи и Лодомеріи. Русскій народъ нынѣ называетъ этотъ край Галичиною.

Буковина досталась Австріи отъ Турокъ по трактату 1777 г. Наконецъ, въ 1846 г., Австрія присоединила къ Галиціи Краковскую (существовавшую съ 1815 г.) республику.

Галичина и Буковина лежатъ между 36° и 44° восточной долготы отъ о. Ферро и между 47° и 50½° сѣверной широты, на сѣверномъ и сѣверо-восточномъ склонѣ Карпатъ.

Границы ихъ: съ сѣвера и востока Россія, съ запада Пруссія и Австрійская Силезія, съ югозапада Угрія и Семиградіе, съ юга Молдавія.

Сѣверная пограничная линія имѣетъ 130—140 м., южная же только 70—80 миль. Широта на западной оконечности—8 м., на восточной 12 м., въ срединѣ же 30 миль.

Площадь, занимаемая Галичиною, содержитъ: 1364,6 Австр. квадр. или 1425,78 квадр. геогр. миль.

Площадь Буковины—181,6 Австр. квадр. или 189,83 квадр. геогр. миль. Всего пространства обѣ провинціи занимаютъ 1546,2 Австр. квадр. или 1615,61 геогр. квадр. миль.

Изъ этого количества земли приходится:

	на Галичину:				на Буковину:			
Пахатной . . .	624	кв. м.	2335	саж.	43	кв. м.	8041	саж.
Подъ лѣсомъ . .	374	„	4158	„	83	„	1476	„
Подъ лугами . .	167	„	8351	„	27	„	5266	„
Подъ пастбищами (толоки и полонины *)	130	„	3598	„	21	„	266	„
Садовъ и огородовъ	11	„	9612	„	1	„	2037	„

*) Пастбища на вершинахъ Карпатъ.

Подъ виноградниками	—	кв.	—	саж.	—	кв. м.	123	с.		
Подъ строеніями	6	„	2054	„	—	„	6499	„		
Неудобной . . .	53	„	2054	„	—	„	3217	„		
Итого. . .	1364	кв. м.	628	саж.	181	кв. м.	6919	с. *)		

Въ политико-административномъ отношеніи Галичина раздѣлена на 17 уѣздовъ (Kreise), изъ которыхъ 5 принадлежатъ къ западной (преимущественно Польской народности), 12 же—къ восточной (или Русской) Галичинѣ. Уѣзды (округи) западной Галичины слѣдующіе: 1) Краковскій, 2) Бохнянскій (съ присоединеніемъ бывшаго Вадовицкаго), 3) Сандечскій (съ присоединеніемъ бывшаго Ясельскаго), 4) Тарновскій, 5) Ряшевскій; въ восточной же Галичинѣ: 6) Львовскій, 7) Перемышльскій, 8) Сяноцкій, 9) Самборскій, 10) Стрыйскій, 11) Станиславскій, 12) Коломыйскій, 13) Жолковскій, 14) Золочевскій, 15) Бережанскій, 16) Тернопольскій и 17) Чортковскій.

По вычисленію народной переписи, съ 1857 года считалось:

Въ 17 уѣздахъ Галичины	4.632,866	душъ тузем.	143,569	иностр.
Въ Буковинѣ. . .	447,095	»	22,789	»
Итого. . .	5.079,961	»	166,358	»

Вообще въ Галичинѣ и Буковинѣ 5.246,319 душъ.

Въ 1860 году Галичина была раздѣлена на 74 стана (повѣты, Bezirke, уѣзды), изъ которыхъ 47, находящіеся въ восточной и срединной Галичинѣ, заселены преимущественно Русскимъ народомъ, а 27 западной—имѣютъ, по большей части, Польское населеніе (Мазуры и Горали).

Относительно увеличенія и уменьшенія народонаселенія, со времени присоединенія Галичины къ Австріи, имѣются слѣдующія данныя,

*) Administrativ-Karte von den Königr. Galizien und Lodomerien mit dem Grossherzogthume Krakau u. d. Herzogthümern Auschwiz, Zator und Bukovina von Carl Kummers Ritter von Kummersberg. Wien. 1855. 6 Bl.

почерпнутыя изъ оффиціальныхъ ревизій. Въ королевствахъ Галиціи и Лодомеріи жителей обоего пола считалось:

въ 1785	году	3.277,087	душ.	въ 1827	году	4.382,383	душ.
» 1810	»	3.086,226	»	» 1830	»	4.144,212	»
» 1817	»	3.716,692	»	» 1831	»	4.175,895	»
» 1818	»	3.760,319	»	» 1834	»	4.038,101	»
» 1819	»	3.817,846	»	» 1837	»	4.204,303	»
» 1820	»	3.893,445	»	» 1840	»	4.384,903	»
» 1821	»	3,969,717	»	» 1843	»	4.538,691	»
» 1822	»	4.035,214	»	» 1846	»	4.734,427	»
» 1823	»	4.079,023	»	» 1851	»	4.555,477	»
» 1824	»	4.148,274	»	» 1857	»	4.597,470	»
» 1825	»	4.226,969	»	» 1864	»	5.102,074	»
» 1826	»	4.317,089	»	» 1869	»	5,418,016	»

При сравненіи цифръ народонаселенія Галиціи съ 1785 по 1876 г. слѣдуетъ принять во вниманіе территоріальное пространство ея до 1817 года и послѣ того. Въ 1785 г. къ Галиціи принадлежалъ Замостьскій уѣздъ, перешедшій въ 1809 году къ бывшему княжеству Варшавскому и, затѣмъ, присоединенный къ Привислинскому краю. Въ цифрѣ населенія Галиціи за 1810 г. исключена Австрійская Подолія, которая въ 1809 г. уступлена была Россіи и только на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 г. Подолье, т. е., Тернопольскій и Чортковскій уѣзды возвращены были Австріи *). Въ 1846 г. Краковская область присоединена къ Галиціи, и по этой причинѣ населеніе ея съ 1851 г. считается вмѣстѣ съ населеніемъ Галиціи. По сравненіи народонаселенія Галичины 1869 г. съ количествомъ его въ 1857 г., видно, что населеніе ея, впродолженіе 12 лѣтъ, увеличилось на 820,546 душъ, т. е., на 17,8%.

Раздѣливъ Галичину на восточную (Русскую), состоящую изъ 47 становъ, и западную (Мазурско-Горальскую) —изъ 27 становъ, замѣчаемъ слѣдующую пропорцію народонаселенія:

---

*) Въ «Военно-Статистическомъ Сборникѣ» (Спб. 1871. Вып. IV, стр. 23) ошибочно сказано: «*юго*-вост. Галиція, именно: части округовъ Т*а*рнопольскаго, З*ла*човскаго, Б*рж*ези*н*скаго и Залещи*н*скаго». Должно быть: весь Тернопольскій и Залещицкій (или Чортковскій) округи и незначительныя части Золочевскаго и Бережанскаго округовъ (уѣздовъ) въ восточной Галиціи.

Въ восточной Галичинѣ:		Въ западной Галичинѣ:	
1869 г. . . .	3.387,575 д.	1869 г. . . .	2.030,441 д.
1857 г. . . .	2.886,443 „	1857 г. . . .	1.711,027 „

Слѣдовательно, населеніе съ 1857 по 1869 годъ увеличилось:

Въ восточной Галичинѣ на 501,132 д., или 17,2%.
Въ западной „ „ „ 319,414 „ „ 18,6%.

По послѣдней ревизіи, населенность по станамъ или повѣтамъ (уѣздамъ) распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ восточной (Русской) Галичинѣ:

	Названіе стана или повѣта (уѣзда).	Австрійскихъ квадр. миль.	Народонаселеніе. Мужского пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.	На одну квадр. милю.
1	Бережанскій . . .	19,40	34506	34778	69284	3570
2	Бирчанскій . . .	15,02	25665	26657	52322	3483
3	Боберецкій . . .	17,37	27858	28703	56561	3256
4	Богородчанскій . .	16,36	25597	26295	51892	3172
5	Борщовскій . . ,	13,00	36311	36351	72662	5589
6	Бродскій	32.38	58313	58449	116762	3606
7	Бучацкій	18,88	41606	42114	83720	4434
8	Городенскій . . .	14,51	33419	33430	66849	4607
9	Городецкій . . .	13,70	26663	27228	53891	3933
10	Гусятинскій . . .	16,92	33855	34221	68076	4023
11	Долинскій	43,75	35526	36062	71588	1636
12	Дорогобычскій. . .	24,65	47439	48381	95820	3887
13	Жолковскій . . .	21,67	32079	33420	65499	3022
14	Залѣщицкій . . .	14,60	37188	36942	74130	5077
15	Збаражскій . . .	14,85	25303	25893	51196	3450
16	Золочевскій . . .	30,19	52834	52879	105713	3500
17	Зыдачевскій . . .	16,00	28548	29130	57678	3605
18	Калужскій	19,33	31298	32225	63823	3302
19	Каменецкій . . .	26,44	37446	37635	75081	2840
20	Коломыйскій . . .	21,05	48877	50482	99359	4719
21	Косовскій	35,03	31011	32449	63460	1811

	Названіе стана или повѣта (уѣзда).	Австрійскихъ квадр. миль.	Народонаселеніе.			На одну квадр. милю
			Мужского пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.	
22	Львовскій (пов.) . .	20,36	44339	45918	90257	4435
23	Лѣскій	32,93	34802	35071	69873	2122
24	Мостискій . . . ,	14,06	29918	30651	60569	4308
25	Надворнянскій . .	33,80	27039	27701	54740	1618
26	Перемышльскій . .	17,15	42272	43532	85804	5003
27	Перемышлянскій . .	16,63	28360	29331	57691	3469
28	Подгаецкій. . . .	15,96	30511	30812	61323	3842
29	Равскій.	24,47	37465	39105	76570	3129
30	Рогатинскій . . .	19,67	38537	39289	77826	3956
31	Рудскій.	12,93	27937	28642	56579	4376
32	Самборскій. . . .	17,21	40049	41210	81259	4722
33	Скалатскій. . . .	14,47	30832	31908	62740	4336
34	Снятинскій . . .	10,50	31786	32047	63833	6079
35	Сокальскій. . . .	22,05	34692	35307	69999	3174
36	Станиславскій. . .	13,65	35869	36345	72214	5290
37	Старомѣстскій . .	13,56	20898	21064	41962	3094
38	Стрыйскій	32,57	37034	37518	74552	2290
39	Сяноцкій	21,98	38738	39874	78612	3576
40	Теребовльскій. . .	9,28	20925	21525	42450	4574
41	Тернопольскій. . .	18,75	45494	46612	92106	4912
42	Толмачскій. . . .	17,78	41563	41704	83267	4683
43	Турецкій	24,88	26832	26765	53597	2154
44	Тѣшановскій . . .	19,87	31448	32369	63817	3212
45	Чортковскій . . .	10,47	29490	30339	59829	5714
46	Яворовскій. . . .	15,97	30759	32061	62820	3933
47	Ярославльскій. . .	24,94	44568	46243	90811	3641
	Городъ Львовъ . -	0,55	42295	4814	87109	

Въ западной (Мазурско-Польской) Галичинѣ:

1	Березовск.(Бржозовъ)	12,47	30172	32448	62620	5022
2	Бохнянскій. . . .	14,11	44382	46451	90833	6437
3	Брескій (Бржеско). .	14.35	40138	42663	82801	5770

	Названіе стана или повѣта (уѣзда).	Австрій-скихъ квадр. миль.	Народонаселеніе. Мужского пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.	На одну квадр. милю
4	Бѣльскій (Бяла) . .	11,43	38912	42752	81664	7144
5	Вадовицкій. . . .	15,81	42136	46380	88516	5599
6	Величскій	12,63	45404	48614	94018	7444
7	Горлицкій	15,00	31790	33669	65459	4364
8	Грибовскій. . . .	10,34	19745	21169	40914	3957
9	Дубровскій(Домброва)	10,77	27655	28845	56500	5246
10	Живецкій	19,33	38782	41971	80753	4177
11	Кольбушовскій. . .	15,22	31336	32699	64035	4207
12	Краковскій (пов.). .	9,23	26664	28196	54860	5944
13	Кросненскій . . .	16,49	37499	40012	77511	4700
14	Ланцутскій. . . .	19,91	51169	53195	104364	5242
15	Лимановскій . . .	16,41	31031	32700	63731	3884
16	Мелецкій	14,56	28073	29001	57074	3920
17	Мысленицкій . . .	19,70	37220	40994	78214	3970
18	Нискій (Ниско) . .	17,31	28141	29034	57175	3303
19	Ново-Сандечскій . .	23,32	48015	50700	98715	4233
20	Новоторжскій . . .	19,57	28109	29310	57419	2934
21	Пильзненскій . . .	14,85	32466	34706	67172	4524
22	Решовскій	21,61	53477	56431	109908	5086
23	Ропчицкій	13,19	26907	28586	55493	4207
24	Тарнобрежскій. . .	16,09	29023	30216	59239	3681
25	Тарновскій	13,80	43989	46298	90287	6542
26	Хрѣновскій(Хржановъ)	12,43	32363	33811	66174	5323
27	Ясельскій	13,67	36248	38909	75157	5498
	Городъ Краковъ . .	0,23	23578	26257	49835	—
	Итого . . .	1.364,06	2660518	2757498	5418016	3972
	Служащихъ въ войскѣ:		26673		26673	
	Всего: . . .	—	2687191	—	5444689	—

Разница населенности между станомъ, имѣющимъ относительно самое бóльшое населеніе, и станомъ съ самымъ меньшимъ количествомъ населенія—весьма значительна. Въ Величскомъ станѣ на одну квад-

ратную милю приходится 7,444 души, а въ Надворнянскомъ — только 1,618 душъ. Вообще, всего гуще населены повѣты въ западной Галичинѣ, лежащіе у рѣки Вислы; въ восточной же Галичинѣ — повѣты у Днѣстра, около Городенки и Залѣщикъ (Покутье и Подолье); всего меньше населены горные и подгорные станы (Гуцулы, Верховинцы. Бойки, Лемки и Польскіе Горали).

Среднимъ числомъ на одну квадр. милю въ 27 станахъ западной Галичины приходится 4,904, а въ 47 восточныхъ станахъ только 3,596 душъ. Слѣдовательно, относительная населенность западной Галичины превышаетъ восточную — на 1,308 душъ. Отсюда происходитъ то, что 30% населенія западной, менѣе плодородной, Галичины, постоянно ищетъ заработковъ на востокѣ и часто переселяется на лучшую почву восточной Галичины.

Чтобы нагляднѣе изобразить пропорцію населенности Галиціи, противопоставимъ здѣсь пространство и населеніе сосѣднихъ съ Галичиною Русскихъ губерній, въ которыхъ, большею частью, живетъ тотъ-же народъ, какой населяетъ восточную и западную Галичины.

	Названіе губерній.	Квадратн. мили.	Населеніе.			На 1 квадр. милю.
			Мужского пола.	Женскаго пола.	Обоего пола.	
1.	Бессарабская .	647,15	544648	481698	1026346	1583
2.	Подольская . .	762,84	942904	925953	1868857	2449
3.	Волынская . .	1.295,17	811874	790841	1602715	1238 *)
	Итого .	2.706,17	2297226	2198292	4497917	1757
1.	Люблинская .	294,6	419240	340343	659483	2238
2.	Сѣдлецкая . .	249,2	245608	358998	504606	2024
3.	Радомская . .	223,8	242337	256515	498852	2229
4.	Кѣлецкая . .	170,4	226166	244134	470300	2759
	Итого .	936,20	1133351	1199990	2133241	2312

*) «Военно-Статистическій Сборникъ». Вып. IV., Россія. Спб. 1875 г.

Изъ этой таблицы видно, что населенность Галичины значительно больше прилежащихъ къ ней губерній Россіи и Привислинскаго края. Замѣчательно то, что разница между населеніемъ мужского и женскаго пола въ Русской Галичинѣ весьма незначительна, тогда какъ въ западной (Мазурской) Галичинѣ женскій полъ вездѣ превышаетъ мужской. Таже самая пропорція получается и въ сосѣднихъ съ Галичиной губерніяхъ Россіи въ сравненіи съ губерніями Привислинскаго края.

Чтобы нагляднѣе представить населенность восточной и западной Галичины распредѣлимъ весь край, по населенности повѣтовъ, на пять группъ.

1. Самые населенные станы, въ которыхъ на одну квадр. милю приходится 6,569 жителей, слѣдующіе: Краковъ, Величка, Бѣльскъ. Тарновъ, Бохня, Бреско, Вадовицы, Хрѣновъ и Дуброва. Пространство этихъ 9 становъ занимаетъ 115 квадр. миль, съ населеніемъ 755,488 жит., т. е., 8% пространства и 13% общаго народонаселенія всей Галиціи.

2. Другіе менѣе населенные станы, въ которыхъ на одну квадр. милю приходится 5,053 и 5006 жителей:

а) въ западной Галичинѣ особымъ поясомъ тянутся съ юга на сѣверъ, отъ м. Кросна до Ланцута, слѣдующіе станы: Кросно, Ясло. Березовъ (Бржозовъ), Решовъ и Ланцутъ; всего 85 квадр. миль съ населеніемъ 429,560 душъ;

б) въ восточной Галичинѣ, въ Приднѣстровскихъ станахъ: Борщовѣ, Залѣщикахъ, Городенкѣ, Бучачѣ, Толмачѣ, Станиславѣ, Чортковѣ, Снятинѣ и Коломыѣ (т. е. Подолье и Покутье), въ которыхъ на одну квадр. милю приходится 5,006 жит.; всего населенія 675,873 жит. на 135 квадр. миль.

Всѣ менѣе населенные станы занимаютъ 220 квадр. миль (т. е. 16% всего пространства Галичины), съ населеніемъ 1.105,432 жит., или 20% населенія всей Галиціи.

3. Станы, въ которыхъ на одну квадр. милю среднимъ числомъ приходится 4,152—3,912 жителей:

а) въ западной Галичинѣ всѣ горные станы (Горали): Живецъ. Мысленицы, Новый-Торгъ, Лиманова, Новый-Сандечъ, Грибовъ и Горлицы, занимающіе 124 квадр. мили, съ населеніемъ 485,205 д. жителей; также повѣты, образующіе клинъ между рр. Вислой и Сяномъ: Мѣлецъ. Тарнобрегъ, Ниско, Кольбушова, Ропчицы и Пильзно, за-

нимающіе пространство 92 квадр. мили, съ населеніемъ 360,188; т. е. на одну квадр. милю приходится 3,915 жителей.

б) въ восточной Галичинѣ сѣверовосточные станы: Подгайцы, Теребовль, Гусятинъ, Збаражъ, Скалатъ и Тернополь (Ополье), занимающіе пространство 91 квадр. милю, съ населеніемъ 377,891 жит. На одну квадратную милю приходится 4,152 жителя.

в) затѣмъ, срединные повѣты восточной Галичины отъ г. Ярославля до Рогатина, заключая въ себѣ слѣдующіе станы: Ярославль, Перемышль, Мостиска, Рудки, Самборъ, Дорогобичь, Львовъ (за исключеніемъ города), Яворовъ, Городокъ, Боберка, Зыдачевъ и Рогатинъ. Всѣ они занимаютъ 216 квадр. миль, съ населеніемъ 869,875 д., среднимъ числомъ на одну квадр. милю приходится почти 4,000 жит. Такимъ образомъ, пространство ихъ содержитъ 523 квадр. мили, или 38% общаго пространства всего края.

4. Станы, въ которыхъ на одну квадр. милю приходится 3,272—2,907 жителей:

а) сѣверные станы восточной Галичины (Полѣсье), именно: Тѣшановъ, Сокаль, Рава, Жолковъ, Каменька, Броды, Золочевъ, Перемышляны и Бережаны; всего 214 квадратныхъ мили, съ населеніемъ 700,416 душъ, т. е., 3,272 д. на квадратную милю.

б) четыре горные и подгорные стана на югозападномъ углу восточной Галичины (Лемки), а именно: Сянокъ, Лѣско, Бирча, Старое мѣсто, занимающіе вообще 84 квадратныхъ мили, съ населеніемъ 242,769. На одну квадр. милю приходится жителей 2,907 д.; пространства—21% и 17% населенія.

5. Наконецъ, самые малолюдные станы Галиціи, въ которыхъ на одну квадр. милю приходится, среднимъ числомъ, 2,157 д., лежатъ въ горныхъ мѣстахъ восточной Галичины (Бойки и Гуцулы), именно въ станахъ: Турка, Стрый, Долина, Калужъ, Богородчаны, Надворна и Косовъ. Они занимаютъ пространство 206 квадр. миль, съ населеніемъ 443,492 ч.

Эти самые малолюдные станы составляютъ 15% пространства и 8% населенія всей Галиціи.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ восточной Галичинѣ самыхъ населенныхъ становъ, съ населеніемъ выше 6,500 жит. на квадр. мили, вовсе нѣтъ, а въ западной Галичинѣ нѣтъ пространства 4 и 5 группъ съ относительною населенностью отъ 3,000 до 2,000 д. на квадратную милю. Такимъ образомъ (какъ выше было сказано),

населеніе западной Галиціи болѣе чѣмъ 37-ю процентами средняго числа гуще населенности восточной Галичины.

Принимая во вниманіе то, что въ 1857 г., въ 27 станахъ западной Галичины, среднимъ числомъ, считалось на квадр. милю 4,132, а въ 47 станахъ восточной—3,038 жит. на квадр. милю, мы замѣчаемъ, что приращеніе населенія западной Галичины съ 1870 г., впродолженіе 12-ти лѣтъ, увеличилось на одинъ процентъ больше, чѣмъ въ восточной (Русской) Галичинѣ.

Вотъ среднія числовыя данныя о населеніи ея съ 1857 по 1870-й годъ, съ выводомъ процентовъ приращенія его за 12 лѣтъ.

№	Названіе б. уѣздовъ.	На одну квадр. милю приходилось:		Среднее число приращенія населенія.
		Въ 1857 году.	Въ 1870 году.	
1.	Въ Краковскомъ	5001	6184	24 проц.
2.	„ Вадовицкомъ	4388	4966	13 „
3.	„ Тарновскомъ	3988	4968	24 „
4.	„ Решовскомъ	3744	4378	16 „
5.	„ Сандечскомъ	3440	3853	12 „
6.	„ Чортковскомъ	4231	4990	17 „
7.	„ Тернопольскомъ	3839	4332	12 „
8.	„ Коломыйскомъ	3577	3619	1 „
9.	„ Перемышльскомъ	3421	4159	21 „
10.	„ Львовскомъ (кромѣ гор.)	3390	4232	24 „
11.	„ Станиславскомъ	3213	3442	7 „
12.	„ Бережанскомъ	3156	3660	15 „
13.	„ Сяноцкомъ	2920	3447	18 „
14.	„ Золочевскомъ	2914	3362	14 „
15.	„ Самборскомъ	2844	3531	24 „
16.	„ Жолковскомъ	2628	3132	19 „
17.	„ Стрыйскомъ	2082	3397	15 „
	Среднимъ числомъ, во всей Галичинѣ	3370	3972	17 „

Изъ этихъ данныхъ видно, что приращеніе народонаселенія по разнымъ мѣстамъ весьма различно. Такъ, въ бывшихъ уѣздахъ: Краковскомъ, Тарновскомъ, Львовскомъ и Самборскомъ, впродолженіе 12-ти лѣтъ, прибыло, среднимъ числомъ, 24%, въ Станиславскомъ—7%, а въ Коломыйскомъ только 1%. Въ нѣкоторыхъ станахъ

Нагорья, а именно въ Косовскомъ (гдѣ живутъ Гуцулы), населенность значительно уменьшилась, вѣроятно, вслѣдствіе эпидемій и голода.

Если сравнимъ статистическія цифры прежняго періода, то оказывается, что на одну квадратную милю приходилось среднимъ числомъ:

Въ 1817 году	. . .	2,769 жит.
„ 1827 „		3,265 „
„ 1837 „		3,132 „
„ 1846 „		3,527 „
„ 1857 „		3,370 „
„ 1870 „		3,972 „

Слѣдовательно, впродолженіе 52-хъ лѣтъ, населенія въ Галиціи прибыло на 43°|₀, т. е., ежегодно, среднимъ числомъ, на 0,8°|₀ [1]).

Въ 1874 году въ Галичинѣ считалось: 88 городовъ, 224 мѣстечка и 5,943 сельскихъ общины [2]).

Населеніе Галиціи, по классамъ, распредѣляется такъ: 32,400 дворянъ, 6,200 духовныхъ лицъ, 5,800 чиновниковъ, 1.500,000 мѣщанъ и ремесленниковъ; остальные же—земледѣльцы. Галичина доставляетъ Австріи 16 линейныхъ полковъ пѣхоты, 2 батальона стрѣлковъ, 8 полковъ уланъ, 2 полка драгунъ, 1 корпусъ фурштата [3]). Сверхъ того, призывается извѣстное количество въ артиллерію и другіе корпуса. Галиція доставляетъ для Австрійской арміи всего около 100,000 солдатъ. Въ случаѣ же большей надобности и при всеобщей воинской повинности, она могла бы выставить 200,000 человѣкъ. Рапацкій утверждаетъ, что одни жители Карпатскихъ горъ могли бы поставить 100,000 стрѣлковъ, которые, по своей мѣткой стрѣльбѣ, не уступили бы Тирольскимъ стрѣлкамъ [4]).

Галиція заключаетъ въ себѣ 1.355,373 кв. м. или 13.113,165 морговъ (Morgen, Ioch), которые распредѣлены между крупными и мелкими землевладѣльцами. Что касается до земельнаго надѣла, то въ этой области замѣтна большая разница между количествомъ земли, находя-

[1]) Ludność Galicyi przez Wład. Rapackiego. Lwów. 1874.—Statistisches Jahrbuch. Wien. 1874. Schematyzm królewstwa Galicyi i Lodomerii z wielkim księstwem Krakowskim. Lwów, 1874.
[2]) Schematyzm królestw Galicyi i Lodomeryi za 1874 rok.
[3]) H. Stupnicki: Gegraficzno-statystyczny opis królewstwa Galicyi i Lodomeryi. Lwów, 1864.
[4]) Ludność Galicyi, przez Wł. Rapackiego. Lwów, 1874.

щейся во владѣніи у крупныхъ землевладѣльцевъ (бывшихъ помѣщиковъ) и мелкихъ—бывшихъ крестьянъ, свободныхъ собственниковъ и мелкой шляхты. До отмѣны барщины и выкупа крестьянскаго надѣла отъ зависимости помѣщика въ 1848 г., земли въ Галичинѣ раздѣлялись на помѣщичьи и крестьянскія (Herrschafts-und Bauern-Gründe). Съ предоставленіемъ обоимъ классамъ опредѣленныхъ надѣловъ, это раздѣленіе осталось и послѣ освобожденія крестьянъ (3-го мая 1848 г.), подъ названіемъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія (Grossgrundbesitz und Kleingrundbesitz).

На основаніи такого раздѣленія, въ Галичинѣ, по послѣднемъ размежеваніи, было:

Пахатной земли . .	у крупныхъ землевладѣльцевъ	1.610,804 морг.
	у мелкихъ »	4.690,432 »
Луговъ и огородовъ	у крупныхъ »	412,345 »
	у мелкихъ »	1.381,030 »
Пастбищъ.	у крупныхъ »	303,834 »
	у мелкихъ »	1.054,483 »
Лѣсовъ	у крупныхъ »	3.660,957 »
	у мелкихъ »	351,073 »

И такъ занимаютъ:	мелкіе землевладѣльцы:	крупные землевладѣльцы:
Пахатныхъ полей . . .	74,4%	25,5%
Луговъ и огородовъ. . .	77,0	22,9%
Пастбищъ	77,0	22,3%
Лѣсовъ	9,5	90,4%
Всей удобной земли . . .	57,0%.	42,9%

Считая во всей Галичинѣ около 6,300 селъ и деревень и, приблизительно, 5,000 помѣщичьихъ участковъ, на одно населеніе, среднимъ числомъ, приходится 1,192 морга, а на одинъ барскій участокъ 1.176 морговъ удобной земли.

По даннымъ послѣдней народной переписи, всѣхъ землевладѣльцевъ (мелкихъ и крупныхъ) въ Галичинѣ считалось 658,426. Вычтя изъ этой суммы количество крупныхъ землевладѣльцевъ, окажется, что число мелкихъ землевладѣльцевъ (б. крестьянъ и участковыхъ собственниковъ б. шляхетскихъ селъ)—653,637.

Такимъ образомъ, на 100 собственниковъ мелкаго землевладѣнія приходится:

Пахатныхъ полей .	717	морговъ.
Луговъ и огородовъ.	211	»
Пастбищъ . . .	161	»
Лѣсовъ	53	»
Итого . .	1142	»

Между тѣмъ, какъ на 100 крупныхъ землевладѣльцевъ приходится:

Пахатной земли. . .	33,620	морговъ
Луговъ и огородовъ .	8,610	»
Пастбищъ	6,144	»
Лѣсовъ	69,314	»
Итого . .	117,688	»

Слѣдовательно, на одинъ участокъ крупнаго землевладѣнія приходится во сто разъ больше земли, чѣмъ на одного мелкаго землевладѣльца. Мелкое землевладѣніе до того раздроблено, что на одного собственника приходится только семь морговъ пахатной земли, изъ которыхъ удобной едва $^3/_4$, да и та плохо обработывается. Этими статистическими данными и объясняется тотъ фактъ, что, при относительно плодородной землѣ, Галичина производитъ незначительное количество хлѣба, и что, въ случаѣ неурожая, тамъ господствуетъ дороговизна, и неумолимый голодъ похищаетъ десятки тысячъ сельскаго народонаселенія. Однако, этотъ край — Червонная Русь, когда-то у Польскихъ писателей назывался текущимъ медомъ и молокомъ, да и теперь еще, какъ и прежде, эта область должна считаться преимущественно земледѣльческою, такъ какъ 83,5% народонаселенія прокармливается доходами отъ земледѣлія [1]). Лѣса и пастбища нераспредѣлены равномѣрно; выкупъ пастбищныхъ и лѣсорубныхъ сервитутовъ произведенъ съ вопіющею неправдою для бывшихъ крестьянъ, такъ что существованіе мелкихъ собственниковъ поставлено въ зависимость отъ владѣльцевъ лѣсовъ и пастбищъ, и всѣ мелкіе сельскіе хозяева доведены до крайняго раззоренія, между тѣмъ какъ крупные землевладѣльцы, получивъ выкупныя свидѣтельства (выше надлежащей цѣны земли), держатъ въ своемъ владѣніи 90% лѣсовъ

---

[1]) Rapacki; Ludność Galicyi. Lwów, 1874.

всего края и за необходимыя въ хозяйствѣ пастбища и рубку лѣса требуютъ отъ мелкихъ собственниковъ столько рабочихъ рукъ, что во многихъ мѣстахъ это почти равняется прежней даровой работѣ, въ видѣ барщины.

Буковина прежде составляла особый Черновецкій уѣздъ. Съ 1848 г. она составляетъ коронный край подъ именемъ воеводства (герцогства) Буковины, съ особымъ сеймомъ въ Черновцахъ.

Границы ея съ сѣвера: Чортковскій уѣздъ, съ сѣв.-зап. Коломыйскій, затѣмъ, Угрія и Семиградіе, а съ юго-востока Молдавія и Бессарабія.

Въ административномъ отношеніи Буковина раздѣляется на 8 становъ (старостствъ, Bezirke), съ мѣстопребываніемъ старостъ (становыхъ): въ Черновцахъ, Радовцахъ, Сочавѣ, Суретѣ, Вышницѣ, Сторожинцѣ, Коцманѣ и Кимполунгѣ. Въ судебномъ отношеніи она раздѣлена на 14 округовъ, такъ что, кромѣ вышеупомянутыхъ мѣстъ, находятся уѣздные судьи (Bezirksrichter): въ Заставнѣ, Садыгурѣ, Становцахъ, Солкѣ, Гурагуморѣ, Дорнѣ и Путиловѣ (кромѣ Черновецъ).

Въ Буковинѣ считается: 7 городовъ, 7 мѣстечекъ и 456 селъ [1]).

Большая часть Галицкаго населенія принадлежитъ къ Греко-уніатскому, такъ называемому, Русскому вѣроисповѣданію, распространившемуся преимущественно въ восточной и срединной Галичинѣ (Русь, Русскіе, Русины). Греко-Уніаты подчинены, іерархически, Львовской митрополіи и Перемышльской епископіи.

Православная епископская каѳедра, подчиненная Кіевской митрополіи, существовала въ Галичѣ со времени введенія христіанства въ Россіи. Въ XIV стол., послѣ разоренія Кіева Татарами и переселенія митрополита Кіевскаго и вся Руси на сѣверъ, Галицкіе князья позаботились объ учрежденіи особой самостоятельной Галицкой митрополіи, которая, послѣ завоеванія Поляками Червенской Руси, была низведена на степень епископіи, подчиненной Кіевскому митрополиту. Съ 1393 года Галицкая епископія была упразднена и епархіею управляли намѣстники Кіевскаго митрополита. Только въ 1540 году въ православные Галицкіе епископы былъ посвященъ Макарій Тучапскій, за которымъ до конца XVII вѣка слѣдовалъ рядъ православныхъ епископовъ. Въ 1700 году епископъ Іосифъ Шумлянскій, принявъ унію, явно подчинилъ свою епархію Римскому папѣ. Въ 1806

[1]) Буковинско-Русскій календарь на 1875 г., изд. Обществомъ «Русская Бесѣда» въ Черновцахъ.

году, по смерти послѣдняго Кіевскаго уніатскаго митрополита Θеодосія Ростоцкаго, Австрійскимъ правительствомъ Львовскій епископъ возведенъ въ достоинство митрополита, съ подчиненіемъ ему Перемышльской епархіи. Съ этого времени Львовскій святитель называется митрополитомъ Галицкимъ, архіепископомъ Львовскимъ и епископомъ Каменца-Подольскаго. Его епархія состоитъ изъ уѣздовъ: Львовскаго, Золочевскаго, Тернопольскаго, Чортковскаго, Бережанскаго, Стрыйскаго, Станиславскаго, Коломыйскаго и Буковины и занимаетъ 808,8 кв., миль, изъ которыхъ на долю Галичины приходится 627,4 и на Буковину 181,4 квадр. миль. Богослуженіе совершается на церковно-Славянскомъ языкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ церквей въ Буковинѣ, гдѣ служатъ на церковно-Славянскомъ и Румынскомъ языкахъ. Львовская епархія раздѣляется на 49 благочиній (намѣстничествъ, деканатовъ), въ которыхъ считается: 1,944 церкви, при нихъ 1,298 приходскихъ мѣстъ и 1,343 священника бѣлаго духовенства. Въ 8-ми мужскихъ монастыряхъ живетъ: 30 іеромонаховъ и 9 послушниковъ; въ одномъ женскомъ монастырѣ — 6 монахинь и 1 послушница. Въ 1872 г. всѣхъ жителей, принадлежавшихъ къ Греко-уніатскому вѣроисповѣданію было 1.515,688 душъ [1]). Въ 1874 г. числилось 1.492,686, т. е. на 23,002 меньше прежняго.

Перемышльская Греко-уніатская епархія существуетъ, безъ всякаго сомнѣнія, также со времени крещенія Руси. Перемышльскіе православные епископы слѣдовали одинъ за другимъ до 1691 года, когда епископъ Иннокентій Винницкій, совращенный въ унію, подчинился вмѣстѣ съ своей епархіею папѣ. Эта епархія состоитъ изъ уѣздовъ: Перемышльскаго, Жолковскаго, Самборскаго, Сяноцкаго, Сандечскаго, Решовскаго и Тарновскаго, имѣющихъ 467½ квадр. миль. Перемышльскіе епископы носятъ титулъ епископовъ: Перемышльскаго, Самборскаго и Сяноцкаго.

Епархія раздѣлена на 40 благочиній (деканатовъ), въ которыхъ считается: 754 приходскихъ мѣста и 1284 церкви; при нихъ 734 священника бѣлаго духовенства. Въ 6-ти мужскихъ монастыряхъ живетъ 28 монаховъ и въ одномъ женскомъ монастырѣ 6 монахинь.

---

[1]) См. Schematismus universi cleri archidioeceseos Metropolitanae Leopoliensis pro anno Domini 1872. Leopoli e typogr. instituti Stauropigiani, стр. 234. Ibid, 1874.

Въ 1873 г. въ Перемышльской епархіи считалось 842,144 души Греко-уніатскаго вѣроисповѣданія (Русскихъ) [1]).

Второе мѣсто, по вѣроисповѣданію, въ Галичинѣ занимаютъ Латиняне, преобладающіе числомъ въ западныхъ уѣздахъ (они—Польскаго происхожденія: Мазуры и Горали).

Латиняне подчинены Львовскому архіепископу и тремъ епископамъ, проживающимъ въ Перемышлѣ, Тарновѣ и Краковѣ. Латинское архіепископство учреждено послѣ завоеванія Галиціи Поляками, въ 1361 г., сначала въ Галичѣ, а въ 1411 году перенесено во Львовъ. Теперь въ составъ Римско-Католическаго архіепископства, кромѣ уѣздовъ Русской митрополіи, еще входитъ Жолковскій уѣздъ, т. е., оно занимаетъ 898,4 квадр. миль. Епархія раздѣлена на 25 деканатовъ (благочиній), въ которыхъ числится: 263 костела, 244 приходскихъ мѣста и 376 ксендзовъ бѣлаго духовенства. Въ 26 мужскихъ монастыряхъ, разбросанныхъ по всему краю, содержится: 152 монаха разныхъ орденовъ, 35 клириковъ и 60 послушниковъ. Въ 15 женскихъ монастыряхъ находится 175 монашествующихъ лицъ. Въ 1872 г. число Латинянъ въ Львовскомъ архіепископствѣ было 554,387 душъ, изъ которыхъ на Галицкіе уѣзды приходится 502,916 душъ и 51,471 душа на Буковину [2]).

Перемышльская Римско-католическая епархія учреждена въ 1375 г. и занимаетъ тѣ же уѣзды, какъ и Русская или Греко-уніатская, (кромѣ Жолковскаго, Тарновскаго и Сандечскаго), т. е. простирается на 410 квадр. миль. Епархія раздѣлена на 26 деканатовъ; въ нихъ считается: 299 костеловъ, 441 приходское мѣсто и 469 лицъ бѣлаго духовенства. Въ 23 мужскихъ монастыряхъ содержится: 104 монаха, 61 клирикъ и 58 послушниковъ; въ 9 женскихъ монастыряхъ—66 монахинь. Вообще, Латинянъ въ Перемышльской епархіи, въ 1874 году, было 767,998 душъ; уніатовъ (Русскихъ) считалось 848,472 души, Евреевъ же 111,666 душъ [3]).

---

[1]) Schematyzm Królewstwa Galicyi i Lodomeryi — na rok 1874. Lwów. «Схиматизмъ всего клира обряда Греческо-Русскаго епархіи Перемышльской». Перемышль. 1874.

[2]) Католическіе Львовскіе іерархи именовались издревле, по обычаю Римской церкви, *архіепископами*. Въ новѣйшее время они присвоили себѣ титулъ митрополитовъ, свойственный только Греческой церкви, который abusus въ 1860 г. утвержденъ папою Піемъ IX и остался законнымъ

[3]) Schematismus cleri dioecesani ritus latini Premisliensis pro anno 1874. Jasto, typis L. D. Stöger.

Римско-католическое Тарновское епископство недавно учреждено. Оно состоитъ изъ уѣздовъ: Тарновскаго, Сандечскаго, Вадовицкаго и части Краковскаго (т. е., бывшій Бохнянскій уѣздъ) и занимаетъ $395^{2}/_{3}$ квадр. миль. Епархія раздѣлена на 26 деканатовъ, въ которыхъ находится: 341 костелъ, при нихъ 330 приходскихъ мѣстъ и 533 ксендза бѣлаго духовенства. Въ мужскихъ монастыряхъ находится 60 монаховъ; въ 2 женскихъ—64 монахини. Въ Тарновской епархіи числится 1.076,257 душъ.

Учрежденіе Краковскаго Римско-католическаго епископства относятъ къ 966 г. Князь Мечиславъ I, перешедши изъ православія въ Латинство, въ этомъ году Краковскимъ епископомъ назначилъ Прохора. Прежняя Краковская епархія заключила въ себѣ всю Тарновскую и часть Перемышльской Латинской епархій и, затѣмъ, по лѣвой сторонѣ Вислы—воеводства: Краковское, Сандомирское, Люблинское и даже часть нынѣшней Прусской Силезіи. Бо́льшая часть нынѣшней Краковской епархіи находится въ Привислинскомъ краѣ и управляется викаріемъ, который живетъ въ Кѣльцахъ; меньшая часть—въ Австрійскомъ вел. княжествѣ Краковскомъ и бывшемъ Бохнянскомъ уѣздѣ. Она занимаетъ 654 кв. мили, раздѣлена на 5 деканатовъ, въ которыхъ находится: 75 костеловъ, при нихъ 43 прихода и 134 ксендза бѣлаго духовенства; въ 16 мужскихъ монастыряхъ содержится 219 монаховъ, а въ 13 женскихъ—341 монахиня. Въ Краковской епархіи насчитываютъ около 100.000 Римскихъ католиковъ.

Принадлежащіе къ Армяно-католическому вѣроисповѣданію управляются Львовскимъ Армянскимъ архіепископомъ. Здѣшніе Армяне, по большей части, принадлежатъ къ торговому классу, поселились въ Галичинѣ еще во время владѣнія ею Русскихъ князей. До первой половины XVII в. они были православными и имѣли своего епископа во Львовѣ. Въ 1626 г. епископъ ихъ Николай Торосовичъ подчинился власти папы, который каѳедру его возвелъ въ архіепископію. Богослуженіе совершается, частью, на Армянскомъ, частью же на Польскомъ (!) языкѣ. Армянская епархія занимаетъ восточные уѣзды Галичины и Буковину. Въ настоящее время въ ней считается только 10 приходскихъ церквей съ 19 священниками и 2,984 души; изъ того числа 882 души приходится на Буковину. Кромѣ того, въ Галичинѣ находится 126 душъ, а въ Буковинѣ 828, итого 954 души православныхъ Армянъ, неподчинившихся папѣ, которые имѣютъ своихъ цер-

ковныхъ настоятелей въ г. Сучавѣ. Богослуженіе у нихъ совершается на Армянскомъ языкѣ.

Православное (Греко-восточное) вѣроисповѣданіе сохранилось только въ Буковинѣ, гдѣ его можно назвать главнымъ и господствующимъ.

Буковинская епархія учреждена еще въ началѣ XV столѣтія Молдавскимъ воеводою Александромъ I Добрымъ, первоначально въ городѣ Радовцахъ (Radautz) и почти одновременно съ митрополіею Сучавскою, когда Галицкая епископія (или митрополія) была упразднена Польскимъ правительствомъ.

Въ 1630 г. Сучавскій митрополитъ перенесъ свою каѳедру въ Яссы, между тѣмъ резиденція Буковинскихъ епископовъ осталась въ Радовцахъ, и только по занятіи Буковины Австріею, въ 1784 г., епископская каѳедра переведена изъ Радовецъ въ главный городъ Черновцы, отчего епископы приняли титулъ Радовецкихъ епископовъ.

До присоединенія Буковины къ Австріи, епископы имѣли богатые фонды, имъ принадлежали имѣнія: Радовцы, Коцмань, Лашковка, Суховерховъ, Кливодинъ, Дэвидовцы (Davidestie) и Рогояна. Всѣ эти имѣнія въ 1786 г. Австрія присоединила къ казнѣ, и, учредивъ Буковинскій религіозный фондъ, распоряжается имъ по своему усмотрѣнію въ пользу не однихъ только православныхъ, но также и въ пользу католиковъ и уніатовъ.

Въ 1873 г. Буковинская епископія возведена на степень архіепископіи и митрополіи Буковинской и Далматинской, и митрополиту подчинены два православныхъ епископа въ Далмаціи (!). Епархіальная власть митрополита распространяется собственно на православныхъ въ Буковинѣ и Галичинѣ. Черновецкая епархія раздѣлена на 12 благочиній (протопресбитератовъ), въ которыхъ въ 1874 году находилось: 285 церквей, при нихъ 286 приходскихъ мѣстъ и 269 священниковъ бѣлаго духовенства; въ 3 мужескихъ монастыряхъ: въ Путнѣ, Сучавицѣ и Драгоміриѣ—34 монаха и послушника [1]). Богослуженіе совершается, частью, на церковно-Славянскомъ и, частью, на Румынскомъ языкахъ. Православныхъ въ Буковинской епархіи, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, считается 407,949 душъ. Въ Галиціи суще-

[1]) См. Schematismus der Bukovinaer griechisch-orientalischen Erzdiözese-Czernowitz, 1874.

ствуетъ только одна православная приходская церковь (въ Львовѣ) съ однимъ приходскимъ священникомъ, который служитъ обѣдню на церковно-Славянскомъ и Румынскомъ языкахъ. Въ своемъ приходѣ онъ считаетъ, кромѣ военныхъ, только 60 прихожанъ (?).

Въ Буковинѣ существуетъ нѣсколько поселеній Великороссійскихъ раскольниковъ — поповцевъ и безпоповцевъ. Первые имѣютъ даже своего (мнимаго) митрополита и одинъ монастырь. Число раскольниковъ (Филиппованъ или Пилиппоновъ) полагаютъ въ 3,000 душъ[1].

Протестантская церковь въ Галичинѣ и Буковинѣ состоитъ подъ управленіемъ Львовскаго суперинтендента, которому подчинены 4 сеніората и 26 приходскихъ мѣстъ: 22 для аугсбургскаго и 4 для гельветскаго исповѣданій.

Протестантовъ	въ	Галичинѣ	считается	37,125 душъ.
„	„	Буковинѣ	„	11,394 „
		Итого	. .	48,519 душъ.

Богослуженіе у нихъ вездѣ совершается на Нѣмецкомъ языкѣ; впрочемъ, въ трехъ мѣстностяхъ, въ Буковинѣ, служатъ на Мадьярскомъ языкѣ, для поселившихся тамъ Мадьяръ. Къ протестантскому вѣроисповѣданію принадлежатъ, по большей части, Нѣмцы-колонисты, затѣмъ, чиновники, купцы и пр. Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, во время царствованія императора Іосифа II, въ южныхъ уѣздахъ Галичины и Буковины поселилось 2,827 Нѣмецкихъ семействъ, состоящихъ изъ 12,475 душъ, которымъ отведено 154,000 морговъ земли, и на обзаведеніе ихъ правительство израсходовало 2,575,561 гульденовъ серебромъ. Потомки этихъ колонистовъ составляютъ большую часть протестантскаго населенія въ краѣ.

Исповѣдающіе іудейство раздѣляются на талмудистовъ и караимовъ. Евреи-талмудисты, покровительствуемые королемъ Казиміромъ Великимъ и др. Польскими королями, изъ Германіи переселились въ города Галицкой земли. Они имѣютъ теперь одного старшаго раввина (въ Краковѣ) и 28 раввиновъ.

Всѣхъ евреевъ (талмудистовъ):

---

[1]) Dr. A. Ficker. Bevölkerung der österreichischen Monarchie. Gotha, 1860. Въ Буковинско-Русскомъ календарѣ за 1875 годъ, изд. въ Черновцахъ, показано раскольниковъ 2,929 душъ.

въ Галичинѣ . . . 575,433 души.
въ Буковинѣ . . . 47,772 „

Итого. . 623,105 душъ.

Караимы переселились въ г. Галичъ изъ Крыма, еще при Русскихъ князьяхъ, въ XIII и XIV столѣтіяхъ. Тутъ они имѣютъ своего раввина и свою молельню. Караимовъ считается не больше 250 душъ, которые живутъ въ г. Галичѣ и его окрестностяхъ.

По послѣдней переписи, народонаселеніе Галичины по вѣроисповѣданіямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Греко-уніаты:		Латиняне:		Евреи:		Протестанты:	Другихъ вѣроисповѣданій.
	Число населенія:	%	Число населенія:	%	Число населенія	%	Число населенія	Число населенія
Въ 74 уѣздахъ восточн. Галиціи . .	2230121	65,8	702158	20,7	424684	12,5		
Въ 27 уѣздахъ западн. Галиціи . .	81788	4	1788141	88	150749	7,5		
Всего:	2311909	—	2490299	—	575433	—	37125	3200

Среднимъ числомъ, въ Галичинѣ въ 1857—1870 годахъ было:

По вѣроисповѣданіямъ:	Въ 1857 г.	Въ 1870 г.
Греко-уніатовъ. . .	44 проц.	42 проц.
Латинянъ	44 „	45 „
Евреевъ	9 „	10,7 „
Протестантовъ . . .	0,6 „	0,6 „

Слѣдовательно, впродолженіе 12-ти лѣтъ, въ Галиціи уніатское населеніе, по отношенію къ общей суммѣ жителей, уменьшилось на

2%; напротивъ того, Римско-католическое населеніе увеличилось на 1%, а Еврейское—1,3%. Протестантское осталось in statu quo [1]).

б) Угорщина, Угрія (Венгрія).

На южномъ склонѣ Карпатскихъ горъ находится Угорское королевство или Угрія (Венгрія). Оно основано въ 899—907 г. на развалинахъ Славянскихъ княжествъ въ древней Панноніи, завоеванныхъ Мадьярами или Уграми, кочевавшими до этого времени въ степяхъ южной Россіи, нижняго Прута и Дуная, и увеличилось, съ теченіемъ времени, присоединеніемъ сосѣднихъ Славянскихъ земель. Угорское королевство (за исключеніемъ лишь федерально соединенныхъ областей) занимаетъ 3727,67 Австр. или 3896,033 геогр. квадр. миль.

Изъ 35.869,300 встр. морговъ,—удобной земли 30.115,864 морга. Въ этомъ числѣ:

Пахатной земли . . .	12.175,840	мор.
Подъ виноградниками .	484,865	„
Подъ лугами и огородами	4.177,070	„
Подъ пастбищами . .	5.176,917	„
Подъ лѣсами . . .	8.101,172	„
Неудобной же земли. .	5.753,436	„

Народонаселенія въ Угріи, въ 1865 г., считалось 10.814,206 душъ обоего пола [2]), т. е., 2,901 душа приходилась на одну Австр. квадр. милю.

Угрія своими рѣками раздѣляется на 4 области: 1) пред-Дунайскую, 2) за-Дунайскую (Верхняя Угрія), 3) пред-Тисскую и 4) за-Тисскую (Нижняя Угрія). Эти области, въ свою очередь, подраздѣляются на 46 стóлицъ (комитатовъ, Gespannschaften) и 4 уѣзда (Districten).

Русское населеніе живетъ въ Угріи только въ сѣверовосточныхъ стóлицахъ пред-Тисской и за-Тисской областей, а именно въ стóлицахъ: Спишской, Шаришской, Абауйварской, Торнянской, Гемерской, Боршодской, Земплинской, Ужгородской или Ужанской, Бережской, Угочской, Мáраморошской, Сатмарской и Саболчской.

Пространство этихъ стóлицъ и народонаселеніе ихъ д-ръ Фикеръ [3]) высчитываетъ слѣдующимъ образомъ:

---

[1]) Rapacki: Ludność Galicyi. Lwów, 1874.
[2]) «Naucny Slovnik», v Praze, 1872. IX. T., стр. 712.
[3]) См. Bevölkerung der österreichischen Monarchie in ihren wichtigsten Momenten statistisch dargestellt von Dr. A. Ficker K. K. Ministerialsekretär. Gotha, Justus Perthes, 1860.

	квадр. миль:	жителей:	на квадр. милю:
1. Спишская столица . .	67,15	159,905	2,381
2. Шаришская	69,16	146,333	2,114
3. Абауйварская и Торнянская	60,28	149,951	2,487
4. Гемерская.	73,28	159,008	2,156
5. Боршодская	64,13	174,429	2,720
6. Земплинская	112,44	245,269	2,181
7. Ужанская.	55,18	98,607	1,787
8. Бережско-Угочская . .	89,03	184,424	2,071
9. Мараморошская . . .	189,07	284,472	976
10. Сатмарская	107,34	249,000	2,320
11. Саболчская	55,18	146,248	2,650
Итого:	937,041	1.897,846	2,167⁶/₁₁.

Изъ этихъ данныхъ видно, что восточныя столицы населены менѣе, чѣмъ западныя.

На территоріи, занимаемой Угорскими Русскими, находится двѣ Греко-уніатскія епархіи: Мукачевская и Пряшевская, которымъ, въ церковномъ отношеніи, подчинено все Русское населеніе страны. Время учрежденія Мукачевской епархіи невозможно опредѣлить съ достовѣрностію; вѣроятно, она существовала еще до нашествія Мадьяръ, со времени крещенія Паннонскихъ Славянъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Послѣ своего перехода [1]) въ латинство, король Стефанъ учреждалъ и возобновлялъ епископіи въ разныхъ мѣстахъ своего государства, но не назначилъ ни одного епископа въ сѣверо-восточной Угріи. Тамъ, безъ

[1]) Алексій Горанiй, ссылаясь на Кедрена и Зонара, пишетъ, что около 940 года два Угорскіе вождя Булча и Дюля крестились въ Константинополѣ, и тамошній патріархъ Ѳеофилактъ назначилъ Іероѳея епископомъ Угріи (Мадьярской земли). Греческіе проповѣдники, пришедшіе съ Іероѳеемъ въ Угорскую землю, многихъ обратили въ христіанство, между прочимъ, и Шарлотту, дочь Семиградскаго воеводы Дюли, которая содѣйствовала къ обращенію въ христіанство ея мужа Гейзу, отца короля Стефана. Этотъ послѣдній владѣтель былъ крещенъ и воспитанъ въ Греческой вѣрѣ, и только послѣ женитьбы на Баварской княжнѣ Гизелѣ ввелъ латинскую вѣру. (Comment. de s. reg. Hungar. corona. Стр. 86). Ritum graecum Hungaria Hierotheo acceperunt, ritus vero latinus inductus est ab illis, qui cum Gisela, uxore Stephani, ex Germania in Hungariam venerunt. Впрочемъ, есть извѣстія, что и первая жена Гейзы была Русская княжна православнаго исповѣданія, извѣстная подъ именемъ *Бѣлой княгини*. (А. Балудянскій: Церковная исторія. 3-е изд. стр. 190. Вѣна. 1852 г.).

сомнѣнія, существовало первоначальное православіе съ своимъ самостоятельнымъ іерархомъ. Впрочемъ, по увѣренію Анонима Белы Нотарія, эта земля въ то время не принадлежала Мадьярскому государству, а причислялась къ Руси и входила въ составъ владѣній Владиміра Великаго. Въ XIV столѣтіи (1339 г.) Литовско-Русскій князь Өедоръ Коріятовичъ, съ многочисленнымъ народомъ, переселился за Карпаты и, получивъ въ удѣлъ отъ короля Карла-Роберта Мукачевское княжество, основалъ на Чернечской горѣ (mons Csernek), въ Мукачевѣ, монастырь, настоятель котораго былъ вмѣстѣ и епископомъ. Православіе среди Русскаго народа сохранялось до половины XVII столѣтія. Въ 1649 г. епископъ Петръ Парөеній, послѣ ужасныхъ гоненій, перенесенныхъ его предшественникомъ за исповѣданіе православной вѣры, съ 400 священниковъ принужденъ былъ припринять унію, хотя народъ еще долго не хотѣлъ подчиняться папамъ. Вслѣдствіе принятія уніи, Мукачевскій епископъ сначала подчиненъ былъ Ягерскому (Эрлаускому) Латинскому архіепископу; въ 1771 г. Русскія епархіи получили свою самостоятельность, но и послѣ того Русскій народъ все-таки вынужденъ былъ давать десятую долю (съ полей и виноградниковъ) не своимъ, а Римско-католическимъ епископамъ.

Теперешняя Греко-уніятская (Русская) Мукачевская епархія занимаетъ сѣверо-восточныя столицы (комитаты) и раздѣляется на 7 архидіаконатовъ, называемыхъ по столицамъ. До 1856 г. эти архидіаконаты были раздѣлены на 44 блигочинія (дистрикта), которыя распредѣлены по архидіаконатамъ слѣдующимъ образомъ: въ Берeжскомъ 8, въ Мараморошскомъ 10, въ Саболчскомъ 5, въ Сатмарскомъ 2, въ Угочскомъ 3, въ Ужскомъ и въ Земплинскомъ 8 [1]). Во всѣхъ благочиніяхъ считается: 399 приходскихъ мѣстъ, 456 церквей, при нихъ 376 мірскихъ священниковъ; въ 5 мужескихъ монастыряхъ было 39 монаховъ и послушниковъ. Въ 1853 г. въ Мукачевской епархіи считалось 462,625 душъ обоего пола [2]).

Если изъ этого числа вычесть 105,000 Румынъ и 40,000 Мадьяръ, т. е., 145,000 душъ, то окажется, что до 1856 года въ Мука-

---

[1]) Cchematismus cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkácsiensis pro anno Domini. 1872. Unghvarini.

[2]) Cehematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioeceseos Munkàcsiensis pro anno 1853. Cassoviae. Въ 1856 г., по причинѣ бывшей въ 1855—1856 г. отъ голода и холеры сильной смертности, считалось: 451,273 д., т. е. 11,352 д. менѣе противъ 1853 г.

чевской епархіи населеніе Русской народности составляло 317,625 душъ.

Въ 1856 г. (7 сентября), для образованія новоучрежденной въ Семиградіи уніятской Самошъ-Уйварской епархіи отдѣлены отъ Мукачевской епархіи и присоединены къ первой 94 прихода съ 105,114 душами почти исключительно Румынской народности.

Такимъ образомъ, Греко-уніатовъ Мадьярской и Румынской народностей	40,000 д.
Отшедшихъ къ Самошъ-Уйварской епархіи Румынскихъ уніятовъ	105,114 »
Итого иноязычныхъ	145,114 »

Затѣмъ, отчисливъ изъ вышеприведенной суммы народонаселенія Греко-уніятовъ въ Мукачевской епархіи (462,625 д.) число иноязычныхъ уніятовъ (145,114 д.), получимъ число Русскихъ уніятовъ: 317,511 д., т. е. почти туже сумму, какая показана нами въ прежнемъ нашемъ исчисленіи (317,625 д.) Въ 1872 г., по спискамъ епархіальныхъ властей, въ Мукачевской епархіи находилось 376 приходскихъ селъ съ 1069 приписными селами и деревнями, въ которыхъ было 421,775 душъ обоего пола.

Пряшевская епархія учреждена въ недавнее время. Въ 1816 г. императоръ и король Францъ I приказалъ отдѣлить отъ обширной Мукачевской епархіи ея западныя столицы и учредить изъ нихъ особую Греко-уніятскую епархію, которая въ 1818 г. и была образована. Однако, эта епархія, какъ и Мукачевская, подчинена ставропигіи (?!) латинскаго Остригомскаго (Гранскаго) архіепископа. Пряшевскую Греко-уніятскую епархію составили слѣдующія столицы: 1) Абауйварская (21 приходъ), 2) Боршодская (11 приходовъ), 3) Гемерская (2 прихода), 4) Шаришская (73 прихода), 5) Спишская (18 приходовъ), 6) Торнянская (3 прихода) и 7) часть Земненской столицы (59 приходовъ). Епархія раздѣляется на 5 архидіаконатовъ, подраздѣленныхъ на 17 благочиній (districtus), въ которыхъ считается: 188 приходскихъ мѣстъ, 303 церкви, при нихъ 207 мірскихъ священниковъ; въ 2 мужскихъ монастыряхъ 9 монаховъ и послушниковъ. Во всей Пряшевской епархіи, въ 1855 году, считалось 149,675 душъ обоего пола [1]).

[1]) См. Schematismus venerabilis cleri r. gr. c. dioecesis Eperiessiensis pro anno 1855. Eperiessini. Schemat. cleri r. gr. c. dioec. Eperiess. pro anno 1870. Cassoviae.

Въ 1870 году, по даннымъ епархіальныхъ отчетовъ, въ Пряшевской епархіи считалось: въ 187 приходскихъ и 1228 приписныхъ селахъ и деревняхъ всего 154,625 душъ.

Въ Пряшевской епархіи (именно: въ Абауйварскомъ и Боршодскомъ архидіаконатахъ) находится 32 прихода, въ которыхъ населеніе одинаково употребляетъ свое Славяно-Русское нарѣчіе и Мадьярскій языкъ, но причисляется къ Мадьярской народности. На этомъ основаніи, общая сумма населенія Пряшевской епархіи (154,625 д.) слагается изъ 8,350 Мадьяръ и 146,275 Русскихъ [1]).

Кромѣ того, въ Велико-Варадской уніатской епархіи (Саболчской, Чанадской и Бигарской стол.), въ двухъ селахъ, тамошними жителями издавна употребляется только Русскій языкъ; въ 1740—1752 гг. 3 прихода учреждены нарочно для Русскихъ (pro parte Ruthenorum); въ трехъ же живутъ Русскіе въ перемежку съ Румынами и Мадьярами. Такимъ образомъ, въ Вел. Варадской епархіи Русскихъ, круглымъ числомъ, можно считать до 5.000 душъ.

Наконецъ, слѣдуетъ прибавить, что въ Бачской столицѣ (б. Сербскомъ воеводствѣ) находятся два села Русскихъ поселенцевъ, которые, вышедши въ концѣ XVIII ст. изъ Земненской столицы, поселились среди Сербовъ и основали двѣ Русскія деревни: Керестуръ и Куцура, и до сихъ поръ сохранили свою народность. Эти Русскіе поселенцы сначала были подчинены церковной власти Колочскаго Латинскаго епископа, но такъ какъ они обнаруживали явное отвращеніе къ Латинству и чаще посѣщали Сербскія православныя церкви, нежели чѣмъ Латинскіе костелы, то правительство подчинило ихъ Крижевецкому Греко-уніатскому епископству, въ Хорватіи [2]).

Въ 1874 г. въ приходѣ Керестуръ считалось . .	4,961 д.
» » » въ приходѣ Куцура . . , . .	2,699 »
Итого въ Бачкѣ Русскихъ	7,660 д.

Въ Керестурѣ, при церкви св. Николая, есть два священника и содержится Русская народная школа, въ которой обучается 491 чел. дѣтей. Въ Куцурѣ есть также приходская церковь Успенія Пресв. Богородицы; при этой церкви два священника и народная школа, въ которой обучается 406 чел. дѣтей. Эти два прихода, значитель-

[1]) Исторію Пряшевской Епархіи, написанную Духновичемъ и переведенную съ латинскаго на Русскій языкъ покойнымъ прот. Кустодіевымъ, С.-Петербургскій Отдѣлъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ настоящее время издаетъ отдѣльною брошюрою. *Ред.*

[2]) Балудянскій А.: Церковная исторія. Вѣна. 1852 г. стр. 328.

но отдаленные отъ своей епархіи, населеннѣе всѣхъ приходовъ весьма немноголюдной Крижевецкой епархіи, въ которой есть приходы, состоящіе изъ 38—86 душъ, и въ которой всего уніятскихъ приходовъ считается: въ Хорватіи 11, въ Далмаціи 4, въ Славоніи, Банатѣ и Бачкѣ 6, т. е. 21 уніатскій приходъ, съ 17 церквами и только 16,626 прихожанами обоего пола [1]). Однакоже, несмотря на такое малолюдство этихъ приходовъ, правительство поддерживаетъ ихъ для пріобрѣтенія прозелитовъ среди сплошныхъ массъ православныхъ Сербовъ. Во всѣхъ приходахъ богослуженіе совершается на церковно-Славянскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ, Русскихъ въ Угріи и присоединенныхъ къ ней земляхъ находится:

Въ Мукачевской епархіи	317,625	душъ.
» Пряшевской	146,275	»
» Велико-Варадской епархіи . .	5,000	»
» Крижевецкой	7,660	»
Итого . . .	476,560	»

На территоріи, занимаемой, по преимуществу, Русскими, въ Угорщинѣ, живутъ также Латиняне, протестанты, которые, по своей народности, суть: Словаки, Нѣмцы и Мадьяры, затѣмъ—кальвины (протестантскаго гельветскаго исповѣданія), по большей части—Мадьяры, Нѣмцы, и, наконецъ, Евреи. Латиняне въ церковномъ отношеніи подчинены Римско-католическимъ епископамъ въ Сатмарѣ, Кошицахъ (Kaschau) и др. Протестанты же подчинены суперинтендентамъ.

Сатмарская Римско-католическая епархія занимаетъ столицы: Сатмарскую, Марамарошскую, Угочскую, Бережскую и Ужгородскую.

По документамъ Сатмарской Римско-католической епархіи (діецезіи), въ 1870 г., въ ней было: 79 приходскихъ мѣстъ и 91 костелъ; при нихъ 116 мірскихъ ксендзовъ и Римско-католическаго населенія 106,057 душъ обоего пола. Въ 7 монастыряхъ содержалось 63 монаха.

Въ той же епархіи жителей, принадлежащихъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, считалось:

Греко-уніатовъ	439,272 д.
Православныхъ	43 »

[1]) Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Crisiensis pro anno 1859. Zagrabiae. Христіанское Чтеніе. Спб. 1875 г. VI, стр. 448.

Протестантовъ аугсбургскаго исповѣданія . . . . 2,559 д.
Протестантовъ гельветскаго исповѣданія . . . . 145,580 »
Евреевъ . . . . 55,168 »

Въ Сатмарской Рим.-кат. епархіи было:	Рим.-кат. приходовъ:	Душъ обоего пола.					
		Греко-уніатовъ:	Православн.	Латинянъ:	Протестантовъ: Аугсбург. исповѣд.	Протестантовъ: Гельветск. исповѣд.	Евреевъ:
Въ 1831 г.	73	352,099	49	78,329	1,514	152,253	26,292
» 1835 »	76	369,353	38	80,926	1,680	140,421	26.532
» 1870 »	79	439,272	43	106,047	2.559	145,580	55,168

Кошицкая (Kaschauer) Латинская епархія (діецезія) заключаетъ въ себѣ комитаты: Абауйварскій, Шаришскій и Земплинскій. Въ 1871 году въ ней насчитывалось 449 костеловъ; при нихъ было 294 мірскихъ ксендза и 294,268 душъ Латинянъ. Въ 12 монастыряхъ мужскихъ и женскихъ содержалось 98 чел. монаховъ и монахинь.

Сверхъ того, на территоріи этой епархіи жителей другихъ вѣроисповѣданій находилось:

Греко-уніатовъ . . . . 151.024 д.
Православныхъ . . . . 55 »
Протестантовъ аугсбургскаго исповѣданія . . . . 27,522 »
Протестантовъ гельветскаго исповѣданія . . . . 85,097 »
Евреевъ . . . . 55.223 »

Въ Кошицкой Рим.-кат. епархіи было:	Рим.-кат. приходовъ:	Душъ обоего пола.					
		Греко-уніатовъ:	Православн.	Латинянъ:	Протестантовъ: Аугсбург. исповѣд.	Протестантовъ: Гельвет. исповѣд.	Евреевъ:
Въ 1839 г.	191	130,000	253	284,042	29,910	90,128	28,768
» 1871 »	197	151,024	55	294,268	27,522	85,097	55,223

Изъ этихъ таблицъ видно, что число Латинянъ и Евреевъ значительно увеличивается, а число православныхъ и протестантовъ, напротивъ, уменьшается [1]).

Наконецъ, остается свести итоги всѣхъ жителей Русской народности въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угріи.

Въ Львовской епархіи (1872 г.)	1.515,688 д.
Въ Перемышльской	819,675 »
Всего въ Галичинѣ и Буковинѣ (уніятовъ):	2.335,363 д.
Въ Мукачевской епархіи	317,625 д.
» Пряшевской	146,275 »
» Велико-Варадской.	5.000 »
» Крижевецкой	7.660 »
Всего въ Угріи (уніятовъ). .	476,560 д.
Въ Черновецкой епархіи (православныхъ) . . .	208,000 д.
» Русскихъ раскольниковъ	3.000 »
Такимъ образомъ, всего народонаселенія Русской народности въ Австріи	3.022,723 »

Распредѣленіе народонаселенія, по происхожденію и народности, представляетъ неимовѣрныя затрудненія. Нѣтъ возможности со всею точностію обозначить ни границъ населенія, ни вѣрно опредѣлить численность его. Эти неодолимыя затрудненія давно встрѣчаютъ всѣ этнографы и статистики, трудившіеся надъ разработкой указанныхъ вопросовъ. Самъ баронъ Чернигъ жалуется на то, что, при всѣхъ своихъ усиліяхъ и средствахъ, онъ не былъ въ состояніи одолѣть эти трудности. Надо замѣтить, что даже правительственные органы иногда не давали ему совершенно вѣрныхъ числовыхъ данныхъ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, чиновники, увлекаясь Польскимъ и Мадьярскимъ патріотизмомъ, или Латинскимъ фанатизмомъ, очень часто въ оффиціальныхъ документахъ намѣренно уменьшаютъ число Русскихъ. Зная, по

[1]) См. Schematismus almæ diœcesis Szathmáriensis ad annum 1870. Szathmárini. Schematismus venerabilis cleri diœcessis Cassoviensis ad annum Jesu Christi 1871. Cassoviæ.

[2]) K. Czörnig. Ethnographie des österreichischen Kaiserthums. Wien, 1855. T. I, стр. VII.

опыту, неблагонадежность статистическихъ данныхъ Австрійскихъ правительственныхъ органовъ на счетъ Русскаго населенія, мы, въ нашихъ очеркахъ, опирались на наши собственныя наблюденія и соображенія и придерживались болѣе точныхъ свѣдѣній духовныхъ вѣдомствъ: они кажутся намъ болѣе вѣрными. Дѣло въ томъ, что у каждаго приходскаго священника находятся, кромѣ метрическихъ книгъ, списки всѣхъ живущихъ въ приходѣ душъ (status animarum), которые, при всякой возможности, пополняются и исправляются и на основаніи которыхъ священники представляютъ въ консисторіи свои ежегодные отчеты. По каждому приходу въ Угорскихъ епархіяхъ обозначается и языкъ, употребляемый народомъ въ извѣстной мѣстности, т. е., обозначается, на какомъ языкѣ священникъ говоритъ проповѣди, обучаетъ дѣтей и обращается къ своимъ прихожанамъ. Эти списки и отчоты—самый лучшій критерій для изученія Русской народности. Что касается Галичины, то можно положительно утверждать, что почти всѣ уніаты, по происхожденію, — Русскіе. Напротивъ того, можно фактически доказать, что многіе природные Русскіе въ Галичинѣ и въ Угріи, въ разныя времена перешедши въ Латинство, стали причисляться къ Польской, или Мадьярской народностямъ. Еслибы этихъ ренегатовъ—прозелитовъ вычесть изъ числа Поляковъ, Мадьяръ и Румынъ, то общее количество Русскихъ (по происхожденію) увеличилось бы болѣе, чѣмъ на 400,000. Такимъ образомъ, Русскаго народонаселенія въ Австріи было бы три съ половиною милліона, а можетъ быть, и четыре милліона.

Яковъ Головацкій.

МИНУВШЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

У СЕРБОВЪ-ЛУЖИЧАНЪ [1])

Въ сочиненіяхъ Славянскихъ писателей хотя и встрѣчаются свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Сербовъ-Лужичанъ, но, во всякомъ случаѣ, о нихъ знаютъ лишь въ небольшомъ кругу читателей. Было бы желательно, чтобы объ этомъ предметѣ писалось больше и, въ особенности, чтобы было обращено вниманіе на историческую жизнь Сербовъ-Лужичанъ втеченіе послѣднихъ лѣтъ. Бросить взглядъ на истекшее десятилѣтіе у Сербовъ-Лужичанъ, намъ кажется, тѣмъ интереснѣе, что именно это время особенно было богато замѣчательными политическими событіями, и что въ этотъ же періодъ времени были приняты у нихъ соотвѣтственныя мѣры для охраненія и дальнѣйшаго развитія Сербо-Лужицкаго нарѣчія.

Съ 1863 г., принимаемаго нами въ нашемъ очеркѣ за исходную точку, предѣлы Лужицкой земли остались тѣ же по настоящее время.

Въ Сербской части Верхнихъ-Лужицъ стала Нѣмецкою только приходская церковь въ Дубцѣ (Даубитцъ),—селѣ, онѣмеченномъ еще раньше, 20 лѣтъ тому назадъ; шесть же Сербскихъ деревень, приписанныхъ къ ея приходу, отошли къ Рыхвалдскому приходу, а именно: Моколцъ, Штыри-Дубы, Старый-Любольнь, Нападь, Замосты и Гора.

---

[1]) Нѣмцы называютъ ихъ Вендами.

Въ Сербской части Нижнихъ-Лужицъ, Сербско-Лужицкая національность въ 1864 году лишилась приходской церкви въ Любневѣ (Люббенау), хотя обѣ деревни, приписанныя къ ней: Леда (Леде) и Липье (Лейпе) остались Сербскими.

Поэтому, слѣдующіе приходы вмѣстѣ съ приписанными къ нимъ деревнями, остались, по прежнему, Сербскими (исключеніе составляетъ нѣсколько деревень, лежащихъ по окраинамъ):

1. Въ Верхнихъ-Лужицахъ: а) въ Саксонской части: Будышинъ (Баутценъ; 1 католическій и 1 протестантскій приходы), Каменецъ (Каменцъ), Любій (Лёбау), Воспоркъ (Вейссенбергъ)—это все городскіе приходы со смѣшаннымъ Сербскимъ и Нѣмецкимъ населеніемъ; затѣмъ, протестантскіе сельскіе приходы (католическіе мы отмѣчаемъ звѣздочками): Бартъ (Барутъ), Будэстецы (Поствитцъ), Будышинкъ (Клейнбаутценъ), Букецы (Гохкирхъ), Гутьина (Гуттау), Годый (Гёда), Гродьищо (Грёдитцъ), Гуска (Гауссигъ), Кетлицы (Киттлитцъ), Клюкшь (Клюксъ), Котэцы (Котитцъ), Хростьицы (Кроствитцъ*), Малешецы (Мальшвитцъ), Минакалъ (Милькель), Небельчицы (Небельшитцъ*), Нєсвачидло (Нешвитцъ), Носатьицы (Ноститцъ), Пальовъ (Пола), Поршицы (Пуршвитцъ), Радворь (Радиборъ*), Ракецы (Кёнигсварта), Ральбицы (Ральбитцъ*), Смѣльна (Шмёлльнъ), Велетьинъ (Вильтэнъ), Вослинкъ (Оселингъ), Вотровъ (Остро*), Вуѣздъ-Горній (Угистъ-на-Таухерѣ); б) въ Прусской части: Воерецы (Гойерсверда), Кульовъ (Виттихенау *) и Мужаковъ (Мускау)—городскіе приходы; затѣмъ, протестантскіе сельскіе приходы распредѣлены между тремя суперинтендентствами: Блюнь (Блюно), Холмцъ-Черный (Шварцкулльмъ), Лейно (Гейерсвальде), Лазъ (Лоса), Лутьо (Мерцдорфъ), Парцовъ (Гросспартвитцъ), Шпревицы (Шпреевитцъ), Вуѣздъ-Дэльній (Угистъ-на-Шпрее), Здьяры (Гроссзерхенъ), Долга-Борщъ (Лангфёрстхенъ), Гбѣльскъ (Гебельцигъ), Гозница (Петерсгайнъ), Кришовъ (Криша), Холмъ (Колльмъ), Вулькій-Радшовъ (Гроссрадишъ), Яблоньцъ (Габленцъ), Клѣтно (Клиттенъ), Кребя (Креба), Рыхвалдъ (Рейхвальде), Слѣпо (Шлейфе) и Вохозы (Нохтенъ).

2. Въ Нижнихъ-Лужицахъ: а) въ Хотебузскомъ суперинтенденствѣ: Хотебузъ (Коттбусъ, городъ), Пицнь (Пейтцъ, городъ), Борковы (Бургъ), Брязына (Бризенъ), Дэшно (Диссенъ), Гоголовъ (Гагель), Голкойцы (Колквитцъ), Гурёновъ (Комптендорфъ), Охоза (Драхгаузенъ), Яншойце (Іеншвальде), Клинка (Клинге), Корень (Каренъ), Кришовъ (Кришовъ), Лишковъ (Гроссъ-Лисковъ), Лютоль (Лейтенъ), Модлей

(Мадло), Попойце (Папитцъ), Прявозъ (Фэровъ), Слыховъ (Шлихо) и Вербно (Вербенъ); б) въ Гродецкомъ суперинтендентствѣ: Гродкъ (Шпремберг, городъ), Буковъ (Гроссбукковъ), Добрыне (Гросседёбернъ), Ясень (Іессенъ), Лѣще (Горно), Лоіовъ (Луя), Сывикъ (Граунштейнъ) и Трядовъ (Страдовъ); в) въ Старо-Дарбньскомъ суперинтендентствѣ: Стара-Дарбня (Альтёдбернъ), Дрѣвкъ (Дребкау, городъ), Лута (Лауте), Малинь (Грейфенгайнъ), Рань (Гроссрэшенъ), Штьеньца (Штейнитцъ), Вики (Петерсгайнъ), Вѣтошовъ (Фетшау, городъ) и Коморовъ (Зенфтенбергъ, городъ). Изъ числа этихъ Нижне-Лужицкихъ приходовъ, перечисленныхъ подъ литерою *в*, въ трехъ, или четырехъ городахъ существуютъ только нѣмецкіе проповѣдники.

Точной карты нынѣшней Лужицкой области, составъ которой мы сейчасъ обозначили по приходамъ, еще не существуетъ. І. Э. Смоляръ, при составленіи своей карты Сербо-Лужицкой земли (напечаталъ въ 1843 г., въ видѣ приложенія къ собранію Лужицкихъ народныхъ пѣсенъ), относительно Нижнихъ-Лужицъ пользовался не вполнѣ надежными источниками; кромѣ того, карта эта устарѣла. Карта, помѣщенная въ сочиненіи Богуславскаго: «Описаніе Сербо-Лужицкихъ дѣяній»[1]) (Спб. 1861 г.) составлена на основаніи Смоляревой, только въ меньшемъ масштабѣ. Такимъ образомъ, карта Богуславскаго не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, кромѣ нанесенія границъ области, остававшейся еще Сербскою въ эпоху Лютеревой реформаціи, хотя включенные въ число Сербскихъ города и нѣкоторыя другія мѣста съ самаго основанія были Нѣмецкими, или же онѣмечились уже до того времени. Самая новая карта помѣщена Андрее (Andree) въ «Wendische Wanderstudień» (Stuttgart. 1874). На ней, по примѣру Богуславскаго, онъ показалъ, какая часть онѣмеченнаго нынѣ района была Славянскою въ эпоху Лютеровой реформаціи, и какая оставалась еще неонѣмеченною въ 1750 г. Не говоря о невѣрности границъ Сербо-Лужицкой народности въ XVI вѣкѣ (сюда, напр., включены мѣстности, никогда не бывшія Славянскими), самыя границы Славянскаго языка въ 1750 и 1872 гг. не вездѣ проведены правильно. Такъ, въ Верхне-Лужицкомъ краѣ значатся уже онѣмеченными мѣстности, которыя еще вполнѣ, или на половину Славянскія, напримѣръ (отъ Мужакова къ югу): Веснà (Лукницъ), Штыри-Дубы (Фирейхенъ), Цытовъ (Тетта), Яма (Грубе),

[1]) «Rys dziejw Serbo-Łyżyckich».

Вуерь (Унвюрде), Старый-Любій (Альтлёбау). Корзымь (Киршау), Нова-Весь (Найндорфъ), Пальовъ (Пола), Журицы (Зейрицъ,—вполнѣ Сербскія); Глупоньца (Глаубнитцъ,—вполнѣ Сербскій), Кашецы (Кашвитцъ,—вполнѣ Сербскій), Бамбрухъ (Бернбрухъ), Бѣла (Била). Тисовъ (Цейсгольцъ), Лута (Лауте) и др. Относительно Нижне-Лужицкаго края самъ Андрее сознается, что отнесъ къ онѣмеченной его части деревни съ населеніемъ, по большей части, еще Сербскимъ. Притомъ, замѣстить пастырское приходское мѣсто Нѣмецкимъ проповѣдникомъ еще вовсе не значитъ германизовать приходъ. Приведемъ примѣръ. Въ селѣ Буковѣ (Гогенбукка), лежащемъ къ западу отъ Воерэцъ (Гойерсверды), съ 1823 г. не говорилось проповѣдей по-Сербски; когда въ 1865 г., по случаю происходившаго тамъ протестантскаго миссіонерскаго празднества, мѣстный священникъ, пригласилъ, въ числѣ прочихъ, и Сербскаго проповѣдника, зная, что его прихожане говорили еще по-Сербски, да и теперь отчасти говорятъ,—Буковцы со слезами на глазахъ благодарили соплеменника за Сербскую проповѣдь. Къ сожалѣнію, занявъ мѣсто приходскаго священника, кандидатъ изъ Нѣмцевъ не всегда держитъ свое обѣщаніе выучиться по-Сербски; сельское же населеніе, по своей робости, не рѣшается въ такихъ случаяхъ жаловаться, кому слѣдуетъ. И выходитъ, напримѣръ, что жена, хоронившая мужа, изъ всего надгробнаго слова священника-Нѣмца, только могла получить такого рода утѣшеніе: «все-таки я поняла, что моего мужа звали Гансомъ!» [1]).

Данныя о числѣ Сербовъ-Лужичанъ такъ же неточны, какъ невѣрны карты ихъ земли. Хотя, при произведеніи народной переписи, сперва Саксонское, а затѣмъ и Прусское правительства неоднократно требовали, чтобы Сербы-Лужичане были переписаны особо, но подобныя приказанія никогда въ точности не исполнялись. Почему же? Начать хоть съ того, что сами Сербы-Лужичане мало обращали вниманія на стоявшую въ спискахъ рубрику: «Wenden», зная, что и правительство не очень наблюдаетъ за этимъ; кромѣ того, чиновникамъ-Нѣмцамъ, составлявшимъ списки, всегда было пріятнѣе заносить въ нихъ возможно менѣе «Вендовъ». Точно также въ войскахъ, гдѣ Сербы-Лужичане, по своему крѣпкому тѣлосложенію, дали бы большій противъ сосѣдей-Нѣмцевъ процентъ здоровыхъ людей, они не были особо перечисляемы; и даже неизвѣстно число Сербовъ-Лужичанъ, находящееся въ

[1]) «Telko wšak zrozymich, zo su mojemu mužej Hans rekali».

мирное время въ гарнизонахъ. Поэтому, чтобы получить дѣйствительную цифру Сербскаго населенія, непремѣнно нужно къ оффиціальной цифрѣ прибавить еще нѣсколько тысячъ. По оффиціальнымъ даннымъ, Сербовъ-Лужичанъ около 140,000; въ дѣйствительности же ихъ, навѣрное, 160,000, изъ которыхъ 100,000 живетъ въ Пруссіи, а остальные въ Саксоніи. Какъ извѣстно, всѣ Нижне-Лужичане и одна часть Верхне-Лужичанъ—подданные Пруссіи, другая же часть Верхне-Лужичанъ живетъ въ предѣлахъ Саксонскаго королевства. Надо надѣяться, что, предстоящая въ 1875 г. перепись, въ интересахъ истины и статистики, будетъ произведена съ бо́льшею точностью.

Быть можетъ, здѣсь, кстати, упомянуть о томъ, дѣйствительно ли у насъ германизаціи представляются такіе благопріятные виды относительно будущаго, какіе рисуютъ Нѣмецкіе писатели. Германизація—споконъ вѣковъ pium desiderium Нѣмцевъ! Чтобъ доказать сбыточность своихъ надеждъ, они не затрудняются прибѣгать къ страннымъ софизмамъ. Такъ, съ цѣлью выразить въ процентахъ мнимое уменьшеніе численности Сербо-Лужицкаго населенія, они проводятъ параллель между Лужицкою землею и другими Нѣмецкими промышленными странами, округами или землями и говорятъ: «видите, тамъ-то число Нѣмцевъ увеличилось на столько-то, а въ Лужицкой землѣ приращеніе Сербскаго населенія дало меньшій процентъ; слѣдовательно, Сербы-Лужичане должны вымереть». Разсуждать такъ, значитъ все равно, что говорить: такъ какъ Славянъ 80 милліоновъ, а Нѣмцевъ всего 40 мил., то должно придти время, когда Нѣмцы вымрутъ, ибо и теперь ихъ ужъ меньше. Но разсчетъ на скорую германизацію Нѣмецкихъ Славянъ—тщетная надежда Нѣмцевъ! Сербы-Лужичане занимаютъ—и это, прежде всего, должно замѣтить—порядочное пространство земли, разбиты на множество небольшихъ деревень и, большею частію, занимаются земледѣліемъ, такъ что имъ не такъ-то легко навязать Нѣмецкій языкъ. Далѣе, всѣ основанія надеждъ Нѣмецкихъ туристовъ и другихъ писателей на скорую германизацію Сербовъ-Лужичанъ существуютъ не со вчерашняго дня, а лелѣются втеченіе многихъ поколѣній, и все-таки, какъ говоритъ нашъ поэтъ Сейлеръ: «Serbja, Serbja wostanu!». Утверждаютъ, что Нѣмецкія школы быстро поведутъ германизацію. Всѣ школы искони были Нѣмецкими, обязательное обученіе существуетъ въ Саксоніи съ 1835 г., а Сербскій языкъ продолжалъ существовать и развивается. Всеобщая воинская повинность и военная служба, полагаютъ, пара-

лизуютъ-де Сербо-Лужицкую національность. Но воинская повинность существуетъ въ Пруссіи со времени первыхъ Наполеоновскихъ войнъ, а въ Саксоніи съ 1849 г., однако, Сербы-Лужачане, все-таки остались Сербами, хотя и участвовали во всѣхъ войнахъ за Нѣмецкіе интересы. Слышится мнѣніе, что желѣзныя дороги убьютъ-де Сербскій языкъ. Извѣстно же, что деревни, лежащія сѣвернѣе и южнѣе отъ Саксонско-Силезской желѣзной дороги (линія Дрезденъ-Згорѣлецъ), открытой въ 1846 г., все еще остаются Сербскими. Наконецъ, питается надежда, что германизму должна-де помочь свобода переселенія. Однакожъ мы видимъ, что дѣти Нѣмецкихъ переселенцевъ, поселившихся въ срединной части Лужицкой земли, славянятся, по прежнему. Въ томъ-то и дѣло, что небольшой Сербо-Лужицкій народъ не скученъ въ одномъ городѣ, гдѣ его можно было бы онѣмечить весьма легко и скоро. Кромѣ того, народное сознаніе, къ счастью, проснулось и духовная пища и образованіе предлагаются народу прямымъ путемъ, на родномъ языкѣ, не смотря на отсовѣтыванія нашихъ злыхъ «друзей», въ родѣ Андрее и компаніи.

Переходя къ описанію экономическаго быта Сербовъ-Лужичанъ, замѣтимъ, что они, по большей части, земледѣльческій народъ. Благопріятныя для земледѣлія условія, существовавшія въ прежнія времена, нисколько не измѣнились за послѣднее десятилѣтіе. Сербы-Лужичане, по всей справедливости, могутъ считаться дѣльными хозяевами. Всѣ улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ легко находили къ нимъ доступъ; сельское населеніе постоянно изъявляло готовность воспользоваться результатами, добытыми Лужицкою пробною сельско-хозяйственною станціею въ Поморэцахъ (Поммритцъ). Къ числу существовавшихъ уже сельско-хозяйственныхъ обществъ, за послѣднія десять лѣтъ прибавилось нѣсколько новыхъ, основанныхъ самими Лужицкими крестьянами; кромѣ того, образовались общества съ спеціальными сельско-хозяйственными задачами: садоводства и пчеловодства. Во всякой сельско-хозяйственной коммиссіи членами непремѣнно бывали и Сербы-Лужичане, и на выставкахъ многіе изъ экспонентовъ-Сербовъ получали преміи.

Положеніе рабочихъ вообще удовлетворительно, такъ-что число выселившихся было незначительно, и попытки соціалистической агитаціи, шедшія изъ городовъ, оставались безплодными.

Число Сербовъ, занимающихся мастерствами и ремеслами уве-

личилось съ отмѣною различныхъ цеховыхъ и гильдейскихъ ограниченій.

Число купцовъ изъ Сербовъ-Лужичанъ тоже увеличилось; такъ, изъ 32 купцовъ, торгующихъ въ Будышинѣ (Баутценъ) москательными товарами, 19 Сербовъ.

Сербы—народъ осторожный и бережливый—помѣщаютъ свои деньги только въ вѣрныя руки; поэтому, за малыми исключеніями, ихъ миновалъ послѣдній биржевой кризисъ. Доказательствомъ существованія здѣсь здравыхъ экономическихъ отношеній служитъ, между прочимъ, то обстоятельство, что Лужицкая земля мало привлекаетъ къ себѣ Евреевъ: въ деревняхъ нигдѣ нѣтъ Евреевъ, а въ городахъ находитъ возможность держаться лишь малое число настоящихъ Евреевъ.

Всѣ Сербы-Лужичане—протестанты, за исключеніемъ 12,000, принадлежащихъ къ католической церкви. Какъ прежде, такъ и въ послѣднія десять лѣтъ, тѣ и другіе жили въ добромъ согласіи между собою.

Въ Пруссіи, кромѣ Сербовъ, принадлежащихъ къ протестантской церкви, существуетъ еще нѣсколько старо-лютеранскихъ Сербскихъ общинъ, избѣгающихъ общенія съ кальвинистами; эти общины съ большими затрудненіями содержатъ на собственныя средства особыхъ проповѣдниковъ. Желая остаться вѣрными своему вѣроисповѣданію, около 400 человѣкъ Сербовъ, родомъ, большею частью, изъ Пруссіи, въ 1854 г., подъ предводительствомъ пастора Киліана, переселились въ Техасъ, именно въ графство Бастропъ, гдѣ и основали свою колонію «Сербинъ». Теперь въ ней двѣ церкви, и каждая имѣетъ своего Сербскаго проповѣдника. Колонія и по настоящее время остается Сербскою: охраною родному языку служатъ церковь и школа, а также усердное чтеніе Сербскихъ книгъ, которыхъ, въ нѣсколько пріемовъ, было доставлено почти на 300 талеровъ. Въ самой Лужицкой землѣ въ особенности процвѣтаютъ библейскія и миссіонерскія общества. Этотъ живой интересъ населенія къ миссіонерскому дѣлу служитъ причиною, почему и во внѣ-Европейскихъ странахъ встрѣчаются Лужицкіе миссіонеры: такъ, напр., въ настоящее время Нижне-Лужичане: Старикъ и Варьмо миссіонерствуютъ среди Эскимосовъ. Кромѣ того, дѣятельно собираются пожертвованія въ пользу общества «Густава-Адольфа» (общество это, помимо главной своей цѣли, занимается поддержкою германизма въ чужихъ земляхъ) и на внутреннія миссіи,—на содержаніе Rettungshäuser и т. п. заведеній. Новѣйшіе церков-

ные законы Пруссіи и Саксоніи, предписавшіе выбирать церковныхъ старостъ изъ свѣтскихъ людей, послужатъ въ пользу Сербской народности, потому что теперь прихожане будутъ имѣть болѣе вліянія при замѣщеніи священническихъ мѣстъ и при управленіи церковными имуществами. Къ тому же, у церковныхъ старостъ изъ Сербовъ будетъ меньше пререканій съ духовенствомъ, такъ какъ Сербы, большею частью, очень усердны къ церкви.

Сербы-протестанты къ церкви вообще усерднѣе и своихъ сосѣдей-Нѣмцевъ. Это доказывается не только тѣмъ, что они, по прежнему, продолжаютъ праздновать нѣкоторые давно отмѣненные праздники, но еще болѣе тѣмъ фактомъ, что они исходатайствовали у правительства дозволеніе возстановить недавно (два года назадъ) упраздненный праздникъ Благовѣщенія.

Въ Верхнихъ-Лужицахъ, втеченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. кандидатовъ въ священники было достаточно; но въ Нижнихъ въ этомъ отношеніи существовалъ и продолжаетъ чувствоваться большой недостатокъ. Крестьянинъ-Сербъ часто боится издержекъ, неразлучныхъ съ долголѣтнимъ ученьемъ, а число стипендій незначительно. Для восполненія недостатка въ учителяхъ, учреждены для Верхне-Лужичанъ приготовительныя школы: въ Будышинѣ, Воерецахъ и Ротенбургѣ; но объ Нижне-Лужичанахъ правительство еще не позаботилось въ надлежащей мѣрѣ. Впрочемъ, есть надежда, что, съ увеличеніемъ содержанія учителей, больше молодыхъ людей на будущее время рѣшится посвятить себя этой важной дѣятельности, и что они примутъ къ сердцу потребности образованія Сербскаго населенія.

Сербы-католики въ послѣднее десятилѣтіе также оставались вѣрными своей церкви. На храмы и школы въ недавнее время поступили большія пожертвованія. Усердіе къ церкви и вообще благочестивая жизнь Сербовъ-католиковъ служили неоднократно предметомъ похвалы. На собраніяхъ Сербовъ-католиковъ, происходившихъ (въ 1867—69 гг.) въ Хростьицахъ (Кроствитцъ), были приняты мѣры къ скорѣйшему осуществленію предложенія католической газеты «Посолъ» на счетъ построенія новой католической церкви въ Лужицкой землѣ, именно въ Чернецахъ (Тшарнитцъ), или Батьони (Шторха). Тутъ же, къ неудовольствію Нѣмецкихъ церковныхъ властей, была устроена церковная и вмѣстѣ національная манифестація: собирались особыя чрезвычайныя пожертвованія для видимаго главы католической церкви и посланъ въ Римъ Латинско-Сербскій адресъ, въ кото-

ромъ Сербы-католики Лужицкой земли называли себя «pars gentis illius, quae Deum lingua *Sorabico-Slavica* colit» и подписались: Sorabi Lusatiae Superioris». Наконецъ, на этихъ собраніяхъ была возбуждена и осуществлена мысль объ образованіи новыхъ католическихъ обществъ. Такъ, возникли въ 1871 г. «Katholska bjesada» въ Ральбицахъ; въ 1872 г.—такая же бесѣда въ Куковѣ, а въ настоящемъ году—въ Радворѣ и Ясеньцѣ.

Старо-католическое движеніе всюду у насъ было предметомъ оживленныхъ толковъ; однако, въ Лужицкой землѣ не было случаевъ перехода въ старо-католицизмъ ни между Сербами, ни между Нѣмцами.

Нѣмецкая печать неоднократно нападала на католическихъ священниковъ изъ Сербовъ, главнымъ образомъ, за то, что они, по большей части, учатся въ Пражскомъ университетѣ, упуская изъ виду то обстоятельство, что въ Лейпцигѣ, какъ извѣстно, нѣтъ католическаго богословскаго факультета; ученіе же именно въ Прагѣ они находятъ удобнымъ потому, что тамъ есть Сербская семинарія или конвиктъ, еще въ 1706 г. основанный Сербскимъ духовенствомъ. Далѣе, Сербскимъ священникамъ ставится въ упрекъ ихъ «панславизмъ», но, кажется, поступающихъ въ священники скорѣе слѣдовало бы хвалить за то, что они изучаютъ родной языкъ и стараются развивать его, на основаніи знакомства съ Чешскимъ, Русскимъ и другими Славянскими языками, которые возможно изучать въ Прагѣ. Въ Бреславлѣ, на католическомъ богословскомъ факультетѣ всегда бываетъ немного студентовъ-Сербовъ, потому что для единственнаго католическаго прихода въ Прусскихъ Лужицахъ, Кульова (Виттихенау), требуется весьма немного священниковъ.

Католическое Сербское населеніе начинаетъ ощущать недостатокъ въ учителяхъ; поэтому, учебному вѣдомству слѣдовало бы принимать больше Сербовъ въ учительскія семинаріи, т. е., озаботиться тѣмъ, чтобы бо́льшее число молодыхъ людей готовило себя къ учительскому званію.

Въ 1815 г. большая часть Сербовъ-Лужичанъ отошла къ Пруссіи; прежде же (съ 1445 г.) только Хотебузскій (Коттбузскій) округъ принадлежалъ Бранденбургу, сначала, правда, въ качествѣ лена Чешской короны. Съ теченіемъ времени, новые подданные Пруссіи пріобрѣли такія же чувства вѣрности къ ней, какія относительно Саксоніи продолжали сохранять Сербы, оставшіеся подъ Саксонскимъ владычествомъ.

Втеченіе послѣдняго десятилѣтія у Сербовъ-Лужичанъ произошли событія выдающейся политической важности. Въ войнѣ Пруссіи съ Даніею (1864), открывшей собою рядъ другихъ войнъ, особенно отличились Прусскіе Сербы, а изъ нихъ болѣе другихъ піонеръ Клинка, родомъ изъ Лѣщи (Горно), близъ Гродка (Шпрембергъ), павшій при штурмѣ Дюппельскихъ укрѣпленій. Храбрость его была оцѣнена главнокомандующимъ, и, по повелѣнію короля, ему поставленъ памятникъ въ приходской церкви роднаго села; кромѣ того, былъ объявленъ сборъ пожертвованій въ пользу его вдовы и дѣтей. Саксонскіе Сербы были менѣе отягчены этою войною: сыновья ихъ во все время безъ пользы простояли въ Голштиніи, въ числѣ эквекуціонныхъ войскъ и должны были, ничего не сдѣлавъ, вернуться домой. Въ то время и Прусскимъ и Саксонскимъ Сербамъ пришлось много наслышаться о покинутомъ Нѣмецкомъ племени, во многихъ отношеніяхъ, вовсе не такомъ покинутомъ народѣ, какимъ были они сами. Прискорбно было имъ это, и поэтъ Сейлерь выразилъ настроеніе своихъ соплеменниковъ слѣдующими стихами въ «Лужичанѣ»:

На битвищю тамъ лежа тѣла
Тыхъ воеваревъ рыцарскихъ;
Е смерть тамъ еножь Нѣмцамъ ктила?
Ней многи Словян тэжь при нихъ?
О нѣкотры тэжь закраснены
Тамъ Словянъ лежи ранены
И вудыханы, вукрвавены
Е зъ Данскей перщю прикрыты.

. . . .

. . . .

А Шлезвигъ-Гольстейнъ выможенэ
Нѣткъ радостьивѣ Нѣмцуе;
А каке мыто вучиненэ
Бу за васъ, люды Словянске?
О Нѣмцство! сховай вшитку славу
За нашу крей а сыльзовъ дость,
Здьержь *дома* свободу намъ праву
А шкитуй нашу народность. *)

---

*) То есть: «На побоищѣ лежатъ тамъ тѣла воиновъ-героевъ. Чтожь? для Нѣмцевъ ли только смерть тамъ цвѣла? Не осталось ли рядомъ съ ними и многихъ Славянъ! О, не одинъ лежитъ тамъ обагренный Славянинъ, раненый и бездыханный, истекшій кровью и Датскимъ покрытый прахомъ . . . .

. . . .

Радостно германствуетъ теперь освобожденный Шлезвигъ-Голштейнъ. Но что за награда достанется тебѣ, людъ Славянскій? О Германія! сохрани всю славу, добытую и нашею кровью, и потоками нашихъ слезъ; охраняй лишь нашу *домашнюю* свободу и защищай нашу народность». *Прим. ред.*

Въ послѣдовавшую, затѣмъ, Прусско-Нѣмецко-Австрійскую войну, Сербы опять явились въ двухъ различныхъ лагеряхъ; въ то время каждая изъ двухъ половинъ ихъ должна была раздѣлять настроеніе своей воюющей стороны. Въ обоихъ войскахъ наши Сербскіе солдаты оказались полезными въ качествѣ переводчиковъ и въ дѣлѣ ухода за ранеными, такъ какъ могли нѣсколько понимать по-Чешски. Марія Симонъ, въ настоящее время «матушка Симонъ», впервые тогда отличившаяся въ качествѣ устроительницы ухода за больными и полевой госпитальной части, родомъ тоже Сербка (изъ дер. Малэ-Дэбсецы, близъ Будышина), при помощи роднаго языка успѣла сдѣлать многое. Въ послѣдствіи, она охотно стала принимать своихъ соплеменницъ въ общину сестеръ милосердія—альбертинокъ (Albertinerinnenverein weltlicher Krankenpflege); онѣ служатъ у нея также въ Нѣмецкой военной богадѣльнѣ (Invalideninstitut), близъ Дрездена. Не смотря на печальный для Саксоніи исходъ Прусско-Австрійской компаніи, населеніе приготовило королю Іоанну великолѣпную встрѣчу. Сербы также отправили тогда двѣ депутаціи въ Дрезденъ (одну отъ образованныхъ Сербовъ, другую отъ сельскаго населенія); обѣ депутаціи королемъ были приняты весьма милостиво.

Послѣдняя Франко-Германская война соединила Саксонскихъ и Прусскихъ Сербовъ подъ однимъ союзнымъ знаменемъ. Саксонскихъ Сербовъ часто упрекали въ партикуляризмѣ, между тѣмъ какъ они оставались и остаются столь же вѣрными новой имперіи, какъ покойный король Іоаннъ и нынѣшній Альбертъ. Никакъ нельзя ставить имъ въ вину и то, что они выбираютъ въ рейхстагъ консервативныхъ депутатовъ.

Но, при всей своей принадлежности, въ политическомъ смыслѣ, къ Германской имперіи, Прусскіе и Саксонскіе Сербы въ душѣ всегда оставались Славянами. Такими они явились въ 1863 г. въ Велеградѣ, въ 1867 г.—въ Москвѣ, въ 1868 г.—въ Прагѣ, и эта ихъ вѣрность Славянству навлекаетъ на нихъ ненависть со стороны Нѣмцевъ. А, между тѣмъ, тѣ же Нѣмцы, хоть бы, напримѣръ, и живущіе въ Россіи, могли бы научиться у этихъ Сербовъ, что можно любить свою національность и, въ тоже время, быть подданнымъ иноязычнаго государства. Точно также и Австрійскимъ Нѣмцамъ слѣдовало бы взять примѣръ съ Сербовъ и умѣрить желаніе создать исключительно Нѣмецкое государственное управленіе.

Область, составляющая, такъ сказать, неприкосновенную собственность Сербовъ, есть область литературы и вообще разработки языка.

Въ этомъ отношеніи истекшее десятилѣтіе у Верхне-Лужицкихъ Сербовъ должно назвать плодотворнымъ. Съ наступленіемъ 1863 г. къ «Матицѣ Сербской», существовавшей съ 1847 г., прибавилось два новыхъ литературныхъ общества: католическое и лютеранское, такъ какъ пожелали въ неприкосновенности сохранить старѣйшее общество, посвященное вопросамъ, касающимся всей Сербской національности, безъ различія вѣроисповѣданія. Вотъ эти общества: «Товарьство св. Кырилла и Метода», основанное, какъ говорится въ программѣ дѣйствій его, составленной М. Горникомъ, въ память тысячелѣтняго юбилея прибытія къ западнымъ Славянамъ Славянскихъ первоучителей, и «Сербске Лютерске книговне товарьство», основанное Имишемъ. Въ первомъ обществѣ около 600, а во второмъ около 2,000 членовъ.

Католическое общество св. Кирилла и Меѳодія, главнымъ образомъ, извѣстно своею газетою «Католъски Посолъ», редакторомъ которою девять лѣтъ былъ М. Горникъ, а въ настоящее время управляетъ ею І. Лусчанскій. Не считая небольшихъ сочиненій, общество издаетъ обширный историческій трудъ г. Дучмана: «Живеня Святыхъ», который авторъ ведетъ въ хронологическомъ порядкѣ церковной исторіи; его вышло уже пятьдесятъ печатныхъ листовъ.

«Сербско-лютеранское книжное товарищество» издало уже 33 большихъ и малыхъ произведеній, всего въ количествѣ 90,000 экземпляровъ. Кромѣ ежегодника «Библійски Путьникъ», слѣдуетъ еще назвать: «Домяцы волтарь» (молитвенникъ), «Святы адвентъ а святы постъ», «Зіонске глосы» (большой сборникъ церковныхъ гимновъ); печатается собраніе проповѣдей на Апостолъ («Эпистольске прѣдарьске книги»). Это общество ежегодно разсылаетъ книгоношъ по всей Лужицкой землѣ. Большая часть пасторовъ благосклонно относится къ обществу.

При всемъ томъ, «Матица Сербска» остается главною опорою Сербской литературы. Духовною связью она сближаетъ всѣхъ выдающихся въ странѣ лицъ и приноситъ большую пользу въ дѣлѣ изученія и развитія общаго литературнаго языка. Найдти и установить въ литературномъ языкѣ надлежащія формы и очистить его отъ всего ему чуждаго—было возможно только людямъ, знакомымъ съ другими Сла-

вянскими языками, а такіе люди всегда были и состоятъ въ числѣ членовъ Матицы.

Разработкѣ письменнаго языка способствовали разныя статьи по языкознанію, сочиненія по части грамматики, но, главнымъ образомъ, Serbski Słownik; послѣдній выпускъ его явился въ 1866 г. «Часописъ», издаваемый Матицею (прежде подъ редакціею Смоляря, затѣмъ — Бука, а въ настоящее время — Горника) и печатающій ежегодно два выпуска, по прежнему, помѣщаетъ статьи по филологіи, исторіи и археологіи, дополненія къ народнымъ пѣснямъ и избранныя стихотворенія. Число сочиненій для народа въ истекшее десятилѣтіе увеличилось. Явились: «Наполеонъ I а его живеніе» Погонча, «Претьельо ратарьства» Ростока, «Вѣнцъ спѣвовъ» Коцора, «Загродниство» Краля, «Вѣнчкъ фіялковъ» и «Свѣрнай сусодай» Мучинка, «Бударь» Дучмана (Бударь — Сербскій филантропъ, благодѣтельствовавшій бѣднымъ; въ 1867 г. ему, по подпискѣ, былъ поставленъ памятникъ на кладбищѣ въ Будестяцахъ, — Поствитцѣ) и «Со звони мѣръ!» Сейлера (стихотвореніе наиболѣе замѣчательнаго до сихъ поръ Сербскаго поэта, къ сожалѣнію, умершаго въ 1872 г.); кромѣ того, ежегодно выходили народные календари. Многія сочиненія, напечатанныя Матицею, вслѣдствіе постояннаго большаго спора на нихъ, являлись вторымъ изданіемъ. Со дня своего основанія, Матица выпустила уже болѣе 100,000 экземпляровъ своихъ изданій.

На ряду съ тремя названными обществами и журналами, издаваемыми двумя изъ нихъ, наибольшее вліяніе на населеніе имѣютъ газеты. Первое мѣсто между ними занимаютъ «Сербске Новины» Смоляря — главная опора Сербской національности. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ нихъ рубрика: «Зе Сербовъ», гдѣ съ успѣхомъ защищались права Сербскихъ общинъ; всего же важнѣе то, что эта газета поддерживаетъ въ Сербскомъ сельскомъ населеніи охоту къ чтенію. Для образованныхъ Сербовъ издается ежемѣсячный литературный журналъ «Лужичанъ», выходившій сперва подъ редакціею Горника, Смоляря, затѣмъ Фидлера и, въ настоящее время, снова перешедшій въ завѣдываніе Смоляря. Этотъ журналъ поставилъ себѣ задачею образовывать изъ молодыхъ Сербовъ писателей, въ чемъ у насъ не чувствуется избытка; онъ же, главнымъ образомъ, распространилъ новую Латино-Сербскую ороографію. Третье (счетомъ вообще пятое) Верхне-Лужицкое періодическое изданіе есть духовный журналъ «Миссіонски Посолъ», издаваемый П. Рихтеромъ (Рыхтаремъ) для Сербовъ-люте-

ранъ. Было бы желательно, чтобы издавалась еще какая-нибудь сельско-хозяйственная газета и журналъ для юношества.

Изъ множества книгъ, изданныхъ частными лицами, слѣдуетъ упомянуть: два переводныя произведенія графини Ришь (напечатанныя братомъ ея Э. фонъ Шёнбергъ-Бибраномъ), ученіе о звукахъ и формахъ языка,—Пфуля (1866), «Читанка або малы вуберкъ зъ писмовства» Горника, «Тихе хвилки» Броска (стихотворенія), назидательныя книги Дучмана, псалмы въ переводѣ съ Еврейскаго языка Лараса. Замѣтная дѣятельность проявилась въ области ученой литературы. Для Прусскихъ Сербовъ-лютеранъ изданы: духовныя пѣсни для употребленія въ школахъ,—Пекаря, букварь—Ванака. Для Прусскихъ Сербовъ-лютеранъ правительство, по совѣту педагога Штольценбурга, приказало составить и издать рядъ учебниковъ по разнымъ предметамъ. Такимъ образомъ, появились: библейская исторія Крушвицы, духовныя пѣсни и учебники Іордана, Кулмана и Варько. Для Сербовъ-католиковъ напечатаны слѣдующіе учебники: букварь съ книгою для первоначальнаго чтенія Горника (1866; въ 1874 г. вышелъ вторымъ изданіемъ), библейская исторія его же (1870), и только-что вышедшій большой катехизисъ І. Лусчанскаго. Всѣ эти книги написаны вполнѣ правильнымъ языкомъ.

Изъ предыдущаго видно, что Верхне-Лужицкіе Сербы весьма ревностно занимались литературою, и это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что почти никто изъ авторовъ не получаетъ вознагражденія за свои труды, и почти всѣ пишутъ только изъ одной любви къ своей народности.

Нижне-Лужицкая литература не могла дать такихъ же утѣшительныхъ результатовъ, какіе мы нашли у Верхне-Лужичанъ. Тамъ нѣтъ ни одного литературнаго общества, и имъ трудно образоваться потому, что изъ пасторовъ и учителей только немногіе основательно знаютъ и уважаютъ Сербскій языкъ; большинство же относится къ нему скорѣе даже враждебно. Единственный издаваемый тамъ (еженедѣльный) журналъ „Брамборски Сербски Цасникъ", выходящій теперь подъ редакціею учителя Швиля, по бѣдности своего содержанія, мало распространенъ въ Нижне-Сербской области.

Въ послѣднія десять лѣтъ здѣсь также появлялись учебники, катехизисы, церковные гимны, сборники пѣсенъ и т. п., но и эти новыя книги введены не вездѣ, гдѣ бы слѣдовало. Главная заслуга въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ пастору Тешнарю (въ настоящее время

занимаетъ мѣсто въ Нѣмецкомъ приходѣ). Имъ изданы: нѣсколько духовныхъ сочиненій для употребленія въ школахъ, книга церковныхъ гимновъ на Нижне-Сербскомъ нарѣчіи, Новый Завѣтъ, новое собраніе проповѣдей («Пряткарьске книгли»; явилось въ 1869 г.) Новымъ изданіемъ всей Библіи завѣдывалъ пасторъ Гауссигъ, нынѣ уже умершій. Нѣкоторые изъ Нижне-Лужицкихъ учителей работаютъ для «Цасника», другіе помѣщаютъ свои статьи, писанныя на Нижне-Сербскомъ нарѣчіи, также въ Верхне-Сербскихъ журналахъ: «Лужичанъ» и «Часописъ». Болѣе широкое развитіе Нижне-Сербской литературы весьма желательно и необходимо потому, что Нижне-Лужицкіе Сербы больше прежняго изучаютъ Верхне-Сербское нарѣчіе и тѣснѣе примыкаютъ къ Верхне-Сербамъ.

Для поддержанія дѣла Сербской народности и утвержденія его значенія, величайшую важность имѣетъ пріобрѣтеніе Матицею земли въ Будышинѣ, гдѣ выстроится удобный для Общества домъ, доходы съ котораго пойдутъ на пользу литературы и образованія Сербскаго народа въ обѣихъ Лужицкихъ областяхъ. Покупка осуществилась, благодаря великодушной помощи нѣсколькихъ друзей Славянства изъ Русскихъ, которыхъ лично просилъ Смоляръ, а именно: гг. А. Д. Башмакова, Ю. Ѳ. Самарина, Н. Ѳ. Самарина и четырехъ братьевъ Хомяковыхъ. Дай Богъ, чтобъ у Матицы нашлись новые благодѣтели и скорѣе можно было бы уплатить занятый капиталъ. Тогда доходъ съ будущаго дома Матицы пойдетъ на поднятіе образованія и охраненіе народности Сербскаго народа. Это дѣло подробно разъяснено въ памятной запискѣ, адресованной учеными членами Матицы Сербской Славянскимъ благотворительнымъ комитетамъ. Да исполнятся скорѣе выраженныя въ ней желанія, и исторія Славянства золотыми буквами внесетъ на свои страницы дѣла друзей Матицы!

Михаилъ Горникъ.

ОЧЕРКЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРІИ СЛОВАКОВЪ
ЗА ПОСЛѢДНІЯ СТО ЛѢТЪ [1].

VIII.

Литературное раздѣленіе и его причины.—Татринъ.—Національная Словенская газета.—Литературная распря.—Представители этого времени: Л. Штуръ, Гурбанъ, Годжа, С. Халупка, Янко Краль, А. Сладковичъ.

Положеніе Словаковъ въ началѣ сороковыхъ годовъ было отчаянное. Мадьярскій элементъ не только успѣлъ, при содѣйствіи законодательства, захватить первенство въ странѣ, но, отказывая правамъ и самому существованію другихъ національностей и языковъ въ покровительствѣ новыхъ законовъ, стремился систематически даже къ совершенному уничтоженію этихъ національностей. Мадьярскіе патріоты и мадьяроны, въ родѣ Кошута, Пульскаго, графа Зая, со всею ихъ партіею увлекались идеаломъ могучей Угріи, населенной однимъ Мадьярскимъ народомъ, и вся ихъ дѣятельность стремилась къ осуществленію этого идеала.

Государственное право Угріи никогда не различало отдѣльныхъ національностей, а признавало одинъ Угорскій народъ, состоящій изъ высшаго духовенства и дворянства, государственнымъ языкомъ котораго былъ Латинскій; остальное населеніе, за исключеніемъ незначительныхъ правъ городовъ, было misera contribuens plebs, — имѣло повинности, но не имѣло правъ. Различные языки допускались, насколько они не мѣшали правамъ государственнаго Латинскаго языка.

---

[1]) Начало статьи (I—VIII) помѣщено въ 1 т. «Слав. Сборн.», стр. 89—204.

По новымъ законамъ, Латинскій языкъ замѣненъ Мадьярскимъ, а остальные языки продолжали оставаться въ такомъ же отношеніи къ новому государственному языку, въ какомъ они находились къ прежнему—Латинскому (языку). Всякая попытка распространить силу закона на предметы, которыхъ онъ не имѣлъ въ виду, должна была, поэтому, носить характеръ лишь частнаго стремленія и домогательства. Такой именно характеръ имѣло и постановленіе церковнаго конвента, насколько оно касалось употребленія Мадьярскаго языка въ дѣлахъ протестантской церкви, такъ какъ оно касалось внутренней жизни этой церкви и сила его зависѣла отъ согласія мѣстныхъ церквей.

Въ борьбѣ, которая произошла по этому поводу между Мадьярами и протестантскими Словаками, послѣдніе нисколько не противились законамъ страны (за исключеніемъ постановленія о матрикулахъ), хотя этими законами и совершонъ полнѣйшій переворотъ въ положеніи національностей въ Угріи, а выступили лишь противъ Мадьярскихъ претензій, выходившихъ изъ предѣловъ закона. Поэтому борьба Словаковъ имѣетъ вполнѣ законный характеръ.

Словаки, хотя и составляли съ Чехами одно національное и литературное цѣлое, жили, однако, со временъ св. Стефана въ соединеніи съ Угріею, составляя часть этой земли и принимая большое участіе въ исторіи этого королевства, судьба котораго была вмѣстѣ и ихъ судьбою. На этой почвѣ они съ давнихъ временъ привыкли дѣйствовать въ политическомъ, государственномъ и юридическомъ отношеніяхъ, вполнѣ отдѣляясь съ этой стороны отъ Чеховъ; на этой-то почвѣ историческаго своего права Словаки и въ послѣднее время защищали себя и на словахъ, и на письмѣ, и на дѣлѣ.

Борьба кончилась, какъ извѣстно, безъуспѣшно, даже полною неудачею для Словенскихъ протестантовъ и новыми гоненіями со стороны Мадьярскихъ фанатиковъ. Что же оставалось дѣлать при такихъ обстоятельствахъ? Ожидать чужой помощи? Но откуда? Развѣ изъ Вѣны отъ Вѣнскаго правительства?—«Богъ высоко, а король далеко,» говорятъ и Словаки; притомъ первая попытка уже показала имъ, сколько имѣетъ значенія въ Угріи заступничество Вѣнскаго двора.—Отъ близкихъ Чеховъ развѣ? Но Чехи, не имѣя никакого политическаго значенія, не могли и самимъ себѣ помочь, не говоря уже о другихъ.—Или отъ другихъ Славянъ? Но идея Славянской взаимности была въ то время достояніемъ лишь нѣсколькихъ ученыхъ и литераторовъ. Въ концѣ концовъ, оставалось положиться лишь на самихъ себя, ра-

ботать своими собственными средствами и начать новую борьбу на той же почвѣ историческаго права Словаковъ въ Угріи.

Задача предстояла довольно трудная. Число Словенскихъ патріотовъ ограничивалось немногими священниками, учителями, профессорами и студентами, да и тѣ были раздѣлены на двѣ противоположныя партіи: протестантскую съ Чешскимъ и католическую съ Словенскимъ литературнымъ языкомъ. Народная масса того и другаго вѣроисповѣданія, проживавшая въ рабствѣ впродолженіе стольких вѣковъ, была еще неспособна къ борьбѣ за свои національныя права.

Старшіе патріоты, потерпѣвшіе за свою первую попытку, теряли надежду на дальнѣйшій успѣхъ; за то молодое поколѣніе, воспитанное въ заманчивыхъ идеяхъ о силѣ и великомъ предназначеніи Славянства, не думало уступать и шагу Славянской земли врагамъ Славянскаго міра, и стало думать о новыхъ средствахъ для новой борьбы. Почву историческаго права въ Угріи Словакамъ нельзя было оставить, такъ какъ она была для нихъ единственною, положительною опорою, но уже нельзя было держаться стараго образа дѣйствія.

Протестантская партія до этого времени все мечтала о гуситизмѣ, о Чешскихъ братьяхъ, литературномъ единствѣ съ Чехами, и весьма мало понимала чисто Словенскіе интересы; другая партія или вообще не понимала смысла національнаго дѣла, или относилась недовѣрчиво къ протестантамъ, отдѣляясь отъ нихъ и литературнымъ языкомъ, и католическая часть народа вообще не сохранила даже того національнаго самосознанія, какое можно было встрѣчать у протестантскаго народонаселенія. Если молодые патріоты хотѣли надѣяться на успѣшный исходъ своего дѣла, то, прежде всего, нужно было имъ устранить это вредное раздѣленіе народа: національное дѣло и права Словенскаго народа должны были сдѣлаться девизомъ не одной партіи, а обѣихъ и всего народа вообще. Если бы весь Словенскій народъ единодушно отстаивалъ свои права и свободу народнаго образованія, тогда скорѣе можно было бы надѣяться, что правительство признаетъ эти права и, между прочимъ, право получать образованіе на родномъ языкѣ. Но такого результата нельзя было достичь по отношенію къ Чешскому языку: 1) Чешскій языкъ считался въ Угріи чужимъ языкомъ, не имѣющимъ даже тѣхъ правъ, какими обладалъ Словенскій, 2) Мадьяры обвиняли въ послѣднее время протестантскихъ Словаковъ въ томъ, что они, держась Чешскаго языка, считаютъ себя частью Чешскаго народа, слѣдовательно, и королевства, и дѣлаются чрезъ это

измѣнниками по отношенію къ Угорской державѣ, 3) католическіе Словаки никогда не приняли бы Чешскаго языка, 4) протестанты Чехофилы не были, въ сущности, ни Чехами, ни Словаками, 5) Чешскій языкъ для Словенскаго простаго народа былъ нѣсколько чуждъ и на мысль, образованіе и вообще духовное развитіе послѣдняго можно было дѣйствовать лишь при посредствѣ домашняго, народнаго языка, 6) и на дворянство,—которое, стоя за Мадьярскій языкъ въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ, въ домашней, частной жизни держалось отчасти народнаго Словенскаго языка,—иначе нельзя было разсчитывать, чтобы оно присоединилось къ стремленіямъ своего народа, съ цѣлью помочь ему.

Такимъ образомъ возникла у Словенскихъ протестантовъ мысль оставить Чешскій литературный языкъ и замѣнить его народнымъ—Словенскимъ. Мысль эта, конечно, не новая и Словенскіе протестанты на этотъ разъ только подняли ее вновь. Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что они оставили Чешскій литературный языкъ не по антипатіи къ Чехамъ, а потому, что отчаянное положеніе ихъ не оставляло имъ другого исхода,—и не по недостатку трудолюбія и знанія, такъ какъ во главѣ новаго движенія стали именно тѣ, которые знали хорошо Чешскій языкъ и уже отличились Чешскими сочиненіями, хотя и вообще-то хорошихъ знатоковъ Чешскаго языка было довольно мало. Самая же мысль писать на Словенскомъ языкѣ, какъ мы видѣли, возникла уже задолго предъ тѣмъ и осуществлена была отчасти католическими Словаками. Передовые слависты: Добровскій, Шафарикъ и Коларъ, не только доказывали различіе Словаковъ отъ Чеховъ, но и оправдывали новую тенденцію Словацкую, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что слова такихъ авторитетовъ, при новыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, нашли, наконецъ, послѣдователей.

Нужно прибавить къ этому, что Чешскій литературный языкъ съ теченіемъ времени потерялъ то значеніе, какое онъ имѣлъ при началѣ своего введенія у Словаковъ. Введенъ онъ къ Словакамъ вмѣстѣ съ новыми религіозными идеями и постоянно сохранялъ болѣе или менѣе характеръ церковнаго языка. И хотя нельзя сказать, что онъ для Словаковъ имѣетъ лишь такое значеніе, какое церковно-Славянскій языкъ для Русскихъ, Сербовъ и Болгаръ, тѣмъ не менѣе нужно признать, что онъ не утвердился среди Словенскаго народа, который, по своему національному характеру и по языку, всегда отличался отъ Чеховъ и всегда въ своей національной жизни употреблялъ собствен-

ный языкъ, за исключеніемъ литературной области, гдѣ до конца XVIII в. господствовалъ Чешскій языкъ. Но эта литературная дѣятельность до конца XVIII в. не можетъ считаться результатомъ національной жизни Словаковъ, а скорѣе выраженіемъ вліянія на нихъ Чешскаго духовнаго развитія и упадка. Чехи жертвовали своею кровью за идеи, которыя характеризуютъ ихъ литературу, а Словаки только заимствовали эти идеи готовыми; у Чеховъ и эти идеи, и выраженіе ихъ въ литературѣ, суть результаты національной жизни, у Словаковъ они никогда не обращались въ плоть и кровь народа. Чехи въ этомъ отношеніи играли роль какъ бы духовныхъ опекуновъ духовнаго малолѣтства Словаковъ, которые находились въ политической и духовной зависимости отъ Чеховъ, когда эти послѣдніе достигли высочайшей степени національнаго развитія и славы. Въ XIX в. начинаетъ пробуждаться національное самосознаніе у Чеховъ и у Словаковъ, и литература, соотвѣтственно требованіямъ времени, развивается на болѣе широкомъ основаніи, причемъ религіозный ея характеръ теряетъ свое значеніе. Къ тому же, новая національная жизнь возникла у Чеховъ и у Словаковъ хотя и одновременно, но при совершенно различныхъ обстоятельствахъ. Чешскій языкъ и литература на этотъ разъ не имѣли такого же значенія для Словаковъ, какъ во время гуситизма, такъ какъ не они подали поводъ къ обновленію духовной жизни Словаковъ, къ которой они и не имѣли никакого отношенія, возникши на Чешской почвѣ и имѣя лишь мѣстное — Чешское значеніе.

Кромѣ того, Чехи, во время своего національнаго возрожденія, не возвратились къ литературному языку времени Велеславина, а ввели въ литературу современный народный языкъ, со всѣми его уклоненіями отъ древняго, тогда какъ Словаки все еще держались прежняго Чешскаго литературнаго языка. Такимъ образомъ, литературнаго единства на дѣлѣ уже не было.

И самъ Шафарикъ признаетъ, что для Словаковъ въ послѣднее время сдѣлалось очень труднымъ держаться Чешскаго литературнаго языка: 1) по причинѣ все увеличивающагося различія между народными языками — Чешскимъ и Словенскимъ; 2) по различію новаго Чешскаго языка отъ языка золотаго періода и особенно по непонятности для Словаковъ научныхъ Чешскихъ сочиненій, и 3) по недостатку народныхъ школъ и учебныхъ пособій у Словаковъ для систематическаго изученія новаго Чешскаго языка.

Если бы Словаки составляли съ Чехами одно политическое цѣлое

и, вслѣдствіе этого, и національное движеніе шло у тѣхъ и другихъ въ одномъ направленіи, тогда бы и литературы развивались у нихъ на одинаковыхъ основаніяхъ и одинаковымъ образомъ. Но Словаки на этотъ разъ никакъ не могли опираться на Чеховъ и ждать отъ нихъ своего народнаго возрожденія, а должны были идти своимъ путемъ

Такія обстоятельства подали и передовымъ авторитетамъ Чешско-Словенскимъ: Колару и Шафарику поводъ къ размышленію: можно-ли Словакамъ дѣйствовать и впередъ по старому, или новое время требуетъ и мѣръ новыхъ, и именно—не слѣдуетъ-ли Словакамъ писать на ихъ родномъ языкѣ? Оба они благопріятно отозвались о направленіи Бернолака и объ употребленіи Словенскаго языка въ дѣлѣ народнаго образованія [въ «Исторіи Славянскихъ литературъ» (398 стр.) и въ «Собраніи народныхъ пѣсенъ» (II т. 494)] и, по собственному признанію (Hlasy—77 и 113), одно время (въ началѣ 30-хъ годовъ?) хотѣли бросить Чешскій литературный языкъ, о чемъ и переписывались между собою. Послѣ они оставили эту мысль, но предлагали своимъ соотечественникамъ примѣнять Чешскій языкъ къ Словенскому, чтобы быть понятнѣе для народа. Коларъ въ позднѣйшихъ своихъ изданіяхъ съ этою цѣлію вводитъ въ языкъ различныя нововведенія безъ опредѣленной системы. Но Чехамъ этотъ средній путь совсѣмъ не понравился и Колару приходилось выслушивать рѣзкія критики. Чешскіе литераторы, во главѣ ихъ Палацкій, стали въ Чешскихъ изданіяхъ, особенно въ «Часописи Чешскаго музея», нападать не только на приверженцевъ Бернолака, но и на направленіе Колара [какъ и на попытки Моравскихъ писателей: Трики и Жака, которые также хотѣли примѣнять Чешскій литературный языкъ къ своему—Моравскому нарѣчію], выставляя тотъ принципъ, что Чешскій языкъ имѣетъ свои каноническія правила, отъ которыхъ онъ не можетъ отказаться и которыя должны признать и Мораване, и Словаки. Вообще, Чешскіе писатели въ это время отзывались о Словенскихъ нѣсколько свысока, а иногда относились къ нимъ даже оскорбительно, чѣмъ, конечно, пріобрѣли себѣ нерасположеніе Словаковъ.

Поэтому, поступокъ молодыхъ Словенскихъ патріотовъ можно считать лишь возвращеніемъ къ мысли, поднятой при менѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ Коларомъ и Шафарикомъ, когда средній путь, предложенный Коларомъ, отвергнутъ былъ самими Чехами.

На этотъ разъ первою книгою, появившеюся на Словенскомъ языкѣ, былъ второй томъ альманаха «Нитры» [въ 1844 г., въ Преш-

бургѣ; 1-й т. изданъ въ 1842 г. на Чешск. яз.], издававшагося Гурбаномъ. Въ этомъ томѣ молодые поэты помѣстили свои стихотворенія, написанныя безъ опредѣленной системы: исходною точкою для всѣхъ была система Бернолака, но скорѣе всякій изъ нихъ писалъ по своему благоусмотрѣнію и, можно сказать, всякій на своемъ родномъ діалектѣ. Этотъ литературный опытъ, изданный во время всеобщаго броженія мыслей, особенно среди протестантскихъ Словаковъ, возбудилъ всеобщій интересъ. Онъ былъ радушно принятъ молодымъ поколѣніемъ и встрѣтилъ порицанія со стороны старшихъ патріотовъ. Но такъ какъ послѣдніе передовое мѣсто въ національной и литературной жизни мало по малу уступали молодому поколѣнію, то и направленіе этого послѣдняго сдѣлалось господствующимъ въ національной и литературной жизни Словаковъ.

Перемѣнивъ разъ поприще своей дѣятельности, поставивши себѣ новыя цѣли и намѣтивши путь къ достиженію ихъ, съ энтузіазмомъ усвоивши себѣ новую идею,—молодое поколѣніе, прежде всего, старалось сблизиться между собою, согласиться относительно одинаковаго образа дѣйствія, относительно общеобязательныхъ формъ новаго письменнаго языка,—созданія грамматическихъ правилъ для того Словенскаго языка, характеристику котораго въ главныхъ чертахъ уже представилъ Шафарикъ въ своей «Исторіи литературъ», а богатый матеріалъ для котораго собранъ былъ Коларомъ въ изданіи «Народныхъ пѣсенъ». Сближеніе наступило съ основаніемъ новаго литературнаго общества «Татринъ» основаніе которому положено еще въ августѣ 1844 г., въ Липтовскомъ св. Николаѣ, въ собраніи молодыхъ патріотовъ. Предсѣдателемъ выбранъ Годжа, Феерпатаки казначеемъ, Штуръ, Гурбанъ и Зохъ «выборными». Цѣлью общества было: содѣйствіе всѣми законными путями литературному и промышленному образованію Словенскаго народа въ Угріи, чего основатели надѣялись достичь изданіемъ хорошихъ книгъ для народнаго образованія и денежными пособіями бѣднымъ, талантливымъ студентамъ.

Въ первомъ засѣданіи «выборныхъ» (27 августа 1844 г.) составленъ уставъ общества и написано воззваніе къ патріотамъ, чтобы они приняли участіе въ обществѣ, члены котораго должны были или заплатить 80 гульд. втеченіе 2-хъ лѣтъ, или платить по 5 гульд. ежегодно.

Годъ спустя (6 августа 1845 г.) собрались опять «выборные» общества, на этотъ разъ въ присутствіи 30 членовъ. Рѣшено было по-

слать депутацію къ Вѣнскому правительству съ просьбою, чтобы Е. И. В. благоизволилъ одобрить уставъ общества и принять его подъ свое покровительство. По предложенію Штура, разсуждали на этотъ разъ и о новомъ литературномъ языкѣ, но безъ результата, такъ какъ мнѣнія по этому предмету раздѣлились; патріоты обѣщали другъ другу вести переписку объ этомъ вопросѣ и рѣшить его въ будущемъ году. Съ депутаціею отправился въ Вѣну и Годжа. Остановившись съ Штуромъ у Гурбана, они совѣтовались о своихъ національныхъ дѣлахъ и, между прочимъ, отправились къ Словенскому поэту Голому, который жилъ тогда въ уединеніи у своего пріятеля, въ Доброй Водѣ, при Вагѣ, чтобы и съ нимъ посовѣтоваться. Старикъ принялъ ихъ ласково, одобрилъ ихъ намѣренія и благословилъ ихъ предпріятія.

На слѣдующемъ собраніи (16 сентября 1846 г.), въ которомъ участвовало до 60 членовъ, наконецъ, рѣшенъ единогласно вопросъ о литературномъ языкѣ, котораго обѣщали держаться всѣ присутствовавшіе члены общества. Основою литературнаго языка признано нарѣчіе Липтовскаго, Оравскаго, Турчанскаго и Зволенскаго комитатовъ, въ которомъ Словенскій народный идіомъ сохранился въ самомъ чистомъ видѣ. Основанія, по которымъ это нарѣчіе слѣдовало положить въ основу литературнаго языка, и нѣкоторыя его правила изложилъ отчасти Штуръ въ своемъ сочиненіи «Словенское нарѣчіе», изданномъ въ томъ же году, въ Прешбургѣ, насчетъ общества; первую грамматику этого языка издалъ Годжа на Латинскомъ языкѣ, лишь годъ спустя (1847 г, въ Левочи), подъ заглавіемъ: Epigenes slovenicus s. Tentamen orthographiae slovenicae.

Такъ какъ на первую петицію до этого времени еще не было никакого отвѣта, то рѣшено было послать въ Вѣну новую депутацію, состоящую изъ Штура, Гурбана и Мазура. Она еще въ октябрѣ того же года отправилась по своему назначенію и—не имѣла успѣха. Поэтому въ четвертомъ засѣданіи общества (10 августа 1847 г.), въ Чахтицахъ, на которое собралось до 80 членовъ, рѣшено было снова послать депутаціи на счетъ общества въ Вѣну и Пештъ.

Въ Вѣну посланы съ новою петиціею Штуръ и Галбавый. Имъ удалось расположить въ пользу своего дѣла министра, графа Коловрата, по ходатайству котораго (по сообщенію Годжи) императоръ особымъ письмомъ предложилъ Угорскимъ властямъ утвердить Словенское общество. Но въ Пештѣ, попрежнему, господствовало совсѣмъ

другое направленіе мыслей, такъ что и покровительство императора Словакамъ помогло, опять, очень мало. Депутація, состоявшая изъ католическихъ священниковъ: Цабана и Голечка, была принята палатиномъ (по тому же источнику) очень неласково. «Почему, спросилъ ихъ палатинъ, вы, католическіе священники, хотите держать сторону протестантскихъ проповѣдниковъ панславизма? Развѣ вашъ епископъ позволилъ вамъ приходить сюда за подобными дѣлами? Развѣ нѣтъ у васъ другаго дѣла, кромѣ отстаиванія протестантско-панславистическихъ петицій подозрительныхъ Словаковъ? Ступайте!»

Такимъ образомъ, попытка учредить закономъ дозволенное Словенское общество не удалась, и хотя «Татринъ» продолжалъ существовать и послѣ, издавая Словенскія сочиненія и помогая бѣднымъ студентамъ (такихъ было за 3 года 18: въ 1845 г.—6, въ 1846—7, въ 1847—8), но дѣятельность его не могла быть такою, какую намѣревались развить его учредители. А когда въ послѣдствіи вспыхнула революція, дѣятельность общества прекратилась, уступивъ мѣсто важнѣйшимъ явленіямъ. По окончаніи же революціи, патріотамъ неудалось возобновить общество и на старыхъ основаніяхъ.

Главною задачею «Татрина» было послужить средоточіемъ для Словенскихъ патріотовъ и содѣйствовать образованію народа періодически издаваемыми сочиненіями. Но такъ какъ средства общества были ограничены и, притомъ, не всѣ доходы могли быть обращаемы на изданіе книгъ, то книги издавались лишь изрѣдка, и отъ издательской дѣятельности общества нельзя было ожидать большихъ результатовъ. Задача образованія народа и пробужденія въ немъ національнаго самосознанія оказалась слишкомъ великою для малыхъ средствъ общества.

Съ теченіемъ времени національная жизнь Славаковъ развилась до небывалыхъ дотолѣ размѣровъ, не ограничиваясь одною литературною дѣятельностью. Словаки очутились, хотя и противъ своей воли, въ борьбѣ за свою національность, и если не вышли изъ нея побѣдителями, то, по крайней мѣрѣ, до конца ея держали себя честно. Въ это именно время для Словенскихъ патріотовъ былъ очень чувствителенъ недостатокъ народнаго органа, который бы взялъ на себя защиту Словаковъ отъ Мадьяръ и объяснялъ народу спорное дѣло, такъ какъ Мадьяры, располагая обширною печатью, часто нападали въ ней на Словаковъ, которые не могли отвѣчать тѣмъ же путемъ. «Татранка» Палковича не могла восполнить этотъ недостатокъ, такъ какъ

она была лишь учено-литературнымъ изданіемъ. Словенскіе патріоты, правда, отвѣчали Мадьярамъ въ заграничныхъ изданіяхъ, напр. въ Германской «Всеобщей Аугсбургской газетѣ», особыми брошюрами, въ Хорватскихъ газетахъ, но этотъ путь былъ слишкомъ неудобенъ и могъ принести пользу лишь отчасти, такъ какъ народъ этимъ путемъ никогда не могъ быть ознакомленъ съ національнымъ дѣломъ и заинтересованъ имъ. Поэтому Словенскіе патріоты рано стали думать объ основаніи особой Словенской газеты, которая бы взяла на себя эту великую задачу. Но если прежде подобныя попытки Гамуляка не удались, то теперь было особенно трудно основать газету на Словенскомъ языкѣ, со Славянскимъ, слѣдовательно, противо-Мадьярскимъ направленіемъ, такъ какъ это предпріятіе шло въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ Мадьяръ.

Въ виду этого, Словенскіе патріоты сначала (еще въ 1840 г.) послали Годжу къ графу Заю, чтобы разузнать, какъ Мадьяры взглянутъ на ихъ намѣреніе. Тотъ, услышавъ въ чемъ дѣло, отговаривалъ патріотовъ, заявляя, что имъ не удастся получить въ Пештѣ дозволеніе. «Вы видите, говоритъ онъ Годжѣ, что палатинъ болѣе расположенъ въ пользу Мадьярскаго дѣла, чѣмъ мы—Мадьяры. Онъ именно не позволитъ, чтобы въ Угріи возникло что-нибудь противо-Мадьярское».—«Но вы, illustrissime domine comes (свѣтлѣйшій графъ), возразилъ Годжа, какъ либеральный человѣкъ, не можетъ одобрять такого противозаконнаго дѣйствія, и развѣ вы не станете, соотвѣтственно вашему сану, противодѣйствовать ему?»—«Конечно. Но если государственныя цѣли требуютъ, чтобы ничто подобное не возникало, то нечего дѣлать и—слѣдуетъ подчиниться».—«Но позвольте васъ спросить: могутъ ли быть болѣе высокія государственныя цѣли, нежели образованіе и благосостояніе народа? А, вѣдь, того и другаго домогается всякая порядочная газета».—«Хорошо. Но, вѣдь, у васъ есть Чешскія газеты; онѣ могутъ добиваться того-же».—«Сами Чехи давно желаютъ особой Словенской газеты».—«Какой-же для нихъ интересъ въ этомъ?—не Славянскій-ли?»—«Отчасти—да. Но болѣе они хлопочутъ изъ-за того, чтобы имѣть возможность узнавать различныя явленія конституціонной жизни въ Угріи».—«Не было-ли бы это чѣмъ-нибудь въ родѣ конституціонной пропаганды?—Это-бы не дурно! Но—Славянская газета въ Угріи... въ этомъ сомнѣваюсь».

Не смотря на подобные голоса, несмотря на то, что Мадьярскія газеты уже заранѣе насмѣхались надъ предпріятіемъ Словенскихъ

патріотовъ, эти послѣдніе и не думали оставить свое намѣреніе. Штуръ рѣшился принять на себя званіе редактора новой Словенской газеты и, будучи снабженъ свидѣтельствами католическихъ и протестантскихъ епископовъ и залогомъ, который заплатилъ Феерпатаки, подалъ прошеніе въ Вѣнѣ, хорошо зная, что въ Пештѣ напрасно сталъ бы искать позволенія. Прошло три года, а позволенія все еще не было. Потребовались новыя свидѣтельства, новыя петиціи (одна подписана даже дворянствомъ Турчанскаго комитата), и, не смотря на все это, едва не дошло до того, что газету совсѣмъ не позволили. Въ критическомъ положеніи Штуръ просилъ содѣйствія Хорватовъ. Благодаря ихъ помощи, ходатайству Е. И. В. Эрцгерцога Франца Карла и министра Коловрата, позволеніе, наконецъ, было дано, но съ угрозою, что газета будетъ немедленно прекращена, какъ только появится въ ней какая-нибудь полемическая статья противъ другихъ національностей (Мадьяръ).

Такого-то труда стоило основаніе Словенской газеты въ Угріи въ то самое время, когда новыя Мадьярскія газеты появлялись чуть-чуть не ежедневно! Но результатъ былъ все-таки благопріятенъ для Словаковъ, и 1-го августа 1845 г. появился № 1 Словенской національной газеты «Словенскія Народныя Новины», и вслѣдъ затѣмъ, беллетристическое приложеніе къ ней «Орелъ Татранскій», подъ редакціею Штура.

Въ то время, когда поднята была мысль объ основаніи газеты, Штуръ со своими друзьями держался еще Чешскаго литературнаго языка, на которомъ Словенскіе патріоты намѣревались и издавать свою газету. И впослѣдствіи, когда заговорили о новомъ литературномъ языкѣ, Словенскомъ, Штуръ все еще думалъ держаться, хотя бы только отчасти, Чешскаго языка, и обѣщалъ Колару принимать въ изданіе и Чешскія статьи, соотвѣтственно первоначальному воззрѣнію своей партіи, чтобы заинтересовать въ пользу національнаго дѣла весь народъ — безъ различія вѣроисповѣданія и литературнаго языка, всѣхъ соединить на общей почвѣ національныхъ интересовъ. Но, въ концѣ концовъ, изданіе явилось лишь на Словенскомъ языкѣ, къ немалому, конечно, неудовольствію старшихъ патріотовъ.

Будучи горячо преданъ интересамъ своего народа и Славянскому дѣлу, Штуръ такъ же горячо принялся и за изданіе, и, можно сказать, его газета въ скоромъ времени составила въ національной жизни Словаковъ такую-же эпоху, какую составили въ Чехіи явившіяся нѣ-

сколько позже „Народныя Новины“ Гавличка, хотя результаты у Чеховъ и у Словаковъ и не были тожественны. Къ счастію Штура, цензоромъ газеты назначенъ былъ человѣкъ умѣренный, который пропускалъ статьи и въ чисто-Славянскомъ духѣ, хотя Мадьярскія газеты и поднимали крикъ по поводу этихъ статей.

Черезъ годъ появилось на Словенскомъ же языкѣ и учено-литературное изданіе «Slovenskje Pohladi», подъ редакціею Гурбана, выходившее безъ опредѣленнаго срока большими выпусками (съ 1846 года до іюня 1851 г. вышло 5 выпусковъ), которое имѣетъ большое значеніе, какъ важный источникъ для исторіи Словенской литературы того времени.

Такимъ образомъ, первые опыты со Словенскимъ литературнымъ языкомъ оказались довольно удачными. Словаки имѣли не только свое средоточіе въ учрежденномъ ими обществѣ «Татринъ», собранія котораго сдѣлались національными, но располагали еще однимъ политическимъ и двумя литературными повременными изданіями, кромѣ изданій «Татрина» и періодически издававшагося альманаха «Нитры». Эти изданія, веденныя на новомъ Словенскимъ языкѣ, служили общему дѣлу всѣхъ Словаковъ безъ различія вѣроисповѣданія, — протестантовъ и католиковъ.

Молодымъ патріотамъ, посредствомъ новаго литературнаго языка, удалось привлечь на свою сторону и часть католическихъ своихъ соотечественниковъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ духовенства, какъ, напр. канониковъ: Червена и Твердаго, приходскихъ священниковъ: Цабана, Счастнаго, Заводника, Голечка, Галбаваго, Урбановскаго и многихъ другихъ. Достигли на этотъ разъ и того, чего прежде никогда не бывало, именно: патріоты католической и протестантской партій стали собираться вмѣстѣ на засѣданія Татрина для совѣщаній объ общихъ національныхъ дѣлахъ. Правда, оставалась еще громадная часть католической интеллигенціи, которая, не принимая участія въ новомъ движеніи, или держалась «бернолачины» и недовѣрчиво относилась къ протестантамъ, или держалась Мадьяръ, находя въ этомъ свои выгоды; но и достигнутый успѣхъ показалъ, что со временемъ на этой почвѣ можно будетъ соединить весь Словенскій народъ. Кромѣ того, и нѣкоторая часть протестантовъ, особенно старшіе патріоты, неблагопріятствовала предпріятію Штура и его друзей, считая несчастіемъ для своего народа литературное отдѣленіе отъ Чеховъ, единеніе съ

которыми продолжалось столько вѣковъ и было основою національной, религіозной и литературной жизни Словаковъ до этого времени.

Чехи, наконецъ, привыкшіе считать Словаковъ, по крайней мѣрѣ протестантскихъ, частью своего народа и расчитывавшіе на ихъ литературную дѣятельность въ пользу своего языка, видѣли въ предпріятіи молодыхъ Словенскихъ патріотовъ измѣну Чешско-Словенскому національному дѣлу и злились на нихъ.

Такимъ образомъ, новое предпріятіе встрѣтилось и съ большими трудностями, такъ какъ Словенскій народъ, какъ и прежде было, оказался раздѣленнымъ. Теперь было три партіи: штуровская, католическо-бернолакская и Чешская. Кромѣ того, старая дружба съ Чехами чуть-чуть не прекратилась.

Періодъ возрожденія Чешской литературы въ первой половинѣ XIX в. вообще характеризуется большими литературными спорами; поэтому не удивительно, что и Словенскій литературный вопросъ подалъ поводъ къ большой распрѣ, которая начата была Чехами. «Чешская Матица», учрежденная въ 1827 г. въ Прагѣ, считая себя главнымъ литературнымъ авторитетомъ, еще съ самаго начала своего учрежденія стала въ «Часописи Чешскаго Музея» ратовать противъ Словенскихъ литературныхъ нововведеній, и хотя, напр., самъ Палацкій признавалъ, что католическіе Словаки никогда не принимали дѣятельнаго участія въ Чешской литературѣ, тѣмъ не менѣе, печаталъ, какъ и другіе Чешскіе писатели, рѣзкія статьи противъ нихъ. Незначительная попытка Словаковъ или ословаченныхъ на половину Русскихъ Земплинскаго комитата писать на своемъ мѣстномъ нарѣчіи («сотачинѣ», на которомъ съ 1750 г. издано нѣсколько сочиненій духовнаго содержанія), также и дѣятельность Бернолака и его школы, очень строго осуждены были Чехами. Точно также встрѣчено было рѣзкою критикою и направленіе Колара и другихъ, стремившихся сблизить Чешскій литературный языкъ со Словенскимъ и Моравскимъ и образовать, такимъ образомъ, какъ бы Чешско-Словенскій языкъ.

Въ данномъ случаѣ, когда литературное нововведеніе явилось со стороны Словенскихъ протестантовъ, Чехи думали, что, въ силу прежнихъ отношеній къ этимъ протестантамъ, они имѣютъ полное право показать предъ ними свой авторитетъ, чтобы предупредить возможность гибельныхъ послѣдствій литературнаго раздѣленія. Чешская Матица пригласила всѣ Чешскіе и особенно Словенскіе авторитеты подать свой голосъ противъ Штура, его партіи и противъ новаго

Словенскаго литературнаго языка. Отзывы, данные по этому приглашенію, напечатаны на счетъ матицы въ 1846 г. отдѣльною книгою. [1])

Чтобы показать историческое значеніе литературнаго единства, въ началѣ книги представлены отзывы относительно его Нудожерина, Амоса Коменскаго, Бѣла и Добровскаго. Затѣмъ, слѣдуетъ перепечатка изъ «Часописи Чешскаго Музея» (1842 г.) статьи покойнаго Таблица: «О литературныхъ связяхъ Словаковъ съ Чехами и Мораванами въ древнія и новыя времена». Точно такъ же перепечатаны и статьи Палацкаго и Юнгмана («Часопись» 1829. 1832 гг.) противъ «бернолакчины» и «моравщины». Умѣренный Юнгманъ, писавшій спокойнымъ тономъ, на этотъ разъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ споръ и при перепечаткѣ ничего не перемѣнилъ въ своихъ статьяхъ, а Палацкій счелъ нужнымъ сдѣлать къ одной изъ своихъ статей прибавленіе въ довольно страстномъ тонѣ. Признавая, что намѣреніе Словенскихъ патріотовъ—возбудить въ большинствѣ своего народа или католической его части интересъ къ національному дѣлу, чтобы легче одолѣть мадьяризмъ,—очень хорошее и что оно заслужило бы полную похвалу, если бы привело къ желаннымъ результатамъ, Палацкій признаетъ успѣхъ этого предпріятія просто невозможнымъ, называя его фантазіею молодыхъ и неопытныхъ людей. Величаться національною особностью, говоритъ онъ, и основывать новую литературу въ то время, когда употребленіе Словенскаго языка на сеймахъ, сеймикахъ, въ судопроизводствѣ, школахъ и вообще въ общественной жизни запрещено; когда народъ не имѣетъ никакихъ политическихъ правъ и естественные его противники на сеймахъ установляютъ гибельные для него законы, противъ которыхъ онъ и возражать не смѣетъ; когда высшія сословія, почти безъ исключеній, присоединились къ Мадьярамъ и народъ, и безъ того небольшой, ограничивается лишь среднимъ и низшимъ сословіями, къ тому же раздѣленъ на нѣсколько мѣстныхъ нарѣчій и нигдѣ не находитъ для себя твердаго единенія, не имѣетъ своей общественной и соціальной жизни, не имѣетъ особаго средоточія (центра); когда, въ такомъ безпомощномъ состояніи, онъ еще вынужденъ вступить въ роковую борьбу за свое существованіе: въ такое время браться за подобныя предпріятія, возбуждать вновь старыя ссоры, раздроблять еще болѣе и безъ того слабыя силы и для

---

[1]) «Hlasy o potřebě spisovného jazyka pro Čechy, Moravany a Slováky».

новыхъ ссоръ оставлять прежнія свои цѣли, есть — чтобы выразиться умѣреннѣе — заблужденіе роковое и жалкое!

Кромѣ Палацкаго и Юнгмана напечатали въ «Гласахъ» свои мнѣнія о новомъ письменномъ языкѣ и три передовые дѣятеля Словенскіе: Шафарикъ, Коларъ и Палковичъ. Первый изъ нихъ, посвятившій всю свою жизнь на служеніе великой идеѣ, по природѣ своей будучи выше мелкихъ страстей, высказался, соотвѣтственно этому, въ тонѣ очень умѣренномъ. По мягкосердечію своему, не будучи въ состояніи строго осудить заблуждавшуюся, по его мнѣнію, часть Славянскаго племени, онъ и въ самыхъ упрекахъ выказываетъ любовь къ ней, выражаясь съ отеческою ласковостью и нѣжностію. По его мнѣнію, литературное единство Чеховъ и Словаковъ покоится на глубокихъ основаніяхъ и составляетъ дѣло настоятельной необходимости; оно и прежде, и въ недавнее время было поводомъ къ обновленію національной жизни Словаковъ. Литературная взаимность безъ этого единства не можетъ устоять и приведетъ къ полному разъединенію и отчужденію обоихъ народовъ. Экстраординарное положеніе дѣлъ въ Угріи, правда, требовало и чрезвычайныхъ мѣръ, но менѣе рѣзкихъ, чѣмъ эта (введеніе новаго литературнаго языка), которая состоялась, къ тому же, безъ согласія важнѣйшихъ патріотовъ и не можетъ считаться необходимо нужною. Литературное раздѣленіе не только ослабитъ общій литературный языкъ, сравнительно съ языками другихъ народовъ, но и сдѣлается причиною ссоръ и ненависти между Чехами и Словаками. Послѣдніе, отказавшись отъ Чешской и не будучи въ состояніи создать особую литературу, какъ и было съ «сотаками» и приверженцами Бернолака, останутся совсѣмъ безъ литературы. Признавая однако же, что новый литературный языкъ Чешскій, въ настоящемъ его видѣ, не можетъ удовлетворить нуждамъ, выходящимъ изъ положенія Словаковъ, Шафарикъ совѣтуетъ, чтобы они взялись за менѣе крайнее средство: примѣняли библейскій языкъ къ Словенскому простонародному,—средство, которое разъ уже было употреблено и—неудачно.

Въ противоположность умѣренному тону Шафарика, Коларъ и Палковичъ относятся къ своимъ соотечественникамъ рѣзко и сурово. Удивительно, что Коларъ, который всю жизнь свою провелъ среди Словаковъ,—посвятивъ ее своему народу, который еще недавно самъ задумывалъ нѣчто подобное, и своими сочиненіями и разговорами подалъ поводъ къ дѣйствіямъ Штура и его друзей,—одобрялъ ихъ на-

мѣренія [1]), вдругъ— такъ рѣзко началъ отзываться о нихъ и побуждалъ другихъ къ тому-же. Нельзя повѣрить, чтобы Чехи были причиною перемѣны его мыслей: вѣдь, Шафарикъ точно также писалъ по приглашенію Чеховъ, а между тѣмъ тонъ у него умѣренный. Изъ напечатанныхъ здѣсь статей Колара видно, что перемѣна произошла въ то время, когда онъ готовилъ къ печати свой отзывъ о новомъ Словенскомъ языкѣ: первая статья—о Чешско-Словенскомъ единствѣ языка и литературы—написана тономъ довольно мирнымъ и умѣреннымъ, въ духѣ Шафарика, а вторая—отвѣтъ Колара на письмо Л. Штура—отличается, напротивъ, суровымъ и даже грубымъ тономъ. Очень возможно, что письмо Штура подало поводъ къ этой перемѣнѣ, хотя, съ другой стороны, Гурбанъ и утверждаетъ, что Коларъ не точно приводитъ отдѣльныя выдержки изъ этого письма, которыя въ связи рѣчи имѣли другое значеніе. Возможно, что неисполненіе обѣщанія со стороны Штура—печатать въ своемъ изданіи статьи и на Чешскомъ, и на Словенскомъ языкѣ, или вообще рѣзкіе отвѣты Штура Чехамъ въ его изданіи, или, наконецъ, какая-нибудь частная ссора, были поводомъ къ этой перемѣнѣ: только, во всякомъ случаѣ, Коларъ написалъ на этотъ разъ статью, которая рѣзко противорѣчитъ всей его жизни.

Въ первой изъ своихъ статей Коларъ проводитъ ту мысль, что малый народъ никогда не можетъ имѣть свою особую литературу и цивилизацію—потому именно, что онъ малъ. Ни одинъ изъ другихъ народовъ не думаетъ писать на отдѣльныхъ своихъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ, соотвѣтственно этому и Славяне должны стремиться къ сближенію и объединенію, а никакъ не къ раздѣленію на болѣе мелкія части. Словенскіе протестанты, по своему вѣроисповѣданію, связаны съ Чехами своимъ прошлымъ, а католики и настоящимъ, такъ что и литературнаго единства достичь вполнѣ можно, тѣмъ болѣе, что и народъ до послѣдняго времени привыкъ слушать проповѣдь на библейскомъ языкѣ, вполнѣ понимая ее и въ этомъ видѣ.

Вторая статья, собственно письмо къ Штуру, наполнена бранными выходками, которыхъ и повторять не стоитъ. Нужно добавить,

[1]) Коларъ, какъ утверждаетъ Гурбанъ (Pohladi I, I. 63 прим.), зналъ прежде о намѣреніи молодыхъ патріотовъ и не противился ихъ предпріятію; отзывъ же его противъ Словенскаго литературнаго языка явился лишь впослѣдствіи, подъ вліяніемъ Чеховъ (?).

что нерасположеніе Колара къ Штуру доходило до того, что онъ даже думалъ основать новую политическую газету на Чешскомъ языкѣ.

Палковичъ полемизировалъ противъ Штура и его друзей въ своей «Татранкѣ», изъ которой перепечатана въ «Гласы» одна изъ самыхъ умѣренныхъ его статей, которыя вообще отличаются рѣзкостью и насмѣшливостью тона. Впослѣдствіи однако же, какъ сообщаетъ Гурбанъ, Палковичъ примирился съ нововведеніемъ вмѣстѣ съ своими учениками, когда увидѣлъ, что новый литературный языкъ благопріятно подѣйствовалъ на народъ.

Остальные отзывы Словенскихъ патріотовъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаемъ здѣсь и извѣстныхъ намъ суперинтендентовъ: Іосефи и Себерини, написаны въ формѣ писемъ на имя Колара и другихъ лицъ и повторяютъ почти тоже самое, что мы сейчасъ привели.

«Чешская Матица» хотѣла важностію авторитета передовыхъ представителей Чешской и Словенской литературной и національной жизни воспользоваться противъ молодыхъ, менѣе извѣстныхъ людей, которые только-что начали свою дѣятельность. Но неоспоримый до того времени авторитетъ Шафарика, Колара, Палковича и другихъ въ данномъ случаѣ не подѣйствовалъ желаемымъ образомъ, можетъ быть, потому, что Словенскіе представители на этотъ разъ возстали противъ своего собственнаго народа, и «Гласы» не достигли своей цѣли, а, напротивъ, будучи написаны рѣзкимъ тономъ, возбудили въ Словакахъ неудовольствіе и чувство горечи. Поэтому и неудивительно, что со стороны Словаковъ послѣдовалъ отвѣтъ въ томъ же рѣзкомъ тонѣ и, вслѣдствіе сильной распри, старая дружба между Чехами и Словаками чуть-чуть не прекратилась.

Штуръ, еще до выхода «Гласовъ» напечатавшій свое извѣстное сочиненіе о Словенскомъ нарѣчіи, обстоятельно изложивъ въ немъ причины, по которымъ Словаки стали писать на своемъ языкѣ, началъ теперь полемизировать съ своими противниками въ «Народныхъ Новинахъ» и «Орлѣ» въ такомъ же рѣзкомъ тонѣ, какой мы встрѣчаемъ въ «Гласахъ». Гурбанъ написалъ также въ первомъ выпускѣ своего изданія «Slovenské pohladi» рѣзкую критику «Гласовъ», разбирая въ нихъ отзывъ за отзывомъ. Наконецъ, и Годжа издалъ (1848 г.) отвѣтъ на «Гласы» особою книжкою [1]) Это

---

[1]) «Větin o Slovenčině».

сочиненіе, по обилію приводимыхъ въ немъ доводовъ въ пользу Словенскаго литературнаго языка, занимаетъ первое мѣсто. Приведши доводы одной партіи, мы считаемъ необходимымъ привести доводы и другой, столь обвиняемой и осуждаемой и доселѣ.

Доводы, приводимые Годжею, слѣдующіе:

I. а) Въ сущности есть одинъ Чешско-Словенскій языкъ [1]), но онъ распадается на два нарѣчія, изъ которыхъ каждое имѣетъ даже и свое собственное названіе,—Чешское и Словенское. Словаки сохранили первоначальную форму этого общаго (Чешско-Словенскаго) языка, поэтому Словенскій языкъ оригинальнѣе, а Чешскій составляетъ лишь нарѣчіе его (!);

б) Словенскій языкъ, какъ болѣе оригинальный, сохранилъ въ бóльшей степени и свой Славянскій характеръ, стоитъ ближе къ другимъ Славянскимъ языкамъ, нежели Чешскій.

II. Развитіе Чешскаго языка втеченіе столѣтій можно считать естественнымъ и необходимымъ и онъ составляетъ какъ-бы законченное цѣлое. Но это развитіе никакъ не можетъ служить канономъ для Словенскаго языка, потому что соединеніе обоихъ языковъ было случайное (?): оно было послѣдствіемъ реформаціи, которая случайно (?) явилась къ Словакамъ изъ Чехіи вмѣстѣ съ Чешскимъ литературнымъ языкомъ. Очень возможно, что Словаки приняли бы такимъ же образомъ и церковно-Славянскій языкъ, если бы онъ въ это время былъ въ употребленіи у Чеховъ. Слѣдовательно, такой же канонъ, какой предлагаютъ Словакамъ въ Чешскомъ языкѣ, можно было бы найти и въ Русскомъ, и въ Польскомъ языкахъ. (?)

III. Еще Коларъ указывалъ на то, что Словенскій языкъ, сохранивши во многихъ случаяхъ первоначальныя формы тамъ, гдѣ Чешскій языкъ потерялъ ихъ, изящнѣе Чешскаго. Полныя первоначальныя формы, которыя и изящнѣе и пластичнѣе позднѣйшихъ; сохранились только въ Словенскомъ языкѣ, который, можетъ быть, лишь благодаря этому, не исчезъ въ Чешскомъ языкѣ.

IV. По Коларовой панславистической теоріи, Чешская литература составляетъ достояніе и всѣхъ другихъ Славянъ, слѣдовательно и Словаковъ, которые охотно и заимствуютъ изъ Чешскаго языка все

---

[1]) Въ этомъ случаѣ Годжа приводитъ мнѣніе Шафарика изъ его «Народописанія», но Шафарикъ же въ своей «Исторіи Слав. литер.» высказываетъ относительно этого предмета и противоположное мнѣніе.

хорошее. Но такъ какъ Чешскій языкъ сильно онѣмечился, то и онъ, въ свою очередь, чтобы возвратиться къ первоначальному своему духу и формѣ, долженъ приблизиться къ Словенскому, который въ большей степени сохранилъ свой Славянскій характеръ.

V. Шафарикъ и Коларъ впервые представили характеристику Словенскаго языка, которую, впослѣдствіи, Штуръ изложилъ основательнѣе. Словенскій языкъ, при всемъ разнообразіи своихъ нарѣчій, составляетъ лишь одно общее цѣлое, которое всего яснѣе выражается въ такъ называемомъ средне-Словенскомъ нарѣчіи.

VI. Литературное единство съ Чехами въ прошломъ есть, конечно, неоспоримая истина, но Словаки, тѣмъ не менѣе, имѣютъ исвой особенный, самостоятельный языкъ. Создавать особый Словенскій литературный языкъ только для простонародныхъ сочиненій не стоитъ, напротивъ —онъ долженъ стоять наравнѣ съостальными Славянскими языками, чего требуетъ и географическое положеніе Словаковъ въ серединѣ другихъ Славянскихъ народовъ.

а) Въ исторіи Чешской литературы является перерывъ съ 1620 по 1820 г.; въ это время она почти совсѣмъ не существуетъ;

б) Литературный языкъ времени Велеславина прекратилъ свое существованіе и Чехи, во время возрожденія ихъ литературы, должны были прибѣгнуть къ новому литературному языку; тоже самое дѣлаютъ теперь и Словаки, которые начали это дѣло, въ лицѣ Бернолака, даже раньше Чеховъ;

в) Чешскій языкъ перешелъ къ Словакамъ вмѣстѣ съ реформаціею и употреблялся унихъ въ церковной, но нисколько не въ общественной жизни; Словаки, какъ бы въ вознагражденіе за пользованіе чужимъ, писали на Чешскомъ языкѣ: но чрезъ все это Чешскій языкъ нисколько не пріобрѣлъ историческаго права у Словаковъ.

А) Историческою основою Чешскаго литературнаго языка не должно считать литературу по ея содержанію, а лишь самый языкъ, какъ внѣшнюю форму литературы, —языкъ, который подвергался различнымъ измѣненіямъ. Чтобы приблизиться къ первоначальному своему виду, въ которомъ было болѣе Славянскихъ чертъ, позднѣйшій Чешскій языкъ долженъ былъ приблизиться къ старо-Чешскому, слѣдовательно и къ Словенскому языку. Вслѣдствіе этого, первоначальный Чешско-Словенскій языкъ служитъ историческою основою для Словенскаго языка не непосредственно, а чрезъ посредство Чешскаго литературнаго языка.

Б) Словенскій языкъ зависитъ отъ Чешскаго,—если не въ грамматическомъ, то въ лексическомъ отношеніи.

В) По Шафарику, народность языка состоитъ не въ употребленіи того или другаго простонароднаго говора: она выражается въ томъ, что называется логическимъ строемъ языка. А такъ какъ логическій строй въ Чешскомъ и Словенскомъ языкахъ одинъ и тотъ же, потому что оба они основываются на общихъ началахъ, и такъ какъ, вслѣдствіе этого, между ними существуетъ лишь незначительное различіе, то Чехъ очень легко можетъ понимать и считать своимъ языкомъ, если только захочетъ, Словенскій, а Словакъ—Чешскій языкъ.

VII. Предположеніе, что Словенскій языкъ будетъ располагать небольшою читающею публикою, по приведеннымъ соображеніямъ, неосновательно: правда, теперь у самихъ Словаковъ найдется мало читателей, но ихъ число увеличится вмѣстѣ съ развитіемъ литературы.

VIII. Настоящее литературное раздѣленіе, конечно, не можетъ обойтись безъ споровъ. Въ частности, Словаки не могутъ оставаться равнодушными къ тому, что говорится о нихъ въ «Гласахъ», какъ, равнымъ образомъ, и къ полному пренебреженію ко всему Словенскому со стороны Чеховъ. Но на сущность дѣла это не имѣетъ никакого вліянія, и споры сами собою кончатся, когда страсти охладѣютъ.

IX. Неосновательно также и то мнѣніе, что Словаки не согласятся между собою относительно одного общаго литературнаго языка, такъ какъ, и при всемъ разнообразіи діалектовъ, всѣ они могутъ достигнуть полнаго соглашенія на одномъ, для всѣхъ общемъ, основаніи.

X. Чешскій языкъ не можетъ помочь Словакамъ въ ихъ опасномъ положеніи по отношенію къ мадьяризму и мадьяронизму; съ другой стороны, и сами мадьяроны, особенно изъ дворянъ, не на столько равнодушны къ Словенскому языку, чтобы не обращали на него своего вниманія. Употребленіе Словенскаго языка католическимъ духовенствомъ можетъ имѣть хорошія послѣдствія, и очень возможно, что мадьяризмъ не получилъ бы перевѣса, если-бы оно явилось годами 50 раньше. Посредствомъ Чешскаго языка переворотъ въ пользу Словаковъ произвести нельзя; къ тому же, Словаки посредствомъ своего языка, могутъ усвоить Чешскій литературный легче, чѣмъ посредствомъ самого Чешскаго языка.

XI. У всякаго образованнаго человѣка, во всякомъ мѣщанскомъ семействѣ, даже во всякомъ крестьянскомъ домѣ, найдется нѣсколько книгъ; въ этомъ среднемъ сословіи литературныя изданія находятъ

болѣе всего покупателей и, чтобы вліять на развитіе читателей этого класса, должны выходить непремѣнно на Словенскомъ языкѣ.

Приведенный очеркъ литературной распри, возникшей между Чехами и Словаками, довольно ясно показываетъ, что съ той и другой стороны доходили до крайностей. Съ самаго начала своего литературнаго возрожденія Чехи считали Словаковъ какъ-бы своею принадлежностью и требовали отъ нихъ во всѣхъ случаяхъ лишь покорнаго послушанія, не обращая, конечно, никакого вниманія на ихъ нужды. При такомъ положеніи дѣла, предпріятіе Штура и его друзей сочтено было за полнѣйшую революцію противъ Чешской литературной гегемоніи и «Чешская Матица» рѣшила истребить опасныхъ революціонеровъ во что-бы то ни стало. Удивительно, что и Палацкій — который въ свое время выразился, что еслибы онъ былъ и послѣднимъ въ своемъ родѣ, все-таки сталъ-бы писать на своемъ языкѣ — въ этомъ случаѣ не только напоминаетъ Словакамъ ихъ отчаянное и безвыходное положеніе, но и чуть-чуть не совѣтуетъ имъ отдаться на милость и немилость своимъ противникамъ, лишь-бы только заставить ихъ писать на Чешскомъ языкѣ. «Или вы будете покорно слушаться насъ, или мы оставимъ васъ на произволъ Мадьярамъ»: — вотъ девизъ «Чешской матицы» по отношенію къ Словакамъ, хотя она и не въ состояніи была помочь дѣлу, еслибы Словаки и слушались ея. При такомъ разгоряченномъ настроеніи мыслей, совершенно не былъ слышенъ умѣренный голосъ Шафарика, предлагавшій держаться средины, тѣмъ болѣе, что противъ Шафарика говорили и Коларъ, и другіе Словенскіе писатели.

Подобнымъ образомъ и съ другой стороны вдавались въ крайности, когда доказывали преимущества и, вслѣдствіе этого, первенство Словенскаго языка передъ Чешскимъ, когда выставляли на видъ полное отличіе его и независимость отъ Чешскаго литературнаго языка, когда выражали намѣреніе поставить Словенскій языкъ на одномъ уровнѣ съ другими Славянскими языками и создать литературу, которая-бы стояла наравнѣ съ остальными Славянскими литературами.

Но крайности со стороны Словенской, по всей вѣроятности, были лишь послѣдствіемъ рѣзкости Чеховъ. Это подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ обстоятельствомъ, что Словенскіе писатели, при всѣхъ своихъ крайностяхъ, высказываютъ, что они никакъ не желаютъ полнаго разрыва съ Чешскою грамматикою и литературою, а напротивъ, опираясь на нихъ, желаютъ пользоваться своимъ нарѣчіемъ для обра-

зованія народа и народныхъ цѣлей, чтобы избавить народъ отъ гибели. Гурбанъ очень ясно высказываетъ это: «мы отдѣлились своимъ Словенскимъ языкомъ отъ Чешскаго образа писанія, но не отъ Чешской литературы». Это же подтверждаетъ и Годжа въ вышеприведенныхъ словахъ: «Словаки посредствомъ своего языка могутъ усвоить Чешскій литературный языкъ легче, чѣмъ посредствомъ самого Чешскаго языка».

Въ самомъ дѣлѣ, Словаки никогда не переставали интересоваться Чешскою литературою, изучая Чешскій языкъ и считая себя однимъ народомъ съ Чехами. И, не смотря на литературную распрю съ Чехами и пренебреженіе со стороны послѣднихъ, они не разъ вносили въ свою программу политическое соединеніе съ Чешскимъ королевствомъ, стремясь въ этомъ случаѣ къ самой важной цѣли, о которой сами Чехи и не подумали. Съ другой стороны, и Чехи, хотя и были очень нерасположены къ Словакамъ за ихъ литературное отдѣленіе, тѣмъ не менѣе, никогда не отказывались помочь Словакамъ, когда послѣдніе нуждались въ ихъ помощи. Поэтому, литературное раздѣленіе, хотя оно и подало поводъ къ недоразумѣніямъ и спорамъ, не могло уничтожить старую дружбу и родственную любовь между обоими народами, и, Богъ дастъ, придетъ время, когда недоразумѣнія, бывшія доселѣ, уступятъ мѣсто полнѣйшему единенію.

Время этихъ споровъ, можно сказать, самое важное въ Словенской исторіи, характеризуется преимущественно дѣятельностью трехъ патріотовъ Словенскихъ: Штура, Гурбана и Годжи, которые дѣлаютъ починъ во всѣхъ національныхъ дѣлахъ и стоятъ во главѣ всего Словенскаго движенія.

Людевитъ Штуръ (родился въ Угровцахъ, въ Тренчанскомъ комитатѣ, 28 октября 1815 г.) получилъ образованіе въ Рабской гимназіи, потомъ, Прешбургскомъ лицеѣ, гдѣ были тогда же братъ его Карлъ и Само Халупка, а впослѣдствіи Гурбанъ, Годжа и другіе. Подружившись съ ними, онъ не только принялъ участіе въ ихъ занятіяхъ, но въ скоромъ времени сдѣлался первымъ представителемъ того Славянскаго движенія, которое возникло, вслѣдствіе литературной дѣятельности Шафарика и Колара, особенно между молодежью Прешбургскаго лицея. Дѣятельность Штура въ этомъ случаѣ не ограничивалась одними научными занятіями: его горячая мысль не только сама увлекалась великою Славянскою идеею, но и стремилась дѣлать другихъ приверженцами этой идеи. По выходѣ Халупки,

онъ, можно сказать, былъ душею студентскаго общества въ лицеѣ и своимъ воодушевленіемъ плѣнялъ Словенскую молодежь то въ своихъ лекціяхъ объ исторіи и литературахъ Славянскихъ, то въ частныхъ разговорахъ въ ихъ литературномъ кружкѣ. Каѳедра Славянскаго языка въ лицеѣ при немъ несомнѣнно процвѣтала болѣе всего, когда она была на самомъ дѣлѣ каѳедрою славистики. Но дѣятельность Штура, какъ мы видѣли, не понравилась Мадьярамъ и онъ долженъ былъ удалиться съ этой каѳедры и искать новыхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей.

Во время своей учительской дѣятельности, онъ помѣщалъ разныя статьи и стихотворенія въ «Квѣтахъ», «Властимилѣ», «Гронкѣ», «Татранкѣ». Въ редакціи послѣдняго изданія онъ принималъ большое участіе и, между прочимъ, помѣстилъ въ немъ, въ 1842 году, статью о назначеніи Россіи въ Азіи. Удалившись съ каѳедры, Штуръ посвятилъ свою дѣятельность общественной жизни. Вскорѣ издалъ онъ въ Лейпцигѣ, въ защиту своего народа, извѣстныя брошюры и напечаталъ статьи [1]). Съ 1845 г., какъ сказано, онъ взялъ на себя редакцію «Народныхъ Новинъ» и «Орла», въ которыхъ возбуждалъ народъ къ новой жизни и одушевлялъ его на борьбу за свои права. «Народныя Новины», безъ сомнѣнія, составляютъ эпоху въ исторіи духовнаго развитія Словаковъ, и редактору ихъ принадлежитъ великая заслуга въ томъ, что онѣ не только сдѣлались народнымъ органомъ, но и были руководителемъ народа, мало опытнаго въ политическихъ дѣлахъ и вопросахъ. Не мала заслуга Штура и въ дѣлѣ созданія Словенскаго литературнаго языка, на которомъ издавались «Народныя Новины». Наконецъ, въ 1847 г. Штуръ выбранъ былъ депутатомъ на сеймъ отъ города Зволена и такимъ образомъ выступилъ на поприще политической дѣятельности. Съ этого времени начинается новый періодъ его жизни.

Вторымъ представителемъ этого времени былъ Іосифъ М. Гурбанъ (род. 19-го марта 1817 года), получившій образованіе (въ 1836—40 гг.) въ Прешбургскомъ лицеѣ, гдѣ былъ ревностнымъ членомъ студентскаго общества, въ которомъ нѣкоторое время исполнялъ обязанности корреспондента. Въ 1839 г. онъ путешествовалъ

---

[1]) Stur L: «Klagen und Beschwerden der Slovaken» (1844 г.) и «Das XIX Iahrhundert und der Madyarismus» (1845 г.); кромѣ того, помѣщалъ статьи въ «Аугсбургской всеобщей газетѣ».

на счетъ общества по Чехіи и Моравіи и черезъ два года издалъ описаніе своего путешествія [1]). Въ описаніи этомъ, по его собственному выраженію, «сердце молодого Словенскаго студента кипитъ Славянскимъ чувствомъ». Принявши званіе священника, онъ нѣкоторое время прослужилъ въ Брезовой (съ 1840 г.), потомъ (1843 г.) выбранъ приходскимъ священникомъ протестантской церкви въ Глубокой, гдѣ старался дѣйствовать на жителей въ національномъ духѣ, принимая въ тоже время участіе и въ литературной дѣятельности. Подъ его редакціею выходилъ въ это время альманахъ «Нитра», бывшій первымъ органомъ новаго литературнаго языка и сдѣлавшійся средоточіемъ преимущественно бывшихъ Прешбургскихъ студентовъ. Съ 1842 по 1853 г. вышло его 5 томовъ (I-й т. 1842 г., II-й 1844 г,, III-й 1846 г., IV-й 1847 г., V-й 1853 г-). Самъ Гурбанъ напечаталъ въ немъ нѣсколько стихотвореній и повѣстей.

Принявши большое участіе въ основаніи новаго литературнаго языка и въ возникшемъ тогда обществѣ «Татринѣ», онъ, какъ мы упоминали, съ 1846 г. началъ издавать учено-литературный журналъ «Slovenskie Pohladi», который можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ періодическихъ изданій Чешско-Словенской литературы того времени. Самъ Гурбанъ напечаталъ здѣсь одну изъ лучшихъ своихъ статей [2]), въ которой замѣчательный молодой ученый весьма полно и даже подробно излагаетъ исторію Словенской литературы до 1840 г., по критическому изложенію предмета превосходя самаго Шафарика. Въ каждой книгѣ сообщалъ онъ обозрѣніе современной литературы не только Словенской, но и Чешской, и Славянской вообще. Для исторіи особенно Словенской литературы въ этомъ изданіи собрано много матеріала.

Въ тоже время Гурбанъ издалъ извѣстную книгу «Unia», въ которой изглагаетъ сущность лютеранства, отличіе его отъ кальвинизма и невозможность уніи между обоими вѣроисповѣданіями, выступая, такимъ образомъ, противъ стремленій графа Зая и съ богословской точки зрѣнія. Книга эта протестантскимъ Словенскимъ духовенствомъ принята была съ восторгомъ, такъ какъ она оправдывала борьбу его противъ уніатскаго мадьяризма, а Мадьярами—съ сильнымъ негодованіемъ, вслѣдствіе чего возбудила полемику. Со стороны уніонистовъ издано

[1]) «Cesta Slováka ku bratrům Slovanským».
[2]) «Slovensko a jeho život literární».

нѣсколько брошюръ противъ Гурбана, на которыя онъ отвѣчалъ частію въ своемъ журналѣ, а частію особыми брошюрами [1]).

По всему этому, Гурбана можно считать однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ Словенской литературы, располагавшимъ большимъ знаніемъ не только литературнымъ, но и богословскимъ, отчего нѣкоторыя сочиненія его имѣютъ важное значеніе, напр., «Исторія литературы» и «Унія». Послѣднее и за границею пріобрѣло такую извѣстность, что Іенскій университетъ далъ Гурбану степень доктора богословія за его энергическую защиту протестантства. Гурбанъ вполнѣ былъ проникнутъ тѣмъ чувствомъ и самосознаніемъ, не только Словенскимъ, но и обще-Славянскимъ, которое воодушевляло молодыхъ патріотовъ въ неравной борьбѣ ихъ съ Мадьярами и успѣло, въ концѣ концовъ, поставить, хотя бы только отчасти, предѣлы Мадьярскимъ претензіямъ. Участіе, которое принималъ Гурбанъ въ разсказанныхъ нами происшествіяхъ, и его литературная дѣятельность не только сдѣлали его извѣстнымъ у Словаковъ, но и доставили ему первый голосъ и первое мѣсто въ дальнѣйшей политической дѣятельности и борьбѣ Словенскаго народа за свои права и свободу.

Михаилъ М. Годжа (родился 22 сентября 1811 г. въ Ракшѣ, въ Тренчанскомъ комитатѣ) получилъ образованіе въ Быстрицкой и Рожнавской гимназіяхъ, а потомъ въ Прешбургскомъ лицеѣ, гдѣ участвовалъ въ студентскомъ обществѣ, въ которомъ въ 1836 г. былъ председателемъ. По окончаніи богословскаго курса, нѣкоторое время занимался въ Вѣнѣ, а потомъ (въ 1837 г.) выбранъ во священники протестантской церкви въ Липтовскомъ св. Николаѣ, гдѣ въ скоромъ времени получилъ и должность сеніора дистриктуальной Липтовской церкви. Будучи проникнутъ тѣми же мыслями и чувствами, какъ и его друзья, Годжа отличался отъ нихъ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, которымъ съ самаго начала привлекъ къ себѣ всю свою паству, пользуясь силою своего слова для возбужденія въ своихъ слушателяхъ не только религіознаго чувства, но и національнаго самосознанія. Такимъ образомъ, еще въ то время Липтовскій св. Николай и Брезова съ Глубокою были мѣстами, гдѣ духъ Словенскаго національнаго самосознанія, благодаря дѣятельности двухъ передовыхъ представителей Словенскихъ, успѣлъ проявиться во всей своей силѣ, такъ что здѣсь на-

---

[1]) Какъ, напр., «Zneuctění památky Dr M. Lutera skrze N. Šimku».

ціональное Словенское дѣло имѣло и ревностныхъ приверженцевъ, и защитниковъ.

О дѣятельности Годжи по церковному вопросу въ началѣ сороковыхъ годовъ мы упоминали уже, какъ и объ участіи его въ созданіи Словенскаго литературнаго языка и въ учрежденіи «Татрина», въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ и собранія котораго бывали у него; выше названы уже нѣкоторыя изъ сочиненій Годжи. [1])

Такимъ образомъ, новое время у Словаковъ вызвало и новыхъ дѣятелей, которые находили въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы идти новымъ путемъ и начать новую борьбу съ врагами своего народа. Борьба же освѣжила всю національную жизнь, слѣдовательно и литературу. Дѣйствительно, въ это время мы видимъ у Словаковъ новыя свѣтлыя явленія и въ поэтической литературѣ, которыя, безспорно, могутъ занять почетное мѣсто и въ поэтической Славянской литературѣ вообще.

Тутъ, прежде всего, долженъ быть названъ Само (Самуилъ) Халупка (род. въ Горной Леготѣ 27 февраля 1812 г.). Семейство, изъ котораго онъ происходилъ, отличалось патріотизмомъ и даже извѣстно было въ литературѣ: отецъ его Адамъ и старшій братъ Иванъ (оба священники) были извѣстны—первый своими стихотвореніями, а второй драматическими сочиненіями. Получивши первоначальное образованіе на родинѣ, Само, потомъ, учился въ нѣсколькихъ гимназіяхъ, между прочимъ, и въ Кежмарской, гдѣ имѣлъ на него большое вліяніе учитель его Славковскій, познакомившій его не только съ Чешскою и Словенскою литературою, но и съ исторіею Славянскихъ народовъ, такъ что появившееся въ это время сочиненіе Колара «Славы дочь» нашло Халупку уже приготовленнымъ къ воспринятію великой Славянской идеи, и тогда еще Халупка сдѣлался ревностныхъ приверженцемъ ея. Поступивши въ Прешбургскій лицей, онъ сошелся тамъ съ Словенскими студентами, которые группировались вокругъ него и съ помощію которыхъ онъ основалъ Прешбургское студентское общество, имѣвшее впослѣдствіи большое вліяніе не только на Словенскую молодежь, но и на всю національную жизнь Словаковъ, отличавшееся,

---

[1]) Изъ сочиненій его мы упомянули: «Epigenes Slovenicus s. Tentamen orthographiae Slovenicae» (I, 1847 г.), которое можетъ считаться первою грамматикою новаго Словенскаго языка, и «Větín o Slovenčině» (1848 г.), въ которомъ онъ защищаетъ этотъ языкъ отъ нападеній Чешскихъ «Гласовъ», какъ и въ другомъ сочиненіи «Dobruo slovo» (1847 г.), гдѣ, кромѣ того, излагаетъ цѣли «Татрина».

по преимуществу, Славянскимъ направленіемъ, которое исходило отъ учредителя.

Но еще въ 1833 г. Халупка оставилъ Прешбургъ, чтобы побывать въ Вѣнѣ, гдѣ ему удалось познакомиться со Славянскими студентами разныхъ національностей, чрезъ что Славянское сомосознаніе его еще болѣе развилось.

Въ 1834., поступилъ онъ въ священники, а въ 1840 г. выбранъ приходскимъ священникомъ протестантской церкви въ Горной Леготѣ, гдѣ покойный его отецъ дѣйствовалъ 40 лѣтъ и гдѣ Само проживаетъ и доселѣ.

Новое поприще дѣятельности и уединеніе въ горной глуши не мѣшали ему интересоваться народнымъ дѣломъ, такъ что имя его встрѣчается почти во всѣхъ національныхъ предпріятіяхъ. Онъ былъ, между прочимъ, однимъ изъ первыхъ, которые подняли мысль о новомъ Словенскомъ языкѣ и писали на немъ.

Халупка принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которые, подражая народной Славянской поэзіи, успѣли не только придать своимъ стихотвореніямъ чисто Славянскую форму, но и достичь той простоты и красоты, которая характеризуетъ поэзію Славянъ. Между поэтами этого рода Халупка занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ и стоитъ въ этомъ отношеніи на одномъ уровнѣ съ своими современниками: Эрбеномъ и Челяковскимъ (въ Чешской литературѣ) не только по содержанію, но и по формѣ. Преимущественно по формѣ, съ Халупкою не можетъ сравниться ни одинъ изъ Словенскихъ поэтовъ, развѣ только Голый; но и этого Халупка превосходитъ не только тѣмъ, что употребляетъ болѣе благозвучное нарѣчіе, но и болѣе искуснымъ выборомъ словъ для выраженія своихъ мыслей.

Его баллады [1]) истинно прекрасны; его лирическія стихотворенія: «Sen», «Zrada», отличаются такою нѣжностью, что не только въ Словенской, но и въ Чешской литературѣ не найдется лучшихъ. Чисто народная форма и духъ стихотвореній Халупки, особенно національное и Славянское чувство, выраженное въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ подѣйствовали на народъ, что они сдѣлались извѣстными почти всякому простолюдину. Ни одному изъ Словенскихъ поэтовъ не удалось такъ вѣрно и трогательно и вмѣстѣ въ такихъ простыхъ словахъ опи-

[1]) «Branko», «Muráň», «Starý vaezeň», «Turčin Poničan», «Lykavský vaezeň»

сать положеніе Словаковъ, какъ Халупкѣ въ его, напр., балладѣ «Бранко» [1].

Нѣкоторыя стихотворенія Халупки печатались въ разныхъ изданіяхъ еще въ сороковыхъ годахъ, другія—позже; всѣ онѣ изданы въ 1863 г. въ Баньской Быстрицѣ, при особенномъ содѣйствіи Словенскаго патріота Турса-Носицкаго, подъ заглавіемъ: «Spevy Sama Chalupky».

Кромѣ того, Халупка имѣетъ въ рукописи собраніе народныхъ сказокъ и суевѣрій, которымъ воспользовалась Божена Нѣмцова, гостившая у него нѣсколько времени. Нечего и говорить о томъ, что Халупка, подобно своимъ извѣстнымъ современникамъ, знаетъ Славянскіе языки и литературы; но нужно прибавить, что, кромѣ поэзіи, онъ много интересовался археологіею и древностями Славянскими, и пользуется у Словаковъ большою извѣстностью по своимъ знаніямъ въ этой области.

Въ такомъ же духѣ писалъ и Янко Краль, который пользовался и такою же популярностью, какъ Халупка, хоть и не можетъ сравниться съ нимъ по формѣ своихъ стихотвореній. Его баллада «Zverbuvaní», въ которой описывается вербованіе молодаго Янка въ гусары, болѣе всего популярна и принадлежитъ, дѣйствительно, къ числу лучшихъ произведеній Словенской литературы. Явленіе отвратительное, однакоже бывшее очень обыкновеннымъ въ Европѣ—сманиваніе молодежи въ солдаты виномъ, деньгами,— удалось автору изобразить такъ поэтично, съ такою тонкостію и прелестію передаетъ онъ душевную борьбу молодаго человѣка, колебаніе его между лю-

[1]) Bulo dolre-ale dávno:
Žil na svet'e Slovák slávno;
Oj, žil si on vo svobod'e
Jako ryba v tichej vond'e.
Cudzý zbojom na nás padol,
O vlast' našu nás okradol;
Pošlapal nám naše práva;
Zašla rodu nášho sláva.
Jdú roky zo sta do sta:
Zem cudzinou nàm zarostá;
Kdo Slovenskej pravdě žije,
Pekelná ho krivda bije.
Или—въ «Кралогольской»:
U tom našom narodě,
Zle to tam nedobre:
Krivda za stôl saedla
Pravda u dvier žobre.

бовію къ родинѣ, матери, любимой дѣвушкѣ, съ одной стороны, и честолюбіемъ—съ другой, что судьба этого деревенскаго Ахилла способна заинтересовать всякаго.

Къ сожалѣнію, изъ сочиненій Янка Краля напечатано слишкомъ мало, а то, что̀ сохранилось въ рукописи, неизвѣстно у кого находится, такъ что Словенской Матицѣ едва-ли удастся издать собраніе его сочиненій.

Впрочемъ, самъ онъ былъ большой чудакъ. По окончаніи юридическаго курса въ Прешбургскомъ лицеѣ, онъ поступилъ въ адвокатскую канцелярію въ Пештѣ, но серьезныя занятія ему были не по душѣ. По цѣлымъ днямъ ходилъ онъ наединѣ въ окрестностяхъ города, а по возвращеніи домой, по ночамъ писалъ стихи, которые тотчасъ же и сожигалъ. И очень возможно, что изъ его стихотвореній и ничего не сохранилось бы, еслибы адвокатъ, у котораго онъ служилъ, не принялъ его къ себѣ на квартиру и не сберегалъ стиховъ отъ сожженія [1]).

Въ Пештѣ, такимъ-то образомъ, прожилъ Краль до 1847 г., когда политическія событія и его вызвали къ дѣятельности. Изъ Пешта отправился онъ тогда въ Гонтянскій комитатъ, чтобы дѣйствовать тамъ въ пользу національнаго дѣла, при чемъ избранныя имъ средства вполнѣ соотвѣтствовали его характеру.

Младшій по времени и первый по своимъ достоинствамъ поэтъ Словенскій—Андрей Бравсаторисъ-Сладковичъ (род. 30 марта 1820 г. въ Крупинѣ, гдѣ отецъ его, извѣстный своею исторіею города Крупины, изданною въ 1810 г. Прешбургскимъ литературнымъ обществомъ, былъ учителемъ народной школы). Получивши первоначальное образованіе въ отцовскомъ домѣ, онъ поступилъ въ Штявницкую гимназію, гдѣ въ высшихъ классахъ познакомился съ другими студентами-патріотами, которые въ 1836 г. при Штявницкомъ лицеѣ основали студентское общество, по образцу Прешбургскаго. Сладковичъ принялъ участіе въ обществѣ и пользовался его библіотекою, которая прежде (во время Таблица) принадлежала литературному

---

[1]) Самъ себя Краль описываетъ лучше всего въ своей «Zakletá pana od Váhu a divní Janko». Сообразно съ такимъ характеромъ Янко Краля, сложилась и жизнь его. Соотвѣтственный характеръ имѣютъ и стихотворенія его, о которыхъ онъ самъ говоритъ:

Tu ťa já púšťám pjesňička
Sama bez mena šetkjeho
Tam! choď do sveta šíreho...

обществу горныхъ городовъ. Въ это время въ первый разъ попалась ему въ руки «Славы дочь» Колара, которая потомъ сдѣлалась любимымъ его чтеніемъ; кромѣ того, читалъ онъ стихотворенія Голаго и другія Чешскія и Словенскіи книги.

По недостатку матеріальныхъ средствъ, еще въ 1838 г., Сладковичъ долженъ былъ разстаться съ литературными занятіями и съ кружкомъ своихъ друзей и принять мѣсто учителя народной школы въ Лазянахъ, въ Гонтянскомъ комитатѣ. Но эта дѣятельность не удовлетворила восемнадцатилѣтняго юноши, и онъ чрезъ полгода возвратился въ Штявницу, гдѣ, благодаря стараніимъ товарищей, удалось ему найдти уроки въ частныхъ домахъ, которые и доставили ему средства къ жизни. Новый образъ занятій доставилъ (черезъ годъ) Сладковичу доступъ въ домъ Штявницкаго гражданина Пишла, Словенскаго патріота, съ дочерью котораго, Мариною, Сладковичъ, познакомился настолько, что они полюбили другъ друга.

Вслѣдъ затѣмъ отправился онъ въ Прешбургъ, гдѣ два года (1840—42) занимался въ лицеѣ, будучи ревностнымъ членомъ студентскаго общества. Начала патріотизма и славянофильства, вынесенныя имъ изъ чтенія сочиненій Колара, теперь развились полнѣе и яснѣе подъ вліяніемъ лекцій Штура и сообщества другихъ молодыхъ патріотовъ Словенскихъ. Окончивши здѣсь курсъ богословія, онъ отправился (въ 1843 г.) въ Германію, въ Галле, гдѣ, терпя большую нужду, прожилъ два года, усердно занимаясь науками. Здѣсь познакомился Сладковичъ съ Русскими: Елагинымъ и Д. Валуевымъ, которые доставили ему, впослѣдствіи, сочиненія Пушкина, сохраняемыя имъ, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище.

Возвратившись (въ 1845 г.) на родину, заѣхалъ онъ въ Штявницу, чтобъ посѣтить семейство своей Марины, но ея родители приняли его очень неласково; Марина принуждена была выдти замужъ за другого. Сладковичъ получилъ мѣсто воспитателя въ Рыбарахъ, гдѣ и проживалъ до 1847 г., когда его выбрали священникомъ протестантской церкви въ Грохотѣ, въ Зволенскомъ комитатѣ.

Изъ стихотвореній Сладковича принадлежитъ къ этому періоду литературы лишь одно — «Марина», написанное имъ, большею частію, въ Рыбарахъ и изданное въ Пештѣ въ 1846 г. Здѣсь молодой поэтъ въ первый разъ обнаружилъ всю силу своего таланта, и одно это стихотвореніе обезпечило ему извѣстность не только на Словенскомъ, но и на Славянскомъ Парнасѣ. Мы сказали уже, что «Славы дочь» Ко-

лара имѣла большое вліяніе на духовное развитіе Сладковича; къ этому нужно прибавить, что стихотвореніе Колара подѣйствовало и на поэтическую мысль Сладковича, и если не пробудило въ немъ поэтической дѣятельности, то, по крайней мѣрѣ, послужило идеальнымъ образцомъ для его перваго стихотворенія. Въ «Маринѣ» замѣтно подражаніе Колару, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ; отъ этого стихотвореніе Сладковича, однакоже, не теряетъ оригинальности и самостоятельности композиціи.

Сладковичъ любитъ свою Марину,—предметъ мечтаній своей молодости; онъ любитъ свой идеалъ со всею страстью молодого сердца, объясняется (въ стихотвореніи) въ своей любви, описываетъ свой идеалъ,—счастіе своей любви. Но и для него [какъ и для Колара— Мина] Марина составляетъ предметъ любви не сама по себѣ, а только какъ дочь народа, изъ котораго и самъ онъ вышелъ: въ Маринѣ онъ любитъ свое отечество и наоборотъ. [1])

Но идеальнымъ мечтамъ влюбленныхъ вдругъ угрожаетъ опасность со стороны третьей личности, которая намѣревается разрушить ихъ счастье; наступившая при этомъ борьба головы и сердца, холоднаго разсудка съ горячимъ чувствомъ, кончается торжествомъ перваго и каждый изъ влюбленныхъ произноситъ самому себѣ роковое: «пожертвуй собою»!

Марина умерла для поэта. Съ воспоминаніями о ней блуждаетъ онъ, при свѣтѣ луны, наединѣ, по берегу шумнаго Грона, погруженный въ мечты о своемъ идеалѣ. Вдругъ, при шумѣ волнъ выступаетъ изъ холодной воды прелестная вила; вила эта—Марина. Она печально смотритъ ему въ глаза, приближается къ нему, шепчетъ о прошломъ, когда они любили другъ друга, описываетъ свои хрустальныя палаты, ихъ прелести, пустоту безъ него, манитъ его туда сладкими рѣчами, чтобы онъ оставилъ этотъ жалкій міръ и вмѣстѣ съ нею началъ новую жизнь, жизнь вѣчной любви. Его мысль колеблется между любовію и обязанностію его, какъ человѣка и какъ патріота; послѣдняя одерживаетъ верхъ [2]).

---

[1]) Iak mi je blaho....
Vlast' drahú lúbiť v peknej Maríne,
Marínu drahú v peknej otčine,
A obe v jednom objímať!

[2]) Víla! ty zostaň tam v tvojom nebi—
Mňa ešte zemské viažu potreby
A vlasť moja ešte je zem!

Сцена перемѣняется. На вершинѣ Липтовскихъ Татръ, на Чертовой свадьбѣ, собрались въ ночной тишинѣ вилы шумнаго Грона позабавиться плясками. Одна Марина не пляшетъ: печальная сидитъ она въ объятіяхъ царицы вилъ Доброславы. Но вотъ печаль сбѣгаетъ съ ея лица, въ ея очахъ блеснулъ огонь любви и она бросается въ объятія своего возлюбленнаго, появившагося передъ нею, чтобы съ нимъ соединиться въ вѣчной любви тамъ, въ надземной вышинѣ. Онъ, не нашедши полнаго счастія въ земной жизни, находитъ его, такимъ образомъ, въ надземной сферѣ, въ любви къ своей Маринѣ и къ своему отечеству; теперь онъ можетъ любить ихъ безраздѣльно, одною общею любовію [1]).

Такимъ образомъ, Марина у Сладковича, какъ и Мина у Колара, является какою-то аллегоріею. Сладковичъ стоитъ выше Колара по поэтической красотѣ своего лирическаго или, скорѣе, лирико-эпическаго стихотворенія, но уступаетъ ему въ общей идеѣ и художественности формы. Образы, въ которыхъ Сладковичъ выражаетъ свои мысли, отдѣльныя фантастическія сцены въ его стихотвореніи (особенно сцена на берегу Грона), отличаются такимъ обиліемъ поэтическихъ красотъ, что все стихотвореніе съ начала до конца увлекаетъ и плѣняетъ читателя. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, стихотвореніе Сладковича имѣетъ и свои недостатки, и именно во внѣшней формѣ. «Марина» написана десятистрочными строфами, въ которыхъ мѣняются другъ съ другомъ дактили, трохеи, спондеи и анапесты. Многія неправильности въ ритмическомъ отношеніи, какія позволяетъ себѣ Сладковичъ, подражая Французскимъ, Польскимъ и другимъ поэтамъ, производятъ то, что стихамъ его недостаетъ звучной мелодіи, какую можно было бы ожидать отъ мелодичнаго Словенскаго языка. Но и при этихъ недостаткахъ, «Марину» Сладковича можно отнести къ числу лучшихъ произведеній Словенской литературы, и если бы она обладала тою пластичностью и красотою внѣшней формы, какую мы встрѣчаемъ, напр., въ стихотвореніяхъ Халупки, то, безъ сомнѣнія, занимала бы первое мѣсто и въ Чешско-Словенской литературѣ.

---

[1]) S Bohem! ty lud môj, lud môj lúbený....
S tebou chcem túžiť k ideám svätým
A s tebou tam i tu bývať;
Syn tvoj chce žialiť tvoje žialenie,
A na síl tvojich víťazné vrenie
S vrelým sa nadšením dívať!

О мелкихъ стихотвореніяхъ Сладковича, напечатанныхъ въ «Нитрѣ» и «Орлѣ», какъ и о многихъ другихъ поэтахъ этого времени, имѣвшихъ меньшее значеніе, мы не считаемъ нужнымъ распространяться въ своемъ очеркѣ, — и сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы объяснить: какъ новое время у Словаковъ выразилось въ представителяхъ ихъ литературы, и какъ эта литература постепенно пріобрѣтала все болѣе и болѣе важное значеніе.

IX.

Сеймъ 1847—48 г. и начало революціи. Обнародованіе новыхъ законовъ въ Липтовскомъ комитатѣ. Демонстраціи въ Брезовой и Міявѣ. Липтовское собраніе. Эмиграція Словенскихъ патріотовъ.

Двадцать два года прошло со времени перваго выступленія графа Сѣчени на политическое поприще и, благодаря палатину, эрцгерцогу Іосифу, Мадьярская оппозиція успѣла достигнуть такихъ результатовъ, какихъ она и сама не ожидала. Древняя конституція Угріи была вполнѣ признана со стороны государя и не дѣлалось болѣе никакихъ попытокъ къ перемѣнѣ ея; издано нѣсколько важныхъ законовъ въ области религіозной и земледѣльческой, которые благопріятно повліяли на положеніе католиковъ и крестьянскаго сословія; изданы законы и съ цѣлію улучшенія общаго матеріальнаго положенія страны и — чтó для оппозиціи было всего важнѣе — издано нѣсколько законовъ и о народномъ языкѣ, по которымъ Латинскій языкъ вполнѣ замѣненъ Мадьярскимъ, такъ что Угрія, по крайней мѣрѣ по внѣшности, казалась Мадьярскою державою. При Іосифѣ II и отчасти Францѣ I, бывши чуть-чуть не провинціею Габсбургскою, Угрія теперь оказалась лишь въ личномъ соединеніи съ остальною Австріею.

Но и эти успѣхи, какъ ни велики они были въ дѣйствительности, казались оппозиціи, во главѣ которой стоялъ Кошутъ, все еще слишкомъ незначительными. Полное отдѣленіе отъ остальной Австріи, отвѣтственное министерство, распространеніе политическихъ правъ на всѣхъ жителей королевства, свобода печати, опредѣленіе крестьянскаго выкупа, распространеніе повинности платить подати и на дворянство и т. п., — вотъ предметъ желаній оппозиціи передъ сеймомъ 1847 г.

Въ это время (7 янв.) скончался палатинъ эрцгерцогъ Іосифъ, пробывшій въ этомъ званіи 50 л. и благопріятствовавшій Мадьярскому движенію. Сынъ его, эрцгерцогъ Стефанъ, съ титуломъ намѣстника, наслѣдовалъ ему до будущаго сейма, когда долженъ былъ состояться выборъ новаго палатина.

При выборахъ на этотъ сеймъ, агитація и со стороны оппозиціи. и со стороны консервативной партіи, была довольно большая, и обѣ партіи воспользовались всѣми, употребительными въ Угріи, въ подобныхъ случаяхъ, средствами. Въ концѣ концовъ, оппозиція одержала верхъ. Въ ноябрѣ самъ король открылъ сеймъ Мадьярскою рѣчью. чего до сихъ поръ почти никогда не бывало; но ни это обстоятельство, ни предположенія правительства, хотя они были и довольно выгодны, не успокоили оппозиціи, которая и выразила свое недовольство въ отвѣтномъ адресѣ на имя императора; адресъ, впрочемъ, не былъ принятъ верхнею палатою. Между обѣими палатами начались нескончаемыя препирательства, и единственнымъ результатомъ засѣданій сейма былъ выборъ эрцгерцога Стефана въ палатины. При такихъ обстоятельствахъ, въ Вѣнѣ уже задумывали распустить сеймъ. не обѣщавшій никакихъ результатовъ. Но прежде чѣмъ правительство успѣло сдѣлать этотъ шагъ, во Франціи вспыхнула февральская революція. Извѣстіе о ней подало поводъ къ новымъ волненіямъ на сеймѣ, которыя можно считать началомъ Угорской революціи.

Уже 17 марта 1848 г. сеймъ вынудилъ у императора, который былъ стѣсненъ и Вѣнскими происшествіями, назначеніе отвѣтственнаго министерства, президентомъ котораго былъ назначенъ графъ Батіани, прежде глава оппозиціи въ верхней палатѣ, а душа сейма Кошутъ—министромъ финансовъ.

Вслѣдъ затѣмъ изданъ законъ, состоявшій изъ 31 статьи, который совершенно измѣнялъ положеніе дѣлъ въ Угріи. Придавая государственному устройству Угріи черты, болѣе соотвѣтствовавшія общимъ конституціоннымъ идеямъ и учрежденіямъ остальной Европы, законъ, между прочимъ, опредѣлялъ:

1) чтобы политическія права, именно: активное и пассивное избирательное право (послѣднее, однакожъ, только въ томъ случаѣ, если кандидатъ зналъ Мадьярскій языкъ) были предоставлены всѣмъ сословіямъ безъ различія (§ 5);

2) чтобы обязанность платить подати была распространена и на дворянское сословіе (§ 8);

3) чтобы барщина и всѣ урбаріальныя повинности были отмѣнены, а потеря доходовъ, имѣющихъ произойдти вслѣдствіе этого постановленія, была вознаграждена казною, въ чемъ ручался весь народъ своею честью (§§ 9—12);

4) чтобы патримоніальные суды были отмѣнены, а вмѣсто нихъ судами первой инстанціи назначены были окружные (служные) суды, судами второй инстанціи—комитатскіе (§ 15);

5) чтобы десятина, платимая до этого времени духовенству, была отмѣнена, такъ какъ духовенство отъ нея добровольно отказалось (§ 13) и, наконецъ, закономъ этимъ

6) всѣ вѣроисповѣданія провозглашены равными между собою (§ 20).

Эти шесть постановленій очень близко касались Угорскихъ Славянъ и особенно Словаковъ, которые не имѣли въ своей средѣ богатаго національнаго дворянства. Словенскій народъ, значительно выигралъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ состоялъ, большею частью, изъ крестьянъ; а именно, крестьянское сословіе получило теперь безъ всякаго выкупа въ собственность тѣ земли, которыми пользовалось доселѣ и, кромѣ того, политическія права. Словенскій народъ переставалъ быть рабомъ своихъ помѣщиковъ и становился вполнѣ свободнымъ и независимымъ; для него начиналась новая будущность. Конечно, вожди Мадьярскаго движенія дали эти права Славянамъ не съ цѣлію дать имъ возможность усилиться въ національномъ отношеніи, а только подъ тѣмъ условіемъ, что Славяне, въ благодарность за полученную ими свободу, сдѣлаются Мадьярами; но это желаніе Мадьярскихъ патріотовъ было слишкомъ трудно для осуществленія. Не легко было омадьярить $^{3}/_{5}$ населенія страны, не знавшаго по-Мадьярски, тѣмъ болѣе, что Угорскіе Славяне, никакъ не менѣе самихъ Мадьяръ, унесены были движеніемъ времени и не думали уступать въ настоящемъ, послѣ того какъ съ успѣхомъ противодѣйствовали мадьяризму въ прошломъ.

На этомъ-же самомъ сеймѣ Мадьярскіе депутаты позволяли себѣ рѣзкія выходки противъ Славянъ, не признавая даже существованія Славянской стихіи въ Угріи. Кошутъ прямо сказалъ: «я никогда и ни подъ какимъ видомъ не признаю въ земляхъ Угорской короны другой національности, кромѣ Мадьярской; я знаю, что существуютъ расы, которыя говорятъ другимъ языкомъ, но народъ въ нашей землѣ существуетъ только одинъ». Подобныя мысли высказы-

вались и прежде, но теперь можно было ожидать, что Кошутъ, имѣя власть въ своихъ рукахъ, воспользуется ею для своихъ цѣлей. Вмѣстѣ съ этимъ, раздраженіе мыслей усиливалось и на сторонѣ Славянъ, которые не думали терпѣливо переносить мѣры новаго Мадьярскаго министерства.

Новые законы Прешбурскаго сейма произвели и на мадьяронское дворянство, особенно въ Славянскихъ комитатахъ, сильное впечатлѣніе, такъ какъ разомъ отнимали у дворянскаго сословія не только большія матеріальныя выгоды, но и прежнее политическое его значеніе. Если презираемый доселѣ и подвластный помѣщику крестьянинъ теперь становился вполнѣ независимымъ отъ своего барина и получалъ тѣ-же самыя права, то чтó оставалось для барина такого, чѣмъ бы онъ могъ отличаться отъ черни? И все это въ замѣнъ услугъ, оказанныхъ мадьяризму!

Мадьяронское дворянство отъ злости почти изъ себя выходило: всюду слышались брань и угрозы. Бранили правительство и особенно Кошута, какъ главнаго виновника этого переворота, отказывались отъ мадьяризма и желали даже, чтобы Русскій царь поскорѣе явился со своею арміею и возстановилъ прежній порядокъ вещей. «Что намъ за дѣло до Угорцевъ, Мадьяръ и Словаковъ, говорили одни, если мы должны потерять свои помѣстья. Русскій царь—послѣдняя надежда всѣхъ насъ, не желающихъ лишиться своего имущества и привиллегій своего сословія.—Что намъ за дѣло до мадьяризма, говорили другіе, если даже и посредствомъ языка мы не можемъ отличаться отъ народа. Кошутъ совершенно не понялъ нашего образа мыслей. Мы принесли столько жертвъ мадьяризму—и вотъ какое получаемъ вознагражденіе за свои услуги!»

Конечно, были и такіе аристократы, которые не раздѣляли подобныхъ предразсудковъ, а напротивъ, благопріятствуя всеобщей національной свободѣ, видѣли въ новомъ переворотѣ исполненіе своихъ желаній и съ радостью встрѣтили новые законы. Такіе поспѣшили сблизиться съ патріотами Словенскими, чтобы, при ихъ посредствѣ, сблизиться и съ народомъ.

При такомъ-то настроеніи мыслей, провозглашеніе новаго закона въ Липтовскомъ комитатѣ назначено было на 28 марта. Всѣ города и села приглашены были отправить своихъ депутатовъ къ этому дню въ комитатское собраніе. Обрадованный народъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ отозвался на призывъ, и въ назначенный день въ ко-

митатской залѣ собрались не только депутаты, но и многіе изъ простыхъ крестьянъ.

Законъ былъ принятъ народомъ съ восторгомъ; громкое «слава!» огласило залу по его прочтеніи.

«Боже ты мой! говоритъ очевидецъ Годжа, какъ же было не зашевелиться сердцу въ груди человѣка, искренно любящаго свой народъ, когда онъ, послѣ столѣтій несправедливаго и гнуснаго рабства, *слышалъ* первый отзывъ свободы этого самаго народа?»

Шумъ, наконецъ, утихъ и камитатскіе чиновники хотѣли уже распустить собраніе, но изъ среды народа выступилъ впередъ молодой человѣкъ, нотаріусъ Клайнъ, и прочиталъ слѣдующую петицію:

„Достохвальное комитатское собраніе! Съ особеннымъ довѣріемъ мы обращаемся къ вамъ, сограждане, чтобы выразить и свою благодарность, и свои просьбы:

1) прежде всего выражаемъ чувство искренней благодарности Всевышнему Богу, который въ сердце Его Величества и депутатовъ нашего сейма вложилъ мысль—дать всѣмъ гражданамъ давно ожидаемую свободу и политическія права;

2) выражаемъ нашу искреннюю благодарность и всѣмъ патріотамъ, содѣйствовавшимъ появленію этого закона;

3) излагаемъ съ довѣріемъ наши просьбы и желанія:

а) чтобы всѣ граждане, соотвѣтственно новымъ правамъ, могли участвовать въ національныхъ (комитатскихъ) собраніяхъ, необходимо, чтобы совѣщанія на этихъ собраніяхъ происходили на Словенскомъ, понятномъ народу, языкѣ;

б) чтобы судопроизводство, административная переписка, провозглашеніе законовъ страны и комитатскихъ постановленій происходили на народномъ языкѣ;

в) чтобы въ народныхъ школахъ преподаваніе предметовъ, самыхъ необходимыхъ для образованія всякаго человѣка, происходило на Словенскомъ языкѣ, чрезъ посредство котораго можно легче научиться и другимъ языкамъ страны;

г) чтобы комитатскіе чины ходатайствовали предъ властями страны о томъ, чтобы будущій сеймъ былъ созванъ на основаніи новаго представительства народнаго, соотвѣтствующаго новымъ законамъ;

д) просимъ всѣхъ искреннихъ патріотовъ и всѣхъ вообще гражданъ этого комитата домогаться всѣми возможными средствами того,

чтобы священное право нашей Словенской національности, отъ котораго мы никогда не откажемся и не смѣемъ отказаться не только въ политической, но и въ общественной жизни, было обезпечено;

е) просимъ, чтобы эти наши просьбы были записаны въ протоколъ комитатскаго собранія, а потомъ сообщены были всѣмъ остальнымъ комитатамъ, всѣмъ Угорскимъ и Хорвато-Словенскимъ чинамъ, его И. В. эрцгерцогу Стефану, королевскому намѣстнику, и Угорскому министерству, — для того, чтобы всѣ искренніе патріоты и друзья свободы могли заступиться за наши права».

Эти требованія, составленныя заранѣе Годжею и его друзьями, встрѣчены были полнѣйшимъ одобреніемъ и согласіемъ со стороны народа, который увидѣлъ въ нихъ выраженіе многихъ своихъ давнихъ желаній. Съ другой стороны, этотъ, неожиданно проявившійся, отголосокъ національной воли и шумное одобреніе его со стороны толпы, считавшейся доселѣ безсмысленною, чрезвычайно перепугали присутствовавшихъ комитатскихъ чиновниковъ, состоявшихъ, большею частію, изъ Мадьярскаго дворянства, такъ что они не знали, что дѣлать: какъ будто бы уже начинался какой-нибудь бунтъ или революція, усмирить которую они были не въ состояніи. Доселѣ никогда не бывало, чтобы толпа выставляла такія рѣшительныя требованія, чтобы изъ ея среды, въ присутствіи комитатскихъ чиновъ, выступали ораторы и говорили смѣлыя и горячія рѣчи, съ цѣлію еще болѣе взволновать ее.

Напрасно объясняли комитатскіе чиновники народу, что не имъ, а сейму принадлежитъ право удовлетворять подобныя требованія, напрасно старались они просьбами умиротворить народъ: народъ отвѣчалъ имъ крикомъ и угрозами. Въ такой критическій моментъ испуганные чиновники обратились къ присутствовавшему патріоту Годжѣ, чтобы онъ воспользовался своимъ вліяніемъ на толпу для ея умиротворенія. Чтобы предупредить скандалъ, могшій повредить національному дѣлу, Годжа началъ говорить къ народу, объясняя ему, что отъ комитата нельзя требовать исполненія петиціи, а лишь передачи ея Угорскому сейму, такъ какъ лишь послѣдній надѣленъ законодательною властію; высказавши, наконецъ, требованіе, чтобы петиція была занесена въ протоколъ и разослана по желанію ея подателей, онъ успѣлъ успокоить народъ, а чиновники не выказали противодѣйствія его требованію.

Видя, что народъ успокоился, чиновники позабыли о своемъ страхѣ

и, чтобы вполнѣ умиротворить присутствующихъ, стали брататься съ ними. «Теперь, братья Словаки, говорили они, мы всѣ между собою братья, и да поможетъ намъ Господь Богъ, чтобы мы всѣ были счастливы въ этой новой жизни, жизни свободы». Рѣзкую и необыкновенную перемѣну эту можно объяснять тѣмъ, что почти всѣ дворяне сѣверозападной Угріи родомъ Словаки и говорили по-Словенски; какъ и народъ, они сохранили нѣкоторыя свойства и качества дрѣвне-Славянскія, которыя въ этотъ моментъ и обнаружились. Но возможно и то, что все это было лишь кукольною комедіею. Во всякомъ случаѣ, одними словами дѣло еще не кончилось: мадьяронское дворянство, какъ будто бы древне-Славянскіе владыки, стали обниматься и цѣловаться съ народомъ, какъ бы прощая другъ другу и чувствуя себя членами лишь одного и того же народа. Радость и энтузіазмъ были велики и всеобщи, такъ что этотъ день сдѣлался великимъ національнымъ праздникомъ: музыка, пѣніе, иллюминація, тосты и рѣчи смѣнялись одно другимъ; это былъ небывалый день въ исторіи Словенскаго народа. Съ патріотами Словенскими дворянство послѣ этого стало входить въ дружбу и побратимство и слушало у нихъ лекціи Словенской и Славянской исторіи.

Для Пештскаго министерства этотъ праздникъ былъ весьма непріятенъ. Мадьяры только что успѣли освободиться отъ верховной власти Вѣнскаго двора и думали въ недалекомъ будущемъ достичь своего идеала—великой Мадьяріи. Законъ объ освобожденіи крестьянъ былъ изданъ совсѣмъ съ другою цѣлію и—вдругъ, вслѣдствіе его появляется Славянское, слѣдовательно, анти-Мадьярское, движеніе и, какъ нарочно, въ краѣ, въ которомъ совсѣмъ не было войскъ. Какъ легко Вѣнское правительство могло воспользоваться этимъ случаемъ противъ Пештскаго мадьяризма! Кромѣ того, это движеніе могло послужить примѣромъ для остальныхъ недовольныхъ національностей Угріи. Поэтому, министерство считало необходимымъ принять самыя строгія мѣры противъ Липтовскихъ «бунтовщиковъ», чтобы предотвратить подобныя явленія въ будущемъ. Особенно Кошутъ и Батіани настаивали на томъ, чтобы провозгласить въ Липтовскомъ комитатѣ военное положеніе, послать туда военный отрядъ и посадить въ тюрьму всѣхъ виновниковъ празднества, и прежде всего Годжу. Кошутъ даже говорилъ на сеймѣ горячую рѣчь въ подобномъ смыслѣ, причемъ и депутатовъ сѣверныхъ комитатовъ обвинялъ въ панславизмѣ, хотя они были весьма усердными Мадьяронами.

Наконецъ, графъ Батіани издалъ приказъ чиновникамъ Липтовскаго комитата, въ которомъ, браня ужаснѣйшимъ образомъ недавно происшедшій «панславистическій бунтъ», предписываетъ имъ дѣйствовать самымъ энергичнымъ образомъ противъ всякаго—даже самаго малѣйшаго—подобнаго движенія. Кромѣ того, высланъ былъ въ Липтовскій комитатъ особый комисаръ въ лицѣ К. Сентивани, который принудилъ комитатскихъ чиновниковъ уничтожить протоколъ комитатскаго собранія 28-го марта и началъ экстраординарнымъ образомъ производить слѣдствіе относительно Липтовскихъ патріотовъ и особенно Годжи,—«этого самого угрюмаго панславистическаго агитатора».

Эти мѣры Угорскаго правительства сдѣлали невозможнымъ повтореніе Липтовскаго праздника въ другихъ комитатахъ. Прекратилось и согласіе между народомъ и патріотами, съ одной стороны, и дворянствомъ—съ другой, потому что послѣднее, покинувши національное дѣло, обратилось опять на служеніе мадьяризму.

Но, хотя въ остальныхъ комитатахъ и не было собраній, подобныхъ Липтовскому, тѣмъ не менѣе, дѣло не могло обойтись безъ сильнаго броженія мыслей, такъ какъ полнѣйшій переворотъ въ положеніи дѣлъ другихъ частей Европы не могъ остаться безъ вліянія на жителей Угріи безъ различія національностей, тѣмъ болѣе, что и Угорскій сеймъ, и министерство были на пути къ революціи. Подобныя времена представляютъ не мало удобствъ для агитаціи всякаго рода, и партія Кошута дѣятельно старалась приготовить народъ къ будущимъ событіямъ.

При такихъ обстоятельствахъ и Гурбанъ счелъ нужнымъ содѣйствовать политическому развитію своего народа, пробуждать въ немъ патріотизмъ и воодушевлять его къ защитѣ своихъ національныхъ правъ.

Въ Словенскомъ городѣ Брезовой (въ Нитранскомъ комитатѣ), гдѣ Гурбанъ прежде былъ священникомъ, 25 марта давался любительскій спектакль, за которымъ послѣдовалъ балъ. Публики собралось довольно много, такъ какъ, при общемъ броженіи мыслей, всякій старался принимать участіе въ разнаго рода сходкахъ и собраніяхъ, чтобы узнать что-нибудь новое; присутствовалъ и Гурбанъ. Послѣ представленія и танцевъ дошла, по тогдашнему обычаю, очередь и до декламаціи, причемъ публикѣ особенно понравились національныя пѣсни Борковскаго, такъ какъ тогда все Славянское встрѣчалось пуб-

ликою съ особеннымъ сочувствіемъ. Этотъ моментъ общаго одушевленія показался Гурбану особенно удобнымъ для произнесенія рѣчи о національныхъ дѣлахъ. Начавъ съ національныхъ пѣсенъ Славянскихъ, которыя нужно принимать за выраженіе національнаго Славянскаго духа, онъ сталъ говорить о любви къ народу, упирая на то, что въ національныхъ дѣлахъ нельзя добиваться выгодъ; говорилъ о жертвахъ, принесеніе которыхъ въ пользу общаго національнаго дѣла становится священною обязанностью всякаго патріота. Горячая патріотическая рѣчь его произвела на присутствовавшихъ такое впечатлѣніе, что и мадьяроны очутились на сторонѣ патріотовъ, особенно когда и дамы стали пропагандировать въ пользу національнаго дѣла.

На другой день городъ былъ украшенъ національными Словенскими знаменами и городская дума рѣшилась послать въ сосѣдній— болѣе мадьяронскій, чѣмъ Словенскій—городъ Міяву особую депутацію съ подаркомъ, состоявшимъ изъ національнаго знамени. Депутація была послана въ тотъ же день, когда въ Міявѣ была ярмарка, на которую собралось множество народа. Пріѣхавши въ Міяву, глава депутаціи Гурбанъ сталъ говорить рѣчь къ народу, въ которой общепонятнымъ языкомъ разъяснялъ важность національнаго дѣла, показывая, какимъ образомъ Мадьяры притѣсняютъ Словаковъ, что именно нужно послѣднимъ, чего имъ слѣдуетъ домогаться. Полтора часа продолжалась рѣчь его, и народъ, будучи вполнѣ убѣжденъ въ необходимости того, чего домогались его вожди, проявлялъ свое согласіе одобрительными восклицаніями.

Міявскіе мадьяроны сначала думали возбудить народъ противъ депутатовъ и встрѣтить ихъ какимъ-нибудь скандаломъ, но такъ какъ Гурбанъ былъ довольно извѣстенъ народу и какъ священникъ, и какъ патріотъ, и своею рѣчью успѣлъ плѣнить слушателей, то и вышло совсѣмъ наоборотъ: мадьяроны сами стали бояться народа, приняли депутацію и вывѣсили національное знамя на ратушѣ. Такимъ образомъ, національная партія въ Міявѣ одержала верхъ.

Вскорѣ послѣ этого, 28 апрѣля, было въ Брезовой новое собраніе при большомъ стеченіи народа изъ окрестностей, въ которомъ патріоты, разъяснивши собравшимся положеніе Словенскаго народа и его нужды, предложили имъ для одобренія резолюцію, касавшуюся этого предмета. Въ резолюціи этой, составленной Гурбаномъ, требовалось слѣдующее:

1) Чтобы народу Словенскому было дано право участвовать въ собраніяхъ комитата, и чтобы въ этихъ собраніяхъ, какъ и въ судопроизводствѣ и вообще во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, употреблялся Словенскій языкъ;

2) чтобы судьями для Словаковъ назначаемы были лишь Словаки;

3) чтобы для Словаковъ учреждены были народныя школы, среднія и высшія учебныя заведенія, съ преподаваніемъ на Словенскомъ языкѣ;

4) чтобы комитатскіе чиновники ходатайствовали о томъ, чтобы на будущій Пештскій сеймъ выбраны были въ депутаты и представители Словенскаго народа;

5) чтобы комитатъ подобнымъ образомъ ходатайствовалъ и о томъ, чтобы всѣ остальные народы Угріи признали равное національное право и за Словаками, и чтобы это право возведено было на степень закона;

6) чтобы, сообразно съ этимъ, Мадьярскіе комитаты учреждали въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ каѳедры Словенскаго языка, какъ и въ Словенскихъ учебныхъ заведеніяхъ долженъ изучаться Мадьярскій языкъ;

7) чтобы эта резолюція сообщена была всѣмъ чинамъ Угорскаго и Хорватскаго королевствъ, палатину, Е. В. Эрцгерцогу Стефану и Угорскому министерству, чтобы всѣ они озаботились ея осуществленіемъ.

Резолюція принята была народомъ съ восторгомъ и цѣлый день продолжался праздникъ и въ Брезовой, и по окрестностямъ, подобный тому, какой былъ недавно въ Липтовѣ. Но принятая резолюція имѣла слишкомъ малое общественное значеніе, поэтому патріоты намѣревались предложить ее народу для одобренія и подписи и въ другихъ городахъ Нитранскаго комитата, и, подписанную такимъ образомъ, подать на имя Нитрянскаго комитата, съ требованіемъ, чтобы она была предложена комитатскому собранію, и чтобы ходатайствовалось объ исполненіи приведенныхъ въ ней требованій. Въ этомъ патріоты, однако же, не успѣли, потому что правительство выступило и противъ нихъ, приказавши произвести слѣдствіе относительно ихъ дѣйствій, преимущественно относительно Гурбана.

Въ это же самое время въ Гонтянскомъ и Зволенскомъ комитатахъ появился молодой поэтъ Янко Краль. Онъ сталъ волновать народъ, проповѣдуя коммунизмъ, — предполагая, что такимъ путемъ

наиболѣе можно подѣйствовать на мысль простолюдина; въ тоже время, собирая молодыхъ людей по горамъ, сталъ прямо приготовлять ихъ къ возстанію. Но вскорѣ его схватили вмѣстѣ съ нѣкоторыми друзьями, отправили въ Пештъ, тамъ посадили въ тюрьму, и даже присудили къ висѣлицѣ, отъ которой его освободили лишь угрозы бана Елачича и Загребскаго комитата, посланныя министерству въ защиту его. Онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ съ конца апрѣля 1848 г. по январь 1849 г., когда освобожденъ былъ изъ нея Виндишгрецомъ.

Въ остальныхъ комитатахъ дѣйствовали въ пользу національнаго дѣла другіе патріоты съ неравнымъ успѣхомъ. Въ Зволенскомъ и Липтовскомъ комитатахъ агитировали: Феріенчикъ, Гелнеръ, С. Халупка, Бартошъ; въ Оравскомъ и Турчанскомь комитатахъ: Кохіусъ, Матушка, Беланы, О. Годжа; въ Тренчанскомъ—Заводникъ; въ Нитранскомъ—Урбановскій; въ Прешбургскомъ—Голбавый, Викторинъ; въ Гемерскомъ—Римавскій, Дакснеръ и др.

Эти агитаціи подали поводъ къ новымъ мѣрамъ Пештскаго министерства, которое еще въ концѣ апрѣля назначило въ Словенскіе комитаты новыхъ комиссаровъ, которымъ даны были большія полномочія для прекращенія Словенскаго движенія, съ правомъ пользоваться и содѣйствіемъ войскъ. Въ Липтовскомъ, Гемерскомъ и Спишскомъ комитатахъ оставался комиссаромъ Сентивани, въ Гонтянскій, Тековскій и Зволенскій назначенъ Гецы, въ Прешбургскій и Нитранскій—Тарноци.

Новыя мѣры Мадьярскаго министерства сдѣлали невозможнымъ повтореніе пріемовъ, съ какими патріоты доселѣ дѣйствовали на пользу національнаго дѣла; поэтому патріоты стали думать о новомъ образѣ дѣйствія. Закономъ были дозволены національныя собранія для обсужденія общественныхъ дѣлъ; этимъ-то закономъ патріоты и хотѣли теперь воспользоваться. Но такъ какъ они доселѣ еще не вступали въ соглашеніе между собою относительно общаго образа дѣйствія,—одной общей національной программы, то и рѣшено было впередъ собраться всѣмъ имъ въ Липтовѣ для совѣщанія объ этомъ предметѣ, а потомъ новую общую программу предложить въ этомъ жъ комитатѣ народу для одобренія.

Собраніе писателей и вообще патріотовъ Словенскихъ и всѣхъ комитатовъ состоялось въ Липтовѣ 10 мая, гдѣ была принята слѣдующая петиція, которая должна была выражать собою національную программу.

Петиція Словенскаго народа (въ Угріи) на имя Е. И. В., на имя палатина, Угорскаго сейма и министерства, и вообще всѣхъ патріотовъ.

1) Словенскій народъ, искони поселившійся въ Угріи, пробудился отъ 900 лѣтняго сна и сознаетъ, что его въ этой землѣ, колыбели его прежней національной славы, за которую онъ столько разъ проливалъ свою кровь, лишь притѣсняли, и съ его національностью и языкомъ обходились позорнымъ образомъ. Но въ моментъ своего возрожденія Словенскій народъ охотно забываетъ все, причиненное ему, зло, и лишь одно желаніе воодушевляетъ его,—желаніе видѣть свою свободу, національность и ея территорію обезпеченными. Поэтому, Словенскій народъ дружелюбно обращается къ остальнымъ народамъ Угріи, объявляя имъ, что онъ желаетъ жить съ ними въ мирѣ и братствѣ, но никакъ не намѣренъ допустить, чтобы его притѣсняли, или—признавать патріотомъ Угріи того, кто съ неуваженіемъ относится къ какой-бы то ни было изъ ея національностей. Этому всему соотвѣтствуютъ и слѣдующія національныя требованія:

2) чтобы, на основаніи равенства всѣхъ народовъ Угріи, состоялся общій сеймъ Угорской короны, на которомъ бы всякій народъ имѣлъ своихъ представителей и на которомъ было бы позволено говорить на языкахъ всѣхъ представленныхъ на немъ народовъ, для чего всякій депутатъ долженъ знать эти языки;

3) кромѣ этого общаго сейма, пусть будутъ и частные—по отдѣльнымъ національностямъ, для совѣщаній о дѣлахъ отечества. А для этого нужно опредѣлить границы каждой національности, въ которыхъ она могла бы сконцентрироваться—для того, чтобы, напр., Мадьярское меньшинство не вынуждено было служить Славянскому большинству, и наоборотъ.

4) Соотвѣтственно этому, нужно, чтобы депутаты присягою были обязываемы держаться на общемъ сеймѣ инструкціи, полученной ими отъ избирателей, и чтобы, въ случаѣ измѣны національному дѣлу, они могли быть наказаны.

5) Законъ объ употребленіи Мадьярскаго языка въ комитатскихъ собраніяхъ пусть будетъ немедленно отмѣненъ и, вмѣсто Мадьярскаго, введенъ національный языкъ.

6) Требуется систематическое учрежденіе школъ и народныхъ, и среднихъ, и духовныхъ, академіи и университета, съ преподаваніемъ

лишь на Словенскомъ языкѣ, такъ чтобы молодежь имѣла возможность образовываться на своемъ родномъ языкѣ.

7) Въ школахъ Мадьярскихъ комитатовъ пусть преподается Словенскій языкъ, а въ школахъ Словенскихъ комитатовъ—Мадьярскій, чтобы сближеніе обѣихъ національностей сдѣлалось возможнымъ.

8) На основаніи равенства всѣхъ народовъ Угріи, прекращается господство одной національности надъ другими, и ни одна изъ нихъ не должна лишиться своихъ національныхъ особенностей. Соотвѣтственно этому, начальниками Словенской національной гвардіи (Nationalgarde) будутъ назначаемы лишь Словаки, команда будетъ Словенская, знамена національныя Словенскія—красныя и бѣлыя.

9) Требуется введеніе общаго избирательнаго права (suffrage universelle), чтобы всякій 20-тилѣтній гражданинъ пользовался правомъ активнаго, всякій 21-лѣтній — пассивнаго избирательнаго права.

Никто, отступившій отъ своей національности и измѣнившій ей, пусть не будетъ назначаемъ чиновникомъ въ Словенскіе комитаты, а измѣна его пусть будетъ наказываема одинаково съ измѣною королевству Угорскому.

10) Требуется свобода печати, свободное основаніе газетъ и типографій безъ залога, свободы ассоціацій и собраній и проч.; наконецъ, требовалось еще:

11) чтобы крестьянамъ переданы были тѣ угодія (лѣса, пастбища и пр.), которыми они пользовались передъ изданіемъ урбаріальныхъ законовъ,—и

12) чтобы Янко Краль былъ выпущенъ изъ тюрьмы.

Согласившись между собою относительно этихъ пунктовъ, Словенскіе патріоты намѣревались на другой день (11 мая) предложить эту новую петицію народу для одобренія, но собраніе не было на этотъ разъ дозволено. Патріоты рѣшились сойтись съ народомъ и безъ позволенія—въ горахъ, ночью, гдѣ петиція, при общемъ энтузіазмѣ, и провозглашена была національною програмою.

Сходка патріотовъ и особенно тайное собраніе ихъ въ горахъ сочтены были Мадьярскими властями—подобно прежнимъ національнымъ собраніямъ—за бунтъ, и такъ какъ Мадьярское министерство не было намѣрено терпѣть Словенскую оппозицію—тѣмъ болѣе, что Мадьярское господство казалось уже обезпеченнымъ, то оно рѣшилось насильственными мѣрами прекратить всѣ волненія въ Словенскихъ комита-

тахъ. А такъ какъ главными виновниками этого броженія мыслей были протестантскіе священники, то Мадьярскія власти прежде всего обратились противъ нихъ: посланнымъ Мадьярскимъ комиссарамъ поручено было схватить или въ Липтовѣ, или на возвратномъ пути оттуда: Штура, Гурбана и Годжу, какъ главныхъ вождей народа. Къ счастію, Штуру и Гурбану удалось укрыться отъ преслѣдованій комисаровъ и потомъ убѣжать заграницу отъ свирѣпости Мадьяръ, которые заранѣе поставили висѣлицу предъ жилищемъ Гурбана, чтобы повѣсить его тотчасъ по возвращеніи его изъ Липтова. Въ Прагѣ съ Штуромъ и Гурбаномъ встрѣтился и Годжа.

Послѣ того, какъ Мадьярскимъ властямъ не удалось схватить главныхъ виновниковъ народнаго движенія, они хотѣли отомстить, по крайней мѣрѣ, остальнымъ патріотамъ и старались предупредить всякое волненіе провозглашеніемъ военнаго положенія въ Словенскихъ комитатахъ. Схвачены были нѣкоторые патріоты и посажены въ тюрьму; другіе—и такіе составляли бóльшую часть—чтобы избѣжать подобной участи, спаслись также бѣгствомъ за границу.

Благодаря насильственнымъ мѣрамъ Мадьярскаго правительства, въ Словенскихъ комитатахъ возстановленъ былъ прежній порядокъ, по крайней мѣрѣ по наружности, потому что въ послѣднія 10 лѣтъ обстоятельства совершенно измѣнились и возстановить вполнѣ прежній порядокъ вещей было невозможно. Десять лѣтъ тому назадъ Словенскій народъ почти не существовалъ и Словенскіе патріоты тогда едва отваживались говорить въ защиту своихъ правъ—не національныхъ, а лишь церковныхъ. Съ того времени національное самосознаніе Словаковъ развилось неожиданнымъ образомъ,—развилось и соотвѣтственно духу новаго времени, которое столько народовъ возбудило къ новой національной жизни, и вслѣдствіе претензій и притѣсненій Мадьяръ, въ возникшей борьбѣ съ которыми оно окрѣпло. Если сравнить приведенныя четыре петиціи Словенскія, то довольно ясно можно видѣть, какъ постепенно развивалось національное самосознаніе Словаковъ: какая разница между ними, преимущественно между первою, поданною еще во время церковнаго спора на имя императора, и послѣднею, провозглашенною въ Липтовскихъ горахъ! Въ первой просьбы о незначительныхъ милостяхъ, въ послѣдней—требованіе во имя народа важныхъ политическихъ правъ.

Министерству, правда, удалось устранить или терроризировать главныхъ виновниковъ новаго движенія, но измѣнить образъ мыслей

народа было невозможно: онъ зналъ, что патріоты работали въ его пользу и довѣрялъ имъ болѣе, чѣмъ министерству. Кромѣ того, патріоты были удалены не навсегда; находясь за предѣлами отечества, они не переставали думать о своемъ возвращеніи, не теряя изъ виду національнаго дѣла. Это обстоятельство было важно по отношенію къ Мадьярскому министерству, которое и тогда уже было на пути къ революціи.

X.

Дѣятельность Словенской эмиграціи. Возстанія Словаковъ.

Сорокъ восьмой годъ, подавшій поводъ къ такому перевороту въ Австріи, не прошелъ безслѣдно для Австрійскихъ Славянъ.

Начавши еще въ концѣ XVIII вѣка интересоваться своимъ народнымъ языкомъ, Австрійскіе Славяне, со временемъ, успѣли развиться и вь національномъ отношеніи. Въ началѣ XIX вѣка это національное развитіе имѣетъ лишь литературный характеръ, тѣмъ не менѣе значеніе его очень велико: интересъ къ развитію національной литературы имѣетъ своимъ послѣдствіемъ любовь къ родному языку и народу, а изъ этой любви уже возникаетъ національное самосознаніе и любовь къ отечеству, слѣдовательно, патріотизмъ.

Національный моментъ въ возрожденіи Австрійскихъ Славянъ получилъ, наконецъ, и политическое значеніе, когда они стали домогаться обеспеченія своей національности и вынуждены были защищаться отъ другихъ національностей. Усиленіе Нѣмецкой и Мадьярской стихій въ обѣихъ половинахъ имперіи, ихъ наступательное движеніе противъ Славянъ, вовлекли этихъ послѣднихъ въ борьбу почти за свое существованіе. Эта борьба именно въ сорокъ восьмомъ году достигла самыхъ большихъ размѣровъ, когда Австрійскіе Нѣмцы, ища своего средоточія въ Германіи, намѣревались и Славянъ западной половины имперіи включить въ будущую Нѣмецкую державу, а Мадьяры стремились къ полнѣйшему омадьяренію восточной половины имперіи. Такъ какъ Австрійскіе Славяне, раздѣленные на нѣсколько вѣтвей, порознь были не въ состояніи бороться съ такими сильными непріятелями, то и неудивительно, что они старались сблизиться между собою, чтобы соединенными силами начать новую борьбу: такимъ образомъ, теорія о Славянской взаимности перенесена была на

политическое поприще. Историки обыкновенно упрекаютъ Австрійскихъ Славянъ за то, что они, опираясь на абсолютизмъ государственной власти, въ качествѣ противниковъ свободы, вступили въ борьбу съ представителями ея, Нѣмцами и Мадьярами, и охотно служили орудіемъ для правительства противъ свободы, которой домогались тѣ оба народа. Подобныя фразы ничего не объясняютъ и оставляютъ нерѣшеннымъ вопросъ: почему именно Славяне не хотѣли и не могли принять свободу, которой домогались и которую предлагали имъ и Нѣмцы, и Мадьяры?

Изъ приведеннаго очерка Словенской исторіи, кажется, довольно ясно видно, что Угорскимъ Славянамъ нельзя было принять свободу, предлагаемую имъ Мадьярами, если они не хотѣли отказаться отъ своей національности. Съ подобными же обстоятельствами встрѣчаемся мы и въ западной половинѣ имперіи. Австрійскимъ Славянамъ, послѣ того, какъ они не могли получить помощи даже отъ Вѣнскаго двора, находившагося въ безвыходномъ положеніи—особенно въ началѣ революціи, не оставалось ничего болѣе сдѣлать, какъ сблизиться между собою и соединиться противъ общихъ враговъ. Первое подобное сближеніе или соглашеніе между ними состоялось въ Вѣнѣ, по всей вѣроятности, еще въ концѣ марта, или въ началѣ апрѣля 1848 г., когда здѣсь случайно собралось нѣсколько депутацій отъ южныхъ и сѣверныхъ Славянъ, явившихся ко двору для защиты своихъ правъ. Познакомившись между собою, они въ это время, кажется, въ первый разъ завели рѣчь объ общемъ сближеніи и соединеніи силъ для достиженія одной общей цѣли.

Изъ Словаковъ нарочно пріѣхали въ Вѣну Гурбанъ и Штуръ. Послѣдній, не будучи въ Прешбургѣ безопасенъ отъ Мадьяръ, долженъ былъ оставить и свое мѣсто въ сеймѣ, и редактированіе газеты—такъ что изданіе ея прекратилось—и спасаться бѣгствомъ за границу Угріи (еще въ концѣ марта). Въ то же время и южные Славяне, принадлежавшіе къ Угорской же коронѣ, но бывшіе въ полномъ разрывѣ съ Угорскимъ министерствомъ и не признававшіе его власти, искали у Вѣнскаго двора подтвержденія своихъ правъ. Штуръ прежде всего старался сблизиться съ ними, что̀ не представляло большой трудности, такъ какъ имя его Сербамъ было извѣстно. Въ послѣдніе годы, и именно послѣ своего удаленія съ каѳедры Славянскаго языка и послѣ выселенія Словенскихъ студентовъ изъ Прешбурга, Штуръ обратилъ вниманіе на Сербскихъ студентовъ, бывшихъ въ этомъ городѣ, успѣлъ

привлечь ихъ къ себѣ. и возбудить въ нихъ интересъ къ изученію Славянства, такъ что они, составивши особый литературный кружекъ, стали подъ его руководствомъ заниматься славистикою. При посредничествѣ ихъ въ 1847 г., Штуръ познакомился и съ митрополитомъ-патріархомъ Сербскимъ Раячичемъ, который пріѣзжалъ въ Прешбургъ для участія на сеймѣ. Сблизиться между собою они могли тѣмъ болѣе, что на сеймѣ оба защищали права Угорскихъ Славянъ, и Раячичъ, оставляя въ началѣ марта Прешбургъ, передалъ Штуру денежное пособіе для народныхъ цѣлей,—первое пособіе, полученное Словаками отъ другихъ Славянъ.

Черезъ Угорскихъ Сербовъ Штуръ познакомился въ Вѣнѣ и съ баномъ Хорватскимъ Елачичемъ, которому жаловался на притѣсненіе Мадьярами Словаковъ, ища, такимъ образомъ, и помощи Хорватовъ вообще, и, въ частности, ходатайства бана при дворѣ. Такъ какъ положеніе Хорватовъ по отношенію къ Мадьярамъ было сходно съ положеніемъ Словаковъ и, кромѣ того, между тѣми и другими существовала старая взаимная пріязнь, то Елачичъ дружески принялъ Штура и обѣщалъ ему свою помощь. «Ваше дѣло, сказалъ банъ, становится и нашимъ дѣломъ, ваше рабство—и нашимъ; когда мы станемъ воевать за свободу Хорватовъ и Сербовъ, то сдѣлаемъ все возможное и для васъ».

Кажется, во время этихъ же переговоровъ въ Вѣнѣ поднятъ былъ и вопросъ о Славянскомъ съѣздѣ. По крайней мѣрѣ, Штуръ отправился изъ Вѣны прямо въ Прагу, чтобы хлопотать объ осуществленіи мысли о съѣздѣ, когда Гурбанъ возвратился на родину агитировать въ пользу національнаго дѣла.

Въ Прагѣ Штуръ переговаривался съ Чешскими патріотами относительно Славянскаго съѣзда. Онъ присутствовалъ въ собраніи 29 апрѣля, на которомъ составлена была прокламація на имя Австрійскихъ и другихъ Славянъ, приглашавшая ихъ къ участію въ предстоящемъ съѣздѣ. Прокламація была напечатана 1 мая и между подписавшимися подъ нею мы встрѣчаемъ и имя Штура, который вслѣдъ затѣмъ оставилъ Прагу, чтобы принять участіе въ Липтовскомъ собраніи, результатъ котораго намъ извѣстенъ. Потомъ, возвратившись въ Прагу съ Гурбаномъ, Годжею и другими Словенскими эмигрантами, онъ тѣмъ усерднѣе сталъ хлопотать о съѣздѣ, чѣмъ безвыходнѣе было положеніе Словаковъ, ожидавшихъ отъ съѣзда очень многаго.

Славянскій съѣздъ въ Прагѣ (1848 г.) есть нѣчто особенное, до

того времени небывалое; онъ, можно сказать,—первое проявленіе обще-Славянскаго политическаго движенія, извѣстнаго подъ громкимъ названіемъ политическаго панславизма, этого пугала Европы. Поэтому, о съѣздѣ въ Европѣ написано очень много курьезнаго; въ дѣйствительности же, ни Чехи, ни другіе Славяне, и по изданіи прокламаціи, не имѣли даже ясной и опредѣленной программы для него.

Жалкое положеніе Австрійскихъ Славянъ въ національномъ и политическомъ отношеніяхъ, притѣсненія со стороны Нѣмцевъ и Мадьяръ, вызвали ихъ на борьбу, и когда разрозненныхъ силъ ихъ не хватало для этой борьбы, возбудили въ нихъ мысль о сближеніи между собою, которое они надѣялись осуществить именно посредствомъ съѣзда. Съѣздъ, поэтому, былъ собраніемъ лишь Австрійскихъ Славянъ, и если, впослѣдствіи, присутствовали на немъ представители и другихъ Славянъ, то они были гостями, а не членами съѣзда. Цѣлью съѣзда было, прежде всего, подать поводъ къ сближенію между Австрійскими Славянами, чтобы въ будущемъ они могли соединять свои силы для отпора общимъ врагамъ—Мадьярамъ и Нѣмцамъ; послѣднимъ не только въ Австріи, но и въ Германіи, такъ какъ Франкфуртскій сеймъ и западную половину Австріи призналъ частью Германіи, слѣдовательно, Славянамъ и съ этой стороны угрожала опасность. Другихъ цѣлей до открытія съѣзда почти не имѣлось въ виду.

Когда же 2 іюня 1848 г. съѣздъ, наконецъ, открылся, при значительномъ числѣ участвующихъ—особенно со стороны Австрійскихъ Славянъ, оказалось, что нельзя оставаться при общихъ фразахъ, а необходимо разработать точно опредѣленную программу, которою бы могли руководиться всѣ Австрійскіе Славяне. Поэтому съѣздъ раздѣлился на секціи: Чешскую (237 членовъ), Польско-Русскую (62 члена) и юго-Славянскую (42 члена); къ Чешской секціи присоединены были и Словаки, такъ какъ прежніе ссоры между Чехами и Словаками прекратились и снова наступили дружественныя отношенія. По отдѣльнымъ секціямъ разработана была новая политическая программа. Совѣщанія, продолжавшіяся до 12 іюня, привели къ довольно важному результату: рѣшено было написать манифестъ на имя Европейскихъ народовъ, въ которомъ бы излагались положеніе Славянъ и ихъ стремленія, и адресъ на имя императора съ подробнымъ изложеніемъ требованій отдѣльныхъ Славянскихъ племенъ имперіи; манифестъ рѣшено напечатать и разослать по Европѣ, а адресъ послать къ императору въ Инсбрукъ. Манифестъ долженъ былъ служить лишь общимъ

оправданіемъ Славянъ и поэтому менѣе важенъ, нежели адресъ, въ которомъ излагалась полная политическая программа Австрійскихъ Славянъ, которая, въ случаѣ своего осуществленія, не только могла бы обезпечить ихъ національность, но и сдѣлала бы изъ Австріи союзъ народовъ, въ которомъ Славяне имѣли бы перевѣсъ.

Это уклоненіе отъ почвы историческаго права, которой держались особенно Чехи и Хорваты, приписывается, главнымъ образомъ, стараніямъ Словенскихъ патріотовъ, игравшихъ, такимъ образомъ, большую роль на съѣздѣ и съумѣвшихъ включить въ адресъ самыя главныя требованія Липтовской петиціи въ слѣдующемъ видѣ:

Словаки и Русскіе, населяющіе Угрію, жалуются на несправедливости Мадьяръ и особенно настоящаго министерства и высказываютъ слѣдующія просьбы:

1) чтобы Словаки и Русскіе въ Угріи признаны были со стороны Мадьяръ особымъ народомъ и на сеймѣ пользовались одними и тѣми же правами вмѣстѣ съ этими послѣдними;

2) чтобы имъ дозволено было держать особые національные конгрессы и, кромѣ того, имѣть постоянный комитетъ, состоящій изъ Словенскихъ и Русскихъ представителей, назначеніемъ котораго было бы оберегать національныя права Словаковъ и Русскихъ и приводить въ исполненіе постановленія національнаго конгресса;

3) чтобы имъ позволено было учреждать не только народныя, но и высшія школы, именно: гимназіи, лицеи, академіи, университетъ, съ преподаваніемъ на Словенскомъ, или Русскомъ языкѣ;

4) чтобы для Мадьяръ учреждены были каѳедры Словенскаго и Русскаго, для Словаковъ и Русскихъ—каѳедры Мадьярскаго языка — на государственный счетъ;

5) чтобы ни одна изъ національностей Угріи не считалась господствующею, а, напротивъ, чтобы онѣ всѣ были равноправны между собою;

6) чтобы Словаки, за защиту своей національности посаженные въ тюрьму, отпущены были на свободу;

7) чтобы Словакамъ и Русскимъ позволено было учреждать общества, съ цѣлью развитія ихъ національности.

Домогательства Словаковъ, распространенныя на этотъ разъ и на Угорскую Русь, приняты были, такимъ образомъ, въ общую программу Австрійскихъ Славянъ, осуществленія которой они намѣривались добиваться соединенными усиліями. Словенскіе патріоты, слѣдовательно, не только нашли убѣжище у своей собратіи, но успѣли найдти и для

своего національнаго дѣла новую опору, новыхъ важныхъ защитниковъ, и могли надѣяться, что императорскому двору не такъ легко будетъ отказать Славянскимъ жителямъ имперіи въ ихъ просьбахъ, когда отъ ихъ имени назначенная для этого депутація предложитъ ему упомянутый, съѣздомъ составленный, адресъ.

Но судьба рѣшила иначе. Еще въ то время, когда происходили первыя приготовленія къ Славянскому съѣзду, президентъ Угорскаго министерства, графъ Батіани, поручилъ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Эстергази, ходатайствовать въ Вѣнѣ всевозможнымъ образомъ о томъ, чтобы Славянскій съѣздъ или не состоялся, или имѣлъ значеніе по отношенію къ одной только Чехіи. Когда же это ходатайство не удалось, Мадьярскимъ министерствомъ посланъ былъ въ Прагу нѣкто М. Туранскій, мадьяронъ, служившій министерству въ качествѣ шпіона, чтобы онъ, во чтобы то ни стало, какимъ нибудь скандаломъ скомпрометировалъ съѣздъ. Туранскому, въ самомъ дѣлѣ, удалось, при общемъ раздраженіи мыслей въ Прагѣ въ то время, исполнить порученіе министерства: 12 іюня отправлялось на площади св. Вячеслава, подъ открытымъ небомъ и при громадномъ стеченіи народа, богослуженіе по Славянскому обряду; когда участники возвращались въ процессіи и проходили мимо жилища графа Виндишгреца, коменданта Чехіи, Туранскій выстрѣломъ, направленнымъ въ военный караулъ, подалъ поводъ къ смутамъ, извѣстнымъ подъ именемъ Пражской революціи.

Пражское возстаніе послужило во вредъ не только для Чеховъ, но и для Славянскаго съѣзда, такъ какъ, благодаря ему, всѣ успѣхи, достигнутые до этого времени, были потеряны. Чехи не дождались уже своего законадательнаго сейма, хотя возстаніе и было усмирено; а съѣздъ разошелся прежде, чѣмъ успѣлъ послать депутацію къ императорскому двору: нѣкоторые участники разъѣхались еще во время возстанія, другіе принуждены были удалиться изъ Праги. Успѣхъ Славянскаго дѣла въ Австріи отсроченъ, такимъ образомъ, благодаря Мадьярскимъ интригамъ, на будущее время.

Въ числѣ прогнанныхъ изъ Праги участниковъ съѣзда были и Словенскіе патріоты, которые отправились на этотъ разъ сначала въ Вѣну, а потомъ къ юго-Славянамъ. Послѣ несчастнаго исхода съѣзда и по усмиреніи Пражской революціи, въ движеніи Австрійскихъ Славянъ сорокъ восьмаго года безпорно играютъ первую роль: Хорватія и Сербское воеводство (воеводина), находившія въ Загребскомъ сеймѣ и Карловацкой скупшинѣ, въ лицѣ бана Елачича, патріарха Раячича и

воеводы Шупликаца, моральную, а въ Граничарскихъ полкахъ — и физическую опору.

Когда Угорское министерство, продолжавшее стремиться къ полному отдѣленію Угріи отъ остальной имперіи и къ осуществленію Мадьярской гегемоніи надъ другими народами Угорской короны, не въ состояніи было ни своею собственною властію, ни чрезъ интриги при императорскомъ дворѣ, ни силою физическою избавиться отъ оппозиціи южныхъ Славянъ, можно было предвидѣть, что долголѣтнее соперничество національностей въ земляхъ Угорской короны можетъ рѣшиться лишь физическою борьбою и побѣдою одной партіи.

При такомъ настроеніи мыслей, Гурбанъ и Штуръ, явившіеся въ Загребъ искать помощи отъ имени Словенскаго народа, приняты были съ искреннимъ сочувствіемъ и даже получили мѣста на Хорватскомъ сеймѣ, такъ какъ онъ принималъ въ свою среду и депутатовъ другихъ Славянскихъ національностей. Гурбанъ и Штуръ нѣсколько разъ излагали на сеймѣ жалкое положеніе Словенскаго народа и притѣсненія, какія онъ долженъ былъ выносить отъ Мадьяръ, и банъ Елачичъ, отъ имени сейма, вступился за Словенскихъ плѣнниковъ предъ Угорскимъ министерствомъ, требуя отпущенія ихъ на свободу. Дожидаясь полнаго разрыва между Хорватами и Мадьярами, Словенскіе патріоты находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ баномъ Елачичемъ, отъ него особенно ожидая помощи на будущее время.

Разрывъ этотъ, наконецъ, совершился. Тогда Гурбанъ, получивши отъ бана не только обѣщаніе помощи, но и большое денежное пособіе, отправился сначала въ воеводину, которая находилась уже въ борьбѣ съ Мадьярами, а потомъ въ Бѣлградъ, вездѣ ища помощи своему народу, и въ концѣ августа возвратился въ Вѣну, куда уже пріѣхалъ и Штуръ и гдѣ находились и другіе Словенскіе эмигранты.

Положеніе Словаковъ, между тѣмъ, было очень жалкое. Мадьярскіе комиссары свирѣпствовали въ Словенскихъ комитатахъ: по городамъ и селамъ поставлены были висѣлицы съ военными караулами; всякій, кто не стыдился своего языка, за патріотизмъ и «панславизмъ» былъ схватываемъ и отводимъ въ тюрьму, если не успѣвалъ бѣжать въ горы, или заграницу; вообще Словаки должны были выносить всѣ бѣдствія военнаго положенія, въ полномъ смыслѣ слова. Сообщенія между Словенскими эмигрантами и ихъ родиною были почти прерваны, и лишь изрѣдка удавалось той или другой сторонѣ обмѣняться какимъ-нибудь извѣстіемъ. Сначала патріоты получали извѣстія, по крайней мѣрѣ,

объ общемъ ходѣ дѣлъ на родинѣ изъ Чешскихъ и Хорватскихъ газетъ, которыя получались ими даромъ въ большомъ количествѣ, но и эти газеты, наконецъ, были запрещены въ Угріи, такъ что патріоты остались почти совсѣмъ безъ извѣстій, въ ожиданіи того, что принесетъ будущее.

Банъ Елачичъ, между тѣмъ, перешелъ съ своею арміею черезъ Драву и, такимъ образомъ, объявилъ войну Угріи. Когда извѣстіе объ этомъ пришло въ Вѣну, Словенскіе эмигранты рѣшились возвратиться съ оружіемъ въ рукахъ на родину, отъ успѣха Сербской и Хорватской революціи ожидая успѣха и своего дѣла.

Мысль о вооруженномъ возстаніи занимала умы Словенскихъ патріотовъ со времени ихъ эмиграціи и особенно со времени Славянскаго съѣзда; уже тогда дѣлались съ ихъ стороны приготовленія къ осуществленію этой мысли. Но такъ какъ никто изъ нихъ не былъ знакомъ съ военнымъ дѣломъ, то они сблизились съ Чешскими офицерами: Блоудкомъ, Янечкомъ и Захомъ (съ которыми Гурбанъ познакомился еще во время своего путешествія по Моравіи въ 1839 г.), чтобы имъ ввѣрить военную сторону возстанія. Принявши сдѣланное имъ предложеніе, Блоудекъ и Янечекъ, еще въ то время, когда Гурбанъ и Штуръ были на югѣ, отправились для рекогносцировки въ Нитранскій, Турчанскій и Липтовскій комитаты, и особенно въ тѣ мѣста, гдѣ прежде дѣйствовали Гурбанъ и Годжа, и возвратились въ Вѣну въ одно время съ Гурбаномъ, гдѣ съ этого времени началось вербованіе Словенской молодежи для возстанія.

До 17-го сентября было навербовано до 500 человѣкъ. Въ этотъ день собрались: Гурбанъ, Штуръ, Годжа, Блоудекъ, Захъ и Янечекъ, и, признавши возстаніе за дѣло уже рѣшонное, провозгласили себя «Словенскимъ Національнымъ Совѣтомъ» (Slovenská Národňja Rada), обязанностью котораго было управлять народными дѣлами, такъ именно, что первымъ тремъ предоставлены политическія, а остальнымъ — военныя дѣла, рѣшеніе всякаго вопроса, однако, принадлежало всѣмъ вмѣстѣ, такъ что военные члены совѣта зависѣли отъ остальныхъ, и наоборотъ.

Самою главною задачею перваго засѣданія совѣта было рѣшить, въ какомъ комитатѣ удобнѣе было бы начать возстаніе. Годжа предлагалъ начать его въ Турчанскомъ и Липтовскомъ комитатахъ, указывая на то, что эти комитаты наиболѣе сохранили свой національный характеръ и въ послѣднее время обнаружили наибольшее національное

самосознаніе. Гурбанъ, съ своей стороны, предлагалъ начать возстаніе въ Нитранскомъ комитатѣ, обѣщая, что на его призывъ тамъ весь народъ возьмется за оружіе. Послѣднее предложеніе, въ концѣ концовъ, было принято, и Гурбанъ назначенъ предсѣдателемъ совѣта съ тѣмъ, чтобы званіе предсѣдателя перешло къ Штуру, если возстаніе будетъ перенесено въ Тренчанскій, и—къ Годжѣ, когда оно будетъ перенесено въ Турчанскій и Липтовскій комитаты. Секретарями совѣта назначены были Носакъ и Борикъ.

Вечеромъ того же дня (17 сентября 1848 г.) совѣтъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ Чешскихъ патріотовъ, отправился съ волонтерами на станцію сѣверной желѣзной дороги, откуда Словенскій корпусъ въ 10 часовъ вечера выѣхалъ съ особымъ поѣздомъ къ Угорской границѣ.

На другой день, утромъ, повстанцы со станціи Писки—чрезъ городки: Веселую и Великую—отправились пѣшкомъ на Угорскую границу. Передъ вечеромъ, дошедши до горъ на самой границѣ, они остановились, чтобы ночевать подъ открытымъ небомъ. Здѣсь раздавалось оружіе, привезенное изъ Вѣны, и отъ отдѣльныхъ сотенъ принималась присяга во имя императора и отечества. При этомъ случаѣ предсѣдатель совѣта Гурбанъ говорилъ рѣчь къ воинамъ, въ которой, между прочимъ, произнесъ слѣдующія важныя слова: „въ древнія времена не было границы между Словенскою землею и Моравіею, потому что здѣсь было одно общее отечество двухъ братскихъ народовъ Славянскихъ; поэтому и на будущее время не должно быть границы между ними, такъ какъ они населены сыновьями одной матери. Мы будемъ домогаться того, чтобы освободить Словенскій народъ изъ-подъ гнета свирѣпаго мадьяризма, привести его къ прежней славѣ и уничтожить границы, отдѣляющія братьевъ отъ братьевъ». Послѣ Гурбана говорилъ и Штуръ о бѣдствіяхъ, которыя Словенскій народъ долженъ былъ выносить въ былыя времена, и о предстоящей задачѣ его освобожденія.

Между тѣмъ, повстанцевъ привѣтствовали разведенными на ближайшихъ вершинахъ огнями, а когда они, перемѣнивъ свой прежній планъ, перебрались черезъ границу, то были встрѣчены соотечественниками, собравшимися со всѣхъ сторонъ привѣтствовать своихъ освободителей. Такимъ образомъ, къ полночи они дошли доМіявы, жители которой, вышедши имъ на встрѣчу съ факелами, приняли ихъ радушно.

Но въ Міявѣ въ это время стояла сотня Итальянскаго полка Че-

копери съ извѣстнымъ Мадьярскимъ комисаромъ Маршемъ; поэтому, народный совѣтъ, чтобы предупредить столкновеніе съ регулярнымъ войскомъ, послалъ къ командиру сотни—Сосаю извѣстіе, что пришедшіе Словаки имѣютъ въ виду воевать лишь за права императора, за единство имперіи и за священное право своей націанальности, преслѣдуемое со стороны Мадьярскаго министерства. Сосай отвѣтилъ, что онъ не подастъ повода къ столкновенію, и выразилъ желаніе, чтобы и національная партія въ этотъ день ничего не предпринимала. На другой день (19) совѣтъ, не зная, какъ отнесется къ нему Сосай, отправилъ къ нему новую депутацію съ вопросомъ: что намѣренъ онъ предпринять въ данномъ случаѣ? Сосай, на этотъ разъ, принялъ депутацію совсѣмъ неласково, и на вопросъ: «какого министерства онъ намѣренъ держаться—императорскаго, или кошутовскаго?» онъ уже прямо отвѣтилъ, что будетъ слушаться лишь Угорскаго министерства, чѣмъ и объявилъ себя противъ повстанцевъ. Но такъ какъ народъ, пришедшій въ движеніе со вчерашняго дня, со всѣхъ сторонъ сходился въ Міяву, и молодежь изъ окрестностей съ оружіемъ въ рукахъ спѣшила присоединиться къ народному войску, причемъ изъ одной Брезовой явились подъ знамена народныхъ вождей до 500 вооруженныхъ молодыхъ людей, то Сосай счелъ за лучшее удалиться изъ Міявы и ея окрестностей, въ чемъ ему народный совѣтъ и не думалъ препятствовать.

Между тѣмъ, военный отрядъ повстанцевъ увеличился до 1,500 человѣкъ. Ожиданіе народныхъ вождей относительно того, что народъ съ радостію встрѣтитъ ихъ предпріятіе и что молодежь возмется за оружіе противъ вѣковыхъ враговъ своихъ, повидимому, оправдывались. Но этотъ отрядъ былъ еще слишкомъ малочисленъ для того, чтобы начать борьбу съ могущественнымъ тогда мадьяризмомъ; къ тому же, онъ былъ еще совершенно не обученъ военнымъ пріемамъ. Народному совѣту приходилось заботиться и объ увеличеніи своего войска, и объ его обученіи, а потому бѣгство Сосая пришлось, какъ нельзя болѣе, кстати.

Народъ, сошедшійся со всѣхъ сторонъ въ Міяву, собрался на набережной, гдѣ Гурбанъ произнесъ къ нему горячую рѣчь отъ имени совѣта, въ которой, указавши на притѣсненія, какія народъ доселѣ долженъ былъ выносить отъ Мадьяръ, призывалъ присутствовавшихъ возстать, по примѣру Сербовъ и Хорватовъ, съ оружіемъ въ рукахъ противъ притѣснителей и завоевать себѣ свободу. Послѣ него говорилъ

Штуръ и провозгласилъ самостоятельность Словенскаго народа, сказавши: «въ настоящій славный моментъ мы объявляемъ себя независимыми отъ Мадьяръ, отказываемся слушаться Мадьярскаго народа, его правительства или министерства,—и если кто-нибудь въ области, на которую распространяется наша власть, остается въ общеніи съ Мадьярскимъ народомъ или министерствомъ, того мы объявляемъ врагомъ нашего народа, и онъ не избѣжитъ заслуженнаго наказанія».

Подъ вліяніемъ совѣта городское управленіе Міявы замѣнено новымъ, вполнѣ патріотическимъ, чтó повторялось и во всѣхъ другихъ городахъ, которые признавали власть совѣта. Вообще совѣтъ проявилъ довольно большую дѣятельность. Издана была особая прокламація къ народу, въ которой излагались причины возстанія и его цѣль—освобожденіе Словенскаго народа отъ господства Мадьяръ. Особая прокламація была издана на имя священниковъ и учителей Словенскихъ, въ которой они призывались объяснить народу его настоящее положеніе, приготовить и побудить его къ возстанію. Третья прокламація издана на имя Чешскихъ и Словенскихъ полковъ съ призывомъ не воевать противъ своихъ соотечественниковъ и братьевъ, и, наконецъ, издана прокламація и къ сосѣднимъ народамъ: Русскому и Румынскому, приглашавшая ихъ востать противъ своихъ притѣснителей—Мадьяръ вмѣстѣ съ Хорватами, Сербами и Словаками.

Прокламаціи были разосланы съ особыми агентами, которымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручено было агитировать въ народѣ и подготовлять его къ возстанію; особые агенты были посланы, чтобы разузнать о приготовленіяхъ Мадьярскихъ.

Труды совѣта въ эти первые дни, по организаціи возстанія, въ короткое время оказали и довольно большіе успѣхи. Войско, обучаемое Блоудкомъ и Захомъ, къ 21 сентября возрасло до 4,000 человѣкъ, изъ которыхъ 1,000 оставалась для защиты Міявы и окрестностей, а прочіе мобилизировались. Въ Міявѣ закуплены были довольно большіе запасы для предстоящей экспедиціи.

21 сентября отправился народный совѣтъ съ 3,000 солдатъ въ ближній городъ Брезовую, гдѣ народонаселеніе приняло ихъ радушно. И здѣсь прежнее управленіе замѣнено новымъ, болѣе преданнымъ совѣту, и все народонаселеніе взялось за оружіе, такъ что народное ополченіе, вмѣстѣ съ повстанцами изъ окрестностей Брезовой, возрасло до 8,000 человѣкъ, изъ которыхъ, однако, лишь около 1,000 имѣли настоящее оружіе, а остальные кое-какъ вооружились косами, цѣпами и т. п.

И этотъ день прошелъ безъ кровопролитія, но повстанцы уже со всѣхъ сторонъ были окружены врагами...

Какъ видно изъ сказаннаго, Словенское возстаніе началось успѣшно. Народъ, никогда доселѣ не отваживавшійся на сопротивленіе своимъ господамъ, теперь, по призову вождей, началъ открытую борьбу за свои права. Но такъ какъ національный и соціальный вопросы находились въ очень близкой связи, то нужно было опасаться, какъ бы національное движеніе не перешло въ соціальное и чрезъ это не получило бы слишкомъ большихъ размѣровъ. Народные вожди едва-ли могли бы долгое время удерживать народъ, чтобы онъ не обратился противъ своихъ прежнихъ пановъ, которые, конечно, не дожидаясь такого оборота дѣлъ, бѣжали бы во всѣ стороны.

И для Мадьярскаго правительства было, конечно, важно не дать возстанію распространиться, тѣмъ болѣе, что ему въ то же время предстояла борьба съ приближающимся баномъ Елачичемъ. Соотвѣтственно такимъ важнымъ обстоятельствамъ и мѣры правительства были энергичны. Еще 20 сентября Батіани издалъ указъ, которымъ возобновлялось провозглашеніе военнаго положенія въ ближнихъ комитатахъ; кромѣ того назначено было 50 гульденовъ за всякаго повстанца, который будетъ переданъ властямъ.

Наконецъ, изданъ министерствомъ приказъ, чтобы національная гвардія городовъ Прешбургскаго и Нитранскаго комитатовъ выступила противъ повстанцевъ, а графъ Ламбергъ, по требованію Угорскаго министерства, послалъ генерала Кнора съ нѣсколькими полками (Леопольдовскимъ, Чекопери и князя Прусскаго (?), кирасирами Вальмодона и двумя эскадронами драгунъ, чтобы окружить повстанцевъ и уничтожить возстаніе въ самомъ началѣ. Вечеромъ 21 сентября повстанцы уже въ самомъ дѣлѣ были окружены регулярнымъ войскомъ и хорошо вооруженною Мадьярскою національною гвардіею.

Городъ Брезова лежитъ среди Карпатскихъ горъ и доступенъ только по четыремъ горнымъ узкимъ дорогамъ. Дорога изъ Міявы была занята повстанцами, поэтому наступленіе со стороны высланной противъ нихъ арміи могло состояться лишь по остальнымъ тремъ дорогамъ. На южной сторонѣ, при деревнѣ Градищахъ, гдѣ стояло 400 кирасиръ подъ начальствомъ майора Войница, произошла первая стычка. Пикетъ, высланный противъ кирасировъ, ранилъ своими пулями нѣсколько лошадей, вслѣдствіе чего кирасиры удалились и — не возвращались болѣе.

Вслѣдъ за тѣмъ, съ западной стороны приближались Сеницкая и Шащинская гвардіи, сопровождаемыя 8 сотнею полка Чекопери. Противъ нихъ выступилъ отрядъ повстанцевъ, вооруженный, большею частію, лишь косами и т. п. Въ стычкѣ убито 5 повстанцевъ, граждан Брезовой. На помощь имъ явился капитанъ Бонковскій съ сотнею стрѣлковъ, который, напавши на непріятелей, принудилъ ихъ отступить, но новое смятеніе въ городѣ принудило его возвратиться туда.

Съ восточной стороны—отъ Врбовой приближалась въ это время третья группа непріятелей: впереди, подъ начальстволъ Сосая, 11 сотня полка Чекопери, за ними 1,000 человѣкъ Мадьярской національной гвардіи; въ Врбовой стояли два эскадрора драгунъ. Сотня Сосая, выступившая получасомъ впередъ, на узкой дорогѣ окружена была повстанцами и, по ихъ требованію, сдалась безъ всякаго сопротивленія (сотня эта народнымъ совѣтомъ, впослѣдствіи, отослана въ Оломуцъ). Мадьярская гвардія также не могла пройти далеко: когда, въ самомъ началѣ ущелья, повстанцы стали нападать на нее со всѣхъ сторонъ, она бѣжала въ Врбовую, оставивъ на мѣстѣ разнаго рода запасы, между прочимъ, и нѣсколько боченковъ вина, которымъ запаслись Мадьярскіе чиновники съ тою цѣлью, чтобы заранѣе отпраздновать свою побѣду.

Такое удачное начало воодушевило повстанцевъ къ новой борьбѣ; радость въ Брезовой была всеобщая. Убитыхъ граждан Брезовскихъ похоронили торжественно; Гурбанъ произнесъ рѣчь при гробѣ «этихъ первыхъ мучениковъ за Словенскую свободу».

Послѣ этихъ первыхъ стычекъ повстанцы пользовались трехдневнымъ покоемъ. Въ это время, по совѣту Заха, волонтеры обучались военнымъ пріемамъ, чтобы, впослѣдствіи, легче одолѣвать непріятеля.

Но такъ какъ бездѣйствіе не могло принести много пользы возстанію, во-первыхъ потому, что становилось довольно труднымъ, безъ большихъ средствъ, заботиться о пропитаніи большой массы народа, во вторыхъ потому, что при бездѣйствіи пропадалъ энтузіазмъ, а непріятели, между тѣмъ, имѣли возможность увеличиться въ числѣ, то совѣтъ рѣшилъ добиваться новой побѣды, чтобы воодушевить народъ, пробудить вновь его энтузіазмъ и распространить, по возможности, возстаніе и въ другихъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что съ разнымъ сторонъ приходили извѣстія о броженіи мыслей народа, вслѣдствіе начатаго возстанія и первой побѣды.

Совѣтъ рѣшился предпринять экспедицію противъ Сеницы и очи-

стить ея окрестности отъ Мадьярской гвардіи. Утромъ 26 сентября повстанцы въ трехъ отдѣленіяхъ выступили изъ Брезовой и, по выходѣ изъ горъ, встрѣтились съ Мадьярскими гвардейцами и отрядомъ регулярнаго войска. Начались маневры съ той и другой стороны и вскорѣ оказалось, какое важное преимущество имѣютъ на своей сторонѣ хорошо обученные гвардейцы и солдаты. Хотя со стороны Мадьярской было сдѣлано лишь нѣсколько выстрѣловъ, и, притомъ, издалека, такъ что пули ихъ не долетали до Словаковъ, тѣмъ, не менѣе, поставленныя на флангахъ толпы повстанцевъ, вооруженныя косами, цѣпами и т. п., стали тотчасъ же разбѣгаться, и экспедиція, такимъ образомъ, не имѣла никакого успѣха.

Повстанцевъ особенно озадачило то обстоятельство, что имъ уже во второй разъ приходилось встрѣчаться съ регулярнымъ войскомъ, тогда какъ они возставали не противъ императора, а противъ Кошута и Мадьяръ. Это не могло ихъ одушевлять, тѣмъ болѣе, что они со всѣхъ сторонъ были окружены сильнымъ кордономъ изъ регулярнаго войска и національныхъ Мадьярскихъ гвардейцевъ. И самъ Годжа, одинъ изъ членовъ совѣта, видя, что повстанцы долго не будутъ имѣть возможности одолѣвать болѣе сильнаго непріятеля, оставилъ своихъ друзей и удалился съ секретаремъ Носакомъ за границу.

На другой день (27-го) совѣтъ рѣшилъ попробовать счастія въ другомъ мѣстѣ. На этотъ разъ задумана была экспедиція на востокъ, противъ Мадьярскаго городка Старой Туры.

У самаго городка повстанцы встрѣтились съ полкомъ князя Прусскаго и гвардейцами, которые, послѣ короткаго боя, отступили, причемъ зажгли селеніе Лубину и нѣсколько ближайшихъ деревень. Повстанцы вошли въ Старую Туру и, освободивъ до 30 патріотовъ, заключенныхъ въ погребахъ и подобныхъ мѣстахъ, зажгли, въ свою очередь, этотъ Мадьярскій городокъ. Ночью они отступили опять въ горы,— къ Міявѣ, и остановились при деревнѣ Порадьи. Здѣсь, утромъ 28 сентября, начался новый бой съ регулярнымъ войскомъ и гвардейцами, явившимися отъ Врбовой,—послѣдній бой въ первомъ Словенскомъ возстаніи.

Вслѣдствіе неудачи послѣднихъ дней, повстанцы упали духомъ и множество ихъ опять разбѣжалось; кромѣ того, впродолженіе послѣднихъ же дней, обнародованъ императорскій манифестъ, въ которомъ Штуръ, Гурбанъ и Годжа названы бунтовщиками, а Угорскія власти приглашались принять всѣ мѣры для прекращенія возстанія. Угорское

министерство съумѣло на этотъ разъ войдти въ соглашеніе съ императорскимъ дворомъ и воспользоваться авторитетомъ императора противъ Словенскаго національнаго движенія; сдѣлать это было тѣмъ легче, что въ Вѣнѣ всегда относились неблагопріятно ко всякому самостоятельному движенію въ народѣ. Словенскій народъ, между тѣмъ, возсталъ за права своего императора, которыя соединялъ со своими собственными, и потому, когда императоръ объявилъ себя противъ возстанія, народъ былъ такъ озадаченъ этимъ, что оставалось уже немного охотниковъ продолжать начатое дѣло.

Небольшое число оставшихся повстанцевъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ, безъ надежды на помощь откуда-нибудь, не могли долго держаться противъ многочисленнаго непріятеля и, послѣ короткаго сопротивленія, отступили къ Міявѣ, а оттуда—къ Моравскимъ границамъ.

Народный совѣтъ распустилъ свое войско и самъ разошелся. Повстанцы, большею частію, разошлись по Моравіи, но и тамъ императорскія власти преслѣдовали ихъ и сажали въ тюрьмы, пока, по распоряженію военнаго министра, они не были отпущены оттуда и снабжены паспортами и деньгами для возвращенія на родину.

Остается высказать нѣсколько общихъ соображеній относительно перваго Словенскаго возстанія.

Еще въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда Мадьяры стали выказывать свое стремленіе къ господству надъ другими національностями Угорскаго королевства, можно было предвидѣть, что они черезъ это возбудятъ антагонизмъ къ себѣ въ остальныхъ національностяхъ. Антагонизмъ этотъ развивался постепенно, особенно въ сороковыхъ годахъ, и довелъ, наконецъ, противоположныя національныя стихіи до борьбы между собою. Противоположность эта имѣла то важное послѣдствіе, что Угорскіе Славяне, въ противоположность революціоннымъ тенденціямъ Мадьяръ, сдѣлались защитниками консервативнаго принципа, что они, защищая свои національныя права, вступились и за древнее историческое право Угорскаго королевства, за право законной династіи; то и другое въ мысли Славянъ соединилось нераздѣльно: въ защитѣ права своей династіи они видѣли и защиту своего національнаго права.

Сербы и Хорваты, пользовавшіеся до этого времени особыми правами, первые подняли свой голосъ и взялись за оружіе въ защиту правъ своихъ и своей династіи. Съ возстаніемъ Сербо-Хорватскимъ въ очень близкой связи Словенское,—прежде всего, потому, что возста-

ніе юго-Славянъ утвердило Словенскихъ патріотовъ въ мысли о насильственной защитѣ національныхъ правъ; юго-Славяне побуждали Словенскихъ патріотовъ къ рѣшительному шагу и они же первые изъ всѣхъ Славянъ оказывали Словакамъ и матеріальную помощь.

Съ другой стороны, какъ Словаки въ южныхъ Славянахъ, стремившихся къ одинаковой цѣли, видѣли своихъ защитниковъ и изъ ихъ возстанія получали надежду на успѣхъ и своего дѣла, такъ и для южныхъ Славянъ было весьма полезно, что, во время борьбы ихъ съ Мадьярами, силы этихъ послѣднихъ заняты были и въ другихъ мѣстахъ королевства, слѣдовательно, были раздѣлены.

Въ самомъ дѣлѣ, для бана Елачича было очень выгодно, что во время похода его къ Пешту, цѣлый корпусъ Мадьярскій, назначенный сначала противъ него, занятъ былъ Словенскимъ возстаніемъ; это же обстоятельство содѣйствовало и его быстрому отступленію къ Вѣнѣ и взятію этого города, возстаніе котораго могло имѣть важныя послѣдствія.

Начало Словенскаго возстанія было ускорено изгнаніемъ или бѣгствомъ Словенскихъ вождей, а кончилось оно скоро по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что оно было первымъ подобнымъ предпріятіемъ со времени Матуша Тренчанскаго; народъ, привыкшій, втеченіе столѣтій, терпѣливо переносить всѣ свирѣпства своихъ притѣснителей, лишь очень медленно могъ быть доведенъ до вооруженнаго сопротивленія. Во-вторыхъ, потому, что приготовленія къ возстанію были слишкомъ незначительны и ограничивались тѣми мѣстностями, въ которыхъ прежде него дѣйствовали вожди возстанія. Патріоты Словенскіе составляли лишь часть народа, и часть незначительную. Католическое духовенство, а черезъ это и католическая часть народа. съ немногими исключеніями, смотрѣло довольно неблагопріятно на движеніе народа, которое исходило изъ среды протестантскаго духовенства. И протестантское-то духовенство раздѣлялось на приверженцевъ Чешскаго и Словенскаго языковъ и, за немногими исключеніями (Колара и др.), жило между собою въ несогласіи, хотя и Чехи сами, оставивъ литературныя распри, стали сочувствовать и содѣйствовать предпріятію Гурбана и его друзей. Мадьяры, во время возстанія, воспользовались этими обстоятельствами: они помогали той части протестантскаго духовенства, которая стояла за Чешскій языкъ, и пугали католиковъ, что Гурбанъ и его друзья явились затѣмъ, чтобы обратить Словенскихъ католиковъ въ протестантство.

Главною же причиною неудачи возстанія и его скораго прекращенія былъ недостатокъ средствъ, отсюда — невозможность распространять его на среднюю, гористую и лѣсистую части Словенской земли, гдѣ народъ сохранилъ свой Славянскій характеръ и очень легко могъ быть побужденъ къ возстанію, которое, въ томъ случаѣ, еслибы оно приняло форму гверильи, очень, трудно было бы усмирить. Наконецъ, и манифестъ императора Фердинанда способствовалъ скорѣйшему прекращенію возстанія, такъ какъ онъ озадачилъ народъ, взявшійся за оружіе въ защиту не только своихъ правъ, но и правъ императора.

Послѣдствіемъ возстанія было, прежде всего, опустошеніе тѣхъ мѣстностей, которыя оно охватило, и введеніе еще болѣе суровыхъ мѣръ со стороны Мадьяръ. Во всѣхъ окрестныхъ городахъ были учреждены особые суды надъ повстанцами; множество повстанцевъ посажено въ тюрьму; нѣкоторые за свой патріотизмъ заплатили даже смертью на висѣлицѣ. Область дѣйствія этихъ судовъ не ограничивалась одною западною частью Нитранскаго комитата, а заходила и въ средніе комитаты, гдѣ особенно отличался ревностный Мадьярскій комиссаръ Беницкій. Всякаго патріота онъ приказывалъ хватать и сажать въ тюрьму; въ Баньскую Быстрицу, средоточіе дѣятельности, почти ежедневно привозили въ заключеніе патріотовъ изъ Зволенскаго и окрестныхъ комитатовъ.

Казалось, движеніе Словенскаго народа прекращено было навсегда, тѣмъ болѣе, что виновники этого движенія, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ, были за границею и головы ихъ, распоряженіемъ Кошута отъ 17 октября 1848 г., оцѣнены по 50 гульденовъ.

Но возстаніе Словаковъ, хотя оно было кратковременно и не получило большихъ размѣровъ, имѣло, тѣмъ не менѣе, важныя послѣдствія. Народъ, привыкшій доселѣ переносить всякаго рода притѣсненія, увидѣлъ теперь въ первый разъ примѣръ физическаго сопротивленія, — примѣръ тѣмъ болѣе заразительный, что причина сопротивленія лежала въ матеріальныхъ интересахъ всего народа. Предводители возстанія сдѣлались національными героями, потому что народъ въ ихъ дѣятельности видѣлъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ мыслей и желаній. Новый терроризмъ, коснувшійся многихъ фамилій, доселѣ не такъ заинтересованныхъ народнымъ дѣломъ, возбудилъ новый антагонизмъ. А причины, произведшія это первое возстаніе, не были уничтожены, хотя Кошутъ на нѣкоторое время и сталъ ласкать Словаковъ.

*

Народные представители жили изгнанниками за границею и ожидали перваго удобнаго случая для своего возвращенія. Поэтому, продолженіе, или возобновленіе возстанія было лишь вопросомъ времени: оно должно было вспыхнуть при первомъ удобномъ случаѣ. Случай этотъ представили сами Мадьяры въ своей революціи, когда императорскій дворъ объявилъ себя противъ нихъ и въ Словенскомъ движеніи, на время прекратившемся, увидѣлъ удобное орудіе противъ Мадьяръ, а Словаки, съ своей стороны, расчитывали получить отъ императорскаго двора исполненіе своихъ желаній.

Словенскіе патріоты, удалившіеся послѣ возстанія изъ Угріи, явились въ тогдашнее мѣстопребываніе двора, —Оломуцъ, чтобы здѣсь хлопотать въ пользу народнаго дѣла; но императорскій дворъ былъ занятъ тогда другими дѣлами, и поэтому хлопоты ихъ были безуспѣшны. Только послѣ того, какъ Вѣна занята была Виндишгрецомъ и Елачичемъ, правительство могло подумать и о мѣрахъ противъ Мадьяръ.

Словенскимъ изгнанникамъ этотъ моментъ показался удобнымъ для ихъ цѣлей, и потому Гурбанъ, Штуръ, Блоудекъ и Захъ отправились въ Шенбрюнъ, чтобы предложить свои услуги князю Виндишгрецу для предстоящей Угорской войны. Когда же Виндишгрецъ отказался принять ихъ предложеніе, они обратились къ бану Елачичу и начальнику его штаба, генералу Зейсбергу, который для нихъ — когда рѣшено было вступить въ Угрію въ нѣсколькихъ пунктахъ — 16 ноября исходатайствовалъ полномочіе генеральнаго штаба снарядить новую экспедицію въ сѣверные комитаты; экспедиція эта должна была соединиться съ регулярными войсками въ Тѣшинѣ и Яблонковѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, Блоудекъ отправился въ Прагу, тамъ собралъ нѣсколько студентовъ и отставныхъ солдатъ, и съ ними 26 ноября прибылъ въ Преровъ, гдѣ встрѣтился съ Гурбаномъ, пріѣхавшимъ изъ Вѣны съ 80 волонтерами, изъ которыхъ большинство участвовало въ первомъ возстаніи. Въ Преровѣ къ нимъ присоединилось еще нѣсколько Мораванъ, такъ что весь отрядъ состоялъ уже изъ 123 человѣкъ. Отсюда повстанцы отправились въ Тѣшинъ, гдѣ получили оружіе и нѣсколько дней были обучаемы. Въ Тѣшинъ же, подъ начальствомъ подполковника Фришейзена, явились четыре сотни Чешскаго полка Паломбини, чтобы принять участіе въ этой экспедиціи, начальникомъ которой назначенъ высланный для этой цѣли княземъ Виндишгрецомъ капитанъ, баронъ Левартовскій.

По инициативѣ послѣдняго, прежде всего, напечатано было нѣсколько

прокламацій, изъ которыхъ самая важная: «Къ Словенскому народу» подписана Левартовскимъ, Фришейзеномъ, Гурбаномъ, Штуромъ, Блоудкомъ и Захомъ. «Народный Словенскій Совѣтъ» теперь снова началъ свою дѣятельность. Прокламація призывала народъ отказаться отъ Кошута и Мадьяръ и возстать за права свои и своего государя. «Его И. В., милостивѣйшій король нашъ, говорилось, между прочимъ, въ прокламаціи, далъ всѣмъ своимъ народамъ равныя права, и мы приходимъ исполнить это императорское слово; поэтому, отнынѣ никто не посмѣетъ болѣе оскорблять вашъ національный языкъ и притѣснять вашу національность. Теперь вы имѣете полное право публично совѣтоваться на своемъ родномъ Словенскомъ языкѣ, подавать жалобы. обращаться къ высшимъ чинамъ, писать и учиться; теперь вы сами будете защитниками своихъ національныхъ правъ, и это благодѣяніе получаете вы отъ своего императора, противъ котораго Кошутъ съ его единомышленниками подняли бунтъ. Е. И. В. благоизволилъ уже сдѣлать такое распоряженіе, чтобы Мадьяры не господствовали болѣе надъ вами, и чтобы вы на будущее время имѣли лишь одного государя. Вѣнскаго императора, который равно любитъ всѣ свои народы».

Изъ сказаннаго видно, что народный совѣтъ началъ второе возстаніе совсѣмъ на другихъ основаніяхъ. Прежде онъ призывалъ народъ къ возстанію противъ Мадьярскихъ притѣсненій по своему собственному усмотрѣнію, не испросивши согласія императорскаго двора, и потому, встрѣтивъ противодѣйствіе со стороны послѣдняго, долженъ былъ бороться съ регулярнымъ войскомъ. Теперь же онъ выступилъ противъ Мадьяръ во имя императора и при содѣйствіи императорскаго войска, такъ что настоящее его предпріятіе было вполнѣ легально и составляло службу императору. Соотвѣтственно этому измѣнилась нѣсколько и программа дѣйствія: теперь уже не говорится въ ней объ особой территоріи Словенской и о соединеніи съ Моравіею.

Пробывши нѣсколько дней въ Тѣшинѣ, волонтеры собрались у деревни Роповицъ, гдѣ приведены были къ присягѣ въ присутствіи барона Левартовскаго. Кромѣ упомянутыхъ сотенъ полка Паломбини, къ нимъ присоединилось и полъ-эскадрона легкой конницы съ тремя пушками. Переночевавъ въ Яблонковѣ, экспедиція перешла границу еще 4 декабря, слѣдовательно, раньше Виндишгреца.

Мадьяры, узнавъ о намѣреніи Словенскихъ вождей, выслали отрядъ національныхъ гвардейцевъ для защиты сѣвернаго прохода чрезъ горы. Въ первой деревнѣ при Угорской границѣ, Сврчи новцахъ, кон

ный патруль экспедиціи встрѣтился съ авангардомъ Мадьярскихъ гвардейцевъ, при чемъ одинъ гвардеецъ былъ убитъ, а остальные отступили къ ближнему городку Чачамъ, гдѣ было 3 сотни гвардіи. При приближеніи Словенской экспедиціи, они выстроились на холмахъ около городка, но, не вступая въ сраженіе, отступили, оставивши въ городкѣ нѣкоторые запасы. Экспедиція остановилась здѣсь и рѣшено было, что на другой день Гурбанъ и Штуръ будутъ говорить къ народу.

Тренчанскій комитатъ вообще отличается бѣдностью населенія, такъ какъ при гористой поверхности тамъ очень мало пахатной земли, да и та раздѣлена на слишкомъ малые участки, такъ что большому семейству — у Словаковъ сохранился доселѣ древне-Славянскій родовой бытъ—одно земледѣліе не можетъ доставить пропитанія; кромѣ того, промышленность на мѣстѣ не развита, и ежегодно масса людей отправляется изъ этого комитата въ другія мѣста на заработки. При бѣдности населенія и національное чувство здѣсь развито менѣе, чѣмъ въ другихъ Словенскихъ комитатахъ. Соотвѣтственно этимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, народный совѣтъ не могъ разсчитывать на большой успѣхъ своей пропаганды, и, дѣйствительно, послѣ рѣчи Гурбана, хотя она и произвела большое впечатлѣніе, только до 30 человѣкъ взялось за оружіе и присоединилось къ народнымъ вождямъ. Число приставшихъ было мало, между прочимъ, и потому, что незадолго передъ этимъ Мадьяры набирали здѣсь рекрутъ.

Экспедиція оставалась въ Чачахъ до 7 декабря въ ожиданіи 21 сотни полка Дайчшейстера, которая потомъ осталась гарнизономъ въ этомъ городкѣ, чтобы охранять переходъ въ Силезію, и также въ ожиданіи поправки дороги, испорченной въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Мадьярскою гвардіею, которая, между тѣмъ, отступила къ Жилину. Вслѣдствіе этого, экспедиція безъ препятствій дошла до Новаго мѣста, гдѣ на другой день Гурбанъ и Штуръ снова говорили къ народу. И здѣсь взялось за оружіе до 30 человѣкъ, такъ что Словѣнскій отрядъ возросъ до 200 человѣкъ. Въ Новомъ Мѣстѣ, какъ и въ Чачахъ, прежнее городское управленіе замѣнено новымъ, патріотическимъ.

Между тѣмъ, стало извѣстно, что вечеромъ 8 декабря въ Жилинъ пришло до 4,000 гвардейцевъ Мадьярскихъ съ 7 пушками. 10 декабря сотня регулярнаго войска и сотня Словенскихъ волонтеровъ посланы были для рекогносцировки и воротились вечеромъ съ 4 плѣнными. Въ этотъ же день прочтены были войску манифесты: объ отре-

ченіи отъ престола императора Фердинанда и о вступленіи на престолъ Франца Іосифа I, которому корпусъ далъ присягу.

На другой донь (11-го) экспедиція направилась къ Жилину. Прошедши тѣснинoю при рѣкѣ Кисуцѣ, у Будатина, она встрѣтилась съ непріятелемъ, занявшимъ небольшой холмъ передъ деревнею. Когда Блоудекъ обошелъ гвардейцевъ и сталъ обстрѣливать ихъ съ боку, они отступили по направленію къ Жилину и, перешедши мостъ, остановились на другомъ берегу рѣки Вага. Тогда баронъ Левартовскій приказалъ занять замокъ Будатинскій, что и было исполнено. Блоудекъ, между тѣмъ, попытался было взять мостъ, но пушки гвардейцевъ не позволили ему даже и приблизиться къ мосту. Изъ Будатинскаго замка стали отвѣчать гвардейцамъ также выстрѣлами изъ пушекъ, но скоро пришлось оставить и самый замокъ, когда гвардейцы направили на него свои пушки. Пальба продолжалась до вечера безъ особеннаго результата.

Собравшійся вечеромъ военный совѣтъ рѣшилъ возвратиться къ Яблонкову и дожидаться тамъ усиленія регулярнымъ войскомъ, такъ какъ экспедиція была слишкомъ малочисленна, чтобы сразиться на равнинѣ съ непріятелемъ въ нѣсколько разъ сильнѣйшимъ. Гвардейцы также отступили было за Жилинъ, но, услыхавши объ отступленіи регулярнаго войска и Словенскихъ волонтеровъ, возвратились и стали преслѣдовать отступающихъ съ намѣреніемъ занять Яблонковъ и Тѣшинъ. Ихъ передовые отряды ночью, 16 декабря, появились предъ Яблонковымъ, но, встрѣтившись съ пикетомъ экспедиціи, тотчасъ отступили.

Затѣмъ, до конца года въ этой мѣстности не было военныхъ дѣйствій. Мадьяры воспользовались этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы преслѣдовать Словаковъ, казавшихся приверженцами Гурбана. Нѣсколько человѣкъ въ это время кончили жизнь на висѣлицѣ, другіе посажены въ тюрьму.

Между тѣмъ, въ Яблонковѣ собиралось регулярное войско, такъ что оно возрасло, наконецъ, до 3,000 человѣкъ и составило, такимъ образомъ, почти цѣлую бригаду, при которой Словенскіе волонтеры могли играть лишь незначительную роль. Пріѣхалъ, наконецъ, и новый начальникъ, генералъ Гецъ, и 1 генваря 1849 г. назначено было для новаго вторженія въ Угрію.

Первоначальное назначеніе этого корпуса — пройдти чрезъ сѣверную Угрію и соединиться съ Виндишгрецомъ у Пешта не было осу-

ществлено. Фельдмаршалъ Виндишгрецъ, побѣдивши Мадьярскаго генерала Гергея, направился къ Пешту, а генералу Гецу поручено было выступить противъ Гергея, отступившаго въ сѣверную Угрію. Корпусъ Геца былъ слишкомъ слабъ для такого назначенія (у Гергея было болѣе 9,000 войска), не говоря уже о томъ, что Гецу не были извѣстны ни планы Гергея, ни даже мѣсто, гдѣ онъ находился.

Ко времени вступленія Геца въ Угрію разнесся слухъ, что въ ближайшей деревнѣ Туровцахъ остановилось 200 Мадьярскихъ гвардейцевъ съ нѣсколькими пушками, вслѣдствіе чего 31 декабря отправлены были для рекогносцировки двѣ сотни полка Паломбини и Словенскіе волонтеры. Не нашедши непріятеля, они по горамъ прошли къ Новому Мѣсту, гдѣ соединились снова съ бригадою Геца. На другой день назначенъ былъ походъ къ Жилину. Словенскіе волонтеры и 2 сотни регулярнаго войска, подъ начальствомъ Блоудека, выступили утромъ, чтобы прошедши горы, обойдти непріятеля у Будатина, и принудить его поскорѣе отступить. Генералъ Гецъ, между тѣмъ, встрѣтился съ Мадьярскими гвардейцами передъ Будатиномъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ происходило сраженіе во время первой экспедиціи. Нѣсколько времени продолжалась перестрѣлка, потомъ Блоудекъ неожиданнымъ нападеніемъ на правый флангъ непріятеля заставилъ его отступить. Мадьяры удалились, по прежнему, по направленію къ Жилину.

Чтобы овладѣть мостомъ черезъ Вагъ, слѣдовательно переходомъ къ Жилину, Блоудекъ поспѣшилъ вслѣдъ за непріятелемъ и успѣлъ прогнать гвардейцевъ, начавшихъ разрушать мостъ. Такимъ образомъ, вся бригада могла въ глазахъ непріятеля перейти на другую сторону рѣки; гвардейцы же, увидѣвъ, что новая экспедиція довольно многочисленна, стали отступать въ Турчанскій комитетъ къ Св. Мартину. Отступленіе это совершилось еще во время перехода бригады черезъ Вагъ, а потому генералъ Гецъ и не преслѣдовалъ непріятелей; только Блоудекъ отправился въ погоню съ 20 волонтерами, но не имѣлъ успѣха. День этотъ прошелъ почти безъ кровопролитія, такъ какъ съ Мадьярской стороны было лишь трое убитыхъ, а въ войскѣ Геца — трое раненыхъ. Въ Жилинѣ, гдѣ найдены были нѣкоторые запасы Мадьярскихъ гвардейцевъ, ген. Гецъ оставался до 8 генваря. Гвардейцы, между тѣмъ, видя, что ихъ никто не преслѣдуетъ, воротились назадъ и заняли переходъ изъ Тренчанскаго въ Турчанскій комитатъ, на Вагѣ.

Гурбанъ и Штуръ пытались возбудить народъ въ окрестностяхъ

Жилина къ возстанію, но безъ успѣха. Народъ слышалъ отъ Мадьяръ, что Гурбанъ съ этимъ войскомъ пришелъ лишь для того, чтобы опустошать землю, возстановить старыя урбаріальныя повинности и пр., и боялся вступать съ нимъ въ какія нибудь связи. Подобные случаи, впослѣдствіи, были въ Райцѣ, Правнѣ и Привидзѣ.

Генералъ Гецъ, чтобы обойти непріятеля, 8 генв., оставивши гарнизонъ въ Жилинѣ, отправился черезъ Райцу, Привидзу и Правно къ Мошовцамъ, гдѣ пробылъ съ 11 по 27 генваря. Гвардейцы, услыхавши объ этомъ переходѣ Геца, отступили къ Кремницѣ, такъ что весь Турчанскій комитатъ былъ очищенъ ими.

Мошовцы, родина Колара, принадлежитъ къ числу патріотическихъ городовъ и потому императорское войско и отрядъ Гурбана приняты были тамъ съ искреннимъ сочувствіемъ. Когда же Штуръ и Гурбанъ обратились съ рѣчью къ собравшемуся на площади народу, до 600 человѣкъ изъ города и окрестностей взялись за оружіе, такъ что Словенскій отрядъ возросъ до 800 человѣкъ.

Вообще весь Турчанскій комитатъ очень радушно принималъ войско и Словенскихъ волонтеровъ, ожидая отъ нихъ освобожденія отъ Мадьярскихъ притѣсненій, и бригада ген. Геца, во все время пребыванія въ комитатѣ, снабжаема была всѣмъ необходимымъ. Чтобы обезпечить въ свою пользу комитатъ и на будущее время, полковникъ Фришейзенъ, Гурбанъ, Штуръ и Блоудекъ отправились въ главный городъ комитата Св. Мартинъ, чтобы составить новый комитатскій совѣтъ изъ патріотовъ. Въ это время торжественно введенъ въ свой приходъ священникъ Горватъ, 23 окт. 1848 г., вмѣстѣ со многими другими патріотами комитата, схваченный Мадьярскими агентами, но потомъ убѣжавшій и скрывавшійся до этого времени у своего отца.

Къ Кремницѣ, куда отступили Мадьярскіе гвардейцы, явился и Гергей со всею своею арміею. Между передовыми отрядами обѣихъ сторонъ состоялось нѣсколько незначительныхъ стычекъ, потомъ получилось изъ Кремницы извѣстіе, что Гергей отступилъ къ Б. Быстрицѣ, чтобы оттуда перейти въ Спишъ и напасть на ген. Шлика, стоявшаго съ своимъ корпусомъ у Кашова. Тогда генералъ Гецъ 27 генв. занялъ Кремницу, а 28-го Штявницу, послѣ того, какъ онѣ были оставлены Мадьярами.

Изъ Кремницы ген. Гецъ послалъ Заха съ сотнею Словаковъ защищать Турчанскій комитатъ со стороны Оравы, а по полученіи извѣстія, что Гергей оставилъ Быстрицу и двинулся къ Липтовскому

комитату, послалъ и Блюудека съ тремя сотнями въ Св. Мартинъ и, наконецъ, черезъ комитатскій совѣтъ призвалъ весь народъ къ оружію, вслѣдствіе чего до 5000 ч. собралось въ Сучанахъ защищать переходъ (при Розенбергѣ) изъ Липтовскаго въ Турчанскій комитатъ на случай, еслибы Гергей направился въ Липтовскій комитатъ противъ Гецa.

Нó Гергей преслѣдовалъ совсѣмъ другія цѣли и повернулъ на востокъ. Понявши его намѣренія, ген. Гецъ сталъ его преслѣдовать. Соотвѣтственно этому и Словенское войско въ Турчанскомъ комитатѣ получило приказаніе двинуться въ Липтовскій комитатъ, чтó и послѣдовало 4 февраля.

Блоудекъ и Захъ 7 февр. дошли съ своими отрядами до (города) Св. Николая и, противъ ожиданія, были приняты народомъ очень холодно. Причина была простая: мадьяронское дворянство и чиновники, только что оставившіе городъ, грозили висѣлицею всякому, кто бы отважился принять у себя хотя одного изъ Словенскихъ волонтеровъ; народъ, вслѣдствіе этого, боялся обнаружить свое сочувствіе къ возстанію. Черезъ три дня (10-го) Блоудекъ и Захъ черезъ Градекъ и Попрадъ перешли въ Левочь, куда въ тоже время явился и генералъ Гецъ съ остальными сотнями Словенскими. Онъ преслѣдовалъ Гергея по пятамъ — черезъ Б. Быстрицу и Брезну, гдѣ народъ присоединялся къ Словенскимъ волонтерамъ. Въ Левочи бригада Гецa соединилась съ бригадою Яблоновскаго и начальство надъ обѣими получалъ Рамбергъ.

Гергей, между тѣмъ, дошелъ до Кашова, гдѣ, при содѣйствіи Клапки, принудилъ ген. Шлика отступить изъ сѣв. Угріи къ главной арміи. Соединившись съ Клапкою, Гергей двинулся вдоль по Тисѣ, чтобы снова встрѣтиться съ арміею Виндишгреца.

Шликъ, когда еще былъ въ Кашовѣ и готовился перейдти Тису и взять Дебречинъ, расчитывалъ, что ген. Гецъ задержитъ Гергея въ Словенскихъ комитатахъ. Гецу, какъ мы видѣли, это не удалось, и Рамбергъ не могъ предпринять ничего другаго, какъ только, по примѣру Гецa, преслѣдовать Гергея, когда тотъ находился уже при Токаѣ, преслѣдуя, въ свою очередь, Шлика. Обѣ бригады Рамберга, поэтому, двинулись изъ Левочи (14 февр.) въ Кашовъ и къ Тисѣ. Въ оставленныхъ войсками обѣихъ сторонъ городахъ: Левочи, Прешовѣ и Кашовѣ расположился, въ качествѣ гарнизоновъ, Словенскій корпусъ, возросшій теперь до 1,500 человѣкъ, для охраны большихъ запасовъ,

оставленныхъ въ этихъ городахъ. Рамбергъ не хотѣлъ брать съ собою Словаковъ въ Мадьярскіе комитаты.

Въ это время Гурбанъ, Штуръ и Захъ оставили Прешовъ и отправились въ Оломуцъ, чтобы отъ имени Словенскаго народнаго совѣта всего народа передать Е. И. В. свои жалобы и требованія въ вышеприведенной формѣ. Императоръ принялъ ихъ (20 марта) очень ласково и обѣщалъ исполнить ихъ желанія.

Между тѣмъ, Блоудекъ до 12 марта пробылъ въ Кашовѣ, когда приближеніе Мадьярскихъ гонведовъ заставило его отступить въ Прешовъ. Запасы, бывшіе въ Кашовѣ, онъ сберегъ. Изъ Прешова 25 марта онъ съ 700 волонтеровъ нападалъ на Кашовъ, занятый Мадьярами, и возвратился съ большою добычею, состоявшею изъ разныхъ военныхъ припасовъ. Но 4 и 5 апр. Мадьярскіе отряды уже стали появляться и подъ Прешовымъ. Блоудекъ отражалъ ихъ до 7-го, потомъ, видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ, когда Мадьяры стали бомбардировать городъ, онъ отступилъ къ Левочи. Черезъ день явился къ Прешову Фогель, собравшій на Польской границѣ до 20,000 регулярнаго войска и снова прогналъ Мадьяръ.

Блоудекъ же отправился съ своимъ отрядомъ черезъ Лублу въ Кежмаркъ (въ Спишскомъ комитатѣ), гдѣ 22 апр. распустилъ Липтовскихъ и нѣкоторыхъ другихъ волонтеровъ. Съ остальными 350 волонтерами, преимущественно Турчанскаго комитата, онъ отправился по Польской границѣ по направленію къ Силезіи, и передалъ команду надъ ними маіору Тренкѣ, который стоялъ у Будатина.

Причины окончанія втораго Славянскаго возстанія были различны. Прежде всего участвовали въ немъ, большею частію, крестьяне, которые весною старались возвратиться на родину, чтобы заняться обрабатываніемъ земли; въ добавокъ къ этому, начались среди повстанцевъ раздоры, которые могли повредить и всему Словенскому дѣлу, и, наконецъ, Фогель отказался выдавать по прежнему деньги на содержаніе Словенскихъ волонтеровъ, такъ что они для своего пропитанія должны были дѣлать реквизиціи, что́ не могло долго продолжаться.

Остается высказать нѣсколько общихъ соображеній и относительно этого возстанія.

Мы сказали уже, что второе возстаніе Словаковъ состоялось по тѣмъ же причинамъ, какъ и первое, и потому составляло какъ бы продолженіе того возстанія; только началось оно на этотъ разъ уже

въ сѣверныхъ комитатахъ, гдѣ дѣйствовалъ прежде Годжа и другіе патріоты. Различіе между обоими возстаніями состоитъ въ томъ, что первое началось безъ позволенія и содѣйствія правительства, а второе — наоборотъ. На этотъ разъ народный совѣтъ долженъ былъ дожидаться того времени, когда правительство, съ своей стороны, начнетъ военныя дѣйствія противъ Мадьяръ. Это обстоятельство нужно считать выгоднымъ въ томъ отношеніи, что регулярное войско совсѣмъ теперь не противъ повстанцевъ, а съ ними за одно; но, съ другой стороны, нельзя не признать, что второе возстаніе лишено было всякой самостоятельности и въ національномъ отношеніи менѣе важно. Словенское войско во все время этого возстанія находилось подъ начальствомъ Австрійскихъ генераловъ, которые и пользовались имъ для общихъ цѣлей Австрійской арміи въ Угріи; о національныхъ же цѣляхъ и рѣчи не было. Случалось даже, что Австрійскіе комисары распоряжались въ Словенскихъ комитатахъ не лучше Мадьярскихъ властей.

Что сказано о второмъ, можно сказать и о третьемъ Словенскомъ возстаніи, которое 8 ген. 1849 г, начали въ Міявѣ Годжа и Янечекъ. Вскорѣ они имѣли возможность привести до 800 волонтеровъ на помощь ген. Симуничу, осаждавшему незначительную крѣпость Леопольдовъ на Фраштакѣ; принимали участіе и въ осадѣ Комарна, и въ экспедиціи противъ Мадьярской гверильи. И Гурбанъ съ Штуромъ, возвратившись изъ Оломуца, присоединились къ новому Словенскому войску; но оно, состоя подъ начальствомъ Левартовскаго до зимы (21 ноября) 1849 г., составляло лишь незначительную часть его арміи и потому значеніе его исчезаетъ въ общихъ операціяхъ арміи. Наконецъ, военное вмѣшательство Россіи сдѣлало народное содѣйствіе совершенно ненужнымъ и возстаніе Словенскаго народа прекращается.

Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ необходимо признать, что Словаки, съ самаго начала перваго, до сложенія оружія въ Прешбурскомъ замкѣ, въ концѣ третьяго возстанія, брались за оружіе добровольно и стали воевать противъ Мадьяръ лишь вслѣдствіе своего антагонизма противъ нихъ. Но число повстанцевъ во всѣхъ трехъ возстаніяхъ было незначительно въ сравненіи съ воюющими арміями, и можно сказать, что гораздо большее количество Словаковъ (конечно, только по принужденію) воевало подъ знаменами Кошута. Изъ этого слѣдуетъ вывести, что Словаки въ національномъ отношеніи были еще мало

развиты. Впрочемъ, противъ прежняго времени составляетъ громадный прогрессъ въ этомъ отношеніи уже и то обстоятельство, что, по крайней мѣрѣ, у части Словенскаго народа народное самосознаніе развилось до такой степени, что она взялась за оружіе въ защиту своихъ народныхъ правъ.

XI.

Политическія партіи 1848 г. Кромѣрижскій рейхсратъ и министерство Шварценберга. Конституція 4 марта 1849 г. и ея значеніе для Австрійскихъ Славянъ. Министры Бахъ и Тунъ и ихъ дѣятельность по отношенію къ Словакамъ.

Самый общій взглядъ на исторію Австріи въ 1848 г. достаточно показываетъ, что Австрійская революція имѣла характеръ по преимуществу національный: отдѣльныя національности, стремясь къ достиженію своихъ собственныхъ цѣлей, которыя, большею частію, находились въ противорѣчіи съ жизненными интересами имперіи, и намѣреваясь создать для себя новую будущность хотя бы на развалинахъ имперіи, приходили въ столкновеніе съ государственною властью, и въ этомъ-то столкновеніи и состоитъ вся революція.

Итальянцы, наиболѣе отдѣленные отъ остальной имперіи, господство Габсбурговъ всегда считали чуждымъ игомъ, избавленіе отъ котораго было для нихъ національною задачею, тѣмъ болѣе, что и вся Италія стремилась къ общему объединенію въ единой національной державѣ.

Нѣмцы, разбросанные по всей имперіи и пользовавшіеся до сего времени, благодаря государственной власти, различными преимуществами въ западной ея половинѣ, стремились удержать за собою эти преимущества предъ остальными Славянскими народами и впредь, но въ новой, демократическо-конституціонной формѣ, чтобы эту половину имперіи, впослѣдствіи, тѣмъ легче присоединить къ возрождающейся великой Нѣмецкой державѣ.

Мадьяры, съ своей стороны, имѣли въ виду самосостоятельность своего Угорскаго королевства съ характеромъ, конечно, лишь чисто Мадьярскимъ.

Такимъ образомъ, кромѣ Румыновъ, не имѣвшихъ политическаго значенія, оставались лишь Славяне, которые не домогались разрушенія имперіи, а напротивъ, въ ея предѣлахъ домогались обезпеченія

своихъ національныхъ правъ, опираясь преимущественно на свое историческое право. И извѣстный панславизмъ, насколько онъ имѣетъ политическій характеръ, распространяется только на Славянъ Австрійской имперіи, служа имъ для общей обороны противъ насилій другихъ національностей и обезпеченія ихъ правъ въ предѣлахъ этой имперіи, главу которой Славяне считали представителемъ всего государства и обращались къ этому представителю всѣ безъ различія въ надеждѣ на помощь.

Полную и безусловную преданность императору выказала лишь армія, которая рѣшительно выступила противъ претензій разныхъ національностей и безъ всякаго колебанія боролась какъ съ Итальянскою, такъ и съ Нѣмецкою и Мадьярскою стихіями, въ то самое время, когда министерство Пилерсдорфа, а потомъ—Веселбергъ-Добельгофа, колеблясь между различными сторонами, уступчивостью и полнѣйшимъ бездѣйствіемъ приводили имперію все въ болѣе и болѣе опасное положеніе. Но, благодоря храбрости фельдмаршала Радецкаго, рѣшительности фельдмаршала Виндишгреца и бана Елачича, армія успѣла, наконецъ, въ западной половинѣ Габсбурской державы одержать верхъ надъ опасными для имперіи національными стремленіями, и стала приготовляться къ тому, чтобы поставить предѣлы и Мадьярскимъ претензіямъ.

Черезъ побѣду надъ демократическо-либеральнымъ движеніемъ Итальянской и, особенно Нѣмецкой національности, не только главнокомандующіе арміями пріобрѣли большое вліяніе на политическія дѣла имперіи, но и вся вообще консервативная часть народонаселенія получила снова въ общественной жизни то мѣсто, какое, незадолго передъ тѣмъ, успѣли было захватить демократы.

Новый поворотъ въ положеніи дѣлъ обозначился, прежде всего, перемѣною министерства, состоявшеюся еще 21 ноября 1848 г. Во главѣ новаго министерства стоялъ Чешскій князь Феликсъ Шварценбергъ, человѣкъ энергичный и, соотвѣтственно своему происхожденію, консервативный, служившій долгое время по министерству иностранныхъ дѣлъ и занимавшій въ свое время постъ посланника въ Петербургѣ, Лондонѣ и Неаполѣ, а въ послѣднее время участвовавшій въ Итальянской компаніи. Кромѣ министра-президента князя Шварценберга, характеръ новаго министерства наиболѣе выражался въ лицѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Чешскаго графа Ф. Стадіона, знаменитаго организатора, извѣстнаго особенно своею дѣятельностью (въ

званіи намѣстника) въ Галиціи, гдѣ онъ съумѣлъ парализировать революціонныя тенденціи Польской шляхты, привлекши къ себѣ остальное Польское и Русское народонаселеніе.

Въ своей программѣ, изданной 27 ноября, министерство обѣщалось держаться существующей (съ 25 апр. 1848 г.) конституціи и произвести всѣ необходимыя и соотвѣтствующія духу времени реформы. Но, стоя безусловно за существующій порядокъ во внутренней политикѣ, въ политикѣ внѣшней, и особенно по отношенію къ Германіи, министерство стало на новую точку зрѣнія, объявивши, что Австрія съ реорганизированною Германіею можетъ вступить въ союзъ, но не соединиться.

Еще важнѣе, нежели перемѣна министерства, была перемѣна, которая произошла вслѣдствіе отреченія (2 дек.) имп. Фердинанда, поддавшагося вліянію революціи въ обѣихъ половинахъ имперіи, и вступленія на престолъ Франца Іосифа II, который лично не былъ связанъ обѣщаніями, сдѣланными его предшественникомъ, и хотя былъ неопытенъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ энергиченъ и могъ вступить на новый путь, избрать новый образъ дѣйствія.

Соотвѣтственно этому, въ манифестѣ, въ которомъ новый императоръ объявлялъ о своемъ вступленіи на престолъ, предсказывался полнѣйшій переворотъ въ политическихъ дѣлахъ имперіи, такъ какъ въ немъ говорилось объ Австрійской имперіи, какъ объ одномъ государственномъ цѣломъ, въ которомъ всѣ народы должны быть вполнѣ равноправными и свободными, и черезъ это отрицалось существованіе особаго Угорскаго королевства, противъ вождей котораго новое министерство и объявило борьбу, считая себя общимъ министерствомъ всего государства.

Чрезъ провозглашеніе единства Австрійской имперіи, какъ и чрезъ провозглашеніе министерства зап. половины имперіи министерствомъ всего государства, отношеніе этого министерства къ конституціи Пилерсдорфа и Кромѣрижскому рейхерату совершенно измѣнялось. Конституціонная власть министерства распространялась теперь на всю имперію, а Кромѣрижскій рейхератъ, представляющій собою лишь одну половину государства и имѣющій цѣлью обработать конституцію для этой половины, становился уже аномаліею.

Въ коммиссіи, назначенной рейхератомъ для разработки новой конституціи, лишь одинъ Чешскій историкъ Палацкій понялъ новое положеніе дѣлъ, выступивши съ своею программою федеративнаго устрой-

ства Австріи на національномъ основаніи [1]). Отказавшись отъ своихъ консервативныхъ воззрѣній, основанныхъ на историческомъ правѣ, онъ усвоилъ рѣшеніе Славянскаго съѣзда и теперь сталъ хлопотать въ коммиссіи объ ихъ осуществленіи. Но идеи съѣзда—вообще, какъ и отрицаніе существующаго порядка и особенно ограниченіе вліянія Нѣмецкой и Мадьярской стихій занятыми ими территоріями, слѣдовательно устраненіе гегемоніи обѣихъ навсегда—въ частности, слишкомъ не понравились Нѣмецкимъ членамъ коммиссіи и предложеніе Палацкаго было отвергнуто.

Противуположною программою была программа централизаціи имперіи. Нѣмецкіе члены коммиссіи, располагавшіе, благодаря содѣйствію Поляковъ, большинствомъ голосовъ, стали разрабатывать централизаціонное устройство одной зап. половины имперіи, чтобы, по возможности, доставить въ ней перевѣсъ Нѣмецкой стихіи, а устройство вост. половины оставалось не затронутымъ, можетъ быть, потому, что Нѣмецкіе члены, молча, предоставляли въ немъ гегемонію Мадьярамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, Палацкій отказался отъ участія въ коммиссіи, а остальные Славянскіе члены ея продолжали спорить съ Нѣмецкими централистами изъ-за незначительныхъ уступокъ въ федеративномъ духѣ.

2 марта 1849 г. окончена разработка новой конституціи, которая Славянамъ зап. половины имперіи не давала ни одного изъ тѣхъ правъ, которыхъ они домогались для обезпеченія своей національной жизни, слѣдовательно—никакого вознагражденія за принесенныя ими въ пользу имперіи жертвы. При всемъ томъ, Славянскіе члены коммиссіи настолько подчинились парламентарной формѣ, что, изъ-за нѣсколькихъ демократическихъ фразъ, вставленныхъ въ работу коммиссіи, рѣшились защищать осуществленіе конституціи, обработанной при ихъ содѣйствіи.

Затѣмъ, конечно, явился другой вопросъ: какимъ образомъ отнесется министерство къ проэкту коммиссіи и къ рѣшенію рейхсрата? Министерство, назначенное для всей имперіи и намѣревавшееся дать всей имперіи новое устройство, по видимому, въ самыхъ основныхъ пунктахъ своей программы расходилось съ коммиссіею, и потому, если не хотѣло отказаться отъ своего назначенія, никакъ не могло до-

---

[1]) По предложенію Палацкаго, Австрія должна была распадаться на части: Нѣмецкую, Чешскую, Польско-Русскую, Словинскую, Итальянскую, Сербо-Хорватскую, Мадьярскую и Румынскую, ограниченныя территоріями распространенія этихъ національностей.

пустить, чтобы проэктъ коммиссіи получилъ силу закона. Направленіе министерства было совершенно противоположно направленію Нѣмецкихъ и Мадьярскихъ либераловъ и революціонеровъ, которые, потерпѣвъ въ послѣднее время громадную неудачу въ своихъ предпріятіяхъ, никакъ не могли имѣть претензіи предписывать законы своимъ побѣдителямъ, а правительство никакъ не могло допустить, чтобы ихъ направленіе получило перевѣсъ и сдѣлалось господствующимъ въ государствѣ. Отказавшись рѣшительно отъ господствовавшей до этого времени Нѣмецко-Мадьярской партіи, министерство предполагало опираться на Славянъ, изъ среды которыхъ вышли и первые дѣятели этого времени. Славяне были единственнымъ народомъ Австріи, который, соотвѣтственно своему консервативному направленію, во время самыхъ сильныхъ революціонныхъ переворотовъ включалъ въ свою программу существованіе Австріи,—который не только словомъ, но и дѣломъ, взявшись за оружіе, боролся съ революціонными стремленіями, угрожавшими существованію имперіи, и, въ соединеніи съ арміею, большею частью, также Славянскою, успѣлъ спасти государство отъ гибели. Кромѣ того, имперія, въ самое опасное для себя время, нашла у сосѣдняго Славянскаго государства, Россіи, новую опору: Русскіе полки въ началѣ февраля бились уже въ Трансильваніи съ Мадьярскими революціонерами.

Но сами Славяне, которымъ Австрійская имперія обязана была спасеніемъ и которые, поэтому, имѣли право требовать не только исполненія своихъ давнихъ желаній, но и первенства между народами Австріи, не съумѣли воспользоваться благопріятными обстоятельствами и занять первенствующее мѣсто въ имперіи. При разработкѣ новой конституціи, они даже далеко уклонились отъ своей собственной програмы и сблизились съ Нѣмецкими либералами. При такомъ положеніи дѣлъ, правительство, чтобы не лишиться единственной естественной опоры, политическое предводительство Славянами должно было взять въ свои руки. А такъ какъ проектъ коммиссіи не соотвѣтствовалъ ни направленію министерства, ни нуждамъ Славянъ, ни вообще современному положенію дѣлъ, не говоря уже о томъ, что коммиссія рейхсрата, представляющаго собою лишь одну половину имперіи, не имѣла никакого права составлять конституцію для всей имперіи, то министерство взялось предложить рейхсрату собственный проектъ конституціи, потому что назначать новую коммиссію для обработки ея было уже некогда. Таково было происхожденіе извѣстной конституціи 4-го марта

1849 г.; которая ни лучше, ни хуже всѣхъ другихъ конституцій [1]).

Нельзя, конечно, сказать, что конституція эта давала Австрійскимъ Славянамъ все, чего они домогались, но она давала все-таки довольно много, а по нѣкоторымъ пунктамъ даже больше, чѣмъ они домогались втеченіе XIX вѣка. Первая и самая главная выгода, доставляемая конституціею Славянамъ, состояла въ томъ, что они не только освобождались отъ господства Нѣмцевъ и Мадьяръ, будучи провозглашены равноправными съ ними, но и получили, соотвѣтственно своей многочисленности, преобладающее значеніе въ имперіи. Вообще, министерство, кажется, старалось, насколько позволяло новое устройство имперіи, основанное на реальной уніи составныхъ частей, удовлетворить желаніямъ Славянъ, выраженнымъ на Славянскомъ съѣздѣ:

---

[1]) Для насъ важнѣе всего узнать: насколько министерство постаралось въ этой конституціи удовлетворить нуждамъ и справедливымъ требованіямъ Славянъ?

Въ конституціи мы находимъ слѣдующія постановленія, прямо или косвенно касающіяся Славянъ; всѣ земли, состоящія подъ наслѣдственнымъ правленіемъ Габсбургской династіи, составляя оно нераздѣльное государство (§§ 1, 2), пользуются извѣстнаго рода самостоятельностью (§ 4), по которой земскимъ сеймамъ (§ 70), или выборнымъ изъ этихъ сеймовъ (§ 79), на основаніи конституціи (§ 77), предоставлено участвовать въ законодательствѣ и наблюдать за исполненіемъ законовъ (§ 80) по дѣламъ: земской агрикультуры, земскихъ финансовъ, земской администраціи, по дѣламъ церковнымъ, школьнымъ и другимъ, насколько они предоставлены земской автономіи (§§ 33, 34), и вообще по всѣмъ дѣламъ, которыя не подлежатъ вѣдѣнію рейхсрата (§ 35). Кромѣ того, земскіе сеймы, высылая своихъ депутатовъ въ верхнюю палату рейхсрата (§§ 40—42) – нижняя палата должна была составляться путемъ прямыхъ выборовъ — такимъ образомъ, получаютъ возможность участвовать, хотя отчасти, въ общихъ дѣлахъ имперіи.

Кромѣ автономіи отдѣльныхъ земель, конституція опредѣляла и положеніе отдѣльныхъ національностей слѣдующимъ образомъ: всѣ народы Австріи провозглашены ею равноправными между собою, за всѣми она признаётъ ненарушимое право на попеченіе о сохраненіи своей народности и языка (§ 5). Это постановленіе конституціи особымъ распоряженіемъ отъ 4 марта 1849 г. (о политическихъ правахъ гражданъ § 4) разъяснено въ томъ смыслѣ, что въ земляхъ со смѣшаннымъ населеніемъ и національному меньшинству дана будетъ возможность получать школьное образованіе на родномъ языкѣ. Кромѣ того, конституціею Словинцы Каринтіи, Крайны, Горицы, Градиски, Истріи и Тріеста соединены въ особое Иллирійское королевство (§ 1); королевства: Хорватія и Славонія совершенно отдѣлены отъ Угріи съ правомъ войдти въ соглашеніе съ Далматскимъ королевствомъ о соединеніи въ Тріединое королевство (§ 73); Сербская воеводина, отдѣльное устройство которой съ особымъ воеводою и патріархомъ, было признано прежними узаконеніями, выдѣлена изъ Угріи (§ 72) точно также, какъ и Трансильванія (§ 74); наконецъ, конституція Угріи, насколько она противорѣчила новой конституціи, была отмѣнена и провозглашена была равноправность всѣхъ національностей Угріи въ общественной и частной жизни, съ обѣщаніемъ издать относительно этого предмета особыя постановленія (§ 71). Всѣ урбаніальныя повинности отмѣнены и провозглашена свобода вѣроисповѣданія съ предоставленіемъ всѣмъ церквамъ полнѣйшей автономіи, что̀ подтверждено и особыми двумя узаконеніями отъ 4 марта 1849 г.

отдѣльнымъ землямъ удѣлено было автономіи гораздо болѣе, нежели въ проектѣ коммиссіи Кромѣрижскаго рейхсрата, и земскимъ сеймамъ даже предоставлено право (§ 81) измѣнять земскую конституцію по своему желанію; въ національномъ же отношеніи почти не оставалось ничего болѣе желать. Въ Чехіи, Моравіи и Силезіи Чехи составляли большинство и министерство едва-ли отказало бы имъ въ возстановленіи правъ Чешской короны. Въ Галиціи Славянская стихія была также господствующею и министерство, сообразуясь съ антагонизмомъ между Русскими и Поляками, впослѣдствіи раздѣлило ее въ административномъ (8 окт. 1850 г. § II) и въ политическомъ (29 сент. 1850 г., § 10) отношеніяхъ на части: Русскую и Польскую, такъ что и на сеймахъ Поляки и Русскіе составляли особыя куріи. «Иллирское королевство» соотвѣтствовало желаніямъ Словинцевъ. Хорваты сдѣлались независимы отъ Угріи, Тріединое королевство было формально возстановлено, и, кромѣ того, они могли домогаться соединенія съ Военною Границею. Сербы Тріединаго королевства получали полную автономію, а въ воеводствѣ дѣлались независимыми отъ Мадьяръ. Словаки и Русскіе въ Угріи провозглашены были равноправными съ Мадьярами и дальнѣйшія мѣры правительства вполнѣ удовлетворили ихъ желаніямъ. Наконецъ, Славяне получили теперь союзниковъ въ Румынахъ, интересы которыхъ были одинаковы съ Славянскими.

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ, можно сказать, не колеблясь, что министерство, ища опоры у Славянъ, не только старалось удовлетворить ихъ желаніямъ, но и обезпечило имъ господство въ имперіи, ограничивъ значеніе стихій Мадьярской и Нѣмецкой тѣми предѣлами, которые соотвѣтствовали ихъ численности.

Не удивительно, что Славяне въ новой конституціи видѣли не то, чтó она предоставляла имъ, а то, чего въ ней недоставало для полнѣйшаго удовлетворенія ихъ; но удивительно то, что они, послѣ долголѣтней борьбы за свое существованіе, требовали, чтобы министерство чуть-чуть не предугадывало ихъ желаній. Въ особенности удивительно, что Чехи, которые отказались въ свое время отъ участія въ министерствѣ, имѣвшаго возможность передать въ ихъ руки власть надъ имперіею, которые отказались, наконецъ, отъ правъ Чешскаго королевства, обезпеченныхъ за ними еще 8 апр. 1848 г.,—приняли участіе въ Вѣнскомъ и Кромѣрижскомъ рейхсратахъ на основаніи конституціи, данной 15 марта, или 25 апрѣля 1848 г. Они отказались отъ федеративнаго устройства и объявили себя за конституцію Кромѣриж-

скаго рейхсрата, которая нисколько не заботилась объ удовлетвореніи ихъ справедливыхъ желаній. А при слухѣ о конституціи, составленной министерствомъ, они не поняли, какія выгоды предоставляетъ она Славянамъ, и не сочли возможнымъ согласиться на нее. Когда графъ Стадіонъ нарочно пріѣхалъ въ Кромѣрижъ (3 марта) и пригласилъ къ себѣ главныхъ дѣятелей рейхсрата, чтобы предложить имъ проектъ министерства, то онъ не нашелъ никого, даже изъ среды Славянъ, кто бы обѣщался стоять за проектъ и предложить его рейхсрату. Только Палацкій опять понялъ, въ чемъ дѣло, и совѣтовалъ принять конституцію въ этомъ самомъ видѣ и потомъ домогаться ея улучшенія; его не поняли и не слушали ни Чехи, ни другіе Славяне, и министерству не оставалось ничего болѣе, какъ насильственнымъ образомъ ввести въ жизнь свою конституцію и распустить рейхсратъ.

Въ историческихъ сочиненіяхъ довольно часто повторяется стереотипная фраза, что Австрійскіе Славяне послужили для министерства реакціоннымъ орудіемъ для возстановленія абсолютизма. Фразою этою историки любятъ прикрывать свое незнаніе Австрійскихъ дѣлъ и, въ особенности,—положенія Славянъ въ то время.

Говорятъ, что Австрійскіе Славяне были реакціонерами: это—правда; нужно только прибавить, что ихъ реакція была направлена противъ революціонныхъ тенденцій Нѣмецкихъ и Мадьярскихъ либераловъ, стремленія которыхъ были совершенно противоположны программѣ Славянъ. И если стремленія Нѣмецкихъ и Мадьярскихъ либераловъ могутъ считаться прогрессомъ въ развитіи человѣчества, тогда, конечно, можно назвать Славянъ реакціонерами. Никто не можетъ препятствовать Нѣмецкимъ и Мадьярскимъ либераламъ ненавидѣть Славянъ за ихъ поведеніе во время революціи, но ненависть эта нисколько не служитъ доказательствомъ того, что Славяне послужили министерству орудіемъ реакціи.

И такъ, Австрійскіе Славяне преслѣдовали свои собственныя цѣли и должны были выступить противъ либеральной партіи ради своихъ жизненныхъ интересовъ. Если интересы Славянъ были сходны съ интересами имп. двора, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Старанія министерства сблизиться съ Славянами, угодить имъ и соединиться съ ними для достиженія общихъ цѣлей, были естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ событій. Справедливо, что Славяне не съумѣли воспользоваться положеніемъ дѣлъ. Это обстоятельство служило выраженіемъ недостаточнаго политическаго развитія Славянъ и

имѣло своимъ послѣдствіемъ абсолютизмъ, который едва ли хуже революціи.

Говорятъ, что имп. Николай Павловичъ «ради угнетенія Австрійскихъ народовъ и возстановленія абсолютизма въ Австріи» предоставилъ свою армію въ распоряженіе Австрійскаго правительства. Онъ, конечно, не восхищался революціоннымъ либерализмомъ и это очень понятно. Но мы должны признать и то, что Россія, какъ Славянское государство, никакъ не могла допустить, чтобы въ сосѣдствѣ съ нею возникло Мадьярское государство (на основаніи рѣшенія Дебречинскаго сейма 14 апр. 1849 г.) съ либерально-революціонною и противо-Славянскою политикою. Государь, всю свою жизнь посвятившій великому дѣлу уничтоженія Турецкаго господства въ Европѣ и освобожденія Турецкихъ Славянъ отъ вѣковаго ига, не могъ равнодушно смотрѣть на то, какъ на границѣ его государства возникала новая Турція, хотя бы и въ новой формѣ. И этотъ государь Славянской Россіи поступилъ лишь въ Славянскомъ духѣ, въ интересахъ Славянскаго міра, когда ниспровергъ во прахъ Азіатскихъ Мадьяръ и могучею рукою уничтожилъ то зданіе, которое построилъ Мадьярскій фанатизмъ съ цѣлью угнетенія Славянъ.

Угрія въ той формѣ, въ какой она развилась съ 1825 г., не могла существовать: противъ нея единодушно подняли оружіе и легитимная династія, и Славянскіе жители земель Угорской короны, и сосѣдняя Славянская держава — Россія. Понятно отсюда, что побѣдители никакъ не могли думать о томъ, чтобы послѣ своей побѣды возстановить конституцію Угріи 1848 г., а, напротивъ, старались придать Угріи такое устройство, какое соотвѣтствовало ихъ интересамъ и нуждамъ. Министръ гр. Стадіонъ, предполагая, что Угрія скоро будетъ усмирена, старался включить ее въ свою общую систему конституціонной Австріи въ вышеприведенной ея формѣ, примѣненной къ Славянскимъ интересамъ. Но борьба въ Угріи вспыхнула вновь и сильнѣе прежняго, и окончилась только благодаря вмѣшательству Россіи. Осуществленіе конституціи 4 марта, невозможное въ остальной Австріи по положенію, которое относительно нея заняли Славяне, было тѣмъ болѣе невозможно въ Угріи, гдѣ только что окончилась война и существовало военное положеніе. Оставалось вводить въ жизнь административнымъ путемъ, пока, нѣкоторыя изъ законоположеній, провозглашенныхъ относительно Угріи конституціею 4 марта.

Министерство дѣйствовало въ этомъ направленіи очень послѣдо-

вательно, такъ что, когда гр. Стадіонъ (17 мая 1849 г.), по болѣзни, взялъ отставку, министръ Бахъ, занявши его мѣсто, не отклонился отъ пути своего предшественника.

Словенскіе народные вожди, подавшіе еще 20 марта самому Е. И. В. первую свою просьбу объ отдѣленіи Словаковъ отъ остальной Угріи, потомъ, во время третьяго возстанія 22 авг. 1849 г., представили промеморію мин. Баху о новомъ устройствѣ Словенской земли. Съ подобными же просьбами являлись и депутаціи патріотовъ отъ отдѣльныхъ Словенскихъ комитатовъ.

На основаніи подобныхъ петицій Словенскихъ, Румынскихъ и др., назначена была министерствомъ особая коммиссія для разработки проэкта новаго политическаго и административнаго устройства Угріи. Изъ Словаковъ участвовалъ въ коммиссіи Коларъ. Но еще до окончанія работъ комиссіи, 17 (25) окт. 1849 г., издано министерствомъ положеніе о временномъ управленіи Угріею во время военнаго положенія: Угрія раздѣлена была на военные округи, управляемые военными начальниками, подчиненными главнокомандующему Угорскою арміею, и—гражданскими комиссарами, подчиненными Вѣнскому министерству. Относительно отдѣльныхъ національностей постановлено, чтобы границы этихъ военныхъ округовъ, по возможности, опредѣлялись границами національностей (IV), и чиновниками были назначаемы не только люди, знающіе мѣстный языкъ, но и уроженцы того народа, среди котораго они должны занять мѣсто, лишь бы только они имѣли необходимыя способности (I § 15). Въ округахъ же со смѣшаннымъ населеніемъ всякая національность объявлена была подъ защитою государственныхъ властей и должна была пользоваться правами, обезпеченными конституціею 4 марта 1849 г. (I § 12), и, именно, поручено было военнымъ начальникамъ и гражданскимъ комиссарамъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, наблюдать за тѣмъ: а) чтобы всякое преимущество одного языка надъ другимъ прекратилось и языки пользовались полнымъ равенствомъ въ школѣ и церкви; б) чтобы всѣ распоряженія императорскихъ чиновниковъ дѣлались на языкѣ, употребляемомъ въ данномъ округѣ и, наконецъ, в) чтобы всѣ дѣла рѣшались на родномъ языкѣ.

Планъ, котораго рѣшилось держаться министерство по отношенію къ Угріи, еще яснѣе видѣнъ изъ послѣдовавшаго черезъ годъ (13 сент. 1850 г.) постановленія, которымъ окончательно опредѣлялось политическое и административное управленіе Угріи.

Угрія раздѣлена была на 5 большихъ дистриктовъ или округовъ (II), границы которыхъ почти вездѣ соотвѣтствовали распредѣленію національностей. Прешбургскій дистриктъ (IV), состоявшій изъ Прешбургскаго, верхняго и нижняго Нитранскаго, Тренчанскаго, Оравскаго, Турчанскаго, Липтовскаго, Гонтянскаго, Зволенскаго, Тековскаго, Новоградскаго и Коморнскаго комитатовъ, былъ почти исключительно Словенскимъ; Кошицкій дистриктъ, составившійся изъ Гемерскаго, Спишскаго, Шаришскаго, Абауйварскаго, Земплинскаго, Ужгородскаго, Бережскаго и Мармарошскаго комитатовъ, былъ Словенско-Русскимъ; изъ остальныхъ дистриктовъ одинъ Пештскій былъ чисто Мадьярскимъ; дистриктъ Шопронскій (Oedenburg) былъ Нѣмецко-Мадьярскимъ, а Великоварадинскій—Мадьярско-Румынскимъ. А такъ какъ начальники дистриктовъ, дистриктуальные верховные жупаны, лишь de jure были подчинены королевскому намѣстнику (I), а de facto состояли въ веденіи министерства, которое могло съ ними непосредственно сноситься и давать имъ отъ себя предписанія (III), то Угрія, въ сущности, раздѣлена на пять, административно вполнѣ раздѣленныхъ, территорій. Желанія Словаковъ, слѣдовательно, были удовлетворены: они, хотя и не были совершенно выдѣлены изъ Угріи, тѣмъ не менѣе, были вполнѣ отдѣлены отъ своихъ Мадьярскихъ соотечественниковъ. Въ этомъ отношеніи, и впослѣдствіи, ни смѣна конституціи, ни перемѣна министерства, ничего не измѣнили.

Со дня провозглашенія новой конституціи 4 марта 1849 г. прошло довольно много времени, а конституція, между тѣмъ, еще не вошла вполнѣ въ жизнь, и въ этомъ, кажется, нельзя винить одно министерство. Напротивъ, если принять въ соображеніе, что министерство въ теченіе двухъ лѣтъ ревностно трудилось то надъ разработкою конституцій отдѣльныхъ земель, то—разныхъ реформъ и учрежденій, необходимыхъ для конституціонной жизни, и если, кромѣ того, принять въ соображеніе, что министерство руководилось идеями такихъ лицъ, стоявшихъ во главѣ его, имя которыхъ служитъ ручательствомъ того, что они не желали играть кукольную комедію: то необходимо будетъ признать, что министерство искренно желало ввести въ Австріи конституціонное устройство, соотвѣтственное обстоятельствамъ времени и положенію имперіи. Но оно уклонилось и должно было уклониться отъ своего первоначальнаго направленія по тремъ слѣдующимъ главнымъ причинамъ: 1) по нежеланію Славянъ принять его сторону, что лишало министерство возможности вступить на конституціонный путь,

на которомъ оно могло дѣйствовать не иначе, какъ опираясь на Славянъ, если не хотѣло отказаться отъ своей власти и уступить мѣсто предводителямъ тѣхъ партій и направленій, жестокая борьба съ которыми только что окончилась; 2) вслѣдствіе затруднительнаго положенія дѣлъ въ Угріи, гдѣ почти невозможно было ввести конституціонное устройство безъ того, чтобы Мадьярская партія снова не захватила въ свои руки господства въ странѣ и чтобы не возобновились событія недавняго прошлаго, такъ какъ Славянское населеніе Угріи, на которое исключительно могло полагаться министерство, обладало еще слишкомъ незначительнымъ политическимъ развитіемъ, и, наконецъ, 3) вслѣдствіе консервативнаго, можно сказать, реакціоннаго, направленія, которое тогда уже обнаружилось въ полной силѣ во всей зап. Европѣ и захватило и Австрію.

Поэтому неудивительно, что, наконецъ, 20 авг. 1851 г. предложено было кн. Шварценбергу устроить совѣщанія въ министерствѣ о томъ, можно-ли при новыхъ обстоятельствахъ ввести въ жизнь конституцію 4 марта 1849 г., и подать объ этомъ докладъ Е. И. В. Уже изъ этого распоряженія можно было заключить, что конституція 4 марта просуществуетъ не долго, и потому никого не поразило, когда 31 дек. 1851 г. былъ изданъ императорскій указъ, которымъ, по совѣту министерства и рейхстага (имѣвшаго тогда уже значеніе только совѣщательнаго собранія), конституція 4 марта отмѣнялась и обѣщалась такая организація государства, которая обезпечила бы благосостояніе имперіи и ея жителей; иначе говоря, провозглашена была абсолютистическая форма правленія, съ тѣмъ однако, что личная свобода, равенство передъ закономъ и уничтоженіе урбаніальныхъ повинностей снова подтверждались.

Объ отмѣнѣ неосуществимой конституціи Славянамъ Австрійскимъ нечего было жалѣть, тѣмъ болѣе, что министерство все-таки искренно старалось удовлетворить нуждамъ отдѣльныхъ, прежде всего Славянскихъ, національностей имперіи. Но, къ сожалѣнію всѣхъ, министръ-президентъ, князь Шварценбергъ, бывшій душею доселѣшняго направленія внутренней Австрійской политики, внезапно скончался 5 апр. 1852 г. и его мѣсто занялъ министръ Бахъ.

Начавши свою политическую дѣятельность, можно сказать, на баррикадахъ, Бахъ, какъ настоящій демократъ, съумѣлъ, впослѣдствіи, помириться съ обстоятельствами и, попавши почти случайно въ министерство, сдѣлался покорнымъ слугою кн. Шварценберга, прене-

бреженіе котораго переносилъ съ удивительною терпѣливостью, лишь бы не лишиться своего мѣста. Послѣдствія показали, что онъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ. Терпѣливость его вознаграждена была кресломъ абсолютивнаго министра-президента; и, соотвѣтственно характеру всѣхъ ренегатовъ, Бахъ скоро сдѣлался представителемъ самаго строгаго въ Европѣ абсолютизма и централизаціи, которымъ должна была успупить мѣсто прежняя система.

Поэтому неудивительно, что, начавшая тогда развиваться на началахъ равноправности, національная и политическая жизнь должна была вскорѣ прекратиться, такъ какъ всякое проявленіе національнаго духа прежнему революціонеру, теперь же абсолютистическому министру-президенту Баху, казалось революціоннымъ и, слѣдовательно, опаснымъ для государства. А соотвѣтственно исчезанію Славянскаго направленія во внутренней политикѣ имперіи, оно должно было исчезнуть и во внѣшней политикѣ. Славянская Россія, которая недавно спасла Австрію въ самое опасное для нея время отъ гибели, была въ глазахъ Баха самымъ революціоннымъ и самымъ опаснымъ для Австріи государствомъ, и анти-Русское направленіе было идеаломъ для его министерства.

Но и для анти-Славянскаго направленія Баха были свои предѣлы, которые и всемогущему министру-президенту нельзя было перейдти. Предѣлами этими были: политика кн. Шварценберга и гр. Стадіона въ Угріи и система министра народнаго просвѣщенія, гр. Льва Туна.

Соотвѣтственно этому, прежнее устройство Угріи оставалось и теперь въ силѣ, и хотя, вслѣдствіе новой административной организаціи (съ 10 генв. 1853 г.), во главѣ королевства стоялъ королевскій намѣстникъ (гражданскій и военный правитель эрцгерцогъ Альбрехтъ), но намѣстничество, по прежнему, раздѣлялось на пять дистриктовъ. Административное устройство Угріи опредѣлено подробнѣе закономъ 6 апр. 1854 г. Такимъ образомъ, и самъ Бахъ не посмѣлъ нарушить равноправность національностей, введенную въ Угріи прежними законами, и долженъ былъ обезпечивать независимость Угорскихъ Славянъ отъ Мадьяръ.

Но оба министерства старались проводить въ жизнь указанныя реформы болѣе административнымъ, нежели законодательнымъ путемъ. Еще вышеприведенными распоряженіями 1848 и 1850 гг. министерство узаконило, чтобы всѣ чиновники, уличенные въ участіи въ послѣднемъ возстаніи, были удалены отъ должностей, а ихъ мѣста заняли

люди «лойяльные» и знающіе мѣстные языки. Вслѣдствіе этого, большая часть Словенскихъ патріотовъ, участвовавшихъ въ Словенскихъ возстаніяхъ, поступила на мѣста, которыя прежде были заняты мадьяризаторами, и получила, такимъ образомъ, возможность оказать большія услуги своему народу. А такъ какъ Словенскихъ юристовъ не хватало, правительство стало посылать къ Словакамъ и Русскимъ Чешскихъ юристовъ, которые тѣмъ легче могли дѣйствовать среди Словаковъ, что въ Словенскихъ комитатахъ Чешскій или, лучше, Чешско-Словенскій языкъ введенъ былъ во всемъ судопроизводствѣ. Эти новые чиновники, не будучи поклонниками Мадьярской идеи, должны были встрѣтить большія затрудненія со стороны Мадьярскаго дворянства и горожанъ вообще.

Мадьяры и мадьяроны во время этихъ преобразованій вообще старались удержать за собою, насколько это было возможно, прежнія свои преимущества. При общемъ невѣжествѣ и запутанности Словенскаго народа, имъ очень часто удавалось устроивать дѣла такимъ образомъ, что они могли во имя народа поднимать голосъ въ пользу мадьяризаціи и требовать введенія Мадьярскаго языка въ общественной жизни. Къ счастію, Словаки имѣли въ это время опытныхъ въ борьбѣ съ Мадьярами патріотовъ, вмѣстѣ съ которыми и Чешскіе чиновники, по своему національному чувству, противодѣйствовали Мадьярскимъ агитаціямъ. Кромѣ того, и верховные дистриктивные жупаны (по новому: вицепрезиденты намѣстничества): гр. Атемсъ—Прешбургскаго и бар. Коцъ—Кошицкаго дистриктовъ рѣшительно стали на сторону Словенскаго и Русскаго народовъ, и при частыхъ посѣщеніяхъ своихъ дистриктовъ, съумѣли терроризировать мадьяронское дворянство, городскіе классы и чиновничество. Иначе Словакамъ едвали бы удалось извлечь для себя какую-нибудь пользу и изъ тѣхъ законовъ, которые изданы были исключительно въ ихъ пользу.

Вообще, объ этомъ періодѣ можно сказать, что тамъ, гдѣ государственныя должности занимали патріоты, или энергичные Чехи, приведенные законы вполнѣ введены были въ жизнь и Словенская стихія получила перевѣсъ въ общественной жизни.

Нѣмецкіе историки, говоря объ этомъ времени «реакціи и абсолютизма» въ Австріи, любятъ повторять стереотипную фразу, что изъ всѣхъ результатовъ революціи освобожденіе крестьянъ было единственнымъ положительнымъ пріобрѣтеніемъ для будущаго времени, прибавляя, что и это пріобрѣтеніе было испорчено позднѣйшими распоря-

женіями министерства. Не останавливаясь на рѣшеніи вопроса: было ли освобожденіе крестьянъ послѣдствіемъ исключительно предложенія Кудлиха въ рейхсратѣ, или вытекало изъ духа того времени вообще, мы попытаемся показать, что́ сдѣлало министерство по этому вопросу въ Угріи.

Какъ мы уже говорили, Прешбургскій сеймъ 1848 г. провозгласилъ уничтоженіе всѣхъ «урбаніальныхъ» повинностей — съ тѣмъ, чтобы вознагражденіе за нихъ послѣдовало изъ казначейства страны. Оставался нерѣшеннымъ вопросъ: какимъ образомъ и въ какомъ размѣрѣ слѣдовало взыскать со страны это вознагражденіе. Рѣшеніе этого вопроса, по наслѣдству отъ Мадьярскаго министерства, досталось на долю министерства Баха, которое и рѣшило его законами 2 марта 1853 года. [1]). Министерство въ данномъ вопросѣ не дѣйствовало въ ущербъ народа, а находя себя вынужденнымъ рѣшить дѣло, которое осталось отъ революціи лишь на половину рѣшеннымъ, оно и въ Угріи, какъ и въ другихъ Австрійскихъ земляхъ, поступило лишь справедливо.

Не менѣе важна и дѣятельная политика министра народнаго просвѣщенія, гр. Туна по отношенію къ Австрійскимъ Славянамъ вообще и въ особенности—къ Словакамъ, хотя сами Славяне Австрійскіе и не склонны признавать его заслуги. Вообще, кажется, въ послѣднія 25 лѣтъ Австрійской исторіи не было министра, который бы со времени своего назначенія (гр. Тунъ вступилъ въ управленіе министерствомъ въ іюлѣ 1849 г.) долженъ былъ переносить и отъ своихъ

---

[1]) Первымъ изъ нихъ подтверждены приведенныя выше постановленія Прешбургскаго сейма, а именно: уничтоженіе крѣпостнаго права, патримоніальныхъ судовъ, барщины и вообще всѣхъ «урбаніальныхъ» повинностей (§ 1), такъ что земли и имущество крестьянъ сдѣлались полною ихъ собственностію (§ 2). Учреждены были особые «урбаніальные» суды (§ 28), обязанностію которыхъ было: наблюдать за исполненіемъ новыхъ законовъ относительно крестьянскаго сословія и особенно заботиться о томъ, чтобы крестьянамъ поступили въ надѣлъ тѣ лѣса (§ 10) и пастбища, которыми они прежде пользовались, вообще наблюдать, чтобы со стороны помѣщиковъ по отношенію къ крестьянамъ не происходило никакихъ притѣсненій и несправедливостей.

Другимъ закономъ подтверждено прежнее постановленіе, по которому выкупъ крестьянскихъ земель долженъ былъ послѣдовать на земскія средства страны (§ 1). Земская казна должна была выплатить помѣщикамъ выкупа съ каждаго крестьянскаго двора отъ 300 и 350 гульденовъ (самое меньшее) въ комитатахъ: Оравскомъ, Турчанскомъ и Мармарошскомъ и до 700 гульденовъ (самое большое)—въ Прешбургскомъ комитатѣ (§ 6). А выкупъ отъ барщины и другихъ повинностей, въ размѣрѣ цѣнности 21 лѣтней повинности, крестьяне должны были внести съ разсрочкою изъ своихъ средствъ (§ 13).

земляковъ, и отъ противной партіи столько оскорбленій, какъ министръ Тунъ. И, несмотря на это, нужно признать, что ни одинъ министръ послѣдняго времени не заботился такъ усердно, какъ гр. Тунъ, о поднятіи національности Австрійскихъ Славянъ, ни одинъ такъ честно не относился къ своимъ политическимъ противникамъ, ни въ чемъ не нарушая ихъ правъ, а только ставя предѣлы ихъ неосновательнымъ претензіямъ.

Область вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія, со времени имп. Іосифа II, находилась въ большомъ запущеніи, такъ что, когда старый порядокъ, несоотвѣтствовавшій болѣе духу времени, былъ ниспроверженъ революціею, не было никакого порядка и министру Туну приходилось создавать почти все снова. Трудъ былъ, конечно, не легкій и потому неудивительно, что не всѣ нововведенія гр. Туна, со временемъ, оказались полезными, а кое-что потребовало и перемѣнъ. Но нужно признать, что основанія, на которыхъ гр. Тунъ производилъ реорганизацію дѣла народнаго просвѣщенія, и до нашихъ дней остаются въ силѣ, слѣдовательно, на практикѣ оказались вполнѣ полезными; и самые ярые противники Туна, Нѣмецкіе и Мадьярскіе либералы, только немногое могли измѣнить въ нихъ. Но пускаться въ подробныя разсужденія о дѣятельности гр. Туна не входитъ въ нашу задачу: мы коснемся его дѣятельности лишь на столько, на сколько она касалась національной жизни Словаковъ.

Угрія еще съ древнихъ временъ, по отношенію къ народному просвѣщенію, находилась въ болѣе плохомъ положеніи, чѣмъ остальныя земли Австріи, такъ какъ въ ней и высшія и низшія школы считались болѣе дѣломъ частнымъ, о которомъ должны были заботиться преимущественно различныя религіозныя корпораціи. Поэтому въ Угріи не было одной общей системы образованія и тѣмъ менѣе можно было требовать, чтобы образованіе учителей и учениковъ здѣсь соотвѣтствовало требованіямъ времени, стояло на уровнѣ современной науки. И когда Тунъ, желая поднять уровень образованія въ Угріи, постановилъ, чтобы его уставъ гимназій (изданный еще въ 1849 г.) введенъ былъ и во всѣхъ Угорскихъ гимназіяхъ, прибавляя, что въ противномъ случаѣ онѣ потеряютъ права государственныхъ учебныхъ заведеній (§ 2), то этимъ самымъ онъ вторгся въ область, которая до этого времени пользовалась большою автономіею, такъ какъ въ Угріи государственная власть получила со временемъ вліяніе лишь на католическія школы, и возбудилъ противъ себя сильную оппозицію. Но

это, конечно, не мѣшаетъ признать, что онъ поступилъ вполнѣ благоразумно, имѣя въ виду лишь высокія цѣли.

Но не одно вмѣшательство въ автономію церкви и школы само по себѣ такъ разсердило Мадьяръ. Очень возможная вещь, что они безъ большого сопротивленія приняли бы новую организацію состава учителей и преподаванія, если бы учебная реформа не коснулась и національнаго вопроса.

Какъ мы видѣли, Мадьярскій языкъ замѣнилъ собою Латинскій не только во всѣхъ католическихъ и кальвинскихъ, но и во всѣхъ лютеранскихъ училищахъ, и Словаки и на церковномъ поприщѣ не могли съ успѣхомъ противодѣйствовать Мадьярскимъ агитаціямъ. Въ противность этому, новый законъ опредѣлялъ, чтобы преподаваніе происходило на національномъ, понятномъ для учащихся, языкѣ, слѣдовательно, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ народонаселеніе не принадлежитъ къ Мадьярской національности, Мадьярское преподаваніе уступило мѣсто преподаванію на мѣстномъ народномъ языкѣ. И хотя этимъ же закономъ тѣмъ корпораціямъ, которыя содержали училища вполнѣ на свой счетъ, предоставлялось полное право не только назначать учителей, но и выбирать языкъ преподаванія, тѣмъ не менѣе, національная тенденція Туна Мадьярамъ очень не понравилась.

Понятно послѣ этого, что Мадьяры всѣми силами старались предупредить прекращеніе гегемоніи ихъ языка, и, поднявъ ужасный шумъ, стали агитировать противъ реформы гр. Туна, въ особенности стараясь о томъ, чтобы она не была введена въ протестантскія учебныя заведенія, на которыя непосредственно онъ не могъ имѣть вліянія.

Вслѣдствіе этой оппозиціи, по истеченіи срока, назначеннаго для введенія въ гимназіяхъ новой организаціи, у нѣкоторыхъ протестантскихъ гимназій отняты были права государственныхъ учебныхъ заведеній, причемъ не обошлось, конечно, безъ новаго шума со стороны Мадьяръ и со стороны либераловъ вообще, которые охотно считаютъ протестантскія гимназіи лучшими въ мірѣ по тому одному, что онѣ не католическія. На дѣлѣ же, какъ извѣстно, протестантизмъ имѣлъ значеніе лишь тогда, когда онъ отожествлялся съ національнымъ вопросомъ, и если можно было сказать о Чешскихъ и Словенскихъ протестантскихъ школахъ времени реформаціи, что онѣ стояли выше католическихъ, то нельзя было сказать того же о протестантскихъ школахъ Угріи въ XIX вѣкѣ, такъ какъ онѣ были вообще въ довольно жал-

комъ положеніи, преслѣдуя болѣе мадьяризаторскія, чѣмъ научно-образовательныя цѣли.

Энергичныя мѣры Туна заставили, въ концѣ концовъ, и Лютеранъ позаботиться о реорганизаціи своихъ школъ. Втеченіе 1851 и 1853 гг. почти всѣ церковные конвенты и дистриктивные и суперинтенденціальные занимались школьнымъ вопросомъ, что подало поводъ къ новымъ преніямъ. Мадьяры и мадьяроны, озабоченные, прежде всего, удержаніемъ преподаванія на Мадьярскомъ языкѣ, рѣшились поддержать введеніе реорганизаціи, хотя оно было соединено съ большими денежными затратами. До этого времени въ протестантскихъ гимназіяхъ бывало по 6—7 учителей, по одному на каждый классъ; по новому же уставу полагалось ихъ 12 на каждую гимназію, и содержаніе гимназій, вслѣдствіе этого одного, не говоря уже о другихъ затратахъ, должно было обходиться гораздо дороже, такъ что наличныхъ фондовъ не хватало на всѣ расходы. Недостающія деньги, по прежнему обычаю, должна была вносить протестантская паства дистрикта или суперинтенденціи.

Мадьяроны теперь открыто хлопотали на конвентахъ о томъ, чтобы нужныя для реорганизаціи деньги собирались и впередъ такимъ же образомъ: вѣдь не они, а Словаки, составлявшіе большинство лютеранъ, должны были нести главную тяжесть въ этомъ случаѣ, а сами они, между тѣмъ, разсчитывали удержать за собою рѣшающій голосъ въ вопросахъ объ опредѣленіи учителей и языкѣ преподаванія.

Словаки, съ своей стороны, занимая на конвентахъ прежнее жалкое положеніе, вслѣдствіе котораго рѣшеніе дѣлъ находилось не въ ихъ рукахъ, отказывались давать деньги на содержаніе школъ, предназначавшихся для уничтоженія ихъ національности. Они требовали, чтобы реорганизація школъ предоставлена была правительству, которое въ такомъ случаѣ должно было бы взять на себя всѣ издержки, конечно, съ тѣмъ, чтобы учителя были назначаемы министерствомъ, которое имѣло бы рѣшающій голосъ во всѣхъ школьныхъ дѣлахъ, слѣдовательно и въ вопросѣ о языкѣ проподаванія. Словаки соглашались и на предоставленіе существующихъ гимназій въ распоряженіе Мадьяръ, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы правительство учредило для нихъ особыя Словенскія гимназіи.

Вопросъ этотъ, которымъ такъ живо заинтересовалась вся сѣверная Угрія и который подалъ поводъ къ продолжительнымъ и горячимъ спорамъ, рѣшенъ былъ, наконецъ, большею частію въ пользу ре-

организаціи. Но, приэтомъ, мадьяроны, собравъ нужныя суммы съ помощію «Нѣмецкаго вспомогательнаго общества Густава Адольфа», одержали верхъ и сохранили преподаваніе на Мадьярскомъ языкѣ. Иногда, впрочемъ, какъ бы по особенной милости, они дозволяли Словакамъ учреждать каѳедры Словенскаго языка и литературы.

Между тѣмъ, гимназическое преподаваніе на Славянскихъ языкахъ велось въ школахъ безуспѣшно, хотя Тунъ и приглашалъ Славянскихъ учителей и ученыхъ писать различные учебники, и печаталъ нѣкоторые такіе учебники для народныхъ и среднихъ школъ на казенный счетъ. Тогда министерство нашло себя вынужденнымъ измѣнить нѣсколько свой планъ организаціи школъ.

Новыми законами, изданными въ этомъ смыслѣ (16 декабря 1854 и 1 января 1855 г.), постановлено: 1) чтобы во всякой гимназіи было обязательно преподаваніе народнаго языка и литературы, 2) чтобы нѣкоторые предметы преподавались на народномъ языкѣ во всѣхъ классахъ гимназіи, 3) въ низшихъ же классахъ — всѣ тѣ предметы, которые иначе оставались бы непонятными для учениковъ.

Такъ какъ министерство подъ народнымъ языкомъ разумѣло языкъ учениковъ, и потому требовало отъ всякаго учителя показать знаніе этого языка, причемъ всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, которыя бы не исполнили новаго закона, угрожало и на этотъ разъ лишеніемъ правъ государственныхъ учебныхъ заведеній, то, понятно, что въ этомъ случаѣ гр. Тунъ прямо выступилъ противъ Мадьяръ и руководившей ими до сихъ поръ тенденціи. И имъ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ самимъ предлагать на конвентахъ введеніе новыхъ постановленій въ школы, если они не желали, чтобы ихъ принуждали къ исполненію распоряженій министерства, какъ это сдѣлали съ ними инспекторы школъ: Козачекъ — Прешбурскаго и Томашикъ — Кошицкаго дистриктовъ, которые, какъ ревностные Словенскіе патріоты, не могли допустить уклоненія отъ законовъ, изданныхъ въ пользу ихъ національности.

Споры на церковныхъ конвентахъ этого времени имѣли и то важное послѣдствіе, что Словаки, наконецъ, добились того, что ихъ языкъ былъ допущенъ въ употребленіе и на засѣданіяхъ конвентовъ, и въ протоколахъ. Вообще вездѣ, гдѣ Словаки дѣйствовали рѣшительно, Мадьяры съ меньшею, сравнительно съ прежнимъ, энергіею противодѣйствовали имъ.

Кромѣ гимназій, преобразованъ былъ, отчасти съ пособіемъ отъ

казны, и Прешбургскій лицей, со введеніемъ преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ, даже и юридическихъ, на народномъ языкѣ. Каѳедра Славянскаго языка по смерти Палковича оставалась здѣсь нѣкоторое время незанятою, но продолжавшее существовать студентское общество вознаградило этотъ недостатокъ частнымъ изученіемъ народнаго и Славянскихъ языковъ. На каѳедрѣ Славянскаго языка въ Левочѣ оставался, пока, Главачекъ.

Министерство обратило вниманіе и на народныя школы Угріи и старалось ввести въ нихъ порядки, одинаковые съ существовавшими и въ другихъ земляхъ имперіи. Здѣсь предстояла министерству болѣе трудная задача, потому что издавна чувствовался и недостатокъ народныхъ учителей, и недостатокъ школъ, и, кромѣ того, ученики привыкли лишь зимою посѣщать школы и нелегко было пріучить ихъ посѣщать школы правильно. Нужно признать, что министерство и многія должностныя лица, во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить графа Атемса, при частыхъ объѣздахъ своего округа любившаго посѣщать и школы, усердно старались объ улучшеніи состоянія школъ у Словаковъ, и если имъ это не вполнѣ удалось, то это не можетъ быть поставлено имъ въ вину.

Нужно прибавить еще, что министерство, сдѣлавши постановленіе о введеніи народнаго языка въ школы, судопроизводство и пр., вмѣстѣ съ тѣмъ постановило, что въ сѣверозападной Угріи долженъ употребляться въ этихъ случаяхъ тотъ языкъ, который употребляется въ Чехіи и Моравіи; слѣдовательно, у Словаковъ въ школахъ и общественной жизни долженъ былъ употребляться старый Чешско-Словенскій литературный языкъ (постановленіе министерства 8 мая 1851 г.). Такимъ образомъ, министерство безъ всякихъ споровъ возстановило единеніе языка и, отчасти, единеніе литературное, между Словаками и Чехами, доставивши, чего прежде не бывало, Чешскому языку господство въ сѣверозападной Угріи. Подобно тому, какъ было при организаціи судовъ и администраціи у Словаковъ, и теперь молодые Чехи приглашаемы были на учительскія мѣста въ Словенскія гимназіи, и, отчасти, благодаря имъ, преподаваніе на Чешско-Словенскомъ языкѣ и въ народномъ духѣ въ этихъ гимназіяхъ было обезпечено.

Наконецъ, чтобы уничтожить Мадьярское направленіе въ средѣ католической іерархіи, гр. Тунъ выбралъ самое удобное средство: онъ назначилъ на высшія церковныя должности Словенскихъ патріотовъ. Такъ имъ были назначены: Цитовскій архіепископомъ въ Остригомѣ

(Gran), Бартаковичъ архіепископомъ въ Ягерѣ (Erlau), Забойскій епископомъ въ Кошицахъ, Мойсесъ епископомъ въ Б. Быстрицѣ, Козачекъ каноникомъ въ В. Варадинѣ, Червень каноникомъ въ Б. Быстрицѣ и многіе другіе. Такимъ образомъ, и за патріотами католической части народа обезпечены были: вліяніе на народъ и большія матеріальныя средства, которыми они, впослѣдствіи, очень часто подьзовались для блага своего народа.

И устройство протестантской церкви при гр. Тунѣ (согласно съ законами отъ 1 сентября 1859 г.) получило такой видъ, въ которомъ оно всего болѣе соотвѣтствовало нуждамъ и желаніямъ Словаковъ.

До этого времени Словаки-лютеране постоянно имѣли поводы жаловаться на притѣсненія отъ Мадьяръ и мадьяроновъ, хотя послѣдніе составляли лишь незначительную часть Угорскихъ лютеранъ. Чтобы предотвратить въ будущемъ подобные поводы къ жалобамъ, отмѣнена была должность генеральнаго инспектора и запрещены генеральные конвенты (сначала Гайнацомъ, потомъ распоряженіемъ министерства отъ 3 іюля 1853 г.). Законами гр. Туна должность генеральнаго инспектора не была возстановлена, но генеральнымъ конвентамъ или синодамъ разрѣшено собираться разъ въ 6 лѣтъ. Въ составъ ихъ по новымъ законамъ должны были входить: всѣ суперинтенденты, инспекторы отдѣльныхъ суперинтенденцій, 18 духовныхъ и 18 міранъ-депутатовъ отъ суперинтенденцій.

Кромѣ этихъ синодовъ, могли собираться періодически, обыкновенно разъ въ годъ, такъ называемыя генеральныя конференціи, состоявшія изъ депутатовъ отдѣльныхъ суперинтенденцій, для совѣщаній объ административныхъ и школьныхъ дѣлахъ, касавшихся всѣхъ суперинтенденцій. Эти конференціи были вмѣстѣ и судебною инстанціею, на рѣшенія которой, какъ и на рѣшенія суперинтенденціальныхъ консисторій, можно было аппелировать только что учрежденному въ Вѣнѣ высшему протестантскому церковному суду.

Такимъ образомъ, суперинтенденты оставались главными представителями протестантской церкви. Рядомъ съ ними во главѣ отдѣльныхъ суперинтенденцій, которыхъ теперь было шесть (изъ нихъ — Препбургская и Прешовская были вполнѣ Словенскими) и которыя не были въ тѣсной административной связи между собою, стояли суперинтенденціальныя консисторіи и суперинтенденціальные конвенты, находившіеся въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства, которому они обязаны были представлять свои протоколы.

Во всемъ остальномъ прежнее устройство оставлено почти безъ измѣненій, съ тѣмъ только важнымъ отличіемъ, что мадьяронское дворянство въ лицѣ прежнихъ міряпъ-кураторовъ теперь утратило свое вліяніе на мѣстныхъ конвентахъ, въ пресвитеріумѣ, въ сеніоральной консисторіи и пр., гдѣ первое мѣсто и главное вліяніе на всѣ церковныя дѣла перешло къ священникамъ и всей паствѣ.

Такая перемѣна въ положеніи дѣлъ, конечно, не нравилась Мадьярамъ уже и по тому одному, что она исходила изъ Вѣны, но еще болѣе потому, что, вслѣдствіе отмѣны должности генеральнаго инспектора, ограниченія свободы дѣйствій генеральныхъ конвентовъ и вообще контроля со стороны министерства, прежнія неестественныя преимущества Мадьяръ переставали существовать. Поэтому, Мадьяры подняли противъ новыхъ законовъ ужасный крикъ и усиленно агитировали противъ нихъ; за то Словаки приняли ихъ съ благодарностью и вскорѣ 341 приходъ (всѣхъ лютеранскихъ приходовъ въ Угріи было 512) изъ числа Словенскихъ были организованы, согласно съ законами, а подавшихъ протестъ противъ этихъ законовъ было только 30.

Такимъ образомъ, министерство успѣло, мало по малу, ограничить разнообразныя претензіи Мадьяръ и удовлетворить желаніямъ Словаковъ и другихъ, прежде угнетаемыхъ, національностей. Эти, конечно, съ благодарностью принимали то, что дѣлало въ ихъ пользу министерство, но они не имѣли еще внутреннихъ силъ настолько, чтобы, впослѣдствіи, удержать, по крайней мѣрѣ, то, чѣмъ обладали въ то время.

XII.

Литературная дѣятельность Штура, Гурбана, Сладковича, Гатталы. Литературное единеніе съ Чехами. Коларъ.

Въ предъидущемъ очеркѣ исторіи Словаковъ, въ такъ называемый періодъ реакціи, было показано, что Чешско-Словенскій языкъ въ школахъ и общественной жизни Словаковъ получилъ давно небывалое значеніе. Мало по малу этому языку долженъ былъ уступать мѣсто Словенскій литературный языкъ, употребленіе котораго было вызвано борьбою съ Мадьярами, и который, исполнивши свое назначеніе въ этой борьбѣ, уступилъ мѣсто новому литературному единенію съ Чехами, возстановленному, благодаря, главнымъ образомъ, энергическимъ стараніямъ гр. Туна.

Литературное единеніе съ Чехами, конечно, не могло возстановиться вдругъ, и мы въ началѣ этого періода встрѣчаемъ еще на литературномъ поприщѣ и вождей національнаго Словенскаго движенія, передовыхъ Словенскихъ писателей, извѣстныхъ намъ уже изъ предъдущаго.

Самый главный изъ нихъ, Людевитъ Штуръ, по усмиреніи революціи, удалился въ Словенскій городъ Модрую, гдѣ и проживалъ въ семействѣ брата своего Карла, священника, директора гимназіи и извѣстнаго поэта, послѣ смерти котораго, послѣдовавшей вскорѣ (13 генв. 1851 г.), занялся воспитаніемъ дѣтей его. Во время реорганизаціи Угріи, друзья Штура старались доставить ему мѣсто наджупана Нитранскаго комитата, чтобы обеспечить его въ матеріальномъ отношеніи; но панславистическое направленіе Штура не могло нравиться министру Баху, а потому хлопоты его друзей кончились ничѣмъ, тѣмъ болѣе, что Штуру для занятія этого мѣста не доставало юридическаго образованія. И гр. Тунъ не особенно благопріятствовалъ Штуру, какъ защитнику литературнаго разъединенія Словаковъ съ Чехами, и не допустилъ его занять свободную тогда еще каѳедру Славянскаго языка и литературы въ Прешбургскомъ лицеѣ. Такимъ образомъ, въ то время, когда почти всѣ Словенскіе патріоты получали, въ видѣ разныхъ должностей, вознагражденіе за свою преданность императорскому двору и вынесенныя отъ Мадьяръ притѣсненія, и получали возможность дѣйствовать на разныхъ поприщахъ на пользу своего народа, Штуръ оставался безъ мѣста и, такъ какъ у него не было собственнаго имущества, даже безъ средствъ для своего пропитанія.

Но — удивительное дѣло! энергія его мощнаго духа не упадала даже и въ такомъ безвыходномъ положеніи. Напротивъ, не имѣя возможности дѣйствовать въ общественной жизни, онъ всецѣло погрузился въ науку, имѣющую своимъ предметомъ тотъ Славянскій міръ, которому посвятилъ онъ всю свою жизнь. Въ это-то время окончено имъ сочиненіе «О народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ Славянскихъ племенъ» [1]), составленное на основаніи матеріала, собраннаго, большею частью, еще въ то время, когда онъ занималъ каѳедру Славянскаго языка въ Прешбургѣ, и написанное на Чешскомъ языкѣ. Оно издано Чешскою Матицею (въ 1853 г.), помирившеюся со Штуромъ со времени Славянскаго съѣзда.

Хотя сочиненіе это ни первое, ни единственное, ни, наконецъ,

---

[1]) «O národních písních a pověstech plemen Slovanských».

лучшее въ Славянской литературѣ по данному предмету, тѣмъ не менѣе, оно занимаетъ почетное мѣсто въ славистикѣ. А въ Чешской литературѣ оно было первымъ и остается доселѣ лучшимъ сочиненіемъ по этому предмету.

Какъ видно уже изъ заглавія, Штуръ избралъ предметомъ своего сочиненія народную поэзію Славянъ. Въ общемъ введеніи къ своему труду онъ отдаетъ этой поэзіи первое мѣсто въ поэзіи всемірной, предпочитая ее даже поэзіи классической и католико-романтической. Славянская народная поэзія, по его мнѣнію, не составляетъ только дополненія предшествующихъ, а представляетъ собою совершенство поэзіи вообще.

Но, оставляя въ сторонѣ поэтическое значеніе Славянской народной поэзіи, Штуръ обращаетъ главное вниманіе на ея этическое содержаніе, задавшись цѣлью возсоздать, на основаніи ея, главныя отличительныя черты Славянскаго народнаго характера. И нужно признать, что ему удалось прекрасно изобразить глубокое чувство Славянъ, проявляющееся въ ихъ воззрѣніяхъ на природу, въ символическомъ одушевленіи ея и сочувствіи ко всему живому и неживому; далѣе, Штуръ съумѣлъ показать глубокую нравственную силу, которая обнаруживается въ отношеніяхъ Славянъ къ родинѣ, въ неограниченной преданности и любви ко всему родному; наконецъ, — изобразить нравственные мотивы отношеній Славянъ къ другимъ народамъ, насколько они проявляются въ подвигахъ Славянскихъ богатырей.

«Славянскія пѣсни, говоритъ въ заключеніе Штуръ, встрѣчаемыя у всѣхъ племенъ нашего народа, могутъ считаться проявленіемъ одного и того же духа народнаго. Общій источникъ для всѣхъ ихъ — единое Славянское воззрѣніе на міръ, единая мысль, единое чувство; и внѣшняя форма ихъ, хотя и представляющаяся въ разныхъ видахъ въ разныхъ нарѣчіяхъ, въ сущности есть одна и та-же рѣчь. Изъ этого видно, что народъ нашъ во всѣхъ своихъ частяхъ одушевленъ однимъ и тѣмъ же духомъ, одною мыслью и живетъ одинаковою духовною жизнію».

Считая, такимъ образомъ, Славянскій народъ единымъ цѣлымъ, проникнутымъ однимъ и тѣмъ же духомъ, авторъ раскрываетъ намъ въ своемъ сочиненіи лучшія стороны Славянскаго характера и показываетъ его преимущества предъ характерами остальныхъ народовъ Европы. Правда, онъ не даетъ намъ цѣльнаго образа Славянскаго характера, не коснулся многихъ и важныхъ чертъ его, но онъ и не могъ ихъ коснуться, такъ какъ разсматривалъ не всю Славянскую

словесность, а только часть ея, по которой въ его время не было достаточнаго количества матеріала (недостаточное количество матеріала по народной поэзіи и нынѣ еще для Славянской науки слишкомъ ощутительно). Но и въ томъ, что̀ сдѣлано было Штуромъ въ этомъ случаѣ, онъ является однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Славянской народной жизни и народнаго духа. Немногіе Слависты въ такихъ размѣрахъ и съ такимъ успѣхомъ сравнивали Славянъ между собою, чтобы путемъ этого сравненія возсоздать полный и вѣрный образъ Славянскаго народнаго духа.

Но не одна только внутренняя, духовная жизнь Славянъ, насколько она обнаруживается въ богатой народной поэзіи, была предметомъ изслѣдованій Штура. Этотъ достойный ученикъ великаго Славянскаго пророка Колара, воплотивши въ себѣ идею своего учителя: nihil Slavici a me alienum esse puto, и будучи въ средѣ западныхъ Славянъ первымъ представителемъ Славянской идеи въ томъ ея видѣ, въ какомъ развилась она впослѣдствіи, не могъ успокоиться на одной мысли о родственности отдѣльныхъ Славянъ и литературной взаимности между ними. Вѣдь, и самъ Коларъ чувствовалъ болѣе, нежели высказалъ; и Штуръ, доказавши, что Славянскій міръ въ духовномъ отношеніи составляетъ одно нераздѣльное цѣлое, послѣдовательно долженъ былъ перейдти къ вопросу: какова судьба этого единаго Славянскаго міра и что ожидаетъ его въ будущемъ? — Отвѣтъ свой на эти вопросы онъ даетъ въ достопамятномъ сочиненіи: «Славянство и міръ будущаго», написанномъ имъ на Нѣмецкомъ языкѣ передъ смертью. Проф. В. И. Ламанскій издалъ это сочиненіе въ 1867 г. въ Русскомъ переводѣ.

Какова судьба Славянскаго міра и какая предстоитъ ему будущность? — вотъ два главныхъ вопроса, отвѣтъ на которые составляетъ суть сочиненія Штура. Посмотримъ же, какъ онъ рѣшалъ ихъ.

«Какова судьба Славянскаго міра»? — Кто изъ Славянъ не задавалъ себѣ этого вопроса? Кто не думалъ о многочисленности Славянскаго народа и вмѣстѣ о тысячелѣтнихъ бѣдствіяхъ, преслѣдующихъ его, объ игѣ, тяготѣющемъ на немъ, и о позорѣ, его покрывающемъ? Да, несказанно велики бѣдствія нашего народа. Въ одномъ мѣстѣ онъ томится подъ игомъ Турокъ, въ другомъ подъ вѣковымъ владычествомъ Нѣмцевъ — сначала священной Римской имперіи, потомъ Австрійцевъ, Пруссаковъ и Саксонцевъ; тамъ поглощается и порабощается Итальянскою, здѣсь — Мадьярскою стихіею; повсюду за-

іпряженъ въ тріумфальную колесницу чужеземцевъ, служитъ только матеріаломъ для чужихъ построекъ, и въ награду за все это еще покрывается насмѣшками, позоромъ. Нельзя безъ грусти подумать о томъ, какая значительная часть этого народа вымерла подъ давленіемъ Нѣмцевъ на берегахъ Лабы, Одры и на Балтійскомъ поморьѣ, перешла въ другую національность на сѣверѣ Италіи и отпала отъ вѣры своихъ отцовъ въ Турціи, сдѣлавшись черезъ это главною опорою угнетателей роднаго народа.

При видѣ этого печальнаго настоящаго Славянъ авторъ задаетъ себѣ вопросъ: какъ могло случиться, что Славянскій міръ подвергся такой несчастной участи и, большею частью, сдѣлался добычею чужеземцевъ? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ Штуръ находитъ въ народномъ духѣ и народномъ бытѣ Славянъ. Онъ говоритъ, что Славяне, по свойствамъ своего народнаго характера, такъ были привязаны къ семейной жизни, что въ своей семьѣ видѣли единственную цѣль своей дѣятельности и только съ трудомъ возвышались до пониманія интересовъ, не имѣвшихъ на первый взглядъ непосредственнаго отношенія къ ихъ семьѣ, каковы, напр., были интересы жупы, цѣлой области и пр. Всякаго Славянина болѣе всего и, можно сказать, исключительно занимала его собственная судьба и судьба его близкихъ, и при такомъ порядкѣ вещей, естественно, личность стояла на первомъ планѣ. Въ государствѣ личность должна была потерять свое первенствующее значеніе и потому-то Славяне и не могли создавать большаго государственнаго единства, такъ какъ отреченіе отъ личности противорѣчило ихъ природѣ. Неспособность создать единое національное государство и раздробленность на маленькія области или жупы особенно ясно видны на окраинахъ Славянскихъ, которыя не выдержали натиска враговъ и подпали подъ чуждое иго. И тамъ, гдѣ западные Славяне успѣли образовать особыя государства, эти государства не имѣли достаточно внутреннихъ силъ для самостоятельной жизни, какъ вслѣдствіе того, что образовавшееся изъ княжеской дружины дворянство вредило государственному развитію, такъ и потому, что сами государи раздробляли свои владѣнія на мелкіе удѣлы, которые гибли въ усобицахъ. И когда западнымъ Славянамъ пришлось войдти въ соприкосновеніе съ Германскою имперіею, принявшею себѣ названіе «всемірной», они, будучи раздробленными и безсильными, должны были подчиниться ей. Племена наши, говоритъ авторъ, пали и по своей винѣ, и по той причинѣ, что жизнь ихъ, имѣвшая въ себѣ менѣе внутренней энергіи и менѣе

правъ на самостоятельное существованіе, вошла въ соприкосновеніе съ жизнію, сознававшею свое міровое значеніе и заявлявшею болѣе высокія права на свое существованіе.

Затѣмъ является вопросъ: придетъ ли когда нибудь и для Славянскаго племени время, когда оно будетъ имѣть возможность развиться во всей полнотѣ своихъ силъ, или движенія Славянъ въ послѣднее время составляютъ своего рода предсмертную агонію умирающаго народа? Прежде чѣмъ отвѣтить прямо на этотъ вопросъ, Штуръ переходитъ къ государствамъ западной Европы и пытается объяснить начала, на которыхъ они построены, чтобы, потомъ, по сравненіи съ ними, выяснить себѣ и настоящее положеніе Славянъ, и возможное для нихъ будущее.

Сужденія Штура о западѣ весьма строги. Мы, говоритъ онъ, не вѣримъ въ дальнѣйшее мощное развитіе западныхъ народовъ. Но съ ними вмѣстѣ теряютъ свою жизненность и приближаются къ полному разложенію и тѣ формы, въ которыхъ они жили. Износилось католичество и, съ своею все болѣе и болѣе выступающею слабостью, утрачиваетъ жизненность протестантство. Такъ называемыя конституціонныя государственныя формы оказываются неудовлетворяющими своему назначенію и фальшивыми, а о республикахъ на западѣ нечего и думать.

Но, въ противоположность разлагающемуся западу Европы, тамъ, на отдаленномъ востокѣ, широко раскинулся народъ Славянскій; это— народъ будущаго.

Народный характеръ Славянъ, строй ихъ народной жизни, въ которой бросается въ глаза отсутствіе соціальнаго вопроса, и самое, наконецъ, понятіе о государствѣ и верховной государственной власти, какъ объ обширной общинѣ съ племеннымъ старшиною во главѣ, — все это представляетъ въ себѣ такія начала, на которыхъ, со временемъ, можетъ развиться жизнь, совершенно противоположная западно-Европейской. Народъ, въ душѣ котораго такъ глубоко напечатлѣно уваженіе къ правамъ всякой личности, который, по первоначальному своему воззрѣнію, признаетъ всеобщую равноправность, сердце котораго преисполнено безграничной любви къ людямъ, который обладаетъ такою способностью самоуправленія, — такой народъ можетъ быть только прямодушнымъ, добрымъ и честнымъ. Такимъ и былъ нашъ народъ вездѣ, такимъ онъ и остался тамъ, гдѣ не испыталъ господства иноплеменниковъ. Да и тамъ даже, гдѣ народъ Славянскій дол-

женъ былъ подчиниться своимъ исконнымъ врагамъ, онъ часто находилъ убѣжище для своей національной жизни въ своихъ общинахъ, иногда въ городскомъ самоуправленіи. Для возрожденія же своего, для занятія во всемірной исторія мѣста, соотвѣтствующаго ихъ силамъ и способностямъ, Славяне должны, прежде всего, освободиться отъ невыносимаго чуждаго ига, пріобрѣсти себѣ государственную самостоятельность.

Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ тому: какимъ образомъ Славянамъ пріобрѣсти государственную самостоятельность и какъ потомъ устроиться? Изъ трехъ возможныхъ рѣшеній этого вопроса: 1) чрезъ образованіе федераціи изъ Славянскихъ земель, 2) образованіе изъ Австріи средоточія для всѣхъ западныхъ и южныхъ Славянскихъ племенъ и 3) чрезъ присоединеніе другихъ Славянъ къ Россіи, Штуръ считаетъ единственно естественнымъ и наиболѣе возможнымъ послѣднее, то есть, присоединеніе южныхъ и западныхъ Славянъ къ Россіи. Не Россія ли, говоритъ онъ, оживляла наши надежды, ободряла упавшій духъ нашъ и поддерживала почти угасавшую жизнь? Не Россія ли явилась съ помощью къ Сербамъ, отряхавшимъ съ себя невыносимое чужеземное иго, и въ наши дни не она ли помогла нѣсколькимъ племенамъ Славянскимъ: Сербамъ, Хорватамъ и Словакамъ, боровшимся съ угнетателями ихъ народности — Мадьярами? Не Россія ли своимъ авторитетомъ болѣе всего содѣйствовала признанію внутренней самостоятельности Сербовъ и облегченію участи нашихъ, еще томящихся подъ чуждымъ игомъ, братьевъ: Болгаръ, Сербовъ Босніи, Герцеговины, Албаніи и пр.? Не Россія ли, наконецъ, обаяніемъ своей силы заставляетъ нашихъ враговъ нѣсколько щадить нашу жизнь? Признаемся откровенно: всѣ наши національныя стремленія развѣ имѣли бы какой нибудь смыслъ, значеніе и будущность безъ существованія Россіи? Россія есть вождь всей нашей народной семьи: соединимся же съ нею, выступимъ на поприще исторіи подъ предводительствомъ даннаго намъ исторіею племеннаго старшины!

Опредѣлять способъ этого соединенія и взаимныя отношенія между остальными Славянами и Россіею, Штуръ считаетъ, пока, излишнимъ. Будущее же все-Славянское государство онъ представляетъ себѣ въ формѣ самодержавной монархіи (абсолютной). Такая монархія, говоритъ онъ, намъ необходима вслѣдствіе коренныхъ недостатковъ въ государственномъ строѣ нашихъ племенъ; она необходима по величинѣ и разнообразію племенъ, по народному нашему воззрѣнію на монарха,

по свойству современныхъ обстоятельствъ, по свойству предстоящей намъ дѣятельности и нашего міроваго значенія. Въ Россіи такая монархія уже существуетъ и ей остается только придти въ согласіе съ народоправными учрежденіями, свойственными Славянскому народному характеру, такъ, чтобы рядомъ съ самодержавною властію существовала полная автономія отдѣльныхъ жупъ, союзъ которыхъ и составлялъ бы державу. Чтобы быть въ близкой связи съ народомъ, правительство должно окружать себя уполномоченными отъ жупъ, не для того, чтобы они предписывали ему законы, спорили съ нимъ и вообще разыгрывали конституціонную комедію, а единственно для того, чтобы они, какъ выборные земскіе люди, давали совѣты правительству.

Общею связью между всѣми Славянами, по мнѣнію Штура, должны служить: восточная православная церковь, бывшая нѣкогда общимъ достояніемъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, и общій литературный языкъ, какимъ можетъ быть лишь Русскій языкъ, — языкъ величайшаго, единственнаго самобытнаго и на обширномъ пространствѣ господствующаго племени Славянскаго, которому по праву принадлежитъ главенство и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ въ Славянской народной семьѣ.

Уже изъ сказаннаго можно видѣть, что сочиненіе Штура принадлежитъ къ числу тѣхъ явленій, въ которыхъ обнаруживалось Славянское самосознаніе и національное движеніе XIX вѣка въ средѣ Австрійскихъ Славянъ вообще и Словаковъ въ частности; оно дополняетъ и какъ бы заканчиваетъ рядъ этихъ явленій. Національное возрожденіе Австрійскихъ Славянъ имѣло своими послѣдствіями: пробужденіе въ нихъ Славянскаго самосознанія, сочувствія другъ къ другу, сближеніе на литературномъ поприщѣ, согласіе въ дѣйствіяхъ на политическомъ поприщѣ или политическій панславизмъ и, наконецъ, мысль о политическомъ единеніи Славянъ. Эта послѣдняя мысль была идеаломъ лишь нѣкоторыхъ передовыхъ людей Славянскихъ, и Штуръ, впервые, ясно высказалъ ее. Всѣ эти ступени національнаго развитія Австрійскихъ Славянъ мы имѣли случай видѣть въ нашемъ разсказѣ и могли замѣтить, что отъ воззрѣній Голаго къ воззрѣніямъ Колара, а отъ этихъ послѣднихъ къ воззрѣніямъ Славянскаго съѣзда и идеямъ Штура, высказаннымъ имъ въ этомъ сочиненіи, — лишь одинъ шагъ и, въ концѣ концовъ, національное самосознаніе Славянъ, естественно, а потому и необходимо, должно было задаться вопросомъ о будущности, ихъ ожидающей.

Что же касается до частностей содержанія сочиненія Штура, то

хотя ему и неудалось точно и научно вѣрно опредѣлить ходъ развитія западной Европы и ея настоящее положеніе, тѣмъ не менѣе, имъ очень вѣрно замѣчено, что существуетъ полнѣйшее различіе въ развитіи западной Европы и Славянскаго востока, и что Европейскій западъ доживаетъ свой вѣкъ, а Славянскій востокъ лишь начинаетъ достигать своего полнаго развитія, потому что для созданія такого небывалаго великаго цѣлаго, какъ стомилліонный Славянскій міръ, требуется долгое время. Признавая будущность Славянства великою, о какой другіе народы и понятія не имѣютъ, авторъ въ своемъ сознаніи судьбу всѣхъ Славянскихъ народовъ представляетъ нераздѣльною, такъ что, по его представленію, не одинъ какой нибудь изъ нихъ, а всѣ они, соединенные въ одно національное и государственное цѣлое, будутъ принимать участіе въ будущей славѣ Славянской. Но такъ какъ Славянство безъ Россіи немыслимо, такъ какъ Россія есть первый представитель Славянскаго міра и призвана играть главную роль при освобожденіи и объединеніи его, то и въ будущемъ Славянскомъ единствѣ ей будетъ принадлежать первое мѣсто, а остальные Славяне сгруппируются около нея, какъ около центра. Соединенное Славянство съ Россіею во главѣ — вотъ идеалъ, достойный великаго Славянскаго духа. Опредѣлять идеалы въ подробностяхъ есть свойство фантазеровъ, и потому Штуръ не пускается въ подробности будущаго устройства соединеннаго Славянскаго государства. Онъ замѣчаетъ только, что Славяне искони слѣдовали правилу—не навязывать своихъ воззрѣній, своихъ законовъ другъ другу, и что Россія, въ частности, въ своемъ законодательствѣ принимаетъ во вниманіе древніе обычаи, строй народнаго быта и малыхъ своихъ областей и дѣлаетъ для нихъ исключенія, сообразныя съ ихъ древнимъ развитіемъ, а потому и нечего опасаться, что она не доставитъ возможности полнаго свободнаго развитія Славянамъ, которые соединятся съ нею.

Совершенно вѣрно замѣчаніе автора, что соединенному Славянству необходимо нужно единство вѣры и языка. Принявши христіанство отъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ, нѣкоторые изъ Славянскихъ народовъ по принужденію отклонились отъ Славянскаго обряда и присоединились къ западной церкви. Имъ-то слѣдуетъ отдалиться отъ чуждаго запада и примкнуть снова къ ученію, которое такъ охотно приняли ихъ предки отъ Славянскихъ первоучителей. Я не считаю этого особенно труднымъ, такъ какъ Римскій католицизмъ, по моему мнѣнію, не тожественъ съ католицизмомъ

запада вообще, а всегда, хотя и въ тонкостяхъ, отличался отъ него, и Славяне всегда обнаруживали стремленіе отдѣлиться отъ Рима. Славяне, подвластные Риму, должны теперь домогаться соединенія съ православною церковью, чего домогались и Чешскіе Гуситы еще за 400 лѣтъ тому назадъ.

Объ обще-Славянскомъ литературномъ языкѣ со времени Штура спорили довольно много и безплодно. Никто, конечно, не можетъ отрицать того, что изъ всѣхъ Славянскихъ, Русскій языкъ и литература имѣютъ и всегда будутъ имѣть наиболѣе важное значеніе, что, сравнительно съ Русскою литературою, всѣ остальныя Славянскія литературы останутся незначительными, слѣдовательно и маловажными, и къ Русской литературѣ, какъ одной изъ всемірныхъ, по необходимости, должны будутъ прибѣгать всѣ Славяне. Слѣдовательно, первенство Русской литературы и языка неоспоримо, а въ такомъ случаѣ не имѣетъ важнаго значенія то обстоятельство: будутъ, или не будутъ развиваться другія Славянскія литературы, такъ какъ онѣ всегда будутъ имѣть лишь мѣстное значеніе. Неоспоримо, поэтому, что никто изъ Славянъ, если только онъ хочетъ оставаться Славяниномъ, не долженъ чуждаться Русской литературы, слѣдовательно и языка, который, какъ самый важный изъ Славянскихъ, долженъ быть знакомъ всѣмъ Славянамъ, долженъ быть обще-Славянскимъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда идетъ рѣчь не о мѣстныхъ интересахъ и дѣлахъ.

Въ заключеніе нужно припомнить, что Штуръ въ своемъ сочиненіи имѣлъ въ виду лишь будущее, что нарисованная имъ картина есть лишь идеалъ, который Славяне постоянно должны имѣть въ виду, чтобы достигнуть будущности, достойной великаго народа Славянскаго.

Чрезъ нѣсколько времени по окончаніи этого труда, Штуръ ранилъ себя на охотѣ и, вслѣдствіе этого, 12 января 1856 года скончался (не достигши 41 года отъ рожденія). Онъ погребенъ на кладбищѣ въ Модрой, гдѣ, впослѣдствіи, поставленъ ему памятникъ.

Другой Словенскій вождь прежняго времени, Гурбанъ, по окончаніи революціи, удалился, подобно Штуру, съ политическаго поприща и возвратился въ свой приходъ, чтобы посвятить себя новымъ ученымъ и литературнымъ трудамъ и отчасти поправить свои финансы. На церковномъ поприщѣ онъ, вмѣстѣ съ своими друзьями, Штуромъ и Годжею, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ церковныхъ конвентахъ своей суперинтенденціи въ это время и во всѣхъ спорахъ, возникшихъ по поводу новой организаціи школъ.

На литературномъ поприщѣ онъ продолжалъ изданіе «Slovenskje Pohľadi», выпустивши въ свѣтъ въ апрѣлѣ и маѣ 1851 года III и IV выпуски перваго тома, въ которыхъ помѣстилъ окончаніе своей вышеупомянутой статьи о Словенской литературѣ. Во второмъ томѣ, вышедшемъ въ томъ же 1851 году, онъ помѣстилъ свое изслѣдованіе о современной литературѣ Славянской и нѣкоторыя мелкія статьи; точно также и въ третьемъ томѣ, появившемся въ свѣтъ въ 1852 году. Вообще нужно замѣтить, что второй и особенно третій томы по содержанію далеко отстаютъ отъ перваго и въ этомъ отношеніи служатъ отраженіемъ постепеннаго упадка Словенской литературы и вообще Словенскаго народнаго духа. Въ концѣ августа 1852 года изданіе Гурбана должно было прекратиться, такъ какъ у него недоставало залога, необходимаго по новому закону о печати (27 мая 1852 г.), который съ перваро сентября получилъ обязательную силу.

Кромѣ этого, Гурбанъ издалъ еще пятый томъ альманаха «Нитры» (въ 1853 году), въ которомъ, кромѣ нѣкоторыхъ прозаическихъ статей, напечатано и эпическое произведеніе «Детванъ» извѣстнаго уже намъ поэта Сладковича.

Сладковичъ, проживая въ своей деревнѣ Грохоти, среди Детванскихъ горъ, въ послѣднее время революціи много долженъ былъ переносить отъ Мадьяръ и ихъ ополченія. Но за-то въ это же самое время, живя въ части Словенскаго народа, не тронутой цивилизаціею и не испорченной Мадьярскою стихіею, онъ имѣлъ возможность поближе познакомиться съ своимъ народомъ и узнать тѣ прекрасныя черты его характера и быта, которыя, сохранившись съ древнихъ временъ, могутъ считаться основными чертами Славянскаго народнаго характера. Изображеніе этого-то народнаго характера, сохранившагося среди Детванскихъ горъ, и представилъ намъ Сладковичъ въ упомянутомъ стихотвореніи.

Молодой Мартинъ, прекрасный Словенскій юноша, оставивши игры и танцы остальной молодежи, идетъ гулять въ горы. Вдругъ видитъ онъ, какъ соколъ, кружившійся въ облакахъ, стрѣлою спустился въ долину и схватилъ молодаго зайца, тщетно силившагося убѣжать. Жаль стало молодцу несчастнаго зайца: онъ своею «валашкою» (палкою, на которую насаженъ топорикъ) убиваетъ сокола, не зная, что это любимый соколъ самаго короля Матьаша, и освобождаетъ плѣннаго. Прогулявши почти всю ночь въ горахъ вмѣстѣ съ пастухами, на возвратномъ пути онъ встрѣчаетъ свою возлюбленную

Елену, которую плѣнили два разбойника. Не думая долго, онъ нападаетъ на нихъ, одного убиваетъ валашкою, другого прогоняетъ и съ освобожденною возлюбленною возвращается домой. Узнавши потомъ, что соколъ, убитый имъ, принадлежитъ королю, онъ рѣшается возвратить его и отправляется въ Зволенъ, гдѣ проживалъ тогда король съ своею свитою. Не нашедши тамъ короля и едва укрывшись отъ королевскихъ слугъ, которые хотѣли бросить его въ тюрьму, онъ отправился въ Слатину, куда король отправился на ярмарку. Тамъ встрѣчаетъ онъ короля, возвращаетъ ему сокола и разсказываетъ, какъ убилъ его; король же не только простилъ его, но, узнавши, что онъ убилъ и опаснаго разбойника, даже подарилъ ему прекрасную лошадь. Но Мартина не можетъ утѣшить ни подарокъ короля, ни любовь его Елены: онъ тоскуетъ въ предчувствіи того, что должно съ нимъ случиться. Вскорѣ являются королевскіе вербовщики заманивать въ военную службу Словенскую молодежь; Мартина имъ не удается увлечь ни виномъ, ни музыкою. Тогда они являются ночью въ его родной домъ и приглашаютъ его, во имя короля, послѣдовать за ними. Мартинъ безъ сопротивленія исполняетъ королевское повелѣніе: на подаренной лошади онъ, вмѣстѣ съ вербовщиками, пріѣзжаетъ въ Зволенъ и является къ королю, заявляя ему, что онъ охотно будетъ служить своему королю и отечеству, но съ тѣмъ, чтобы у него не отнимали его народнаго костюма, его валашки и его Елены, безъ которыхъ онъ жить не можетъ. Король соглашается и принимаетъ его въ свой извѣстный «Черный полкъ».

Если «Марина» Сладковича была подражаніемъ Колару, то «Детванъ» (житель Детвы) его носитъ на себѣ слѣды вліянія Пушкинской поэзіи. Вліяніе это, впрочемъ, касается лишь внѣшней формы стихотворенія, потому что содержаніе взято изъ Словенской жизни и служитъ намъ прекраснѣйшимъ ея изображеніемъ. По отношенію къ содержанію, поэтъ вполнѣ самостоятеленъ и достигъ такой полноты и свѣжести изображенія, такой эпической объективности, что «Детванъ» признанъ лучшимъ его произведеніемъ. Иностранному читателю сюжетъ «Детвана», конечно, кажется нѣсколько страннымъ, и Сладковичъ несомнѣнно могъ подъискать для себя и другаго рода героевъ изъ даннаго времени, когда, подъ вліяніемъ Чеховъ, Словаки только что пробудились къ новой національной жизни,—героевъ, которыхъ понять и которымъ сочувствовать было бы легче для иностраннаго читателя; но онъ далъ намъ вѣрное изображеніе народнаго Словен-

скаго характера, жизни и образа мыслей Словенскаго простолюдина, жителя горъ, назначеніемъ котораго было: сдѣлаться храбрымъ воиномъ и проливать свою кровь за землю, которая не составляетъ для него отечества. Король Матьашъ, правда, является въ народномъ преданіи Словенскомъ въ иномъ свѣтѣ, нежели другіе короли, тѣмъ не менѣе, и онъ не былъ національнымъ королемъ, и при немъ Словаки были лишь орудіемъ чужой славы.

Другое стихотвореніе Сладковича этого же времени «Милица», напечатанное въ альманахѣ «Конкордія» (изданномъ въ 1858 году Викториномъ и Palарикомъ), принадлежитъ къ числу эпическихъ разсказовъ изъ восточной жизни, какихъ такъ много явилось съ легкой руки Байрона.

Ефремъ, молодой Сербъ, сидя съ своими друзьями въ одной изъ Турецкихъ кофеенъ въ Бѣлградѣ, ссорится съ Турками и убиваетъ одного изъ нихъ. Чтобы избѣжать мести Турокъ, онъ оставляетъ Бѣлградъ и находитъ убѣжище въ Черногоріи. Бѣлградскій паша, не успѣвъ поймать самого Ефрема, хватаетъ его стараго отца, но, потомъ, раздумавши, отпускаетъ старика на свободу, приказываетъ схватить возлюбленную Ефрема, прекрасную Милицу, и отсылаетъ ее въ Царьградъ къ султану. Милицу не могутъ утѣшить прелести гарема: она тоскуетъ, думаетъ лишь о своемъ Ефремѣ, который, наконецъ, является и увозитъ ее въ Черногорію.

Содержаніе, какъ видно, взято изъ Сербской, слѣдовательно Славянской жизни. Сладковичъ интересовался вообще всѣмъ Славянскимъ, но оно, кажется, всегда оставалось для него нѣсколько чуждымъ и непонятнымъ. И здѣсь ему не удалось обозначить отличительныя черты характера Сербскаго юноши и Сербской дѣвушки, и весь разсказъ какъ бы случайно взятъ изъ исторіи Турецкаго владычества. «Милица» не представляетъ и стройнаго цѣлаго, а только рядъ отдѣльныхъ картинъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются то Милица, то Ефремъ, то Бѣлградскій паша. Вообще, это произведеніе не можетъ идти въ сравненіе съ «Детваномъ», хотя читается и довольно пріятно.

Не входя въ подробности литературной жизни этого времени, мы не можемъ не обратить вниманія на новую перемѣну въ литературномъ Словенскомъ языкѣ, какую произвелъ въ немъ новый дѣятель на литературномъ поприщѣ М. Гаттала. Какъ воспитанникъ извѣстнаго Пазманеума въ Вѣнѣ, Гаттала принадлежалъ къ числу тѣхъ ка-

толическихъ Словаковъ, которые болѣе или менѣе держались стараго образа писанія, установленнаго еще Бернолакомъ. Познакомившись во время своего пребыванія въ Вѣнѣ (1844 — 1848 гг.) съ славистикою и занимаясь спеціально филологіею, Гаттала, по возвращеніи на родину, сталъ думать объ исправленіи письменнаго языка со стороны ороографической и грамматической. Посовѣтовавшись относительно этого предмета съ нѣкоторыми передовыми патріотами, онъ, будучи тогда священникомъ въ Годрушѣ (при Штявницѣ), написалъ свою грамматику, [1]) которая сдѣлала его извѣстнымъ, какъ филолога, и послужила основою новаго образа писанія у Словаковъ, въ которомъ ороографія и грамматическія формы болѣе приближались къ правиламъ обще-Славянскимъ.

Вслѣдъ за этимъ, Гаттала приглашенъ былъ на каѳедру Словенскаго языка въ католическую гимназію и реальную школу въ Прешбургѣ, гдѣ онъ въ 1851 г. издалъ новое сочиненіе [2]) и предложилъ его гр. Туну для введенія въ Словенскія школы. 15 іюля 1853 года Гаттала приглашенъ былъ гр. Туномъ въ Прагу на мѣсто приватъ-доцента въ университетѣ. Пріѣхавши въ Прагу, онъ познакомился здѣсь со Шлейхеромъ и, приготовляясь къ чтенію лекцій, въ 1854—1855 гг. издалъ два ученые труда. [3]) Въ 1854 г. 17 іюня онъ назначенъ былъ приватъ-доцентомъ, а въ сентябрѣ того же года экстраординарнымъ (въ 1861 году, наконецъ, ординарнымъ) профессоромъ сравнительной Славянской грамматики.

Съ этого времени Гаттала живетъ въ Прагѣ своими трудами, которые сдѣлали его извѣстнымъ всему Славянскому міру. Будучи однимъ изъ лучшихъ знатоковъ Славянскаго языка, онъ написалъ много сочиненій и статей по разнымъ филологическимъ вопросамъ. [4])

Вообще, можно сказать, что Гаттала, кромѣ другихъ своихъ заслугъ, имѣетъ и ту, что онъ старался примѣнить Словенскій литературный языкъ къ обще-Славянской и особенно къ Чешской формѣ,

[1]) «Grammatica linguae Slovenicae, collatae cum proxime cognata Bohemica» (Stavnicii. 1850).

[2]) «Čechisch-Slovakische und deutsche Aufgaben zum beiderseitigen Übersetzen und Lesestücke».

[3]) «Zvukosloví jazyka staro i novo-Českého a Slovenského», а въ слѣдующемъ году: «Skladbu etc».

[4]) Изъ нихъ для насъ наиболѣе важны: «Srovnávací mluvnice jazyka Českého a Slovenského» (1857 г.) и «Počátky mluvnice slovenské» (1860 г.),—то и другое для школъ, но въ духѣ чисто-научномъ.

вслѣдствіе чего, литературный языкъ Словаковъ выигралъ во многихъ отношеніяхъ.

Но если уже сами реформаторы Словенскаго языка, Штуръ и Гаттала, писали по-Чешски и прибѣгали къ помощи Чешской Матицы для изданія своихъ сочиненій, то очевидно было, что, при усиліяхъ гр. Туна, и остальные Словенскіе патріоты не долго могутъ бороться съ новымъ положеніемъ дѣлъ, которое, въ концѣ концовъ, приносило съ собою новое литературное единеніе съ Чехами. Словенскія періодическія изданія или прекратились, или перемѣнили Словенскій языкъ на Чешскій (напр. «Кириллъ и Меѳодій» — періодическое изданіе подъ редакціею Храстка). Изъ политическихъ изданій первое мѣсто заняла правительственная газета «Slovenské Noviny», издаваемая на Чешскомъ языкѣ, въ Вѣнѣ, Лихардомъ.

Справедливость требуетъ сказать, что Чешская литература чрезъ это новое единеніе не много выиграла, такъ какъ съ новымъ упадкомъ Чешскаго народнаго духа и Словакамъ недоставало точки опоры для духовнаго развитія. Неудивительно, поэтому, что, кромѣ Гатталы, мы не встрѣчаемъ на литературномъ поприщѣ новыхъ знаменитыхъ дѣятелей изъ среды Словаковъ.

Самый ревностный защитникъ литературнаго единенія съ Чехами, Коларъ, недолго имѣлъ возможность радоваться новому единенію. Удалившись въ 1849 г. изъ Пешта, гдѣ пришлось ему перенести много оскорбленій отъ Мадьяръ, въ Вѣну, онъ присутствовалъ на совѣщаніяхъ объ устройствѣ Словенскихъ комитатовъ и въ томъ же году назначенъ профессоромъ Славянскихъ древностей и миѳологіи въ Вѣнскомъ университетѣ, куда гр. Тунъ пригласилъ тогда много и другихъ извѣстныхъ Славянъ. Въ этомъ званіи оставался онъ до своей смерти, читая лекціи о древней Италіи и Ретранскихъ истуканахъ.

Издавши еще въ 1830 г. «Розысканія объ именахъ Славянскаго народа», [1]) Коларъ съ тѣхъ поръ много занимался этимологіею и, чтобы доказать родство Славянъ съ древними Римлянами, даже предпринималъ два путешествія въ Италію (въ 1841 и 1844 гг.). Результатомъ долголѣтнихъ трудовъ въ этомъ направленіи было извѣстное его сочиненіе: «Staroitalia Slavjanska», изданное Вѣнскою академіею наукъ въ 1851 г., въ которомъ этимологически чуть-чуть не-

---

[1]) «Rozpravy o jmenách národu Slávského».

доказано, что древніе Римляне происходили отъ Славянъ, а Латинскій языкъ—отъ Славянскаго. Вотъ какъ далеко можетъ завести этимологія даже людей умныхъ и серьезныхъ! Кромѣ того, Коларъ приготовилъ было къ печати сочиненіе объ Ретранскихъ истуканахъ, которое издано однакожъ не было, такъ какъ Колара 24 января 1852 г. не стало.

Умеръ великій пророкъ Славянской взаимности, умеръ достойный ученикъ его, смолкли и остальные дѣятели на литературномъ поприщѣ. Въ Чешско-Словенской литературѣ наступила тишина и бездѣйствіе, пока новыя происшествія не пробудили оба народа къ новой литературной дѣятельности, — пробудили оба народа отдѣльно другъ отъ друга, и, такимъ образомъ, новое литературное единеніе недолго продолжалось.

О. Пичъ.

(Окончаніе будетъ).

ИЗЪ ИСТОРІИ ВИЗАНТІИ ВЪ XII ВѢКѢ.

СОЮЗЪ ДВУХЪ ИМПЕРІЙ (1148—1155).

Въ 1147 году западная Европа во второй разъ поднималась на защиту Святой Земли противъ мусульманскаго востока; если при этомъ и не было прежняго одушевленія, то было гораздо болѣе дисциплины, порядка и разсчета, такъ какъ во главѣ крестоносныхъ дружинъ становились два государя—Нѣмецкій и Французскій. Помимо благопріятныхъ условій, заключавшихся въ замѣнѣ пылкаго и невсегда разумнаго энтузіазма умомъ и политикою, главный залогъ успѣха лежалъ въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Восточной имперіи: одинъ изъ предводителей крестоноснаго ополченія, именно, Конрадъ Германскій, былъ даже родственникомъ Восточнаго императора. Въ XII столѣтіи, точно также какъ и въ XIX, сила мусульманскаго востока заключалась въ несогласіи и враждѣ христіанскаго міра; первымъ, самымъ необходимымъ и существеннымъ вопросомъ, обусловливавшимъ побѣду или же горькое разочарованіе, было соглашеніе католической Европы съ православною имперіею и восточнымъ православнымъ императоромъ. Уроки перваго крестоваго похода не должны были пропасть даромъ для начинателей и совершителей втораго.

Безпристрастное пониманіе прошедшаго и критическое изученіе источниковъ уже привели къ тому, что современные намъ западные историки и изслѣдователи относятся съ полнымъ пренебреженіемъ къ обвиненіямъ Грековъ въ измѣнѣ, предательствѣ и коварствѣ, которыми средневѣковыя хроники и всяческія другія сочиненія «о дѣяніяхъ Франковъ» объясняютъ неудачи первыхъ крестоносцевъ и страшныя

ихъ бѣдствія. Эти обвиненія оказываются несправедливыми и въ фактическомъ отношеніи лишенными всякаго основанія. Но все-таки и новѣйшіе историческіе писатели вину малыхъ успѣховъ перваго крестоваго похода, совершенно не соотвѣтствовавшихъ напряженію силъ и одушевленію Западной Европы, слагаютъ на неправильную и неразумную политику Византійской имперіи. Говорятъ, что ея правительство съ самаго начала вступило на ложный путь, предъявляя притязанія верховнаго господства на завоеваніе крестоносцевъ въ Азіи и само вмѣшиваясь, съ своими слабыми и недостаточными средствами, въ ходъ военныхъ дѣйствій съ цѣлью прямыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній: оно должно было отказаться отъ завоеваній въ Азіи и оставаться безучастнымъ, нейтральнымъ зрителемъ совершавшихся событій—тогда возможно было бы дружественное соглашеніе Европейскаго Востока и Запада. Уже съ гораздо большимъ уваженіемъ къ историческимъ правамъ и самымъ жизненнымъ потребностямъ Восточной христіанской имперіи разсуждаютъ тѣ, которые говорятъ, что нужно было дружелюбное соглашеніе между крестоносцами и Византіею относительно взаимныхъ притязаній на восточныя завоеванія; императоръ Алексѣй Комнинъ долженъ былъ требовать для себя Малую Азію и предоставить Сирію въ безусловную власть крестоносцевъ. Со всею вѣроятностью, какая только доступна разсчетамъ подобнаго рода, можно сказать, что слѣдствіемъ предполагаемаго соглашенія было бы быстрое, прочное и широкое развитіе христіанскаго господства въ Азіи: Греческая имперія безъ труда возвратила бы себѣ оружіемъ Малую Азію до Тавра, а государство, основанное крестоносцами, чрезъ нѣсколько лѣтъ подвинуло бы свои границы до предѣловъ южной Месопотаміи (за Алеппо и Дамаскъ) и Аравійской пустыни: исконныя области первоначальной христіанской культуры вырваны были бы навсегда изъ рукъ мусульманскихъ. Вмѣсто того, говорятъ съ упрекомъ историки, императоръ Алексѣй Комнинъ съ неразумнымъ упрямствомъ держался той мысли, что онъ есть законный наслѣдникъ древне-Римскихъ императоровъ, законный верховный глава тогдашней вселенной (orbis terrarum) и что его власть временно упала только вслѣдствіе неблагопріятныхъ и случайныхъ отношеній. На этомъ основаніи онъ сталъ требовать, чтобы крестоносцы передали ему всѣ завоеванія, которыя они могли сдѣлать внутри прежнихъ границъ Восточной имперіи, и когда его требованія, натурально, остались неисполненными, то, въ совершенномъ ослѣпленіи, началъ ожесто-

права имперіи и политику своего отца. Раймундъ Антіохійскій, обратившійся было къ молодому государю съ дерзкимъ требованіемъ возврата всѣхъ прежнихъ Византійскихъ пріобрѣтеній въ Антіохійской области, былъ скоро принужденъ явиться лично въ Константинополь, при гробѣ покойнаго императора просить о прощеніи и возобновить свою ленную присягу [2]). Послѣ того Мануилъ, одаренный блестящими военными способностями и рыцарскою личною храбростію, обратился противъ Мало-Азіатскихъ Сельджуковъ, и достигъ въ борьбѣ съ ними весьма значительныхъ успѣховъ: онъ прошелъ побѣдоносно всю Фригію; въ 1146 году онъ проникъ еще далѣе на востокъ и уже стоялъ подъ стѣнами Сельджукской столицы Иконія (теперь Коніэ), гдѣ еще разъ разбилъ непріятельское Турецкое войско. Въ этотъ самый моментъ онъ получилъ извѣстіе о вооруженіяхъ на Западѣ, вызванныхъ паденіемъ Эдессы, въ свою очередь вызваннымъ неразумнымъ поведеніемъ крестоносцевъ, ихъ строптивымъ поведеніемъ въ отношеніи къ имперіи и взаимными ссорами. Побѣдоносный вождь Византійскихъ дружинъ немедленно оставилъ осаду Иконія и воротился въ Константинополь—очевидно съ цѣлію находиться ближе къ театру готовящихся событій и ознакомиться съ намѣреніями и планами западныхъ государей. Когда Сельджуки, при самомъ его отступленіи, предложили миръ, то Мануилъ далъ отвѣтъ, что на слѣдующую весну онъ придетъ съ гораздо большими силами [3]). Онъ имѣлъ всѣ права и, безъ сомнѣнія, питалъ надежду стоять во главѣ всего христіанскаго ополченія противъ общихъ враговъ христіанства.

Соперниковъ ему въ этомъ не могло или не должно было явиться. Другаго императора христіанскій міръ въ то время не имѣлъ, потому что Германскій государь, Конрадъ Гогенштауфенъ, не былъ коронованъ въ Римѣ папою и не носилъ, поэтому, титута императорскаго. Къ тому же, Нѣмецкій король Конрадъ былъ союзникомъ и съ недавняго времени родственникомъ Мануила. Основаніемъ Византійско-Германскаго союза, утвердившагося еще при предшественникахъ Мануила и Конрада, были общіе интересы обоихъ и общая вражда противъ Норманновъ, утвердившихъ свое господство въ Италіи, на счетъ Грековъ, у которыхъ втеченіе XI столѣтія

---

[2]) Cinnam pag. 35. Ἀφικομένῳ δὲ οὐ πρότερον βασιλεὺς προσχεῖν ἠξίωσε, πρὶν ἐς τὸ τοῦ βασιλέως καὶ πατρὸς ἀπιὼν μνῆμα ἐντεῦθεν δὴ συμπαθείαν ἐκομίσατο καὶ λίζιον λοιπὸν αὐτὸν ἐποιήσατο.

[3]) Cinnam. pag. 46.

они отняли Апулію и Калабрію, и стремившихся постоянно къ расширенію своихъ владѣній на счетъ другихъ провинцій, съ большимъ или меньшимъ правомъ, считаемыхъ въ Германіи достояніемъ Западной имперіи, а главное — всегда служившихъ опорою всѣмъ врагамъ обѣихъ имперій: на Норманновъ опирались папы, когда находились въ борьбѣ со свѣтскою властію императоровъ Германскаго племени; отсюда выходили всѣ планы завоеванія Константинополя и Восточной имперіи (Робертъ Гвискаръ, Боемундъ и его походъ въ 1108 году). Въ началѣ 1146 года политическій союзъ двухъ имперій скрѣпленъ былъ союзомъ родственнымъ: послѣ обмѣна нѣсколькими посольствами, въ которыхъ было высказано желаніе, чтобы, вслѣдствіе взаимной дружбы, «оба государства пріобрѣли подобающую честь и миръ къ прославленію имени Христова во всей вселенной», устроился бракъ юнаго Византійскаго императора на родной сестрѣ королевы Германской, т. е. на Бертѣ Зульцбахъ, переименованной въ Византіи Ириною (январь 1146 года). Скрѣпленный, такимъ образомъ, союзъ не былъ пріятенъ королю Норманнскому Рожеру II, соединившему подъ своею властію Сицилію и южно-Итальянскія области, прежде раздѣльныя. Во время приготовленій къ крестовому походу и во время движенія крестоносныхъ дружинъ по Европѣ, онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы направить силы Запада на пути въ Азію не чрезъ Венгрію и Византію, а чрезъ Италію. Это значило бы, что крестовый походъ противъ мусульманъ начнется завоеваніемъ Константинополя, или же, по крайней мѣрѣ, униженіемъ и ослабленіемъ Византійской имперіи. Въ средѣ Французовъ и между приближенными короля Людовика VII, король Рожеръ нашелъ не малое сочувствіе къ своимъ планамъ; это объясняется, прежде всего, національными симпатіями, — такъ какъ Норманны, пришедшіе въ Германію изъ Франціи, въ XII столѣтіи, даже сохраняли употребленіе Французскаго языка. Когда же старанія Рожера остались безуспѣшными, благодаря вліянію Конрада и Нѣмецкихъ участниковъ похода, онъ рѣшился на дерзкое и въ высшей степени преступное предпріятіе. Забывъ общіе интересы христіанства, онъ бросился на Грецію и, вслѣдствіе неожиданности нападенія, оружіе, имъ поднятое, не встрѣтило себѣ надлежащаго отпора. Сицилійскій флотъ, въ то время весьма значительный и не безъ успѣха соперничавшій съ морскими силами Венеціанской общины, захватилъ

островъ Корфу, гдѣ и поставленъ былъ сильный Норманскій гарнизонъ, опустошилъ другіе Іоническіе острова, приплылъ потомъ къ Греческому материку, раззорилъ Коринѳъ и Ѳивы—города, знаменитые тогда своимъ богатствомъ, производствомъ шелка и шелковыхъ тканей; Малвазія (Монемвасія) и Негропонтъ—также подверглись бѣдствіямъ Норманнскаго нашествія. Громадная добыча и множество плѣнныхъ уведены были Рожеромъ въ Италію; въ числѣ послѣднихъ были искусные шелководы и ткачи города Ѳивъ, поселенные въ Сициліи и положившіе тамъ начало процвѣтанію этого промысла. Нападеніе Рожера послѣдовало въ то самое время, какъ Французское крестоносное ополченіе приближалось къ Константинополю. Когда слухъ о немъ достигъ Французскаго лагеря, то въ совѣтѣ короля Людовика прямо и настойчиво была высказываема мысль, что слѣдуетъ дѣйствовать заодно съ королемъ Сицилійскимъ, что, отступивъ во Ѳракію, нужно завязать съ нимъ сношенія, подождать прибытія Норманнской эскадры къ Константинополю и начать освобожденіе христіанъ завоеваніемъ Византійской столицы [1].

Послѣ этого понятно недовѣріе и подозрительность императора Мануила и Византійцевъ къ крестоносцамъ втораго крестоваго похода, именно, къ Французамъ. Но главное заключается не въ этомъ недовѣріи и взаимномъ нерасположеніи, хотя они тоже вредно подѣйствовали на ходъ крестоноснаго предпріятія. Послѣ ничѣмъ неоправдываемаго поступка короля Рожера, именовавшаго себя спеціально «помощникомъ» и защитникомъ христіанства, не могло быть и рѣчи объ участіи Мануила и Византійскихъ военныхъ силъ во второмъ крестовомъ походѣ. Отвѣтомъ Мануила былъ миръ съ Сельджуками, отвергнутый въ прошедшемъ году, и приготовленіе къ борьбѣ съ Сицилійскимъ королемъ—съ цѣлію воротить прежде всего Корфу. Такимъ образомъ, никто другой, какъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ государей западныхъ былъ главнымъ виновникомъ печальнаго исхода и напрасныхъ бѣдствій втораго крестоваго похода. Слѣпая ненависть къ схизматикамъ Грекамъ, которой не чужды были руководители тогдашняго католическаго міра, какъ Бернардъ Клервалльскій (Клерво), помѣшала имъ понять, какой ударъ ихъ дѣлу и об-

---

[1]) Odo de Diogilo pag. 35 (Migne, Patrolog. lat. tom. 185): Tunc fuere qui regi consulerent retrocedere — — et interim regi Rogerio, qui tunc imperatorem maxime impugnabat, scriberet et ejus adjutus navigio ipsam Constantinopolim expugnaret.

щему дѣлу всего христіанства нанесъ король Рожеръ: они видѣли въ немъ только прославленнаго героя и побѣдителя Грековъ.

Между тѣмъ, никогда на Византійскомъ престолѣ не было государя болѣе расположеннаго къ Западу, чѣмъ императоръ Мануилъ, даже усвоившій многіе обычаи и любимыя занятія западнаго рыцарства; на Западѣ о немъ послѣ писали, что онъ презиралъ собственныхъ своихъ подданныхъ, т. е. Грековъ, какъ людей низкихъ, малодушныхъ и подлыхъ, и всею душею былъ привязанъ къ иностранцамъ, приходившимъ съ Запада и толпами селившимся тогда въ Константинополѣ. Это мнѣніе не было лишено основанія. Мануилъ, дѣйствительно, былъ даже слишкомъ привязанъ къ Франкамъ и только къ концу своей жизни, послѣ цѣлаго ряда разочарованій, послѣдовала въ его политикѣ реакція въ противоположномъ направленіи, грубыми продолжателями которой были послѣдующіе императоры. Политика Комниновъ вообще отличалась отсутствіемъ какого-либо національнаго направленія, и, можетъ быть, болѣе, чѣмъ заставляла необходимость, жертвовала интересами своихъ природныхъ подданныхъ для пріобрѣтенія друзей и союзниковъ на западѣ. Со времени Алексѣя Комнина (въ концѣ XI столѣтія) утвердились въ имперіи Венеціанцы, получивъ право свободной торговли почти во всѣхъ наиболѣе важныхъ городахъ имперіи и основавъ привиллегированную колонію въ Константинополѣ. Первыя граматы, положившія начало господству западной торговли на Востокѣ и преобладанію Итальянскихъ торговыхъ общинъ на водахъ Средиземнаго моря, даны были, правда, за услуги, оказанныя въ борьбѣ Византіи съ основателемъ Норманнскаго государства, Робертомъ Гвискардомъ. Съ тѣхъ поръ граматы подтверждались и привиллегіи расширялись. Венеціанцы время отъ времени обнаруживали строптивость, высокомѣріе и даже враждебность къ пріютившей ихъ имперіи; но вообще служили ей вѣрно — ради собственныхъ интересовъ и выгодъ. Въ борьбѣ съ Норманнами, захватившими старые морскіе и торговые города южной Италіи Бари и Тарентъ, и благодаря мореходному населенію этихъ городовъ, достигшими большаго значенія на морѣ, Венеція была естественною союзницею Византіи, почти всегда вѣрною искренне-преданною служительницею Восточной имперіи, верховную власть которой она не отказывалась надъ собою признавать. Готовясь къ походу на Рожера, императоръ Мануилъ обратился съ требованіемъ содѣйствія къ дожу Петру Полани; тотъ изъявилъ полную готовность

послѣдовать приглашенію, сталъ приготовлять флотъ и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ Венеціанцы, живущіе въ предѣлахъ имперіи ради торговли, спѣшили на службу императору въ Венеціанское войско. Однако усердіе вовсе не было безкорыстно; объ этомъ свидѣтельствуютъ двѣ золотыя грамоты, выданныя Мануиломъ около этого времени: въ октябрѣ 1147-го года онъ подтвердилъ привиллегіи, данныя Венеціанской общинѣ его отцемъ, и распространилъ права Венеціанской свободной торговли на острова Кипръ и Критъ, чего моряки Адріатики уже ранѣе домогались, но безуспѣшно; въ мартѣ 1148 года, предъ самымъ открытіемъ предполагавшагося похода противъ Рожера, онъ выдалъ другой документъ, которымъ расширялось пространство, отведенное для Венеціанской колоніи въ Константинополѣ[5]).

На дружбу и союзъ Германскаго государя можно было разсчитывать, конечно, только въ будущемъ, по окончаніи крестоваго похода. Но, во всякомъ случаѣ, эта дружба и союзъ снова были скрѣплены во время посѣщенія Константинополя Конрадомъ, въ началѣ 1148 года. Разбитый нравственно и больной физически, послѣ первыхъ ударовъ, постигшихъ обѣ арміи крестоносцевъ въ Малой Азіи, Конрадъ прибылъ въ столицу по приглашенію императора, и пробылъ здѣсь до начала марта, когда его армія уже вступила въ Сирію. Какъ извѣстно, вмѣстѣ съ нею онъ, воротившись изъ Цареграда, ходилъ подъ Дамаскъ, чтобы испытать новыя разочарованія и пораженіе. Онъ также, какъ и Французы, говорилъ о предательствѣ, но относилъ это выраженіе не къ Грекамъ, а къ своимъ Сирійскомъ единовѣрцамъ, къ князьямъ и рыцарству Латинскихъ колоній—государствъ въ Сиріи и Палестинѣ[6]).

---

[5]) Обѣ граматы напечатаны Тафелемъ въ извѣстномъ изданіи документовъ, относящихся къ государственной и торговой исторіи Венеціи: Fontes rerum Austriacarum t. XII, №№ 50, 51. Мы не видимъ только достаточнаго основанія относить октябрскій документъ къ 1148 году, вопреки отчетливому и полному обозначенію года и индикта въ концѣ документа (pag. 124).

[6]) Traditio, a quibus minime cavimus: выраженіе въ письмѣ Конрада къ его совѣтнику и другу, аббату монастыря Корвейскаго. Переписка Вибальда представляетъ драгоцѣннѣйшій матеріалъ для эпохи, которою мы занимаемся. Она издана вмѣстѣ съ другими источниками, имѣющими отношеніе къ Корвейскому монастырю въ сборникѣ Яффе: Bibliotheca rerum Germanicarum: Tom. II. Monumenta Corbeiensia. Другіе источники суть, прежде всего, два Византійскіе писателя: Киннамъ и Никита Акоминатъ Хонскій, современники императора Мануила; оба они переведены, и, притомъ, весьма удовлетворительно, на Русскій языкъ. Мы цитуемъ ихъ по Боннскому изданію подлинника.

Въ февралѣ 1148 года, въ то время какъ западные крестоносцы, оставивъ предѣлы Восточной имперіи, двигались по направленію къ Сиріи и Палестинѣ, Мануилъ сталъ готовиться къ походу на Рожера [7]). Рѣшено было дѣйствовать въ одно время на сушѣ и на морѣ. Снаряженъ былъ флотъ, какого давно не видали: число военныхъ кораблей доходило до пятисотъ, а перевозныхъ до тысячи. Заготовлены были «огненосныя» суда, снабженныя знаменитымъ «влажнымъ» Греческимъ огнемъ, страшное дѣйствіе котораго нѣкогда испытали на себѣ другіе враги Византіи—Сарацины и Русскіе: уже давно этотъ секретъ, принесенный, по преданію, ангеломъ съ неба, оставался безъ употребленія на морѣ [8]). Число сухопутнаго войска считалось, по словамъ Никиты, десятками тысячъ. Византійскій патріотъ при этомъ воздаетъ справедливую похвалу заботамъ Кало-Іоанна, предшественника Мануила, объ увеличеніи, о лучшей дисциплинѣ войска, и дѣлаетъ грустный намекъ, что въ его время, въ концѣ XII-го столѣтія, уже ни по количеству, ни, тѣмъ болѣе, по качеству, имперія не могла выставить подобныхъ силъ [9]). Главное начальство надъ флотомъ было поручено Конто-Стефану, зятю императора по сестрѣ, носившему званіе адмирала или по-византійски, великаго дуки (μέγας δούξ). Сухопутный отрядъ, подъ командой „великаго доместика" (тоже что фельдмаршалъ), Аксуха, былъ посаженъ на суда. Самъ императоръ съ главными силами предполагалъ направиться къ западнымъ границамъ. Цѣлію похода было не только возвращеніе Корфу, но и обратное завоеваніе южной Италіи [10]), а, быть можетъ, и болѣе широкіе планы.

Въ то время какъ Западъ двигался на Востокъ, а Европейскій Востокъ на Западъ, не могъ остаться спокойнымъ и Сѣверъ, изоби-

---

[7]) Предъ отправленіемъ въ походъ, Мануилъ, по Византійскому обычаю, далъ золотую грамоту въ пользу церквей и духовенства, въ усердныхъ молитвахъ котораго именно тогда считалъ себя болѣе нуждающимся. Въ грамотѣ, которая дана въ февралѣ 1148 года, говорится, что императоръ готовится въ походъ противъ западнаго дракона, общаго христіанскаго врага, владычествующаго незаконно надъ Сицилійскою землей, для его истребленія, и что духовная подпора архіерейскаго чина нужна для предстоящей борьбы съ этимъ Амаликомъ — εἰς τὴν κατὰ τοῦ νέου τούτου Ἀμαλὴκ προκειμένην ἀντιπαράταξιν. Zacharia, Jus Graeco-romanum. III, 443.

[8]) Nicet. pag. 102. Αἱ πύρφοροι τὸ ὑγρὸν εἰσδέχονται πῦρ τὸ τέως ἠρεμοῦν ἀδείκτον. Однако, на сушѣ, при осадѣ Драча (Диррахіума) Боэмундомъ (въ 1108 году), Греки защищались Греческимъ огнемъ, составъ котораго, по этому случаю, описывается Анною Комниной (XII, 383).

[9]) Nicet. pag. 103.

[10]) Cinnam pag. 96. Ἤιει τοίνυν Σικελίαν τε περινοῶν καὶ Ἰταλίαν πᾶσαν.

ловавшій тогда враждебными христіанству и гражданственности дикими силами, уже не разъ рѣзко вторгавшимися въ отношенія Греко-Славянскаго и Римско-Германскаго міра. Когда императоръ Мануилъ былъ въ Филиппополѣ, разнесся слухъ о переходѣ чрезъ Дунай страшной орды Половецкой.

Безпокойные и хищные кочевники, Куманы или иначе Половцы, давно уже тревожили сѣверныя границы имперіи. Дикій народъ, который ни оретъ, ни сѣетъ, не имѣетъ ни опредѣленной границы, ни дома или хижины, а живетъ въ войлочныхъ палаткахъ, питаясь молокомъ, сыромъ и мясомъ—вотъ чѣмъ были Половцы, по описанію одного западнаго, нѣсколько позднѣйшаго крестоносца [11]). Именно зимою, когда ихъ стада лишены пастбищъ, они имѣли обычай выходить изъ своихъ палатокъ—для разбойничьихъ набѣговъ, pour faire leur chevauchie. Каждый Половчинъ имѣетъ десять, а не то двѣнадцать лошадей, и беретъ съ собою въ походъ двухъ или трехъ, которые привыкли вездѣ за нимъ слѣдовать и на которыхъ онъ скачетъ попеременно: въ однѣ сутки онъ совершаетъ такимъ образомъ въ шесть и семь разъ болѣе обыкновеннаго пути. Когда онъ стремится впередъ, онъ не беретъ добычи; но на возвратѣ хватаетъ людей и все, что можно увезти. Все вооруженіе Половчина, одѣтаго въ баранью шкуру, состоитъ изъ колчана и лука. «Конь, прибавляетъ Византійскій писатель, составляетъ все для Кумана. Конь носитъ его во время войны и доставляетъ ему пищу, когда

---

[11]) Роберта де-Клари, описавшаго четвертый крестовый походъ, въ которомъ онъ принималъ участіе. Robert de-Clary, la Prise de Constantinople (Hopf, Chroniques Greco-romaines pag. 52). Or est Commanie une tere qui marchist a Blakie. Si vus dirai quel gent chil Commain sont. Che sont une gent sauvage, qui ne erent ne semment ne n'ont borde ne maison; ains ont unes tentes de feutre, uns habitacles ou il se muchent; et se vivent de lait et de formage (sic) et de char. Si y a en este tant de mouskes et de mousquerons, que il n'osent issir hors de leurs tentes waire preu devant en l'hiver. En yver si issent hors de leur tentes et de leur pais, quant il wellent faire leur chévauchie. Si vus dirons que il font. Cascuns d'aux a bien X chevax ou XII; si les ont duis qu'il le sivent par tout la ou il les voellent mener, si montent puis seur l'un et puis seur l'autre. Si a cascans de chevax quant il oirrent, un sakelet pendu au musel, la ou se viande est; si menjue si comme il suit sen maistre, ne ne cessent d'esrer et par nuit et par jour; si vont si durement que il vont bien en une nuit et en un ier VI journees ou VII ou VIII d'esrure. Ne ja tant comme il vont, riens ne carkeront ne ne prendront devant au repairier; mais quant il repairent, dont si acuellent proies; si prennent hommes; si prennent chou qu'il pueent ataindre: ne ja n'iront autrement arme fort qu'il ont unes vesteures de piax de mouton et portent ars et saietes avec aus, ne ne croient autrement fors en le premiere beste qui l'encontre si i croit toute jour quele beste chesoit...

въ ней чувствуется необходимимость, при помощи его онъ переправляется черезъ Дунай». Широкій Дунай не останавливалъ Половцевъ. Для переправы черезъ эту рѣку они употребляли особенный, но очень простой способъ: они брали мѣшки, наполненные соломою и крѣпко сшитые, такъ чтобы вода не могла проникать въ нихъ. «Скиѳъ садится на такой мѣшокъ, привязавъ его къ конскому хвосту, кладетъ на него сѣдло и всѣ военныя принадлежности—по замѣчанію Византійца, кромѣ колчана и стрѣлъ, хотя только у нѣкоторыхъ, бывали и копья—и, такимъ образомъ, легко переплываетъ рѣку [12])».

Въ концѣ зимы или же въ началѣ весны 1148 года, Куманы перешли черезъ Дунай, взяли здѣсь значительный городъ Деминичикъ; скоро они появились на югъ отъ Балканъ и опустошали Загорье [13]). Самъ императоръ направился къ сѣверу. Чтобы наказать дерзкихъ разбойниковъ и лишить ихъ награбленной добычи, Мануилъ хотѣлъ преградить имъ путь къ отступленію и отнять у нихъ обратную переправу чрезъ Дунай. Съ этою цѣлію, одновременно съ движеніемъ сухопутнаго отряда, послано было приказаніе въ Константинополь—отправить нѣсколько кораблей въ устье Дуная, которые потомъ должны были подняться вверхъ по теченію. Но прежде чѣмъ суда пришли, Половцы уже воротились на лѣвый берегъ Дуная и расположились тамъ на кочевье.

На простой «однодеревкѣ»—способъ переправы употреблявшійся на Дунаѣ еще во времена Аттилы, а на Черномъ морѣ во времена и того болѣе раннія, [14]) Мануилъ переплылъ рѣку: связывая нѣсколько такихъ душегубокъ вмѣстѣ, онъ устроилъ переправу и для своего отряда; но только пятьсотъ человѣкъ сопровождали его въ дальнѣйшей экспедиціи. Настигнуть Половцевъ было весьма трудно. «Какъ дерзкій и прожорливый волкъ легко обращается въ бѣг-

---

[12]) Nicet pag. 123.

[13]) У Киннама (pag. 93) и у Никиты (pag. 103) Куманы, какъ требуетъ литературный языкъ, названы Скиѳами, однако, въ такомъ. называемомъ варварскомъ, текстѣ послѣдняго прямо стоитъ Куманы (τοὺς Κομανούς). О Печенѣгахъ, которыхъ здѣсь предполагаютъ новые историки (Finlay 11, 207 и Kugler, Studien zur Gesch. des II ten Kreuzzugs pag. 216), совсѣмъ не слѣдуетъ думать. — Что касается Деминичика или Деминицика (Δεμνίτζικος), упомянутаго у Киннама (pag. 93), то, вѣроятно, это есть теперешняя Зинница, на лѣвомъ берегу Дуная, между Ольтою и Веде.

[14]) О Черноморскихъ однодеревкахъ говоритъ еще Клавдіанъ, современникъ Стиликона:—на нихъ разъѣзжали Черноморскіе Готы, а на Дунаѣ—въ нихъ переправлялся Прискъ, описавшій свое посольство къ Аттилѣ.

ство, когда появится что-нибудь страшное, такъ и народъ Половецкій, если встрѣтитъ мужественное сопротивленіе, озирается назадъ и обращется въ бѣгство. Въ одно и тоже время онъ здѣсь близко и уже далеко отступилъ: его не успѣли увидѣть, а онъ уже скрылся изъ глазъ» [15]). На сей разъ погоня была тѣмъ затруднительнѣе, что Мануилъ встрѣтился на пути еще съ двумя судоходными рѣками, на которыхъ уже не было никакихъ средствъ для переправы. Пришлось перевозить на лошадяхъ Дунайскія однодеревки. Только вблизи границъ Русскихъ, т. е., нужно думать, предѣловъ Галичскаго княжества, удалось императору нагнать хищную орду [16]). Здѣсь произошла схватка, въ которой самъ императоръ, съ обычной ему рыцарскою отвагою, принималъ участіе и которая окончилась бѣгствомъ кочевниковъ въ близь-лежащія горы, покрытыя густымъ лѣсомъ. Взято было нѣсколько плѣнниковъ и въ числѣ ихъ названъ, какъ наиболѣе знатный, какой-то «родоначальникъ» Лазарь, носившій, помимо христіанскаго, еще другое имя—Сота [17]).

Несмотря на свою погоню за Куманами, Мануилъ еще во-время поспѣлъ къ тому пункту, откуда должны были начаться военныя дѣйствія противъ Норманновъ, т. е. замышляемая высадка въ южной Италіи, а также возвращеніе острова Корфу. Но большой Византійскій флотъ замедлилъ. Противные вѣтры, неспособность адмирала указываются какъ причины его поздняго прибытія, и очень вѣроятно, что одна причина не исключала другой. Весною Конто-Стефанъ оставилъ гавань Золотаго рога, но только осенью пришелъ онъ въ Адріатическое море. Императоръ, не смотря на это, хотѣлъ было все-таки пуститься въ экспедицію, но буря сдѣлала невозможнымъ исполненіе смѣлаго предпріятія. Пришлось ограничиться блокадою

---

[15]) Изъ рѣчи Евстаѳія Солунскаго къ Исааку Ангелу: Eustathii opuscula (ed. Tafel pag. 44).

[16]) Ἐπὶ τὸ ὄρος τίνου ὅρμον ἦλθον, ὅπερ ἀγχοῦ τῶν Ταυροσκυθικῆς ὁρίων ἀνέχει. Cinnam pag. 94. Начальныя слова не представляютъ какого-либо удовлетворительнаго, хотя бы грамматическаго, смысла. Въ Латинскомъ переводѣ: ad montem usque (τίνου ὅρμον), qui Tauroscyticae finibus adjacet. Изъ этого тоже ничего нельзя понять, кромѣ близости къ Руси, обыкновенно называемой землей Тавро-Скиѳовъ. Не скрывается-ли въ искаженномъ чтеніи названіе города: ἐπὶ τὸν Ὀροστένου ὅρμον ἦλθον. Оростенъ тогда будетъ нынѣшніе Урсичены (Ursitscheni) на рѣкѣ Яломицѣ. Въ такомъ случаѣ двѣ судоходныя рѣки, которыя оставилъ за собою Мануилъ, были бы Арджишъ и Дымбовица, или же Веде и Арджишъ.

[17]) Cinnam, pag. 95. Λάζαρος—потомъ, очевидно, о немъ же: Σότας ἐκεῖνος и т. д.

Корфу, гдѣ къ эскадрѣ Конто-Стефана вскорѣ присоединились Венеціанскіе корабли. Самъ императоръ остался зимовать въ Верріи [18]).

Между тѣмъ, Французско-Нѣмецкое крестоносное ополченіе, послѣ цѣлаго ряда бѣдствій, потерпѣло печальную и позорную неудачу подъ Дамаскомъ. Разочарованный и глубоко оскорбленный почти явною измѣною Палестинскихъ христіанъ-католиковъ, Конрадъ, король Германскій, оставилъ Палестину; въ началѣ сентября (1148 г.) онъ сѣлъ на Греческій корабль, принадлежавшій къ той небольшой эскадрѣ, которая привезла его въ Сирію, и направился къ Македонскому берегу. Во время своего недавняго пребыванія въ Константинополѣ (въ началѣ 1148 года), Конрадъ далъ клятвенное обѣщаніе посѣтить еще разъ императора Мануила, по окончаніи своего крестоноснаго похода, и тѣмъ менѣе могъ помышлять о нарушеніи даннаго слова, что прямой путь чрезъ Италію не былъ для него безопасенъ, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній къ Рожеру Сицилійскому [19]). Въ Солуни Мануилъ встрѣтилъ своего царственнаго друга, сопровождаемаго нѣсколькими близкими царственными родственниками и знатными баронами, и, затѣмъ, всѣ вмѣстѣ отправились въ столицу, гдѣ Конрадъ оставался до весны слѣдующаго (1149) года [20]).

Дружественныя отношенія между Норманнами и Гогенштауфенами были скрѣплены въ это время новыми договорами и обязательствами. Условленъ былъ планъ единовременнаго общаго нападенія на общаго врага, т. е. короля Рожера. Конрадъ долженъ былъ немедленно, послѣ своего возвращенія, двинуться на него изъ сѣверной Италіи; только тяжелая болѣзнь или же опасеніе потерять собственныя владѣнія признавались достаточными основаніями для отсрочки, никакъ не для отмѣны—взаимнаго обязательства [21]). Само собою разумѣется, что договоръ союзниковъ

---

[18]) Cinnam pag. 96. Φθινούσης ἤδη τῆς ὥρας—κατῆρεν (о Конто-Стефанѣ). Ἀγχοῦ τῆς Βερροίας—διεχείμαζε (о Мануилѣ).

[19]) Cinnam. p. 87. Конрадъ отправился въ Палестину на флотѣ подъ начальствомъ Никифота Даcіота и возвратился съ нимъ же: σὺν ναυσὶ ταῖς εἰρημέναις. — Annales Palidenses: Pertz SS. XVI, 83 (ann. 1148). Quoniam autem obligaverat (Conradus) se juramento reversurum, Constantinopolin regreditur. Cp. Historia Pontificalis: Pertz. SS. XX, 536 (Conradus)—nec ausus est reverti navigio, quia, inter ipsum et Rogerium — inimicitie vertebantur. Usus ergo consilio Rodberti principis Capuani, profectus est Constantinopolim и т. д.

[20]) Cinnam p. 87. Θεσσαλονίκῃ προσίσχεν. Otto Frising. Gesta Frider. 1, 59. (Conradus) fratrem et amicum suum.... in Achajae seu Thessaliae finibus inveniens adiit.

[21]) Письмо Конрада императрицѣ Иринѣ: Wib. epist. № 243: Jaffe monum. Corbeiens. p. 363.

имѣлъ въ виду дружелюбный раздѣлъ добычи послѣ несомнѣнной для нихъ побѣды надъ Рожеромъ. Мануилъ не могъ отказаться отъ старыхъ Византійскихъ правъ на южную Италію, т. е., по крайней мѣрѣ, на Апулію и Калабрію—провинціи, всего долѣе остававшіяся въ рукахъ Греческихъ и еще сохранявшія преобладающее господство національности и языка Греческихъ. Нѣтъ никакого основанія заподозрѣвать свидѣтельство того Византійскаго писателя, который прямо говоритъ объ этомъ и утверждаетъ, что Германскій государь еще ранѣе далъ Мануилу нѣкоторыя обѣщанія относительно южной Италіи, и что теперь эти обѣщанія скрѣплены были клятвеннымъ обязательствомъ самого Конрада и его племянника, Фридриха Швабскаго (т. е. будущаго императора, Фридриха Барбаруссы). Дѣло шло, конечно, о признаніи за Восточнымъ императоромъ его будущихъ завоеваній [22]).

Обезпеченіемъ политическаго союза должны были служить новыя родственныя связи Византійскаго императорскаго дома съ Германскимъ. Сводный братъ Конрада, герцогъ Баварскій и маркграфъ Австрійскій, Гейнрихъ Язомирготтъ, женился на родной племянницѣ Мануила [23]). Начаты были также переговоры о бракосочетаніи молодаго короля Гейнриха, управлявшаго Германіей въ отсутствіе своего отца, также съ одною изъ родственницъ Мануила [24]). Праздники и зрѣлища при такого рода радостныхъ

---

[22]) Cinnam p. 87. Ὁ δὲ βασιλεὺς τῶν πάλαι προωμολογηθέντων ἀνεμίμνησκεν αὐτὸν (Κορράδον). ἦσαν δὲ ταῦτα, ὅπως Ἰταλίαν εἰς ἕδνον τῇ βασιλίδι ἀνασώσαιτο Εἰρήνῃ... Ὁρκίοις οὖν δευτέροις αὐτός τε καὶ Φρεδερίκος τὰ σφίσι δεδογμένα πιστώσαντες τῆς Ῥωμαίων ἀπαλλάττονται γῆς. Если мы припомнимъ, что слово Италія у Византійцевъ часто значитъ только Апулію и Калабрію, то ничего такого невѣроятнаго въ этомъ извѣстіи не будетъ. Cp. Kugler, Studien pag. 207.

[23]) Объ этомъ бракѣ наиболѣе точныя свѣдѣнія сообщаютъ Австрійскія лѣтописи, какими можно считать анналы при-Дунайскаго города Мѣлка. Dux Heinricus... filiam cujusdam clarissimi ducis, scilicet f r a t r i s regis Graecorum, nomine Theodora, uxore accepta, secum adduxit. Annales Mellicenses. Pertz SS. IX, 504. Въ продолженіяхъ къ этимъ анналамъ постоянно встрѣчаются указанія на этотъ бракъ и на годъ смерти Ѳеодоры, переименованной въ Гертруду. См. Pertz SS. IX, 505, 542, 617, 632. Annales Palidenses (Pertz SS. XVI, 83) говорятъ также о бракѣ, но ошибочно относятъ его къ предыдущей веснѣ 1148 года, т. е. къ первому пребыванію Конрада въ Константинополѣ. Heinricus marchio, frater regis Conradi, consobrinam regis Graecorum duxit uxorem.

[24]) Wibaldi epistol. № 243. Впрочемъ, безъ опредѣленнаго указанія на время. Конрадъ пишетъ въ письмѣ къ императрицѣ Иринѣ (Jaffé monum. Corbeiens. p. 365), что онъ велъ переговоры съ ея мужемъ объ этомъ бракѣ—во время личнаго свиданія съ нимъ, т. е. вѣроятнѣе—втораго свиданія, а не перваго: Cum p r e s e n t e s e s s e m u s inter nos tractatum et firmatum fuit, — — ut filius noster — — s e p t e m unam mariti tui—uxorem ducat.

событіяхъ, обѣщавшихъ прочный союзъ двухъ имперій, были, несомнѣнно, болѣе умѣстны, чѣмъ въ прошедшую зиму, во время болѣзни Конрада. Въ самомъ характерѣ увеселеній и въ ихъ разнообразіи сказалось совершенно соотвѣтственное обстоятельствамъ сближеніе Востока и Запада: конныя ристалища, все еще сохранявшія часть своего прежняго блеска и популярности, смѣнялись заимствованными отъ рыцарскаго Запада военными потѣхами, т. е. турнирами, большимъ любителемъ которыхъ и ревностнымъ участникомъ былъ всегда самъ императоръ Мануилъ [25]).

Съ приближеніемъ весны, Конрадъ Гогенштауфенъ оставилъ веселые берега Босфора. Чрезъ городъ Драчь (Дураццо) и потомъ Адріатическимъ моремъ онъ прибылъ, въ самомъ началѣ мая, въ Аквилею; предполагалось, конечно, что онъ здѣсь-же, въ сѣверной Италіи, соберетъ войско для похода противъ Рожера; герцогъ Фридрихъ Швабскій, оставившій Константинополь нѣсколько ранѣе, долженъ былъ привести подкрѣпленія изъ Германіи. Съ своей стороны, императоръ Мануилъ отправился къ союзному Греко-Венеціанскому флоту, стоявшему подъ Керкирою (Корфу), чтобы покончить съ осадою и высадиться немедленно въ Италіи. Господству Норманновъ въ южной Италіи грозила большая опасность, еслибы планы, составленные во время Цареградскихъ праздниковъ, были приведены въ исполненіе. Но скоро оказалось, что ни Конрадъ, ни даже самъ Мануилъ не могли дѣйствовать согласно съ принятыми рѣшеніями.

Эскадра, состоявшая изъ Византійскихъ и Венеціанскихъ кораблей, прибыла къ Керкирѣ осенью 1148 года и явилась предъ главнымъ городомъ острова. Осада была поведена одновременно и съ моря, и съ суши, на которой высажены были войска и устроены два отдѣльные лагеря: одинъ для Грековъ, другой для Венеціанцевъ. Задача, которую предстояло рѣшить союзникамъ, въ самомъ началѣ оказалась достаточно трудною. Городъ Корфу былъ защищенъ крѣпкими стѣнами и сильною цитаделью; послѣдняя занимала вершину скалистаго мыса, подымавшагося грозно надъ морскою пучиною. При открытіи осады, начальникъ Сицилійскаго гарнизона получилъ предложеніе добро-

---

[25]) Cinnam p. 86. Онъ относитъ увеселенія къ весеннему пребыванію Конрада въ Константинополѣ едва-ли вѣрно. О любви Мануила къ турнирамъ говорятъ Киннамъ, Никита и Григора.

вольно очистить крѣпость; но оно было отвергнуто и Норманны отвѣчали градомъ стрѣлъ: дѣйствіе ихъ было тѣмъ непріятнѣе, что оно сейчасъ-же обнаружило невыгодное положеніе осаждающихъ. Стрѣлы и камни метательныхъ орудій, пускаемые снизу противъ врага, находившагося на огромной высотѣ, наносили ему незначительный вредъ. Наоборотъ, тѣмъ гибельнѣе были удары, легко и мѣтко направляемые съ верху въ низъ. Осаждающіе сдѣлали попытку взобраться на стѣны посредствомъ лѣстницъ; но эта попытка кончилась самымъ несчастнымъ образомъ. Камень, пущенный сверху, поразилъ смертельнымъ ударомъ самого начальника эскадры, руководившаго осадою. Смятеніе, вызванное извѣстіемъ объ этомъ несчастіи, привело къ тому, что Греки, поднявшіеся по лѣстницамъ на высоту городскихъ стѣнъ, были отбиты съ большимъ урономъ. —

Ссора, обнаружившая національную и религіозную антипатію между Венеціанцами и Византійцами, не только помѣшала успѣшному ходу осады, но могла повести къ самымъ опаснымъ затрудненіямъ. Столкновеніе произошло, не смотря на благоразумное распоряженіе властей, разлучившихъ два лагеря. Дѣло началось на рынкѣ, устроенномъ по срединѣ, обычными при подобныхъ обстоятельствахъ взаимными насмѣшками, бранью и ругательствами; а затѣмъ, естественно и скоро перешло въ рукопашную схватку. Обѣ стороны схватились за оружіе; обѣ получили подкрѣпленія; Венеціанскіе матросы прибѣжали съ своихъ кораблей, и завязалось настоящее сраженіе. Усилія властей прекратить его были совершенно напрасны. Великій доместикъ, Іоаннъ Аксухъ, замѣнившій Конто-Стефана, сдерживалъ своихъ вполнѣ добросовѣстно и сначала не безъ успѣха, но, потомъ, убѣдился, что этимъ онъ только даетъ въ обиду своихъ земляковъ, такъ какъ расходившіеся Итальянцы не прекращали боя. Ради равновѣсія и порядка, онъ далъ тогда волю и своей сторонѣ; наконецъ, самъ пустилъ въ ходъ собственныхъ тѣлохранителей, снабженныхъ тяжелымъ вооруженіемъ. Венеціанцамъ тогда пришлось худо. Принужденные къ отступленію, они собрались подлѣ своихъ галеръ и среди шума и крика приняли рѣшеніе, соотвѣтствовавшее ихъ досадѣ и темпераменту. Суда были спущены въ море; союзники сѣли на нихъ и уѣхали изъ-подъ Корфу. Не въ дальнемъ разстояніи былъ одинъ небольшой островъ, гдѣ стояли Греческія торговныя суда: Вене-

ціанцы овладѣли островомъ и сожгли суда, выместивъ предварительно свою злобу надъ ихъ экипажемъ. Случайно они захватили царскій корабль, и это дало имъ поводъ устроить демонстрацію, которая долженствовала выразить ихъ презрѣніе къ самому государю ненавистныхъ Грековъ и нанесть личное ему оскорбленіе. Царскія комнаты на кораблѣ были разукрашены, какъ слѣдуетъ, золотыми и пурпурными тканями, и, затѣмъ, здѣсь совершилась комическая церемонія вѣнчанія на царство, въ герои которой былъ избранъ, ради мнимаго сходства съ Мануиломъ отличавшимся смуглымъ цвѣтомъ лица, Африканскій плѣнникъ, черный Эѳіопъ, т. е. Негръ; его сажали на царскомъ мѣстѣ, надѣвали царскій вѣнецъ, и потомъ надъ нимъ и завались, оказывая царскія почести [26]). Венеціанцы заслуживали, конечно, строгаго наказанія; но если бы императоръ Мануилъ и былъ въ силахъ сдѣлать это, то благоразуміе требовало подавить гнѣвъ и затаить въ себѣ до болѣе благопріятнаго времени досаду и месть. «Видя, что мщеніе не безопасно въ то время, когда все вниманіе должно быть обращено на другіе предметы, императоръ Мануилъ объявилъ прощеніе Венеціанцамъ, какъ въ преступленіяхъ противъ него самаго такъ и во враждебныхъ и коварныхъ дѣйствіяхъ противъ Римлянъ [27]). Венеціанцы въ скоромъ времени загладили свои вины и въ слѣдующемъ (1149-мъ) году оказали важныя услуги. Весною этого года императоръ Мануилъ прибылъ къ своему флоту и самъ принялъ руководство надъ ходомъ осадныхъ дѣйствій, такъ какъ прежде взятія Корфу считалось невозможнымъ думать о высадкѣ въ Италіи и во всѣхъ отношеніяхъ представлялось неудобнымъ оставить въ рукахъ Норманновъ морскую стоянку противъ Греческихъ береговъ. За то и король Рожеръ, съ своей стороны, принялъ мѣры, долженствовавшія принудить противника къ отступленію. Грозная морская сила Норманнская, развившаяся, благодаря старому морскому населенію городовъ Бари и Тарента, появилась снова въ Византійскихъ водахъ, и это заставило Мануила отдѣлить часть своего флота, состоявшую изъ Греческихъ и особенно Венеціанскихъ судовъ, для наблюденія надъ Сицилійцами. Эскадра, подъ начальствомъ Византійца Хурупа, отправилась на югъ Пелопоннеса и здѣсь, при мысѣ Малеѣ, встрѣтилась

[26]) Сцена описана у Никиты Хоніата (pag. 115) съ такою же наглядностію и подробностію, какъ и все возстаніе Венеціанцевъ. Киннамъ только въ двухъ-трехъ словахъ упоминаетъ о возмущеніи (pag. 98).

[27]) Nicet. p. 115.

со врагами. Въ происшедшей битвѣ Хурупъ одержалъ верхъ надъ моряками Норманнскими [28]). Венеціанскіе источники утверждаютъ, что вся честь побѣды принадлежала флоту союзной Грекамъ республики, что Византійцы были уже обращены въ бѣгство, и только подоспѣвшія Венеціанскія суда дали другой ходъ дѣлу. Сорокъ Норманнскихъ кораблей были взяты въ плѣнъ, другіе потоплены [29]). Повидимому, здѣсь долженъ быть помѣщенъ эпизодъ, который тогда надѣлалъ много шуму и дошелъ во Францію, Италію и Германію, въ видѣ разныхъ неточныхъ и невѣрныхъ слуховъ. Героемъ его былъ не кто другой, какъ самъ король Французскій, возвращавшійся съ своею супругою изъ своего печальнаго крестоваго похода. Послѣ Пасхи 1149 года, Людовикъ VII оставилъ Палестину на одномъ изъ наемныхъ судовъ, которыя тогда поддерживали постоянно сообщенія между Святою Землею и западомъ, въ частности съ Италіей; когда его корабль дорогою встрѣтился съ Норманнскою эскадрою, то Людовикъ пересѣлъ на одинъ изъ военныхъ кораблей этой эскадры. Онъ, такимъ образомъ, сдѣлался невольнымъ участникомъ сраженія, происшедшаго при Малейскомъ мысѣ, и подвергался большимъ опасностямъ,—быть взятымъ въ плѣнъ была еще меньшая изъ нихъ. По любопытному для исторіи морскихъ обычаевъ замѣчанію Византійскаго современнаго писателя, если бы король Французскій не успѣлъ выкинуть на своемъ кораблѣ союзный, т. е. очевидно, Венеціанскій флагъ,—то его судно могло бы быть потоплено вмѣстѣ съ экипажемъ въ морской пучинѣ. Многіе изъ Французовъ, сопровождавшихъ короля, были все - таки взяты въ плѣнъ; по очень достовѣрнымъ извѣстіямъ въ томъ числѣ находилась и знаменитая королева Елеонора. Но Византійскій императоръ, котораго Людовикъ считалъ и называлъ вѣроломнымъ измѣнникомъ и виновникомъ всѣхъ своихъ неудачъ въ Сиріи, поступилъ совершенно по-рыцарски, приказавъ освободить всѣхъ плѣнныхъ Французовъ безъ выкупа [30]). Сорокъ кораблей, слѣдовательно

---

[28]) Cinnam p 87. Ср. 98. Мѣсто сраженія здѣсь не обозначено, мы узнаемъ его изъ Венеціанскихъ источниковъ.

[29]) Cronaca Altinate (Archivio Storico Italiano VIII, годъ 1845) pag. 157. Una cum exercitu imperatoris, pars exercitus Venetorum contra regis exivit exercitum; et obvians ei apud Maleum venientibus Graecis, qui numero plures fuerant atque fugientibus, aggressi fuerant Veneti inimicos, et cum illis fortiter dimicantes, XXXX illorum naves caeperunt, aliasque plures submerserunt; ceteras quoque quae evaserant, usque ad terras Regis (Rogerii) fuerunt insecuti.

[30]) О возвращеніи Людовика и особенно о сраженіи, въ которомъ онъ былъ зрителемъ, лучшія свѣдѣнія у Византійцевъ (Cinnam p. 87, 88). Въ одномъ фрагмен-

столько же, сколько было потоплено, изъ эскадры Сицилійской успѣли уйдти отъ Хурупа и смѣло направились прямо къ Константинополю, гдѣ навели большой страхъ на окрестныхъ жителей. Болѣе того, впрочемъ, они почти и не могли сдѣлать; входъ въ Суду или заливъ Золотаго Рога былъ, конечно, запертъ, и потому всѣ подвиги Сицилійцевъ ограничились раззореніемъ нѣсколькихъ загородныхъ домовъ на Азіатской сторонѣ Босфора, около нынѣшняго Скутари; да и это не обошлось безъ собственныхъ потерь [31]). Затѣмъ, таже эскадра встрѣтилась съ Византійскими кораблями, на которыхъ перевозилась Византская казна или, точнѣе, податной сборъ съ острова Крита, и вступивъ съ ними въ бой за обладаніе сокровищемъ, такъ сильно пострадала, что только небольшіе остатки ея уцѣлѣли и вернулись домой [32]). Все это случилось приблизительно въ концѣ іюля 1149 года, когда король Людовикъ достигъ береговъ Калабріи. По свидѣтельству Венеціанскихъ хроникъ [33]), корабли республики, участвовавшіе въ поискахъ за Норманнами, успѣли еще во-время прибыть снова къ Корфу, чтобы принять тамъ участіе въ послѣднихъ осадныхъ дѣй-

---

тарномъ Французскомъ источникѣ (Bouquet XII, 115—117) разсказывается, что самъ король Людовикъ былъ взятъ въ плѣнъ Греками и освобожденъ Норманнскимъ адмираломъ Георгомъ. Подобный же разсказъ у одного изъ продолжателей Сигиберта (Pertz SS. VI, 454): Ludovicus rex Francorum à Palestina navigans — — Graecorum naves incurrit. Cumque ab eis imperatori Curfolium obsidenti presentandus deducitur, Georgius dux navium regis Siciliae eos aggreditur [Siquidem vastatis et spoliatis provinciis, usque ad ipsam urbem regiam Constantinopolim accedens, sagitas aureas in palatium imperatoris jacerat, et incensis suburbanis, de fructu ortorum regis violenter tulerat]. Unde rediens, naves Graecorum incurrit, captis Ludovicum regem eripuit, sed captos regis obtentu dimittit. Отрывокъ, заключенный въ скобкахъ, относится къ непосредственно слѣдующему въ текстѣ случаю. Но все другое, что будто бы плѣннаго Людовика уже везли къ Мануилу, осаждавшему Корфу, и что онъ былъ освобожденъ только Норманнскими судами, возвращавшимися изъ набѣга на Царьградъ, — совершенно ложно. Далѣе здѣсь еще прибавляется, что Мануилъ, взявъ Корфу, гнался за Норманнами и Людовикомъ, но послѣдній успѣлъ спастись. О взятіи въ плѣнъ Елеоноры говоритъ болѣе достовѣрный авторъ (Historia Pontificalis: Pertz SS. XX, 536), но тоже не безъ прикрасъ: здѣсь утверждается, что Режеръ выслалъ свой флотъ нарочно для охраны Людовика, хотя послѣдній вовсе не былъ въ войнѣ съ Греками. Краткая отмѣтка въ Annales Casinenses (Pertz SS. XIX, 310) отличается точностію и отмѣчаетъ день посѣщенія монастыря Монте-Кассіенскаго воротившимся королемъ. Хроника дожа Дандоло (pag. 282) повторяетъ Сигиберта—съ небольшими измѣненіями.

[31]) Cinnam p. 101. Сюда же относится отмѣченный въ предыдущемъ примѣчаніи отрывокъ изъ хроники Сигиберта. Въ хроникѣ Дандоло прибавлено, что когда Норманны возвращались изъ подъ Царьграда, то были настигнуты Венеціанцами и Греками, и потеряли 19 галеръ.

[32]) Cinam, pag. 101. Ναυσὶ περιτυχόντες, αἱ τὸ δημόσιον Κρήτηθεν ἐκόμιζον νόμισμα. Ср. Kugler, Studien p. 210.

[33]) См. ниже выписку изъ хроники Венеціанской.

ствіяхъ. Во время ихъ отсутствія, дѣло здѣсь мало подвинулось впередъ, не смотря на всю энергію осаждающихъ, поддерживаемую личнымъ участіемъ императора. На третій мѣсяцъ послѣ возобновленія осадныхъ дѣйствій, подъ руководствомъ самого Мануила, прибывшаго, какъ мы знаемъ, въ началѣ весны, сдѣлана была отчаянная попытка пробраться внутрь крѣпости съ моря, посредствомъ башенной лѣстницы, укрѣпленной своимъ основаніемъ на нѣсколькихъ большихъ судахъ и опиравшейся на ихъ лѣса и мачты. Набралось четыреста храбрецовъ, которые вызвались, рискуя своею головой, взобраться по этой воздушной лѣстницѣ на край скалы, гдѣ упиралась верхнимъ концомъ означенная лѣстница и гдѣ начиналась городская стѣна. Поощряемые самимъ императоромъ, который обѣщалъ щедрую награду смѣльчикамъ, а въ случаѣ ихъ гибели — женамъ и дѣтямъ ихъ, въ виду всего войска, которое молилось и плакало, сотворивъ крестное знаменіе, они пошли вверхъ и повисли въ воздухѣ; впереди всѣхъ былъ одинъ природный грекъ, Пупаки, и четыре родныхъ брата, принадлежавшихъ къ Франкской фамиліи, давно поселившейся въ имперіи. Самые передніе и самые смѣлые были уже у цѣли, какъ лѣстница подломилась, вѣроятно отъ камней, свергаемыхъ внизъ осажденными, и всѣ на ней бывшіе полетѣли стремглавъ, внизъ головою, разбиваясь о скалы и палубы кораблей, погружаясь въ морскую пучину. Воинственная душа Мануила при этомъ зрѣлищѣ закипѣла и онъ далъ приказаніе гребцамъ корабля, съ котораго онъ слѣдилъ за ходомъ предпріятія, направить его къ самой скалѣ, намѣреваясь принять лично участіе въ восхожденіи на стѣны, и только съ трудомъ былъ удержанъ приближенными[34]). Послѣ этой попытки, въ которой незамѣтно участія Венеціанцевъ, осада превратилась въ простую блокаду, и только съ прибытіемъ Венеціанскихъ судовъ, разсѣявшихъ Норманнскій флотъ, снова начались приступы. Намъ говорятъ, что всѣ почти скалы, на которыхъ расположена была крѣпость, успѣли обагриться и Венеціанскою кровью, и что большія Венеціанскія галеры, снабженныя осадными лѣстницами особаго устройства, сдѣлали наибольшій вредъ Норманнскому гарнизону и всего болѣе содѣйствовали успѣшному исходу долговременной осады[35]). Въ сущности, Корфу былъ взятъ

[34]) Cinnam pag. 99. Nicet. pp. 109—112.

[35]) Danduli Chronicon: Murator. XII, 283. Ad obsidendum igitur cum triumpho (послѣ побѣды надъ Сицилійскими кораблями, угрожавшими Цареграду) redeunti-

только голодомъ и, можетъ быть, отчасти измѣною. Осада продолжалась, по нашему разсчету, болѣе года [36]).

Послѣ взятія Корфу ничто, повидимому, не мѣшало условленной съ Германскимъ королемъ экспедиціи въ Италію. Мануилъ, дѣйствительно, отправилъ свой флотъ, подъ начальствомъ Великаго доместика Аксуха, къ берегамъ Италіи; это было осенью 1149-го года. Аксухъ долженъ былъ пристать въ Анконѣ и отсюда дѣйствовать на югъ полуострова. Между тѣмъ, самъ Мануилъ принужденъ былъ обратиться въ другую сторону, гдѣ противъ него собиралась новая гроза: составлялась коалиція, въ которой принимали участіе самые разнообразные элементы. Союзъ съ Конрадомъ во все продолженіе 1149-го года не только не принесъ никакой пользы, но скорѣе былъ причиною опасныхъ для Восточной имперіи усложне-

bus Venetis, machinis, gattis et scalis primo compositis, duplicantur insultus Cumque Veneti ad castrum obtinendum alios suaderent, bellantes plurimi ex eis defecere, sed tandem illud imperatori subjicitur. — Еще подробнѣе въ хроникѣ Алтинатской: His ergo (Побѣдою при Малеѣ) imperator non modicum laetus factus et Venetorum auxilio nuc admodum corrobatus, ad inimicos, qui castrum Corfù de mandato regis (Рожера) servabant, se cum eo convertit (это неправильно). Veneti autem obsederunt castrum, ubi schalas facientes et machinas, inimicos fortiter expugnabant. Erat enim ibi exercitus copiosus et genus hominum infinitum. Sed Veneti, inter coeteras naves bellicas, gattos habebant fortissimos, in quibus schalas faciebant, casrrum pernimium expugnantes, et inimicos potenter offendentes: fiebat quidem ibi caedes hominum magna et ab utraque parte multi cadebant. Cum autem obsidio diutius perduraret — — fuissentque saxa fere omnia Venetorum infecta sanguine — — praedictum castrum im imperatoris potestatem fuit redactum. — Невѣрность, отмѣченная въ началѣ, касается только времени прибытія Мануила къ флоту, стоявшему при Корфу: Византійцы здѣсь точнѣе.

[36]) Осада началась, какъ извѣстно и указано выше, осенью 1148 года. Что она продолжалась годъ, это видно изъ словъ императрицы Ирины, приведенныхъ Киннамомъ (pag. 100) и относящихся къ подвигамъ Мануила подъ Керкирою: еще неслыхано, чтобы кто-нибудь въ продолженіе года (εἰς ἐνιαυτόν) отличился столькими подвигами. Относительно хронологической послѣдовательности ея отдѣльныхъ эпизодовъ, Киннамъ и Никита противорѣчатъ другъ другу. Любопытный и подробный разсказъ Никиты о попыткѣ взять Корфу штурмомъ (посредствомъ лѣстницъ), совершившейся въ присутствіи императора, поставленъ вслѣдъ за извѣстіемъ объ его прибытіи, но ранѣе возмущенія Венеціанцевъ. Между тѣмъ, очевидно, что это тотъ же самый фактъ, который переданъ — хотя гораздо короче у Киннама (pag. 99) и относится къ позднѣйшему времени—именно къ тому, когда послѣ столкновенія съ Венеціанцами, Мануилъ прибылъ въ лагерь. По всѣмъ соображеніямъ, Киннамъ передаетъ ходъ дѣлъ отчетливѣе: бунтъ Венеціанцевъ совершился въ отсутствіи Мануила. Никита Акоминатъ (pag. 109) говоритъ, что императоръ прибылъ къ Корфу послѣ того, какъ осада тянулась уже три мѣсяца; но это падало бы на зиму 1148—1149 гг., когда Мануилъ былъ въ столицѣ. Онъ могъ прибыть въ лагерь только весною 1149 года. Три мѣсяца Никиты все-таки, нужно думать, имѣютъ основаніе, но, должны быть считаемы отъ начала весны, какъ новаго періода осады, и быть относимы къ описанію штурма.

ній на сѣверныхъ ея границахъ. Скоро послѣ разлуки обоихъ государей оказалось, что Конрадъ не только не въ состояніи дѣйствовать заодно съ Мануиломъ противъ Рожера; но даже самая его вѣрность принятымъ обязательствамъ могла казаться въ Константинополѣ сомнительною.

По прибытіи въ сѣверную Италію, король Конрадъ скоро получилъ извѣстія, которыя заставили его, вмѣсто похода на югъ, спѣшить возвращеніемъ въ отечество. Герцогъ Вельфъ VI, представитель могущественнаго и богатаго княжескаго дома въ Швабіи, давній соперникъ Штауфеновъ, оставилъ Палестину еще ранѣе короля, во время похода на Дамаскъ, и на возвратномъ пути въ Германію, посѣтилъ Рожера Сицилійскаго, съ которымъ уже прежде находился въ дружественныхъ отношеніяхъ. Предчувствуя опасности отъ союза Византійскаго и Германскаго государей, Рожеръ не щадилъ ни лести, ни почестей, ни подарковъ, чтобы склонить Вельфа на свою сторону и сдѣлать его орудіемъ своей политики. На ихъ совѣщаніяхъ рѣшено было образовать въ Германіи цѣлую лигу противъ Конрада и войдти въ сношеніе съ недругомъ Мануила, королемъ Венгерскимъ[37]). Прибывъ въ отечество, Вельфъ тотчасъ началъ непріязненныя дѣйствія противъ молодаго короля Гейнриха, что должно было быть сигналомъ къ общему возстанію. Эти именно вѣсти заставили Конрада спѣшить въ Германію; опасность со стороны Вельфа оказалась не такъ страшною, какъ представляли слухи; но, тѣмъ не менѣе, все лѣто до августа, король занятъ былъ внутренними дѣлами Германіи и приготовленіями къ усмиренію Вельфскаго возстанія. Въ августѣ онъ заболѣлъ лихорадкою, что также замедляло и ослабляло его энер-

---

[37]) Historia Welforum Weingartensis: Pertz SS. XXI, 468. Jgitur Rogerius rex Siciliae, timens ne forte — — Conradus rex quandoque Italiam intraret — — Guelfonem adversus eum muneribus illectum incitat, singulisque annis, mille marcas se ob hoc daturum juramento confirmat. Item quoque rex Ungariae — — Guelfonem ad se accersivit, dataque pecunia non modica, ac deinceps omni anno dandam pollicens, ad debellandum non minus instigat. Это говорится передъ крестовымъ походомъ, а затѣмъ: Transito mari, (Guelfo) convalescens Siciliam attingit. Ubi Rogerius eum cum magno tripudio suscipiens ac honoirfice dimittens, iterum ad rebellandum regi maximis muneribus incitat.—Ср. собственный разсказъ короля Конрада въ письмѣ къ императрицѣ Иринѣ. Wibaldi epist. № 243 (Jaffé, monum. Corb. p. 363), Welpho—per Sicyliae tyrannum à Hierosolimis reditum habuit, et accepta non parva ipsius infami pecunia, per sacramenta et per obsides ei firmavit, quod nos et nostros et nostrum imperium perturbare et infestare modis omnibus laboraret.

гію. Только въ февралѣ 1150-го года, Вельфъ былъ разбитъ на голову молодымъ королемъ Гейнрихомъ и принужденъ былъ смириться.

Но, между тѣмъ, умный Норманнъ, несомнѣнно наиболѣе предпріимчивый и проницательный политикъ XII-го столѣтія, чрезъ посредство Вельфа вступилъ въ сношенія и дружественную связь съ Венгерскимъ королемъ. Корону св. Стефана носилъ тогда Гейза II (1141 — 1161), и по личнымъ отношеніямъ, и по видамъ политическимъ неприязненно расположенный къ Восточному императору и къ имперіи. Стремясь возстановить въ Венгріи исконное вліяніе Восточной имперіи и церкви, нарушенное, но еще не уничтоженное торжествомъ католицизма, Мануилъ поддерживалъ противъ Гейзы другого претендента на Венгерскій престолъ, который въ данное время имѣлъ свое мѣстопребываніе въ Константинополѣ, но несомнѣнно располагалъ большими сочувствіями въ Угорской землѣ среди мѣстнаго населенія; мы знаемъ, что нѣсколько позднѣе, самого Мануила встрѣчали на югѣ Венгріи съ иконами и восторгомъ. Претендентъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ знаменитый своими долгими скитаніями по свѣту и романическими похожденіями, Борисъ Коломановичъ, сынъ Венгерскаго короля Коломана и внукъ по матери Кіевскаго князя Владиміра Мономаха. Отвергнутый своимъ отцемъ, вмѣстѣ съ матерью, заподозрѣнною въ невѣрности, онъ выросъ, по видимому, въ Кіевѣ, гдѣ, въ 1139 году, умерла его мать, Евфимія Владиміровна. Князья Русскіе, въ союзѣ съ королемъ Польскимъ, старались посадить Славянина на престолѣ Арпада и Стефана и предпринимали для этого нѣсколько военныхъ походовъ противъ Бѣлы Слѣпаго (въ 1132 и 1133 г.). Затѣмъ, Борисъ Коломановичъ нашелъ себѣ убѣжище и покровительство тамъ, куда обращались и другіе Русскіе князья, которымъ не оставалось мѣста на родинѣ; онъ появился при дворѣ императора Кало-Іоанна (отецъ Мануила) и тотъ выдалъ за него какую-то родственницу. Въ началѣ втораго крестовго похода Борисъ появился въ лагерѣ Нѣмецкихъ и Французскихъ крестоносцевъ, оставивъ, такимъ образомъ, память о себѣ въ западныхъ лѣтописяхъ, но ничего не достигнувъ въ настоящемъ, теперь онъ, какъ сказано, жилъ въ Константинополѣ въ ожиданіи удобнаго случая предъявить свои права [38]). Уже по этимъ отношеніямъ, имѣвшимъ, очевидно, не одно только личное

---

[38]) См. приложеніе второе, гдѣ собраны указанія различныхъ источниковъ, касающіяся Бориса Коломановича.

значеніе, Король Гейза II, самъ, впрочемъ, женатый на Русской княжнѣ, именно на Евфросиніи Мстиславовнѣ, прославившейся потомъ своимъ умомъ и характеромъ[39]), находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ императору Мануилу. Но были еще другія причины, опредѣлявшія Венгерскую политику въ смыслѣ враждебномъ для Цареграда. Венгрія съ конца XI-го и начала XII-го вѣка владѣла Хорватскою землею и Далматинскими городами, верховнымъ государемъ которыхъ, по историческому праву, считалъ себя Восточный Римскій императоръ; хотя онъ и передалъ свои права на послѣдніе Венеціанской республикѣ, но это не означало вовсе отреченія отъ правъ верховности; сама Венеція болѣе или менѣе ясно признавала надъ собою авторитетъ имперіи законной, т. е. Восточной. Во всякомъ случаѣ очевидно, что тогда отношенія, касавшіяся Адріатическаго побережья, дѣлали Венгрію соперницею опиравшеюся на Византійскаго императора Венеціанской республики. Въ этомъ соперничествѣ союзъ съ Норманнами былъ самою желанною опорою для Венгріи, а равно, наоборотъ, для южно-Итальянскаго Норманскаго государства, стремившагося господствовать на Средиземномъ морѣ, было естественно подать руку Венгріи для униженія Венеціи.— Король Венгерскій охотно присоединился къ коалиціи противъ двухъ имперій, составляемой Рожеромъ и Вельфомъ [40]), къ которой, потомъ, должны были примкнуть папа Евгеній III и Французскій король Людовикъ VII-й. Вельфъ, посредникъ сближенія Гейзы съ Рожеромъ, получилъ отъ перваго, точно такъ какъ ранѣе отъ послѣдняго, значительную сумму денегъ и обѣщаніе ежегодной субсидіи, съ условіемъ дѣйствовать противъ Конрада, что, какъ мы узнаемъ, и было исполнено Вельфомъ. Если Гейза не рѣшился немедленно и въ томъ же 1149 году принять личное участіе въ борьбѣ съ Византійскимъ императоромъ, то причина тому была въ дальнѣйшихъ развѣтвленіяхъ неожиданно широкихъ комбинацій тогдашней политики.

---

[39]) Бракъ устроенъ былъ въ 1142 году, когда Гейза имѣлъ только двѣнадцать лѣтъ. См. Fessler-Klein, Gesch von Ungarn I, 250. — По Русскимъ источникамъ родство Гейзы съ Изяславомъ II-мъ очень хорошо извѣстно. Ср. также Thuroszy 11, 66 и Feier, Cod. diplom. II, 230.

[40]) Cinnam p. 101. Ἀλαμανοὶ (Вельфъ), καὶ Δαλμάται (Сербы см. ниже) καὶ Παίονες—εἰς ὁμολογίαν ἀλλήλοις συνῆλθον ἐξ ἑσπέρας Ῥωμαίοις ἐπιτιθήσεσθαι. Ср. Historia Welforum Weingart. (вышеприведенный отрывокъ). — Къ этому времени относится завѣщаніе Венгерскаго магната Адальберта (Monum. Hungar. Diplomat. VI, 63, № 30), въ которомъ онъ говоритъ о назначеніи его посломъ отъ Гейзы къ Рожеру, что и доказываетъ прямыя сношенія короля Венгерскаго съ Сицилійскимъ.

Въ томъ же 1149 году Гейза былъ сильно занятъ дѣлами Русскими. Въ Русской землѣ шла тогда горячая больба за обладаніе Кіевскимъ престоломъ; соперничество между Изяславомъ Мстиславичемъ съ одной стороны, Юріемъ Долгорукимъ съ другой—не было при этомъ лишено прямаго отношенія къ борьбѣ Востока и Запада, лежавшей въ основѣ всѣхъ современныхъ движеній Европейской жизни. Не только Гейза, но и его родственникъ Изяславъ, былъ въ извѣстной степени врагомъ Византійскаго императора, и, повидимому, имѣлъ нѣкоторыя стремленія высвободиться даже изъ-подъ церковнаго подчиненія Константинопольскому патріарху, какъ это обнаружилось въ дѣлѣ посвященія митрополита Климента соборомъ Русскихъ епископовъ (въ 1147 году). За то оба врага Изяслава II и, слѣдовательно, Гейзы были несомнѣнно въ дружелюбныхъ отношеніахъ къ императору Мануилу. Дѣти Юрія Долгорукаго чрезъ нѣсколько лѣтъ нашли себѣ благосклонный пріемъ въ Цареградѣ и получили отъ Мануила въ удѣлъ города на Дунаѣ [41]). А что касается Владиміра Галичскаго, союзника Юрія Долгорукаго въ борьбѣ съ Изяславомъ, то въ Византіи его тоже считали не только союзникомъ, но и вассаломъ; само собою разумѣется, что онъ былъ врагомъ Венгерскаго короля [42]). И такъ, здѣсь—на Востокѣ, расположеніе сторонъ имѣло такой видъ, что каждый за спиною своего сосѣда и врага имѣлъ себѣ друга и союзника. Византія во враждѣ съ Венгріей и въ союзѣ съ Галичемъ; Венгрія во враждѣ съ Галичемъ и въ союзѣ съ Изяславомъ Кіевскимъ; Галичъ во враждѣ съ Изяславомъ и въ союзѣ съ Юріемъ Долгорукимъ. Изъ Русскихъ лѣтописей мы знаемъ о дѣятельномъ участіи, которое принималъ король Гейза въ борьбѣ за Кіевскій престолъ; какъ въ Германіи онъ стоялъ на сторонѣ враговъ Конрада и Мануила, точно такъ и здѣсь онъ боролся противъ друзей и союзниковъ Византіи. Осенью 1149 года Гейза, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ своего зятя Изяслава, послалъ ему на помощь десять тысячъ войска и только потому отказал-

[41]) Ипатьевская лѣтопись подъ 1162 годомъ. «Идоста Юргевича Царюгороду Мьстиславъ и Василько, съ матерью, и Всеволода молодого пояша съ собою третьего брата и дасть царь Василькови въ Дунаи 4 города, а Мьстиславу дасть волость отъ скалана» (?). Ср. Cinnam. p. 236. Здѣсь, впрочемъ, говорится только о Василькѣ, которому Мануилъ подарилъ землю на Дунаѣ: χώρα παρὰ τὸν Ἴστρον δεδώρηται, ἣν ἢ καὶ Βασιλίκᾳ πρότερον τοῦ Γεωργίου παιδὶ—ἔδωκε.

[42]) По свидѣтельству Киннама (pag. 115), Мануилъ смотрѣлъ на Владимірка, какъ на своего подчиненнаго союзника—ὑπόσπονδον. О значеніи термина можно судить по другимъ примѣрамъ его употребленія у Киннама (pag. 104. 120) и у другихъ (напр. у Льва діакона pag. 105).

ся самъ лично сѣсть на коня противъ Владиміра и Юрія, что, по его словамъ, точно переданнымъ нашею лѣтописью, онъ былъ не пороженъ (не празденъ), ратенъ съ царемъ, то есть, съ императоромъ Мануиломъ [43]).

Болѣе прямымъ образомъ, хотя также не садясь на коня, король Гейза противодѣйствовалъ императору Мануилу въ другомъ ближайшемъ пунктѣ. Затрудненія, приготовленныя или поддержанныя Венгріею въ этомъ другомъ пунктѣ, уже близко и непосредственно касались Византійскихъ интересовъ, такъ какъ дѣло шло на Балканскомъ полуостровѣ, внутри границъ имперіи. Цѣлямъ Рожера и Гейзы здѣсь служила Сербія, въ то время подчиненная Венгерскому вліянію и чрезъ то вовлеченная въ кругъ враждебныхъ Византіи союзовъ, тогда какъ по праву она считалась въ числѣ земель, подвластныхъ имперіи. Византійцы съ давняго времени держали свои гарнизоны въ Сербіи [44]). Сербскіе жупаны Рассіи обязаны были сопровождать императора въ его походахъ [45]). Эта вассальная повинность была даже опредѣлена точными условіями относительно численности поставляемаго, при извѣстныхъ случаяхъ, отряда; такъ, при походѣ въ Азію, требовалось триста человѣкъ. Но точно также съ давняго времени, особенно со времени Алексѣя Комнина, со времени Бодина и Волкана Сербскихъ, замѣтно между Сербскими князьями какъ при-морской, такъ и внутренней Сербіи явное стремленіе къ полному освобожденію отъ Византійскаго господства. Сосѣдство съ Венгріею, которая около того же времени завоевала Славянскую область между Савою и Дунаемъ, такъ называемый Срѣмъ или Сирмію [46]), могло служить опорою для такихъ стремленій. Венгрія тогда вообще не чуждалась Славянскихъ симпатій, и ея короли также охотно роднились съ Сербскими князьями, какъ и съ Русскими. Возникшая около половины XII-го вѣка знаменитая, впослѣдствіи, династія Неманичей, не только опиралась на Венгрію въ своей борьбѣ съ Византіей, но была также и въ родствѣ съ нею: Елена, жена Бѣлы Слѣпаго и мать Гейзы, была дочь Сербскаго жупана.

---

[43]) Ипатьевская лѣтопись стр. 269. О хронологіи см. ниже.

[44]) Cinnam. p. 12. Отсюда видно, что при Кало-Іоаннѣ градъ Раса (Ῥάσον) былъ занятъ Византійскимъ гарнизономъ.

[45]) Cinnam. p. 113.

[46]) Cinnam. p. 227. Τὸ τῶν Οὔννων ἔθνος — ὀλίγῳ ἔμπροσθεν τῆς Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ βασιλείας Σίρμιόν τε εἷλε καὶ πολλὰς τῶν Παριστρίων ἀνδραποδισάμενος πόλεων ἄχρι καὶ ἐπὶ Ναϊσὸν ἦλθεν.

Вѣроятно, вслѣдствіе родства съ нею, сюда переселился другой Сербскій властель, извѣстный въ Венгерскихъ документахъ, а также въ Византійскихъ и Русскихъ источникахъ подъ именемъ бана Бѣлы[47]). Какъ близкій родственникъ королевскаго дома, онъ былъ воспитателемъ юнаго Гейзы, а потомъ и правителемъ государства во время его малолѣтства. Теперь онъ желалъ подчинить свою родину, Сербію, власти своего племянника и питомца, и былъ, очевидно, посредникомъ сближенія между обѣими сторонами.

Въ 1149-омъ году, именно во время осады Корфу, Сербскій жупанъ, которымъ былъ тогда Первославъ, иначе называемый Урошемъ (братъ Стефана Немани)[48]), началъ непріязненныя дѣйствія противъ Византіи. Византійскіе источники прямо говорятъ, что это было сдѣлано вслѣдствіе наущеній Норманно-Венгерскаго союза[49]). Русскіе источники, содержащіе наиболѣе живыя и вѣрныя свѣдѣнія о тогдашнихъ Венгерскихъ дѣлахъ, вполнѣ подтверждаютъ это извѣстіе. Мы видѣли, что, по словамъ самого Гейзы къ Изяславу Мстиславовичу, относящимся къ осени 1149-го года, Гейза считалъ себя находящимся въ открытой войнѣ съ императоромъ Мануиломъ и ожидалъ съ его стороны нападенія. Война эта шла именно въ Сербіи, въ которой Мануилъ явился тотчасъ послѣ взятія Корфу, когда его флотъ отправился къ берегамъ Италіи. Императоръ взялъ Расу, тогдашнюю столицу великихъ Сербскихъ жупановъ и разорилъ ея окрестности[50]), уведя съ собою безчисленное множество плѣнныхъ. Мануилъ

---

[47]) О Неманичахъ и современныхъ нашему разсказу великихъ жупанахъ мы помѣщаемъ нѣкоторыя соображенія въ приложеніи третьемъ. — Что касается до бана Бѣлы, то въ документахъ онъ именуется (1146 года) — Belus comes Palatinus et Banus;.... Existente Belos comite Palatino. (1150 г.) Belos bano (Docum. Hungar. historica: Diplomatoria VI, 57—58). У Оттона Фрейзингенскаго (Gesta Frider. p. 52) Avunculus suus Bela... и далѣе (pag. 179): avunculum Belum; у Киннама (pag. 117) Βέλοσις — ὁ τὰ πρῶτα παρ ἐκείνῳ (у короля) φέρων μπάνον ταύτην καλοῦσιν Οὖννοι τὴν ἀρχήν. Въ Русской лѣтописи (Ипатьев. стр. 283) говорится о бракѣ Владиміра Дорогобужскаго (брата Изяслава Мстиславовича): «поняша у бана дчерь за Володиміра». Событіе относится къ 1150 году, и слѣдовательно, нужно разумѣть все того же бана Бѣлу. — Оттонъ Фрейзингенскій называетъ его прямо дядею короля Гейзы,—очевидно, по матери; слѣдовательно, подтверждаетъ данныя Венгерскихъ источниковъ, вопреки Киннаму. См. въ приложеніи третьемъ.

[48]) См. приложеніе второе.

[49]) Cinnam. pag. 101. Ἀλαμανοὶ καὶ Δαλμάται καὶ Παίονες ἐπὶ τὸν κατὰ Σικελίας συσκευάθεσθαι πόλεμον μεμαθηκότες αὐτὸν (Мануилъ) αὐτοὶ μὲν ἐξ ἑσπέρας Ῥωμαίοις ἐπιτεθήσεσθαι εἰς ὁμολογίαν ἀλλήλοις συνῆλθον.

[50]) Расонъ (Ῥάσον), по мнѣнію Шафарика (Древности 11, 431), есть нынѣшній Ражанъ на побережьѣ Нишавы, и не долженъ быть смѣшиваемъ съ Расомъ, главнымъ городомъ великаго жупана, который есть новый Пазаръ на рѣкѣ Рашкѣ. —

двинулся, затѣмъ, въ область рѣки Нишавы (впадающей въ Болгарскую Мораву), также подчиненную великому жупану, хотя, можетъ быть, только посредственно [51]); безъ особенныхъ усилій онъ захватилъ здѣсь сторожевыя укрѣпленія или грады, многочисленные, до сихъ поръ существующіе, остатки Римскихъ крѣпостей и наблюдательныхъ пунктовъ, только подновляемыхъ въ Византійское и Сербское время— въ родѣ Ниша и Ремесіаны (Ак-Паланки). Только одинъ изъ этихъ градовъ, находившійся сѣвернѣе, на самой Моравѣ, и называвшійся Галичемъ [52]), благодаря своему исключательно крѣпкому положенію, держался долѣе другихъ, и былъ взятъ послѣ трехдневныхъ усилій. Вооруженные и безоружные крестьяне были и здѣсь уведены во множествѣ и послѣ поселены въ предѣлахъ Софіи или Срѣдца. Воротившись въ Расу и узнавъ отъ Константина Ангела, оставленнаго здѣсь для наблюденія за удалившимся въ горы великимъ жупаномъ, что этотъ послѣдній не обнаружилъ готовности смириться, но, напротивъ, тревожилъ Греческій отрядъ своими нападеніями, Мануилъ рѣшился предпринять новую экспедицію, съ цѣлью нанести рѣшительный ударъ. Но Сербы нашли себѣ спасеніе и защиту въ хорошо имъ знакомыхъ горахъ, гдѣ Грекамъ трудно было преслѣдовать ихъ. Въ отмщеніе, Мануилъ безпощадно опустошилъ всю страну и сжегъ попавшійся ему по дорогѣ дворецъ великаго жупана [53]). Возстаніе въ Сербіи, очевидно, осталось неусмиреннымъ за позднимъ временемъ года. Среди глубокой зимы, Мануилъ воротился въ столицу [54]). Извѣстіе объ его подвигахъ подъ Корфу и въ Сербіи уже ранѣе принесены были въ Константинополь. Они были принесены сюда Аксухомъ [55]), который разсказами объ успѣхахъ государя отклонялъ вниманіе другихъ отъ своихъ собственныхъ неудачъ. Оставленный Ма-

Мы не видимъ основаній къ такому различенію. Въ Сербскихъ жизнеописаніяхъ Стефана Немана, въ которыхъ рѣчь идетъ о томъ же времени, не встрѣчается Ражана. Въ разсказѣ Византійцевъ (Киннама и Никиты) тоже указывается скорѣе на нѣкоторое отдаленіе Расона отъ Нишавы и различіе его отъ градовъ, находящихся на послѣдней.

[51]) Νικαβάν τε καταλαβὼν χώραν ὑπὸ τῷ Ἀρχιζουπάνῳ τελοῦσαν καὶ αὐτὴν, φρούρια—παρεστήσατο. Cinnam, pag. 102 въ концѣ.

[52]) Ἐνδὲ Γαλίτζη γεγονὼς: Cinnam ibid. Крѣпость Галичь или Галица, по словамъ Шафарика (стр. 433), находилась въ его время въ видѣ развалинъ на горѣ Галичѣ или Голечѣ, на сѣверъ отъ Чачка, между рѣками Чемерницей и Дичиной.

[53]) Cinnam, pag. 103. Nicet. pag. 119, 120. Первый постоянно пишетъ ζουπάνος, ἀρχιζουπάνος; второй же: σατράπης, Σερβάρχης.

[54]) Cinnam p. 103. Ἐπεὶ χειμὼν κατέσχε δεινός. Ср. Nicet. pag. 120.

[55]) Nicet. pag. 120. Καὶ γράμμα μὲν εὐθὺς εὐάγγελον ἐχαράττετο, — — — καὶ ὁ τοῦτο κομίζων ὁ μέγας ἦν δομέστικος.

нуиломъ при морской эскадрѣ, Аксухъ, какъ мы помнимъ, получилъ приказаніе плыть къ берегамъ Италіи, занять тамъ Анконскую марку и городъ Анкону, которая вообще представляла удобный базисъ для дѣйствій въ южной Италіи и въ которой, повидимому, Византія еще и послѣ имѣла друзей и какую-то точку опоры въ мѣстномъ населеніе. Но Аксухъ, подобно Конто-Стефану, не показалъ большой энергіи или искусства. Венеціанцы, съ своей стороны, оказавъ похвальное содѣйствіе при взятіи Корфу, вовсе не обнаружили особеннаго усердія къ Византійскимъ замысламъ, касавшимся Италіи. Источники прямо говорятъ, что Венеціанцы помѣшали экспедиціи Аксуха [56]); а между тѣмъ, наступила глубокая осень и благопріятное время было потеряно. Попытка пуститься въ море стоила утраты нѣсколькихъ кораблей; Аксухъ безславно воротился назадъ. Ему оставалось быть только вѣстникомъ славы своего государя, что онъ успѣшно исполнилъ. Мануилъ былъ встрѣченъ населеніемъ столицы шумными восклицаніями; входъ его имѣлъ видъ тріумфа. Затѣмъ наступили зрѣлища и конныя ристалища на ипподромѣ, въ которыхъ и прошла зима съ 1149 на 1150 годъ [57]). Всѣ военныя задачи оставались, однако, далеко нерѣшенными, и наступившій годъ не могъ быть годомъ спокойствія и мира. Весна 1150-го года, проведенная Мануиломъ въ полномъ военномъ бездѣйствіи, была ознаменована усиленною перепискою съ Конрадомъ III, которая объясняетъ намъ отчасти и причины бездѣйствія.

Уже въ февралѣ 1150 года мы встрѣчаемъ въ Германіи Греческое посольство, представителемъ котораго былъ Михаилъ Вардалія [58]). Что долженъ былъ говорить посолъ, объ этомъ можно догадываться по содержанію отвѣтнаго посланія съ Нѣмецкой стороны, тотчасъ отправленнаго съ гонцемъ въ Константинополь. Конрадъ писалъ, что онъ твердо держитъ въ памяти данныя обязательства, что исполненіе ихъ только отложено и замедлено, но вовсе не сдѣлалось невозможнымъ. Конрадъ III далѣе увѣрялъ, что онъ никогда не забудетъ того радушнаго пріема, какой былъ ему оказанъ въ Гре-

---

[56]) Cinnam. pag. 102.
[57]) Nicet. pag. 120.
[58]) Wibaldi epistol № 237. Iaffé, monum. Corbeiens. p. 355. Въ Февралѣ этого года Конрадъ пишетъ: Ceterum post celebratam Deo auctore curiam, quam Kalendis May — — in civitate Merseburg decrevimus, nuncios nostros — — — cum tuo prudenti et honesto legato Michael Bardalia, dirigemus.

ческой столицѣ—въ самую тяжелую для него минуту, послѣ потери войска и во время опасной болѣзни; не забудетъ того, что императоръ самъ, собственною особою, ухаживалъ за больнымъ, собственными руками подавалъ ему лекарства. Въ извиненіе своей медлительности, Конрадъ ссылался на смятеніе въ собственномъ государствѣ и удручающую почти шестимѣсячную лихорадку, которая его снова посѣтила на родинѣ [59]).

Торжественное посольство, отправленное Германскимъ королемъ, приблизительно въ мѣсяцѣ маѣ, принесло новыя и подробныя объясненія, давало знать о новыхъ затрудненіяхъ и даже новыхъ опасностяхъ. Вельфъ, получившій отъ Сицилійскаго тиранна (Рожера) немалое количество его «проклятыхъ денегъ», лихорадка, которая мучила Конрада съ конца Августа 1149 года до самой Пасхи 1150 (16-е Апрѣля)—это служило объясненіемъ его поведенія въ прошедшемъ. Но когда эти препятствія были устранены, когда Конрадъ сталъ уже готовиться къ походу въ Италію противъ тиранна Сициліи, тогда пришла ему новая вѣсть, долженствовавшая остановить походъ ради интересовъ самой Византійской имперіи. «До насъ доходятъ извѣстія,—писалъ Конрадъ императрицѣ Иринѣ—что весь Французскій народъ, съ королемъ своимъ во главѣ, по внушенію и наущенію тиранна Сицилійскаго, вошелъ въ заговоръ противъ нашего превосходнѣйшаго брата, твоего знаменитѣйшаго супруга, и готовится поднять оружіе, направивъ противъ нея всѣ свои силы. Мы не почли возможнымъ отнестись легко къ этому обстоятельству, а убѣдились, что необходимо выждать, какой исходъ примутъ эти дѣла; но мы, во всякомъ случаѣ, рѣшились противопоставить себя и нашу имперію за нашего брата и его безопасность» [60]).

Итакъ, когда на сѣверѣ только борьба за Кіевскій престолъ, на которомъ сидѣлъ союзникъ Гейзы II, удерживала Венгерскаго короля отъ рѣшительныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ имперіи на Дунаѣ, въ это самое время Мануилъ долженъ былъ ждать новой

---

[59]) Объясненія изложены въ томъ же письмѣ Конрада къ другу своему, императору Мануилу (отъ февраля 1150 г.), и еще подробнѣе въ письмѣ къ императрицѣ Иринѣ отъ апрѣля того же года (№ 243: Jaffe monum. Corb. pag. 363, 364), когда, безъ сомнѣнія, было отправлено обѣщанное посольство.

[60]) Письмо Конрада къ Византійской императрицѣ (Jaffé, monum, Corbeiens. pag. 365). Nunciatur nobis, quod omnis Francorum populus cum ipso rege suo contra imperium precellentissimi germani nostri — — tui scilicet gloriosissimi sponsi, conspiraret et arma movere, auctore et incentore Cicilye tyranno, cum omni virtutis suae conatu disponeret.

бури, новаго, болѣе опаснаго нашествія съ запада, если только справедливы были извѣстія, сообщенныя союзникомъ.

Эти извѣстія не были ни отговоркою, ни предлогомъ для того, чтобы уклониться отъ принятыхъ обязательствъ, хотя уже принимались всѣ мѣры, приводились въ движеніе всѣ высшіе авторитеты западнаго христіанства для отклоненія Германскаго государя отъ союза съ императоромъ схизматическаго Востока.

Франція думала о новомъ крестовомъ походѣ. Король Людовикъ, огорченный и униженный, покинутый собственною супругой, король Людовикъ, обѣщавшій своему народу воротиться побѣдителемъ и воротившійся вѣстникомъ неслыханныхъ неудачъ и униженія, горѣлъ желаніемъ смыть съ себѣ это пятно. Аббатъ Сугерій, такъ неохотно уступившій общему движенію въ 1146 г., теперь стоялъ въ главѣ его. Святой Бернардъ Клервалльскій самъ готовъ былъ стать предводителемъ новаго ополченія. При томъ раздраженіи противъ Грековъ и Мануила, съ которымъ Людовикъ и Французы воротились изъ Сиріи, при той вновь скрѣпленной дружбѣ съ Рожеромъ Норманнскимъ, которая была результатомъ пребыванія Французскаго короля въ Калабріи—новый крестовый походъ представлялъ величайшую опасность для Византіи, какую-бы дорогу ни избрали крестоносцы.

Король Рожеръ, который разъ взялъ въ плѣнъ папу и только тогда сталъ предъ нимъ на колѣна, король Рожеръ, который не ходилъ въ крестовый походъ противъ невѣрныхъ, а вмѣсто того напалъ на христіанскую имперію,—оказывался теперь общепризнаннымъ героемъ христіанства, наиболѣе послушнымъ, благочестивымъ и полезнымъ сыномъ церкви. Въ ноябрѣ 1149 года при его помощи папа вошелъ въ городъ Римъ [61]), откуда онъ былъ изгнанъ непокорнымъ населеніемъ, увлеченнымъ проповѣдію Арнольда Брешіанскаго, котораго папа тоже именовалъ схизматикомъ. Оказавъ услугу папѣ, съ которымъ, однако, онъ даже не былъ въ настоящемъ мирѣ, а только во временномъ перемиріи, умный Норманнъ спѣшилъ воспользоваться выгодами своего положенія, пока не придется снова вести свои дружины уже не на помощь вооруженному кардиналу и воинственному папѣ, а противъ владѣтеля обоихъ ключей и его арміи. Рожеръ старался склонить на свою сторону и вліятельнаго во Франціи аббата Сугерія, что теперь было легко и кстати. Въ письмахъ къ Сугерію

[61]) Annal. Casinens. Pertz. SS. XIX, 310. Romuald. Salernitan. ibid. p. 425.

Рожеръ именуетъ аббата своимъ дражайшимъ другомъ, какъ особеннаго счастія проситъ извѣстій объ его здоровьи [62]). Сугерій въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ завѣрялъ, что такимъ вниманіемъ король купилъ его всецѣло, съ душою и тѣломъ [63]). Эти любезности Рожера съ папою и Сугеріемъ несомнѣнно были направлены противъ Византіи и Мануила.

Аббатъ Петръ Клюнійскій, общій другъ Бернарда Клервалльскаго и Сугерія, вполнѣ выражалъ общее всѣмъ троимъ настроеніе въ своемъ письмѣ къ королю Сицилійскому: «Наши сердца, сердца всѣхъ Французовъ горятъ стремленіемъ и любовію ко взаимному союзу съ вами: къ этому побуждаетъ насъ низкое, неслыханное и подлое предательство Грековъ и негоднаго короля (regis) ихъ въ отношеніи къ нашимъ пилигримамъ. Возстань на помощь народа Божія, отомсти за толикія обиды!» [64]) Въ глазахъ автора этого горячаго воззванія, Греки и Мануилъ, а не король Рожеръ—были виновниками бѣдствій втораго крестоваго похода, и онъ раздѣлялъ отчасти преувеличенныя, отчасти вполнѣ ложныя обвиненія, которыми извинялись собственныя вины крестоносцевъ. Теперь, конечно, новый крестовый походъ будетъ направленъ иначе: онъ пойдетъ по тому пути, который укажетъ король Рожеръ, который онъ указывалъ еще ранѣе въ 1147-омъ году; освобожденіе Востока отъ мусульманъ начнется сокрушеніемъ ихъ мнимыхъ союзниковъ, завоеваніемъ Константинополя.

Союзъ Германскаго короля съ схизматическимъ императоромъ сильно не нравился на Западѣ. Папа Евгеній, аббатъ Сугерій, Бернардъ Клервалльскій, во имя религіи и общественнаго мнѣнія католической Европы, усиливались разорвать этотъ союзъ.

Папа недавно надѣялся, что вліяніе короля Конрада, отправлявшагося въ крестовый походъ чрезъ Византію, послужитъ къ пользѣ

---

[62]) Письмо Рожера къ аббату Сугерію: Migne, Patrologia latina 186, 1415. Amicorum est, ut alter alterius congratuletur serenitati et cet. Ср. Vita Sugerii ibid pag. 1197. Nonne huic (Sugerio) famosissimus rex Siciliae Rogerius litteras misit supplices et deprecatorias et munera distinavit?

[63]) Hujusmodi quaestio me totum totaliter vestrae Serenitati emptitium reddidit. Epistolae Sugerii № 146 (Migne 186, 1417). — Въ жизнеописаніи Сугерія сказано, что король Рожеръ, узнавъ о намѣреніи Сугерія отправиться въ крестовый походъ, готовился ему выйдти на встрѣчу. Въ отвѣтномъ письмѣ Сугерія говорится также о послѣ, котораго онъ отправляетъ къ Рожеру для переговоровъ лицомъ къ лицу.—Все это весьма знаменательно.

[64]) Marrier et Quercetanus, Bibliotheca Cluniacensis (Paris 1614). Ср. Jaffe, der König Konrad pag. 180.

и выгодамъ Римской церкви. Ему внушали на дорогу, что онъ обязанъ хлопотать о соединеніи Восточной церкви съ Римскою, хлопотать всѣми силами, данными ему отъ Бога [65]). Теперь оказызывалось, что расширеніе кругозора и особенно знакомство съ воззрѣніями Греческаго міра, среди котораго онъ такъ долго вращался, охладили усердіе Конрада въ Римскому престолу, сообщили опасную независимость его образу мыслей. Въ Италіи находили, что король Германскій былъ испорченъ, зараженъ Греческимъ непослушаніемъ. Папская курія обращалась къ приближеннымъ ему духовнымъ лицамъ со внушеніями позаботиться о направленіи и возвращеніи на путь истины нѣкогда благочестиваго и усерднаго къ церкви государя. Кардиналъ Гвидонъ, бывшій папскій легатъ въ крестовомъ походѣ, писалъ къ совѣтнику Конрада, аббату Вибальду, что святой отецъ и вся его курія приведены были въ смятеніе слухами о союзѣ Римскаго короля съ императоромъ Грековъ; это могло повести къ сильному ущербу и огорченію Римской церкви [66]). Замѣчательно, что и Вибальдъ, такъ близкій къ Конраду III, находилъ, что, хотя и не отъ Греческаго союза, но все-таки вслѣдствіе Греческаго вліянія, государь его былъ, дѣйствительно, нѣсколько «испорченъ гордостью и непослушаніемъ Грековъ», имъ усвоеннымъ, и что въ окружающей его средѣ еще сильнѣе оказывалось такое дѣйствіе; были люди, слышались рѣчи, которыя требовали серіознаго и смѣлаго обличенія [67]).

Всего хуже было то, что дружба Конрада съ Мануиломъ, его Греческая испорченность и зараза, мѣшали союзу Франціи съ Рожеромъ; эта дружба стояла на дорогѣ большимъ препятствіемъ свободѣ движеній Сицилійскаго короля. Рожеръ могъ бы, какъ предводитель передовой дружины новаго крестоноснаго ополченія, снова переправить свои войска въ Эпиръ, чтобы идти на Солунь и Константинополь; но какъ онъ могъ это предпринять, когда ему грозили вторженіемъ съ сѣвера?

65) Boczek, Codex diplomat. Moraviae I, 257.

66) Epistola Wibaldi № 252 (Jaffe, Monum. Corbeiens: pag. 377).—Rumor tam dominum papam quam curiam suam perturbasset, pro eo quod — — Conradus Romanorum rex fedus cum imperatore Grecorum firmasse dicebatur, ita ut sunctam Romanam ecclesiam — — graviter si posset affligere et infestare disponeret.

67) Epistolae Wibaldi № 252 (Jaffe Monnm. Corb. p. 377). Fecimus, quod jussit (Гвидонъ Вибальду отъ имени папы); et homini, non federe contracto set fastu et inobedientia Grecorum aliquantulum corrupto — humilitatis et obedientiae bonum instillavimus; et aliquorum verba familiaritatis ausu severius interdum repressimus.

*

Этотъ пунктъ былъ оцѣненъ во Франціи по достоинству. Вышеупомянутый аббатъ Петръ, настоятель знаменитаго монастыря Клюни, выражая свое глубокое сожалѣніе о союзѣ короля Конрада съ Византійскимъ императоромъ, обѣщалъ употребить всѣ свои усилія для сближенія и примиренія Конрада съ королемъ Сицилійскимъ, въ пользу Нормано-Французскаго союза. Онъ самъ хотѣлъ обратиться съ благочестивыми увѣщаніями къ «испорченному» Греками сыну Римской церкви, какъ только найдетъ къ тому удобный случай.

Пока никто-либо другой меньшій, а самъ Бернардъ Клервалльскій и чрезъ посредство лица, столь значительнаго, какъ Фрейзингенскій епископъ Оттонъ, сводный братъ короля Конрада, обратился, въ мартѣ 1150 года, къ Нѣмецкому государю съ желаемыми внушеніями. Онъ превозносилъ похвалами властителя южной Италіи; недавній врагъ папы, еще не примирившійся съ нимъ окончательно, оказывался теперь человѣкомъ «полезнымъ и необходимымъ для Римской церкви»; онъ бы могъ быть и еще болѣе для нея полезнымъ, если бы не служили къ тому препятствіемъ значеніе и могущество Нѣмецкаго короля [68]).

Никто не мѣшалъ королю Рожеру уничтожать Греческіе монастыри и остатки восточнаго обряда въ Апуліи и Калабріи, никто не мѣшалъ превращать въ крѣпостныхъ Греческихъ священниковъ и семьи ихъ, точно также какъ никто ему не препятствовалъ обращать въ христіанство Сарациновъ Сициліи, такъ многочисленныхъ въ войнахъ Норманнскихъ королей. Но король Рожеръ могъ быть полезнымъ для Римской церкви и въ предѣлахъ восточной имперіи—и здѣсь-то, къ сожалѣнію св. Бернарда, была ему помѣха въ дружбѣ Германскаго государя съ схизматическимъ императоромъ.

И такъ въ началѣ 1150 года противъ Мануила и Византіи готовилась образоваться сильная коалиція, во главѣ которой стоялъ король Рожеръ, къ которой уже принадлежала Венгрія съ Сербіей, къ которой готовилась пристать Франція, а также и папа, къ которой старались привлечь Германію и ея короля. Если бы удалось послѣднее, то Константинополю уже теперь грозилъ бы 1204 годъ.

---

[68]) Monum. Corbeiens. p. 377. Wibaldi epist. № 252. Porro in capite quadragesimae dominus abbas Clarevallensis misit domno regi litteras per episcopum Frisingensem, in quibus collaudat dominum illum Siciliae, eo quod in multis utilis et necessarius fuisset catholicae aecclesiae, futurus utilior, si non prohiberetur virtute et potentia nostri principis...

Къ счастію для Византійскаго императора, опасность не приняла тѣхъ размѣровъ, какими она грозила. Конрадъ III не могъ примириться съ своимъ врагомъ, не хотѣлъ измѣнить своему союзнику и родственнику (по женѣ). Извѣщая о планахъ, бывшихъ въ ходу во Франціи, онъ повторялъ увѣренія въ своей вѣрности дружбѣ и союзу, изъявлялъ готовность, если понадобится, противодѣйствовать своему прежнему товарищу по крестовому походу, королю Людовику, не оставлялъ намѣренія и надежды выполнить старые планы и недавнія обязательства относительно общаго похода въ Италію. Король Конрадъ снова велъ рѣчь о скрѣпленіи союза двухъ дворовъ бракомъ своего сына Гейнриха на одной изъ племянницъ Мануила [69]).

Въ этомъ же смыслѣ писалъ къ Мануилу и аббатъ Вибальдъ, недавно заботившійся объ освобожденіи своего государя отъ Греческой заразы. Вибальдъ, самъ лично пострадавшій отъ Норманновъ, изгнанный ими изъ монастыря Монтекассинскаго, гдѣ онъ ранѣе былъ настоятелемъ, все-таки никакъ не могъ сдѣлаться другомъ Рожера, врага Божьяго, и оставался поборникомъ союза съ Византійскимъ императоромъ. «Этотъ злой человѣкъ и другіе очень многіе, писалъ Вибальдъ къ Мануилу, злоумышляютъ противъ вашего государства. Но я увѣренъ, что такое значительное государство, въ которомъ господствуетъ служеніе божественной религіи, законный порядокъ и начала гражданскаго права (ordo legum et juris civilis ratio), въ которомъ нѣтъ недостатка въ мужествѣ и военной дисциплинѣ, которое при томъ безконечно богато—я увѣренъ, что такое государство не можетъ быть разрушено нечестивыми и развращенными людьми» [70]).

Ясное дѣло, что весною 1150 года нельзя было надѣяться на содѣйствіе короля Конрада при вторженіи въ южную Италію. Было большимъ счастіемъ уже то, что своею холодностію къ Французскимъ порывамъ, онъ расхолодилъ пылъ тамошняго рыцарства и многихъ святыхъ мужей, и обѣщалъ оставаться вѣрнымъ союзу. Вибальдъ, его совѣтникъ, вскорѣ получилъ заслуженный подарокъ изъ Константинополя и спрошенъ былъ императоромъ о здоровьи. Лѣто 1150 года прошло поэтому безъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ по направленію къ Италіи, а осенью того же года открылась прямая борьба съ Венграми и союзною съ ними Сербіею, въ которую Гейза II отрядилъ уже значительныя военныя силы.

---

[69]) Wibaldi epistolae № 246. Jaffé. Monum. Corbeiens. pag. 369.

[70]) Письмо Вибальда къ Мануилу (мартъ 1151) № 325 pag. 454.

Осень въ то время считалась наиболѣе удобнымъ временемъ для военныхъ предпріятій противъ Сербіи, такъ какъ осенью обнажались отъ листьевъ лѣса гористой страны и непріятелю представлялось менѣе возможности скрывать свои движенія и спасаться отъ поисковъ и преслѣдованій [71]). Мануилъ собралъ армію въ Нишѣ [72]). Узнавъ потомъ, что Венгерскія войска идутъ на соединеніе съ Сербами, онъ вступилъ въ жупу Лугомиру, т. е. область между нынѣшнею Чупріей и Ягодиномъ, гдѣ находится рѣчка Лугомиръ [73]), чтобы встрѣтить Угорцевъ, двигавшихся на его правомъ флангѣ [74]); но не скоро нашелъ ихъ. Долиною Сербской Моравы Мануилъ направился на западъ къ рѣкѣ Link Дринѣ [75]). Прежде чѣмъ Византійцы достигли послѣдней, ихъ передовой отрядъ, высланный для фуражировки, встрѣтился съ Венграми. Венгры были разбиты, при помощи подкрѣпленія, отправленнаго императоромъ, и бѣжали къ рѣкѣ Дринѣ, гдѣ произошла новая схватка, тоже неудачная для союзниковъ великаго жупана [76]). Греки преслѣдовали отступившихъ Венгровъ въ Боснію, до рѣки Тары и потомъ воротились назадъ къ главному корпусу своей арміи, предводимому императоромъ. Мануилъ стоялъ уже на срединѣ пути, ведущаго къ Ситницѣ, т. е. на Косово поле и къ Митровицѣ, вѣроятно въ долинѣ Ибара [77]),и находился въ нерѣшимости, куда ему слѣдуетъ направить движеніе. Взятые въ плѣнъ Сербы сообщили свѣдѣнія, что главныя силы Сербовъ, подъ предводительствомъ самого великаго жупана, нахо-

---

71) Cinnam. pag. 104 въ началѣ.

72) Ἐπὶ Ναισὸν τὸ στράτευμα ἤγειρεν. Cinnam. p. 104.

73) Διὰ τοῦ Λογγομηροῦ λεγομένου χώρου. О положеніи жупы Лугомірской — см. Рјечникъ Даничича 11, 21.

74) Ἐν δεξιᾷ πορευομένοις. Cinnam. 6 c.

75) Cinnam. pag. 104. Ἐπεὶ δὲ ἐγγὺς Σάου ἐγένετο, ἐφ ἕτερον ἐκεῖθεν μετῆλθεν ποταμὸν, Δ ρ υ ν ᾶ ν ὄνομα.— Приближеніе къ Савѣ, вѣроятно, нужно понимать не въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ, а на столько—на сколько Сербская Морава приближается своимъ изгибомъ къ сѣверу.

76) Εἰς τὸ τοῦ Σ τ ρ υ μ ό ν ο ς ποταμοῦ ῥεῦμα καθῆκαν ἑαυτούς. Cinnam. pag. 105. Стримонъ совершенно не на мѣстѣ; и рѣчи быть не можетъ объ отступленіи къ нему Венгровъ. Такую же точно ошибку Тафель (Thessalonica pag. 248, примѣч.) поправляетъ въ Δρυμόνος (Дринъ). Сравни Ann. Comn. XII, 371. И здѣсь, конечно, разумѣется тотъ же самый Дринъ, о которомъ уже была рѣчь выше (Чит. Δρυνᾶ или Δρυμόνος).

77) Въ Сеченицѣ или Сѣценицѣ Шафарикъ видитъ городъ Сѣнницу, подъ которою стоятъ теперь Сербскія войска. Не едва-ли Σ ε τ ζ ί ν ι τ ζ α не есть С и т н и ц а, С и т ь н и ц а—рѣка, протекающая по Косову полю; прилагательное отсюда «Ситьничьный»—(Ситничке градове). См. Рѣчникъ Даничича III, 113. Не только филологически Ситьница ближе къ Византійскому выговору, любившему превращать т въ ц, но и географически она ближе къ рѣкѣ Тарѣ.—Впрочемъ, нужно-ли разумѣть Сѣницу, или Ситьницу, разстояніе и различіе будетъ небольшое.

дятся далѣе, именно за рѣкою Тарою, и ожидаютъ тамъ прибытія Венгерскаго корпуса, отправленнаго имъ на помощь: очевидно, только съ одною частію его имѣли передъ тѣмъ дѣло Византійцы передоваго отряда. Мануилъ двинулъ впередъ свою армію. На рѣкѣ Тарѣ онъ, дѣйствительно, нашелъ «безчисленныя толпы» вооруженныхъ Сербовъ, къ которымъ уже пришло большое вспомогательное войско, состоявшее изъ Венгерскихъ всадниковъ и приведенныхъ Венграми Хвалисовъ, именуемыхъ также Измаильтянами, а также Печенѣговъ, поселившихся въ Венгріи [78]. Не смотря на глубокій снѣгъ, рано выпадающій въ суровыхъ горныхъ странахъ Босніи и Герцеговины, и покрывавшій теперь долину рѣки Тары, при переправѣ черезъ нее начался цѣлый рядъ боевыхъ схватокъ, въ которыхъ самъ императоръ, по обыкновенію, принималъ личное участіе и обнаружилъ свою прославленную личную храбрость и богатырскую силу. Въ рѣшительной битвѣ, Сербы и союзники ихъ разбиты и обратились въ бѣгство; сорокъ человѣкъ повергъ императоръ собственною рукою и копьемъ на землю, и затѣмъ вступилъ въ единоборство съ предводителемъ Венгровъ, жупаномъ Бакхиномъ, который, сверхъ высокаго роста, тоже отличался своимъ военнымъ мужествомъ [79]. Послѣ долгой борьбы, Бакхинъ нанесъ крѣпкій ударъ въ лицо императору [80]: только сѣтка, спускавшаяся отъ шлема на глаза, спасла его жизнь; но ударъ былъ все-таки столь силенъ, что кольца отъ забрала вошли въ тѣло и отпечатлѣлись на ли-

---

[78]) Cinnam. pag. 107. Οὔννων ἱππέων καὶ δὴ καὶ τῶν παρ αὐτοῖς ἑτεροδοξούντων Χαλισίων. Οὔννων γὰρ τὰ χριστιανῶν πρεσβευόντων, οὗτοι Μωσαικοῖς καὶ τούτοις οὐ πάντη ἀκραιφνέσιν εἰσέτι καὶ νῦν διεξάγονται νόμοις.—И такъ, Венгерскіе Хвалисы слѣдовали закону Моисееву; хотя не въ полной его чистотѣ; судя по этому, мнѣніе, признающее въ нихъ Караимовъ, не совсѣмъ лишено основанія. Однако тотъ же самый Киннамъ въ другомъ мѣстѣ (pag. 247) говоритъ, что они исповѣдуютъ одну вѣру съ Турками; притомъ дѣлаетъ ссылку на сейчасъ приведенное мѣсто, въ которомъ онъ будто бы сказалъ тоже самое: Χαλισίους—καὶ εἰσιν ἑτερόδοξοι, καθάπερ ἤδη ἔφην, Πέρσαις ταυτοφρονοῦντες—И такъ, Хвалисы Киннама тоже самое, что Кализы (Caliz), упоминаемые безпрерывно въ Венгерскихъ памятникахъ съ 970-го года, именуемые также Измаильтянами, и притомъ исповѣдывавшіе, подобно Волжскимъ Болгарамъ, Магометанство Ганефидскаго толка; предполагается, что они переселились съ Волги послѣ разрушенія Болгарскаго царства Русскими. См. Ученыя записки I и II отд. Акад. Наукъ т. III, стр. 737 (статья А. А. Куника).

[79]) Cinnam. pag. 110—112. На послѣдней страницѣ читаемъ вслѣдъ за разсказомъ о плѣнѣ Бакхина (Βακχῖνος): Οὐκ εἰς μακρὰν πρέσβεις παρὰ τοῦ ἀρχιζουπάνου ἐπὶ τὸ στρατόπεδον ἵκοντο, ἀμνηστίαν αὐτῷ κακῶν ἐξαιτούμενοι. «Пришли послы отъ Великаго жупана». — Но выше архижупаномъ назывался Вакхинъ, а здѣсь является новый архижупанъ. — Мы думаемъ, что Бакхинъ былъ жупанъ Венгерскій и предводитель Венгерскаго отряда. См. Прилож. третье.

[80]) Cinnam. pag. 113.

цѣ Мануила. Императоръ вырвалъ мечь изъ рукъ противника, который сейчасъ же передалъ своему племяннику, Іоанну Дукѣ; Бакхинъ принужденъ былъ сдаться. Мануилъ стремился впередъ, искалъ себѣ новыхъ подвиговъ; но самъ Бакхинъ не желалъ гибели своему рыцарскому побѣдителю, и жестами, указывая на свою голову, старался объяснить, что враги, съ которыми онъ можетъ встрѣтиться, также многочисленны, какъ волосы на головѣ. Ведя сорокъ своихъ собственныхъ плѣнниковъ, императоръ воротился въ лагерь, куда скоро явились послы отъ великаго жупана Сербскаго, съ просьбами о прощеніи. Самъ сербскій князь, по требованію императора, долженъ былъ лично загладить свою вину. Повергнувшись въ прахъ предъ своимъ господиномъ, простершись въ ногахъ царя и только немного приподнимая голову, Урошъ произнесъ клятву и обѣтъ вѣчной покорности. Онъ обязался навѣки быть рабомъ императора восточнаго, и, какъ вѣрный вассалъ, сопровождать его на войнѣ съ опредѣленнымъ количествомъ войска,—при походѣ на западъ—съ двухтысячнымъ числомъ, при походѣ на Азію—съ пятью-стами; слѣдовательно, въ послѣднемъ случаѣ, двумя стами болѣе, чѣмъ это полагалось прежде.

И въ слѣдующемъ, 1151 году, всякіе планы относительно Италіи не представлялись удобными къ исполненію. Правда, король Конрадъ объявилъ, наконецъ, на Германскомъ сеймѣ о своемъ намѣреніи идти въ Италію чтобы принять тамъ императорскую корону и устроить тамошнія дѣла, но новыя смятенія въ Германіи помѣшали ему исполнить свое давнишнее желаніе, а затѣмъ, въ февралѣ 1152 года, послѣдовала его смерть. Рекомендуя своего племянника, герцога Фридриха Швабскаго, въ преемники себѣ, онъ завѣщалъ послѣднему твердо держаться союза съ Византійской имперіей [81]).

Самъ Мануилъ, въ 1151-мъ году, долженъ былъ, очевидно, болѣе думать о Венгріи, чѣмъ о Калабріи и Апуліи. Открытая и прямая война съ Венгріей представлялась необходимымъ слѣдствіемъ событій послѣднихъ лѣтъ. Византійская политика могла поставить въ вину Венгерцамъ не только ихъ явное вмѣшательство въ дѣла Сербскія, помощь, оказанную непокорному вассалу, но и враждебныя дѣйствія противъ Галичскаго князя Владимірка, котораго въ Византіи тоже считали союзникомъ или даже вассаломъ. Именно это послѣднее обвиненіе поставлено было прямо на видъ въ той грамотѣ,

---

[81]) Otton, Frising. Gesta Frider.

которою Мануилъ, по чувству и законамъ рыцарскаго благородства, запрещавшимъ начинать войну безъ предварительнаго объявленія, возвѣстилъ объ открытомъ разрывѣ [82]). Присутствіе въ его войскѣ претендента Бориса, внука Мономахова, обѣщало, конечно, союзниковъ въ самой Венгріи и въ тоже время указывало на цѣль войны.

Мануилъ началъ войну опустошеніемъ Срѣма, т. е. области между Савою и Дунаемъ (Франкохоріонъ). Оставивъ Өеодора Ватагци осаждать Землинъ, онъ раззорялъ окрестныя села, забирая въ плѣнъ жителей [83]). Венгерскій отрядъ, высланный на встрѣчу, перешелъ на сторону Византійцевъ, т. е., вѣроятно, на сторону Бориса Коломановича. Видно, что Мануилъ не думалъ удерживать за собою своихъ завоеваній. Весь полуостровъ между Савою и Дунаемъ былъ превращенъ въ пустыни; цѣлыя толпы населенія всѣхъ возрастовъ были подняты съ своихъ жилищъ и принуждены были тянуться за Византійскою арміей, чтобы быть потомъ поселенными въ предѣлахъ имперіи. На обратномъ пути Мануилъ принудилъ къ сдачѣ Землинъ, напрасно осаждаемый Ватагціемъ; съ веревками на шеѣ, съ непокрытыми головами—вышли защитники крѣпости и были помилованы; только самая крѣпость, съ сохранившимися въ ней богатствами, была разграблена [84]). Извѣстіе о присланномъ изъ Цареграда объявленіи войны застало Венгерскаго короля въ землѣ Русской, именно во владѣніяхъ Галичскаго князя на рѣкѣ Санѣ [85]). Вмѣстѣ съ своимъ союзникомъ, Кіевскимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ, Гейза только что одержалъ побѣду надъ Владимиркомъ. Изяславъ и его сынъ Мстиславъ желали воспользоваться успѣхомъ до конца. «Нынѣ далъ намъ его Богъ въ руки, да самаго имемъ и власть его возьмемъ»—твердили они; но, несмотря на ихъ настоянія, король Гейза, по совѣту

82) Cinnam. pag. 115. Οὗ δὴ ἕνεκα μάλιστα βασιλεὺς αὐτῷ (Ἰατζᾳ), ἅτε παρὰ γνώμην τὴν αὐτοῦ Βλαδιμηρῷ (τοῦτο γάρ ὄνομα τῷ Γαλίτζης ἄρχοντι ἔκειτο) ἀνδρὶ ὑποσπόνδῳ Ῥωμαίοις ὄντι (πόλεμον διήνεγκεν).

83) Cinamm. p. 114.

84) Cinnam. p. 114, 115. Cicet. p. 123.

85) Nicet. pag. 122. Ὁ γάρ τῶν Οὔγγρων ῥήξ οὐχ ἦν κατὰ χώραν, τοῖς γειτνιῶσι Ῥως συμπλεκόμενος. Ср. Cinnam. p. 115. Διήγγειλεν ἡ φημή τὸν Παιόνων ῥῆγα—κατά Ῥώμαίων ἥκειν ἤδη τοὺ κατὰ Γαλίτζης χώρας Ταυροσκυθικῆς πόλεμον εὐτυχῶς διενεγκόντα.—Въ Русскихъ лѣтописяхъ (Ипатьев. стр. 312) Галичскій походъ Гейзы стоитъ подъ 6660 годомъ, что не противорѣчитъ Византійской хронологіи, если предположимъ, что событіе и здѣсь и тамъ относятся къ осеннимъ мѣсяцамъ. Замѣчаніе Погодина (Изслѣдованія V, 235, 236. IV, 110), что соотвѣтственные годы поставлены вѣрно, и особенно, что примиреніе относится къ 1152 году, не вполнѣ оправдывается Византійскою хронологіею, а также и болѣе тщательною повѣркою Русской.—См. приложеніе четвертое.

архіепископа и своихъ вельможъ, удовольствовался дарами Владимірка и ограничился требованіемъ, чтобы онъ воротилъ Изяславу Русскіе города и впредь его не тревожилъ. Миролюбіе, обнаруженное Венграми, находилось, нужно думать, въ связи съ жалобами и обвиненіями Мануила, или же съ извѣстіями объ его вторженіи въ южныя области королевства. Гейза спѣшилъ защищать свои при-Дунайскія границы отъ Грековъ. Слухи объ его приближеніи дошли до Мануила, когда онъ готовился воротиться назадъ, считая походъ оконченнымъ на этотъ годъ, и заставили его отказаться отъ отдыха. Оставивъ на правой сторонѣ Савы военноплѣнныхъ, количество которыхъ превосходило всю численность его арміи, императоръ снова вступилъ въ область Срѣмскую; онъ готовился къ отчаянной битвѣ: начальникъ перевозной флотиліи, состоявшей и здѣсь изъ однодеревокъ, получилъ приказаніе никого, ни даже самаго императора, не пускать обратно черезъ Саву въ случаѣ бѣгства. Скоро, однако, извѣстіе о близости короля Гейзы оказались невѣрными; вмѣсто его, во главѣ войска стоялъ банъ Венгерскій, Бѣла, о которомъ была рѣчь выше; притомъ, банъ Бѣла не пошелъ прямо на Грековъ, а самъ, съ своей стороны, угрожалъ вторгнуться въ Болгарію, подвластную имперіи и заключавшую въ себѣ также нынѣшнюю при-Дунайскую Сербію до рѣки Моравы (только на западъ отъ этой рѣки начиналась тогда Сербія). Это движеніе, которое Византійскіе писатели напрасно объясняютъ трусостію, заставило Мануила покинуть Венгерскія владѣнія и, перейдя Мораву, стать на Дунаѣ, охраняя область Браничево, находившуюся между друмя сейчасъ названными рѣками [86]). Но такъ какъ нападенія со стороны бана Бѣлы не послѣдовало, то Византійцы опять перешли къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Борисъ Коломановичъ, по распоряженію императора, переправился черезъ Дунай, вторгнулся въ теперешній Банатъ и достигъ области рѣки Темеша, отличившейся тогда густотою населенія и его богатствомъ, гдѣ имѣлъ удач-

[86]) Рѣчникъ Даничича 1, 70. Браничево—земля, простиравшаяся отъ Моравы до Дуная. Эта мѣстность, очевидно, называется у западныхъ историковъ крестовыхъ походовъ Брандицемъ (Brandiz), которые, впрочемъ, обыкновенно говорятъ о городѣ Брандицѣ. Есть и теперь Браница верстахъ въ 20-ти отъ Дуная, на правомъ берегу Млавы. Послѣ, при Андроникѣ, Венгры (король Бѣла) завладѣли Браничевомъ и Нишемъ; съ 1186 года Браничево снова принадлежало Грекамъ вслѣдствіе мира съ Венграми; однако изъ мѣстъ, приведенныхъ Даничичемъ, видно, что при св. Савѣ Браничево было Сербскимъ владѣніемъ, такъ какъ св. Савва здѣсь учредилъ епископію. Ср. Pray, Comment. histor. de Bosniae, Serviae ac Bulgariae cum regno Hungariae nexu, p. 75.

ныя столкновенія съ тремя Венгерскими отрядами. Венгры и король Гейза думали, что они имѣютъ дѣло съ самимъ императоромъ и его главными силами; только разубѣдившись въ этомъ, король пошелъ на своего родственника Бориса, но уже было поздно, потому что тотъ, обремененный добычею, воротился назадъ и ночью ушелъ обратно за Дунай, при свѣтѣ факеловъ, зажженныхъ по приказанію Мануила. Самъ императоръ готовился предпринять въ большихъ размѣрахъ экспедицію на лѣвый берегъ Дуная, противъ стоявшаго тамъ короля; но въ это время въ его лагерѣ явились послы Гейзы II съ мирными предложеніями, которыя и были приняты. Мануилъ воротился въ столицу и снова имѣлъ въ ней торжественный, тріумфальный въѣздъ [87]).

До настоящаго, прочнаго мира съ Венгріей, однако, также было далеко, какъ и до полнаго осуществленія Итальянскихъ плановъ. Въ 1152 г. опасность, грозившая Византійской имперіи, уменьшилась въ томъ смыслѣ, что одушевленіе Французовъ къ повторенію крестоваго похода по новому пути оказалось временнымъ, скоро остывшимъ увлеченіемъ. Начинающійся вновь раздоръ между папою и королемъ Рожеромъ также служилъ въ пользу Византіи и къ ослабленію враждебнаго ей союза на западѣ. Но за то со со смертію короля Конрада утраченъ былъ Мануиломъ испытанный и, въ извѣстной степени, надежный другъ и родственникъ, притомъ, въ то самое время, когда отъ него можно было ожидать наибольшихъ услугъ. Въ Германіи было мнѣніе, что Конрадъ не случайно умеръ именно въ тотъ моментъ, какъ уже окончательно рѣшенъ былъ походъ въ Италію; подозрѣвали, что онъ былъ отравленъ своими придворными докторами, которыхъ тогда вообще поставляла Италія и знаменитая Салернская школа, находившаяся во владѣніяхъ короля Сицилійскаго [88]). Избраніе новаго короля Германіи уже само по себѣ отсрочивало опасность для Рожера и возможность совокупнаго движенія со стороны Германіи и Византіи. Хотя преемникомъ Конрада былъ человѣкъ болѣе сильной воли и крѣпкаго характера, именно его племянникъ Фридрихъ Швабскій, знаменитый Барбаруcса, но все таки онъ нуждался во времени, что-

---

[87]) Cinnam. pag. 118.

[88]) Otto Frising. Gesta Frider. l. I, c. 63 (pag. 97 шк. изд.). Cum etiam jurata expeditione in proximo imperii coronam accepturus esset, non sine suspicione quorundam quos ex Italia habuit medicorum, quasi ex Rogerii Siculi metu submissorum, morbo corripitur.

бы устроить домашнія дѣла въ Германіи, и только тогда могъ думать о походѣ въ Италію для пріобрѣтенія императорской короны. На сеймѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1152 г., этотъ походъ и соединенная съ нимъ война съ Норманнами, наконецъ, были рѣшены, но срокъ для исполненія рѣшенія назначенъ двухлѣтній [89]). Изъ этого слѣдовало, что до 1154 или даже 1155 г. имп. Мануилъ долженъ былъ одинъ бороться съ Норманнами; другими словами: занятый снова на Азіятскомъ Востокѣ и небезопасный со стороны Венгріи, онъ не могъ и думать о перенесеніи войны въ Апулію и о серіозной высадкѣ во владѣніяхъ короля Сицилійскаго. Приходилось ограничиваться морскою войною, въ которой, какъ оказывается, Византійское государство, безъ помощи Венеціанцевъ, было несомнѣнно слабѣе южно-Норманнскаго. Уже въ 1152 г., Византійскій флотъ, подъ начальствомъ дяди императора Константина Ангела, долженъ былъ оберегать берега Мореи и ея промышленные, хотя недавно пострадавшіе города, въ особенности Монемвасію (или Мальвазію), находившуюся неподалеку отъ мыса Малеи, обыкновеннаго сторожеваго пункта на морскомъ пути изъ Италіи на востокъ. Узнавъ, что Сицилійскіе корабли должны идти скоро на возвратномъ пути изъ экспедиціи въ Египетъ, Константинъ Ангелъ вздумалъ овладѣть богатою добычею, которая на нихъ предполагалась, и поспѣшилъ преградить имъ дорогу, хотя самъ императоръ внушалъ ему осторожность. Сраженіе кончилось самымъ печальнымъ образомъ для Византійцевъ: самъ адмиралъ ихъ, Константинъ Ангелъ, былъ взятъ въ плѣнъ, и только немногіе корабли Греческіе успѣли во-время спастись безпорядочнымъ бѣгствомъ [90]). На

---

[89]) Otto Fr. Gesta Fr. 11, 7. Wibaldi epist. 410.

[90]) О сраженіи при мысѣ Малейскомъ и о плѣнѣ Константина Ангела говорятъ оба Византійскіе источника: Киннамъ и Никита. Первый (pag. 119) ставитъ его позади событій 1151 г. и ранѣе событій 1153 г. Какъ оказывается по всѣмъ соображеніямъ, морская битва Константина Ангела дѣйствительно относится къ 1152 г. Но изъ замѣтки, непосредственно предшествующей разсказу о ней, обнаруживается, что, по мнѣнію Киннама, она послѣдовала по смерти короля Рожера, при его преемникѣ Вильгельмѣ. Между тѣмъ, не смотря на нѣкоторое странное противорѣчіе въ Западныхъ, даже Итальянскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ, смерть Рожера относится къ концу февраля 1154 г., а не 1152 или 1153 г. Документы показываютъ, что король Рожеръ былъ живъ еще въ октябрѣ 1153 г. (См. Cusa, i diplomi Greci ed arabi pag. 33. № XI. 'Εγράφη ένὶ τῆς — βάσιλείας τῦυ ῥήγὸς Ρογερίου — — — τῆς ἰνδικτιῶνος β' τοῦ ετους ϛχξβ μηνὶ οχτοβριω), и что, слѣдовательно, только тѣ показанія правильны, которыя относятъ его смерть къ 1154 г. Относительно мѣсяца разногласія нѣтъ. У Киннама мы должны предполагать ту же ошибку, какая, напримѣръ, замѣчается у Ромуальда Салернскаго, т. е. что смерть Рожера онъ относилъ къ 1152 г. Проис-

отношеніяхъ къ другой противницѣ, до сихъ поръ дѣйствовавшей за-одно съ Норманнами, смерть короля Конрада также отразилась невыгоднымъ для Византіи образомъ. Гейза II разорвалъ договоръ, заключенный въ предыдущемъ году, и сдѣлалъ это, вѣроятно, не безъ разсчета на перемѣну правленія въ Германіи. Онъ снова явился на Дунаѣ и угрожалъ Византійскимъ городамъ на правомъ его берегу. Немедленное и быстрое прибытіе сюда Мануила доказало дѣйствительное существованіе опасности, но также послужило къ ея устраненію. Гайза II ограничился требованіемъ возвращенія десяти тысячъ плѣнныхъ, уведенныхъ и удержанныхъ Византійцами послѣ прежняго похода, и получивъ соотвѣтствующее обѣщаніе,—сомнительно, чтобы оно было исполнено,—ушелъ назадъ [91]). Неизвѣстно, въ какой связи съ этимъ движеніемъ и отступленіемъ Гейзы находится намѣреніе Фридриха Барбаруссы, заявленное въ іюлѣ 1152 г., объявить войну Венгріи: намѣреніе не могло осуществиться вслѣдствіе оппозиціи со стороны князей, находившихся на сеймѣ. Очень вѣроятно, что Фридрихъ пока

хожденіе ошибки, очевидно не случайной, легко объясняется тѣмъ, что Вильгельмъ, преемникъ Рожера, былъ объявленъ королемъ и коронованъ еще при жизни отца за два года и десять мѣсяцевъ до его смерти, именно въ 1151 г. Это, нужно думать, было означаемо и въ каталогахъ царей и королей; отсюда же считались годы его правленія въ самыхъ документахъ. Что сраженіе при Малеѣ Константина Ангела относится къ царствованію Рожера, доказательствомъ тому служитъ хроника Ромуальда, въ которой мы находимъ слѣдующую довольно обстоятельную замѣтку о немъ (Pertz. SS. XIX, 412). Alio quoque temporo praedictus rex Rogerius misit Salernum ammiratum suum cum stolio suo in Romaniam qui invenit maximum stolium imperatoris apud capud Malee, et ibi viritim pugnavit, Grecos devicit, et Angelum Despoti — — — in Siciliam duxit.—Въ хроникѣ Сигиберта Гемблурскаго, въ которой годъ смерти Рожера правильно отнесенъ къ 1154 г., мы, правда, читаемъ (Pertz SS. VI, 454) подъ тѣмъ же (1154) годомъ: Guillelmus rex Siciliae misso navali exercitu, urbem Taneos in Egypto vastat et spoliat, unde magnae opes auri et argenti ac pretiosae vestis copia multa deducitur. Sed inde revertentes, stolum imperatoris Grecorum offendunt; et cum essent de Grecis circiter 140 pares, Siculi numero pauciores eos vincunt, spoliant et capiunt et infinitae opum diversorum copiae Siculis inde proveniunt. Но здѣсь только начало разсказа—возвращеніе Сицилійцевъ изъ Египта—напоминаетъ подробности Византійскаго разсказа. При томъ, у современнаго Итальянскаго историка начальныхъ лѣтъ царствованія Вильгельма, т. е. Гугона Фалькавда, совсѣмъ не говорится о такомъ событіи, и поэтому мы опять должны предполагать ошибку у Сигиберта (если только ему самому, не продолжателю принадлежитъ этотъ и послѣдующій 1155 годъ) скорѣе, чѣмъ принимать два морскихъ сраженія Грековъ съ Сицилійцами: одно въ 1152 г., другое въ 1154 году; при томъ, нужно прибавить, что едва-ли у Сигиберта Танесъ или иначе Ашмунъ Египетскій не смѣшанъ съ Тенесомъ или Тунисомъ Африканскимъ. Добраться до перваго на флотѣ довольно трудно, а на возвратномъ пути отъ втораго не было нужды касаться Малейскаго мыса.—У Никиты Хоніата (pag. 126—127) хронологія совсѣмъ невѣрная.

[91]) Cinnam. pag. 120.

еще помнилъ завѣтъ своего дяди держаться союза съ Византіей и что тайныя причины, руководившія нѣкоторыми изъ князей, воспротивившимися войнѣ съ Венграми, вели свое начало отъ союза Вельфа и его партіи съ Рожеромъ и Гейзою [92]). Въ слѣдующемъ (1153) году на Дунаѣ опять не было спокойно, и Мануилъ вынужденъ былъ дѣлать серьозныя военныя приготовленія; ополченцамъ сосѣдственныхъ провинцій было предписано явиться въ лагерь съ достаточнымъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ и съ телегами для ихъ перевоза. Въ Срѣдцѣ (Софіи или Сардикѣ) къ арміи присоединился самъ императоръ, но сюда же скоро пришло опять Венгерское посольство, принесшее съ собою успокоительныя объясненія и мирныя представленія. Отказавшись отъ похода въ Венгрію, Мануилъ повернулъ въ Сербскія владѣнія, гдѣ снова проявлялось стремленіе къ союзу съ королемъ Гейзою и непріязненное расположеніе къ Византіи. У Византійцевъ мы находимъ извѣстіе, что Мануилъ въ этотъ разъ принудилъ Сербскаго жупана отказаться отъ дружбы съ Венгріей и впредь знать одного только императора [93]). Повидимому, къ этому же времени относится разсказъ Византійскаго историка о низложеніи самими Сербами своего великаго жупана Уроша-Первослава, который, однако, былъ возстановленъ въ своемъ достоинствѣ по рѣшенію Мануила, когда Сербы обратились къ нему за ут-

---

[92]) Otto Frising. Gesta Frid 6. II c. 6 (pag. 106 школ. изд.). На сеймѣ Регенсбургскомъ. — Princeps — Ungaris bellum indicere ipsosque ad monarchiae apicem reducere volebat. Sed cum assensum super hoc principum quibusdam de causis latentibus habere non posset, — — — ad opportuniora tempora distulit.

[93]) Nicet. pag. 132. Cinnam. pag. 121. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, разсказъ Никиты подробнѣе, чѣмъ у Киннама, но какъ всегда представляетъ затрудненія въ хронологіи до такой степени, что не вдругъ угадаешь тождество его содержанія съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ въ исторіи Киннама. Но несомнѣнно, что послѣдній въ началѣ 14 главы третьей книги говоритъ о событіяхъ отъ сентября 1152 г. по сентябрь 1153 г. У него точно также, какъ и у Никиты, разсказъ заключается извѣстіемъ о взятіи подъ стражу Адроника, что могло случиться только въ 1153 г., потому что въ 1152 г. Андроникъ былъ въ Палестинѣ. Притомъ, эпизодъ съ Андроникомъ разыгрался въ Пелагоніи, какъ это слѣдуетъ изъ повѣтствованія Киннама и согласнаго съ тѣмъ прямого замѣчанія Никиты (pag. 133). Въ Пелагонію, по свидѣтельству того же Никиты, Мануилъ прибылъ осенью (ἡλίου— τὰς χειμερινὰς τροπὰς παρελαύνοντος). Документальное доказательство пребыванія Мануила въ Пелагоніи въ ноябрѣ 1153 г. представляетъ дата въ отвѣтномъ письмѣ Мануила къ Вибальду (Wibaldi epist. № 424 Jaffe. mon. Corb, pag. 561): Missa est à castro Pelagoniae mense Novembri 22, indictione secunda (1153 г.). Итакъ у Никиты разумѣется осень 1153 г. Но прибылъ сюда, въ Пелагонію, Мануилъ вскорѣ послѣ пребыванія въ Сербіи и приготовленій къ Венгерскому походу. Итакъ, первая глава третьей книги Никиты, въ которой идетъ рѣчь обо всемъ этомъ, должна относиться къ 1153 г., а содержаніе ея должно быть признано тождественнымъ съ вышеотмѣченнымъ мѣстомъ у Киннама.

верждѳніемъ избраннаго ему преемника. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ другой кандидатъ, младшій братъ Первослава (Уроша), Дѣжа (Δεσέ), т. е. Стефанъ Неманя, владѣвшій сосѣднею съ Нишемъ областію, Дендрою или Болгарскимъ лѣсомъ (Шумадія), получилъ отъ императора благосклонный пріемъ и расширеніе своего удѣла [94]).— Послѣ этого Мануилъ воротился только на короткое время въ столицу, а осенью (того же 1153 г.) былъ въ городѣ Битолѣ. Равнина между озеромъ Охридскимъ и Вардаромъ, извѣстная подъ именемъ Пелагоніи, средоточіемъ которой былъ Битоль, представляла наиболѣе удобный пунктъ для наблюденія за враждебными движеніями съ запада, со стороны Сицилійскихъ Норманновъ, и съ сѣвера со стороны Венгровъ и Сербовъ, и въ то же время—для расположенія въ ней военнаго лагеря. Съ той и другой стороны не переставала грозить опасность, и вслѣдствіе того императоръ, вопреки обычаю, провелъ зиму внѣ Константинополя. Рыцарскія состязанія и звѣриная охота служили достаточною замѣною столичныхъ праздниковъ; всевозможныя интриги, виновникомъ и героемъ которыхъ сдѣлался Андроникъ Комнинъ, двоюродный братъ Мануила, нарушали, однако, спокойствіе императора и его приближенныхъ.

Знаменитый своими похожденіями въ Азіи и Европѣ, будущій императоръ Андроникъ недавно послѣ своего возвращенія изъ Киликіи, гдѣ онъ начальствовалъ Византійскими силами, дѣйствовавшими противъ одного Армянскаго князя, сдѣланъ былъ дукою Ниша и Браничева, а также получилъ въ удѣлъ себѣ городъ Кóстуръ (Касторію). Уже своимъ поведеніемъ въ Киликіи Андроникъ долженъ былъ навлечь на себя неудовольствіе Мануила, не смотря на всю снисходительность, которую онъ питалъ къ богато-одаренной и рѣзко выдающейся личности своего родственника. Въ рыцарскихъ турнирахъ, составлявшихъ главное развлеченіе во время скучной лагерной зимы, Андроникъ, отличавшійся высокимъ ростомъ, желѣзнымъ тѣлосложеніемъ и атлетическою силою, выказывалъ не меньше искусства и ловкости во владѣніи копьемъ и щитомъ, чѣмъ самъ императоръ Мануилъ, поражавшій удивленіемъ

[94]) Cinnam pag. 113. Разсказывая о событіяхъ 1151 г. въ Сербіи, Киннамъ прибавляетъ, что много лѣтъ спустя, Сербы сдѣлали то, о чемъ у насъ передано въ текстѣ. Но эти многіе годы не могутъ быть въ самомъ дѣлѣ многими, потому что ранѣе 1162 г. послѣдовало окончательное устраненіе старшаго брата и назначеніе въ архижупаны Дѣжи (см. pag. 204).—О предполагаемомъ тождествѣ Дѣжи и Стефана Немани см. въ приложеніи третьемъ.

Сирійскихъ и Европейскихъ Франковъ. Блистательная личная храбрость, готовность встрѣтить всякую опасность и не потеряться духомъ не помѣшали, однако, Андронику сдѣлаться виновникомъ неудачи въ борьбѣ съ малозначительнымъ Армянскимъ владѣтелемъ. Женщины, на которыхъ онъ дѣйствовалъ не только внѣшними своими дарами, прекрасною наружностію, царскою осанкою, но и обольстительною рѣчью, составляли для Андроника предметъ культа, хотя и вовсе не идеальнаго, однако настолько близкаго къ обычаямъ, по крайней мѣрѣ, Сирійскихъ бароновъ и рыцарей, что онъ доставлялъ ему благосклонность самыхъ знатныхъ дамъ Іерусалимскаго и Антіохійскаго дворовъ, столько же какъ и Византійскаго. Ради этого культа, который слишкомъ близко граничилъ съ распутствомъ, ради рыцарскихъ потѣхъ и веселыхъ забавъ, въ числѣ которыхъ упоминаются и и театральныя представленія, т. е. пѣсни и танцы, Андроникъ забывалъ дѣла ему порученныя, и, такимъ образомъ, потерялъ Мопсуестію, очень важный пунктъ въ Киликіи. Благодаря родственной привязанности Мануила, а еще болѣе извѣстной слабости его ко всему, что напоминало блестящій типъ западнаго рыцаря и носило въ себѣ печать энергіи и смѣлости, Андроникъ, однако, получилъ не только полное прощеніе, но и вышеупомянутыя провинціи въ свое управленіе. Въ Пелагоніи, около нынѣшняго Битоля, онъ снова блисталъ нетолько въ военныхъ состязаніяхъ, но и своими побѣдами надъ женщинами, которыя переселились сюда на время. Предметомъ его привязанности была теперь принцесса Евдокія, дочь его двоюроднаго брата, по имени также Андроника, слѣдовательно племянница императора. Эта привязанность, называемая Византійскими историками преступною, незаконной связью, была именно такою и въ глазахъ ближайшихъ родственниковъ Евдокіи. Мы должны пропустить исторію любовныхъ похожденій Мануила, наглядно, но нѣсколько грубо передаваемыхъ въ сочиненіи Никиты Акомината,—и всякія сцены подкарауливанія и ночныхъ засадъ, устраиваемыхъ братьями, оскорбленными позоромъ своей сестры. Отъ нихъ Андроникъ спасался своею дерзкою смѣлостію и неистощимою находчивостію, презирая переодѣваніе въ женское платье, предложенное разъ Евдокіей. Опаснѣе для Андроника были тайные ковы и постоянные наговоры императору, въ которыхъ принимали участіе не только братья его любовницы, но и мужья ея сестеръ. Мануилъ, самъ повинный въ такомъ же грѣхѣ, какъ и его двоюродный братъ, а съ церковной точки

зрѣнія,—даже еще въ худшемъ, такъ какъ подразумѣваются его отношенія къ родной племянницѣ, имѣлъ всѣ основанія смотрѣть снисходительно на частныя и ночныя похожденія Андроника. Но вольныя рѣчи, которыми всегда отличался не знавшій никакой узды герой этихъ похожденій, его дерзкія шутки, которыми онъ оправдывалъ свое поведеніе, составлявшее только слабое подражаніе подданнаго своему естественному и обязательному образцу въ лицѣ государя, не могли нравиться Мануилу, а онѣ ему, конечно, были передаваемы съ полнымъ усердіемъ. Неудовольствіе между двоюродными братьями возрастало; зарождались подозрѣнія, основанія для которыхъ могли находиться и въ самыхъ семейныхъ родственныхъ отношеніяхъ Андроника къ Мануилу: онъ былъ сынъ старшаго брата Мануилова, устраненнаго отъ престола въ пользу младшаго отцемъ ихъ, императоромъ Кало-Іоанномъ. Какъ отецъ Андроника, такъ и его другой сынъ, старшій братъ Андроника, Іоаннъ, не легко помирились со своимъ положеніемъ: послѣдній даже перешелъ въ Турецкій лагерь и принялъ магометанство. Среди придворныхъ и приближенныхъ Мануила было много рѣчей объ одномъ случаѣ на царской охотѣ, при которомъ Андроника нашли вблизи царской палатки, въ неурочный, подозрительный часъ, съ обнаженнымъ мечемъ въ рукѣ и переодѣтаго Франкомъ изъ Италіи,—и о другихъ подобныхъ случаяхъ. Все это повело къ тому, что веселья и блестящія развлеченія рыцарской арены, устроенной на равнинахъ Пелагоніи, заключились арестомъ одного изъ главныхъ ея героевъ. Андроникъ былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ королемъ Венгерскимъ, которому онъ будто бы предлагалъ отдать Браничево и Нишъ за помощь въ достиженіи императорскаго престола. Неизвѣстно, насколько заключалось истины въ этихъ обвиненіяхъ. Андроникъ послѣ успѣлъ доказать, что неблагодарность и черная измѣна не были чужды его демонической натурѣ и глубоко порочному характеру, въ которомъ Византійское коварство соединялось съ блескомъ геніальности и внѣшнимъ усвоеніемъ рыцарскаго образованія. Съ другой стороны, интрига и клевета, обвиненіе въ измѣнѣ—самая обычная сторона Византійской придворной жизни, и пока могли бы считаться средою, въ которой только еще развивался и выросталъ будущій Ричардъ III Византійской исторіи [95]).

[95]) Объ Андроникѣ очень подробно у Киннама: pag. 123 — 130. Ср. Nicet. pp. 135—141.

Какъ бы то ни было, вслѣдствіе ли соглашенія съ Андроникомъ, или просто вслѣдствіе дружбы съ королемъ Сицилійскимъ и старой вражды къ Мануилу, король Венгерскій въ 1154 г. дѣйствительно перешелъ Дунай съ большимъ войскомъ, въ которомъ, кромѣ собственно Венгерскихъ силъ, находились Чешскіе союзники, а также Саксы, вѣроятно не задолго предъ тѣмъ поселившіеся въ Трансильваніи. Сверхъ того, за-одно съ нимъ дѣйствовалъ и тогдашній банъ Боснійскій, по имени Боричъ, тоже приведшій на помощь своихъ Босняковъ [96]). Гейза II осадилъ городъ Браничевацъ; Мануилъ немедленно явился въ при-Дунайской области, но съ силами, недостаточными первоначально для прямой борьбы съ Венграми и для освобожденія этого важнаго города. Пока собирались войска, онъ занялъ укрѣпленное самою природою мѣстечко Смилу или Смиловцы (Свилайнацъ), между Моравою и Кучаинскою планиной [97]), откуда удобно было наблюдать за непріятелемъ и тревожить его. Чтобы поощрить Браничевцевъ отстаивать свой городъ, Мануилъ отправилъ къ нимъ грамоту съ извѣщеніемъ, что не замедлитъ къ нимъ придти на выручку. Стрѣла, къ которой была привязана царская грамота, попала, однако, въ Венгерскій осадный лагерь и произвела въ немъ такую тревогу, что Венгры, предавъ огню осадныя машины, устремились къ переправѣ черезъ Дунай. Но, вслѣдствіе бурной погоды, переправа черезъ Дунай оказалась невозможною, и Венгры пошли къ Бѣлграду, а Боснійскій банъ Боричъ—прямо по направленію къ рѣкѣ Дринѣ, отдѣлявшей и тогда Боснію отъ Сербіи [98]). Въ погонѣ за послѣдними посланъ былъ Мануиломъ хартулярій (секретарь) Василій Цинцилукъ [99]), который, не смотря на свою чисто бюрократическую должность, обнаружилъ даже болѣе храбрости и смѣлости, чѣмъ отъ него требовалось. Вѣроятно, подстрекаемый Венгерскими выходцами и перебѣжчиками, которые составляли въ Византійскомъ войскѣ весьма замѣтную силу и были сюда привлекаемы Славянскимъ именемъ Бориса Коломановича, Василій, вмѣсто Боснійскаго отряда, напалъ на самихъ Венгровъ, шедшихъ къ Бѣлграду. Сначала онъ имѣлъ

---

96) Cinnam. p. 131. Βορίτζης ὁ Βόσθνης χώρας ἐξάρχων Δαλματικῆς.

97) Cinnam. pag. 131. Χῶρος ἐρυμνότητος ἱκανῶς ἔχον Σμήλης ὄνομα. Смиловцы, между Моравою и Кучаиной, неподалеку отъ Раваницы: См. Рѣчникъ Даничича III, 134. На картахъ мы находимъ Свилайнацъ именно тамъ, гдѣ должны быть Смиловцы.

98) Cinnam. pag. 104.

99) Прозваніе сообщаетъ Никита Хоніатъ: pag. 133.

успѣхъ, но когда Венгры замѣтили малочисленность непріятеля, то обратились къ нему лицомъ и нанесли ему чувствительное пораженіе; Греческій военачальникъ успѣлъ спасти свою жизнь бѣгствомъ, многіе изъ Грековъ были убиты, а изъ тѣхъ Венгровъ, которые держались Византійской стороны, почти никого не осталось въ живыхъ [100]). Около этого времени, а, можетъ, быть и при этомъ именно случаѣ, покончилъ свою, полную скитаній и приключеній, жизнь и противникъ Гейзы, претендентъ на его престолъ, Борисъ Коломановичъ. Мы знаемъ, что онъ былъ убитъ незадолго предъ 1156-мъ годомъ, въ неудачной экспедиціи противъ Венгровъ, въ которой Византійцы потерпѣли большой уронъ, и что палъ онъ отъ стрѣлы, пущенной однимъ Половчиномъ. Но ближайшія подробности остаются неясными вслѣдствіе разнорѣчія источниковъ. Вѣроятнѣе всего, что Куманы, сосѣди Венгровъ, были ихъ союзниками въ походѣ, и что въ сраженіи съ ними внукъ Мономаха былъ пораженъ смертельнымъ ударомъ. Вслѣдъ за вѣстью о пораженіи своего отряда, Мануилъ получилъ другое непріятное извѣстіе именно, что жители Бѣл-

---

[100]) Cinnam, pag. 132 въ концѣ. Киннамъ говоритъ, что это были Венгры, стоявшіе на сторонѣ Грековъ вмѣстѣ со Стефаномъ, сыномъ Гейзы. Несомнѣнно, что тутъ есть какая-либо ошибка Дюканжъ предполагалъ, что Киннамъ смѣшалъ Стефана, сына Гейзы II, съ братомъ Гейзы того же имени. Невѣроятно, чтобы сынъ сражался противъ отца, при томъ, сынъ, которому было только пять или шесть лѣтъ. Самъ Киннамъ (pag. 203) говоритъ тоже о братѣ Гейзы, Стефанѣ, который, поссорившись съ нимъ, нашелъ убѣжище въ Византіи. Ср. Nicet. pag. 165. Но по свидѣтельству Оттона Фрейзингенскаго (Gesta Frider. pag. 179), Стефанъ, братъ Гейзы, опасаясь за свою жизнь, бѣжалъ къ Фридриху Барбаруссѣ и отъ него просилъ защиты. Фридрихъ по этому поводу послалъ посольство къ Гейзѣ съ ходатайствомъ за Стефана. Въ отвѣтъ на это, на сеймъ Регенсбургскій въ январѣ 1158 г. явились послы Венгерскаго короля, которые оправдывали изгнаніе Стефана его злоумышленіями противъ короля; въ обвиненіяхъ, какъ онѣ переданы въ хроникѣ, нѣтъ, однако, намека на то, чтобы Стефанъ сражался ранѣе того противъ брата на сторонѣ Византійскаго императора, или чтобы онъ вообще былъ у Грековъ. Только въ 1158 г. Фридрихъ, по просьбѣ самаго Стефана, отправилъ его въ Константинополь (Gesta pag. 1[illegible]1), гдѣ онъ и былъ въ 1163 г. (Cinnam. pag. 203). Для примиренія Киннама съ болѣе точнымъ западнымъ писателемъ, можно бы предположить, что Стефанъ сынъ, Вѣлы Слѣпаго, два раза былъ въ Константинополѣ, какъ это и допускаютъ Венгерскіе историки (Horvath, Kurzgefasste Gesch. Ungarn's. Pest. 1863. I, 191). Но едва-ли не вѣрнѣе будетъ допустить у Киннама ошибку. Ему нужно было объяснить присутствіе Венгровъ въ Византійской арміи, о чемъ онъ зналъ изъ своихъ источниковъ. Но онъ забылъ о Борисѣ Коломановичѣ и не кстати припомнилъ о Стефанѣ. Что Борисъ не только участвовалъ въ этомъ походѣ, но и убитъ въ немъ, мы должны заключить опять изъ свидѣтельства Оттона Фрейзингенскаго, которое въ въ главномъ не подлежитъ сомнѣнію. Изъ него (Gesta Frid. pag. 158, шк. изд.) слѣдуетъ, что Борисъ убитъ Половчиномъ во время похода на Венгровъ — ранѣе іюля 1156 г. См. въ приложеніи, посвященномъ Борису Коломановичу. — Отъ чего же у Киннама объ этой смерти не упомянуто?

*

града готовы передаться Венграмъ. Потеря такого важнаго пункта, который уже и прежде Венгрія оспаривала у Византіи, была бы большимъ несчастіемъ; но энергическія мѣры Кантакузина, одного изъ главныхъ участниковъ недавней исторіи съ Андроникомъ, предупредили несчастіе; посланный Мануиломъ въ Бѣлградъ, онъ схватилъ главныхъ коноводовъ Венгерской партіи, и, утвердивъ спокойствіе въ городѣ, воротился, приведя ихъ съ собою узниками. Самъ императоръ горѣлъ желаніемъ отомстить Венграмъ за нанесенное его отряду пораженіе и хотѣлъ было отправиться за ними въ погоню, но его порывъ былъ остановленъ благоразумными представленіями приближенныхъ. Рѣшительныя дѣйствія, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, были отложены до весны слѣдующаго 1155 г. Приготовленія на этотъ разъ были сдѣланы большія; сильная сухопутная армія весною этого года расположилась лагеремъ на берегахъ Дуная, подъ начальствомъ самаго императора; изъ Византіи пришли корабли, готовые перевезти его войско на лѣвый берегъ рѣки. Предположено было движеніе въ средину непріятельской страны. Напуганный всѣмъ этимъ, король Гейза опять заговорилъ о мирѣ, и на этотъ разъ искренность его предложеній доказана была готовностію, съ какою онъ выдалъ всѣхъ Греческихъ военноплѣнныхъ, возвратилъ оружіе, всю военную добычу, даже поставилъ вмѣсто павшихъ лошадей и воловъ другихъ мѣстной Венгерской породы [101]). Мануилъ имѣлъ много основаній согласиться на примиреніе съ Венгріей. Поводомъ къ открытой войнѣ съ нею послужилъ союзъ ея съ королемъ Сицилійскимъ: теперь Венгрія покидала этотъ союзъ именно въ моментъ, когда Итальянскіе планы Мануила, наконецъ, требовали прямаго и настоятельнаго дѣйствія на полуостровѣ. Война на Дунаѣ велась въ извѣстной степени за права на Апулію и Калабрію; такъ какъ Гейза II отказывался отъ дальнѣйшаго противодѣйствія осуществленію Византійскихъ притязаній, то этимъ уничтожалась одна изъ главныхъ причинъ продолженія войны. Она могла быть безпрепятственно перенесена въ Италію, куда ее перенести было теперь необходимо. Но и другія частныя основанія къ раздору между Венгріей и Византійскимъ императоромъ были также устранены — если не самымъ мирнымъ договоромъ, то предшествовавшими ему обстоятельствами, или же его послѣдствіями. Сербія

[101]) Cinnam pag. 134. Ncet. pag. 134.

принуждена была отказаться отъ дружбы съ сосѣдственною Венгріей и всецѣло подчиниться верховной власти императора. Что же касается Византійскихъ интересовъ на Руси, то здѣсь, именно въ 1155 г., на Кіевскомъ велико-княжескомъ престолѣ, безъ всякаго противодѣйствія со стороны Венгерскаго короля, утвердился союзникъ Мануила, Юрій Долгорукій. Братья Изяслава Мстиславовича (умершаго въ 1154 г.), родственники и союзники короля Гейзы, должны были смириться. Одинъ изъ нихъ, Ростиславъ, покорился своему дядѣ и получилъ Смоленскъ, другой—Владимірь, женатый на дочери бана Бѣлуша или Бѣлы и потому связанный двойнымъ свойствомъ съ Венгерскимъ королевскимъ домомъ, въ слѣдующемъ году оставилъ родину и бѣжалъ въ Венгрію [102]). Туда же отправилась еще ранѣе мать его и Венгерской королевы, вдовствующая княгиня Кіевская, жена Мстислава Владиміровича [103]). Если при началѣ войны Мануилъ жаловался на враждебныя дѣйствія Гейзы противъ Галичскаго князя, то теперь, съ утвержденіемъ Юрія въ Кіевѣ, король Венгерскій уже не былъ опасенъ для Галича, и преемникъ Владимірка, Ярославъ Осмомыслъ, оставался пока другомъ и союзникомъ Византіи, надежнымъ стражемъ противъ Венгріи.—Все это, безспорно, было важнымъ пріобрѣтеніемъ для Византійской политики. Политическое торжество сопровождалось и закрѣплялось церковнымъ. Извѣстно, что митрополитъ Климентъ, поставленный соборомъ Русскихъ епископовъ, не получилъ на самой Руси всеобщаго признанія,—потому, что онъ «не принялъ благословенія» отъ Константинопольскаго патріарха и святой Софіи Цареградской. Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ ему покровительствовалъ и поддерживалъ его, пока былъ живъ; но патріархъ Константинопольскій писалъ грамоты, въ которыхъ поощрялъ и причислялъ къ святымъ его противниковъ. Такимъ образомъ, столкновеніе имѣло очень острый характеръ. Естественно, что съ утвержденіемъ въ Кіевѣ Юрія Владиміровича, который находился къ императору совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ, должна была восторжествовать сторона Нифонта Новгородскаго, наиболѣе ревностно стоявшаго за права патріарха. Еще ранѣе, а, можетъ быть, только въ 1155 г., въ Константинополѣ былъ назначенъ и посвященъ въ митрополита Русскаго одинъ изъ ученѣйшихъ Греческихъ богосло-

[102]) Ипатьевская лѣтопись подъ 1156 г. стр. 133. [103]) Ibid pag. 332.

вовъ, Константинъ. Въ январѣ 1156 г. онъ присутствовалъ на мѣстномъ соборѣ Цареградскомъ, но уже тогда собирался отправиться на свою митрополію [104]). Константинъ былъ принятъ съ честью Юріемъ Долгорукимъ, и съ своей стороны, вмѣстѣ съ вѣрными патріарху епископами, далъ новое благословеніе и признаніе поставленію Юрія на Велико-княжескомъ престолѣ [105]). Но въ сыновьяхъ Изяслава онъ и послѣ имѣлъ себѣ противниковъ; они говорили: «да не будетъ Константинъ на митропольи, потому что онъ проклялъ нашего отца» [106]), и потому стояли за Климента.

И въ южной Италіи, куда теперь Мануилъ могъ перенести свое оружіе, политическіе интересы были тѣсно связаны съ церковными.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. О хронологіи Никиты Акомината.

Какъ уже замѣчено, главными источниками для исторіи царствованія Мануила служатъ два Византійскіе писателя: Іоаннъ Киннамъ и Никита

---

[104]) Соборъ, о которомъ идетъ рѣчь, вызванъ былъ толкованіемъ словъ, относящихся къ таинству Причащенія: «ты еси приносяй и приносимый и пріемлющій». Одинъ изъ церковныхъ проповѣдниковъ, объясняя ихъ, сказалъ, что одинъ и тотъ же Сынъ Божій и бываетъ жертвою, и вмѣстѣ съ Отцемъ пріемлетъ жертву. Другимъ такое объясненіе показалось опаснымъ, такъ какъ оно приводило къ мысли о двухъ лицахъ во Христѣ,—человѣческомъ, приносимомъ въ жертву, и Божескомъ, пріемлющемъ оную. На соборѣ 1156 г., акты котораго напечатаны кардиналомъ Маи (Spicilegium Romanum t. X), отвергнуто было мнѣніе тѣхъ, которые, изъ опасенія впасть въ ересь Несторія, стали утверждать, что Христосъ принесъ себя въ жертву только Богу Отцу и Св. Духу, но принято, что честная кровь Его принесена и ежедневно приносится въ жертву не только Богу Отцу, но и всѣмъ тремъ лицамъ Божества. Русскій митрополитъ, какъ показываютъ акты, былъ главнымъ поборникомъ принятаго рѣшенія и первый высказалъ свое подробно-мотивированное осужденіе возникшему лжеученію. См. Spicilegium X, 18. Μέλλων δὲ ἐπὶ τούτοις καὶ ὁ ἱερώτατος μητροπολίτης Ῥωσίας μακροτέραν ἀποδημίαν τὴν πρὸς τὴν λαχοῦσαν αὐτὸν στείλασθαι, τὴν μὲν οἰκείαν γνώμην ἀριδηλοτέραν ἡμῖν καὶ ἄλλοτε παρέστησεν, ὡς μικρῷ κατωτέρω περὶ ταύτην ῥηθήσεται, οὐ μὴν δέ, ἀλλὰ καὶ τὴν τῆς ἀδελφότητος περὶ τούτου δοξὰν ὅπως ἔχει μαθεῖν διαφόρως ἐζήτησεν... Ср. pp. 19—20. Послѣ, однако, осужденное мнѣніе нашло себѣ ревностнаго защитника въ лицѣ нареченнаго патріарха Антіохійскаго, Сотириха, что привело къ новому собору, въ маѣ 1157 года. (Spicileg. X, 58. Μηνὶ Μαίῳ, ιβʹ ἡμέρα ἰνδ. εʹ.... на стр. 83 и 85-й индиктъ обозначенъ ошибочно). Здѣсь Русскаго митрополита уже не было, но на него ссылались, какъ на главнаго виновника, поднявшаго вопросъ (стр. 65). Киннамъ (pag. 176—177) и Никита (pag. 274—276) говорятъ также о догматическомъ спорѣ, не упоминая, однако, о Русскомъ митрополитѣ.

[105]) Ипатьев. лѣтоп. подъ 1156 г. (стр. 333). «Тогда же митрополитъ Костянтинъ приде исъ Царягорода, и прия и князь Дюрги съ честью, и Полотскій епископъ, и Мануилъ Смоленьскій епископъ, иже бѣгалъ передъ Климомъ; и тако испровергъши Климову службу и стовления. и створивше божественную службу, и благословиша князя Дюргя Володимирича». [106]) Ibid. стр. 345.

Акоминатъ, называемый обыкновенно Хоніатомъ, по своей родинѣ, городу Хонамъ, древнимъ Колоссамъ (посланіе апостола Павла къ Колоссаямъ). Оба писателя были современниками Мануила Комнина. Служебное поприще Никиты, достигшаго, потомъ, высшихъ степеней служебной іерархіи, началось въ послѣдній годъ царствованія названнаго государя. Іоаннъ Киннамъ былъ нѣсколько старше Никиты, родился въ началѣ царствованія Мануила, а едва переступивъ лѣта отрочества, сопровождалъ его въ большей части его походовъ въ качествѣ младшаго секретаря. Исторія правленія Мануила подробнѣе и отчетливѣе описана у Киннама, но, къ сожалѣнію, она не имѣетъ конца и обрывается на 1174 г. Никита Акоминатъ, по всѣмъ признакамъ, не былъ знакомъ съ сочиненіемъ своего предшественника, и если въ его книгѣ встрѣчаются мѣста, отзывающіяся близкимъ родствомъ съ изложеніемъ Киннама, то это можетъ быть отнесено на счетъ пользованія одинаковыми источниками. Вообще, Хоніатъ разсказываетъ исторію третьяго Комнина много короче, чѣмъ Киннамъ; но есть эпизоды, отчасти отмѣченные нами, надъ которыми онъ останавливается съ бо́льшею подробностью. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что едва-ли есть какой другой періодъ въ Византійской исторіи, представляющій такія удобства для изученія со стороны мѣстныхъ, національно-Византійскихъ источниковъ. Здѣсь мы имѣемъ двухъ оригинальныхъ писателей, тогда какъ въ другихъ періодахъ должны полагаться на поздніе компиляціи и считать за особенное счастіе наличность хотя бы одного самостоятельнаго и близкаго по времени свидѣтеля.—Однако, оба писателя требуютъ внимательной критической повѣрки, особенно тамъ, гдѣ они расходятся другъ съ другомъ; и въ этомъ отношеніи первый вопросъ для нашего періода есть вопросъ о хронологіи въ сочиненіи Никиты Акомината. Хронологія составляетъ вообще слабый пунктъ Византійцевъ, а у Никиты она представляетъ особыя затрудненія, такъ какъ его порядокъ изложенія рѣзко отличается отъ того, который мы имѣемъ въ сочиненіи его предшественника; а, между тѣмъ, при полномъ отсутствіи численнаго обозначенія годовъ у того и другаго, трудно угадать ихъ хронологическую систему. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ порядкѣ идутъ въ сочиненія Никиты событія, слѣдующія за взятіемъ Корфу:

Pag. 119.	Походъ въ Сербію описывается въ общихъ чертахъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что это тотъ самый походъ, который описанъ Киннамомъ (pag. 101—103).	1149.
pag. 120.	Великій доместикъ приноситъ вѣсть въ столицу о подвигахъ Мануила, а затѣмъ возвращается самъ императоръ—очевидно на зиму.	
	«А лишь только наступила весна», онъ опять прибылъ въ Пелагонію, и отправилъ въ Италію Михаила Палеолога: описываются его дѣйствія въ Италіи. По связи слѣдовало бы думать, что рѣчь идетъ о веснѣ 1150 г.; между тѣмъ, на самомъ	1155.

	дѣлѣ дѣйствія Палеолога вовсе не входятъ въ рамку событій этого и послѣдующихъ годовъ, а относятся, несомнѣнно, къ 1155 г.	
pag. 121.	«А самъ царь, узнавъ, что владѣтель Сербіи снова злодѣйствуетъ и заключилъ союзъ съ Венграми, выступаетъ противъ него». Единоборство съ Вакхиномъ и т. д.	1150 (осень).
pag. 122.	Императоръ, *еще не отерши съ лица пыли*, идетъ противъ Венгровъ, чтобы наказать ихъ за помощь, оказанную Сербамъ и воспользоваться отсутствіемъ ихъ короля, который былъ въ Россіи. Опустошивъ Срѣмъ, Мануилъ возвращается въ столицу.	1151.
pag. 123.	*Въ это же время* и Скиѳы переправившись чрезъ Дунай, раззоряютъ Римскіе грады на этой рѣкѣ. Противъ нихъ посланъ Каламанъ, который не имѣлъ удачи и самъ былъ убитъ. Объ этомъ Коломанѣ см. въ концѣ слѣдующаго Приложенія.	1155 (?).
pag. 124 и 125.	Между тѣмъ, Палеологъ велъ дѣло въ Калабріи неудачно, и за то лишенъ былъ начальства, а на его мѣсто отправленъ *Алексѣй Комнинъ* и Дука Іоаннъ. Какъ послѣ окажется, Алексѣй Комнинъ былъ отправленъ въ 1156 г.	1156.
pag. 126.	Они сначала одержали побѣду надъ королемъ Сицилійскимъ, но, затѣмъ, были разбиты. *Вслѣдствіе того,* Мануилъ снарядилъ другой флотъ поручилъ его *Константину Ангелу;* но на пути въ Сицилію, онъ былъ разбитъ и уведенъ въ плѣнъ.	1152 (1154).
pag. 127.	Императоръ и *послѣ этого* втораго пораженія изыскивалъ средства къ борьбѣ, и отправилъ въ Анкону *протостратора Алексѣя*—и т. д. (Опускаемъ дальнѣйшее взложеніе дѣлъ Итальянскихъ).	1157.
	Послѣ *заключенія мира*	1158.
pag. 132.	Царь *опять* отправляется противъ *Венгровъ;* изъ Сардики направляется въ *Сербію*. Затѣмъ, возвращается въ столицу.	1152.
pag. 133.	Но лишь только солнце совершило зимній поворотъ, Мануилъ является въ Пелагоніи. Дѣло Андроника Комнина.	1153.
	Дѣйствія Василія Цинцилука.	1155.

Въ этомъ хронологическомъ матеріалѣ трудно уловить какую-либо систему,—а приходится видѣть просто путаницу. Во всякомъ случаѣ, прекрасныя общія замѣчанія о методѣ Никиты, сдѣланныя Ѳ. И. Успенскимъ въ его монографіи («Византійскій писатель Никита Акоминатъ изъ Хонъ». Спб. 1874), требуютъ дальнѣйшей повѣрки частныхъ критическихъ изслѣ-

дованій. Судя по результатамъ, которые вытекаютъ изъ нашего изученія, обнимающаго, конечно, одни первые годы Мануила, если у Никиты и было намѣреніе держаться хронологической преемственности фактовъ, то онъ не достигъ въ этомъ успѣха и не исполнилъ своего плана. Причина тому можетъ заключаться либо въ немъ самомъ, въ его небрежности и невнимательности, либо въ качествѣ матеріаловъ, которыми онъ располагалъ. Исторіи Киннама, отличающейся, какъ оказывается, полною хронологическою послѣдовательностію изложенія (за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ ошибокъ), Никита, мы полагаемъ, не имѣлъ въ рукахъ. Чѣмъ же онъ пользовался въ первыхъ своихъ книгахъ, посвященныхъ Іоанну и Мануилу? За исключеніемъ не особенно многочисленныхъ документальныхъ источниковъ, особенно церковныхъ соборныхъ актовъ, главнымъ матеріаломъ для него едва-ли не была та богатая литература привѣтственныхъ рѣчей, торжественныхъ словъ на встрѣчи, на побѣды императоровъ, а также извѣстительныхъ посланій къ народу, составлявшихся императорскими секретарями,—образцы которой мы теперь имѣемъ въ историко-риторическихъ мелкихъ трудахъ самого Никиты, (прекрасно разобранныхъ въ изслѣдованіи Ѳ. И. Успенскаго), и въ сочиненіяхъ Евстаѳія Солунскаго. Послѣ этого намъ будетъ понятно, какъ могло случиться, что Никита Акоминатъ, правильно отмѣчающій времена года, мѣсяцы и дни событій, путается самымъ явнымъ образомъ въ годахъ. Внутри мелкихъ отдѣловъ, составляющихъ сокращеніе отрывочныхъ источниковъ, собираемыхъ мозаически, хронологическая послѣдовательность идетъ правильно; но въ промежуткахъ между ними—тамъ, гдѣ скрѣпляются или связываются отдѣлы, оказываются ошибки и промахи. Такимъ образомъ, почти всѣ отмѣтки, составляющія переходъ отъ одной страны къ другой, отъ одного цикла фактовъ къ другому, у Никиты совсѣмъ невѣрны.

II. Борисъ Коломановичъ.

Внукъ Владиміра Мономаха и претендентъ на Венгерскій престолъ, Борисъ Коломановичъ—есть личность на столько значительная и любопытная, что мы находимъ нелишнимъ собрать данные для его біографіи въ возможной для насъ полнотѣ и подробности.

Онъ былъ сынъ Венгерскаго короля Коломана и дочери Владиміра Мономаха, Евфиміи. Новѣйшіе Венгерскіе историки (Fessler-Klein, Geschichte von Ungarn. Leipzig. 1867. 1,205 и M. Horvat, Kurzgefasste Geschichte Ungarn's. Pesth. 1863. I,107) несправедливо считаютъ его сыномъ Предславы, дочери Святополка II Кіевскаго, основываясь на отмѣткѣ въ Русской лѣтописи подъ 1104: «Ведена Передъслава, дщи Святополча, въ Угры, за королевичъ, августа въ 21 день». Около этого времени дѣйствительно полагается кончина первой жены Коломана, дочери Рожера Сицилійскаго, брата Роберта Гвискарда, но все-таки нѣтъ основанія, вопреки прямому указанію лѣтописи Русской, вмѣсто королевича считать женихомъ Предславы самого короля. Русскіе историки (Карамзинъ II, 85

и Соловьевъ 11, 76), повидимому, правильно считаютъ мужемъ или женихомъ Предславы старшаго сына Коломанова, Ладислава, отъ первой его жены, Бузиллы, хотя въ 1104 г. ему не могло быть болѣе шести лѣтъ. Бракъ Коломана на Бузиллѣ, дочери Рожера Сицилійскаго, былъ устроенъ въ 1097 г., какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Сицилійскій современный писатель, Годефридъ Малатерра (Murator. V, 599). Въ Венгерской лѣтописи Туроча (Thwrocz) мы даже читаемъ (Schwandtner, Scriptores rerum Hungaricarum, 1,168 по изданію 1766): Rex (Colomanus) autem, de prima uxore, genuit Ladislaum et Stephanum, anno Domini MCI (1101). Cumque Rex esset in Dalmatia, in civitate Zadur. Итакъ, Ладиславъ родился въ 1107 г. и, слѣдовательно, женился трехъ лѣтъ. Все это, однако, возможно и вовсе не безпримѣрно, если мы подъ словомъ „ведена" будемъ разумѣть не настоящій бракъ, а нѣчто болѣе близкое къ первоначальному значенію слова.

Что касается втораго брака Коломана, то, по свидѣтельству Туроча, онъ относится къ 1112 г. (pag. 170)—anno Domini MCXII. Filius regis Colomani (т. е. Ладиславъ) mortuus est. Et rex secundam duxit uxorem de Ruscia... Совершенно согласно съ тѣмъ, въ Русской лѣтописи читаемъ подъ 1112 г.: «того же лѣта, ведоша Володимерьну Офимью въ Угры за короля». Ипат. стр. 197). Совершенно ясно, что престарѣлый король Коломанъ женился на дочери Владиміра Мономаха.

Но этотъ бракъ былъ также несчастенъ, какъ нѣсколько ранѣе несчастенъ былъ бракъ Евпраксіи Всеволодовны съ императоромъ Германскимъ, Гейнрихомъ IV. Подобно своей теткѣ, Евфимія Владиміровна подверглась въ чужой землѣ гоненію, была заподозрѣна мужемъ въ невѣрности, и должна была воротиться на родину въ Кіевъ, гдѣ она родила вскорѣ сына Бориса. Король Коломанъ отвергнулъ его, какъ плодъ прелюбодѣянія; но послѣ окажется, что даже въ Венгріи многіе невѣрили въ виновность королевы Евфиміи.

1) Thwrocz, pag. 170. «Rex secundam duxit uxorem de Ruscia, quam in adulterio deprehensam peccantem, nec violenta temeritate dimisit.— Remisit ergo eam rex in terram suam. Quae ex adulterio peperit filium, nomine Borich; Borich autem genuit Colomanum».

2) Canonici Wissegradensis Continuatio Cosmae (Продолжатель Козьмы Пражскаго). Pertz SS. IX, 138. «Mater enim praefati juvenis (filii Colomanni) a marito suo, rege videlicet Colmanno, repudiata dum esset praegnans, rediit ad patrem, atque ibi puerum peperit».

3) Оттонъ Фрейзингенскій (Chronic. pag. 320, шк. изд.) говоритъ только, что Борисъ былъ сынъ Коломана и дочери Кіевскаго князя. Boricius, qui et ipse Colomanni, sed ex alia quam Stephanus matre, Ruthenorum seu Chyos regis filia natus dicebatur, regnum paternum requirit.

Продолжатель Козьмы Пражскаго прямо утверждаетъ, что Борисъ родился въ Кіевѣ; очевидно, что тамъ же онъ выросъ и былъ воспитанъ, т. е. выросъ совершенно Русскимъ человѣкомъ. Мать его Евфимія, по свидѣтельству Русской лѣтописи, умерла въ Кіевѣ въ 1139 г. «Въ лѣто 6647

представися Володимерьня Ефимья, мѣсяца априля въ 4 день, въ понедѣльникъ, порозноѣ недѣлѣ» (Ипат. стр. 216).

Послѣ смерти Коломана, въ началѣ 1114 г., Венгерскій престолъ достался другому его сыну, Стефану, женатому на дочери Роберта Гвискарда (Thwrocz, pag. 173). Стефанъ II предпринималъ походъ на Русь, но, сколько извѣстно, по Венгерской хроникѣ, походъ этотъ, вопреки мнѣнію новѣйшихъ Венгерскихъ историковъ, не имѣлъ отношенія къ судьбѣ Бориса Коломановича. У Туроча повѣствуется, что къ Стефану пришелъ князь Русскій, по имени Безенъ (dux Ruthenorum, nomine Bezen) съ жалобою на своего брата, который выгналъ его изъ принадлежавшаго ему княжества, и просилъ милости короля, чтобы онъ оказалъ ему помощь собственнолично. Король, желая отмстить обиду своего отца, короля Коломана [1]), обѣщалъ помочь князю и, собравъ войско, пошелъ на Русь и осадилъ въ ней одинъ зàмокъ или градъ. Но случилось, что вышеназванный князь Безенъ раннимъ утромъ обходилъ кругомъ града, высматривая мѣста, удобныя для взятія укрѣпленій. Между тѣмъ, осажденные, съ своей стороны, вышли изъ града для осмотра Венгровъ, когда князь увидѣлъ ихъ, то сдѣлалъ на нихъ нападеніе; но они, мужественно сражаясь, ранили его на смерть. Когда король Стефанъ услышалъ объ этомъ, то онъ разсердился и непремѣнно хотѣлъ взять крѣпость, чтобы наказать виновниковъ смерти Русскаго князя. Но Венгерскіе бояре отказались продолжать осаду, которая теперь не имѣла цѣли. Они говорили: „если ты возмешь городъ, то кого сдѣлаешь княземъ? Если захочешь отдать его кому изъ бояръ, то никто не согласится остаться въ немъ. Развѣ ты самъ, оставивши королевство, будешь владѣть княжествомъ?". Тогда, по приказанію бояръ, бирючи стали кликать по лагерю, чтобы Угры какъ можно скорѣе возвращались домой, въ отечество. Король увидѣвъ, что онъ лишается помощи своего войска, воротился въ Угрію. Не подлежитъ сомнѣнію, что Безенъ есть ни кто иной, какъ Ярославъ Святополчичъ, владѣвшій, по смерти отца, при Владимірѣ Мономахѣ, Волынскимъ княжествомъ, и женатый на внучкѣ Владиміра, дочери Мстислава, но дурнымъ обращеніемъ съ нею и дружбою съ Поляками, раздражавшій великаго князя Кіевскаго. Событія, описанныя въ Венгерской хроникѣ, относятся къ 1123 году, подъ которымъ въ Ипатьевской лѣтописи объ Ярославѣ, изгнанномъ изъ Владиміра Волынскаго, читается слѣдующее: «Приде Ярославъ Святополчичъ съ Угры и съ Ляхы, и съ Чехы, и съ Володаремъ и Василкомъ Володимери, и множество вои бѣ съ нимъ, и объступиста городъ Володимерь, Андрею (сынъ Владиміра Мономаха) сущу тогда въ немъ и Володимерю (Мономаху) не поспѣвшу исъ Кіева съ Мстиславомъ сыномъ своимъ. И бывшю дню недѣльному, подъѣха Ярославъ близъ къ граду, самъ третій, рано (summo diluculo), и претяше ѣздя подъ градомъ людемъ... И еще

[1]) Разумѣется обида, на которую указывается въ слѣдующихъ словахъ Русской лѣтописи подъ 1099 г. «Усе же лѣто побеили Угре у Перемышля». Неудачный походъ Коломана подробнѣе описанъ у Туроча (Pag. 168).

оному ѣздящю подъ градомъ, вышедша два Ляха подъ увозъ, и ту легоста скрывшася. И поѣха Ярославъ переѣхати отъ города, и бывшю ему въ увозѣ, идѣже Ляха та ловяшета его, съсунувшася въ увозъ增 пободоста и оскѣпомъ, и едва умьчаша илѣ жива сущa, и на ночь умре.—Угре же и Ляхове и Володарь и Василко, разидошася кождо въ свояси».

Въ Воскресенской лѣтописи (Полное Собраніе, VII, 25) описаніе смерти Ярослава представляетъ почти буквальное сходство съ разсказомъ Туроча: «Ярославу же ѣздящу около града и разсмотряющу, какобы взяти его, изъ града же вышедше два Ляха и т. д.» «Dux Besen ambulabat circa castrum, providendo loca expugnandi munitiones. Obsessi vero (два Ляха) exiverant de castro, causa visitandi Hungaros» и т. д.

У Длугоша (IV, 419—420) вмѣсто Владиміра Волынскаго Ярославъ осаждаетъ Кіевъ, защищаемый Андреемъ, такъ какъ Владиміръ Мономахъ, испуганный оставилъ столицу. Здѣсь, подъ Кіевомъ, раненъ смертельно Ярославъ.

Очевидно, что Длугошъ напуталъ лишнее. Остается только вопросъ, почему Ярославъ Святополковичъ извѣстенъ у Венгровъ подъ именемъ Безена, что у нихъ значитъ Печенѣга. На это можно отвѣчать только указаніемъ на то, что его отецъ былъ женатъ на дочери Тугоркана, хана Половецкаго, и что прозваніе дано по матери, вслѣдствіе очень естественнаго смѣшенія Половцевъ съ Печенѣгами.

Нельзя также съ полною увѣренностію сказать, что графъ *Борсъ*, который упоминается въ концѣ царствованія Стефана II, есть именно Борисъ Коломановичъ, хотя всѣ соображенія говорятъ въ пользу такого предположенія. Венгерская хроника (Thwrocz, pag. 173) разсказываетъ, что король Стефанъ, ослѣпивъ своего роднаго дядю Алмуса и его сына Бѣлу, назначилъ себѣ въ преемники сына своей сестры, Софіи, выданной за маркграфа Ульриха Каринтійскаго. Но когда король однажды впалъ въ тяжкую болѣзнь и всѣ ожидали его смерти, то обнаружилось существованіе другихъ претендентовъ: какими-то предателями были избраны въ короли графъ Борсъ и Иванъ. «Bors vero et Ivan, inani spe ducti, a traditoribus in Regem electi sunt». Король выздоровѣлъ; тогда Иванъ поплатился своею головой, а Борисъ принужденъ былъ бѣжать въ Грецію (Bors vero comitem turpiter de curia rejecit in Graeciam), гдѣ уже ранѣе нашелъ себѣ убѣжище ослѣпленный Алмусъ. Если здѣсь идетъ рѣчь о нашемъ Борисѣ, то мы должны предполагать, что Стефанъ хотѣлъ загладить несправедливость своего отца и призналъ Бориса своимъ братомъ, такъ что послѣдній, достигнувъ юношескаго возраста, переселился въ Венгрію и носилъ здѣсь соотвѣтствующій своему происхожденію титулъ. Такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что именно около 1131 г. Борисъ Коломановичъ очутился въ Константинополѣ, то и есть основаніе думать, что именно онъ долженъ быть разумѣемъ подъ именемъ Борса, принужденнаго удалиться въ Грецію. Киннамъ (pag. 117), описывая событія 1152 г., говоритъ, что Борисъ явился въ Константинополѣ еще при Кало-Іоаннѣ, и что этотъ государь выдалъ за него одну изъ своихъ родственницъ

Βορίσην—ὅς και αὐτὸς ἐκ τῶν αὐτῶν ἐλέγετο τῷ Ἰατσᾷ (Гейза II) φῦναι περμάτων κατὰ διένεξιν δέ τινα ἐς βασιλέα Ἰωάννην φυγὰς ἔτυχε πολλῷ πρότερον ἐλθών. Ὁ δε τιμῆς τε μετίδωκεν ἱκανῶς καὶ κῆδος ξυγγενοῦς τινος ξυνῆψε κόρης αὐτῷ.

Отсюда слѣдуетъ, правда, только то, что Борисъ, родственникъ короля Гейзы, явился въ Константинополь ранѣе 1143 г., въ которомъ умеръ Кало-Іоаннъ. Но, сопоставляя это свидѣтельство съ другими извѣстіями о судьбѣ сына Коломанова, мы придемъ именно къ 1131 или 1132 году.

Оттонъ Фрейзингенскій (Chronic. VII с. 21 pag. 320, шк. изд.) пишетъ, что, по смерти Стефана (въ 1131 г.), когда на Венгерскій престолъ вступилъ вышеупомянутый Бѣла, сынъ Алмуса, — Борисъ предъявилъ свои притязанія на свое отеческое наслѣдіе. Для этого онъ перешелъ въ Грецію, вступилъ въ бракъ съ родственницею императора Кало-Іоанна, а послѣ вступилъ въ Польшу, склонилъ на свою сторону Польскаго государя, и съ его военною помощью, слѣдуя также приглашенію нѣкоторыхъ Венгерскихъ магнатовъ, вторгнулся въ Венгрію, пройдя лѣса, отдѣляющіе Польшу отъ Венгріи (Boricius—regnum paternum requirit. Proinde in Græciam transiens, consanguineam sibi imperatoris Calotohannis copulavit, ac post Poluniam ingrediens ducem terrae illius ad voluntatem suam inclinavit, sicque cum exercitu adjutorio illius, ex vocatione quorundam Ungarorum comitum, silvas, quæ Polonios et Ungaros sejungit transiens, Pannoniam ingreditur). Король Бѣла Слѣпой вышелъ къ нему на встрѣчу и Борисъ, вмѣстѣ съ своимъ покровителемъ, королемъ Польскимъ, потерпѣлъ пораженіе и былъ обращенъ въ бѣгство; при этомъ были большія потери съ обѣихъ сторонъ,—и въ частности на сторонѣ Венгерской пали именно тѣ, которые, находясь въ лагерѣ Бѣлы, вступили, однако, въ измѣнническія сношенія съ Борисомъ (Оттон. Фрейз.).

Здѣсь рѣчь идетъ о событіяхъ 1132 г., которыя еще отчетливѣе объясняются изъ Венгерскихъ и, отчасти, Чешскихъ источниковъ. По этимъ источникамъ, сила Венгерской партіи, желавшей возвести Бориса, представляется несомнѣнною, а съ другой стороны, оказывается, что помимо Болеслава Кривоустаго въ походѣ для отысканія правъ Бориса участвовали Русскіе Князья.

Турочъ (pag. 177) повѣствуетъ, что, не смотря на энергію и рѣшительныя мѣры королевы Елены, жены Бѣлы Слѣпаго и дочери Сербскаго жупана, въ самомъ началѣ новаго царствованія обнаружилось сильное раздвоеніе и волненіе. Венгры чрезъ пословъ пригласили на царство Бориса и обѣщали ему свою помощь въ отысканіи его правъ, такъ какъ считали его сыномъ Коломана. И такъ Борисъ, призвавъ себѣ на помощь Русскихъ и Поляковъ, пришелъ на границы Венгріи и остановился на мѣстѣ, которое называется Сайо (Seo). Король Бѣла, съ своей стороны, вышелъ ему на встрѣчу. Но весьма многіе изъ бояръ склонялись на сторону Бориса. Поэтому король созвалъ вельможъ на совѣщаніе и спросилъ ихъ, считаютъ ли они Бориса настоящимъ сыномъ короля Коломана, или же плодомъ прелюбодѣянія. Тѣ, которые были вѣрны, отвѣчали, что, какъ они знаютъ, Борисъ родился не отъ короля Коломана и потому ни-

какъ не достоинъ короны. Но невѣрные и супротивники отвѣчали какимъ-то неопредѣленнымъ шепотомъ и колебались, хромая на обѣ ноги. Король и его совѣтники, сколько было возможно, отдѣлили козлищъ отъ агнцевъ и твердо постановили, что измѣнники тутъ же будутъ перебиты, дабы, въ случаѣ отсрочки, предатели не успѣли перебѣжать къ Борису и, такимъ образомъ, подвергнуть государство опасности. Произошло смятеніе, и при этомъ схвачены и убиты были главнѣйшіе и наиболѣе знатные изъ приверженцевъ Бориса. Но другіе успѣли спастись, и собравшись съ силами—хотѣли напасть на законнаго государя. Одинъ изъ среды ихъ вызвался пойдти прямо въ лагерь королевскій, который находился на рѣкѣ Сайо, и торжественно предать позору короля Бѣлу. Это было одобрено самимъ Борисомъ: и вотъ графъ Самсонъ проникъ въ королевскую палатку, торжественно назвалъ короля собакой, и потребовалъ, чтобы онъ удалился въ монастырь, а царство передалъ достойнѣйшему, т. е. Борису.— Борисъ, между тѣмъ, съ большою толпою Русскихъ и Поляковъ расположился станомъ недалеко отъ короля. Бояре Венгерскіе послали къ вождю Поляковъ и Русскихъ съ такимъ заявленіемъ: „не хорошо, что вы, вопреки всякой правдѣ, отыскиваете царство для человѣка, рожденнаго отъ прелюбодѣянія. Мы знаемъ, что король Бѣла получилъ престолъ по праву и онъ царствуетъ съ согласія всей земли". Услышавъ это, князья Русскіе и Польскіе отказались отъ дальнѣйшей помощи Борису и воротились каждый въ свою область. Но Борисъ все-таки со множествомъ народовъ (cum multitudine populorum) выступилъ для борьбы съ королемъ. Однако, король, надѣясь, на божественную помощь, сокрушилъ всю силу Бориса въ одномъ сраженіи, обратилъ его въ бѣгство и нанесъ чувствительное пораженіе Польскому войску въ самый праздникъ святой Маріи Магдалины.

Чешская хроника, подъ 1132 г., представляетъ роль Болеслава и причину его отступленія нѣсколько иначе. „Князь Польскій съ безчисленнымъ войскомъ отправился въ Венгрію съ намѣреніемъ изгнать слѣпаго короля, который именовался Бѣлою, и посадить на тронѣ, противъ воли Венгровъ, сына Коломанова.—Но его намѣреніе было разрушено божественнымъ Провидѣніемъ, потому что слѣпой король вышелъ на встрѣчу съ своимъ войскомъ и Болеславъ, пораженный вмѣстѣ съ своими—страхомъ, дождавшись ночи, обратился въ бѣгство; Венгры преслѣдуя его, убили многихъ.

Изъ дальнѣйшаго разсказа каноника Вышеградскаго оказывается, что союзниками Бѣлы въ 1132 г. были Чехи, и что они принесли ему много пользы. Собеславъ Чешскій, женатый на сестрѣ Бѣлы, вторгнулся въ Польскую Силезію именно въ то самое время, когда Болеславъ находился въ Венгріи—18 октября 1132 г., а сраженіе, въ которомъ Бѣла восторжествовалъ надъ приверженцами Бориса, по Турочу, произошло, въ праздникъ Маріи Магдалины, т. е. въ октябрѣ; такъ что, слѣдуетъ думать, именно это обстоятельство было причиною отступленія Болеслава изъ Венгріи. Canonici Wissegrad. continuatio Cosmae: Pertz. SS. IX, 138. SS. IX, 138.

Eodem anno dux Polonorum cum infinito exercitu profectus est, volens filium Colmanni, expulso rege coeco qui vocatur Bela, invitis Ungaris, intronizare... Sed ejus propositum divina Providentia destruxit, nam coecus rex cum exercitu suo ei occurrit et Bolezlaus cum suis perterritus, expectata nocte, fugam iniit, quem Hungari insécuti multos in ipsa fuga interfecerunt. Interea dux Sobezlaus.—Poloniam cum exercitu suo 15 Kal. Novembris intravit, totamque partem illis regionis quæ Slezsko vocatur penitus igne consupsit и т. д.

Annal. Gradic. Pertz SS. XX, 650. Inter principes Bœmie et Polonie fides sacra et concordia est violata, utrimque discensionis occasione interposita. Hinc dux Polonie Ungariam intravit... et discidium inter principes ejus facere temptavit nec quod proposuit ad effectum perducere valuit. At dux Boemie intravit pro sua suique leviri injuria in magna parte eandem incendio multoque interitu vastavit.

Война за наслѣдство Венгерскаго престола, въ которой приняли участіе: Русскіе, Поляки, Чехи и Нѣмцы продолжалась нѣсколько лѣтъ. Къ 1133 г. относится извѣстіе Оттона Фрейзингенскаго о помощи, оказанной королю Венгерскому сыномъ герцога Австрійскаго, Адальбертомъ, за котораго въ предыдущемъ году вышла сестра Бѣлы—Гедвига [1]). Помощь эта была нужна вслѣдствіе новаго нападенія Болеслава Кривоустаго, который не былъ даже остановленъ повтореннымъ вторженіемъ Собеслава Чешскаго въ Силезію, и снова старался посадить въ Венгріи Бориса.

Otton Frising. l. c. Verum Bela rex, ascito sibi Alberto Leopoldi marchionis filio, qui ejus sororem habuerat, ac quibusdam de regno nostro nobilibus, Boricio occurrit. Ille vero strepitu ac adhortantium voce, ex linguae idiomate multitudinem teutonicorum in acie fore cognoscens, illorum potius quam Ungarorum terrore perculsus, una cum Poloniorum duce, omissis in fuga multisi, terga vertit.

Canonic. Wissegrad: Anno dominicae incarnationis 1133... 17 kal. februari, acer dux Sobezlaus secundo Poloniam intravit, eamque insigni trophaeo devastavit, multos inde captivos abduxit, villas fere trecentas succendit tandem... ad propria remeavit.

Annal. Gradic. Perz SS. IX sub ann 1133. Eodem anno Boemienses cum Moraviensibus quater Poloniam, nemine resistente depopulando invaserunt, praefati vero Moravienses innata sibi probitate aedificiis urbis, quae vulgo dicitur Kosli exustis et funditus deletis, infinitam multitudinem utriusque sexis cum multis spoliis in captivitatem duxerunt.

Въ 1134 г. Болеславъ предпринялъ, еще разъ, третій, походъ въ Венгрію, но уже совершенно неудачный. Въ Венгерско-Австрійскихъ лѣтописяхъ объ этомъ походѣ повторяется одна и та же краткая отмѣтка; но нѣкоторыя подробности сообщаются въ Польской хроникѣ Кадлубка

1134. Bela cecus rex Ungarorum triumphavit de Polonis, sed in dolo.

---

[1]) Репеллъ (Geschichte Polens 1,292) относитъ походъ Альберта Австріскаго къ 1133 г. на основаніи Excerpta e chron. Ricardi canonici Newuburgensis.

(Annal Mellic. Pertz SS. IX, 502. Cp. Annal. Admuntens ibid. p. 578. Annal. Neoburg. ibid. 613).

Бѣла Слѣпой восторжествовалъ надъ Поляками, но только посредствомъ хитрости. Хитрость эта объясняется разсказомъ Винцентія Кадлубка (Bielowski, Monumenta Poloniae historica II, 358). Храбрый король Болеславъ не могъ быть побѣжденъ оружіемъ, но былъ однажды побѣжденъ собственною довѣрчивостію. Онъ принялъ, съ своимъ обычнымъ расположеніемъ, одного изъ членовъ королевскаго рода, изгнаннаго изъ отечества королемъ Венгерскимъ, и рѣшился возвратить ему не только отечество, но и королевскій престолъ (Quendom enim stirpis regia, a rege Pannoniorum adactum exilio, solito Boleslaus excipit et exhibet affectum, ac non modo patriae, sed et regno restituere parat). Узнавши объ этомъ, Венгры осѣтили легковѣрнаго хитростью, и эту хитрость подстроилъ самъ король. Самые первые магнаты и сановники Венгерскіе явились къ королю Польскому въ видѣ пословъ. Они утверждали, что вся Венгрія готова преклониться къ подножію Болеслава, и только отъ него одного ожидаетъ спасенія. Они приносили горькія жалобы на своего властителя и объясняли причины своей неумолимой ненависти къ нему. Они просили, наконецъ, вспоможенія, чтобы изгнать короля и посадить на его мѣсто изгнанника, прибавляя, что помощь нужна незначительная, ибо ихъ собственныя силы почти достаточны для цѣли, но нужно только, чтобы во главѣ предпріятія стали самъ король Болеславъ, вокругъ котораго соберется весь рой ихъ сообщниковъ, и изгнанникъ, который долженъ удалить и замѣнить хищника. Король склонился на пламенныя просьбы и съ незначительнымъ количествомъ людей вступилъ въ Венгрію. На встрѣчу ему выходятъ толпы Венгровъ; тысячи прибавляются къ тысячамъ, но всѣ они мало по малу собираются въ одну массу позади Польскаго отряда. На это обратилъ вниманіе одинъ изъ приближенныхъ Болеслава, Вшеборъ (сообщается длинный разговоръ его съ королемъ), но не успѣлъ склонить его къ осторожности. Между тѣмъ, какъ шло препирательство короля съ его совѣтникомъ, показывается вдали несмѣтное войско Венгерское, предводимое самимъ королемъ. Венгры, находившіеся при Болеславѣ, утверждаютъ, что это спѣшитъ новая помощь со стороны ихъ сообщниковъ. Но что же вмѣсто того случилось? Спереди и сзади нападаетъ врагъ на Болеслава (Длинное описаніе сраженія pp. 360. 361). Король и Вшеборъ оказываютъ чудеса храбрости, но одинъ изъ вождей первый обращается въ бѣгство. Наконецъ, Польскій король, не побѣжденный, но уставшій побѣждать (vincendo fatigatus), убивъ многія тысячи, оставляетъ сраженіе».

Вмѣсто этого разсказа у Богухвала читается другой, приписываемый, впрочемъ, не первоначальному автору хроники, а ея интерполятору (Zeissberg, die Polnisch. Geschichtsquell. p. 140), и носящій такое заглавіе: „Объ изгнаніи Коломановича, короля Галичскаго (de expulsione Colomanidis regis Haliciensis)". Выше у Богухвала (Bielowski, Monum. Pol. 11, 508) было объяснено, что у Болеслава Кривоустаго была дочь, рожденная отъ его Русской супруги (Святополковны), по имени Юдиѳь (Iuditha), кото-

рую онъ выдалъ за сына Венгерскаго короля Коломана (Colomani, regis Hungarorum filio) и далъ ему въ видѣ приданаго кастелляничество Спишъ въ пожизненное владѣніе. Потомъ король Польскій, при помощи Венгерскаго, поставилъ этого Коломановича королемъ Галича, и оба вмѣстѣ заставили его короновать. Затѣмъ, вслѣдъ за описаніемъ событій 1135 г., слѣдуетъ вышеозначенное повѣствованіе объ изгнаніи Коломановича (II, 516). «Русскіе князья, соединившись между собою и съ другими сосѣдними владѣтелями въ одинъ союзъ, изгнали короля Галичскаго, Коломановича, изъ его владѣній. Онъ убѣжалъ къ своему тестю, королю Болеславу, у котораго и прежде жилъ нѣсколько времени съ своею женою. Князья Русскіе, боясь нашествія Болеслава, рѣшились обмануть хитростью того, который не могъ быть побѣжденъ оружіемъ, но могъ быть только побѣжденъ собственною довѣрчивостію. Самые первые магнаты и сановники Галичскіе являются къ королю Польскому въ видѣ пословъ, повергая себя самихъ и все королевство къ подножію Болеслава. Вмѣстѣ съ тѣмъ и Венгры, сосѣди королевства Галичскаго, свѣдомые о хитрости, задуманной Русскими, приносятъ горячія жалобы, молятъ о вспоможеніи для возстановленія изгнаннаго короля. Болеславъ, обманутый льстивыми просьбами, вступаетъ въ Галичскую область съ незначительнымъ войскомъ. На встрѣчу ему выходятъ толпы Венгровъ и отряды Русскихъ въ безчисленномъ количествѣ; тысячи прибавляются къ тысячамъ. Но всѣ они собираются постепенно въ самыхъ заднихъ рядахъ войска. Вслѣдствіе ихъ вѣроломства, Болеславъ, хотя и не былъ побѣжденъ, но, оказавъ чудеса храбрости, потерявъ множество Поляковъ плѣнными, для выкупа которыхъ не хватило бы всѣхъ сокровищъ Польши, воротился домой.

Въ подлинникѣ повѣствованіе Богухвала еще ближе по своей фразеологіи къ своему первообразу, т. е. къ отрывку изъ Винценгія магистра (Кадлубка); но такъ какъ оно даетъ совершенно другой смыслъ и другое содержаніе разсказу своего источника, то слѣдуетъ признать, что мы здѣсь имѣемъ намѣренное искаженіе истины, выдуманную для какихъ-то цѣлей ложь и подделку. Цѣли эти, впрочемъ, прямо указаны самимъ Богухваломъ: онѣ заключаются въ объясненіи Польскихъ правъ и притязаній на кастелланію Спишъ, похищенную у Польши Венграми. Самый бракъ Коломановича на дочери короля Болеслава, по всѣмъ признакамъ, тоже выдумка, хотя она и нашла себѣ мѣсто въ самыхъ лѣтописяхъ Польскихъ даже подъ двумя годами. Объ этомъ бракѣ нѣтъ ни слова у Кадлубка; а съ другой стороны извѣстно, что Юдиѳь послѣ, но еще при жизни Бориса Коломановича, выдана была совсѣмъ за другаго князя. Такимъ образомъ, приходится остановиться на болѣе близкомъ по времени и болѣе достовѣрномъ показаніи Оттона Фрейзингенскаго, что Борисъ Коломановичъ породнился съ Византійскимъ императорскимъ домомъ еще ранѣе 1132 г.; а для объясненія стараній Болеслава Кривоустаго, вмѣстѣ съ князьями Русскими, посадить внука Мономахова на Венгерскій престолъ—нужно искать какихъ-либо другихъ причинъ помимо родства. Нечего и говорить о томъ, что Борисъ Коломановичъ ни-

когда не былъ королемъ или княземъ Галичскимъ, хотя это и принимаютъ новые Венгерскіе историки (Fessler-Klein 1, 240).

Въ августѣ 1135 г., Болеславъ Польскій и Собѣславъ Чешскій присутствовали, по приглашеніи императора Лотара, на имперскомъ сеймѣ, въ Мерзебургѣ, куда явились также послы Венгерскаго короля. Благодаря посредничеству императора, между первыми двумя было заключено перемиріе, а чрезъ два года и полный миръ. Болеславъ долженъ былъ отказаться отъ поддержки претендента Бориса, который до сихъ поръ служилъ виновникомъ раздора между Польшею съ одной стороны, Чехіею и Венгріею—съ другой. (См. Giesebr. Gesch. der Kaiserzeit IV, 106).

Мы не знаемъ, куда удалился Борисъ Коломановичъ, покинутый своимъ главнымъ защитникомъ, королемъ Польскимъ. Но въ 1146 г. онъ снова является на сцену, какъ соперникъ короля Гейзы, сына и преемника Бѣлы Слѣпаго. Въ означенномъ году онъ прибылъ въ Ахенъ, на сеймъ, гдѣ тогда находился король Германскій, Конрадъ, союзникъ Мануила, и поддерживаемый Владиславомъ Чешскимъ, просилъ покровительства Германскаго государя. Конрадъ, благодаря заступничеству Чешскаго государя и его супруги, Гертруды, т. е. сестры самаго Конрада, отнесся къ притязаніямъ Бориса съ полною благосклонностію. Но непосредственной помощи онъ не могъ оказать ему, потому что былъ занятъ другими дѣлами. За то нашлись нѣкоторые имперскіе князья Бабенбергскаго дома, готовые взять его интересы подъ свою прямую и скорую защиту; при помощи ихъ, онъ нашелъ себѣ приверженцевъ въ Баваріи и Австріи; два графа изъ Восточной марки и многіе министеріалы герцога Гейнриха Баварскаго перешли, вмѣстѣ съ Борисомъ, Венгерскую границу, захватили неожиданнымъ ночнымъ нападеніемъ Пресбургъ, причемъ гарнизонъ частью былъ истребленъ, частью захваченъ въ плѣнъ. Какъ скоро узналъ объ этомъ король Гейза, тотчасъ послалъ нѣсколькихъ Венгерскихъ вельможъ, которые должны были узнать о причинѣ нарушенія мира Нѣмцами. Отвѣтъ былъ полученъ отъ жителей города Пресбурга, которые, какъ оказывается, были на сторонѣ Бориса, и прямо заявили, что они признаютъ его своимъ государемъ. Вслѣдъ затѣмъ явился подъ стѣнами города самъ король съ большимъ войскомъ; Нѣмецкій гарнизонъ, не видя возможности держаться, сдалъ городъ, взявъ, однако, богатый выкупъ. Сверхъ приведеннаго разсказа, читаемаго въ дѣяніяхъ Фридриха Барбаруссы (Gesta Fr. 1 cap. 30), къ этимъ событіямъ относятся слѣдующія мѣста.

Otton Frising. Chronic. I. VII c. 20 (pag. 335 пк. изд.). Rex quoque eadem nativitate in palatio Aquis celebrata, Bajoariam ingreditur. Ibi eum Boemorum dux Labezlaus, supra nominatum Boricium secum ducens, adiit. Is flebili ac miserabili voce querimoniam suam de privatione paterni regni depromens, quatenus auctoritate imperiali, ad quam totius orbis spectat patrocinium, ei subveniatur deposcit, ejusque super hoc promissum interventu praedicti Boemorum ducis, ejusque consortis Gerdrudis, sororis regis, honesto intercedente placito impetravit.

Annal. Admuntens (Pertz SS. IX, 581). Porsa quidam patruelis regis Ungariae Chunradum regem (promissa) pecunia flexit, ut regnum Ungariae patri

ejus ablatum (?) sibi restitueret; a quo etiam persuasi quidam comites (въ Cod. A. comites Herimannus et Luitoldus) castrum Presburg (fraude) invaserunt, quod tamen Goutso rex forti manu requisivit.

Подробный разсказъ о нападеніи Нѣмецкихъ князей на Венгрію находится у Туроча (pag. 180), но въ немъ не упоминается имени Бориса, даже какъ виновника ихъ похода.

Въ слѣдующемъ (1147) году, Борисъ снова является на сцену, какъ неутомимый искатель отцевской короны. Онъ хотѣлъ воспользоваться движеніемъ крестоносцевъ черезъ Венгрію и пытался склонить, какъ короля Французскаго Людовика VII, такъ и короля Германскаго Конрада къ тому, чтобы они низложили Гейзу и возстановили его собственныя права на престолъ. Людовикъ VII получилъ посланіе Бориса, еще находясь во Франціи, въ городѣ Этампѣ, куда въ началѣ 1147 г. (въ февралѣ) явились послы Византійскіе и Нѣмецкіе для окончательнаго совѣщанія съ Французами о пути, который слѣдовало избрать для похода. По этому поводу упоминаетъ въ первый разъ имя Бориса извѣстный Французскій историкъ втораго крестоваго похода, Одонъ изъ Дейля (Odo de Diogilo-Deuil). Erat autem quidam Boricius nomine, qui jus haereditarium in regno illo (Hungariae) clamabat, et super hoc Stampas Regi nostro literas miserat plenarie querimoniam exponentes (Migne, Patrologia latina,. 185 pag. 21 t.). Отъ того же писателя узнаемъ мы, что король Французскій письмомъ приглашалъ Бориса къ себѣ но на пути Борисъ встрѣтился съ крестоносньмъ ополченіемъ короля Конрада, предупредившемъ, какъ извѣстно, Французовъ. Если когда, то именно теперь Германскій союзникъ Мануила имѣлъ полную возможность посадить покравительствуемаго имъ претендента на Венгерскій престолъ; но тогда, конечно, пришлось бы нѣсколько уклониться отъ благочестивой цѣли похода и священную войну во имя креста начать борьбою противъ христіанскаго государя. Король Конрадъ не сдѣлалъ этого; но, повидимому, не былъ также вполнѣ честнымъ и прямымъ въ своихъ отношеніяхъ къ Гейзѣ и Борису. По свидѣтельству Одона, онъ взялъ отъ послѣдняго большіе подарки и далъ соотвѣтствующія обѣщанія; но, потомъ, заставилъ и перваго сдѣлать денежныя приношенія; такимъ образомъ, онъ извлекъ выгоды изъ того и другого. Hic dum Regi nostro veniret obviam, literas suas sequens, offendit, in quo confidere posset, imperatorem. Causam igitur suam illi exponit, multa promisit, immo sicut audivimus, dedit, et ab eo spem sui juris accepit (Odo, ibid). Оставленный Нѣмцами, Борисъ хотѣлъ проникнуть въ Венгрію вмѣстѣ съ Французами: онъ имѣлъ обѣщанія отъ своихъ приверженцевъ въ странѣ, которыхъ, оказывается, было много, что, какъ скоро онъ появится, то они возстанутъ въ его пользу.—Borich autem venerat consilio quorundam Hungarorum, ut si ipse regnum intrare posset, tunc a multis pro domino haberetur et relicto rege ei multi adhaererent: (Thwrocz pag. 181). Вслѣдствіе того, онъ, по словамъ Одона, дождался прохода Французовъ и тайкомъ вмѣшался въ ряды ихъ ополченія, что едва не послужило ему, однако, къ совершенной гибели. Король Гейза узналъ о присутствіи своего соперника и тотчасъ обратился къ Людовику съ просьбою выдать ему смертельнаго врага. Венгерскіе послы получили позволеніе

сдѣлать обыскъ во Французскомъ лагерѣ. Борисъ хотѣлъ бѣжать, пытался отнять для этого у одного вооруженнаго воина его лошадь; но былъ схваченъ и представленъ королю Людовику, предъ которымъ долженъ былъ уже открыться. Людовикъ созвалъ своихъ вассаловъ на совѣщаніе и далъ Венграмъ такой отвѣтъ, что онъ, конечно, желаетъ оставаться, по прежнему, въ дружбѣ съ королемъ ихъ, но не можетъ, однако, выдать на вѣрную смерть человѣка, который искалъ защиты у ногъ его. Гейза былъ этимъ отвѣтомъ очень недоволенъ и удалился въ глубину своей Венгріи, а Борисъ послѣдовалъ за Французами въ Константинополь. Такъ разсказываетъ Французскій очевидецъ втораго крестоваго похода. Но онъ самъ прибавляетъ, что были въ то время слухи, которые мы должны признать вполнѣ основательными и болѣе соотвѣтствующими положенію вещей,—именно, что и король Людовикъ, подобно Конраду, съ самаго начала зналъ о присутствіи въ своемъ лагерѣ Бориса Коломановича и хотѣлъ ему покровительствовать изъ уваженія къ Византійскому императору Мануилу. (Dicitur tamen hoc duos principes scisse, et gratia imperatoris Constantinopolitani... (Boricium) illis satis favorabiliter adhaesisse). Венгерскій разсказъ Туроча слегка отступаетъ отъ разсказа современника и очевидца (pag. 182). Когда Гейза узналъ, что непризнанный сынъ Коломана находится въ дружинѣ короля Французскаго, то послалъ ему сказать, что неприлично честнымъ людямъ платить зломъ за добро и укрывать человѣка, злоумышляющаго противъ его, короля, жизни. Послѣ этого сообщенія, во Французскомъ лагерѣ произошелъ споръ; всѣ спрашивали другъ друга, кто же между ними злоумышляетъ на жизнь короля, чтобы найдти виновнаго и казнить его. Когда самъ Борисъ услышалъ объ этомъ, то онъ бросился къ ногамъ короля Французскаго и просилъ у него прощенія и жизни, чтобы ему позволено было безъ всякой обиды сопровождать Французское ополченіе до выхода изъ предѣловъ Венгерскихъ. Но король Гейза опять присылалъ пословъ съ просьбою—выдать ему, во имя дружбы, Бориса связаннымъ. На это Людовикъ будто-бы отвѣчалъ: «пусть король знаетъ, что домъ короля есть подобіе храма, а ноги его какъ бы алтарь; какъ же я могу выдать того, кто искалъ убѣжища въ домѣ королевскомъ, какъ бы въ церкви, и простирался у ногъ королевскихъ, какъ бы у алтаря». На это разсужденіе Венгры возражали такимъ замѣчаніемъ, что, по ученію ихъ духовныхъ наставниковъ, церковь не допускаетъ общенія съ собою сынамъ прелюбодѣянія. Борисъ понялъ, что ему грозитъ смерть, ночью схватилъ одного королевскаго коня и убѣжалъ, убивъ дорогою встрѣчнаго конюха, который хотѣлъ задержать его.—Повѣствованіе въ своихъ подробностяхъ, очевидно, не совсѣмъ точное и уступающее въ правдоподобіи вышеприведенному.

Роль, которую игралъ Борисъ Коломановичъ въ отношеніяхъ императора Мануила къ Венгріи, намъ уже извѣстна. Остается только привести указанія источниковъ объ его смерти. У Киннама какъ было нами замѣчено, она не обозначена. Но у Оттона Фрейзингенскаго подъ 1156 г. (Gesta Freder. II c. 31 pag. 158) мы читаемъ: «non longe ante haec tempora Graecorum princeps cum Boricio contra Ungaros copias mittens, magnum

sui detrimentum accepit exercitus, in tantum, ut et Boricius a quodam qui secum venerat Cumano, qui et Schitta, sagitta, transfixus necaretur. Намъ оставалось отнести большой уронъ, понесенный Мануиломъ, къ ближайшему году и къ тому пораженію, которое разсказано Киннамомъ въ указанномъ мѣстѣ. Но, сверхъ того, мы думаемъ, что Каламанъ, упоминаемый Никитою Хоніатомъ въ разсказѣ о какомъ-то нашествіи Скиѳовъ, т. е. Половцевъ, долженъ быть никто иной, какъ нашъ Борисъ Коломановичъ. Это нашествіе Половцевъ стоитъ посреди между событіями, изъ коихъ—одно, предыдущее, относится къ 1151 г., а другое, послѣдующее, къ 1155 г. и слѣдовательно, должно приходиться на одинъ изъ среднихъ годовъ. Между тѣмъ, послѣ Половецкаго нашествія 1148 г., о которомъ Никита упомянулъ на своемъ и надлежащемъ мѣстѣ (pag. 103 въ концѣ), мы не знаемъ никакого другого нашествія этихъ кочевниковъ. Мы догадываемся, что Половцы дѣйствовали не самостоятельно, а пришли на помощь Венграмъ, либо служили въ войскѣ Гейзы II. Никита разсказываетъ, что въ сраженіи съ этими Скиѳами или Куманами, перешедшими Дунай и раззорявшими при-Дунайскіе грады, Каламанъ былъ побѣжденъ, потерялъ много добрыхъ воиновъ и самъ получилъ смертельную рану, отъ которой и умеръ (См. pagg. 123. 124). Эти обстоятельства напоминаютъ, съ одной стороны, повѣствованіе Киннама о неудачѣ Василія Цинцилука, а съ другой—указаніе Оттона Фрейзингенскаго о гибели, постигшей Бориса именно отъ руки Половецкой. Нужно прибавить, что фраза Оттона, «qui secum venerat», никакъ не значитъ, что Половчинъ принадлежалъ Коломану, а что онъ съ нимъ сошелся, встрѣтился, или что-либо подобное. Послѣ Бориса остался сынъ Коломанъ, который нѣсколько разъ упоминается у Византійскихъ историковъ и въ современныхъ документахъ.

III. О первыхъ Неманичахъ

О первыхъ представителяхъ знаменитой Сербской династіи Неманичей мы имѣемъ скудныя, а еще болѣе запутанныя и сбивчивыя извѣстія. Болѣе достовѣрными должны быть считаемы извѣстія, находящіяся у Византійцевъ и, потомъ, въ трехъ житіяхъ св. Сvмеона (Стефана) Немани, изъ которыхъ два принадлежатъ его сыновьямъ, а третье монаху Доментіану, жившему въ XIII вѣкѣ. Къ несчастію, житія сообщаютъ намъ очень краткія и общія свѣдѣнія о начальной исторіи Стефана Немани, говорятъ объ его отцѣ и братьяхъ, но не называютъ ихъ по именамъ; а Византійцы сообщаютъ значительное количество именъ, но не даютъ прямой возможности опредѣлить, о комъ собственно идетъ рѣчь: объ отцѣ Нѣмани или объ его братьяхъ, или, наконецъ, о немъ самомъ. Такъ называемыя «Сербскія Лѣтописи», изданныя въ разныхъ изводахъ въ «Гласникѣ», едва-ли заслуживаютъ такого названія, во всякомъ случаѣ относятся по своему происхожденію къ очень позднему времени и, потому, не внушаютъ къ себѣ большаго довѣрія,— вообще мало помогаютъ дѣлу. Тоже нужно сказать о сочиненіи Рацци по исторіи Дубровника (Рагузы), въ которомъ находится довольно много указаній собственно на Сербскую исторію, на отношенія къ республикѣ отца

Нимани и его самого. Рацци, писавшій въ началѣ XVII вѣка, пользовался Дубровницкими лѣтописями и назвалъ свое сочиненіе «Подробнымъ извлеченіемъ» изъ нихъ, даже знакомъ былъ, повидимому, съ Сербскими сказаніями о Неманичахъ, но въ его сочиненіи вообще мало критики, а въ интересующемъ насъ отдѣлѣ обнаруживается значительная путаница въ хронологіи и генеалогіи. Въ 1160 г. является на сцену Десса или Дессанъ (Дѣжа), правнукъ Стефана,—священника въ церкви Боснійскаго города Тучеля (Tuchegl), отъ котораго произошла знаменитая фамилія Неманичей, и сынъ Бѣлы-Уроша, старосты или протоіерея (protoiero) въ Любомирѣ; онъ былъ воспитанъ при дворѣ короля Градиньи (Gradigna), который принадлежалъ къ другой Сербской династіи и извѣстенъ также изъ хроники пресвитера Діоклейскаго. Десса низвергнулъ съ престола сына Градиньи, Родослава. Родославъ и его братья (Иванъ и Владиміръ) искали защиты у императора Мануила; но Десса завладѣлъ Зетою (Черногорьемъ), и употреблялъ всяческія средства, чтобы погубить соперниковъ—братьевъ и сыновей Радослава, нашедшихъ убѣжище въ Рагузѣ. Сыновьями этого Дессы были: Неманя и Мирославъ. Объ отношеніяхъ ихъ къ Рагузѣ, то дружественныхъ, то непріязненныхъ говорится на нѣсколькихъ страницахъ (pag. 21 и сл.). Десса умираетъ въ 1179 г. (pag. 27). Затѣмъ (стр. 29) Стефанъ, названный въ крещеніи Неманя Крапало, внукъ Немани, сынъ Тихомила, вступаетъ въ бракъ съ Евдокіею, дочерью Алексѣя Комнина (Ангела): оказывается, что здѣсь уже говорится, по настоящему, о Стефанѣ Первовѣнчанномъ королѣ, сынѣ Стефана Немани, великаго жупана. Такимъ образомъ, Стефанъ Неманя есть тоже что Тихомилъ или Дѣжа... Сербскія лѣтописи знаютъ Бѣлу Уроша и его сыновей: Техомила и Чедомила; отъ Техомила родились: Завидъ, Страцимиръ, Первославъ и Стефанъ Неманя. Тоже самое въ «Сказаніи о сербскихъ господахъ», напечатанномъ у Шафарика вмѣстѣ съ сводомъ меньшихъ лѣтописей («Památky» — 2-е изданіе, сдѣланное Иречкомъ). Тамъ и здѣсь Бѣла-Урошъ обыкновенно выдается за сына Лицинія, соправителя Константина Великаго-Равноапостольнаго; отъ гоненія Лицинія онъ бѣжалъ въ Захлумію, хотя, по происхожденію, былъ все-таки племени Рашскаго; только Стефанъ Неманя воздвигся изъ Захлуміи и снова утвердилъ свою власть въ своей дѣдинѣ, Рассіи. По «Сказанію о Сербскихъ господахъ», отецъ Немани Техомилъ былъ «попомъ», а его дядя Чедомилъ—епископомъ. По другимъ извѣстіямъ, уже Бѣла-Урошъ былъ великимъ жупаномъ и покорилъ подъ власть свою Захлумію, Травунію, Далмацію, Герцеговину и обѣ Зеты (Сербскій лѣтописецъ начала XVI столѣтія [1]).

Съ этимъ запасомъ именъ обращаемся теперь къ Византійцамъ и находимъ, что въ 1149 и 1150 г. въ Сербіи и Рассіи правитъ Урошъ и Бакхинъ; затѣмъ, слѣдуютъ Примиславъ (Первославъ), Бѣлушъ и Дѣжа (Desé), родные братья. Дѣжу на первый разъ всего естественнѣе отождествить съ Техомиломъ или Дессою (Рацци), и считать его сыномъ Бѣлы-Уроша: но тогда утрачено будетъ тождество Примислава, который будетъ приходиться дядею

[1]) Бѣла-Урошъ именуется великимъ жупаномъ въ Троношской лѣтописи, которая была въ рукахъ Гильфердинга.

Стефана Нѣмани, съ Перволавомъ, именуемымъ въ «лѣтописяхъ» его братомъ. Притомъ, по даннымъ, вполнѣ несомнѣннымъ, время правленія Прислава вполнѣ совпадаетъ со временемъ господства старшихъ братьевъ Стефана Немани; а выступленіе на сцену Дѣжи (Δεσέ)—со временемъ (велико) жупанства Стефана Немани.

Въ житіи Симеона—Стефана Немани, написанномъ его сыномъ, святымъ Саввою, говорится, что Стефанъ Нѣманя достигъ власти (пріялъ владычество) 46 лѣтъ отъ роду, пребывалъ во владычествѣ 37 лѣтъ, потомъ, 25 марта 1195 г. постригся въ монахи, а черезъ три года оставилъ отечество и ушолъ на Аѳонъ (въ 1197 г.), гдѣ и умеръ, проживъ всего 87 лѣтъ; онъ умеръ 13 февраля 1200 года.

Итакъ, Стефанъ Неманя родился въ 1114 г., какъ мы знаемъ изъ тѣхъ же житій—въ Зетѣ, на Рыбницѣ (рѣчка въ Черногоріи, близь древней Діоклеи, теперешней Подгорицы, впадающая въ Морачу). Сѣлъ на владычество около 1159 г., т. е. нужно думать, сдѣлался великимъ жупаномъ, потому что, по свидѣтельству другихъ жизнеописаній, удѣлъ на востокѣ (въ Сербіи) онъ получилъ едва выйдя изъ отрочества, а по свидѣтельству «Сказанія» пришелъ въ землю Рашскую тридцати лѣтъ отъ роду, слѣдовательно въ 1144 году.

Далѣе, не только всѣ три житія, но и грамота одного изъ его ближайшихъ преемниковъ свидѣтельствуетъ, что Стефанъ Неманя былъ «младѣйшій сынъ во всей братіи своей» (Monum. Serb. № 48, грамота Стефана Уроша 1261 г.), что ранѣе его владычествовалъ надъ всею Сербскою землею одинъ изъ старшихъ братьевъ, отъ которыхъ онъ терпѣлъ гоненія. Слѣдовательно, ранѣе 1159 г. великое жупанство принадлежало уже братьямъ Немани, и въ Византійскихъ — Примиславѣ и Бѣлушѣ мы должны видѣть этихъ братьевъ, точно такъ какъ въ Дѣжѣ (Δεσέ) признавать самого Стефана Неманю.

Что же слѣдуетъ думать объ Урошѣ (Οὔρεσις), который, по свидѣтельству Никиты Хоніата (pag. 121), былъ государемъ Сербскимъ во время походовъ Мануила 1149 и 1150 г. и который названъ по имени также и у Киннама, какъ братъ Дѣжи (pag. 113)? Сербскій великій жупанъ Урошъ несомнѣнно существовалъ въ XII ст. По свидѣтельству Венгерской хроники Туроча (pag. 175), на его дочери женатъ былъ Бѣла Слѣпой, сынъ герцога Алмуза; этотъ бракъ былъ устроенъ королемъ Стефаномъ II, когда онъ убѣдился, что не будетъ имѣть прямыхъ наслѣдниковъ, и, слѣдовательно, фактъ этотъ относится приблизительно къ 1130 г. (въ 1131 г. Стефанъ II умеръ). «Misit nuntios in Serviam et filiam Uros comitis magni in legitimam uxorem Belae traduxerunt, quae post multos dies procuravit Geicham». Эта дочь великаго жупана Сербскаго, мать короля Гейзы II, есть извѣстная въ Венгерскихъ хроникахъ и документахъ королева Елена. Банъ Бѣла (или Бѣлушъ, Βέλοσις), уже извѣстный намъ дядя короля Гейзы, былъ дядею его (avunculus) именно по этой Еленѣ; есть еще сомнѣніе былъ ли онъ роднымъ братомъ Елены, какъ обыкновенно принимаютъ, потому что Киннамъ (pag. 104) утверждаетъ, что этотъ знатный Сербъ только женатъ былъ на сестрѣ великаго жупана Сербскаго,—мы можемъ прибавить: и на сестрѣ Елены. Подъ братомъ Первослава и Дѣжи, Бѣлушемъ, упоминаемымъ также у Киннама, слѣдуетъ, повидимому, разумѣть другое лицо; но возможно, что тутъ

есть какая нибудь ошибка у Византійскаго писателя. Во всякомъ случаѣ, Урошъ, отецъ Елены, не есть Урошъ (Οὔρεσις) 1149 и 1150 г., какъ мы это сейчасъ увидимъ. Скажемъ сначала о Бакхинѣ.

Бакхина уже Дюканжъ признавалъ за одно лицо съ Радославомъ, принадлежавшимъ къ предшествовавшей династіи Сербской. Нѣкоторое основаніе къ тому подаетъ хроника Діоклейскаго пресвитера, утверждающая, что Родославъ получилъ власть надъ Сербскими землями съ утвержденія императора Мануила, что, потомъ, возстали противъ него старые враги, которые привели Дѣжу, сына Уроша (Desam, filium Urossi) и дали ему Зету и Травунію; (за Родославомъ остались: приморская область,Которъ и Скадръ —Скутари): выше былъ упомянутъ Урошъ, оставленный жупаномъ въ Расѣ при отцѣ Радослава.—Возможно, что Бакхинъ есть Родославъ, но, намъ кажется, что еще скорѣе это не былъ жупанъ Сербскій, а предводитель Венгерскихъ войскъ, пришедшій на помощь великому жупану Сербскому, и носившій тоже титулъ жупана. Жупаны и даже великіе жупаны бывали и у Венгровъ (Cinnam, pag. 245; 263); имена, сходныя съ Бакхинымъ, встрѣчаются въ Венгерской исторіи (Vachan: Thwrosz. pag. 171) и документахъ (Vahan, Bahaan: Feier, Cod diplom. II, 93 105). Самый разсказъ Киннама подаетъ поводъ къ такому толкованію. Мануилъ хочетъ захватить въ плѣнъ или архижупана, или же Венгерскаго военачальника (pag. 109); беретъ въ плѣнъ Бакхина, а затѣмъ, приходятъ послы отъ (другого) архижупана (pag. 112).

Кто былъ Урошъ, противникъ Мануила въ 1150 г., это уже видно отчасти изъ указанія Киннама (pag. 113), что онъ былъ братъ Дѣжи (Δεσέ), а еще яснѣе изъ слѣдующаго мѣста. Между событіями 1161 г. Киннамъ (pag. 204) помѣщаетъ слѣдующій отчетъ о Сербскихъ дѣлахъ. «Мануилъ прибылъ въ Филиппополь для устройства дѣлъ Сербіи. Управлявшій тогда этою страною Примиславъ (Πριμίσλαβος) и прежде уже, какъ это разсказано мною въ другомъ мѣстѣ, замышлялъ отложиться отъ царя и обнаруживалъ стремленіе къ самостоятельности; а потому царь и прежде едва не лишилъ его власти, и только по милости оставилъ въ томъ же достоинствѣ. Теперь тотъ же самый Примиславъ, не обращая никакого вниманія на увѣренія и клятвы, опять сталъ питать свои преступные замыслы. Убѣдившись отсюда въ неисправимости этого человѣка, царь лишилъ его власти и передалъ правленіе брату его Бѣлушу. Сжалившись, однако, надъ судьбою Примислава онъ хотя и удалилъ его оттуда, чтобы лишить возможности опять дѣлать зло, однакоже подарилъ ему тучную землю съ хорошими пастбищами для скота. Впрочемъ, Бѣлушъ (Βελούσης), спустя немного послѣ того, какъ былъ облеченъ властію, сложилъ съ себя званіе правителя и, оставивъ отечество, удалился въ Венгрію, гдѣ жилъ еще долго, пока не умеръ. Между тѣмъ, царь, вызвавъ младшаго его брата, который назывался Дѣжею (Δεσέ) и владѣлъ Дендрою, богатою и многолюдною областію, сопредѣльною съ Нишемъ, и получивъ отъ него увѣреніе въ томъ, что во все время живни будетъ ненарушимо сохранять покорность ему, и, кромѣ того, уступитъ Грекамъ Дендру, которая, какъ сказано, находилась въ его пользованіи, провозгласилъ его архижупаномъ».

Отсюда 1) оказывается, что прежній Урошъ 1150 г. превращается въ Примислава (=Первослава) и, слѣдовательно, никакъ не можетъ быть считаемъ отцемъ Дѣжи, кого бы мы ни разумѣли подъ этимъ послѣднимъ именемъ, и, очевидно, не одно лицо съ отцемъ Венгерской королевы Елены. 2) Провозглашеніе Дѣжи великимъ жупаномъ почти совпадаетъ по времени съ извѣстнымъ намъ изъ Сербскихъ житій годомъ принятія власти Стефаномъ Неманею. Можно даже допустить, что обозрѣніе событій, которое мы сейчасъ прочитали у Киннама, обнимая нѣсколько лѣтъ, помѣщено не совсѣмъ на мѣстѣ,—т. е. не кончается 1161, а 1159 годомъ.

Это ведетъ насъ къ предположенію тождества Византійскаго Дѣжи со Стефаномъ Неманею, великимъ жупаномъ.—Дальнѣйшее обозрѣніе его исторіи по источникамъ Византійскимъ подтверждаетъ такое воззрѣніе.

Въ 1163 г. Мануилъ опять былъ занятъ Сербскими дѣлами. «Онъ прибылъ въ городъ Нишъ.... Сербіею въ то время управлялъ Дѣжа (Δεσέ). Но получивъ страну во владѣніе, онъ нарушилъ договоръ, опять заявлялъ притязанія на область Дендру; отложившись отъ Римской (Греческой) власти, онъ отправилъ посольство къ Алеманнамъ (Нѣмцамъ), задумавъ заключить тамъ для себя брачный союзъ; и во всемъ онъ поступалъ наперекоръ Грекамъ. Даже тогда, когда царь призывалъ его принять участіе въ войнѣ противъ Пэонянъ (Венгровъ), онъ явился мало усерднымъ и упрямымъ, имѣя въ виду отдаленныя надежды, и въ своихъ обѣщаніяхъ откладывалъ со дня на день свое прибытіе. Поэтому царь, находясь въ Нишѣ, гдѣ одна изъ дорогъ ведетъ въ Сербію, а другая къ Дунаю—въ землю Венгерскую, расположился лагеремъ тамъ, гдѣ онѣ раздѣляются. Замѣтивъ грозившую ему опасность, Дѣжа съ бывшимъ у него войскомъ прибылъ въ Греческій лагерь. Царь принялъ его благосклонно и почтилъ должнымъ образомъ. Но по истинѣ, нѣтъ зла хуже, чѣмъ необузданный языкъ. Видя, что прежнее его безразсудство не навлекло на него никакой бѣды, Дѣжа сталъ заноситься мыслями и задумалъ вредить Грекамъ больше прежняго, только замыслъ свой держалъ въ тайнѣ. Такъ благодѣяніе, оказываемое злымъ людямъ, весьма часто служитъ поводомъ къ бо́льшему злу. Спустя немного времени, пришли къ царю послы отъ народа Венгерскаго. Случайно встрѣтившись съ ними, Дѣжа на обыкновенный вопросъ ихъ, какъ идутъ дѣла его, откровенно отвѣчалъ, что идутъ хорошо и вполнѣ соотвѣтственно съ расположеніемъ короля ихъ, котораго онъ прямо назвалъ своимъ господиномъ. Узнавъ о томъ, царь не хотѣлъ болѣе медлить, но позвалъ Дѣжу къ суду, выставилъ на лицо его обвинителей и соучастниковъ, которые были свидѣтелями его измѣны, и, вынудивъ у него признаніе, держалъ его подъ стражею, хотя безъ всякаго безчестія; именно: окопалъ его палатку валомъ и въ ней стерегъ его по обычаю, принятому въ лагеряхъ, такъ что это мѣсто по сему случаю было прозвано валомъ Дѣжи; а потомъ, немного спустя, отправилъ его въ Византію и держалъ подъ стражею во дворцѣ». (Cinnam, pag. 212—214. Русскій переводъ, pag. 235).

Валъ Дѣжи напоминаетъ Дѣжево поле, Дѣжево село, въ которомъ, по преданію, любили пребывать Неманя и его потомки, и которое находится вблизи Расы (Новаго Пазара) (см. Гильфердинга поѣздка по Гер-

цеговинѣ, Босніи и Старой Сербіи). Конечно, отсюда еще не слѣдуетъ тождество Дѣжи и Стефана Нѣмани. Важнѣе было бы извѣстіе Киннама о пребываніи Дѣжи въ Константинополѣ, если бы его указаніе на время этого пребыванія было нѣсколько опредѣленнѣе: «не много времени спустя»—можетъ значить и менѣе одного года, можетъ значить и девять или десять лѣтъ. Къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ изложеніи Киннама не только не говорится о заключеніи Дѣжи въ Константинополѣ, но и вообще при Сербскихъ дѣлахъ не называется болѣе по имени Сербскій великій жупанъ, хотя отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы Дѣжа сошелъ со сцены.

Въ 1165 г., когда Мануилъ готовился къ большому походу въ Венгрію, къ нему пришли на помощь подвластные Византіи Сербы, равно какъ и Русскіе (Cinnam, p. 236).

Въ 1166 г. Византійскіе отряды, направлявшіеся въ Далмацію, свободно проходили черезъ Сербію (Cinnam, pag. 249). Въ числѣ Византійскихъ завоеваній на Адріатическомъ побережьи, упоминается и Сербская Діоклея или Дукля (близь теперешней Подгорицы). «Но не прошло еще довольно времени, продолжаетъ Киннамъ, какъ Мануилъ узналъ о волненіи Сербовъ и Венгровъ, и спѣшилъ предупредить ихъ нашествіе. Но они, тотчасъ же какъ услышали объ его приближеніи, тотчасъ остановили свое движеніе и продолжали ненарушимо хранить договоръ» (Cinnom, p. 249).

Нужно думать, что здѣсь идетъ рѣчь о событіяхъ 1168 г., которыя подробнѣе описаны у Никиты Хоніата и у Вильгельма Тирскаго. Никита (pag. 178) только на этомъ мѣстѣ упоминаетъ въ первый разъ о Дѣжѣ, но уже какъ о лицѣ давно извѣстномъ. «Царь, между тѣмъ, намѣреваясь отомстить Дѣжѣ (τὸν Δεσέ), который къ своимъ прежнимъ дѣламъ присоединилъ еще худшія, спѣшилъ отправиться въ Сербію. Но Дѣжа, издали внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ, и въ особенности справедливо опасаясь, чтобы не потерпѣть ему, въ случаѣ вторженія царя въ его страну, какого-либо вреда и непріятностей, чрезъ пословъ усильно проситъ царя о позволеніи безбоязненно явиться къ нему. Получивъ это позволеніе, онъ дѣйствительно пріѣзжаетъ, окруженный свитою сатраповъ, и является къ царю: но царь осыпаетъ его упреками за коварство и высылаетъ отъ себя, отказавъ въ мирѣ. Онъ даже подвергается опасности быть задержаннымъ, однакожъ ему позволили воротиться домой, послѣ того какъ онъ обязался страшными клятвами перемѣнить свое поведеніе и впредь не дѣлать ничего противнаго царю. Но невозможно было, чтобы хамелеонъ измѣнилъ свой цвѣтъ на бѣлый цвѣтъ истины, хотя онъ и легко принимаетъ всякій другой цвѣтъ. Когда Дѣжа вышелъ отъ царя, душу его въ одно и тоже время волновали разныя страсти. Онъ стыдился, что приходилъ къ царю, сердился, что съ нимъ такъ дурно обошлись, жалѣлъ, что оградою клятвъ стѣснилъ себя въ выборѣ рѣшеній. Наконецъ, пренебрегши всѣмъ, что обѣщалъ и въ чемъ клялся царю противъ собственнаго убѣжденія, этотъ варваръ облекается въ обычную кожу барса, явно одобривъ слова трагика и сказавъ:

«Языкъ клялся, но душа не связана клятвою» (стр. 173 Русскаго перевода).

Лѣтомъ 1168 г. Вильгельмъ, архидіаконъ Тирскій, былъ отправленъ королемъ Іерусалимскимъ Амальрихомъ для переговоровъ съ Мануиломъ объ общей экспедиціи противъ Египта. По этому поводу онъ самъ сообщаетъ намъ слѣдующія извѣстія о Сербіи (Lib. XX, cap. 4). «Въ это время императоръ находился въ Сербіи: это гористая и поросшая лѣсами, трудно доступная страна, лежащая по срединѣ между Далмаціей, Венгріей и Илирикомъ. Сербы возмутились, надѣясь на тѣснины путей, ведущихъ къ нимъ, и на непроходимость своей страны. Древнія преданія говорятъ, что весь этотъ народъ ведетъ свое происхожденіе отъ ссыльныхъ и отправленныхъ въ изгнаніе, которые осуждены были ломать камни и добывать металлы въ этихъ мѣстахъ,—отсюда онъ получилъ имя, указывающее на рабство (servitutis). Теперь это народъ необразованный, безъ всякой дисциплины, обитатель горъ и лѣсовъ, незнакомый съ земледѣліемъ; Сербы богаты стадами домашняго и вьючнаго скота, молокомъ, сыромъ, масломъ, мясами, медомъ и воскомъ. Они имѣютъ правителей, называемыхъ жупанами (quos suppanos vocant), иногда служатъ императору, а иногда, выходя изъ горъ и лѣсовъ, опустошаютъ всю окрестную страну, такъ какъ они люди смѣлые и воинственные. Именно, вслѣдствіе такихъ невыносимыхъ обидъ противъ сосѣдей, императоръ пошелъ на нихъ съ большою храбростью и съ безчисленнымъ войскомъ. Покоривъ ихъ и наложивъ руки на главнаго ихъ князя, онъ воротился въ провинцію Пелагонію, гдѣ мы и встрѣтились съ нимъ въ городѣ Битолѣ. (Quibus subactis et praecipuo eorum principe mancipato — — — in civitate Butella occurrimus»).

Затѣмъ, въ промежуткѣ до 1173 г., мы встрѣчаемъ еще разъ у Византійскаго писателя (Cinnam, pag. 271) упоминаніе Сербовъ, какъ союзниковъ Мануила, а, потомъ, имѣемъ цѣлый рядъ любопытныхъ извѣстій, въ которыхъ уже прямо дѣйствующимъ лицомъ называется Стефанъ Неманя, однако съ несомнѣнными указаніями, что онъ уже давно игралъ главную роль среди своего народа. На сей разъ мы можемъ начать сопостановленіе источниковъ съ «Извлеченія изъ Дубровницкихъ лѣтописей», составленнаго Петромъ Луккаричемъ въ началѣ XVII ст. (Copioso ristretto degli Annali di Rausa di Giacomo di Pietro Luccari. In Venetia, 1605: pag. 25).

«Неманя отвергнулъ свое родовое имя, какъ прозваніе слишкомъ низкое, и образовалъ другое изъ своего собственнаго имени. (Nemagna rifiuto il suo casato, come cognome troppo basso, et formó un' alt(r)o dal suo proprio nome)». Замѣтимъ мимоходомъ, что отвергнутое имя было никакъ не Неманя, потому что въ позднѣйшихъ документахъ Неманя употребляетъ именно это прозваніе (Miklosich, Monum. Serbica, № 9: «и постави ме велiего жупана, нареченаго въ свѣтѣмь крещени Стѣфана Неманоу): слѣдовательно, если въ замѣткѣ Луккарича есть историческая истина, то оставленное прозваніе могло быть именно Дѣжа или Десса. «Тогда удалились въ Рагузу (Дубровникъ) Радославъ и Иванъ, которые пришли съ

помощью отъ Грековъ, чтобы воротить свое отечество. Не смотря на всѣ усилія ихъ враговъ, Рагузинцы не хотѣли выдать ихъ и предать въ непріятельскія руки; но ободривъ ихъ, отослали ихъ къ императору Мануилу. Владиміръ (братъ Родослава) былъ разбитъ подъ Приштиною (этотъ городъ прежде назывался Преславою), и перевязавъ рану, спасся въ Рагузу, гдѣ чрезъ нѣсколько дней умеръ и былъ погребенъ въ церкви св. Маріи (Santa Maria alle Pile), въ которой тогда отправлялась служба Греками — — — . Неманя хлопоталъ о томъ, чтобы Сербскіе епископы подчиненные (suffraganei) церкви Рагузской, были впредь подвластны митрополіи св. Петра въ Рассіи. Эта церковь, въ настоящее время раззоренная варварами, находится въ окрестностяхъ Новаго-Пазара, построеннаго Македониномъ Езе (Ese) на берегу р. Рашки. Рагузская синьорія, опасаясь за свое положеніе, раззоряемая набѣгами варваровъ, была принуждена съ мольбами и новыми обязательствами искать помощи каждаго: поэтому не хотѣла ни сама рѣшить вопроса, ни передать его тотчасъ въ Римъ на рѣшеніе, но старалась протянуть время, въ надеждѣ, что оно нападетъ какой-нибудь удобный случай для отысканія врачества. Но такъ какъ Неманя высокомѣрно настаивалъ на рѣшеніи, то Рагузинцы отвѣчали ему, что рѣшеніе въ этомъ дѣлѣ должно принадлежать папѣ. Отсюда началась война; но на помощь нашей сторонѣ, какъ болѣе правой, явился Ѳеодоръ Падіатъ и, потомъ, лично самъ императоръ Мануилъ. Неманя съ Мирославомъ были разбиты и бѣжали въ горы. Получивъ, потомъ, обѣщаніе безопасности, они сошли со скалъ и бросились къ ногамъ императора, который простилъ ихъ преступленія, заставивъ ихъ заключить миръ съ Рагузою».

Соотвѣтственно этому разсказу, мы имѣемъ слѣдующія Византійскія свѣдѣнія.

1) Никита (pag. 205, Русскій переводъ, стр. 205) говоритъ о прибытіи Мануила весною (1173 г.) въ Филиппополь. «До него дошелъ слухъ, что Сербскій сатрапъ, а тогда былъ такимъ Стефанъ Нееманъ (ἦν δὲ τότε ὁ Νεεμᾶν Στέφανος), сдѣлался черезчуръ дерзскимъ, что, какъ человѣкъ безпокойный, онъ съ излишнею заботливостью занимается тѣмъ, что его вовсе не касается, что, питая ненасытимое честолюбіе и желая прибрать въ тѣхъ краяхъ все къ рукамъ своимъ, онъ тѣснитъ тѣхъ, кто принадлежитъ къ одному съ нимъ колѣну, и мечемъ преслѣдуетъ свой родъ, и даже не зная мѣры, старается захватить Хорватію и присвоить себѣ власть подъ Каттарами (τῶν Καττάρων, Котора). Поэтому, желая въ самомъ дѣлѣ удостовѣриться въ намѣреніяхъ Неемана, императоръ посылаетъ Ѳеодора Падіата. Но у топарха Неемана столько было вражды и гордости, что онъ тотчасъ началъ войну съ Римлянами (Греками) безъ предварительнаго объявленія. Когда же самъ царь положилъ наказать его, онъ, показавшись не на долго на полѣ битвы, скрылся, и снова искалъ себѣ убѣжища въ горахъ и спасенія на утесахъ. Затѣмъ, мало по малу, смирясь и уменьшая прежнюю гордость, онъ, наконецъ, преклонилъ свою голову къ ногамъ императора, растянувшись во всю длину своего огромнаго роста, и молилъ о помилованіи. Онъ опасался, какъ бы ему не лишиться владычества надъ Сербами, и какъ бы его власть не перешла

къ другимъ, которые болѣе его были достойны ея и которыхъ онъ низложилъ, самъ поднявшись на верхъ власти. Вообще, императоръ такъ легко управлялся съ этимъ человѣкомъ и такъ легко заставлялъ его возвращаться къ прежней покорности, когда замѣчалъ, что онъ уклоняется отъ прямого пути и начинаетъ смотрѣть слишкомъ свободно, или предается на сторону короля Алемановъ, или пристаетъ къ Венграмъ—какъ не управляется и пастухъ съ небольшимъ стадомъ. А Нееманъ такъ боялся его, какъ не боятся и дикіе звѣри своего царя, льва. Часто императоръ съ одною даже колесницею и съ своею охранною стражею оставлялъ Римскіе предѣлы, и лишь только устремлялся противъ него, тотчасъ же измѣнялъ положеніе тамошнихъ дѣлъ, согласно съ своимъ желаніемъ»...

2) Киннамъ (pag. 286. Русскій переводъ, стр. 318) передаетъ исторію въ слѣдующемъ видѣ. «Подчиняясь вліянію Венеціи, Сербы задумали отложиться. — — — Утвердивъ Бѣлу на (Венгерскомъ) престолѣ, царь направилъ путь къ Венграмъ, чтобы отплатить имъ за дерзость. И вотъ что для меня удивительно: прежде чѣмъ собралось все войско, онъ, съ немногими тысячами вступивъ въ страну чрезъ крутыя и утесистыя мѣста, поспѣшилъ встрѣтиться съ архижупаномъ. Этотъ, не смотря на безчисленное союзное войско, которое онъ успѣлъ собрать, убѣжалъ въ самомъ началѣ сраженія, и когда страхъ овладѣлъ его душею, отправилъ къ царю пословъ—просить прощенія въ своихъ проступкахъ; не могши же получить его, просилъ по крайней мѣрѣ безопаснаго доступа. Когда царь согласился на это, онъ подошелъ къ престолу съ непокрытою головою, съ руками обнаженными по локоть, босыми ногами, съ веревкою на шеѣ, съ мечемъ въ рукѣ, и предавалъ себя въ полное распоряженіе царя. Тронутый этимъ, царь отпустилъ ему вину. Окончивъ это дѣло, онъ выступилъ изъ Сербіи, ведя въ слѣдъ за собою архижупана».

Если предположеніе о тождествѣ Дѣжи и Немани—основательно, то оно находитъ себѣ здѣсь новое подтвержденіе: о Дѣжѣ было ранѣе сказано у Киннама, что онъ когда-то былъ отведенъ въ Константинополь; теперь мы это читаемъ о Неманѣ.

3) О пребываніи Немани въ Константинополѣ сохранилась память въ рѣчи знаменитаго Евстаѳія Солунскаго, произнесенной именно въ 1173 или въ 1174 г (Tafel, Thessalonica, pag. 434 примѣч.). «Не умолчу я здѣсь и о Нееманѣ, который и въ другихъ случаяхъ давалъ мнѣ поводъ къ торжественнымъ рѣчамъ, будучи невидимъ, а не за долго предъ симъ привлекъ на себя мои глаза и мое удивленіе; мужъ не столькихъ локтей, сколько ихъ природа отмѣриваетъ людямъ, но многимъ превосходящій (обычную мѣру роста) и величественный своимъ видомъ. Прежде онъ старался мужаться и навыкъ противиться и устремлялся къ войнѣ; но скоро онъ переучился на добро отчасти страхомъ, еще болѣе ранами, а нынѣ и самъ принимаетъ содѣйствующее участіе въ тріумфѣ. Онъ, который былъ прежде бѣглымъ рабомъ и скрывался отъ своего господина, теперь предпочелъ бы подвергнуться всяческой непріятности, чѣмъ лишиться его лицезрѣнія. И вотъ онъ въ самомъ дѣлѣ бѣжитъ, чтобы видѣть царя, какъ спѣшилъ бы кто отъ тьмы къ солнцу, и пріемлется съ кротостью и входитъ въ радость господина своего. Тотъ,

который не имѣлъ свободы безопасно ступать по родной ему землѣ, уже приходитъ къ царицѣ городовъ, радуясь тому, что допускается къ желанному лицезрѣнію и является уже прямо собственнымъ и поистинѣ достаточнымъ поручителемъ за свою покорность. а не (заявляетъ это) отъ другаго очага. Онъ обозрѣваетъ своимъ взглядомъ тѣ (мозаическія) изображенія, на которыхъ представляются твои подвиги (рѣчь обращается къ Мануилу), которыя художественно составили для памяти руки живописцевъ, обозрѣваетъ сцены, которыя касаются его самаго: какъ онъ то возбуждаетъ собственный народъ къ возстанію, то самъ выступаетъ оплитомъ или конникомъ, а въ другомъ мѣстѣ готовится взяться рукою за мечъ; какъ онъ много разъ строитъ войско на видномъ мѣстѣ и ставитъ засаду, а въ концѣ концевъ бываетъ побѣждаемъ, и наполняетъ бѣгствомъ равнину и горныя склоны, и всячески обращается въ рабство. Видя все это изображеннымъ, онъ киваетъ всему утвердительно и признаетъ торжественность зрѣлища. За одно только онъ сердится на живописца, что онъ не вездѣ называетъ его рабомъ при отдѣльныхъ частяхъ трофея и что къ прозванію Нееманъ не прибавлено вездѣ слово «рабъ». О царское мужество! которымъ такой значительный народъ и этотъ знаменитый народоначальникъ до такой степени приведены къ смиренію и повержены въ рабство. Опять—о кротость! вслѣдствіе которой варвары не смотрятъ на свои прежнія неудачи и свои раны, но со всѣхъ ногъ бѣгутъ къ снисходительнѣйшему владыкѣ» (pag. 419—420).

Дальнѣйшая исторія Немани не возбуждаетъ какихъ-либо недоумѣній. «Царь лютый и кровопроліятель», разрушившій миръ съ великимъ жупаномъ и неназываемый по имени въ житіяхъ, есть имп. Андроникъ. Неманя воевалъ противъ него въ союзѣ съ Венгерскимъ королемъ и дошелъ до Срѣдца. Объ этой войнѣ Бѣлы III съ Адроникомъ говоритъ Никита Хоніатъ (pag. 359. Ср. 347), не упоминая только объ участіи въ ней Сербскаго жупана. Въ 1186 г. великій жупанъ Стефанъ Неманя, съ братьями Страцимиромъ и Мирославомъ, заключилъ договоръ съ Дубровникомъ, оригиналъ котораго сохранился до нашего времени (Miklosich, «Monum. Serbica» № 3. Ср. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ памятн. И. И. Срезневскаго, XLVI. Записки Акад. Наукъ, XXII, кн. I, стр. 143). Итакъ, имена братьевъ Немани почти вѣрно переданы въ Сербской лѣтописи; по крайней мѣрѣ, имя Страцимира или Стразимира. Что касается Мирослава, то хотя это имя и различествуетъ нѣсколько отъ Первослава, но все-таки очень близко къ нему. Впрочемъ, запись на одномъ Сербскомъ Евангеліи XII вѣка указываетъ намъ другаго Мирослава: «князю великославному Мирославоу, сыну Завидиноу» (И. И. Срезневскаго. Ibid, стр. 137). Завидъ же, неупомянутый въ грамотѣ 1186 г., былъ, по лѣтописямъ, братъ Стефана Немани (самое имя существовало и на Руси). Итакъ, если Первославъ и Мирославъ одно и тоже лицо, или другими словами: если было два Мирослава— братъ и племянникъ Немани,—то погибшій послѣ сраженія при Паньтинѣ старшій братъ Немани былъ Завидъ.

Въ заключеніе приводимъ извѣстія о Неманѣ и его братьяхъ, находящіяся у одного изъ историковъ крестоноснаго похода Фридриха Барбаруссы. Они названы здѣсь великими графами Сербіи и Рассіи (magni comites

de Sarvia et Crassia). «Когда императоръ достигъ города Ниша, нѣкогда укрѣпленнаго, но при Андроникѣ, тираннѣ Греческомъ, отчасти разрушеннаго королемъ Бѣлою Венгерскимъ, то явился великій графъ (comes) Неаманъ (Neaman) и родной его братъ Кразимеръ (Crazimerus), и вышли оба на встрѣчу императору съ великою пышностію, и были почетнымъ образомъ приняты имъ самимъ и князьями, 27 іюня (1189 г.). Въ знакъ своей преданности они предложили въ роскошномъ изобиліи вино, ячмень и муку, овецъ, быковъ, а въ числѣ прочихъ даровъ также дали шесть морскихъ быковъ или тюленей, ручнаго вепря и трехъ живыхъ оленей, также ручныхъ. Они почтили подобнымъ образомъ и нѣкоторыхъ князей, наиболѣе близкихъ къ императору—виномъ, быками и овцами. Въ тоже время они предлагали себя и всѣхъ своихъ (подданныхъ) съ оружіемъ на помощь въ настоящемъ походѣ—особенно противъ короля Греческаго, если онъ вздумаетъ противодѣйствовать христовой рати.... Упомянутые графы заняли силою меча и лука своего, городъ Нишъ и его окрестности до самаго Срѣдца (usque ad Stralitz), и всю эту землю, исторгнутую изъ подъ власти Грековъ, присвоивали себѣ; намѣреваясь распространить свое господство еще далѣе и во всѣ стороны расширить свою власть, а также съ цѣлью получить самую землю, пріобрѣтенную военною доблестью, изъ руки Римскаго императора, они предлагали ему ленную присягу и вѣрность къ вѣчной славѣ имперіи, когда къ этому они не были понуждаемы какимъ-либо страхомъ, но одною только любовію къ Тевтонскому царству». Фридрихъ Барбаруcса отвергъ это предложеніе, потому что онъ поднялъ оружіе для Христа и освобожденія Святой Земли, а не противъ какого-либо христіанскаго государя, хотя бы и короля Греческаго, если только онъ исполнитъ свои обѣщанія содѣйствовать успѣху предпріятія. «Они объяснились съ императоромъ также о другомъ дѣлѣ, уже ранѣе замышленномъ (aliud negotium... primitus etiam agitatum), прося, чтобы оно было покончено въ его присутствіи, въ силу императорскаго авторитета, именно—чтобы дочь герцога Далмаціи была выдана за его сына. Эта просьба, по соизволенію императора и по совѣту князей, получила достойное исполненіе: упомянутый герцогъ Бертольдъ (Perhtoldus) обѣщалъ выдать свою дочь въ ближайшій Юрьевъ день въ областяхъ Истріи указанному юношѣ, по имени Тогу (Tohu)—на такомъ условіи, чтобы этотъ Тогу и его наслѣдники отъ дочери герцога Бертольда, послѣ смерти отца, наслѣдовали ему во всей полнотѣ власти предпочтительно предъ всѣми другими братьями, каковой договоръ сами графы утвердили, давши свои правыя руки». Далѣе прибавляется, что «графы Сербіи и Рассіи (comites de Servia et Crassia), въ союзѣ съ Кало-Петромъ Болгарскимъ, завоевали отъ Грековъ часть Болгаріи. (Ansberti, Historia de expeditione Friderici imperatoris: Fontes rerum Austriac. Script. V, 22—24). Этотъ союзъ продолжался и въ 1193 г., какъ мы это узнаемъ изъ сочиненія Никиты Хоніата (pag. 569)». Что же касается до брака сына Немани на дочери Нѣмецкаго герцога, титулъ котораго заключалъ притязаніе на Далмацію, то этотъ бракъ, во всякомъ случаѣ, долженъ считаться не состоявшимся; а который именно изъ сыновей Немани разумѣется подъ названіемъ Тогу—сказать опредѣлительно мы не умѣемъ.

IV. Извѣстія Русской лѣтописи, объясняющія Византійско-Венгерскія отношенія.

Для объясненія нѣкоторыхъ извѣстій у Византійцевъ и для установленія болѣе точной хронологіи, мы воспользовались Ипатьевскою или, точнѣе, Кіевскою лѣтописью. Во всей исторической литературѣ того періода, къ которому относится наше изслѣдованіе, трудно найдти другой источникъ, по живости, подробности, полнотѣ и отчетливости могущій равниться съ извѣстіями Кіевской лѣтописи, касающимися Изяслава Мстиславича и заимствованными, какъ полагаютъ (К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Русская Исторія 1, 27), изъ записокъ какого либо соратника Изяслава Мстиславича. Ни риторическія произведенія Византійской исторической музы, ни сухія и краткія лѣтописи запада не представляютъ ничего подобнаго. Что касается до хронологіи, то, благодаря послѣдовательности разсказа и многочисленнымъ указаніямъ на дни недѣли и числа мѣсяца, на времена года, — она стоитъ на самыхъ прочныхъ основаніяхъ и можетъ служить повѣркою для другихъ источниковъ, между прочимъ, Византійскихъ. Мы сообщаемъ здѣсь обозрѣніе ея съ осени 1149 года по осень 1151 года, отмѣчая тѣ извѣстія, которыя относятся къ борьбѣ Мануила съ Венгерскимъ королемъ Гейзою.

1149 годъ.

Стр. 267. Сраженіе Изяслава съ Юріемъ, въ которомъ разбитъ Изяславъ. «Се же бысть мѣсяца августа въ 23 день» (Ипат. стр. 267 въ концѣ); а по Лаврентьевскому списку (стр. 306) во вторникъ: слѣдовательно въ 1149 г. Юрій вступаетъ въ Кіевъ, а Изяславъ удаляется во Владиміръ Волынскій.

Стр. 269. Изяславъ посылаетъ просить помощи у своего зятя, короля Гейзы, у Ляховъ и Чешскаго князя, своего свата Володислава. «Король же ему отречеся, река ему: «ратенъ есмь съ царемъ; яже буду пороженъ, а самъ поиду, а поки ли, а полкы своя пущю». Изяславъ посылаетъ во второй разъ къ Польскому, Чешскому и Угорскому государю и говоритъ: «братье съ Рожества Христова полѣзите на кони». Ляхи пошли и съ Рожества Христова «полѣзоша на кони»; «а король бы не пороженъ и пусти ему Угоръ 10 тысячь» и т. д.

Здѣсь кончается 1149 г. и начинается

1150 годъ.

Стр. 271. Угры, помогавшіе Изяславу противъ Юрія, уходятъ домой.

Стр. 272. Андрей подъ Луцкомъ спасается отъ угрожавшей ему опасности заступленіемъ святаго Ѳеодора «бысть бо память святого Федора въ тъ день» (т. е. 17 февраля).

Стр. 273 Владимірко Галичскій принимаетъ роль примирителя между Юріемъ (Вячеславомъ I) и Изяславомъ, приходитъ изъ Галича «братолюбіемъ свѣтяся».

Стр. 274 и слѣд. Веснѣ приспѣвши, миръ створиша. Юрій сажаетъ въ Кіевѣ Вячеслава, котораго Изяславъ скоро заставилъ воротиться въ Вышгородъ. Юрій и Владимірко Галичскій идутъ къ Кіеву; Изяславъ возвращаетъ Кіевъ Вячеславу. Владимірко заставляетъ Изяслава удалиться изъ Кіева, и самъ отправляется назадъ въ Галичъ.

Стр. 281. Юрій еще остается въ Кіевѣ, и его сынъ Андрей проводитъ праздникъ Воздвиженія Креста (14 сентября) въ Переяславлѣ.— Зимою Изяславъ пересылается съ Андреемъ, но не искренне.

Стр. 282. Въ тоже время онъ снова вступаетъ въ сношенія съ королемъ Гейзою, — отправляетъ въ Угры брата своего Владиміра сказать своему зятю: «ты ми еси самъ реклъ, яко же Володимеръ (Галичскій) не смѣетъ головы склонити; язъ те есмь Гюргя ис Кіева выгналъ, и Володимеръ, пришедъ, свѣчався со Олговичи, и погналъ мя ис Кіева; нынѣ же, брате, акоже ми еси самъ върекль, полѣзи-же на конѣ».

Король собралъ всю свою дружину и всѣ свои полки, самъ сѣлъ на коня, и послалъ сказать Изяславу, чтобы онъ тоже шелъ на встрѣчу со всѣми силами: теперь Володимеръ (Галичскій) узнаетъ, кого онъ задѣлъ.—Но Владимірко имѣлъ пріятелей въ Униграхъ, которые ему дали знать, что король уже идетъ на него; когда Гейза взялъ Санокъ и угрожалъ Перемышлю, явился здѣсь Владимірко. Онъ вступилъ въ сношенія съ архіепископомъ Кукнишемъ, съ двумя бискупами, а также съ мужами королевскими, и посредствомъ подкупа склонилъ ихъ къ тому, чтобы они уговорили короля воротиться домой. Король послушалъ ихъ и началъ толковать: «се нынѣ уже есть не веремя, рѣкы ся смерзываютъ, а поидемъ домови; оже уже рѣкы ся установятъ, а тогда како ны съ ними Богъ дасть». Бяшеть бо о Дмитровѣ дни уже (26 октября). Король ушелъ, взявъ съ собою своего шурина Владиміра (Мстиславича),—за котораго тогда же была сосватана «бановна» или дочь бана (Бѣлы).

Стр. 283. Отпуская Володимера, король говорилъ: «отцу моему и своему брату поклонившися Изяславу, и се ему явиши: царь на мя Грецкый въставаетъ ратью, и сеѣ ми зимы и весны (1150—1151) нелзѣ на конь к тобѣ всѣсти; но обаче, отце, твой щитъ и мой не разно еста аче ми самому нѣлзѣ, а помочи коли хочеши, 10-ли тысячь, болша-ли, а то ти послю; а оже Богъ дастъ лѣтѣ, то я въ твоей воли есмь, а тогда своея обиды помьстивѣ, а какъ намъ Богъ дастъ».

1151 годъ.

Стр. 284 и слѣд. Изяславъ снова отправляетъ Володимера къ королю съ просьбою о помощи и съ такими словами: «оже царь всталъ ратью, акоже ти съ нимъ Богъ дасть, оже ти самому нѣлзѣ, а помочь ми пусти, какоже ми еси самъ реклъ, а мнѣ Богъ помочникъ на Гюргя и на Олговичѣ, и на Галичского князя». Володимеръ привелъ брату на помощь 10 тысячъ Угровъ; Изяславъ вступаетъ съ ними въ Кіевъ; Владимірко Галичскій, который дѣйствовалъ за одно съ Юріемъ, раздраженный его оплошностью, уходитъ въ свой Галичъ. Изяславъ посылаетъ къ Вячеславу.

Стр. 290. Умеръ Ростиславъ Юрьевичъ въ Переяславлѣ «свитающе великому пятку» (т. е. 6-го апрѣля).

Стр. 291. Вячеславъ и Изяславъ отправляютъ назадъ Угорскій отрядъ съ великою честію; потомъ посылаютъ къ королю Мстислава Изяславича съ такимъ наказомъ, что они весьма благодарны королю: онъ поступилъ

съ ними, какъ родной братъ съ роднымъ братомъ, или сынъ съ отцемъ и что они, съ своей стороны, готовы будутъ всегда заплатить тѣмъ же: его обида будетъ ихъ обидою; имъ нечѣмъ откупиться какъ только главою своею, и что они снова разсчитываютъ на его помощь: «нынѣ такоже свое дѣло сверши добро, самого тебе не зовемъ, занеже царь тираtенъ, но пусти намъ помочь, любо такуже, пакы а силнѣйшю того... занеже Гюргий есть силенъ; — — нинѣ же брате, сеѣ весны помози намъ; дажь будевѣ сеѣ весны вѣ порозна, а вѣ будевѣ съ своими полны тобѣ въ помочь; пакы ли ся ты отъ царя управиши, а ты буди намъ помощникъ».

Стр. 29?. Юрій въ тоже время посылаетъ въ Черниговъ къ Святославу Ольговичу: «се уже Изяславъ въ Кіевѣ, а пойдита ми въ помощь». Святославъ пошелъ въ понедѣльникъ святой недѣли (т. е. 9 апрѣля).

Стр. 293. — — Юрьевъ день (23 апрѣля). Извѣстная битва въ лодкахъ на Днѣпрѣ между Изяславомъ, Юріемъ, съ союзниками съ обѣихъ сторонъ. Сраженіе при Рутѣ. Владимірко, узнавъ объ этомъ, ворочается назадъ, но услышавъ, что Мстиславъ Изяславичъ идетъ съ Венгерскою помощью, нападаетъ и истребляетъ пьяныхъ Угровъ.

Стр. 306. Изяславъ получилъ объ этомъ вѣсть не задолго до праздника Бориса и Глѣба, т. е. 24 іюля, и, потомъ, извѣстилъ короля о несчастіи, постигшемъ его людей.

Стр. 308. Затѣмъ, слѣдуетъ отмѣтка: «В лѣто 6660», обозначающая начало индикта, т. е. сентябрь 1151 г., и подробно описывается походъ самаго короля Гейзы. На р. Санѣ Изяславъ соединился съ Гейзою; Владимірко стоялъ на другой сторонѣ ея; онъ потерпѣлъ пораженіе и сталъ просить мира, ссылаясь, между прочимъ, предъ королемъ на то: «отецъ твой бяше слѣпъ, а язъ отцу твоему до сыти послужилъ своимъ копіемъ и своими полкы за его обиду, и съ Ляхы ся есмь за нь билъ». Не смотря на сопротивленіе Изяслава и Мстислава, миръ, какъ извѣстно, былъ данъ хитрому Володимірку.

Все это относится къ осени 1151 г. Только послѣ (стр. 316) упоминается начало зимы («уже бо бяше къ заморозу») и, затѣмъ (стр. 317 въ началѣ), февраль 1152 года.

В. Васильевскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ СЕРБСКОЙ ИСТОРІИ *).

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ЧЕРНОГОРСКАГО ВЛАДЫКИ ПЕТРА II ПЕТРОВИЧА НѢГОША)

I. Паденіе Сербскаго царства.

Скопльскій соборъ 1346 г. Сила Сербскаго государства при Душанѣ. Царь Урошъ, послѣдній Неманичъ. Вукашинъ Мернявчевичъ. Убіеніе Уроша. Постепенное усиленіе Турокъ. Битва при р. Марицѣ въ 1371 г. Князь Лазарь Гребляновичъ. Битва на Косовомъ полѣ 1389 г. Отношенія Сербскихъ деспотовъ къ Турецкимъ эмирамъ. Тимуръ и Ангорская битва. Возрожденіе Османской державы. Окончательное завоеваніе Турками Сербской деспотовины, Босны, Герцеговины. Внутреннія и внѣшнія причины паденія Сербскаго царства. Значеніе этого событія въ общей судьбѣ Славянъ.

Въ 1346 году въ Македонскомъ городѣ Скоплѣ, въ самомъ центрѣ Балканскаго полуострова, собирался соборъ. Съѣзжались на него бояре и владыки всей Сербской земли. Во главѣ духовенства сюда явились: патріархъ Болгарскій (Охридскій), архіепископъ Сербскій (Печскій) и монахи Святогорцы; во главѣ же міранъ былъ молодой Сербскій краль, Стефанъ Сильный. Десять лѣтъ сидѣлъ уже краль Стефанъ на столѣ Неманичей. Его владѣнія простирались отъ Дуная до Олимпа и отъ Адріатики до Марицы. Всѣ сосѣдніе государи: Греческій, Болгарскій, Угорскій, Венеціанскій испытали на себѣ его военный геній. Крамольные бояре Сербской земли не смѣли ему противорѣчить, потому что знали дикую энергію своего государя, который не задумался задушить своего роднаго отца, когда тотъ сталъ на дорогѣ его планамъ. За то и названъ онъ «Душаномъ». Степанъ Душанъ былъ, по выраженію современника, великанъ ростомъ и страшенъ лицомъ [1]): типъ, невольно напоминающій нашего Петра Великаго.

---

*) Три публичныя лекціи, прочитанныя проф. А. С. Будиловичемъ въ гг. Нѣжинѣ и Кіевѣ, въ мм. мартѣ и маѣ нынѣшняго года.

[1]) «Гласникъ», изд. Срп. Учен. Друштва. Кн. 2 стр. 282.

Душанъ недоволенъ былъ своимъ положеніемъ и саномъ Сербскаго краля. Онъ желалъ большаго: царскаго вѣнца! Но кто дастъ ему этотъ вѣнецъ? Королевскій присланъ его предкамъ папою, а потомъ и Греческимъ императоромъ въ Никеѣ. Но вѣнецъ царскій означалъ бы уже нѣчто другое: всемірное владычество. Въ то время было только два царства: западное и восточное. Душанъ посягалъ на титулъ и связанныя съ нимъ права царя восточнаго. Но кто же возложитъ на него царскій вѣнецъ? Онъ самъ, Душанъ Сильный. Для того и созвалъ онъ въ Скоплѣ бояръ и владыкъ. И кто помажетъ на царство этого самозваннаго царя? Патріархъ Сербскій. Но патріарха тогда еще не было въ Сербіи,—былъ лишь архіепископъ. Кто же облечетъ его саномъ патріарха? Соборъ восточныхъ іерарховъ? Нѣтъ, не дождаться того отъ нихъ Душану. Что нужды! Душанъ Сильный и самъ можетъ сдѣлать Сербскаго епископа патріархомъ.... Такимъ образомъ, на этомъ Скопльскомъ соборѣ совершенъ былъ Душаномъ двойной переворотъ: 1) іерархическій переименованіемъ архіепископа Печскаго въ «патріарха всѣхъ Сербскихъ земель, западнаго Поморья и бѣлаго Подунавья» [1]) и 2) политическій—вѣнчаніемъ краля Сербскаго въ «царя и самодержца Сербіи, Албаніи, Болгаріи, Греціи, Поморья и западныхъ странъ» [2]). Неизвѣстно, съ какимъ чувствомъ приняли этотъ переворотъ Сербскіе современники Душана, но позднѣйшіе Сербскіе лѣтописцы упрекаютъ его за это «самовластное поставленіе въ цари» [3]), вооружившее противъ Сербіи всѣхъ окрестныхъ государей [4]). Цареградскій патріархъ Калистъ отвѣтилъ на опредѣленія Скопльскаго собора отлученіемъ отъ церкви Сербскаго царя и всего народа. Но Душанъ не думалъ отступать предъ препятствіями. Онъ продолжалъ завоеваніе Греческихъ областей и, наконецъ, рѣшился овладѣть самымъ средоточіемъ имперіи: въ 1355 г. онъ повелъ прекрасную 80,000 армію на взятіе Константинополя.

Смерть, постигшая Стефана въ декабрѣ 1355 г., пресѣкла его предпріятіе.

То была высшая точка, которой достигло Сербское государство въ своемъ развитіи. Прошло сто лѣтъ—и государь Сербіи, мечтавшій о всемірной имперіи, не имѣлъ уже ни одного города ни въ Старой, ни въ Новой Сербіи подъ своимъ верховнымъ владычествомъ.

[1]) Гласн., XXV, 51. [2]) Гласн., XXIV, 232 и XXVII, 151.
[3]) Гласн., XXVIII, 380. [4]) Гласн., XXXV, 39.

Какъ и почему совершилось столь быстро паденіе зданія, на видъ столь величаваго и прочнаго?

Умирая, Душанъ завѣщалъ царство своему единственному законному сыну Урошу. Но такъ какъ онъ былъ еще молодъ и неопытенъ, а время было тяжелое, то Душанъ поставилъ управителемъ при малолѣтнемъ царѣ одного изъ своихъ опытныхъ и даровитыхъ бояръ, Вукашина Мернявчевича. Этотъ Вукашинъ играетъ въ Сербской исторіи роль столь же мрачную и роковую, какъ въ Русской Борисъ Годуновъ. Родъ Мернявчевичей, пришлый изъ Зеты, былъ возвышенъ Душаномъ изъ неизвѣстности. Три брата: Вукашинъ, Углѣша и Гойко принадлежали къ числу способнѣйшихъ его полководцевъ и политиковъ. Душанъ роздалъ имъ въ управленіе нѣсколько провинцій своего царства Умирая, онъ сдѣлалъ старшаго изъ нихъ регентомъ государства. Но этого было мало честолюбивому боярину. Въ сосѣдней Греціи онъ видѣлъ, какъ регенты (Михаилъ Палеологъ I, Іоаннъ Кантакузинъ) дѣлались императорами. Онъ самъ рѣшился на подобное. Не скоро, впрочемъ, созрѣла въ немъ мысль цареубійства. Лишь убѣдившись въ невозможности осуществить свои замыслы мирно, осужденный въ своихъ планахъ голосомъ Призрѣнскаго собора, Вукашинъ рѣшился покончить съ Урошемъ убійствомъ. Хитростью выманилъ онъ молодого царя на охоту, съ которой тотъ уже не возвращался болѣе. Никто не знаетъ подробностей смерти послѣдняго Сербскаго царя. Извѣстно лишь, что въ темную зимнюю ночь 2 декабря 1367 года незнакомые люди постучались у воротъ одного, находившагося въ глухой мѣстности, монастыря, вблизи села Нерединли, и убѣдили игумена похоронить въ немъ неизвѣстнаго человѣка, погибшаго въ горахъ на охотѣ. Когда, впослѣдствіи, вскрыли этотъ таинственный гробъ, то нашли въ немъ трупъ убитаго царя.

Съ Урошемъ прекратилась династія Неманичей. Съ тѣхъ поръ собственно и исчезло Сербское царство, такъ какъ никто изъ преемниковъ Уроша не осмѣлился уже принять соблазнительнаго, но опаснаго званія царя. Съ другой стороны, по смерти Уроша, никогда уже всѣ Сербскія области не составляли одного нераздѣльнаго государства. Послѣдующіе короли, князья и деспоты очень рѣдко успѣвали распространить свою верховную власть за предѣлы одной или нѣсколькихъ родовыхъ своихъ областей.

По убіеніи Уроша, Вукашинъ, послѣ нѣкотораго раздумья, изъ Прилипа явился въ Призрѣнъ и объявилъ себя Сербскимъ королемъ.

Но большая часть Сербскихъ владѣтелей и бояръ: Бранковичъ. Богданъ, Обиличъ, Балша и др. возстали противъ него. Во главѣ ихъ находился молодой Срѣмскій князь Лазарь Гребляновичъ. Вукашинъ рѣшился силою принудить ихъ къ повиновенію, но въ этомъ помѣшали ему Турки.

За сто лѣтъ предъ тѣмъ, въ горахъ Малой Азіи кочевали полуразбитые осколки сильнаго нѣкогда Сельджукскаго царства. Эмиромъ одной такой кочевой орды, въ 400 семействъ, былъ Османъ. Въ этой ничтожной ордѣ и заключалось зерно могущественной, впослѣдствіи, Оттоманской имперіи. Османъ своимъ умомъ и тактомъ успѣлъ увеличить число своихъ подданныхъ и, пользуясь безпечностью Греческихъ пограничныхъ властей, въ 1299 году спустился съ горъ въ равнины Виѳиніи. Османомъ и Орханомъ исподоволь были завоеваны города: Бруса, Никея, Никомидія и построена маленькая флотилія, на которой Турки и начали, по временамъ, переѣзжать на Европейскій берегъ, по приглашенію разныхъ враждовавшихъ партій Греческой имперіи. Въ 1351 г. они уже настолько усилились, что разбили соединенныя войска Греческія, Болгарскія и Сербскія. При Мурадѣ I, они рѣшились, наконецъ, утвердиться на Европейскомъ берегу, сначала въ Галлиполи, а потомъ (1371 г.) въ Адріанополѣ. Послѣдній городъ былъ ими избранъ опорной точкой на случай дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій въ Европѣ. Такимъ образомъ, Турки столкнулись здѣсь съ пограничными владѣніями Сербскаго государства. Вукашину Мернявчевичу это сосѣдство было особенно непріятно еще по той причинѣ, что пограничныя съ Турками провинціи были удѣлами его родныхъ братьевъ Углѣши и Гойка. Онъ рѣшился силою откинуть ихъ (Турокъ) назадъ въ Азію. Это не казалось еще очень труднымъ: Вукашинъ встрѣчался уже съ Турками и нанесъ имъ жестокое пораженіе при Филиппополѣ въ 1357 году [1]). Теперь, узнавъ о занятіи Мурадомъ Адріанополя, Вукашинъ собралъ прекрасное и многочисленное (60—80,000 чел.) войско [2]) и пошелъ черезъ горы въ долину р. Марицы, къ Адріанополю. Турки едва успѣли собрать 4—5,000 чел. и робко отступали къ своей Европейской столицѣ. Въ Сербской арміи съ королемъ находились и два его брата Мернявчевичи. Никогда еще Сербское войско не было проникнуто такой самоувѣрен-

[1]) Гласн., XXXV, 42.
[2]) Гласн., XXVIII, 369; сравн. Гласн. XXII, 224 и XXVII, 271.

ностью и безпечностью. Оставалось сдѣлать еще нѣсколько переходовъ и овладѣть Адріанополемъ. Но судьба распорядилась иначе. Въ темную осеннюю ночь, когда Сербскія войска безпечно спали послѣ попойки, нашла туча и разразилась гроза. Подъ гулъ бури Турки подкрались въ Сербскій станъ и напали на спящихъ. Съ просонья, никто не зналъ, гдѣ непріятели и сколько ихъ. Сербы съ ужасомъ бросились рубить другъ друга. Когда взошло солнце на слѣдующій день (7-го сентября 1371 г. [1]), то отъ Сербской арміи не осталось ничего, кромѣ труповъ! Кто не былъ убитъ, тотъ утонулъ въ волнахъ Марицы. «И тамо кости ихъ падоша и не погребени быша», говоритъ лѣтописецъ [2]). Краль Вукашинъ и братъ его Гойко пропали тогда безъ вѣсти: потомъ говорили, что король былъ убитъ своимъ слугою во время бѣгства; по мнѣнію другихъ, онъ утонулъ въ Марицѣ. Такъ скоро погибъ вѣнецъ, купленный цѣною царской крови! Народъ говорилъ, что это ужасное пораженіе было казнью за убійство Уроша [3])...

Сербія опять осталась безъ государя. Сынъ Вукашина Марко, знаменитый Марко Кралевичъ Сербскаго народнаго эпоса, объявилъ себя наслѣдникомъ отца. Но народъ не желалъ видѣть на столѣ Неманичей сѣмя цареубійцы. Соборъ въ Печѣ [1374] [4]) возложилъ вѣнецъ на молодаго боярина Лазаря Гребляновича. Однако, народъ не рѣшился поднести ему званіе не только царя, но даже короля: онъ титулуется просто «князь Лазарь» или «князь Серблемъ и Подунавію» [5]). Печальную роль пришлось играть этому храброму и честному князю. Ему нужно было возстановить авторитетъ государя въ глазахъ крамольныхъ бояръ и соперниковъ, снять съ народа проклятіе великой церкви и отразить нападеніе Турокъ. Первыя двѣ задачи Лазарь успѣлъ разрѣшить хоть отчасти. Пользуясь популярностью своего имени, онъ усмирилъ часть мятежныхъ бояръ; но другая ихъ часть, какъ-то: Марко Кралевичъ, Балша Зетскій, Твертко Босанскій упорствовали въ непризнаніи авторитета новой династіи. Греки сняли съ Сербовъ отлученіе (1376 г.) и признали ихъ патріархатъ, подъ условіемъ отреченія навсегда отъ царскаго титула. Но послѣдняя изъ трехъ задачъ—изгнаніе Турокъ, оказалась не по силамъ Лазарю. Напрасно онъ заключалъ военные союзы съ Тверткомъ Бо-

---

[1]) Гласн., XXXV, 222; ср. XXVII, 276. [2]) Гласн., XXVIII, 369. [3]) Гласн., XXXV, 48. [4]) По другимъ извѣстіямъ—въ Призрѣнѣ. Ср Гласн., XXXV, 49.
[5]) Гласн., XXIV, 257; ср. грамоту 1381 г.

санскимъ и Юрьемъ Кастріотомъ Албанскимъ. Когда Мурадъ, подстрекаемый своими Сербскими вассалами [Марко Кралевичъ [1]), Деяновичи и др.], приступилъ къ окончательному завоеванію Сербіи и привелъ для этого на Косово поле 300,000 войска [2]), то Лазарь съ союзниками могъ противопоставить ему не болѣе 60,000 [3]). Другіе Сербскіе владѣтели либо не захотѣли (какъ Балша Зетскій [4]), либо не успѣли (какъ Радичъ Захолмскій) привести во-время свои дружины. Лазарю съ его Сербами ничего другого не оставалось, какъ честно погибнуть... Онъ вышелъ на встрѣчу Туркамъ.

Въ глубинѣ Балканскаго полуострова, близь главнаго водораздѣла окружающихъ морей, лежитъ обширная равнина, въ видѣ параллелограмма, имѣющаго 70 верстъ въ длину съ сѣвера на югъ и 10—20 в. въ ширину. По длинѣ своей поле орошается р. Ситницей. Это—знаменитое Косово поле, «полное костей мертвыхъ», по выраженію лѣтописца [5]). Много разъ здѣсь встрѣчались арміи сѣвера и юга, Дуная и Архипелага [6]). Но самая знаменитая изъ битвъ на Косовомъ полѣ произошла въ день св. Вита, 15 іюня 1389 г. Встрѣтились войска близь рѣчки Лаба, впадающаго въ Ситницу. Во главѣ Турокъ стоялъ самъ Мурадъ съ двумя сыновьями, а во главѣ Сербовъ—князь Лазарь (въ центрѣ) съ тестемъ Югомъ Богданомъ (на лѣвомъ крылѣ) и двумя зятьями Милошемъ Обиличемъ и Вукомъ Бранковичемъ (на правомъ крылѣ). Битва началась въ 6 часовъ утра, во вторникъ 15 іюня 1389 г. [7]). Сербскія войска уже одолѣвали, когда одинъ изъ ихъ отрядовъ (7—10,000 Босняковъ [8]), по неизвѣстной причинѣ, отступилъ за р. Ситницу. Это обстоятельство разстроило полки Сербскіе и, не смотря на всю храбрость вождей и войска, Сербы были разбиты Турками. Погибъ тутъ старый Югъ Богданъ съ девятью сыновьями, палъ Милошъ, а князь Лазарь съ 16 ранами на тѣлѣ былъ взятъ въ плѣнъ и приведенъ къ Мураду. Но и послѣдній дорого купилъ побѣду: одинъ изъ Сербскихъ юнаковъ (по преданію, Милошъ Обиличъ) пробрался въ ставку Мурада и ножемъ пронзилъ ему сердце [9]). Предъ смертью Мурадъ имѣлъ еще удо-

---

[1]) Гласн., XXXV, 50. [2]) Гласн., XXXV, 51. Цифра эта кажется намъ, впрочемъ, очень преувеличенною. [3]) Гласн., XXXV, 52. [4]) По Майкову: Юрій Страшимировичъ. «Ист. Серб. языка», 268. [5]) Гильфердингъ. Полное собраніе соч., т. 3, стр. 193. [6]) Въ годахъ: 1389, 1403 1448, 1689. [7]) Гильфердингъ, ibid, 193.
[8]) Гласн. XXI, 260. Ср. ib, XXXV, 55. Григоровичъ: о Сербіи: 45. Странно, что Босняки хвастали потомъ побѣдой на Косовомъ полѣ! Гласн. XXVIII, 457.
[9]) Гласн. XXXV, 55.

вольствіе видѣть торжество своего войска и казнь плѣннаго Сербскаго князя Лазаря. Такъ, въ этотъ роковой день на Косовомъ полѣ легли два государя: побѣдитель и побѣжденный! На мѣстѣ побоища Турецкое турбе донынѣ означаетъ мѣсто, гдѣ убитъ Мурадъ [1]).

Ни одно событіе старо-Сербской исторіи не оставило такого глубокаго слѣда въ народномъ воображеніи и чувствѣ, какъ Косовская битва. Видно, что это былъ бой не наемныхъ дружинъ или феодаловъ, а бой всенародный. До сихъ поръ пѣсни о битвѣ Косовопольской составляютъ любимый предметъ Сербскаго народнаго эпоса.

Изъ сравненія этихъ пѣсенъ съ данными лѣтописными оказывается, что народъ принаровилъ къ битвѣ на Косовомъ полѣ въ день св. Вита всѣ важнѣйшія перипетіи въ столѣтней своей борьбѣ съ Турками за независимость. По пѣснямъ, въ этой битвѣ (Косовской) участвуютъ и краль Вукашинъ съ братьями, хотя онъ погибъ за 18 лѣтъ предъ тѣмъ на р. Марицѣ, и Степанъ, герцогъ Захолмскій, воевавшій съ Турками полвѣка позже. Народъ взглянулъ на эти событія, какъ на отдѣльные эпизоды одной великой борьбы, которой центромъ былъ бой на Косовомъ полѣ. Не станемъ пересказывать эпическихъ подробностей пѣсенъ изъ цикла «лазарицы»: печальныхъ предчувствій Сербской княгини Милицы, ея трогательнаго прощанья съ девятью братьями, Юговичами, изъ которыхъ ни одинъ не вернулся, потомъ, съ поля,—ни прекрасныхъ картинъ сбора войска, его причащенья, потомъ—встрѣчи Сербскихъ воеводъ съ дѣвушкой «Косовкою»—какимъ-то нѣжнымъ и печальнымъ геніемъ рокового поля; замѣтимъ лишь, что эти пѣсни, принадлежатъ, быть можетъ, къ замѣчательнѣйшимъ произведеніямъ эпической поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Причину столкновенія Сербовъ съ Турками народъ полагаетъ въ томъ, что

«Не бывало, да и быть не можетъ,
Надъ одной землей чтобъ двумъ быть государямъ».

Послѣ князя главнымъ героемъ битвы является его зять, Милошъ Обиличъ, которому пѣсня приписываетъ подвигъ убіенія Мурада. Виновникомъ же пораженія пѣсня называетъ другого зятя Лазарева, Вука Бранковича [2]), измѣнившаго тестю изъ зависти къ Милошу Обиличу.

---

[1]) Трупъ Мурада похороненъ въ г. Бруссѣ, а мощи Лазаря почивали сначала въ Грачаницѣ, а теперь въ Раваницѣ, на Фрушкой горѣ.

[2]) Гильфердингъ, ib, 182. Гласн. XXXV, 54.

Дѣйствительно, какой-то грѣхъ тяготѣлъ, потомъ, на совѣсти Бранковичей. Народъ не питалъ къ нимъ любви и довѣрія. Первый изъ нихъ, по народному преданію, и казненъ былъ небомъ за измѣну: во время бѣгства въ Боснію, онъ, будто бы, провалился въ землю и на томъ мѣстѣ образовалось озеро, извѣстное подъ именемъ: «Вуковъ клокотъ» (т. е. Волкова пучина):

Со времени Косовской битвы Сербы стали данниками Турокъ. Баязетъ предоставилъ Стефану Лазаревичу наслѣдіе отца, но подъ тремя условіями: 1) платить 20.000 золотыхъ дани, 2) ставить 30.000 вспомогательное войско, 3) отдать въ гаремъ султана сестру или дочь деспота. Стефанъ отдалъ Баязету свою сестру Милеву, которая была, потомъ, любимѣйшею изъ его женъ.

Турки вообще считали важнымъ родниться съ христіанскими государями: въ гаремахъ эмировъ уже и прежде были царевны изъ дома Палеологовъ и Кантакузиновъ [1]). Турки ссылались потомъ на родство, какъ на основаніе династическихъ правъ: напр. Мурадъ II и Магомедъ II въ отношеніи къ Сербіи [2]).

Стефанъ Лазаревичъ жилъ, потомъ, въ тѣсной дружбѣ [3]) со своимъ зятемъ Баязетомъ; онъ помогалъ ему въ походахъ на Болгарію (1393 [4]), Боснію, Валахію (1394), Угорщину (1396). Кромѣ деспота Стефана, въ войскахъ Баязета участвовалъ и Марко Кралевичъ [5]), который и погибъ въ битвѣ Турокъ съ Мирчею на Ровинахъ, въ Валахіи (1394). Впрочемъ, народъ думаетъ, что онъ не погибъ а спитъ, какъ Барбаруссa, въ одной пещерѣ. Его мечъ торчитъ въ камнѣ, а конь ѣстъ мохъ. Когда мечъ выскочитъ, Марко проснется, сядетъ на коня и прогонитъ Турокъ. Еще не проснулся...

Баязетъ былъ замѣчательный государь. Онъ первый принялъ званіе султана вмѣсто эмира, и носилъ прозвище «молнія». Онъ сокрушилъ уже два царства (Сербское и Болгарское) и нанесъ страшное пораженіе рыцарямъ Угорщины и западной Европы подъ Никополемъ (1396). Онъ чувствовалъ себя въ силахъ взять Константинополь, который и осадилъ въ 1400 г. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ взялъ бы его, еслибъ на сцену событій не явился тогда, какъ deus ex machina, человѣкъ, неожиданно измѣнившій всѣ политическія отношенія на Востокѣ.

---

[1]) Гиббонъ. II. 793, 775 (по Франц. изданію). [2]) Майковъ, 284, 285.
[3]) Гласн. XXVIII, 386. [4]) Гласн. XXVIII, 424; XXXI, 251; XXXII, 269. Ср. Григоровичъ. 51. [5]) Гласн. XXVIII, 393.

То былъ Тимуръ, желѣзный хромецъ, ханъ Джагатайскій. Въ то время, какъ Турки воевали на Балканскомъ полуостровѣ, Тимуръ совершилъ гигантскія завоеванія въ Азіи. Его власть простиралась уже отъ Иртыша и Волги до Персидскаго залива и отъ Небесныхъ горъ до Арарата и Ливана. Двадцать семь царствъ было имъ завоевано. Москва лишь чудомъ спаслась (1395) отъ его грозы. Даже горы Индіи не остановили его полчищъ. Тимуръ прошелъ Индію гораздо далѣе Александра Македонскаго, именно до истоковъ священнаго Ганга. Пирамиды изъ человѣческихъ череповъ возвышались на опустѣлыхъ площадяхъ Дели, Багдада, Дамаска, Алеппо. Наконецъ, Тимуръ услыхалъ про Баязета. Какая-то дерзкая выходка султана разобидѣла хана. Быть можетъ, и Греки помогли имъ столкнуться [1]). «Кто ты? писалъ Тимуръ Баязету. Муравей Туркоманскій! дерзнешь ли возстать на слона?»—«Давно желаю воевать съ тобою, степной разбойникъ, отвѣчалъ Баязетъ. «Хвала Всевышнему! ты идешь на мой мечъ».

20 іюля [2]) 1402 г. Тимуръ и Баязетъ сошлись на поляхъ Ангорскихъ: 800,000 арміи перваго едва 150,000 могъ противопоставить второй. Въ томъ числѣ находился и 40,000-ый отрядъ Сербскаго деспота. Произошла битва. Силы Тимура оказались громаднѣе, военный его геній величавѣе, а счастіе вѣрнѣе, чѣмъ Баязета. Не смотря на храбрость своихъ Сербскихъ союзниковъ, Баязетъ былъ совершенно разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Извѣстенъ разсказъ, сомнительной достовѣрности, про желѣзную клѣтку, въ которой Тимуръ возилъ Баязета. Скоро, впрочемъ, послѣдній умеръ въ плѣну.

Такъ, въ одинъ день уничтожены были результаты 150-лѣтнихъ усилій Османскихъ эмировъ! Явись, при этомъ, малѣйшее усиліе христіанъ Балканскаго полуострова—и Турки навсегда были бы возвращены въ свое прежнее ничтожество. Но это не было въ интересахъ ни Грековъ, ни Сербовъ. Первымъ Турки были нужны, какъ стѣна противъ Славянъ, вторымъ же—противъ Угровъ. Многіе новѣйшіе историки обвиняютъ деспота св. Стефана за его туркофильство: но лучше было помогать Баязету противъ Тимура, чѣмъ императору Сигизмунду противъ Чешскихъ Гуситовъ! Какъ-бы то ни было, Греки съ Сербами помогли Туркамъ опра-

---

[1]) Григоровичъ, 19. [2]) Гласн. XXVIII, 34. Ср. Григоровичъ 51.

виться отъ Ангорскаго погрома, и 20 лѣтъ спустя, въ 1422 г., Мурадъ II Баязетовичъ (по матери Милевѣ, племянникъ Сербскаго деспота Стефана) вновь осадилъ Цареградъ. На этотъ разъ онъ удовольствовался только данью. Начался рядъ войнъ между Турками и Уграми. Послѣдніе нашли въ Гуніадѣ полководца, по своей геніальности, равносильнаго Турецкому султану. Но Мурадъ былъ счастливѣе. Подъ Варною (1444) и на Косовомъ полѣ [1448] [1]) онъ нанесъ жестокое пораженіе412Уграмъ. Никто не могъ уже тогда спасти Константинополь отъ Турокъ: онъ взятъ ими штурмомъ 29 мая 1453 года.

Сербія играла тогда уже очень зависимую роль, лавируя между Уграми и Турками. Деспоты Бранковичи, вдобавокъ, враждовали сначала съ Гребляновичами, а, потомъ, между собою [2]). Наконецъ, въ 1459 г. 20 іюня, въ среду [3]), Магометъ II занялъ послѣднюю ихъ столицу Смедерево и сдѣлалъ изъ Сербскаго деспотства Турецкій пашалыкъ. Бранковичи разбѣгаются въ Угрію и Далмацію, гдѣ и вымираютъ въ XVI вѣкѣ. Лѣтъ двѣсти спустя, Австрійцы гдѣ-то откопали еще одного Бранковича [Юрія] [4]) и сдѣлали его Сербскимъ деспотомъ, но, потомъ, струсили и уморили его въ 22-лѣтнемъ заключеніи (1711 г.).

За паденіемъ Сербіи скоро послѣдовало паденіе Босны, Герцеговины и дольней Зеты, и лишь въ катунахъ Черной Горы Сербы успѣли отстоять свою независимость почти непрерывно до настоящаго времени.

Таковъ былъ ходъ паденія Сербскаго царства. Каковы были причины его? Важнѣйшими представляются слѣдующія.

Во-первыхъ, прекращеніе династіи Неманичей. Двѣсти лѣтъ она служила главнымъ, если не единственнымъ, нравственнымъ цементомъ, связывавшимъ въ одно цѣлое разбросанныя части Сербской земли. Громадный авторитетъ этой старо-Сербской династіи виденъ, между прочимъ, изъ того, что всѣ ея представители (кромѣ Душана-отцеубійцы) объявлены были святыми, хотя имъ случалось, по временамъ, совершать дѣла далеко не святыя, между которыми непрерывныя надувательства папъ были еще самыми невинными, такъ какъ оправдывались благородною цѣлью.

---

[1]) 1449? Григоровичъ, 54. [2]) Гласн. XXXV, 70; XXVIII, 298; Майковъ, 286.
[3]) Ср. Григоровичъ, 56. [4]) Гласн. XXXI, 60.

Во-вторыхъ, распространеніе феодализма, въ видѣ властельства, сначала родоваго, а, потомъ, чиновнаго. Латинская имперія въ Царѣградѣ, потомъ Угрія и Венеція были центрами этого феодальнаго вліянія. Особенно были имъ заражены Зета и Босна. Уже при Неманичахъ бояре часто крамольничали; по убіеніи же Уроша, они отказались отъ всякихъ жертвъ въ пользу государственнаго начала. Послѣднее столѣтіе старо-Сербской исторіи наполнено борьбою династовъ: Мернявчевичей съ Гребляновичами, этихъ съ Бранковичами, Балшами и т. д. Баязетъ въ интимномъ разговорѣ со Стефаномъ Высокимъ съ дальновидностью указалъ Сербскому деспоту на необходимость подавить родовое боярство [1]) и замѣнить его людьми своего воспитанія. Въ томъ и заключалась сила Турокъ, что они ранѣе всѣхъ въ Европѣ, ранѣе Людовика XI и Ришилье, уничтожили въ своей странѣ феодализмъ.

Въ-третьихъ, различіе народа по языку, сословіямъ, положенію. На югѣ преобладалъ элементъ Болгарскій и Греческій, на сѣверозападѣ—Сербскій. Ихъ противоположность выразилась въ періодъ войнъ Вукашина съ Лазаремъ: за Мернявчевичей были Болгары, за Гребляновичей же—Сербы.

Въ-четвертыхъ, неразвитость народа въ политическомъ отношеніи. Втеченіе двухсотлѣтняго самостоятельнаго существованія Сербскаго государства, сознаніе его пользы и необходимости не вошло въ преданія и инстинкты массъ. Оно оставалось чѣмъ-то внѣшнимъ для народа. Гораздо глубже была вкоренена религія. Когда народу представился выборъ между государствомъ и церковью, то народъ, не колеблясь, пожертвовалъ первымъ для второй.

Внѣшними причинами, ускорившими паденіе Сербскаго государства преимущественно были два обстоятельства: во 1-хъ, вражда Грековъ къ Сербамъ, особенно по объявленіи Душана царемъ, и изгнаніе Греческихъ епископовъ. Греки навели Турокъ на Европу; они произвели катастрофу на р. Марицѣ, помогли Туркамъ послѣ Ангорской битвы. Во-2-хъ, притязанія на Сербію Угровъ. Папа избралъ ихъ орудіемъ своей политики на югѣ. Уже Душану трудно было отражать Людовика Великаго. Еще труднѣе это было при Сигизмундѣ, Гуніадѣ, Корвинѣ. А за Уграми стоялъ весь западъ: страхъ предъ Уграми гналъ Сербовъ въ руки Турокъ.

---

[1]) «Сокруши сильныя своя и въ свою волю приведи». Гласн. XXVIII, 381.

Европейскіе историки считаютъ гибельнымъ для Европы то, что Сербію завоевали Турки, а не Мадьяры, или Нѣмцы. Славяне же оплакиваютъ это событіе, какъ источникъ ихъ рабства, слезъ.

Но лучше ли была судьба Славянъ послѣ паденія государствъ: Велико-Моравскаго, Чешскаго, Хорватскаго?

Самъ Сербскій народъ сознанъ, что съ Турецкимъ игомъ не все еще пропало, а, наоборотъ, много и выиграно; именно, у нихъ не отняты: духовная независимость, языкъ, вѣра, народность. Это прекрасно выражено въ одной Сербской пѣснѣ о паденіи Сербскаго царства. Илья Пророкъ, въ видѣ сокола, принесъ князю Лазарю изъ Іерусалима письмо отъ Богородицы о двухъ царствахъ для выбора:

«Что за царство ты бы взялъ скорѣе?
Царство ли небесное, или царство-бъ взялъ земное?
Если-бъ царство взялъ земное,
Такъ сѣдлай коней, надѣнь доспѣхи,
Витязи твои пусть сабли препояшутъ,
И на Турокъ приступомъ идите,
И погибнетъ Турское все войско!
Еслижъ царство-бъ взялъ небесное,
Такъ построй ты церковь на Косовѣ,
Выводи не мраморныя стѣны,
А изъ чистаго-то бархату и шелку,
Пріобщи и выстрой войско:
Все твое погибнетъ войско,
И ты самъ, князь, съ нимъ погибнешь!»

Лазарь выбралъ царство небесное:

«Вѣдь земное царство не надолго,
А небесное отъ вѣка и до вѣка!»

Въ этой аллегоріи заключается глубокій историческій смыслъ. Въ XIV—XV вѣкахъ дѣйствительно рѣшался для Сербовъ вопросъ о двухъ царствахъ, о двухъ вѣрахъ, о двухъ культурныхъ началахъ, восточномъ и западномъ.

Предъ самымъ паденіемъ Сербскаго государства, западная Европа предложила ей помощь, подъ условіемъ принятія Флорентинской уніи. Великій духовный героизмъ нуженъ былъ для того, чтобы въ такую критическую минуту отказаться отъ соблазновъ земнаго царства единственно изъ привязанности къ своей дѣдовской вѣрѣ. Такой жертвы не требовалъ отъ нихъ Турокъ, и Сербы открыли ему настежь ворота своихъ городовъ и крѣпостей.

Понятія о Туркахъ того времени у насъ составляется, большею частью, по аналогіи времени настоящаго, между тѣмъ, какъ четыре вѣка, раздѣляющіе насъ отъ паденія Сербіи, не прошли безслѣдно и

для Турокъ. Они состарились, выродились и столь же мало похожи теперь на Турокъ Солимана Великолѣпнаго, какъ Испанцы Дона Карлоса на Испанцевъ Карла V и Филипповъ. Но въ 15 и 16 вѣкахъ Турки ни чуть не уступали ни одному Европейскому народу своимъ благородствомъ, честностью и гуманностью. Типы султановъ: Мурада I и II, Баязета I и II, Магомета I и II, особенно же Солимана II Великолѣпнаго нисколько не затмятся при безпристрастномъ сопоставленіи съ Сигизмундомъ Люксембургскимъ, Фердинандомъ Кастильскимъ, Людовикомъ XI и др. Жизнь Сербовъ подъ Турецкимъ владычествомъ въ 15—16 вѣкахъ была ни чуть не хуже жизни крестьянъ западной Европы. Сербамъ были оставлены: ихъ земля, ихъ земскій нарядъ, ихъ общинный судъ, ихъ языкъ, церковь, пѣсня, народность. Въ XV и XVI вѣкахъ даже литература развивалась кое-гдѣ въ Турецкой Сербіи и типографіи были тамъ заведены семьдесятъ лѣтъ ранѣе, чѣмъ въ Москвѣ (Скадрская печатня 1493 г.). Даровитые Сербскіе люди легко составляли себѣ карьеру въ Турецкой службѣ, конечно, подъ условіемъ гласнаго признанія господствующей вѣры (какъ во всей тогдашней Европѣ). Въ XVI вѣкѣ извѣстенъ цѣлый рядъ визирей, пашей, адмираловъ Славянскаго происхожденія [1]). Во главѣ всѣхъ стоитъ знаменитый Соколовичъ-паша, великій визирь Солимана, который былъ, кажется, роднымъ братомъ Сербскаго патріарха св. Макарія († 1570). Сербскій языкъ былъ господствующимъ въ рядахъ янычаръ, во дворцахъ пашей и визирей, а также и при дворѣ султановъ. Каждый изъ султановъ XVI вѣка, кромѣ языка Турецкаго, изучалъ (большею частью отъ своихъ Славянскихъ матерей) и языкъ Славянскій, который былъ самымъ распространеннымъ между ихъ подданными.

Только съ конца XVI вѣка начинается, вмѣстѣ съ буйствомъ янычаръ, разложеніе Турецкаго государства. Эпохою въ этомъ отношеніи можно принять 1595 годъ, когда Сербскій ренегатъ Синанъ-паша осмѣлился коснуться самой дорогой святыни Сербскаго народа—мощей св. Саввы, которыя онъ вынулъ изъ раки и развѣялъ по вѣтру близь Бѣлграда. Съ тѣхъ поръ все усиливается въ Турецкой Сербіи гайдучество и ускочество или эмиграція народа въ сосѣднія государства.

Но и въ Европѣ 17 вѣкъ принадлежитъ къ числу самыхъ

---

[1]) Гласн. XXXVI, 166, 172. Ламанскій В. И. «О Славянахъ въ М. Азіи», 215.

мрачныхъ эпохъ исторіи. Черные янычары папы—іезуиты надѣлали Полякамъ, Чехамъ, Русскимъ и другимъ Славянамъ не менѣе бѣдъ, чѣмъ Сербамъ янычары падишаха.

Несомнѣненъ тотъ результатъ, что Сербы Турецкіе гораздо лучше сохранили свою народность и вѣру, свой языкъ и пѣсни, свое мужество и инстинктъ свободы, чѣмъ Сербы Австріи.

Какое имѣетъ значеніе паденіе Сербскаго царства въ общей судьбѣ Славянъ, какъ историческаго организма?

Сербское царство было выраженіемъ стремленія Славянъ принять на себя наслѣдіе падавшей въ Константинополѣ Восточной имперіи, подобно тому, какъ къ тому же стремилось и царство Болгарское X и XIII вѣковъ. Неудача попытки какъ Болгаръ, такъ и Сербовъ показываетъ, что подобная задача была еще не по силамъ тѣмъ народамъ. По степени своего образованія, они далеко уступали Грекамъ; по матеріальнымъ же силамъ не занимали положенія, возвышающагося надъ всякими случайностями. Въ средѣ же народностей Славянскихъ Болгары и Сербы занимали положеніе слишкомъ эксцентричное, чтобы стать средоточіемъ обнимающей всѣхъ Славянъ Восточной имперіи. Для подобной роли нуженъ былъ народъ болѣе многочисленный и центральный. Такимъ оказалась Русь. Утраты Сербовъ на Косовомъ полѣ суждено было вознаградить побѣдителямъ на полѣ Куликовомъ. Знамя Лазаря поднято Донскимъ... Эта, повидимому, отвлеченная мысль ясно сознана и прекрасно выражена Сербскимъ народомъ въ одной Сербской пѣснѣ о томъ, какъ султанъ отдарилъ Московскаго царя. Содержаніе ея слѣдующее. Московскій царь прислалъ султану «царскіе подарки»:

«Получивъ подарки дорогіе,
Сталъ султанъ кручиниться и думать,
Чтобъ царю Московскому отправить,
Честь за честь, за дорогой подарокъ».

Ходжа и кадій совѣтуютъ спросить о томъ у «старца патріарха». Тотъ отвѣтилъ:

«Есть въ твоемъ великомъ государствѣ
Что̀ царю Московскому отправить,
Что̀ тебѣ совсѣмъ не на потребу,
А ему весьма угодно будетъ.
Посохъ есть отъ Неманича Саввы,
Златъ вѣнецъ царя есть Константина,
Іоанна Златоуста риза,
Да съ святымъ крестомъ на древкѣ знамя,
Что̀ держалъ въ бою царь Сербскій Лазарь.

Никакой тебѣ нѣтъ въ нихъ потребы,
А царю угодны будутъ, знаю!»

Султанъ исполнилъ совѣтъ патріарха. Узнавъ о томъ, паша Соколовичъ сказалъ султану:

«Если ты царю послалъ святыни,
Выше коихъ нѣтъ для христіанства;
Приложилъ бы къ нимъ ужъ, кстати,
И ключи отъ своего Стамбула».

Раскаялся, хоть поздно, царь въ подаркѣ. Патріарху отрубили голову и бросили ее въ море [1]).

А наслѣдіе Восточнаго царства — вѣнецъ царя Константина и знамя князя Лазаря все-таки перенесены въ Московскую землю...

II. Возрожденіе Сербскаго царства.

Послѣдствія Турецкаго завоеванія Сербскихъ земель. Сербское ускочество. Подвиги Сербскихъ эмигрантовъ въ Венгріи въ XV и XVI в. Ускоки Сеньскіе и Клискіе. Отношеніе Австріи къ Сербамъ (съ конца XVII в.). Деспотъ Юрій Бранковичъ. Патріархи Арсеній III и IV. Переселеніе народа изъ Сербіи въ Австрію. Притѣсненіе Сербовъ Мадьярами и Нѣмцами. Уничтоженіе Воеводины. Значеніе въ Сербской исторіи Дубровницкой республики. Ея сила и паденіе. Важнѣйшіе моменты Черногорской исторіи. Ея отношенія къ Турціи и Россіи. Ходъ образованія Сербскаго княжества. Политическая разрозненность Сербовъ. Стремленіе народа къ возстановленію царства. Тяготѣніе къ Россіи. Идея все-Славянства.

Втеченіе XV и началѣ XVI в. Турки окончили завоеваніе политическихъ центровъ старо-Сербскаго народа. За паденіемъ Царства послѣдовало паденіе Деспотовины; затѣмъ, пали королевство Босанское, герцогство святого Саввы (Герцеговина), завоевана Турками большая часть Албаніи и Далмаціи.

Какъ ни геніальны были первые государи Турціи и ихъ министры, однако Турецкія завоеванія легли тяжелымъ гнетомъ на матеріальномъ и нравственномъ положеніи побѣжденнаго народа. Замолкли постепенно колокола въ церквахъ; луна смѣнила крестъ на множествѣ обращенныхъ въ мечети храмовъ; народъ былъ обезоруженъ; земля отдана въ лены спахіямъ и бегамъ; народъ былъ обложенъ гарачемъ, десятинами и многочисленными другими податьми то въ пользу казны, то помѣщика. Наконецъ, каждые пять лѣтъ приходили царскіе баскаки и собирали

[1]) Гербель. «Поэзія Славянъ», 84. Эта пѣсня относится, быть можетъ, къ казни Печскаго патріарха Гавріила I, повѣшеннаго въ 1659 г. въ г. Бруссѣ за совѣтъ, данный имъ царю Московскому, идти на Турокъ. Ср. Гласн. XXXV, 75.

самую страшную изъ всѣхъ родовъ дани: дань дѣтьми. Самые здоровые и красивые мальчики 10—12-лѣтняго возраста были отбираемы отъ родителей и уводимы въ Цареградъ, гдѣ ихъ (до 2000 ежегодно) воспитывали для янычарской и другихъ родовъ султанской службы. Для людей, слабыхъ душею, открылись соблазны вѣроотступничества. Какъ въ другихъ Славянскихъ земляхъ, и здѣсь особенно знать не устояла отъ нихъ. Много членовъ Сербскихъ владѣтельныхъ фамилій (Косанчичей, Черноевичей и др.) приняли исламъ, породнились съ султанами и стали Турецкими визирями и пашами. Особенно слабую приверженность къ христіанству оказала знать Босанская. Она уже прежде привыкла часто мѣнять вѣру; знатные Босняки выдавали себя, смотря по надобности: то за православныхъ, то за католиковъ, то за богомиловъ. Теперь эта знать почти поголовно приняла мусульманство. Благодаря тому, она осталась нетронутою Турками. Боснія до недавняго времени была чуть не особымъ государствомъ въ Турціи. Лишь въ 1850 г. Омеръ-пашѣ удалось сломить упрямый сепаратизмъ Босанскихъ беговъ и спахіевъ. Но и теперь еще, духъ касты и фанатизмъ не исчезъ здѣсь и грозитъ этой провинціи многими бѣдствіями.

Большая часть народа предпочла, однако, рабство физическое измѣнѣ своей вѣрѣ и народности: она стала райей... Единственными ея центрами и твердынями остались монастыри; единственнымъ утѣшеніемъ—гусли. Церковь и пѣсни замѣнили народу государство, школы, литературу; онѣ поддерживали въ немъ память о прошломъ и надежды на будущее.

Третья, наконецъ, часть народа, болѣе воинственная и непокорная, бѣжала съ протестомъ въ лѣса и горы, или даже въ предѣлы сосѣднихъ государствъ: Венгрію, Австрію, Венецію. То были гайдуки дома и ускоки за предѣлами родины.

Дѣятелями Сербскаго возрожденія были не первые (потурченцы) и лишь, отчасти, вторые (райя); преимущественно же ими были третьи—гайдуки и ускоки, на которыхъ, потому, и необходимо подробнѣе остановиться въ исторіи Сербскаго освобожденія.

Сербское ускочество или эмиграція первоначально всего сильнѣе было направлено въ сосѣднюю Угорщину. По паденіи Деспотовины, туда бѣжала бо́льшая часть владѣтельныхъ родовъ, съ ихъ дружинами. За ними выселились за Саву—на Моришъ, въ Межурѣчье и за Драву массы простаго народа (1439, 1456, 1459,

1481 годахъ). Образовалась большая страна съ почти сплошнымъ Сербскимъ населеніемъ. Во главѣ его стоялъ Сербскій деспотъ изъ дома Бранковичей. Сто лѣтъ эта Сербская стѣна загораживала Туркамъ дорогу въ долину средняго Дуная. Сербамъ обязанъ былъ лучшими своими успѣхами и Матвѣй Корвинъ. Въ исторіи Венгріи неувядаемою славой покрылись Сербскіе ускоки: Вукъ Бранковичъ, прозванный Змѣемъ или Змѣевичемъ, князь Павелъ или Павелъ Кинижи—славный предводитель знаменитаго и непобѣдимаго «Чернаго полка» Венгерскаго и Дмитрій Якшичъ, поборовшій въ поединкѣ Турецкаго великана въ 1494 году. Въ первой четверти XVI вѣка особенно прославились два ускоцкіе вождя: Иванъ Черный, повелѣвавшій ускоками по-Тисскими и принявшій грозный для Турокъ и Мадьяръ титулъ «царя Ивана»; на правомъ же берегу Дуная дѣйствовалъ тогда Павелъ Бакичъ, первый военный геній тогдашней Венгріи, спасшій своею ускоцкою четою даже Вѣну отъ Турокъ.

На самомъ Дунаѣ образовалась тогда цѣлая флотилія ускоцкая, въ родѣ нашей Запорожской. Она поддерживала сношенія сѣверной и южной Венгріи въ самыя критическія минуты и послужила образцемъ для Австрійскаго батальона «чайкистовъ» или ушкуйниковъ.

Солиману Великолѣпному удалось пробить эту Сербскую стѣну и тогда вся Венгрія оказалась открытою для Турокъ.

Сербскіе ускоки должны были отодвинуть свои стоянки изъ долинъ въ горы: часть ихъ ушла въ Семиградье, гдѣ они соединились съ Румунами и Мадьярами; другіе же перешли на западъ, въ Хорватію, гдѣ воевали, потомъ, въ войскахъ тамошнихъ бановъ (Зринскихъ и др.). Въ 1571 г. умеръ послѣдній Сербскій деспотъ въ Венгріи, Іованъ Бранковичъ, и дѣятельность Сербскаго ускочества на сто лѣтъ затихаетъ въ побѣжденной Турками Венгріи.

Сербская эмиграція принимаетъ съ тѣхъ поръ нѣсколько другое направленіе: вмѣсто Дуная она устремляется на западъ, въ горы Хорватіи и Далмаціи, на острова Адріатики во владѣніяхъ отчасти императорскихъ, отчасти же—Венеціанскихъ.

Подъ покровительствомъ, сначала, Венеціи, а, потомъ, нѣкоторыхъ магнатовъ, особенно Зринскихъ и Франкопановъ, на Велебитѣ и Динарахъ образуются цѣлыя ускоцкія общины. Далматинскимъ ихъ центромъ былъ замокъ Клисъ, гдѣ они укрѣпились въ скалахъ на главной дорогѣ изъ Босніи въ Сплѣтъ; Хорват-

скимъ же ихъ средоточіемъ былъ городъ Сень, господствующій надъ главнымъ переваломъ чрезъ горную цѣпь Велебита и надъ цѣлымъ архипелагомъ острововъ Кварнерскихъ.

Достигнувъ здѣсь моря, ускоки какъ Клисскіе, такъ особенно Сеньскіе, занялись и мореплаваніемъ, и скоро навели ужасъ и на Венеціанскихъ купцовъ своимъ пиратствомъ, и на Турокъ непрерывною партизанскою войною въ Далмаціи, Хорватіи и Босніи.

Венеціанцы изъ покровителей стали заклятыми врагами ускоковъ и успѣли, въ союзѣ съ Фердинандомъ Австрійскимъ, разрушить ихъ притоны какъ въ Клисѣ, такъ и въ Сенѣ, и переселить ускоковъ въ Альпы, гдѣ, на рубежѣ Крайны и Хорватіи, и теперь еще одна горная цѣпь хранитъ ихъ имя (Ускоцкія горы) и объуніаченныхъ ихъ потомковъ.

Ускоцкое населеніе не совсѣмъ, однако, изчезло въ Далмаціи, Хорватіи и Военной Границѣ. Съ половины XVII вѣка, когда начались большія войны Венеціи съ Турками, ускоцкія четы, подъ предводительствомъ Котарскихъ и Сеньскихъ своихъ сердарей: Митровичей, Смиляничей, Мочивуновъ, Синобадовъ, Суричей и мн. др. принесли громадныя услуги Венеціи и очистили отъ Турокъ большую часть нынѣшней Далмаціи.

Въ 1687 году 4,000 ускоцкихъ семействъ изъ Босны и Герцаговины переселились въ Лику и Корбаву [1]). Изъ смѣшенія этихъ разновременныхъ ускоцкихъ колоній съ первобытнымъ населеніемъ, образовался тотъ мужественный и серьезный Сербскій типъ, который и донынѣ замѣчается въ Морлакахъ Буковицы (сѣв. Далмація) и въ Личанахъ Военной Границы.

Такъ прошелъ первый періодъ Сербской эмиграціи въ Венгерскія и Венеціанскія области. Ускоцкимъ четамъ на этотъ разъ не удалось образовать здѣсь прочный политическій или народный центръ. Ихъ силы погибли въ безплодной борьбѣ за Габсбурговъ и за республику св. Марка. Но этотъ неудачный опытъ не уничтожилъ еще у Сербскаго народа ни его надеждъ на лучшее будущее, ни вѣры въ честь и безпристрастіе христіанскихъ государей запада. Нуженъ былъ второй подобный опытъ для того, чтобы народъ могъ сознать наивность этихъ надеждъ при подобной вѣрѣ...

Съ половины XVII вѣка Турція начинаетъ рѣшительно клониться

[1]) Гласн. XXXIII. 53.

къ упадку. Венеція, Австрія, Польша и Россія начинаютъ наступательное противъ нея движеніе. Послѣднее отчаянное усиліе отстоять свои позиціи было сдѣлано Турками въ 1683 году. Громадная Турецкая армія стояла уже тогда у воротъ Вѣны. Не прошло, затѣмъ, и десятка лѣтъ, какъ Австрійскія войска стали на Балканахъ.

Тайна громадныхъ успѣховъ Австріи въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. заключается не столько въ геніи Евгенія Савойскаго и другихъ Австрійскихъ полководцевъ, сколько въ могущественномъ содѣйствіи ей Сербовъ. Вѣнскій дворъ зналъ, какой авторитетъ въ глазахъ Сербскаго народа имѣлъ носимый его высшими представителями санъ деспота и патріарха. Ему нужно было овладѣть носителями этихъ званій, т. е. поймать царицу улья, чтобы, затѣмъ, вести по своей волѣ весь рой. Но у Сербовъ уже болѣе ста лѣтъ не было деспота. Показалось полезнымъ создать его, чтобы, потомъ, эксплоатировать значеніе его въ свою пользу. 28-го сентября 1663 г. въ Адріанополѣ, по наущенію Австрійскаго посла, патріархъ Печскій Максимъ вѣнчалъ на Сербское деспотство послѣдняго, какъ тогда увѣряли члена, знатнаго рода Бранковичей—Юрія [1]). Двадцать лѣтъ спустя, императоръ Леопольдъ наименовалъ его барономъ, а, затѣмъ, графомъ священной Римской имперіи. Когда въ 1689 г. Австрія перенесла за Дунай сцену своихъ военныхъ дѣйствій противъ Турокъ, то и Юрій Бранковичъ былъ посланъ туда для возбужденія Сербовъ противъ Турокъ въ пользу Австріи. Но Юрій не вполнѣ ясно понялъ, или не достаточно вошелъ въ планы Вѣнскаго двора. Онъ провозгласилъ себя деспотомъ Сербіи, Босніи, Мизіи, Болгаріи, Ѳракіи, Срѣма и другихъ земель [2]). Австрія испугалась тогда ею же вызванной тѣни Сербскаго деспота. Юрій Бранковичъ обманомъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Вѣну и посаженъ въ заключеніе, въ ожиданіи, будто бы, суда. Въ этомъ заключеніи онъ просидѣлъ сначала въ Вѣнѣ, а, потомъ, въ Хебѣ (Eger), въ Чехіи, 22 года, не смотря на протесты свои, Сербскаго народа, патріарха и даже иностранныхъ государей, какъ, напр. Петра Великаго [3]). На всѣ запросы о винѣ Юрія и причинѣ его заключенія, Австрійское правительство отвѣчало: «ничего онъ не сдѣлалъ, но того (заключенія) требуютъ государственныя соображенія».

Единственнымъ утѣшеніемъ Бранковича въ его заключеніи было составленіе подробной исторіи Сербскаго народа, которая донынѣ ле-

[1]) Род. 1645, ум. 1711 г. [2]) Гласн., XXXIII, 170. [3]) Майковъ, 293.

житъ неизданною въ Карловацкой патріаршей библіотекѣ. Смерть (1711 г.) спасла, наконецъ, Юрія изъ Австрійскаго заключенія.

Удивительно, что Австрія избрала столь ненадежный способъ отдѣлаться отъ личности деспота! Во время своего 22-хъ-лѣтняго заключенія, онъ имѣлъ множество случаевъ уйти и не воспользовался этимъ лишь изъ убѣжденія въ правотѣ своего дѣла и вслѣдствіе постоянной надежды на скорое освобожденіе. Почему Австрія не отравила его, какъ она это сдѣлала потомъ съ Сербскими патріархами Арсеніемъ III и IV? Очевидно, Австрія предполагала, что могутъ встрѣтиться обстоятельства, когда личность деспота можетъ ей пригодиться. Ихъ не нашлось—и деспотъ умеръ, не эксплоатированный Австріею въ полной мѣрѣ. Однако и этотъ урокъ не открылъ еще Сербамъ глазъ на настоящія цѣли и планы Австріи. Въ то самое время, когда Юрій Бранковичъ томился въ заключеніи, Австрійское правительство вступило въ сношенія съ другимъ представителемъ Сербскаго народа, «патріархомъ Печскимъ и всѣхъ Сербскихъ земель, западнаго Поморья и бѣлаго Подунавья [1])», Арсеніемъ III Черноевичемъ. Австрія предложила ему перенести свой престолъ изъ Турціи въ Венгрію. Выдано было для приманки нѣсколько грамотъ о правахъ патріарха и Сербскаго народа въ Австріи, о свободѣ его вѣры, управленія, образованія, о самостоятельности Сербской территоріи, о выборныхъ патріархѣ и воеводѣ, и другихъ пріятныхъ перспективахъ. Патріархъ поддался на удочку: онъ самъ, а за нимъ и значительная часть Сербскаго населенія Старой Сербіи, въ числѣ до 37,000 семействъ [до 100,000 душъ [2]), а по другимъ 500—600,000 душъ!] въ 1694 году перешли въ Венгрію. Никогда еще Сербская эмиграція не совершалась въ такихъ обширныхъ размѣрахъ!

Неисчислимы были выгоды Австріи отъ этой новой эмиграціи! Сербскимъ народомъ колонизована была вся южная граница государства, отъ Семиградья до Велебита, въ видѣ своего рода казацкой украйны или Военной Границы. Сербскія войска составляли съ тѣхъ поръ лучшую часть имперскихъ войскъ. Не было, потомъ, войны, въ которой въ первыхъ рядахъ не сражались бы за Австрію ея Граничары. Ихъ кровью облита вся Чехія, Силезія, Баварія, Лом-

[1]) Гласн. XXXI, 71. Гильфердингъ: Босна, 664. [2]) Гласн. XXXIII, 47.

бардія, Неаполь и, наконецъ, Венгрія— въ 1848—49 гг., когда Граничары съ Хорватами спасли Вѣну и Габсбургскую династію. Но они не могли тѣмъ ни обязать, ни расположить къ себѣ Австрію. Все-таки они оставались въ глазахъ Австрійца «Рацами», схизматиками, которыхъ, какъ выражался кардиналъ Колоничъ, Австрійскому правительству предстояло «сдѣлать сначала рабами, потомъ —нищими, а, наконецъ, католиками».

Сербскій патріархъ былъ терномъ въ окѣ іезуитовъ: они заманили Арсенія III въ Вѣну и кардиналъ Колоничъ отравилъ его (28-го октября 1705 г. [1]) въ своемъ собственномъ домѣ, за обѣдомъ, преступивъ тѣмъ самыя священныя правила гостепріимства и чести. Впослѣдствіи, Австріи опять понадобился новый Сербскій патріархъ: Австрійцы переманили изъ Печа въ Венгрію Арсенія IV съ Сербскими колонистами, и скоро, затѣмъ, отравили его аптечною пилюлею (1748 г.). Такимъ образомъ, Австрія заморила Сербскаго деспота, отравила двухъ Сербскихъ патріарховъ, замѣнивъ ихъ просто митрополитами и, наконецъ, рѣшилась, вопреки всѣмъ своимъ обязательствамъ, закрѣпостить Сербскій народъ. Напрасно онъ возставалъ для защиты своихъ правъ въ 1720 и 1733 годахъ. Престарѣлый Перо Сегединацъ, предводитель Сербскихъ инсургентовъ, былъ колесованъ въ Пештѣ—и народъ остался безъ вождя, безъ защиты. Въ 1751 г. часть [2]) этого народа (до 40,000, а по другимъ 100,000 душъ) переселилась, съ капитанами: Текели, Хорватомъ, Шевичемъ и Прерадовичемъ изъ Венгріи въ южную Россію. Но большая часть тѣхъ Сербовъ и донынѣ остается въ рукахъ Австрійцевъ, отданная ими на всю волю Мадьярамъ, Нѣмцамъ, кальвинистамъ и католикамъ. Лишь революція 1848 года нѣсколько подняла духъ и оживила надежды Сербовъ; они вспомнили свои нарушенныя права и революціоннымъ образомъ избрали сами себѣ и патріарха (Раячича), и воеводу (Шупликаца). Императоръ въ бѣдѣ согласился, но, оправившись, опять все отнялъ отъ Сербовъ.

Такимъ образомъ, и вторая ускоцкая эмиграція Сербовъ въ Австрію осталась безплодною. А между тѣмъ, Старая Сербія заселена была въ это время Албанцами, и въ 1765 г. въ наказаніе Сербамъ, Печскій патріархатъ совершенно упраздненъ Турками и отданъ въ руки фанаріотовъ, послѣ чего насталъ самый тяжелый періодъ Сербскаго рабства.

---

[1]) Гласн. XXXV, 75. [2]) Гласн. XXXI, 71.

Единственнымъ полезнымъ результатомъ столькихъ усилій и народныхъ жертвъ было то, что Срѣмъ и прилегающія мѣстности Старой Воеводины (Баната, Бачкой) получили новый слой Сербскаго населенія. Неизвѣстно, уцѣлѣетъ ли оно тамъ при теперешнихъ неблагопріятныхъ условіяхъ до временъ болѣе счастливыхъ.

Благопріятнѣе былъ ходъ дѣлъ въ Дубровникѣ и на Черной Горѣ.

Дубровникъ представляетъ единственное въ своемъ родѣ явленіе въ исторіи не только Славянской, но и всемірной. Въ самую блестящую пору его существованія, территорія Дубровника измѣрялась однимъ, двумя десятками квадр. миль; число населенія не превышало 100,000 душъ. А, между тѣмъ, община эта въ 14—17 вѣкахъ пріобрѣла громадную извѣстность на всемъ Левантѣ, наравнѣ съ Генуею, Пизою, Венеціею. Дубровникъ, какъ независимое государство, просуществовалъ чуть-ли не тысячу лѣтъ, и даже пережилъ десятью годами республику Венеціанскую (1797—1807 г.).

Въ 16—17 вѣкахъ, Дубровникъ, по справедливости, назывался юго-Славянскими Аѳинами. Корабли Дубровницкіе ходили по всѣмъ морямъ и океанамъ. Дубровчане участвовали въ открытіи Колумбомъ Америки и въ числѣ первыхъ Европейскихъ купцевъ ходили въ восточную Индію. Уже въ 1510 г. организованы были торговыя сношенія съ нею Дубровника чрезъ Сирію и Египетъ. Торговыя факторіи Дубровника разбросаны были по всему Леванту и Италія. Дубровницкій банкъ былъ складомъ богатствъ многихъ властелей и государей Балканскаго полуострова. На рынкахъ Дубровника сходились произведенія обоихъ полушарій. Дубровницкія ткани, издѣлія металлическія, стекла и пр. считались образцовыми въ торговлѣ.

Республиканско-аристократическое правленіе Дубровника было организовано столь умно и практично, что республика эта всегда жила мирно, почти безъ смутъ и безъ борьбы партій. Дипломатическія сношенія велись столь благоразумно, что Дубровникъ по цѣлымъ столѣтіямъ не велъ войнъ и умѣлъ поддерживать дружественныя отношенія и съ Греками, и съ Славянами, и съ Турками, и съ Итальянцами. Одна Венеція непріязненно относилась къ своей Сербской сопернику на Адріатикѣ, но и она не въ состояніи была завоевать Дубровникъ, подобно Задру, Сплѣту, Шибенику и другимъ Далматинскимъ городамъ.

Всѣ эти условія, соединенныя вмѣстѣ, сдѣлали Дубровникъ въ 15—16, а отчасти, и въ 17 вѣкахъ, центромъ довольно замѣча-

тельной литаратурной дѣятельности. Всѣ роды поэзіи: лирика, эпосъ, драма почти одновременно разцвѣли въ Дубровникѣ. Въ 16 и 17 вв. онъ произвелъ цѣлую плеяду очень талантливыхъ поэтовъ: Ветранича, Гучетича, Джорджича, Златарича, Менчетича, Налѣшковича, Пальмотичей, Раньину, Чубрановича и даже одного первоклассснаго эпика Ивана Гундулича.

Наука западно-Европейская того времени тоже получила не мало важныхъ дѣятелей изъ Дубровника: назову только знаменитаго археолога Бандури и математика Бошковича.

Какъ ни сильно отразилось на этой Дубровницкой литературѣ вліяніе сосѣдней Италіи, однако нерѣдко произведенія Дубровницкія не только не уступали своимъ Итальянскимъ образцамъ, но даже превосходили ихъ. Такъ, напр. поэма Гундулича «Османъ» во многихъ отношеніяхъ выше «Освобожденнаго Іерусалима» Т. Тассо. Съ другой стороны, эта Дубровницкая поэзія была совершенно самостоятельна по языку, такъ какъ она пользовалась Сербскимъ, а не Латинскимъ или Итальянскимъ языками.

Какъ ни объяснять этотъ долговременный и удивительный блескъ Дубровницкой образованности—вліяніемъ ли моря, торговли или сосѣдней Италіи—во всякомъ случаѣ, главною причиною богатства и могущества этой маленькой республики нужно признать непрерывныя и оживленныя ея связи со Славянами Балканскаго полуострова.

Собственно говоря, Дубровникъ и не былъ ничѣмъ другимъ, какъ Адріатическимъ портомъ Сербскаго народа,—во время нахожденія его какъ подъ властью Неманичей, такъ и Османидовъ. Съ другой стороны, Дубровникъ былъ какъ-бы политическимъ asylum для знатныхъ Сербскихъ родовъ, принужденныхъ эмигровать. Такъ, въ Дубровникъ переселились нѣкоторые члены изъ знатныхъ родовъ: Бранковичей, Косанчичей, Храничей. Санковичей, Кастріотичей и многихъ другихъ.

Дубровникъ служилъ, такимъ образомъ, центромъ своего рода ускочества, именно, ускочества дворянскаго, властельскаго. Духъ Сербскаго народа и его поэзіи носился надъ этимъ городомъ и былъ тою нравственною атмосферою, въ которой развивалась роскошная Дубровницкая искусственная поэзія.

Почему Дубровникъ палъ? Обыкновенно думаютъ, что причиною его паденія было землетрясеніе 6 апрѣля 1667 г. Дѣйствительно, это было великое народное бѣдствіе, но народъ и государство могли

бы отъ него оправиться, еслибъ это бѣдствіе стихійное не сопровождалось другимъ нравственнымъ: оскудѣніемъ энергіи, творчества и характеровъ въ народѣ. Что произвело это оскудѣніе? Вліяніе ли Италіи, іезуитское ли воспитаніе, преобразившее мирныхъ гражданъ въ фанатиковъ папизма, или, наконецъ, измѣненіе торговыхъ путей Европы?

Знойное небо юга сожгло «дубраву» надъ Дубровникомъ, а не менѣе знойное небо Итальянской культуры засушило здѣсь корни самобытной Славянской культуры.

Въ 18 в. литературная дѣятельность въ Дубровникѣ, постепенно ослабѣвая, почти прекращается, а съ тѣмъ вмѣстѣ, ослабѣлъ и патріотизмъ гражданъ. Когда 26 декабря 1807 г. Наполеонъ издалъ манифестъ объ упраздненіи Дубровницкой республики и о присоединеніи ея къ имперіи, то уже не нашлось охотниковъ умереть на развалинахъ своего государства. Въ настоящее время лишь въ уцѣлѣвшихъ зданіяхъ, да въ архивахъ хранится еще память о прежнемъ величіи исчезнувшей республики.

Такимъ образомъ, Дубровникъ не дожилъ до времени Сербскаго возрожденія и не сталъ центромъ какой-нибудь прочной и надежной въ будущемъ политической организаціи.

Въ этомъ отношеніи онъ совершенно стушевался въ сравненіи съ возрастающимъ значеніемъ и ролью другого при-Адріатическаго ускоцкаго гнѣзда—Черной Горы.

Трудно найдти двѣ мѣстности, представляющія, по своей природѣ и условіямъ жизни, столько поразительныхъ контрастовъ, какъ Дубровникъ и Черная Гора.

Дубровникъ лежитъ на самомъ берегу теплаго Синяго моря, тогда какъ Черная Гора (въ Катунахъ или сѣверо-западной и въ Бердахъ или восточной части страны) возвышается отъ 3 до 9.000 футовъ надъ его уровнемъ, и климатъ ея столь отличенъ отъ климата Дубровника, что будто она лежитъ на 20° сѣвернѣе. Въ Дубровникѣ растутъ маслина и виноградъ, миртъ, олеандръ и лавръ, а на Черной Горѣ (за исключеніемъ немногихъ долинъ) едва поспѣваютъ овесъ и кортофель.

Жизнь Дубровчанина обставлена была всевозможнымъ комфортомъ и роскошью, между тѣмъ, какъ на Черной Горѣ до недавняго времени самъ владыка жилъ въ бѣдной келіи. Да и теперь еще столица Черной Горы не стоитъ послѣдняго предмѣстья Дубровника.

Дубровникъ былъ хорошо организованною гражданскою общиною, съ уложеніемъ законовъ, строго опредѣленными отношеніями сословій и опредѣленнымъ международнымъ положеніемъ; Черная Гора, напротивъ, до недавняго времени была ускоцкой четой, въ родѣ старо-казацкаго коша, безъ уложенія, безъ писанныхъ договоровъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Все держалось на старинѣ и обычаѣ и, наконецъ, на силѣ.

Дубровникъ былъ центромъ науки и литературы, имѣлъ школы. библіотеки, театръ; Черная Гора не печатала ничего, кромѣ нѣсколькихъ часослововъ и служебниковъ, не училась ничему, кромѣ юнацкихъ пѣсенъ.

Дубровникъ хвасталъ, что по цѣлымъ столѣтіямъ не велъ войнъ; Черная Гора, наоборотъ, могла бы похвастать тѣмъ, что триста лѣтъ вела одну безконечную святую войну.

Дубровникъ черпалъ свое образованіе, свои идеалы и учрежденія на западѣ: въ Римѣ, Венеціи, Анконѣ; Черная же Гора всегда оставалась страною востока; оттуда проникали въ нее случайные лучи свѣта и тепла.

Дубровникъ и Черная Гора это — море и горы, купцы и герои, папизмъ и православіе, западъ и востокъ.

Въ одномъ только оказывается случайное сходство Дубровника съ Черной Горой, именно, въ продолжительности ихъ существованія. Первый существовалъ около тысячи лѣтъ, а вторая существуетъ, болѣе или менѣе независимо, уже болѣе пяти сотъ лѣтъ. Но здѣсь, въ этомъ сходствѣ заключается послѣднее и самое важное различіе: Дубровникъ существовалъ, а Черная Гора существуетъ, даже разцвѣтаетъ и, можно думать, не скоро отцвѣтетъ, какъ отцвѣлъ Дубровникъ.

Когда вы подыметесь съ цвѣтущихъ береговъ Боки или Скадрскаго озера на безплодныя скалы Черной Горы, то невольно спрашиваете себя: какое несчастіе загнало людей въ эти жалкія скалы и что приковало ихъ — новыхъ Прометеевъ—къ этимъ скаламъ столь сильно, что даже сосѣднее синее море, съ его вѣчно зеленѣющими островами и берегами, не могло сманить ихъ внизъ, въ приморье?

Впрочемъ, ошибочно было бы представлять себѣ всю Черногорію состоящею изъ скалъ. Есть въ ней мѣстности, покрытыя прекраснымъ лѣсомъ (Берда) и даже очень плодородныя, хотя и не обширныя, равнины (Зетская, Рѣцкая). Но не тамъ находятся историческіе и ду-

ховные центры Черной Горы: они лежатъ въ самой каменистой и безплодной ея части, въ Катунахъ, гдѣ стоятъ: Цетинье, Нѣгуши и возвышается величавый Ловчанъ.

Въ XVI и XVII вѣкахъ Черная Гора могла казаться не только Туркамъ, но даже Венеціанцамъ гнѣздомъ ускоковъ, подобно Клису или Сеню; но тогдашнее ея населеніе и окружающіе сосѣди сознавали, что и тогда Черная Гора была не случайнымъ ускоцкимъ притономъ, а законною наслѣдницею правъ и политическаго значенія древней Зеты.

Зета была одною изъ автономныхъ провинцій Душановой Сербіи. Она была даже первою въ ихъ ряду, какъ родина Неманичей и ихъ вотчина. Центромъ этой древней Зеты было Скадрское озеро, но простиралась она отъ Кома до Приморья. Это было единственное Сербское приморье, которымъ чрезвычайно дорожили Сербскіе государи. По распаденіи Сербскаго царства, въ Зетѣ утвердилась династія князей Балшичей, а съ половины XV вѣка—Черноевичей. Въ XV вѣкѣ Зетяне принуждены были вести ожесточенныя войны съ Турками, въ союзѣ съ знаменитымъ Албанскимъ героемъ Кастріотомъ. По смерти послѣдняго, Турки утвердились въ сѣверной Албаніи, и Черноевичъ долженъ былъ спасать свой народъ съ Приморья и Скадрскаго озера въ горы, въ Катуны, куда прежде Зетскіе пастухи лѣтомъ гоняли овецъ, а князья ѣздили прохлаждаться подъ Ловчаномъ. Это перенесеніе Зеты въ горы случилось около 1484 г. Скоро имя Зеты теряется и замѣняется новымъ, темнаго происхожденія,—Черная Гора (Montenegro, Karadag), или просто Иванъ-беговина, по имени бега (владѣтеля) Ивана Черноевича. Скоро, однако, Черноевичамъ показалось скучнымъ жить въ бѣдныхъ Катунахъ. Они разселяются, кто въ Цареградъ, кто въ Венгрію и другія страны, и самъ даже владѣтельный князь, Юрій IV Черноевичъ, увлекшись соблазнительною красотою Венеціи, отказался отъ своей Иванъ-беговины, передалъ управленіе ею митрополиту (Вавиллѣ), а самъ въ 1516 г. ушелъ навсегда въ Венецію. Съ тѣхъ поръ три съ половиною вѣка (1516—1852) Черная Гора была своего рода «Папскою областью», гдѣ митрополитъ или владыка соединялъ въ себѣ двѣ власти: могъ вязать и рѣшить не только души, но и тѣлеса своихъ пасомыхъ и подданныхъ.

Отъѣздъ князя изъ Черной Горы не особенно повредилъ ей. Напротивъ, сосредоточеніе всей власти въ рукахъ одного человѣка было выгодно для народа, жившаго въ непрерывной борьбѣ и нуждавшагося въ постоянной диктатурѣ.

Такова исторія политическаго образованія Черной Горы. Но, нѣтъ сомнѣнія, что однѣ историческія традиціи старой Зеты не могли бы обезпечить существованія маленькаго государства, отовсюду окруженнаго Турками, Венеціанцами, еслибъ эта Черная Гора, подобно Дубровнику, не стала своего рода Сербскимъ asylum, гнѣздомъ ускочества. Все, что было свободнаго, мятежнаго, обиженнаго и отчаяннаго въ Старой Сербіи, сѣверной Албаніи, а особенно въ Герцеговинѣ, какъ-то: гайдуки, изгои родовъ, люди, спасавшіеся отъ родовой мести, политическіе преступники—всѣ они стекались въ Катуны и вступали въ общину Черной Горы. Бо́льшая часть нынѣшнихъ Черногорскихъ родовъ, не исключая княжескаго, еще и теперь помнятъ время и обстоятельства своего выселенія изъ Герцеговины на Черную Гору. Безъ этой непрерывной иммиграціи Черная Гора давно бы опустѣла отъ постоянныхъ войнъ, бѣдности, лишеній.

Православная церковь, съ своей стороны, имѣла громадное вліяніе на поддержаніе въ народѣ инстинктовъ свободы. Она всегда высоко держала надъ страной знамя священной борьбы «за честный крестъ и золотую свободу». Вслѣдствіе того, Черная Гора становилась своего рода «Святою Горою» всего Сербскаго народа; умереть за нее считалось дѣломъ не только чести, но и благочестія.

Такимъ образомъ, цѣлые вѣка народное чувство оставалось экзальтованнымъ, и лишь благодаря этому постоянству одушевленія, могла Черная Гора выдержать безчисленные удары Турокъ, устоять противъ интригъ Венеціи, злоумышленій коварной Австріи и т. п.

Втеченіе трехсотъ лѣтъ Черная Гора вела одну безконечную войну съ Турками. Со стороны послѣднихъ она была поддерживаема преимущественно пашами—Скадрскимъ и Герцеговинскимъ. Но не одинъ разъ султанъ посылалъ на мятежный Карадагъ арміи всей имперіи: 100—200.000 арміи нерѣдко нападали на страну, которая никогда не могла выставить болѣе 20.000 ополченцевъ [1]). Однако, втеченіе трехсотъ лѣтъ, лишь три раза Турки одерживали рѣшительныя побѣды надъ Черногорцами (1687, 1714, 1785 гг.) и сожигали Цетинье: но они не могли держаться въ холодныхъ и голыхъ Катунахъ, спускались въ долины, а Черная Гора опять возрождалась изъ пепла.

Болѣе серьезная опасность угрожала Черной Горѣ отъ распро-

[1]) Гласн. XXXVI, 203. Около 1564 г было 15.000 воиновъ.

страненія въ ней мусульманства. Опираясь на Скадръ, оно все болѣе проникало въ горы и обхватывало падавшій духомъ народъ. Это грозило самому существованію Черной Горы. Лишь быстрыя и рѣшительныя мѣры могли спасти народъ отъ соблазна. Въ 1702 г., на канунѣ праздника Рождества Хр., по тайному рѣшенію владыки и старѣйшинъ [1]), устроено было что-то въ родѣ Сициліанской вечерни: въ одинъ вечеръ всѣ мусульмане были вырѣзаны на Черной Горѣ!

Это событіе представлялось и даже теперь представляется Черногорцамъ столь нормальнымъ и похвальнымъ, что ему посвящено много народныхъ пѣсенъ, между прочимъ, и прекрасная поэма владыки Петра II «Горскій Вѣнацъ». Ведя вѣковыя войны, почти ежедневно отрѣзывая Турецкія головы и натыкая ихъ, какъ побѣдные трофеи, на зубчатыя стѣны Цетинскаго монастыря, народъ, конечно, одичалъ и, не щадя своей жизни, мало цѣнилъ и чужую жизнь.

Впрочемъ, не это событіе, при всей его важности, послужило эрою въ Черногорской исторіи; не 1702-й, а 1711-й годъ произвелъ переломъ въ судьбѣ Черной Горы. Переломъ же этотъ произведенъ тѣмъ, что въ 1711 г. послы Русскаго царя Петра Великаго: Милорадовичъ и Лукачевичъ привезли отъ него Черногорцамъ грамоту слѣдующаго содержанія:

«Божію милостію, Мы, Петръ Великій, Царь и Императоръ Всероссійскій...

«Благороднымъ, превосходительнѣйшимъ, почтеннѣйшимъ, преосвященнымъ митрополитамъ, княземъ, воеводамъ, сердаремъ, арампашамъ, капитанамъ, витезамъ, всѣмъ доброжелательнымъ христіаномъ, православныя вѣры греческія и римскія, и протчимъ духовнаго и мірскаго чина людемъ Сервіи, Славоніи, Македоніи, Босны, Эрцеховины, а именно Черногорцамъ, Никшичамъ, Баняномъ, Пивляномъ, Дробнякомъ, Гачаномъ, Требиняномъ, Хорватамъ и протчимъ христолюбивымъ, обрѣтающимся подъ игомъ тиранскимъ Турскаго салтана здравствовати и радоватися...

.... Понеже Турки, варвары, христовой церкви и православнаго народа гонители, многихъ государствъ и земель неправедные завоеватели, и многихъ церквей и монастырей разорители,... толикія христіанскія провинціи въ подданство неправедно привели.... и въ по-

---

[1]) Во главѣ которыхъ было пять братьевъ Мартиновичей, прозванныхъ «ангелами смерти».

ганскую магометанскую вѣру насильно приводятъ; а нынѣ, видя они насъ, наше Царское Величество, къ христіанскому народу доброжелательныхъ.... возымѣвше подозрѣніе, яко Мы намѣрены отбирать отъ нихъ неправедное завладѣніе земель и христіаномъ, подъ игомъ ихъ стенящимъ, помогать.... то они Турки, союзився съ еретическимъ королемъ Шведскимъ.... Нашему Царскому Величеству неправедно... войну объявили....

«Того ради Мы... понудихомся собирати не точію наши войска и силы, но и протчихъ потентатовъ союзниковъ нашихъ.

«И сего года весною намѣреніе имѣемъ... сильнымъ оружіемъ въ средину владѣтельства его (бусурмана) входити и утѣсненныхъ православныхъ христіанъ, аще Богъ допустить, отъ поганскаго его ига освобождать...

«Притомъ понеже удостовѣрилися есмы изъ многихъ исторій, яко древніе ваши короли, деспоты и князіе и протчіи господа, не токмо отъ языка Славенска славно всегда почитахуся, но и оружіемъ сами себя по всей Европѣ храбро ославляху... того для въ нынѣшнее, отъ Бога посланное время, пристойно есть вамъ... союзився съ нашими силами... воевать за вѣру и отечество, за честь и славу вашу... Ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да поможемъ тамошнія народы христіанскія отъ тиранства поганскаго избавити... А поганина Магомета наслѣдники будутъ прогнаны во старое ихъ отечество, въ пески и степи Аравійскія» [1]).

Съ тѣхъ поръ (1711 г.) Черная Гора получила совершенно другое значеніе въ своихъ и чужихъ глазахъ. Она соединилась духовно съ отдаленною Россіею и остается въ этой духовной связи, не смотря на всѣ перемѣны политическія, на интриги Австріи, Венеціи, Франціи, Турціи,—на ошибки, иногда очень тяжелыя, Русской дипломатіи.

Даже форма правленія значительно измѣнилась на Черной Горѣ послѣ 1711 года. Владыка Даніилъ Петровичъ, получившій грамоту отъ Русскаго царя и ѣздившій, потомъ, къ нему съ поклономъ, пріобрѣлъ такой громадный авторитетъ въ глазахъ народа, что никто уже не возражалъ ни ему, ни его преемникамъ при назначеніи себѣ наслѣдниковъ. Власть изъ избирательной сдѣлалась наслѣдственною въ родѣ Петровичей изъ племени Нѣгошей.

---

[1]) «Грлица» 1835 г., стр. 81.

Втеченіе полутораста послѣднихъ лѣтъ лишь одинъ разъ явился на Черной Горѣ человѣкъ, предъ которымъ народъ заставилъ посторониться самого владыку. «То былъ Русскій императоръ Петръ III.»

Никто не знаетъ, откуда явился этотъ человѣкъ и кто навелъ его на смѣлую мысль принять имя Русскаго царя. Чуть-ли это не было затѣей Австріи... [1]). Несомнѣнно лишь то, что самозванный Петръ III (извѣстный въ исторіи подъ именемъ Стефана Малаго) былъ Сербъ и, притомъ, довольно ограниченный. Но когда онъ явился (1767 г.) на Черную Гору, вооруженный столь магическимъ именемъ, то Черногорцы съ одушевленіемъ приняли его въ свои государи.

Венеція и Турція сильно струсили предъ этимъ грознымъ призракомъ. Но самозванецъ не имѣлъ ни ума, ни характера, чтобы воспользоваться энтузіазмомъ къ себѣ народа. Три года Черногорцы признавали его своимъ государемъ, хотя онъ мало занимался дѣлами. Во время войны съ Турками, Черногорцы столь ревниво берегли жизнь мнимаго Русскаго царя, что, не желая подвергать его риску, стерегли его въ одномъ монастырѣ (Берчела). Потомъ, съ этимъ «Петромъ III» случилось несчастіе. Взрывая порохомъ какую-то скалу, онъ былъ раненъ ея осколками и потерялъ зрѣніе. Четыре года онъ прожилъ еще въ одномъ изъ Черногорскихъ монастырей, пока, наконецъ, не былъ убитъ во время сна однимъ Гречиномъ, подкупленымъ Турками (1774).

Появленіе «Петра III» на Черной Горѣ нѣсколько встревожило Екатерину II. Вслѣдствіе того, быть можетъ, она, потомъ, довольно холодно относилась къ Черной Горѣ.

Въ началѣ XIX в. Черногорцамъ пришлось встрѣтиться съ Русскими солдатами подъ однимъ знаменемъ. Черногорцы помогали Русскому отряду (Сенявина и Вяземскаго), дѣйствовавшему въ Далмаціи противъ Французовъ (1806). Черногорцы завоевали тогда отъ послѣднихъ Боку Которскую, но императоръ Александръ I рѣшилъ, потомъ, къ безконечному сожалѣнію владыки (Петра I) и народа, уступить ее Австріи, привыкшихъ уже считать Боку Черногорскимъ заливомъ.

Въ 1852 г. умеръ послѣдній Черногорскій владыка Петръ II

---

[1]) Ср. Гласн. XXII, 19. Описывается: пребываніе Петра III въ Бѣлградѣ, путешествіе въ Цареградъ, прибытіе на Черную Гору, посольство въ Вѣну.

Нѣгошъ. Его наслѣдникъ, Данило, съ разрѣшенія императора Николая Павловича и съ согласія народа, принялъ новый титулъ: «Князь и Господарь Церне Горе и Берда». Такимъ образомъ, іерархическая форма правленія смѣнилась другою, которую можно назвать монархически-неограниченною, наслѣдственною по прямой линіи въ родѣ Петровичей.

Въ 1860 г. 1 Августа князь Данило былъ убитъ въ Которѣ какимъ-то Черногорцемъ (Кадичемъ). Съ тѣхъ поръ княжитъ его племянникъ Николай.

Совершенно другимъ способомъ составилось княжество Сербское. Оно образовалось не на корню историческихъ преданій, какъ Черная Гора, не путемъ ускочества или эмиграціи, какъ павшая Воеводина (въ Венгріи), а соединенными усиліями гайдуковъ и Россіи.

Сто лѣтъ тому назадъ еще не было и зародыша Сербскаго княжества. Былъ тамъ Турецкій пашалыкъ, въ которомъ самоуправствовалъ паша, своевольничали беги и спахіи, разбойничали янычары. Въ селахъ и предмѣстьяхъ городовъ жила подавленная райя; въ горахъ Каблара и Овчара сидѣли по монастырямъ калугеры (монахи), и лишь въ лѣсахъ гористой Шумадіи жила свободно горсть гайдуковъ—пастуховъ и героевъ, мстителей за народныя обиды. Во время Австрійскихъ войнъ съ Турками, гайдуки обыкновенно помогали христіанскимъ войскамъ, но безъ пользы для своего народа.

Лучшія перспективы открылись для нихъ, когда Россія, въ началѣ XIX вѣка (1806, 1809) перевела свои войска за Дунай. Сербскіе гайдуки подняли голову, избрали въ атаманы одного изъ своей среды, пастуха и гайдука Георгія Чернаго (Карагеоргія), разбили янычарскія войска, и, по Бухарештскому миру (1812 г.), Турція принуждена была признать Сербское господарство, подъ управленіемъ Карагеоргія и дипломатическимъ покровительствомъ Россіи.

Въ 1813 г. Турція, воспользовавшись Русско-Французскою войною, напала на Сербію; Георгій Черный бѣжалъ за Саву въ Австрію, а потомъ, въ Одессу. Сербія вновь завоевана Турками. Но духъ свободы уже носился надъ ея горами и лѣсами. Въ 1815 г. народъ опять возсталъ, съ Милошемъ Обреновичемъ во главѣ, и Турки вторично должны были очистить Сербію. Независимость княжества окончательно была гарантирована Россіею въ Адріанопольскомъ трактатѣ (1829 г.). Сербія объявлена княжествомъ, наслѣдственнымъ въ домѣ Обреновичей, въ вассальной зависимости отъ Тур-

ціи, подъ покровительствомъ Россіи. Турки остались лишь въ гарнизонахъ нѣсколькихъ крѣпостей, пока и оттуда не были изгнаны въ 1867 году. Единственнымъ матеріальнымъ слѣдомъ вассальной зависимости осталась дань султану и султанскій бератъ при вокняженіи.

Дальнѣйшая исторія Сербіи была наполнена внутреннею борьбою партій, династій и иностранныхъ вліяній.

Въ 1842 г. Обреновичи были изгнаны и вокняжились Карагеоргіевичи, но въ 1858 г. Обреновичи опять возвратились на престолъ Сербіи. Въ 1868 г. Михаилъ Обреновичъ убитъ въ Топчидерѣ, по заговору Карагеоргіевичей, однако княземъ опять избранъ Обреновичъ—Миланъ.

Дипломатическое покровительство Россіи въ отношеніи къ Сербіи съ 1856 г. замѣнено коллективнымъ прокровительствомъ великихъ державъ.

Гайдуцкія возстанія происходили, затѣмъ, и въ другихъ Сербскихъ земляхъ, особенно въ Герцеговинѣ (1862, 1875—76). Ихъ результаты до сихъ поръ были ничтожны, вслѣдствіе соперничества христіанскихъ державъ. Но въ настоящее время послѣднее, повидимому, ограничено до извѣстной степени и потому можно ждать отъ этого движенія важныхъ послѣдствій.

Такимъ образомъ, въ настоящее время существуетъ одно независимое Сербское государство (Черная Гора) и одно полунезависимое (Сербія). Остальныя три четверти Сербской земли и народа томятся въ политическомъ рабствѣ: одни въ рабствѣ Турецкомъ, другіе въ Австро-Мадьярскомъ. Трудно измѣрить въ точности, тяжелѣе-ли для народа рабство физическое, или порабощеніе нравственное: тамъ убиваютъ тѣло, раззоряютъ экономически, грабятъ и рѣжутъ въ лѣсахъ и городахъ; а тутъ подавляютъ духъ народа,—его языкъ, вѣру, преданія, патріотизмъ,—ведутъ къ ренегатству, къ деморализаціи. Одно только обстоятельство обще какъ Сербско-Турецкой, такъ и Сербско-Австрійской райѣ: недовольство теперешнимъ положеніемъ и стремленіе къ освобожденію.

Разсматривая внимательно исторію паденія Сербскаго государства и обстоятельства возрожденія Сербскаго народа, въ цѣпи событій сопровождавшихъ первое и второе, мы замѣчаемъ нѣкоторыя общія явленія, которыя дѣйствуютъ на протяженіи вѣковъ и могутъ быть приняты за законы народной жизни, приложимые не только къ прошедшему, но и къ будущему. Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ.

1. Въ историческомъ воспитаніи Сербскаго народа издавна принимали участіе двѣ школы: западная и восточная. Вслѣдствіе того, въ средѣ Сербскаго народа издавна образовался дуализмъ: двѣ религіи, двѣ письменности, двѣ системы соціально-экономическія, словомъ—двѣ разныя культуры. Сербія западная, приморская примкнула къ западу: Риму, Венеціи, Австріи, съ ихъ папизмомъ, муниципіями, феодализмомъ и т. п.; Сербія же восточная, континентальная осталась вѣрною востоку, православію, Славянской народности, самодержавнымъ формамъ правленія. Границы этихъ двухъ половинъ народнаго организма измѣнялись по мѣрѣ измѣненія сравнительной силы центровъ этихъ двухъ культуръ. Культурное вліяніе центровъ западныхъ менѣе соотвѣтствовало и стремленіямъ, и интересамъ Сербовъ, чѣмъ вліяніе на нихъ восточныхъ центровъ. Оттого, Сербы западные до сихъ поръ, между прочимъ, не образовали ни одного политическаго центра, который бы уцѣлѣлъ до настоящаго времени, тогда какъ Сербы восточные (православные) имѣютъ два болѣе или менѣе независимыя княжества. Сербы западные образованнѣе восточныхъ, но эта образованность болѣе внѣшняя, подражательная, безплодная; Сербы восточные грубѣе, но свѣжѣе, свободнѣе духовно, моложе.

Изъ этого можно заключить, что этотъ культурный дуализмъ Сербовъ въ концѣ концевъ будетъ уничтоженъ побѣдою восточныхъ идей и учрежденій надъ западными.

2. Физическая природа Сербской страны и нравственная природа Сербскаго народа дѣлаютъ ихъ неспособными къ сплоченію въ одно самостоятельное государство. Центробѣжныя силы преобладаютъ въ политическихъ инстинктахъ Серба. Даже Душанъ Сильный не могъ объединить всѣхъ вѣтвей Сербскаго племени; его царство едва продержалось одно десятилѣтіе. Сербія, Босна, Зета, Далмація, Хорватія представляли такую разрозненность, что никому не удавалось соединить ихъ вмѣстѣ, кромѣ Турецкаго меча... И въ настоящее время Черная Гора и Сербія представляютъ уже довольно замѣтный политическій дуализмъ. Только одинъ разъ (1809 г.) Сербскій господарь пытался примкнуть къ Черной Горѣ, но и то не для соединенія съ нею Сербіи въ одно государство. Трудно и въ будущемъ представить себѣ такія условія, при которыхъ Шумадія, Воеводина, Хорватія, Босна, Далмація и Черная Гора соединились бы въ одно государство. Сербскій народъ, очевидно, гораздо болѣе способенъ къ жизни раз-

розненной, общинной, чѣмъ къ сплоченной, государственной. Эта перспектива вѣчной разрозненности Сербовъ была бы слишкомъ печальна и даже безнадежна, еслибъ исторія не указала намъ возможности ихъ соединенія на другой почвѣ. Сербія и Черная Гора совершенно разрозненны между собою, и, однако, въ нужную минуту, онѣ могутъ быть связаны дипломатическимъ посредничествомъ Россіи. Это посредничество представляется намъ и для будущаго той золотою нитью, которая одна въ состояніи нравственно связать въ одинъ союзъ не двѣ лишь Сербскія провинціи, а всѣ, сколько бы ихъ ни было: Сербію, Воеводину, Хорватію, Босну, Далмацію, Черную Гору и т. д. Другими словами, политическій сепаратизмъ Сербскаго народа можетъ быть нейтрализованъ политическою сплоченностью народа Русскаго.

3. Сербскій народъ нуждается въ обширномъ политическомъ горизонтѣ, въ царствѣ. Въ 1807 г. на Сербской скупщинѣ одинъ старый кметъ сказалъ Кара-Георгію: «Мы признаемъ тебя старѣйшиною и господаремъ, мы покорны и послушны тебѣ, но ты не царь, и мы рады бы знать: кто нашъ царь? Ибо мы гибнемъ, а Русскихъ ниоткуда невидать». Кара-Георгій отвѣчалъ: «Вы думаете что и цари, и Русскіе точно раки въ мѣшкѣ, и что мы можемъ ихъ высыпать предъ вами, а вы избирайте любого. Такъ вотъ вамъ два царя: одинъ въ Цареградѣ, другой въ Петроградѣ. Избирайте, котораго хотите!» Народъ разошелся по домамъ, не подавъ голоса за султана. Черезъ два года, на скупщинѣ 1809 г. народъ опять сталъ кричать Кара-Георгію: «Хотимъ царя!» Кара-Георгій не допытывался уже котораго, а сказалъ: «Если вы хотите царя, то и я его хочу... Ступайте въ Валахію и приведите Русскихъ въ Сербію [1]).»

Изъ народныхъ Черногорскихъ пѣсенъ можно бы привести много доказательствъ того, что народъ этотъ считаетъ себя какъ бы маленькою частью великаго христіанскаго царства, котораго современнымъ главою есть государь Русскій. Всего нагляднѣе выражено это въ пѣснѣ о поставленіи Данила въ князья Черной Горы [2]). Дѣло представлено такъ, что царь Никола отдалъ Данилѣ въ княженіе «свою малую Черную Гору», а послѣдней подарилъ князя...

---

[1]) Н. Попова, «Россія и Сербія» т. I, стр. 61, 82.
[2]) Вукъ. V, 30. Ср. «Огледало Србско», 27 стр.

И такъ, Сербскому народу присуще, хотя и инстинктивное, сознаніе необходимости для него быть органическимъ членомъ великаго политическаго тѣла, во главѣ котораго исторія поставила теперь государство Всероссійское. Ясно выразилъ это святой владыка Петръ I Нѣгошъ въ своемъ разговорѣ съ маршаломъ Мармономъ въ г. Которѣ, въ 1809 году. «Зачѣмъ Черногорцы такъ преданы Русскимъ, этому дикому, невѣжественному и враждебному къ Черной Горѣ народу?» спросилъ маршалъ. Владыка отвѣтилъ: «Генералъ! прошу васъ не прикасаться къ моей святынѣ, не задѣвать славы величайшаго изъ народовъ, котораго и я—вѣрный сынъ. Русскіе намъ не враги, а братья одной съ нами вѣры и племени, любящіе насъ, какъ и мы ихъ. Вы ненавидите Русскихъ и черните ихъ, какъ вижу, льстя въ тоже время остальнымъ вѣтвямъ Славянскимъ, чтобы Наполеонъ имѣлъ возможность легче достигнуть своихъ цѣлей. Но Славяне лишь въ союзѣ съ могущественною и родною Россіею ждутъ себѣ спасенія и славы. Погибнутъ Русскіе — пропасть и всѣмъ другимъ Славянамъ. Кто противъ Россіи, тотъ врагъ всего Славянства!» Трудно яснѣе и рѣзче выразить идею политической и духовной солидарности всѣхъ Славянъ.

Все-Славянское государство, все-Славянскій языкъ, все-Славянская церковь, однимъ словомъ—все-Славянство, какъ организмъ политическій и нравственный—вотъ единственная возможная формула для рѣшенія вопроса восточнаго или что тоже—Славянскаго.

Все-Славянство одно можетъ уничтожить въ Европѣ рабство, разоружить міръ, положить основаніе новому періоду развитія не только восточнаго, но и западнаго міра.

Въ настоящее время нѣтъ въ мірѣ политическаго знамени, столь высокаго и могущественнаго, какъ знамя все-Славянства. Сто милліоновъ народа готово встать въ его защиту. Теперь оно въ рукахъ Россіи и на немъ неизгладимыми буквами давно уже написано: «Симъ побѣдиши!»

III. О взаимныхъ историческихъ связяхъ народовъ Русскаго и Сербскаго.

Этнографическая и культурная близость народностей Сербской и Русской. Все-Славянское значеніе православной церкви. Значеніе Аѳона въ исторіи церковнаго общенія православныхъ Славянъ. Первенство Сербской церкви въ 14 в. и Русской въ послѣдующіе вѣка. Сношенія Сербскихъ іерарховъ съ Русскою церковью. Письмо Черногорскаго митрополита Саввы Петровича о подчиненіи Сербской церкви Св. Синоду. Дальнѣйшее и современное отношеніе церквей Сербскихъ къ Русской. Литературныя связи Русскихъ съ Сербами. Церковно-Славянская письменность. Кириллица, какъ азбука все-Славянская. «Гражданка» у Сербовъ. Интриги Австріи противъ кириллицы. Преобразованіе Сербской орѳографіи В. Караджичемъ. Недостатки нынѣшней Сербской графики. Политическія связи Русскихъ съ Сербами. Сношенія съ Сербами Русскихъ царей, особенно Петра В. Отношенія къ Россіи Черногорцевъ, Сербовъ, Австрійскихъ и Сербскаго княжества. Участіе Россіи въ образованіи послѣдняго. Взглядъ Сербскаго народа на свои отношенія къ Русскому царству. Все-Славянское значеніе Россіи.

Между народностями Славянскаго запада и юга нѣтъ ни одной столь родственной Русскимъ по языку и типу, быту и понятіямъ, по степени и формамъ образованія, какъ за-Дунайскіе Сербы. Сербское нарѣчіе представляетъ какъ въ лексикальномъ составѣ, такъ и въ грамматическомъ построеніи поразительную близость къ языку Русскому, особенно къ говорамъ Украйны и Карпатовъ. Физическій и нравственный типъ населенія, его бытовая обстановка, костюмъ, пріемы хозяйства, отношенія семейныя и общественныя: всюду мы встрѣчаемъ рядъ самыхъ осязательныхъ аналогій. Вмѣстѣ съ патріархальными формами быта, Сербы, какъ и Русскіе, сохранили донынѣ чрезвычайно богатую и роскошную народную поэзію, эпосъ, по истинѣ, гомерическій, простой, какъ семейная бесѣда и вмѣстѣ величавый, какъ священнодѣйствіе. И этотъ эпосъ существуетъ, подобно Русскому, не только въ памяти, какъ преданіе старины, но и въ жизни, какъ продолжающееся творчество. Подобно Русскому, но еще въ большей степени, эпосъ Сербскій сопровождаетъ всю Сербскую исторію отъ временъ Св. Саввы, царя Душана и князя Лазаря до Кара-Георгія и Милоша, князя Данилы и царя Николы, до событій почти вчерашняго дня. Если присмотрѣться далѣе къ культурнымъ особенностямъ двухъ народовъ, то и здѣсь мы найдемъ множество аналогій: таже православная церковь (въ большинствѣ населенія), тѣже Византійскіе куполы храмовъ и строгіе облики святыхъ, таже религіозность массъ, таже патріархальная ступень и своеобразныя формы развитія экономическаго и общественнаго и почти таже форма правленія, ибо, при всемъ различіи въ размѣрахъ, нѣтъ въ Европѣ двухъ го-

сударей, поставленныхъ въ отношенія къ подданнымъ столь аналогичныя, какъ Русскій царь и Черногорскій князь.

Чѣмъ объяснить такое множество аналогій между двумя народами, уже тысячу лѣтъ раздѣленными другъ отъ друга горами и рѣками, Карпатами и Дунаемъ?

Это могло возникнуть лишь отъ двухъ причинъ: отъ родства крови, либо отъ сходства условій историческаго воспитанія, а всего скорѣе — отъ соединенія обѣихъ этихъ причинъ.

О кровномъ родствѣ Сербовъ съ Русскими можно бы совершенно не упоминать, какъ о фактѣ общеизвѣстномъ, еслибы не представлялось необходимымъ напомнить о спеціальномъ родствѣ этихъ двухъ вѣтвей Славянства, основывающемся не только на до-историческомъ единствѣ всего Славянскаго племени, но и на фактахъ болѣе къ намъ близкихъ и освѣщенныхъ исторіею. Константинъ Багрянородный сохранилъ намъ разсказъ о времени и обстоятельствахъ выселенія Сербо-Хорватовъ изъ под-Карпатья или позднѣйшей Червонной Руси (какъ оказывается изъ сличенія его данныхъ съ показаніями Нестора и другихъ источниковъ). Хотя бы мы и не были расположены принимать разсказъ Багрянороднаго въ такомъ буквальномъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ, напр., Шафарикъ [1]), все таки фактъ сравнительно поздняго выдѣленія Сербовъ изъ среды племенъ, составившихъ, впослѣдствіи, народъ Русскій, остается очень вѣроятнымъ, если не несомнѣннымъ. Съ этой точки зрѣнія правъ былъ Крижаничъ и другіе писатели, называвшіе Русь митрополіею Сербо-Хорватскаго племени, предпочтительно предъ другими западно-и южно-Славянскими вѣтвями. — Другою причиною теперешней близости Сербовъ съ Русскими было, какъ сказано выше, сходство условій ихъ историческаго воспитанія. Въ то время, когда Сербы и Русскіе выступали на историческое поприще, было два большихъ центровъ образованности, двѣ культурныя школы: Византія и Римъ. Какъ Русскіе, такъ и Сербы вошли въ кругъ спутниковъ перваго изъ названныхъ культурныхъ тѣлъ и это обстоятельство опредѣлило единство началъ и формъ, слѣдовательно, хода и результатовъ историческаго развитія обоихъ. Лишь самыя западныя вѣтви Сербскаго племени, прилегающія къ Синему морю и Альпамъ, по вліянію Рима и Венеціи, а, потомъ, Венгріи и Австріи,

---

[1]) «Starožitnosti» II, 263.

оторвались отъ центра восточной образованности и, вмѣстѣ съ западной религіею, усвоили себѣ какъ идеи, такъ и формы жизни народовъ запада: муниципіи съ одной стороны, а феодализмъ съ другой, идеи папства и имперіи и весь соблазнительный блескъ западнаго искусства и науки. Великая черта, раздѣлившая новый историческій міръ на востокъ и западъ, проходящая изъ Дубровника на Загребъ, Пештъ, Варшаву, Королевецъ, расколола народъ Сербо-Хорватскій на двѣ части: восточную и западную, изъ которыхъ первая удержала имя Сербовъ, а вторая обособилась подъ именемъ Хорватовъ (терминъ болѣе культурный, чѣмъ этнографическій).

Въ настоящее время мы будемъ говорить здѣсь объ отношеніяхъ Русскихъ къ Сербамъ, понимая подъ послѣдними лишь восточную, православную часть племени, и лишь мимоходомъ будемъ касаться Хорватовъ, которые представляютъ несравненно менѣе аналогій съ Русскими, чѣмъ Сербы.

Первымъ идеальнымъ горизонтомъ, подъ которымъ опять встрѣтились Русскіе съ Сербами, уже раздѣленные Карпатами и Дунаемъ, была православная церковь. Подъ высокими ея сводами помѣстилось, въ началѣ своей исторіи, все почти Славянство, хотя и не все осталось подъ ними навсегда. Византіи принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ громадная заслуга. Изъ среды и школы Греческой вышли тѣ два знаменитые брата, которые, сливъ старѣющій эллинизмъ съ зараждающимся славизмомъ, въ видѣ Греко-Славянской церкви, положили незыблемое основаніе и культурнымъ связямъ міра Славянскаго съ Греческимъ, и духовному единству всѣхъ частей самого этого Славянскаго міра. На этой почвѣ развивались всѣ дальнѣйшія культурныя отношеніи народовъ востока вообще, а Славянскихъ — въ частности; на ней же развивались и отношенія какъ религіозныя, такъ равно литературныя и политическія Русскихъ съ Сербами. Первымъ географическимъ центромъ церкви все-Славянской былъ Аѳонъ. Втеченіе многихъ вѣковъ монастыри его служили громадною школою не только благочестія, но и образованія всѣхъ православныхъ Славянъ. Три сосѣдніе монастыря: Зографъ, Хиландаръ и Русикъ были мѣстами живаго и непосредственнаго единенія трехъ главныхъ частей Славянской церкви: Болгарской, Сербской и Русской. Множество владыкъ и игуменовъ воспиталось въ этихъ стѣнахъ; тысячи Славянскихъ рукописей написаны были здѣсь и распространены по всѣмъ Славянскимъ землямъ. Еще въ 1654 г. Аѳонъ разрѣшилъ

посланнику Московскаго патріарха Никона, Арсенію, пріобрѣсти для него 498 книгъ изъ монастырей свято-горскихъ [1]).

Въ 13 и 14 вѣкахъ церковь Сербская стояла во главѣ Славянскихъ церквей какъ по силѣ Сербскаго государства, такъ и по образованію духовенства. Болгарія не поднялась уже до прежней высоты (послѣ паденія перваго царства), а Русь томилась подъ игомъ Монголовъ. Между тѣмъ, Сербія при Душанѣ была однимъ изъ сильнѣйшихъ государствъ въ Европѣ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ фактъ, что Русскій монастырь на Аѳонѣ (Русикъ), лишенный помощи изъ обѣднѣвшей Руси, долженъ былъ прибѣгнуть къ покровительству Сербскихъ государей. Царь Душанъ, «видя ѿ Руси всеконечное оставленіе Русика» [2]), принялъ на себя званіе ктитора этой обители. Болѣе или менѣе значительные вклады въ этотъ Русикъ были сдѣланы и княземъ Лазаремъ, его вдовой и дѣтьми, затѣмъ, Бранковичемъ и другими Сербскими деспотами и многими властелями (боярами). Доказательствомъ, что и по образованію клира Сербская церковь первенствовала въ то время между Славянскими, можетъ служить то, что нѣкоторый избытокъ интеллигентныхъ силъ изливался тогда изъ Сербіи въ другія Славянскія земли. Такъ, Русь получила оттуда св. Кипріана (Московскаго митрополита), Григорія Цамвлака (Кіевскаго митрополита), Пахомія Логоѳета и другихъ. Въ 1404 году Сербскій монахъ Лазарь устроилъ въ Москвѣ первые башенные часы, которымъ очень дивились Москвичи.

Но въ 15 в. падаетъ Сербское государство, а съ нимъ слабѣетъ и Сербская церковь. Съ тѣхъ поръ отношенія мѣняются. Не Сербскіе государи помогаютъ уже Русскимъ монастырямъ и церквамъ (какъ при Душанѣ), а, наоборотъ, святая Русь становится постепенно опорою для церкви Сербской. Такъ, въ 1641 г. Скопльскій митрополитъ Сѵмеонъ исходатайствовалъ отъ Михаила Ѳеодоровича право собирать въ Россіи милостыню для Сербскаго патріарха Паисія. Въ 1652, 1660, 1661 годахъ ходилъ съ этой цѣлью въ Москву Сербскій митрополитъ Михаилъ, а въ 1662 — 65 гг. митрополитъ Ѳеодосій. Въ 1655 г. ѣздилъ въ Россію самъ Сербскій патріархъ Гавріилъ. Онъ цѣлый годъ прожилъ въ Москвѣ, участвовалъ на Московскомъ соборѣ 1655 года и былъ въ тѣсныхъ свя-

[1]) Гласн. XXV, 55. [2]) Гласн. XXIV, 234.

зяхъ съ Русскими іерархами. Неизвѣстно, въ чемъ состояли совѣты, которые онъ давалъ въ Москвѣ относительно Турокъ и Сербовъ; но Турки считали эти совѣты столь гибельными для себя и столь преступными, что, по возвращеніи патріарха изъ Москвы, въ октябрѣ 1659 г., его схватили и повѣсили въ Бруссѣ [1]).

Вскорѣ, затѣмъ, по интригамъ Австріи, Сербскіе патріархи вступили въ сношенія съ нею, вмѣсто Россіи. Такъ, патріархъ Максимъ, по желанію Вѣнскаго двора, помазалъ въ Сербскіе деспоты Юрія Бранковича, а Арсеній III и IV сотни тысячъ народа изъ Старой Сербіи перевели въ Австрію. Впрочемъ, скоро оказалось, что сношенія съ Австріею гибельны для Сербской церкви. Бранковичъ умеръ въ 22-лѣтнемъ заключеніи; патріархи Арсеній III и IV отравлены, а патріархатъ Сербско-Австрійскій упраздненъ. Между тѣмъ, Турки, раздраженные этими сношеніями Сербскихъ патріарховъ съ Австріею, подчинили Печскій патріархатъ Цареградскому (1765), т. е. Сербскую церковь подчинили Греческой. Тогда лишь рѣшились Сербы искать себѣ опоры въ церкви Русской. Уже въ 1750 году Черногорскій митрополитъ Василій просилъ Русскаго покровительства для Сербской церкви отъ имени Сербскаго патріарха Аѳанасія II и митрополитовъ — Бѣлградскаго, Герцеговинскаго и Рашкаго. Въ 1776 г. Сербскіе іерархи рѣшились даже подчинить Сербскую церковь Святѣйшему Сѵноду, какъ это видно изъ слѣдующаго письма «митрополита Скандерійскаго, Черногорскаго и Приморскаго Саввы Петровича» къ Московскому митрополиту Платону (отъ 26 февраля 1776 г. изъ Цетинья). «Слышно по всей Европѣ и въ слухъ приходитъ объ вашемъ благоразуміи и попеченіи о святыхъ церквахъ и о православіи,—радуюся душею.

«Того ради дерзаю Ваше Преосвященство утрудить и Вамъ донести о общемъ народу Славяно-Сербскомъ, которыи обрѣтаются подъ тяжкій и несносный ярамъ ига Турецкаго... И не само о себѣ пишу Вашему Преосвященству, но отъ всѣхъ архіереевъ бѣдныхъ, которыи со сузами (слезами) и со воздыханіемъ просятъ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ: бога ради правосудія просимъ: Архіерей Самоковскій, Иштипскій, Скопскій, Новопазарскій, Нишкій, Ужичкій, Бѣлиградскій, Босанскій, Херцеговачкій, которіи вси изгнаніи и лишеніи своихъ престоловъ, ...и никакова епархія

---

[1]) Гласн. XXXV, 75.

не имѣетъ своего природнаго архіерея Сербина: но вси изгнаніи и своихъ престоловъ лишеніи неправосудіемъ Константинопольскаго патріарха и ихъ сѵнода, а на ихъ мѣсто возведеніи Греки...

«Того ради вси вышеписатіи Архіереи просятъ со солзами Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ, бога ради и единовѣрія и единоязычія и единокровія съ нами: соболѣзнуйте по братіи своей... Воздвигните престолъ падшій Сербскія архіепископіи... Православная правосудная великая Государыня Екатерина: излій фіалъ милосердія своего на насъ бѣдныхъ Архіереевъ Сербскихъ: тебе имамы по Бозѣ заступницу. Заступи насъ при Портѣ, что Греки не бы мѣшались у Сербскій націонъ...

«Православный божій архіерею Платоне! Ежели Богъ возглаголетъ въ сердци Ея Величества освободитъ отъ Грековъ престолъ Сербской архіепископіи Печской: то имѣетъ (есть) у вашей имперіи архимандритъ святопочившаго патріарха Аввакумъ... онъ годенъ будетъ за престолъ Сербскій быть Архіепископъ... Ежели благоволитъ Ея Величество и Святѣйшій Сѵнодъ, да подпишется на вѣчные роды быть ему и по немъ будущимъ подъ Святѣйшій Правительствующій Сѵнодъ Всероссійскій: и да никакой Архіепископъ Сербскій не можетъ поставиться безъ упросу Ея Величества и Святѣйшаго Всероссійскаго Сѵнода; а ежели нужда будетъ за престолъ Пекской, да можетъ быть Русскій архіерей архіепископъ Пекской, по единокровію и единоязычію.

«Изъ того во время ратная можетъ сильну крѣпость имѣть Россія отъ Сербскаго націона... Тому радостни будутъ вси, вси Сербскіи архіереи и вся Сербская націонъ, и на томъ подпишутся съ радостію. Мнѣ въ руцѣ предано отъ всѣхъ архіереевъ Славено-Сербскихъ, какъ наистаршему и никаковой власти не подлежащему съ моими Черногорскими народи» [1]).

Обстоятельства не позволили тогда Россіи осуществить это желаніе Сербовъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что придетъ время, когда этотъ вопросъ опять будетъ поднятъ событіями и едва-ли разрѣшится въ отрицательномъ смыслѣ. Но для этого необходимо, чтобы представители Русской церкви стояли на высотѣ своего призванія. Безъ этого условія соединеніе церквей Славянскихъ не только невозможно, но и нежелательно. Очень поучителенъ въ этомъ отношеніи эпизодъ, ра-

[1]) Гласн. XXII, 357—359.

зыгравшійся въ 1803—1804 годахъ. Черногорскимъ владыкою, т. е. митрополитомъ и вмѣстѣ княземъ тогда былъ знаменитый Петръ I Нѣгошъ, признанный по смерти святымъ и считающійся какъ-бы патрономъ Черной Горы. По какимъ-то дѣламъ онъ отправилъ въ Петербургъ своего архимандрита Вучетича. Послѣдній оклеветалъ владыку Петра въ С.-Петербургѣ предъ сѵнодомъ и императоромъ, и взвелъ на него обвиненія столь тяжелыя, что сѵнодъ рѣшилъ вызвать его на судъ въ С.-Петербургъ, а въ случаѣ ослушанія—отлучить отъ Церкви, послѣ чего онъ долженъ былъ быть схваченъ и на Русскомъ кораблѣ перевезенъ въ Россію, для ссылки въ Сибирь. Съ этимъ порученіемъ и грамотою св. сѵнода былъ отправленъ въ Черногорію генералъ Ивеличъ, родомъ Сербъ, разсчитывавшій (по предположенію Черногорцевъ) вмѣстѣ съ Вучетичемъ принять Черную Гору въ свое управленіе. Планъ послѣднихъ, однако, не удался. Черногорцы узнали о цѣляхъ Ивелича и написали очень рѣзкій отвѣтъ св. сѵноду, съ выраженіемъ удивленія, что послѣдній распространяетъ свою юрисдикцію на владыкъ, ему неподсудныхъ.

«Мы, писали Черногорцы, не находимся въ подданствѣ Русскаго царства, а лишь подъ нравственнымъ его покровительствомъ, какъ единовѣрцы и единоплеменники, но не по какой-либо другой причинѣ. Мы останемся вѣрны Россіи, пока въ ней будетъ господствовать православіе, но безъ всякаго подданства ей... Мы не признаемъ никакой формальной зависимости отъ Россіи, но, въ случаѣ войны, готовы драться за нее до послѣдней капли крови» [1]). Когда дѣло было изслѣдовано, то оказалось, что всѣ обвиненія противъ Петра основаны на клеветѣ. Вмѣсто его въ Сибирь былъ осужденъ клеветникъ, архимандритъ Вучетичъ, но помилованъ по просьбѣ Черногорскаго владыки.

Въ настоящее время, на ряду съ церковью Русскою, существуютъ четыре отдѣльныя Сербскія церкви: 1) патріархія Карловацкая, возстановленная Раячичемъ въ 1848 г.; 2) митрополія Далматино-Буковинская, средоточіемъ которой недавно сдѣланъ г. Черновцы; 3) митрополія Бѣлградская и 4) митрополія Цетинская (Черная Гора). Остальная часть Сербскаго народа (Босна, Герцеговина, Старая Сербія, сѣв. Албанія) находится въ подчиненіи патріарху Цареградскому.

---

[1]) Andric. Montenegro 84—85.

Единомысліе самостоятельныхъ церквей Сербскихъ съ Русскою выразилось во время спора Греко-Болгарскаго, когда іерархи Сербскіе раздѣляли сочувственное отношеніе къ Болгарамъ церкви Русской. Между церквами Сербскою и Русскою поддерживаются и теперь нѣкоторыя сношенія, но безъ всякой организаціи и правильности. Нужно желать и ожидать, что, со временемъ, эти связи укрѣпятся и что установленъ будетъ какой нибудь органъ для непрерывнаго ихъ поддержанія въ той ли формѣ, какъ это предлагали въ 1776 году іерархи Сербскіе, или въ какой нибудь иной формѣ.

Литературныя связи народовъ Русскаго и Сербскаго развились на почвѣ ихъ отношеній религіозныхъ. Письменность Славянская (подобно Готской) явилась не только современникомъ, но и соучастникомъ въ проповѣди христіанства: тѣже два славные Солунца, которымъ Славянство обязано учрежденіемъ народной церкви, являются основателями и Славянской литературы, въ двухъ ея главныхъ элементахъ: въ отношеніи къ письменности и къ литературному языку. Толчекъ, данный ими Славянской письменности, былъ столь могуществен, что большая часть Славянъ и теперь продолжаетъ движеніе въ полученномъ тогда направленіи. Такъ, и Русскіе, и Сербы хранятъ донынѣ Кирилловскую азбуку. Ея измѣненія по вѣкамъ, опредѣляющія палеографическіе признаки рукописей какъ Русской, такъ и Сербской редакціи, почти вполнѣ совпадаютъ. Уставъ, полууставъ, скоропись смѣнялись послѣдовательно и почти одновременно какъ въ Сербіи, такъ и въ Россіи. Очевидно, это могло произойти лишь при непрерывности литературныхъ связей обоихъ народовъ. Когда же Петръ Великій вздумалъ нѣсколько упростить обликъ Славянскихъ буквъ и приблизить его къ начертанію буквъ Латинскихъ, то и Сербы послѣдовали Русскому примѣру и ввели въ свою свѣтскую письменность Русскую «гражданку» Петра В. Если же часть Сербовъ католическихъ и мусульманскихъ отложилась отъ графики Кирилловской и ввела у себя либо особую странную систему начертаній глаголическихъ, либо абецеду Латинскую, либо даже азбуку Турецкую (какъ Босняки-мусульмане), то это совершилось подъ давленіемъ враговъ православія и Славянства: Рима, Венеціи, Австріи, Турціи и исчезнетъ вмѣстѣ съ физическимъ и духовнымъ рабствомъ этой части Сербскаго племени.

Въ послѣднее время главнымъ врагомъ кириллицы, въ ея роли азбуки все-Славянской, является Австрія. Однимъ изъ старыхъ и за-

вѣтныхъ ея стремленій было искорененіе кириллицы изъ употребленія подчиненными ей Славянами: Сербами, Румунами, Русскими. Въ 1784 г. въ Австріи издано было даже формальное постановленіе, которымъ запрещалось Сербамъ употреблять кириллицу, за исключеніемъ церковныхъ книгъ. Но сильная народная оппозиція заставила правительство отмѣнить это распоряженіе. Однако, Австрія не разставалась уже съ мыслью разбить этотъ важный и осязательный признакъ духовнаго единства православныхъ Славянъ и Румуновъ. Въ отношеніи къ послѣднимъ Австріи удалось достичь своей цѣли: Волохи изгнали Кириллицу изъ своихъ книгъ, кромѣ богослужебныхъ. Въ отношеніи же къ Русскимъ и Сербамъ Австрія рѣшилась начать съ полумѣръ: если несовершенно изгнать кириллицу, то, по крайней мѣрѣ, видоизмѣнить ее такъ, чтобы и на этомъ пунктѣ расколоть Славянство. Вотъ почему Австрія чрезвычайно сочувственно и даже покровительственно отнеслась къ мысли Вука Стефановича Караджича о преобразованіи Кирилловской графики и ороографіи, въ смыслѣ сближенія ея съ Латинскою. Замѣчая нѣкоторыя неточности въ принятомъ тогда Сербами способѣ правописанія, основаннаго (какъ и Русское) на началѣ историческомъ и словопроизводственномъ, Вукъ, вмѣсто устраненія замѣченныхъ неточностей, замѣнилъ прежнюю систему правописанія (этимологическую) совершенно противоположною, звуковою, со всѣми крайностями послѣдней. Онъ ввелъ въ Кириллицу даже одно Латинское начертаніе—іотъ, хотя знакъ для этого звука (й) уже существовалъ въ Кирилловской азбукѣ. Такимъ образомъ, не безъ основанія многіе называли азбуку и ороографію Вука уніатскими. Впрочемъ, не смотря на покровительство этой азбукѣ всѣхъ враговъ чистой кириллицы, она (вуковица) и теперь не всѣми Сербами принята: даже въ самомъ академическомъ Бѣлградскомъ журналѣ «Гласникъ» встрѣчаются статьи, печатанныя безъ іотовъ и по системѣ словопроизводственной, а не звуковой. Надо предполагать, что, со временемъ, съ успѣхами въ Сербіи славизма, стремленіе къ сближенію графики Сербской съ Болгарскою и Русскою возьметъ верхъ надъ Вуковскимъ сепаратизмомъ и уніатствомъ. Единство письменности всѣхъ вѣтвей Славянства есть принципъ несравненно болѣе высокій и важный, чѣмъ облегченіе ороографіи для недоучекъ. Лучшею системою ороографіи для извѣстнаго народа и времени должна быть признана не та, которая съ наибольшею легкостью передаетъ фонетическія тонкости даннаго языка, а та, ко-

торая имѣетъ корни въ исторіи и привычкахъ цѣлаго ряда поколѣній, въ преданіяхъ школы, въ разумномъ консерватизмѣ жизни.

Но графика есть лишь внѣшнее, хотя и могущественное орудіе образованія. Гораздо важнѣе литературный языкъ, какъ органъ богослуженія и школы, науки и поэзіи, жизни общественной и политической. Первымъ литературнымъ языкомъ, пріобрѣтшимъ международное значеніе въ Славянствѣ, былъ языкъ перваго Славянскаго евангелія и богослужебныхъ книгъ. Этотъ Славянскій санскритъ былъ и первымъ языкомъ все-Славянскимъ, такъ какъ на немъ молились Богу, писали лѣтописи, сказанія и пр. не только Болгары, Сербы и Русскіе, но въ первое время и западные славяне: Хорутане, Словаки и Мораване, а быть можетъ—и Чехи съ Поляками. Распространеніе этого литературнаго языка на площади различныхъ Славянскихъ діалектовъ отразилось на его звукахъ и формахъ примѣсями этихъ діалектовъ. Такимъ образомъ, появились разные изводы или редакціи церковно-Славянскихъ памятниковъ. Въ первое время Славянской письменности преобладали изводы Болгарскіе, съ XIII и особенно въ XIV в. Сербскіе или Сербульи, которые во множествѣ распространились тогда на всемъ Славянскомъ югѣ и востокѣ. Могло казаться, что они вытѣснятъ и подавятъ всѣ остальные типы церковно-Славянскаго языка. Но съ паденіемъ Сербскаго царства отношенія мѣняются. Литературная дѣятельность постепенно замираетъ въ Сербіи, и Россія становится новымъ, болѣе могущественнымъ центромъ церковно-Славянской письменности. Русскіе изводы сначала въ рукописяхъ, а, потомъ, въ печатныхъ книгахъ постепенно наполняютъ весь Славянскій югъ. Они проникаютъ и въ церкви католическихъ Хорватовъ-глаголитовъ, для которыхъ миссалы и часословы съ множествомъ руссизмовъ были напечатаны въ Римѣ во второй четверти XVII вѣка (подъ наблюденіемъ Леваковича и по указаніямъ Терлецкаго) и около половины XVIII в. [1751 г., подъ наблюденіемъ Загребскаго митрополита Карамана] [1]).

Такимъ образомъ, въ 17 и 18 вѣкахъ у Сербовъ и Русскихъ былъ одинъ и тотъ-же литературный языкъ, составленный на фонѣ древняго церковно-Славянскаго, съ сильною примѣсью руссизмовъ.

Когда въ началѣ XVIII вѣка между Австрійскими Сербами стали основываться школы, то, за недостаткомъ своихъ педагогическихъ

[1]) Ljubič II, 446, 464.

силъ, Сербы обратились къ учителямъ Русскимъ. Петръ Великій, по просьбѣ Бѣлградскаго[1]) митрополита Моисея, отправилъ туда въ учители Москвича Максима Суворова, который впослѣдствіи преподавалъ въ Будимскомъ Сербскомъ училищѣ. Въ 1733—1734 гг. ректоромъ Сербскаго училища въ Бѣлградѣ былъ Русскій педагогъ Мануилъ Козачинскій, а учителями—четверо другихъ Малороссовъ. Въ соборѣ же Бѣлградскомъ проповѣдывалъ тогда Русскій священникъ Синесій Залуцкій. Многіе Сербы ѣздили въ то время учиться въ Москву и Петербургъ. Такъ, и вышеупомянутый Задрскій митрополитъ Караманъ въ молодости былъ нарочно посылаемъ въ Москву для изученія церковно-Славянскаго языка. Въ Россіи же обучался Сербскій исторіографъ Раичъ, Черногорскій владыка Петръ I и II Нѣгоши и многіе другіе.

На этой почвѣ непрерывныхъ литературныхъ связей Русскихъ съ Сербами могла, безъ сомнѣнія, развиться та широкая идея литературнаго панславизма, первымъ сознательнымъ носителемъ которой является знаменитый Хорватскій писатель, попъ Юрій Крижаничъ. Онъ нарочно переселился изъ Хорватіи въ дальнюю Московію, чтобы проповѣдывать тамъ идеи панславизма. Въ Россіи онъ написалъ и грамматику предположеннаго имъ все-Славянскаго языка, который долженъ былъ составиться изъ сочетанія Русскихъ словъ съ Хорватскими формами. Но Крижаничъ появился слишкомъ рано со своими идеями. Въ то время въ Словянскомъ обществѣ не было еще способности ни понять, ни, тѣмъ болѣе, осуществить ихъ. Крижаничъ былъ сосланъ въ Сибирь и въ Тобольскѣ писалъ свои знаменитые политическіе и филологическіе трактаты. Двѣсти лѣтъ спустя идеи Крижанича воскресли въ школѣ панславистовъ XIX в.: Колара, Юнгмана, Штура, Хомякова и др., но и теперь еще онѣ не вполнѣ созрѣли до осуществленія. Это всего лучше видно на дѣятельности знаменитаго Сербскаго этнографа и писателя Вука Стефановича Караджича. Когда онъ выступалъ на литературное поле, въ Сербской литературѣ было два направленія: одно старое, традиціонное, стремившееся къ постепенному сближенію Сербскаго и Русскаго народа и ихъ литературъ, другое же — новое, устремленное къ освобожденію Сербскаго языка отъ вліянія историческихъ преданій и отношеній международныхъ. Представителями перваго были: Раичъ, Мушицкій, а втораго преимущественно Досиѳей Обрадовичъ.

[1]) Бѣлградъ принадлежалъ Австріи въ 1718—39 гг.

Впрочемъ, послѣдній въ преобразовательной своей дѣятельности руководился еще довольно умѣренными началами, въ родѣ нашего Ломоносова или Карамзина. Букъ Караджичъ пошелъ гораздо дальше. Онъ рѣшился прервать всѣ связи, соединявшія литературу новаго и стараго періода и начать совершенно заново образованіе литературнаго языка. Литературный переворотъ Вука не прошелъ безъ борьбы, продолжавшейся нѣсколько десятилѣтій. Въ настоящее время она завершилась, повидимому, полнымъ торжествомъ его идей. Трудно сказать, насколько эта побѣда зависѣла отъ внутренней силы самихъ этихъ идей и насколько—отъ разныхъ сторонних и случайныхъ поддержекъ, особенно со стороны Австріи. Во всякомъ случаѣ, Вуковъ языкъ распространился не только между Сербами, но и между Хорватами, благодаря иниціативѣ Гая.

Такъ какъ Вукъ остался въ этой борьбѣ побѣдителемъ, то современное поколѣніе и увѣнчало его лаврами тріумфатора. Но могутъ быть и такія точки зрѣнія, съ которыхъ заслуги Вука представляются совершенно въ другомъ видѣ, а въ отношеніи къ преобразованію языка могутъ оказаться даже проблематическими. Языкъ школы сталъ, правда, ближе къ языку семьи, но за то онъ удалился отъ языка церкви, языка старой письменности, отъ литературнаго, наконецъ, языка Славянскихъ соплеменниковъ; языкъ Сербской литературы сталъ гибче и живѣе, но, потерявъ подъ собой историческую почву, онъ повисъ на воздухѣ, какъ дерево безъ корней. Сербскій литературный языкъ приблизился къ нѣкоторымъ изъ говоровъ Сербскихъ, но за то онъ удалился отъ средоточія Славянскихъ языковъ — языка Русскаго. Подобно тому, какъ въ ореографіи Вукъ, изъ-за тонкостей фонетическихъ, пожертвовалъ всѣми преданіями Сербской письменности, такъ и въ вопросѣ о литературномъ Сербскомъ языкѣ онъ, изъ-за узкаго приходскаго патріотизма, пожертвовалъ идеями болѣе высокими,—идеями духовнаго единства Славянъ. А, между тѣмъ, своихъ цѣлей Вукъ не могъ достичь вполнѣ ни въ первомъ, ни во второмъ отношеніи. Какія бы ореографіи ни придумывать, 35 буквъ не въ состояніи выразить и половины всѣхъ оттѣнковъ языка, столь сложнаго въ звуковомъ построеніи, какъ языкъ Славянскій. Съ другой стороны, чтобы провести принципъ: «писать, какъ говорятъ», нужно бы изобрѣсти для однихъ Сербовъ съ дюжину литературныхъ языковъ, по числу діалектическихъ разновидностей. При томъ же, эти литературные языки должны бы, какъ

листья лѣсовъ, почти ежегодно мѣняться, вмѣстѣ съ непрерывнымъ нарастаніемъ говоровъ, измѣнчивыхъ до безконечности. Конечно, ни Вукъ, ни Гай не имѣли въ виду подобныхъ соображеній и, бросившись въ погоню за тѣнью жизни въ литературѣ, они самой этой тѣни поймать не могли, а, между тѣмъ, потеряли подъ ногами прежнюю историческую почву, почву языка старо-Славянскаго или все-Славянскаго, которая одна можетъ выростить сѣмена образованности обширной, міровой.

При обозрѣніи политическихъ связей Русскихъ съ Сербами, необходимо отличать двоякаго рода факты: связь внутреннюю, скрытую въ событіяхъ и выражающуюся не столько въ ихъ ходѣ, сколько въ результатахъ, и связь внѣшнюю, замѣтную и для поверхностнаго наблюдателя, оставившую непосредственный слѣдъ въ грамотахъ, лѣтописяхъ и т. д. Если смотрѣть на Славянство, какъ на организмъ не только этнографическій, но и историческій, то уже a priori нужно предположить, что судьбы одной части этого организма, способъ ея питанія и направленія дѣятельности, неизбѣжно отражаются на состояніи всѣхъ остальныхъ частей того же организма. Такъ, напр., хотя битвы на поляхъ Косовомъ и Куликовомъ, кромѣ случайной одновременности, не находились ни въ какой причинной между собою связи, однако, по своимъ послѣдствіямъ, онѣ внутренно между собой связаны самымъ тѣснымъ образомъ. На полѣ Косовомъ пало государство Сербское, на Куликовомъ—возродилось Русское. Послѣднее наслѣдовало часть задачъ перваго, а именно: политическое представительство православнаго Славянства, а черезъ то и всего православнаго Востока,—роль, которую прежде играли Болгарія и Сербія совокупно съ Византіею.

Впослѣдствіи, когда, съ разложеніемъ Турціи, изъ-подъ нея начали постепенно выклевываться разныя земли Сербскія, — сначала Черная Гора, затѣмъ, Шумадія, теперь Герцеговина, Боснія и др., то ихъ образованіе, какъ въ причинахъ, такъ и въ послѣдствіяхъ, находится въ непосредственной, хотя и скрытой, связи съ постепеннымъ ростомъ Россіи при Петрѣ I, Екатеринѣ II, Александрѣ I и т. д. Съ другой стороны, возникновеніе и существованіе этихъ астероидовъ нашей политической системы является все болѣе важнымъ факторомъ въ политическихъ разсчетахъ и отношеніяхъ Россіи. Съ этой точки зрѣнія имѣетъ глубокій смыслъ фраза: «Россія полезна Славянамъ уже однимъ тѣмъ, что существуетъ», но только эта фраза

требуетъ слѣдующей прибавки: «равно какъ и Славяне полезны Россіи уже однимъ тѣмъ, что существуютъ». Россія служитъ или должна служить какъ матеріально, такъ и нравственно, операціоннымъ базисомъ для Сербовъ, Болгаръ, Чеховъ, Словаковъ, Поляковъ и т. д., между тѣмъ, какъ послѣдніе, въ свою очередь, служатъ или должны служить аванпостами первой. Если бы Поляки твердо стерегли свои посты на Балтійскомъ морѣ, то не видали бы мы теперь Нѣмцевъ не только въ Ригѣ и Дерптѣ, но даже въ Королевцѣ и Гданскѣ! Лишь благодаря стойкости Русскихъ Гуцуловъ, Бойковъ, Лемковъ и другихъ Горалей предъ- и за-Карпатскихъ, горы эти и теперь, какъ встарь, не перестали быть естественною стѣною Русской земли, подобно Балканамъ или Кавказу. Такъ точно и Сербы, охраняя отъ Нѣмцевъ и Итальянцевъ, отъ Мадьяръ и Турокъ свои горы и свое море, служатъ чрезъ то великую службу всей Русской землѣ, обезопашивая ее съ юго-запада.

Но кромѣ этихъ внутреннихъ, скрытыхъ связей между государствами Сербскимъ и Русскимъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ явныхъ фактовъ изъ этой области, особенно за послѣднія 170 лѣтъ.

Пройдемъ молчаніемъ неосуществленные планы Годунова (въ 1599 году) идти противъ султана для освобожденіе Сербовъ, Болгаръ, Босняковъ и другихъ порабощенныхъ соплеменниковъ,—сношенія съ Сербами Малороссійскихъ гетмановъ: Хмѣльницкаго (1649), Выговскаго (1658) [1] и др. Не будемъ останавливаться и на тѣхъ планахъ Алексѣя Михайловича по отношенію къ Сербамъ Турціи, которые, повидимому, поддерживалъ въ немъ и за которые былъ казненъ Сербскій патріархъ Гавріилъ I (1659). Перейдемъ прямо къ Петру Великому, который, со свойственнымъ ему геніемъ, открылъ въ Европѣ славянство какъ Австрійское, такъ и Турецкое, и завязалъ съ нимъ многостороннія отношенія. Путешествуя по западной Европѣ, Петръ Великій не пропускалъ случая побесѣдовать на родномъ языкѣ со Славянскими «кавалирами» и дамами. Будучи въ Вѣнѣ, онъ лично видѣлся съ заключеннымъ Сербскимъ деспотомъ Юріемъ Бранковичемъ и сильно, хотя и безуспѣшно, хлопоталъ какъ

---

[1]) Въ войскахъ послѣдняго былъ цѣлый Сербскій отрядъ, подъ командою Ивана Сербина, полковника Брацлавскаго. Да и раньше того въ Московскихъ войскахъ (напр. въ Тулѣ, въ большомъ полку 1626 г. и у Шейна подъ Смоленскомъ) служили Сербы.

лично, такъ и чрезъ пословъ, объ его освобожденіи. Еще въ 1711 году, незадолго до своей смерти, Бранковичъ писалъ къ Петру Великому, прося заступничества и освобожденія изъ 22-хъ-лѣтняго заключенія. Выше было упомянуто о томъ, какъ Петръ Великій посылалъ Русскихъ учителей въ Сербскія школы (именно Суворова въ Бѣлградъ)[1]. Но и Русскихъ посылалъ онъ иногда на ученіе къ Сербамъ. Такъ, въ Перасто (въ Бокѣ Которской), у Серба Мартиновича училось морскому дѣлу (около 1697 года) нѣсколько Русскихъ юношей, посланныхъ туда Петромъ Великимъ. Русскій Царь хорошо зналъ о морскомъ искусствѣ и опытности Далматинскихъ Сербовъ и охотно принималъ ихъ въ свой флотъ, гдѣ нѣкоторые Сербы составили себѣ карьеру (напримѣръ, Змаевичъ былъ вице-адмираломъ).

Но главное свое вниманіе, Петръ В. обратилъ на Черную Гору, въ которой онъ видѣлъ зерно ново-Сербскаго государства и естественнаго союзника Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Собираясь на Турокъ войною (въ 1711 г.), Петръ В. отправилъ на Черную Гору особое посольство, состоявшее изъ полковника (изъ Герцеговинскихъ эмигрантовъ) Милорадовича и капитана Лукачевича, съ особою грамотою (см. выше ея текстъ), которая произвела на Черногорцевъ столь сильное впечатлѣніе, что всѣ ихъ историки начинаютъ съ этого года (1711) новый періодъ Черногорской исторіи. Слава Петра В. между Сербами была столь велика и авторитетъ столь могуществененъ, что самъ Ракоци (или Раковскій), знаменитый династъ Угорско-Семиградскій, обращался къ Петру В. съ просьбою о посредничествѣ въ дѣлѣ примиренія его (Ракоци) съ Угорскими Сербами[2].

Нѣкоторые Сербскіе поэты (напр. Дубровницкіе: іезуитъ Градичъ, ксендзъ Ружичъ и Хорватскій поэтъ Витезовичъ) составили оды въ честь Русскаго Царя.

Съ 1711 г. начинаются непрерывныя связи Русскихъ съ Черногорцами. Съ тѣхъ поръ не было ни одного Черногорскаго владыки, который не ѣздилъ бы, да и по нѣскольку разъ, въ Россію, по дѣламъ какъ политическимъ и церковнымъ, такъ и для сбора пожертво-

---

[1]) Петръ В разрѣшилъ, между прочимъ, сборъ въ Россіи милостыни монахамъ Сербскаго Раковицкаго монастыря. Гласн. XX, 228.

[2]) Гласн. XXX, 24.

ваній на Черногорскія церкви. И каждый разъ отъ Русскихъ царей и царицъ получалъ владыка большую или меньшую сумму денегъ на благотворительныя и общеполезныя цѣли. Первый примѣръ тому подалъ самъ Петръ Вел., который съ почетомъ принялъ въ 1715 г. владыку Данила Петровича, далъ ему 160 медалей для раздачи храбрѣйшимъ изъ Черногорцевъ, 10,000 р. единовременно и по 500 р. ежегодно на Цетинскій монастырь. Въ 1744 г. владыка Савва получилъ отъ Россіи 7,500 р.; въ 1752 г. Василій—8,000 р. ,а въ 1758 г. онъ же—1,000 червонцевъ. Въ 1799 г. императоръ Павелъ назначилъ Черной Горѣ за ея услуги Россіи и славянству въ борьбѣ съ Турками по 1,000 червонцевъ ежегодной субсидіи; но при Александрѣ I она, втеченіе 20-ти лѣтъ, не выплачивалась, пока, наконецъ, императоръ Николай не приказалъ, въ 1827 г., выплатить всю недоимку и впредь выплачивать ежегодную субсидію исправно. Въ 1837 г. субсидія эта была увеличена до 9,000 червонцевъ, которые выдаются и донынѣ, составляя существенную часть бюджета храброй, но бѣдной Черной Горы.

Черная Гора не осталась въ долгу Россіи за эту братскую помощь. По первому зову Русскихъ государей она являлась со всѣми своими силами на поля битвъ. Въ 1711 г. она сдѣлала сильную диверсію Туркамъ, за что, по заключеніи Прутскаго мира, была почти вся выжжена громадною Турецкою арміею. Въ 1789 г. Черногорцы помогали гр. Ивеличу, когда онъ съ Русскимъ флотомъ присталъ въ Рисано и ходилъ на Герцеговинскихъ Турокъ. Черногорскіе и Герцеговинскіе ускоки, и по удаленіи гр. Ивелича, долго, потомъ, боролись съ Никшичскими Турками, пока, наконецъ, не принуждены были выселиться въ Россію (въ Тираспольскій уѣздъ), въ числѣ 355 душъ. Въ 1805 и слѣдующихъ годахъ, по желанію Россіи, Черногорцы воевали противъ Наполеона въ Бокѣ Которской и Далмаціи, помогая при этомъ дѣйствіямъ Русской эскадры Сенявина и отрядамъ Вяземскаго, Забѣлина и Санковскаго. Съ двумя послѣдними Черногорцы ходили въ 1807 г. осаждать г. Оногоштъ, въ Герцеговинѣ, но экспедиція эта неудалась вслѣдствіе ссоры Русскихъ командировъ. Въ 1813 г., также по желанію Россіи, Черногорцы помогали Англичанамъ противъ Французовъ въ Далмаціи и Бокѣ, причемъ совершенно завладѣли послѣднею. Потомъ, по требованію Александра I, Черногорцы съ величайшимъ прискорбіемъ должны были отдать омытую ихъ кровью Боку Австрійцамъ, и вновь удалиться

отъ теплыхъ и цвѣтущихъ береговъ этого прекраснаго залива въ свои бѣдныя и холодныя горы.

Во все время полуторавѣковыхъ отношеній Россіи и Черной Горы, былъ лишь одинъ случай, произведшій въ Русскомъ правительствѣ нѣкоторое охлажденіе къ ней, но и этотъ случай можетъ служить для насъ доказательствомъ громаднаго нравственнаго вліянія Россіи на Черную Гору. Это было появленіе на Черной Горѣ, въ 1767 г., самозванца, который назвалъ себя Русскимъ царемъ Петромъ III. Черногорцы приняли его съ такимъ одушевленіемъ, что не только угрозы Турціи и Венеціи, а потомъ война съ ними, но и гнѣвъ императрицы Екатерины II не могли сломить ихъ вѣрности этому мнимому Русскому царю. Однако самозванецъ не имѣлъ достаточно ума и предпріимчивости, чтобы воспользоваться обаяніемъ своего имени между юго-Славянами. Его семилѣтнее царствованіе на Черной Горѣ, кромѣ войны съ Турками, не ознаменовалось никакимъ крупнымъ предпріятіемъ и не оставило по себѣ никакого слѣда въ юго-Славянской исторіи.

Ни одинъ изъ Русскихъ государей, царствовавшихъ послѣ Петра Великаго, не пользовался на Черной Горѣ такимъ авторитетомъ и славой, какъ императоръ Николай Павловичъ. Это было, отчасти, и выраженіемъ народной благодарности за его собственное расположеніе къ Черногорцамъ, о которыхъ императоръ говаривалъ: «Я люблю этотъ рыцарскій народъ и готовъ сдѣлать для него все возможное»! За то и преданность современнаго Николаю Павловичу владыки Черногорскаго Петра II Нѣгоша была непоколебима. Когда онъ умеръ (1852) и его наслѣдникъ Данило пожелалъ перемѣнить санъ митрополита на званіе свѣтскаго князя, то необходимъ былъ для народа авторитетъ Русскаго царя, чтобы подобный переворотъ могъ считаться законнымъ.

Въ настоящее время Черногорцы считаютъ себя вполнѣ независимымъ. отъ Турціи государствомъ; но формально независимость эта изъ всѣхъ великихъ державъ признана только одною Россіею. Турки, какъ заявилъ на Парижскомъ конгрессѣ 26 марта 1856 г. Али-паша, считаютъ Черную Гору интегральною частью Турецкой имперіи, т. е. мятежною своею провинціею. Князь Данило, протестуя противъ этого заявленія, объявилъ, что Черная Гора не только никогда не признавала себя Турецкою провинціею, но еще имѣетъ законныя права на половину Албаніи и всю Герцеговину. Народъ же Черногор-

скій смотритъ на свое государство, какъ на княжество совершенно самостоятельное и лишь нравственно связанное съ Русскимъ, какъ царствомъ все-Славянскимъ, средоточіемъ «всего православнаго вселенства», по выраженію Бранковича.

Сношенія Россіи съ Сербами Австрійскими были болѣе затруднительны, такъ какъ Австрійское правительство всегда относилось чрезвычайно ревниво къ чувствамъ своихъ Сербовъ въ отношеніи къ Россіи. Не потому-ли пренебрегло оно и ходатайствомъ Петра Вел. за Бранковича? Все, что Россія могла сдѣлать для Австрійскихъ Сербовъ въ минуты критическія, былъ радушный пріемъ на Русской землѣ Сербскихъ эмигрантовъ. Сербы отчасти и воспользовались этимъ въ 1751 г., когда, по упраздненіи по-Моришской и по-Тисской Военной Границы, они были закрѣпощены Мадьярами. Нѣсколько десятковъ тысячъ Сербскаго народа переселились тогда въ южную Россію, гдѣ скоро обрусѣли. Впрочемъ, въ Турецкую войну 1808—1810 гг. мы встрѣчаемъ еще въ рядахъ Русскихъ войскъ отрядъ Сербскихъ гусаръ, подъ командою Милорадовича и подъ именемъ «Чернаго полка» (какъ при Матвѣѣ Корвинѣ).

Изъ Сербскихъ эмигрантовъ въ Россіи прославились: Владиславлевичи, Милорадовичи, потомъ Зоричи, Ивеличи, Сенявины и н. др.

Остается сказать еще нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Россіи къ Сербскому княжеству.

Извѣстно, что Сербское освобожденіе совершилось въ началѣ нашего вѣка, при дѣятельномъ участіи Россіи, сначала военномъ, а, потомъ, дипломатическомъ. Эти услуги, оказанныя Россіею Сербамъ въ первый періодъ ихъ политическаго возрожденія, гласно засвидѣтельствованы самимъ Милошемъ, въ его рѣчи на скупщинѣ 1834 г., гдѣ онъ сказалъ: «Строгоновъ, какъ Русскій посолъ въ Царѣградѣ, положилъ первое основаніе нынѣшнему развитію Сербіи; Рибопьеръ, находясь въ томъ же званіи, исходатайствовалъ первый гатти-шерифъ (1830) и бератъ наслѣдственности княжескаго достоинства, а Бутеневъ, также въ званіи Русскаго посланника, испросилъ намъ новый изъяснительный гатти-шерифъ (1833); онъ привелъ къ концу и дѣла наши съ Портой. Нынѣ въ нашемъ собраніи да будетъ изъявлена имъ благодарность за ихъ труды и подвиги, а въ непродолжительномъ времени мы вырѣжемъ имена ихъ на памятникахъ, которые воздвигнемъ людямъ, оказавшимъ Сербіи услуги» (Поповъ Н. «Россія и Сербія» I, 300).

Великимъ несчастіемъ для Сербовъ было то обстоятельство, что въ самомъ началѣ ихъ новой государственной жизни являются двѣ династіи: Карагеоргіевичей и Обреновичей. Борьба партій, опирающаяся на эту двойственность династій, причинила уже много бѣдствій народу. Два раза лилась княжеская кровь (1817 и 1868); три раза князья изгонялись, причемъ въ двухъ случаяхъ изгнанники опять возвращались на престолъ (Милошъ: 1839—58; Михаилъ: 1842—58). Положеніе Сербіи въ этой борьбѣ партій было довольно затруднительно, тѣмъ болѣе, что ей приходилось и самой бороться въ Сербіи съ интригами завистливыхъ своихъ соперниковъ, чаще всего Англіи и Австріи. Что касается чувствъ, какія питали къ Россіи князья Сербскіе обѣихъ династій, то въ этомъ отношеніи разныя обстоятельства производили разныя измѣненія: неизмѣнно холоднымъ къ Россіи оставался одинъ лишь Александръ Карагеоргіевичъ, прислужникъ Турціи и Австріи; неизмѣнно же вѣрнымъ Россіи оставался самъ Сербскій народъ въ своихъ массахъ.

Впрочемъ, не разъ обвиняли Россію въ безцѣльныхъ пререканіяхъ съ Сербскими князьями, которыя возникали, главнымъ образомъ, изъ-за того, что Россія посылала туда своими представителями лицъ, недостойныхъ этой чести, въ родѣ Рикмана, Ващенки и н. др., которые безтактно раздражали щекотливость Сербовъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ разныя сплетни и домашнія дрязги партій.

Во всякомъ случаѣ, пятидесятилѣтнее Русское покровительство въ Сербіи было чрезвычайно благодѣтельно для юнаго государства, окруженнаго врагами и не имѣвшаго твердыхъ опоръ для своего существованія ни въ собственной силѣ, ни въ политической опытности.

Въ 1856 г. Сербія перешла изъ-подъ одиночнаго покровительства Россіи подъ коллективную опеку Европейскихъ державъ, но не пріобрѣла чрезъ то новыхъ надежныхъ друзей, какъ обнаружилось въ 1862 г., при бомбардированіи Бѣлграда, и во многихъ позднѣйшихъ столкновеніяхъ.

Какъ прежде, такъ и нынѣ, самымъ надежнымъ оплотомъ Сербіи является все таже святая Русь, прирожденный представитель и защитникъ всѣхъ Славянскихъ, а тѣмъ болѣе и провославныхъ народностей. Это живо сознается самимъ Сербскимъ народомъ и выражается въ его историческихъ пѣсняхъ, напр. въ пѣснѣ о томъ, какъ султанъ отдарилъ Московскаго царя, въ Черногорской пѣснѣ о посольствѣ на Черную Гору Петра В. (гдѣ Русскій государь постоянно

называется «царемъ Славенскимъ, Славенскимъ и христіанскимъ»), въ пѣснѣ о поставленіи Данила въ князья Черной Горы.

Но не одинъ простой Сербскій народъ смотритъ на Русскаго царя, какъ своего прирожденнаго государя. Въ литературныхъ памятникахъ встрѣчается много примѣровъ подобныхъ взглядовъ и въ средѣ интеллигентныхъ сословій. Такъ, въ письмѣ Святогорскихъ монаховъ, отъ 16 іюля 1654 г., къ патріарху Никону, царь Алексѣй Михайловичъ названъ «благочестивымъ царемъ нашимъ» [1]). Тоже встрѣчаемъ въ посланіи Битольскаго владыки Филарета къ Московскому патріарху [2]). Бранковичъ, деспотъ Сербскій, въ письмѣ къ Петру В., величалъ его «монархомъ Московскимъ и всего православнаго вселенства» [3]). Также смотрѣлъ на Русскаго царя Хорватскій іерей Юрій Крижаничъ. Но всего яснѣе мысль о политической взаимности всѣхъ Славянъ выражена, какъ мы видѣли, владыкою Петромъ I святымъ, въ 1807 г., въ его разговорѣ съ Французскимъ маршаломъ Мармономъ.

Такимъ образомъ, не на трактатахъ и бумагахъ, а на единствѣ племенномъ и духовномъ, на преданіяхъ прошлаго и надеждахъ будущаго основываются тѣсныя и продолжительныя связи народовъ Русскаго и Сербскаго. Онѣ основываются на идеѣ все-Славянства. На этой же единственно почвѣ могутъ и должны развиваться и дальнѣйшія отношенія Россіи какъ къ Сербамъ, такъ и ко всѣмъ остальнымъ вѣтвямъ Славянства.

Волнующіе наше время вопросы: Герцеговинскій, Босанскій, Болгарскій, Черногорскій, Сербскій, болѣе того, вопросы: Чешскій и Польскій, Словацкій и Словенскій, Румынскій и Мадьярскій, Греческій и Турецкій и всѣ остальные, совокупность которыхъ составляетъ великій вопросъ восточный, могутъ быть справедливо и окончательно рѣшены единственно на почвѣ все-Славянства.

Антонъ Будиловичъ.

---

[1]) Гласн. XXV, 55.
[2]) Гласн. XV, 58.
[3]) Гласн. XXXIII, 182.

ПРИ-ДУНАЙСКАЯ БОЛГАРІЯ.

(Дунайскій вилайетъ).

Статистико-экономическій очеркъ [1].

Границы.—Горы и главныя ущелья (проходы).—Рѣки.—Климатъ.—Статистическія данныя о народонаселеніи.—Народности.—Поземельная собственность.—Фермы.—Лѣса.—Финансовое состояніе провинціи: налоги, подати, сборы.—Условія земледѣлія.—Малоцѣнность плодородной земли, вслѣдствіе невыгодности ея обработки.—Бѣдность Болгарскаго земледѣльца.—Поземельные банки.—Главный земледѣльческій продуктъ провинціи.—Десятина и Турецкій способъ взиманія ея.—Произведенія земли.—Шелководство.—Винодѣліе.—Садоводство.—Скотоводство.—Рыболовство.—Охота.—Птицеводство.—Минеральныя богатства.—Промышленность.—Городское населеніе.—Устройство областное и судебное.—Значеніе и послѣдствія его для христіанскаго населенія.—Перечень городовъ.

Дунайскій вилайетъ [2]) образованъ изъ той части Болгаріи [3]) въ этнографическомъ смыслѣ, которая граничитъ на западѣ съ Сербіею (рѣка Тимокъ) и съ Нишскимъ санджакомъ, на востокѣ примыкаетъ

---

[1]) Статья эта написана бывшимъ консуломъ въ Рущукѣ покойнымъ А. Н. Мошнинымъ. При заготовленіи нами статей для II т. «Славянскаго Сборника», мы просили, между прочимъ, А. Н. принять сотрудничество въ нашемъ изданіи. А. Н. не замедлилъ предложить въ наше распоряженіе имѣвшіеся у него матеріалы о при-Дунайской Болгаріи.

Помѣщаемъ ниже воспоминаніе объ А. Н. Мошнинѣ, сообщенное намъ членомъ Отдѣла Г. И. Бобриковымъ, лично знавшимъ покойнаго и во время своихъ двукратныхъ путешествій по Болгаріи (см. «Путешествія по Болгаріи»: «Русск. Инв.», 1867 г.; г. Бобриковъ написалъ также «Историческій очеркъ Болгаріи», переведенный и на Болгарскій языкъ) имѣвшимъ возможность присмотрѣться къ дѣятельности А. Н. въ Болгаріи. *Ред.*

«Умершій 17 февраля прошедшаго года въ Рущукѣ генеральный консулъ дѣйств. ст. сов. Александръ Никаноровичъ Мошнинъ, пожизненный членъ Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета, человѣкъ просвѣщенный, честный и энергичный, съ высокимъ достоинствомъ занимавшій, втеченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, важный дипломатическій постъ въ главномъ городѣ при-Дунайской Болгаріи.

къ Черному морю (отъ г. Сулины до Варны), имѣетъ Дунай своею сѣверною границею, а Балканы или древній Гемусъ—южною [1]).

Цѣпь горъ, отдѣляющихъ Дунайскій вилайетъ отъ Андріанопольскаго, беретъ свое начало на западѣ двумя отраслями: Бѣлая-Планина (Акъ-Паланка) и Снѣгополье (4000 ф. у города Тырна),

---

А. Н. уроженецъ нашей столицы, кандидатъ С.-Петербургскаго университета и воспитанникъ школы восточныхъ языковъ. Съ 1848 по 1853 г. А. Н. находился на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ въ Персіи, потомъ состоялъ при Азіятскомъ департаментѣ министерства, съ 1857 по 71 годъ занималъ постъ консула въ Требизондѣ, наконецъ, послѣднее пятилѣтіе былъ генеральнымъ консуломъ въ Рущукѣ.

А. Н. не принадлежалъ къ числу тѣхъ чиновниковъ, вся мудрость которыхъ заключается въ бойкомъ очищеніи бумагъ и ловкомъ маневрированіи въ видахъ личнаго интереса. А. Н. былъ глубоко-честный и искренній человѣкъ, ничѣмъ не поступавшійся предъ исполненіемъ нравственнаго долга. Такъ, А. Н. не задумался въ 1858 году обратить Требизондское консульство въ крѣпость и съ оружіемъ въ рукахъ защитить спасшихся туда христіанъ. Это былъ дѣятельный патріотъ, энергіи котораго наша южная торговля обязана тѣмъ, что ей былъ открытъ доступъ къ богатымъ рынкамъ Анатолійскаго прибрежья. Въ 1863 году онъ смѣло противосталъ усиліямъ Польскихъ выходцевъ, пытавшихся изъ Турецкихъ портовъ направлять боевую поддержку Кавказскимъ горцамъ. Но для насъ гораздо важнѣе его дѣятельность въ Болгаріи.

А. Н. принадлежалъ къ числу людей, охватывающихъ событія не съ узкой точки личнаго положенія, а широкимъ кругозоромъ высшихъ общихъ цѣлей. Съ яснымъ умомъ онъ соединялъ высоко-благородную душу и энергическій характеръ, а съ такими личными качествами вскорѣ съумѣлъ такъ высоко поднять свое нравственное значеніе въ Болгаріи, что сталъ нравственнымъ руководителемъ развивающагося Болгарскаго общества и, насколько возможно, вездѣ старался направить послѣднее на мирный путь умственнаго саморазвитія.

Послѣдній пятилѣтній періодъ исторической жизни Болгаръ отличается рѣзкимъ оживленіемъ ихъ нравственнаго развитія. Успѣшный исходъ ихъ административно-религіозной распри пробудилъ въ народной массѣ національное самосознаніе и положилъ основаніе развитію ихъ общественнаго устройства. Но то былъ періодъ сложенія симпатій. На возраждавшемся организмѣ легко отпечатлѣвались чувства расположенія и неудовольствій, навѣянныхъ вліяніемъ минуты. Такъ, проявилась непріязнь вообще къ Грекамъ за происки фанаріотскаго духовенства, — непріязнь несправедливая и прискорбная, хотя и совершенно естественная, полагавшая начало розни между двумя народностями, соединенными узами единаго вѣроисповѣданія и единой цѣли борьбы съ полумѣсяцемъ. А. Н. съ большимъ тактомъ успѣлъ усвоить себѣ роль примирителя въ столкновеніяхъ между Болгарами и Греческимъ населеніемъ Рущука. Онъ былъ близокъ къ обѣимъ сторонамъ, и желая быть полезнымъ и тѣмъ и другимъ, имѣлъ въ генеральномъ консульствѣ двухъ драгомановъ, Болгарина и Грека. Юный организмъ нужно было еще охранить отъ политическихъ увлеченій и не допустить вступить на тотъ путь розни и взаимныхъ препирательствъ, какими явленіями отличается вся историческая эпоха самостоятельной жизни Славянскихъ народностей на Балканскомъ полуостровѣ. Всегдашнею цѣлью отношеній А. Н. къ Болгарамъ было развивать и поддерживать въ нихъ стремленіе ихъ къ распространенію школьнаго образованія. Живо интересовался онъ народными школами, существовавшими въ Болгарскихъ селеніяхъ, всячески поддерживалъ добрыя въ этомъ направленіи начинанія, съ непоколебимою твердостью отстаивалъ ихъ отъ притѣсненій Турецкой администраціи и всегда былъ неотступнымъ за нихъ ходатаемъ предъ нашимъ посольствомъ. Дѣло народнаго образованія на столько въ его время подвинулось впередъ, что онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть открытіе даже высшаго Болгарскаго училища въ Габровѣ. Не ограничиваясь пассивнымъ содѣйствіемъ народнымъ школамъ, онъ принималъ на

вершина котораго покрыта вѣчнымъ снѣгомъ; отсюда первая цѣпь идетъ на Этропольскіе Балканы, а вторая — чрезъ Витошъ на Рыло (8,000 ф.), откуда сворачиваетъ къ сѣверу (Средняя Планина) и продолжается до самаго Чернаго моря чрезъ Коджа-Балканъ (Стара-Планина, 6000 ф.), гдѣ оканчивается мысомъ Эмине. Послѣдній имѣетъ 2,400 ф. вышины надъ уровнемъ моря. Все протяженіе Балканъ отъ горы Акъ-Паланки (Аргентаро) до мыса Эмине имѣетъ 86 лье или 430 верстъ. Что касается Шумлинскихъ горъ, то до сихъ поръ не рѣшено, составляютъ ли онѣ отрасль Балканъ, или же отдѣльную цѣпь; но такъ какъ онѣ примыкаютъ къ главному хребту, то, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что Балканы въ здѣшнемъ вилайетѣ отстаятъ отъ Дуная на 70 верстъ.

Главныя ущелья (проходы) Балканъ слѣдующія: одно находится около Софіи, на рѣкѣ Искерѣ, и ведетъ къ Татаръ-Базарджику, на Марицѣ; три около Тернова: одно ведетъ на Казанлыкъ чрезъ Габрово, другое чрезъ Травну въ Маглишъ и третье чрезъ Златарицу на Сливно; два около Шумлы: одно ведетъ на Карнабатъ, а другое на Чалыкавакъ и Айдосъ. Хотя Терновскія ущелья считаются самыми затруднительными, но онѣ проходимы для артиллеріи. Впрочемъ, на-

---

себя инициіативу въ переводахъ Русскихъ историческихъ сочиненій о Болгаріи и вообще учебниковъ на Болгарскій языкъ, постоянно хлопоталъ объ образованіи Болгарскаго юношества въ Русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и оказывалъ самое энергичное покровительство тѣмъ изъ Болгаръ, получившимъ образованіе за-границею, которые возвращались на родину въ качествѣ народныхъ учителей. Говорить-ли о томъ, насколько выгодно для Россіи имѣть своими представителями въ Славянскихъ земляхъ *достойныхъ* лицъ и насколько заслуживаютъ признательнаго уваженія и памяти тѣ изъ нихъ, которые своею дѣятельностью на этихъ постахъ заслужили такое названіе.

Миръ праху твоему честный дѣятель! Память о тебѣ сохранится на долго не только между нами, цѣнившими высокія качества твоего ума и сердца,—между Болгарами, которыхъ ты такъ любилъ, но даже и между Турками, отдававшими справедливость твоему прямому характеру. Не окончилъ ты своей миссіи среди Болгаръ, тебя вспоминающихъ съ умиленіемъ». Г. Бобриковъ.

[2]) Дунайскій вилайетъ занимаетъ 91,624 кв. килoметра или 1,643 квадр. миль. *Ред.*

[3]) Съ конца XIV в., т.е. со времени завоеванія Болгарскаго государства Турками, терминъ «Болгарія» имѣетъ значеніе только этнографическое. Въ настоящее время никакой Болгаріи, какъ административной единицы, въ Европейской Турціи не существуетъ. Она раздѣляется теперь на вилайеты или генералъ-губернаторства, изъ которыхъ три вилайета обнимаютъ области, населенныя Болгарскимъ народомъ, и именно: Дунайскій вилайетъ обнимаетъ Болгарію пред-Балканскую, Адріанопольскій за-Балканскую (древнюю Ѳракію), а Битольскій —за-Родопскую (древнюю Македонію). *Ред.*

[4]) Нишскій санджакъ за нѣсколько лѣтъ назадъ отчисленъ отъ Дунайскаго вилайета и съ городами Призреномъ и Новымъ-Базаромъ составилъ новый небольшой вилайетъ, административнымъ центромъ котораго избранъ Призренъ.

до замѣтить, что ихъ подъемы и спуски сильно размываются дождями. Въ 1829 г. Русскія войска прошли ущельемъ отъ Шумлы на Айдосъ, а въ 1854 году Французская дивизія Боске съ артиллеріею и кавалеріею прошла изъ Галлиполи на Айдосъ, Кёприкіой и Дервишъ-ханъ, построивъ легкій мостъ чрезъ р. Камчикъ или Камчій, у Дервишъ-ханъ, въ 25 верстахъ отъ Варны. Въ 1855 году Турецкая кавалерія изъ башибузуковъ, въ 3,500 человѣкъ, подъ командою Англійскихъ офицеровъ, прошла отъ Дарданеллъ въ Шумлу двумя колонами: одна чрезъ Карнабатъ и Айдосъ, другая черезъ Казанлыкъ и Терново.

Рѣка Дунай омываетъ Болгарскій край на протяженіи 300 миль. Лѣвый берегъ, Румынскій, весь низменный, начинается у Желѣзныхъ Воротъ, а правый берегъ, Болгарскій, отъ Виддина до самаго Рущука на 50—60 футовъ возвышается надъ уровнемъ рѣки. Отсюда до Чернаго моря Дунай течетъ по низменности, образуетъ рукава и протоки, у Черноводы изгибается къ сѣверу и круто поворачиваетъ около Галаца, принимая въ себя рѣки Прутъ и Серетъ, сворачиваетъ на западъ и, раздѣляясь на многочисленные рукава, впадаетъ въ Черное море.

Дунай—рѣка историческая. Она неоднократно служила проводникомъ варварскимъ народамъ, приходившимъ въ Европу. Изъ древнихъ народовъ одни только Римляне оставили здѣсь, какъ и вездѣ, слѣды своего вліянія: владычество и борьбу ихъ съ варварами напоминаютъ повсюду остатки мостовъ и слѣды дорогъ, ими проложённыхъ въ скалахъ. Германцы называютъ Дунай своимъ и Голубымъ. Не касаясь перваго изъ этихъ названій, о второмъ можно замѣтить, что Голубымъ Дунай ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать:—по крайней мѣрѣ по берегамъ Болгаріи воды его желтоваты. Глубина его измѣняется отъ 18 до 60 футъ, а ширина отъ 1 до $1^1/_2$ версты. Воды его постоянно убываютъ, что подтвердила недавняя Вѣнская коммиссія. Перемѣны въ его приливахъ различны: въ Рущукѣ, на разстояніи около версты, вода во время разлива можетъ подниматься на четыре аршина противъ обыкновеннаго уровня. Рѣка принимаетъ тогда ужасающій видъ. Весною и до конца полноводія, т. е средины мая, морскія суда въ 400 и 500 тоннъ доходятъ обыкновенно до Журжева и Рущука, а, въ случаѣ надобности, и выше.

Съ Румынской стороны Дунай принимаетъ въ себя: Олту, Думбовицу, Серетъ и Прутъ. Со стороны Болгаріи въ Дунай впадаютъ:

1) Тимокъ. Беретъ свое начало у границъ Сербіи, составляетъ границу здѣшняго вилайета и впадаетъ въ Дунай у д. Малой Раковицы, близъ Неготина.

2) Тополовица (Березетъ). Истоки свои беретъ у д. Бериловцы, Жизницы, Бонищи (окр. Адліе) и впадаетъ въ Дунай около деревни Гуломотовой, близъ Виддина.

3) Видболь вытекаетъ изъ Балканъ у д. Изворъ и Большой Раковицы (окр. Адліе), впадаетъ въ Дунай южнѣе Виддина.

4-7) Рѣчки Назаръ, Арчаръ, св. Петръ и Скуміа (Сморденъ?) около Виддина.

8-9) Ломъ и Джибрица берутъ начало около Бѣлградчика и впадаютъ въ Дунай у мѣстечекъ тѣхъ же названій.

10-11) Огостъ и Батуна; первая вытекаетъ изъ горъ около Берковца, а другая около Врацы, соединяются около Милковаца и впадаютъ въ Дунай, близъ Орѣхова (Рахова).

12-13) Скитъ (Буюкдере) и Инсикра (Бердина?). Первая беретъ свое начало около Врацы и впадаетъ въ Дунай, близъ Орѣхова, вторая—близъ деревни Островъ.

14) Искра Голѣма (большая) или Искеръ вытекаетъ [5]) изъ горы Рыло, около Самокова, принимаетъ въ себя: Шалканицу, вытекающую изъ Балканъ около Сливницы, Искрецъ, вытекающій со Старой-Планины, Малую или Сухую Искру, вытекающую изъ Этропольскихъ Балканъ и Понезу, вытекающую изъ Черна-Верха. Рѣка Искра впадаетъ въ Дунай между Орѣховымъ и Никополемъ, у деревни Гиланъ и Бесли.

15) Видъ (Черный и Бѣлый), соединяясь у Тетевена, пробѣгаетъ Плевненскій и Никопольскій округа и впадаетъ въ Дунай, у д. Святой.

16) Осма (древній Assemus) беретъ начало у деревни Троянъ, въ Ловчинскомъ округѣ, впадаетъ въ Дунай около Никополя, именно у д. Султаніе.

17) Янтра вытекаетъ изъ Коджа-Балканъ, у Габрова, и впадаетъ въ Дунай, у д. Новый Градъ, близъ Свищева. Принимаетъ въ себя рѣчки: Златарицу, около деревни Златарицы, и Ружицу, вытекающую также изъ Коджа-Балканъ, невдалекѣ отъ м. Селвіева и близъ д. Ени.

18) Ломъ (Черный и Бѣлый). Первый вытекаетъ изъ холмовъ около Османъ-Базара, у д. Казанбунаръ, а второй около Разграда,

---

[5]) Двумя истоками: Бѣлая Искра и Черная Искра.

у д. Текемахале, соединяясь вмѣстѣ около д. Бизанцы, впадають въ Дунай на западѣ отъ Рущука. Лѣтомъ ширина его бываетъ 1—4 аршинъ. На немъ много мельницъ.

19) Дриста (Канара Дере?) впадаетъ невдалекѣ отъ Силистріи (Доростолъ).

20) Нишава образуется изъ водъ, вытекающихъ подъ разными названіями преимущественно изъ горъ Изнеболе, около Тырна, «вода Геческа, Сукова, Лукатника, Демьянска»), принимаетъ Кутину и впадаетъ сама около Ниша въ Мораву.

Морава [6]), стекая съ Балканъ у Враньи и принимая въ себя разныя рѣчки (Топлицу, Пустую, Медвѣжью Яблоницу, Вѣтряницу, Моравецъ, Банскую и др.), протекаетъ чрезъ Сербію и впадаетъ въ Дунай.

Рѣки, впадающія въ Черное Море: а) Камчій [7]) Умный (Акиллу) беретъ начало около Преславы (Эскистамбулъ), у д. Читака. невдалекѣ отъ Османъ-Базара, проходитъ въ разстояніи одного часа отъ Шумлы и впадаетъ въ Черное Море, у Фундукли, ниже Варны; это единственная рѣка въ Дунайскомъ вилайетѣ, по которой ходятъ барки. Около деревни Сундукли принимаетъ въ себя Бѣшеный (Луда, Дели) Камчій, вытекающій изъ Балканъ около Доброла.

б) Девна начинается у деревни того же имени, образуетъ около Варны два озера, глубиною въ шесть саженъ. На ней много мельницъ.

в) Батова (Катранъ-Дереси) начинается у Базарджика и впадаетъ въ Черное Море около Балчика

Рѣки, впадающія въ Эгейское и Мраморное моря: а) Кара-су (Струма) беретъ начало въ Балканахъ, выше Кюстендиля, протекаетъ чрезъ округа: Дубницу, Джуму Мельникъ, Петрицу и Демиръ-Хисаръ; принимаетъ въ себя рѣчки: Быстрицу, около Кюстендиля, Рыльскую, около Джумы, и другія; впадаетъ въ Эгейское море, у Кавала.

б) Марица. Беретъ только свое начало въ Дунайскомъ вилайетѣ, у Самокова, съ Чадыръ-Тепе [8]), но течетъ по Адріанопольскому вилайету и впадаетъ въ Мраморное море у Эноса.

Есть еще много рѣчекъ малыхъ; ключей же вообще мало, да и тѣ заброшены, особенно по дорогѣ изъ Силистріи въ Шумлу и изъ Разграда въ Рущукъ.

---

[6]) Эта Морава-Бугаръ соединяется съ Сербскою Моравою.
[7]) Т. е. Плеть; на картѣ Киперта названъ Камчикомъ.
[8]) Съ Рыльской-Планины.

Климатъ вообще хорошій и здоровый, хотя довольно суровый. Лѣтомъ очень жарко, зимою очень холодно. Послѣдняя бываетъ холодна и продолжительна, иногда стоитъ до шести мѣсяцевъ: начинается въ м. ноябрѣ и продолжается до м. апрѣля, при 5—15 градусахъ мороза. По временамъ, особенно суровая зима бываетъ на берегахъ Дуная. Дожди выпадаютъ весною и осенью. Дождевые мѣсяцы мартъ и апрѣль. Дожди продолжаются около 4—5 дней сряду. Лѣтомъ случаются ураганы съ градомъ. Послѣдній былъ въ 1872 г. въ м. апрѣлѣ и въ Рущукѣ разрушилъ около 800 домовъ. Прибрежье большею частью заражено лихорадками. Въ окрестностяхъ Виддина и Варны особенно господствуютъ лихорадки; внутри страны ихъ меньше, а близи Балканъ совершенно нѣтъ, и климатъ вообще считается здоровымъ. Посѣвы, равно какъ и плоды, зрѣютъ во-время. Среднюю температуру лѣтомъ можно опредѣлить въ 22° Реом. въ тѣни. Переходы отъ зимы къ лѣту и обратно ощутительны,—весны почти нѣтъ. И если надо выбирать между этими двумя крайностями, то лучше выбирать холодъ, потому что жаръ всегда сопровождается вредною сыростью, которая днемъ иногда даже мѣшаетъ дышать. Это объясняется свойствомъ здѣшней почвы. Іюль и августъ—самые жаркіе мѣсяцы. Нѣкоторыя мѣстности, какъ, напримѣръ, берега верхняго Дуная, по близости Карпатъ, зимой холоднѣе, а лѣтомъ, за неимѣніемъ охлаждающихъ вѣтровъ, жарче. Шумла особенно страдаетъ лѣтомъ отъ жары. По морскому берегу вѣтры дуютъ зимою с.в. и с.з., а лѣтомъ ю. з. и ю.в. в. По замѣчанію моряковъ, зимою дуютъ обыкновенно вѣтры съ запада. Лишь только холмы, окружающіе здѣшнія мѣстности, покроются снѣгомъ, корабли могутъ безопасно стоять на якоряхъ во всѣхъ гаваняхъ и пристаняхъ. По своему положенію, Дунайскій вилайетъ, повидимому, не долженъ бы имѣть рѣзкихъ перемѣнъ въ температурѣ и суровыхъ зимъ. Дѣло въ томъ, что нѣкогда существовавшіе здѣсь лѣса прежде могли обусловливать въ странѣ низшую температуру, но теперь, когда ихъ почти нѣтъ, температура должна была повыситься. Впрочемъ, тутъ имѣютъ свое значеніе и другія причины. Мы, напримѣръ, видимъ, что Дунай, попрежнему, остается gelidus Ister, какъ въ элегіяхъ Овидія. Слѣдовательно, главная причина рѣзкихъ перемѣнъ въ температурѣ заключается не въ географическомъ положеніи провинціи, а въ вѣтрахъ, дующихъ съ Урала и Кавказа, отъ которыхъ Болгарія вовсе не защищена горами.

Восточную границу Дунайскаго вилайета составляетъ Черноморскій берегъ отъ мыса Эмине до устья Дуная, у Сулины. На немъ находятся якорныя мѣста и пристани: Варна, Балчикъ, Каварна, Шаблеръ, Мангалія и Кюстендже.

Ширину Дунайскаго вилайета нельзя точно опредѣлить: страна эта географамъ мало знакома. Изслѣдованія путешественника Лежана поверхностны, а Каница еще не вполнѣ извѣстны. Изслѣдованія же Русскихъ офицеровъ: Быкова и Г. И. Бобрикова, пока, не опубликованы.

Разработка данныхъ относительно статистики народонаселенія тоже ушла недалеко. Во время Митхада-паши предпринята была народная перепись людьми, вовсе не понимающими своего дѣла, и, притомъ, она была затѣяна съ спеціальною цѣлью установить размѣры податнаго сбора и личныхъ налоговъ. Впрочемъ, еслибы правительство и хотѣло сдѣлать регулярную перепись, оно не могло бы выполнить этого. Препятствіемъ тому служатъ нравы, обычаи и предразсудки восточныхъ жителей, а, главнымъ образомъ, невѣжество и личные разсчеты чиновниковъ. Во всякомъ случаѣ, мы постараемся собрать въ одно цѣлое главные пункты указанной переписи. Прежде всего надо замѣтить, что въ этихъ цифрахъ помѣщенъ только мужской полъ, такъ какъ женщина на востокѣ ставится не въ счетъ. Прусскій консулъ Рейзеръ, въ своемъ донесеніи о Болгаріи въ 1859 г., даетъ слѣдующія цифры народонаселенія:

Болгаръ	965,000
Мусульманъ	430,000
Валаховъ (въ Добруджѣ) . . .	25,000
Евреевъ Испанскихъ и Польскихъ .	13,000
Армянъ	5,000
Грековъ	10,000
Нѣмцевъ (въ Добруджѣ) . . .	2,500
Липованъ (въ Добруджѣ) . . .	8,500
Казаковъ (въ Добруджѣ) . . .	6,000
Татаръ Крымскихъ	15,000
Европейцевъ	2,000
Итого . .	1.482,000

Первая оффиціальная перепись произведена была въ 1865 году, спустя годъ послѣ образованія вилайета, и въ ея результатѣ оказалось, что населеніе вилайета, по народностямъ, распредѣляется слѣдующимъ образомъ: 140 тысячъ мусульманъ, 150 т. христіанъ, 7 т. Цинцаровъ, 10 тыс. Помаковъ, всего 307 тыс. мужчинъ, т. е. до 614,000 обоего пола. Въ 1870 г. предпринята была новая перепись, итогъ которой обозначалъ цифру населенія вилайета въ 880,709 душъ. Разница въ этихъ двухъ оффиціальныхъ итогахъ населенія чрезмѣрна. Надо полагать, что вторая цифра ближе къ истинѣ, такъ какъ въ выгодахъ провинціальной администраціи показывать оффиціальныя цифры менѣе настоящихъ, чтобы не быть вынужденною вносить въ казну податей больше наличныхъ. Это видно также изъ вилайетскаго календаря за 1873 годъ, опредѣляющаго цифру народонаселенія въ 906,189 душъ. Впрочемъ, не очень можно довѣрять этимъ оффиціальнымъ цифрамъ, особенно по отношенію къ исчисленію Болгаръ: цифры эти обыкновенно уменьшаются сравнительно съ цифрами мусульманъ, и это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы, вопервыхъ, польстить Турецкому самолюбію, а, во-вторыхъ, поживиться на счетъ казны [9]).

Главныя религіи—мусульманская и православная, католиковъ мало (около 6 т.), Армянъ еще меньше; затѣмъ, въ численномъ отношеніи слѣдуютъ: Евреи и Цыгане.

Мусульмане здѣшніе—чистые Турки (Помаковъ мало); всѣ они говорятъ по-Турецки, чего не замѣчается въ Босніи и Албаніи, гдѣ есть много омусульманенныхъ Сербовъ [10]). Мусульмане живутъ по

---

[9]) При крайней скудости и неточности статистическихъ данныхъ о населеніи Турціи, приходится ограничиться здѣсь приведеніемъ лишь общихъ итоговъ населенія Дунайскаго вилайета, которые встрѣчаются въ сочиненіяхъ о Турціи:

По Обручеву Н. Н. („Воен. Ст. Сборникъ", 1868 г., вып. II, стр. 191), на основаніи данныхъ, сообщенныхъ ему нашими дипломатическими агентами, а также данныхъ, приводимыхъ иностранными писателями: Ганомъ, Убичини, Ами-Буэ, Реденомъ, Леманомъ, Фикеромъ и друг. — населенія въ Дунайскомъ вилайетѣ болѣе 1.300,000 душъ или 2.600,000 обоего пола.

По Петерману (въ его „Mittheilungen") — 2.026,000 и въ томъ числѣ: христіанъ 1.166,000, а нехристіанъ 860,009.

По Обаре (Французскій консулъ въ Рущукѣ), 2.522,000, въ томъ числѣ: христіанъ 1.391,500, а нехристіанъ 1.131,000.

Вообще, надо замѣтить, что христіанское населеніе значительно превышаетъ мусульманское и что въ каждомъ отдѣльномъ домѣ или семьѣ христіанскихъ душъ болѣе, чѣмъ нехристіанскихъ, и мусульмане сосредоточены преимущественно въ городахъ или административныхъ центрахъ. *Ред.*

[10]) Турки Ловчинскаго и Плевненскаго округовъ (большая часть Помаки) также не говорятъ по-Турецки. *Ред.*

берегу Дуная и въ Добруджѣ. Именно, по берегу Дуная отъ Силистріи до Черваго моря мусульмане составляютъ большинство народонаселенія. Всѣ города, особенно же Варна, Шумла и Разградъ переполнены Турками. Число ихъ уменьшается съ каждымъ годомъ. На это явленіе имѣетъ вліяніе, какъ отбываніе мусульманами воинской повинности, такъ и многія причины, уменьшающія рожденіе дѣтей и неблагопріятныя условія ихъ воспитанія. Въ числѣ этихъ причинъ первое мѣсто занимаетъ существующее у мусульманъ многоженство. Впрочемъ, въ настоящее время мало встрѣчается уже такихъ Турокъ. которымъ средства дозволяли бы имѣть нѣсколько жонъ [11]).

Къ Турецкой народности, какъ магометане, причисляются въ разное время выселившіеся сюда изъ Россіи Татары и Черкесы. Турецкое правительство всегда старалось наиболѣе цѣлесообразнымъ способомъ воспользоваться этимъ переселеніемъ Татаръ и Черкесовъ въ предѣлы Турціи. Въ верхней Добруджѣ живутъ Татары, вышедшіе изъ Россіи въ Екатерининскія времена. Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, они сначала переселились было въ Бессарабію, но, по взятіи Измаила Русскими войсками, перешли Дунай и поселились въ Добруджѣ. Въ 1853 году, изъ страха передъ нашими войсками, Татары вновь поднялись съ своихъ мѣстъ и бросились чрезъ всю Болгарію къ Балканамъ, причемъ отъ нихъ сильно пострадало христіанское народонаселеніе и въ особенности въ Базарджикѣ. Въ 1856 г., послѣ Восточной войны, изъ Крыма, и именно изъ Евпаторіи выселилось Татаръ болѣе 15 т. душъ, которые сгруппировались около Меджидіе. Желая избѣжать нашей воинской повинности, Татары и по настоящее время не покидаютъ мысли выселиться изъ Крыма, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, чѣмъ это было въ 1856 году [12]).

---

[11]) Подробнѣе объ этомъ см. Turks and Christians. A solution of the eastern question by I. L. Farley. London. 1876.

Къ тому же выводу пришелъ и изслѣдователь Турецкой Имперіи въ «Воен. Ст. Сборн.» (1868 г., 219 стр.). Вопросъ о числѣ Турокъ въ Европѣ и Азіи, замѣчаетъ онъ, есть капитальный вопросъ для Турецкой имперіи, но здѣсь всѣ показанія Европейскихъ изслѣдователей, разнящіяся въ численной оцѣнкѣ, почти единогласно сходятся въ томъ, что Турецкое племя не возрастаетъ, а быстро уменьшается. Въ Европейской и Азіатской Турціи безпрерывно встрѣчаются Турецкія - деревни совершенно опустѣлыя и разрушенныя, по городамъ множество минаретовъ и мечетей стоитъ нынѣ уже въ развалинахъ; наконецъ, значительныя пространства земли, еще недавно бывшія во владѣніи Турокъ, заняты нынѣ христіанами. По свидѣтельству Англійскаго подполковника Ниля («Social Science Review, February 1864, the Province of Bulgaria»), въ одной при-Дунайской Болгаріи мусульманское населеніе втеченіе 10 лѣтъ, уменьшилось на 100,000. *Ред.*

[12]) Каницъ упоминаетъ, что переселенія Крымскихъ Татаръ (12 т.) въ при-Дунай-

Значительная часть Черкесовъ, выселившихся въ 1863—64 гг. изъ Россіи, послѣ Кавказскаго разгрома, Турецкихъ правительствомъ была поселена въ Болгаріи при большихъ пожертвованіяхъ съ его стороны: они были надѣлены землею, имъ были выданы заимообразно деньги и на нѣкоторое время они быи освобождены отъ платежа податей и налоговъ. Затрачивая на переселенія Черкесовъ большія средства, Порта имѣла въ виду, при этомъ, и тѣ выгоды, какія они могли принесть Туркамъ въ ихъ борьбѣ со Славянами. Черкесы были разселены всюду, гдѣ только требовалось усилить ими мусульманскій элементъ населенія. При всемъ томъ, половина изъ переселившихся Черкесовъ уже погибла, а другая тоже еле влачитъ свое существованіе. Черкесовъ переселилось въ Турцію до 200 т., теперь ихъ насчитываютъ до 60—70 т. [13]). Вообще, племени этому суждено слиться съ Турками и раздѣлить судьбу послѣднихъ... Они неспособны работать, и Черкесъ никогда не станетъ хорошимъ земледѣльцемъ въ Турціи. Совсѣмъ другое мы видимъ въ бытѣ Крымскихъ Татаръ, поселенныхъ въ Добруджѣ. Они хорошіе и трудолюбивые работники и ихъ положеніе находится въ относительно цвѣтущемъ состояніи [14]).

скую Болгарію такъ тяжело отозвалось на бытѣ Болгаръ, что вызвало въ 1861 г. эмигрированіе значительной массы ихъ (10 т.) въ сосѣднія земли и въ Крымъ. Порта заставляла Болгаръ строить для переселившихся Татаръ мечети, дома и хозяйственныя строенія. Такъ, напр., маленькое село Рабишъ, на р. Арчарѣ, должно было выстроить 80, а Кула, близъ Виддина, 60 Татарскихъ домовъ; село Раковица на р. Арчерѣ, изъ 170 семействъ котораго 60 ушло въ Сербію, принуждено было выстроить 200 домовъ. Порта отдала Татарамъ лучшія пахатныя земли въ самыхъ богатѣйшихъ Болгарскихъ деревняхъ и обѣщала (чего, впрочемъ, по обычаю, не исполнила) дать переселенцамъ по два рабочихъ вола и одной коровѣ и освободить на 15 лѣтъ отъ всякихъ податей. Татарскія поселенія раскинулись вдоль Дуная во всѣхъ округахъ отъ Тимока до Силистріи. Освободились отъ нихъ лишь Виддинъ, Турецкое населеніе котораго отказалось принять Татаръ, и Болгарскія католическія села близъ Свищева. Каницъ обозначилъ 16 мѣстъ, населенныхъ Татарами, а именно: въ Виддинѣ 5 колоній, въ Кулѣ 3 (до 600 семействъ), въ Бѣлградчикѣ 1, въ Ломскомъ округѣ 7. Кромѣ того, въ Никопольскомъ округѣ находится 20 колоній.

Въ настоящее время Татары, по словамъ Каница, бросили свой костюмъ, перенесенный ими изъ Крыма, и замѣнили его Болгарскою чубарою (овчинная шапка), бѣлою вышитою рубашкою и опинцами (родъ сандалій). Они говорятъ большею частью по-Болгарски, находятся постоянно въ хорошихъ отношеніяхъ со Славянами—своими сосѣдями и своимъ, всѣмъ извѣстнымъ, трудолюбіемъ довели поселенія, въ сравнительно короткое время, до значительнаго благосостоянія. Надо еще прибавить, что Татары обращаютъ особенное вниманіе на школы. *Ред.*

[13]) Описанію переселенія Черкесовъ въ при-Дунайскую Болгарію Каницъ посвятилъ цѣлую X главу („Кавказъ на Балканѣ“), а свѣдѣнія о томъ, гдѣ разселились Черкесы можно найдти у него же, въ гл. VIII. *Ред.*

[14]) О переселеніяхъ Татаръ и Черкесовъ и объ отношеніяхъ ихъ къ нынѣшнимъ ихъ сосѣдямъ—Славянамъ см. еще ниже—III отдѣлъ. *Ред.*

Помаки живутъ около Плевны, Ловца, въ Татаръ-Базарджикскомъ округѣ и у Родопа.

Сюда надо присоединить еще Моганъ (около 5 тыс.), Трансильванскихъ пастуховъ, ежегодно приходящихъ сюда (въ особенности въ Добруджу) пасти свои стада, которыя слишкомъ страдаютъ отъ хищничества Черкесовъ.

Европейцевъ вообще мало. Это, за рѣдкими исключеніями, подонки Европейскаго общества и составляютъ даже въ Турціи язву страны.

Христіане, т. е. Болгары, живутъ по всему вилайету; изъ нихъ болѣе горды и независимы тѣ, которые живутъ внутри страны, гдѣ нѣтъ мусульманскаго народонаселенія, и въ уступахъ Балканъ; низкопоклонны и менѣе сохранили качествъ своихъ горскихъ собратій тѣ, которые живутъ по Дунаю въ перемежку съ мусульманами, ихъ господами. Между Болгарами замѣчается сильное приращеніе, не смотря на постоянныя выселенія ихъ въ Румынію и Сербію. Болгары составляютъ ядро народонаселенія Дунайскаго вилайета и большинство его, начиная отъ Силистріи вверхъ по Дунаю до всей цѣпи Балканскихъ горъ. Въ Добруджѣ Болгаръ мало и тѣ стали жить здѣсь съ 30-хъ годовъ.

Казаки и Липоване выселились изъ Россіи въ прошломъ столѣтіи; послѣдніе въ числѣ 40 т. Нѣкогда наши злѣйшіе враги изъ-за религіозныхъ преслѣдованій, теперь они стараются сблизиться съ нами, а казаки ищутъ даже вернуться въ Россію. Тѣ и другіе живутъ около Тульчи и занимаются рыбною ловлею и земледѣліемъ [15]).

Греки живутъ исключительно по городамъ и занимаются торговлею, давая въ долгъ землепашцамъ деньги, за которыя послѣдніе уплачиваютъ зерномъ, причемъ Греки наживаютъ 50% въ годъ.

Валахи живутъ въ Добруджѣ и около Виддина. Лучшая ихъ колонія — мѣстечко Гигенъ, около Никополя. На первый взглядъ кажется страннымъ, что подданные правительства, относительно говоря, лучшаго и христіанскаго, бѣжали изъ своей отчизны жить подъ Турецкимъ управленіемъ. Если ближе вглядѣться въ причины этого бѣгства, то легко поймемъ, что прежнее Румынское управленіе имѣло только лоскъ христіанскаго управленія, и крестьяне были болѣе угнетаемы

---

[15]) См. также сочиненіе Н. И. Надеждина „О заграничныхъ раскольникахъ" (1846) и статьи Кельсіева, Чайковскаго и др. *Ред.*

своими боярами, чѣмъ райи пашами. Теперь, конечно, многое измѣнилось, тѣмъ не менѣе, Валахи не возвращаются къ себѣ на родину.

Армянъ очень мало. Живутъ они по при-Дунайскимъ городамъ, затѣмъ, въ Варнѣ, Шумлѣ и Кюстендже.

Католическія миссіи здѣсь не особенно процвѣтаютъ. Дѣятельность ихъ была направлена на обращеніе въ унію Румынъ и Болгаръ.

Нѣмецкихъ колоній числится четыре; онѣ поселены въ 1812 г. и находятся между Бабадагомъ и Тульчею. Въ 1858 г. Прусское правительство прислало имъ пастора. Поселенія: Адматча, Кадыкой, Чукаровъ, Якобштадтъ находятся въ цвѣтущемъ состояніи, и протестантская пропаганда успѣла найти въ странѣ благопріятную почву для своей дѣятельности. Въ настоящее время протестантскіе миссіонеры, въ особенности тѣ изъ нихъ, которымъ покровительствуютъ Американцы, имѣютъ во всѣхъ главныхъ городахъ Болгаріи школы и, мало по малу, число прозелитовъ увеличивается. Всѣмъ извѣстны энергія и практичность Англо-Саксонскаго племени, и для достиженія большаго успѣха религіозной пропаганды англиканскія миссіи стали соединяться въ послѣднее время съ Германско-лютеранскими, въ дѣятельности которыхъ сильно замѣтно стремленіе къ развитію въ странѣ ихъ народности и вліянія. Авангардъ ихъ въ этомъ отношеніи составляютъ онѣмеченные Польскіе Евреи. Значительно усилившись въ Молдавіи, они перешли Дунай, и будутъ, конечно, лучшими проводниками здѣсь Германскаго вліянія. Кромѣ Польскихъ Евреевъ, здѣсь есть еще колоніи Испанскихъ Евреевъ. И тѣ и другіе живутъ исключительно на счетъ христіанъ и мусульманъ. Евреевъ считается 13 тысячъ. Они поселились около городовъ: Рущука, Софіи, Виддина, Свищева, Разграда, Шумлы, Тульчи и Варны [16]).

Земледѣліе есть единственный источникъ богатства въ Болгаріи; для занятія имъ требуется немного труда, а еще менѣе денегъ. Почти вся обработываемая почва обращена подъ хлѣбопашество; но почти половина всей земли остается невоздѣланною. Занявъ богатую почву прибрежья Дуная, Болгаринъ вынужденъ былъ сдѣлаться землепашцемъ, и въ Турецкой имперіи онъ самый трудолюбивый изъ всѣхъ ея обитателей. Конечно, его нельзя сравнивать съ земледѣльцами дру-

[16]) Вообще, въ настоящее время всѣхъ христіанъ, живущихъ въ при-Дунайской Болгаріи, насчитываютъ до 2 мил., а нехристіанъ до 700 тысячъ душъ. *Ред.*

гихъ Европейскихъ государствъ: невѣжество, нищета и разные, притомъ, чрезмѣрные налоги его политическихъ и религіозныхъ господъ заглушили въ Болгаринѣ-поселянинѣ всѣ лучшія чувства и лучшія отношенія къ земледѣлію и къ окружающей его обстановкѣ; но при лучшемъ управленіи онъ могъ бы быть хорошимъ землепашцемъ. При обработкѣ своей земли Болгаринъ держится самаго первобытнаго и простаго способа, какой существовалъ нѣсколько столѣтій тому назадъ. Лишне говорить, что Болгариномъ ничего не сдѣлано для усовершенствованія способа воздѣлыванія земли, и при тѣхъ условіяхъ, въ какія онъ поставленъ по отношенію къ владѣнію обработываемою имъ землею, трудно, разумѣется, ожидать какихъ-либо усовершенствованій и въ будущемъ. Нѣтъ сомнѣнія, главнымъ препятствіемъ къ тому была неизвѣстность владѣнія землею въ прежнее время.

Въ Турціи вся земля, въ принципѣ, принадлежитъ правительству (или, лучше сказать, султану), которое даетъ позволеніе всѣмъ Турецкимъ подданнымъ т. е. мусульманину и райѣ обработывать ее вездѣ, гдѣ это кому угодно и возможно, съ единственнымъ условіемъ платить десятину. Съ перваго взгляда подобное условіе кажется выгоднымъ для земледѣльца и, повидимому, должно было бы сдѣлать страну земледѣльческою и самою цвѣтущею, но на самомъ дѣлѣ оно ведетъ къ другимъ послѣдствіямъ: землепашецъ, зная, что земля не закрѣплена за нимъ и во всякое время можетъ быть отнята отъ него, не находитъ въ себѣ особыхъ побужденій заботиться о ней и не старается обрабатывать ее, какъ слѣдуетъ: онъ довольствуется весьма малымъ, только крайне необходимымъ. А гдѣ нѣтъ привязанности земледѣльца къ землѣ, тамъ, конечно, не можетъ быть и успѣшнаго землепашества, тамъ, само собою разумѣется, съ трудомъ развивается и поддерживается патріотизмъ жителей. И едва ли не послѣдній былъ причиною установленія Турками-завоевателями закона объ аграрныхъ отношеніяхъ Турецкаго земледѣльца-райи. Впрочемъ, въ самое послѣднее время сдѣлано кое-что въ этомъ отношеніи, но земледѣльцу, всетаки, не дано еще тѣхъ гарантій во владѣніи землею, которыя въ Европѣ считаются существенными. За Болгарскимъ земледѣльцемъ нѣкоторымъ образомъ признается уже п р а в о владѣнія землею: съ нѣкоторыхъ поръ онъ можетъ располагать своею землею, передавать ее по своему усмотрѣнію, хотя земля, по прежнему, считается исключительно принадлежащею султану, а землепашецъ есть временный ея эксплоататоръ.

Въ Болгаріи мало есть фермъ (чифтликовъ); напротивъ, ихъ всюду можно видѣть въ Румеліи и Анатоліи. Болгарскій землепашецъ обрабатываетъ лишь ту землю, которая находится въ его пользованіи, и, можно сказать, что онъ владѣетъ такимъ ея количествомъ, какое можетъ обрабатывать. По новому закону, землевладѣлецъ, оставляющій свою землю безъ обработки втеченіе 5 лѣтъ, теряетъ право ею пользоваться. За уплатою десятины и другихъ сборовъ и налоговъ, всѣ добытые земельные продукты, по закону, оставляются крестьянину въ полное его распоряженіе. Нѣкоторые землевладѣльцы, не желающіе сами обрабатывать свои поля, отдаютъ ихъ въ аренду, или же обрабатываютъ ихъ чужими руками за свой счетъ. Въ первомъ случаѣ землепашецъ даетъ зерно. орудія и скотину, и выручка дѣлится по поламъ; во второмъ же случаѣ землевладѣлецъ, около св. Георгія (въ апрѣлѣ), нанимаетъ рабочихъ до св. Димитрія (въ октябрѣ), или нанимаетъ ихъ поденно, платя имъ по 4 или 5 піастровъ въ день (около 30 к.) и давая имъ харчи: муку, вино и водку два раза въ день. На существующихъ здѣсь чифтликахъ имѣются сторожа или факторы, которые ближайшимъ образомъ и завѣдуютъ ихъ хозяйственными дѣлами. Каждое семейство, живущее на чифтликѣ, втеченіе всего лѣта, должно работать даромъ три дня въ недѣлю. Этотъ трудъ считается вознагражденіемъ за услуги, оказываемыя владѣльцемъ чифтлика чифчи, который даетъ имъ впередъ деньги въ уплату податей и т. п. Изъ этого видно, что чифтликъ имѣетъ много сходства съ прежними западными феодальными землями и нашими помѣстьями. И дѣйствительно, чифтликъ сначала составлялъ собственно земли, уступленныя султаномъ во время завоеванія, или послѣ него, нѣкоторымъ своимъ сподвижникамъ какъ бы въ вознагражденіе за ихъ труды во время войны. Конечно, получившіе земли были исключительно мусульмане, да и въ настоящее время чифтликами владѣютъ преимущественно мусульмане. Въ Болгаріи христіане рѣдко дѣлаются владѣтелями чифтликовъ. Это обстоятельство, что христіане рѣдко владѣютъ чифтликами (въ Анатоліи, напротивъ, съ нѣкоторыхъ поръ встрѣчаются, впрочемъ, немногіе примѣры того, что ими владѣютъ и христіане), отчасти объясняется тѣмъ, что христіане постоянно встрѣчаютъ затрудненія относительно управленія ими, особенно, если между семействами, живущими на земляхъ чифтлика, есть мусульманскія семейства.

Въ настоящее время въ Болгаріи земля, раздѣленная на земельные участки, находится во владѣніи землепашцевъ-христіанъ и Турокъ;

земля же, коотрая остается ни въ чьемъ владѣніи, принадлежитъ сельской общинѣ, или правительству (бейликъ, мири); изъ послѣдней часть назначается для скотоводства. Обыкновенно въ каждой деревнѣ одна часть земли не отчуждаема, другая же часть остается необработанной и можетъ быть продана, или отдана въ пользованіе. Фактъ признанія за извѣстнымъ лицомъ права владѣнія землею вписывается въ реэстровую книгу и владѣльцамъ выдаются документы (ходжетъ, тапу). Введеніе тапу сначала было вызвано денежною нуждою Турецкаго правительства, пожелавшаго наложить на земледѣльца новый сборъ за обрабатываемую имъ и находившуюся уже въ давнишнемъ его пользованіи землю и лишь, въ принципѣ, принадлежавшую правительству. Этотъ законъ о введеніи тапу какъ будто заключаетъ въ себѣ и нѣкоторыя добрыя послѣдствія для получающихъ тапу. Разсуждая даже и по-Турецки, выдача правительствомъ тапу, естественно, повела за собой признаніе за райею поземельной собственности. Такимъ образомъ, Болгарскій землепашецъ, имѣющій въ своихъ рукахъ документъ (ходжетъ, тапу) на землю, есть уже землевладѣлецъ. Дальнѣйшее развитіе или примѣненіе этого закона какъ будто оправдываетъ такой взглядъ на него. Владѣлецъ, занимающій деньги подъ залогъ своей земли, обязанъ выдать кредитору свой ходжетъ, который остается въ рукахъ заимодавца до полной уплаты долга, такъ что владѣлецъ не можетъ ни передать своего права на землю безъ передачи ходжета, ни продать ее. Нѣсколько времени тому назадъ, Порта дозволила и иностранцамъ пріобрѣтать при извѣстныхъ условіяхъ недвижимую собственность. Впрочемъ, этимъ она узаконила только то, что de facto давно уже имѣло мѣсто: иностранцы и прежде постоянно владѣли недвижимостью, хотя и подъ чужимъ именемъ; нынѣшній законъ не расширилъ ихъ правъ, ибо въ этомъ отношеніи они наравнѣ съ другими жителями совершенно подчиняются мѣстнымъ законамъ, или, вѣрнѣе сказать, беззаконности Турецкихъ чиновниковъ, противъ которыхъ единственной уздою были капитуляціи, а имъ-то теперь новымъ закономъ нанесенъ сильный ударъ.

Горы, составляющія южную и юго-западную границу вилайета, еще въ недавнее время были богаты лѣсами; тутъ и теперь ростутъ: дубъ, букъ, липа, вязъ, береза, сосна и друг. Всѣ лѣса, въ принципѣ, принадлежатъ правительству. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ они ни-

кому не принадлежали или, лучше сказать, принадлежали всѣмъ, желающимъ ими пользоваться: рубилъ ихъ всякій, кто хотѣлъ. Въ настоящее время лѣса въ Дунайскомъ вилайетѣ, большею частью, истреблены, и Порта, вѣчно нуждающаяся въ деньгахъ, ищетъ продать и остальные лѣса. Таже нужда въ деньгахъ заставила Порту присвоить себѣ исключительное право если не владѣнія, то, по крайней мѣрѣ, пользованія лѣсами. Отсюда произошло много столкновеній между деревнями и хозяевами ихъ. Нѣкоторые изъ лѣсовъ оставлены были въ общее владѣніе деревень, другіе переданы были владѣльцамъ изъ мусульманъ, а третьи, наконецъ, поступили въ казну. Такъ какъ всѣ преобразованія вводились въ Турціи Французами и на Французскій ладъ, то и управленіе лѣсами ввѣрено было организованной на Французскій ладъ администраціи чиновниковъ съ большимъ жалованьемъ, и многіе Французы получили мѣста въ этомъ управленіи. Но визирство Махмуда-паши измѣнило многое во Французскихъ порядкахъ, введенныхъ, но, впрочемъ, не привившихся въ Турціи.

Въ лѣсахъ, принадлежащихъ казнѣ, землепашцы могутъ рубить лѣсъ, необходимый для постройки ихъ жилищъ, но, при этомъ, они не должны брать деревьевъ извѣстнаго возраста, годныхъ въ продажу. Когда они отправляютъ дрова, или строевой лѣсъ въ продажу, обязаны уплачивать по 3 гроша съ телѣги [17]).

Главные лѣса слѣдующіе: въ Рущукскомъ округѣ считается лѣсовъ на разстояніи 25 часовъ въ длину и 14 въ ширину. Они состоятъ изъ дуба, падуба, липы. Въ 4 часахъ къ западу отъ Силистріи тянется лѣсъ Каракузу на разстояніи 6 часовъ въ длину и 1 часа въ ширину; отъ нея же на югозападъ въ $7^1/_2$ часовомъ разстояніи есть лѣсъ, въ $1^1/_2$ часа, изъ дуба, падуба, ясени и ветлы. Шумлинскій округъ также имѣетъ лѣса, которые не приведены еще въ извѣстность. Въ Разградскомъ округѣ находится извѣстный лѣсъ Дели-Орманъ, который захватываетъ округа Рущукскій и Силистрійскій; въ немъ одного краснаго дуба считается болѣе 200 т. дено-

[17]) Въ Турціи лѣса раздѣляются на 4 разряда: 1) государственные, 2) вѣдомства евкафовъ (вакуфовъ, т. е. духовныхъ имѣній), 3) общинные или „балталыкъ" и 4) принадлежащіе частнымъ лицамъ. Казенные лѣса могутъ отдаваться на откупъ. Пользующіеся лѣсными произведеніями безъ разрѣшенія лѣсничихъ облагаются опредѣленнымъ штрафомъ. Отчуждать части общиннаго лѣса въ пользу частнаго лица Турецкими законами воспрещается, а продаваемыя дрова этого лѣса облагаются десятинною податью. *Ред.*

мовъ [18]). Въ Свищевскомъ округѣ 4,000 денюмовъ лѣса, а въ Никопольскомъ около 20,000; въ Плевненскомъ 173,150 денюмовъ лѣса, принадлежащаго частнымъ лицамъ; въ Джумайскомъ лѣса тянутся на 8 часовъ ширины и 3 часа длины и состоятъ изъ дуба, бука, липы, орѣшника, дерена (cornouiller) (?) и ветлы. Въ Тутраканѣ казенный лѣсъ имѣетъ 5 ч. длины и 2 ч. ширины. Варнинскій приморскій лѣсъ (Батовъ) имѣетъ 4 часа ширины и 1 часъ длины и состоитъ изъ дуба, бука, тополя, ветлы, дерена и дикихъ плодовыхъ деревьевъ; другой лѣсъ Камчій-Балканъ имѣетъ 3 часа длины и $1^1/_2$ часа ширины и состоитъ изъ ясени, вязу, буку и дерена. Въ округѣ Базарджикскомъ пространство около 33,830 денюмовъ покрыто лѣсомъ. Въ Виддинскомъ округѣ числится 140 т. денюмовъ, въ Адлійскомъ—220,000 д., въ Раховскомъ—190 т. д., въ Берковачскомъ—658 т. д., въ Бѣлградчикскомъ — 462 т. д., въ Врачанскомъ—560 т. д., въ Ломскомъ 188 т.—итого 2.319,000 денюмовъ, изъ которыхъ большая часть принадлежитъ правительству, а меньшая—частнымъ лицамъ. Въ Кюстендильскомъ округѣ числится лѣсу 15,000 денюмовъ; въ Златицкомъ—2,000 денюмовъ лѣсу принадлежатъ частнымъ лицамъ, а 25,000 т. д. казенныхъ лѣсовъ; въ Ихтиманскомъ округѣ 45 т. д., принадлежатъ частнымъ лицамъ; по близости горы Рыло, въ участкѣ Гико, находится около 50 т. д., въ Терновскомъ округѣ 200,000 денюмовъ принадлежитъ частнымъ лицамъ, а 50 т. д. казнѣ; лѣса тянутся въ ширину на 3 часа, а въ длину на 5 ч.; состоятъ преимущественно изъ дуба, падуба и ясени. Въ Ловчинскомъ округѣ всѣ лѣса, лежащіе на Балканахъ, принадлежатъ частнымъ лицамъ. Въ Османъ-Базарскомъ округѣ 25 т. д. принадлежатъ также частнымъ лицамъ, а въ Сельвійскомъ—числится 30 т. д., изъ которыхъ 20 т. д. принадлежатъ частнымъ лицамъ, а 10 т. д. казнѣ. Въ Габровскомъ округѣ 50 т. д., изъ которыхъ 30 т. д. принадлежатъ частнымъ лицамъ; лѣсъ состоитъ изъ бука и орѣшника. Въ Мачинскомъ, Исакчійскомъ и Бабадагскомъ округахъ всѣ лѣса принадлежатъ правительству; мѣстному сельскому населенію, съ дозволенія начальства, разрѣшено брать лѣсъ на свои потребности; въ Исакчѣ и Мачинѣ имѣется лѣсовъ 30 т. д., 6 часовъ въ длину и 2 ч. въ ширину; здѣсь ростетъ, дубъ. ясень, липа и вязъ; въ Бабадагскомъ округѣ находится столько же лѣсу и онъ состоитъ изъ тѣхъ же деревьевъ. Около Сулины

[18]) Денюмъ или делюмъ = немного менѣе десятины.

есть мѣстечко Алти-ташь (Шесть Камней), имѣющее лѣсъ въ 453,355 д.; у Махмудья есть лѣсъ, называемый Бештепе (Пять Холмовъ) въ 6 т. д. Въ Мачинѣ, Исакчѣ и Тульчѣ рубятся лѣса для досокъ, которыхъ отсюда вывозится очень много.

Прежде съ земли не платилось никакой подати, взималось только 10% съ ея произведеній, чѣмъ и кончался весь оброкъ [19]). Нынѣ еще введена подать за владѣніе землею: 4 гроша съ денюма (э м л я к ъ) [20]). Самая десятина, со времени Митхада, обращена здѣсь въ осьмину, и если встрѣчаются неурядицы и безпорядки, то не столько отъ системы обложенія сборомъ, сколько отъ системы ея примѣненія. Сборъ податей натурою отчасти соотвѣтствуетъ положенію здѣшнихъ поселянъ, но

---

[19]) Десятина (ошуръ), по закону, должна взиматься въ размѣрѣ $^1/_{10}$ со всѣхъ произведеній земли. Десятина съ урожая хлѣбовъ, хлопка и со всѣхъ произведеній почвы взимается натурою; десятина съ сѣна луговъ (за исключеніемъ пастбищныхъ мѣстъ), винограда, плодовъ, меда взимается, по согласію обѣихъ сторонъ, натурою или деньгами, высчитываемыми по существующимъ мѣстнымъ цѣнамъ. Десятина съ хлѣба, ячменя и другихъ подобныхъ продуктовъ взимается, по согласію обѣихъ сторонъ и сообразно мѣстнымъ обычаямъ, связками (снопами), или мѣрою. Находящіеся въ огородахъ городскихъ и сельскихъ домовъ лѣсъ, уголь, огородная зелень (не заготовляемая въ-прокъ) вовсе не облагаются податью. До крайнихъ предѣловъ возвысившаяся нынѣ десятина одно время взималась въ размѣрѣ лишь $^1/_{40}$. Порта, нуждаясь въ деньгахъ, вмѣсто $^1/_{10}$ взимаетъ иногда $^1/_8$ и даже $^1/_7$. Сборъ десятины Порта, для большаго своего удобства, обыкновенно отдаетъ съ публичныхъ торговъ на откупъ и откупная сумма обыкновенно уплачивается впередъ. Къ торгамъ допускаются товарищества и отдѣльныя лица, имѣющія поручителями Константинопольскихъ банкировъ или вообще подданныхъ султана, извѣстныхъ въ провинціи своимъ богатствомъ. Откупщики,—изъ которыхъ каждый можетъ брать десятину на откупъ только въ казахъ *одного* санджака,—пользуются расположеніемъ вліятельныхъ чиновниковъ или стачкою съ ними. По закону, они, къ тому, обязаны *облегчать* откупщикамъ взиманіе податей; чиновники же нерѣдко сами бываютъ откупщиками этого прибыльнаго налога. Откупщикъ сдаетъ отъ себя откупъ по частямъ подъ-подрядчикамъ; эти послѣдніе, въ свою очередь, вступаютъ въ сдѣлки съ новыми лицами и т. д. И каждый сборщикъ старается извлечь изъ своего участка возможно большую сумму, такъ какъ разница составляетъ его выгоду. При этомъ откупщики дѣлаютъ всевозможныя притѣсненія и злоупотребленія. Въ концѣ концовъ, Болгаринъ-земледѣлецъ платитъ не десятую, а $^1/_5$ $^1/_3$ и даже $^1/_2$ изъ всего собраннаго имъ урожая.

Десятина—одно изъ величайшихъ бѣдствій Турецкихъ христіанъ и способна совершенно раззорить и обезлюдить цѣлыя мѣстности! Достаточно упомянуть, что она есть источникъ огромнаго богатства, которое наживаютъ откупщики и чиновники и что не смотря на то, что едва половина всего десятиннаго сбора достигаетъ кассъ казначействъ Порты, налогъ этотъ составляетъ самый значительный источникъ доходовъ Порты: съ 50 мил. фр., полученныхъ Портою въ 1856 г., они возрасли до $156^1/_2$ мил. фр. въ 1876 году. *Ред.*

[20]) Гербовый сборъ „интикаліе-тапу-парасы", взимаемый за право владѣнія недвижимою собственностью, составляетъ $4^1/_2$ піастра. При переходѣ ея къ новому владѣльцу или наслѣднику (изъ нѣсколькихъ наслѣдниковъ одного нераздѣльнаго имущества „ходжетъ" получаетъ *каждый отдѣльно*), уплачивается $2^1/_2$% со стоимости; наслѣдникъ, не совершившій, втеченіе 4-хъ мѣсяцевъ со дня смерти владѣльца, ввода во владѣніе, уплачиваетъ вдвойнѣ. *Ред.*

способъ этого сбора до крайности нелѣпъ и раззорителенъ. Здѣшній вилайетъ, по оффиціальнымъ источникамъ, даетъ слѣдующіе сборы:

Сборъ съ недвиж. имуществъ (онъ называется верги) [21] . .	44,009	мѣшковъ	или	5.061.035	франковъ.
Военная повинность немусульманъ (аскеріе, бедель) [22].	20,220	„	„	2.325,300	„
Сборы съ овецъ (бегликъ) .	50,478	„	„	5.804,970	„
Разные сборы	36,377	„	„	4.183,355	„
Десятина (ошуръ)	165,049	„	„	18.980,635	„
Итого.	316,133	мѣшка	или	36.355,295	франковъ

[21]) „Верги“ (подоходный налогъ), количество котораго опредѣляется Портою, по Турецкимъ уставамъ, долженъ производиться по росписи, составленной въ совѣтѣ казы, для каждаго селенія отдѣльно. По полученіи этой росписи, мухтары, приготовивъ списокъ домовъ съ обозначеніемъ именъ ихъ владѣльцевъ, собираются на сходку и устанавливаютъ раскладку между жителями суммы, исчисленной въ росписи казы. Затѣмъ, роспись утверждается совѣтомъ казы и возвращается въ селенія. Мухтаръ обязанъ доносить правительству о томъ, когда роспись признана въ совѣтѣ казы неправильною, или обременительною для жителей. Налогу „верги“ подлежатъ, за исключеніемъ иностранцевъ, всѣ жители имперіи. Размѣръ его не одинаковъ во всѣхъ мѣстностяхъ имперіи. Въ Дунайскомъ вилайетѣ, по окончаніи кадастра, сборъ съ налога „верги“ сразу увеличился на 34%. Доходъ „верги“ постепенно возросталъ: въ 1856 г. поступило въ имперіи 46 мил. фр., въ 1866 г.—68 мил. фр., 1875—76 г.—75 мил. франковъ.

Въ недавнее время налогъ „верги“ замѣненъ тремя отдѣльными налогами: а) „емлякъ“—4% съ 1000 цѣнности недвижимаго имущества, б) „теметю“—налогъ на трудъ (30% съ 1000), которому подлежатъ всѣ жители отъ 16 до 65 лѣтняго возраста, в) „ижаръ“ налогъ (30% съ 1000) на доходъ недвижимаго имущества. Слѣдовательно, на одно и тоже имущество падаетъ два налога: одинъ по его оцѣнкѣ, а другой съ дохода.

Такъ какъ и оцѣнка стоимости и доходности имущества производится крайне произвольно и всегда въ высшемъ размѣрѣ, то и налогъ взимается въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ бы слѣдовало. *Ред.*

[22]) „Бедель“—налогъ за освобожденіе христіанскаго населенія отъ воинской повинности. Въ прежнія времена немусульманскія общины выплачивали Портѣ „бедель“ въ извѣстной опредѣленной ею суммѣ, которая распредѣлялась между жителями, сообразно ихъ состоянію (бѣдные жители платили 15 піастровъ, средняго состоянія 30, а богатые 60). Хотя по „хатти-шерифу“ (1839 г.) и „хатти-хумаюну“ (1856 г.), всѣ подданные Порты допускаются къ отправленію воинской повинности, но Порта, все таки, продолжала собирать „бедель“ по слѣд. разсчету: съ 180 *взрослыхъ* мужчинъ положено было брать одного человѣка; повинность лица, несущаго дѣйствительную военную службу, оцѣнивалась ежегодно въ 5,000 піастровъ, слѣд., на каждаго изъ 180 *взрослыхъ* мужчинъ (отъ 16—60 л.; съ 45 л. плательщика подать уменьшалась) приходилось налога 27,7 піастра. Въ 1868 г. Порта назначила возрастъ для уплаты „бедель“ 12 лѣтній, а въ 1874 г. она распорядилась брать „бедель“ со всѣхъ христіанъ мужскаго пола, переписанныхъ въ мартѣ того года. Собственно говоря, Порта предписала брать съ дѣтей 1/4 налога, но такъ какъ размѣръ подати „бедель“ взрослаго мужчины превышалъ, со включеніемъ разныхъ поборовъ сборщиковъ, 36 піастровъ, то количество подати одного семейства. считая его состоящимъ изъ 2 взрослыхъ и 2 малолѣтокъ, достигало 60 піастровъ. Дунайскій вали приказалъ собирать „бедель“ въ размѣрѣ 36 піастровъ и съ малолѣтнихъ. Такимъ образомъ, на ту же семью падало налога „бедель“ по 144 піастра. Султанскій фирманъ 1875 г. объ этомъ налогѣ, въ сущности, ничего не измѣнилъ къ лучшему *Ред.*

Кромѣ того, сюда не вошли таможенные доходы, такъ какъ они вѣдаются особеннымъ управленіемъ, подчиненнымъ центральному управленію въ Константинополѣ, и потому нѣтъ никакой возможности имѣть данныя относительно таможеннаго сбора[23]).

Расходы здѣшняго управленія, по оффиціальнымъ источникамъ, слѣдующіе:

Администрація, кромѣ таможенъ	35,030	мѣшковъ	или	4.028,450	франковъ.
Мечети и богоугодныя заведенія	5,424	„	или	623,760	„
Полиція, жандармы, тюрьмы, мосты	16,733	„	или	1.924,295	„
Черкесское поселеніе	3,026	„	или	347,990	„ .
Итого	60,213	мѣшковъ	или	6.924,495	франковъ.

Такимъ образомъ, за вычетомъ расходовъ на мѣстное управленіе, получается чистаго дохода 29,430,800 франковъ. Если присоединить къ этой цифрѣ 3 милл. (приблизительно) таможеннаго сбора, то окажется, что Дунайскій вилайетъ ежегодно вноситъ въ Константинопольскую казну 32 милл. фр. (Сюда, конечно, не входитъ содержаніе второго корпуса войска, которое обезпечиваетъ за Турками владѣніе этой провинціей).

Приведемъ здѣсь приходорасходную таблицу податей и управленія за нѣсколько лѣтъ.

	Получено:	Израсходовано:
Въ 1864 г.	22.552,928 фр.	6.189,074
— 65 „	23.466,604 „	6.989,699
— 66 „	26.317,871 „	6.161,871
— 67 „	27.152,715 „	5.760,644
— 70 „	36.355,295 „	6.924,495

Небезъинтересно сравнить эти данныя, полученныя со времени учрежденія вилайета, съ данными за 1857 г., когда Дунайскій вилайетъ состоялъ въ вѣдѣніи двухъ мушировъ—Виддинскаго и Силистрійскаго. Прихода было 35.958,000 фр., расхода 3.316,000

---

[23]) Таможенный сборъ съ ввозимыхъ товаровъ взимается Турціею, на основаніи торговыхъ трактатовъ, заключенныхъ ею съ различными державами. Надо замѣтить, что тарифа пошлинъ при Сводѣ Турецкихъ законовъ не имѣется. Произведенія, вывозимыя за границу, облагаются 1%. Лица, занимающіяся заграничною торговлею, обязаны имѣть свидѣтельство (ильми-хаберъ). Съ крѣпкихъ напитковъ, производимыхъ въ Турціи, взимается 10% пошлины ad valorem. *Ред.*

фр. Остатокъ: 32,642,000 фр. Такимъ образомъ, оказывается, что правительство теперь получаетъ менѣе прежняго и, кромѣ того, содержитъ еще войско.

Нельзя не замѣтить, что во всей Европѣ, быть можетъ, нѣтъ другой столь замѣчательной провинціи, которая, при всѣхъ громадныхъ недостаткахъ финансоваго управленія вилайетомъ, давала бы правительству такой значительный доходъ и, въ тоже время, обходилась бы ему столь дешево. Если же правительство вздумало содержать въ провинціи почти цѣлый корпусъ войска (около 20 т.), то это вызывается не потребностью страны, — самой тихой между всѣми провинціями Турецкой имперіи, —а географическимъ положеніемъ этой провинціи и, кромѣ того, тѣмъ значеніемъ, которое хотѣлъ ей придать Митхадъ, предполагая изъ Болгаріи (первое названіе вилайета, данное ему Митхадомъ) создать, впослѣдствіи, княжество, съ заднею мыслью для себя.

На христіанахъ, кромѣ правительственныхъ налоговъ, лежатъ еще и другіе платежи, которые они вносятъ на содержаніе духовенства, школъ, ангáріи (реквизиціи). Существуетъ множество такихъ сборовъ, которымъ нѣтъ даже и названія въ финансовой системѣ [24]). Предположивъ, что эти сборы составляютъ около 2 м., —въ итогѣ, вмѣстѣ съ таможенными сборами, составится 40 м. Выше мы сказали, что народонаселеніе можетъ быть опредѣлено въ 2 милл., поэтому на взрослую душу придется 40 фр. ежегодной подати, которую надо признать слишкомъ обременительною для плательщиковъ, если принять во вниманіе тѣ невыгодныя условія жизни и тѣ лишенія, въ которыя поставлены здѣшніе жители. Чтобы собрать эту сумму съ народонаселенія, не имѣющаго никакаго правильнаго кадастра, надо предположить, что произведенія земли очень богаты.

---

[24]) Кромѣ перечисленныхъ видовъ налога, между прочимъ, существуютъ еще сборы: особый поземельный налогъ (чалтыкъ-ижары) съ рисовыхъ полей, сборъ (поступающій цѣликомъ въ казну) за отдачу въ пользованіе общественныхъ пастбищъ, налогъ (серчимъ—по 3½ піастра) съ каждой свиньи и поросенка, налогъ (беглигъ по 4½ п.) на барановъ и козъ, акцизъ (гюмрукъ—12½ %) съ водки, вина, соли и табаку, доходы съ монополій (соль, табакъ, порохъ и др.), паспортный сборъ (тескеріе-паспортъ, билетъ вообще) годовой за право проѣзда внутри имперіи—8½ п., въ васальныхъ княжествахъ—40 п. и за границу—100 піастровъ, гербовой сборъ, доходы спеціальныхъ источниковъ, какъ-то: телеграфный, почтовый, карантинный, съ государственныхъ имуществъ, рудниковъ и т. д. Въ городскія кассы поступаютъ налоги „интизанъ“, взимаемый при продажѣ крупнаго скота, „духуліе“ на вѣсы и мѣры, „зебхіе“ за убой скота; взимается особый сборъ съ охотниковъ и съ объѣзчиковъ за право носить оружіе. Христіане выплачиваютъ специальный налогъ въ пользу церквей: съ каждаго вѣнчика въ годъ платится отъ 8 до 5 піастровъ. *Ред.*

Количество животныхъ въ Ду

Санджаки.	Животныя для земледѣлія.		Для убоя.					Жеребцы.
	Буйволы.	Волы.	Буйволы.	Буйволицы.	Быки.	Коровы.	Телята.	
Рущукъ	21,116	3,289	8,776	22,719	7,400	70,000	82,111	11,917
Виддинъ	17,000	30,000	17,700	17.000	4,200	42,000	34,000	5,273
Софія	6,202	44,277	7,121	7,745	6,286	61,593	43,780	16,056
Терново	3,996	28,973	13,896	40,628	2,565	40,614	40,628	11,211
Варна	4,675	26,774	4,483	11,287	1,009	20,164	12,237	16,823
Тульча	118	59,397	1,023	1,342	1,064	43,340	20,355	13.207
Итого	53,107	192,710	52,999	100,671	22,524	277,711	233,111	74.487

При хорошихъ обстоятельствахъ сельско-хозяйственной жизни Болгарина, богатство этого землепашца состоитъ не изъ земли, ему не вполнѣ принадлежащей и за которую онъ платитъ 4 гроша съ денюма въ годъ (эмлякъ), но въ тѣхъ средствахъ, которыми онъ обрабатываетъ ее. Эти средства слѣдующія:

Пара воловъ до	3,000	грошей
Одна корова	1.000	„
20 овецъ	900	„
2 свиньи	100	„
и нерѣдко одна лошадь		
	5.000	грошей

Земельный участокъ Болгарина, приносящій ему доходъ, обыкновенно составляетъ 25—30 денюмовъ, къ которымъ надо присоединить 2—3 денюма виноградниковъ и садъ въ денюмъ, да землю, занимаемую жилищемъ и гумномъ. За этотъ скотъ, принадлежащій поселянину и оцѣняемый общею суммою въ 5,000 грошей, онъ платитъ въ годъ:

найскомъ вилайетѣ за 1870 г.

Кобылы.	Жеребята.	Бараны.	Овцы.	Ягнята.	Козы.	Козлы.	Козлята.	Ослы и лошаки.	Свиньи.
42,969	21,340	389,072	566,367	236,280	102,314	8,026	„	6,398	25,122
17,000	10,000	35,000	600,000	243,000	134,539	10,200	„	646	12,140
22,464	11,694	434,324	1.018,656	235,140	380,348	27,196	„	3,025	126,752
12,211	5,747	45,617	445,965	171,311	131,618	9,771	„	2,650	34,873
39,573	9,105	42,644	457,997	92,631	43,662	5,395	„	612	3,494
16,670	5,128	25,654	409,886	91,468	17,498	4,115	„	530	13,461
150,887	63,014	972.311	3.498,871	1.069,830	809,979	64,703	277,401	13,861	215,842

Верги (подушная подать)	200	грошей.
Бедель (военная)	105	„
Въ общину	40	„
Десятины	337	„
За овецъ	80	„
За свиней	20	„
Съ виноградника, по $2^1/_2$ гр. за денюъ	$7^1/_2$	„
За виноградъ (10%)	28	„
За вино (8 паръ съ ока)	200	„
За ракію (водку)	14	„
Итого . .	$1,081^1/_2$	грошей.

Косвенныхъ податей:

Табакъ	36
Соль (парà съ ока)	24
За землю (25 денюм)	100
Тескеріе	10
	170

Податей разныхъ другихъ наименованій:

Священнику	17
Школьному учителю	10
Мухтару (старшинѣ)	10
Чорбаджію	8
Пастуху	8

Качутчи (лѣсничему)	8
Кормъ чиновниковъ и ихъ лошадей	100
За шоссе	20
	181

Слѣдовательно, Болгаринъ-земледѣлецъ всего вноситъ 1,382½ гроша съ 5,000 въ годъ или 30% съ имущества, кромѣ работъ натурою, процентовъ и прочихъ податей, не имѣющихъ даже названія на Европейскихъ языкахъ.

Стоимость всего скота, принимая въ соображеніе его низкую цѣну и большіе торговые обороты съ нимъ, можно опредѣлить въ 15 м. фр. Если мы къ этому присоединимъ семь милліоновъ, вносимые за сельско-хозяйственныя произведенія, не поименованныя выше, каковы: сѣно, кожи, конопля, ленъ, разныя сѣмена, овощи, фрукты, то въ итогѣ получимъ 135 м.,—сумму, какую здѣшній вилайетъ платитъ Турецкому правительству. Такимъ образомъ, онъ ежегодно вноситъ со своего имущества до 30%, между тѣмъ, какъ по ту сторону Дуная, т. е. въ Румыніи, платятъ только отъ 4 до 7%.

Горная и средняя часть Дунайскаго вилайета, по качественности своей почвы, значительно отличается отъ низменной, Добруджи, которая могла бы быть самою производительною страною, еслибы весною и осенью не страдала отъ наводненія, а лѣтомъ отъ засухи. Для этого необходимо было бы предпринять нѣкоторыя гидравлическія работы, которыя принесли бы громадную пользу для сельскаго хозяйства; но Турція живетъ со дня на день и не думаетъ о завтрешнемъ днѣ.

За исключеніемъ этихъ низменныхъ и болотныхъ пространствъ, Дунайскій вилайетъ богатъ землею, удобною къ обработкѣ: отъ Дуная до самыхъ Балканъ земля не очень холмиста и состоитъ изъ наносной почвы, по крайней мѣрѣ, на метръ глубины. Только третья часть всего пространства земли обработывается; двѣ трети ея остаются подъ кустарникомъ, или состоятъ изъ мертвыхъ лѣсовъ, т. е. почвы совершенно голой,—естественно, цѣнность этого рода земли очень низка. Рѣдко встрѣчается продажа сельскихъ земель, такъ какъ мало у кого чувствуется надобность тратить деньги, чтобы имѣть землю лишь для обработки; напротивъ, земли, которыя находятся въ срединѣ деревень, имѣютъ нѣкоторую цѣнность, а именно: за денюмъ пахатной, но необработанной, [illegible] платится 100 грош. (23 фр.); за поле—отъ

300 до 350 грош. (67—77 фр.). Такимъ образомъ, эктаръ обрабатываемой земли вблизи деревни стоитъ 240 фр., а поле—отъ 460 до 650 фр. Не смотря на то, что земля въ Дунайскомъ вилайетѣ вообще богата и съ избыткомъ вознаграждаетъ трудъ земледѣльца, однакожъ этотъ послѣдній, за уплатою десятины, разныхъ другихъ налоговъ и за вычетомъ издержекъ на посѣвъ и другихъ расходовъ, получаетъ чистаго барыша, напримѣръ, съ кукурузы только 8 эктолитровъ за эктолитръ, что̀ равняется цѣнности 56 фр. Этотъ барышъ, самъ по себѣ высокій относительно цѣнности земли, значительно уменьшается при сравненіи съ 20 и 30 процентами и даже болѣе на капиталъ, заимствованный землепашцемъ.

Малоцѣнность земли въ Дунайскомъ вилайетѣ не имѣетъ значенія: землепашецъ, ея владѣлецъ, все-таки находится въ долгу, который имъ сдѣланъ по особеннымъ причинамъ, или же вслѣдствіе неурожая; проценты же на этотъ долгъ такъ наросли, что нѣтъ возможности погасить его. Съ году на годъ долговыя суммы, которыя должны быть когда либо возвращены, и задатки, которые должны быть когда-либо уплачены,—такъ какъ они гарантированы сборомъ хлѣба заложеннымъ кредиторамъ,—втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ возростаютъ до такихъ размѣровъ, что состояніе землепашца рѣшительно разрушается.

Такъ, напримѣръ, въ Варнѣ заимодавцы готовы нынѣ пожертвовать 50% долга, лишь бы только получить остальное. Если землепашецъ по тѣмъ или другимъ причинамъ вынужденъ бываетъ прибѣгнуть къ займу, то кредиторъ всегда и очень легко находится въ лицѣ, по большей части, Грека, или Еврея; кредитора подбиваетъ къ тому возможность всегда забрать сборъ съ 50% уступки.

Митхадъ-паша, управлявшій Дунайскою провинціею съ 1864 по 1869 годъ, старался помочь этому ненормальному положенію земледѣльческаго населенія. Учрежденіе поземельныхъ банковъ являлось наиболѣе существенною мѣрою, которая могла тогда въ нѣкоторой степени удовлетворять нужды земледѣльцевъ въ кредитѣ. Но для учрежденія такихъ банковъ Митхадъ-паша нуждался въ содѣйствіи чорбаджіевъ,—этихъ христіанскихъ представителей угнетенной райи въ Турецкихъ судахъ и предъ всѣми властями. Но тутъ-то Митхадъ-паша и встрѣтилъ противодѣйствіе, ибо чорбаджіи, съ учрежденіемъ банковъ, теряли лучшее помѣщеніе своимъ капиталамъ. Чорбаджіи очень откровенно отвѣчали грозному правителю,

что они живутъ процентами съ своихъ капиталовъ, которые, съ открытіемъ банковъ, не будутъ приносить имъ болѣе 12% въ годъ, такъ какъ землепашцы, естественно, за ссудою будутъ обращаться къ банкамъ. Но когда паша, не смотря на то, что онъ щадилъ чорбаджіевъ,—этихъ главныхъ Турецкихъ полицейскихъ, нашелъ, все-таки, возможность открыть банки, то чорбаджіи, чтобы парализировать ихъ дѣйствіе, сами стали занимать въ банкѣ деньги по 12%, ссужая ихъ потомъ, въ розницу, землепашцу по 18 и 20% въ годъ. Банки значительно облегчили положеніе землепашца. Не находя капиталовъ у чорбаджіевъ для основанія кредитныхъ банковъ, Митхадъ старался основать послѣдніе при помощи самихъ землепашцевъ. Съ этою цѣлью онъ постановилъ, чтобы всякому владѣльцу сохи выдано было извѣстное количество кукурузы для посѣва, съ тѣмъ, чтобы сборъ посѣва послѣдней былъ проданъ въ пользу основного капитала сельскаго банка. Затѣмъ, крестьяне обязаны были обработывать часть необработанной земли и засѣвать кукурузою, и такая нововоздѣланная земля поступала въ управленіе самого банка. Такимъ образомъ, этотъ губернаторъ успѣлъ образовать огромный капиталъ, и чрезъ годъ послѣ принятія этой мѣры, въ кассѣ банковъ находилось 200 т. Турецкихъ лиръ или 4.600,000 фр. Въ 1867 году Митхадъ сообщилъ вилайетскому совѣту о результатѣ дѣятельности банковъ, который казался ему еще недостаточнымъ, и потому было положено продолжать развивать дѣятельность банковъ въ томъ же направленіи.

Своимъ владѣльцамъ-землепашцамъ банкъ долженъ былъ давать въ долгъ деньги за законные проценты, т. е. 12% въ годъ и отъ 10 до 20% со ста погашенія, смотря по кассамъ. Выгоды подобнаго учрежденія были поняты населеніемъ, и можно было ожидать, что черезъ нѣсколько лѣтъ землепашцы, при помощи банка, освободятся отъ своихъ кредиторовъ. Въ то же время необходимо было уничтожить стачку между купцами при покупкѣ зерна. Съ этою цѣлью было установлено, чтобы во всѣхъ округахъ для всѣхъ деревень былъ назначенъ опредѣленный день для публичной продажи зерна. Эта послѣдняя мѣра была также въ пользу землепашцевъ, потому что она установляла рыночную цѣну хлѣба; администрація же старалась сообщить имъ цѣны другихъ торговцевъ, которыя были болѣе или менѣе выгодныя, чѣмъ какія цѣны установлялись на мѣстѣ. Къ сожалѣнію, за смѣной Митхада, всѣ эти мѣропріятія рушились.

Произведенія земли въ 1870 году.

Санджаки.	Табакъ (оки).	Виноградъ (id.)	Бобы (кило).	Полба (id).	Рожь (id).	Кукуруза (id).	Овесъ (id).	Просо (id).	Ячмень (id).	Пшеница (id).
Рущукъ	95,350	11.963,748	60,383	41,605	596,312	2.336,735	562,958	61,324	3.122,416	10.553,396
Виддинъ	14,200	3.388,217	10,000	35,440	„	3.240.735	589,000	127 960	4.200,200	6.170,090
Софія	726,659	1.253,617	83,868	600,000	7.467,426	1.001,996	677,869	45,511	1.013,589	7.274,980
Герново	1.227,400	107.610,920	1.169,730	33,483	201,276	990,231	802,471	14,594	835,350	2.840,251
Варна	50,697	1.781,892	4,063	155	4,566	86,570	135,757	65,856	1.322,858	2.608,527
Тульча	39,727	1.229,502	28,880	206	53,883	115,778	81.623	179,339	1.261,809	1.226,243
Итого	2.154,033	127.227,896	1.351,924	710,889	8.323,463	7.772,045	2.799,678	494,584	11.756,222	30.673,487
	Цент	неры.	Э к	т	о	л	и	т	р	ы.
	27,787	1.648,976	473,173	248,815	2.913,208	2.720,215	989,887	173,088	4.116,077	10.125,438
Цѣнность на франки . . .	2.015,646	4.468,052	297,418	568,711	6.658,762	9.326,454	2.239,748	692,354	14.012,266	70.551,354

Главный земледѣльческій продуктъ въ Дунайскомъ вилайетѣ красная пшеница, которая съ особеннымъ успѣхомъ разводится въ округахъ Виддинскомъ, Рущукскомъ и Балчикскомъ. Митхадъ-паша хотѣлъ повсюду ввести гирку, которую Турки сѣютъ отъ Силистріи внизъ по дунаю до Мачина, а также около Балчика, гдѣ впрочемъ, она смѣшивается съ ячменемъ. Эта попытка Митхада не удалась. Озимый хлѣбъ предпочитается весеннему, такъ какъ воздѣлываніе послѣдняго почти никогда не удается. Хлѣбное зерно Дунайскаго вилайета—небольшое, красноватое и полное. Одно киле Рущукское (почти наша четверть) вѣситъ обыкновенно 123—125 окъ, т. е. 79 или 80 килограммовъ въ эктолитрѣ (почти полчетверти); но лучшее зерно изъ Плевны, Тернова, Ловча въ хорошіе годы имѣетъ 82 к. Въ Румыніи, при хорошихъ условіяхъ, пшеница родится лучше Болгарской, такъ какъ въ послѣдней надо всегда считать до 15% жита, или ячменя. Обработка пшеницы идетъ очень быстро; земля не удабривается; вспахивается же нѣсколько разъ предъ тѣмъ, когда сѣютъ, что̀ бываетъ обыкновенно въ м. ноябрѣ. Орало-соха такая же, какъ и у насъ; земля едва взъерошивается, и лишь только зерно брошено, оно тотчасъ запахивается. Жатва происходитъ въ половинѣ м. іюня. Составленные снопы должны оставаться на полѣ до тѣхъ поръ, пока явятся оцѣнщики десятины для опредѣленія $12^1/_2$% части, принадлежащей правительству. Крестьяне обязаны привезти десятину на опредѣленное мѣсто, невдалекѣ отъ деревни, и смолотить. Правительственный агентъ распредѣляетъ трудъ между поселянами соотвѣтственно количеству доставленной каждымъ изъ нихъ десятины: всякій поселянинъ, безъ различія вѣры и національности, обязанъ работать тутъ, какъ ему прикажутъ. Пока сборщики десятины не свѣрятъ и не возьмутъ части, имъ принадлежащей, поселяне не могутъ снять съ поля хлѣба. Если же кто либо имѣетъ надобность взять съ поля свой хлѣбъ, то обязанъ предварительно обратиться къ начальству общины. Оно посылаетъ эксперта, который свидѣтельствуетъ о количествѣ хлѣба, взятомъ до разсчета по десятинному налогу. Если окажется при этомъ злоупотребленіе, то этотъ налогъ взимается въ двойномъ количествѣ. Счастливыми считаютъ себя тѣ деревни, въ которыхъ десятина засвидѣтельствована и взята немедленно послѣ жатвы. Но обыкновенно, по небрежности и еще чаще изъ-за взятокъ, подобное засвидѣтельствованіе не дѣлается во-время, вслѣдствіе чего происходятъ громадныя потери

для поселянъ. Зачастую осенніе дожди застаютъ жатву на полѣ неубранною, такъ что весь хлѣбъ, естественно, долженъ испортиться. Такъ, напримѣръ, въ 1870 г. убытокъ, происшедшій отъ этого, разсчитанъ въ 20.000,000 фр. Молотьба совершается простымъ способомъ: заставляютъ лошадей бѣгать по гумну. Въ Румыніи и Венгріи уже заведено много земледѣльческихъ машинъ; Митхадъ-паша старался ввести машины и въ Дунайскій вилайетъ, и уже выписалъ нѣсколько, но, за недостаткомъ людей, умѣющихъ обращаться съ ними, эти машины остаются безъ употребленія [25]). Да, при томъ, и машины были куплены чрезъ посредство такихъ проходимцевъ, которые лишь хотѣли побольше нажиться при этомъ и сбыть съ рукъ негодныя орудія. Солома, послѣ молотьбы, тутъ же рубится диканомъ (доска, набитая маленькими кремневыми камнями, размѣщенными другъ отъ друга на разстояніи дюйма) и служитъ потомъ кормомъ скоту во время зимы. Очищенное зерно убирается въ амбары, большею частью деревянные, или же сдѣланные изъ фашинника, обмазаннаго грязью. Въ Добруджѣ, гдѣ нѣтъ лѣсу, зерно убирается въ ямы, обожженныя огнемъ, и потомъ закрывается соломою и землею, какъ это дѣлается у насъ въ Малороссіи и въ Валахіи.

Кромѣ Варны и Кюстендже, землепашцы обыкновенно не имѣютъ опредѣленнаго мѣста для сбыта зерна; поэтому, хлѣбные торговцы, при покупкѣ его, объѣзжаютъ деревни. Закупка зерна совершается, большею частію, въ началѣ весны, когда уже можно судить объ урожаѣ. Условіе дѣлается обыкновенно на письмѣ въ присутствіи свидѣтелей и утверждается чорбаджіемъ. Въ этомъ условіи выставляется цѣна и выговаривается доставка зерна, причемъ поселянину выдается $^1/_3$ и $^1/_4$ денегъ впередъ, съ вычетомъ процентовъ на эту сумму. Поселянинъ обыкновенно обязывается привезти и сдать проданное имъ зерно на одну изъ пристаней Дуная, гдѣ ему укажутъ. Здѣсь зерно мѣрится и, затѣмъ, уплачиваются деньги. Нѣкоторые изъ хлѣбныхъ торговцевъ покупаютъ зерно при молотьбѣ. Тѣже условія запродажи: задатокъ впередъ и обязательный привозъ на берегъ Дуная; но при этомъ торговецъ беретъ образчикъ зерна, запечатанный и засвидѣтельствованный чорбаджіемъ. Перевозъ зерна для сдачи его торговцу совершается на телѣгахъ, которыя обыкновенно везутся волами или буйволами. Внутри иногда перевозъ совершается вьюками на лошадяхъ, но тогда перевозочный расходъ увеличивается почти вдвое. Телѣги здѣсь дѣлаются

[25]) Собственная образцовая ферма (немунечифтликъ) Митхада-паши въ Ватишѣ совершенно заброшена.

почти такія, какія видимъ въ Россіи, но, Болгарскія телѣги, удобнѣе послѣднихъ. Ящикъ дѣлается изъ досокъ, дурно сколоченныхъ, а еще чаще изъ фашинника. Внизу телѣги кладется дно, которое снимается и держится на узлахъ. Такъ какъ эти днища бываютъ не всегда новы и исправны, то въ дорогѣ теряется много зерна, особенно если принять въ соображеніе самое жалкое состояніе здѣшнихъ большихъ и преимущественно проселочныхъ дорогъ. Телѣга вмѣщаетъ въ себя приблизительно около пяти четвертей хлѣба (10 эктолитровъ) и убыль его при перевозкѣ слѣдуетъ опредѣлить въ одинъ эктолитръ съ телѣги; а такъ какъ половина зерна перевозится на телѣгахъ, то мы получимъ на одну пшеницу 50 т. эктолитровъ потери зерна отъ здѣшняго дурнаго его провоза.

Цѣна на пшеницу измѣняется сообразно разстоянію деревень отъ Дуная, причемъ берется въ разсчетъ и состояніе дорогъ. Внутри Дунайскаго вилайета есть деревни, гдѣ эктолитръ отличной пшеницы можно имѣть за 3 и 4 франка, но провозъ ея на пристань Дуная обойдется въ 10 и 12 франковъ. Въ такихъ мѣстахъ избытокъ пшеницы идетъ на кормъ скота. Среднія же цѣны пшеницы изъ мѣстъ, имѣющихъ удобныя путевыя сообщенія, бываютъ приблизительно около семи франковъ за эктолитръ. Урожайнымъ годомъ считается тотъ годъ, когда пшеница родится самъ-девять.

Прежде на всю Дунайскую провинцію была только одна паровая мельница въ Варнѣ. Благодаря войнѣ, въ 1854—5 г. эта мельница много заработала отъ Французскаго войска. Теперь въ провинціи есть нѣсколько мельницъ, и самая большая между ними находится въ Рущукѣ.

Кукуруза (маисъ) сѣется по два или по три зерна въ ямки, расположенныя одна отъ другой на разстояніи одного шага. Когда стебли взойдутъ, то изъ нихъ оставляютъ рости только два или три: каждый стебель, среднимъ числомъ, имѣетъ три или четыре, иногда даже шесть вѣтвей. Сборъ кукурузы происходитъ въ м. сентябрѣ; она очищается, укладывается въ длинные, узкіе, хорошо закрытые магазины, обдѣланные изъ фашинника, чтобы въ нихъ могъ проходить воздухъ; въ магазинахъ кукуруза остается всю зиму. Въ Валахіи, при большомъ урожаѣ, кукуруза оставляется, втеченіе всей зимы и до самой весны, на полѣ. Кукуруза разводится преимущественно въ Варнинскомъ и Терновскомъ санджакахъ, такъ какъ климатъ тамъ сырѣе другихъ мѣстностей. Болгарская кукуруза мелка и желта, а Валаш-

ская крупная и бѣлая; въ торговлѣ первая предпочитается второй и продается 20% дороже. Вѣсъ ея 84 кило въ эктолитрѣ; цѣна 5 или 7 франковъ. Продажа кукурузы совершается на тѣхъ же условіяхъ, при какихъ производится продажа пшеницы, съ тою лишь разницею, что контракты на продажу кукурузы заключаются обыкновенно осенью съ обязательною доставкою на мѣсто въ м. мартѣ или маѣ. Дѣлается это съ цѣлью дать поселянамъ достаточное время для высушки кукурузы. Въ хорошій годъ она родится самъ-15.

Ячмень есть одинъ изъ главныхъ и богатыхъ продуктовъ Дунайской провинціи. Онъ растетъ въ изобиліи по всей провинціи и въ особенности въ верхней и центральной ея частяхъ. Ячмень требуетъ менѣе посѣва, чѣмъ пшеница, а даетъ въ то же время гораздо большій урожай. Въ Добруджѣ, если весна дождлива, на новой хорошей почвѣ одно зерно можетъ дать самъ-50. Въ хорошій годъ ячмень родится самъ-18. Стоитъ онъ 4 или 5 франковъ и вѣситъ 60 и 62 кило въ эктолитрѣ. Главный рынокъ продажи ячменя Балчикъ. Лучшій ячмень Татаръ-Базарджикскій.

Просо родится хорошо (на одно кило 18) и, при хорошихъ обстоятельствахъ, одно зерно можетъ дать самъ-150. Почти все количество собираемаго проса потребляется въ странѣ преимущественно на кормъ домашней птицы. Въ Добруджѣ Татары дѣлаютъ изъ проса хлѣбъ и ѣдятъ его преимущественно въ сухомъ видѣ. Значительная часть проса идетъ на производство напитка, въ родѣ пива, который называется «боза» (брага)—питье очень дурное. Просо продается по 7 грошей за Константинопольское кило, т. е. около 5 франковъ за эктолитръ.

Рожь стали разводить всего 20 лѣтъ тому назадъ, но и въ настоящее время здѣсь ее почти не сѣютъ. Цѣна кило (въ 24 ока) ржи, смѣшанной съ ячменемъ, напримѣръ, въ Софіи, 18—20 піастровъ.

Овесъ съ каждымъ годомъ сѣется въ бо́льшомъ количествѣ. Въ Щумлѣ и Терновѣ изъ овса гонятъ водку. Но значительная часть его идетъ въ продажу въ порты Средиземнаго моря. Цѣна овса около 8—10 піастровъ за кило.

Конопля растетъ въ округахъ: Нишскомъ, Софійскомъ и Видинскомъ. Изъ нея приготовляются веревки для внутренняго потребленія, которыя прежде привозились изъ Трансильваніи.

Хмѣль растѐтъ преимущественно возлѣ Свищева, откуда вывозится въ Австрію.

Табакъ здѣшній—низкаго качества; впрочемъ, въ послѣднее время имъ стали заниматься очень много, такъ какъ табачная монополія въ Румыніи развила контрабанду, которою здѣсь пользуются. Въ Дунайскомъ вилайетѣ приготовляется табаку до 2$^1/_2$ мил. окъ, и цѣна одного бываетъ 2—6 піастровъ.

Прежде здѣсь занимались шелководствомъ. Съ 1859 по 1862 г. пріѣзжали сюда за коконами многіе Французы, Швейцарцы и Итальянцы. Качество коконовъ было посредственно, но, при болѣзни шелковичныхъ червей въ Европѣ, Болгарскіе коконы цѣнились даже въ Италіи, хотя они не были извѣстны за продуктъ здѣшней страны, а слыли подъ именемъ Македонскихъ или Волошскихъ, смотря по тому, чего хотѣлъ покупатель, или за что выдавалъ ихъ продавецъ. Въ торговлѣ они неизвѣстны до сихъ поръ за здѣшнее произведеніе, не смотря на существующія въ разныхъ мѣстахъ шелковичныя деревья, которыя, впрочемъ, кое гдѣ начали уже дичать, тѣмъ болѣе, что въ деревняхъ они существуютъ только для собственнаго потребленія жителей. Съ 1859 г. начавшее-было развиваться здѣсь производство шелковичнаго сѣмени (яичка) для торговли увеличило разведеніе тутовыхъ деревьевъ; но надежды на полученіе ожидаемыхъ большихъ барышей вскорѣ разсѣялись, а за этимъ послѣдовало всеобщее нерасположеніе къ добыванію шелковичнаго сѣмени. Нѣкоторые спекулянты, тѣмъ не менѣе, хотѣли ввести здѣсь Японское и Кавказское шелковичное сѣмя, но и эта попытка дать толчекъ шелковичному производству не удалась. Теперь оно считается въ здѣшней провинціи дѣломъ заброшеннымъ, и коконы идутъ почти исключительно на домашнее потребленіе жителей, особенно Туровъ. Еще недавно были здѣсь два коммерческихъ дома изъ Марсели и одинъ изъ Швейцаріи, довольно порядочно торговавшіе шелковичными произведеніями. Остался теперь только послѣдній, который въ 1870 году пріобрѣлъ здѣсь отъ 10 до 12 тысячъ милиграммъ, платя за каждый по 45 и 50 франковъ. Черви обыкновенно выдерживали здѣсь свой возрастъ до третьей перемѣны; потомъ начиналъ дуть сильный южный вѣтеръ и всѣ они гибли. Эти вѣтры, прежде дувшіе сильно съ м. іюня, дуютъ теперь довольно сильно съ м. мая, и преждевременное ихъ появленіе, которое вообще бываетъ такъ раззорительно для хозяйства землепашцевъ-Болгаръ, совпадаетъ съ быстрымъ изчезновеніемъ въ послѣднее время Болгарскихъ лѣсовъ. Тутовыя (шелковичныя) деревья растутъ: въ Виддинѣ, Терновѣ,

Ловчѣ, Берковцѣ, Врацѣ, Варнѣ и Шумлѣ. Прежде въ Терновѣ существовало заведеніе, въ которомъ ежегодно выдѣлывалось до 10 тысячъ окъ шелку для вывоза. Шелковичное производство составляетъ одинъ изъ источниковъ женскаго труда (2–20 піастровъ въ день.) Воздухъ шелковичныхъ заведеній слишкомъ вредно дѣйствуетъ на работницъ. Теперь считаютъ сборъ шелку очень грубаго, идущаго на внутренное потребленіе, до 80 тысячъ окъ. Терновскій (и Македонскій) шелкъ въ Турціи самыхъ высшихъ качествъ.

Виноградная лоза въ Дунайской провинціи и особенно въ Добруджѣ разводится успѣшно и въ большомъ количествѣ. Она разводится черезъ посадку отдѣльныхъ лозъ или кустарниковъ; позднею осенью зарывается въ землю для предохраненія отъ сильнаго мороза. Виноградъ потребляется въ странѣ преимущественно какъ плодъ; часть его идетъ однакожъ на приготовленіе въ горчицѣ консервовъ, а часть на вино. Виноградъ въ горчицѣ употребляется преимущественно мусульманами, для которыхъ часто составляетъ зимою единственную гастрономическую приправу, тѣмъ болѣе, что употребленіе вина имъ запрещено. Вино выдѣлывается дурно; притомъ, оно слабо и скоро киснетъ: нѣтъ никакой возможности сохранить его болѣе года. Впрочемъ, Болгары любятъ здѣшнее вино и имѣютъ пристрастіе къ моросу. Во время сбора оно разсылается Болгарами изъ дома въ домъ, какъ «чудное питье». Въ этомъ видѣ такое вино, конечно, нельзя вывозить за предѣлы провинціи, но еслибы даже возможенъ былъ такой сбытъ, то некуда его направлять. Единственная страна, гдѣ Болгарское вино могло бы потребляться, это — Румынія; но тутъ ввозъ его запрещенъ съ тою цѣлью, чтобы остановить всякую конкуренцію домашнему винодѣлію. Если бы этого запрещенія не существовало, то винодѣліемъ, конечно, занялись бы здѣсь и мусульмане и, во всякомъ случаѣ, оно могло бы получить надлежащее развитіе. Лучшее вино дѣлается въ Виддинѣ, Свищевѣ, Никополѣ, Терновѣ и Варнѣ. Въ послѣднемъ городѣ его выдѣлывается, среднимъ числомъ, до 600,000 окъ. Око стоитъ 3 гроша (рубль=18 грош.). Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ провинціи, въ которыхъ родится виноградъ, дѣлается также ракія — любимый напитокъ Болгаръ и Турокъ.

Кожевенное дерево (?) — продуктъ, торговля которымъ съ каждымъ годомъ значительно увеличивается. Оно находится въ изобиліи въ окрестностяхъ: Ловча, Плевны, Свищева и Софіи. Мѣст-

не употребленіе его почти неизвѣстно; его вывозъ въ Австрію и Валахію увеличился теперь до 100 т. центнеровъ. Продается по 20—25 грошей за сто окъ. Турецкое правительство, замѣтивъ увеличеніе вывоза этого продукта, три года тому назадъ, наложило пошлину въ 5% съ цѣнности.

Желуди и чернильные орѣхи не собираются, а идутъ на кормъ свиней; въ Австріи требуется высшій ихъ сортъ, котораго здѣсь нѣтъ.

Плоды здѣсь въ небольшомъ ходу и плодовыя деревья пользуются нѣкоторою заботою со стороны жителей только по близости городовъ; тоже надо сказать и объ овощахъ. Впрочемъ, въ Дунайскомъ вилайетѣ всюду растутъ яблоки, груши, персики, абрикосы, слива, черешни, вишни, айва, дыни и арбузы, грецкіе орѣхи, орѣхи, капуста, лукъ, чечевица, горохъ, бобы, картофель, баміа (?), тыквы, огурцы и дикая спаржа. Изъ всѣхъ плодовъ лучше родится слива, изъ которой дѣлается любимая Болгарами настойка «сливица» или «сливка».

Болгары отличные садовники и трудъ ихъ высоко цѣнится въ Румыніи, куда ихъ ежегодно отправляется до 80 т. человѣкъ.

Сѣно скашивается разъ, а иногда и два раза въ годъ съ естественныхъ и почти еще первобытныхъ луговъ. Сѣно сохраняется на зиму преимущественно только для корма овецъ и скота. По закону, съ сѣна не слѣдовало бы взимать десятины, но откупщики ввели обычай брать $2^1/_2$ піастра съ телѣги, а если телѣга очень наполняется сѣномъ, то берутъ вдвое, а иногда берутъ съ десяти копенъ сѣна одну копну.

Скотъ домашній съ давнихъ поръ составляетъ богатство Дунайскаго вилайета. Первое мѣсто занимаетъ овцеводство. Есть стада въ 10 и 15 тысячъ головъ, принадлежащія одному лицу. Порода скота обыкновенная: малорослая и слабосильная. Въ Добруджѣ уходъ поселянъ за скотомъ всегда старательный и внимательный. Тамъ введены уже мериносы и результаты вышли прекрасные. Здѣшнія суровыя зимы тяжело отзываются на скотоводствѣ: отъ холода скотъ гибнетъ въ большемъ количествѣ. Прежде правительство взимало со ста овецъ 10, что́ и составляло десятину. Затѣмъ, введена подать денежная: взыскивается четыре гроша съ головы; за ягнятъ ничего не платятъ. Правительство, конечно, осталось не въ потерѣ: въ 1870 г. десятина съ овецъ здѣсь опре-

дѣлена была въ 20 мил. грошей (что̀ равняется стоимости 500 тыс. головъ овецъ).

Сюда приходятъ изъ Валахіи и Трансильваніи Моганы-пастухи пасти большія стада и платятъ Турецкому правительству по $3^1/_2$ гроша съ головы. Уже было замѣчено выше, что съ тѣхъ поръ какъ были поселены здѣсь Черкесскія разбойничьи шайки, Трансильванскихъ и Валахскихъ пастуховъ стало приходить менѣе: прежде изъ Трансильваніи пригоняли болѣе 4 мил. овецъ, теперь же только около $1^1/_2$ милліона овецъ. Шерсть изъ Добруджи вывозится въ Марсель, а изъ верхней и центральной Дунайской провинціи въ Австрію. Первая моется, вторая—нѣтъ. Средняя цѣна шерсти 9 грошей за око. Шерсть мериносовъ, называемая «Спанъ» (Испанская), продается 12 грошей за око. Шерсти вывозится около 100 тыс. центнеровъ, и въ томъ числѣ: $^3/_4$ бѣлой и $^1/_4$ черной [26]).

Козы пасутся преимущественно въ мѣстахъ прохладныхъ и лѣсистыхъ, около горъ. Ихъ шерсть идетъ на мѣстное употребленіе и продается отъ 4—5 грошей за око. Цѣна пары овецъ прежде была 60 и 80 грошей, теперь же она доходитъ до 20 франковъ; козы дороже 25%, потому что послѣднія даютъ много молока. Ягнята стоятъ 12—15, а козлята 10—12 грошей. Пара козлиныхъ шкурокъ продается по 16 гр., а пара ягнятныхъ шкурокъ по 12 грошей.

Масла и сыру вывозится ежегодно отъ 15 до 20 тыс. центнеровъ преимущественно въ Константинополь.

Быки, буйволы, предназначаемые для работъ, и коровы, содержимыя съ цѣлью полученія отъ нихъ молочныхъ продуктовъ, зимою и лѣтомъ пасутся стадами, подъ открытымъ небомъ. Много буйволовъ отправляется въ Валахію для обработки ими земли. Въ Дунайскомъ вилайетѣ есть земли, гдѣ для пашни употребляются исключительно буйволы, а въ другихъ—волы. Кормятъ ихъ ячменемъ съ добавкою ячменной и маисовой соломы. Буйволы и волы рабо-

---

[26]) По многочисленности стадъ и климатическимъ условіямъ многихъ Турецкихъ провинцій, шерсть могла бы служить едва ли не главнымъ предметомъ обогащенія Турціи. Волокно Турецкаго руна замѣчательно высокихъ качествъ, но оно пускается въ продажу большею частью не сортированнымъ и немытымъ. Въ Европейской Турціи наибольшее количество шерсти доставляетъ, между прочимъ, при-Дунайская Болгарія съ Добруджею (до 6 мил. фунтовъ), которыя богаты пастбищами, въ особенности степная полоса между Дунаемъ и Чернымъ моремъ, удобная для скотоводства. Стада Трансильванскихъ Моганъ даютъ до 4 мил. фунтовъ отличной шерсти. («Воен. Ст. Сборн.», вып. II, стр. 256). *Ред.*

служатъ обыкновенно до 10—12 лѣтъ; затѣмъ, какъ негодные къ работѣ, продаются на мясо. Покупщики предварительно откармливаютъ ихъ кукурузой въ водѣ (бурдой) и ведутъ въ городъ на убой. Въ стадахъ скотина держится 7 и 8 лѣтъ. Въ октябрѣ ежегодно многія изъ животныхъ, достигшія своихъ лѣтъ, убиваются. Изъ нихъ добывается сало и дѣлается «пастырма» — сушеная и соленая пластами говядина, которая вывозится въ Константинополь и Австрію, а также потребляется въ странѣ. Въ годъ убивается отъ 25—30 т. головъ; въ одномъ Рущукѣ убивается 3 т. головъ. Цѣна быка, достигшаго возраста для убоя, 200 или 300 грошей, буйвола же—500 и 600. Главныя бойни находятся: въ Виддинѣ, Рущукѣ, Силистріи, Шумлѣ, Варнѣ и Терновѣ. Сала вывозится въ годъ около 30,000 центнеровъ. Силистрійское — лучшее сало. Быкъ для работы стоитъ до 1,500, а буйволъ до 2,000 гр. Буйволы вездѣ предпочитаются воламъ, хотя требуютъ большаго ухода за собой, ибо страдаютъ какъ отъ большихъ холодовъ, такъ и отъ жара. Пара быковъ въ день везетъ только 20 верстъ и 10 центнеровъ, а пара буйволовъ 25 верстъ и 12 центнеровъ. Кожи ихъ не выдѣлываются, а солятся и продаются отъ 230 до 250 за пару. Первыя идутъ большею частью въ Грецію, а вторыя въ Валахію и Австрію, но значительная ихъ часть потребляется и въ странѣ на башмаки. Лучшія кожи выдѣлываются въ Габровѣ, Терновѣ и Шумлѣ. Рога продаются по 5 грошей за оку, а кости 8 парà; послѣднія вывозятся въ Англію, а первыя — въ Англію и Францію.

Лошади малочисленны, небольшаго роста и отличаются худобой, но довольно крѣпки. Во время Крымской войны онѣ не могли быть употреблены для кавалеріи, которая ремонтируется лошадьми изъ Венгріи. Однако здѣшнія лошади употребляются для перевозки тяжестей, но въ артиллеріи тоже Венгерскія. Австрійское правительство думало когда-то устроить здѣсь конскіе заводы, но проектъ этотъ не удался. Весной бываетъ конская ярмарка въ Джумѣ. Цѣна лошади отъ 600 до 1,200 грошей.

Свиньи многочисленны въ странахъ холмистыхъ и лѣсистыхъ, т. е. гдѣ нѣтъ мусульманскихъ деревень. Въ Сербіи и Румыніи ихъ гораздо болѣе. Прежде ихъ считалась до 500,000; со времени Крымской войны стали особенно много разводить ихъ, но съ 1858 г. правительство ввело таксу по 10 грошей съ головы, которая взималась съ взрослой свиньи и поросятъ, почему многія деревни переста-

ли разводить свиней и раззорились. Возникъ ропотъ, которымъ воспользовалась Болгарская молодежь въ 1867 — 1868 годахъ, принявъ этотъ ропотъ за бунтъ и сдѣлала неудачную попытку къ возстанію. Митхадъ-паша, по совѣту Англійскаго консула, прекратилъ пошлину съ поросятъ, но воспользовался ропотомъ, чтобы объявинить страну въ революціонныхъ замыслахъ. Подать эта—сравнительно огромная, но она объясняется тѣмъ, что ее несутъ исключительно христіане. Мясо свиней, не смотря на все отвращеніе къ нимъ мусульманъ, продается теперь открыто. Шкуры домашнихъ и дикихъ свиней очень цѣнятся. Первыя идутъ въ Грецію на сапоги, вторыя—во Францію для сѣдельнаго мастерства. Въ послѣднее время, много свинины стали отправлять въ Константинополь.

Рыбная ловля значительно развита, но ограничивается мѣстнымъ потребленіемъ. Икра приготовляется (также для мѣстнаго потребленія) въ Виддинѣ и Тульчѣ. Главныя рыбы: стерлядь, осетрина и бѣлорыбица [27]). Ловля осетра даетъ въ годъ правительству 900,000 грошей. Прежде занимались ловлей піявокъ, но теперь этотъ промыслъ оставленъ. Послѣдній откупъ піявокъ далъ правительству 350 т. грошей.

Охота не занимаетъ много рукъ. Здѣсь водятся: черный и бурый медвѣдь, волкъ, шакалъ, олени, козы и зайцы. Мѣха лисицы и волка выдѣлываются не въ значительномъ количествѣ и нецѣнны; зайцевъ убивается въ годъ до 25 т. Кожи, продающіяся по четыре гроша за пару, идутъ во Францію и Германію.

Птицы много, но охотниковъ мало: дикіе гуси и утки, драхва, фазанъ, цапли, перепелки, кулики, барашекъ (?), жаворонокъ, бабы, лебеди—водятся въ изобиліи. Охота не запрещена, но надо имѣть тескеріе, который стоитъ 20 піастровъ.

Домашней птицы имѣется очень много: индейки, гуси, утки, куры въ изобиліи. Изъ одной Варны отправляется въ Константинополь болѣе 1.000,000 штукъ, цѣнностью въ 2 м. франковъ.

Медъ и воскъ. Перваго собирается въ годъ, какъ видно изъ откупныхъ вѣдомостей, до 45 т. центнеровъ. Онъ вывозится преимущественно въ Австрію, въ Румынію и въ Константинополь, а воску вывозится туда же отъ 3 до 3,500 центнеровъ.

---

[27]) Въ морѣ палтусъ (turbot), головель (mulet), камбала (sole), сельдь, макрель. Озеро Девно, близъ Варны, изобилуетъ карпами, щуками, воронками и др. Пошлина взимается натурой: 25% съ малой рыбы и 10% съ большой.

Балканы богаты разными минералами, но никто ихъ не обрабатываетъ, какъ слѣдуетъ. Такъ, между Софіей и Филиппополемъ, у Самокова, есть желѣзная руда, и хотя ея эксплуатація идетъ дурно, тѣмъ не менѣе, она доставляетъ желѣзо для всей юго-западной части вилайета. Въ 1846 году открытъ былъ каменный уголь въ двухъ залежахъ около Виддина, но до 1872 года объ немъ даже не говорили, а въ 1872 году поговорили, да и перестали. Въ 1857 году открытъ каменный уголь между Варной и Балчикомъ, но и его постигла таже участь. Здѣсь же около деревень Саригюль и Дерине (у Варны) и около деревни Мангиль (у Балчика) находится въ изобиліи окаменѣлая морская пѣна. Въ 1871 г. Штакеншнейдеръ открылъ уголь около Травны (близъ Тернова), но и этотъ уголь, вѣроятно, постигнетъ все таже участь. Пока его возятъ сюда для пароходовъ Турецкихъ, но доставка сухимъ путемъ въ Свищевъ обходится очень дорого. Около Плевны есть также залежи каменнаго угля, который до сихъ поръ не испробованъ.

Въ д. Красной, въ 2 ч. отъ Рущука, находятся каменоломни:— камень очень мягкій, такъ что пилится пилой, но крепнетъ на солнцѣ и отъ дождя. Изъ него дѣлаютъ отличныя очистительныя машины для Дунайской воды, которую иначе пить нельзя.

Въ при-Дунайской Болгаріи имѣются соляныя копи; наиболѣе добывается соли въ Рущукскомъ округѣ. Въ послѣднее время все добываніе соли перешло въ казенное управленіе.

Въ деревнѣ Гагалидуа, около Берковца, находится въ изобиліи мраморъ, а въ деревнѣ Кистрицѣ, около Варны, точильные камни.

Вотъ и всѣ, до сихъ поръ извѣстныя въ здѣшнемъ вилайетѣ, богатства по части минераловъ. Къ нимъ присоединимъ свѣдѣнія о находящихся здѣсь минеральныхъ водахъ.

Въ деревнѣ Виршинѣ, около Берковца, находятся минеральныя воды, исцѣляющія ревматизмы.

Въ Софіи находятся 4 бани, теплая вода которыхъ исцѣляетъ разныя болѣзни. Мусульмане, христіане, евреи—каждое исповѣданіе имѣетъ здѣсь свою баню. Здѣсь же находится баня для выдѣлки кожъ и для животныхъ.

Въ д. Верхняя-Баня (Юкари Банья), въ часу разстоянія отъ Софіи, есть желѣзныя воды.

Въ д. Вали-Эфенди, около Софіи, находится другой цѣлебный источникъ; его теплую воду пьютъ съ удовольствіемъ.

Въ д. Янки, въ 3 ч. разстоянія отъ Софіи, есть источникъ желѣзистой воды, которую пьютъ. Около него образуется грязь, и въ ней въ мѣсяцѣ августѣ купаются больные.

Въ д. Германъ, въ 2 ч. разстоянія отъ Софіи, находится источникъ сѣрнистой воды, который, впрочемъ, мало посѣщается за неимѣніемъ помѣщеній.

Въ Кюстендилѣ находится 9 бань сѣрныхъ и очень горячихъ, исцѣляющихъ разныя болѣзни.

Въ с. Джумѣ находится также 4 сѣрныхъ источника, а въ д. Семенли, въ 3 ч. отъ Джумы, на берегу р. Кара-су, находится одинъ сѣрный источникъ.

Въ д. Кюстендже, Гасъ, Биджлинъ и Куюнджикъ (около Самокова) находятся сѣрные и желѣзистные источники.

Выше мы сказали, что здѣсь мало развита промышленность. Для полноты нашего обзора упомянемъ, впрочемъ, о полотнѣ очень грубомъ, выдѣлываемомъ изъ льна, и о Турецкихъ сѣдлахъ, шитыхъ золотомъ, равно какъ и объ издѣліяхъ изъ глины, украшенныхъ серебромъ: горшки, трубки, чубуки,—чѣмъ промышляетъ городъ Рущукъ, торгующій еще камнями для фильтровки воды. Здѣсь дѣлаются также стеклянныя ожерелья и запястья, которыя расходятся по всему краю. Болгарскій край производитъ лучшіе въ Турціи ковры и простонародныя сукна.

Въ Верковцѣ дѣлаются ковры, «аба» (грубая шерстяная матерія для одежды кретьянъ) и чулки.

Въ Ломѣ дѣлаютъ разную глиняную посуду, расходящуюся по всему Дунаю.

Въ Враньѣ производятся крашеныя матеріи, идущія въ Адріанополь, Солунь, Боснію и даже въ Сербію.

Въ Шеркеѣ (Шаркӧй, Пиротъ) выдѣлываются довольно хорошіе ковры и одѣяла.

Въ Софіи выдѣлывается довольно сносно сафьянъ, идущій преимущественно въ Янину, а также и въ Шумлу.

Въ Этрополѣ также выдѣлывается сафьянъ, идущій въ Австрію и Валахію. Здѣсь же изъ шерсти вяжутся кушаки, сбываемые въ Адріанополь и Боснію.

Въ Кюстендилѣ изъ льна дѣлаются: нитки, рубашки, простыни, а изъ шерсти—снурки.

Въ Самоковѣ дѣлаютъ шали и бумажныя полотна.

Въ Терновѣ и въ д. Красной дѣлаются аба, шерстяныя палатки, кожи и сафьянъ,—раскупаются въ окрестностяхъ.

Въ Ловчѣ дѣлаются палатки, кожи, кушаки, аба, сбываемые въ окрестныя мѣста: въ Софію, Филиппополь, Монастырь и въ Адріанополь.

Въ Османъ-Базарѣ дѣлаются аба, сафьянъ, кожи и телѣги; Османъ-Базарскіе аба и сафьянъ сбываются въ порты Чернаго моря, Смирну и Валахію, а другія произведенія продаются въ Свищевѣ и Рущукѣ.

Въ Сельви дѣлается аба, продающаяся въ Адріанополь и въ окрестности.

Въ Габровѣ и Драновѣ дѣлаются кебе (грубая шерстяная матерія, изъ которой приготовляются одѣяла), чулки, снурки, метлы, кожи, сбруя, шитье шелкомъ и разная деревянная рухлядь.

Въ д. Троянѣ, у подножія средняго Балкана, рѣжутъ отлично на деревѣ.

Въ дер. Красной дѣлаются ручки для топоровъ, деревянные сосуды и ножи, которые распродаются въ Добруджѣ.

Часть городскаго народонаселенія въ здѣшнихъ городахъ принадлежитъ къ землепашцамъ, другая же часть занимается торговлей и очень немногіе жители—промышленностью. Нѣкоторые промыслы предпочитаются мусульманами, другіе христіанами: такъ, напримѣръ, лодочники, рыбаки, кожевники и дѣлатели чубуковъ (луледжи)—обыкновенно мусульмане; сапожники же, портные, каменщики и дистиляторы—христіане. Табачники, бакалейщики (ėрісіеr), черепичники, плотники, каретники—безъ различія изъ мусульманъ и христіанъ. Торговецъ, имѣющій 5,000 Турецкихъ лиръ (т. е. 30 т. р.), считается богатымъ; встрѣчаются владѣльцы капиталовъ въ 10 т. лиръ. Эти люди, извѣстные подъ именемъ чорбаджіевъ, владѣютъ землей и имѣютъ самое большее, но, къ несчастію, вредное вліяніе на народонаселеніе, которое эксплоатируютъ въ свою пользу, угождая и поблажая Туркамъ. Въ каждомъ городѣ есть мясники, хлѣбники и бочары. Болгарскіе города, по своему внѣшнему виду, походятъ на деревни,

дома, большею, частью—мазанки, но очень чисто содержимыя. Съ нѣкоторыхъ поръ, особенно послѣ проведенія желѣзныхъ дорогъ, стали лучше строить дома: здѣшніе плотники и каменщики, при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, много позаимствовали у иностранцевъ, да, къ тому же, поднялся и уровень благосостоянія жителей.

Вилайетъ[28]) управляется валіемъ (генералъ-губернаторомъ), подъ начальствомъ котораго состоятъ: дефтердаръ—главный финансовый чиновникъ, мектубджи—директоръ канцеляріи, алай-бей—начальникъ полиціи и разные другіе чиновники. Эти чиновники составляютъ вилайетскій совѣтъ (меджлиси-идаре-вилайетъ), въ которомъ засѣдаетъ также предсѣдатель апелляціоннаго суда или главный судья вилайета (дивани-темьизи-рейсъ) и 6 членовъ (мумеисы) изъ гражданъ: 3 мусульманъ и 3 немусульманъ, которые избираются изъ вилайетскаго народонаселенія. Судебная часть, по закону, не подлежитъ компетенціи вали; начальникъ ея, большею частью, изъ духовныхъ, назначается особымъ султанскимъ фирманомъ. Подъ его прямымъ вѣдѣніемъ, находится дивани-темьизъ-веджинаетъ, т. е. главный гражданскій и уголовный судъ; въ каждомъ изъ нихъ имѣется по 6 членовъ, съ однимъ чиновникомъ отъ правительства. Кромѣ того, во всякомъ болѣе или менѣе значительномъ торговомъ пунктѣ есть независимый интернаціональный коммерческій судъ и меджлиси-беледіе (городское управленіе). Кромѣ этихъ судовъ (меджлисовъ) постоянныхъ, собирается ежегодно общій совѣтъ (меджлиси-умуми), подъ предсѣдательствомъ вали, котораго членами состоятъ санджакскіе депутаты (отъ каждаго санджака по три человѣка). Въ общемъ совѣтѣ разсматриваются общія дѣла, касающіяся всего вилайета, какъ то: дѣла о дорогахъ, школахъ, земледѣліи, тор-

---

[28]) Административное дѣленіе Турціи измѣняется очень часто, что немало затрудняетъ и запутываетъ изученіе этой страны. Существовавшее до 1864 года дѣленіе на эйялеты (губернаторства), ливы или санджаки, казы или нахіи, почти при каждомъ назначеніи пашей, безпрерывно перекраивалось, сообразно большему или меньшему вліянію ихъ при дворѣ. Съ 1864 г. было принято общее административное передѣленіе Турціи на вилайеты (генералъ-губернаторства), санджаки (губернаторства), казы (уѣзды), нахіи (волости). Самая низшая административная единица—община. Всѣ эти административныя единицы, по количеству своего населенія и пространству, весьма различны. Дунайскій вилайетъ (Туна) составился изъ бывшихъ эйялетовъ: Силистріи, Виддина, Ниша и Софіи. Нишъ то отчислялся отъ Дунайскаго вилайета, то снова присоединялся къ нему. *Ред.*

говлѣ и другія. Свои рѣшенія общій совѣтъ посылаетъ Портѣ для разсмотрѣнія и утвержденія.

Управленіе санджаковъ (мутессарифлыковъ) есть подобіе общаго вилайетскаго управленія. Лице, стоящее во главѣ санджака, называется мутессарифъ (губернаторъ); главный финансовый чиновникъ—мухасебеджи, а главный секретарь—тахриратъ мудири. Подъ начальствомъ мутессарифа собирается губернскій совѣтъ, въ которомъ засѣдаютъ: кади, мѣстный муфти, духовные представители (начальники) изъ не-мусульманскихъ общинъ, мухасебеджи, тахриратъ мудири и 4 избранные депутата: 2 изъ мусульманъ и 2 изъ не-мусульманъ. Предметы, подлежащіе вѣдѣнію этого совѣта, тѣже, что и въ общемъ совѣтѣ, съ тою только разницею, что они относятся до одной губерніи (мутессарифлыка). Судебною частью завѣдуетъ кади, производящій судъ по шеріату. Судъ дѣлится на гражданскій (темьизи-хукукъ) и уголовный (дженаетъ); въ нихъ засѣдаетъ 6 членовъ (3 мусульманъ и 3 немусульманъ). Всякій санджакъ имѣетъ торговый судъ (меджлиси-тиджаретъ) и городское управленіе (беледіе). Апелляція на эти суды посывается въ Рущукъ.

Санджакское центральное (губернское) управленіе, по экономическимъ соображеніямъ, уничтожено года три тому назадъ: обязанности мутессарифа возложены на вали и, отчасти, на алай-эмини, обязанности мемухасебеджи—на дефтердара. Судебная часть оставлена при прежней организаціи.

Управленіе казъ (уѣздовъ) ввѣрено каймакамамъ, въ помощь которымъ приданы: малъ мудири (финансовый чиновникъ) и главный писарь. Совѣтъ казы составляютъ 4 члена: 2 изъ мусульманъ и 2 изъ немусульманъ. Судебною частью къ казѣ завѣдуетъ кади, производящій (съ 4 членами: 2 мусульмане и 2 немусульмане) судъ въ своемъ дaави-меджлисѣ по шеріату.

Управленіе селъ и деревень ввѣрено мухтарамъ, которые выбираются общинами и утверждаются въ этомъ званіи каймакамомъ. На эту должность выбираются два лица, если въ деревнѣ числится болѣе 20 домовъ, и одно лицо, если въ деревнѣ менѣе 20 домовъ. Обязанности мухтара состоятъ въ собираніи податей и въ исполненіи правительственныхъ постановленій и приказаній. Кромѣ того, всякая община имѣетъ совѣтъ изъ старшинъ (ихтіяръ-меджлиси), числомъ не болѣе 12 и не менѣе 3-хъ. На этихъ совѣтахъ лежитъ распредѣленіе податей и разборъ тяжбъ. Въ слу-

чаѣ спора членовъ различныхъ общинъ, избирается примѣрительный смѣшанный судъ изъ старѣйшинъ 6 или 12 общинъ, причастныхъ спорному дѣлу, и предсѣдательство принадлежитъ старшему по лѣтамъ изъ мухтаровъ общины.

Если община состоитъ изъ лицъ, принадлежащихъ ко многимъ вѣроисповѣданіямъ, то каждое изъ нихъ учреждаетъ свой особый совѣтъ старѣйшинъ, въ которомъ духовныя лица засѣдаютъ каждое лишь въ совѣтѣ своего исповѣданія.

Рѣшенія совѣтовъ старѣйшинъ (соотвѣтствуютъ нашимъ мировымъ учрежденіямъ) лишь тогда имѣютъ силу, когда обѣ стороны дали письменное заявленіе о томъ, что они помирились [29]).

---

[29]) Въ настоящее время въ Турціи существуютъ двоякаго рода судебныя учрежденія: старые суды (мехкемеи-шеріийе), разсматривающіе дѣла по законамъ, основаннымъ на коранѣ, т. е. по шеріату (весь священный законъ мусульманъ), и новые суды (мехкемеи-низамійе), въ которыхъ дѣла рѣшаются на основаніи новѣйшихъ законовъ, опредѣленныхъ уставами. Но такъ какъ предсѣдателями этихъ судовъ бываютъ кади, которые, по своей принадлежности къ сословію улемовъ, даютъ предпочтеніе шеріату, то и въ новыхъ судахъ дѣла рѣшаются также по шаріату. Старые суды имѣютъ всѣ казы (могутъ имѣть ихъ и нѣкоторыя нахіи); судьи (кади или наибы) назначаются изъ сословія улемовъ. Нѣкоторое понятіе о старыхъ судахъ можно вывести изъ того, что всякій выданный такимъ судомъ актъ пріобрѣтаетъ силу акта какъ для этого же, такъ и для другихъ судовъ, лишь въ томъ случаѣ, если онъ засвидѣтельствованъ двумя мусульманами. Распредѣленіе новыхъ судовъ соотвѣтствуетъ административному дѣленію провинціи. Судебный совѣтъ казы представляетъ судъ первой инстанціи и существуетъ въ каждой казѣ. Онъ рѣшаетъ гражданскія дѣла окончательно, безъ аппеляціи, на сумму до 1,000 піастровъ и 100 п. годоваго дохода; по уголовнымъ дѣламъ — дѣла о проступкахъ, влекущихъ арестъ отъ 24 часовъ до одной недѣли и штрафъ въ 100 п. Съ правомъ аппеляціи судятся проступки, наказываемые арестомъ до 3 мѣсяцевъ и штрафомъ не свыше 500 піастровъ. Судебный совѣтъ санджака—судъ второй инстанціи для всего санджака, а для казы, въ которой находится главный городъ губерніи, онъ же и судъ первой инстанціи. Судебный совѣтъ санджака окончательно рѣшаетъ гражданскія дѣла на сумму до 5,000 п. и въ 500 п. годоваго дохода. Въ уголовной юрисдикціи онъ окончательно рѣшаетъ дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, наказываемымъ арестомъ до 3 мѣсяцевъ и штрафомъ въ 500 п. maximum, а съ правомъ аппеляціи—преступленія и проступки, влекущіе арестъ свыше 3 мѣсяцевъ, штрафъ больше 500 п. и временное заточеніе или отрѣшеніе отъ должности. По уголовнымъ дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебной палаты вилайета, судебные совѣты санджаковъ производятъ только слѣдствіе. Наконецъ судебная палата вилайета — высшій судъ въ провинціи. Она разсматриваетъ аппеляціи на рѣшенія судебныхъ совѣтовъ санджаковъ и судитъ преступленія, наказываемыя смертною казнью, каторжною работою, тюремнымъ заключеніемъ и высылкою. Судебные совѣты казъ и санджаковъ представляютъ въ одно и тоже время и гражданскіе, и уголовные суды; судебная же палата раздѣлена на два отдѣленія: гражданское и, особо, уголовное. Немусульманскіе члены уставныхъ судовъ, по закону, должны быть разныхъ народностей и вѣроисповѣданій, гдѣ они имѣются. Для разсмотрѣнія аппеляцій на рѣшенія коммерческихъ судовъ существуетъ въ главномъ городѣ вилайета торговая палата. *Ред.*

Необходимо упомянуть о системѣ выборовъ въ члены разныхъ вилайетскихъ учрежденій, впервые введенной здѣсь въ 1867 году. а) При сельскихъ выборахъ всякій Турецкій подданный, достигшій 18-лѣтняго возраста и владѣющій въ селѣ собственностью, съ которой платитъ, по крайней мѣрѣ, 50 грошей, имѣетъ право выбирать депутата, а также мухтара и старшинъ. Мухтаромъ и старшиною можетъ быть всякій, кто имѣетъ 30 лѣтъ отъ роду и ежегодно платитъ подати не менѣе 100 грошей. Выборы эти дѣлаются ежегодно и утверждаются каймакамомъ казы. б) Въ казахъ: за два года впередъ, каймакамъ, кади, муфти, главный писарь, малъ мудиръ и духовные начальники общинъ составляютъ изъ себя избирательную коммиссію (меджлиси-тефрикъ), которая составляетъ списокъ кандидатамъ въ управительный совѣтъ и въ казные суды. Кандидатомъ можетъ быть всякій, кто имѣетъ 30 лѣтъ отъ роду и ежегодно платитъ 150 грошей подати, да, къ тому, умѣетъ читать и писать. Кандидатовъ обыкновенно бываетъ въ три раза болѣе, чѣмъ требуется депутатовъ. Избирательные списки отправляютъ въ села (махалы), чтобы тамошніе совѣты старшинъ могли одну треть изъ общаго числа кандидатовъ исключить, а изъ этого числа кандидатовъ въ спискѣ оставить ²/₃ и именно тѣхъ, которыхъ они желали избрать. Затѣмъ, выборные списки отправляются на утвержденіе каймакама, причемъ главный писарь предварительно разсматриваетъ ихъ и провѣряетъ правильность сельскихъ выборовъ. Одобреннымъ, такимъ образомъ, кандидатамъ составляется листъ въ двойномъ ихъ числѣ и отправляется къ мутессарифу, который одну половину кандидатовъ вычеркиваетъ изъ списка, а другую половину ихъ утверждаетъ въ званіи членовъ идаре, меджлиса и даави-меджлиса. в) Въ санджакахъ: мутессарифъ, кади, муфти, мухасебеджи, тахриратъ-мудири и духовные начальники не-мусульманскихъ общинъ составляютъ изъ себя избирательную коммисію, которая выбираетъ кандидатовъ въ члены управительнаго совѣта и гражданскаго суда въ санджаки въ тройномъ числѣ противъ того, которое требуется; затѣмъ, избирательный листъ отправляется въ казы. Члены идаре меджлиса и даави-меджлиса всякой казы выключаютъ изъ этого листа $^1/_3$ кандидатовъ, а $^2/_3$ оставляютъ въ немъ, и самый листъ препровождаютъ къ мутессарифу. Листъ съ одобренными имъ кандидатами въ двойномъ числѣ противъ того, которое требуется, отправляется къ вали, который одну по-

ловину кандидатовъ исключаетъ изъ списка, а другую ихъ половину утверждаетъ членами. д) Въ вилайетѣ: предсѣдатель апелляціоннаго суда (меджлиси-истинафъ-реиси), дефтердаръ, мектубджи, предсѣдатель дивани-темьизъ, муфти, кади и духовные начальники немусульманскихъ общинъ составляютъ изъ себя избирательную коммисію, которая вноситъ въ списки кандидатовъ всѣхъ тѣхъ жителей вилайета, которые платятъ въ годъ 500 грошей податей. Управительные совѣты и судилища въ санджакахъ исключаютъ $^1|_3$ изъ общаго числа кандидатовъ, а $^2|_3$ изъ этого числа выбираются въ члены совѣта и дивани-темьизъ, и самый списокъ представляется на утвержденіе Порты; е) Общій вилайетскій совѣтъ, въ которомъ изъ каждаго санджака находится по 3 члена, составляется слѣдующимъ образомъ: за мѣсяцъ до его засѣданія, по 2 члена отъ идаре меджлисъ и по 2 члена отъ даави-меджлиса изъ всякой казы отправляются въ центральные пункты санджаковъ и и за одно съ членами санджака избираютъ между собою членовъ, которые отправляются на счетъ казы въ извѣстное средоточіе вилайета. Въ общіе вилайетскіе совѣты члены избираются ежегодно, а въ управительныхъ совѣтахъ и судахъ ежегодно мѣняется только половина членовъ (мумеисъ).

Изъ всѣхъ обманчивыхъ нововведеній Турецкаго правительства учрежденіе вилайетовъ было привѣтствовано западною Европою, какъ мѣра, которая съ каждымъ днемъ должна развивать гарантіи политическихъ правъ христіанъ, тѣмъ болѣе, что Турецкое правительство указывало ею на исполненіе 13 параграфа статьи «хатти-хумаюна». Въ немъ было объявлено во всеуслышаніе Европы, что «будетъ произведена реформа въ составѣ провинціальныхъ общественныхъ совѣтовъ, съ цѣлью, дать надлежащія гарантіи депутатамъ отъ мусульманскихъ, христіанскихъ и другихъ общинъ и свободу голосовъ въ совѣтахъ». Упоминалось также, что «высокая Порта озаботится средствами знать съ точностью и контролировать результаты совѣщаній и рѣшеній». Французы, подъ вліяніемъ которыхъ создано было учрежденіе вилайетовъ, видѣли въ нихъ совершенный гражданскій и административный переворотъ, сближеніе племенъ, вѣроисповѣданій и участіе народа въ управленіи своими собственными интересами. Но внимательное чтеніе и разборъ вилайетскихъ учрежденій ясно показываетъ, что Европа была обманута, и вилайетъ остался тѣмъ

же, чѣмъ былъ прежде, т. е. вали нынѣшняго вилайета—полновластный его господинъ, какимъ и былъ первый вали перваго вновь созданнаго вилайета Митхадъ-паша. Для полнаго самовластія ему не доставало только способности сдѣлаться Махмедъ-Али Египетскимъ, или Али-пашей Янинскимъ.

На первый взглядъ учрежденіе вилайета какъ будто-бы одинаково обезпечиваетъ права всего его населенія. Такъ, въ основу его положенъ цензъ: 50 грошей прямыхъ ежегодныхъ податей обусловливаютъ право быть избирателемъ въ общинѣ, а 100, 150 и 500—право быть избраннымъ въ ту или другую должность. Но этимъ исчерпываются и оканчиваются всѣ мишурныя права немусульманскаго населенія. Въ дѣйствительности, самое избраніе всякихъ кандидатовъ предоставлено вполнѣ мусульманскому элементу: губернаторъ, муфти, кади, финансовый чиновникъ и главный писарь—пять мусульманскихъ чиновниковъ вмѣстѣ съ духовными начальниками немусульманскихъ общинъ составляютъ списки кандидатовъ и за тою же мусульманскою властью, т. е. за мусульманскимъ начальникомъ вилайета остается право, послѣ того какъ листъ прошелъ разныя низшія инстанціи, утвердить треть избранныхъ. Такимъ образомъ, вилайетскій совѣтъ состоитъ изъ 2 членовъ (мумеисовъ) мусульманъ и 2 немусульманъ, выбранныхъ вышеозначеннымъ способомъ; притомъ, въ совѣтѣ вали—предсѣдатель, а другой Турецкій чиновникъ-мусульманинъ—вицепредсѣдатель; центральный административный совѣтъ состоитъ изъ семи членовъ мусульманъ (т. е. 5 Турецкихъ чиновниковъ и 2 выборныхъ) и 2-хъ немусульманъ выборныхъ; санджакскій совѣтъ состоитъ изъ мутессарифа—предсѣдателя и 4-хъ членовъ мусульманъ-чиновниковъ, митрополита, раввина, гдѣ таковый есть, и 4 членовъ выборныхъ, изъ которыхъ 2 немусульманина, т. е. приходится 7 мусульманъ на два или 4 немусульманина, смотря по мѣстности; уѣздный совѣтъ состоитъ изъ 5 членовъ мусульманъ и 2-хъ или 3-хъ членовъ немусульманъ. Можно ли предположить, чтобы избранное, такимъ образомъ, и въ такой пропорціи, немусульманское меньшинство (въ которомъ, притомъ, могутъ быть въ Дунайскомъ вилайетѣ Греки, Армяне и Евреи) могло защищать права и интересы своей общины? Какъ далека печальная дѣйствительность отъ слишкомъ заманчиваго обѣщанія, высказаннаго Портой въ хатти-хумаюнѣ! Не только что христіане не сравнены въ правахъ съ мусульманами,

но учрежденіе вилайета дало право вмѣшиваться мусульманамъ въ дѣла христіанъ даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ мусульманъ. Эти смѣшанныя учрежденія повели къ самыхъ прискорбнымъ во всѣхъ отношеніяхъ результатамъ, чему мы видимъ ежедневные примѣры какъ среди Болгарскаго населенія, такъ равно въ Босніи, Румеліи и на Спорадскихъ островахъ.

Учрежденіе вилайетовъ также прискорбнымъ для христіанъ образомъ повліяло и на судебную часть: учреждены суды гражданскій и уголовный первой инстанціи и апелляціонный. Но суды эти составлены изъ членовъ, выбранныхъ тѣмъ же путемъ, какимъ путемъ выбираются въ другія, уже указанныя нами, учрежденія, и христіане рѣдко находятъ въ Турецкихъ судахъ защиту, тѣмъ болѣе, что въ эти, такъ называемые, смѣшанные суды теперь перешли всѣ дѣла христіанъ, которыя прежде разбирались только ихъ единовѣрцами. Упоминать ли о томъ, что не въ пользу вилайетскаго учрежденія мнѣнія даже Англійскихъ консуловъ,—мнѣнія, высказанныя ими, какъ извѣстно, въ 1867 г. по поводу примѣненія хатти-хумаюна, когда Фуадъ-паша осмѣлился выразиться: „que la loi sur les vilayets réalise le voeu exprimé dans le firman de 1856“. Такимъ образомъ, можно положительно утверждать, что прежнія учрежденія были сравнительно лучшія, такъ какъ прежде въ меджлисахъ немусульмане наравнѣ съ мусульманами имѣли одинаковое число членовъ; притомъ, этихъ членовъ выбирали или отстраняли отъ должностей сами же избиратели, тогда какъ теперь всѣ члены выбираются единолично губернаторами; правда, и прежде положеніе и власть этихъ членовъ были весьма незавидны, а теперь и того хуже, хотя слово выборъ пріятно щекочетъ Европейское самолюбіе и, въ свое время, надѣлало много шуму.

Въ административномъ отношеніи Дунайскій вилайетъ раздѣляется на 6 слѣдующихъ санджаковъ:

Тульчинскій (10 казъ)	Терновскій (11 казъ)
Варнинскій (5 к.)	Виддинскій (7 к.)
Рущукскій (10 к.)	Софійскій (9 к.)

1875 г.
Рущукъ.

А. Мошнинъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ СТАТЬѢ Г. МОШНИНА «ПРИ-ДУНАЙСКАЯ БОЛГАРІЯ»

(отъ редакціи).

Дунайскій вилайетъ.

Санджаки (губерніи):

	Число населен. мѣстъ.	Населеніе казы: Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
I. Тульчинскій. Площадь 11,856 квадр. километровъ; населенія до 220,000 душъ, а именно: 116,203 немусульманъ и 103,328 мусульманъ, что составляетъ до 18 чел. на квадр. километръ. Имѣются, между прочимъ, Нѣмецкія колоніи и колоніи Русскихъ старообрядцевъ*). Плодородная почва производитъ пшеницу, просо, кукурузу, арбузы, дыни**). Есть много лѣсовъ. Занятія жителей: земледѣліе, скотоводство и особенно овцеводство (мериносы) и рыбный промыселъ. Главнѣйшіе предметы вывоза: хлѣба, шерсть, рыбные продукты и медъ. Санджакъ раздѣляется на 10 казъ (уѣздовъ):				
1. Тульча (каза) перерѣзана двумя рукавами Дунайской дельты, вливающимися въ Черное море у заливовъ Сулины и св. Георгія. Г. Тульча (10-12 т. ж.), населенный различными народностями, соединенъ одною грунтовою дорогою съ Бабадагомъ (36 километровъ), а другою (68 километровъ) съ Мачиномъ. Городъ торговый. Сбытъ икры.	17	23,814	1.288	25,102
2. Сулина (въ городѣ 1,500). Населеніе казы почти исключительно христіанское: эмигранты изъ Россіи и изъ Дунайскихъ княжествъ. Пристань.	11	8,640	102	8,742
3. Бабадагъ (въ гор. 2—3 т. ж.) находится среди болотъ; деревни разбросаны въ лѣсахъ. Населеніе преобладаетъ немусульманское; изъ мусульманъ живутъ здѣсь большею частью Крымскіе Татары.	57	38,924	14.268	53,192

---

*) Въ Тульчинской казѣ Русскія села: Дунавецъ, Сефкіой, Журиловка и Слава; въ Мачинской—Камень; въ Гирсовской—Новенькое и Гиздаръ-Кіой. Всего до 1,300 домовъ. Колоніи имѣютъ 2 епархіи, 2 монастыря и нѣсколько школъ. Прибыль отъ рыбнаго промысла раздѣляютъ на 3 части: фондъ «военный», на церковь и школу и запасный фондъ.

**) «Добруджа, весьма мало населенная, по отзыву Н. Х. Палаузова, заключаетъ въ себѣ обширныя и плодоносныя поля, засѣваемыя хлѣбомъ. Она въ этомъ отношеніи можетъ быть названа житницею при-Дунайской Болгаріи. Жители Софійскаго округа, съ границъ Сербіи, стекаются сюда для засѣва обширныхъ полей Добруджи хлѣбомъ». (Статья г. Бруна: Ж. М. Н. Пр. 1877, кн. 9).

	Число населен. мѣстъ	Населеніе казы: Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
4. **Кюстендже.** Въ городѣ 3—4 т. ж., большею частью мусульманъ. Портъ того же имени. Городъ соединенъ съ Дунаемъ желѣзною дорогою до Черноводы, чрезъ которую направляются въ портъ хлѣбные грузы изъ низовьевъ Дуная и Валахіи. Имѣется шоссейная дорога (87 километр.) Кюстендже-Бабадагъ.	33	1,451	21,466	22,917
5. **Мачинъ** (въ городѣ до 1 т. ж.; половина изъ нихъ мусульмане) на правомъ берегу Дуная, противъ Браилова.	25	14,657	12,926	27,583
6. **Меджидіе.** Невдали отъ Дуная, на линіи ж. д. Дунай-Кюстендже. Г. Меджидіе (до 3 т. ж.) основанъ въ честь султана Меджида, въ 1857 г., и населенъ почти исключительно Татарами-эмигрантами. Чрезъ него проходитъ главная дорога изъ Добруджи въ Базарджикъ.	55	4,313	25,683	29,996
7. **Гирсово** лежитъ на правомъ берегу Дуная, въ небольшой котловинѣ, окруженной горами. Въ городѣ до 2,000 ж. Пристань для кораблей, плавающихъ по Дунаю.	38	7,458	24,939	32,397
8. **Махмудіе.**	21	5,238	1,804	7,042
9. **Исакча.**	} 10	8,476	608	9,084
10. **Килія.**		3,232	244	3,476
	267	116,203	103,328	219,531

II. **Варненскій.** Площадь 7,760 кв. километр.; населенія до 110,000 душъ, а именно: немусульманъ 45,875 д., мусульманъ 64,621 д.; плотность населенія 13 чел. на квадр. километръ. Много лѣсовъ (Батовъ-Балканъ и Камчій-Балканъ). Каменноугольныя копи и каменоломни; добывается окаменѣлая морская пѣна. Порты для сбыта зерноваго хлѣба, шерсти и проч. для Болгаро-Дунайскихъ провинцій. Занятія жителей — земледѣліе и виноделіе (лучшее вино мѣстнаго производства). Въ санджакѣ 5 казъ:

1. **Варна.** Въ гор. Варнѣ до 15 т. ж.*). Торговый (хлѣбный рынокъ) и военный портъ (мѣсто выгрузки иностранныхъ товаровъ), съ открытымъ и небезопаснымъ для стоянки кораблей рейдомъ.	67	16,062	8,070	24,132

*) Въ г. Варнѣ и въ окрестностяхъ его живутъ, между прочимъ, Гагаузы. Они исповѣдуютъ христіанскую вѣру, говорятъ по-Турецки, но въ письмѣ употребляютъ Греческія буквы.

	Число населен. мѣстъ.	Население казы: Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
… находится нѣсколько озеръ (6—7 километ… …ины и 5—6 кил. ширины). Крѣпость. Чи… …, общество «Женское Дружство». Паровая …ница. Большая бойня. Птичій рынокъ. Вбли… …орода добываются точильные камни.				
2. Балчикъ. Въ казѣ есть Черкесскія и Татарскія поселенія. Залежи каменнаго угля. Небольшой портъ того же имени — главный рынокъ для сбыта ячменя и фруктовъ.	71	6,814	3,125	9,939
3. Правади (Провадіе). По казѣ проходитъ ж. д. Варна-Рущукъ. Находятся Черкесскія поселенія. Городъ (до 3 т. ж.) лежитъ у дороги изъ Козлуджи въ Айдосъ, ведущей въ Балканы и въ долину Камчика.	85	12,943	30,336	43,279
4. Мангалія расположена на берегу Чернаго моря. Пристань. Преобладающее населеніе—мусульманское, а именно Крымскіе Татары и Черкесы, переселившіеся сюда изъ Добруджи.	71	2,400	3,125	5,52[illegible]
5. Базарджикъ—одна изъ самыхъ густо населенныхъ казъ санджака. Богата лѣсомъ. Воздѣлываніе сарачинскаго пшена—главный предметъ промысла населенія. По р. Батавѣ построено много мельницъ. Г. Базарджикъ соединенъ дорогами: съ портомъ Варна (42 килом.), съ Балчикомъ (33 килом.) и съ Шумлою.	109	7,656	19,965	27,62[illegible]
	403	45,875	64,621	110,49[illegible]
III. Рущукскій. Площадь 20,320 кв. километровъ; населенія до 560,000, что составляетъ до 27 чел. на одинъ кв. километръ. Населеніе: Болгары, Турки, Армяне (2 т.), Валахи (1 т.), Цыгане-мусульмане (20 т.), Цыгане-немусульмане (3 т.), Евреи (2 т.) и Черкесы (30 т.). Рущукскій санджакъ—наибольшій и наибогатѣйшій изъ всѣхъ санджаковъ вилайета. Природныя богатства губерніи: плодородная почва, сады, лѣса, залежи каменнаго угля и извести, каменоломни. Занятія жителей: земледѣліе, торговля и промышленность, рыбный промыселъ, скотоводство. Въ санджакѣ 10 казъ:				
1. Рущукъ. Городъ Рущукъ, бывшій въ концѣ прошлаго столѣтія лишь небольшою Болгарскою деревнею, въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно послѣ Крымской войны и со времени учрежденія Дунайскаго вилайета, разросся въ большой полу-Европейскій городъ. Онъ выстроенъ на береговыхъ терасахъ Дуная. Жителей въ немъ до 25 т., въ томъ числѣ Болгаръ до 10 т. Рущукъ—главный городъ всей при-Дунайской провинціи, мѣстопребываніе: генералъ-губернатора (вали), независимаго Болгар-	81	84,168	76,044	150,2[illegible]

	Число населен. мѣстъ.	Населеніе казы. Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
скаго митрополита, называемаго «Доростоло-Червенскимъ» и командующаго Дунайскою флотиліею, ведетъ значительную торговлю съ Константинополемъ и при-Дунайскими провинціями: пунктъ для сбыта пшеницы и другихъ произведеній внутреннихъ сосѣднихъ казъ. По обѣ его стороны идутъ желѣзныя дороги: Рущукъ-Варна и Румынская; станція разныхъ пароходныхъ обществъ, изъ которыхъ Австрійское Дунайское, главнымъ образомъ, поддерживаетъ почти исключительную торговлю Рущука съ Австро-Венгріею: слабую конкуренцію Австро-Венгерскимъ произведеніямъ представляютъ колоніальные товары и Англійскія бумажныя матеріи; въ Рущукѣ главная станція Оттоманскаго рѣчнаго общества. Между Рущукомъ и Варною проведена и грунтовая дорога (200 килом.). Болгары имѣютъ двѣ православныя церкви, два начальныя приходскія училища, реальное училище, женскій институтъ. Въ Рущукѣ издается журналъ на Болгарскомъ языкѣ подъ названіемъ: «Училище» и есть двѣ книжныя лавки. Греки и католики имѣютъ двѣ домовыя церкви. Католическая и протестантская миссіи имѣютъ школы. Въ Рущукѣ существуетъ единственный въ Турціи сиротскій пріютъ «Ислахъ-Ханé», устроенный Мидхатъ-пашею. Въ пріютѣ дѣти обоего пола получаютъ ремесленное образованіе, и лучшіе изъ нихъ посылаются въ З. Европу для усовершенствованія. Рущукъ занимаетъ видное мѣсто и въ промышленномъ отношеніи: Турецкія сѣдла, шитыя золотомъ, издѣлія изъ глины, украшенныя серебромъ, фильтры, стекляныя ожерелья и запястья; тутъ имѣется паровая мельница и бойня. Рущукъ — наисильнѣйшая Турецкая крѣпость на Дунаѣ, при которой имѣются: гавань для военной флотиліи, небольшая верфь и военный арсеналъ, выстроенный при устьѣ р. Лома, орошающаго эту казу и впадающаго въ Дунай восточнѣе города.				
2. Шумла. Мусульманское населеніе казы называется «Тузлукъ». Городъ того же имени разбитъ среди холмовъ, заграждающихъ входъ въ Балканы и совершенно закрывающихъ крѣпость съ с. и з. По мнѣнію Турокъ, Шумла—наисильнѣйшая ихъ крѣпость, имѣетъ большой арсеналъ, большіе склады, казармы (на 10—12 т. ч.) и укрѣпленный лагерь (на 18—40 т. ч.). Въ городѣ до 9 т. ж. Резиденція командира штаба втораго корпуса. Вблизи идетъ желѣзная дорога Рущукъ-Варна, съ которою Шумла соединена особою вѣтвью. Здѣсь имѣются лучшіе въ провинціи кожевенные и водочные заводы и выдѣлывается хорошо мѣдная и желѣзная посуда. Имѣется	155	24,450	82,880	57,330

	Число населен. мѣстъ.	Населеніе казы: Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
Болгарское средне-учебное заведеніе. Въ 6 верстахъ отъ города находится деревня Эски-Стамбулъ или Прѣслава—древняя столица Болгаріи. Изъ Шумлы дорога черезъ Балканы въ Адріанополь.				
3. Туртокай (Тутруканъ). Преобладающее населеніе—мусульмане, занимающіе большую часть деревень къ югу отъ Дуная; христіане живутъ ближе къ Дунаю. Въ г. Туртокаѣ до 3 т. ж.; съ Рущукомъ соединенъ грунтовою дорогою (66 килм.), идущею вдоль Дуная; ведетъ незначительную торговлю. Рыбная ловля и приготовленіе соленой рыбы.	40	7,090	11,340	18,4[illegible]
4. Силистрія (Доростолъ). Городъ Силистрія (7—8 т. ж.). Одинъ изъ лучшихъ торговыхъ при-Дунайскихъ городовъ. Вывозъ: зерновой хлѣбъ, рыба, фрукты, масло, домашняя птица и проч. Рынокъ для сбыта произведеній богатаго Дели-Орманскаго округа. Станція пароходовъ Австрійскаго и Турецкаго обществъ. Болгарское училище. «Женское Дружство». Крѣпость, расположенная по берегу Дуная. Изъ Силистріи въ Шумлу большая шоссейная дорога. Вблизи, въ с. Татарицѣ колонія (100 домовъ) Русскихъ старообрядцевъ.	235	30,372	34,680	65,052
5. Разградъ. Въ казѣ находится лѣсъ Дели-Орманъ. Населеніе занимается скотоводствомъ, извозомъ и проч. Въ г. Разградѣ до 10 т. ж.; въ немъ станція желѣзной дороги Рущукъ-Варна; съ Рущукомъ, Шумлою и Базарджикомъ соединенъ грунтовою дорогою. Имѣется большой кирпичный заводъ.	145	29,176	45,070	74,[illegible]
6. Эски-Джума. Г. Джума имѣетъ до 9 т. ж. Весною въ немъ бываетъ ярмарка, привлекающая много купцовъ изъ Румеліи. Онъ соединяется двумя грунтовыми дорогами—съ Разградомъ (32 килм.) и Османъ Базаромъ (22 килм.), а съ Шумлою—шоссе. Вблизи находятся два прохода чрезъ Балканы: а) чрезъ Османъ-Базаръ противъ Котла и б) и чрезъ Эски-Стамбулъ въ Карнабатъ.	47	3,420	13,105	16,[illegible]
7. Свищевъ (Свиштовъ, Систово). Въ казѣ ростетъ много лѣсовъ, имѣются каменноугольныя копи. Вблизи г. Свищева обильное рыбою озеро. Населеніе занимается земледѣліемъ, торговлею и приготовляетъ, между прочимъ, лучшее въ провинціи вино. Имѣются 4 поселенія Черкесовъ. Ростетъ въ изобиліи хмѣль, вывозимый въ Австрію. Въ г. Свищевѣ до 10 т. ж. большею частью Болгаръ; вблизи города живетъ до 4 т. Болгаръ-католиковъ. Пристань, которая принимаетъ грузы зерноваго хлѣба, привозимаго изъ Терновскаго санджака.	40	26,886	6,540	33,[illegible]

	Число населен. мѣстъ.	Населеніе казы: Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
Кромѣ того, вывозятся: кожи, шерсть, шолкъ. Станція Дунайскаго пароходства. До 1872 г. это была первая въ провинціи торговая пристань на Дунаѣ; съ этого же времени такое значеніе имѣетъ Ломъ-Паланка. Болгары имѣютъ 7 училищъ, публичную читальню, «Женское Дружство». Изъ Свищева идутъ дороги въ Рущукъ, Плевну, Ловечъ и Никополь.				
8. Никополь. Каза орошается тремя рѣками: Искеромъ, Видомъ и Осмою. Много лѣсовъ. Въ Никополѣ (до 8 т. ж.). Пристань (сбытъ хлѣба). Крѣпость.	61	36,426	19,835	56,261
9. Плевна. Въ казѣ, орошаемой р. Видомъ, много лѣсовъ; плодородная почва (лучшіе хлѣба), залежи каменнаго угля. Въ г. Плевнѣ до 3 т. ж., большею частью христіанъ. Въ казѣ живутъ Помаки. Изъ Плевны идутъ дороги: одна въ Виддинъ, три въ Софію и одна въ Татаръ-Базарджикъ.	47	44,408	17,725	62,133
10. Эни-Базаръ.	—	4,230	11,605	15,835
	851	290,626	268,824	559,450

IV. Терновскій. Площадь 11,744 кв. килм.; населенія до 397,000 душъ, изъ которыхъ большинство—Болгары-христіане; деревни же заселены почти исключительно Болгарами. Плотность населенія 33 чел. на квадр. килм. Въ казѣ много лѣсовъ, виноградниковъ; плодородная почва; растетъ лучшій въ провинціи хлѣбъ; есть Травнинскія камено-угольныя и известковыя копи, а также каменоломни. Населеніе занимается земледѣліемъ, овцеводствомъ. Замѣтно нѣкоторое развитіе и промышленности: выдѣлка сафьяна на кожевенныхъ заводахъ, рѣзьба на деревѣ, приготовленіе виноградныхъ винъ. Санджакъ раздѣленъ на 11 казъ:

1. Терново (Търновъ)—одна изъ самыхъ населенныхъ казъ въ вилайетѣ. Въ этой казѣ, какъ бывшемъ центрѣ древне-Болгарскаго царства, Болгаринъ наиболѣе сохранилъ свою національность: здѣсь онъ сохранилъ свой языкъ почти въ первобытной чистотѣ, носитъ національную одежду, сотканную изъ шерсти своихъ овецъ. Г. Терново—бывшая столица втораго древне-Болгарскаго царства (1185—1398) богатъ многими древними памятниками; онъ расположенъ на живописныхъ холмахъ и раздѣляется р. Янтрою. Населенія до 13 т. ж., большею частью Болгаръ. Болгарское училище и «Ж. Дружство.». Лучшіе кожевенные заводы выдѣлываютъ кожи, сафьянъ; приготовляются шерстяныя палатки, аба; есть паровая мельница, пивоваренный, мыловаренный и водочный заводы; вблизи	189	98,329	29.220	127.549

	Число населен. мѣстъ.	Население казы; Не-мусульм.	Мусул.	Всего
города, въ д. Красной, вырабатываются деревянныя издѣлія. Въ окрестностяхъ нѣсколько монастырей. Изъ Тернова въ нѣсколько городовъ идутъ дороги, а по Шумлинско-Терновскому шоссе (103 килм.) ходятъ почтовыя кареты.				
2. Ловечъ (Ловецъ, Ловча). Каза къ ю. оканчивается Болканскимъ хребтомъ. Гористая мѣстность казы богата лѣсами. Городъ Ловечъ, на р. Осмѣ, имѣетъ до 7 т. ж.; изъ нихъ $^{1}/_{3}$—Болгары; въ окрестностяхъ находятся Помаки. Отсюда дорога (38 килм.) идетъ въ Плевну и, чрезъ Троянъ, въ Филиппополь. Ловечъ—одинъ изъ промышленныхъ и торговыхъ городовъ провинціи (сукна, шерстяныя матеріи, кожи). Заводы, самые лучшіе и исключительно занимающіеся выдѣлкою сафьяна, здѣсь принадлежатъ Болгарамъ. Дорога чрезъ Троянъ, Сопотъ въ Т.-Базарджикъ и Филиппополь.	76	55,166	15,750	70,916
3. Севліево (Сельви). Въ Севліевѣ до 6 т. ж.; половина изъ нихъ Болгары. Продолженіе дороги Плевна-Ловечъ-Севліево (32 килм)-Шипка.	33	43,995	2,940	46,935
4. Османъ-Базаръ. Мѣстность казы гористая и изобилующая лѣсами и виноградниками. Колоніи Черкесовъ. Населеніе занимается, между прочимъ, дѣланіемъ простыхъ суконъ, конской сбруи съ украшеніями изъ сафьяна и шелка, телѣгъ. Въ городѣ до 5 т. ж. большею частью мусульманъ; онъ соединенъ грунтовою дорогою съ Терновомъ (72 килм.).	84	7,290	13,525	20,815
5. Габрово. Каза, орошаемая р. Янтрою (беретъ начало въ с. Янтрѣ), населена Болгарами *), и языкъ населенія здѣсь исключительно Болгарскій. Почва плодородная; много пастбищъ со многочисленными стадами овецъ. Мѣстная промышленность («кебе», т. е. одѣяла, чулки, снурки, кожи, сбруя) процвѣтаетъ. Въ городѣ до 6 т. ж., три церкви, женскій монастырь, гимназія, «Братолюбивое Общество для распространенія просвѣщенія въ народѣ», публичная читальня, «Женское Дружство». Габрово соединено дорогами: съ Севліевомъ (26 килм.), Терновомъ (44 килм.) и, чрезъ Балканы, съ Казанлыкомъ (Шипка), чрезъ Габарево, Калоферъ — съ Филиппополемъ, а на в. чрезъ Эски-Загру и Эни-Загру—съ Адріанополемъ.	18	35,366	134	35,500

*) Габрово а также деревни: Панагюрище, Копривщица, Клисура [къ нимъ можно, отчасти, причислить также Троянъ, Калоферъ и Сопотъ или Акча-Клисе] имѣютъ султанскій фирманъ, которымъ не дозволяется Туркамъ жить въ этихъ мѣстностяхъ, и мудиръ долженъ быть холостъ.

	Число населен. мѣстъ.	Население казы: Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
6. Раковица.	6	22,732	125	22,857
7. Елена (Калифаръ). Въ казѣ нѣсколько Болгарскихъ монастырей, училище. Здѣсь самый чистый Болгарскій языкъ. Дороги въ Эски-Загру и чрезъ Чирпанъ въ Филиппополь, а чрезъ Эни-Загру въ Адріанополь.	—	18,046	—	18,046
8. Драново (Дренова).	10	9,613	1,280	10,893
9. Травна. Въ казѣ каменноугольныя копи. Дорога въ Казанлыкскую долину между Сливномъ и Казанлыкомъ.	6	20,474	—	20,474
10. Казанъ (Котелъ). Дорога въ Сливно.	—	6,822	—	6,822
11. Беброво.	45	10,557	5,225	15,782
	467	328,390	68,199	396,589

V. Виддинскій. Площадь санджака 11,800 квадр. килм.; населенія 373,000 душъ. Плотность населенія до 31 ч. на кв. килм. Въ санджакѣ плодородная почва; разводится много мелкаго скота для полученія съ него шерсти; имѣются залежи каменнаго угля, мраморныя ломки и минеральные источники. Населеніе занимается земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыбною ловлею и, отчасти, промышленностью и торговлею. Главный предметъ сбыта—зерновый хлѣбъ и преимущественно пшеница. Почти ²/₃ хлѣбныхъ грузовъ направляются на Браиловскій рынокъ и въ Венгрію. Имѣютъ также значительный сбытъ мѣстное вино и икра. Въ санджакѣ 7 казъ:

1. Виддинъ. Городъ лежитъ по берегу Дуная, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ поворачиваетъ на сѣверо-западъ, и находится почти на границѣ Сербіи. Виддинъ выстроенъ на низкой и болотистой почвѣ (лихорадки). Жителей до 20 т. ж.; мусульманъ болѣе, чѣмъ немусульманъ. Въ городѣ: крѣпость съ тремя казармами, военнымъ госпиталемъ, громадный гостинный дворъ, большіе товарные склады, гостинницы для путешественниковъ, городская больница, главное мѣсто для заключенія преступниковъ на каторжную работу. Виддинъ извѣстенъ промышленностью и торговлею. Славятся Виддинскія филигранныя издѣлія (Македонскіе мастера) изъ золота и серебра (нити, увѣшанныя разными фигурами, блюдечки, мундштуки, роскошные головные уборы для Турецкихъ одалисокъ, серьги, ожерелья, пряжки и т. п.); грубыя ювелирныя произведенія имѣютъ большой сбытъ по своей дешевизнѣ. Болгары занимаются	64	41,788	13,455	55,243

	Число населен. мѣстъ.	Населеніе казы: Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
скорняжничествомъ и вышивками (сѣдла, уздечки и проч.). Торговля (преимущественно мануфактурными, ткацкими произведеніями и мелочами, вывозимыми изъ Вѣны, Тріеста и Пешта) находится исключительно въ рукахъ Евреевъ Испанскаго происхожденія; почти всѣ торговыя операціи производятся на судахъ компаніи Австрійскаго пароходства на Дунаѣ. Грузы передаются ему въ Галацѣ Дунайскимъ пароходствомъ «Ллойдъ». Вывозъ: кожи, шерсть, сало и проч. Привозъ: колоніальные товары, бумажныя ткани, машины, домашняя утварь, мука, желѣзо, стекло и проч. Въ городѣ Болгары имѣютъ три школы, читальню и «Женское Дружство». Нѣсколько островов, лежащихъ близъ праваго берега Дуная, противъ Виддинской казы, входятъ въ ея составъ. Изъ Виддина дороги въ Адліе (29 килм.), Бѣлградчикъ (48 килом.) и Ломъ.				
2. Адліе (Кулá). Въ казѣ нѣсколько Черкесскихъ поселеній. Въ городѣ до 4 т. ж.	43	40,085	750	10,835
3. Ломъ-Паланка. Казу населяютъ большею частью Болгары. Есть нѣсколько Черкесскихъ поселеній. Въ городѣ Ломѣ до 6 т. ж. Съ 1872 года это — важнѣйшая пристань на Дунаѣ для сбыта зерноваго хлѣба, обрабатываемаго на обширной и плодоносной равнинѣ, простирающейся отъ береговъ Дуная до подошвы Балканъ. Кромѣ того отсюда вывозятъ: скотъ, мѣха, шерсть. Ввозятъ: соль, мануфактурные и колоніальные товары.	74	54,258	3,370	57,628
4. Рахово. Каза занимаетъ береговую полосу Дуная на в. отъ Лома. Городъ имѣетъ до 2 т.ж.; изъ нихъ половина—христіане. Небольшая пристань.	103	42,420	11,154	53,574
5. Враца (Врача)—наибольшая каза въ санджакѣ. Почва мало плодородна, но разнообразна. Населеніе занимается, между прочимъ, шелководствомъ. Въ казѣ поселены Черкесы. Врачанскія женщины славятся своею красотою. Городъ Враца, въ 78 килом. отъ Рахова, имѣетъ до 13 т. ж., большею частію христіанъ. Вблизи города (въ с. Виршинѣ) находятся минеральные источники, излечивающіе ревматизмъ. Дорога въ Софію чрезъ Лютаково (Лютъ-Бродъ).	83	64,368	5,924	70,292
6. Берковецъ. Каза прилегаетъ къ Балканамъ. Населеніе занимается выдѣлкою ковровъ, аба, чулокъ, сафьяна и шелка. Имѣются поселенія Черкесовъ. Г. Берковецъ (до 13 т. ж., большею частью немусульмане) выстроенъ въ живописной мѣстности, у самой подошвы высочайшей	133	67,104	3,320	70,424

	Число населен. мѣстъ.	Населеніе казы: Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
изъ вершинъ Балканъ. Городъ соединенъ дорогами (74 килом.) съ г. Ломомъ и, чрезъ Балканскія ущелья (д. Клисура, Костинъ-Бродъ), близъ Берковца, съ плодородными равнинами Софійскаго санджака. Вблизи с. Гагалидуа находятся мраморныя ломки.				
7. Бѣлградчикъ. Каза богата лѣсами, виноградниками; есть залежи каменнаго угля. Г. Бѣлградчикъ (до $2^1/_2$ т. ж., половина—христіане) выстроенъ въ живописной мѣстности. Онъ прислоненъ къ Балканамъ, ущелья которыхъ открываютъ доступъ къ дорогѣ (48 кил.) въ Виддинъ; другая дорога (62 кил.) соединяетъ городъ съ Ломскою пристанью на Дунаѣ. Въ казѣ есть еще пристань Арцеръ, возлѣ рѣки того-же имени, впадающей въ Дунай.	40	23,294	1,750	25,044
	540	333,317	39,723	373,040

VI. Софійскій. Площадь санджака 15,968 кв. килм. Эта плодородная равнина, входящая въ составъ Дунайскаго вилайета, по своему географическому положенію, есть продолженіе земель Филиппопольскихъ и Адріанопольскихъ и отдѣляется отъ него высокой цѣпью Балканъ. Населенія 487,000 душъ, а именно: немусульманъ 428,949, а мусульманъ 57,788. Слѣдовательно, Софійскій, какъ и Виддинскій, санджакъ населены по большей части христіанами-Болгарами. Плотность населенія до 80 ч. на кв. килм. Кроткое, трудолюбивое Болгарское населеніе (назыв. Шоплукъ) носитъ красивый бѣлый костюмъ. Софійское губернаторство одно изъ самыхъ давнишнихъ въ Румеліи. Софійскій санджакъ—самый населенный и богатый въ вилайетѣ. Почва богата различными минеральными произведеніями (желѣзныя руды, желѣзные и сѣрные источники), лѣсами. Населеніе занимается земледѣліемъ и промышленностью (тканье шелковыхъ и шерстяныхъ матерій, сѣдельное мастерство и выдѣлка сафьяна). Городъ ведетъ обширную хлѣбную торговлю. Пути сообщенія удобнѣе, чѣмъ въ другихъ санджакахъ; нѣсколько дорогъ пересѣкаютъ санджакъ въ разныхъ направленіяхъ. Главная изъ нихъ (шоссе) идетъ изъ Софіи въ Ихтиманъ, а оттуда въ Татаръ-Базарджикъ. Имѣются дороги въ Плевну, Пиротъ, Нишъ, Радомиръ (37 килм.), Дубницу (68 килм.) и Самоковъ. Въ санджакѣ 9 казъ:

	Число населен. мѣстъ.	Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
1. Софія (Средецъ). Въ казѣ преобладаетъ, особенно въ деревняхъ, населеніе Болгарское; мусульмане живутъ въ городахъ, или вблизи нихъ. Въ городѣ до 20 т. ж.; мусульманъ болѣе, чѣмъ немусульманъ; Евреевъ до $2^1/_2$ т. Городъ выстроенъ на широкой, открытой со всѣхъ сторонъ, равнинѣ,	197	124,158	16,644	240,802

	Число населен. мѣстъ.	Населеніе казы: Не-мусульм.	Мусул.	Всего.
орошаемой р. Витошемъ. Въ послѣдніе годы онъ застроился и украсился. Древній храмъ св. Софіи, обращенный Турками въ мечеть, въ 1861 г. разрушенъ землетрясеніемъ. Нынѣ въ городѣ 5 церквей; въ окрестностяхъ его 28 монастыря. Въ Софіи Болгары имѣютъ 6-кл. мужское и 4-кл. женское училища. Въ городѣ обширныя казармы, госпитали военный и гражданскій; отдѣленіе Рущукскаго пріюта; въ городѣ и окрестностяхъ много минеральныхъ источниковъ, для пользованія которыми устроены ванны (главнѣйшая изъ нихъ— Горняя Баня, въ часовомъ разстояніи отъ Софіи). Здѣсь выдѣлываются лучшія кажаныя издѣлія, а также шелковыя, шерстяныя ткани и чулки.				
2. Радомиръ. Черкесскія поселенія. Въ городѣ до 8 т. ж.	128	49,596	2,280	51,870
3. Кюстендиль. Гористая почва казы богата лѣсами (дубъ, грабъ), садами и сѣрными источниками. Въ городѣ 1,800 мусульманъ и 1,600 Болгаръ. Промышленность населенія: снурки, нитки, рубашки, шелковыя матеріи и позументныя издѣлія.	173	81,878	6,144	88,022
4. Дубница. Каза примыкаетъ къ Витошу. Гористая почва производитъ хлѣбъ и табакъ. Жители занимаются шелководствомъ. Въ г. Дубницѣ до 5 т. ж.	70	33,576	2,751	36,327
5. Самоковъ. Въ казѣ желѣзные рудники, желѣзные и сѣрные источники. Въ городѣ 3,700 жит.; а именно: 2,200 мусульманъ и 1,500 Болгаръ. Лучшіе желѣзные заводы. Самоковскія ткани изъ шелка (шали) и шерсти пользуются извѣстностью. Училище. Американскіе миссіонеры содержатъ школы мужскую и женскую.	58	64,002	4,051	68,053
6. Джума (Джумая). Лѣсъ Карасу. Сѣрные источники. Здѣшній табакъ считается самымъ лучшимъ въ вилайетѣ. Въ городѣ до 1,700 ж., болѣе половины мусульманъ. Здѣсь весною бываетъ конская ярмарка.	37	14,632	3,894	18,526
7. Златица. Въ городѣ до 2 т. ж., большею частью мусульманъ.	18	14,235	4,336	18,571
8. Орханіе. Каза на склонѣ Этропольскихъ Балканъ. Въ городѣ до 4 т. ж.	29	41,604	6,405	42,009
9. Ихтиманъ.	40	5,268	11,284	15,552
	750	428,949	57,789	486,738
Всего въ при-Дунайской Болгаріи или Дунайскомъ вилайетѣ	3,278	1,543,360	602,484	2.145,844

II.

Абагар [первый печатный памятникъ ново-Болгарской литературы].

Съ легкой руки Энгеля[1]) первымъ печатнымъ памятникомъ ново-Болгарскаго нарѣчія долго считался трудъ Серба Богдана Бакшича: «Bogoljubna razmiscljanja od otajstva odkupljenja csovicsanskoga» [2]), изданный Римскою Пропагандою въ 1638 году.

Не только Шафарикъ повторилъ слова Энгеля въ своей «Исторіи Славянскаго языка и литературы» [въ 1826 г.], но даже и въ позднѣйшихъ трудахъ, касающихся исторіи Болгарской письменности, стереотипно повторялось показаніе Энгеля, даже и послѣ появленія въ свѣтъ сочиненія Кукульевича: «Bibliografia Hrvatska» (Zagreb. 1860 г.), въ которую внесенъ трудъ Б. Бакшича. Но уже Шафарикъ въ приготовленномъ имъ изданіи «Исторіи южно-Славянской литературы» замѣтилъ, что языкъ перевода, сдѣланнаго Бакшичемъ, не Ново-Болгарскій, а Хорватскій [3]).

Бакшичъ принадлежалъ къ ордену Францисканцевъ, распространявшихъ католицизмъ въ Болгаріи успѣшнѣе, нежели іезуиты. Въ XVII ст. въ Софіи былъ даже католическій епископъ изъ Францисканцевъ—миноритовъ, и въ Софійскомъ округѣ было до сорока Францисканскихъ монастырей [4]). Уже въ концѣ XVII ст. Болгарскіе католики подверглись гоненію со стороны Турецкаго правительства, которое начало преслѣдовать ихъ за сношенія съ Австріею, враждебною въ то время Турціи. Во всякомъ случаѣ, католицизмъ въ Болгаріи находилъ сторонниковъ преимущественно между Павликіанами въ округахъ Никопольскомъ и Филиппопольскомъ. Распространителями его

[1]) У Шафарика, въ «Gesch. d. Illirischen u. Kroatischen Literatur» (1865 г.), стр. 32 и 248.

[2]) Переводъ книги: «Meditationes S. Bonaventurae».

[3]) Šafařik's: «Gesch. d. Illir. u. Kr. L.» стр. 248.

[4]) Benko: «Transsilvania». I. p. 499. и Pray: «Dissert. p. 172; у Энгеля въ «Geschichte des Alten Pannoniens und der Bulgarey Halle». 1797. стр. 462.

должны были быть и Болгары, и Сербо-Хорваты, получавшіе богословское образованіе въ Далмаціи и въ Италіи. Оттуда слѣдовало ожидать и просвѣтительныхъ, въ католическомъ смыслѣ, литературныхъ трудовъ [5]). Уже въ въ 1577 году въ Римѣ была основана «Греческая коллегія», изъ которой должны были выходить Греки и южные Славяне въ качествѣ пропагаторовъ католицизма въ православной средѣ южныхъ Славянъ.

Вѣроятно, къ числу воспитанниковъ этой коллегіи принадлежалъ и Филиппъ Станиславовъ, извѣстный, впослѣдствіи, въ санѣ Болгарскаго епископа, обратившій въ католичество Павликіанъ Никопольскаго округа, по сообщенію Матѣя Гондолы, Рагузинскаго посланника въ Турціи, писанному въ 1674 году [6]).

Филиппъ Станиславовъ извѣстенъ былъ изданіемъ «Молитвъ на Болгарскомъ нарѣчіи», и это изданіе считалась второю по времени печатною Болгарскою книгою послѣ книги Бакшича, до послѣдней поры, когда и «Молитвы» Филиппа стали пріурочивать Сербско-Хорватской письменности.

Уже Кеппенъ, зорко слѣдившій за всѣми произведеніями старо-Славянской письменности, еще до 1825 г. желалъ познакомиться съ Римскимъ изданіемъ, извѣстнымъ въ каталогахъ Пропаганды подъ заглавіемъ: «Preces quaedam cum novem ikonibus xilographis charactere Cirilliano impressae». Romae, 1641. Вскорѣ, затѣмъ, видимъ, что искомое изданіе было уже въ его рукахъ [7]).

Судя по существующимъ описаніямъ старо-Славянскихъ книгъ на Руси, трудъ Филиппа Станиславова находился только въ Чертковской библіотекѣ [8]), такъ какъ и Сахаровъ [9]), и Каратаевъ [10]), и Ундольскій [11]) только повторяютъ показаніе Чертковскаго «Каталога».

---

[5]) И до сей поры Болгарскіе католики просвѣщаются катихизисомъ, изданнымъ Пропагандою, въ 1844 г. на Болгарскомъ нарѣчія Итальянско-Хорватскимъ правописаніемъ XVI—XVII столѣтій: «Nauka kristianska za kristienete od Filibelskata darxiava». U Rim. 1844.

[6]) «Diverse notizie dello stato della Christianitá ne regni di Bosna, di Servia e di Bulgaria raccolte da me Matheo Gondola in occasione della mia ambasciatoria alla Porta per ecc .Republica di Ragusei». См. «Періодическо Списание на Българско-то книжовно дружество». Год. 1. Кн. 2. стр. 65—66.

[7]) «Библіографическіе листы», стр. 489 и 585.

[8]) «Всеобщая Библіотека Россіи». М. 1838. стр. 610.

[9]) «Обозрѣніе Славяно-Русской библіографіи». Спб. 1849. № 536.

[10]) «Хронологическая роспись Славянскихъ книгъ», стр. 82—83.

[11]) «Хронологическій Указатель Славяно-Русскихъ книгъ». М. 1871. № 656.

Въ «Каталогѣ» Черткова и въ описаніяхъ старопечатныхъ книгъ другихъ библіографовъ мы встрѣчаемся съ изданіемъ Филиппа Станиславова подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Молитвы на Болгарскомъ нарѣчіи, собралъ Филиппъ Станислаовъ од велике Булгаріе бискупъ. Римъ. а҃ х҃ м҃ а҃».

Уже Сахаровъ, очевидно, незнакомый съ этимъ изданіемъ, замѣтилъ: «вѣрно-ли только въ годѣ буква м?»

Ниже мы увидимъ, что въ изданіи находится по ошибкѣ и вмѣсто н (а вовсе не м) и, стало быть, изданіе вышло дѣйствительно въ 1651, а не въ 1601 году, какъ думали впослѣдствіи, и имѣетъ право считаться первою печатною книгою, въ которой мы встрѣчаемся съ ново-Болгарскимъ нарѣчіемъ. И напрасно послѣдній по времени библіографъ ново-Болгарской письменности, г. Константинъ Иречекъ относитъ и трудъ епископа Филиппа, вмѣстѣ съ трудомъ Бакшича, къ Сербско-Хорватской письменности. «Насколько извѣстно, говоритъ Иречекъ, до 1806 года не появлялось въ печати ни одной книги на ново-Болгарскомъ языкѣ. Правда, новѣйшіе писатели указываютъ на два сочиненія XVIII вѣка, изданныя Римскою Пропагандою на живомъ Болгарскомъ нарѣчіи: одно—молитвы Болгарскаго епископа Филиппа Станиславова 1601 г., а другое—разсужденіе св. Бонавентуры, изданное Францисканцемъ Бакшичемъ въ 1638 г., но обѣ книги — вовсе не Болгарскія. Станиславовъ дѣйствительно писалъ для Болгаръ, но языкъ его изданія Сербскій, алфавитъ Кирилловскій, и правописаніе тогдашнее Боснійское»[12]).

Въ настоящей библіографической замѣткѣ въ текстахъ всюду удержано правописаніе подлинника, которое и по начертанію, и по употребленію знаковъ, составляетъ средину между такъ называемою Боснійскою буквицею и обычною кириллицею, или, по выраженію Шафарика, представляетъ образецъ Сербской кириллицы[13]). Языкъ представляетъ пеструю смѣсь Сербской и Болгарской рѣчи, и послѣдняя—въ печати появилась впервые въ разсматриваемомъ здѣсь памятникѣ. И звуки, и формы въ языкѣ его носятъ на себѣ слѣды живой Болгарской рѣчи, врывавшейся въ готовый Сербскій текстъ.

Носовыхъ гласныхъ не существуетъ. Безпрестанно встрѣчается а (=ъ), замѣнившее др.-Сл. ж и Сербское оу, хотя послѣднее и встрѣчается въ видѣ ꙋ на ряду съ а: мацение и мꙋцение, рака (ржка), каде и кꙋде, кашта и кꙋкиа.

Знаковъ ъ и ь вовсе нѣтъ.

---

[12]) «Bibliographie de la littérature bulgare moderne, 1806—1870», par I. Irečеk. Віенна. 1872. стр. 4. [13]) «Spisy». III, стр. 252.

Вмѣсто нь = ги: шгаги, гних. Вм. мягкаго д = гд: пштаргденишт. Вмѣсто нихъ встрѣчается иногда въ срединѣ слова ꙋ, которое употребляется и за оу, и за в.

Вмѣсто ѣ встрѣчаемъ е или ие.

Вмѣсто е (=ь) въ словахъ царкка и мачц (мьчь) находимъ ле; и еа въ словѣ цеастин. Оно и; вм. на=иа, вм. не=ие.

Вмѣсто о всюду =ш.

Наклонность къ двугласному произношенію простыхъ звуковъ встрѣчается въ мѣстоименіяхъ кꙋши, свꙋши, мꙋши.

Вмѣсто ж встрѣчается изрѣдка ш: мешдꙋ, каше.

Вмѣсто в—ф, чаще въ окончаніяхъ словъ: ꙋ име керꙋвиноф и серафиноф.

Звуки ц и ч замѣняются однимъ знакомъ ц, сходно съ начертаніемъ его въ Боснійской буквицѣ. Только четыре раза во всемъ памятникѣ употребленъ знакъ ч, въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ преобладаетъ ц.

с часто вмѣсто ш: мшгꙋстагш, шдпꙋстени.

к изрѣдка вмѣсто г: дикнꙋтисе, невꙋкаснмаиа.

с часто вм. з: неслази.

с однажды вмѣсто ч: песла.

ѕ и з смѣшиваются.

Предлоги изрѣдка сдваиваются: ꙋк кашти, ѕаз диавшла.

Паденіе формъ въ склоненіи и спряженіи встрѣчается на каждомъ шагу: без влꙋхшкание и без вилие (и без вилиа), прикшсншвене (=нємь), ѕаз диавшла, исвли раиа вшжиега и привикалиште христшвш, с теѕи, свием ꙋ карстꙋ верꙋнꙋшти (=мя), с вшга не телш, мака (мѫкѫ) пат.

Вмѣсто ихъ иногда хи (т. е. ш): приврати хи и призшкати хи, да приведи хи. Вм. мы=н. Болгарское мие; вм. вы=вие.

Встрѣчается и народное futurum: да ва царстꙋш невесншие не штат да ꙋа еѕат влагиналци шд идоле.

Встрѣчаются чисто Болгарскія слова.

Словомъ, и по звукамъ, и по формамъ разсматриваемый здѣсь памятникъ представляетъ образецъ книжнаго Болгарскаго языка XVII вѣка.

Переходимъ къ содержанію памятника: такъ называемая «Молитвы» Филиппа Станиславова напечатаны на пяти листахъ, въ двѣ колонны, на одной только сторонѣ листа, но едва-ли затѣмъ, чтобы «наклеивать ихъ на стѣну», какъ думалъ Кеппенъ.

Памятникъ начинается извѣстнымъ изображеніемъ coronazione d. s. Virgine, за которымъ и слѣдуетъ текстъ.

а) Похвала цеастншмꙋ карстꙋ и Троици нерасласцене.

Вся похвала состоитъ изъ слѣдующаго.

Карст8 т8вшнем8 цеастншму пшклагннамшсе 8владикш, и с8-виетшм8 карштени8 пшнемш и славимш цае(с)тни и жившт8вш-решти Карстѣ пшмшзи раб8 Бшжии8.

б) Сие имена Гшспшдни, Кши их ншсит при себе ци-стшм сарцем, и бистршм паметим, бшештесе Бшга, далгш-вецнн б8дет на земли.

Это начало извѣстнаго апокрифа о семидесяти именахъ Божіихъ, неимѣющее, впрочемъ, объяснительнаго текста, слѣдующаго за перечисленіемъ именъ Божіихъ[14]).

в) А се имена присветие Бшгшршдици.

продолженіе того же апокрифа съ измѣненіями[15])

г) Епистолиа Авагара Цара писание Карст8 Гшспшд8 на-шем8.

Самая эпистолія составляетъ только часть поученія, которое приводится ниже вполнѣ.

д) Кшисе ршди насаи свиет бшлести тарпи и нед8ге нати и цема.

Мшлитва за недуге рецет Пшп, даскал, или духомник над бшланика мшлегсе сице.

Вотъ самая молитва:

Сдравш Телш, Палт, и Д8ша Гшспшдина Ис8карста Спа-сителиа свиега свиета нас ради на карст распет рагненш, 8мар-лш, пли8ненш и пшгаргденш.

[14]) Тихонравова: «Памятники отреченной Русской литературы». II, 339 — 340 Встрѣчаются варіанты:

у Тихонравова:	у еписк. Филиппа:
свѣтъ, трапеза.	с8бетана, тарпеза.
чистъ, женихъ.	чист, жених.
истинна, сынъ члок.	истини син цлшвецански.
8ста, истина.	8ста, истина.

[15]) Ibid. стр. 341.

у Тихонравова:	у епископа Филиппа:
мати, носило —	мати, силна.
и скрьнаа, невѣст. —	скригна, невиеста.
оргьтоградъ—	8 врата, град.

Єдрава Карви бесценна, нас ради прωлита.

Єдрава Дѹша присвиєта Гωспωдина Исѹкарста, кωиѹ на карст препωрѹци и приказа Ѡцѹ Бωгѹ Єтѹвωрителиѹ, пωниж. нωти приказѹ ием дωбрωвωлнω и дарѹием дѹшѹ, живωт, сер. це мѹωис, трѹд и мѹке, и сѹва диела даинас, сѹтра и све ѹре. ме недωстωини нωште молим, тебе Бωже Єпасителиѹ, спаси мωи Приатели, Дωбрωцинци и Єинωве, рωднинѹ и пасвинѹ[16]), и ωште рωдителие, Братиѹ, Єестри, Приатели, и мωими Не. приателиωм, и нихъ спаси, и ωпрωсти да неидѹ ѹ тамнѹ намѹ, и исгωрре ѹ виецни ωгни. Амин.

За тѣмъ слѣдуетъ изображеніе свв. Константина и Елены.

За изображеніемъ—

е) Мωлитва за цаеркѹ светѹ Божиѹ цетесе на васако ѹреме.

Здѣсь, между прочимъ, возсылается моленіе «а за нωкωвиерни наши, да и гнихъ (Богъ) ωтвωри ѹши ѹслишати глас пастира, кωи ω пра некеретѹкω кѹω. дωм пωрωдение и карстение», что, по всей вѣроятности, должно относиться къ вновь обращеннымъ въ католичество Болгарамъ.

Изображеніе Архангела Михаила.

ж) Мωлитва на цас ѹмарли.

з) Мωлитва када дѹша и спалти или истелω ислази мωли. се Пωп сице.

Обѣ молитвы соотвѣтствуютъ тѣмъ же, находящимся въ Хорватскихъ ритуалахъ[17]).

Изображеніе святителя Николая:

и) Молитва за пѹтника.

Изображеніе свв. Кирилла и Аѳанасія.

і) Мωлитва на васека пωтреба.

Изображеніе великомученика Георгія.

к) Мωлитва за женѹ неплωднѹ.

л) Мωлитва за свезана Мѹжа и Жену ωд сωтωне царрие, или магие.

---

[16]) Роднина и пасмина чисто ново-Болгарскія слова.

[17]) Ср. Вартоломея Кашича: «Rituale Romanum». Romae. M.D.C.X.L. стр. 118, 120.

м) Еще Молитва за царрие завсзе Диавѡльке, о которой замѣчено, что силна иест Молитва сиа.

н) Еще Мѡлитва за Женȣ безцеднȣ.

о) Молитва или Песан вȣѡиника и предѡвитника Исȣкарста не Саблѡм, Мацем, Штитом ни Орȣшем, него само тешкием карстѡм, пѡдлѡжи власти и гѡсподстȣва и Сѡтѡнска расблȣденина.

Это—молитва Господня, въ которой пропущены слова: «да пріидетъ Царствіе Твое». Для сравненія съ нашимъ текстомъ, приводимъ молитву Господню по Катихизису, изданному въ Римѣ въ 1844 г.

Оцe наш кѡие си на Небеси	Occe nasc, koj si na nebessià
Да светисе име тȣкоие	Posvetisi ime tuoje
И да бȣде вȣѡлиа тȣвѡиа накѡ на небѡ такѡ и на землиȣ	Da bâdi vòglia tuoja kakò na nèbe, tako i na zême
Хлебе наш васдашни дай га нам и (нами) данаска	Leb nàsc vazdàsc dajgo nàm dnês
И ѡпрѡсти нам и (нами) грехи наши, накѡ и мие ѡпрѡштакамѡ далги далшиникѡм нашием.	Oproscti nam dlâghi nasci, kakò i nia oprosctàvamo dlaxnikòm nasci
И не ваведи нас ȣ напаст	I niuvedí nas u napast.
Дай свави ни ѿ лȣкавѡга.	Odslobodi nàs od zlò[18]).

п) Мѡлитва присветой Бѡгорѡдици ва сакѡие уреме и час чатесе (sic)=Ave Maria.

Изображеніе Василія Великаго.

р) Молитва Благѡслѡвите Бѡга негѡве дарбе ради.

с) Мѡлитва славити Бѡга, дѡбрѡте негѡве ради.

Обѣ статьи извлечены изъ 148 псалма.

Изображеніе великомученика Димитрія.

т) Мѡлитва хвалит Бѡга беспрестанка ȣ злȣ, и ȣ дѡбрȣ.

Эта извѣстная пѣснь: «Тебе Бога хвалимъ».

у) Мѡлитва кѡги[19]) тужи дȣша=Величитъ Дȣша моя Господа.

Изображеніе первомученика Стефана.

ф) Мѡлитва да цлѡвек слави Бѡга=пѣснь «Слава въ вышнихъ Богȣ».

[18]) «Nauka chr.», 43—46. [19]) Ново-Болг. когда.

х) Молитва да цатетсе над болнике.

Въ ней, въ числѣ множества западныхъ и восточныхъ святыхъ дѣлается обращеніе и къ первомученику Стефану, какъ заступнику и охранителю земли Болгарской[20]).

ц) Молитва да цатетсе када глава болит[21]).

ч) Молитва за бетешнога од све худа (т. е. свеху уда) не моштаго соотвѣтствуетъ извѣстнымъ лживымъ молитвамъ, приводимымъ въ изданіи Тихонравова[22]), но оканчивается тамъ, гдѣ у Тихонравова (стр. 359) читаемъ: «ты бо еси Господи плачь мироносицамъ на радость предложивый»... Это выраженіе въ нашемъ текстѣ замѣнено инымъ»: «заштоти бо иеси преложител пецалими и мироносац радост и веселие и цловеком утешение, тебе васда хфала, дика, цеаст, и поштение ва веке веком амен».

За этой послѣдней изъ молитвъ слѣдуетъ приписка собирателя и издателя ихъ:

«Иако псела ѿ раслико, и благодиханно цветине свира мет, и осак сице, Филип Станиславоф од велике Булгарие Бискуп, сабра и своди ѿ раслики гниги свети отци сабоpни ови Абагар и хариза свуинему народу Балгарском, да при себе носену, на место силни моштн. Типаросан ви Абагарови, в Лето Христово а.х.и а. Маиа на ѕ. у свети град, де поциваю телеса Петра и Павла, ва Уреме Цара нашего Ибрахима, а у влашку цаститога Матие Вуоивуоду и у Богданску благомирнога Лупула нарицаеимаго Василие Вуоивода.

Ва век хфалено и славено Тело Христово.

Исусе и Марио, вами харизунем Сарце и Душу муоину.

И. Б. З. М. Г. Амин».

Прежде всего замѣтимъ, что въ небрежно напечатанномъ текстѣ «Молитвъ» весьма легко могла вкрасться ошибка числительнаго и вм. и, которая ввела въ заблужденіе г. Иречка, хотя въ 1601 г. и не могли эти молитвы быть изданными Пропагандою по той простой причинѣ, что тогда еще

---

20) «Стефане парви маценице, и Балгарске Земли Заступнице и Бранителю». Въ этой же молитвѣ повторяется извѣстная ошибка въ переводѣ Новаго Завѣта: «и иаков Алфеи, килевео».

21) Въ ней находимъ чисто Болгарское слово: болнаф.

22) У Тихонравова: II, 357—358.

не было и самой Пропаганды. Годъ изданія, обставленный историческими именами, именно долженъ быть признанъ за 1651 г., потому что Матѳей Бассараба былъ господаремъ Валахіи между 1633 и 1654 годами, Василій Лупулъ былъ Молдавскимъ воеводою между 1634 и 1654 гг., а Ибрагимъ султанствовалъ въ Турціи между 1640 и 1648 годами. Очевидно, «Молитвы» епископа Филиппа были приготовлены къ изданію еще до 1648 года, но вышли въ свѣтъ только въ 1651 году.

Итакъ, изданіе, о которомъ мы говоримъ, самимъ составителемъ названо «Абагаромъ», предназначено новопросвѣщеннымъ чадамъ католической церкви для ношенія при себѣ въ качествѣ могущественнаго средства и состояло по преимуществу изъ различныхъ продуктовъ вѣка Болгарскаго попа Іереміи. Судя по формату изданія, оно предназначалось для превращенія въ свитокъ, весьма удобный для ношенія при себѣ, и въ текстѣ «Молитвъ» оставлялся пробѣлъ для вписанія имени носящаго такой quasi-христіанскій амулетъ.

Самое названіе Авагарь не можетъ-ли быть сопоставлено съ abgatorium, обозначавшимъ не всегда abecedarium, но и вообще руководственныя сочиненія въ сферѣ христіанскаго вѣроученія[23]).

Какъ бы то ни было, но въ средѣ Павликіанъ (или Богомиловъ), которыхъ обращалъ Филиппъ Станиславовъ въ католичество, должно было нравиться изданіе, переполненное апокрифическими статьями, представлявшее компромиссъ между суевѣріемъ и вѣрою. Причемъ на долю перваго отмежевана была большая часть изданія.

Въ числѣ статей эпистолія Абагара направлена противъ суевѣрій, и такъ интересна и по языку, и по содержанію, что предлагается вполнѣ въ заключеніе настоящей библіографической замѣтки.

Єпистѡлиа Авагара Цара писание Карстꙋ Гѡспѡдꙋ нашемꙋ.

Авагар Цар, Кнез Єденскакѡ Града мѡление и великѡ вас здиханиє непристанѡ и салзи прѡливанꙋшти дан[24]). Сице глагѡланꙋ и сказꙋнꙋ Гѡспѡдꙋ нашемꙋ Исꙋкарстꙋ тѡгоради Єпистѡлинꙋ сказах и пѡслах ка тебе, не ѡдреци се прииди[25]) ка мене. Пѡнеже немѡшт сасдержит ме велика, и ѡд ѡдра мѡегѡ дикнꙋти се немѡгꙋ дѡселе, ѕ҃, тѡе лето имам. На[26]) мѡлинꙋтисе дꙋшенꙋ смилисе деинꙋ заштѡ ꙋстати немѡгꙋ, аштебих при-

[23]) Du-Cange: «Glossarium mediae et infimae Latinitatis», изд. 1687. т. I. стр. 18. [24]) вѣр. и ношт. [25]) вѣр. приити. [26]) вм. нꙋ.

х) Молитва да чатетсе над болнике.

Въ ней, въ числѣ множества западныхъ и восточ...
обращеніе и къ первомученику Стефану, какъ за...
телю земли Болгарской[20]).

ц) Молитва да чатетсе када глава бо...

ч) Молитва за бетешнога од све худа (т. е...
отвѣтствуетъ извѣстнымъ лживымъ молитв...
Тихонравова[22]), но оканчивается тамъ, гдѣ у...
таемъ: «ты бо еси Господи плачь мироносица...
Это выраженіе въ нашемъ текстѣ замѣнено ...
ложител пецалими и мирошнисац радост и ве...
васда хфала, дика, цеаст, и поштене ва веке

За этой послѣдней изъ молитвъ слѣду...
теля ихъ:

«Иако пчела ѿ раслико, и благ...
и осак сице, Филип Станиславов...
сабра и своди ѿ раслики книги
гар и хариза свошнему народу
сеиу, на месту силни мошти.
Лето Христово а.х.и.а. Маи...
телеса Петра и Павла, ва У...
влашку цаститога Матие В...
мирнога Дупула нарицаеим
Ва век хфалено и славе
Исусе и Марио, вами
М. Б. З. М

Прежде всего замѣтимъ...
литвъ» весьма легко могла ...
рая ввела въ заблужденіе ...
литвы быть изданными Пр...

20) «Стефане парки ма...
Въ этой же молитвѣ повт...
«и иако Алфеи, килеке...

21) Въ ней находимъ ...

22) У Тихонравова: П...

...іно.
...е ако
...д, да му
грех свуои
...лест негова,
... Апостол Па-
...а ва Царство Не-
...доле, ни кугвари[27]),

…шкωм главичи χωдешти, ни
…ци, ни кωи прωклинаиȣ,
…сниц͏е, ни кωи жи.
…[28]), таквизи, и
… . И раскωше
…, завнитице,
дȣма[31]), ни ȣ
…драга Братиω и
…те, и дȣмте сте.
…жи, када иеднак
…, тωгизи, а нине,
…раȣданисте, ва име
…на иест мене сȣвака
…итрω пω свемȣ Сȣ.
…акωиа запωведаχ ва.
…, и Светагω Дȣχа, иже
…иȣсе ωдсȣдени бȣдȣ, да
тωгрсдаχнȣ ва ниχ и ре.
…, и кωмȣ ωдпȣстанете гре.
…аржите, не прωстени несȣ.
кωмȣ тω Χрист глагωла, не.
…м, ωдвезати ωд греχ, и све.
…ȣ да слȣша греχ Стада сȣвωга,
…ист заповѣда Апωстωлом ωдве.
…ωсницем. Заштовие ω Архиереи,
…вници дωпȣштавате да сиа стрȣ.
вашиχ, междȣ не книжним χристи.
…, де вие Маец или Сабла Павлωва, а
…да прωкелнете ωдферлете, ωделите, и

… Сербск. изклн. [30]) Очевидно, здѣсь точка ненужна.
… дȣмам—говорю.
…олж. [34]) Ново-Болгарское = творять.

ѡдлаците, таквизи ѡд Стадах ваших, али вие нениѡга ради, негѡ блага ради сиа дѡпѹштавате. То горевами, када ви рецет Христѡс, Пашхилеле[35]) вами Пастири, заштѡ Стадѡ мѹѡне ненаѹцисте, ами[36]) запѹстисте да блѹденѹ, дѹше них и скаш.та (?) ид рѹках ваших. За тѡ миелитесс вие ѡ Архиереи.

Эпистолія Абагара передана здѣсь съ буквальною точностью: соблюдена интерпункція подлинника, большія и строчныя буквы, нигдѣ неразделены слова, напечатанныя неправильно вмѣстѣ, а равно и не соединены между собою разставленые некстати слоги одного слога. Во всякомъ случаѣ, текстъ весьма ясенъ и не нуждается ни въ комментаріяхъ, ни въ доказательствахъ того, что онъ достояніе Болгарской и вовсе не Сербско-Хорватской литературы.

М. П—ій.

Краткій обзоръ литературной дѣятельности Словенцевъ въ 1870—1875 годахъ.

Съ 70-хъ годовъ въ общественной жизни Словенцевъ начинается новый періодъ, который существенно отличается отъ предшествовавшаго. Тогда Австрійскимъ Славянамъ почуялось словно начало лучшихъ дней. Въ министерство Гогенварта эти надежды какъ будто начали сбываться, но, затѣмъ, скоро послѣдовало совершенное разочарованіе.

Эти благопріятныя, сначала, политическія обстоятельства произвели и между Словенцами болѣе оживленное умственное движеніе, которое отразилось въ усиленіи и производительности литературной. Но съ этимъ соединено было еще одно явленіе, котораго причины кроются отчасти въ естественомъ стремленіи времени, отчасти же въ характерѣ Славянъ вообще, и Словенцевъ въ особенности. Прежнее единодушіе всѣхъ Словенскихъ патріотовъ было нарушено происшедшемъ въ 1871 г. явнымъ разрывомъ между либеральными и консервативными частями общества. Этотъ разрывъ обнаружился, прежде всего, въ политической жизни, но его дѣйствія скоро отразились въ соціальной и литературной областяхъ. Многіе надѣялись, что начавшаяся борьба произведетъ благородное соревнованіе и усилитъ духовную производительность, но эти надежды сбылись лишь въ слабой степени.

---

[35]) Ново-Болгарск. восклицаніе. [36]) Ново-Болгарск. = но.

Нельзя отрицать того, что нѣкоторый толчекъ въ умственной дѣятельности обнаружился въ партіи младо - Словенцевъ Но, съ другой стороны, многіе впадали въ малодушіе, видя этотъ расколъ и безъ того слабыхъ общественныхъ силъ, а также ожесточеніе, съ которымъ велась борьба между «старыми» и «молодыми».

Но эта борьба рядомъ съ дурными слѣдствіями имѣла и нѣкоторыя хорошія. Такъ, напр., при оцѣнкѣ литературныхъ произведеній прежде господствовала преувеличенная снисходительность; избѣгали всякихъ порицаній, чтобы не отпугивать писателей отъ литературныхъ предпріятій. Вслѣдствіе того, появлялось въ свѣтъ много незрѣлыхъ произведеній. Теперь литературная критика строже, требовательнѣе.

Впрочемъ, въ послѣднее время разрозненность литературная стала ослабѣвать, тѣмъ болѣе, что и на политическомъ полѣ борьба уже надоѣла всѣмъ и стало распространяться стремленіе къ соглашенію противорѣчій на общей почвѣ любви къ Словенской народности, что въ нѣкоторыхъ частяхъ Словеніи уже и осуществилось.

Литературная дѣятельность Словенцевъ, по прежнему, была сосредоточена преимущественно въ журналахъ и литературныхъ обществахъ; лишь изрѣдка появлялись отдѣльно изданныя сочиненія. Изъ журналовъ, прежде всего, назовемъ беллетристическіе.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ іюлѣ 1868 г. по недостатку подписчиковъ прекратилось изданіе А. Янежича: «Гласникъ» (въ Цѣловцѣ), которое втеченіе десяти съ половиною лѣтъ служило любимымъ чтеніемъ особенно учащейся молодежи, у Словенцевъ не оставалось ни одного беллетристическаго листка. Правда, въ 1869 г. въ Цѣловцѣ былъ основанъ новый листокъ «Бесѣдникъ», но онъ предназначался для чтенія поселянамъ и не могъ служить средоточіемъ Словенской беллетристики. Лишь въ 1870 г. рѣшился предпринять изданіе беллетристическаго журнала «Звонъ» Словенскій поэтъ И. Стритаръ, незадолго передъ тѣмъ издавшій прекрасный сборникъ поэтическихъ произведеній, подъ псевдонимомъ «Бориса Мирана». Редактору удалось привлечь къ своему изданію цѣлый кружокъ замѣчательныхъ молодыхъ силъ, такъ что «Звонъ» своимъ внутреннимъ интересомъ и изяществомъ рѣчи скоро превзошолъ всѣ прежнія изданія. Журналъ этотъ принялъ за правило печатать лишь оригинальныя произведенія и совершенно устранилъ переводныя. Такъ какъ «Звонъ» придерживался либеральнаго направленія и проводилъ нѣкоторыя идеи, съ которыми еще не свыклось тогда Словенское общество, то онъ подвергся нѣкоторымъ нападкамъ, столь горячо принятымъ

къ сердцу редакторомъ, что въ концѣ 1871 г. онъ рѣшился прекратить свое изданіе. Такимъ образомъ, Словенцы опять остались безъ настоящаго беллетристическаго журнала.

Въ 1872 г. Д. Терстеньякъ началъ издавать въ Марибору новый журнаиъ «Зоря», главными сотрудниками котораго были сотрудники прежняго «Звона». Въ слѣдующемъ году при журналѣ «Зоря», въ видѣ приложенія, сталъ выходить «Вѣстникъ», печатавшій статьи научнаго содержанія. Въ настоящее время «Зоря» и «Вѣстникъ» издаются подъ редакціей И. Пайка. Въ 1875 г. подписчики этого журнала получили, въ видѣ прибавленія, альманахъ «Вѣнчекъ» съ разсказами и поэмами. Беллетристическія статьи появляются и въ разныхъ политическихъ газетахъ. Особаго упоминанія стóитъ въ этомъ отношеніи газета «Словенскій народъ», при которой выходятъ особые «Листки» беллетристическаго содержанія; между прочимъ, въ нихъ помѣщены: оригинальный романъ «Иванъ Эразмъ Татенбахъ» Юрчича; переводный романъ Шербулье «Meta Koldenis»; «Конторщица» Каролины Свѣтлой (съ Чешскаго) и другія мелкія повѣсти и статьи. Газета «Соча» (въ Горицѣ) тоже помѣщаетъ въ фельетонахъ разные очерки, изъ которыхъ нѣкоторые вышли особыми оттисками (напр. «Нѣктере Опазке» Бадуэна де-Куртене). Очень полезно посвященное народнымъ школамъ иллюстрированное изданіе «Вртецъ», выходящее съ 1876 г., подъ редакціею учителя А. Томшича. Оно отличается какъ образцовымъ языкомъ, такъ и хорошо подобраннымъ содержаніемъ. Изъ юмористическихъ изданій заслуживаетъ упоминанія «Павлига» (Pavliha), съ великолѣпными иллюстраціями, выходившій нѣкоторое время (7 №№, въ 1870 г.) въ Вѣнѣ, подъ редакціей Ф. Левстика. Съ 1869 г., въ Люблянѣ выходитъ, хотя довольно неправильно, юмористическій листокъ «Бренцель», подъ редакціею Я. Алешовца.

Интересамъ сельскихъ учителей служитъ «Учительскій товарищъ», выходящій съ 1861 г. подъ редакціею, сначала, А. Прайротника, а съ недавнягс—времени М. Мочника. Тѣмъ же задачамъ посвященъ выходящій съ 1873 г. въ Марибору «Словенскій учитель», издаваемый Словенскимъ учительскимъ обществомъ Нижней Штиріи.

Въ 1870 г. д-ръ Я. Разлагъ затѣялъ было юридическій журналъ «Правникъ Словенски», но въ 1874 г. онъ прекратился.

Въ 1871 г. появилась газета «Южный Соколъ», посвященная гимнастикѣ, но въ слѣдующемъ году она прекратилась.

Интересамъ сельско - хозяйственнымъ посвященъ «Словенски Госпо-

дарь» (въ Мариборѣ, съ 1867 г.) и «Господарскій Листъ» [въ Горицѣ]; съ 1875 г. вмѣсто него издается иллюстрированный листокъ «Кметовалецъ», подъ редакціею Ф. Повше. Тѣмъ же цѣлямъ, хотя и не исключительно, служитъ старѣйшая изъ Словенскихъ газетъ «Новице», выходящая съ 1843 г. подъ редакціей д-ра И. Блейвейса. Кромѣ интересовъ сельско-хозяйственныхъ, она обнимаетъ вопросы и другихъ сторонъ общественной жизни.

Либеральная Словенская партія основала въ 1872 г. въ Люблянѣ особый еженедѣльникъ «Словенскій Тедникъ», предназначенный служить органомъ политическихъ и хозяйственныхъ интересовъ сельскаго населенія.

Исключительно церковныя цѣли преслѣдуютъ «Словенскій Пріятель» въ Цѣловцѣ (съ 1852 г.) и «Згодня Даншиза» въ Люблянѣ (съ 1848 года).

У Словенцевъ выходятъ слѣдующія политическія газеты: «Словенскій Народъ» въ Люблянѣ (съ 1868 г.); его консервативный противникъ—«Словенецъ» (съ окт. 1873 г.). Въ Горицѣ выходятъ двѣ политическія газеты: «Соча» (либеральная) и «Гласъ» (консервативная). Но такъ какъ въ Горицѣ произошло уже примиреніе между двумя партіями, то съ 1876 г. вмѣсто двухъ, выходитъ одна политическая газета, подъ названіемъ: «Гласъ одъ Соче».

Въ Тріестѣ въ этотъ періодъ тоже появлялись Словенскія періодическія изданія, но они имѣли очень эфемерное существованіе.

Между литературными обществами первое мѣсто занимаетъ «Матица Словенска» въ Люблянѣ. Въ періодъ времени 1870—75 гг. она издала слѣдующія сочиненія: 4 тт. «Лѣтописа», подъ редакціею д-ра Е. Косты, со многими научными и беллетристическими статьями [напр. двѣ статьи: Терстеньяка «О Славянскихъ элементахъ въ Венетскомъ нарѣчіи», въ которыхъ авторъ, по даннымъ языка, старается доказать, что древніе Венеты были Славяне; статьи Парапата—«Турецкія войны въ Словеніи»; эти статьи вышли и отдѣльными оттисками; въ беллетристическомъ отдѣлѣ появилось очень много переводовъ съ Русскаго]; Шедлера: Астрономію, Химію, Минералогію и Геогнозію, въ переводѣ съ Нѣмецкаго; Ивана Весела Косескаго: полное собраніе поэтическихъ произведеній; «Словенскій Штаеръ», 3-й выпускъ: о политико-экономическихъ отношеніяхъ Словенской части Штиріи; Покорнаго: Зоологію и Ботанику, въ переводѣ съ Нѣмецкаго; Кереника: «Згодовина Австрійско-Огрске-Монархіе (исторія Австро-Угорской монархіи); «Слованство», т. 1,

заключающей очеркъ юго-Славянской Этнографіи, преимущественно по Чешскому «Словнику Научному», съ двумя этнографическими картами; И. Есенко: «Природознанскій Землеписъ», т. е. физическая географія — оригинальное сочиненіе, очень сочувственно встрѣченное всею юго-Славянскою критикою; продолженіе Словенскаго Атласа: карты Азіи, сѣверной и южной Америки, Африки, Австраліи, Россіи, Турціи и Италіи.

«Драматическое общество» въ Люблянѣ устраиваетъ въ земскомъ театрѣ (съ окт. 1869 г.) въ зимній сезонъ, ежедневно, по одному Словенскому драматическому представленію, а также издаетъ ежегодно по нѣскольку выпусковъ «Словенской Таліи» или собранія драматическихъ произведеній. Съ 1870 по 1875 г. вышло 28 произведеній, изъ которыхъ одно оригинальное («Горенскій Славчекъ», лирическая оперетта; слова Луиза Песяковой, а музыка Ферстера), всѣ же остальныя переводныя съ разныхъ языковъ.

Изъ всѣхъ Словенскихъ обществъ самые глубокіе корни въ Словенскомъ народѣ пустило «Общество Могора» (или Гермагора) въ Цѣловцѣ; число членовъ его въ послѣднее шестилѣтіе поднялось съ 16,165 до 26,300, что составляетъ 2°/o всего Словенскаго народа. Кромѣ сочиненій религіозныхъ (житія святыхъ, жизнь Христа, молитвенники и т. п.), общество это издало въ послѣдніе годы нѣсколько практическихъ сочиненій: «Поледѣльство» (Наука о сельскомъ хозяйствѣ), «Наукъ о господиньству» (О домашнемъ хозяйствѣ), «Словенскій Бучелярчекъ» (Словенскій Пчеловодъ), «Кунчія инъ обртнія» (Торговля и промышленность), «Живинорееңъ» (Скотоводъ), «Умно клетарство» (Раціональное устройство погребовъ), «Домачій здравникъ» (Домашній врачъ), «Умни кметовалецъ» (раціональный сельскій хозяинъ), «Туіе инъ домаче живали въ подобахъ» (Дикіе и домашнія животныя въ картинахъ), «Обчна згодовина» (всеобщая исторія, въ 2 в.), затѣмъ, разныя повѣсти, разсказы и статейки, подъ названіемъ «Вечернице». Сверхъ того, издается ежегодно календарь «Общества св. Могора».

«Типографское Общество» въ Мариборѣ тоже издаетъ для распространенія въ народѣ разныя поучительныя брошюры и политическія статьи.

Краинское сельско-хозяйственное общество издало слѣдующія книги: «Наукъ о умни живинореіи» (Ученіе о раціональномъ скотоводствѣ); Димица «Подукъ о Красу» (Сообщеніе о Красѣ и способѣ разведенія на немъ лѣса); «Збольшанье господарства на планинахъ» (Улучшеніе Альпійскаго хозяйства) и т. д. Сверхъ того, издаются ежегод-

ные отчеты этого общества, въ которыхъ тоже встрѣчаются Словенскія статьи, поучительныя для народа.

Сельско-хозяйственное общество въ Горицѣ издало соч. «Плантарство» (Альпійское хозяйство).

Изъ сочиненій, изданныхъ не обществами, а отдѣльными лицами, прежде всего, нужно упомянуть учебники. Въ министерство Гогенварта Словенскій языкъ былъ признанъ языкомъ преподаванія въ низшихъ классахъ Краинскихъ средне-учебныхъ заведеній. Впослѣдствіи, однако, этотъ языкъ былъ удержанъ лишь для нѣкоторыхъ предметовъ. Необходимо было позаботиться о Словенскихъ учебникахъ. «Матица Славенска», какъ мы видѣли, издала Зоологію и Ботанику. Но особеннаго упоминанія заслуживаютъ здѣсь труды проф. І. Есенка, еще прежде издавшаго Начальную Географію, а потомъ всеобщую исторію (І—древніе вѣка) для низшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній и обширную всеобщую географію (Обчни Землеписъ), сочиненіе образцовое во всѣхъ отношеніяхъ. Л. Хроватъ составилъ Латинско-Словенскую грамматику, а Жепичъ—«Ваіе» и, какъ прибавленіе къ этой грамматикѣ, издалъ книгу для упражненій. И. Шоляръ издалъ краткій Нѣмецко-Словенскій словарь для Нѣмецкой читанки (христоматіи) втораго гимназическаго класса.

Кромѣ того, издано было много книгъ для народныхъ школъ, вслѣдствіе преобразованія послѣднихъ во всей Австріи.

Въ связи съ училищами находятся издаваемыя ежегодно средними учебными заведеніями «Програмы». Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщаются сочиненія и статьи и на Словенскомъ языкѣ. Приведемъ важнѣйшія изъ этихъ статей за послѣднія пять лѣтъ. Такъ, помѣщены статьи въ «Программахъ» гимназій: Цѣльской—М. Жолгара, «Словенская народная поэзія»; Ф. Орѣшца—«Баронъ Жига Цойсъ и Вал. Водникъ»; К. Глазера—«Отрывокъ Французско-Словенской Грамматики» и В. Кермавнера — «Девятая пѣсня Одиссеи»; Мориборской—И. Пайка, «Старая рукопись города Краньскаго (Krainburg)»; Ф. Висталера—«Иванъ Веселъ Косескій и его произведенія»; Рудольфовской—С. Скрабца, «О звукахъ и звукоизмѣненіяхъ нашего книжнаго языка»; И. Полянца — «Содержаніе Демосфеновой мегалопольской рѣчи» и Ф. Шукля—«Начало 30-лѣтней войны»; Краньской: М. Жолгара—«О домашнемъ воспитаніи и его вліяніи на успѣхи учащейся молодежи», а также—«Особенности Словенскаго народнаго языка»; Т. Жупана—«Храмы свв. Климента, Ингенуина и Албуина» и «Характеристика двухъ

х) Мωлитва да цатетсе над бωлнике.

Въ ней, въ числѣ множества западныхъ и восточныхъ святыхъ дѣлается обращеніе и къ первомученику Стефану, какъ заступнику и охранителю земли Болгарской[20]).

ц) Мωлитва да цатетсе када глава бωлит[21]).

ч) Молитва за бетешнωга ωд ске хѸда (т. е. скех Ѹда) не моштагω соотвѣтствуетъ извѣстнымъ лживымъ молитвамъ, приводимымъ въ изданіи Тихонравова[22]), но оканчивается тамъ, гдѣ у Тихонравова (стр. 359) читаемъ: «ты бо еси Господи плачь мироносицамъ на радость предложивый»... Это выраженіе въ нашемъ текстѣ замѣнено инымъ»: «заштω ти бω иеси предложител пецалими и мирωнωсац радост и веселие и цловекωм Ѹтешение, теке касда хфала, дика, цеаст, и пωстене ва веке веком амен».

За этой послѣдней изъ молитвъ слѣдуетъ приписка собирателя и издателя ихъ:

«Иакω псела ω҃ расликω, и благωдиханнω цветине свира мет, и ωсак сице, Филип Станиславωвф ωд велике БѸлгарие БискѸп, сабра и своди ω҃ расликих гниги свети ωтци сабωрни ωви Абагар и хариза свѸωиемѸ нарωдѸ БалгарскωмѸ, да при себе носенѸ, на местω силни мошти. Типарωсан би Абагарωви, в Лето Христωвω а.х.н.а. Маиа на ѕ҃. Ѹ свети град, де пωциваиѸ телеса Петра и Павла, ва Уреме Цара нашего Ибрахима, а Ѹ влашкѸ цаститωга Матие ВѸωивѸωдѸ и Ѹ БωгданскѸ благωмирнωга ЛѸпѸла нарицаеимагω Василие ВѸωивωда.

Ва век хфаленω и славенω Телω Христωвω.

ИсѸсе и Мариω, вами харизѸнем Сарце и ДѸшѸ мѸωнѸ.

М. Б. З. М. Г. Амин».

Прежде всего замѣтимъ, что въ небрежно напечатанномъ текстѣ «Молитвъ» весьма легко могла вкрасться ошибка числительнаго и вм. н, которая ввела въ заблужденіе г. Иречка, хотя въ 1601 г. и не могли эти молитвы быть изданными Пропагандою по той простой причинѣ, что тогда еще

[20]) «Стефане парки маценице, и Балгарске Земли ЗастѸпнице и БранителиѸ». Въ этой же молитвѣ повторяется извѣстная ошибка въ переводѣ Новаго Завѣта: «и иакоѵ Алфеи, килекеω».

[21]) Въ ней находимъ чисто Болгарское слово: бωланаф.

[22]) У Тихонравова: II, 357 - 358.

не было и самой Пропаганды. Годъ изданія, обставленный историческими именами, именно долженъ быть признанъ за 1651 г., потому что Матѳей Бассараба былъ господаремъ Валахіи между 1633 и 1654 годами, Василій Лупулъ былъ Молдавскимъ воеводою между 1634 и 1654 гг., а Ибрагимъ султанствовалъ въ Турціи между 1640 и 1648 годами. Очевидно, «Молитвы» епископа Филиппа были приготовлены къ изданію еще до 1648 года, но вышли въ свѣтъ только въ 1651 году.

Итакъ, изданіе, о которомъ мы говоримъ, самимъ составителемъ названо «Абагаромъ», предназначено новопросвѣщеннымъ чадамъ католической церкви для ношенія при себѣ въ качествѣ могущественнаго средства и состояло по преимуществу изъ различныхъ продуктовъ вѣка Болгарскаго попа Іереміи. Судя по формату изданія, оно предназначалось для превращенія въ свитокъ, весьма удобный для ношенія при себѣ, и въ текстѣ «Молитвъ» оставлялся пробѣлъ для вписанія имени носящаго такой quasi-христіанскій амулетъ.

Самое названіе Абагаръ не можетъ-ли быть сопоставлено съ abgatorium, обозначавшимъ не всегда abecedarium, но и вообще руководственныя сочиненія въ сферѣ христіанскаго вѣроученія[23]).

Какъ бы то ни было, но въ средѣ Павликіанъ (или Богомиловъ), которыхъ обращалъ Филиппъ Станиславовъ въ католичество, должно было нравиться изданіе, переполненное апокрифическими статьями, представлявшее компромисъ между суевѣріемъ и вѣрою. Причемъ на долю перваго отмежевана была большая часть изданія.

Въ числѣ статей эпистолія Абагара направлена противъ суевѣрій, и такъ интересна и по языку, и по содержанію, что предлагается вполнѣ въ заключеніе настоящей библіографической замѣтки.

Єпистѡлиа Абагара Цара писание Карстꙋ Гѡспѡдꙋ нашемꙋ.

Абагар Цар, Кнез Єденскакѡ Града мѡление и великѡ васздихание непристанѡ и салзи прѡливаиꙋшти дан[24]). Сице глагѡлаиꙋ и сказꙋиꙋ Гѡспѡдꙋ нашемꙋ Исꙋкарстꙋ тѡгоради Єпистѡлиꙋ сказах и пѡслах ка тебе, не ѡдреци се прииди[25]) ка мене. Пѡнеже немѡшт сасдержит ме велика, и ѡд ѡдра мѡегѡ дикнꙋти се немѡгꙋ дѡселе, ꙅ҃, тѡе лето имам. На[26]) мѡлиꙋти-се дꙋшенꙋ смилисе денꙋ заштѡ ꙋстати немѡгꙋ, аштебих при-

[23]) Du-Cange: «Glossarium mediae et infimae Latinitatis», изд. 1687, т. I. стр. 18. [24]) вѣр. и ношт. [25]) вѣр. приити. [26]) вм. нꙁ.

шел ка тебе, да немωшти ради немωгȣ принити и пωклωнитисе тебе. Такмω мωление и Епистωлинȣ синȣ писах. Слишахмω ω тебе, велика исцелениа, тувωрима самωслωвωм и єдинием и велика тω кωиа пωвеленешми.

Слишахωм ωд тебе Гωспωде Бωже мωи и ωд тȣвоних целбах бинȣвших стωбωинȣ, иакω ти безвлȣхωвание и безбилие, исцеление слωвωм иединем тȣвωриш, слепим прωзрение, глȣхим слишание, хрωмим хωждение пωдаиеш, и слеки и спраȣвлиаш прωкажени оцищаеш, и делгω мȣчими бωлезни ωциштаеш, и нецисти Дȣхи слωвωм ωдгониш, и Женȣ прωкаженȣ карвωтωцинȣ прикωснωвене ризи Тȣвωие, исцелилиеси, и мартȣви васкаршиȣеш. Такωва слишахмо ωд тебе Гωспωди, и смислихȣ сарце мȣωие, писати ка тебе да доидеш и сцелити мене, и пωсла, Христωс Тадеȣ Апωстωла, и исцеле иега, небилием ни царием, ни магием, негω слωвωм, какω пише Авагар сам да целиш бесбилиа, самω слωвωм, какω вие прωклети, венстице заздиавωла, целите, збахωркием, царем, и магием, тωли вас христ наȣци, тωли нас наȣците Апωстωли, Тωли Евангелисти, тωли Маценици, тωли Калωгиери, и Пȣстигниаци, кωи сви пωдлωжише Христа ради Тело и Палт свωинȣ на разлики маценние, тωли Сабωри, и Свети Ωтци наȣците, и навезтите, ȣ книги написаше, да наследȣиете, царрие и магие, и Сωтωнска билиа, видите да Авагар Цар, не иште билиа ωд Христа да исцелен баде, ами да рецт, рец Христωс и да исцелисе, слȣшаи Иакωба Апωстωлиа Брата Христωва, де каше, Братиω мȣжи, и жене акω се кȣωи ωд вас расбωли, или пωбωли да дωзωве Пωпа, да мȣ пωцате и пωмаже мирωм сȣветием, и изпωвида грех свȣωи Дȣхωвникȣ, и прωсти мȣке Бωг, и ωдлакнаке бωлест негωва, а некаже, дωзωви бабȣ, да баие и слива кωситра. Апωстωл Павел пише, Трȣбе, и клика, несна'теме каше, да ва Царствω Небеснωие, нештат да ȣлезат клагниалци ωд Идωле, ни кȣгвари[27]),

[27]) Конечно: кȣркари.

расблѸдници, раскошници, ни смашкѡм главичи хѡдешти, ни харамїа, ни ненаситени благѡ, ни пианци, ни кѡи прѡклинанѸ, ни кѡисе заклинанѸ, ни вештице, ни магьѡснице, ни кѡн живинѡм хѡдену и грешѸ, клика Павел, на дѸвѡр[28]), таквизи, и сван[29]) Рана Бѡжиега и прибивалиште Христѡвѡ[30]). И раскѡше наганца, и пристѡла сѸднѡга, иеднак Павел каже, завнитице, Магиѡснице, Бахѡрке, ни дасе Иаде, ни пие, ни дѸма[31]), ни Ѹ кашти дасе ѸпѸштанѸ, теси прѡклети, какѡ вие драга Братиѡ и мили Сестре, пѸштате, Ѹвкашти, и иадете, и пиете, и дѸмте стези, прѡклетице и проклеци[32]), неприатели Божи, када иеднак Карст небе дѡжал[33]) на сѸвет, нимака патил, тѡгизи, а нине, ѡпраписте, оцистенисте, пѡсвештенисте, ѡпраѸданисте, ва име Христа, и Духа Бѡга нашега, кѡи каже, Дана иест мене сѸвака мошт на Небѡ, и на ЗемлиѸ, пѡйдите хитрѡ пѡ свемѸ СѸвиетѸ, Ѹците сви Нарѡди ѡбслѸжевати сѸвакѡина запѡведах вами. Карстите их ва име Ѿтца, и Сина, и Светагѡ ДѸха, иже карстеиѸсе спасени бѸдѸ, а иже некарстеиѸсе ѡдсѸдени бѸдѸ, да на Свет небридех греха неби и мали, тѡгнсдахнѸ ва них и рече им, Примите Ѹ вас ДѸха Светагѡ, и кѡмѸ ѡдпѸстаиете грехи, бѸдут ѡдпѸстени, а кѡими васдаржите, не прѡстени иесѸ. Ѿвие Архиереи Братиѡ мѸѡиа, кѡмѸ тѡ Христ глагѡла, нели нами Наместникѡм Христѡвием, ѡдвезати ѡд грех, и свезати, кѡи ѡднас Архиереи седнѸ да слѸша грех Стада сѸвѡга, и ѡдвежет их ѿ грех, какѡ Христ заповѣда Апѡстѡлом ѡдвезати, а Невештицем, и Магиѡсницем. Заштовие ѡ Архиереи, Пѡпѡви, КалѸгиери, ДѸхѡвници дѡпѸштавате да сиа стрѸванѸ[34]) и цинеиѸ Ѹ Стадах ваших, междѸ не книжним христианѡм де вие КлиѸц Петроф, де вие Маец или Сабла Павлѡва, а то иесть прѡклетствѸва, да прѡкелнете ѡдферлете, ѡдделите, и

[28]) Ново-Болг. конѫ. [29]) Сербск. изкан. [30]) Очевидно, здѣсь точка ненужна.
[31]) Чисто Ново-Болгарское дѸмам—говорю.
[32]) проклетци [33]) дошолѫ. [34]) Ново-Болгарское = творятъ.

Жаль, что авторъ не подвелъ итоговъ своему изслѣдованію, не сдѣлалъ историко-этнографическихъ изъ него выводовъ. Но, нѣтъ сомнѣнія, каждый филологъ и историкъ Славянской образованности можетъ заимствовать изъ этого изслѣдованія много любопытныхъ указаній.

Византизмъ и Славянство. (Чт. М. О. И. и Др. 1875, кн. 3).

Авторъ излагаетъ, въ видѣ афоризмовъ, свой взглядъ на взаимную связь византизма и славизма, причемъ оказывается, что онъ лишь первый считаетъ понятіемъ опредѣлившимся, послѣдній же — является у него еще загадочнымъ. Изъ дальнѣйшихъ главъ видно, что авторъ полагаетъ сущность византизма въ монархизмѣ и дисциплинѣ, и открываетъ въ Славянахъ, особенно въ Болгарахъ, очень опасныя стремленія къ эманципаціи отъ этихъ спасительныхъ идей византизма. При этомъ, достается особенно Болгарамъ за ихъ распрю съ Греками фанарскими, которыхъ авторъ совершенно отожествляетъ съ ихъ великими предками средневѣковаго періода.

Сочиненіе написано бойко, но чрезвычайно парадоксально и, потому, невѣрно. Пессимистическій взглядъ автора на Славянъ (особенно южныхъ) столь же неумѣстенъ въ этомъ сочиненіи, какъ и неумѣренное восхваленіе доблестей современныхъ Грековъ.

Это сразу можно замѣтить даже при бѣгломъ сопоставленіи данныхъ и выводовъ г. Леонтьева съ однородными, но болѣе трезвыми и спокойными, статьями, по вопросу Славяно-Византійскому—Хомякова, Штура, Данилевскаго, Ламанскаго и др.

Макушевъ В. Историческіе памятники южныхъ Славянъ и сосѣднихъ имъ народовъ, извлеченные изъ Итальянскихъ архивовъ. Часть І-я. Книга 1-я. Варшава, 1874.

Хотя изданіе это вышло уже два года тому назадъ, однако считаемъ необходимымъ обратить на него вниманіе лицъ, интересующихся славянствомъ, какъ по важности этого капитальнаго труда, такъ и по малому съ нимъ знакомству Русскихъ читателей.

У насъ много уже писали о внутренней связи судебъ разныхъ Славянскихъ народностей, о тѣсныхъ отношеніяхъ міра Славянскаго съ

Греческимъ, объ органическихъ связяхъ исторіи Византійской и Турецкой со Славянскою; но мало еще появлялось у насъ спеціальныхъ изданій и изслѣдованій, которыя бы отправлялись отъ идеи Греко-Славянскаго міра.

Вышеозаглавленное изданіе г. Макушева займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду изслѣдованій по Греко-Славянской исторіи. Оно представляетъ обработку матеріаловъ, собранныхъ авторомъ во время трехлѣтняго путешествія по Италіи, въ тамошнихъ архивахъ и библіотекахъ. Изданный первый томъ обнимаетъ матеріалы, извлеченные изъ архивовъ и библіотекъ лишь трехъ городовъ: Анконы, Болоньи и Флоренціи. Слѣдующіе томы авторъ предполагаетъ составить изъ матеріаловъ, найденныхъ въ древнехранилищахъ Генуи, Мантуи, Милана, Палермо, Пизы, Турина и, наконецъ, въ особыхъ томахъ имѣютъ быть напечатаны матеріалы, собранные въ Неаполѣ и Венеціи.

Изданіе должно обнять, по крайней мѣрѣ, полъ-дюжины томовъ.

Планъ изданій авторъ усвоилъ себѣ слѣдующій. Прежде всего, онъ говоритъ объ архивахъ извѣстнаго города (напр. Анконы, Болоньи, Флоренціи); потомъ, перечисляетъ тѣ рукописи архива или библіотеки, гдѣ есть матеріалъ для Славянской исторіи, причемъ вкратцѣ излагается содержаніе памятниковъ. Во второмъ, затѣмъ, отдѣлѣ авторъ приводитъ въ хронологическомъ порядкѣ найденныя во всѣхъ древнехранилищахъ города данныя для исторіи Хорватіи, Далмаціи, Сербіи, Албаніи, Угріи, Византіи, Турціи, даже Польши, Россіи и т. д. При этомъ встрѣчаются цѣлые этюды по разнымъ затрогиваемымъ вопросамъ, съ сопоставленіемъ данныхъ, извѣстныхъ изъ книжныхъ пособій. Третій, наконецъ, отдѣлъ описанія архивовъ и библіотекъ извѣстнаго города состоитъ изъ изданій цѣликомъ подлиннаго текста важнѣйшихъ памятниковъ. Ихъ напечатано въ I томѣ 312, и изъ нихъ древнѣйшій относится къ 1188 г.

По вѣкамъ они распредѣляются такъ:

XII вѣка	1.
XIII —	3.
XIV —	40.
XV —	133.
XVI —	119.
XVII —	16.

По странамъ же отношеніе слѣдующее:

Хорватія	17.	Чехія, Польша, Россія	8.
Далмація	18.	Венгрія	16.
Дубровникъ	165.	Византія	11.
Сербія	8.	Турція	46.
Анконская колонія	23.		

Кто знаетъ, какую высокую цѣну для исторіи каждаго народа имѣютъ данныя дипломатическія, грамоты, современныя записи и донесенія, а также кому извѣстно высокое политическое развитіе не только дипломатовъ, но даже купцовъ средневѣковой Италіи и Италіи XVI и, отчасти, XVII в., тотъ можетъ a priori оцѣнить высокую историческую цѣну матеріаловъ, описанныхъ и изданныхъ г. Макушевымъ. Они освѣщаютъ самые темные вѣка юго-Славянской исторіи и, притомъ, такія стороны ихъ быта, для изученія которыхъ почти ничего не осталось въ собственной исторической литературѣ юго-Славянъ

Нельзя не пожелать, въ интересахъ науки, чтобы г. Макушевъ не остановился на этомъ первомъ томѣ и въ скоромъ, по возможности, времени издалъ дальнѣйшіе томы собраннаго имъ богатаго и драгоцѣннаго матеріала.

Нельзя не вспомнить при этомъ, что и сами Итальянцы начинаютъ теперь обращать болѣе вниманія на документальную исторію Балканскаго полуострова, по Итальянскимъ архивамъ. Такъ, не далѣе, какъ въ 1873 году, въ Венеціи издано два тома донесеній Венеціанскихъ пословъ и баиловъ въ Константинополѣ [1]), заключающіе важные матеріалы для Турецкой и юго-Славянской исторіи въ XVII вѣкѣ.

Привѣтствуя г. Макушева съ началомъ его важнаго изданія, мы позволяемъ себѣ выразить надежду, что примѣромъ г. Макушева воспользуются и другіе наши слависты и историки, такъ какъ матеріалы для Славянской исторіи, находящіеся въ архивахъ Италіи, особенно Венеціи и Рима, еще долго будутъ главнымъ и неисчерпаемымъ источникомъ для изученія прошлыхъ судебъ юго-Славянъ.

---

[1]) Barozzi e Berchet. Relazioni degli ambasciatori e baili Veneti à Constantinopoli. Venezia. 1873. I. II.

Бодуэнъ-де-Куртенè. И. Опытъ фонетики Резьянскихъ говоровъ. Лейпцигъ, 1875.

Его же. **Резьянскій катехизисъ.** Тамъ же. 1875.

Авторъ озаглавленныхъ изданій извѣстенъ уже въ Русской филологической литературѣ своимъ добросовѣстнымъ и толковымъ изслѣдованіемъ древне-Польскаго языка. Лицамъ, знакомымъ съ послѣднимъ, извѣстны строго-научные пріемы автора, его постоянное стремленіе проникнуть въ глубь явленій, подвести подъ опредѣленные законы дробные факты языка. И надобно признать, что въ новоизданномъ своемъ трудѣ авторъ остался совершенно вѣренъ тѣмъ научнымъ пріемамъ, по которымъ не трудно узнать въ немъ ученика Шлейхера.

Любимый предметъ соображеній г. Бодуэна составляетъ фонетическая часть грамматики; она составляетъ его силу и слабость.

Трудно представить себѣ глазъ, болѣе внимательный къ буквамъ памятниковъ извѣстнаго языка, чѣмъ глазъ автора сочиненія «О древне-Польскомъ языкѣ»; и трудно также вообразить себѣ ухо, болѣе внимательное къ звукамъ живого говора, чѣмъ ухо автора «Фонетики Резьянскихъ говоровъ». Достаточно сказать, что въ послѣдней авторъ счелъ возможнымъ графически отличить болѣе 60 элементарныхъ звуковъ и созвучій Резьянскихъ говоровъ.

Каждая изъ элементарныхъ гласныхъ (а, е, і, о, у) является у г. Бодуэна въ 5—6 и болѣе видоизмѣненіяхъ. Конечно, подобная внимательность даже къ микроскопическимъ отличіямъ звуковъ составляетъ драгоцѣнное достоинство въ изслѣдователѣ; но бываютъ случаи, гдѣ она переходитъ за предѣлы не только необходимаго, но и возможнаго. Самъ г. Бодуэнъ, съ откровенностью, которая свидѣтельствуетъ объ его научной добросовѣстности, сознается, что онъ не можетъ поручиться въ совершенной вѣрности своихъ непосредственныхъ наблюденій надъ звуками Резьянскихъ говоровъ (стр. 6). Такимъ образомъ, стремленіе къ чрезмѣрной точности совпадаетъ иногда съ произволомъ и гадательностью самаго субъективнаго свойства. А это сильно подтачиваетъ довѣріе и къ фактамъ самымъ несомнѣннымъ, но не выдѣленнымъ строго изъ области явленій гипотетическихъ. Такъ, напр., открытый авторомъ въ Резьянскихъ говорахъ законъ вокальной гармоніи, на основаніи котораго авторъ ставитъ гипотезу о Туранской примѣси въ крови Резьянцевъ, не имѣетъ въ нашихъ глазахъ полной несомнѣнности, такъ какъ возможно предположеніе, что, авторъ и въ этомъ случаѣ увлекся тонкостью своего

слуха за предѣлы несомнѣннаго. Поэтому, нельзя не согласиться съ авторомъ (стр. V), что, для провѣрки его фонетическихъ данныхъ, необходимо ему самому, или, прибавимъ отъ себя, кому нибудь другому, еще разъ съѣздить въ Резьянскую долину и чрезъ непосредственное наблюденіе провѣрить все записанное.

Но какъ говоровъ, равносильныхъ по оригинальности Резьянскому, находится цѣлая сотня на обширной Славянской территоріи, и трудно предвидѣть, чтобы для каждаго изъ нихъ нашлось по нѣскольку охотниковъ-изслѣдователей, то, въ виду этого, полезнымъ бы казалось нѣсколько видоизмѣнить самый методъ изслѣдованій и, вмѣсто анализа величинъ безконечно-малыхъ, а часто и призрачныхъ, сосредоточить свои наблюденія на болѣе существенныхъ и несомнѣнныхъ сторонахъ языка, не забывать за звуками формъ, словъ, построенія рѣчи.

На основаніи этихъ соображеній, мы считаемъ себя въ правѣ выразить желаніе, чтобы, при обработкѣ матеріаловъ, относящихся къ другимъ девяти группамъ Сербо-Словенскихъ говоровъ, изученныхъ г. Бодуэномъ (стр. III), нашъ авторъ нѣсколько измѣнилъ свой планъ и не утомлялъ себя и читателя очень гадательными микроскопическими наблюденіями, но сосредоточилъ бы вниманіе на основныхъ и положительныхъ грамматическихъ и лексикальныхъ фактахъ даннаго нарѣчія или говора.

Другая особенность изслѣдованій г. Бодуэна заключается въ его стремленіи выработать точную классификацію и терминологію звуковъ даннаго языка или говора.

Какъ въ прежнемъ его сочиненіи—«О древне-Польскомъ языкѣ» (стр. 29), такъ и въ новомъ—«О Резьянскихъ говорахъ» (стр. 1) представлены классификаціи изслѣдуемыхъ звуковъ. При сравненіи ихъ, оказывается большая разница: звуки язычные вытѣснили прежніе небные и зубные и, въ свою очередь, подраздѣлились на три отдѣла: линейные, поверхностные и линейно-поверхностные. Авторъ не приводитъ основаній этой классификаціи, которая, по нашему мнѣнію, гораздо хуже прежней. Встрѣчаются тутъ термины просто невозможные, напр. звуки *ш* и *ж* названы *задне-передне-язычными!*

Нельзя не обратить вниманія на одну внѣшнюю ороографическую особенность вышеозначенныхъ двухъ изданій г. Бодуэна. Они напечатаны безъ буквы ъ. Не увеличивая ученой цѣны сочиненія, эта особенность придаетъ ему видъ чего-то страннаго и непривычнаго. Не думаемъ, чтобы теперь настало время реформировать столь существенно нашу ороографію.

Русская наука и литература имѣетъ теперь много и гораздо болѣе важныхъ задачъ и могла бы оставить въ покоѣ безобидные еры.

Второе изданіе автора: «Резьянскій катихизисъ» сдѣлано очень добросовѣстно и заслуживаетъ полной благодарности.

Dimitz A. Geschichte Krain's von der ältesten Zeit bis auf das Jahr 1813. Laibach. 1874—75. I. II, III Th.

Если бы исторія страны создавалась не жизнью, а учеными, то, нѣтъ сомнѣнія, Крайна имѣла-бы уже исторію и, притомъ, довольно обильную событіями. Не говоря уже о классическомъ трудѣ Вальвазора (Die Ehre des herzogthums Krain), этого Геродота Крайны, даже сочиненіе г. Димица по объему своему могло бы вмѣстить исторію дѣйствительно исторической страны или народа. Три вышедшіе тома не завершили еще этого сочиненія, хотя, вѣроятно, оно не превысить четырехъ томовъ, такъ какъ автору остается изложить, соотвѣтственно предпринятой имъ задачѣ, лишь исторію полутораста лѣтъ (1657—1813).

Сочиненіе г. Димица принадлежитъ къ числу самыхъ добросовѣстныхъ историческихъ работъ. Оно написано по первымъ, отчасти архивнымъ, источникамъ и обнимаетъ всѣ стороны народной жизни Крайны, за всѣ періоды ея исторіи, начиная съ Цесарей и кончая Габсбургами. Предъ читателемъ проходятъ пестрой вереницей: Иллиры и Кельты, Славяне и Нѣмцы, Мадьяры и Турки, въ разнообразныхъ ихъ отношеніяхъ къ странѣ то мирныхъ, то враждебныхъ. Императоры Рима древняго и новаго, герцоги и короли сосѣдней Германіи, папы Римскіе, патріархи Аквилеи, дожи Венеціи, наконецъ, султаны и паши Оттоманской имперіи постепенно появляются и дѣйствуютъ на сценѣ исторіи, открываемой авторомъ разсматриваемаго сочиненія. По тѣсной связи исторіи Крайны съ исторіею странъ сосѣднихъ, особенно Горицы, Хорутаніи, Штиріи и Австріи, авторъ постоянно имѣетъ въ виду событія послѣднихъ, пользуясь при этомъ трудами Чернига, Анкерсгофена, Мухара и др. Думаемъ, что авторъ даже перешелъ нужныя границы въ этомъ параллелизмѣ судебъ Крайны съ судьбами другихъ подъ-Алпійскихъ странъ. Онъ посвящаетъ много мѣста на изложеніе сеймовыхъ совѣщаній въ Линцѣ, Вѣнѣ и др., хотя послѣдніе имѣли значеніе обще-государственное, а не спеціально Краинское.

Что касается отношенія автора къ предмету своего изслѣдованія, то нельзя не замѣтить въ немъ человѣка довольно безпристрастнаго въ

отношеніяхъ какъ народномъ, такъ и религіозномъ, хотя намъ показалось, что заслуги Габсбурговъ для развитія Крайны представлены авторомъ въ свѣтѣ нѣсколько пристрастномъ къ чести этого энергическаго и ловкаго, но часто коварнаго и жестокаго, особенно Славянамъ дома.

Славянскій читатель выноситъ довольно тяжелое впечатлѣніе изъ чтенія этой Краинской исторіи. Славяне, которымъ болѣе 1000 л. принадлежитъ эта страна, были столь подавлены разными инородными стихіями, что мы почти совершенно не встрѣчаемъ объ нихъ упоминаній въ исторіи! Лишь во время крестьянскихъ бунтовъ 16 вѣка мы узнаемъ, что массы населенія этой страны говорили по-Славянски. Другимъ проблескомъ славизма въ Крайнѣ была литературная дѣятельность Трубера, Далматина и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей Краинской реформаціи.

Тѣмъ удивительнѣе оказывается послѣ того живучесть Славянской стихіи въ Крайнѣ, гдѣ, послѣ столькихъ вѣковъ забвенія, она воскресла къ новой, сознательной жизни.

I. Roskiewicz. Kartographie in Oesterreiche (1750 — 1873). 2-te Auflage. Wien. 1875. (I. Роскевичъ. Картографія въ Австрійской имперіи [1750—1873]. 2-е изданіе. Вѣна 1875).

Сочиненіе это было первоначально предназначено служить каталогомъ коллекціи Австрійскихъ картъ (271), бывшихъ на Вѣнской выставкѣ 1873 г. Потомъ, оно вышло вторымъ изданіемъ и можетъ служить полезнымъ пособіемъ при изученіи Австрійской картографіи.

B. Grüber. Die Kunst des Mittelalters in Böhmen. Wien. 1871—74. I—VII. (Гриберъ. Средне-вѣковое искусство въ Чехіи. Вѣна, 1871—74. 7 выпусковъ).

По собственному, очень вѣроподобному сознанію автора, сочиненіе это (еще не оконченное) представляетъ результатъ двадцатилѣтняго изученія по всей Чехіи памятниковъ средневѣковаго искусства.

Расположено оно по слѣдующему плану. Сначала говорится о разныхъ видахъ искусства древне-Романскаго стиля; затѣмъ, во второй части—объ остаткахъ искусства стиля переходнаго, при Вячеславѣ I, Оттокарѣ II, и Вячеславѣ II; въ третьей части о дѣятельности на

пользу искусствъ королей Люксембургскаго дома (1310—1419 г.), особенно Карла IV, при которомъ искусство поднялось въ Чехiи до наибольшаго процвѣтанiя. Наконецъ, въ четвертой части разсматриваются остатки Чешскаго искусства временъ Подѣбрада и Владислава II (1460—1530), этимъ и прекращается, вмѣстѣ со средними вѣками, и это сочиненiе, посвященное искусству единственно средне-вѣковому.

Сочиненiе объяснено прекрасными планами и снимками. Оно представляетъ важный вкладъ въ Чешскую археологiю и культурную исторiю.

— — —

Dějepis města Prahy. Sepsal. Wáeslaw Wladiwoj Tomek. Dil. III. W. Praze. 1875. [Исторiя города Праги. Составилъ Вячеславъ Владивой Томекъ. Выпускъ III. Прага, 1875.]

Въ прошедшемъ 1875 году въ Прагѣ изданъ третiй выпускъ сочиненiя проф. Томка: «Исторiя города Праги». (Выпуски первый и второй явились въ 1855 и 1871 годахъ).

Профессоръ Вячеславъ Владивой Томекъ давно уже пользуется въ кругу спецiалистовъ извѣстностью въ высшей степени добросовѣстнаго изслѣдователя Чешской старины. Его исторiю Пражскаго университета и журнальныя статьи по разнымъ частнымъ вопросомъ не можетъ пройти безъ вниманiя никто изъ занимающихся судьбами Чеховъ. Но главнымъ трудомъ его остается до сихъ поръ «Исторiя города Праги», предпринятая имъ по совѣту Палацкаго. Важность такого сочиненiя несомнѣнна. Прага всегда была средоточiемъ исторической жизни Чешскаго народа. Всѣ крупныя событiя Чешской исторiи разыгрывались или въ ея стѣнахъ, или какимъ бы то нибыло образомъ въ ней отражались. Подобно тому, какъ бiографiя знаменитаго лица вводитъ насъ въ цѣлую эпоху, имъ пережитую, такъ и исторiя такого города, какъ Прага, знакомитъ насъ со всѣмъ, что когда-либо переживалъ Чешскiй народъ втеченiе своей исторической жизни. Жизнь эта имѣетъ право на вниманiе не только Славянъ, но и всѣхъ образованныхъ народовъ, потому что ея влiянiе въ свое время сказалось далеко за предѣлами того четыреугольника, въ которомъ поселилось Чешское племя.

Серьезная критика сочиненiя проф. Томка болѣе, чѣмъ трудна. Нужно, чтобы критикъ, хотя до нѣкоторой степени, обладалъ тѣми громадными свѣдѣнiями по Чешской исторiи и древностямъ, какiя обнаруживаетъ авторъ, посвятившiй своему труду лучшiе годы своей жизни. Притомъ,

исторія его чужда всякаго рода предвзятыхъ идей, гипотезъ, словомъ—всего того, за что всегда болѣе или менѣе легко бываетъ ухватиться разбирателю: авторъ руководится однимъ только стремленіемъ къ истинѣ; онъ тщательно, до послѣднихъ мелочей, изучилъ все, что сохранила старина о столицѣ его родины, извлекъ изъ всего этого только то, что считалъ несомнѣннымъ и въ строго-логической формѣ изложилъ свои выводы на судъ читателю, предоставляя ему дѣлать какія угодно заключенія, строить какія угодно гипотезы. Даже католицизмъ не помѣшалъ безпристрастію проф. Томка. Подобно другимъ католическимъ писателямъ, онъ не рѣшился, измѣняя исторической правдѣ, ни скрывать, ни смягчать мрачныхъ сторонъ Чешскаго духовенства XIV и XV столѣтій, хотя зналъ, конечно, что этимъ навлечетъ на себя нерасположеніе чрезчуръ благонамѣренныхъ клириковъ. Предъ такимъ сочиненіемъ критика должна до поры до времени умолкнуть. Такое сочиненіе имѣетъ характеръ историческаго документа, но документа строго провѣреннаго. На такой трудъ можетъ смѣло, не боясь ошибокъ, ссылаться всякій историческій изслѣдователь.

Какъ ни велика слава Палацкаго, она нисколько не умаляетъ значенія въ Чешкой исторической наукѣ труда проф. Томка. Какъ собиратель и критикъ историческихъ памятниковъ, какъ первый Чешскій историкъ, Палацкій на долго останется великаномъ въ сравненіи съ другими Чешкими историками. Но, занимаясь разнообразными трудами, подъчасъ невольно отвлекавшими отъ науки, Палацкій не могъ съ одинаковою обстоятельностью разработать всѣ отдѣлы своей исторіи. Его очерки общественной жизни, разсѣянные тамъ и сямъ между обширными повѣствованіями о событіяхъ, написаны съ большимъ талантомъ, но, по краткости и мѣсту, которое они занимаютъ, теряются въ цѣломъ трудѣ, и потому не могутъ удовлетворить требовательнаго читателя. Нужно ли говорить, какая тѣсная связь существуетъ между внѣшнею жизнью народа и внутреннею, что и та и другая суть только двѣ стороны одной и той-же жизни, нераздѣлимыя въ дѣйствительности. «Если взглядъ на великолѣпное зрѣлище міровыхъ событій, говоритъ проф. Томекъ въ предисловіи къ своему труду, возвышаетъ и плѣняетъ душу, то и сосредоточеніе въ болѣе узкомъ историческомъ кругу, какъ, напримѣръ, въ исторіи одной мѣстности, имѣетъ по истинѣ свою особенную занимательность. Тамъ являются передъ нами событія болѣе громкія и разнообразныя, за то по своей необычайности представляющіяся очень далекими отъ жизни обыденной; здѣсь, при меньшемъ разнообразіи, мы

видимъ все ближе предъ собою, въ болѣе ясномъ свѣтѣ и въ болѣе тѣсной связи съ обыкновенною жизнью, такъ что даже болѣе крупныя событія становятся отъ этого понятнѣе и какъ будто естественнѣе. Стараніе мое, продолжаетъ онъ далѣе, при составленіи исторіи Праги, употребилъ я не столько на изложеніе событій внѣшнихъ, сколько, и гораздо болѣе, на всестороннее изображеніе общественной жизни въ Прагѣ, на сколько письменные памятники даютъ на это средствъ: отъ такого изображенія, по моему мнѣнію, событія внѣшнія должны представиться въ лучшемъ свѣтѣ».

Задачу эту выполнилъ проф. Томекъ съ рѣдкою добросовѣстностью, что объясняется только истинною любовью его къ родинѣ и пониманіемъ необходимыхъ условій всякаго научнаго труда.

Сочиненіе обнимаетъ время отъ основанія Праги до смерти короля Вячеслава IV [1419]. Прежде всего авторъ знакомитъ насъ съ самымъ городомъ. Двѣ обширныя статьи посвящены подробной топографіи Праги. Въ картинѣ яркой и точной до мелочей, эти статьи возсоздаютъ въ воображеніи читателя наружность стараго города, со всѣми перемѣнами, которыя происходили въ немъ въ разныя эпохи. Пользуясь сохранившимися записями о покупкѣ и продажѣ домовъ Пражскихъ и разными другими источниками, авторъ имѣлъ возможность точно опредѣлить положеніе каждаго чѣмъ-нибудь знаменитаго дома; ему удалось прослѣдить улица за улицей, площадь за площадью, какъ что было и какъ что называлось въ Прагѣ, особенно во второй половинѣ XIV и въ первой половинѣ XV столѣтія. «Я какъ будто выкапывалъ старую Прагу, говоритъ авторъ, подобно Помпеямъ или Геркулануму, часть за частью—изъ пепла, которымъ покрыли ее позднѣйшія столѣтія».

Такъ же подробно изложена исторія разныхъ сословій Праги и ихъ взаимныя отношенія; авторъ говоритъ даже о домашней утвари, пищѣ и одеждѣ обывателей. Цѣлая большая статья посвящена исчисленію главнѣйшихъ мѣщанскихъ фамилій, а также именъ и прозвищъ, употребительныхъ въ тѣ времена. Чтобъ написать эту статью, проф. Томекъ долженъ былъ по памятникамъ составить списокъ родовъ и именъ, содержащій до 16,000 названій. Пользуясь этими данными, авторъ приходитъ къ любопытнымъ опредѣленіямъ того, какое имя когда было наиболѣе употребительнымъ. «Самымъ любимымъ именемъ во второй половинѣ XV столѣтія былъ Янъ; имъ назывался тогда, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ восьми человѣкъ въ Прагѣ. За нимъ шло — Николай; его носилъ одинъ изъ пятнадцати. Скоро было въ Прагѣ столько же

Петровъ и Вячеславовъ, но на половину менѣе Якововъ и Мартиновъ и т. д.». Тотъ же списокъ приблизительно указываетъ численное отношеніе народностей Чешской и Нѣмецкой въ Прагѣ, а это очень важно для объясненія религіозно-національныхъ волненій въ XIV и XV столѣтіяхъ. Особенное значеніе для объясненія этихъ событій имѣетъ статья о духовенствѣ въ третьемъ выпускѣ сочиненія.

Поразительна многочисленность этого сословія въ концѣ XIV и въ началѣ XV столѣтія. При соборномъ храмѣ св. Вита, до начала религіозныхъ войнъ, число духовныхъ лицъ доходило до 300. Руководясь свидѣтельствами источниковъ и разными вѣроятными предположеніями, можно получить цифру 1178—число духовныхъ лицъ въ цѣлой Прагѣ. Но въ это число не входятъ духовныя лица, отправлявшія разныя службы при королевскомъ дворѣ, въ канцеляріяхъ архіепископа, при его особѣ, писаря и адвокаты въ судахъ. Хотя часто нѣсколько духовныхъ бенефицій соединялось въ однихъ рукахъ и, такимъ образомъ, пришлось бы нѣсколько уменьшить общую цифру; но, съ другой стороны, бывало часто, что приходскіе священники или другіе, владѣвшіе бенефиціями, по разнымъ причинамъ не отправляли своихъ должностей сами, а назначали намѣстниковъ или постоянныхъ, или временныхъ, и для того всегда было на-готовѣ нѣкоторое число духовныхъ лицъ, не имѣвшихъ бенефицій. Поэтому не будетъ большаго уклоненія отъ правды, если принять, что круглымъ счетомъ постоянно жило въ Прагѣ, по крайней мѣрѣ, 1200 духовныхъ лицъ.

Матеріальное существованіе всей этой массы людей поддерживалось жалованными имѣніями и всякаго рода доходами. Непомѣрное скопленіе богатствъ въ рукахъ духовенства имѣло немаловажное вліяніе на ходъ тогдашнихъ событій. Проф. Томекъ собираетъ самыя подробныя свѣдѣнія объ имуществахъ и доходахъ духовныхъ лицъ, церквей и монастырей. Всего богаче былъ надѣленъ архіепископъ Пражскій. Ему принадлежало 17 городовъ и разныхъ селеній съ прилежащими деревнями. Жители всѣхъ этихъ мѣстъ обязаны были всякій годъ платить архіепископу подать деньгами и сырыми продуктами. Особенною податью обложены были корчмы, мельницы, сады, луга, лѣса, ремесла и т. п. Большой доходъ архіепископу доставляла десятина, т. е. ежегодная плата съ епархіальныхъ имуществъ и доходовъ; ее собирали настоятели приходовъ, передавали деканамъ, а деканы архіепископу. Часть архіепископскихъ доходовъ шла на содержаніе разныхъ чиновниковъ, управлявшихъ имѣніями или исполнявшихъ какія-нибудь обязанности

у архіепископа были свои бургграфы, подкоморіи, направники, гофмейстеры, маршалы, канцлеры и т. п. Сравнительно меньшими, но все-таки значительными богатствами владѣли разныя другія духовныя лица, монастыри и церкви. Правда, духовенство должно было удѣлять значительную часть своего имущества королю, но это обременяло не духовенство, а народъ, жившій на церковныхъ владѣніяхъ. Папа также требовалъ себѣ доли церковныхъ доходовъ. По своему благоусмотрѣнію, онъ назначалъ въ свою пользу сборъ, который назывался папскою десятиною. Иногда, впрочемъ, эта десятина шла въ пользу короля, если папа хотѣлъ отблагодарить его за какую нибудь услугу.

Огромное число церквей, монастырей, часовенъ, алтарей въ Прагѣ во второй половинѣ XIV и первой половинѣ XV столѣтія, богатства, которыми надѣлялось духовенство,—все это свидѣтельствовало о видимой набожности высшихъ и низшихъ классовъ тогдашняго общества. Частое совершеніе службъ, порядокъ и торжественность при богослуженіи были цѣлью щедрыхъ пожертвованій, отпускавшихся на церковь. Особенно часто и торжественно совершалось богослуженіе въ митрополичьемъ храмѣ св. Вита: службы не прерывались тамъ даже ночью. Кромѣ многочисленныхъ праздниковъ, посвященныхъ воспоминаніямъ о разныхъ событіяхъ изъ жизни Христа или святыхъ, непредвидѣнныя обстоятельства бывали поводомъ къ отправленію богослуженія. Такъ, архіепископъ Ольбрамъ, по поводу мора, жестокостей Турокъ и Татаръ и домашнихъ неурядицъ, установилъ въ 1399 году, чтобы каждый латинянинъ, услышавъ особый звонъ колоколовъ въ церквахъ, становился на колѣни и произносилъ пять разъ «Отче нашъ». Кто исполнялъ это, тому отпускались грѣхи на 40 дней. Въ заботѣ о сохраненіи и украшеніи мощей святыхъ и разныхъ другихъ священныхъ предметовъ выражалось также набожное настроеніе того времени. Отсутствіе духа критики было причиною того, что люди вѣрили въ чудотворность самыхъ сомнительныхъ святынь. Число ихъ особенно увеличилось при императорѣ Карлѣ IV: онъ добывалъ ихъ изъ Германіи, Франціи, Италіи и другихъ земель. Въ храмѣ св. Вита были, между прочимъ, слѣдующіе предметы: головы апостола Варѳоломея, евангелистовъ Луки и Марка и первомученика Стефана, рука Лазаря, нѣсколько волосъ Маріи Магдалины, пеленка младенца Іисуса, часть яслей и т. п. Изъ Константинополя присланы были императоромъ Іоанномъ Палеологомъ кости Авраама, Исаака и Іакова. Для поклоненія святынямъ предпринимались путешествія иногда въ очень отдаленныя мѣста; духовен-

ство, съ своей стороны, поощряло эти подвиги набожности, обѣщая за нихъ не только отпущеніе грѣховъ, но даже спасеніе души. Кто приходилъ 2 января въ Прагу на поклоненіе третьей части покрывала св. Дѣвы, привезеннаго изъ Іерусалима св. Еленою, тотъ получалъ индульгенцію на три года и сорокъ дней. И многочисленныя толпы богомольцевъ ходили и въ Прагу, и въ Моравію, и въ Римъ, и даже въ Іерусалимъ.

Храмовыми занятіями и наблюденіемъ за исполненіемъ церковныхъ постановленій мірянами не ограничивалась дѣятельность духовенства: въ его вѣдѣніи находилась также общественная благотворительность и общественное просвѣщеніе. Учебныя заведенія, начиная съ приходскихъ и коллегіатныхъ школъ и кончая университетомъ, подлежали руководству и надзору духовенства. Званіе канцлера Пражскаго университета должно было всегда принадлежать архіепископу Пражскому. Наконецъ, духовенство обязано было блюсти общественную нравственность. Не только проповѣдями въ церквахъ, но и домашними увѣщаніями оно должно было искоренять обжорство, пьянство, прелюбодѣяніе, страсть къ игрѣ въ кости и другіе пороки. Лихва также возбранялась церковными законами: запрещалось не только брать проценты съ должника, но и набавлять цѣну на товаръ, если онъ покупался не на наличныя деньги.

Велика была область, которую служители алтаря отмежевали для своей дѣятельности, широко распространили они свое господство: казалось бы, что ихъ вліяніе должно было чувствоваться при каждомъ шагѣ въ жизни тогдашнихъ Пражанъ, не только общественной, но и домашней; но это было больше въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности, по крайней мѣрѣ къ началу XV столѣтія. Духовная сила, единственное орудіе, которымъ могла вліять на массы церковь, къ тому времени изчезла; величественное зданіе, построенное на развалинахъ древняго Рима, успѣло разшататься отъ внутренняго безсилія и поддерживалось только корыстными побужденіями «священныхъ» императоровъ. Картина безнравственности Пражскаго духовенства въ сочиненіи проф. Томка начертана живо и занимательно. Крайняя небрежность въ исполненіи церковныхъ обязанностей, корыстолюбіе, святокупство, обжорство, пьянство, страсть къ игрѣ въ кости и наглый развратъ были самыми обыкновенными явленіями въ жизни тогдашняго духовенства. При такихъ пастыряхъ и другіе обыватели города могли свободно предаваться самымъ грубымъ страстямъ; нравственныя чувства должны были заглохнуть въ массѣ.

Въ концѣ XIV столѣтія само правительство обращаетъ вниманіе на эти безпорядки. Императоръ Карлъ IV, съ помощью архіепископа Эрнста, предпринимаетъ нравственную реформу духовенства и общества. Важнымъ орудіемъ въ этомъ дѣлѣ признается проповѣдь. Отыскались энергическіе и высоконравственные проповѣдники: Нѣмецъ Конрадъ Вальдгаузеръ и Мораванинъ Миличъ Кромежирскій. Сильно было ихъ вліяніе на слушателей. Пражскія мѣщанки, любившія носить самые вычурные модные костюмы, стали ходить въ скромныхъ однообразныхъ одеждахъ; ростовщики и другіе люди, добывавшіе деньги нечестнымъ путемъ, приходили каяться и заглаживали свои проступки благотворительностью; по настоянію Милича, раззоренъ былъ цѣлый притонъ разврата въ Прагѣ—Бенатки, и на мѣстѣ его построенъ домъ, гдѣ поселены были раскаявшіяся женщины, получившій названіе Іерусалима. Стремленіе осуществить нравственные принципы въ жизни выразилось въ устройствѣ корпорацій мужскихъ и женскихъ. Члены этихъ корпорацій жили вмѣстѣ, имѣли общій столъ въ складчину и проводили время въ постѣ, молитвахъ, слушаніи проповѣдей и подвигахъ благотворительности. Два писателя, рыцарь Ѳома Щитный и магистръ Матвѣй изъ Янова, который дѣйствовалъ также проповѣдью, проникнуты были тѣмъ же нравственнымъ направленіемъ, какое руководило Конрадомъ и Миличемъ. Въ началѣ XV столѣтія выступилъ на общественное поприще магистръ Янъ Гусъ. Обзору его жизни и дѣятельности проф. Томекъ посвящаетъ весьма обширную статью, въ которую вошло все, что извѣстно о Гусѣ по его сочиненіямъ и документамъ, изданнымъ въ недавнее время. Авторъ признаетъ зависимость Гуса отъ Виклефа, но не считаетъ его слѣпымъ послѣдователемъ Англійскаго реформатора. Прекрасно изобразилъ проф. Томекъ предшествовавшую дѣятельности Гуса борьбу между королемъ и духовенствомъ. Она знакомитъ насъ съ интересами церкви и свѣтской власти и съ характеромъ представителей двухъ враждебныхъ лагерей. Характеристики архіепископа Яна изъ Іенштейна и короля Вячеслава IV можно признать вполнѣ образцовыми. Одинъ изъ эпизодовъ этой борьбы недавно поднялъ старинный вопросъ, давно уже рѣшенный. Это дѣло объ Янѣ Непомукѣ. Архіепископскій викарій докторъ Іоаннъ изъ Помука былъ утопленъ по приказанію короля Вячеслава за то, что далъ, противъ его воли, утвержденіе новоизбранному аббату Кладрубскаго монастыря. Іезуитскіе писатели XVII и XVIII ст. изобрѣли другого человѣка съ подобнымъ именемъ, назвали его духовникомъ королевы Іоанны,

*

первой супруги короля Вячеслава, и разсказали будто-бы онъ былъ замученъ и утопленъ за то, что не хотѣлъ открыть королю, въ чемъ исповѣдовалась его супруга. Въ прошедшемъ столѣтіи, по настоянію іезуитовъ, этотъ Іоаннъ Непомукъ, какъ они его называли, признанъ былъ святымъ. Цѣль этой выдумки была та, чтобы заглушить въ народѣ память о ненавистномъ для католической церкви Іоаннѣ Гусѣ. Поэтому и въ самое житіе мнимаго святого внесены были іезуитами нѣкоторыя черты изъ жизни Гуса. Въ концѣ прошедшаго столѣтія обманъ былъ обнаруженъ. Рѣшено было, что двухъ Непомуковъ никогда не существовало, что былъ одинъ, утвердившій Кладрубскаго аббата и не имѣвшій нималѣйшихъ признаковъ святости. Проф. Томекъ изложилъ дѣло такъ, какъ изложилъ бы его всякій безпристрастный изслѣдователь, и этимъ возбудилъ противъ себя крайнихъ клерикаловъ, которые, кажется, намѣрены снова поднять забытый вопросъ о святости Яна Непомука.

Трудъ проф. Томка еще не конченъ. Ему предстоитъ интересный, но требующій серьезной разработки, періодъ Гусситскихъ движеній. Послѣ тѣхъ высокихъ достоинствъ, которыя обнаружили уже вышедшіе въ свѣтъ отдѣлы исторіи Праги, мы въ правѣ ожидать многаго и отъ послѣдующихъ выпусковъ.

Нельзя не упомянуть и о томъ, что самое изложеніе проф. Томка въ его трудѣ замѣчательно не менѣе самого содержанія. Въ немъ авторъ показалъ умѣнье пользоваться лѣтописнымъ тономъ повѣствованія, и это придаетъ особенную прелесть его историческому разсказу. Отъ него вѣетъ стариною; читатель забываетъ, что съ нимъ бесѣдуетъ образованный человѣкъ XIX столѣтія, и всецѣло переносится въ изображаемую эпоху.

Кромѣ чисто научнаго значенія, «Исторія города Праги» могла бы возбудить интересъ во всякомъ любознательномъ человѣкѣ, если бы знаніе Славянскихъ нарѣчій было болѣе распространено. Поэтъ-художникъ могъ бы найти въ ней богатый матеріалъ для своихъ произведеній, а такія произведенія были бы очень нужны: они гораздо лучше могли бы познакомить Славянъ другъ съ другомъ, чѣмъ цѣлый рядъ ученыхъ изслѣдованій, безспорно необходимыхъ, но всегда доступныхъ лишь небольшому кружку спеціалистовъ.

Г. Анненковъ.

Glossarium illustrans Bohemico-Moravicae historiae fontes. Verfasst von V. Brandl, mährischen Landesarchivar. Brünn, 1876, in 8°. Стр. I—XVI и 1—470.

Rukověť chronologie křesťanské, zvláště České. Kalendář na léta od 800 až do 2000 po Narození Páně. Sepsal Josef Emler. W Praze, 1876, in 4°. Стр. I—XXX и 1—90.

Самостоятельное личное знакомство съ историческими памятниками составляетъ въ наше время необходимое условіе для каждаго изслѣдователя старины. Ни переводы, ни извлеченія не могутъ замѣнить самого подлинника. Между тѣмъ, пользованіе памятниками, особенно отдаленной эпохи не всегда бываетъ легко. Трудность представляетъ, между прочимъ, языкъ—чуждое намъ употребленіе словъ и оборотовъ. Чтобы добиться смысла какого-нибудь слова или выраженія, приходится иногда отыскивать разные случаи употребленія этого слова и выраженія въ другихъ памятникахъ: работа утомительная и, притомъ, отвлекающая ученаго отъ главнаго предмета его занятій.

Составленіемъ «Глоссарія» г. Брандль пытается облегчить эти неизбѣжныя трудности при изученіи памятниковъ Чешско-Моравской исторіи. Изданіе г. Брандля раздѣляется на три, не равныя по объему, отдѣла. Первый, самый обширный (4—394), содержитъ свыше трехъ тысячъ статей, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ и объясняющихъ Чешскія слова въ историческихъ и юридическихъ памятникахъ Чешскихъ, Нѣмецкихъ и Латинскихъ. Одни толкованія длиннѣе, другія короче, смотря по большей или меньшей важности самихъ словъ. Особенно обширны статьи, касающіяся образованности и общественныхъ отношеній. Въ нихъ изслѣдователь найдетъ обильныя выписки изъ документовъ и разныхъ старинныхъ сочиненій, съ указаніемъ мѣстъ, откуда онѣ сдѣланы. Во второмъ отдѣлѣ собраны: 1) Латинскія слова, которыя, кромѣ обычнаго средне-вѣковаго значенія, имѣютъ еще другое, встрѣчающееся только въ Чешско-Моравскихъ памятникахъ; 2) латинизированныя Чешскія слова и 3) Латинскія фразы, представляющія буквальный переводъ съ Чешскаго языка. Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщены Нѣмецкія слова изъ памятниковъ Чешско-Моравскихъ, написанныхъ по-Нѣмецки. Таковъ составъ «Глоссарія». Нѣтъ сомнѣнія, что, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, никакой глоссарій не замѣнитъ личнаго знакомства съ источниками; но, не смотря на это, трудъ г. Брандля всегда будетъ имѣть серьезное вспомогательное значеніе: помимо добросовѣстныхъ толкованій, которыми нельзя не воспользоваться, онъ облегчаетъ работу

изслѣдователя тѣмъ, что указываетъ ему, гдѣ, въ какомъ памятникѣ нужно искать какое нибудь слово или оборотъ. Въ заключеніе нельзя не упомянуть о весьма полезныхъ замѣчаніяхъ автора въ его предисловіи къ труду. Замѣчанія касаются фонетическихъ явленій, сопровождающихъ переходъ словъ изъ Латинскаго и Нѣмецкаго языка въ Чешкій и на оборотъ. Только зная эти фонетическія явленія, можно открыть Нѣмецкое или Латинское происхожденіе какого-нибудь Чешскаго слова и, въ свою очередь, въ нѣкоторыхъ Латинскихъ и Нѣмецкихъ словахъ отыскать Чешскую основу.

Другую трудность при изученіи Чешско-Моравскихъ памятниковъ представляютъ особенности въ средне-вѣковомъ обозначеніи времени. Драгоцѣннымъ пособіемъ въ этомъ отношеніи можетъ служить трудъ д-ра Эмлера. Въ обширномъ введеніи составитель знакомитъ насъ со всѣми западно-Европейскими способами опредѣленія времени, начиная съ Римскаго календаря и кончая календаремъ Французской республики 1792 года. Удобно расположенныя и наглядно отпечатанныя таблицы, указатель въ концѣ книги и практическія правила, изложенныя во введеніи къ «Календарю»—все это даетъ возможность, при нѣкоторомъ навыкѣ, безъ особеннаго труда опредѣлять годъ, мѣсяцъ, число, а иногда и часъ, когда совершилось событіе. Было бы желательно, чтобы авторъ расширилъ предѣлы своего «Календаря», сдѣлавъ его примѣнимымъ при изученіи памятниковъ не только Чеховъ, но и другихъ Славянскихъ племенъ.

Ю. А.

Kanitz. Donau—Bulgarien und der Balkan. I Band. Leipzig. 1875. [Каницъ. При-Дунайская Болгарія и Балканы. Томъ I. Лейпцигъ, 1875].

Балканскій полуостровъ пренадлежитъ къ числу наименѣе изученныхъ странъ Европы. Впрочемъ, Русскіе ученые, съ своей стороны, уже могое сдѣлали для научной разработки Болгарской жизни. Въ послѣднее время изслѣдователемъ этой страны является Каницъ, давшій два интересные труда, по свѣжести сообщаемыхъ свѣдѣній, особенно важные для изученія этнографіи и статистики Болгаръ и Сербовъ. И новость труда Каница въ Болгарской литературѣ, и современность его въ нынѣшнюю эпоху рѣшенія «Болгарскаго вопроса» обращаютъ особенное вниманіе на это изслѣдованіе о Болгаріи.

Не будучи самъ Славяниномъ, авторъ къ Болгарамъ относится съ постояннымъ сочувствіемъ и ратуетъ за ихъ права, хотя ему, какъ

западно-Европейцу, непонятны истинные мотивы нѣкоторыхъ народныхъ движеній, напр. въ Греко-Болгарскомъ церковномъ вопросѣ. Въ соображеніяхъ автора по этому вопросу проглядываетъ, кромѣ вражды къ къ Грекамъ, еще какое-то плохо скрытое злорадство о несчастномъ раздорѣ, который можетъ принести пользу болѣе всего Туркамъ и папскимъ миссіонерамъ.

Сочиненіе Каница состоитъ изъ двухъ частей: въ первой излагаются собранные авторомъ изъ источниковъ какъ первой, такъ и второй руки свѣдѣнія о Болгарахъ вообще, ихъ исторіи и этнографіи, ихъ стремленіяхъ политическихъ и религіозныхъ, а также объ отношеніяхъ къ Болгарамъ какъ центральнаго правительства, такъ и мѣстныхъ Турецкихъ властей; во второй части излагаются путевые очерки западной Болгаріи, именно, страны между рѣками: Нишавою, Дунаемъ, Ломомъ и Тимокомъ. Въ концѣ сочиненія находятся свѣдѣнія о колонизаціи Болгаръ и Татаръ въ Крыму и на Дунаѣ, а Черкесовъ—въ Болгаріи, затѣмъ, данныя для картографіи западной Болгаріи и измѣреніе высотъ. Къ сочиненію приложено 20 иллюстрацій въ текстѣ, 10 на таблицахъ и небольшая карта Болгаріи, изображающая путешествіе по ней автора въ 1870—74 годахъ.

Сочиненіе это, и особенно вторая топографическая его часть, [такъ какъ первая часть сочиненія представляетъ болѣе или менѣе удачную компиляцію по изданнымъ уже пособіямъ] имѣетъ научную цѣну.

Обзоръ историческихъ событій, поприщемъ для которыхъ служила Болгарія, (начиная съ похода Дарія и оканчивая послѣднимъ Болгарскимъ возстаніемъ, при Митхадѣ-пашѣ) составленъ авторомъ съ достаточною объективностью, на основаніи изслѣдованій Энгеля, Шафарика, Палаузова, Славейкова, Гаммера, Дюммлера, Гильфердинга, Финлея, Цахаріи, Куника, Пихлера, Дринова и другихъ, но очень кратокъ и безцвѣтенъ и представляется занимательнымъ только въ тѣхъ частяхъ, гдѣ интересъ возбуждается новизною,—близостью къ намъ самихъ событій, или ихъ политическимъ значеніемъ для настоящаго времени; въ этихъ мѣстахъ разсказъ автора становится обстоятельнѣе, одушевленнѣе и занимательнѣе.

Разсказавъ о паденіи Болгарскаго царства, авторъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе о причинахъ этого событія: «Юношескій избытокъ матеріальной силы не уравновѣшивался въ Болгарахъ, какъ слѣдуетъ, высшею моралью, идеальными стремленіями, организаторскимъ геніемъ, смѣлымъ полетомъ духа и мысли. Съ мечемъ въ ру-

кахъ, конечно, они могли завоевать обширныя земли. Но для образованія и продолжительнаго процвѣтанія новаго, полнаго силъ, государства не доставало сказанныхъ условій». Заключеніе это, представляется намъ не совсѣмъ вѣрнымъ, и во всякомъ случаѣ неполнымъ и потому не вполнѣ удовлетворительнымъ; въ немъ не принято во вниманіе ни вліяніе Византіи на Славянъ, ни значеніе другихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, особенно Турецкаго нашествія; мечь безразлично можетъ прекратить жизнь и скудную, и богатую нравственными силами.

Прослѣдимъ судьбы Болгарскаго народа подъ Турецкимъ владычествомъ, какъ онѣ изображены въ сочиненіи Каница.

Во второй половинѣ XIV вѣка, именно, въ то время, когда сила Болгаръ и Сербовъ гибла подъ сокрушительными ударами Османовъ, повидимому, собиралась выступить въ качествѣ спасительницы христіанскаго Востока Венгрія, стремившаяся занять на немъ первенствующее мѣсто. На тронѣ ея сидѣлъ король Людовикъ Великій, «мудрѣйшій и могущественнѣйшій правитель своего времени. Его могучее слово имѣло силу отъ Дуная до Адріатики и Балтійскаго побережья». Но, король Людовикъ померъ за нѣсколько лѣтъ до Косовской битвы. Наслѣдникъ его, Сигизмундъ (изъ Люксамбургскаго дома), верховную власть котораго признали надъ собою нѣкоторыя части не совсѣмъ еще покоренной Сербіи, Босніи и др., рѣшился предотвратить бѣдствіе, угрожавшее его странѣ. Никопольская битва рѣшила дѣло не въ его пользу. Султанъ Баязетъ Ильдеримъ (молнія) уничтожилъ цвѣтъ христіанскаго воинства, собравшаго въ свои ряды дворянство Венгріи, Бургундіи, Чехіи, Германіи, Англіи и Франціи и питавшаго увѣренность, что оно въ состояніи «поддержать своими шпагами даже небо, еслибы оно вздумало упасть». Болѣе счастливою оказалась западно-Европейская коалиція противъ Турокъ, выступившая подъ предводительствомъ Венгерскаго богатыря Гуніада. Она разбила Турокъ на голову при Нишѣ. Тѣмъ не менѣе, папа былъ недоволенъ миромъ, заключеннымъ съ «невѣрными» въ Шегединѣ (1440). Второй разъ честолюбивый Гуніадъ пробовалъ счастія при Варнѣ (1444), третій и послѣдній разъ на роковомъ Косовомъ полѣ (1449); оба раза онъ былъ побѣжденъ своимъ не менѣе великимъ противникомъ Мурадомъ II. Съ этихъ поръ судьба Сербіи, Болгаріи и Греческой имперіи, сохранявшей еще тѣнь независимости, была рѣшена... Когда новый мусульманскій владѣтель старой Византіи входилъ въ опустошенныя по-

мѣщенія столицы Палеологовъ, онъ съ глубокимъ волненіемъ привелъ слова древне-Персидскаго поэта: «Паукъ развѣсилъ свою ткань въ императорскомъ дворцѣ и ночной крикъ совъ раздается въ башняхъ Афрасіаба»...

Съ тѣхъ поръ Болгарскій народъ, въ смыслѣ политической личности, по справедливому замѣчанію Каница, пересталъ существовать; онъ только продолжалъ существовать въ качествѣ крѣпостной рабочей силы, обязанной работать на военную касту. Турецкій ураганъ развѣялъ сѣмена образованія, брошенныя нѣкоторыми заботившимися о развитіи народа правителями въ народныя борозды, къ сожалѣнію, недостаточно глубокія... И въ то время, когда Европа торжествовала свое духовное возрожденіе въ лицѣ Колумба, Лютера, Коперника, Бэкона Веруламскаго, Галилея, Мильтона, средне-вѣковая ночь легла на ея восточномъ горизонтѣ и на нѣсколько столѣтій погасила тамъ всякіе проблески духовныхъ стремленій! Герметическое уединеніе отъ всякаго просвѣтительнаго элемента въ состояніи заглушить духовныя силы и націй, стоящихъ въ своемъ развитіи выше, чѣмъ Болгары. Объясняя, какое дѣйствіе на характеръ Болгаръ должно было произвести пяти-вѣковое рабство, Каницъ приводитъ параллель между Сербами и Болгарами и, какъ Австро-Венгерецъ, между прочимъ, говоритъ: «Сербія граничила съ землями того могущественнаго Австрійскаго государства, которое, какъ «передовая стража христіанства», до самаго начала нашего вѣка смотрѣло на уничтоженіе господства полумѣсяца, какъ на традиціонную цѣль своей политики. Четыре раза арміи Австріи переносили свои знамена черезъ Саву, съ цѣлью освобожденія близь лежащихъ Сербскихъ земель. На двадцать лѣтъ (1718—1739) Турки были даже совсѣмъ вытѣснены изъ нихъ. Если, затѣмъ, эти земли снова попали подъ власть полумѣсяца, то все-таки было разрушено обаяніе незыблемости этой власти; райя, призванная Австріею къ участію въ борьбѣ съ Турками, пріучалась довѣряться силѣ своего оружія, нерѣдко содѣйствовала униженію ненавистныхъ поработителей и, такимъ образомъ, пріобрѣтала новыя ободряющія традиціи. Совсѣмъ иная судьба выпала на долю Болгарамъ. Втеченіе столѣтій они были окружены съ одной стороны порабощенными Румынами, съ другой—также покоренными и, сверхъ того, нерасположенными къ нимъ Греками и Сербами, и вездѣ сталкивались съ враждебными Албанцами и Турками, не имѣя, притомъ, до начала этого вѣка, никакой внѣшней поддержки. Такимъ образомъ, для нихъ не существовало тѣхъ закаляющихъ характеръ условій,

какія Сербамъ давала непосредственная близость къ Австріи. Когда Сербы, по собственному почину, рѣшились, наконецъ, на борьбу за независимость, то они знали, что только Сава отдѣляетъ ихъ отъ убѣжища, въ которомъ бѣглецы всегда могли найти сильную защиту, хотя со смерти Іосифа II отношенія Австріи къ Туркамъ и перемѣнились. У Болгаръ не было такой «Воеводины», гдѣ бы въ войскѣ, на государственной службѣ и въ школѣ могли подготовляться такія личности, какъ даже самъ Георгій Черный, которые, переступивъ неширокую пограничную рѣку, могли помогать своимъ братьямъ въ борьбѣ за свободу и въ организаціи первыхъ государственныхъ учрежденій».

Впрочемъ, и Болгарамъ представилось въ этомъ столѣтіи нѣсколько благопріятныхъ моментовъ для сверженія господства чужеземцевъ, именно въ 1828 году, «когда Россія переступила преграду, до сихъ поръ отдѣлявшую ее отъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ Болгаръ. Она съ увѣренностью разсчитывала на ихъ дѣятельное участіе въ войнѣ. Но только болѣе воинственные изъ нихъ—Балканскіе Болгары дѣйствительно поднялись и помогли Русскимъ завладѣть малодоступными Балканскими проходами». Но дѣло не дошло до общаго возстанія, въ которомъ высказались бы благородная рѣшимость и самоотверженіе, невольно вызывающія наше сочувствіе,—и это не трудно объяснить. Въ своемъ офиціальномъ манифестѣ (26 апрѣля 1828 г.) разсуждаетъ Каницъ, Россія заявила, что она не имѣетъ въ виду совершеннаго освобожденія или полнаго завоеванія Дунайскихъ странъ, и намѣрена отдать ихъ обратно, получивъ достаточное удовлетвореніе; притомъ же, война велась въ восточной Дунайской Болгаріи, гдѣ райя находилась подъ сильнымъ давленіемъ значительнаго мусульманскаго населенія и сильныхъ военныхъ центровъ Силистріи, Шумлы, Варны. Однако, уже симпатіи и явное пособничество Болгаръ въ отношеніи къ Русскимъ, въ 1828—29 годахъ, послужили немаловажною причиною принятія султаномъ Махмудомъ стѣснительныхъ условій Адріанопольскаго мира. Россія, съ другой стороны, признала оказанныя ей райею услуги въ 13 статьѣ договора, по которой, по желанію Русскаго правительства, провозглашалась всеобщая амнистія, простиравшаяся на всѣ государственныя преступленія, совершенныя во время войны подданными одной и другой стороны, и дозволялось жителямъ очищенной Русскими мѣстности, втеченіе 18 мѣсяцевъ пользоваться правомъ переселенія. Сильно пострадавшіе отъ войны, Болгары особенно воспользовались этимъ послѣднимъ правомъ. Но оставшіеся были предоставлены

и на будущее время милости султана. Не смотря на его «личныя гуманныя воззрѣнія», возобновившееся въ провинціяхъ имперіи давленіе господствующей расы давало себя чувствовать сильнѣе, чѣмъ раньше. Только послѣ вызванныхъ этимъ давленіемъ крестьянскихъ возстаній (1837—38), кровавое отмщеніе которыхъ живо изобразилъ Французскій академикъ Бланки, и послѣ возстанія въ Нишскомъ пашалыкѣ (1841 г.), которое грозило особенною опасностью по причинѣ близости Сербскихъ границъ, Порта должна была подумать объ устраненіи причинъ недовольства Болгарской райи путемъ подходящихъ реформъ.

«Во время войны, которую Россія вела противъ Турціи за «несносно удрученныхъ единовѣрцевъ», за «Русско-Греческую райю» въ 1853 г., Болгары, наученные прежними печальными опытами, не смотря на всѣ агитаціи, оставались совершенно спокойными. Легіонъ, образованный Русско-Болгарскимъ партизаномъ Цеко, встрѣтилъ мало сочувствія и оказалъ незначительныя услуги. Безъ всякихъ волненій Болгары спокойно выносили всѣ тягости войны. Парижскій миръ 1856 г. произвелъ нѣкоторую перемѣну въ ихъ печальной судьбѣ и, по крайней мѣрѣ, въ гатти-гумаюнѣ осуществилъ нѣкоторыя изъ прекрасныхъ обѣщаній прежняго гата-гюльгане».

Послѣднія десятилѣтія стали и для Болгаръ эпохою большей возбужденности и политической зрѣлости. Сначала вовсе незамѣчаемые политиками, Болгары, народъ передъ тѣмъ едва извѣстный по имени, получаютъ значеніе въ восточномъ вопросѣ, громко заявляютъ о своемъ существованіи и опрокидываютъ проэкты, которые строятъ на счетъ ихъ сосѣдніе Греки и другіе народы.

Болгары очень разумно желали, прежде всего, освобожденія своего національнаго языка въ церкви и школѣ отъ того жестокаго преслѣдованія, какому онъ подвергался со стороны Грековъ; не менѣе настойчиво они требовали также скорѣйшаго устраненія фанаріотскаго клира, развращающаго и матеріально истощающаго страну. Греческое золото, интриги властей, каждая изъ которыхъ преслѣдовала свою особенную цѣль не давали возможности Болгарскому народу достигнуть мирнымъ путемъ такъ единодушно желаемаго имъ освобожденія отъ фанара. Тогда кучка Болгарской молодежи рѣшилась помочь національнымъ стремленіямъ вооруженною рукою. Во время іюньскихъ событій въ Бѣлградѣ (1862 г.), тамъ образовался Болгарскій вспомогательный легіонъ, который соединился съ Сербами для совершенія кроваваго мщенія за нападеніе Аширъ-паши. Болгары также хотѣли доказать свѣту, что жизнь

для нихъ не величайшее изъ благъ, а равно предупредить Порту, чтобы она слишкомъ большею своею жестокостью не возбуждала усыпленныхъ военныхъ инстинктовъ многочисленнѣйшаго изъ ея Европейскихъ народовъ. Поведеніе Болгарскаго легіона было предметомъ похвалы, даже удивленія для воинственныхъ Сербовъ. Между тѣмъ, одновременно съ этимъ на Балканѣ появились четы, подъ предводительствомъ Панайота Хитова, и усмиреніе ихъ надѣлало Туркамъ не мало хлопотъ. Надо прибавить, что неудавшееся Болгарское движеніе, разсчитанное на раздѣленіе Турецкихъ силъ, по мнѣнію Каница, было преимущественно слѣдствіемъ Сербской политики; по крайней мѣрѣ, оно прекратилось одновременно съ тѣмъ, какъ была заключена Бѣлградская Турецко-Сербская капитуляція, состоявшаяся подъ вліяніемъ великихъ Европейскихъ державъ.

Высокая Порта не могла забыть отважнаго почина Болгаръ, рѣшившихся возмущать спокойствіе высокомогущественнаго Дивана не только настойчивыми ходатайствами о церковной автономіи, но и съ оружіемъ въ рукахъ. Вмѣсто уступокъ, Болгарамъ отвѣчали болѣе строгою централизаціею Дунайскаго вилайета, начальникомъ котораго сдѣланъ «интеллигентный и чрезвычайно энергичный» Мидхадъ-паша. Этотъ вилайетъ обнималъ въ то время не только всю Дунайскую Болгарію, съ пашалыками: Виддинскимъ, Рущукскимъ, Терновскимъ, Варнскимъ и Тульчинскимъ по сю сторону Балкановъ, но также Софійскій и Нишскій пашалыки, на той сторонѣ Старой Планины.

По словамъ Каница, Митхадъ-паша былъ однимъ изъ немногихъ, если не единственнымъ губернаторомъ, старавшимся на дѣлѣ осуществить гатти-гумаюнъ. Онъ старался смягчить рѣзкое раздѣленіе, въ политическомъ отношеніи, между мусульманами и христіанами, онъ былъ «справедливъ», но съ ужасающею строгостью подавлялъ всякое стремленіе райи, которое казалось ему выходящимъ за предѣлы дозволеннаго гатти-гумаюномъ. Такимъ считалъ онъ сначала стремленія Болгаръ къ автокефальной церкви, независимой отъ Греческаго патріархата; всѣ, направленныя къ этой цѣли усилія Болгаръ онъ дѣлалъ безплодными. Особенно неблагосклонно онъ смотрѣлъ на поощренную Сербіею пропаганду младо-Болгаръ, которая нашла для себя средоточіе въ сосѣднемъ Бухарестѣ и отсюда, посредствомъ летучихъ листковъ и агентовъ старалась послѣдовательно парализировать всѣ мѣры, направленныя Турецкимъ правительствомъ къ умиротворенію Дунайскихъ провинцій. Этимъ Каницъ объясняетъ отъявленную ненависть Митхада къ маленькому Сербскому государству, которое онъ обвинялъ во всѣхъ

Болгарскихъ селеніяхъ. Сербской агитаціи Митхадъ приписывалъ также попытку къ возстанію, затѣянному въ Дунайскомъ вилайетѣ въ 1867 г. Болгарскими предводителями Панайотомъ Хитовымъ и Тотьо Филиппомъ. Митхаду казалось вѣроятнымъ, что Сербія, въ вопросѣ о крѣпостяхъ, хотѣла произвести косвенное давленіе на Порту посредствомъ болѣе значительнаго возстанія въ Болгаріи, и безъ того едва сдерживавшей своей недовольство. «Несмотря, однако, на то, что Сербія добилась такого полнаго удовлетворенія своихъ желаній, правда, благодаря содѣйствію Венгерско-Вѣнскаго кабинета, который, вѣроятно, разсчитывалъ ослабить этимъ путемъ недовольные элементы въ Турціи, лишивъ ихъ содѣйствія Сербіи»,—Болгарскіе предводители, хотя изолированные, выступили съ своею попыткою возстанія, подробный планъ котораго былъ обдуманъ ими, предыдущею зимою, въ Бѣлградѣ и Бухарестѣ. Уговорившись, весною 1867 г., они перешли Дунай—Панайотъ при Туртоканѣ [1]), Тотьо при Свищовѣ. Мидхадъ немедленно высадилъ противъ нихъ разъѣздные пикеты. Постоянно перевѣдываясь съ этими послѣдними, Болгарскія четы старались пробраться въ ту мѣстность Балкана, гдѣ было частое христіанское населеніе. Панайоту это удалось; но Тотьо былъ почти совершенно разбитъ у Врбовки, между Осмой и Русицой, высланными противъ него конными заптіями и Турецко-Черкесскими милиціонерами. Тотьо лишь съ немногими преданными возстанцами ушелъ черезъ Этрополье въ Слатицу, гдѣ примкнулъ къ партіи Панайота, которой также не очень посчастливилось и которая сильно уменьшилась во время длиннаго перехода по Балкану у Чипки, Трояна и Этрополя. Соединясь, они двинулись опять, постоянно безпокоимые Турками, черезъ Врацу въ Берковицкій Балканъ. Здѣсь, при Клисурѣ, они должны были отступить, не будучи въ состояніи сразиться съ войскомъ, подавлявшимъ ихъ своимъ количествомъ. Они очутились окруженными со всѣхъ сторонъ Турецкимъ кордономъ, разставленнымъ по сю и по ту сторону Балкановъ, и только по одиночкѣ имъ удалось кое-какъ проскользнуть. Въ быстромъ подавленіи этого возстанія, которое, впрочемъ, должно было потерпѣть неудачу уже отъ безучастія къ нему массы Болгарскаго населенія, Митхадъ-паша снова обнаружилъ свою, нерѣдко сдерживаемую, энергію. Чтобы быть ближе къ мѣсту возможнаго распространенія возстанія, Митхадъ поспѣшилъ въ Терново. Отсюда онъ распространялъ обезсиливающій страхъ въ рядахъ возс-

[1]) Туртуканъ лежитъ нѣсколько западнѣе Силистріи.

бавшихся, своею крутою расправою со всѣми, на кого падало подозрѣніе хоть бы въ отдаленномъ соучастіи съ возставшими. За снабженіе возставшихъ провизіею виновные были наказываемы заключеніемъ, даже смертною казнью. Тѣми же черными красками, Каницъ рисуетъ и дальнѣйшіе подвиги Митхада. Изъ Тернова Митхадъ отправился въ Систовъ(Свищовъ), мнимый очагъ младо-Болгарскаго заговора. Схваченный здѣсь юноша Іорданъ Гргичевъ, давая показанія подъ пыткою, оговорилъ знатнѣйшія Болгарскія фамиліи. Почти все юношество, въ возрастѣ 17—20 лѣтъ, чувствовало себя небезопаснымъ. Часть его заблаговременно ушла въ Валахію и оттуда въ Австрію. Но 54 молодыхъ человѣка были отправлены въ цѣпяхъ въ Рущукъ и оттуда или сосланы въ Діаберкиръ, причемъ многіе померли во время перехода, или повѣшены. Только немногіе были оправданы Вообще, по распоряженію Митхада, выполнено около 8—10 смертныхъ приговоровъ, въ томъ числѣ надъ секретаремъ Тотьо Костаки, который, будучи раненъ, былъ взятъ въ плѣнъ при Врбовкѣ. Полиція дѣйствовала съ желѣзною строгостью: дамокловъ мечъ обвиненія висѣлъ надъ головами всѣхъ образованныхъ молодыхъ людей. Въ это же время приключился тотъ извѣстный случай, когда Митхадъ, ѣдучи на Австрійскомъ пароходѣ «Германія», приказалъ застрѣлить двухъ пассажировъ, которые хотя и были снабжены—одинъ Румынскимъ, а другой—Сербскимъ паспортами. показались Митхату эмиссарами и не хотѣли отдаться въ руки его жандармамъ. Это тяжелое оскорбленіе международнаго права вызвало всеобщій крикъ негодованія. Къ этому присоединились—требованіе Сербіею удовлетворенія за неуваженіе къ выдаваемымъ ею паспортамъ, замѣчанія Австріи, представленія дипломатіи по поводу чрезмѣрной строгости, съ которою Мидхадъ казнилъ даже немногихъ возстанцевъ. Въ Константинополѣ забыли о великихъ услугахъ, оказанныхъ Митхадомъ государству; напротивъ, тамъ съ неудовольствіемъ смотрѣли на обнаружившееся въ немъ чувство независимости, на его строгость къ продажнымъ пашамъ, на его ревностную дѣятельность. Митхадъ былъ отозванъ въ Стамбулъ, для назначенія якобы на высшій постъ.

«Съ сожалѣніемъ и радостью, какъ увѣренъ Каницъ, смотрѣли Болгары на удаленіе изъ ихъ страны Митхада. Они не могли не признать, что ни одинъ губернаторъ не защищалъ ихъ отъ обидъ со стороны ихъ Турецкихъ согражданъ въ такой степени, какъ Митхадъ, ни одинъ не обнаружилъ столько пониманія и силы въ дѣлѣ удовлетворенія ихъ интеллектуальныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Съ другой стороны,

было очевидно, что при Мидхадѣ немыслимо было достиженіе тѣхъ тайно лелѣемыхъ политическихъ надеждъ, осуществить которыя все еще надѣялись при помощи столь тароватой на обѣщанія Сербіи». Конечно, можетъ показаться пристрастною оцѣнка дѣятельности Митхада, сдѣланная Каницемъ; но слѣдуетъ замѣтить, что Каницъ и самъ нѣсколько ограничиваетъ свои похвалы этому государственному человѣку въ другихъ мѣстахъ своей книги; сверхъ того, надо имѣть въ виду, что онъ желаетъ относиться къ изображаемымъ имъ людямъ и событіямъ съ манерой исповѣдника чистаго искусства. Онъ сочувствуетъ и Болгарамъ, находя въ нихъ много симпатичнаго и хорошаго и боясь даже навлечь на себя этимъ обвиненіе въ болгарофильствѣ [«um iedes einzelne Bulgarenhaueinept Aureole ziehen wollen»] отъ своихъ турколюбивыхъ соотечественниковъ; онъ благоговѣетъ и передъ Мидхадомъ-пашей, замѣчая въ его дѣятельности обнаруженіе несомнѣнной энергіи и даровитости; онъ хвалитъ дѣятельность Австріи на пользу Славянъ и воспѣваетъ побѣдный гимнъ Россіи по поводу покоренія Кавказа и побѣдъ въ Туркестанѣ (300—319). Каницъ смотритъ на Митхада, какъ на Турецкаго государственнаго человѣка, и съ этой точки зрѣнія авторъ можетъ казаться правымъ въ своихъ похвалахъ ему.

Немало свѣжихъ свѣдѣній сгруппировано у Каница и относительно послѣднихъ событій на Балканскомъ полуостровѣ.

По словамъ его, Болгары были правы, ожидая помощи отъ Сербіи. Въ самомъ дѣлѣ, довѣренные люди князя Михаила работали почти съ лихорадочною дѣятельностью, стараясь вызвать возмущеніе въ сосѣднихъ Турецкихъ областяхъ. Отдача Сербамъ послѣднихъ укрѣпленныхъ Турецкихъ пунктовъ въ предѣлахъ княжества (1867 г.) только на короткое время удовлетворила государственнихъ людей и народъ Сербіи. Продолжавшееся возстаніе въ Кандіи, серьезное положеніе, принятое Греціею и Черногоріею, затрудненія въ Босніи и Өессаліи—всѣ эти обстоятельства, повидимому, указывали, что насталъ желанный мигъ, котораго такъ давно ожидали Сербы. Наконецъ-то, думалось имъ, можно безъ большой опасности попытаться переступить узкія границы княжества и раздвинуть его предѣлы, чего такъ сильно желало Сербское правительство. Въ Бѣлградѣ съ поспѣшностью производились подготовительныя работы, въ Крагуевацкомъ арсеналѣ кипѣла оживленная дѣятельность. Изъ-за границы привозили всякаго рода запасы и снаряды; ратники ревностно готовились къ великой войнѣ. Между тѣмъ, поддерживались дружественныя отношенія съ Румыніею, Черногоріею и Болгарскими коми-

тетами; благорасположеніе Россіи, Франціи и Италіи считалось обезпеченнымъ; Австро-Венгрія же въ ту пору была слишкомъ занята улаживаніемъ своихъ внутреннихъ распрей. Все уже было готово въ Бѣлградѣ къ тому, чтобы имѣть возможность сбросить послѣднюю маску, какъ внезапная смерть князя Михаила, павшаго отъ руки убійцы, 8 іюня 1868 г., положила конецъ всѣмъ этимъ смѣлымъ затѣямъ.

Глава регенства, учрежденнаго на время малолѣтства князя Милана, генералъ Блазновацъ, стѣсненный улаживаніемъ внутренней неурядицы въ княжествѣ, поторопился припрятать развернутые планы. Вовсе не тайна, что Болгарскіе предводители вели съ нимъ въ то время усиленныя сношенія, и что генералъ совѣтовалъ имъ отложить всѣ планы возстанія, уже по той причинѣ, что освобожденіе Болгаріи, только въ то время могло бы дать желанное приращеніе княжеству на Тимокѣ и на Болгарской Моравѣ, когда было бы предпринято подъ покровительствомъ Сербіи. Но всѣ его представленія пропали втунѣ, хотя Болгарская дружина была еще такъ слаба, что не могла преувеличивать своей силы, не могла разсчитывать на какія либо особенно благопріятныя обстоятельства и пренебрегать силами непріятеля.

Охлаждающіе совѣты Блазнаваца, переданные его подручниками въ Бухарестъ, произвели такъ лишь незначительное дѣйствіе. Прибывшіе въ тоже время изъ Бѣлграда Болгарскіе ратники бурляли, требовали войны, и всякое разсудительное обсужденіе дѣла стало невозможнымъ Хаджи Димитрій Ясеновъ, Спиро Геровъ и Стефанъ Караджа стали въ главѣ дружины и рѣшились еще разъ испробовать силу Болгарскаго знамени, льва, силу притяженія на народныя массы, давно уже подготавлявшіяся къ этому Раковскимъ и другими эмисарами.

При Вардимѣ, въ часѣ разстоянія отъ Свищова, Болгарская дружина, количествомъ въ 150 человѣкъ, вступила на отечественную землю, которую желала освободить. Какія смѣлыя надежды, должно быть, волновали грудь молодыхъ людей, когда они, послѣ долгаго ожиданія, наконецъ, очутились въ родной странѣ. Пароль ихъ былъ—«свобода или смерть»! Но, не безъ нѣкотораго удивленія замѣчаетъ Каницъ, какъ могло, какъ должно было удаться предпріятіе, которое, въ матеріальномъ, стратегическомъ и моральномъ отношеніи, было ведено съ такою безпечностью, безъ всякой оцѣнки фактическихъ отношеній!

Едва дружина достигла возвышенности Царовца, населеннаго Болгарами и Турками, какъ ближайщія мусульманскія деревни подняли тревогу. Первое столкновеніе произошло въ виноградникахъ Болгарско-Турецкой деревни Саріаръ, лежащей въ разстояніи не болѣе $1^1/_4$ мили

отъ Вардима. Дружина сражалась здѣсь побѣдоносно и продолжала движеніе впередъ, будучи очень мало тревожима Турками. Тѣмъ временемъ Свищовскія и Рущукскія власти приняли свои полицейскія мѣры. Скоро двинулись на Болгарскую рать Турецкіе низамы и съ ними многочисленные, поселенные тутъ, Черкесы, и гораздо прежде, чѣмъ дружина успѣла достигнуть желанныхъ горъ, произошла битва въ лѣсу Панувоиновѣ. Не смотря на мужество ратниковъ, большая часть ихъ пала подъ ударами превосходнаго числомъ непріятеля. Остатки дружины, сражаясь, отступили въ Габровскія тѣснины, которымъ было предназначено стать для нихъ могилой. Рядомъ съ вождемъ Хаджи Дмитріемъ пали мертвыми послѣдніе юные богатыри; ни одинъ изъ ратниковъ не взятъ въ плѣнъ, ни одинъ не давалъ и не просилъ пощады.

Богатырская отвага этой дружины и ея презрѣніе къ смерти, свидѣтельствуетъ Каницъ, прославляются одинаково и Турками, и Христіанами. Это возстаніе, въ связи съ несообразно громадными потерями усмирявшаго его войска; произвело такое глубокое впечатлѣніе на администрацію Дунайскаго вилайета, что Высокая Порта и ея диванъ съ этихъ поръ стали относиться къ желаніямъ Болгаръ съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде. Желанія же ихъ, теперь, какъ и раньше, имѣли предметомъ основаніе автокефальной, независимой отъ Греческаго патріархата, церкви, всегда выражались законнымъ путемъ, не смотря на несогласіе ихъ съ закономъ и были, наконецъ, удовлетворены фирманомъ 1871 г.

Смотря иногда на Славянское дѣло сквозь Австро-Венгерскую призму, Каницъ утверждаетъ, что все, что̀ позже этого времени разсказывалось — большею частью изъ Сербскихъ источниковъ — о движеніи на Балканахъ, на самомъ дѣлѣ было ничѣмъ инымъ, какъ только простыми разбоями, которымъ, къ сожалѣнію, безпечная Турецкая администрація очень благопріятствуетъ. Разбойничьи шайки составлялись какъ изъ христіанскихъ, такъ и изъ мусульманскихъ элементовъ и, конечно, не имѣли никакого политическаго характера. «Политическое значеніе они получали только въ томъ случаѣ, если Сербія вела какой либо споръ съ Турками, напр., по поводу Малаго Зворника. Въ такихъ случаяхъ, при помощи своихъ Сербо-Болгарскихъ агентовъ въ Бухарестѣ, Сербія умѣла найти горячія головы, которыя безъ всякаго разумѣнія дѣйствительнаго значенія своего почина, употребляемы были ею для давленія на Порту и становились, затѣмъ, жертвою ея строгаго суда». Сюда относится послѣднее, миніатюрное движеніе въ Софіи (1873 г.),

окончившееся повѣщеніемъ молодого попа Димитрія Цинцарли и ссылкою въ Діарбекиръ 60 человѣкъ изъ Софіи, Тетевена и другихъ мѣсть.

«Какъ ни незначущимъ казался Болгарскій народъ многимъ политикамъ нѣсколько лѣтъ назадъ, заключаетъ Каницъ свой историческій очеркъ, нельзя сомнѣваться, что въ ближайшей, грозящей Турціи борьбѣ онъ будетъ играть важную роль. Но если, путемъ какой либо Русско-Турецкой войны и новаго Акерманскаго мира, ему удастся свергнуть съ себя чужеземное иго, то этимъ еще далеко не все будетъ достигнуто. Оставивъ въ сторонѣ почти немыслимое невмѣшательство какой либо посторонней, державы, все-таки останется еще трудная задача—раздѣлаться съ многочисленными поселенными, здѣсь мухамеданами: Турками, Татарами, Черкесами. Стоитъ только вспомнить, какъ трудно было выполнить это въ Сербіи, при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Далѣе учрежденіе надлежаще устроенной администраціи и юстиціи—если прилагать западно-Европейскій масштабъ—встрѣтило бы здѣсь рѣшительный недостатокъ въ подготовленныхъ національныхъ элементахъ. Наконецъ, самымъ многотруднымъ дѣломъ было бы установленіе прочныхъ территоріальныхъ границъ, въ виду Сербо-Греко-Албанскихъ притязаній. Слѣдовательно, не легко осуществить излюбленную мысль младо-Болгаръ и ихъ друзей: возстановленіе способнаго къ жизни, самостоятельнаго Болгарскаго государства».

Каницъ думаетъ, очевидно, что это невозможно. Но онъ напрасно забываетъ, что едва ли была бы надобность Болгарамъ отдѣлываться отъ живущихъ въ ихъ странѣ мусульманъ, по крайней мѣрѣ, отъ Татаръ, которые живутъ съ ними, по наблюденіямъ самого Каница, очень дружно, дажо перенимаютъ ихъ одежду и языкъ. Еслибы рядомъ съ Греціей, Сербіей и Черногоріей возникла независимая Болгарія, то Турки и Черкесы были бы уже не страшны для этой послѣдней. Напрасно онъ также забываетъ, что Турція едва ли въ состояніи дать болѣе годныхъ элементовъ для устройства хорошей административной организаціи, чѣмъ Болгарія, интеллектуальныя способности которой самъ Каницъ признаетъ вполнѣ. Размежеваніе же съ Сербами и особенно съ Греками и Албанцами, дѣйствительно, могло бы представить много затрудненій, но, однако, не неустранимыхъ.

Въ трудѣ Каница значительное мѣсто (глава вторая) посвящено этнографіи Болгаріи. Такъ какъ эта глава имѣетъ быть помѣщена въ переводѣ, въ III томѣ «Славянскаго сборника», то здѣсь мы не будемъ объ ней говорить. Остальныя четыре главы первой части тра-

ктуютъ о происхожденіи и развитіи политическихъ правъ Болгарской райи, объ организаціи Дунайскаго вилайета, о древне-Болгарскомъ патріархатѣ, его упраздненіи и господствѣ Византійскаго фанара надъ Болгарскимъ народомъ, наконецъ, о Римско-католическомъ и національно-церковномъ движеніи въ Болгаріи. Мы остановимся преимущественно на правахъ Болгарской райи и устройствѣ Дунайскаго вилайета, такъ какъ въ этихъ вопросахъ авторъ представляется намъ болѣе компетентнымъ, чѣмъ въ остальныхъ, здѣсь перечисленныхъ.

Илотское [1]) существованіе Турецкихъ христіанъ, офиціально извѣстныхъ подъ именемъ **райи** (беззащитная и безоружная толпа), которые стали рабами Турокъ послѣ покоренія послѣдними Балканскаго полуострова, «только вслѣдствіе Русско-Турецкой войны 1828 и 1829 г., говоритъ Каницъ, перемѣнилось въ состояніе, нѣсколько болѣе достойное людей», обезпеченное письменными султанскими фирманами.

Царь Николай, давъ осязательно почувствовать султану Махмуду II перевѣсъ своей силы, обнаружилъ, затѣмъ, во всѣхъ отношеніяхъ, особенно же въ мирныхъ условіяхъ, пощаду и великодушіе къ своему низверженному врагу, что произвело на послѣдняго глубокое впечатлѣніе и вызвало въ немъ признательность къ царю. Махмудъ не остался въ долгу передъ христіанскимъ царемъ и, какъ и слѣдовало ожидать отъ него, по благородству его характера и по его реформаторской дѣятельности, онъ, чтобы удовлетворить желаніямъ Россіи, а затѣмъ, пожалуй, и требованіямъ общественнаго мнѣнія христіанскаго запада, издалъ въ декабрѣ 1829 г. фирманъ, который обезпечивалъ христіанской райѣ, не смотря на то, что она во многихъ мѣстахъ обнаружила явное сочувствіе къ Русскому царю, полнѣйшую султанскую милость и требовалъ отъ султанскихъ намѣстниковъ кроткаго обхожденія съ нею и покровительства ей. Еще очевиднѣйшимъ образомъ Махмутъ провозгласилъ равенство христіанскихъ своихъ подданныхъ съ мусульманскими во время тѣхъ замѣчательныхъ своихъ путешествій, которыя онъ предпринялъ, въ 1831 и 1827 г., по восточной Болгаріи и Ѳракіи, чтобы убѣдиться въ расположенности къ нему райи и въ результатахъ своихъ реформъ.

Махмудъ имѣлъ въ Решидѣ-пашѣ, бывшемъ передъ тѣмъ посланникомъ въ Лондонѣ, человѣка вполнѣ способнаго понимать его реформатор-

[1]) При типографской безупречности книги Каница, мы замѣтили въ ней, между прочимъ, одну странную ошибку: положеніе райи онъ многократно величаетъ эпитетомъ zelotenhaft—зилотскій, вмѣсто илотскій.

скія стремленія и вполнѣ преданнаго дѣлу осуществленія ихъ. Решидъ-паша сдѣлался душою новаго кабинета и главнымъ двигателемъ реорганизаціи управленія. Этотъ замѣчательнѣйшій человѣкъ въ новѣйшей исторіи Турціи, устраняя разныя злоупотребленія и недостатки Турецкой администраціи и Турецкаго суда, между прочимъ, старался противодѣйствовать взяточничеству и подкупности Турецкихъ чиновниковъ, посредствомъ назначенія имъ вознагражденія отъ казны.

Плодотворныя преобразованія Махмуда были прерваны его смертію въ 1839 году. Абдулъ-Меджидъ не могъ равняться съ своимъ предшественникомъ по своимъ достоинствамъ. Первый министръ его Хозревъ-паша принадлежалъ къ реакціонной партіи. Тѣмъ не менѣе, энергическому Решидъ-пашѣ, послѣ ожесточенной борьбы съ Хозревомъ, удалось провести весьма важный государственный законъ, заблаговременно подготовленный имъ и обнародованный 2 ноября 1839 г. Этотъ законъ, по своей неожиданности, привелъ въ изумленіе и Турокъ, и Европу, хотя онъ подтверждалъ только то, что уже давно было предначертано и приводимо въ дѣйствіе покойнымъ Махмудомъ. Гатти-шерифъ 2 ноября 1839 г. содержитъ въ себѣ начертаніе новаго государственнаго устройства. Послѣ торжественнаго его прочтенія, султанъ и высшіе сановники поклялись въ точномъ его исполненіи. Такъ какъ это происходило въ кіоскѣ Гюльхане, то и законъ этотъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Гатти-шерифа-гюльхане. Хотя онъ былъ напечатанъ въ свое время и въ Русскихъ изданіяхъ, но въ настоящее время считаемъ не безъинтереснымъ привести его здѣсь въ краткомъ извлеченіи.

«Въ первыя времена Османскаго царства, какъ извѣстно всему свѣту, драгоцѣнныя предписанія корана были руководительнымъ правиломъ при государственныхъ узаконеніяхъ»—такъ гласитъ Гатти-шерифъ. Слѣдствіемъ этого было то, что государство возрастало силою и пространствомъ и всѣ безъ исключенія его подданные достигали высшей степени благополучія и счастія. Но вслѣдствіе многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и разныхъ другихъ причинъ, за 150 лѣтъ назадъ, люди перестали смотрѣть на священный законъ и истекающія изъ него установленія, какъ на единственную норму своихъ дѣйствій, отчего сила и счастіе прежняго времени замѣнились слабостью и неблагополучіемъ. Ибо государство теряетъ всякую силу, если въ немъ не уважаются законы.

«Эти соображенія всегда были присущи нашей мысли, и со дня нашего восшествія на престолъ насъ никогда не покидала забота объ общественномъ благѣ, объ улучшеніи состоянія провинцій и облегченіи поло-

женія народовъ Османскаго государства. Мы сочли за благо посредствомъ новыхъ учрежденій даровать благо хорошаго управленія всѣмъ землямъ, составляющимъ государство. Эти учрежденія содержатъ преимущественно три статьи: 1) гражданскія права, обезпечивающія нашимъ подданнымъ совершенную безопасность жизни, чести и имущества; 2) правильность въ распредѣленіи и взиманіи податей; 3) правила, опредѣляющія рекрутскую повинность и срокъ военной службы».

Было бы лишнимъ приводить весь этотъ документъ, такъ какъ въ немъ гораздо болѣе фразъ и общихъ разсужденій, чѣмъ положительныхъ узаконеній. Остается изъ многаго привести малое, дѣйствительно имѣющее нѣкоторое значеніе. Вотъ такія положенія. «На будущее время по каждому преступленію долженъ быть произносимъ публичный приговоръ только послѣ изслѣдованія и доказательства его; никто не имѣетъ права лишать кого либо жизни, тайно или явно, посредствомъ отравленія или инымъ способомъ. Никому не дозволено касаться чести другого. Каждый долженъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ владѣетъ, и имѣетъ право распоряжаться своимъ имуществомъ съ полнѣйшею свободою, и никто не въ правѣ препятствовать ему въ этомъ. Невинные наслѣдники преступника не должны быть лишаемы своего законнаго наслѣдства, и имѣніе осужденныхъ не должно подвергаться конфискаціи. Такъ какъ этотъ величественный даръ милости относится ко всѣмъ нашимъ подданнымъ, къ какой бы религіи или сектѣ они ни принадлежали, то всѣ должны одинаково пользоваться имъ. Хотя, благодаря Бога, наши подданные съ нѣкотораго времени избавлены отъ язвы монополіи, которая прежде ложно почитаема была источникомъ государственныхъ доходовъ, тѣмъ не менѣе, существуетъ вредный и пагубный въ своихъ послѣдствіяхъ обычай именно ильтицамъ, т. е. отдача податей на откупъ тѣмъ, кто больше предложитъ. Эта система отдаетъ гражданскую и финансовую администрацію на произволъ одного человѣка и, притомъ, нерѣдко одержимаго сильнѣйшими страстями и жадностью. Если подобный откупщикъ неблагонадежный человѣкъ, то онъ будетъ имѣть въ виду только свою выгоду. Поэтому, на будущее время каждая часть Османской области должна быть обложена опредѣленнымъ количествомъ дани, исчисленнымъ сообразно состоятельности и силамъ страны, и, затѣмъ, ничего болѣе не должно быть отъ нея требуемо. Особенными узаконеніями должны быть опредѣлены также подати на содержаніе нашихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ. Мы уже обратили вниманіе на важность защиты страны, и такъ какъ, сообразно этому, всѣ обыватели обязаны поставлять солдатъ, то должны быть

изданы законы, опредѣляющіе контингентъ, упадающій на каждую мѣстность, и ограничивающіе срокъ военной службы 4—5 годами».

Вотъ всѣ существенныя положенія гатти-шерифа-гюльхане. Предполагалось, что, современемъ, они разовьются въ цѣлую систему законодательства, посредствомъ выработки отдѣльныхъ узаконеній въ государственномъ совѣтѣ Порты и въ сераскиріатѣ. Нужно замѣтить, что хотя одна изъ приведенныхъ статей и гласитъ, что всѣ обыватели должны поставлять солдатъ, но на самомъ дѣлѣ этими «всѣми» оставались только мусульмане, а христіане, вмѣсто военной службы, вносили опредѣленную подать. Затѣмъ, что касается другихъ законодательныхъ предначертаній, то, благодаря настойчивости Решидъ-паши, нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно развились въ положительныя узаконенія, хотя и мало привившіяся на неблагодарной Турецкой почвѣ. Султанъ Махмудъ уничтожилъ пожизненныя должности намѣстниковъ въ провинціяхъ, замѣнивъ ихъ временными, и вмѣсто неопредѣленнаго, измѣняющагося годъ отъ году количества дани съ намѣстниковъ, назначилъ взимать съ нихъ ежегодно опредѣленный взносъ. Это, конечно, было улучшеніемъ администраціи; но увы, нѣтъ добра безъ худа. Теперь намѣстники султанскіе, зная, что они только временно исправляютъ свои должности, безпощадно разоряли свои области, пользуясь случаемъ потуже набить себѣ карманъ. Въ видахъ устраненія этого зла, въ 1840 г., взиманіе податей отдѣлено отъ администраціи пашалыковъ и поручено особымъ чиновникамъ, назначаемымъ для этого изъ Константинополя. Впрочемъ, такъ какъ эти чиновники были тѣже Турки и сталкивались въ провинціяхъ съ пашами и другими Турками же, то положеніе христіанской райи въ отбываніи государственныхъ повинностей и вслѣдствіе этого и матеріальное благосостояніе ея лишь чуть-чуть улучшилось; но и это улучшеніе, какъ только было замѣчено мусульманами, вызвало фанатическую ненависть къ новому закону. Въ иныхъ мѣстахъ недовольство новыми узаконеніями выразилось даже въ вооруженномъ возстаніи, какъ, напр., въ Албаніи (1843). Недовольные конскрипціею для пополненія арміи, какъ христіанско-Франкскимъ нововведеніемъ, Албанцы бросились на христіанскія деревни, жгли ихъ церкви и совершали всевозможныя звѣрства надъ беззащитными. Только по энергическому настоянію Русскаго посланника Турецкое правительство послало въ Албанію вызваннаго изъ Сиріи Омеръ-пашу, которому, послѣ многихъ сраженій съ возставшими, удалось, взявъ Приштину, подавить бунтъ.

Невѣжество, прочно утвердившееся въ имперіи Османовъ, было глав-

ною причиною безплодія намѣреній и предпріятій правительства; въ «всеобщемъ невѣжествѣ» видѣлъ причину всѣхъ золъ въ своей имперіи самъ Абдулъ-Меджидъ. Однако, эта государственная безпомощность не отняла у правительства энергіи. Въ 1845 г. собраны были въ столицу изъ всѣхъ провинцій довѣренные люди и, вслѣдствіе ихъ совѣщаній, положено ввести новое ограниченіе власти намѣстниковъ. Предмѣстникъ Абдулъ-Меджида уже отнялъ у нихъ право имѣть собственныхъ солдатъ, право казнить смертію и взимать подати; теперь же въ помощь имъ опредѣлены «меджлисы», избиравшіеся изъ способнѣйшихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Меджлисамъ предоставленъ совѣщательный голосъ во всѣхъ дѣлахъ управленія и суда; въ исключительномъ вѣдѣніи пашей оставлена только исполнительная власть. Это было нѣчто намекающее на возможность въ будущемъ представительства провинцій. Къ сожалѣнію, меджлисы почти исключительно состояли изъ османлисовъ, представители же другихъ исповѣданій встрѣчались въ ихъ средѣ только въ видѣ исключенія.

48-й годъ прошелъ безслѣдно для христіанъ центральной Турціи. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ окраинахъ, какъ напр., въ Босніи, гдѣ произошло возстаніе могущественнаго мѣстнаго дворянства (большею частью омусульманеннаго Славянскаго) противъ льготъ, дарованныхъ райям гатти-шерифомъ, положеніе христіанъ еще ухудшилось. Гражданскія права Босняковъ-христіанъ были, впрочемъ, обезпечены на нѣкоторое время, благодаря заступничеству представителя Австріи графа Лейнингена.

Въ видахъ улучшенія участи христіанъ въ Турціи началась восточная война. Судьба рѣшила споръ не въ пользу Россіи. Но соперничествующія державы, понимая значеніе и законность ея требованій, рѣшились сами исторгнуть у Турціи согласіе на исполненіе ихъ. Уже въ началѣ войны, лордъ Редклифъ, пользуясь преобладаніемъ въ ту пору Англійскаго вліянія въ Турціи, высказалъ Турецкому правительству внушительныя замѣчанія относительно безправія христіанъ въ Турціи, именно — относительно непринятія на судѣ показаній христіанъ противъ мусульманъ, относительно взиманія к а р а ч а, т. е. такой подати, которую рабы-христіане, послѣ покоренія ихъ Турками, должны были ежегодно уплачивать этимъ послѣднимъ за свою голову и жизнь, и, наконецъ, относительно устраненія христіанъ отъ военной службы. Турецкое правительство въ теоріи согласилось со всѣми совѣтами вліятельнаго посла, и въ 1854 г. изданъ фирманъ, которымъ допускалось свидѣтельство христіанъ противъ мусульманъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, а въ

1855 г. уничтоженъ карачъ, въ смыслѣ платы за голову, и дозволено христіанамъ (а въ принципѣ, даже поставлено въ обязанность) отбывать военную службу, хотя Порта, пока, предоставляла себѣ право пользоваться только незначительнымъ контингентомъ христіанскихъ рекрутъ, взимая за то съ тѣхъ, которые не отбывали воинской повинности. «выкупную военную подать». Но всѣ эти постановленія остались мертвою буквою. Затѣмъ, на Вѣнской конференціи въ 1855 г. и на конференціяхъ у Али-паши выработаны относительно христіанъ пункты, внесенные, впослѣдствіи, въ четвертое засѣданіе Парижской конференціи 1856 г. и извѣстны подъ именемъ гатти-гумаюна.

Въ § 1-мъ гатти-гумаюна подтверждается христіанамъ обезпеченіе личности, собственности и чести, при чемъ обѣщаются положительныя узаконенія для осуществленія этихъ принциповъ.

§ 2-мъ подтверждаются не мухамеданскимъ религіознымъ обществамъ права и преимущества, дарованныя въ старое и новѣйшее время.

§ 3 уничтожаетъ мірскую власть, дарованную Мухамедомъ II. Завоевателемъ, разнымъ лицамъ, облеченнымъ высшимъ духовнымъ саномъ. Патріархи и высшія духовныя лица должны вѣдать исключительно духовныя дѣла; мірскія же дѣла райи должны рѣшаться совѣтомъ, избраннымъ изъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ.

§ 4 обѣщаетъ въ возможной степени облегчить постройку новыхъ и починку старыхъ церквей (чтó до того времени было почти невозможно).

§ 5 воспрещаетъ оказывать предпочтеніе въ административномъ отношеніи одной національности передъ другою, а равно поносить презрительными кличками немухамеданскія религіозныя общества.

§ 6 объявляетъ неограниченную свободу совѣсти и повелѣваетъ никого не принуждать къ перемѣнѣ религіи.

§ 7. Гражданская равноправность распространяется на все населеніе и всѣ подданные султана, безъ различія исповѣданій, могутъ быть призываемы къ отправленію гражданскихъ обязанностей.

§ 8. Впредь всѣ Турецкіе подданные, безъ различія происхожденія и религіи, будутъ принимаемы во всѣ государственныя учебныя заведенія, чтобы пріобрѣтать чрезъ ученіе въ нихъ познанія, потребныя для государственной службы.

§ 9, 10, 11. Дѣла между мусульманами и христіанами впредь будутъ рѣшаемы смѣшанными, т. е. мусульманско-христіанскими, судами; исправительныя заведенія будутъ улучшены и вездѣ будетъ введена хорошая полиція.

§ 12. Христіане обязаны участвовать въ военной службѣ, но дозволяется и замѣстительскій выкупъ, что имѣетъ быть опредѣлено болѣе обстоятельнымъ узаконеніемъ.

§ 13. Учрежденіе провинціальныхъ и общинныхъ меджлисовъ преобразовывается такъ, чтобы меджлисы могли служить представителями и христіанскаго населенія.

§ 14. Иностранные подданные имѣютъ право, на извѣстныхъ условіяхъ, пріобрѣтать въ Турціи поземельную собственность.

§ 15. Будетъ улучшена система обложенія податями и особенно взиманія этихъ послѣднихъ.

§ 16. Будутъ поощряемы работы, направленныя къ общей пользѣ обывателей.

§ 17. Будетъ установленъ правильный ежегодный бюджетъ.

§ 18. Выборные христіанскихъ народностей будутъ призваны къ участію въ государственномъ совѣтѣ.

§ 19. Взяточничество и подкупы будутъ строго наказываемы. Будетъ улучшена монетная система и обращено особенное вниманіе на постройку каналовъ и дорогъ.

Объ этомъ гатти-гумаюнѣ, изъ вниманія къ щекотливости султана, въ Парижскомъ договорѣ сдѣлана только слѣдующая оговорка: «Такъ какъ его величество султанъ, въ постоянной своей заботливости о благѣ своихъ подданныхъ, издалъ фирманъ, который, улучшая положеніе ихъ безъ различія ихъ религіи или происхожденія, свидѣтельствуетъ о его великодушныхъ чувствахъ въ отношеніи къ христіанскому населенію имперіи, то онъ, чтобы дать новое свидѣтельство такихъ чувствъ, соизволилъ сообщить договаривающимся державамъ упомянутый фирманъ, какъ свободное выраженіе его державной воли. Договаривающіяся державы свидѣтельствуютъ высокую цѣну этого сообщенія. Ими признано, что оно ни въ какомъ случаѣ не даетъ сказаннымъ державамъ, ни сообща, ни въ отдѣльности, права вмѣшиваться въ отношеніе его султанскаго величества къ своимъ подданнымъ и въ дѣла внутренняго управленія его государства». Эта оговорка была понята въ ея истинномъ значеніи какъ мусульманами, такъ и христіанами; первые отнеслись къ новому закону съ обычнымъ недовольствомъ и ненавистью, вторые же встрѣтили его равнодушіемъ. Понятно недовольство мусульманъ, съ точки зрѣнія ихъ историческаго права надъ порабощенной райею и съ точки зрѣнія корана. Но почему были недовольны христіане? Вѣдь новый законъ, повидимому, давалъ имъ все, давалъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, чѣмъ

сколько могла бы дать имъ Россія, въ случаѣ побѣды надъ Турками? Конечно, главная причина равнодушія христіанъ къ новой султанской милости заключалась въ убѣжденіи, что эта милость—одна фальшь, одинъ наглый обманъ, слишкомъ далекій отъ дѣйствительности. Но Каницъ объясняетъ это еще кое-чѣмъ. «Райя видѣла въ новомъ гаттѣ обоюдуострый мечъ. Она невольно чувствовала недовѣріе къ нему, такъ какъ онъ происходилъ отъ тѣхъ державъ, арміи которыхъ сражались за поддержку ислама, за этихъ ненавистныхъ Турокъ, которые уничтожили ихъ народную независимость, за ту гнилую систему, которая столько времени заѣдала ихъ духовное и матеріальное существованіе». Въ обязанности исполнять воинскую службу, райя видѣла подарокъ Данаевъ, который былъ верхомъ злоупотребленія и насилія надъ нею, хотя составлялъ, повидимому, высокое государственно-гражданское право. Какъ? православнымъ Турецкимъ подданнымъ придется, чего добраго, сражаться противъ православнаго Русскаго креста, побѣдамъ котораго они обязаны своими человѣческими правами, дарованными имъ послѣ Адріанопольскаго міра?! и т. д.

Несомнѣнно, однако, что положеніе райи послѣ восточной войны нѣсколько улучшилось, хотя не столько отъ гатти-гумаюна, который въ значительнѣйшей части остался мертвою буквою, сколько отъ болѣе близкаго общенія Турціи съ Европою, отъ вліянія Европейскихъ консуловъ и посланниковъ, отъ притока въ Турцію Европейскихъ офицеровъ, коммерсантовъ, разнаго рода эмигрантовъ, отъ увеличенія въ Турціи количества людей, получившихъ образованіе въ Европейскихъ столицахъ, а также вслѣдствіе образованія самостоятельныхъ Дунайскихъ и Сербскаго княжествъ. Но гатти-гумаюнъ, самъ по себѣ, все-таки мало принесъ пользы. Только въ одномъ отношеніи гатти-гумаюнъ исполнилъ свое назначеніе, именно: при заключеніи мира онъ послужилъ для дипломатіи и печати чѣмъ-то въ родѣ пышной (лавочной) выставки, на которую кабинеты и публика могли указывать, какъ на достаточную легитимацію Турціи на ея входъ въ концертъ цивилизованныхъ государствъ. Это—отзывъ Германскаго консула Розена.

Noblesse oblige, думали въ Парижѣ при заключеніи міра, надѣясь, что Порта не преминетъ изъ чести быть членомъ семьи Европейскихъ государствъ и облегчить положеніе райи. «Только одна держава не увлекалась сангвиническими надеждами и втихомолку продолжала контролировать Турецкое управленіе: это—Россія».

«Ни одного облачка, замѣчаетъ Каницъ, не было видно на полити-

ческомъ горизонтѣ, когда князь Горчаковъ своимъ знаменитымъ циркуляромъ неожиданно испортилъ для Европейскихъ кабинетовъ мирное наслажденіе прекраснымъ майскимъ временемъ 1860 г. Считавшійся погребеннымъ, восточный вопросъ всплылъ опять наверхъ съ своею головою Горгоны, передъ глазами изумленныхъ дипломатовъ, хотя и не такъ грозно, какъ шесть лѣтъ назадъ. Чего желала Россія? Скорѣйшаго изслѣдованія, съ участіемъ Турецкихъ коммисаровъ, ухудшившагося и ставшаго невыносимымъ положенія райи, затѣмъ, соглашенія великихъ державъ между собою и съ Портою, чрезъ которое эта послѣдняя была бы обязана принять тѣ необходимыя органическія мѣры, которыя «привели бы къ дѣйствительному, серьезному и прочному прогрессу» въ ея отношеніяхъ къ христіанскому населенію. Этотъ циркуляръ означалъ, что Россія снова приняла на себя свое традиціонное призваніе на востокѣ Европы, и произвелъ очень большое впечатлѣніе. Пять лѣтъ прошло со времени обнародованія гатти-гумаюна, отъ котораго ожидали такъ много. Европейскіе хвалебные органы Порты постоянно прославляли ея необычайныя цивилизаторскія усилія,—и все это было не дѣйствительностью, а обманчивымъ призракомъ?» Далѣе, Каницъ, желая быть безпристрастнымъ, старается объективно показать, на сколько былъ справедливъ въ своемъ заявленіи Русскій канцлеръ и что́ могла сказать въ свое оправданіе Турція. Чтобы придать своему мнѣнію объ этомъ предметѣ достовѣрность, онъ приводитъ какъ результаты, къ которымъ пришли изслѣдовавшіе дѣло коммисары, такъ и множество отзывовъ разныхъ Европейскихъ консуловъ о положеніи райи. Оказалось на повѣрку, что Россія была совершенно права, что положеніе Турецкихъ христіанъ было по-старому невыносимо; тоже безправіе въ судѣ, въ тяжбахъ съ мусульманами, тѣже откупа на подати, тоже похищеніе дѣвушекъ и насиліе и т. д. Авторъ весьма наглядно рисуетъ фальшь Турецкой гражданственности въ ея лучшихъ представителяхъ, покрытыхъ Парижскимъ лоскомъ. Въ бытность свою въ Болгаріи въ 1859 г., Ганъ и Захъ замѣтили такъ и разсказали Европѣ много сценъ, вызывающихъ глубокое состраданіе къ злосчастной райѣ. Въ іюлѣ 1860 г. Каницу случилось лично побывать въ Болгаріи и опять удостовѣрить тотъ же печальный фактъ безысходно-горькаго положенія райи. Наконецъ, вопли ея дошли до самого султана, и для изслѣдованія дѣла посланъ былъ самъ великій визирь. Страхъ и надежда предшествовали его появленію въ Болгаріи, и, между тѣмъ, оно оказалось почти пуфомъ,—такъ мало могла сдѣлать эта необычайная поѣздка высокаго садразама. Ему предшествовалъ, между прочимъ,

Сулейманъ-бей,—человѣкъ, получившій образованіе при Европейскихъ дворахъ и одинъ изъ даровитѣйшихъ тогдашнихъ Турокъ. Въ разговорѣ съ Каницемъ онъ старался убѣдительно выставить заботливость султана о своихъ подданныхъ и горько жаловался на Россію и Францію, которыя будто бы возбуждаютъ строптивость райи къ султану. «И гдѣ нынѣ такая страна, говорилъ онъ, въ которой бы населеніе не жаловалось на тягость податей, на произволъ чиновниковъ? Возьмемъ любую изъ сотенъ этихъ жалобъ, наполненныхъ самыми горьчайшими сѣтованіями и взывающихъ ко мнѣ о помощи:—у васъ онѣ ежедневно и ежечасно приносятся въ низшіе суды—первые попавшіеся. Вотъ тутъ райя жалуется на своего богатаго Турецкаго сосѣда, который ночною порою похитилъ его дочь. Попъ и старшины общины подъ клятвою подтверждаютъ дѣйствительность факта. Я приказалъ Турецкому помѣщику явиться ко мнѣ. Онъ сказалъ, что дѣвушка находится въ его гаремѣ.- Но христіанка могла добровольно отдаться ему. Ей надоѣла тяжелая работа въ домѣ родителей; между тѣмъ, Турецкіе наряды и хорошее обращеніе, которыми пользуются Турецкія женщины, нравятся Болгаркамъ. Она сама желала сдѣлаться Турчанкою, и не хочетъ возвратиться къ своимъ роднымъ. Что же мнѣ остается еще сдѣлать, чтобы выяснить дѣло? развѣ выслушать саму дѣвушку? Но положимъ, что богатый Турокъ дѣйствительно обольстилъ и похитилъ дѣвушку. Скажите же, развѣ подобные случаи не повторяются ежедневно во всѣхъ городахъ Европы въ разнообразнѣйшей формѣ, и, вѣроятно тамъ объ нихъ даже не говорятъ? Между тѣмъ, случись здѣсь Русскій или Французскій консулъ—они сдѣлали бы изъ этого случая cause célèbre, посыпались бы ноты, Европейская печать подняла бы тревогу» и т. д. Вотъ разсужденіе цивилизованнаго Турка. Неудивительно послѣ этого, что положеніе христіанской райи Каницъ рисуетъ самыми мрачными красками.

Но на темномъ горизонтѣ злосчастной жизни горемычной райи Каницъ усматриваетъ одну свѣтлую точку. «Назначеніе Митхада-паши генералъ-губернаторомъ Дунайскаго вилайета словно по мановенію волшебнаго жезла, измѣнило, повидимому, все соціальное, духовное и матеріальное положеніе Болгаръ»... къ сожалѣнію автора,—не надолго. Митхадъ-паша, по отзыву Каница, обладаетъ чѣмъ-то напоминающимъ натуру и организаторскій талантъ Петра В. Мы уже говорили о взглядѣ Каница на эту личность и не станемъ приводить панегирикъ автора, вѣрящаго, что вилайетъ съ Мидхадомъ во главѣ дѣйствительно есть «cette récente institution, qui embrass les plus larges et les plus importantes réformes (слова Фуадъ-паши».

Вторая книга труда Каница состоитъ изъ одиннадцати главъ и заключаетъ въ себѣ описаніе посѣщенныхъ авторомъ городовъ и мѣстностей, каковы: Нишъ, Пиротъ съ ихъ округами, Балканъ св. Николая, Ломскій округъ, страна между Ломомъ, Арчеромъ и Витболемъ, Видинскій пашалыкъ, Бѣлградчикъ съ окрестною страной, Вршка-Чука и Дунай, Тополовица, Делена и Тимокъ съ ихъ округами. Вторая книга служитъ необходимымъ дополненіемъ первой, или, вѣрнѣе сказать, первая является чѣмъ-то въ родѣ пространнаго введенія ко второй. Въ первой преобладаетъ интересъ публицистическій, во второй — научный,—этнотопографическій и археологическій. Авторъ много занимается остатками Римской древности и часто цитуетъ Момзена. Онъ тщательно сличаетъ карты Болгаріи, указываетъ невѣрности, дѣлаетъ открытія. Здѣсь можно замѣтить, что неудивительно, что не оказывается въ дѣйствительности многихъ мѣстностей, показанныхъ на картахъ. Если въ Россіи ежегодно на 100 милліоновъ выгораетъ городовъ, селъ, усадебъ и всякихъ построекъ, то можно себѣ представить, какъ легко могутъ быть сметаемы съ лица земли Турецкія жилыя мѣста, благодаря энергіи Турецкихъ и Албанскихъ баши-бузуковъ, Черкесскихъ поселенцевъ, мѣстныхъ мусульманскихъ агъ и беговъ, и даже враждебной имъ райи, особенно въ лицѣ гайдуковъ, не говоря уже о кровопролитныхъ войнахъ, возстаніяхъ и усмиреніяхъ, театромъ которыхъ была Болгарія. Понятно также, что на мѣсто старыхъ явилось много новыхъ населенныхъ мѣстностей. Авторъ обращаетъ много вниманія и на геологическое строеніе Болгаріи, этого бывшаго морскаго дна. Описаніе его изпещрено множествомъ сухихъ техническихъ терминовъ и усилія автора оживить свой матеріалъ фразистыми росписаніями красотъ Болгарской природы мало придаютъ литературно-художественной сторонѣ его труда.

Главы (двѣ предпослѣднія), посвященныя описанію переселеній Болгаръ, Татаръ и Черкесовъ, преисполнены похвалъ мудрой политикѣ Россіи. Вотъ, напримѣръ, какъ выражается объ Россіи авторъ въ началѣ главы, вычурно, хотя довольно вѣрно озаглавленной «Кавказъ на Балканѣ» (Der Kaukasus am Balkan): «Безъ шума, какъ подобаетъ исполину, совершила Россія, въ 1863 г., великое дѣло, которое подготовило новѣйшія, невольно вызывающія удивленіе свѣта, завоеванія ея въ Туркменскихъ ханствахъ и значительно подвинуло ее на пути къ осуществленію всемірно-историческихъ плановъ державы Петра Великаго».—Авторъ говоритъ о покореніи Кавказа и переселеніи Черкесовъ; дѣло, безспорно, немалое, но еще будущеее покажетъ, на сколько выиграла отъ него Рос-

сія, въ качествѣ Славянской державы. Едвали авторъ не увлекается въ этомъ случаѣ своимъ оптимизмомъ, подобно тому, какъ увлекся онъ въ похвалахъ Митхаду-пашѣ.

Надо замѣтить, что большая часть путевыхъ записокъ Каница была уже прежде издана въ разныхъ Вѣнскихъ изданіяхъ, какъ-то: «Denkschriften der Akademie der Wissenschaften», «Oesterreichische Revue», «Mittheilungen der Central—Commission» и «Geographifischen Gesellschaft» и др. однако. нельзя не поблагодарить автора за то, что онъ, путемъ вторичнаго переизданія, сдѣлалъ эти очерки болѣе доступными для публики. Нѣтъ сомнѣнія, что книга его будетъ содѣйствовать изученію топо-и этнографіи Балканскаго полуострова, столь еще мало извѣстныхъ Европѣ.

Непріятное впечатлѣніе производитъ на читателя въ этомъ, какъ и въ другихъ сочиненіяхъ Каница, чрезвычайное и постоянное хвастовство своими открытіями и заслугами, что, само по себѣ, возбуждаетъ уже подозрѣніе въ дѣйствительности этихъ открытій и заслугъ.

Нельзя также не высказать сожалѣнія о томъ, что всѣ изданія Каница, по чрезвычайной ихъ дороговизнѣ, недоступны для большей части читающей публики. Хорошая бумага и шрифтъ, а также дюжины двѣ-три иллюстрацій не могутъ служить тому оправданіемъ, такъ какъ эти внѣшнія прикрасы ничего не прибавляютъ къ внутреннему достоинству сочиненія, равно какъ и страсть автора къ фразеологіи, безполезно увеличивающей объемъ, а чрезъ то и цѣну его изданій. Въ этомъ отношеніи предшественники Каница по изученію Европейской Турціи: Ами Буэ. Викенель, Лежанъ и др. имѣютъ неоспоримое преимущество предъ Каницомъ.

Во всякомъ случаѣ, сочиненіе представляетъ цѣнный вкладъ въ науку. Нельзя не пожелать также скорѣйшаго выхода второй части этого сочиненія, особенно обѣщанной въ приложеніи къ ней карты Болгаріи, заново составленной Каницомъ въ масштабѣ 1:288,000.

K. I. Jireček. Dějiny národa Bulharského. Praha 1875—76. [К. Иречекъ. Исторія Болгарскаго народа. Прага, 1875—76].

Лѣтъ 20 тому назадъ, Чехія была классическою страною славистики. Всѣ ея отдѣлы имѣли въ Чехіи если не основателей, то достойныхъ представителей. Эту плеяду составляли: Шафарикъ, Эрбенъ, Ганка, Челяковскій, Воцель и мн. др. Но теперь эта область исторической науки

замѣтно пала въ Чехіи. Дѣятели старшіе сошли со сцены. Одинъ проф. Гаттала остается по прежнему на своемъ постѣ, какъ достойный представитель Славянскаго языковѣдѣнія въ Чехіи.

Это оскудѣніе славистики въ Чехіи могло бы навести насъ на тяжелыя размышленія о прочности и глубинѣ народнаго пробужденія въ Чехіи. если бы нѣкоторые факты не поддерживали бы въ насъ убѣжденія, что это оскудѣніе было временное и случайное, что на смѣну дѣятелямъ, сошедшимъ съ поля, явятся достойные ихъ ученики и продолжатели. Изъ школы Ганки вышелъ достойнымъ его преемникомъ г. Патера, лучшій теперь въ Чехіи знатокъ рукописей, палеографіи, Славянской библіографіи и литературъ. Изъ школы Челяковскаго и Гатталы вышли Гебауеръ и Гейтлеръ, уже заявившіе себя нѣсколько въ наукѣ по изслѣдованію Славянскаго языка и его нарѣчій. Наконецъ, въ школѣ Шафарика, положившаго основаніе обширнымъ изслѣдованіямъ по исторіи, древностямъ и литературѣ южныхъ Славянъ, выступаетъ теперь на ученое поприще г. К. Иречекъ. Эта семья дала уже Чехіи двухъ писателей, братьевъ Герменегильда и Іосифа. Первый изъ нихъ пріобрѣлъ себѣ заслуженную извѣстность своими изслѣдованіями по старо-Чешскому праву; второй издалъ много этюдовъ по старо-Чешской литературѣ, а также нѣкоторыя изъ посмертныхъ сочиненій своего тестя П. І. Шафарика; въ настоящее время на поприщѣ Славянской исторіографіи дебютируетъ сынъ послѣдняго, еще очень молодой ученый Константинъ Иречекъ.

Признаемся, когда мы получили первый выпускъ вышеозаглавленнаго сочиненія, то нѣсколько побоялись и за автора, и за трудъ его. Дебютировать въ исторіографіи цѣлаго народа, составленной, какъ читаемъ въ заглавіи, «по первымъ источникамъ»,—дѣло нѣсколько рисковное. Но молодость смѣла, а смѣлость благодарна.

Г. Иречекъ справился со своею задачею лучше, чѣмъ можно было отъ него ожидать и требовать. Онъ, дѣйствительно, представилъ довольно полный сводъ фактовъ, относящихся къ Болгарской исторіи и даже внесъ свои посильные вклады по изслѣдованію нѣкоторыхъ ея отдѣловъ. Лучше обработаны тѣ отдѣлы его сочиненія, въ которыхъ излагается внѣшняя и внутренняя исторія Болгаріи XIII и XIV в. Хотя этотъ отдѣлъ его труда требуетъ еще внимательнаго пересмотра, однако, нѣтъ сомнѣнія, всякій читатель будетъ благодаренъ автору за сведеніе значительнаго количества данныхъ изъ источниковъ какъ Славянскихъ и Византійскихъ, такъ, отчасти, и западно-Европейскихъ.

Легкость написанія Болгарской исторіи заключаются въ томъ же, въ

чемъ состоитъ и главная ея трудность, именно—скудость источниковъ. Въ этомъ легко убѣдиться, если посмотрѣть на самый объемъ сочиненія г. Иречка, которое вмѣщаетъ въ себѣ не только основанія, но и подробности Болгарской исторіи менѣе, чѣмъ на 600 страницахъ іn 8°.

Ближайшія усилія ученыхъ должны быть направлены на разработку существующихъ источниковъ (какъ это сдѣлалъ проф. Дриновъ для древнѣйшаго періода, а г. Рачкій для XI вѣка) и на открытіе новыхъ источниковъ, особенно въ архивахъ Венеціи и другихъ Итальянскихъ городовъ (какъ это сдѣлали гг. Макушевъ, І. Шафарикъ, Любичъ, В. И. Ламанскій и др.). Мы не сомнѣваемся, что г. Иречекъ самъ хорошо сознавалъ эту недостаточность своихъ источниковъ и что онъ постарается ихъ восполнить, такъ какъ въ настоящемъ видѣ Болгарская исторія состоитъ все-таки изъ фрагментовъ, большею частью, сухихъ, представляющихъ лишь блѣдное отраженіе бурной и безпокойной дѣйствительности.

Въ «Часописи Чешскаго Музея» мы прочли рецензію на трудъ г. Иречка, составленную самымъ авторитетнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ, проф. Дриновымъ. Отзывъ проф. Дринова очень лестенъ для молодого автора. Рецензентъ называетъ его трудъ достойнымъ названія Болгарской исторіи и долженствующимъ послужить точкою отправленія для дальнѣйшихъ изслѣдованій по этому предмету.

Съ своей стороны, мы должны сказать, что трудъ г. Иречка нѣсколько облегчаетъ задачи дальнѣйшихъ изслѣдователей Болгарской исторіи, хотя самъ не составляетъ еще ея въ томъ, напр., смыслѣ, въ какомъ называется Чешскою исторіею трудъ Палацкаго, весь основанный на самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ и на обширныхъ архивныхъ работахъ, чего нельзя сказать о трудѣ г. Ирчка.

Во всякомъ случаѣ, мы считаемъ нашимъ долгомъ привѣтствовать молодого слависта и пожелать ему полныхъ успѣховъ на обширномъ, но еще невоздѣланномъ полѣ, на которое онъ теперь такъ смѣло выступаетъ.

Дриновъ. М. С. «Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ» Москва. 1876.

Rački Fp. «Borba Južnih Slovena za državnu neodvisnost u XI vieku.» Zagreb. 1875.

Втеченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ юго-Славянская исторія обогатилась почти одновременнымъ появленіемъ двухъ сочиненій, изъ которыхъ одно составляетъ какъ-бы естественное продолженіе другого, а оба вмѣстѣ обнимаютъ цѣлый двухъ-вѣковой періодъ политической жизни юго-Славянъ.

Проф. Дриновъ изложилъ въ своемъ сочиненіи политическую исторію Болгаръ, Хорватовъ, Сербовъ и южно-Далматинскихъ Славянъ въ X в., а Загребскій академикъ Рачкій изслѣдовалъ событія политической жизни тѣхъ-же народовъ въ XI вѣкѣ. Такимъ образомъ, Хорватскій ученый поддержалъ историческую нить событій на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она прерывается въ изслѣдованіи Русскаго ученаго. Г. Дриновъ представилъ картину политической жизни Болгаръ въ самый блестящій періодъ ихъ исторіи въ X вѣкѣ; г. Рачкій разсказываетъ обстоятельства быстраго и глубокаго паденія этого могущественнаго царства и безсильные попытки его къ возрожденію. Въ первомъ изслѣдованіи мы знакомимся съ зародышами политическихъ образованій народности Хорватской, а во второмъ—видимъ ихъ быстрый разцвѣтъ, подъ державою Држислава, Кресимировъ и Свинимира, и еще болѣе быстрое паденіе, на рубежѣ XI и XII вѣковъ.

Оба сочиненія написаны на основаніи обстоятельнаго и умѣлаго пересмотра первыхъ источниковъ; оба проникнуты яснымъ критическимъ взглядомъ и представляютъ много новыхъ соображеній и данныхъ. Смѣло можно сказать, что каждое изъ нихъ составляетъ очень цѣнный вкладъ въ Славянскую историческую литературу.

Конечно, задачи, представлявшіяся для разрѣшенія г. Рачкому, были сложнѣе, почва невоздѣланнѣе, матеріалъ обширнѣе, чѣмъ въ изслѣдованіи г. Дринова. И надобно сознаться, что Загребскій академикъ мастерски справился со своею задачею. Онъ не только изслѣдовалъ частности и констатировалъ факты, но стремился также къ болѣе широкимъ обобщеніямъ, въ чемъ и успѣлъ до извѣстной степени. Изслѣдованіе г. Дринова вращалось въ періодѣ болѣе уже изслѣдованномъ (Шафарикъ, Григоровичъ, Голубинскій, Гильфердингъ, Палаузовъ, Рачкій, Рамбо, Гергенретеръ, Гфререръ и нѣкоторые другіе). Въ предисловіи къ своему труду г. Дриновъ говоритъ: «Изученіе нѣкоторыхъ памятниковъ, ускользнувшихъ отъ вниманія доселѣшнихъ изслѣдователей, изученіе, соединенное съ тщательнымъ, смѣю сказать, пересмотромъ общеизвѣстныхъ источниковъ, представило мнѣ въ новомъ свѣтѣ многія явленія южно-Славянской исторіи X вѣка, дало возможность уяснить себѣ и нѣкоторые изъ остающихся въ ней до сихъ поръ темными пункты, какихъ, какъ извѣстно, не мало. Развитіе возникшихъ отсюда взглядовъ составляетъ главное содержаніе предлагаемаго сочиненія, въ которомъ обращено особенное вниманіе на взаимныя отношенія отдѣльныхъ южно-Славянскихъ племенъ и на отношенія ихъ къ Византіи». Такимъ образомъ, авторъ въ своемъ изслѣдованіи ограничился критикою и устано-

вленіемъ фактовъ, но въ этой области онъ сдѣлалъ столько важныхъ пріобрѣтеній для науки, что мы не усомнились поставить его трудъ рядомъ съ капитальнымъ и обширнымъ изслѣдованіемъ г. Рачкаго.

Надобно желать, чтобы и остальные отдѣлы юго-Славянской исторіи были обработаны въ такомъ же духѣ и направленіи, какъ X и XI вѣка въ вышеозначенныхъ двухъ изслѣдованіяхъ.

За два года передъ тѣмъ г. Рачкимъ изданы: «Acta conjurationem bani Petri a Zrinio et Com. Fr. Frangepani illustrantia» (Zagreb. 1873). Это изданіе рельефно освѣщаетъ отношенія Хорватовъ къ Австріи во второй половинѣ XVII в.

Szavits Emil. Der Serbisch-Ungarische Aufstand vom Jahre 1735. Historische Abhandlung zur Erlangung der Philosophischen Doctorwürde an der Universität zu Leipzig. Leipzig, 1876.

Предметомъ изслѣдованія г. Савича служитъ извѣстное Сербское возстаніе 1735 года, подъ предводительствомъ злополучнаго Петра Сегединца. Этотъ печальный, но знаменательный эпизодъ исторіи Угорскихъ Сербовъ уже два раза былъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія. Въ 1865 г. въ Колошварѣ вышло сочиненіе г. Паппа «о мятежѣ 1735 г.»; въ 39 же книгѣ «Гласника» Сербскаго Ученаго Общества этотъ предметъ разсмотрѣнъ г. Витковичемъ, въ его изслѣдованіи: «Критическій взглядъ на прошлое Угорскихъ Сербовъ». Оба эти изслѣдованія основаны на изученіи источниковъ. Одно представляетъ событія въ Мадьярскомъ, другое — въ Сербскомъ освѣщеніи. Довольно обстоятельно разсмотрѣнъ этотъ эпизодъ и въ анонимномъ сочиненіи: «Les Serbes de Hongrie».

Брошюра г. Савича не заключаетъ новаго матеріала для исторіи возстанія 1735 года; но она представляетъ добросовѣстное и полное собраніе и группировку обнародованныхъ уже свѣдѣній.

Авторъ сочувственно относится къ движенію Марошскихъ Сербовъ, которое было вызвано, по его мнѣнію, не столько религіозными, сколько соціальными причинами, притѣсненіемъ Мадьярскими дворянами Сербскихъ поселянъ, обманомъ разжалованныхъ изъ вольныхъ людей (граничаръ) въ крѣпостныхъ Мадьярскихъ помѣщиковъ. Авторъ искусно вскрываетъ уловки Мадьярскихъ историковъ замаскировать это народное движеніе будто бы ретроградными стремленіями невѣжественнаго

народа. Напротивъ, это былъ законный протестъ народныхъ массъ противъ обмана Австро-Венгерскаго правительства, нарушившаго всѣ свои дипломы и торжественные акты и запродавшаго Сербскій народъ Венгерской знати за ея услуги династіи (въ дѣлѣ провозглашенія прагматической санкціи). Способъ подавленія Сербскаго возстанія столь же характеристиченъ для Австрійскаго правительства, какъ и поводы, вызвавшіе это возстаніе. Собственно говоря, не оружіемъ, а шпіонствомъ былъ онъ подавленъ! Безчеловѣчный способъ казни капитана Пера (Сегединца) и его сообщниковъ представляетъ характерную особенность нравовъ этого правительства.

Вообще, нельзя скрыть наблюденія, что каждое новое изслѣдованіе изъ исторіи Австрійскихъ Сербовъ является какъ бы новымъ отдѣломъ обвинительнаго акта противъ этого іезуитски-вѣроломнаго правительства. Тяжелое впечатлѣніе производитъ сопоставленіе этихъ данныхъ съ тѣми фактами безчисленныхъ услугъ, оказанныхъ Австріи со стороны Сербовъ, которыя исчислены хотя бы въ сочиненіи: «О добровольномъ участіи Сербовъ и Хорватовъ въ четырехъ послѣднихъ Австро-Турецкихъ войнахъ» (Die freiwillige Theilnahme der Serben und Kroaten an den vier letzten Österreichisch-türkischen Kriegen)!

Невольно является вопросъ: quousque tandem?...

Брошюры, подобныя вышеозаглавленной, чрезвычайно полезны особенно въ настоящее время, доставляя матеріалъ для очень поучительныхъ соображеній не только научнаго, но и политическаго характера.

Les Serbes de Hongrie, leur histoire, leurs privilèges, leur église, leur tat politique et social. Prague. I et II parties. 1873—74. 8°.

[Венгерскіе Сербы, ихъ исторія, ихъ привилегіи, церковь, политическое и общественное состояніе. Прага. I и II части, 1873—74. 8°.]

Сочиненіе это представляетъ довольно полную картину судебъ Сербскаго народа въ Угріи отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени. Составлено оно по пособіямъ, большею частью, книжнымъ: Раичу, Бартенштейну, Чапловичу, Чернигу, Салаю, Иречку, Фидлеру и нѣк. другимъ. Данныхъ совершенно новыхъ здѣсь можно найти мало; но за то анонимный авторъ добросовѣстно собралъ и прагматически изложилъ то, что было разсѣяно о Сербахъ въ многочисленныхъ прежнихъ изданіяхъ. Характеръ изложенія всюду обличаетъ въ авторѣ человѣка безпристра-

стнаго и сочувствующаго славянству. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сочиненіе его походитъ даже на обвинительную рѣчь противъ Вѣнскаго двора за постоянное нарушеніе имъ дарованныхъ Сербамъ правъ и льготъ. Впрочемъ, въ этомъ апологизмѣ Сербовъ авторъ озаглавленной книги далеко не доходитъ до такой декламаціи и одушевленія, какими дышутъ замѣчательныя, впрочемъ, по содержанію статьи проф. Витковича объ Угорскихъ Сербахъ, напечатанныя въ Бѣлградскомъ «Гласникѣ» за послѣдніе годы.

Въ концѣ сочиненія представлены (по церковнымъ шематизмамъ) статистическія данныя о состояніи и движеніи Сербскаго народонаселенія въ Венгріи, а также о состояніи Сербскихъ монастырей, школъ, журналовъ и другихъ отраслей народной жизни Угорскихъ Сербовъ.

Авторъ въ настоящемъ трудѣ занимается собственно Сербами, живущими въ Венгріи, предполагая, впослѣдствіи, издать, изслѣдованіе и о другихъ Славянскихъ племенахъ, жувущихъ въ этой странѣ.

Хорваты и Сербы вышли изъ Карпатовъ и Червонной Руси и заняли — первые Далматію, часть Босніи и часть нынѣшней Хорватіи; вторые же—мѣстность, ограниченную съ сѣвера Савою и Дунаемъ, съ востока — Моравою, Ибаромъ и Ново-Базаромъ, съ юга—городомъ Скадромъ и рѣкою Больяной, съ запада — тѣми горами, которыя простираются между устьемъ Цетины и Вербасомъ, и тѣми, которыя раздѣляютъ бассейны Вербаса и Босны. Отсюда Сербское населеніе стало распространяться по лѣвой сторонѣ Дуная и заняло треугольникъ, образуемый Дравой, Дунаемъ и Савой. Хорвато-Сербы выгнали изъ занятой ими страны Аваровъ и, усѣвшись на своихъ мѣстахъ, скоро приняли христіанство, отчасти, отъ Римскихъ и, отчасти, отъ Греческихъ проповѣдниковъ. До нихъ достигла и проповѣдь св. Кирилла и Меѳодія; они приняли переведенное ими по-Славянски слово Божіе. Въ концѣ IX в. пришли въ восточныя по-Дунайскія страны Угры (Венгры), а въ X-мъ, двинувшись на западъ, они простерли свое господство и на часть Хорвато-Сербовъ. Въ концѣ XI в., при Владиславѣ 1-мъ, Венгры присоединили сначала Славонію, а затѣмъ Хорватію; въ началѣ XII в., при Коломанѣ, сосоединена съ Угріей и часть Далматіи, остававшаяся подъ Венгерскою властью до 1301 г. Сначала между Хорвато-Сербами и Венграми, повидимому, не было особенной вражды. Венгры заимствовали отчасти у Сербовъ свои комитаты, напоминающіе Славянскія жупанства. Въ числѣ Венгерскихъ палатиновъ встрѣчаются нѣкоторыя Славянскія имена, напр. Радо или Радивой (который, притомъ, принадлежалъ къ восточному исповѣ-

данію), Видъ, Иванъ 1-й, Бѣла Урошевичъ. Дочь Ивана Елена (въ первой половинѣ XII в.) была замужемъ за королемъ Бѣлою Слѣпымъ; ей приписываютъ особенную мудрость въ государственныхъ дѣлахъ; она же, по преданію, основала православный монастырь Ковинъ, существовавшій до 1787 г. Въ Венгерскомъ войскѣ была Сербская кавалерія. Предводители Сербовъ Кречъ, Купиша и Ракъ съ честью принимали участіе въ битвѣ съ Татарами (1242 г.) и въ войнѣ съ Оттокаромъ Чешскимъ. Но очень рано между Венграми и Сербами возникли распри и раздоры вслѣдствіе религіозныхъ несогласій. Венгры были католики, Сербы же—православные и имѣли свой Славянскій богослужебный языкъ, вмѣсто Латинскаго, принятаго у Венгровъ. Эти особенности, въ связи съ ревностью и завистью духовенства того и другого исповѣданія, повели къ ссорамъ, къ фанатической ненависти католиковъ къ православнымъ и были причиною большихъ бѣдъ для послѣднихъ. Противъ православныхъ, какъ противъ «схизматиковъ», поднялись жестокія преслѣдованія.

По единству крови и вѣры, будучи тѣсно связаны съ Сербами задунайскими, Венгерскіе Сербы переживали съ ними ихъ радость и горе. Поэтому, на ихъ судьбѣ сильно отразилось нашествіе Турокъ, которые въ роковой для Сербовъ Косовской битвѣ (15 іюня 1389 г.) положили конецъ независимому королевству Неманичей. Послѣ этой битвы у Сербовъ уже не было своихъ кралей, а были только такъ называемые деспоты (господари), зависимые отчасти отъ Турокъ, отчасти отъ Венгровъ, у которыхъ они искали покровительства. Съ этихъ-то поръ Сербы стали многочисленными толпами переселяться въ Венгрію. Мы не будемъ слѣдить съ авторомъ за постепеннымъ ходомъ этого переселенія и не станемъ останавливаться на подробностяхъ Сербско-Венгерской исторіи, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко; притомъ же, въ настоящей книжкѣ «Славянскаго Сборника» помѣщены самостоятельные очерки изъ Сербской исторіи.

Съ родомъ Бранковичей угасла послѣдняя искра политической независимости Сербовъ; имъ оставалось только выбирать между Турецкимъ и Австрійскимъ господствомъ. Извѣстно, что болѣе полумилліона (по счету нѣкоторыхъ до 800,000) Сербовъ предпочли зависимость отъ Австріи Турецкой неволѣ. Мы и остановимся преимущественно на тѣхъ данныхъ, сообщаемыхъ разсматриваемою книгою, которыя освѣщаютъ права переселенцевъ на Венгерской территоріи. Сюда относится, прежде всего, привилегія Леопольда отъ 21 августа 1690 г., данная на имя патіарха Арсенія Черноевича. Авторъ приводитъ ее въ Латинскомъ подлинникѣ.

Она обезпечиваетъ Сербамъ: 1) свободное сохраненіе и неприкосновенность принятаго ими Греческаго обряда восточной церкви и древняго (Юліанскаго) календаря; 2) свободное избраніе духовными вмѣстѣ съ мірянами изъ своей среды архіепископа; 3) право архіепископа свободно управлять всѣми церквами Греческаго исповѣданія, посвящать епископовъ, распоряжаться монастырями, строить церкви, ставить священниковъ по городамъ и селамъ; 4) всему духовенству—архіепископу и епископамъ, монахамъ, священникамъ гарантируется право самостоятельно распоряжаться въ ихъ резиденціяхъ, въ монастыряхъ и храмахъ, съ обезпеченіемъ отъ вторженія въ ихъ распоряженія какого либо посторонняго вмѣшательства; они пользуются неизмѣнно старымъ правомъ на десятины и сборы и, кромѣ императора, никто изъ свѣтскихъ людей не имѣетъ права задерживать или арестовать кого либо изъ духовныхъ, подлежащихъ суду и расправѣ своего епископа; 5) церквамъ и монастырямъ, равно архіепископамъ и епископамъ гарантируется владѣніе пожалованными имъ угодьями и имѣніями; епархіальнымъ архіереямъ обезпечивается свободное, безпрепятственное посѣщеніе подчиненныхъ имъ священниковъ и паствъ по городамъ и селамъ. Авторъ замѣчаетъ, что Леопольдъ въ этомъ случаѣ весьма искусно, не жалѣя пышныхъ обѣщаній, расписалъ привилегированное положеніе Сербской церкви; но насколько эта заманчивая картина была далека отъ дѣйствительности—видно изъ того, что въ это именно самое время Австрійское правительство старалось всевозможными правдами и неправдами присоединить къ Римской церкви православныхъ Славянъ.

Въ прокламаціи къ христіанскимъ народамъ Турціи, 6 апрѣля 1690 г., императоръ, между прочимъ, обѣщалъ Сербамъ право избирать своего воеводу (servata imprimis religionis suae, eligendique vaivodae libertate). Но когда Сербы, переселившись въ Венгрію, хотѣли воспользоваться этимъ обѣщаніемъ, то имъ позволили только—хотя и не охотно—имѣть своего вице-воеводу, избраннаго ими Монастырли; но первымъ лицомъ послѣ императора объявленъ для Сербовъ патріархъ, что вполнѣ отвѣчало видамъ Вѣнскаго правительства и, въ тоже время, льстило Арсенію Черноевичу. Въ патентѣ, данномъ Монастырли, 20 августа 1691 г., сказано, между прочимъ, что Сербы будутъ оставаться въ завѣдываніи и распоряженіи собственнаго своего управленія и будутъ безмятежно пользоваться старыми, пожалованными имъ привилегіями и жить по своимъ обычаямъ (volumus ut sub directione et dispositione proprii magistratus eadem gens rasciana perseverare, et antiquis privilegiis eidem a Majestate

Nostra benigne concessis, ejusque consuetudinis imperturbate frui valeat). Далѣе, въ томъ же патентѣ говорится о правахъ архіепископа въ такомъ смыслѣ, что ему не только можно быть спокойнымъ за свою вѣру, но и быть увѣреннымъ въ пользованіи всѣми благами міра сего. Такъ, въ пользу его и церкви обращается имущество Сербовъ, умершихъ безъ наслѣдниковъ. Онъ является, въ нѣкоторомъ родѣ, свѣтскимъ главою Сербовъ, а не только духовнымъ. Понятно, что все это было говорено и обѣщано съ цѣлью заманить къ себѣ Сербовъ. Авторъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ суть разныхъ императорскихъ привилегій и патентовъ, данныхъ Сербамъ. «Это не были простыя привилегіи. Такое имя дано имъ впослѣдствіи и не соотвѣтствуетъ ихъ существу. Между Сербами и императоромъ заключенъ настоящій договоръ, обязательный для обѣихъ сторонъ. Въ вознѣщеніе сдѣланнаго ими пожертвованія родною страною, въ вознѣщеніе той подати кровью, которую они уже такъ часто платили и которую имъ предстояло еще уплачивать въ будущемъ, Сербы получали извѣстныя права. На первомъ мѣстѣ, Леопольдъ, въ качествѣ императора и короля Венгріи, признаетъ за Сербами право составлять особую націю. Какъ нація, они не подчинены ни власти комитатовъ, ни власти феодальныхъ владѣтелей; они зависятъ только отъ императора. Во-вторыхъ, тѣмъ, которые пожелали бы возвратиться на родину, когда она будетъ освобождена, предоставлено на это право. Въ-третьихъ, Сербы пользуются свободнымъ исповѣданіемъ своей вѣры, которая не можетъ служить поводомъ къ ихъ преслѣдованію. Они имѣютъ право избирать архіепископа, которому принадлежитъ управленіе ихъ церковью и юрисдикція котораго простирается на всѣхъ членовъ клира. Наконецъ, въ четвертыхъ, они имѣютъ право избирать изъ своей среды воеводу и управляться по своимъ національнымъ обычаямъ».

Эти права Сербовъ (diplomata, immunitatesque et praerogativa) были торжественно подтверждены Леопольдомъ въ дипломѣ, обращенномъ къ Венгерской администраціи. Но все это были пустыя обѣщанія, которыя давались лишь затѣмъ, чтобы не исполнять ихъ. Прежде всего подверглась нападкамъ ихъ церковь. Петру Любибратичу, уніатскому episcopo Vlachensi et Sirmiensi, предоставлено право надъ всѣми Сербами и ихъ церквами, которые находились въ предѣлахъ Срѣма и нижней Славоніи; и такъ какъ тамъ было много православныхъ, то возникла распря между Любибратичемъ и Черноевичемъ, кончившаяся, впрочемъ, ничѣмъ. Въ Семиградьѣ сдѣлана была попытка

лишить православную церковь ея законнагq главы — епископа и подчинить уніатской администраціи; впрочемъ, и тамъ дѣло кончилось возстановленіемъ каѳедры православнаго епископа, но только послѣ значительнаго промежутка времени, — въ 1759 году. Мадьярскіе и Нѣмецкіе чиновники и землевладѣльцы смотрѣли на Сербовъ съ предубѣжденіемъ и презрѣніемъ, какъ на варваровъ и схизматиковъ, и считали дозволенными себѣ всякія средства для спасенія душъ этихъ заблудшихъ овецъ.

Крушедольскій соборъ 1707 г., собравшійся для избранія преемника скончавшемуся Черноевичу, въ виду такихъ отношеній къ Сербамъ со стороны привилегированныхъ національностей, представилъ императору, между прочимъ, слѣдующія желанія Сербскаго народа: чтобы во всѣхъ странахъ имперіи, гдѣ живутъ Сербы, или другіе христіане Греческаго исповѣданія, среди Нѣмцевъ и Мадьяръ, они могли пользоваться тою же свободою, что и эти послѣдніе; чтобы они могли имѣть тамъ собственное управленіе съ названіями административныхъ мѣстъ соотвѣтствующими названіямъ ихъ у Нѣмцевъ и Мадьяръ; чтобы они могли имѣть и поддерживать свои церкви и своихъ священниковъ и праздновать свои праздники по своему старому календарю, не справляя ихъ по два раза (пунктъ 6); чтобы Сербы могли жить въ Венгріи также свободно, какъ живутъ тамъ Нѣмцы, чтобы, подобно послѣднимъ, они могли быть свободны въ своемъ обрядѣ, въ своей церкви и во всемъ остальномъ,—чтобы въ этомъ отношеніи имъ были подтверждены ихъ старыя привилегіи (пунктъ 14); чтобы было исполнено обѣщанное императорскимъ патентомъ 1694 г., т. е., чтобы Сербамъ были даны Славонія и Срѣмъ, земли между Дравой и Савой до самой Хорватской границы, Бачка и земля Дюльская между Кэрэшомъ и Марошемъ (пунктъ 12); чтобы, наконецъ, Сербы имѣли двухъ избранныхъ ихъ народнымъ собраніемъ представителей при императорскомъ дворѣ, которые могли бы ходатайствовать по Сербскимъ дѣламъ (пунктъ 13).

Почти всѣ эти заявленія не привели ни къ чему. Между Сербами и Венграми разгоралась самая ожесточенная, національная вражда, отозвавшаяся весьма неблагопріятно на политическомъ и соціальномъ положеніи Сербскаго населенія. На сеймѣ 1723 г. Венгры заявили, что они не могутъ согласиться на урѣзываніе Венгерскаго королевства и не желаютъ входить въ разсмотрѣніе того, имѣютъ ли столь презираемые Рацы право на земли, отторгнутыя у Турокъ. Императорская канцелярія ничего противъ этого не возражала и не воспрепятствовала Мадья-

рамъ провести такіе законы, которые являлись вопіющимъ нарушеніемъ императорскихъ обѣщаній. Венгерскій законъ 1723 г. низвелъ Сербскихъ поселенцевъ на степень рабовъ: съ этихъ поръ они были лишены права не только выселенія на родину, но и перехода съ одного участка на другой, и стали крѣпкими землѣ, чѣмъ-то въ родѣ собственности феодальныхъ владѣльцевъ (ст. 61). Законъ (ст. 69) дѣлаетъ исключительное предпочтеніе Греко-уніатскому духовенству. Сыновья уніатскихъ священниковъ не должны быть низводимы до состоянія рабовъ, если только они обучены и поступаютъ въ духовные ордена. (Этимъ исключеніемъ іезуиты хотѣли привлечь православныхъ къ уніи). Упомянувъ о томъ, что Владиславъ и Матвѣй Корвинъ освободили населеніе восточнаго исповѣданія отъ десятины, уплачиваемой въ пользу клира населеніемъ католическимъ, Венгры постановили, что рѣшеніе возникшей по поводу такой десятины распри между епископомъ Ново-Варадинскимъ и православнымъ населеніемъ и рѣшеніе другихъ подобнаго рода дѣлъ предоставляется на благоусмотрѣніе императора—короля, словно спорное дѣло. Это было явнымъ пренебреженіемъ къ договорнымъ условіямъ Леопольда (ст. 85). Законъ лишаетъ не-католиковъ права владѣнія землею въ Славоніи и Хорватіи (ст. 86).

Возстаніе Сербовъ Военной Границы (1735 г.) кончилось пораженіемъ ихъ. Перо Сегединацъ, Павелъ Матуля, Степанъ Барта и другіе предводители, всего въ числѣ восьми, были колесованы; другіе четверо были обезглавлены; остальные осуждены въ каторжныя работы и биты плетью.

Среди этихъ униженій, несчастій, преслѣдованій, свѣтлою точкою въ жизни Сербовъ того времени явилось учрежденіе (1746 г.), при Маріи-Терезіи, такъ называемой «Придворной Депутаціи» (Illirische Hofdeputation). Съ этого времени «Придворная Депутація» одна имѣла право вѣдать всѣ дѣла, касавшіяся Сербо-Хорватскаго народа, и доносить объ нихъ верховной власти. Составленная изъ старыхъ совѣтниковъ, живущихъ среди подвѣдомаго имъ населенія и хорошо знающихъ его нужды, эта Депутація могла сдѣлать много добра для Сербовъ. Графъ Фердинандъ Коловратъ, стоявшій во главѣ Депутаціи съ 1746 по 1760 г., прежде всего озаботился положить предѣлъ неумѣстнымъ притязаніямъ Венгерской канцеляріи мѣшаться въ дѣла Сербовъ. Онъ разъяснилъ, что Сербы зависятъ не отъ Венгріи, а отъ Австріи, такъ какъ заселенныя ими земли отвоеваны у Турокъ императорскимъ оружіемъ и составляютъ наслѣдственную собственность

Австрійскаго императорскаго дома. Это, конечно, отозвалось благопріятно на Сербскихъ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе упраздненіе части Военной Границы съ ея независимымъ управленіемъ повело къ переселенію въ Россію около ста тысячъ Сербовъ. Это заставило Австрійское правительство нѣсколько призадуматься.

Положеніе Сербовъ становилось, повидимому, все хуже, вслѣдствіе энергическаго напора на нихъ Венгровъ. Въ 1777 г. «Придворная Депутація» упразднена и дѣла ея переданы въ вѣдѣніе Венгерской канцеляріи. Въ 1779 г. включена въ составъ Венгріи вся страна между Марошемъ, Тисой, Дунаемъ и Карпатами; изъ нея образованы три комитата: Торонтальскій, Темешскій и Крассоскій и отмѣнено здѣсь военное управленіе.

Между тѣмъ, Сербы, лишенные всякаго представительства, не переставали хлопотать объ немъ. По смерти Іосифа II, при Леопольдѣ, который былъ очень расположенъ къ нимъ, настало для этого благопріятная минута. Митрополитъ Путникъ въ 1790 г. возобновилъ передъ императоромъ ту просьбу, съ какою еще въ 1708 г. обращался къ императорскому правительству Дьяковичъ: онъ ходатайствовалъ, чтобы Сербамъ дано было право имѣть своихъ представителей въ сеймѣ. Венгерскіе вельможные администраторы, какъ Пальфи, Баттіани, взглянули весьма неблагосклонно на хлопоты Путника, такъ какъ считали несуществующимъ въ политическомъ смыслѣ то, что̀ называлось Иллирскимъ народомъ: Сербы, по ихъ мнѣнію, иностранцы на Венгерской территоріи, существованіе ихъ лишь терпимо и можетъ быть предметомъ привилегіи, но не закона. Но Путникъ, ободренный императоромъ, не робѣлъ и представилъ ему, по предмету своего ходатайства, вторично меморію, въ которой просилъ, чтобы Сербамъ позволено было войти въ прямыя сношенія съ сеймомъ, такъ какъ они, за упраздненіемъ Иллирійской Депутаціи, не имѣютъ никакого представительства. 23 Іюня того же года императоръ велѣлъ дать приглашеніе на сеймъ Сербскому митрополиту и другимъ представителямъ Сербскаго клира, и эти пригласительные листы были представлены сановникамъ сейма какъ Путникомъ, такъ и епископами Вершца, Арада и Буды. Въ тоже время Путникъ, не смотря на сопротивленіе Венгерской канцеляріи и придворнаго военнаго совѣта, выхлопоталъ у императора позволеніе созвать народную скупщину, такъ какъ Сербы давно уже имѣли надобность въ общемъ совѣщаніи по многимъ дѣламъ, и еще болѣе нуждались въ немъ при предстоявшемъ сеймѣ, который, быть можетъ, долженъ

былъ принять окончательное рѣшеніе касательно ихъ судьбы. Императорскимъ коммиссаромъ на скупщину былъ назначенъ Шмидфельдъ и въ его распоряженіе отпущенъ надлежащій кредитъ.

Императоръ дозволилъ участвовать въ скупщинѣ двумъ генераламъ, Папиллѣ и Сечуяцу, а также опредѣленному числу офицеровъ, въ качествѣ представителей Военной Границы. Землевладѣльцы изъ комитатовъ могли имѣть въ скупщинѣ 25 своихъ представителей. Такимъ образомъ, все собраніе состояло изъ 100 членовъ: 25 духовныхъ, 25 отъ дворянства (землевладѣльцевъ), 25 отъ войска и 25 отъ городского класа. Скупщина была открыта 1-го сентября и продолжалась до декабря. 7-го сентября она вручила королевскому коммиссару изложеніе своихъ желаній, которыя заключались въ слѣдующемъ: 1) Опредѣленіе территоріи для Сербскаго населенія и учрежденіе особой юрисдикціи, которая защищала бы Сербскіе интересы передъ королемъ и высшими государственными совѣтами; 2) свободное исповѣданіе Греко-восточной вѣры, право гражданства и государственной службы; 3) временное устройство особеннаго гражданскаго управленія Военной Границы, въ случаѣ упраздненія военнаго управленія. По совѣту Шмидфельда, предупреждавшаго о противодѣйствіи Венгровъ, скупщина ограничилась относительно отвода особой территоріи, просьбою уступить Сербамъ Банатъ. Затѣмъ, скупщина посвятила много вниманія вопросамъ, касающимся церкви, школъ и экономическихъ средствъ, нужныхъ для развитія народнаго образованія. Съ этою цѣлью былъ назначенъ ежегодный денежный сборъ, къ которому были привлечены митрополитъ, епископы и монастыри. Эти доходы, вмѣстѣ съ тѣми средствами, какія имѣлись до этого времени, давали возможность болѣе надежнымъ образомъ обезпечить существованіе школьныхъ учрежденій и увеличить число учителей. Между тѣмъ, на мѣсто умершаго до открытія скупщины Путника избранъ Стефанъ Стратимировичъ.

Результатъ усилій и трудовъ скупщины, не взирая на противодѣйствіе Мадьяръ, былъ довольно благопріятный. Онъ выразился въ статьѣ XXVII закона 1790—91 г., гласящей: «Его Государское Апостолическое Величество великодушно соизволилъ, чтобы обыватели Греческаго не-унитскаго обряда были пожалованы правомъ гражданства... и, по примѣру другихъ подданныхъ, были признаны правоспособными къ пріобрѣтенію и владѣнію недвижимою собственностью и къ занятію всякихъ гражданскихъ должностей». Сверхъ того, за ними оставлено и на будущее время право самостоятельно распоряжаться дѣлами, касающимися клира,

церкви, религіи (исповѣдывать которую предоставлено имъ свободно), экономическихъ дѣлъ, обученія и воспитанія юношества, и другія привилегіи. Такимъ образомъ, этотъ законъ удовлетворилъ желаніямъ Сербовъ только по второму пункту представленнаго ими прошенія: они добились гражданской и служебной правоспособности. Кромѣ этого, благодаря расположенности къ нимъ императора, (5 марта, 1791 г.) учреждена Иллирская придворная канцелярія (Jllirische Hofkanzlei), напоминавшая нѣсколько Венгерскую канцелярію. Этой канцеляріи императоръ повелѣлъ разсмотрѣть тѣ желанія Сербскаго населенія, которыя еще не нашли себѣ удовлетворенія, и представить ему объ нихъ. Хотя канцелярія и представила императору, какъ слѣдуетъ, о желаніяхъ Сербовъ, но представленіе это не имѣло никакого результата, вслѣдствіе противодѣйствія Венгровъ; мало того, статьею X-ю закона 1792 (De sublatione Cancellariae Jllyricae et ctr.) уничтожена и сама эта канцелярія. Впрочемъ, въ замѣнъ этого, Сербы получили право имѣть въ сеймѣ депутатовъ, въ лицѣ своихъ епископовъ, а также имѣть опредѣленное число своихъ представителей въ Венгерской канцеляріи и въ совѣтѣ намѣстничества. Это право, конечно, было только отвлеченнымъ принципомъ, и много воды утекло, пока Сербамъ удалось добиться, хотя въ незначительной степени, примѣненія этого принципа на дѣлѣ.

Бурная эпоха Французской революціи, стоившая много крови неповиннымъ въ ней Угорскимъ Сербамъ, ничего не прибавила къ ихъ политическимъ правамъ, точно также, какъ послѣдовавшая, затѣмъ, эпоха священнаго союза и реакціи [1]). Угры съ неутомимою энергіею удерживали занятое ими относительно Сербовъ положеніе и старались упрочить его новыми, соотвѣтственными законоположеніями. Такъ, статьею VIII закона 1830 г. установлено исключительное значеніе и употребленіе Мадьярскаго языка на Венгерской территоріи: этотъ языкъ сталъ обязателенъ и для королевскаго намѣстничества въ сношеніяхъ его съ Венгерскими присутственными мѣстами, и для высшихъ судовъ королев-

---

[1]) Много Сербскихъ героевъ пало на полѣ брани въ разныхъ краяхъ Европы; много беспомощныхъ вдовъ осталось въ Военной Границѣ и въ другихъ мѣстахъ, населенныхъ Сербами. Нѣкоторое число Сербскихъ офицеровъ дослужилось до высшихъ военныхъ степеней и отличій; таковы: лейтенантъ-маршалъ Дѣдовичъ, изъ Срѣма, два брата генералъ-маіоры Ковачевичи, генералъ Стефанъ Михалевичъ и его сынъ фельдцейхмейстеръ Мих. Михалевичъ († 1845 г.), лейтенантъ-маршалъ Милутиновичъ баронъ фонъ Вейхзельбургъ и др.

ства, съ нѣкоторыми ограниченіями; для низшихъ судовъ онъ не признанъ обязательнымъ, но имъ дано право употреблять исключительно Мадьярскій языкъ; для чиновниковъ и адвокатовъ знаніе его признано безусловно обязательнымъ. Понятно, какъ долженъ былъ быть принятъ такой законъ въ странѣ, гдѣ только $^1/_3$ населенія Мадьяры, а $^2/_3$ Славяне и Румыны! Но этимъ дѣло не ограничивалось, и политическія вожделенія Мадьяръ шли еще дальше. По крайней мѣрѣ, въ устроенномъ графомъ Сѣчени, въ это время, Пештскомъ казино, гдѣ Мадьярскіе патріоты, не стѣсняясь формами сеймоваго благоприличія, были на распашку, какъ у себя дома, они доходили до Геркулесовскихъ столбовъ политическаго самомнѣнія и фанатизма, желая, повидимому, весь свѣтъ облагодѣтельствовать Мадьярскою національностью! Тутъ Сѣчени, Вешелени и другіе сеймовые вожди толковали все о реформахъ. Каковъ былъ духъ этихъ реформъ, видно изъ «урбарія» 1836 г. (статья IV закона 1836 г.). Сеймъ имперіи допустилъ смѣлую мысль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ крѣпостные могли бы откупаться на свободу. Венгерская канцелярія пришла по этому поводу въ крайнее негодованіе и выхлопотала у императора протестъ противъ такого опаснаго нововведенія. Слово: «свобода» заставляло блѣднѣть Вѣнское правительство, и потому неудивительно, что благонамѣренные Мадьяры имѣли тамъ успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ многихъ перипетій, «урбарій» былъ принятъ сеймомъ и утвержденъ королемъ. Этотъ законъ давалъ нѣкоторое облегченіе крѣпостнымъ; они могли, съ согласія помѣщика-собственника, переходить изъ одной деревни въ другую, продавая, при этомъ, за третью часть стоимости свои дома и вообще все, что сдѣлано ими для улучшенія земли, которою они владѣли; въ случаѣ несогласія владѣльца, поселянину дано право обращаться къ трибуналу, состоящему изъ комитатскаго чиновника и двухъ законовѣдовъ; помѣщикъ уже не былъ исключительнымъ судьею для поселянъ. Сверхъ того, крѣпостной могъ откупиться отъ оброка и дани, которые онъ обязанъ былъ взносить ежегодно, но не пріобрѣталъ, впрочемъ, черезъ то полной свободы. Наконецъ, владѣлецъ лишенъ права (какимъ пользовался до этого времени) наказывать крѣпостныхъ палками, или кнутомъ; съ этого времени ему предоставлено только право подвергать поселянъ заключенію не свыше трехъ дней. Въ случаяхъ, требующихъ болѣе сильныхъ мѣръ, онъ долженъ былъ обращаться въ трибуналъ. Этотъ законъ вошелъ въ силу уже по смерти императора Франца (2 марта 1835 г.), при преемникѣ его Фердинандѣ V. Кормиломъ государства, попрежнему, мирно правилъ Меттернихъ. Но,

къ счастію угнетенныхъ Сербовъ, этотъ государственный мужъ пришолъ, около этого времени, къ заключенію, что Венгры стали ужъ слишкомъ независимы и, вѣрный Австрійскимъ преданіямъ, съ цѣлью ограничить Мадьяръ, рѣшился проявить нѣкоторое благоволеніе къ ихъ противникамъ—Сербамъ. Онъ подвергъ преслѣдованію рьянаго Мадьярскаго вождя партіи реформъ Вешелени, пригрозилъ предводителямъ другихъ фракцій, но не выказалъ никакого противодѣйствія развитію иллиризма, т. е. стремленія Хорвато-Сербовъ къ объединенію путемъ единаго литературнаго языка.

Оставляя, пока, въ сторонѣ исторію Иллирскаго движенія, перейдемъ къ скупщинѣ 1842 г. Она собралась въ сентябрѣ этого года для выбора преемника умершему митрополиту Стефану Станковичу; на его мѣсто избранъ епископъ Вершецкій Іосифъ Раячичъ. Но выборами дѣло не ограничилось. 53 депутата скупщины представили адресъ, въ которомъ просили короля назначить новую скупщину для обсужденія нуждъ не-унитскаго, т. е. православнаго населенія по дѣламъ церковнымъ, духовнымъ, училищнымъ, экономическимъ и т. п. Адресъ былъ поддержанъ просьбою отъ имени значительнаго числа приходовъ. Венгерская канцелярія отозвалась на желаніе Сербовъ, что она не полагаетъ, чтобы правоспособность народной скупщины могла простираться далѣе назначенія необходимыхъ суммъ на содержаніе семинарій и епископовъ и опредѣленія дохода священниковъ, получаемаго за исправленіе требъ. Но императоръ взглянулъ на дѣло иначе и далъ знать Венгерской канцеляріи и президенту придворнаго военнаго совѣта, чтобы собраніе скупщины было разрѣшено. Изъ членовъ двухъ поименованныхъ высшихъ учрежденій былъ составленъ комитетъ, обязанный подготовить вопросы, подлежащіе разработкѣ скупщины. Но и тутъ Мадьяры ухитрились затянуть дѣло болѣе чѣмъ на три года, такъ что комитетъ представилъ свой рапортъ только 22 августа 1847 г. Между тѣмъ, на сеймѣ 1843—44 г., Мадьяры возобновили и усилили постановленія касательно исключительнаго употребленія Мадьярскаго языка, изгоняя даже Латинскій, на которомъ объяснялись всѣ интеллигентные люди Венгріи. Хорваты отказались подписать сеймовое постановленіе объ этомъ и объявили, что они неспособны говорить на языкѣ, котораго не знаютъ, что вызвало бурю негодованія въ Венгерскомъ сеймѣ. Не смотря на то, митрополитъ Раячичъ не усумнился выступить съ мужественною рѣчью за права Сербскаго населенія, требуя осуществленія закона 1792 г. «Какъ ни велики Венгерское королевство и принадлежащія ему земли, какъ

ни велико количество мѣстъ въ императорскихъ совѣтахъ и въ другихъ учрежденіяхъ юстиціи и государственнаго управленія, въ нихъ никоимъ образомъ нельзя отыскать ни одного лица Греко-восточной вѣры, исключая двухъ секретарей: ни одного президента, ни одного чиновника—юриста, или администратора высшаго ранга! Всѣ достоинства, всѣ благодарныя обязанности и всѣ, такъ сказать, почести болѣе или менѣе раздѣлены, но только между католиками и протестантами. Что касается послѣдователей Греко-восточнаго исповѣданія,—они могутъ искать счастія только на полѣ брани да въ монастырѣ». Вслѣдствіе настояній Раячича, правительство рѣшилось, наконецъ, предоставить Сербамъ по одному мѣсту начальника отдѣленія (chef de bureau) въ каждомъ изъ трехъ высшихъ совѣтовъ Венгріи. Такимъ образомъ, во время революціи 1848 г. было только три православныхъ чиновника въ Венгріи: Грекъ Пазіази—въ Венгерской канцеляріи, Сербъ Трифунакъ—въ Придворной камерѣ (Chambre aulique) и Сербъ Исидоръ—въ совѣтѣ намѣстничества.

Событія, совершавшіяся 13 марта 1848 г. въ Вѣнѣ—паденіе Меттерниха, уничтоженіе привилегій, учрежденіе національной гвардіи, повторились черезъ три дня въ Пештѣ и произвели во всей имперіи чрезвычайное волненіе. Понятно, что Хорваты и Сербы могли только радоваться разрушенію того порядка вещей, который тяжелымъ камнемъ давилъ ихъ національныя и человѣческія права. Но, вслѣдствіе этого самого гнета, Сербы были мало подготовлены къ дѣятельному участію въ государственномъ перевороте: одни изъ нихъ не могли разстаться съ мыслью о вѣрности Австрійской династіи и ея распоряженіямъ, другіе—помѣшались на вѣрности Угорскому министерству, которому многіе Сербскіе города посылали выраженія своего довѣрія. Но по пословицѣ: «паны дерутся—у мужиковъ чубы трясутся», скоро зашаталась и заволновалась громада Сербскаго населенія, та громада, которая не была проникнута ни мадьяронствомъ, ни германизмомъ, но которая воспиталась на народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ. Живой, одушевленный разсказъ о событіяхъ того времени составляетъ, кажется, одну изъ лучшихъ частей разсматриваемаго труда, хотя авторъ и не имѣлъ подъ рукою всѣхъ даже печатныхъ сочиненій объ этомъ предметѣ, но мы, къ сожалѣнію, должны ограничиться передачею лишь самого существеннаго. Когда для Хорватовъ и Сербовъ выяснилось, что отъ Мадьярскихъ провозвѣстниковъ свободы имъ нечего ждать, кромѣ окончательнаго порабощенія и уничтоженія ихъ народнаго существованія, когда совсѣмъ растерявшійся Фердинандъ въ отчаяніи сидѣлъ въ Оломуцѣ и не подавалъ никакой надежды

Славянамъ на защиту отъ расходившихся Мадьяръ, тогда началось самостоятельное движеніе Хорватовъ и Сербовъ. Средоточіемъ этого движенія въ Хорватіи былъ Загребъ, гдѣ Гай, творецъ иллиризма, собралъ представителей Хорватовъ, Славонцевъ и Далматинцевъ, для разсужденія о текущихъ дѣлахъ. Неизбалованные свободою, представители Тріединаго королевства были умѣренны, — не требовали совершеннаго отдѣленія отъ Мадьяръ, а только самостоятельнаго внутренняго устройства, съ народнымъ языкомъ и съ независимымъ баномъ во главѣ мѣстнаго самоуправленія. Баномъ провозглашонъ полковникъ одного изъ полковъ Военной Границы, баронъ Іосифъ Елачичъ. Сынъ генерала, отличившагося въ войнѣ противъ Наполеона, Елачичъ былъ извѣстенъ, какъ приверженецъ иллиризма. Но суровая военная школа, которую онъ прошелъ, убила въ немъ способность всякаго личнаго почина, — онъ способенъ былъ только повиноваться распоряженіямъ императора, онъ былъ хорошій рубака, но никакъ не мужъ совѣта. Вѣнское правительство, съ своей стороны, произвело Елачича въ баны, но Венгерскій сеймъ взглянулъ крайне враждебно на стремленія Хорватовъ, настаивалъ на употребленіи Мадьярскаго языка въ Хорватіи и сдѣлалъ невозможною всякую мирную сдѣлку съ ними. Невозможныя и крайне несправедливыя притязанія и заносчивость Мадьяръ на сеймѣ, съ одной стороны, и невыносимый гнетъ Мадьярскихъ землевладѣльцевъ, которые, словно нарочно, издѣвались жестоко надъ своими Славянскими крѣпостными,—съ другой, заставили Сербовъ также взяться за умъ. «Въ Карловцахъ, средоточіи духовенства, и въ Новомъ-Садѣ, гдѣ встрѣчались медики, адвокаты и все то, что называется интеллигенціею, начались сходки, гдѣ разсуждали о средствахъ обезопасить автономію Сербскаго народа, защитить отъ грозящей опасности его церковь и языкъ. Такъ какъ Австрія не выполнила условій договора, заключеннаго съ Сербіей, то Сербы считали себя свободными отъ обязательствъ, принятыхъ ими на себя передъ Леопольдомъ и его преемниками; они видѣли себя въ томъ же положеніи, въ какомъ были до прихода Черновича въ Венгрію; имъ надо было рѣшить вопросъ: не слѣдуетъ-ли имъ заключить новый договоръ и, если слѣдуетъ, то съ кѣмъ лучше имѣть дѣло — съ Вѣною, или съ Пештомъ»? Въ Новомъ-Садѣ пришли къ заключенію, что слѣдуетъ возстановить достоинство патріарха и воеводы, затѣмъ учредить Сербскую воеводину изъ земель, отвоеванныхъ у Турокъ, изъ Срѣма, Бачкой, Баната и Бараньи. Подобно Хорватамъ, Сербы не искали разорвать свою связь съ Мадьярами, требуя только съ ихъ стороны уваженія націо-

нальныхъ правъ Сербскаго населенія въ дѣлахъ внутренняго управленія. Александръ Костичъ, во главѣ Сербской депутаціи, представилъ Венгерскому сейму желанія Сербовъ, изложенныя въ 17 статьяхъ. Министръ Кошутъ отвѣчалъ на петицію Сербовъ, что національности должны быть уважаемы, но единственною связью между ними можетъ и долженъ служить Мадьярскій языкъ. Сербскіе депутаты не удовольствовались этимъ и отправились къ Кошуту на домъ просить объясненія. Кошутъ принялъ ихъ надменно и отказался отъ всякаго соглашенія. Напрасно они указывали на справедливость ихъ требованій и на опасность наносить имъ такую явную обиду. «Въ такомъ случаѣ—вскричалъ спѣсивый Мадьяринъ—можетъ рѣшить дѣло одинъ только мечъ», и ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. Послѣ этого Сербамъ оставалось только заняться устройствомъ сопротивленія и обороны противъ Мадьяръ. Угорское знамя замѣнено по деревнямъ національными цвѣтами; въ Сентъ-Тамашѣ, Бечѣ, Вершцѣ церковные регестры, веденные нѣсколько времени по-Мадьярски, были торжественно сожжены на площадяхъ. Бачка, Срѣмъ, Граница и Банатъ пришли въ движеніе. Началось возстаніе, произошли кровавыя столкновенія между Сербами и Мадьярами. Въ Карловцахъ и Новомъ Садѣ рѣшились, въ виду враждебности Мадьяръ, обратиться съ своими требованіями къ императору. Для этого надо было собрать народную скупщину; но созвать ее можно было только по авторитетному почину Раячича, мирнаго и нерѣшительнаго старика, неспособнаго сдѣлать шагъ, неодобренный правительствомъ. Патріоты Новаго Сада рѣшились во что бы ни стало побѣдить нерѣшительность митрополита. Составили депутацію изъ мѣстныхъ горожанъ, изъ представителей Бачкой, Срѣма, Баната и Границы. Депутація двинулась въ Карловцы. По дорогѣ къ ней присоединились несмѣтныя толпы народа. Со всѣхъ сторонъ повалили поселяне, съ знаменами и съ пѣснями про подвиги Марка Кральевича, святого Арсенія патріарха и воеводы Бранковича. Раячичъ не въ состояніи былъ болѣе сопротивляться и долженъ былъ согласиться на созваніе скупщины. Немедленно посланы приглашенія ко всѣмъ Сербскимъ общинамъ. Карловцы не могли вмѣстить множества собравшихся людей. Солдаты, священники, поселяне перемѣшивались съ медиками, адвокатами, купцами; появилось даже нѣсколько землевладѣльцевъ. Наконецъ, $^{1}/_{13}$ мая, утромъ, торжественное богослуженіе возвѣстило открытіе скупщины. Собраніе ея совершилось подъ открытымъ небомъ, у архіепископскаго дома. Въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, появился патріархъ, держа въ рукѣ хартію 1690 и 1691 г. Воцарилось благоговѣйное молчаніе, и одинъ изъ архимандритовъ громкимъ голосомъ прочелъ священныя хартіи. Вслѣдъ за-

тѣмъ раздались рѣчи народныхъ ораторовъ. Они указывали, что Австрія также чужда Сербамъ, какъ Венгрія, но, что, если нужно имѣть точку опоры, то лучше имѣть ее въ Вѣнѣ, чѣмъ оставаться обособленными передъ лицемъ Мадьяръ и Нѣмцевъ. Слѣдуетъ поддержать императора, но нельзя довѣрять ему, не выговоривши напередъ опредѣленныхъ условій. Собраніе пришло къ заключенію, что надо достигнуть осуществленія правъ, дарованныхъ Леопольдомъ. Для этого имъ надо имѣть патріарха, истиннаго Черноевича, а не простого митрополита, милостію правительства; имъ надо имѣть воеводу въ томъ смыслѣ, какъ это обѣщано Леопольдомъ; наконецъ, имъ надо имѣть свою отдѣльную территорію, въ которой до сихъ поръ имъ отказывали. И вотъ, среди собранія, старикъ Раячичъ поднятъ на рукахъ присутствующихъ и провозглашенъ патріархомъ. Затѣмъ, стали избирать воеводу. Раячичъ произнесъ имена лейтенанта-маршала Живковича, генерала Іовича, генерала Тодоровича, полковника Іовича, полковника Будиславлевича, — народъ молчалъ; но одушевленное и единодушное ура! прокатилось надъ многочисленной толпой, когда было выговорено имя полковника Стефана Шупликаца, изъ Витеза. Этотъ воевода командовалъ въ то время Огулинскимъ полкомъ; ему было тогда 59 лѣтъ; онъ отличился въ войнахъ революціи и имперіи, и теперь народъ возлагалъ на него великія надежды. Въ собраніи 3/15 мая постановлено, что Сербскій народъ долженъ имѣть независимое политическое существованіе, оставаясь, впрочемъ, подъ верховенствомъ Австріи и Венгерской короны; что Срѣмъ, Граница, Баранья, Бачка съ округомъ Вече и Чайкистовъ, Банатъ съ его Границею и округъ Кикинда—должны войти въ составъ Сербской Воеводины. Наконецъ, собраніе постановило поддерживать тѣсное единеніе съ Тріединымъ королевствомъ Хорватіи, Славоніи и Далматіи, причемъ прекратились бы старинныя распри между Сербами и Хорватами и они перестали бы терзаться религіозною враждою, отдающею ихъ въ жертву врагамъ ихъ народности. Затѣмъ, скупщина выбрала изъ своей среды «главный отборъ» (изъ 48 членовъ для приведенія въ исполненіе ея постановленій, а этотъ послѣдній выдѣлилъ изъ своей среды постоянный отборъ, обязанный принимать частныя просьбы и жалобы, для доклада ихъ національному собранію. Снаряжены были депутаціи къ императору и къ Чешскому сейму, для сообщенія ему постановленій Сербской скупчины; во главѣ первой былъ самъ патріархъ, вторая состояла изъ архимандрита Никанора Груича и протопопа Павла Стаматовича. Между тѣмъ, въ виду враждебныхъ дѣйствій Венгерскихъ коммиссаровъ: Черноевича, Вуковича и особенно генерала Грабовскаго,

которые стали дѣйствовать вооруженною силою и казнями противъ Сербскихъ усташей, приступлено къ организаціи военной защиты. Дѣло было нелегкое, потому что Сербы почти не имѣли офицеровъ, преданныхъ народному дѣлу. Душою военной защиты Сербской независимости сдѣлался одинъ рѣшительный и пылкій молодой человѣкъ, успѣвшій уже стать во главѣ «отбора»: это былъ Юрій Стратимировичъ, человѣкъ лѣтъ 25-ти. Окончивъ военную школу въ Вѣнѣ, онъ, едва былъ произведенъ въ офицеры, долженъ былъ оставить армію вслѣдствіе романической исторіи. Онъ былъ потомокъ одноименнаго ему митрополита; его происхожденіе, состояніе и дарованія обезпечивали ему первенствующую роль, и онъ оказался, дѣйствительно, вполнѣ достойнымъ ея. Своею распорядительностью, находчивостью, рѣшительностью и твердостью онъ пріобрѣлъ громадное, почти непреодолимое вліяніе надъ Сербами; къ сожалѣнію, престарѣлый Раячичъ, по своимъ убѣжденіямъ, не могъ быть вполнѣ согласенъ съ этимъ, полнымъ огня и отваги, народнымъ верховнымъ вождемъ, даже побаивался его и, какъ это случилось позже, дѣйствовалъ просто враждебно противъ него. Изъ вооруженныхъ чѣмъ попало поселянъ, предводимыхъ унтеръ-офицерами, изъ увлеченныхъ имъ почти невольно отрядовъ регулярныхъ войскъ, да изъ вспомогательной дружины, пришедшей изъ княжества подъ командою Кничанина, Стратимировичъ организовалъ армію въ 15,000 человѣкъ, занялъ съ нею отличныя позиціи у Каменицы, Сентъ-Тамаша, Перлаша и Алибунара, и здѣсь, втеченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ, отражалъ нападенія Мадьярскихъ полчищъ, движимыхъ необузданною племенною ненавистью и фанатизмомъ и превосходившихъ численностью Сербовъ въ нѣсколько кратъ; словно о каменную скалу, разбивался упрямый и дружный напоръ Мадьяръ о Сербское войско, предводимое Стратимировичемъ.

Не будемъ останавливаться здѣсь на передачѣ подробностей этой борьбы и дальнѣйшей исторіи этого времени. Скажемъ только коротко, что Сербы соединились съ Австрійцами противъ Мадьяръ, что они получили то, чего просили, но только на короткое время; они, словно дѣти, были обмануты въ концѣ концовъ Австрійскимъ правительствомъ, которое вынесли на своихъ плечахъ, за одно съ Хорватами и, впослѣдствіи,—съ Русскими; Виндишгрецъ и Гайнау одинаково преслѣдовали и казнили какъ Мадьяръ, такъ и Сербовъ, а Францъ-Іосифъ, когда Сербы напомнили ему о пожертвованіяхъ, цѣною которыхъ они спасли монархію, сказалъ, что имъ слѣдуетъ снова пожертвовать собой для этой цѣли. Сербы не имѣютъ ни воеводы, ни своей Воеводины, ни незави-

симаго патріарха и по старому подчинены Мадьярамъ, вполнѣ достигшимъ своихъ цѣлей. Это еще разъ послужило яснымъ доказательствомъ для Сербовъ, что не слѣдъ имъ у Нѣмцевъ искать правды, что слѣдуетъ надѣяться только на себя, да на своихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ.

Въ сочиненіи разсѣяно немало данныхъ о языкѣ, религіи Сербовъ, находится много историческихъ и статистическихъ данныхъ о движеніи Сербскаго населенія въ Венгрію (его заманивали сюда привилегіи императоровъ, привлекали жившіе здѣсь капитаны Сербскаго происхожденія, Сербовъ гнало сюда и варварство Турокъ), о переселеніи его, вслѣдствіе невыносимаго гнета Мадьярскихъ и Нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, въ южную Венгрію и, затѣмъ, съ упраздненіемъ Границы, въ южную Россію [1]). Авторъ описываетъ, какъ Сербскіе поселенцы постепенно омадьяривались, онѣмечивались и орумынивались, а также уменьшались въ числѣ, вслѣдствіе выселеній и особенно многочисленныхъ войнъ, въ которыхъ Сербы играли видную роль. Кромѣ того, одною изъ причинъ уменьшенія Сербскаго населенія и вынародовленія его было безплодіе браковъ, какъ слѣдствіе уродливо-развившейся роскоши и, затѣмъ, незаконныхъ связей. Возможность устраненія послѣдней причины сами Сербы видѣли преимущественно въ реформѣ церкви и возможно бо́льшемъ развитіи школьнаго образованія. Мужчины пристрастны къ вину. По даннымъ Якшича, въ 1847 г. Сербскаго населенія въ Венгріи было 977.723 души, а въ 1867 г. 1.002,832. Въ Военной Границѣ, въ 1847 г., было 481,323 д., а въ 1867 г. 513,539 д. Въ Мадьярскихъ комитатахъ, гдѣ участь Сербскаго населенія гораздо тяжеле, количество его въ 1847 г. равнялось 415,579 д., въ 1867 г.—413,262 д. Въ Далматіи и Истріи, хотя тамъ смотрятъ на Сербовъ, какъ на покоренный народъ, замѣтенъ нѣкоторый приростъ населенія: въ 1848 г. было 81,808 д., а въ 1868 г.—86,131 человѣкъ. По даннымъ же автора, Сербскаго населенія во всѣхъ 8 епархіяхъ всего 957,834 души; если сюда присоединить Сербовъ-католиковъ, то оно составитъ 1.006,929 душъ. Авторъ книги даетъ обстоятельное понятіе объ устройствѣ и управленіи православной церкви у Сербовъ, которые принимаютъ въ немъ широкое участіе и гдѣ представительство свѣтское

---

[1]) Свѣдѣнія о переселеніи Сербовъ въ Россію см. Н. А. Попова: „Военное поселеніе Сербовъ въ Австріи и Россіи“. Вѣстн. Евр., 1870 г.; П. Кеппена, „Хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи инородцевъ Европ. Россіи“; С. П. Ешевскаго, „Очеркъ царствованія Елисаветы Петровны“; Разборъ проф. Богишича сочиненія Н. А. Попова: „Россія и Сербія“, 1872 г.; біографіи П. А. Текели; статьи о родѣ Рашковичей „въ Лѣтописи“ Сербской Матицы и др. *Ред.*

значительно преобладаетъ надъ духовнымъ. Въ 7 православныхъ епархіяхъ числится 84 монастыря, доходъ которыхъ опредѣляется въ 278,000 фл. Въ 7 епархіяхъ 29 округовъ или протопопій съ 627 приходами. Сербы, живущіе въ одномъ приходѣ, составляютъ общину. Мѣстности, имѣющія нѣсколько церквей, или гдѣ есть много священниковъ, образуютъ только одинъ приходъ, одну общину—«црквену скупщину», которую составляютъ выборные прихожане; она опредѣляетъ приходскій бюджетъ, выбираетъ священника, назначаетъ изъ своей среды постоянный комитетъ (отборъ), наблюдающій за интересами общины. Всѣ духовныя лица, которыя зависятъ здѣсь не только отъ епископа, но и отъ собранія вѣрныхъ, выбираются паствою. Содержаніе священника состоитъ въ пользованіи участкомъ земли, изъ опредѣленнаго жалованья (отъ 1800—400 фл.) и случайныхъ доходовъ. Все содержаніе духовенства обходится 431,500 фл.

Епархіальныя консисторіи, по своей организаціи, во многомъ отличаются отъ нашихъ. Тамъ онѣ зависятъ отъ епархіальной скупщины, избирающей и назначающей членовъ ихъ; имъ подсудны чисто-церковныя дѣла, но онѣ не вѣдаютъ административныхъ дѣлъ. Въ консисторіяхъ засѣдаетъ извѣстное число окружныхъ протопоповъ и другихъ, избираемыхъ скупчинами, духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Затѣмъ, слѣдуетъ назвать «епархіальные административные отборы», «епархіальные училищные отборы» и, какъ высшія апелляціонныя инстанціи,—«церковный митрополичій совѣтъ» и «народный училищный совѣтъ». Самое высшее, древнѣйшее учрежденіе есть народное собраніе или «скупщина» (состоитъ изъ 25 духовныхъ и 50 свѣтскихъ лицъ). Нынѣ она вѣдаетъ лишь церковныя, училищныя и экономическія дѣла и выбираетъ митрополита или патріарха. Съ 1707 по 1872 г. скупщина собиралась 21 разъ. Кромѣ того, существуютъ синоды, которые занимаются разрѣшеніемъ богословскихъ вопросовъ и избраніемъ епископовъ. Такая организація многочисленныхъ общественно-церковныхъ учрежденій «и совѣтовъ», чрезъ которые всюду проходитъ выборное начало и въ которыхъ $^2/_3$ членовъ приходится на долю свѣтскаго элемента, имѣетъ благотворное вліяніе на національное развитіе Сербовъ и тѣснѣе сплачиваетъ ихъ для общей цѣли въ дѣлѣ народнаго развитія.

Въ разбираемой книгѣ имѣется много интересныхъ данныхъ изъ исторіи просвѣщенія у Угорскихъ Сербовъ, современнаго его состоянія, свѣдѣнія о количествѣ школьнаго фонда (до 3 мил. фл.) и фонда Матицы и другихъ учрежденій, а также свѣдѣнія о современномъ состояніи литературно-художественныхъ учрежденій и періодической печати.

Оставивъ въ сторонѣ политическую исторію Сербовъ, обратимся къ

тѣмъ даннымъ, какія представляетъ разсматриваемое сочиненіе относительно развитія образованности и литературы у Венгерскихъ Сербовъ.

Первымъ значительнымъ памятникомъ письменнаго языка Сербовъ служитъ грамота Боснійскаго бана Кулина отъ 29-го августа 1189 г. Съ половины XIII в. до конца среднихъ вѣковъ представляется непрерывный рядъ грамотъ, надписей, богослужебныхъ книгъ и житій святыхъ, писанныхъ на этомъ языкѣ; съ 1494 г., начинается печатаніе псалтырей и евангелій. Все это писано на церковно-Славянскомъ языкѣ, съ примѣсью Сербскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, Сербскихъ флексій и фонетическихъ особенностей. Къ XV вѣку Хорваты и Далматинцы стали писать на живомъ народномъ языкѣ. Съ XV до начала XVIII в. Дубровникъ былъ средоточіемъ литературной дѣятельности, вліяніе которой чувствовалось на всѣхъ южныхъ Славянахъ. Представителями этой литературы были: Дарджичъ (1480 г.), Гундуличъ (1588—1638 г.), Пальмотичъ (1606—1657 г.), Буничъ Вутичевичъ († 1658 г.), Джорджичъ (1675—1737 г.); но самымъ популярнымъ поэтомъ былъ Качичъ Міошичъ (1690—1760 г.). Отдѣленные различіемъ вѣры отъ Дубровничанъ, Сербы оставались чужды этому движенію. Такъ, Стефанъ Бранковичъ писалъ по церковно-Славянски; историкъ Раичъ, обучавшійся въ Кіевской академіи и окончившій свое твореніе въ 1768 г., пользовался смѣсью Болгаро-Русско-Сербскаго языка. Доснееою Обрадовичу выпала задача—первому поднять народное нарѣчіе на степень литературнаго языка. Обрадовичъ (1739—1811 г.), родомъ изъ Баната, съ юныхъ лѣтъ обнаруживалъ охоту къ ученію. Отданный на обученіе въ Темешваръ, онъ убѣжалъ отъ своего учителя въ монастырь Опово, сталъ монахомъ и просто пожиралъ книги, какія были въ монастырѣ. Затѣмъ, съ нѣсколькими дукатами въ карманѣ, онъ отправился на Аѳонъ, но, заболѣвъ въ пути, остановился въ Которѣ. Здѣсь онъ сдѣлалъ первый опытъ сочиненія на Сербскомъ народномъ нарѣчіи, и сочиненіе его успѣшно распространилось по Далматіи въ рукописныхъ экземплярахъ. Послѣ того онъ направился въ Корфу и достигъ Аѳона; но ссоры между монахами внушили ему нерасположеніе къ этому мѣсту, и онъ пошолъ въ Смирну. Здѣсь онъ провелъ три года въ Греческой школѣ; оттуда повернулъ въ Грецію, Корфу, Албанію, Венецію и Тріестъ; наконецъ, направился въ Вѣну, гдѣ провелъ шесть лѣтъ. Вездѣ, гдѣ онъ останавливался на житье, онъ существовалъ уроками, съ жадностью учась самъ въ тоже время. Изъ Вѣны онъ отправился въ Италію, оттуда въ Константинополь, въ Молдавію и въ Москву, затѣмъ, въ Польшу и Германію; Лейпцигскій университетъ плѣнилъ его. Въ Лейпцигѣ, въ 1783 г.,

онъ издалъ небольшой томъ, въ которомъ описаны его жизнь и приключенія; это произведеніе занимательнѣе любого романа и одушевлено сильнымъ патріотическимъ духомъ. Послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Германіи онъ отправился въ Англію; вернувшись назадъ, издалъ басни Езопа въ Сербскомъ переводѣ, отличающемся образцовою простотою и ясностью. Затѣмъ, онъ снова продолжалъ свои странствованія, проживая то въ Россіи, то въ Венеціи, то въ Карловцахъ. Померъ въ Бѣлградѣ, гдѣ былъ воспитателемъ дѣтей Георгія Чернаго. Сочиненія его очень многочисленны и разнообразны и послужили хорошимъ началомъ для новой Сербской литературы. Успѣхамъ ея много содѣйствовала также школа, основанная въ Карловцахъ въ 1783 г. митрополитомъ Викентіемъ Іоанновичемъ, выписавшимъ учителей для нея изъ Кіева. Изъ этой школы въ началѣ этого столѣтія вышла цѣлая плеяда писателей. Въ 1771 г. основана въ Вѣнѣ Сербская типографія Іосифомъ Курцбэкомъ (Kurtzböck). между тѣмъ какъ прежде Сербскія книги печатались въ Венеціи. Съ 1791 г. Стефанъ Новаковичъ началъ издавать Сербскій журналъ (1791—4) и сталъ собственникомъ этой типографіи. Въ 1787 г. Эман. Янковичъ сталъ издавать комедіи Гольдони въ Сербскомъ переводѣ и основалъ Сербскую печатню и книжный магазинъ въ Новомъ Садѣ, спустя нѣсколько времени сдѣлавшемся центромъ литературной дѣятельности Венгерскихъ Сербовъ. Въ 1813 г. Димитрій Давидовичъ и Димитрій Фрусичъ стали издавать въ Вѣнѣ Сербскую газету «Србске Новине», существовавшую до 1822 года. Милованъ Видаковичъ первый сталъ писать романы на Сербскомъ языкѣ. Болѣе извѣстныя его произведенія: «Исторія о прекрасномъ Іосифѣ» (Буда, 1810 г.), «Усамленій юноша» (Уединенный юноша) (тамъ же), «Любоміръ у Елизіюму». (Буда, 1814). Въ тоже время выступилъ на поприще литературной дѣятельности Вукъ Стефановичъ Караджичъ. Онъ родомъ изъ Сербскаго княжества, учился въ Карловцахъ и Бѣлградѣ. Послѣ паденія Кара-Георгія, онъ оставилъ Сербію, поселился въ Вѣнѣ и продолжалъ здѣсь свое образованіе. Первымъ его произведеніемъ была «Писменица (Грамматика) Српского језика, по говору простога народа написана» (Вѣна, 1814). Затѣмъ, онъ издалъ сборникъ пѣсенъ, подъ заглавіемъ: «Мала простонародна Славено-Српска пјеснарица» (Вѣна, 1814). Въ 1818 г. появились выпуски «Сербско-Нѣмецко-Латинскаго Словаря», который составилъ эпоху въ Сербской литературѣ. Въ обширномъ предисловіи къ словарю, Караджичъ обстоятельно развилъ грамматическія правила, полученныя имъ путемъ добросовѣстнаго изученія памятниковъ живого народнаго языка (Сербскаго, а не Славяно-Сербскаго); въ тоже время онъ

ввелъ упрощенную (фонетическую) ороографію, съ цѣлью облегчить чтеніе и письмо, и, наконецъ, далъ словарь живого народнаго нарѣчія. Реформа, введенная Караджичемъ, встрѣтила горячихъ противниковъ, особенно въ духовенствѣ. Его упрекали, что ради своихъ нововведеній онъ пожертвовалъ языкомъ. освященнымъ преданіемъ церкви; что, отказываясь отъ Славянскаго языка, онъ разрываетъ связь, соединяющую Сербовъ съ прочими Славянами и т. п. Но дѣло Караджича, повидимому, упрочилось и живетъ еще и въ наше время. Въ 1821 г. онъ издалъ первое собраніе народныхъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ: «Српске Народне Піесме», «Пословице», «Народне Српске Приповіјетке». Съ 1826 по 1829 г. онъ издавалъ альманахъ «Даница» (денница), имѣвшій серьезное вліяніе на направленіе національныхъ идей. Сверхъ перечисленныхъ, ему принадлежитъ много другихъ сочиненій. При незавидномъ политическомъ и, отчасти, экономическомъ состояніи Сербовъ, сильнымъ тормазомъ для развитія ихъ литературы служило то обстоятельство, что Сербскіе авторы не имѣли на что и гдѣ печатать свои произведенія. Родилась мысль помочь дѣлу устройствомъ для этой цѣли ассоціаціи, и въ 1823 г. Иванъ Хаджичъ сдѣлалъ попытку осуществить ее. Сначала его усилія не оправдывали намѣренія, но, соединившись съ Лукьяномъ Мушицкимъ, Юріемъ Магарашевичемъ и Павломъ Іосифомъ Шафарикомъ. извѣстнымъ славистомъ, онъ, при ихъ помощи, успѣшно осуществилъ задуманное предпріятіе. Устроившееся, такимъ образомъ, общество наименовано «Матица Српска» (Матица—въ смыслѣ пчелиная матка). Она находилась въ Пештѣ и могла имѣть неограниченное число членовъ, которые, дѣлая въ пользу ея ежегодный взносъ, получали за то сочиненія, издаваемыя на счетъ «Матицы». Учрежденіе «Матицы» было истиннымъ событіемъ для Сербіи, она отвѣчала серьезной потребности общественной жизни и, въ тоже время, поощряла Сербовъ чаще соединяться для общей работы съ цѣлью политическаго и соціальнаго развитія. Слово «Матица» стало популярнымъ и за предѣлами Сербіи. Въ 1830 г. этимъ именемъ было названо одно отдѣленіе Чешскаго музея, спеціально занимающееся древними памятниками языка. Затѣмъ, это имя перешло къ Хорватамъ, Словакамъ, Словенцамъ и Русскимъ (въ Австріи),—всѣ они стали устраивать общества, соотвѣтствующія основанной Хаджичемъ «Матицѣ». Первымъ изданіемъ Сербской Матицы было «Летопис Српски», начавшійся, въ 1825 г., подъ редакціею Магарашевича; онъ выходилъ выпусками четыре раза въ годъ (съ нѣкоторыми перерывами) до 1849 г.; съ 1850 года «Летопис» уже не имѣлъ прежняго значенія, такъ какъ Бѣлградское ученое общество понизило важность

Сербской Матицы, но, тѣмъ не менѣе, изданіе это продолжается и до настоящаго времени, подъ редакціею И. Суботича; съ 1865 г. оно печатается уже не въ Будѣ, а въ Новомъ Садѣ. Сербская Матица издала романы и стихотворенія Симеона Милутиновича, М. Видаковича, И. Поповича и другихъ. На произведеніяхъ этихъ авторовъ отражалось политическое положеніе ихъ соотечественниковъ, въ нихъ чувствовалось вѣяніе духа, враждебнаго Мадьярамъ и вѣра въ будущность Славянъ. Это дѣйствовало возбуждающимъ образомъ какъ на Сербовъ, такъ и на ихъ противниковъ. Еще сильнѣе долженъ былъ возбудить духъ угнетенныхъ соплеменниковъ Словакъ Иванъ Коларъ своею знаменитою поэмою «Дочь Славы» (появившеюся въ Будѣ, въ 1827 г.), въ которой онъ воспѣвалъ грядущее величіе Славянскаго племени. «Чѣмъ будутъ Славяне черезъ сто лѣтъ? спрашивалъ поэтъ,—и чѣмъ будетъ вся Европа? Славянство постоянно распространяется и, словно потопъ, разольется по нашему полушарію. Языкъ, который нынѣ Нѣмцы съ презрѣніемъ называютъ языкомъ рабовъ, будетъ раздаваться въ залахъ ихъ дворцовъ и у устьевъ ихъ рѣкъ». Стихи и идеи Колара не только пошли въ ходъ въ Чехіи, но произвели сильное впечатлѣніе и на всю Венгрію и, быть можетъ, Люд. Гай ими вдохновился къ проповѣдыванію своего Иллирскаго единства. Этотъ молодой Хорватъ (род. въ Крапинѣ въ 1829 г.) какъ бы стремился положить начало практическому осуществленію чаяній Колара. Съ одной стороны жалкое политическое настоящее Хорватовъ и Сербовъ, болѣзненно дѣйствуя на народное самолюбіе, подсказывало ему надежду на великое будущее, съ другой — единеніе Хорватовъ и Сербовъ, въ виду враждебнаго и неукротимаго напора Мадьяръ, было не только желательнымъ, но и необходимымъ. Если Шафарикъ находилъ возможнымъ для Хорватовъ и Сербовъ имѣть одну литературу, то Гай пришелъ къ убѣжденію, что имъ необходимо имѣть полное единство. Гай съ 1 янв. 1835 г. издавалъ въ Загребѣ политическую газету «Horvatzke Novine» съ литературнымъ прибавленіемъ къ ней «Danica» (Денница). Языкъ и ороографія этихъ изданій были Хорватскіе; но скоро Гай долженъ былъ замѣтить, что его изданія могли имѣть только слабый успѣхъ, будучи ограничены тѣснымъ кругомъ Хорватскихъ читателей. Онъ задумалъ достичь того, чтобы его читали болѣе пяти милліоновъ Славянъ, разсѣянныхъ въ Далматіи, Истріи, Хорватіи, Славоніи, Угріи, Сербіи, Крайнѣ, Штиріи, не говоря уже о Герцеговинѣ и Босніи; тутъ-то и зародилась у него идея великой Иллиріи, подъ которою онъ разумѣлъ страну Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ. И вотъ, въ 1836 г., Гай перекрестилъ свою газету въ «Illirske Narodne Novine» и

измѣнилъ языкъ своего изданія. «Языкъ Хорватіи, менѣе богатый и выработанный, притомъ, заключенный въ слишкомъ тѣсныхъ географическихъ границахъ и отличающійся запутанною орѳографіею, долженъ былъ уступить свое мѣсто языку Сербскому—богатому, звучному, выработанному, — тому языку, которымъ говорятъ въ военной Хорватіи, въ Далматіи, по краямъ Венгріи, Славоніи, Сербіи, Босніи и проч., и который сдѣлали прекраснымъ и благороднымъ безсмертные Иллирскіе поэты: Дарджичъ, Минчетичъ, Вѣтраничъ, Гекторовичъ, Гундуличъ, Пальмотичъ, Качичъ и дрг. Старая орѳографія также была замѣнена орѳографіею логическою, которая, по своей удопримѣнимости, простотѣ, оставляетъ далеко за собою не только орѳографію другихъ Славянскихъ нарѣчій, употребляющихъ Латинскій шрифтъ, но и орѳографію многихъ новыхъ языковъ вообще. Система введенной Гаемъ орѳографіи вошла во всеобщее употребленіе. Гай встрѣтилъ такое сочувствіе своей мысли и своему начинанію, что все нарождающееся поколѣніе Хорватовъ могъ, хотя и не безъ нѣкоторой натяжки, считать принадлежащимъ пропагандируемому имъ дѣлу. Панииллирское движеніе, нося политическій характеръ, сильно волновало умы не только Хорватовъ и Сербовъ, но и Мадьяръ. Эти послѣдніе (какъ, напримѣръ, Хорватъ) не преминули увидѣть въ иллиризмѣ Московскую интригу и подняли тревогу. Между тѣмъ, дѣло, затѣянное Гаемъ, было преждевременно, а потому и не такъ опасно, какъ могло представляться Мадьярамъ. Оно было неопасно уже потому, что имѣло много противниковъ въ средѣ самихъ Сербовъ и Хорватовъ. Къ числу такихъ противниковъ принадлежалъ Ѳеодоръ Павловичъ, издававшій въ Пештѣ, съ 1835 г., «Србскій народный Листъ» и «Србске Народне Новине», а съ 1837 г. и «Лѣтописъ». Ему было противно имя Иллирійцевъ, которое Гай хотѣлъ навязать Сербамъ; онъ боялся за Сербское имя и Сербскія національныя преданія, и, потому, нападалъ на Загребскихъ уніонистовъ. Сербское духовенство, несочувственно отнесшееся къ реформѣ Караджича, тѣмъ болѣе не могло одобрять затѣи Гая. Митрополитъ Стратимировичъ, занимавшій уже около полувѣка Карловацкую каѳедру, не могъ допустить подобнаго новшества и даже не позволялъ вводить народный языкъ въ школахъ. Карловацкіе литераторы—Хаджичъ и члены Сербской Матицы вторили возгласамъ недовольнаго духовенства, подозрѣвая въ предпріятіи Гая религіозную католическую пропаганду. Между тѣмъ, эти нареканія едва ли были справедливы; это видно уже изъ того, что католическій клиръ въ Хорватіи не одобрялъ, съ своей стороны, Гая, изъ опасенія, чтобы Хорваты, усвоивая Сербскій языкъ, не усвоили съ

тѣмъ вмѣстѣ Греко-восточнаго исповѣданія; впрочемъ, Хорватскіе прелаты, впослѣдствіи, помирились съ идеею Гая. Были у Гая и другіе противники между Хорватами; но онъ не унывалъ и былъ неутомимъ. Въ 1837 г. онъ получилъ отъ правительства разрѣшеніе на устройство типографіи, которая величалась «императорскою и королевскою, привилегированною Иллирскою печатнею». Это указывало на покровительство Вѣнскаго правительства, т. е. Меттерниха. Но въ 1843 г. декретомъ императора Фердинанда воспрещено употреблять слова: «Иллирія», «Иллирскій», «иллиризмъ», «какъ въ газетахъ и другихъ изданіяхъ, такъ особенно въ публичныхъ преніяхъ и школахъ». Странно, какъ замѣчаетъ авторъ, воспрещать слова, когда дѣло не въ словахъ, а въ мысляхъ. Но это воспрещеніе показываетъ, во всякомъ случаѣ, что и Вѣнское правительство какъ будто усмотрѣло въ иллиризмѣ нѣчто опасное. Только средство противодѣйствія опасности выбрано неудачное. «Если имя «иллиризмъ» исчезло изъ употребленія—замѣчаетъ Новаковичъ—то самый, означаемый имъ, предметъ, продолжалъ существовать, и если Австрійскіе государственные люди думали остановить этимъ Славянское движеніе, то они своимъ воспрещеніемъ, напротивъ, содѣйствовали ему; они сдѣлали то, что полемика, вызванная иллиризмомъ, должна была уступить мѣсто болѣе сосредоточенному и безпристрастному обдумыванію дѣла». Иллиризмъ вступилъ, такимъ образомъ, въ новый фазисъ развитія; горячка миновала и настало время хладнокровнаго и болѣе зрѣлаго обсужденія дѣла. Между Сербами и Хорватами завязалась взаимность, которая помогла, конечно, единству ихъ дѣйствій въ 1848 г. По мѣрѣ того какъ возрастали высокомѣрныя притязанія Мадьяръ, усиливался энтузіазмъ Сербовъ. Удаленные отъ собратій, гдѣ разыгрывалась политическая борьба, они почерпали надежду на лучшее будущее въ своихъ народныхъ пѣсняхъ. «Героическія пѣсни, изданныя Вукомъ, сдѣлались вещью, которую можно было найти въ каждомъ домѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ каждомъ селеніи. Произведенія старыхъ писателей Дубровницкой школы были въ почтеніи и къ нимъ присоединились новые опыты. Особенно въ Хорватіи развивалось сильное литературное движеніе, сближеніе съ Чехами.

Въ то же время Срѣмъ, Банатъ, Бачка, принимали участіе въ той интеллектуальной жизни, которая въ это время стала развиваться въ Бѣлградѣ; это происходило оттого, что воспоминанія и общность исповѣданія болѣе влекли Сербовъ къ правому берегу Савы, чѣмъ къ католическимъ Хорватамъ, и оттого, что порядокъ вещей, существующій въ Венгріи, дѣлалъ невозможнымъ развитіе въ этой странѣ интеллектуальной національной жизни. Между тѣмъ,

основывались общества чтенія, какъ мѣста собранія людей сходныхъ убѣжденій; презираемый народный языкъ выработывался и скоро сдѣлался знаменемъ партіи, рѣшившейся противодѣйствовать Мадьярскому нашествію какъ въ муниципальныхъ, такъ и въ комитатскихъ выборахъ. Пропагандѣ мадьяризма, для которой работали всѣ Мадьяры, армія городскихъ и комитатскихъ чиновниковъ, большинство средняго дворянства, богатаго средствами, къ которой приставалъ всякій, желавшій чего бы то ни было добиться,—должности то, или хлѣба,—противопоставлена Сербская національная пропаганда, которая находила своихъ приверженцевъ между православнымъ мѣщанствомъ, между нечиновнымъ учащимся юношествомъ, между менѣе зависимыми общинными чиновниками,—но главныхъ своихъ дѣятелей она имѣла въ Сербскомъ духовенствѣ. Подвиги Сербскихъ богатырей, воспѣваемыхъ въ пѣсняхъ, были воспроизводимы въ театральныхъ представленіяхъ. Эти представленія устраивались любителями, которые нерѣдко не имѣли даже подъ руками той пiесы, куторую давали на сценѣ, воспроизводя по памяти и дополняя собственнымъ творчествомъ дѣла Милоша Обилича, Стефана Дечанскаго, гайдуковъ и другихъ героевъ. Наибольшимъ успѣхомъ пользовались драматическія произведенія Ив. Стерича Поповича (род. въ Вершцѣ въ 1816 г.); на одномъ съ нимъ поприщѣ работали: Моисей Видаковичъ, Юрій Милетичъ, Матвѣй Банъ, Ив. Суботичъ. Движеніе 1848 г. нашло себѣ особый органъ въ Новомъ Садѣ—газету «Напредакъ» (движеніе впередъ), служившую отголоскомъ мнѣній преимущественно молодыхъ, болѣе горячихъ людей. Движеніе, охватившее Сербскія земли въ 1851 г., по поводу спора между Черногоріею и Портою (не желавшею признать князя Данилы), особенно выразилось въ Ново-Садской газетѣ «Сербски Дневникъ», которую редактировалъ Даніилъ Медаковичъ. Мадьяры въ Сербскомъ движеніи не преминули увидѣть панславистскую агитацію Россіи и пригрозили Медаковичу. Неповинные въ подобной агитаціи Сербы, угнетаемые Бейстовскимъ дуализмомъ, отдавшимъ ихъ въ руки Мадьяръ, рѣшились, наконецъ, сами попугать своихъ противниковъ тѣмъ пугаломъ, какое было создано ихъ больнымъ воображеніемъ, и въ 1867 г. отправились въ лицѣ своихъ представителей (Ивана Суботича, члена Загребскаго высшаго суда, Полита Дечанчича, адвоката изъ Загреба, протопоповъ Милутиновича, Кукича, Ковачевича и Беговича, Владана Джорджевича изъ Вѣны, Живко Васильевича, негоціанта изъ Землина) въ Москву, по поводу бывшей тамъ этнографической выставки. Нечего и говорить, что это крайне встревожило Мадьяръ, вызвало съ ихъ стороны противо-Русскія интриги и даже удаленіе отъ должностей Суботича и Полита. Еще болѣе обильнымъ источникомъ безпокойства для Венгерскаго министерства послужила «Сербская Омлади-

на» (Общество Сербскаго юношества). Ва августѣ 1866 г. Ново-Садскіе студенты устроили собраніе, на которое присланы были депутаты изъ разныхъ городовъ Сербіи и Венгріи. Сознавая себя солидарными, собравшіеся положили сообща работать на пользу народнаго просвѣщенія, издавая на общій счетъ журналъ и учебныя книги. Затѣмъ, они порѣшили, что будутъ собираться ежегодно въ заранѣе назначаемомъ городѣ, съ цѣлью правильнымъ обмѣномъ мыслей скрѣпить соединяющую ихъ связь. Это общество, имѣвшее чисто научный характеръ, скоро получило политическій оттѣнокъ и превратилось въ цѣлую политическую партію, къ которой примкнули всѣ радѣльцы народнаго блага, желавшіе видѣть Сербію упроченною Европейскою державою. Эта партія распространилась по всѣмъ обитаемымъ Сербами селеніямъ и городамъ, выразила полнѣйшее согласіе съ взглядами Суботича и Милетича, которые, такимъ образомъ, стали ея представителями, стремилась къ пріобрѣтенію для Сербскаго народа тѣхъ правъ, въ которыхъ ему отказано, и не заявляя вражды Мадьярамъ, считала, однако, невозможнымъ согласіе съ ними, въ виду непризнанія равенства расъ. Омладина не только явилась пугаломъ для Мадьяръ, но вызвала преслѣдованія и со стороны Бѣлградскаго кабинета. Гарашанинъ и Христичъ боялись потерять расположеніе Вѣнскаго кабинета и стали противодѣйствовать развитію Омладины. Когда въ августѣ 1867 г. Сербы со всѣхъ сторонъ стали стекаться на второе собраніе Омладины, въ Бѣлградъ, то названные министры заставили ихъ разойтись. Мадьяры, съ своей стороны, воспретили Сербскимъ студентамъ ѣздить въ Бѣлградъ. Понятно, что такое согласіе между Пештскимъ и Бѣлградскимъ правительствомъ произвело большое неудовольствіе между омладинцами. Топчидерская катастрофа 1868 г. дала поводъ врагамъ омладины бросить на нее тѣнь въ соучастіи въ заговорѣ, жертвою котораго сдѣлался Михаилъ Обреновичъ. Пештское правительство на этотъ разъ прониклось такою симпатіею къ Сербскому княжеству, что, заподозривъ въ соучастіи съ Топчидерскими убійцами вождя Сербской національной партіи Свѣтозара Милетича, не замедлило лишить его должности головы Новаго-Сада и не подвергло его заключенію только потому, что онъ былъ депутатомъ сейма. Впрочемъ, вмѣсто него были арестованы приближенныя къ нему лица: Владиміръ Іовановичъ, бывшій редакторъ Женевскаго журнала «Србска Слобода» и участвовавшій тогда въ органѣ Милетича «Заставѣ» (Знамя), выходившей въ Новомъ-Садѣ, Болгарскій эмигрантъ Каравеловъ и Карловацкій негоціантъ Алексѣй Радовановичъ. Когда же Ново-Садскіе граждане сдѣлали энергическій протестъ противъ произвольныхъ арестовъ, то Венгерскій коммиссаръ объявилъ отставку всѣмъ муниципальнымъ чиновникамъ и прекращеніе силы конституціонныхъ законовъ. Милетичъ сдѣлалъ

въ сеймѣ одушевленное заявленіе по поводу этихъ происшествій, которое закончилъ такъ: «Если я убійца—повѣсьте меня, но не пытайтесь оправдывать этимъ обвиненіемъ лишеніе меня должности головы». Ему отвѣтили, что это сдѣлано изъ уваженія къ Сербскому правительству....

По мѣрѣ развитія конституціализма и образованія развивалась и Сербская печать. Появились новыя газеты: «Српски народъ», «Нови Позоръ» (Обзоръ), «Заточникъ» (Борецъ), «Застава» (Знамя), «Позориште» (Театръ) и проч. На поприщѣ языкознанія много сдѣлалъ Юрій Даничичъ (настоящее его прозваніе Поповичъ). Съ молодости поставивъ себѣ задачею изучить Славянскія нарѣчія, онъ совершенствовался подъ руководствомъ Караджича и Миклошича. Получивъ мѣсто библіотекаря въ Бѣлградѣ, онъ издалъ здѣсь въ 1856 г. книгу «Србска Синтакса»—одно изъ лучшихъ сочиненій, какими только располагаютъ Славянскія нарѣчія по этому предмету; въ 1864 г. вышелъ его «Рјечникъ изъ книжевнихъ старина Српскихъ» (Словарь древней Сербской письменности), весьма почтенный трудъ, сохраняющій свое значеніе и рядомъ съ «Lexicon palaeoslovenicum» Миклошича. Наконецъ, его «Облици Српскага језика» (5-ое изд. 1872 г.) (морфологія Сербскаго языка)—трудъ самый основательный по этому предмету. Даничичъ былъ потомъ библіотекаремъ въ Загребѣ и, наконецъ, сталъ профессоромъ въ Бѣлградѣ. Для исторіи Сербской литературы и лингвистики много сдѣлали: Ватрославъ Ягичъ, Стоянъ Новаковичъ (Ягичъ—профессоръ въ Берлинѣ, а нынѣ опять въ Одессѣ; Новаковичъ, бывшій министръ просвѣщенія въ кабинетѣ Ристича) и два брата Бошковичи. Иванъ Бошковичъ издалъ «Српска Синтакса» (Бѣлградъ, 1864 г.) и состоитъ секретаремъ Матицы; Станоје Бошковичъ издалъ «Lehrbuch zur Erlernung der Serbischen Sprache» (Pest 1864). По исторіи извѣстны труды: Исидоръ Николичъ издалъ «Войводство Серба Австріиски» (у Віенни, 1849 г. Воеводина Австрійскихъ Сербовъ); Иванъ Джорджевичъ (былъ редакторомъ «Сербскаго Дневника») помѣстилъ въ «Лѣтописѣ» много интересныхъ статей, между прочимъ, статью объ Юріи Срѣшскомъ; К. Николаевичъ написалъ изслѣдованіе о семи первыхъ вѣкахъ Сербской исторіи («Лѣтописъ», 1861—71); Юрій Вукичевичъ, редакторъ Сомборскаго изданія «Школьски листъ», напечаталъ письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ («Лѣтописъ», 1859—60); извѣстны также историческими изслѣдованіями: Максимъ Люданчъ и Гавріилъ Витковичъ. Изъ драматическихъ писателей извѣстны: Ив. Стер. Поповичъ († 1872), Ив. Суботичъ, М. Банъ, Исид. Николичъ, Лазарь Костичъ, Мих. Политъ-Десанчичъ, Конст. Трифковичъ и др. Между твореніями ихъ преобладаетъ національная драма и легкія пie-

ски съ пѣніемъ, на сюжеты изъ народной жизни; есть также переводы Шекспира, Мольера, Гольдони и другихъ [1]).

Очеркъ исторіи Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія. Сочиненіе А. С. Клеванова. Съ предисловіемъ О. М. Бодянскаго. Двѣ части. Москва. 1876.

Появленіемъ въ печати этой книги, равно какъ и извѣстнаго сочиненія г. Новикова «Гусъ и Лютеръ», мы обязаны О. М. Бодянскому, о чемъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ труду Клеванова. Четверть вѣка прошло со времени составленія этого труда, но изданіе его въ текущемъ году отдѣльною книгою, все таки, не составляетъ анахронизма. Книга г. Новикова до настоящаго времени была явленіемъ одинокимъ въ той области, которую изслѣдовалъ этотъ ученый; сочиненіе г. Клеванова представляетъ прекрасное дополненіе къ этому труду, будучи весьма цѣнно и по богатству, и по разнообразію собраннаго въ немъ матерьяла.

Сочиненіе состоитъ изъ двухъ частей: первая служитъ введеніемъ и историческимъ комментаріемъ ко второй. Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе изложеніемъ его цѣли и плана, затѣмъ, онъ переходитъ къ обозрѣнію источниковъ и пособій, которыми приходилось пользоваться при составленіи труда. Изъ обширныхъ главъ, посвященныхъ этому предмету, мы узнаемъ, что авторъ недоволенъ существовавшими до него сочиненіями о Гуситскомъ движеніи,—недоволенъ даже самымъ добросовѣстнымъ, крити-

---

[1]) Какъ всѣ, Венгерскіе государственные люди, гр. Андраши всегда смотрѣлъ на христіанское населеніе Оттоманской имперіи, какъ на долженствующее, современемъ, подвергнуться поглощенію Венгерскимъ королевствомъ. Какъ только онъ сталъ заправлять Австрійскою политикою, тотчасъ были снаряжены офицеры въ Сербію, Боснію, Герцеговину и Черногорію, для изученія этихъ странъ, изслѣдованія ихъ матеріальныхъ средствъ и удобнѣйшихъ путей для движенія въ эти страны извнѣ. Извѣстны труды, изданные Тэммелемъ (Geschichtliche, politische und topographisch-statistische Beschreibung des Vilajet Bosnien, das ist das eigentliche Bosnien, nebst türkisch Croatien, der Herzegovina und Rascien. Wien, 1867, in-8), Рошкевичемъ (Studien über Bosnien und die Hercegowina. Leipzig und Wien, 1868, in-8. Сверхъ того, Рошкевичъ составилъ большую карту этихъ провинцій на 4-хъ листахъ) и Виттинграузеномъ (Das Fürstenthum Serbien geographisch-militärisch dargestellt. Wien-1869, in 8); но это не единственные изслѣдователи Славянскихъ странъ. Много обстоятельныхъ статей помѣщено въ Oesterreichische Militärische Zeitschrift. Сверхъ того, можно поименовать сочиненіе: Beschreibung des Paschalik's Hercegowina und des Fürstenthums Crnagora; mit einer Karte von Pauliny. 3 Auflage, Wien, 1870, in 8.

ческимъ изслѣдованіемъ Палацкаго въ третьемъ томѣ его исторіи Чехіи. По мнѣнію автора, какъ въ сочиненіи Палацкаго, такъ и въ трудахъ его предшественниковъ, не достаетъ идеи, которая бы оживляла великое духовное движеніе, извѣстное подъ именемъ Гуситскаго. «Единственнымъ и искреннимъ нашимъ желаніемъ, говоритъ авторъ, было угадать самый смыслъ Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія и опредѣлить его значеніе въ ряду событій жизни Чешскаго народа и Славянскихъ народовъ вообще, прибавить хотя одну новую черту, пролить хотя одинъ лучъ свѣта на темный, доселѣ пренебреженный, но безконечно важный и, такъ сказать, жизненный вопросъ для каждаго истиннаго Славянина» (II, 409). Для достиженія своей цѣли авторъ прибѣгаетъ къ гипотезѣ, не имъ изобрѣтенной и до сихъ поръ раздѣляемой нѣкоторыми учеными—гипотезѣ о вліяніи восточнаго православія на религіозное движеніе въ Чехіи. Въ двухъ большихъ главахъ авторъ разсматриваетъ судьбы православія, принесеннаго въ Чехію св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Руководствуясь скудными данными объ этомъ предметѣ, авторъ самъ сознаетъ, что восточное православіе не могло привиться къ Чешскому народу во всей своей полнотѣ и чистотѣ. «Каковы же были плоды ученія восточной церкви въ Чехіи»? спрашиваетъ онъ. «Принялось ли оно въ народѣ? Нѣтъ! не смотря на то, что всѣ сочувствія народа были за ученіе восточной церкви, оно не имѣло времени, чтобы вполнѣ быть усвоено народомъ, который отъ восточной церкви получилъ не столько опредѣленное догматическое ученіе, сколько либеральное религіозное направленіе, враждебное въ высшей степени притязаніямъ духовенства Латино-католическаго. Восточная церковь пробудила своимъ Славянскимъ богослуженіемъ чувство народности въ Чехахъ, подстрекнула ихъ умственное развитіе, и, что̀ всего важнѣе, внесла важнѣйшій элементъ въ жизнь и развитіе Чешскаго народа: это вольное (либеральное) пониманіе вѣры, основанное на знаніи св. писанія, враждебное всякому человѣческому авторитету». Существованіе слѣдовъ восточнаго православія въ Чехіи авторъ находитъ даже въ XIV ст., въ правленіе Карла IV, который, по мнѣнію автора, преднамѣренно, въ ущербъ православію, распространялъ Римскій католицизмъ, основавъ съ этою цѣлью и университетъ, и Славянскій монастырь въ Прагѣ. Такова, въ краткихъ словахъ, идея автора, которая должна оживлять исторію Чешскаго религіознаго движенія. Въ слѣдующей, затѣмъ, главѣ подъ заглавіемъ: «Причины изъ развитія Чешскаго народа, приготовившія появленіе Гуса» и т. д., авторъ разсматриваетъ тѣ самыя обстоятельства, которыя, по мнѣнію Палацкаго и другихъ позднѣйшихъ изслѣдователей, служили настоящими причинами Гуситскаго движенія: это непомѣрное обога-

щеніе, властолюбіе и вообще безнравственность Римско-католическаго духовенства въ Чехіи. Въ предпослѣдней главѣ первой части разсматривается отношеніе Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія къ подобнымъ движеніямъ въ другихъ земляхъ. Цѣль этой главы—показать самостоятельность Чешскаго движенія, возникшаго, по мнѣнію автора, изъ самородныхъ источниковъ. «Чтобы навсегда и безъ возврата ослабить католичество, какъ всемірно-историческую силу, необходимо было, говоритъ, между прочимъ, авторъ, сопротивленіе равносильное со всѣхъ сторонъ; недостаточно было одного страдательнаго сопротивленія, одного внутренняго убѣжденія въ истинѣ своихъ мнѣній и готовности умереть за нихъ, надобно было противостать католичеству и на полѣ догматики, и на полѣ свѣтской власти, и показать, что и внѣ католичества, и подъ его проклятіями, можетъ жить цѣлый народъ и соблюдать строго свою частную народную форму религіозную. Таковъ былъ народъ Чешскій... Перемѣна религіозныхъ мнѣній въ Чехіи не произошла въ одномъ какомъ нибудь сословіи, а въ цѣломъ народѣ, и потому не могла совершаться тайно, и немедленно обнаружилась въ движеніи стремительномъ и гибельномъ для католичества. Вредъ, который потерпѣло католичество отъ Чеховъ, неисчислимъ: никогда съ тѣхъ поръ не могло уже оно оправиться, и лютеранство, съ своими многочисленными подраздѣленіями, легко побѣдило его и довершило совершенное разрушеніе его, какъ всемірно-исторической силы. Вѣроисповѣдное Чешское движеніе показало возможность существованія религіозной формы, враждебной католичеству, и, притомъ, не робко, не тихомолкомъ, но смѣло, рѣшительно, въ глазахъ католичества: оно состязалось съ представителями католичества на полѣ догматики, и не было побѣждено; оно разрушило свѣтскую власть церкви и показало совершенное безсиліе папскихъ проклятій и отлученій отъ церкви. И прежде ключи церкви терпѣли ущербъ, но то было отъ одного лица, а не отъ цѣлаго народа. Но въ торжествѣ Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія надъ католичествомъ видимъ еще торжество всего человѣчества надъ притязаніями нѣсколькихъ его членовъ, присвоившихъ себѣ право управлять имъ и угнетать его,—торжество религіозной и умственной свободы надъ авторитетомъ». Относительно первой части изслѣдованія можно замѣтить, что вопросъ объ ересяхъ, наводнявшихъ западную Европу въ концѣ XIII и въ началѣ XIV столѣтія, о характеристическихъ ихъ особенностяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ,—еще далеко не разработанъ окончательно, что подтверждается добросовѣстною статьею Палацкаго «Über die Beziehungen und

das Verhältniss der Waldenser zu den ehemaligen Secten in Böhmen» (Prag, 1869).

Во второй части труда Клеванова изложена дѣятельность Гуса и очеркъ Гуситскаго движенія до самой Бѣлогорской битвы, въ 1620 году. Послѣ сочиненія г. Новикова изслѣдованіе автора о Гусѣ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, а очеркъ религіознаго движенія послѣ Гуса весьма кратокъ и составленъ по Палацкому и другимъ давно уже извѣстнымъ источникамъ. Да и самъ авторъ сознаетъ нѣкоторую необработанность этой части своего сочиненія.

Во всякомъ случаѣ, трудъ Клеванова, основанный на самостоятельномъ изученіи источниковъ, какими только могъ располагать Русскій ученый сороковыхъ годовъ, составляетъ серьезное пріобрѣтеніе нашей бѣдной литературы по части Чешской исторіи и, вѣроятно, послужитъ полезнымъ пособіемъ для всякого, кто употребитъ свои силы на разъясненіе до сихъ поръ еще далеко не вполнѣ разработаннаго и въ высшей степени интереснаго вопроса о Гуситскомъ движеніи.

Ю. А

III.

О литературномъ единствѣ народовъ Славянскаго племени [1])

Мысль о духовномъ единствѣ народовъ Славянскаго племени, какъ отраженіи и результатѣ ихъ сродства физическаго, возникла не со вчерашняго дня. Она имѣетъ уже за собою тысячелѣтнія преданія. Первыми ея апостолами были св. Кириллъ философъ и его братъ св. Меѳодій. Внѣшнею формою выраженія этой геніальной ихъ мысли было единство литературнаго языка для всѣхъ Славянскихъ народностей.

Тѣмъ-то, главнымъ образомъ, и отличалась христіанская проповѣдь Солунскихъ братьевъ отъ проповѣди многочисленныхъ другихъ миссіонеровъ, что вмѣстѣ съ евангеліемъ они принесли Славянамъ и другой великій даръ,—народный литературный языкъ и, притомъ, языкъ столь совершенный по своимъ формамъ, столь богатый по лексикальному содержанію и столь доступный пониманію и чувству всѣхъ вѣтвей Славянскаго племени, что безъ борьбы и безъ сопротивленія онъ сразу занялъ почетное положеніе все-Славянскаго литературнаго языка. Родившись въ под-Балканьи, онъ распространился за Карпаты и подъ Альпами и господствовалъ одно время въ богослуженіи и письменности у всѣхъ принявшихъ христіанство Славянъ, отъ Вислы и Лабы до Дрина и Марицы, Днѣпра и Волхова.

Что же сталось потомъ съ геніальною мыслью апостоловъ Славянства о возможности и необходимости литературнаго единства народовъ Славян-

[1]) Рѣчь, читанная въ торжественномъ засѣданіи Петербургскаго Отдѣла Славянскаго Благотворительнаго Комитета, 11 мая 1875 года.

скаго племени? Какая судьба постигла потомъ этотъ первый все-Славянскій литературный языкъ?

Нѣкоторые думаютъ, что погибли уже безвозвратно и та мысль, и тотъ языкъ; но болѣе внимательное изученіе нашего прошлаго и настоящаго можетъ привести къ убѣжденію, что, напротивъ, брошенное тогда сѣмя не пропало, выраженная мысль не исчезла, разъ уже созданный все-Славянскій языкъ никогда не умиралъ и существуетъ до настоящаго времени, хотя и не всѣми узнаваемый и признаваемый. Многіе не узнаютъ стараго все-Славянскаго языка въ новомъ его видѣ потому, что люди часто смѣшиваютъ форму съ содержаніемъ, существенное со второстепеннымъ, не узнаютъ въ старикѣ прежняго юношу, а въ сынѣ не хотятъ признать родовыхъ чертъ и родовыхъ правъ отца.

Все-Славянскій языкъ не умеръ, а лишь измѣнился отъ времени и разныхъ вліяній. Онъ сталъ старъ и дряхлъ, хотя и въ старости не потерялъ своего прежняго величія. Но рядомъ съ нимъ — его первородный сынъ, преемникъ его силы и славы, наслѣдникъ его царственныхъ правъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не трудно доказать, что изъ всѣхъ существующихъ теперь Славянскихъ литературныхъ языковъ, лишь одинъ Рускій развился на почвѣ старо или церковно-Славянскаго языка, наслѣдовалъ всѣ его преданія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и всѣ его права.

Долгое время нарѣчія Болгарское и Сербское тоже развивались подъ вліяніемъ этого литературнаго старѣйшины Славянъ. Но, потомъ, они порвали эти вѣковыя связи и «пошли въ страну далече». Одинъ Рускій народъ остался вѣрнымъ хранителемъ преданій Славянскаго прошлаго не только въ области церковной, но и въ литературной, и тѣмъ стяжалъ своему литературному языку историческое право на званіе «все-Славянскаго».

Какое же положеніе по отношенію къ языку все-Славянскому древнему и его наслѣднику—новому занимали и занимаютъ другіе, такъ называемые, литературные Славянскіе языки? Разъ потерявши живую связь съ литературнымъ центромъ Славянства, они уже были не въ состояніи собраться всѣ во-едино и выработать изъ своей среды новый общій литературный органъ. По необходимости, они должны были обращаться къ чужимъ литературнымъ языкамъ: Латинскому, Нѣмецкому, Итальянскому, даже Мадьярскому и приносить лучшія свои силы въ жертву чужимъ литературамъ и народамъ. По временамъ, то одинъ, то другой изъ этихъ провинціальныхъ литературныхъ Славянскихъ языковъ достигалъ извѣстной силы и распространенности, но никогда они не могли обезпечить за собою ни разъ занятой территоріи, ни непрерывности своего развитія. Такъ, напр., въ 15 и 16 ст. языки: Сербо-Далматинскій, Чешскій и Польскій поднялись довольно высоко, но въ 17 и 18 ст. пали съ этой высоты и до сихъ поръ не успѣли уже до нея опять подняться. Съ другой стороны, число этихъ литературныхъ языковъ все болѣе размножалось. Отъ Чешскаго отдѣлился и образовалъ отдѣльную «литературу» «языкъ» Угро-Словен-

скій или Словацкій, отъ Верхне-Лужицкаго откололся Нижне-Лужицкій, отъ Польскаго—Кашубскій. Такимъ образомъ, въ настоящую пору существуетъ, рядомъ съ языкомъ все-Славянскимъ или Русскимъ, еще девять (тоже называемыхъ литературными) Славянскихъ языковъ, изъ которыхъ самый обширный, Польскій, имѣетъ за собою народонаселенія до 9 мил., т. е. менѣе шестой доли противъ численной силы языка Русскаго (свыше 61 мил., не считая 10—15 мил. инородцевъ, употребляющихъ въ литературѣ Русскій языкъ). Изъ всѣхъ другихъ «литературныхъ Славянскихъ языковъ» ни одинъ не представляетъ за собою и 6 мил. населенія. Напримѣръ, Сербо-Хорватскій языкъ имѣетъ населенія въ круглыхъ числахъ 5.940,000; Болгарскій—5.123,000; Чешскій—4.851,000; Словацкій—2.223,000; Словенскій—1.287,000; Кашубскій — 111,000; языкъ Верхне-Лужицкихъ Сербовъ — 96,000; языкъ Нижне-Лужицкихъ Сербовъ—40,000 [1]).

Такимъ образомъ, совокупная сила всѣхъ этихъ девяти «литературныхъ языковъ» не достигаетъ и 30 милліоновъ населенія, т. е. такой цифры, которая можетъ считаться въ наше время едва достаточною для достойнаго поддержанія одного и, притомъ, не первостепеннаго литературнаго языка, каковъ, напримѣръ, Итальянскій, тогда какъ численная сила языковъ міровыхъ, каковы: Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Русскій значительно превосходитъ эту цифру. Относительная сила исчисленныхъ девяти Славянскихъ quasi-литературныхъ языковъ представится еще болѣе въ невыгодномъ свѣтѣ, если припомнить, что значительная часть интеллигенціи тѣхъ народностей пишетъ, учитъ, судитъ и управляетъ на чужихъ языкахъ: Нѣмецкомъ, Итальянскомъ, Мадьярскомъ, Турецкомъ, Румынскомъ, Греческомъ и т. д.

Спрашиваемъ теперь: можетъ ли удержаться въ будущемъ подобное дробленіе языковъ и литературъ Славянскихъ, а если не можетъ, то какой возможенъ выходъ изъ этого положенія?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современное положеніе и отношенія Славянскихъ мелкихъ литературныхъ языковъ не могутъ упрочиться на болѣе или менѣе продолжительное время. Все живое должно жить, т. е. бороться и измѣняться, примѣняясь къ новымъ обстоятельствамъ. Борьба же тутъ предстоитъ двоякая: внѣшняя—съ языками инородными, и внутренняя—съ языками и нарѣчіями родственными. О конечномъ исходѣ этой двойной борьбы не можетъ быть сомнѣнія, если вспомнить уроки прошлаго и всмотрѣться въ настоящее. Еслибы даже на мѣстѣ девяти западно-Славянскихъ языковъ воцарился какой нибудь одинъ изъ нихъ и тѣмъ нравственно связалъ бы силы тѣхъ народностей, то и тогда борьба съ тремя большими сосѣдними языками: Нѣмецкимъ, Итальянскимъ и Русскимъ была бы довольно затруднительна и опасна. Но, при настоящей раздробленности этихъ языковъ и литературъ, борьба становится не то что опасною, а просто безнадежною.

[1]) «Статистическія таблицы распредѣленія Славянъ», изданныя Спб. Отд. Славянскаго Благотворительнаго Комитета. Спб. 1875 г.

[illegible] силъ большихъ надъ малыми облегчится въ данномъ случаѣ [illegible] тѣмъ, что между послѣдними нѣтъ и быть не можетъ единенія. Рядомъ [illegible] внѣшнею и, можетъ быть, еще съ бóльшимъ ожесточеніемъ со[illegible]ется тамъ борьба внутренняя:. нарѣчій Сербскаго съ Болгарскимъ, Угро-Словенскаго съ Чешскимъ, Польскаго съ Русскимъ и т. д. При [illegible]ныхъ отношеніяхъ можно быть увѣреннымъ, что дробленіе Славянскихъ нарѣчій еще не закончилось, а будетъ продолжаться: нарѣчіе Македонское неохотно подчиняется Болгарскому и можетъ отъ него отколоться; Загребскіе Кайкавцы все чаще начинаютъ заговаривать противъ Сербской Штокавщины; Словенскіе Доленцы и Штаерцы неохотно переносятъ литературную гегемонію Горенцевъ; на почвѣ Угро-Словенскаго нарѣчія столько есть различій діалектическихъ, ступеней, сближающихъ это нарѣчіе то съ Чешскимъ, то съ Польскимъ, то съ Русскимъ, что нѣтъ ничего невозможнаго въ возобновленіи тѣхъ споровъ между говорами, которые съ конца прошлаго вѣка велись тутъ за преобладаніе въ литературѣ. Нѣтъ ничего невозможнаго и въ томъ, что, при нѣкоторыхъ усиліяхъ враговъ Славянства, нарѣчіе Моравское отдѣлилось бы отъ Чешскаго, а Мазовецкое отъ Малопольскаго, какъ это случилось уже съ Лужичанами и Кашубами. Тогда вмѣсто одной оказалось бы уже двѣ дюжины Славянскихъ литературныхъ языковъ, съ которыми справиться, конечно, было бы вдвое легче, хотя и съ теперешними борьба не была бы особенно продолжительна и упорна. Если можно гадать о будущемъ по прошедшему, то не трудно предвидѣть, что первыми пали бы въ этой борьбѣ нарѣчія западно-Славянскія: Сербо-Лужицкія, Кашубское, Чешское, Польское, Угро-Словенское, а затѣмъ уже, очередь дошла бы и до нарѣчій Славянскаго юга: Хорутано-Словенскаго, Сербо-Хорватскаго, Македоно-Болгарскаго.

Что касается языка Русскаго, то его будущность достаточно обезпечена уже и теперь многочисленностью населенія, обширностью территоріи, силою Русскаго государства, наконецъ, тысячелѣтнею давностью нашего литературнаго языка, наслѣдника благословеній апостоловъ Славянства.

Итакъ, Русскій языкъ, по своей исторіи, по своему характеру и положенію, имѣетъ мало общаго со всѣми другими литературными языками Славянъ. Эти должны еще бороться за свое признаніе, должны бояться за свое существованіе; языкъ же Русскій и въ теперешнемъ своемъ положеніи не боится уже никакой борьбы, никакихъ случайностей. По своей силѣ внутренней и внѣшней, онъ вровень всякому другому міровому литературному языку. Вопросъ литературнаго единенія Славянъ есть для него вопросъ, пожалуй, силы и развитія, но не—существованія. Правда, что литературный языкъ 90 милліоновъ Славянъ былъ бы еще могущественнѣе, еще непобѣдимѣе, но и 60 милліоновъ молодого, смѣлаго, духовно-сплоченнаго и даровитаго народа уже достаточны для обезпеченія своему языку роли языка всемірнаго.

При всей разрозненности Славянъ и страшной ревнивости къ своей отдѣльности и независимости, даже въ самыхъ мелкихъ народныхъ груп-

пахъ, все-таки не скрылось отъ сознанія лучшихъ ихъ умовъ, что единственнымъ условіемъ спасенія малыхъ Славянскихъ нарѣчій остается ихъ соединеніе въ большія литературныя группы, собраніе силъ, общность дѣйствій въ духовно-нравственномъ мірѣ. Къ этому всегда стремился, хотя безсознательно, и самъ народъ, стараясь расширить свой языкъ на возможно бо́льшое число сосѣдей и соплеменниковъ. Иногда это и удавалось разнымъ нарѣчіямъ, напр.: Чешскому въ 15, а Польскому въ 16 в. изъ которыхъ первый распространился было по Силезіи, Лужицамъ, сѣверной Угорщинѣ, а второй—по значительной части Литвы и западной Руси.

Сознаніе Славянами своей слабости и необходимости литературнаго единенія съ соплеменниками довольно ясно выражается и въ наши дни, и выражается не на словахъ только, но и на дѣлѣ, въ тѣхъ, напр., усиліяхъ, какія употребляетъ Сербія для распространенія своего языка между Болгарами, а Польша—въ Галиціи, между Русскими. Чехи до сихъ поръ не могутъ примириться съ фактомъ, что Словаки отвергли у себя гегемонію Чешскаго языка и возвели въ литературный органъ свой собственный діалектъ. Еще живѣе и энергичнѣе выражается потребность литературнаго единенія съ сосѣдями у Мадьяръ,—народа, по происхожденію, не Славянскаго, но связаннаго со Славянствомъ всѣмъ своимъ прошлымъ, быть можетъ, и будущимъ. Мадьяры являются большими поборниками мысли о необходимости одного литературнаго и административнаго языка по всей долинѣ средняго Дуная. Мысль эта, въ сущности, очень вѣрна и плодотворна; ошибка заключается лишь въ томъ, что Мадьяры не угадали, какой изъ живыхъ языковъ имѣетъ шансы объединить собою разноязычное населеніе средняго Дуная. Еслибъ они основательнѣе углубились въ этнографическую статистику того края, то не трудно было бы убѣдиться въ томъ, что не Мадьярскій, а Славянскій языкъ долженъ господствовать въ международныхъ отношеніяхъ Угорщины и, притомъ, не какой нибудь изъ Славянскихъ діалектовъ, а все-Славянскій дипломатическій и общелитературный языкъ.

Такимъ образомъ, въ жизни почти всегда и вездѣ чувствовалась безпомощность Славянъ, литературно разрозненныхъ, и существовали попытки къ собранію мелкихъ народностей въ большія литературныя группы. Но эти попытки обыкновенно не удавались, главнымъ образомъ по отсутствію въ средѣ тѣхъ народностей центра достаточно сильнаго и равно возвышеннаго надъ всѣми своими соперниками.

Нѣкоторые предполагали, что возможно привести все современное разнообразіе литературныхъ органовъ Славянства къ четыремъ главнымъ типамъ: Сербскому, Чешскому, Польскому и Русскому. При этомъ имѣлось въ виду, что Сербскій языкъ восторжествуетъ надъ всѣми остальными южными, т. е. надъ Болгарскимъ и Хорутанскимъ, а Чешскій съ Польскимъ вытѣснятъ всѣ другіе западно-Славянскіе, т. е. Чешскій возсоединитъ съ собою Угро-Словенскій и Сербо-Лужицкіе, а Польскій—Кашубскій. Прошло 40 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ была формулирована Колларомъ въ его блистательной статьѣ: «О литературной взаимности Славянъ» —

мысль о четырехъ главныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, а между тѣмъ, неглавные не только не признали этого четырехглаваго идола, но даже относятся къ нему довольно иронически, восклицая: «выдыбай Боже»! Съ другой стороны, между народностями привиллегированными или главными, по прежнему, по пальцамъ можно перечесть интеллигентныхъ людей, которые, даже усвоивши себѣ взгляды Колара о литературной взаимности Славянъ, овладѣли бы, хоть въ нѣкоторой степени, не то что четырьмя, а, по крайности, двумя Славянскими нарѣчіями. Опытъ двухъ Славянскихъ съѣздовъ: Пражскаго 1848 г. и Московскаго 1867 г. доказалъ, что Славяне лишь одни тосты могутъ провозглашать каждый на своемъ языкѣ, не рискуя вызвать странныхъ недоразумѣній; при взаимномъ же обсужденіи вопросовъ, хоть нѣсколько серьезныхъ, они должны были уже прибѣгать къ посредству чужихъ языковъ: Французскаго и въ особенности Нѣмецкаго. Да это иначе и быть не можетъ. Серьезный разговоръ не можетъ вестись намеками. Онъ требуетъ опредѣленныхъ терминовъ, формулъ, слѣд. одного опредѣленнаго языка. Самъ Коларъ сознаетъ, что исторія знаетъ лишь одинъ примѣръ подобной, проэктированной имъ для Славянъ, формы литературной взаимности: это—древняя Греція до утвержденія въ ней общаго языка: кини (ἡ κοινὴ т. е. γλῶσσα). Но уже самый тотъ фактъ, что, съ большимъ развитіемъ жизни политической, общественной, торговой и литературной, Греческіе діалекты постепенно были забыты и смѣнились этимъ общимъ языкомъ кини, на которомъ писалъ Аристотель, управлялъ Александръ Македонскій и проповѣдовалось евангеліе: уже этотъ фактъ уничтожаетъ силу этого единственнаго прецедента для теоріи Колара и очень многихъ его послѣдователей между Чехами, Сербами и, отчасти, Поляками. Впрочемъ, нельзя и предположить, чтобы Греція, развитіе которой шло такъ правильно, составляла въ этомъ отношеніи какое нибудь исключеніе въ исторіи; напротивъ, при болѣе внимательномъ сравненіи окажется полное сходство въ развитіи литературнаго языка обще-Греческаго съ обще-Итальянскимъ, обще-Нѣмецкимъ, обще-Французскимъ, обще-Англійскимъ и т. д. Всѣ эти народности пережили періодъ литературной разрозненности прежде, чѣмъ успѣли достичь литературнаго единства. Аристотель совершенно подходитъ подъ аналогію Данте и Лютера въ исторіи развитія литературныхъ языковъ Итальянскаго и Нѣмецкаго. Всюду разрозненность предшествовала объединенію. Это законъ историческаго развитія народовъ, которому волею или неволею должны подчиниться и Славяне; кто же вступитъ въ борьбу съ необходимымъ, тотъ скорѣе самъ погибнетъ, чѣмъ побѣдитъ роковое жизни.

Сознаніе этой нужды не только во взаимности, но и въ литературномъ единеніи Славянъ, появлялось по временамъ и между Славянами. Св. Кириллъ и Меѳодій дали даже выраженіе этому сознанію, осуществили идею литературнаго единства Славянскаго племени; но, какъ мы видѣли, идея эта отдалилась впослѣдствіи отъ сознанія многихъ, и цѣлые вѣка блужданій по распутіямъ исторіи нужны были для того, чтобы она снова была постигнута, разработана и осуществлена.

Первымъ по времени воскресителемъ этой идеи на Славянскомъ западѣ былъ Хорватскій католическій священникъ Юрій Крижаничъ, пришедшій въ Россію проповѣдывать панславизмъ, сосланный, потомъ, въ Сибирь и въ Тобольскѣ написавшій (въ 1666 г.) грамматику сочиненнаго имъ все-Славянскаго языка. Сочинилъ же онъ этотъ языкъ изъ комбинаціи словъ и формъ языковъ Русскаго и Хорватскаго. Но эта грамматика до послѣдняго времени оставалась въ рукописи и не имѣла никакого вліянія на послѣдовавшія поколѣнія. Лѣтъ 160 спустя, подобная же идея возродилась, безъ сомнѣнія, совершенно независимо, въ головѣ Словацкаго ученаго Геркеля (Herkel) и изложена въ грамматикѣ же все-Славянскаго языка (изд. 1826 г. въ Пештѣ), сочиненнаго имъ на основѣ родного ему нарѣчія Угро-Словенскаго. Третій подобный опытъ искусственнаго образованія все-Славяскаго языка былъ предпринятъ въ недавнее время Словенцемъ Матіемъ Маяромъ. Онъ не только издалъ грамматику предположеннаго имъ новаго языка (въ 1863 г.), но даже пытается распространить его путемъ изданія газеты на этомъ языкѣ (въ Цѣловцѣ: «Славянинъ»). Основою все-Славянскаго языка у него является нарѣчіе Хорутано-Словенское, расширенное словами и формами изъ многихъ другихъ Славянскихъ нарѣчій.

Но всѣ эти попытки создать новый литературный языкъ прошли безслѣдно въ сознаніи тѣхъ поколѣній, при которыхъ онѣ были произведены. Пророки остались безъ послѣдователей. И мы, потомки тѣхъ поколѣній, можемъ хвалить патріотизмъ и Славянское чувство этихъ пророковъ, но не можемъ не сожалѣть о трудѣ, безплодно потраченномъ на невозможную подѣлку подъ произведенія природы произведенія столь сложныя и высокія, какъ языкъ. И въ данномъ случаѣ опытъ всемірной исторіи можетъ научить, что литературные языки не сочиняются грамматистами, а создаются народами, и создаются не путемъ искусственнаго подбора элементовъ разныхъ діалектовъ, а путемъ побѣды одного изъ нихъ надъ другими въ борьбѣ за существованіе. Такъ, языкъ Лаціума и города Рима восторжествовалъ нѣкогда надъ всѣми другими діалектами древней Италіи, а нарѣчіе Тосканское—надъ діалектами Италіи новой; такъ, нарѣчіе Ильде-франса и Парижа воцарилось на литературномъ престолѣ Франціи, а нарѣчіе Саксонское—въ Германіи. Такъ, и старый все-Славянскій языкъ былъ нарѣчіемъ опредѣленной мѣстности (вѣроятно, Македоніи), прежде чѣмъ покорилъ себѣ всѣ другія Славянскія нарѣчія. Съ теченіемъ времени, литературный языкъ, конечно, принимаетъ въ себя много элементовъ изъ всѣхъ другихъ нарѣчій, для которыхъ онъ сталъ общимъ органомъ; но это не мѣшаетъ утверждать, что всякій литературный языкъ былъ прежде діалектомъ опредѣленной мѣстности и ни одинъ не возникъ чисто теоретически изъ головы какого-нибудь грамматиста. Итакъ, оставимъ въ сторонѣ мысль о сочиненіи новаго все-Славянскаго языка и обратимся къ мнѣніямъ и попыткамъ возвести въ это званіе одинъ изъ существующихъ теперь живыхъ Славянскихъ языковъ.

Между западными Славянскими учеными всѣхъ ранѣе высказалъ эту

мысль великій лексикографъ Чехіи, Іосифъ Юнгманъ. Въ изданныхъ недавно [1]) его запискахъ, относимыхъ къ 1845 г., есть цѣлая статейка: «О всеСлавянскомъ литературномъ языкѣ». Тутъ онъ говоритъ: «Старшіе сосѣди наши — Нѣмцы могли бы служить намъ примѣромъ въ важнѣйшихъ предметахъ народности, въ наукахъ и искусствахъ. Основы обѣихъ народностей (Нѣмецкой и Славянской) чрезвычайно сходны. Сѣверо-западная вѣтвь народа Нѣмецкаго столь же отлична отъ юго-восточной, какъ вѣтвь Славянъ сѣверо-восточная—отъ западной. Но съ какою разницею? У тѣхъ (Нѣмцевъ) одно нарѣчіе Верхне-Саксонское господствуетъ, какъ литературный языкъ, во всѣхъ частяхъ ихъ земли, хотя другія нарѣчія донынѣ имѣютъ свое употребленіе въ жизни, между народомъ. Нѣмецъ благоразумно разсуждаетъ: «если я пишу по-Саксонски, все же я пишу по-Нѣмецки; говорю же дома, какъ желаю и какъ знаю». Не такъ разсуждаетъ Славянинъ. Полякъ говоритъ: «если я стану писать по-Русски, то перестану быть Полякомъ»—и такъ каждый держится своего. У Нѣмцевъ различіе вѣроисповѣдное нисколько не мѣшаетъ единству языка и литературы; у Славянъ же разность вѣры создастъ непроходимыя границы между родными братьями. Нѣмцы, имѣя одну Латинскую азбуку, хотя и очень недостаточную для ихъ языка и очень несовершенную, стремясь къ единству, успакаиваются на ней и не выдѣлываютъ изъ нея разныхъ диковинокъ. Славяне же, раздѣленные на двѣ большія части и азбукою то Греческою, то Латинскою, имѣя, вдобавокъ, различное правописаніе, какъ напримѣръ, Русское и Сербское, Польское и Чешское и т. д., постоянно идутъ врозь, чуждаются другъ друга».

«Нѣсколько пробужденная въ новѣйшее время взаимность Славянскихъ литературъ есть лишь слабое и очень блѣдное отраженіе единства Нѣмецкаго. Во сколько было бы лучше, по примѣру Нѣмцевъ, употреблять, какъ литературный языкъ, какое нибудь одно нарѣчіе, которое другими нарѣчіями обогащалось и облагороживалось бы вѣчно и безмѣрно!

«Такова была мысль и желаніе, высказанныя мною еще въ предисловіи къ первому изданію «Потеряннаго рая»...

....«Я думаю, что если у Нѣмцевъ, при единствѣ литературы и письменнаго языка, могли сохраниться особыя правительства въ отдѣльныхъ частяхъ, какъ, напримѣръ, Прусское, Австрійское, Баварское, Виртенбергское и т. п., отчего бы и у Славянъ, при употребленіи одного литературнаго языка, не могли сохраняться рядомъ различныя политическія группы: Русскихъ, Сербовъ, Славянъ Прусскихъ, Турецкихъ и т. д.? Пугало панславизма, котораго боятся, или притворяются, будто боятся наши непріятели, есть измышленіе своекорыстія и ненависти, и, притомъ, ненависти неразумной и слѣпой, которая восторгается своимъ пангерманизмомъ, а намъ не желаетъ чего нибудь лишь нѣсколько это напоминающаго и, притомъ, не стыдится публично разглашать

[1]) «Часописъ Чешскаго Музея». 1871 г., № 3.

свой злой умыселъ—держать насъ въ вѣчномъ раздѣленіи и порабощеніи».

«Я—искренній и любящій свою народность Чехъ, но я готовъ и Чешскій языкъ принести въ жертву все-Славянскому литературному языку, убѣжденный, что мы, при употребленіи того, либо другого изъ Славянскихъ нарѣчій, все-таки останемся Славянами. О, еслибы люди вліятельные примирились съ этой мыслью и пожелали намъ того, къ чему мы призваны самою природою!»

Всѣмъ Славянскимъ сепаратистамъ нужно почаще прочитывать эти золотыя строки, вышедшія изъ-подъ пера одного изъ великихъ дѣятелей Славянской науки. Если соглашался пожертвовать Чешскимъ языкомъ въ пользу все-Славянскаго самъ Юнгманъ, возродитель и законодатель этого самаго Чешскаго языка, изслѣдованію и обработкѣ котораго онъ посвятилъ всю свою трудовую жизнь, то какое же имѣютъ право ставить выше Славянства этотъ самый Чешскій языкъ тѣ, которые не сдѣлали для него и тысячной доли того, что̀ сдѣлалъ для него Юнгманъ?

Но возникаетъ вопросъ: какое же изъ Славянскихъ нарѣчій имѣлъ въ виду Юнгманъ, какъ достойное роли литературнаго все-Славянскаго языка? Едва ли мы ошибемся, предположивъ, что онъ при этомъ, имѣлъ въ виду языкъ Русскій, который онъ косвенно совѣтовалъ принять и Полякамъ; но обстоятельства не позволили ему сказать это во всеуслышаніе. Въ Австріи такая мысль считалась бы чуть не государственною измѣною. Одного подозрѣнія въ этомъ было достаточно для того, чтобы предать этого же Юнгмана надзору тайной полиціи, который, изъ-за вышеупомянутаго предисловія къ его переводу «Потеряннаго рая» [1], тяготѣлъ надъ нимъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Вотъ, между прочимъ, главная причина и того, что мы не знаемъ положительныхъ отзывовъ объ этомъ предметѣ ни Ганки, ни Челяковскаго, ни Ербена, хотя не сомнѣваемся, что они довольно ясно должны были сознавать потребности времени, направленіе Славянской исторіи и жизни въ этомъ отношеніи. Быть можетъ, въ оставленныхъ ими запискахъ найдется, со временемъ, нѣсколько откровенныхъ по этому предмету изліяній, какъ это случилось съ Юнгманомъ. Что вопросъ этотъ давно уже занималъ лучшіе умы западнаго Славянства, видно, между прочимъ, изъ напечатаннаго недавно въ «Часописи Чешскаго Музея» (1874 г.) письма Шафарика къ Колару [1 марта 1826 г.], гдѣ читаемъ: «Не перомъ уже, а мечемъ разрѣшится вопросъ о томъ, которое изъ Славянскихъ нарѣчій и азбукъ

[1]) Приводимъ это знаменитое мѣсто, по цитатѣ изъ сочненія Зеленаго: «Животъ Іосифа Юнгмана» (Прага, 1873, стр. 45—46). «Не требуй, любезный патріотъ, чтобы возвышенная поэма была опозорена обыденнымъ языкомъ; какъ Славянинъ, привыкай лучше къ хорошей Славянщинѣ (въ языкѣ), и съ людьми разсудительными раздѣляй стремленіе, чтобы и мы — Чехи постепенно шли на встрѣчу всеобщему литературному Славянскому языку». Эти строки писаны въ 1810 г.

будетъ все-Славянскимъ; потоки крови выроютъ черты буквъ тамъ, гдѣ ихъ наиболѣе потечетъ; тамъ-то и возникнутъ языкъ и азбука все-Славянскіе».

Если вопросъ этотъ кладется на остріе меча, то и тогда онъ не представляется очень труднымъ къ разрѣшенію.... Но думаемъ, что Шафарикъ разумѣлъ тутъ мечъ не въ физическомъ лишь, но и въ нравственномъ смыслѣ, и въ этомъ отношеніи онъ былъ совершенно правъ. Да, мечемъ, т. е. борьбою рѣшится этотъ вопросъ; побѣдить же можетъ тутъ, какъ и всюду, лишь сила и, притомъ, сила сознательная, самообладающая и великодушная, сила разрушительная въ рядахъ вражескихъ, но зиждущая въ своемъ или въ примирившемся съ нею.

Никто изъ приверженцевъ мысли о Славянскомъ единствѣ въ области литературной не формулировалъ ея столь ясно и опредѣлительно, какъ знаменитый Словацкій патріотъ и писатель Людевитъ Штуръ. Въ его посмертномъ сочиненіи: «Славянство и міръ будущаго» (посланіе Славянамъ съ береговъ Дуная) мы читаемъ слѣдующее: «Славяне должны приготовляться къ единству литературнаго языка, ибо кто не видитъ, что множество литературъ препятствуетъ взаимному пониманію, развитію духа и общей согласной дѣятельности? У Славянъ много разныхъ литературъ, но, по своей малости, онѣ не могутъ отвѣчать великимъ требованіямъ человѣческаго развитія, особенно, когда Славяне все болѣе и болѣе будутъ выступать на всемірно-историческое поприще. Въ сравненіи съ западными литературами: Нѣмецкою, Французскою, Англійскою всѣ эти литературы, за исключеніемъ значительнѣйшей изъ нихъ—Русской, малы и слишкомъ недостаточны, не выключая и Чешской. Пока онѣ будутъ такъ раздроблены, имъ рѣшительно невозможно произвести что нибудь замѣчательное. Какое поощреніе для духа, какія средства, какое дѣйствіе могутъ имѣть эти отдѣльныя литературы съ своею маленькою областью, и далеко ли въ состояніи онѣ двинуть человѣческое развитіе?

«Литературная взаимность Славянъ похвальна и достойна всякаго уваженія, но это слабая помощь въ нуждѣ и никогда она не можетъ глубоко проникнуть въ жизнь всѣхъ племенъ.

«Славяне имѣютъ всѣ основанія обратиться къ одной литературѣ, и къ тому ихъ обязываютъ общечеловѣческія, политическія и историческія соображенія.

«О выборѣ этой литературы не можетъ быть никакого спора, если не хотятъ переливать изъ пустого въ порожнее. За исключеніемъ Русской, всѣ Славянскія литературы ограничены небольшими племенами и, слѣдовательно, небольшими областями. Такимъ образомъ, при вопросѣ объ обще-Славянскомъ литературномъ языкѣ можетъ быть выборъ только между древне-Славянскимъ и Русскимъ языкомъ. Но древне-Славянскій языкъ уже вышелъ изъ общежитія, почти мертвый, лишенъ гибкости и увлекательности живаго языка, а мы нуждаемся въ живомъ словѣ. Итакъ, остается только Русскій языкъ, какъ исключительно на то способный, ибо это языкъ величайшаго, единственно самобытнаго и на обширномъ простран-

ствѣ земли господствующаго Славянскаго племени, которому уже, и безъ того, по праву принадлежитъ главенство въ нашей племенной семьѣ. Сверхъ того, изъ всѣхъ Славянскихъ языковъ это—самый богатый, сильный и полнозвучный, запечатлѣнный могуществомъ; Сербскій языкъ по этимъ качествамъ занимаетъ вторую за нимъ ступень.

«Этимъ мы не хотимъ, однако, сказать, что, по принятіи Славянскаго обще-литературнаго языка, уже ничего не надобно писать на отдѣльныхъ нарѣчіяхъ и преимущественно, напр., поэтическихъ произведеній. Но намъ не надобно только оставаться при отдѣльныхъ нашихъ словесностяхъ. Что можетъ, напр., представить Датская литература сравнительно съ Нѣмецкой?

«Русская литература и потому еще заслуживаетъ предпочтенія для принятія за обще-Славянскую, что ея азбука вполнѣ и безъ всякихъ затрудненій передаетъ на письмѣ Славянскіе звуки, тогда какъ, напротивъ, другія Славянскія литературы, за исключеніемъ Сербской, съ трудомъ пользуются Латинскою азбукою.

«По самолюбію людскому, нельзя ожидать, чтобы наши племена добровольно рѣшились на этотъ объединительный шагъ, и, при нынѣшнемъ чужеземномъ господствѣ, никакимъ образомъ нельзя провести этой мѣры. Это великое дѣло рѣшится къ благу Славянства только подъ напоромъ важныхъ политическихъ событій. Между тѣмъ, полезно, пока, возбуждать этотъ вопросъ, говорить объ этомъ предметѣ и подготовлять къ тому умы» [1]).

Въ этихъ словахъ Штура, составляющихъ и его духовное завѣщаніе, такъ полно и ясно выражена мысль о необходимости литературнаго единенія Славянъ, какъ она никѣмъ до него не высказывалась со временъ Кирилла и Меѳодія. Хвала тебѣ, славный ихъ ученикъ! Удивительно! Австрійскій подданный, протестантъ, основатель Угро-Словенскаго языка, Штуръ, между тѣмъ, ратуетъ за Россію, православіе и Русскій литературный языкъ! Онъ умеръ преждевременно, бѣдный и полузабытый, не дождавшись совершенія своихъ геніальныхъ предчувствій; но имя его останется на вѣки связано съ идеею все-Славянства!

Какія же возраженія противопоставляются, въ данномъ случаѣ, Юнгману и Штуру? Послушаемъ мнѣніе Чешскаго исторіографа, а отчасти, и политическаго вождя, Франца Палацкаго.

«Все мы, Славяне, говоритъ онъ, тѣмъ охотнѣе будемъ учиться Русскому языку, чѣмъ болѣе поучительнаго и утѣшительнаго будетъ намъ представлять Русская литература; но изъ-за этого мы никогда не покинемъ и не пренебрежемъ своимъ собственнымъ языкомъ и литературою. Сны объ образованіи и распространеніи одного языка все-Славянскаго —суть сны и ничего болѣе. При всей неотрицаемости факта міровой центра-

[1]) «Чтенія въ Имп. Москов. Общ. Исторіи и Древностей Рос.» 1867, кн. I' стр. 188—190.

лизаціи, все-таки едва ли божеское провидѣніе стремится къ тому, чтобы людское поколѣніе погибло въ однообразіи» [1].

Итакъ, Палацкій считаетъ существованіе діалектовъ абсолютно несовмѣстимымъ съ существованіемъ рядомъ съ ними одного литературнаго языка. Отчего же, однако, Гурбанъ и Штуръ не отрицали возможности подобной совмѣстности существованія языковъ съ діалектами? Отчего діалекты языка Нѣмецкаго также отличны другъ отъ друга теперь, какъ во дни Лютера, а Итальянскіе остаются раздѣльными, какъ и при Данте, не смотря на строгую и продолжительную литературную централизацію Нѣмецкаго и Итальянскаго народовъ? Отчего, напр., Угро-Словенскіе діалекты не погибли во время двухвѣковаго господства надъ ними литературнаго языка Чешскаго? Почему въ области языка Польскаго говоры, напр., Кашубскій и Мазовецкій не только не подавлены многовѣковымъ надъ ними господствомъ говора Малопольскаго (какъ литературнаго языка всей Польши), но даже распространялись и теперь распространяются на его счетъ, какъ это можно доказать о говорѣ Мазовецкомъ!

А, между тѣмъ, когда, напр. Штуръ (а равно его ученики и единомышленники) говоритъ о языкѣ все-Славянскомъ, то онъ сейчасъ оговариваетъ: «этимъ мы не хотимъ сказать, что, по принятіи Славянскаго обще-литературнаго языка, уже ничего невозможно писать на отдѣльныхъ нарѣчіяхъ, и преимущественно, напр., поэтическихъ произведеній». Слѣдовательно, *литературнаго объединенія* Славянства возможно достичь и съ *сохраненіемъ правъ частныхъ нарѣчій* въ поэзіи, школахъ, семействахъ, въ отношеніяхъ общественныхъ и т. д. Литературный же языкъ господствовалъ бы въ другихъ областяхъ, въ высшей наукѣ и спеціальныхъ отдѣлахъ литературы, въ отношеніяхъ международныхъ, въ торговлѣ и т. д.

Поэтому, не понимаемъ, какъ можно человѣку искреннему и дальновидному ставить дилеммы, подобныя тѣмъ: «либо отказаться отъ все-Славянскаго литературнаго языка и остаться Чехомъ, Полякомъ, Сербомъ и т. п.; либо принять его и забыть свои мѣстные діалекты, утратить свою народность, обрусѣть».

Думаемъ, что гораздо справедливѣе будетъ другая дилемма, которую предложитъ не личная воля того или другаго «вытечника» (знаменитости), а *историческій фатумъ*: «либо *отказаться* отъ всякаго *общенія* со *все-Славянскимъ* литературнымъ языкомъ и потонуть въ какой-нибудь народности: Нѣмецкой, Мадьярской, Румунской, Итальянской, Турецкой, Греческой; либо примкнуть къ нему и въ великомъ Славянствѣ искать *спасеніе* для своего оскудѣвающаго *чехизма, полонизма, сербизма*» и т. д.

Другое возраженіе противъ правъ Русскаго языка на званіе все-Славянскаго было формулировано—не знаемъ, насколько искренно—извѣстнымъ славистомъ, профессоромъ Гатталою [2]. Онъ признаетъ необходимымъ воз-

---

[1]) Послѣсловіе къ его «Радгосту». 1872 г. Прага, стр. 54.

[2]) См. его статьи: «О все-Славянскомъ языкѣ и письмѣ». Чешскій ежемѣсячникъ «Освѣта», за 1872 и 73 г.

веденіе одного изъ существующихъ Славянскихъ нарѣчій на степень все-Славянскаго, но затрудняется, или притворяется затрудненнымъ въ выборѣ между десятью существующими Славянскими нарѣчіями. Русскій языкъ удовлетворяетъ многимъ его требованіямъ, но онъ считаетъ его недостаточно органически-построеннымъ, въ сравненіи, напр., съ нарѣчіями Сербо-Хорватскимъ и Угро-Словенскимъ. Не станемъ много распространяться теперь на счетъ основательности упрека, направленнаго противъ Русскаго языка. Быть можетъ, въ нѣкоторой непослѣдовательности построенія Русскаго литературнаго языка, какъ языка традиціоннаго, хранящаго въ себѣ слѣдъ работы многихъ поколѣній, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и наслоенія разныхъ временъ, и заключается одно изъ преимуществъ его предъ языками, такъ сказать, вчерашними (какъ ново-Сербскій и Угро-Словенскій). Но предположимъ, что упрекъ этотъ справедливъ, что Русскій языкъ, по своему теперешнему развитію, не вполнѣ отвѣчаетъ высокой роли языка все-Славянскаго. Но кто же считаетъ языкъ этотъ на вѣки неизмѣннымъ? Кто можетъ положить преграду дальнѣйшему его развитію? Развѣ въ будущемъ невозможны уже Карамзины, Пушкины и Гоголи? Развѣ не дѣлаютъ теперь успѣховъ Русская этнографія и лексикологія? Развѣ не выступаютъ со всѣхъ концовъ Россіи все новые и новые ученые и писатели, вносящіе въ ея литературный языкъ все новыя богатства и разнообразіе? Наконецъ, развѣ закрытъ этотъ языкъ для плодотворныхъ вліяній со стороны разныхъ Славянскихъ народностей? Извѣстно, сколько выигралъ и обогатился Польскій языкъ отъ того, что на немъ писали люди Русскаго происхожденія [1]), какъ, напр. Мицкевичъ, Словацкій, Залѣсскій, Гощинскій, Мальчевскій, Грабовскій, Одынецъ и др. Немало пріобрѣлъ и Чешскій языкъ отъ Словаковъ—Колара, Шафарика и др. Нѣтъ сомненія, что и Русскій языкъ сможетъ вмѣстить въ себя и претворить въ свою плоть и кровь тѣ элементы силы и красоты, которые внесутъ въ него, со временемъ, даровитые Славянскіе писатели происхожденія Сербскаго, Словенскаго, Польскаго и т. д.

Остается еще сказать два слова о тѣхъ практическихъ путяхъ, какими Русскій языкъ могъ бы завоевать подобающее ему положеніе въ ряду другихъ Славянскихъ языковъ. Въ сущности, нельзя не согласиться въ этомъ отношеніи съ Людевитомъ Штуромъ и Н. Я. Данилевскимъ [2]), которые ставятъ этотъ вопросъ въ тѣснѣйшую зависимость отъ грядущихъ политическихъ событій, считая объединеніе Славянъ внѣшнее болѣе легкимъ, слѣдовательно и скорѣе достижимымъ, чѣмъ объединеніе внутреннее, духовное, которое можетъ развиться лишь подъ условіемъ перваго. Не Аристотель, но Александръ Македонскій разнесъ Греческій языкъ по Азіи и Африкѣ; не Виргилій, а Юлій Цезарь утвердилъ языкъ Латинскій въ Галліи; Габсбурги и Гогенцоллерны въ новѣйшее время много стяжали заслугъ по распространенію между Нѣмцами языка Лютера. Но, съ другой

[1]) Русскими называемъ ихъ по мѣсту рожденія, а не по политическому ихъ направленію.

[2]) «Европа и Россія». Спб. 1871, стр. 456

стороны, нельзя отрицать, что литература и помимо государства представляетъ такую духовную силу, которая не останавливается предъ границами политическими и сама прокладаетъ себѣ путь въ среду не только родственныхъ, но и чуждыхъ народностей. Уже и теперь Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Тургеневъ, Толстой завоевали Русскому языку доступъ въ такія захолустья Славянскаго міра, въ которыхъ никогда еще не видали ни Русской пушки, ни Русскаго штыка.

Итакъ, наши великіе писатели должны быть первыми нашими піонерами при этомъ мирномъ, духовномъ сближеніи, единеніи между собою всѣхъ Славянскихъ народностей. Остальное совершится силою событій, одинаково властною надъ всѣми народами.

Подведемъ теперь итоги нашихъ разсужденій.

1) Первыми апостолами мысли о литературномъ единствѣ народовъ Славянскаго племени были просвѣтители Славянства Кириллъ и Меѳодій.

2) Эта мысль осуществлена была ими обработкою и распространеніемъ одного общаго языка между всѣми Славянами.

3) Русскій языкъ есть прямой наслѣдникъ преданій и правъ перваго все-Славянскаго языка.

4) Народности и нарѣчія, отдѣлившіяся отъ все-Славянскаго литературнаго языка, впали въ раздробленіе, все возрастающее, и безсиліе, по истинѣ, безнадежное.

5) Вопросъ все-Славянскаго литературнаго единства есть вопросъ силы для языка Русскаго, но для всѣхъ остальныхъ Славянскихъ нарѣчій и народностей это есть вопросъ существованія.

6) Во всѣхъ Славянскихъ племенахъ и во всѣ времена ихъ исторіи жило стремленіе къ литературному единенію съ соплеменниками и сосѣдями, но оно не достигало цѣли по слабости мѣстныхъ центровъ.

7) Мысль Колара о четырехъ литературныхъ центрахъ Славянства оказалась невозможною и несбыточною мечтою.

8) Такою же неудачею сопровождались дѣтскіе опыты составить искусственно все-Славянскій языкъ.

9) Возвращеніе къ мысли о принятіи одного изъ живыхъ Славянскихъ языковъ за все-Славянскій впервые формулировано Юнгманомъ, съ предположеніемъ, при этомъ, Русскаго языка.

10) Штуръ всесторонне разрѣшилъ въ теоріи этотъ вопросъ съ яснымъ опредѣленіемъ роли языка Русскаго въ кругу нарѣчій Славянскихъ.

11) Предположеніе Палацкаго и другихъ о несовмѣстимости языка обще литературнаго съ мѣстными нарѣчіями опровергается всѣми аналогіями настоящаго и прошлаго.

12) Русскому литературному языку предстоитъ еще огромное развитіе на основаніи матеріаловъ, какъ домашнихъ, такъ и ино-Славянскихъ.

13) Мысль апостоловъ Славянства, о возможности и необходимости литературнаго единенія Славянъ находитъ себѣ полнѣйшее оправданіе въ ихъ исторіи; она связана и съ самыми свѣтлыми надеждами Славянской будущности [1]).

Антонъ Будиловичъ.

Юго-Славянская [Загребская] Академія Наукъ въ 1875 году.

Въ XXXIII т. «Рада юго-Славянской Академіи» напечатанъ отчетъ, читанный секретаремъ академіи Матковичемъ въ торжественномъ засѣданіи ея 25 ноября 1875 г. Заимствуемъ изъ него нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности Загребскихъ ученыхъ и нѣкоторыхъ иногороднихъ членовъ Загребской Академіи Наукъ.

Проф. Ф. Миклошичъ сообщилъ интересное извѣстіе о православныхъ монастыряхъ на Фрушкой горѣ, въ Срѣмѣ,—извѣстіе, составленное въ 1772 году для тогдашняго намѣстническаго совѣта Далмаціи, Хорватіи и Славоніи. Въ немъ находится много данныхъ объ исторіи этихъ монастырей, ихъ рукописяхъ и т. п.

Предсѣдатель Академіи Ф. Рачкій составилъ жизнеописаніе покойнаго Далматинскаго ученаго Божидара Петрановича, съ оцѣнкою его 43-лѣтней литературной дѣятельности. Въ другой своей статьѣ: «Хорватія въ послѣднее десятилѣтіе ея полной самостоятельности» г. Рачкій рѣшаетъ нѣкоторые вопросы изъ древне-Хорватской исторіи и хронологіи. Тотъ-же академикъ издалъ въ «Трудахъ» и «Старинѣ» академіи нѣсколько важныхъ историческихъ памятниковъ, а именно: а) памятникъ временъ Хорватскаго короля Крешиміра II, важный для культурной исторіи Хорватовъ; б) письмо Сербскаго короля Стефана Первовѣнчаннаго къ папѣ Гонорію III, 1220 г., подтверждающее извѣстія Ѳомы Сплѣтскаго о вѣнчаніи Стефана вѣнцемъ, полученнымъ отъ папы Гонорія III; в) документы для разъясненія крестьянскаго бунта въ Хорватіи въ 1573 г., извлеченные изъ архивовъ Загребскаго, Люблянскаго и Градецкаго; г) переписка пограничныхъ Хорватскихъ властей съ Турецкими въ 16—18 в., на Хорватскомъ нарѣчіи, Босанскою кириллицею.

---

[1]) Въ Русской литературѣ существуетъ уже нѣсколько статей и замѣтокъ, посвященныхъ вопросу о все-Славянскомъ литературномъ языкѣ, напримѣръ: Гильфердинга, Ламанскаго, Данилевскаго, Н. Попова, Макушева и другихъ. Мы намѣренно нигдѣ на нихъ не ссылались, стараясь въ исторіи и жизни самихъ же западныхъ Славянъ подмѣтить разные фазисы развитія этой идеи, которая отъ нихъ требуетъ болѣе жертвъ, а поэтому, между ними должна преодолѣть болѣе затрудненій. Предполагать же противодѣйствіе этой идеѣ въ Русскихъ людяхъ, значитъ, сомнѣваться не то что въ ихъ патріотизмѣ, а просто—въ безпристрастіи, или историческомъ ихъ смыслѣ.

Академикъ Рачкій въ статьѣ: «О древнѣйшей Хорватской глаголической надписи въ церкви св. Люціи, близь Башки, на о. Керкѣ», представилъ почти полное чтеніе этого важнаго памятника, надъ объясненіемъ котораго двадцать лѣтъ трудились разные ученые. Оказывается, что этотъ памятникъ составленъ въ послѣднее десятилѣтіе XI, или въ началѣ XII в., слѣдовательно, это—самый древній свѣтскій памятникъ Хорватовъ.

А. Павичъ въ статьѣ: «О композиціи поэмы Гундулича «Османъ» доказываетъ, что Ив. Гундуличъ оставилъ послѣ себя двѣ эпическія поэмы: а) Poema de Vladislavi Polonorum principis in bello Turcicogestis (1621) и б) Osman. По смерти автора, эти двѣ пѣсни были сшиты, быть можетъ сыномъ его, въ одну теперешнюю Османиду и, притомъ, такъ, что между первою и второю пѣснями Османа вставлена передѣланная Владиславіада, что видно изъ самой композиціи теперешней поэмы, гдѣ пѣсни первая и шесть послѣднихъ составляютъ одно цѣлое, а пѣсни—вторая и тринадцатая представляютъ обширную вставку. Тотъ же авторъ написалъ статью о Мернавичѣ и Врanчичѣ и приготовилъ къ печати глаголическую рукопись XIV вѣка, принадлежавшую Роговскимъ бенедиктинцамъ и переписанную съ болѣе древняго списка, быть можетъ, XI вѣка. Проф. Л. Гейтлеръ составилъ статью: «Данныя для исторіи Славянскихъ свистящихъ и шипящихъ» (сичниковъ), гдѣ доказываетъ, что въ Славянскомъ языкѣ съ древнѣйшихъ временъ было стремленіе къ умноженію этихъ звуковъ, характеризующихъ Славянскій языкъ. М. Месичъ представилъ новыя данныя изъ корреспонденціи Керчелича. Матковичъ обработалъ орографію цѣпи горъ между Дравой и Савой въ Хорватіи и Славоніи. М. Брашничъ составилъ изслѣдованіе «О муниципіяхъ въ древне-Хорватскомъ государствѣ», какъ дополненіе къ его прежней работѣ: «О жупахъ въ Хорватскомъ государствѣ». И. Церничъ въ статьѣ: «Еще круглая глаголица на о. Керкѣ» сообщаетъ надпись на камнѣ въ домѣ Воларича, въ г. Керкѣ, которую, по палеографическимъ признакамъ, относитъ къ XI вѣку. И. Ткалчичъ сообщилъ два юридическіе памятника изъ XIV в., именно: «Судебныя записи въ г. Загребѣ 1359—60 г.» и «Списокъ домовъ и жителей, съ исчисленіемъ налоговъ одной части Загреба, 1368 г.». Онъ же представилъ изслѣдованіе о Хорватской борьбѣ за Анжуйскую династію противъ Угорскаго короля Андрея III Арпадовича. Ткалчичъ издалъ также одинъ памятникъ изъ Дубровницкаго архива: «Liber de introitibus stationum et territorii communis Ragusii (1286—91 г.)», важный для топографіи и финансовой исторіи древняго Дубровника.

Проф. Я. Гапель представилъ статью: «Народное развитіе наслѣдственнаго права у Русскихъ», гдѣ онъ развиваетъ взглядъ на начала и ходъ развитія Русскаго наслѣдственнаго права. Авторъ выражаетъ убѣжденіе, что народное древне-Русское право можетъ служить лучшимъ образцемъ чисто-Славянскаго права, неискаженнаго иностраннымъ вліяніемъ. Развитіе Русскаго права г. Ганель дѣлитъ на два періода: періодъ чисто народнаго Славянскаго права и періодъ иноземныхъ вліяній; на границѣ этихъ двухъ періодовъ стоитъ «Уложеніе царя Алексѣя Михайловича».

Въ 1875 г. Академія издала четыре тома «Трудовъ» (Rad) и 7-й томъ «Древностей» (Starine).

Кромѣ того, продолжалось изданіе «Старыхъ Хорватскихъ писателей»; въ седьмой книгѣ этого изданія помѣщены сочиненія Марина Держича.

Вскорѣ долженъ выйти 5 т. «Памятниковъ Венеціанскаго архива» приготовленныхъ къ изданію С. Любичемъ. Такимъ образомъ, будутъ исчерпаны памятники для юго-Славянской исторіи до 1409 года. Предположено, затѣмъ, издать общій указатель къ вышедшимъ пяти томамъ этого изданія.

Академикъ Рачкій редактировалъ II томъ изданія: «Vetera monumenta Slavorum meridionalium historiam illustrantia», составленный по матеріаламъ, извлеченнымъ изъ Ватиканскаго тайнаго архива покойнымъ А. Тейнеромъ. Въ этомъ томѣ матеріалы относятся къ тремъ послѣднимъ вѣкамъ (съ 1524 до начала XIX вѣка), съ приложеніемъ нѣкоторыхъ болѣе древнихъ (XIII—XIV в.).

Академія предприняла еще изданіе историко-юридическихъ памятниковъ Славянскаго юга. Оно будетъ выходить подъ главною редакціей проф. Ганеля. Въ первомъ томѣ будетъ помѣщенъ Статутъ Корчулянскій 1214 года.

Предположено также издавать въ «Трудахъ» академіи эпиграфическіе Греко-Римскіе памятники, находимые въ Тріединомъ королевствѣ.

По порученію академіи, г. Ткалчичъ приготовляетъ къ изданію древнѣйшіе (до 1526 г.) памятники архивовъ Дубровачкихъ, напр. пять книгъ «Reformationum» (1306—1347 гг.) и др.

По случаю приближающагося 800-лѣтняго юбилея вѣнчанія короля Димитрія Свиниміра, академія приготовляетъ къ изданію «Сборникъ памятниковъ Хорватской исторіи до XII в.» (подъ редакціею г. Рачкаго).

Собираніе матеріаловъ для Историческаго Сербо-Хорватскаго Словаря приближается къ концу и скоро предполагается приступить къ окончательной его редакціи и изданію.

Письмо изъ Рима [1]).

[18]/30 Сент. 1876 г.

Нелегка задача путешественника по Италіи, который въ короткое время долженъ осмотрѣть многое и успѣть записать хоть кое-что изъ своихъ наблюденій и впечатлѣній. Ходить или ѣздить изъ одного музея въ дру-

[1]) Это любопытное письмо нашего высокоуважаемаго соотечественника, академика Я. К. Грота, даетъ намъ случай вспомнить другой, не менѣе знаменательный фактъ, характеризующій современное направленіе исторической жизни объединяющагося Итальянскаго народа и отношенія его къ славянству. Разумѣемъ новое религіозное движеніе, проявившееся въ южной Италіи, именно, въ Неаполѣ. Какъ этимъ религіознымъ движеніемъ, такъ и движеніемъ, описываемымъ Я. К. Гротомъ, часть Итальянскаго народа сознательно противодѣйствуетъ духу папской гордыни, выразившейся въ провозглашеніи догмата непогрѣшимости папы, духу всякаго коварства, которымъ проникнуты всѣ дѣйствія папской политики, постоянно сѣющей между

гой, изъ одной церкви въ другую, я нахожу и утомительнымъ, и мало полезнымъ. Прежде осмотра подробностей, я всегда чувствую потребность напередъ ознакомиться съ мѣстностью въ главныхъ ея чертахъ, съ расположеніемъ улицъ новаго для меня города и особенно тѣхъ пунктовъ его, гдѣ находятся интереснѣйшія зданія или учрежденія. Затѣмъ уже, я посѣщаю важнѣйшія изъ памятниковъ или коллекцій.

Вопросъ: слѣдуетъ ли писать о странѣ, съ которою, кратковременное въ ней пребываніе не позволяетъ ознакомиться основательно,—долго мѣшалъ мнѣ приняться за перо. Однако, желаніе подѣлиться нѣкоторыми впечатлѣніями съ моими соотечественниками, и особенно съ вами, заставило меня, наконецъ, преодолѣть эти сомнѣнія.

Незадолго передъ выѣздомъ изъ Россіи, мнѣ случилось прочитать въ одномъ изъ нашихъ журналовъ написанную лѣтъ шесть тому назадъ статью о современной Италіи. Авторъ охуждаетъ въ этой странѣ рѣшительно все, начиная съ климата, — нравы, учрежденія, бытъ, и сознается, что вынесъ оттуда совершенное разочарованіе. Я не могу съ нимъ согласиться, хотя нѣкоторые изъ его отзывовъ и справедливы. Правда, что самъ онъ не разъ выражаетъ надежду на разныя улучшенія вслѣдствіе объеди-

христіанскими народами вражду и употреблящей всѣ усилія держать ихъ въ духовномъ рабствѣ. Въ Неаполѣ образуется католическая народная Итальянская, независимая отъ папской власти, церковь, которая стремится примкнуть къ православной Греко-восточной церкви, имѣетъ уже свыше 10-ти т. членовъ, постоянно пріумножается и крѣпнетъ. На мѣсто недавно скончавшагося представителя этой церкви, о. Прота-Трабуко, единогласно избранъ ею Людовикъ Прота-Джіорлео, и возбуждено ходатайство, чтобы онъ былъ поставленъ во епископа соборомъ (синодомъ) Русско-православныхъ іерарховъ. Органъ народной Итальянской церкви «Emancipatore Cattolico» напечаталъ рядъ статей, подъ заглавіемъ: «Римско-католическая и Греко-Русская превославная церковь и въ чемъ онѣ различаются между собою». Въ этихъ статьяхъ православной церкви оказывается величайшее уваженіе, основательно выяснено ея вѣроученіе и доказывается, что въ ней одной сохранилась апостольская церковь. Въ то же время авторъ указанныхъ статей съ безпощаднымъ осужденіемъ относится къ Римской куріи, которая, по его словамъ, поддерживаетъ и даже возбуждаетъ и распространяетъ тѣсный союзъ креста съ полумѣсяцемъ, Христа Сына Божія—съ обманщикомъ Магометомъ, преемника Петра — съ калифомъ Османовъ» «Emancipatore Cattolico» печатаетъ много статей о современномъ положеніи Славянскаго міра. Въ одной изъ такихъ статей, между прочимъ, говоритъ: «Въ самомъ дѣлѣ, во имя какого принципа вступаетъ теперь въ войну и на первомъ планѣ колоссальная сѣверная держава—Россія? Во имя свободы христіанскаго народа, угнетаемаго и подавляемаго втеченіе вѣковъ ордою варварскихъ завоевателей, которыхъ религія состоитъ въ чувственности, моральность — въ обманѣ, будущность—зависитъ отъ слѣпой судьбы и которыхъ стремленія заключаются въ истребленіи всякой цивилизаціи и прогресса. Что же такое христіанство, т. е. религія угнетеннаго народа, который Россія желаетъ освободить? Это христіанство—истинная свобода, равенство всѣхъ предъ вѣчнымъ закономъ чести и правды, наука, неотъемлемое право разумнаго существа, неусыпное Провидѣніе Божіе, которое все устанавливаетъ и управляетъ совершеннымъ образомъ. Это христіанство есть, наконецъ, религія взаимной любви, которая дѣлаетъ изъ человѣческаго рода одно общее семейство, установленное вѣчнымъ опредѣленіемъ, въ которомъ сосредоточивается равновѣсіе всѣхъ интересовъ матеріальныхъ и моральныхъ: не дѣлай другимъ того, чего не желаешь самому себѣ».

женія Италіи и что со времени этого важнаго факта прошло болѣе пяти-лѣтія, но едва ли въ нравахъ народа, установившихся вѣками, могутъ совершаться такія быстрыя измѣненія.

Въ сношеніяхъ съ Итальянцами разныхъ сословій я не могъ до сихъ поръ замѣтить той нечестности и склонности къ обману, въ которыхъ многіе ихъ обвиняютъ; напротивъ, я часто былъ пораженъ умѣренностью ихъ требованій и правдивостью при покупкахъ и другихъ сдѣлкахъ; конечно, съ ними можно торговаться и они обыкновенно дѣлаютъ уступки, но таковъ ужъ ихъ обычай въ торговлѣ. За то сколько въ нихъ добродушія, веселости, привѣтливости, услужливости. Я прежде уже слыхалъ, что между Итальянцами и Русскими много сходства (объ этомъ, помню, между прочимъ, печатное замѣчаніе Шевырева), но никогда не ожидалъ, чтобъ это сходство было такъ велико. Оно обнаруживается и въ національномъ ихъ характерѣ, напр. въ ихъ живости, общительности, и во внѣшнемъ складѣ, даже въ одеждѣ простонародья, особенно женщинъ, которыя носятъ платья того же покроя, изъ такихъ же матерій, такіе же платки на головѣ, и любятъ тѣже цвѣта, какъ наши деревенскія бабы. У Итальянцевъ нѣтъ Нѣмецкой акуратности: это видно, напр., въ часахъ отхода и прихода поѣздовъ на ихъ желѣзныхъ дорогахъ; но за то у этого

Затѣмъ, упомянувъ о всевозможзыхъ замыслахъ, приписываемыхъ Россіи различными органами Европейской печати, и высказавъ свои предположенія относительно возможнаго исхода, какъ будто приближающейся на востокѣ борьбы, «Emancipatore Cattolico» заключаетъ. «Итакъ, остается только распространеніе политическаго протектората Россіи надъ союзомъ христіанскихъ государствъ, которыя, естественно, должны возникнуть на развалинахъ Турецкой имперіи. Теперь этотъ протекторатъ, оказываемый христіанскимъ княжествамъ державою существенно христіанскою, прежде чѣмъ быть опасностію для свободныхъ Европейскихъ учрежденій, служитъ однимъ изъ ручательствъ болѣе прочныхъ и надежныхъ, такъ какъ христіанство, какъ уже было замѣчено, есть факторъ свободы, а не рабства, въ противоположность Латинскому папству, которое есть самая сильная опора послѣдняго и даже его воплощеніе.

«Прибавляемъ, что только при помощи благодѣтельнаго вліянія этого протектората возможно допустить общее переустройство національныхъ католическихъ церквей на нашемъ Западѣ, составляющихъ болѣе прочное основаніе свободы политико-національной. Вотъ почему мы остаемся благодарными и признательными великой и христіанской мысли Россіи о войнѣ противъ самаго лютаго и грубаго врага христіанскаго имени и всякой цивилизаціи, и напутствуемъ нашими благословеніями, составляющими благословеніе всего цивилизованнаго міра, ополченія креста. Желаемъ великой православной имперіи тѣхъ побѣдъ и тріумфовъ, какіе Богъ даровалъ фалангамъ Константина Великаго надъ его врагами-язычниками, такъ какъ эти побѣды и тріумфы—побѣды истинной вѣры, цивилизаціи и разумнаго прогресса надъ тьмою и варварствомъ исламизма и папства».

Словакъ, Людевитъ Штуръ, одинъ изъ благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ Славянскихъ дѣятелей недавняго прошлаго, обозрѣвая «Славянство и міръ будущаго», въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи, подъ этимъ заглавіемъ, говоритъ: Католическая церковь далеко, очень далеко отстала отъ требованій христіанства, даже отъ требованій лучшаго образованія нашего времени. Она истощилась, окаменѣла, не пользуется вѣрою и довѣріемъ народовъ: безжизненная, холодная и мертвая, идетъ она на встрѣчу своей судьбѣ къ разложенію и паденію» («Славянство и міръ будущаго». Москва, 1867 г., стр. 105). *Ред.*

народа нѣтъ и Нѣмецкой абсолютности и жесткости. Само собой разумѣется, что тутъ, какъ и вездѣ, есть исключенія, можетъ быть, даже исключенія нерѣдкія, но это, все-таки, не значитъ, чтобъ въ Италіи было одно дурное. Я долженъ упомянуть объ одномъ случаѣ довольно крупнаго плутовства, котораго самъ былъ жертвою. Въ отелѣ «Миланъ» приморскаго города Специи, между Генуей и Пизой, у меня ночью вытащили изъ бумажника пачку ассигнацій на сто франковъ слишкомъ. Пріѣхавъ въ этотъ отель поздно вечеромъ, я не замѣтилъ, что комната, которую мнѣ дали, была въ связи съ другою, куда входъ остался открытъ. Воръ подсмотрѣлъ, вѣроятно, какъ я укладывалъ свои деньги въ ящикъ ночного столика, и ловко воспользовался своимъ наблюденіемъ: покражу замѣтилъ я только, садясь на другое утро въ вагонъ; останавливаться, безъ надежды на возвратъ денегъ, я не рѣшился, и вмѣсто того написалъ изъ Пизы объ этомъ воровствѣ нашему вице-консулу въ Специи г. Лардону; онъ отвѣчалъ мнѣ, что разспросы его, какъ я и ожидалъ, остались безплодными. Впрочемъ, я былъ благодаренъ вору за его умѣренность: онъ могъ бы, еслибъ хотѣлъ, вытащить гораздо больше.

Во время бѣглаго проѣзда черезъ Италію, я не могъ, къ сожалѣнію, заняться изученіемъ ея современной литературы, но я старался, по крайней мѣрѣ, насколько это было возможно, распространить свои познанія о ней чтеніемъ газетъ и посѣщеніемъ театровъ. Поселившись сперва на Лаго-Маджоре, въ Стрезѣ, я тамъ въ первый разъ сталъ читать Миланскія газеты, и съ особеннымъ удовольствіемъ увидѣлъ, что наиболѣе распространенныя изъ нихъ (напр. «Il Secolo») по Славяно-восточному вопросу рѣшительно на нашей сторонѣ: почти въ каждомъ нумерѣ была передовая статья, написанная въ этомъ духѣ. Тогда же я вычиталъ въ нихъ, что въ Миланѣ, по примѣру Рима, образовался комитетъ для пособія Турецкимъ Славянамъ. Такое же направленіе нашелъ я, при проѣздѣ черезъ Геную, въ тамошнихъ газетахъ, раскупаемыхъ на улицахъ и площадяхъ въ огромномъ количествѣ, а потомъ и во Флоренціи и въ Римѣ. Во Флоренціи говорилось о необходимости устроить и тамъ митингъ для выраженія сочувствія Славянамъ, подобный бывшимъ до того въ Римѣ, Миланѣ, Туринѣ. Вамъ, конечно, извѣстно, что первый Итальянскій митингъ съ этою цѣлью былъ 3-го сентября въ обширномъ театрѣ «Apollo», въ Римѣ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, я былъ обрадованъ слѣдующимъ объявленіемъ, напечатаннымъ крупными буквами, которое еще остается наклееннымъ на стѣнахъ почти во всѣхъ улицахъ и переулкахъ. Я списалъ его и привожу здѣсь въ дословномъ переводѣ: «Комитетъ пособія Славянскому дѣлу (Comitato di soccorso per la causa Slava). Площадь Бишіоне, 95.

«Граждане! Комитетъ, вызвавшій народное собраніе, бывшее 3-го текущаго мѣсяца въ театрѣ «Apollo», поручилъ нижеподписавшимся привести въ дѣйствіе его заключенія. Вы, испустившіе крикъ скорби о жестокостяхъ варварской войны и выразившіе чувство братства къ народамъ, желающимъ на Востокѣ защитить свою національность, дайте намъ средства исполнить возложенное на насъ порученіе. Не безплодными заявле-

ніями, а великодушнымъ дѣломъ Итальянскій народъ долженъ доказать свое сочувствіе страждущимъ и сражающимся. Комитетъ открываетъ публичную подписку на пожертвованія деньгами и вещами въ пользу сражающихся и ихъ семействъ: вамъ предстоитъ сдѣлать эти даянія достойными Рима, Италіи и дѣла, лежащего на совѣсти всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ». Затѣмъ, слѣдуютъ подписи предсѣдателя (совѣтника Римской общины г. Біаджіо-Плачиди) и около 20 членовъ.

Въ связи съ этимъ, нѣсколько дней тому назадъ, на одномъ изъ здѣшнихъ театровъ (teatro Valle) было дано экстренное представленіе въ пользу «Комитета пособія Славянскому дѣлу», за подписью котораго изданы и програмы этого спектакля. Играли »Марію Стуартъ» Шиллера, въ извѣстномъ переводѣ Маффеи, причемъ роль королевы «любезно взяла на себя», какъ сказано въ афишѣ. «знаменитая артистка Гіацинта Пеццана Гвальтьери и театръ безвозмездно уступленъ содержателемъ его, г. Бараккини, а для оркестра обязательно предоставлена дивизіоннымъ начальствомъ военная музыка». Разумѣется, что я былъ на этомъ спектаклѣ и принесъ свою дань участія въ безконечныхъ рукоплесканіяхъ и превосходной артисткѣ, и отличной музыкѣ. Г-жу Гвальтьери я видѣлъ уже наканунѣ въ главной роли комедіи «Мессалина», недавно поставленной на сцену новой пьесы въ стихахъ г. Коссы, автора извѣстной трагедіи «Неронъ».

Сочувствіе къ Славянамъ выражается также въ иллюстрированномъ сатирическомъ журналѣ «Papagallo» (Попугай), который каждое воскресенье выходитъ въ Болоньѣ и продается, между прочимъ, на Старомъ мосту во Флоренціи, гдѣ я и купилъ нѣсколько нумеровъ его, изображающихъ въ лицахъ разные фазисы Сербско-Турецкой войны и Европейской дипломаціи за послѣднее время. Кромѣ того, въ Миланѣ издается въ томъ же духѣ спеціально посвященный этому вопросу журналъ «La guerra d'Oriente, Cronaca illustrata», съ весьма хорошими изображеніями. Очень жалѣю, что время не позволяетъ мнѣ приложить нѣсколько выдержекъ изъ всѣхъ этихъ столь интересныхъ журналовъ. Можетъ быть, я сдѣлаю это впослѣдствіи.

Въ возбужденіи между Итальянцами движенія въ пользу Славянъ особенное участіе принималъ Джакомо Линьяна, профессоръ сравнительной филологіи въ Римскомъ университетѣ, знающій Славянскіе языки и бывавшій въ Россіи. Для разъясненія вопроса онъ напечаталъ, съ подписью своего имени, цѣлый рядъ писемъ, озаглавленныхъ: «Римъ и Славяне», въ которыхъ популярно и увлекательно изложилъ историческія свѣдѣнія, нужныя для правильнаго пониманія дѣла (см. «Il popolo Romano». №№ 239—244) Благодаря одной нашей соотечественницѣ, бывшей въ Римѣ во время появленія этихъ писемъ, они переведены по-Русски, и этотъ переводъ скоро выйдетъ особой брошюрой, которая, конечно, будетъ и въ вашихъ рукахъ. Покуда скажу только, что г. Линьяна, приступая къ дѣлу, очень ловко вводитъ своего читателя въ церковь св. Климента, гдѣ хранятся мощи св. Константина, и наглядно обличаетъ папскую политику,

...наго начала раздѣлить Славянъ на два враждебные лагеря... осталась вѣрною себѣ: Боснійскимъ католикамъ по... участвовать въ возстаніи своихъ братьевъ. «Ужели, спра... профессоръ, мы, Итальянцы, захотимъ продолжать эту политику? ...въ Славянскомъ вопросѣ, мы соединимъ въ одну телеграфическую ...политику Квиринала (т. е. нынѣшняго королевскаго дворца) съ Ва...тиканомъ»? Разсказавъ ходъ проповѣди Кирилла и Меѳодія и ихъ заслуги ...просвѣщенію Славянъ, авторъ упоминаетъ о призваніи ихъ въ Римъ ...говоритъ: «Черезъ 40 дней Кириллъ скончался. Эта смерть дала тотчасъ ...понять Меѳодію, что воздухъ Рима нездоровъ для Славянскаго апостола, ...онъ вскорѣ возвратился въ Моравію. Была ли цѣль Римской куріи достигнута, или напротивъ? Мнѣ кажется, ни того, ни другого нельзя утверждать безусловно. Но, между тѣмъ, оба апостола пришли ad limina Petri, и Кириллъ здѣсь умеръ, и гробъ его былъ освященъ въ базиликѣ преподобнаго Климента. Это, конечно, не составляло всего, чего хотѣлъ папа, но это было хоть кое-что. Въ церкви св. Климента, въ Римѣ, охраняется самое священное воспоминаніе Славянъ». Показавъ, потомъ, что папская политика восторжествовала въ Чехіи и Польшѣ, но различно, такъ что первая изъ этихъ странъ все болѣе и болѣе примыкаетъ къ Славянскому востоку, а вторая, сохранивъ свою религіозную исключительность, сдѣлалась неспособною къ политической жизни, г. Линьяна возвращается къ современному вопросу и кончаетъ такъ: «Римское духовенство, вмѣсто того, чтобы выйдти изъ своихъ церквей и своихъ базиликъ и преклонить колѣна предъ гробомъ, стоящимъ направо отъ алтаря св. Климента; вмѣсто того, чтобы достопамятнымъ подвигомъ изгладить изъ памяти Славянъ измѣну, совершенную имъ въ IX вѣкѣ, костеръ Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго, и козни, и раздоры, которые сѣялись въ Польшѣ, — Римское духовенство повиновалось велѣніямъ Ватикана и молилось о дарованіи побѣды Турецкому оружію и отвергло всякое чувство христіанскаго человѣколюбія. Если это несправедливо, если то, что утверждаютъ—клевета, то пусть Римское духовенство возвыситъ голосъ и откажется отъ солидарности съ Ватиканомъ. Но этого оно не сдѣлаетъ: мы, міряне, мы, Итальянцы, наконецъ, объединенные въ Римѣ, убѣдимся, что настало время отдѣлить въ Славянскомъ вопросѣ нашу отвѣтственность отъ отвѣтственности Ватикана. Базилика св. Климента заключаетъ въ своихъ стѣнахъ, въ своихъ иконахъ, въ своихъ гробницахъ идеалъ будущности христіанства. Мы знаемъ, что Россія въ своемъ историческомъ движеніи къ востоку, исполняетъ великую задачу цивилизаціи, - знаемъ, что сердце Чехіи еще не умерло,—знаемъ, что Польша, исполненная религіознаго чувства, поэзіи, рыцарства, столько разъ обманутаго и преданнаго Ватиканомъ,—сумѣетъ найти способъ примириться, во благо всемірной цивилизаціи, съ своими Славянскими братьями.

«Каковъ будетъ способъ этого преобразованія христіанства, этого объединенія Славянъ въ будущемъ, мы не знаемъ; Славяне въ исторіи прошли черезъ нѣсколько формъ, и почему имъ не найти такой, которая соотвѣт-

ствовала бы ихъ характеру, ихъ историческому опыту, ихъ призванію въ дѣлѣ всемірной цивилизаціи... Ватиканъ отвѣтственъ передъ Славянами въ ихъ прошломъ, мы—въ ихъ будущемъ.

«Россія не требовала у насъ отчета въ томъ, что со стороны Ватикана замышлялось противъ Славянъ, но она обратилась къ намъ съ тѣмъ, чтобы мы своими симпатіями, своимъ живымъ національнымъ чувствомъ, составляющимъ наше право, приняли иниціативу въ соглашеніи Европы, въ содѣйствіи къ прекращенію кровавыхъ ужасовъ, которыми запятналъ себя исламизмъ, къ возстановленію правъ юго-Славянскихъ народовъ. Россія, конечно, не забыла. что Галатская башня въ Константинополѣ построена Итальянцами и что на этой башнѣ можетъ еще разъ водрузиться торговый флагъ Италіи. Средиземное и Черное море должны быть открыты всѣмъ Европейскимъ народамъ. На этомъ условіи почему бы Англія отказала въ своемъ содѣйствіи дѣлу мира и цивилизаціи? Россія и Англія—двѣ великія колоніальныя державы: одна изъ нихъ въ центральной Азіи, другая въ Индіи достигаютъ предѣловъ своего политическаго и торговаго распространенія, и въ то же время обѣ служатъ въ рукахъ Провидѣнія великимъ орудіемъ просвѣщенія Азіатскихъ народовъ, и дѣло это совершается ими во благо и во славу всей Европы».

Экземпляръ газеты, откуда я перевожу эти мѣста, полученъ мною отъ самого автора писемъ, у котораго я провелъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями его, вчерашній день въ Фраскати, но объ этомъ въ другой разъ.

Я. Гротъ.

Болгарія на канунѣ ея погрома *).

[Изъ путевыхъ замѣтокъ].

Около полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ, когда Славяне добывали себѣ новыя жилища въ средней и южной Европѣ, одной части ихъ удалось проникнуть далеко на югъ и водвориться въ классическихъ странахъ Мизіи, Фракіи, Македоніи и въ нѣкоторыхъ древне-Греческихъ областяхъ. Недешево достались Славянамъ эти роскошныя страны: стоитъ только припомнить, что они должны были отнимать ихъ у Римлянъ и долго оспаривать у Готовъ и другихъ воинственныхъ Нѣмецкихъ дружинъ. Водворившіяся тутъ Славянскія племена нѣкоторое время оставались при исконномъ своемъ племенномъ бытѣ; только въ VII вѣкѣ они начали объединяться въ одно государство—Болгарское, которое въ VIII в. обнимало уже бо́льшую половину Балканскаго полуострова. Въ IX вѣкѣ оно раздвинуло свои предѣлы далеко къ сѣверу отъ нижняго Дуная до самого Пешта. Мадьяръ тогда

*) Публичная лекція, читанная профессоромъ М. С. Дриновымъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ ноябрѣ 1876 года.

еще не было въ Европѣ: нынѣшняя Угрія была Славянскою страною,—на равнинахъ ея Болгарскіе Славяне непосредственно соприкасались съ жилищами западныхъ Славянъ. Такъ обширны были предѣлы Болгарскаго царства, когда правитель его Борисъ насаждалъ въ немъ сѣмена христіанскаго ученія. Знаменитый сынъ и преемникъ Бориса, Симеонъ, принявъ титулъ царя Болгаръ и Римлянъ, упорно добивался занятія столицы восточной Римской имперіи, которую онъ желалъ превратить въ Славянскую столицу. Къ тому же стремились и нѣкоторые другіе изъ послѣдующихъ Болгарскихъ царей: въ XI—вѣкѣ Самуилъ, въ XII—Асѣнъ, въ XIII—преемникъ послѣдняго Іоаннъ Асѣнъ. Такому раннему внѣшнему могуществу Болгаръ соотвѣтствовало столь же раннее, довольно высокое для того времени, внутреннее развитіе. Еще въ X вѣкѣ Болгарія, по словамъ одного, новѣйшаго историка, Француза Рамбо, была складочнымъ мѣстомъ торговли между западомъ Европы, сѣверомъ и Византіей. Великій князь Святославъ побывавъ въ одномъ изъ при-Дунайскихъ Болгарскихъ городовъ Переславцѣ, не хотѣлъ болѣе оставаться въ своемъ стольномъ городѣ: «не любо мнѣ быти въ Кіевѣ», говорилъ онъ матери и боярамъ: «хочу жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть среда земли... ту вся благая сходятся»...

Столкнувшись очень рано съ христіанскимъ Греко-Римскимъ міромъ, Болгары раньше другихъ Славянскихъ племенъ познакомились съ его цивилизаціею, которую и начали себѣ усвоивать,—говорю—усвоивать, а не подчиняться ей слѣпо. Въ то время, какъ другіе ново-Европейскіе народы, напримѣръ, принимая христіанскую вѣру, безотчетно подчиняли свою совѣсть Риму или Византіи, Болгары не послѣдовали ихъ примѣру; но, по принятіи христіанской вѣры, сейчасъ же постарались основать свою національную церковь, совершенно самостоятельную какъ относительно Рима, такъ и относительно Византіи. Еще въ концѣ IX вѣка было учреждено Болгарское патріаршество, уничтоженное только 100 лѣтъ тому назадъ. Укажу и на національную письменность Болгаръ, которая еще въ X вѣкѣ старалась догнать Византійскую литературу, самую богатую и, такъ сказать, самую модную въ то время.

Окруженные со всѣхъ сторонъ врагами, Болгары, втеченіе восьми вѣковъ, отстаивали противъ нихъ свою политическую самостоятельность. Только въ концѣ XIV вѣка ихъ постигъ погромъ, отъ котораго они и до сихъ поръ не могутъ оправиться и который чуть было и совсѣмъ не похоронилъ ихъ,—разумѣю Турецкое нашествіе. Нашествіе Турокъ случилось въ самое несчастное въ исторіи южнаго Славянства время. Славянство это тогда, по словамъ современнаго лѣтописца (Кантакузена), было раздроблено на тысячу частей, находившихся въ междоусобной войнѣ. Къ тому же, и новый врагъ былъ очень могущественъ: противъ него не могла устоять и Византія,—онъ легко овладѣлъ Валахіею и всего Венгріею, изъ которой побѣдоносно подходилъ и къ самой Вѣнѣ. Испытавъ на себѣ первые удары грознаго врага, Болгарія болѣе остальныхъ жертвъ его и потерпѣла. Удары эти, какъ они ни были жестоки, не могли, однако, сразу раздавить народъ, имѣвшій за собою тысячу лѣтъ исторической жизни. Всякій разъ какъ окраины

Турецкія поднимали знамя свободы, Болгары пользовались случаемъ для облегченія и своей участи: они возставали при освобожденіи Валахіи, Молдавіи, Венгріи, возставали и во время нѣкоторыхъ попытокъ Европейскихъ государей—изгнать Турокъ изъ Европы: при Владиславѣ Варненскомъ, Сигизмундѣ Баторіѣ и др. Въ половинѣ XVII вѣка, Болгары приглашали на помощь Богдана Хмельницкаго; въ концѣ того же вѣка, они искали помощи въ Москвѣ, на которую еще въ 1576 г. смотрѣли, по свидѣтельству одного современника (Соранцо), съ упованіемъ. Но всѣ эти Болгарскія возстанія имѣли всякій разъ такой же точно конецъ, какой мы видѣли въ нынѣшнемъ году въ Филиппопольской области: возстаніе подавлялось въ рѣки крови не только виновныхъ, но и ихъ беззащитныхъ родственниковъ, сосѣдей и вообще единоплеменниковъ, а это потому, что, какъ замѣтилъ, еще сто лѣтъ тому назадъ, одинъ Болгарскій писатель (іеромонахъ Паисій), «Болгарія посредѣ Туркомъ есть, близко Цариграда».—Такія кровавыя бани, нѣсколько разъ повторявшіяся въ XVI и XVII вѣкахъ, довели злополучный народъ до крайняго оцепенѣнія: вожди перевелись, церковь—единственная кормилица національнаго духа, очутилась въ рукахъ Константинопольскихъ Грековъ, фанаріотовъ, послушныхъ клевретовъ Турокъ и ловкихъ авантюристовъ. Національное духовенство было замѣнено фанаріотами, которые, явившись сюда съ Греческими книгами, не замедлили наложить руки и на національное просвѣщеніе Болгаръ, принужденное, вслѣдствіе этого, укрыться въ немногихъ монастыряхъ и захолустьяхъ. Благодаря усердію фанаріотовъ, около конца прошлаго вѣка Болгарскій народъ казался уже умершимъ. Его воскресилъ, главнымъ образомъ, громъ Русскаго оружія, съ начала нынѣшняго столѣтія начавшій раздаваться на нижнемъ Дунаѣ. Медленно, ни для кого незамѣтно, возрождался совершенно забитый народъ: и еще въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка знаменитый славистъ Шафарикъ утверждалъ, что на Балканскомъ полуостровѣ сохранилось только около шести сотъ тысячъ Болгаръ. О Болгарахъ стали говорить лишь съ пятидесятыхъ годовъ, когда возрожденіе ихъ подвинулось на столько, что они могли уже вступить въ борьбу съ фанаріотами за возстановленіе своей національной церкви. Послѣ двадцатилѣтней упорной борьбы, Болгары, наконецъ, добились того, что національная церковь ихъ, хоть отчасти, была возстановлена. Этимъ актомъ, совершившимся лѣтъ шесть тому назадъ, было положено первое основаніе новой самостоятельной духовной жизни Болгаръ. Тутъ только Европа, да и сами Турки узнали, что число Болгаръ превышаетъ пять милліоновъ и что участь самой Турціи тѣсно связана съ участью этой ея р а й и.

Съ небольшимъ годъ тому назадъ, лѣтомъ 1875 года, я рѣшился совершить поѣздку по Болгаріи, преимущественно по малоизвѣстнымъ еще ея захолустьямъ. Въ началѣ августа, черезъ Румынію я отправился сначала въ при-Дунайскую Болгарію, побывалъ въ Рущукѣ, Шумлѣ, Варнѣ, но вскорѣ убѣдился, что не въ добрый часъ я предпринялъ свою поѣздку. Герцоговинское возстаніе принимало характеръ, сильно озабочивавшій Турокъ,—

пламя возстанія начинало распространяться и на нѣкоторые округа Босны. На моихъ глазахъ изъ Рущука и Шумлы Турецкія войска двигались къ Виддину и Нишу въ полной увѣренности, что имъ придется вскорѣ воевать съ Сербами и, пожалуй, съ Черногоріею. Носились слухи, что въ Румыніи составлены Болгарскія четы (дружины), которыя высматриваютъ удобный случай переправиться черезъ Дунай, чтобы водрузить знамя возстанія и на Балканахъ. Эти слухи особенно тревожили Турецкія власти при-Дунайской Болгаріи, дѣлая ихъ не въ мѣру бдительными и подозрительными. Нетрудно было замѣтить, что во мнѣ онѣ видѣли революціоннаго агента и, не спуская меня съ глазъ, шпіонили каждый мой шагъ. Мнѣ-то собственно они ничего бы не сдѣлали, но мѣстные жители, за сношеніе со мною, могли бы поплатиться большими непріятностями. Въ виду этого, я рѣшился отложить свои странствованія по при-Дунайскимъ Болгарскимъ областямъ и спустился моремъ изъ Варны въ Константинополь, чтобы оттуда отправиться во Ѳракійскія и Македонскія Болгарскія области, гдѣ, какъ меня увѣряли, положеніе не было столь тревожно. Я пріѣхалъ въ Константинополь 14 Августа, въ тотъ самый день, когда великимъ визиремъ снова былъ назначенъ знаменитый Махмудъ. Въ первое свое визирство, продолжавшееся около двухъ лѣтъ (1871—1872), Махмудъ успѣлъ зарекомендовать себя, какъ строгій правитель, неумолимый каратель злоупотребленій Турецкихъ чиновниковъ, начиная съ самыхъ высшихъ. Особенное вниманіе онъ обратилъ на направленіе финансовъ,—значительно уменьшилъ жалованье высшихъ Турецкихъ чиновниковъ. Этимъ онъ нажилъ себѣ множество враговъ среди Турокъ, которые сильно подкапывались подъ него; имъ помогали въ этомъ дѣлѣ и представители враждебныхъ Россіи державъ, находившихъ, что энергическій визирь слишкомъ друженъ съ Русскимъ посломъ. Болгарамъ Махмудъ помогъ тогда учредить свой экзархатъ, чѣмъ очень привязалъ ихъ къ себѣ. Считаю нужнымъ остановиться нѣсколько на этомъ дѣлѣ.

Вступивъ въ борьбу съ Константинопольскимъ патріархатомъ, Болгары домогались полной независимости отъ него, возстановленія своего древняго патріаршества, незаконно уничтоженнаго фанаріотами при помощи Турокъ. Послѣ долгаго сопротивленія фанаріоты предложили Болгарамъ полунезависимое церковное управленіе: согласились образовать изъ Болгарскихъ епархій особенный церковный округъ, во главѣ котораго бы стоялъ экзархъ, намѣстникъ Константинопольскаго патріарха. Экзархъ избирался бы епископами округа, но получалъ бы утвержденіе отъ патріарха, которому онъ, какъ и всѣ подчиненные ему епископы, обязывался платить опредѣленную подать. Болгары приняли это предложеніе въ принципѣ, но, когда дѣло дошло до означенія епархій, долженствовавшихъ войти въ область экзархата, произошелъ великій раздоръ. Фанаріоты уступали только епархіи при-Дунайской Болгаріи, Болгары же требовали и большей части Ѳракіи, равно какъ и всей Македоніи, тоже населенныхъ, главнымъ образомъ, Болгарами. Ожесточенный споръ изъ-за Фракійскихъ и Македонскихъ епархій тянулся очень долго,—

наконецъ, вопросъ былъ рѣшенъ Турецкимъ правительствомъ: 28 февраля 1870 года былъ изданъ султанскій фирманъ, утверждавшій экзархатъ. Относительно спорныхъ епархій въ фирманъ этотъ былъ вставленъ параграфъ, гласившій, что епархіи эти въ такомъ только случаѣ будутъ присоединены къ экзархату, если, по крайней мѣрѣ, двѣ трети населенія ихъ выскажутся за это присоединеніе. Болгарами фирманъ былъ встрѣчаемъ съ ликованіемъ, не смотря на то, что въ немъ былъ такой обидный для нихъ параграфъ,—но этотъ-то параграфъ страшно всполошилъ фанаріотовъ, которые энергически протестовали противъ него. Въ виду, быть можетъ, этого протеста, Турецкое правительство не торопилось приведеніемъ въ исполненіе фирмана: дѣло оставалось въ такомъ положеніи втеченіе двухъ лѣтъ, до перваго визирства Махмуда, который въ 1872 г. позволилъ Болгарамъ приступить къ учрежденію своего экзархата на основаніи фирмана. Въ округъ экзархата вошли, пока, шестнадцать епархій, которыя и патріархатъ соглашался уступить Болгарамъ. Населеніе спорныхъ епархій, не смотря на дѣятельную агитацію Грековъ, не смотря на клятву патріарха, поспѣшило единогласно почти высказаться за присоединеніе къ экзархату. Озлобленіе фанаріотовъ дошло до крайнихъ предѣловъ: пущено въ ходъ пугало панславизма,—Махмуда объявили слѣпымъ орудіемъ Русской интриги, и онъ палъ еще до окончанія вопроса о спорныхъ епархіяхъ.

Мимоходомъ замѣчу, что еслибы тогда удалось присоединить къ Болгарскому экзархату и эти епархіи, то въ настоящее время было бы для всѣхъ наглядно, что южная граница Болгаріи обнимаетъ въ себѣ Адріанополь и всю Солунскую епархію: въ такомъ случаѣ современнымъ дипломатамъ было бы неловко поднимать вопросъ о томъ, что̀ разумѣть подъ словомъ Болгарія.

Преемники Махмуда остановили дѣло о спорныхъ епархіяхъ, затянули его; мало того, нѣкоторые изъ нихъ посягали даже и на самый экзархатъ. - Понятно, послѣ того, съ какою радостью было встрѣчено Болгарами новое визирство Махмуда. Они были убѣждены, что не сегодня, такъ завтра будутъ, наконецъ, присоединены къ экзархату и спорныя епархіи, и, такимъ образомъ, Болгарскій народъ, наконецъ, сконцентрируется, хоть въ церковномъ отношеніи. На сколько новое визирство Махмуда радовало Балгаръ, на столько оно злобило Грековъ. Оно не было пріятно и многимъ Туркамъ, равно какъ и представителямъ враждебныхъ Россіи державъ. Впрочемъ, замѣтнаго раздраженія въ лагерѣ многочисленныхъ враговъ Махмуда не было: они, по видимому, не вѣрили въ долговѣчность Махмудова визирства, на которое смотрѣли, какъ на временное зло, нужное для предотвращенія еще бо́льшаго зла. Всѣ были убѣждены, что только Россія можетъ положить конецъ волненію въ Герцоговинѣ, угрожавшему превратиться въ опасный для Балканскаго полуострова потокъ, и вѣрили, что Россія, при содѣйствіи угодливаго и преданнаго ей визиря, дѣятельно примется теперь за прекращеніе Славянскаго движенія. Разъ это будетъ достигнуто. Махмудъ вмѣстѣ съ вліяніемъ Россіи оказались бы болѣе ненужными: то было время, когда визири мѣнялись ежемѣсячно и даже еженедѣльно. Не такъ смотрѣли на дѣло

въ Русскомъ посольствѣ: тутъ дѣйствительно надѣялись, что волненія въ Герцоговинѣ и Боснѣ скоро кончатся, но надежда эта основывалась на увѣренности, что Махмудъ засѣлъ теперь надолго и что онъ немедленно примется за коренное переустройство Турецкой имперіи къ выгодѣ христіанскаго ея населенія. Во всякомъ случаѣ, такое впечатлѣніе я вынесъ изъ бесѣды съ нѣкоторыми лицами, стоящими близко къ посольству, и изъ отношенія ихъ къ моимъ сборамъ—начать свою поѣздку по Ѳракійскимъ Болгарскимъ областямъ. Такъ были увѣрены и члены Болгарскаго экзархата, которые поощряли меня не откладывать своего путешествія. Только одинъ Константинопольскій старожилъ совѣтовалъ мнѣ не слишкомъ увлекаться розовыми надеждами, которымъ предавались въ экзархатѣ. «Махмудъ, говорилъ онъ, человѣкъ идеи, свободный отъ корыстолюбія, которымъ пропитаны насквозь всѣ Турецкіе сановники. Но онъ, прежде всего, Турокъ и, притомъ, Турокъ необыкновенно умный и хитрый: проведетъ хоть кого; не вѣрьте вы искренности его дружбы къ Русскимъ». Я принялъ къ свѣдѣнію этотъ отзывъ, хотя и не придавалъ ему тогда особаго значенія.

Около половины августа я оставилъ Константинополь и по Румелійской желѣзной дорогѣ отправился въ Филиппопольскую область, по которой собственно и попытаюсь познакомить васъ съ положеніемъ Болгарскихъ областей на канунѣ ихъ погрома. Я останавливаюсь на этой области потому, что ея то, главнымъ образомъ, и коснулся погромъ.

Филиппопольская область лежитъ въ сѣверо-западномъ углу Ѳракіи: слѣдовательно, она находится въ самомъ центрѣ Европейской Турціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ центрѣ Болгарской земли. Область эта состоитъ изъ обширной равнины, окруженной съ трехъ сторонъ высокими горными цѣпями Родопомъ съ юга, Балканами съ сѣвера и соединяющею эти два хребта Среднею горою—съ запада. При соединеніи Средней горы съ Балканами около мѣстечка Клисуры, выступаетъ довольно длинный кряжъ, тянущійся къ востоку параллельно съ Балканами, на протяженіи семидесяти верстъ и называемый также Среднею горою. Между этимъ кряжемъ и Балканами тянется долина, которую Гохштетеръ причисляетъ къ красивѣйшимъ на свѣтѣ мѣстностямъ. Эта роскошная долина также входитъ въ составъ Филиппопольскаго санджака. Съ горъ стремительно, шумными каскадами спускаются въ равнину многочисленные горные ручьи, вливающіеся въ рѣку Марицу, которая беретъ свое начало тутъ же, при соединеніи Родопа съ Среднею горою. Равнина, орошаемая верхнею Марицей и ея многочисленными притоками, считается житницею Европейской Турціи. Она производитъ пшеницу и рисъ, пользующіеся хорошею репутаціею и на Европейскихъ рынкахъ. Подошва Родопа, а равно и отлогій скатъ Средней горы покрыты виноградниками; по вершинамъ же ихъ пасутся сотни тысячъ крупнаго и мелкаго скота. Долина, тянущаяся между Средней горою и Балканами, наполнена розовыми садами. Балканы тутъ очень суровы: на крутомъ южномъ склонѣ ихъ ничего не растетъ, но трудолюбивое населеніе этихъ скалъ умудрилось и здѣсь найти себѣ пропитаніе. Оно заставило мно-

гочисленные водопады, бросающіеся съ обнаженныхъ утесовъ, приводятъ въ движеніе станки, на которыхъ вяжетъ веревки и шнурки, цѣлыми караванами развозимые по всей Турціи. На нѣкоторыхъ станкахъ здѣшніе обитатели точатъ деревянную посуду съ такимъ искусствомъ, которое приводитъ въ удивленіе Европейскихъ путешественниковъ. Вершины Родопскихъ горъ покрыты боромъ, который тамошнее населеніе превращаетъ, при помощи лѣсопильныхъ снарядовъ собственнаго изобрѣтенія, въ строевой матеріалъ, въ которомъ очень нуждаются жители безлѣсной равнины.

Въ Филиппопольскомъ санджакѣ насчитываютъ до тысячи селеній (940), шесть большихъ городовъ и девять паланокъ, т. е. маленькихъ городковъ. Все населеніе санджака достигаетъ до 650,000 душъ, изъ которыхъ около 400,000 Болгаръ, 200,000 Турокъ и около 30,000 разныхъ инородцевъ: Цыганъ, Евреевъ, Армянъ, Грековъ и Цинцаръ. Болгаръ, повидимому, вдвое болѣе Турокъ, но изъ числа ихъ нужно исключить 10,000 Павликіанъ: это—Болгары-католики, враждебно относящіеся къ своимъ православнымъ братьямъ. Нужно исключить также до 40,000 Помаковъ, т. е. Болгаръ-магометанъ, которыхъ скорѣе слѣдуетъ относить къ Туркамъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что православныхъ, настоящихъ Болгаръ тутъ около 350,000, при мусульманскомъ населеніи въ 250,000.

Для уясненія нѣкоторыхъ общественныхъ отношеній, о которыхъ рѣчь впереди, считаю нужнымъ сдѣлать нѣсколько замѣтокъ о главнѣйшихъ народностяхъ Филиппопольскаго санджака.

Б а л г а р ы превосходятъ Турокъ не только численностью, но и своимъ экономическимъ и духовнымъ развитіемъ. Они преимущественно землепашцы, винодѣлы, огородники и скотоводы; въ ихъ рукахъ, главнымъ образомъ, сосредоточена и мѣстная промышленность. «Они очень трудолюбивы и замѣчательно экономны, отозвался мнѣ Филиппопольскій митрополитъ о своей паствѣ, такъ что живутъ въ довольствѣ, хотя и принуждены давать Туркамъ половину своихъ доходовъ». О народномъ просвѣщеніи митрополитъ выразился такъ: «рѣдко вы встрѣтите теперь въ епархіи деревушку, гдѣ бы не было училища». Въ справедливости этихъ словъ я имѣлъ случай убѣдиться вполнѣ. Считаю нужнымъ припомнить, что Болгарскія школы стали появляться тутъ только съ сороковыхъ годовъ нашего вѣка и что, сначала, число ихъ увеличивалось очень медленно, встрѣчая всевозможныя препятствія со стороны фанаріотовъ, господствовавшихъ тутъ до недавняго времени. Я нашолъ въ Филиппополѣ и Болгарскую гимназію, въ которой было болѣе десяти учителей. Не лишнимъ считаю привести здѣсь отзывъ о Болгарскихъ школахъ извѣстнаго Англійскаго туриста Сандвича: «I saw schools, which would have done honour to England, comprising instruction of the highest kind, combined with all the practical details of education, taught in an admirable manner. I newer saw a more ingenious people»...

Слѣдующій любопытный фактъ, надѣюсь, покажетъ, какъ далеко зашло національное чувство здѣшнихъ Болгаръ. Недалеко отъ Филиппополя, на одномъ уступѣ Родопскихъ горъ, находится Греческій, или, лучше сказать, отреченный монастырь Бачковскій, издавна славящійся своимъ цѣлебнымъ

источникомъ, святою водою. Въ прежнее время туда, какъ мнѣ разсказывали, вся епархія ѣздила на поклоненіе и монастырь былъ очень богатъ: благочестивыя ленты сыпались со всѣхъ сторонъ,—хватало ихъ и на монаховъ, и на поддержаніе нѣсколькихъ школъ, въ которыхъ фанаріоты гречили Болгарскую молодежь. Теперь никто изъ Болгаръ и не заглядываетъ въ Бачковскій монастырь: въ средѣ сельскаго населенія распространилось твердое убѣжденіе, что Мать Божія, разгнѣвавшись на Грековъ за ихъ нечестіе, покинула Бачковскую святыню и, года два тому назадъ, перенесла свою благодать на другой источникъ, находящійся подлѣ Болгарскаго села Катырліи, около Станимаки,—туда теперь народъ ходитъ на поклоненіе. Болгары воздвигли тутъ часовню, которую, современемъ, думаютъ замѣнить, если не монастыремъ, то, по крайней мѣрѣ, большою церковью.

Павликіанъ, т. е. Болгаръ-католиковъ, тутъ такъ немного (всего около 10,000), что объ нихъ я не сталъ бы и говорить, если бы положеніе ихъ не давало повода къ нѣкоторому раздумью. Павликіане живутъ частью въ самомъ Филиппополѣ, частью въ сосѣднихъ селахъ: Хамбарліи, Дуванліи Сельджикою и др. Какъ и всѣ католики, Павликіане пользуются весьма выходнымъ положеніемъ въ Турціи: Турки не такъ притѣсняютъ ихъ и не обижаютъ, частію изъ уваженія, частію изъ боязни къ Австріи и Франціи, консулы которыхъ особенно энергически вступаются за Павликіанъ За православныхъ Болгаръ эти консулы не вступаются, считая это дѣло, повидимому, спеціальностью представителя Россіи. А когда послѣдній вступается за нихъ, послѣдніе охотно вторятъ Турецкимъ властямъ, что «Московъ интригуетъ»... Такъ практикуется коллективное покровительство Европейскихъ державъ по отношенію къ Турецкимъ христіанамъ! Павликіане Филиппопольскіе приняли католицизмъ только въ концѣ прошлаго столѣтія, но сами-то убѣждены, что они чуть ли не изъ-поконъ вѣка католики и что у нихъ сохранилась старая Болгарская вѣра, которую св. Кириллъ и Меѳодій принесли въ Болгарію будто бы изъ Рима и съ которой Греки совратили другихъ Болгаръ, сдѣлавъ ихъ схизматиками. Такое нелѣпое убѣжденіе успѣло внушить Павликіанамъ ихъ духовенство (у нихъ есть епископъ, имѣющій свое мѣстопребываніе въ Филиппополѣ). Духовенство это, повидимому, намѣрено держать Павликіанъ въ большомъ невѣжествѣ: оно издало для нихъ въ Римѣ пятокъ книжекъ религіознаго содержанія. Этими книжками, которыя напечатаны Латинскимъ шрифтомъ, ограничивается вся письменность Павликіанъ. Филиппопольскихъ Павликіанъ считаютъ окато, личившимися богомилами, но я склоненъ теперь думать, что они никогда не были богомилами и что ихъ слѣдуетъ считать за прямыхъ потомковъ тѣхъ Армянскихъ Павликіанъ, которые были переселены въ X вѣкѣ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ въ Филиппопольскую область и которые, съ теченіемъ времени, тутъ оболгарились. Къ такому заключенію ведетъ, между прочимъ, и ихъ типъ, рѣзко отличающій ихъ отъ остальныхъ Болгаръ.

Помаки живутъ на Родопскихъ горахъ. Это—здоровый, крѣпкій народъ. Они не отличаются такою ненавистью къ своей христіанской братіи, какою ознаменовали себя Боснійскіе «Потурченяки». Безъ сомнѣнія, это

происходитъ оттого, что въ Босніи магометанами сдѣлались, главнымъ образомъ, аристократы, которые и до этого съ презрѣніемъ относились къ простому народу, сохранившему вѣру отцевъ. Родопскіе же Помаки—простое сельское населеніе; оно перешло въ исламъ не для удержанія какихъ нибудь сословныхъ правъ, а для спасенія своей жизни. Помаки сохранили Болгарскій языкъ въ бо̀льшей чистотѣ, чѣмъ Болгары христіане;—сохранили также многія Славянскіе обычаи и христіанскіе обряды. Турокъ они не очень то долюбливаютъ, языкъ ихъ называютъ «свински езикъ». Не смотря на это, Помаки охотно подставляютъ широкую грудь на защиту Турецкаго владычества, при которомъ они безнаказанно могутъ прожить на счетъ райи, а отъ этого они не прочь потому, можетъ быть, что живутъ въ странѣ гористой, безплодной и живутъ бѣдно.

Значительная часть Турокъ живетъ въ городахъ, другіе же обитаютъ въ деревняхъ, или отдѣльно, или же совмѣстно съ Болгарами. Сельскіе Турки занимаются исключительно землепашествомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они очень смирнаго нрава, замѣчательно трудолюбивы, живутъ въ довольствѣ и очень ладятъ съ Болгарами. Въ другихъ мѣстахъ они неохотно предаются сельскимъ работамъ; живутъ бѣдно,—эти Турки сварливы, страшно презираютъ гяура и при встрѣчѣ съ нимъ считаютъ непремѣннымъ долгомъ заявить ему свою ненависть, презрѣніе. Такую разницу въ характерѣ здѣшнихъ Турокъ мнѣ объясняли тѣмъ, что они переселились сюда въ разныя времена и они суть разнаго происхожденія. Изъ городскихъ Турокъ часть занимается ремеслами или мелочною торговлею,—другая, значительная часть проводитъ время въ праздности; весьма немногіе изъ нихъ живутъ на казенномъ жалованьи въ качествѣ разныхъ должностныхъ лицъ; чѣмъ существуетъ теперь большинство ихъ—неизвѣстно. Это потомки прежнихъ землевладѣльцевъ и ихъ многочисленной дворни, которые нѣкогда жили богато и весело, но такъ какъ Турецкія помѣстья въ послѣднее время перешли въ руки христіанъ, то эти Турки-бѣлоручки остались почти нищими. Они страшно озлоблены противъ христіанъ; причина этой злобы, кроется, впрочемъ, не столько въ мусульманскомъ фанатизмѣ, сколько въ другихъ побужденіяхъ весьма понятнаго, чисто житейскаго свойства. Эти пролетаріи очень опасны: они, какъ мнѣ не разъ приходилось слышать, жили надеждою, что придетъ часъ, когда христіане будутъ избиты и имущество ихъ достанется имъ.

Изъ инородцевъ заслуживаютъ упоминанія Греки и Цинцары. Подъ Цинцарами разумѣютъ Румыновъ, которые тутъ очень дружны съ Греками и до того преданы ихъ національнымъ интересамъ, что смѣло можно принимать и ихъ за Грековъ. Грековъ и Цинцаръ тутъ всего около 4,000, но до освобожденія Болгаръ отъ церковнаго фанаріотскаго ига они тутъ, такъ сказать, царили. Лишившись вдругъ своего могущества, они теперь принуждены заниматься разными спекуляціями. Впрочемъ, они не совсѣмъ еще помирились съ чувствительною для нихъ утратою и надѣются, что настанетъ пора, когда снова будутъ тутъ господствовать. Въ этихъ видахъ они все еще держатъ здѣсь Греческаго митрополита, содержаніе котораго

очень обременительно для ихъ кармановъ, и всячески хлопочутъ о возвращеніи къ нему, по крайней мѣрѣ, поселянъ, усердно проповѣдуя между ними, что Болгарскій митрополитъ—самозванецъ, отлученный отъ церкви и что всѣ признающіе его—схизматики. Пропаганда ихъ, однако, неудается, за что они страшно озлоблены противъ Болгаръ. Турецкое правительство, какъ увидимъ, отлично эксплоатируетъ эту злобу.

Перехожу къ управленію. Въ административномъ отношеніи филиппопольскій Санджакъ дѣлится на 8 казъ (уѣздовъ): во главѣ каждой казы стоитъ каймаканъ; во главѣ всѣхъ казъ, всего санджака—мютесарифъ. Какъ каймаканъ, такъ и мютесарифъ управляютъ не единолично, а при помощи совѣтовъ, которые состоятъ: изъ мѣстныхъ духовныхъ начальниковъ мусульманъ—кади и муфти, духовныхъ начальниковъ всѣхъ не мусульманскихъ общинъ, и изъ четырехъ народныхъ депутатовъ: двоихъ мусульманскихъ и двоихъ христіанскихихъ.

Судъ находится въ рукахъ мѣстнаго начальника мусульманъ, который извѣстныя дѣла рѣшаетъ самъ, согласно предписаніямъ корана, другія же разбираетъ при помощи предсѣдательствуемаго имъ совѣта, состоящаго изъ шести членовъ: трехъ мусульманъ и трехъ христіанъ. Значитъ, какъ въ администраціи, такъ и въ судѣ христіанамъ предоставлено участіе на равнѣ съ мусульманами. Это звучитъ очень пріятно, но—и только:

1) При одинаковомъ числѣ членовъ правленія и суда со стороны мусульманъ и христіанъ, предсѣдатель, голосъ котораго имѣетъ рѣшающій вѣсъ—есть Турокъ: губернаторъ, или кади. Уже это одно обнажаетъ намъ всю тщетность Турецкой равноправности.

2) Изъ членовъ христіанъ—только одинъ Болгаринъ, другой—непремѣнно Грекъ, или Цинцаръ: первый представляетъ населеніе въ 350,000, второй около 4.000 спекулянтовъ. Едва ли нужно указывать, что Цинцаро-Греческій представитель всегда будетъ дѣйствовать противъ Болгаръ. Такова суть либеральныхъ турецкихъ реформъ! Нѣкоторые изъ Болгаръ увѣряли меня, что реформы эти только ввели ихъ въ новые расходы на жалованье и содержаніе депутатовъ. Но иные говорили и за это спасибо: «по крайней мѣрѣ узнаемъ, чтó происходитъ въ администраціи и судѣ».

Филиппопольскій санджакъ обязанъ платить казнѣ ежегодно 35 милліоновъ піастровъ (около трехъ милліоновъ рублей), но, на самомъ дѣлѣ, онъ платитъ гораздо больше: значительная часть податей отдается на откупъ. Правительство предоставляетъ откупщикамъ право нанимать себѣ Турецкихъ сорванцевъ для сбора взятыхъ ими на откупъ податей, и каждый Турокъ, поступающій въ такіе сборщики, считается правительственнымъ агентомъ. Откупщики съ своими стаями сборщиковъ—это одинъ изъ самыхъ ужасныхъ бичей Турецкаго ига.—Особенно безбожно грабятъ народъ откупщики десятины. Поселянамъ дозволено жаловаться на злоупотребленія и хищничество откупщиковъ, но, чтобы жаловаться, надобно ѣхать, въ городъ и тамъ прожить нѣсколько недѣль, иногда и нѣсколько мѣсяцевъ, чтó для крестьянъ невозможно и потому, что грабежъ происходитъ во время уборки хлѣба, когда каждый часъ дорогъ.

Изъ 35 милліоновъ, поступающихъ ежегодно въ Филиппопольское казначейство, только три милліона остаются въ немъ на расходы по администраціи,—остальные же препровождаются въ Константинополь. Этихъ трехъ милліоновъ едва достаетъ на жалованье Турецкимъ чиновникамъ и на содержаніе жандармовъ (заптіевъ), которыхъ въ санджакѣ около тысячи человѣкъ. На мѣстныя нужды не удѣляется ни копѣйки, вслѣдствіе чего населеніе обременено и массою земскихъ повинностей. Изъ нихъ, во время моей поѣздки по Филиппопольской области, особенно разорительна была для жителей дорожная повинность. Правительство затѣяло шоссейныя дороги, взваливъ проведеніе ихъ на самихъ жителей: каждому поселянину оно вмѣнило въ обязанность удѣлить этому дѣлу нѣсколько дней въ году, предоставивъ желающимъ право откупаться деньгами. Наблюденіе за исполненіемъ этой повинности правительство поручило миндизамъ (инженерамъ), завѣдующимъ самими работами, предоставивъ въ распоряженіе каждаго изъ нихъ отрядъ жандармовъ. Инженеры эти, состоящіе преимущественно изъ безграмотныхъ Турокъ, ведутъ дѣло такъ, что жители какой нибудь казы, вмѣсто того, чтобы строить свою дорогу, отправляются работать въ другую казу, откуда пригоняются работники для ихъ дороги. Такимъ образомъ, несчастнымъ поселянамъ приходится безъ всякой нужды переходить по 50 и даже по 100 верстъ. Распоряженіе это сдѣлано миндизами въ тѣхъ видахъ, чтобы принудить зажиточныхъ поселянъ откупаться отъ повинности, сопряженной съ такими трудностями и такою тратою времени. Поселяне хорошо понимаютъ эти разсчеты миндизовъ и не разъ жаловались на ихъ распоряженія властямъ, но жалобы оставлялись безъ вниманія, ибо сами власти участвуютъ въ барышѣ, который получается отъ этихъ распоряженій миндизовъ.

Проживъ въ Филиппополѣ съ недѣлю, я рѣшился отправиться въ Татаръ-Пазарджикъ, чтобы оттуда совершить поѣздку по Средней горѣ и Родопу. Русскій консулъ взялся выхлопотать мнѣ у мютесарифа рекомендательныя письма къ уѣзднымъ начальникамъ, къ которымъ я долженъ былъ обращаться за проводниками, «заптіями». Драгоманъ консула, отправившійся за этой рекомендаціею, вскорѣ возвратился и объявилъ, что его превосходительство очень желаетъ со мною познакомиться и очень проситъ навѣстить его. Не теряя времени, я, вмѣстѣ съ драгоманомъ, отправился въ губернаторскій домъ. Мютесарифъ, коренастый, довольно полный брюнетъ, лѣтъ 50-ти, но живой и бодрый, встрѣтилъ насъ очень вѣжливо, взялъ меня за руку и посадилъ на диванъ, самъ же сѣлъ въ кресло, стоявшее подлѣ. Черезъ драгомана онъ освѣдомился о моемъ «драгоцѣнномъ» здравіи, затѣмъ, о моемъ «кефѣ», т. е. расположеніи духа, и выразилъ сожалѣніе, что, по незнанію Французскаго языка (Французскаго именно!), онъ не можетъ вступить со мною въ непосредственную бесѣду. Тутъ намъ подали кофе и разговоръ перешолъ на этотъ любимый Турецкій напитокъ. Когда же и этотъ вопросъ былъ исчерпанъ, мютесарифъ, съ нѣкоторою напускною развязностью, спросилъ меня, что за охота странствовать теперь по такимъ захолустьямъ. На этотъ вопросъ я отвѣтилъ, что во владѣніяхъ

такого мудраго и строгаго правителя, каковъ его превосходительство, я не ожидаю никакой опасности для себя. «Да я не на счетъ опасности», нашелся сейчасъ-же паша: «въ моемъ санджакѣ никакой опасности для васъ быть не можетъ, а на счетъ неудобствъ, сопряженныхъ съ такимъ путешествіемъ». Тутъ вошелъ чиновникъ съ бумагою и чернильницею: паша принялъ бумагу и, обмочивъ мизинецъ въ чернильницу, помазалъ имъ печатку, которую досталъ изъ боковаго кармана, и приложилъ ее. На мѣсто печати указалъ ему чиновникъ. Затѣмъ, собственноручно вложивъ бумагу въ надписанный уже конвертъ, мютесарифъ вручилъ ее мнѣ съ слѣдующими словами: «вотъ вамъ письмо къ каймакану Татаръ-Пазарджика: какъ пріѣдете туда, передайте ему: онъ ужь позаботится о томъ, чтобы путешествіе ваше было покойно». Этотъ паша—губернаторъ лучшей области Европейской Турціи—оказался безграмотнымъ человѣкомъ! Я еще болѣе изумился, когда мнѣ доложили, что онъ зять Мидхада-паши и принадлежитъ къ его партіи, значитъ—къ партіи прогресса.

Татаръ-Пазарджикъ лежитъ къ сѣверо-западу отъ Филиппополя, въ двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ. Онъ расположенъ у самой подошвы Родопа. Въ немъ около 25,000 жителей: 8,000 Турокъ, 15,000 Болгаръ и не болѣе 100 человѣкъ Цинцаръ и Грековъ. Въ городѣ этомъ я нашелъ шесть Болгарскихъ школъ, въ которыхъ числилось 16 учителей: между ними было четверо получившихъ образованіе въ Чехіи. Граждане крайне поразили меня успѣхами своего патріотизма. Слушая ихъ рѣчи, я не вѣрилъ своимъ ушамъ. Я зналъ этотъ городъ лѣтъ 15-ть тому назадъ: какъ въ школахъ его, такъ и въ церквахъ слышенъ былъ только Греческій языкъ, жители были совсѣмъ огречены, по крайней мѣрѣ они противились тогда освобожденію Болгаръ отъ фанаріотовъ. Эту удивительную метаморфозу совершили, втеченіе какихъ нибудь 15-ти лѣтъ, нѣсколько Болгарскихъ дѣятелей, между которыми особенно усердствовалъ священникъ Георгій или «хаджи попъ», имя котораго получило извѣстность во время послѣднихъ Татаръ-Пазарджикскихъ происшествій. Отецъ Георгій сначала дѣйствовалъ тутъ, какъ школьный учитель; съ 1872 года, со времени учрежденія Болгарскаго экзархата, онъ, получивъ священническій санъ, дѣйствуетъ уже, какъ намѣстникъ Филиппопольскаго Болгарскаго митрополита. Въ качествѣ намѣстника, онъ участвуетъ въ мѣстномъ Турецкомъ «мезлишѣ». Я не скоро бы кончилъ, еслибы сталъ передавать все то, что я узналъ отъ о. Георгія въ трехчасовую свою бесѣду съ нимъ. Замѣчу только вкратцѣ, что факты, переданные имъ, характеризуютъ Турецкихъ администраторовъ, какъ замѣчательно ловкихъ мошенниковъ, полицейскихъ же,—какъ первыхъ воровъ и даже разбойниковъ. На одномъ только явленіи о. Георгій остановился съ нѣкоторою отрадою: мѣстное Турецкое населеніе (преимущественно «аги»—землевладѣльцы) быстро разоряется: ихъ недвижимая собственность переходитъ въ руки Болгаръ. «Въ трехлѣтнее мое намѣстничество, замѣтилъ о. Георгій, на моихъ глазахъ продано съ молотка до двухъ тысячъ разныхъ Турецкихъ недвижимостей. Если такъ пойдетъ дѣло еще года три, четыре, то не только въ городѣ, но и во всемъ уѣздѣ не останется ни од-

наго Турецкаго собственника: всѣ наши «аги» превратятся въ нищихъ. Они ужасно ожесточены противъ Болгаръ, грозятъ имъ поголовнымъ избіеніемъ и расхищеніемъ имущества; но надобно надѣяться, что теперь, когда настали другія времена, имъ это не удастся сдѣлать».

Переночевавъ въ Татаръ-Пазарджикѣ, я на слѣдующее утро собрался ѣхать въ Панигюрище, нанявъ городской экипажъ, фаэтонъ. (Фаэтоны появились здѣсь недавно, со времени открытія желѣзной дороги, года три, четыре назадъ.) Извощикъ, молодой Турокъ, взялся доставить меня въ шесть часовъ времени. Я заѣхалъ предварительно въ конакъ, чтобы передать каймакану письмо мютесарифа и просить у него заптія. Со мною поѣхалъ въ качествѣ переводчика содержатель гостинницы, въ которой я останавливался. Конакъ — довольно новенькое двухэтажное зданіе, стоящее посреди обширнаго двора; по сторонамъ его тянутся два флигеля: въ одномъ тюрьма, въ другомъ, такъ сказать, казарма, т. е. жилище заптіевъ, которыхъ въ городѣ числится до ста человѣкъ. Въѣхавши на дворъ, мы замѣтили въ тѣни дерева, растущаго подлѣ казармы, три человѣческія фигуры. «А вотъ и Ахмедъ-ага, который намъ нуженъ», сказалъ мой спутникъ и повелъ меня къ дереву. Тутъ на одной скамейкѣ сидѣли два Черкеса; противъ нихъ на особой скамьѣ сидѣлъ очень полный, крупнаго роста, Турецкій офицеръ, лѣтъ за сорокъ,—это-то и былъ Ахмедъ-ага, тогда юзъ-баши жандармовъ, теперь же паша, украшенный орденами за ловкость, съ которою онъ велъ избіеніе мирныхъ жителей Татаръ-Пазарджикской казы. Переводчикъ объяснилъ цѣль нашего посѣщенія конака. Ахмедъ-ага объявилъ, что каймаканъ еще въ гаремѣ, но что скоро долженъ придти въ конакъ. Онъ просилъ меня подождать и, уступивъ мнѣ свою скамейку, отвелъ въ сторону переводчика и поговорилъ съ нимъ минуты двѣ, три. Затѣмъ, онъ подозвалъ къ себѣ Черкесовъ и началъ бесѣдовать съ ними, гуляя по двору. «Что это за народъ?» спросилъ я у своего переводчика, указывая на Черкесовъ. «Это Черкесскіе аги, защитники Черкесскихъ интересовъ передъ мѣстными властями, отвѣтилъ онъ; но, въ сущности, это—начальники Черкесскихъ воровскихъ и разбойничьихъ шаекъ. Они обдѣлываютъ свои дѣлишки подъ покровительствомъ Ахмеда-аги, съ которымъ дѣлятся своею добычею. Это—правая рука Ахмеда-аги, который у насъ все: и начальникъ жандармовъ, и полиціймейстеръ, и судебный слѣдователь». Ахмедъ-ага очень увлекся бесѣдою съ Черкесами и совсѣмъ позабылъ обо мнѣ. Я попросилъ его черезъ своего переводчика препроводить мютесарифское письмо къ каймакану, чтобы тотъ поскорѣе отпустилъ меня, такъ какъ мнѣ ждать болѣе некогда. Ахмедъ сдѣлался внимательнѣе ко мнѣ: подбѣжалъ, предложилъ свою табакерку, велѣлъ подать мнѣ кофе, а самъ отправился отнести письмо. Черезъ четверть часа онъ возвратился съ извѣстіемъ, что каймаканъ проситъ пожаловать къ нему въ гаремъ. Меня озадачило это приглашеніе, но переводчикъ объяснилъ, что подъ гаремомъ тутъ разумѣется квартира каймакана, которая находилась недалеко, черезъ одинъ переулокъ. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось побывать и на квартирѣ Турецкаго каймакана. Не буду останавливаться на замѣчательно-глу-

ной бесѣдѣ, которую онъ велъ со мною,—скажу только, что это былъ грязный Турокъ съ лицомъ не то заспаннымъ, не то пьянымъ. Онъ принялъ меня въ халатѣ, туфляхъ, съ длиннымъ, чубукомъ въ рукѣ. Засаленный вицъ-мундиръ, такой-же засаленный жилетъ вмѣстѣ съ остальною форменною одеждою этого уѣзднаго начальника висѣли на одной изъ стѣнъ его гостиной, сапоги же валялись въ одномъ изъ ея угловъ. Каймаканъ оказался тоже безграмотнымъ человѣкомъ. Объ Ахмедъ-агѣ нечего и говорить! По дорогѣ изъ гарема въ конакъ, Ахмедъ нѣсколько разъ твердилъ, что дастъ мнѣ лучшаго заптія, самого «онъ-баши», который, къ тому же, говоритъ и по-Болгарски.—«Онъ оказалъ вамъ большую честь»—объяснилъ мнѣ переводчикъ, когда Ахмедъ-ага, оставивъ насъ вдвоемъ, отправился снаряжать «онъ-баши»—и надѣется, что вы дадите ему какой нибудь «бакшишъ». Дайте рубль серебра,—будетъ доволенъ».—«Какъ, рубль серебра—бакшишъ шефу жандармовъ, полиціймейстеру»!? замѣтилъ я. «Тутъ такъ заведено», отвѣтилъ переводчикъ. Прощаясь съ Ахмедъ-агою, я сунулъ ему въ руку полпиры (около трехъ рублей). Ахмедъ-ага просіялъ отъ удовольствія и очень засуетился: подозвавъ къ себѣ заптія, онъ громко сталъ читать ему наставленія, какъ беречь «такого дорогого гостя» и прислуживать ему. Затѣмъ, обратившись ко мнѣ, онъ также громко объявилъ, что я могу держать заптія, сколько угодно, и что за это ничего не обязанъ ему платить. «И бакшиша не давайте», шепнулъ онъ мнѣ на ухо.

Отъѣхавъ около пяти верстъ отъ города, мы повстрѣчались съ заптійскимъ отрядомъ изъ пяти человѣкъ. Они остановили моего онъ-баши, и когда послѣдній, пришпоривъ лошадь, догналъ меня, я освѣдомился у него, что это за народъ. «Это сердарь, возвращающійся въ городъ, отвѣтилъ онъ-баши; тутъ недавно убитъ человѣкъ въ полѣ, и сердарь ѣздилъ изслѣдовать: на землѣ какого села лежалъ убитый, чтобы опредѣлить, какое именно село должно платить за его кровь». Тутъ онъ-баши объяснилъ, что село это заплатитъ 30,000 піастровъ: во столько-де Турецкій законъ цѣнитъ христіанскую кровь! А во сколько законъ этотъ цѣнитъ мусульманскую кровь,—онъ-баши не могъ объяснить, только замѣтилъ: «разо». Я не въ состояніи рѣшить, выработанъ ли этотъ законъ Турецкимъ правомъ, или мы должны видѣть въ немъ древнюю, соединенную еще съ круговою порукою Славянскую дикую виру, которую Турки позаимствовали у Славянскихъ своихъ подданныхъ; замѣчу только, что этотъ законъ въ рукахъ Турецкихъ властей сдѣлался однимъ изъ многочисленныхъ ихъ средствъ для разоренія райи. У древнихъ Славянъ дикая вира шла въ пользу родственниковъ убитаго; у Турокъ же она идетъ частью въ казну, частью въ пользу властей, которымъ, поэтому, желательно, чтобы убійства совершались почаще. Онѣ зорко слѣдятъ за убійствами, но не для того, чтобы отыскивать убійцъ, а чтобы получать виру. Убійцъ серьезно разыскиваютъ только въ такомъ случаѣ, когда убитъ Турокъ.

Проѣхавъ половину пути, мы остановились на полчаса на одномъ постояломъ дворѣ, возлѣ несуществующаго теперь села Калагларе. Черезъ нѣсколько минутъ прискакали туда три всадника, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Они тоже остановились здѣсь; двое изъ нихъ оказались пріятелями

моего онъ-баши, и сейчасъ же кинулись къ нему; третій очень изысканно раскланялся со мною, изъ чего я заключилъ, что онъ не Турокъ. Когда мы, оставивъ всадниковъ на постояломъ дворѣ, тронулись въ путь, я освѣдомился у моего онъ-баши, чтó это за народъ. «Это Армянинъ, купившій «десятину» въ селѣ Батѣ, черезъ которое мы вскорѣ проѣдемъ, отвѣтилъ онъ баши. Онъ ѣдетъ туда собирать ее съ помощью моихъ пріятелей, которымъ онъ платитъ по сто піастровъ (7 руб.) въ мѣсяцъ каждому». Прошу обратить вниманіе на эту цифру: семи рублей не хватило бы такому молодцу и на содержаніе себя, а у пріятелей моего онъ-баши были и лошади, притомъ, хорошо откормленныя лошади. Хочу сказать, что эти молодцы не изъ-за жалованья нанимаются въ сборщики десятины.

Черезъ два часа мы уже были въ селѣ Батѣ. Проѣзжая мимо сельской церкви, я замѣтилъ кучку крестьянъ, между шапками которыхъ мелькала и священническая камилавка. Я подъѣхалъ къ нимъ, поздоровался и сообщилъ имъ новость, интересную для нихъ. «Мы это уже слышали», отвѣчаетъ священникъ, «и по этому случаю собрались на сходку. Дѣло въ томъ, что мы уже начали свозить хлѣбъ съ нивъ, а по закону онъ долженъ оставаться тамъ до пріѣзда откупщика, который тамъ и беретъ свою десятину»....—«Нельзя было болѣе ждать, господине, перебиваетъ священника голосъ изъ толпы:—сами посудите, теперь и «голѣма Богородица» (Успеніе) прошла, а хлѣбъ все еще лежитъ въ полѣ, въ крестцахъ, и лежитъ онъ тамъ еще съ Петрова дня. Сѣять давно пора, а у насъ нѣтъ ни зерна сѣмени».—«Чтó сѣять? послышался другой голосъ. Мы съ голоду умираемъ, а хлѣбъ нашъ гніетъ въ полѣ подъ дождемъ, и не смѣй до него дотрогиваться».—«Вотъ, мы ждали, ждали, прибавилъ священникъ, да и порѣшили начать свозку; нѣкоторые даже и молотить уже стали. А онъ теперь придерется къ этому, оштрафуетъ, да и страшно обсчитывать будетъ. Научи насъ, господине, какъ выпутаться изъ этой бѣды»...—«Отчего такъ поздно откупщики являются»? освѣдомился я у онъ-баши, распростившись съ бѣдными поселянами.—«Отъ того, объяснилъ онъ, что очень поздно покупаютъ села: долго имъ приходится торговаться съ правительствомъ: оно все норовитъ, какъ бы продать дороже, а они—дешевле купить. Ну, а крестьянамъ отъ этого убытокъ большой».

За десять верстъ до Панигюрища — новая сцена, въ сущности пустячная, но не лишенная нѣкотораго интереса. Въ овражкѣ, подлѣ не совсѣмъ еще достроеннаго шоссе стоитъ поломанная телѣга, кругомъ ея валяются дыни, которыя крестьянинъ подбираетъ и складываетъ въ кучку. Завидѣвъ насъ, онъ горько сталъ сѣтовать на инженеровъ, за то, что они совсѣмъ разорили народъ этими новыми дорогами, а ничего не сдѣлали хорошаго: только Божью дорогу испортили. Несчастный опрокинулъ свою телѣжку съ дынями, которыя онъ везъ изъ Татаръ-Пазарджика въ Панигюрище для продажи. Дорога тутъ, дѣйствительно, была опасная, вслѣдствіе чего кучеръ слѣзъ съ козелъ, предложивъ и мнѣ немного пройтись. Почему-то и онъ-баши слѣзъ съ коня. Я пошелъ впередъ и, пройдя нѣсколько шаговъ, услыхалъ новый вопль несчастнаго крестьянина: «да сжальтесь же, и такъ судь-

... ...ворачиваюсь и вижу, что мои Турки шествуютъ за мною съ ... каждый; онъ-баши даже готовитъ ножикъ, чтобы надрѣзать ... -царскій человѣкъ», продолжаетъ крестьянинъ, указывая на ... такъ ему и простительно, но кучеръ-то съ какого права грабитъ ме... ...ны не даромъ достались: я за нихъ деньги платилъ. Этакъ будутъ ... у меня ничего не останется». Я попросилъ кучера заплатить крестья... дыню, но онъ, не обращая вниманія на мои слова, продолжалъ себѣ ...овать, прилаживая свою добычу подъ мышкою,—дыня была огромнаго ...мѣра. Тогда я обратился къ содѣйствію онъ-баши, объявивъ ему, что если онъ не заставитъ кучера заплатить, то пожалуюсь Ахмедъ-агѣ. Было очень комично видѣть, какъ онъ-баши, пожирая свою, также украденную, очень сочную дыню, усовѣщевалъ молодого Турка, который, наконецъ, заплатилъ, но побагровѣлъ отъ злости и до самого Панигюрища не произнесъ ни одного слова, хотя я и не разъ обращался къ нему съ разными вопросами.

Панигюрище это тотъ городокъ, въ которомъ началось движеніе, послужившее сигналомъ къ Болгарской рѣзнѣ, измѣнившей совершенно ходъ южно-Славянскаго вопроса. Я прожилъ въ этомъ городкѣ около шести недѣль, почти наканунѣ помянутаго движенія, мѣсяцевъ за шесть до начала его. Надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня, если я подробнѣе остановлюсь на своихъ Панигюрскихъ наблюденіяхъ.

Панигюрище, по-Турецки Отлукъ-кей, лежитъ на довольно обширномъ плоскогоріи Средней горы, окруженномъ со всѣхъ сторонъ горами. Тутъ находится вершина Лысецъ, самый высокій пунктъ на Средней горѣ. Съ этого пункта, къ сѣверу, можно наблюдать на значительномъ протяженіи изгибы Балканскихъ горъ, къ югу можно изучать строенія всей Средней горы до того мѣста, гдѣ она касается Родопскихъ горъ. Сѣверная часть послѣднихъ также видна съ Лысеца,—видѣнъ и лабиринтъ Македонскихъ горъ съ живописными двумя конусами Рыльской планины, которые въ августѣ были покрыты снѣгомъ. Съ Лысеца видна и вся Филиппопольская равнина, видно и все Софійское поле, находящееся по ту сторону Средней горы. Знаменитый путешественникъ Ами-Вуэ, видѣвшій съ Витуша только часть этой картины, говоритъ, что она превосходитъ все, видѣнное имъ во время продолжительныхъ его странствованій.—Въ Панигюрищѣ было около 11,000 жителей, исключительно Болгаръ. Домовъ насчитывалось до 1,500. Тутъ находились три церкви, которыя теперь обращены въ груды развалинъ; одна изъ нихъ, которая была достроена лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стоила жителямъ до милліона піастровъ. Въ Панигюрищѣ я нашелъ два мужскихъ училища и одно женское. Въ послѣднемъ было около 150 учениць, которыя почти обожали свою учительницу Райку, произведенную злорадствующими врагами Болгаръ въ Болгарскую царицу. При большой мужской школѣ, въ которой училось до 350 учениковъ, существовала библіотека, насчитывавшая до 2,000 томовъ Болгарскихъ и Русскихъ книгъ. Въ этой библіотекѣ я нашелъ около 15-ти Сербскихъ и Болгарскихъ рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя относились къ XIV вѣку. Изъ этихъ рукописей меня особенно заинтересовалъ одинъ сборникъ, который, съ дозволенія

гражданъ, я вывезъ съ собою съ тѣмъ, чтобы, со временемъ, возвратить имъ. Благодаря такому обстоятельству, памятникъ этотъ, находящійся и до сихъ поръ у меня, избѣгъ участи, которая постигла остальныя Панигюрскія рукописи: всѣ онѣ, какъ и вся библіотека, сгорѣли вмѣстѣ съ школою, которую Турки также сожгли при разгромѣ Панигюрища.

Главные предметы занятій Панигюрцевъ [1])—земледѣліе и скотоводство. выдѣлка кожъ, суконное производство и проч. Тутъ много купцевъ, торгующихъ съ Константинополемъ и Сербіею. Попался мнѣ тутъ и одинъ молодой человѣкъ, который ѣздилъ съ Панигюрскими товарими въ Вѣну. Турецкую власть въ Панигюрищѣ представляетъ мюдиръ, при которомъ находятся четверо заптіевъ. Кромѣ этихъ пяти Турокъ, иногда пріѣзжаютъ сюда на время по три, четыре Турка для сбора откупныхъ податей, главнымъ образомъ десятины. Мюдиръ управляетъ городомъ и творитъ судъ при помощи народныхъ представителей (аазъ), которыхъ, однако, онъ самъ большею частью назначаетъ. Впрочемъ, народъ, когда только возможно, избѣгаетъ мюдирскаго суда и судится въ народномъ совѣтѣ, состоящемъ изъ нѣсколькихъ священниковъ и гражданъ, выбираемыхъ народомъ. Совѣтъ этотъ заботится о поддержаніи церквей, школъ и занимается разбирательствомъ тяжебъ по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію церковнаго суда; но ему приходится разбирать почти всѣ тяжбы гражданъ, которые только въ рѣдкихъ случаяхъ обращаются къ Турецкому суду.—Панигюрцы пользуются среди своихъ соплеменниковъ репутаціею гордыхъ, но честныхъ и искреннихъ людей. Турки смотрѣли на нихъ, какъ на истыхъ Черногорцевъ; такъ называлъ ихъ и мютесарифъ Филиппопольскій. Такую славу Панигюрцы заслужили тѣмъ, что не всегда даютъ себя въ обиду Туркамъ. За нѣсколько дней до моего пріѣзда нѣсколько молодыхъ Панигюрцевъ избили двухъ заптіевъ и выкупали ихъ въ лужѣ. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого, въ Панигюрищѣ пропали безъ вѣсти два заптія, отличавшіеся буйствами. Турки были убѣждены, что они убиты какими нибудь Панигюрскими гражданами, тщательно скрывшими слѣды убійства. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Черкесы повадились было появляться и въ Панигюрскія горы, съ цѣлью угона скота. Пастухи нѣсколько разъ ловили воровъ и прямо указывали на нихъ властямъ, но это ни къ чему не повело. Послѣ этого нѣсколько Черкесовъ пропало безъ вѣсти въ Панигюрскихъ горахъ, и воровство прекратилось.

Такимъ, такъ сказать, Черногорскимъ духомъ Панигюрцы обязаны, отчасти, своимъ горамъ, отчасти же, своему войникскому происхожденію. **Войниками** назывались въ Турціи христіане, которые были обязаны личною службою государству. Первоначально служба эта состояла въ отбываніи воинской повинности, на что, между прочимъ, указываетъ и самое названіе войниковъ. Войники имѣли свои **бащины** (вотчины), которыя были освобождены отъ «десятины». Войники были освобождены и отъ другихъ пода-

[1]) Жители Панигюрища называютъ себя «Панигюрцами» отъ ед. ч. «Панигюрецъ».

ба покарала». Поворо... ...довольно важными привилегіями. Турки не
дынею въ рукахъ ... ...селеніе, и даже проѣзжать черезъ него, не испро-
свою дыню. «То... ...согласія его жителей. Войникскія поселенія
онъ-баши: «так... ...которыми войники шли на царскую службу. Гла-
ня? Дыни ми... ...Филиппопольской области принадлежало Панигюр-
братъ, такъ... ...называлъ столѣтній старикъ Недѣльо Цоцовъ, но-
нину за... ...ашъ-байракъ) и съ умиленіемъ вспоминавшій о немъ.
шесть... ...привилегированнаго класса христіанъ въ Европейской
... ...любопытно; уясненіе его бросило бы лучъ свѣта на способъ
... ...ами Балканскаго полуострова. Исторія войниковъ уяснила
... ...изъ внутренней исторіи Турціи. Но историки до сихъ
... ...подозрѣвали существованія войниковъ; на нихъ чуть-ли
... обратилъ вниманіе г. Иречекъ въ своей исторіи Болгаръ,
... ...только въ прошломъ году. Войникская воля существовала съ нѣ-
... видоизмѣненіями до начала нынѣшняго столѣтія. Съ этого вре-
...турецкое правительство начало постепенно ее ограничивать, пока и
...мъ не уничтожило ее «Танзиматомъ» 1839 года. Въ Панигюрищѣ не
...али еще этой воли: многіе старики помнятъ еще золотой фирманъ своей
...щины, помнятъ и то время, когда Асанъ-бегъ Гаванозо-оглу отнялъ у нихъ
коварно эту султанскую грамоту, подтверждавшую ихъ войникскія приви-
легіи. Молодежь чутко прислушивалась къ этимъ свѣжимъ преданіямъ, ко-
торымъ она, должно быть, не мало была обязана своимъ, такъ сказать, по-
литическимъ вольнодумствомъ.

Перехожу къ невзгодамъ Панигюрцевъ. Я засталъ экономическое по-
ложеніе ихъ въ очень плачевномъ видѣ. За годъ до моего пріѣзда былъ тутъ страшный голодъ: хлѣбъ продавался въ пять разъ дороже обыкновеннаго. Къ тому же, и зима стояла необыкновенно суровая; снѣгъ лежалъ почти до конца апрѣля, чего, по словамъ Панигюрцевъ, не бывало отъ вѣка. Хозяева, заготовившіе, по обыкновенію, кормъ только по мартъ, когда стада ихъ выходили на «пашу», очутились въ необходимости держать ихъ на зимнемъ положеніи еще около двухъ мѣсяцевъ, втеченіе которыхъ они должны были покупать кормъ по баснословно-высокимъ цѣнамъ. Это ввело ихъ въ страшные долги; не смотря на это, они все таки не могли дотянуть до конца: бо́льшая часть скота пала. Прибавьте къ этому и общій застой торговли, послѣдовавшій за политическими замѣшательствами, и вы поймете, въ какомъ бѣдственномъ положеніи я засталъ Панигюрцевъ. А тутъ изъ Татаръ-Пазарджика получалось предписаніе за предписаніемъ собрать всѣ подати поскорѣе и доставить ихъ въ казну раньше назначеннаго срока. Съ великимъ трудомъ Панигюрцы собрали, въ мое пребываніе у нихъ, до 100,000 піастровъ и отправили ихъ, съ указаніемъ, что слѣдующіе взносы они не въ состояніи доставить раньше срока. Но власти и слышать не хотѣли этихъ резоновъ, а требовали черезъ двѣ недѣли доставить, во что бы то ни стало, еще 100,000 піастровъ; мой знакомый Ахмедъ-ага грозилъ, что, въ противномъ случаѣ, онъ пришлетъ въ Панигюрище на экзекуцію отрядъ заптіевъ. Угроза эта сильно дѣйствовала на Панигюрцевъ, такъ какъ

во время пребыванія заптіевъ въ извѣстномъ городѣ, жители его обыкновенно должны содержать и кормить ихъ, равно какъ и ихъ лошадей. Кромѣ того, пока цѣлый отрядъ заптіевъ остается жить въ городѣ, никто изъ гражданъ не можетъ ручаться за свою безопасность. Слѣдующіе факты, надѣюсь, покажутъ, какому необузданному разгулу предавались въ Панигюрищѣ Турецкіе блюстители общественнаго порядка. Панигюрская молодежь, прибившая, какъ было уже замѣчено, двухъ заптіевъ, была вызвана на такое рискованное дѣло тѣмъ, что эти заптіи часто являлись въ пьяномъ видѣ на самыя многолюдныя площади и тутъ среди бѣлаго дня ругали, били каждаго встрѣчнаго, не исключая дѣтей и женщинъ. Про одного изъ пропавшихъ безъ вѣсти заптіевъ мнѣ разсказывали, что разъ, остановивъ въ полѣ одного пожилого Панигюрца, онъ сѣлъ на него верхомъ и заставилъ нести себя. Разъ мнѣ удалось быть свидѣтелемъ и такого случая. Проходя мимо мюдирскаго дома, я замѣтилъ на примыкающей къ нему площади кучку людей. Подхожу,—сѣдой старикъ лежитъ на землѣ: черепъ его покрытъ запекшеюся кровью, на обнаженномъ плечѣ глубокая рана, изъ которой сочится живая кровь. Несчастный лежитъ неподвижно и только рѣдкіе глубокіе стоны свидѣтельствуютъ, что онъ еще живъ. Что это такое!? «Мы были въ полѣ», объясняетъ мальчикъ, «и нагружали возъ снопами; къ намъ подошелъ Турокъ, сборщикъ податей, и сильно началъ ругать отца; тотъ ему что-то отвѣтилъ; тогда Турокъ вынулъ ятаганъ и, какъ видите, изрубилъ отца». Я сейчасъ же отправился къ мюдиру, только что осматривавшему несчастнаго и спросилъ, что̀ онъ думаетъ дѣлать съ Туркомъ. «Что же я могу сдѣлать, когда онъ уже удралъ изъ моей волости»? былъ отвѣтъ. Вотъ образчики поведенія мѣстныхъ заптіевъ, которыхъ всего пять, шесть человѣкъ. Легко можно себѣ представить, чего можно было ожидать отъ экзекуціоннаго отряда, которымъ Ахмедъ-ага угрожалъ Панигюрцамъ. Въ виду этой угрозы, Панигюрцы напрягли послѣднія усилія, чтобы собрать требуемыя не въ срокъ деньги. Разскажу еще объ одной невзгодѣ Панигюрцевъ, которая покажетъ, ка́къ опасна самозащита отъ необузданныхъ заптіевъ. Дѣло касается пропавшихъ безъ вѣсти двухъ заптіевъ. Какъ только въ Татаръ-Пазарджикѣ убѣдились въ ихъ пропажѣ, оттуда прискакалъ самъ Ахмедъ-ага въ сопровожденіи нѣсколькихъ десятковъ заптіевъ, съ которыми и прожилъ въ Панигюрищѣ, на счетъ общины, недѣли двѣ. Втеченіе этого времени онъ все производилъ тутъ слѣдствіе; затѣмъ, выбравъ около десяти Панигюрцевъ, взялъ ихъ съ собою въ Татаръ-Пазарджикъ, гдѣ бросилъ ихъ въ тюрьму. Несчастные томились тутъ около двухъ мѣсяцевъ, по истеченіи которыхъ Ахмедъ-ага выпустилъ ихъ, но сейчасъ же потребовалъ на смѣну ихъ другихъ десять человѣкъ. Эти послѣдніе тоже оставались въ тюрьмѣ около двухъ мѣсяцевъ; они возвратились въ Панигюрище вскорѣ послѣ моего пріѣзда туда; на смѣну ихъ отправился третій десятокъ. Панигюрцы увѣряли меня, что третьею смѣною дѣло не кончится и что Ахмедъ-ага потревожитъ, такимъ образомъ, еще многихъ гражданъ, въ надеждѣ, что найдется между ними кто нибудь, который, во избѣжаніе этой своего рода пытки, откроетъ ему, наконецъ,

[illegible] пропавшихъ заптіевъ. Никто изъ гражданъ не былъ увѣренъ, что, по желанію Ахмедъ-аги, не будетъ оторванъ отъ своихъ занятій, отъ семьи и не побываетъ въ Татаръ-Пазарджикской тюрьмѣ. Но еще болѣе отравлялъ ихъ жизнь страхъ, что, пожалуй, преступленіе будетъ открыто: тогда много народа поплатится своею свободою на вѣки; да, кромѣ того, съ города будетъ взыскана дикая вира въ страшныхъ размѣрахъ.—Я указалъ только на нѣкоторыя невзгоды общаго свойства,—упомяну и о двухъ частныхъ невзгодахъ, которыя косвеннымъ образомъ коснулись и меня. Сначала я сносился съ Филиппополемъ посредствомъ мѣстнаго почталіона, ѣздившаго туда два раза въ недѣлю. Разъ онъ отправился, но не вернулся болѣе. Оказалось, что въ Филиппополѣ его арестовали и бросили въ тюрьму за то, что по дорогѣ онъ посадилъ въ свою телѣжку и подвезъ до города какого-то пѣшаго странника, котораго полиція почему-то приняла за революціонера. Не дожидаясь назначенія новаго почталіона, я послалъ въ Филиппополь гонца съ порученіями. Черезъ день узнаю, что и онъ угодилъ въ тюрьму: при проѣздѣ черезъ какую-то Турецкую деревню, его за что-то избили до смерти, затѣмъ представили въ Татаръ-Пазарджикскую полицію съ жалобою, что онъ въ присутствіи Турокъ «обругалъ мусульманскую вѣру».

Изъ сосѣднихъ деревень приходили извѣстія одно другого ужаснѣе: тамъ откупщикъ, вмѣсто десятины, взялъ половину, здѣсь онъ не хочетъ брать своей части натурою, а переводитъ ее на деньги, оцѣнивая хлѣбъ и сѣно по баснословнымъ цѣнамъ прошедшаго голоднаго года и т. п. Считаю нужнымъ припомнить, что я жилъ въ Панигюрищѣ въ то самое время, когда появились «ираде» и «фирманъ», возвѣщавшіе великія реформы, въ ожида которыхъ предписывалось властямъ строго преслѣдовать злоупотребленія заптіевъ и откупщиковъ, не сажать въ тюрьмы людей безъ явно доказанной вины, дѣла заключенныхъ за такую вину разбирать немедленно и т. д. Въ этихъ султанскихъ грамотахъ всего курьезнѣе было прощеніе недоимокъ, которыя оказались только въ Турецкихъ деревняхъ....

«Вотъ вамъ и визирство Махмуда!» говорили мнѣ Панигюрскіе знакомые, которыхъ я постоянно утѣшалъ надеждою, что Махмудъ улучшитъ, наконецъ, ихъ участь. Никто изъ Панигюрцевъ не вѣрилъ этому утѣшенію. Многіе даже не вѣрили искренности моихъ отзывовъ о Махмудѣ и, повидимому, были убѣждены, что я этими отзывами только маскирую какую-то политическую тайну. Нерѣдко приходилось слышать интимныя рѣчи такого рода: «когда же, наконецъ, будетъ поданъ сигналъ? лишь бы только начали,—за нами дѣло не станетъ,—мы и сами справимся съ сосѣдними Турками. Намъ даже оружія не нужно; у насъ въ городѣ наберется сотни три, четыре ружей, а въ случаѣ надобности мы можемъ и деревянныя пушки понадѣлать. Главное, у насъ порохъ свой и экономничать имъ намъ нѣтъ надобности». Пороху у нихъ, дѣйствительно, было въ изобиліи: какіе-то мастера нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроили въ горахъ пороховой заводъ, о существованіи котораго знали весьма немногіе.

Къ концу моего пребыванія въ Панигюрищѣ, туда начали проникать слухи, что въ Румыніи сформированы Болгарскіе отряды, которые вскорѣ

явятся на Балканы, чтобы оттуда подать сигналъ ко всеобщему возстанію, что, какъ только возстаніе начнется,—и Россія объявитъ войну Туркамъ, что въ горахъ гдѣ-то и кѣмъ-то заготовляются большіе склады оружія и т. п. Вскорѣ мнѣ представился случай познакомиться нѣсколько съ источникомъ этихъ слуховъ. Разъ явились ко мнѣ двое молодыхъ людей, которые оказались школьными учителями двухъ деревень, лежащихъ въ пяти часахъ ѣзды отъ Панигюрищá (Паничере и Ново-Село). Они сообщили мнѣ, что недѣли двѣ передъ тѣмъ къ нимъ пріѣзжалъ самъ Хитовъ, популярнѣйшій изъ Болгарскихъ гайдуцкихъ воеводъ и сказалъ имъ готовиться къ 14 сентября. Вмѣстѣ съ нимъ, пріѣзжалъ и какой-то господинъ, «должно быть, Русскій», замѣтили молодые люди. «Они указали намъ и мѣсто, гдѣ мы къ этому дню должны собраться, и гдѣ будетъ выдано оружіе нуждающимся въ немъ; увѣряли также, что какъ только мы возстанемъ, и Россія объявитъ войну»... Разсказъ этихъ юношей привелъ меня въ сильное недоумѣніе, которое вскорѣ объяснилось. Около половины сентября въ двухъ уѣздныхъ городахъ Филиппопольскаго санджака, именно: въ Захарѣ (Желѣзникѣ) и Черпанѣ былъ открытъ бунтъ: нѣсколько десятковъ молодыхъ людей вышли ночью изъ Захары и отправились въ горы, гдѣ надѣялись найдти воеводъ съ дружинами, найти оружіе и т. п. Долго они бродили по горамъ, но не найдя ничего такого, рѣшили, раздѣлившись на нѣсколько партій, возвратиться домой. Между тѣмъ, у городскихъ воротъ ихъ дожидались заптіи, которые и заарестовали всѣхъ. Бунтъ!.. Мютесарифъ поскакалъ въ Захару вмѣстѣ со всѣми наличными заптіями: учителя, старшіе ученики, священники, многіе изъ зажиточныхъ гражданъ, словомъ, вся интеллигенція, до 800 человѣкъ, были посажены въ тюрьмы. Нѣчто подобное, только въ меньшемъ размѣрѣ, происходило въ тоже самое время въ Черпанѣ. Началось слѣдствіе, которое производилось весьма таинственно. Въ публику, однакожъ, былъ пущенъ слухъ, что предупрежденное возстаніе было подготовлено Русскими эмиссарами. Эти происшествія навели меня на мысль, въ которой, впослѣдствіи, я имѣлъ случай вполнѣ удостовѣриться: для меня теперь несомнѣнно, что Захарское и Черпанское происшествія находятся въ связи со странствованіемъ тѣхъ агитаторовъ, о которыхъ говорили мнѣ вышеназванные молодые люди. Я несомнѣваюсь, что эти таинственныя личности были подосланы Турками: собранныя мною данныя не даютъ еще возможности рѣшить, кому слѣдуетъ приписать эту адскую махинацію: другу-ли Россіи, Махмуду, или его врагу Митхаду-пашѣ... Турецкіе мудрецы отлично понимаютъ, что мѣстное возстаніе въ Болгаріи нисколько не опасно для ихъ государства. Вызывая такого рода возстанія посредствомъ ими же импровизованныхъ Русско-Болгарскихъ агитаторовъ, мудрецы эти, помимо нѣкоторыхъ частныхъ разсчетовъ, преслѣдуютъ и двѣ общія цѣли: во-первыхъ, компрометировать Россію въ глазахъ западно-Европейской дипломатіи и тѣмъ парализовать ея давленіе на Порту; во-вторыхъ, развязать себѣ руки для сокрушенія Болгарской интеллигенціи. И надо отдать справедливость Турецкимъ дипломатамъ: они ведутъ это дѣло необыкновенно ловко. Лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и то совер-

менно случайно, я узналъ, что и возстаніе Раковскаго, въ 1853 г., было дѣломъ Турецкой интриги противъ Россіи. Бѣдный Раковскій, воспѣвшій это возстаніе въ своемъ «Горскомъ Путникѣ» былъ искренно убѣжденъ, что онъ дѣйствовалъ самостоятельно и что на народныя деньги вооружалъ свою дружину...

Захарское дѣло произвело сильное смятеніе, въ виду котораго мнѣ невозможно было и думать о странствованіи по Средней горѣ и Родопу. Было неблагоразумно оставаться долѣе и въ Панигюрищѣ,—я долженъ былъ возвратиться въ Татаръ-Пазарджикъ, чтобы оттуда по желѣзной дорогѣ добраться поскорѣе до Константинополя. По пріѣздѣ въ Татаръ-Пазарджикъ, я немедленно отправился къ о. Георгію, котораго засталъ въ полномъ отчаяніи. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ послѣднія двѣ, три недѣли къ нему поступило такъ много жалобъ на злоупотребленія и неистовства Турокъ, сколько прежде и въ годъ не поступало. Власти, къ которымъ о. Георгій обращался съ этими жалобами, не только не давали имъ хода, но еще заявляли ему, что все это ложь, что онъ самъ заставляетъ народъ сочинять такія жалобы въ угоду «Русскимъ кометамъ» (комитетамъ). «На дняхъ, продолжалъ о. Георгій, меня и другихъ Болгарскихъ представителей прямо выгнали изъ меджлиса. Какъ только мы пришли туда, насъ попросили удалиться, объявивъ, что меджлису предстоитъ совѣщаться о дѣлахъ, не касающихся Болгаръ. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ они затѣвали что-то недоброе». При этомъ о. Георгій сообщилъ, что, по дошедшимъ до него слухамъ, обанкрутившіеся Турецкіе беги, давно жаждущіе избіенія болѣе зажиточныхъ Болгаръ и расхищенія ихъ имуществъ, дѣятельно разжигаютъ фанатизмъ Турецкаго населенія разными выдумками: между прочимъ, они распространяютъ въ средѣ его слухъ, что Болгари замышляютъ поголовное избіеніе Турокъ. О. Георгій подозрѣвалъ участіе и нѣкоторыхъ представителей власти въ этой пропагандѣ беговъ. «Да доводите ли вы обо всемъ этомъ до свѣдѣнія экзарха?» спросилъ я. Въ отвѣтъ на это о. Георгій сообщилъ, что онъ недавно получилъ изъ экзархата приказаніе, по возможности, воздерживаться отъ представленія жалобъ. Приказаніе это очень озадачило меня: по возвращеніи въ Константинополь, я постарался освѣдомиться о мотивахъ его. Оказалось, что хваленый Махмудъ заставилъ экзарха сдѣлать такое предписаніе: «Я, говорилъ онъ экзарху, впослѣдствіи все сдѣлаю для васъ, сдѣлаю такъ, что вы будете вполнѣ довольны, — только теперь прошеній, жалобъ никакихъ мнѣ не подавайте». При этомъ, Махмудъ приказалъ экзарху представить ему адресъ отъ имени Болгаръ и заявить въ немъ какъ можно торжественнѣе о довольствѣ послѣднихъ своимъ положеніемъ, о благодарности ихъ за новыя милости, которыя султанъ излилъ на своихъ подданныхъ послѣднимъ фирманомъ и т. п. Я тутъ невольно припомнилъ ликованіе по поводу новаго визирства Махмуда, припомнилъ и слова Константинопольскаго старожила.

Этими бѣглыми замѣтками я долженъ ограничиться. Онѣ касались, главнымъ образомъ, одной изъ Болгарскихъ областей, именно—Филиппополь-

ской [1]).Не знаю, дадутъ ли онѣ хоть слабое представленіе о тѣхъ разнородныхъ элементахъ, изъ которыхъ подготовлялась туча, разразившаяся такою бурею надъ этою областью. Но смѣю надѣяться, что онѣ могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, въ какомъ положеніи находилась эта область наканунѣ ея погрома. Замѣчу еще, что, по своему положенію, Филиппопольская область считалась лучшею изъ всѣхъ Болгарскихъ областей. Такимъ сравнительно счастливымъ положеніемъ она обязана, въ значительной степени, тому обстоятельству, что въ ней живетъ множество иностранцевъ и иностранныхъ консуловъ, въ виду которыхъ Турки обуздываютъ свои дикіе инстинкты. И если, не смотря на это, и тутъ инстикты эти проявлялись въ такихъ формахъ, на которыя было указано, то легко можно себѣ представить, что происходитъ въ другихъ областяхъ, куда рѣдко заглядываетъ Европейское око. Особенно тяжело положеніе областей, которыя не вошли еще въ округъ Болгарскаго экзархата. Однѣ изъ нихъ, выгнавъ Греческое духовенство, но не получивъ и до сихъ поръ національнаго, остаются совсѣмъ безъ защитниковъ предъ правительствомъ; другія же все еще продолжаютъ пользоваться покровительствомъ фанаріотскаго духовенства. При такомъ положеніи дѣла, всѣ усилія большинства Болгарскихъ патріотовъ были направлены къ тому, чтобы завоевать экзархату и эти Болгарскія области. «Дайте и ихъ объединить, пробудить, просвѣтить,—тогда Турецкое иго падетъ само собою», говорили эти патрісты, порицая, попытки молодежи и эмигрантовъ къ возстанію... Быть можетъ, путь, по которому они шли и привелъ бы къ цѣли, но очень поздно. А судьба, повидимому, избрала другой путь для избавленія многострадальнаго народа,—путь кровавый, но болѣе прямой и краткій.

Будемъ надѣяться, что кровь десятковъ тысячъ жертвъ, обагрившая поля и горы Филиппопольской области есть кровь искупленія всего Болгарскаго народа отъ вѣкового рабства.

М. Дриновъ.

---

[1]) Выше, на стр. 27, сказано, что южная граница Болгаріи, во Ѳракіи, охватываетъ Адріанополь, а въ Македоніи—Солунь. До XVI в. граница Болгаріи, какъ свидѣтельствуютъ многія несомнѣнныя данныя, простиралась еще далѣе. Считаемъ не лишнимъ привести важное и любопытное свидѣтельство Вильгельма Тирскаго объ этомъ предметѣ. «Народъ Болгарскій, говорилъ онъ, занялъ всѣ страны, лежащія между Дунаемъ и Цареградомъ съ одной стороны, и между этою же рѣкою и Адріатическимъ моремъ—съ другой, такъ что... все это пространство, имѣющее, какъ говорятъ, въ длину 30 дней пути, въ ширину же 10 или болѣе, стало называться Болгаріею». При этомъ, Латинскій историкъ, не безъ нѣкотораго удовольствія, замѣчаетъ, что бѣдные Греки и не понимаютъ, какъ позорно для нихъ наименованіе этихъ странъ (miseris Graecis ignorantibus, quod hoc ipsum nomen (Bulguria) eorum protestetur ignominiam»). [Bongars: «Gesta Dei per Francos»... стр. 653; «Період. Спис.» кн. 11 и 12. См. также: М. С. Дринова «Южные славяне и Византія въ X в.». Слова эти написаны въ XII в., именно въ то время, когда Болгары находились подъ властью Византіи и, слѣдовательно, указываютъ не на политическія, а на дѣйствительныя тогдашнія этнографическія границы Болгарской области.

Татары и Черкесы въ Турціи.

[Два письма бывшаго Турецкаго паши].

Татары въ Европейской Турціи и ихъ отношенія къ Болгарамъ.

Теперь много пишутъ о Турціи и серьозно ведутъ рѣчь если не о совершенномъ уничтоженіи имперіи султановъ, то, по крайней мѣрѣ, о коренномъ преобразованіи въ ея отношеніяхъ къ своимъ собственнымъ подданнымъ. Поэтому не будетъ, быть можетъ, излишнимъ взглянуть на положеніе Татаръ, которые, будучи, большею частью, переселенцами изъ-за Турецкой границы, распространились и поселились въ Европейской Турціи по обѣимъ сторонамъ Балкановъ. Татарское населеніе простирается уже свыше четверти милліона душъ обоего пола; сравнительно съ остальными мусульманами, оно наиболѣе обнаруживаетъ въ своей жизни интеллигентности, болѣе проявляетъ братской расположенности къ своимъ сосѣдямъ Болгарамъ и склонно было бы, повидимому, совершенно ославяниться, если бы обстоятельства сдѣлали это желательнымъ и полезнымъ. Это—дѣйствительный фактъ, признанный страною и ея обывателями. Трудно рѣшить, происходитъ ли это отъ тайнаго сродства расъ — такъ какъ Болгары, хотя и давно ославянились, но ведутъ свое происхожденіе, за одно съ Татарами, отъ Туранскаго корня—[1]) или является результатомъ того методическаго презрѣнія, съ которымъ Турки всегда относятся къ Татарамъ, какъ и къ Болгарамъ, что могло породить взаимное расположеніе между двумя послѣдними населеніями.

Систематическое презрѣніе, съ давнихъ поръ питаемое Турками къ Татарамъ, было ограничено, по крайней мѣрѣ - въ своихъ послѣдствіяхъ, султанами Абдулъ-Азисомъ и Абдулъ-Меджидомъ, предшественниками двухъ послѣднихъ султановъ; они искренно и серьезно желали для всѣхъ своихъ подданныхъ равенства политическихъ и соціальныхъ правъ. Вслѣдствіе этого, при нихъ Татары и казаки изъ Добруджи, равно какъ Некрасовцы, пользовались широкими преимуществами и имѣли такую военную организацію, благодаря которой поставляли въ Турецкую армію полкъ кавалеріи, безспорно лучшій между всѣми ея регулярными полками. Это возвысило ихъ значеніе въ странѣ и внушительно дѣйствовало на Турокъ. Но идея равенства оставлена при султанѣ Абдулъ-Азисѣ. Старые государственные люди и ихъ идеи устранены; началось переселеніе Черкесовъ; на него смотрѣли, какъ на подмогу исламизма, усиливающую Албанцевъ и омусульманившихся Славянъ, которые составляли основу мусульманскаго населенія въ Европѣ. На Черкесовъ смотрѣли, какъ на соплеменниковъ, и такъ какъ они были изгнаны христіанами изъ своей страны, то имъ позволено было возмѣстить свою потерю на христіанахъ Европейской Турціи. Татары, племя трудолюбивое, расположенное къ порядку и повиновенію, не питали сочувствія къ

[1]) Безъ сомнѣнія, автору весьма трудно было бы доказать это положеніе и, очевидно, ему неизвѣстны послѣднія замѣчательныя сочиненія по этому предмету, напр. Иловайскаго, «Розысканія о началѣ «Руси» и др. *Ред.*

этимъ собратьямъ по вѣрѣ, какъ къ людямъ безчинства и грабежа, точно такъже какъ не сочувствовали они имъ въ то время, когда, подъ властью Крымскихъ хановъ, составляли самостоятельное государство, простиравшееся до предѣловъ Кавказа,—точно такъ же какъ Шамиль, вопреки своему желанію и не смотря на общность вѣры, никогда не могъ слить во-едино эти два племени.

Татары, живущіе въ Турціи, могутъ быть подраздѣлены слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, Буджакскіе Татары, которые, послѣ завоеванія ихъ страны Россіею, массою выселились на берега Дуная, въ Добруджу, усѣлись въ нынѣшнихъ округахъ: Гирсовскомъ, Мачинскомъ, Бабадагскомъ, Кюстендженскомъ, и разбросали свои деревни и поселенія у Силистріи и Варны. Это самая главная группа Татаръ, поселившихся въ Турціи, насчитывающая въ одной Добруджѣ до ста тысячъ душъ. Она составляла нѣчто въ родѣ военнаго поселенія, поставлявшаго Турціи великолѣпныхъ кавалеристовъ; при султанѣ Махмудѣ, когда заведена была регулярная и постоянная армія (низамы), они образовали первые полки регулярной кавалеріи. Полкъ регулярной кавалеріи изъ Добруджскихъ Татаръ отличался въ то время вездѣ,— и при усмиреніи возставшихъ Арабовъ, предводимыхъ Египетскимъ вице-королемъ, Мегмедомъ-Али, и при усмиреніи Албанскаго возстанія, равно какъ при возстаніи Курдистана и Боснійскихъ мусульманъ. Изъ этого полка вышло много лучшихъ офицеровъ Турецкой арміи, какъ напримѣръ: Саидъ Мирза-паша, Зіа-паша, Мурадъ-бегъ, бывшій Татарскій офицеръ Русской службы, который въ битвѣ при Незибѣ, съ своимъ Татарскимъ полкомъ, спасъ остатки Турецкой арміи, преслѣдуемой Египтянами. Этотъ полкъ существуетъ и до настоящаго времени въ третьемъ корпусѣ Румелійской арміи; онъ называется Татарскимъ полкомъ, но отурченъ до такой степени, что въ немъ вовсе или почти нѣтъ Татаръ,—они замѣнены Турками. У него отобраны даже Татарскія сѣдла и замѣнены сѣдлами Европейскими, по образцу регулярной Турецкой кавалеріи.

Къ этимъ Татарамъ принадлежалъ также Гуссейнъ-ага-паша, истинный виновникъ уничтоженія янычаръ, при султанѣ Махмудѣ. Происходя изъ города Бендеръ, въ Бессарабіи, онъ переселился на Дунай вмѣстѣ съ Буджакскими Татарами, вписался въ корпорацію янычаръ и, затѣмъ, сдѣлался ихъ начальникомъ. Впослѣдствіи, онъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Болгаріи и управлялъ ею мудро и справедливо. До сихъ поръ Болгары вспоминаютъ объ немъ съ уваженіемъ; Сербы также обязаны ему признательностью, такъ какъ онъ могущественно содѣйствовалъ утвержденію ихъ автономіи путемъ добрыхъ отношеній, которыя онъ поддерживалъ съ ними. Онъ былъ преданнымъ приверженцемъ идеи прочнаго утвержденія имперіи султановъ на основѣ искренняго согласія со Славянскими народами Турціи, закрѣпленнаго полнымъ равенствомъ гражданскихъ и политическихъ правъ. На этихъ основаніяхъ, согласно съ мыслью своихъ верховныхъ повелителей, онъ хотѣлъ упрочить имперію.

Въ 1853 году, вслѣдствіе распоряженія султана Абдулъ-Меджида, генералиссимусъ Турецкой арміи, Омеръ-Лютифъ-паша (Михаилъ Латичъ, ро-

[illegible] отдѣлилъ иррегулярную Татарскую кавалерію отъ ирре- [illegible] оманскихъ казаковъ. Эти послѣдніе включены въ составъ [illegible] лярной кавалеріи, въ видѣ опыта, съ тѣмъ, чтобы, впослѣд- [illegible] нихъ, какъ около ядра, могли сгруппироваться и другіе сол- [illegible] христіанъ; при этомъ, имѣлось въ виду, что всѣ христіанскіе [illegible] имперіи будутъ призваны къ участію въ воинской службѣ, что по- [illegible] ы къ полному сліянію ихъ съ ихъ мухаметанскими завоевателями и [illegible] чило бы имъ одинаковыя съ этими послѣдними права. Въ этотъ ка- валерійскій корпусъ были допускаемы въ качествѣ охотниковъ всѣ Сла- вяне, желавшіе служить въ войскѣ.

Такимъ образомъ, Татарская конница, отдѣленная отъ казаковъ, обра- зовала особый корпусъ, подъ командою одного изъ потомковъ мирзъ Буд- жакскихъ Татаръ, носившаго офиціальный титулъ хана-мирзы. Онъ былъ непосредственнымъ начальникомъ Татаръ этой вѣтви, и всѣ повелѣнія сул- тана были сообщаемы имъ черезъ него, а не черезъ Турецкихъ пашей- гражданскихъ — то, или военныхъ правителей.

Между тѣмъ, такое раздѣленіе, сдѣланное съ похвальною цѣлью, не было полезно для Татаръ и они сами были имъ недовольны; они говорили: «теперь, когда отняли у насъ Некрасовцевъ, которые были зрѣніемъ и слу- хомъ въ нашей военной корпораціи, мы все равно что тѣло, лишенное сво- ихъ существенныхъ членовъ».

Событія оправдали истинность этого сужденія Татаръ, которые очень хорошо чувствовали слабую сторону своей организаціи. Такъ, во время Ду- найской кампаніи Татарская конница была застигнута въ расплохъ, разбита при Черной Водѣ (Буцъ-Кай) и на половину захвачена въ плѣнъ первымъ полкомъ Донскихъ казаковъ, конницею стараго Сазонова, и находившимся при немъ отрядомъ Маріампольскихъ гусаръ, подъ командою подполковника, князя Антона Любомирскаго.

Вслѣдствіе этого похода, Татарская конница была снова реорганизо- вана и отправлена въ Крымъ, подъ Евпаторію, гдѣ она раздѣляла общую судьбу съ кавалеріею союзниковъ, не имѣвшею вообще большого успѣха противъ Русской кавалеріи, предводимой графомъ Ржевусскимъ. Изъ Крыма она опять была отправлена въ Добруджу, еще ранѣе окончанія войны, что служило какъ бы наказаніемъ за неуспѣшность ея дѣйствій. Эту немилость особенно глубоко чувствовалъ ея начальникъ ханъ-мирза, который вскорѣ даже померъ отъ огорченія, жалуясь до послѣдняго издыханія на отдѣленіе казаковъ отъ Татаръ. Казаки между тѣмъ, напротивъ, служили съ боль- шимъ успѣхомъ, и подъ конецъ войны, въ видѣ особой награды, изъ нихъ образовали бригаду въ 12 эскадроновъ, и эта бригада была включена въ со- ставъ султанской гвардіи и должна была служить кадромъ для казацкой организаціи и для кавалеріи изъ христіанъ, которую предполагалось, со вре- менемъ, учредить на болѣе широкихъ основаніяхъ.

До восшествія на престолъ Абдулъ-Азиса, какъ Татары, такъ и казаки сохраняли пріобрѣтенныя ими военныя привилегіи. Впослѣдствіи, положе- ніе дѣла измѣнилось, привилегіи были отняты. Однако, казацкая бригада султанской гвардіи, еще втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, продолжала свое су-

ществованіе; но Татары были совершенно замѣнены Черкесами. Эти послѣдніе сдѣлались любимцами султана и Турецкихъ сановниковъ, для гаремовъ которыхъ они доставляли молодыхъ дѣвушекъ. Особымъ предпочтеніемъ отличали Черкесы дѣвушекъ изъ Татарскихъ селеній, гдѣ женщины при красотѣ имѣютъ еще и то преимущество, что принадлежатъ къ мусульманскому закону; это, впрочемъ, не мѣшало Черкесамъ, въ случаѣ возможности, воровать и Болгарокъ, обращая ихъ, при этомъ, въ исламъ.

Эти юныя одалиски продавались по высокой цѣнѣ для султанскаго сераля, для гаремовъ богатыхъ Турецкихъ вельможъ и Египетскихъ любителей роскоши и наслажденія этого рода. Подобное предпріятіе чрезвычайно плодотворно и приноситъ бóльшіе барыши, чѣмъ самый лучшій сахарный заводъ. До 1864 г. красивыя Черкешенки продавались по 50,000 піастровъ за субъектъ.

Такъ, Черкесы сдѣлались поставщиками предметовъ наслажденія для восточныхъ сластолюбцевъ и, напротивъ, сочащеюся язвою для своей страны и ея жителей. Они питаютъ и развиваютъ своею дѣятельностью ненависть противъ правительства, и еще неизвѣстно, какую пользу это послѣднее извлечетъ изъ этого въ случаѣ войны и возмущенія.

Татары — люди трудолюбивые и преданные земледѣлію. Они держатъ также много скота и стада барановъ; вообще, они очень мало отличаются отъ Болгаръ и живутъ вполнѣ въ ладу съ ними.

Вся часть Добруджи, населенная Татарами, хотя и различается отъ Крыма своимъ климатомъ и географическимъ положеніемъ, носитъ на себѣ отпечатокъ старой родины Татаръ. Небольшіе города и поселенія всѣ носятъ тѣ же названія, которыя встрѣчаются въ Крыму: Акъ-Серай, Акъ-Мечеть, Кафа, Ялта и т. п. Самая мѣстность представляетъ обширную степь, уходящую въ даль, во всѣ стороны, до предѣловъ горизонта, чтò напоминаетъ жителямъ ихъ степи Крымскія, Перекопскія, Буджакскія и дѣлаетъ для нихъ дорогимъ ихъ новое отечество. Татары, выселившіеся изъ Крыма во время восточной войны, основали значительный городъ Меджидіе, на старомъ мѣстѣ города Кара-су, на срединѣ демаркаціонной линіи, отдѣляющей Добруджу отъ Болгаріи и протягивающейся отъ Черны-Воды (Буцъ-Кэй), на Дунаѣ, къ Кюстенджи, на берегу Чернаго моря. Эта линія является продолженіемъ русла стараго канала (слѣды его еще сохранились), который соединялъ Дунай съ озеромъ Кара-су, изливавшимся въ Черное море. Среди этого Татарскаго оазиса раскиданы Болгарскія деревни и нѣсколько поселеній Румынъ и Добруджскихъ казаковъ, а равно Черкесовъ. Городъ Меджидіе пріобрѣлъ въ послѣднее время довольно важное торговое значеніе и болѣе Европейскую физіономію, чѣмъ большая часть городовъ внутри Турціи. Татары менѣе фанатики, чѣмъ Турки, и большая часть ихъ женщинъ ходитъ съ открытыми лицами. У Татаръ даже почти нѣтъ фанатизма. Когда въ султанскомъ войскѣ существовали полки христіанской конницы, они массами являлись въ эти полки, желая служить въ нихъ охотниками, только бы не служить съ Турками въ армейскихъ полкахъ, послѣ того, когда была уничтожена ихъ военная организація. Чтобы избѣжать рекрутчины, они также охотно поступали въ жандармы или заптіи, особенно въ Добруджѣ, и тутъ они замѣтно отличались отъ заптіевъ-Турокъ своею тер-

пимостью и честностью. Между поселеніями этихъ Татарскихъ переселенцевъ болѣе поздняго времени, разбросанными и группирующимися особенно въ Добруджѣ и Болгаріи, по обѣимъ сторонамъ Балкановъ, находятся также древнія поселенія, основанныя членами старинной фамиліи Крымскихъ хановъ, Гиреями, которыхъ Турецкіе султаны, взявъ подъ свою охрану, переселили, по политическимъ видамъ, изъ Крыма въ Румелію. Эта фамилія крайне размножилась и нынѣ насчитываетъ въ своемъ составѣ сто членовъ. Замѣчательно, что ни одинъ изъ нихъ никогда не посвящалъ себя Турецкой государственной службѣ, за весьма небольшимъ числомъ исключеній. Со времени Крымской войны, многіе изъ нихъ служили; изъ ихъ числа Максудъ-Гирей служилъ во Французской службѣ и получилъ знаки почетнаго легіона; Исламъ-Гирей-Керимъ и Менгли-Гирей — въ полкахъ Турецкихъ казаковъ, но ни одинъ изъ нихъ не служилъ собственно въ Турецкомъ войскѣ. Они держатся въ сторонѣ отъ Турокъ, гордятся своимъ происхожденіемъ, отличаются любовью къ борзымъ и лошадямъ, но вообще бѣдны. Многіе изъ самыхъ бѣдныхъ занимаются ремесломъ весьма прибыльнымъ и, между тѣмъ, не требующимъ большаго труда. Пользуясь своими хорошими отношеніями къ Болгарамъ, они берутъ на себя обязанность защищать этихъ послѣднихъ противъ вымогательствъ Турецкихъ беговъ и агъ, собственниковъ страны, противъ притѣсненій гражданскихъ чиновниковъ и случайныхъ военныхъ отрядовъ; эту обязанность они выполняютъ съ смѣлою рѣшимостью и нерѣдко съ опасностью собственной жизни. За то Болгары обработываютъ для нихъ, безъ всякаго вознагражденія, ихъ поля и сады, починяютъ ихъ жилища или строятъ имъ новые дома въ мѣстахъ ихъ пребыванія, однимъ словомъ — исполняютъ для нихъ всякую службу, въ возмѣщеніе покровительства, которое оказываютъ имъ эти Татары. Между ними господствуетъ полнѣйшее согласіе и развѣ въ видѣ рѣдкаго исключенія какой-либо Гирей позволитъ себѣ въ отношеніи къ нимъ какое нибудь злоупотребленіе, при томъ это никогда не случается ни въ той деревнѣ, гдѣ онъ живетъ, ни въ ея окрестностяхъ, и развѣ гдѣ либо вдали. Такъ поступаютъ волки, которые, не желая, чтобы было открыто ихъ логовище въ томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, стараются сокрыть его похищеніемъ добычи въ отдаленіи или въ сторонѣ отъ своего мѣстопребыванія. Гиреи и Болгарскія деревни, по отношенію къ которымъ они принимаютъ на себя обязанность защиты, по общему молчаливому соглашенію съ ихъ жителями, — особенно распространены въ долинѣ Тунджи и въ странѣ, лежащей между этою долиною и долиною Марицы. Вошедши въ одну изъ этихъ деревень, легко узнать, есть ли въ ней Гирей, или нѣтъ. На крышѣ его дома, по близости трубы, устроено что-то въ родѣ гнѣзда для борзыхъ, которыя помѣщаются тутъ въ видахъ опрятности; по двору бродятъ гончія, въ сѣняхъ, по насѣстямъ, сидятъ прирученные соколы въ капюшонахъ. Если вы входите въ домъ, то самъ Гирей, хозяинъ жилища, принимаетъ васъ въ своей свѣтлицѣ, но не на Персидскихъ коврахъ, а на войлокахъ Болгарскаго издѣлія; хотя вся обстановка жилья довольно бѣдна, но Гирей держитъ себя съ достоинствомъ, сознавая, что онъ не ниже своихъ предковъ, принимавшихъ гостей въ аудіенціи, возсѣдая на тронѣ Крымскихъ хановъ

Турецкія власти, зная эти отношенія Гиреевъ къ Болгарамъ, равно и то вліяніе, которое первые имѣютъ на многихъ изъ послѣднихъ, умѣютъ нерѣдко, съ большимъ искусствомъ, извлекать изъ этого пользу.

Въ Сливенскомъ санджакѣ, на южномъ склонѣ Балканъ, вдоль Тунджинской долины, населенной Болгарами довольно смѣлаго и вспыльчиваго нрава, большимъ вліяніемъ пользуется Саадетъ-Гирей, человѣкъ довольно богатый. Во время смутъ и народныхъ волненій Турецкіе правители часто прибѣгали къ его помощи и, хотя и не охотно, спрашивали его совѣтовъ, слѣдовали его наставленіямъ. Этотъ Гирей, отличающійся смѣлымъ предпріимчивымъ духомъ, часто бросается въ такія рискованныя коммерческія дѣла, которыя давно сгубили бы его, если бы онъ не находилъ себѣ поддержки у Болгаръ, а также у правительства, которое нерѣдко нуждается въ немъ.

Одно изъ лучшихъ доказательствъ вліянія Гиреевъ на Болгаръ можно было видѣть во время такъ называемаго Болгарскаго возстанія 1867 г., возстанія микроскопическаго, но раздутаго, изъ дюймовыхъ размѣровъ, въ нѣчто очень страшное. Султана пугали, какъ пугаютъ маленькихъ дѣтей привидѣніями и лѣшими, и воспользовались этимъ съ тою цѣлью, чтобы, возбудивъ съ себѣ ярость, показать передъ Западомъ силу и величіе Турецкой военной организаціи, которая способна въ нѣсколько недѣль подавить грозное возстаніе и успокоить страну; между тѣмъ, эта послѣдняя была совершенно спокойна и вовсе не помышляла о какомъ ни на есть возмущеніи Нѣсколько сотенъ Болгаръ и другихъ національностей, составивъ отрядъ [1]). въ Румыніи, перешли Дунай и вошли въ Болгарію, подъ предводительствомъ Тотья, и нынѣ еще здравствующаго и проживающаго въ Одессѣ [2]). Они были преслѣдуемы и разсѣяны гражданскими властями, при участіи мусульманскихъ и христіанскихъ обывателей страны, и военная власть не имѣла никакой надобности мѣшаться въ это дѣло. Но губернаторъ не удовольствовался нѣсколькими десятками заключенныхъ въ тюрьмы и велѣлъ, сверхъ того, повѣсить болѣе пятисотъ Болгаръ, пойманныхъ якобы на мѣстѣ преступленія. Трудно было набрать такое количество жертвъ, и сначала взялись, для этой цѣли, за тѣхъ Болгаръ, которые за разныя преступленія были подвергнуты тюремному заключенію. При этомъ оправдывались тѣмъ соображеніемъ, что эти личности, если бы пользовались свободою, несомнѣнно приняли бы участіе въ возстаніи, и слѣдовательно, во всѣхъ отношеніяхъ они заслуживали быть повѣшенными, каковой приговоръ немедленно и приводился въ исполненіе. Судъ былъ коротокъ, исполненіе еще короче. Затѣмъ, стали придираться ко многимъ Болгарскимъ обывателямъ, затѣвать съ ними ссоры, и нѣкоторыхъ изъ нихъ нашли также виновными въ возстаніи. Такимъ образомъ схватили одного богатаго Болгарина, хорошей фамиліи, по по тому поводу, что въ комнатѣ у него висѣлъ на стѣнѣ портретъ древняго Болгарскаго царя Ивана Шишмана, представленнаго вооруженнымъ съ головы до ногъ и сидящаго на лошади зеленаго цвѣта. Обвинитель объяснялъ пашѣ, что зеленый цвѣтъ—символъ надежды, и въ данномъ случаѣ это явля-

[1]) Это была гайдуцкая чета. Объ организаціи и дѣйствіяхъ гайдуцкихъ четъ см. ниже, въ отд. IV. [2]) Нынѣ въ Бѣлградѣ. *Ред.*

лось неопровержимымъ доказательствомъ того, что писавшій портретъ питалъ надежду, что Болгары, со временемъ, снова будутъ имѣть своего царя. Напрасно бѣдный Болгаринъ показалъ, что это его дѣти напроказили, раскрасивъ портретъ зеленою краскою, что онъ ихъ даже наказалъ за это; онъ даже представилъ пашѣ свидѣтелей, которые подтвердили всѣ его показанія. Но все это было безполезно; свидѣтели были христіане, а по шаріату (законъ, основанный на коранѣ), свидѣтельство христіанъ не имѣетъ никакого значенія. Несчастный былъ повѣшенъ, по новой, скорой и весьма простой методѣ, изобрѣтенной Европейцемъ къ услугамъ паши: осужденный взошелъ на пустую бочку; одинъ конецъ веревки былъ прикрѣпленъ къ косяку, другой обмотали около шеи преступника, затѣмъ, сбиръ-палачъ однимъ толчкомъ ноги опрокинулъ бочку. Вотъ какъ расправлялись съ такъ называемыми Болгарскими революціонерами и возстановляли спокойствіе въ странѣ. Губернаторъ провинціи имѣлъ въ своемъ распоряженіи весь второй армейскій корпусъ съ его командиромъ, заключающій въ себѣ тридцать баталіоновъ пѣхоты и почти столько же эскадроновъ кавалеріи, нѣсколько полковъ артиллеріи, сверхъ того, весь резервъ этого корпуса (редифы) и нѣсколько тысячъ иррегулярнаго ополченія, набраннаго изъ Помаковъ (храбрыхъ горцевъ, происходящихъ отъ Малороссовъ [1]) изъ-подъ Каменецъ-Подольска, Бендеръ и другихъ мѣстъ и переведенныхъ въ старину Турецкими султанами изъ мѣстъ прежней своей осѣдлости въ горы Румеліи, гдѣ они, большею частью, приняли исламъ). Съ подобными силами были не въ состояніи немедленно подавить движеніе, возникшее въ странѣ, и небольшіе отряды инсургентовъ болѣе двухъ мѣсяцевъ держались въ ней, переходя съ мѣста на мѣсто, и обращали на себя возбужденное вниманіе свѣта.

Напротивъ, въ сосѣдней Адріанопольской провинціи, вся вооруженная сила состояла только изъ семи эскадроновъ казаковъ и нѣсколькихъ баталіоновъ редифовъ, призванныхъ къ оружію. Казаки, большая часть которыхъ состояла изъ Болгарскихъ охотниковъ, одни несли обязанность держать разъѣзды по странѣ и предупреждать всякія манифестаціи. Въ этой провинціи принадлежитъ часть Балканскаго хребта съ его отраслями; населеніе здѣсь довольно зажиточное, достаточно просвѣщенное и образованное и отличается гораздо бо́льшею живостью, чѣмъ Болгарское населеніе другихъ провинцій. Кромѣ этой незначительной военной силы, пользовались нравственнымъ вліяніемъ Гуреевъ на населеніе, и Болгары оставались здѣсь совершенно спокойными, между тѣмъ какъ при другихъ условіяхъ они могли бы создать правительству много затрудненій. Ихъ не соблазнили Балканскія горы, представляющія собою естественную крѣпость и позволяющія съ успѣхомъ поддерживать возстаніе цѣлые годы.

Гиреи знали Болгаръ такъ хорошо, словно они сами принадлежали къ ихъ націи, они понимали, о чемъ кто изъ нихъ думалъ, на что кто изъ ихъ среды былъ способенъ. Они очень хорошо вѣдали тѣхъ, кто по своимъ дѣйствіямъ, или по образу мыслей могъ бы попасть на висѣлицу и, въ крайнихъ случаяхъ, способствовали ихъ выѣзду въ Бухарестъ, Бѣлградъ, Вѣну,

[1]) У Польскихъ этнографовъ встрѣчается даже мнѣніе, что слово Помаки (т. е. отурченные Болгары) есть испорченное названіе Поляковъ-переселенцевъ. *Ред.*

Аѳины, говоря: «власти знаютъ объ васъ и слѣдятъ за вами; вы компрометированы и вамъ не остается на выборъ ничего лучшаго, какъ удалиться изъ страны; вы вернетесь, когда гроза пройдетъ, когда настанутъ, дастъ Богъ, лучшія времена». Такимъ-то образомъ, безъ шуму, такъ сказать, по семейному, они, мало-по-малу, удалили людей энергичныхъ, страна осталась спокойною, и значительное число людей обязано этимъ Татарамъ своимъ спасеніемъ отъ висѣлицы. Султанъ Ахметъ-Гирей, 80-лѣтній старикъ, проживающій въ окрестностяхъ Ени-Захары и пользующійся чрезвычайнымъ уваженіемъ у Гиреевъ, втеченіе этого смутнаго времени, давалъ у себя пріютъ многимъ десяткамъ Болгаръ, бѣжавшимъ изъ Дунайской провинціи, гдѣ въ ходу было вѣшаніе, и, такимъ образомъ, спасъ ихъ. Когда, вслѣдъ затѣмъ, военная власть сдѣлала ему конфиденціальный запросъ, чего ради онъ позволилъ себѣ подобное противодѣйствіе закону, онъ отвѣчалъ: «Болгаринъ для насъ свой человѣкъ, а Турокъ зулумчаръ (грабитель), и если бы его не было съ нами, то это было бы небольшимъ зломъ, — мы и безъ него съумѣли бы обойтись и отлично устроить свои дѣла». Въ это время почти всѣ Гиреи дѣйствовали подобнымъ образомъ, хотя, конечно, не высказывали своихъ мнѣній въ такой рѣзкой формѣ.

Гиреи, хотя и ведутъ происхожденіе свое отъ Кавказскихъ племенъ, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствуетъ выраженіе ихъ физіономіи, рѣзко отличающейся отъ Татарскаго типа, въ своихъ дѣйствіяхъ не имѣютъ ничего общаго съ поселившимися въ Турціи Черкесами. Гиреи пользуются Болгарами, но пользуются съ согласія этихъ послѣднихъ и отплачиваютъ имъ за то своими услугами; между тѣмъ, Черкесы пользуются и желали бы пользоваться еще болѣе изъ того же источника, но пользуются, похищая свою добычу при помощи насилія и воровства. Стремясь къ одной и той же цѣли, Гиреи возбуждаютъ зависть Черкесовъ, вырождающуюся во многихъ мѣстахъ въ ожесточенную ненависть этихъ послѣднихъ, какъ противъ Гиреевъ, такъ и противъ покровительствуемыхъ ими Болгаръ.

Можно сомнѣваться, могли ли бы Гиреи и вмѣстѣ съ ними Татары, питающіе великое уваженіе къ ихъ султанъ-Гирею, много повредить движенію Болгаръ, въ случаѣ серьезнаго возстанія этихъ послѣднихъ; но если бы это возстаніе увѣнчалось успѣхомъ, то очень вѣроятно, что Татары остались бы съ Болгарами въ тѣхъ же дружественныхъ отношеніяхъ, какъ и нынѣ.

Татарское племя съ Гиреями во главѣ было очень полезно для Болгаръ и можетъ оказать имъ еще новыя услуги въ будущемъ. Это племя трудолюбивое и покорное, совѣстливо исполняющее распоряженіе своихъ начальниковъ, въ противоположность Албанцамъ. Это можно видѣть въ составѣ Турецкой полиціи и жандармеріи, которая въ большей части состоитъ изъ Албанцевъ и Татаръ. Первые грубы, сварливы, склонны къ грабежу и хищничеству, много шумятъ и мало дѣлаютъ дѣла, подобно тому, какъ корова, которая постоянно мычитъ, мало даетъ молока; Татары — совершенно напротивъ. Турки говорятъ про нихъ, что Россія выучила ихъ порядку и дисциплинѣ; сами Татары говорятъ, что, напротивъ, ихъ отцы пріучили нѣкогда Россію къ порядку и дисциплинѣ.

Если Болгарамъ суждено пріобрѣсть когда либо независимость, или что

нибудь близкое къ независимости, Татары могутъ быть имъ очень полезны на первыхъ порахъ, пока ихъ отношенія къ Туркамъ упрочатся на твердыхъ основаніяхъ. Они обнаруживаютъ гораздо менѣе фанатизма, чѣмъ Турки, гораздо менѣе питаютъ отвращенія къ другимъ національностямъ, и гораздо болѣе расположены къ усвоенію Европейской цивилизаціи. Сверхъ того, между Татарами, особенно въ простонародьи, господствуетъ убѣжденіе, что они одного происхожденія съ Болгарами, одинаково происходя изъ центральной горной плоскости Азіи.

Это доброе согласіе между Татарами и Болгарами, съ теченіемъ времени, еще болѣе утвердилось и развилось, благодаря двумъ Болгарскимъ губернаторамъ Татарскаго происхожденія. Первый изъ нихъ былъ Гуссейнъ-ага-паша, истинный виновникъ уничтоженія янычаръ.

Султанъ Махмудъ, желая завершить и привести къ хорошему концу начатыя имъ преобразованія, рѣшился упразднить янычаръ, которые своимъ буйствомъ и строптивостью тормозили всякое преуспѣяніе имперіи. Выполненіе этой задачи онъ возложилъ на великаго визиря хромоногаго Хузрефа-пашу, родомъ Черкеса. и на своего военнаго министра Гуссейнъ-агу-пашу, бывшаго агу или главнаго начальника янычаръ. Эти послѣдніе пронюхали, къ чему идетъ дѣло, и собрались въ своихъ казармахъ. съ цѣлью предотвратить переворотъ и низложить султана. Гуссейнъ-паша, не теряя времени, собралъ, какое можно было собрать, новоустроенное регулярное войско, которое, впрочемъ, еще не заслужило этого имени. Взявъ нѣсколько пушекъ, онъ быстро отправился съ этимъ войскомъ на площадь Этъ-Майданъ, гдѣ находились казармы янычаръ. Завидѣвъ войско, янычары собрались вмѣстѣ; распахнулись двери казармъ, и они готовы были ринуться чрезъ нихъ бурною массою; новички солдаты испугались, попятились, и Гуссейнъ-паша остался одинъ, окруженный небольшимъ числомъ храбрецовъ. Не теряя присутствія духа, онъ разрядилъ свой пистолетъ на одну изъ пушекъ, заряженныхъ картечью и направленныхъ на двери казармъ; его примѣру послѣдовалъ одинъ султанскій конюшій, Сулейманъ-ага. Огонь пистолетныхъ выстрѣловъ воспламенилъ порохъ въ пушкахъ, и масса янычаръ пала убитыми и раненными. Войско ободрилось и собралось около своего начальника, который повелъ его на приступъ на казармы. Когда дѣло было кончено, Гуссейнъ отправился во дворецъ стараго сераля, куда прибылъ султанъ, чтобы быть ближе къ мѣсту дѣйствія. Министръ представилъ ему свою реляцію о происшедшемъ; султанъ выслушавъ его, сказалъ: «надо покончить съ этими бунтовщиками и уничтожить ихъ всѣхъ»! Затѣмъ, онъ спросилъ, гдѣ великій визирь Хузрефъ, полагая, что онъ былъ вмѣстѣ съ Гуссейномъ. Ни кто не зналъ, куда онъ дѣвался; только вдругъ Гуссейнъ замѣчаетъ, что изъ подъ софы высунулся кончикъ желтой туфли; ухватившись за ногу, на которую была надѣта эта туфля, онъ вытащилъ изъ-подъ софы крайне смущеннаго великаго визиря Хузрефа, который, будучи трусомъ по природѣ, спрятался такимъ образомъ, опасаясь за успѣшный исходъ происшествія. Не теряя времени, Гуссейнъ выхватилъ изъ ноженъ свою саблю и, вручая ее Хузрефу. сказалъ: «что касается меня —

я исполнилъ свое дѣло; теперь твоя очередь: — орудуй казнями, рѣжь головы». Эти слова нисколько не разсердили султана, который улыбнулся и сказалъ: «Татаринъ никогда не измѣняется и остается все тотъ-же». Хронологій Хузрефъ въ самомъ дѣлѣ взялъ на себя обязанность покончить съ янычарами и казнилъ ихъ, какъ любитель дѣла. Янычары раздѣлялись на орды, въ сто человѣкъ каждая, поэтому на обѣихъ рукахъ они имѣли наколотый или вытравленный нумеръ, какой кому изъ нихъ принадлежалъ въ ордѣ; сверхъ того, на рукѣ же они носили изображеніе того животнаго, которое избрали себѣ въ патроны; тутъ были всякія породы животныхъ и даже всѣ виды рыбъ. Хузрефъ, для котораго присутствовать при казняхъ было истиннымъ удовольствіемъ, велѣлъ сначала рубить янычарамъ руки, въ знакъ того, что они лишаются своего званія, и, затѣмъ уже, приказывалъ рубить головы. Трупы казненныхъ бросали въ Босфоръ, чтобы они служили пищею рыбамъ.

Послѣ войны 1828 года и Адріанопольскаго договора, Гуссейнъ-паша, который былъ любимцемъ султана, просилъ у него и получилъ генералъ-губернаторство въ Болгаріи, гдѣ избралъ себѣ мѣстопребываніе въ Виддинѣ. Въ это именно время Болгары жестоко страдали, находясь въ крайней нищетѣ и униженіи, исключительно благодаря туземнымъ мусульманскимъ бегамъ и агамъ, которые творили съ Болгарами, что̀ только имъ было угодно. Убить Болгарина — было пустячнымъ дѣломъ, даже не считавшимся преступленіемъ. Гуссейнъ очень хорошо зналъ этотъ порядокъ вещей и порѣшилъ уничтожить его. Такъ какъ онъ владѣлъ чрезвычайно большими угодьями и, притомъ, они были разбросаны по всей странѣ, и такъ какъ у него водились громадные капиталы, то онъ закупилъ очень значительное число домашняго скота и большое количество зерна въ Румыніи и Бессарабіи. Затѣмъ, онъ принялся разъѣзжать по странѣ и, переходя изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, вездѣ раздавалъ земледѣльцамъ скотъ и зерно, говоря: «вы возвратите мнѣ это, когда будете въ состояніи; я не полагаю на васъ никакого разсчета, но вы обязываетесь продавать въ мои же конторы все, что̀ будете имѣть для продажи. Я буду покупать у васъ всякую вещь на пять процентовъ дороже противъ той цѣны, по какой вы могли бы продать ее всякому другому лицу. Точно также вы обязываетесь покупать у меня все то, что̀ только вамъ понадобится, и я буду вамъ продавать на пять процентовъ дешевле, чѣмъ вы могли бы купить въ другомъ мѣстѣ». Его конторы были разбросаны по странѣ и поддерживали живую торговлю съ заграницей. Онъ имѣлъ своихъ уполномоченныхъ въ Ливорно, Тріестѣ, Марсели и въ Англіи, и закупая здѣсь всякіе товары, продавалъ ихъ, затѣмъ, въ своей странѣ.

Плоды такого управленія скоро обнаружились:—въ странѣ стало распространяться благосостояніе и благополучіе, невиданное съ давняго времени.

Чтобы положить конецъ насиліямъ и злоупотребленіямъ беговъ и агъ, Гуссейнъ пустилъ въ ходъ радикальныя средства.

Вошло, между прочимъ, въ обычай, что всякій Турокъ, проѣзжая черезъ христіанскую деревню, имѣлъ право на ея счетъ продовольствоваться

самъ и продовольствовать свою свиту, равно какъ лошадей. Это, хотя и было обременительно для жителей, имѣло, по крайней мѣрѣ, практическій смыслъ; но рядомъ съ этою принудительною податью существовала еще другая, болѣе несправедливая, извѣстная подъ именемъ «серебро зубовъ» (дишъ-парасы); она состояла въ томъ, что Болгаринъ, послѣ угощенія Турка, долженъ былъ давать ему еще деньги за то, что онъ изволилъ утруждать свои зубы, кушая предложенную ему Болгариномъ пищу.

Гуссейнъ-паша, желая пресѣчь эти и подобныя злоупотребленія, издалъ и разослалъ по всей Болгаріи приказъ не злоупотреблять обычаями, грозя ослушникамъ самымъ суровымъ наказаніемъ.

Одинъ изъ богатѣйшихъ беговъ города Рахова, желая показать, какъ мало значенія беги придавали распоряженіямъ визиря, нарочно отправился въ одну Болгарскую деревню и велѣлъ заплатить себѣ очень большую сумму «дишъ-парасы». Скоро Гуссейнъ-паша узналъ объ этомъ нарушеніи его приказа. Онъ велѣлъ бегу явиться къ себѣ въ Виддинъ, принялъ его очень вѣжливо и спросилъ, извѣстенъ ли ему его приказъ. Бегъ отвѣчалъ утвердительно. Между тѣмъ, паша велѣлъ еще разъ прочитать ему этотъ приказъ; затѣмъ, позвавъ хирурга, велѣлъ ему вырвать у бега всѣ зубы, говоря: «такъ какъ ты не хочешь подчиняться моимъ приказаніямъ, то я отнимаю у тебя поводъ нарушать ихъ».

Этотъ примѣръ строгости произвелъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе на жителей и положилъ конецъ злоупотребленію, существовавшему очень долгое время.

Гуссейнъ-паша вошелъ также въ сношенія съ Сербами, защищалъ ихъ автономію передъ Константинопольскимъ правительствомъ и старался настроить ихъ противъ Мадьяръ и Австрійцевъ, которыхъ не навидѣлъ. Австрійское правительство, которое и безъ того было очень недовольно управленіемъ Гуссейна, приписывая его мѣрамъ паденіе своей торговли въ Дунайской провинціи Турціи, съумѣло такъ ловко повести игру въ Константинополѣ, что Гуссейнъ-ага-паша получилъ отставку. Это было большою потерею для страны и затормозило начавшееся сліяніе народностей имперіи, сліяніе, которое, при мудромъ и справедливомъ управленіи, могло бы, со временемъ, осуществиться.

Другой Татаринъ, управлявшій Болгаріею равнымъ образомъ въ качествѣ генералъ-губернатора, былъ Саидъ-мирза-паша, родомъ изъ Добруджи.

Онъ провелъ свою молодость на берегахъ Дуная и въ лѣсу Дели-Орманъ (онъ находится въ странѣ, лежащей между Рущукомъ, Силистріею и Шумлою), во главѣ разбойничьей шайки, состоявшей изъ Татаръ и Болгаръ и занимавшейся кражею лошадей и скота у богатыхъ землевладѣльцевъ и въ Турецкихъ деревняхъ. Пойманный на мѣстѣ преступленія, онъ былъ закованъ въ кандалы, но освободился изъ нихъ, изъявивъ желаніе поступить въ корпусъ иррегулярной Татарской и казацкой конницы. Благодаря своему мужеству и способностямъ, онъ быстро вышелъ изъ нижнихъ чиновъ и скоро сдѣлался однимъ изъ лучшихъ генераловъ Турецкой арміи.

Когда, вслѣдъ затѣмъ, онъ былъ сдѣланъ губернаторомъ Болгаріи, его

грабительскіе инстинкты продолжали въ немъ существовать, и онъ нажилъ много денегъ. Константинопольское правительство, которое наблюдало за нимъ, немедленно отозвало его съ его мѣста и въ наказаніе отобрало отъ него все, что̀ онъ собралъ. Такимъ образомъ, онъ много разъ былъ посылаемъ губернаторомъ въ Болгарію и въ другія провинціи.

Онъ самъ говорилъ о себѣ, дѣлая намекъ на свое поведеніе: «Я хорошая молочная корова для Турокъ; я имѣю способность скоро тучнѣть на Турецкихъ пастбищахъ, но Турки еще лучше умѣютъ выдоить изъ меня все накопившееся молоко, отозвавъ меня въ Константинополь».

Онъ вполнѣ подходилъ подъ то опредѣленіе, какое дѣлалъ пашамъ-губернаторамъ провинцій: эти молъ паши похожи на пустыя и сухія губки, которыя раздуваются на своихъ мѣстахъ, всасывая въ себя со всѣхъ сторонъ; но правительство, вслѣдъ затѣмъ, выжимаетъ ихъ, заставляя возвратить все, что̀ ими всосано.

Хотя онъ былъ несравненно ниже Гуссейнъ-аги-паши, но, по крайней мѣрѣ, онъ всегда выказывалъ расположенность къ Болгарамъ и въ иныхъ случаяхъ защищалъ ихъ, когда въ этомъ была надобность.

Въ Силистріи проживалъ одинъ наслѣдственный паша, потомокъ древняго рода Турецкихъ спагіевъ, Ибрагимъ, человѣкъ чрезвычайно богатый и въ свое время оказавшій правительству большія услуги. Онъ пользовался вниманіемъ Высокой Порты, и высокопоставленные Турецкіе сановники относились къ нему съ большимъ уваженіемъ; между тѣмъ, онъ позволялъ себѣ дѣлать всевозможныя злоупотребленія. Такъ, между прочимъ, чтобы выразить свое презрѣніе къ Болгарамъ и поиздѣваться надъ ними, онъ имѣлъ обыкновеніе разъѣзжать на нихъ верхомъ, когда Дунай выходилъ изъ береговъ и городскія улицы были залиты водой и грязью. Если ему встрѣчалось болотистое мѣсто, то онъ садился на спину какому либо Болгарину и, постегивая плетью свою новоизобрѣтенную двуногую лошадь, заставлялъ ее переносить себя черезъ болото. Онъ позволялъ себѣ эти странныя причуды, разсчитывая на услуги, оказанныя правительству во время восточной войны. Онъ былъ уже очень старъ и весьма дороденъ. Однажды, когда онъ ѣхалъ описаннымъ образомъ на Болгаринѣ, его повстрѣчалъ Саидъ-мирза, тогдашній губернаторъ Болгаріи. Саидъ до того былъ возмущенъ такимъ поведеніемъ Ибрагима, что, не владѣя собою, онъ опрокинулъ его въ грязь, собственноручно отсчиталъ ему хорошее нравоученіе и посадилъ подъ арестъ. Ибрагимъ не преминулъ пожаловаться въ Константинополѣ; паша, съ своей стороны, также послалъ свой рапортъ туда. Но тамъ его обвинили, и онъ потерялъ свое мѣсто и губернаторство. Это уже было послѣднее назначеніе его губернаторомъ Болгаріи, и, такимъ образомъ, окончилась его политическая карьера.

II. О выселившихся въ Турцію Черкесахъ.

Въ 1854 г.; послѣ занятія союзниками Керчи, Англійскій главнокомандующій лордъ Рагланъ, далъ совѣтъ послать эмиссаровъ на Кавказъ, къ Черкесамъ, чтобы поднять ихъ на войну противъ Россіи, во имя

султана, халифа мусульманъ. Главнымъ агентомъ этой пропаганды былъ Англичанинъ, который передъ тѣмъ продолжительное время жилъ въ Джубѣ, въ чемъ-то въ родѣ укрѣпленнаго замка, принадлежащаго фамиліи Зазиоглу, въ странѣ Шапсуговъ. Уздени (классъ высшаго дворянства) и ворки (мелкое дворянство) были приглашены въ Джубу. Тутъ эмиссары объяснили собравшимся намѣренія Англійскаго и Турецкаго правительствъ и объявили отъ ихъ имени призывъ къ войнѣ противъ Россіи. Черкесы прежде всего спросили у нихъ, какую цѣль имѣютъ въ виду союзныя правительства и имѣютъ-ли они въ виду проникнуть вовнутрь страны и предать ее грабежу и раззоренію. Эмиссары отвѣчали, что цѣль союзныхъ правительствъ—принудить Россію отступить отъ береговъ Чернаго моря со стороны Кавказа, а также освободить Черкесовъ отъ Русскаго господства и обезопасить ихъ отъ попытокъ Русскаго правительства окончательно подчинить ихъ своей власти; тогда Черкесы могли-бы признать надъ собою верховное покровительство султана, халифа правовѣрныхъ, и Турецкіе полки стояли-бы гарнизономъ въ крѣпостяхъ, занятыхъ въ то время Русскими, и то только съ цѣлью защиты страны отъ этихъ послѣднихъ. Черкесы на это единодушно отвѣчали: «Мы вовсе не желаемъ имѣть сосѣдями Турокъ, мы предпочитаемъ Русскихъ, ибо они богаты и кое-что имѣютъ. Правда, что мы постоянно воюемъ съ ними, но въ этомъ нѣтъ бѣды; напротивъ, это даетъ намъ возможность имѣть богатую добычу. Турки же—сами ничего не имѣютъ, вести войну не любятъ, но за то любятъ много получать; они не преминули-бы наложить руку на наше имущество и притѣснять насъ, какъ они это дѣлаютъ со всѣми подданными султана-халифа, все-равно—мусульмане они, или нѣтъ, только будь они не Турки». Таковъ былъ рѣшительный отвѣтъ, который Черкесы дали эмиссарамъ и который эти послѣдніе справедливо поняли въ смыслѣ отказа со стороны Черкесовъ принять участіе въ войнѣ.

Когда сердарь-экремъ (генералиссимусъ) Омеръ-паша (Хорватъ по происхожденію, Михаилъ Латичъ) оставилъ Крымъ и проникъ съ Турецкою арміею въ Грузію, первою его заботою было послать къ народцамъ, населяющимъ часть Кавказа, прилегающую къ Черному морю, къ Шапсугамъ, Абадзэгамъ и другимъ эмиссаровъ: одного въ лицѣ Али-паши, бригаднаго генерала Турецкой арміи, а другого—въ лицѣ Черкеса Гуссейна Дэинъ-паши, отправленнаго къ Убигамъ и Ордановамъ. Этимъ эмиссарамъ было поручено пригласить Черкесовъ присоединиться къ арміи Омеръ-паши. Нѣсколько десятковъ узденей дѣйствительно явились въ Турецкій лагерь и объявили здѣсь тоже самое, что̀ передъ тѣмъ было высказано ими въ Джубѣ. Между тѣмъ, они были хорошо приняты Омеръ-пашею, который далъ имъ хорошіе подарки и они, отправляясь домой, обѣщали прислать охотниковъ въ Турецкую армію, но заявили, что общее движеніе Черкесовъ цѣлою массою никоимъ образомъ состояться не можетъ, что они теперь узнали цѣль войны и что эта послѣдняя не отвѣчаетъ ихъ видамъ. Такимъ образомъ, Крымская война прошла почти безъ участія Черкесовъ.

Послѣ этой войны, лордъ Редклифъ покровительствовалъ экспедиціи, предпринятой съ тою цѣлью, чтобы вызвать смуты на Кавказѣ, экспедицію,

состоявшую изъ нѣсколькихъ сотенъ Поляковъ и Черкесовъ, служившихъ въ разныхъ чинахъ Туркамъ и получившихъ отпускъ. Главою предпріятія былъ Черкесъ Себеръ-паша Занъ-оглу, одинъ изъ тѣхъ начальниковъ надъ народцами Шапсуговъ и Ночаговъ, которые еще раньше, во время Крымской войны, были назначены Турецкимъ правительствомъ управлять Черкесами, но провели все время войны безъ солдатъ и безъ управляемыхъ. Эти нѣсколько сотенъ людей были приведены на Кавказъ Полякомъ Лапинскимъ; кспедиція ихъ потерпѣла полное фіаско, такъ какъ не встрѣтила у горкихъ племенъ ни сочувствія, ни желанія помочь ея задачѣ.

Послѣ этого неудачнаго предпріятія, которое принесло пользу только нѣсколькимъ спекуляторамъ и затѣйникамъ, нашли нужнымъ перемѣнить тактику. Стали дѣйствовать на Черкесовъ, возбуждая ихъ религіозныя чувства и льстя ихъ наклонностямъ. Стали соблазнять ихъ переселиться въ Турцію, увѣряя, что они найдутъ тамъ готовыя жилища, свободныя земли и все, что̀ будетъ нужно для ихъ существованія, что, сверхъ того, они будутъ употребляемы въ войнѣ такъже, какъ употребляются Албанцы, т. е. какъ иррегулярныя войска, и при этомъ будутъ пользоваться всею свободою, какая предоставляется баши-бузукамъ или иррегулярнымъ войскамъ. Душою этой пропаганды былъ хаджи-Кіеравдукъ-Барзекъ, изъ знаменитой фамиліи племени Убиговъ, покойный братъ котораго прославился на Кавказѣ своими военными дѣлами и своею храбростью. Военныя дѣянія Барзека далеко не соотвѣтствовали той высокой репутаціи, какою онъ пользовался; Черкесы видѣли въ немъ героя, но если ихъ спрашивали, какимъ дѣломъ онъ прославился, не блестящимъ-ли военнымъ подвигомъ?— они отвѣчали отрицательно, говоря, что въ то время, когда онъ былъ еще на родинѣ, онъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы участвовать въ экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ Черкесами. Но у Анапы онъ укралъ у коменданта этой крѣпости лошадь, которая паслась тутъ, по близости; лошадь была рыжей масти, онъ перекрасилъ ее въ гнѣдую, и въ этомъ видѣ продалъ ее коменданту, который не узналъ въ ней своей прежней лошади. Барзекъ укралъ ее снова, преобразилъ ее въ черную и опять продалъ тому же владѣльцу; тоже самое удалось ему продѣлать и въ третій разъ. Это обратило на него вниманіе Черкесовъ; они возлагали на него большія надежды и не сомнѣвались, что онъ способенъ сдѣлать все, что̀ угодно, была бы только охота и благопріятныя обстоятельства.

Третьимъ подстрекателемъ былъ Измаилъ-паша, Черкесъ, проданный въ юности Туркамъ и, затѣмъ, освобожденный ими. Онъ былъ въ Турціи почтдиректоромъ и во время войны 1854 г. былъ назначенъ правителемъ Кавказа, конечно in partibus, такъ какъ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи ни страны, которою бы могъ управлять, ни подчиненныхъ, ни полковъ, которыми бы могъ командовать, но за то онъ весьма дѣятельно и въ большихъ размѣрахъ велъ торговлю женщинами и пріобрѣлъ себѣ этимъ промысломъ большое состояніе. Чтобы вполнѣ узнать и характеризовать этого человѣка, достаточно указать слѣдующій фактъ изъ его жизни. Когда онъ былъ еще отрокомъ, имѣя восемь лѣтъ отъ роду, онъ привелъ однажды къ пашѣ свою

мать, предлагая этому послѣднему купить ее у него. Мать маленькаго Измаила была еще довольно молода и сохраняла еще всю свою красоту. Турецкій паша былъ изъ довольно порядочныхъ людей; возмущенный подобною торговлею, онъ распорядился отсыпать мальчику Черкесу хорошее нравоученіе, сдѣлалъ строгій упрекъ матери за ея поведеніе и объявилъ, что, по Турецкимъ законамъ, они свободны и что ея сынъ не имѣетъ права продавать ее. Мать и сынъ остались недовольны исходомъ дѣла и тѣмъ, чтó было имъ сказано; они отправились жаловаться къ кадію или мусульманскому судьѣ. Кадій, съ своей стороны, удивился какъ разсудительности Черкесскаго мальчика, такъ и мужеству его матери, продававшей себя; онъ купилъ эту послѣднюю, вмѣстѣ съ Измаиломъ, ея курьезнымъ собственникомъ, воспиталъ его у себя и своимъ покровительствомъ помогъ ему, впослѣдствіи, сдѣлаться пашею.

Что касается хаджи-Кіеравдука, то онъ воровалъ не лучше другихъ, но извѣстенъ, между прочимъ, тѣмъ, что у себя на Кавказѣ велѣлъ варварски умертвить Бендерли-бея (Полякъ Гордонъ), изъ зависти къ популярности, которую этотъ послѣдній пріобрѣлъ у Черкесовъ своимъ мужествомъ и оказанными имъ услугами.

Таковы были три главные предводители и агитаторы, на которыхъ возложена была задача попытаться послѣдній разъ произвести смуту на Кавказѣ, въ 1862 г., съ цѣлью подготовить переселеніе Черкесовъ къ своимъ единовѣрцамъ, въ Турцію. Для перваго начала, съ ними не было уже послано нѣсколько сотъ людей, а только одинъ отставной полковникъ Турецкой арміи Клементи-бей, одинъ лейтенантъ Османъ-бей да одинъ Французскій механикъ и инженеръ съ нѣсколькими горными орудіями Англійскаго издѣлія и болѣе тридцати отставныхъ канонировъ Турецкой арміи, по происхожденію—Черкесовъ. Все было обдѣлано подъ руководствомъ и при помощи денегъ Англійскаго посла въ Константинополѣ.

Когда выселеніе Черкесовъ стало совершаться въ замѣтныхъ размѣрахъ, Турецкое правительство поручило Черкесу Нусретъ-пашѣ, генералу Турецкой службы, организовать колонизацію переселенцевъ. Этотъ паша—надо отдать ему справедливость—былъ человѣкъ способный и довольно хорошій воинъ, такъ какъ окончилъ курсъ военныхъ наукъ въ Парижѣ; онъ исполнилъ, къ удовольствію правительства, данное ему порученіе такимъ образомъ, что колонизація Черкесовъ отвѣчала своей цѣли, которая заключалась въ томъ, чтобы усилить въ странѣ мусульманскій элементъ и имѣть средства, въ случаѣ возстанія христіанъ, къ подавленію инсурекціоннаго движенія. Въ правительственныхъ сферахъ, въ Константинополѣ, уже предвидѣли, что подобное движеніе можетъ возникнуть, его даже желали и предвидѣли противъ него готовыя средства.

Черкесскія поселенія разсѣяны по всей странѣ малыми группами, въ перемежку съ деревнями Болгарскими, Татарскими и Греческими: находясь на разсчитанномъ разстояніи другъ отъ друга, эти поселенія расположены такимъ образомъ, что образуютъ собою линіи, прорѣзывающія страну во многихъ направленіяхъ, въ длину и въ ширину.

Деревни, предназначенныя для новыхъ поселенцевъ, были выстроены въ

Европейской Турціи вдоль большихъ дорогъ и въ важнѣйшихъ горныхъ проходахъ, въ разстояніи одного перехода одна отъ другой; при этомъ, если находили нужнымъ, отчуждали земли и строенія туземныхъ обывателей и переводили ихъ на другія мѣста. Во многихъ значительныхъ христіанскихъ деревняхъ, въ виду того, что число переселенцевъ не было настолько велико, чтобы они могли занять всѣ позиціи, туземцы обязаны были построить на свой счетъ по два дома, въ каждой деревнѣ, для новыхъ пришельцевъ и снабдить ихъ на свой счетъ всѣмъ необходимымъ для земледѣльческаго хозяйства. Эти дома заняли переселившіеся Черкесы, составляя въ этихъ мѣстахъ нѣчто въ родѣ мусульманской полиціи и служа передовою стражею и соглядатаями для чисто Черкесскихъ деревень. Такимъ образомъ, сѣть Черкесскихъ поселеній охватила собою всю Болгарію. Той же системѣ Турецкое правительство слѣдовало въ Азіи, вдоль границъ Кавказа и среди Армянскаго населенія.

Вскорѣ, послѣ переселенія Черкесовъ въ Турцію, учредили Черкесскій полкъ, при чемъ Черкесамъ оставленъ ихъ національный костюмъ; это былъ первый шагъ въ устройствѣ постоянной военной организаціи Черкесовъ, изъ среды которыхъ набиралась, сверхъ того, большая часть солдатъ, составляющихъ частную гвардію или конвой султана, извѣстный подъ именемъ Силахъ-Шуру. Впрочемъ, эти усилія правительства пропали даромъ, не будучи въ состояніи одолѣть безчиннаго духа Черкесовъ, и полкъ ихъ имѣлъ лишь эфемерное существованіе. Въ этомъ полку Черкесскіе солдаты убили многихъ Турецкихъ офицеровъ, которые были надъ ними поставлены на основаніи органическаго регламента, по которому $^1/_3$ офицеровъ должна была быть Турецкаго происхожденія. Вынуждены были немедленно уничтожить это начало военной организаціи, но особенныя преимущества, предоставленныя Черкесамъ, не были у нихъ отняты.

Переселенцы пользовались всевозможными преимуществами и полною свободою, простиравшеюся до крайнихъ предѣловъ. Все это, сообразно заранѣе обдуманному плану, было направлено къ тому, чтобы по всей имперіи расширить и укрѣпить мусульманскій элементъ. Этотъ планъ имѣлъ свой смыслъ и могъ быть полезенъ, съ правительственной точки зрѣнія; но Черкесы не поняли задачи, рѣшеніе которой на нихъ возлагалось; движимые инстинктомъ грабежа и воровства, они, вмѣсто того, чтобы, пользуясь своими привилегіями, организоваться въ благоустроенное общество, разсѣялись по странѣ, вездѣ мародерствуя, воруя все, что подвертывалось подъ руку. Выгодами расположенія своихъ поселеній по этапнымъ линіямъ они воспользовались для того, чтобы уворованное въ одномъ мѣстѣ быстро передавать въ другое, отдаленное. Добыча, награбленная въ Румеліи, изъ поселенія въ поселеніе, переходила въ Малую Азію и наоборотъ; это давало возможность продавать ее съ выгодою и безъ всякаго риска. Такое широкое приволье Черкесовъ въ Турціи, быть можетъ, было, отчасти, слѣдствіемъ могущественнаго покровительства, которое Черкесы нашли для себя въ Турціи и которымъ они обязаны ихъ женамъ и дочерямъ, наполнившимъ гаремы султана и высокихъ сановниковъ. Очень

значительная часть женщинъ въ этихъ гаремахъ и большая часть небоіе (наложницъ)—Черкесскія рабыни или проданныя Черкесами. Едва только переселенцы успѣли усѣсться на своихъ мѣстахъ, какъ принялись за главный свой промыселъ, который состоитъ въ продажѣ женщинъ и мальчиковъ. Эта торговля развивается въ обширныхъ размѣрахъ, и между Турецкими сановниками найдется не одинъ, не два такихъ, которые принимаютъ въ ней участіе какъ изъ-за барыша, такъ и изъ политическаго разсчета. Эти сановники учредили въ своихъ гаремахъ нѣчто въ родѣ школъ для юныхъ невольниковъ и невольницъ, купленныхъ у Черкесовъ; здѣсь, подъ руководствомъ искуссныхъ и опытныхъ метрессъ, онѣ научаются всему, что́ необходимо для того, чтобы сдѣлаться рабынями образцовыми, высокой цѣны, именно—танцамъ, музыкѣ, пѣнію искусству говорить комплименты и пересыпать свою рѣчь цвѣтами восточнаго краснорѣчія. По окончаніи этого воспитанія, рабыни были продаваемы въ гаремы вельможъ и богачей, а также султана. Сановники, занимающіеся этимъ промысломъ, извлекали изъ него двойную пользу: они выгодно продавали свой товаръ и, сверхъ того, если судьба благопріятствовала проданнымъ, то они, изъ признательности, благопріятствовали видамъ своихъ продавцевъ, содѣйствуя имъ вліяніемъ, какимъ пользовались въ своемъ новомъ положеніи. Нерѣдко министры опирались въ своей политикѣ единственно на гаремныя интриги и разсчитывали на нихъ болѣе, чѣмъ на свои дѣйствительныя заслуги. Эти сановники имѣли между Черкесами своихъ агентовъ, которые доставляли имъ нужный товаръ аккуратно и по сходной цѣнѣ. Нѣкоторые изъ нихъ занимали весьма высокія мѣста въ государственномъ управленіи, даже постъ великаго визиря, и хотя все это дѣлалось секретно, но всякій зналъ, въ чемъ ихъ сила. Такимъ образомъ, въ послѣдніе годы, Черкесы сдѣлались главными поставщиками гаремовъ Константинополя, Малой Азіи, Каира и даже Тегерана.

Турецкое дальновидное. правительство, глядя на Черкесовъ, какъ на подпору исламизма, сохранило имъ ихъ привилегіи и позволило безнаказанно и открыто безчинствовать и грабить христіанскихъ и даже мусульманскихъ обывателей. Переселенцы принялись въ новомъ своемъ отечествѣ воровать домашній скотъ, лошадей и молодыхъ дѣтей, если представлялся къ тому случай. Такимъ образомъ, они обогащались, не заботясь объ обработкѣ своихъ земель, которыя оставались невоздѣланными. Ихъ дерзость простиралась такъ далеко, что, при благопріятныхъ случаяхъ, они воровали и лошадей, принадлежащихъ Турецкимъ полкамъ. Мѣстныя власти были безсильны подавить зло, и, еслибы онѣ этого и хотѣли, то имъ небезопасно было связываться съ этими переселенцами; ибо не одинъ изъ чиновниковъ, серьезно относящихся къ своимъ обязанностямъ, если пытался примѣнять законъ къ этимъ эмигрантамъ, былъ лишаемъ мѣста по особымъ распоряженіямъ изъ Константинополя. Это наводило страхъ на другихъ, и Черкесы могли безбоязненно предаваться своимъ безчинствамъ.

Какъ примѣръ ихъ крайней дерзости, я припомню случай, имѣвшій мѣсто въ лагерѣ подъ Шумлой, въ 1866 году. Черкесы украли въ полку, въ которомъ я служилъ, двѣ лошади, принадлежавшія пикету; принесена

была жалоба главному командиру, покойному генералу Омеръ-пашѣ. Онъ отвѣчалъ, что не можетъ войдти въ разбирательство этого дѣла, если въ немъ замѣшаны Черкесы, но что онъ предоставляетъ коменданту распорядиться, какъ онъ найдетъ удобнымъ, чтобы возвратить похищенныхъ лошадей. Комендантъ немедленно взялъ два эскадрона, окружилъ нѣсколько Черкесскихъ поселеній, находившихся вблизи лагеря и потребовалъ отъ Черкесовъ возвратить ему лошадей, грозя, въ противномъ случаѣ, захватить ихъ дѣтей и продать ихъ для возмѣщенія стоимости пропавшихъ казенныхъ лошадей; Черкесы, видя, что дѣло приняло скверный для нихъ оборотъ и становится нешуточнымъ, возвратили лошадей.

Въ 1867 году, во время совершенно незначительнаго возстанія Болгаръ, которое, однако, генералъ-губернатору Рущука, Митхаду-пашѣ, дало поводъ повѣсить нѣкоторое количество Болгаръ, Черкесы не были приглашены участвовать въ подавленіи возстанія и показать, на чтó они способны. Этимъ Болгары обязаны главнокомандующему, который начальствовалъ надъ ними. Мы занимали въ то время въ Балканахъ Сливенъ, Казанлыкъ и другіе пункты этой мѣстности; гражданскій начальникъ хотѣлъ призвать къ оружію мусульманское населеніе и Черкесовъ, но начальникъ войскъ воспротивился этому, находя, что совершенно достаточно регулярныхъ войскъ, чтобы усмирить Болгаръ. Такимъ образомъ были устранены тѣ печальныя сцены, какія имѣли мѣсто въ деревняхъ Подунавья; спокойствіе не было возмущено въ этой мѣстности; мало того, нѣсколько Черкесовъ, которые, вопреки распоряженіямъ власти, хотѣли показать свое усердіе, стали грабить Болгаръ и рыскать по деревнямъ, были ранены и убиты регулярными войсками, чтó сразу положило конецъ ихъ увлеченію. Власть Константинопольская ничего не сказала по этому поводу; но когда все было кончено, тогда полкамъ напомнили объ этомъ происшествіи и начальнику ихъ отданъ былъ приказъ не вдаваться въ политическія соображенія и не вмѣшиваться въ распоряженія гражданскаго начальства. Черкесы жаловались Адріанопольскому вали, что имъ воспрещено было даже выходить изъ ихъ деревень и что, впрочемъ, они и не выходили, такъ какъ страна была занята регулярными войсками, но что-молъ это вовсе не отвѣчаетъ тѣмъ намѣреніямъ, какія правительство имѣли при ихъ колонизаціи. Вали, человѣкъ разсудительный и благородный, отвѣчалъ, что въ ихъ услугахъ не было надобности и что они могли безъ боязни и спокойно заниматься земледѣльческими работами на пожалованныхъ имъ земляхъ. Но Константинопольскія власти не смотрѣли на дѣло съ той же точки зрѣнія, и это показываетъ, что уже въ то время у нихъ были кое-какія тайныя мысли. Если какой либо правитель, движимый чувствомъ правды и справедливости, арестовывалъ Черкеса, разбои котораго превосходили всякую мѣру и отсылалъ его въ сопровожденіи выборныхъ отъ его обвинителей въ Константинополь, то обвиняемый почти всегда былъ оправдываемъ и освобождаемъ, и изъ столицы его отпускали въ провинцію на новые подвиги; мало того, нерѣдко чиновники за излишнюю ревность въ охраненіи общественнаго порядка платились своимъ мѣстомъ и будущимъ.

Въ эту же пору, какъ припоминаю себѣ, одинъ знакомый мнѣ Турокъ, Боснійскій мусульманинъ, былъ лишенъ должности правителя города и округа Авлоны, въ Албаніи, на берегахъ Адріатическаго моря. Онъ не зналъ, чему приписать такую немилость и отправился въ Константинополь, съ цѣлью, если можно, поправить свое дѣло, при помощи мацбалатъ, т. е. адреса жителей, въ которомъ они свидѣтельствовали о своей признательности къ нему за его управленіе и просили правительство оставить его на его посту. Въ Константинополѣ, гдѣ онъ былъ извѣстенъ, какъ человѣкъ честный и благородный, ему отвѣчали, что онъ не за тѣмъ былъ назначенъ правителемъ, чтобы получать благодарности обывателей и управлять ими такъ, чтобы они были имъ довольны,—и это все, что ему сказали, такъ какъ, при всемъ томъ, онъ всегда исполнялъ всѣ распоряженія верховной власти. Такъ, въ 1869 году, въ Адріанопольской провинціи, въ округахъ: Малгары, Кершона, Еноса, Пазарджика Черкесскіе разбойники такъ дерзко занимались похищеніемъ Болгарскихъ, Греческихъ и Татарскихъ молодыхъ дѣвицъ, что генералъ-губернаторъ этой провинціи, Хуршидъ-паша, счелъ своею обязанностью принять серьезныя мѣры, чтобы положить конецъ этому порядку вещей. Онъ приказалъ командиру казацкой бригады, находившейся тогда въ Адріанополѣ, послать повсюду патрули и обходы, чтобы прекратить эти насилія. Казаки исполнили это дѣло, какъ слѣдуетъ, и Черкесы вынуждены были немедленно успокоиться, сидѣть дома и заниматься только своими дѣлами. Черкесскіе начальники и беи, увидя это, послали два протеста—Адріанопольскому генералъ-губернатору и высшему управленію въ Константинополѣ, говоря, что такъ какъ казаки разъѣзжаютъ по всѣмъ дорогамъ и смотрятъ на ихъ поселенія, словно на осажденныя мѣстности, то Черкесы намѣрены воздержаться на будущее время отъ поѣздокъ по странѣ и ихъ болѣе не увидятъ вращающимися среди обывателей ея. Хуршидъ-паша отвѣтилъ, что онъ именно этого и желаетъ; но въ Константинополѣ взглянули на дѣло съ другой точки зрѣнія. Хуршидъ-паша бѣлъ смѣненъ и назначенъ губернаторомъ Геджаза, въ Аравіи, казаки отправлены въ лагерь подъ Шумлу, а Черкесы снова получили возможность продолжать свои подвиги, на которые смотрѣли, какъ на хорошее подготовленіе къ наступательной войнѣ въ непріятельскихъ предѣлахъ и какъ на такую мѣру, которая должна была поддерживать спасительный страхъ въ жителяхъ страны.

Нынѣ Турецкое правительство осуществило свой давно взлелѣянный и старательно подготовленный планъ—употребить Черкесовъ для подавленія Славянскаго инсуррекціоннаго движенія; послѣдніе показали себя достойными надеждъ самыхъ горячихъ партизановъ ультра-туркизма; но ихъ подвиги въ Болгаріи болѣе гибельны для правительства, чѣмъ пораженіе его на всѣхъ пунктахъ, еслибы это случилось. Черкесы оказали Турецкому правительству ту услугу, что, быть можетъ, еще разъ, хотя и съ великимъ трудомъ, удастся согласовать его съ концертомъ Европейскихъ державъ, потому что ультра-Турецкая партія, покровительствующая Черкесамъ, дала ясное доказательство того, кáкъ она понимаетъ гражданственность и человѣчность.

IV.

СОФРОНІЙ, ЕПИСКОПЪ ВРАЧАНСКІЙ [1])

и

ЕГО ВРЕМЯ [1739—1810]

Прошлый и настоящій бытъ Болгаръ, томящихся подъ тяжелымъ Турецкимъ рабствомъ, до сихъ поръ остается еще мало изслѣдованнымъ и мало извѣстнымъ въ литературѣ. Немногіе изъ свидѣтелей многострадальной жизни Болгаръ могли быть ея бытописателями; весьма немногіе памятники Болгарской народной литературы могли уцѣлѣть до настоящаго времени. Недавнія страшно-безчеловѣчныя, почти поголовныя избіенія тысячъ Болгаръ Турками, невообразимыя неистовства Турокъ по отношенію къ Болгарамъ только теперь сразу открыли міру, до какой степени могутъ доходить звѣрства Турокъ, какъ невыносимо для Славянъ Турецкое варварское иго и какую бездну страданій, въ частности, вынесла несчастная «мученица» Болгарія. Между тѣмъ, почти при тѣхъ же, созданныхъ варварствомъ Турокъ, условіяхъ, подъ тѣмъ же мечемъ, среди тѣхъ же пожаровъ, всякихъ притѣсненій и насилій проходили цѣлыя десятилѣтія, вѣка жизни Болгаръ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, одна изъ уцѣлѣвшихъ лѣтописей Болгарской жизни, именно—автобіографія Софронія, епископа Врачанскаго [2]).

[1]) Врача или Враца находится на р. Сайтулѣ, въ сѣв. Болгаріи, въ Виддинскомъ санджакѣ. Во Врачанской казѣ, по свѣдѣніямъ 1873 г., числится 83 деревни съ 28,316 жителей.

[2]) Автобіографія Сафронія найдена была проф. В. Григоровичемъ въ одномъ изъ Русскихъ архивовъ, впервые напечатана Г. С. Раковскимъ въ издаваемой имъ газетѣ «Дунавскый Лебедъ» (годъ второй, №№ 55—61), а во второй разъ—съ подробными комментаріями, въ журналѣ «Периодическо Списаніе на Българското Книжовно Дружество». Браила, 1872, кн. V и VI.

Автобіографія Софронія, епископа Врачанскаго, имѣетъ значеніе для изслѣдованія историческихъ судебъ Болгарскаго народа, какъ безъискусственный разсказъ очевидца о временахъ второй половины XVIII в. и первой четверти XIX.

Его время было критическимъ періодомъ для Болгарской народности. При порабощеніи Болгаріи, османы мало коснулись ея внутренняго быта; управленіе же всей православной общины они вручили Константинопольской патріархіи. Полновластіе послѣдней, почти исключительно состоявшей изъ Грековъ, послужило въ рукахъ фанаріотовъ рычагомъ для эллинизаціи Болгарской народности. Вначалѣ призволъ патріарховъ еще обуздывался великими султанами, дѣятельно занимавшимися интересами своего механически сколоченнаго государства; но когда верховная власть сдѣлалась игрушкою интригъ вельможъ и янычаръ, по своему произволу возводившихъ и низводившихъ самихъ султановъ, а къ кормилу управленія приблизились развращенные фанаріоты, направлявшіе волю султановъ по своему произволу,—Болгары очутились въ полной власти Грековъ. Подъ вліяніемъ фанаріотовъ Греческое духовенство начало преслѣдовать Болгарскую національность и памятники ея независимаго существованія. Славянскія рукописи предавались сожженію. Во многихъ мѣстахъ запрещалось богослуженіе на Славянскомъ языкѣ. Славянскія надписи въ церквахъ стирались и замѣнялись Греческими. Политическое преслѣдованіе Болгаръ Греками все сильнѣе и сильнѣе разгоралось почти на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова и въ половинѣ XVIII вѣка достигло апогея. Городское населеніе въ особенности поддалось вліянію Грековъ. Во Ѳракійскихъ городахъ немного оставалось Болгаръ, которые признавали свою національность, говорили и молились на своемъ родномъ языкѣ, а не на Греческомъ. Но если отступники отъ своей народности ко всему Болгарскому и Славянскому относились даже съ большею ненавистью и презрѣніемъ, чѣмъ сами Греки; за то тѣ мыслящіе люди, которые оставались вѣрными своей народности, только крѣпли и ожесточались отъ притѣсненій. Къ малому числу послѣднихъ принадлежали: Паисій [1]), Софроній и, впослѣдствіи, Неофитъ Бозлеви [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что та-

[1]) О. Паисій, игуменъ Хилиндарскаго монастыря, родомъ Болгаринъ. Изданіемъ на Болгарскомъ языкѣ, въ 1762 г., сочиненія: «О царѣхъ и святыхъ Болгарскихъ и о всѣхъ дѣяніяхъ Болгарскихъ» много содѣйствовалъ къ пробужденію Болгарскаго національнаго самосознанія. Обстоятельное изслѣдованіе о Паисіѣ и его времени написано проф. М. С. Дриновымъ («Периодическо Списаніе». 1871, кн. IV).

[2]) Бозлеви (Неофитъ)—простой монахъ Рыльскаго монастыря, въ 1835 г. открылъ въ селѣ Габровѣ первое Болгарское училище, проповѣдывалъ о необходимости національнаго Болгарскаго клира и перевелъ евангеліе на народный языкъ. По при-

кихъ родолюбцевъ было много, но дѣятельность и значеніе ихъ еще неизслѣдованы такъ, какъ вышеприведенныхъ трехъ. Искра патріотизма тлѣла преимущественно среди природнаго Болгарскаго духовенства, находившаго въ Рыльскомъ монастырѣ и на Аѳонѣ нравственную поддержку и источникъ своего просвѣщенія.

Софоній былъ уроженецъ села Котла. Самое положеніе этого мѣстечка въ гористой странѣ узла Малыхъ Балканъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они связываются со хребтомъ Великихъ Балканъ, служила благопріятнымъ условіемъ сохраненія въ немъ Болгарской народности, въ сравнительно бо́льшей неприкосновенности. Начатки образованія Софроній получилъ въ сельской школѣ, гдѣ научился читать, писать и Греческому языку. Еще въ молодыхъ годахъ былъ рукоположенъ во священника, оставался въ родномъ селѣ, обучая дѣтей на Болгарскомъ языкѣ, и въ это время успѣлъ сходить на Аѳонъ, гдѣ оставался шесть мѣсяцевъ. Описанія внутренняго быта Болгаръ и отношеній къ Греческому духовенству и Турецкой власти, приведенныя въ автобіографіи, живо рисуютъ то несчастное положеніе, въ которомъ находилась Болгарская провинція. Наконецъ, за всю службу общественнымъ интересамъ, за защиту общихъ сельскихъ дѣлъ въ визирскомъ диванѣ, за обученіе, втеченіе 20 лѣтъ, Болгарскихъ дѣтей грамотѣ и поученія народа въ церкви каждый праздникъ и воскресенье, Софроній, по проискамъ фанаріотовъ, былъ выданъ головой Турецкимъ грабителямъ. Софроній бѣжалъ въ Анхіальскую митрополію, но здѣсь оставался недолго и вскорѣ удалился въ село Арбанаси, расположенное въ одномъ часѣ разстоянія отъ Тернова,—бывшей столицы Болгарскаго царства Асѣней. Терновъ былъ нѣчто въ родѣ умственнаго центра, а близъ лежащее село Арбанаси служило лѣтнею резиденціею Терновскаго митрополита, имѣло школу, въ окрестностяхъ же было нѣсколько монастырей.

Между тѣмъ, при ослабленіи центральной власти Стамбула въ провинціяхъ, въ управлявшихъ ими проявилось стремленіе къ независимости. Единовластіе клонилось къ феодализму. Близость Болгаріи къ Константинополю держала ее въ большемъ подчиненіи султанской власти и затрудняла успѣхъ попытокъ отложиться отъ нея; но въ концѣ XVIII вѣка западная ея часть, Виддинское окружіе, сохранившая въ себѣ болѣе

мѣру Неофита, стали заводиться народныя училища и въ другихъ мѣстахъ, и, такимъ образомъ, основаніемъ училищъ и изданіемъ сочиненія Венелина: «Древніе и новые Болгаре» былъ данъ толчокъ возрожденію Болгарской народности.

недовольныхъ элементовъ, сдѣлалась театромъ гражданской войны. Пазванто-оглу, внукъ потурченнаго Болгара, въ 1794 году, поднялъ знамя бунта и вскорѣ овладѣлъ всѣмъ пространствомъ Виддинскаго пашалыка до Никополя и Плевена на востокѣ, Софіи и Ниша на югѣ, Алексинца и Неготина на западѣ и до Краіовы на сѣверѣ. Власть Стамбула не могла смирить Пазванто-оглу. Начались безуспѣшныя экспедиціи правительственныхъ пашей къ Виддину, и вся окрестная страна, служившая ареной борьбы, была превращена въ пустыню. Вотъ въ эту-то минуту, когда, при откупной системѣ епископій, никто не хотѣлъ покупать Врачанской епархіи, она была вручена Софронію. Относительно этого втораго періода дѣятельности Софронія, въ его автобіографіи рисуются двѣ картины: состояніе провинціальной Болгарской епархіи и, хотя слабо, революціонное движеніе Виддинскаго пашалыка.

Во внутреннемъ управленіи православною общиной Константинопольская патріархія широко развила систему грабежа и вымогательства. Ни одинъ епископъ не назначался на епархію безъ значительнаго взноса въ патріаршую казну. Налогъ на райю постепенно возвышался. Въ свою очередь, архіереи возмѣщали свои убытки на подвластномъ имъ духовенствѣ и православной паствѣ. Отъ возмущенія Позванто-оглу Врачанская епархія перестала быть арендною статьею, почему и попала въ управленіе Софронія. Побившись нѣсколько лѣтъ на своемъ трудномъ постѣ, а, главное, убѣдившись, что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ казенный долгъ отъ отсутствія поступленій всякаго рода налоговъ съ райи, Софроній оставилъ епархію и удалился въ Валахію.

Софроній умеръ въ Бухарестѣ въ 1815 или 1816 году. Жизнь Софронія исполнена невѣроятныхъ страданій. Уже юность его встрѣтили разныя несчастія; затѣмъ, втеченіе полвѣка служенія его въ санѣ іерея и епископа, онъ почти не зналъ дней покоя. Преслѣдовали его сослуживцы—фанаріоты; ему приходилось постоянно переносить преслѣдованія и истязанія со стороны Турокъ: всякія оскорбленія, денежные штрафы, прицѣливанія въ него изъ пистолета, битье ружейными прикладами по плечамъ, битье по голымъ пяткамъ, рванье бороды, тюремныя заключенія, постоянныя угрозы отсѣченіемъ головы, гонка по этапѣ, кандалы, неоднократныя поднятія на висѣлицу, приковыванія желѣзными цѣпями къ заключеннымъ въ тюрьмѣ преступникамъ и т. п.,—вотъ что перенесъ Софроній отъ Турокъ!.. Желая во время избѣжать подобныхъ страданій, онъ нерѣдко спасался бѣгствомъ, скрывался въ гаремѣ, проживалъ подъ чужимъ именемъ на постояломъ дворѣ, бродилъ по лѣсамъ и горамъ, голодалъ по цѣлымъ днямъ... И такую

жизнь долженъ былъ влачить Болгаринъ—іерей, епископъ!.. Что же послѣ того долженъ былъ переносить Болгаринъ-простолюдинъ?

При первомъ взглядѣ на дѣятельность Софронія, мало развитого и едва получившаго элементарный начатокъ образованія, кажется, что значеніе его не могло быть большимъ, а вліяніе на окружавшую его среду должно было быть ничтожно. Въ дѣйствительности, этотъ взглядъ невѣренъ. Софроній и подобныя ему лица, вышедшія изъ народа и во всю жизнь неразрывавшія съ ними тѣсной связи, не смотря на узкость умственнаго кругозора, уже по безпредѣльной любви къ родинѣ и, все-таки, кой-какому образованію были столбами народности и принесли своему народу громадную пользу. На каждомъ шагу твердили они на родномъ Болгарскомъ языкѣ своей паствѣ о Болгарской старинѣ и необходимости возрожденія Болгарскаго народнаго духа [1]). Не силою своей учености, не личными блестящими качествами, а глубокою вѣрою въ Болгарскую народность привлекали они къ себѣ сердца Болгаръ. Результаты ихъ дѣятельности были велики. Они подняли духъ Болгаръ и направили ихъ дѣятельность на борьбу за народность. *Ред.*

ЖИЗНЬ И СТРАДАНІЯ

ГРѢШНАГО СОФРОНІЯ

(Переводъ съ Болгарскаго).

Я, грѣшный изъ людей, родился въ селѣ Котлѣ [2]). Мой отецъ Владиславъ и мать Марія дали мнѣ имя Стойко. Когда мнѣ было три года, мать умерла, и отецъ взялъ себѣ другую жену; она была зла и завистлива. Отъ нея родился мальчикъ, и она только за нимъ присматривала, а меня всегда

---

[1]) Софроній написалъ: «Киріакодроміонъ, сирѣчь Недѣльникъ» и автобіографію. Киріакодроміонъ, извѣстный въ Болгаріи подъ названіемъ: «Толкованіе на воскресни и праздничны евангелія» (Изд. 3-е. 1865 г., Букурецъ. Кромѣ этого изданія, были еще два изданія: 1-е—Рымникъ, 1806, а 2-е—Новый Садъ, 1856: «Книгопись» Иречка, 39—40), въ послѣднее время имѣлъ большое значеніе особенно потому, что эти поученія были написаны на родномъ, понятномъ для народа, языкѣ. До настоящаго времени эти толкованія читаются во многихъ церквахъ Болгаріи и, вѣроятно, еще долго будутъ пользоваться такимъ значеніемъ.

[2]) При переводѣ собственныя имена удержаны въ томъ видѣ, какъ они обозначены у Софронія, и во избѣжаніе многихъ подстрочныхъ примѣчаній, въ текстѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вставлены въ скобкахъ пояснительныя слова. Существующія примѣчанія сдѣланы при переводѣ.

ненавидѣла. Когда мнѣ было девять лѣтъ, отдала меня учиться грамотѣ; ранѣе мнѣ нельзя было учиться, такъ какъ я часто болѣлъ и былъ слабъ. Въ ученіи я оказывалъ большое прилежаніе и остроуміе и скоро научился читать. Такъ какъ въ Болгаріи на Славянскомъ языкѣ нѣтъ философскаго ученія, то я сталъ учиться по-Гречески и выучилъ октоихъ (часословъ). Когда я началъ учиться псалтири (пѣсникъ), пришло извѣстіе, что отецъ мой въ 1750 г. умеръ въ Цареградѣ (Константинополѣ) отъ чумы, и я остался безъ отца и матери; тогда мнѣ было 11 лѣтъ. Дядя взялъ меня къ себѣ вмѣсто сына, такъ какъ у него не было дѣтей, и отдалъ учиться ремеслу. А когда мнѣ было 17 лѣтъ, умерли дядя и тетка—скоро одинъ за другимъ. Дядя умеръ также въ Цареградѣ; они оба (т. е. дядя и мой отецъ) были прасолами. Должники и товарищи его (т. е. дяди) заставили меня, вмѣсто сына, отправиться въ Цареградъ и собрать отъ рѣзниковъ деньги, которыя дядя имѣлъ получить отъ нихъ, что обыкновенно бываетъ между прасолами. Но такъ какъ рѣзники живутъ въ разныхъ мѣстахъ Цареграда и на Анатольской странѣ (Малая Азія), то разъ я съ однимъ изъ его (дядиныхъ) товарищей по ремеслу порѣшилъ оправиться на Анатольскую страну и съ этою цѣлью пошли къ морю для переправы на лодкѣ. Мы осматривали стоявшія противъ царскихъ палатъ лодки; затѣмъ, когда лодки были вблизи, около Юскидара (Скутари), мы, какъ люди простые, подошли ближе къ нимъ, откуда увидѣли въ одномъ мѣстѣ цѣлую громаду народа и двухъ силачей, которые боролись, а на горѣ были высокія палаты. Мы не знали достовѣрно, быть можетъ тамъ былъ самъ царь. Когда силачи кончили бороться, ихъ повели къ царскимъ палатамъ. Весь народъ и мы вмѣстѣ съ нимъ пошли и стали между царскими воротами и Яли-кіоскомъ, гдѣ привязаны были царскія лодки. Мы стояли тамъ и не знали, куда идти; вдругъ является одинъ бостанджи и говоритъ: «Что вамъ здѣсь нужно? Сейчасъ убираться отсюда, а не то отсѣку вамъ головы»! А мы, какъ люди чужіе и простые, извинились, и когда готовы были уйдти отсюда, янычары, которые тамъ караулили, начали преслѣдовать насъ по дорогѣ и хотѣли убить. Освободившись оттуда, мы вышли на берегъ и пошли въ Юскидаръ. Въ то время я былъ еще молодой и хорошенькій, а тамошніе Турки, Содомиты, увидѣвъ меня, тотчасъ стали спрашивать у меня показать видъ (харачийска хартия), нашли его будто бы нехорошимъ и заперли меня далеко въ одномъ саду. Бывшіе тамъ Турки играли, танцовали и веселились въ одномъ домѣ, стоящемъ недалеко отъ дороги; а я, догадавшись, съ какою цѣлью они запрятали меня туда, тотчасъ заперся на ключъ; ключъ по какому-то случаю былъ извнутри. Содомиты много разъ приходили сюда, просили отворить, давали мнѣ черезъ окно червонцы, а я, смекнувъ въ чемъ дѣло, сталъ кричать. Насупротивъ жили Евреи, и тотчасъ пришло нѣсколько ихъ и спросили меня: «Отъ чего ты кричишь»? Я разсказалъ имъ все дѣло. Они дали знать моему товарищу, затѣмъ, дали немного денегъ сборщику податей (харичия) и, такимъ образомъ, освободили меня отъ этихъ Содомитовъ.

Собрали мы денегъ, сколько могли, и пришли въ село (т. е. Котелъ) здоровыми. Послѣ разсчета съ кредиторами, дяди остался долженъ еще 400 грошей [1]), уплату которыхъ свалили на меня.

Послѣ моего отправленія въ Цареградъ, мои родные еще больше разграбили домашнее имущество и спрятали его, такъ что дядины кредиторы почти ничего не нашли, когда пришли вмѣстѣ съ Турецкимъ судьею описать домашнее имущество дяди; они думали, что я спряталъ его, и судьи приказали бить меня по пятамъ (фалага). Но сельскій старшина заступился за меня: вѣдь, зналъ онъ, что я не виновенъ. Но, все-таки, меня заперли въ кандалы и въ тюрьмѣ держали три дня, пока мои родные не возвратили кой-чего изъ награбленнаго ими. Потомъ заставили меня присягнуть, что я ничего не спряталъ. А когда я ѣхалъ въ Шуменъ (Шумлу) къ владыкѣ для оправданія себя отъ взведенныхъ на меня обвиненій, на дорогѣ чуть не убили насъ гайдуки. Еще ранѣе требованія кредиторовъ объ уплатѣ долга, мои родные заставили меня жениться, такъ какъ некому было заботиться обо мнѣ. А я, будучи 18 лѣтъ, молодъ, глупъ, не полагалъ, что дядя останется должникомъ, и что весь долгъ его свалятъ на меня; было у меня немного денегъ, но послѣ свадьбы истратилъ ихъ, надѣясь, все-таки, на свое ремесло. Потомъ, когда посредствомъ суда свалили на меня весь долгъ, у меня не было готоваго товару ни на одну пара [2]); и пока выплатилъ я этотъ долгъ, какую жестокую бѣдность я терпѣлъ, какую тяжелую и прискорбную жизнь провелъ; сколько укоровъ перенесъ я отъ моей жены, такъ какъ она была немного горда! Мнѣ даже приходило на умъ оставить и домъ, и жену, и отправиться внизъ (т. е. въ юго-восточную Болгарію, во Ѳракію) по деревнямъ и прокармливаться работой. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ хозяевъ, узнавъ, что я хочу уйдти, позвали меня и сказали: «не ходи никуда, оставайся; на дняхъ къ намъ пріѣдетъ владыка, и мы попросимъ его, чтобы онъ сдѣлалъ тебѣ священникомъ». На третій день пріѣхалъ архіерей и стали просить его объ этомъ. Онъ тогда же обѣщалъ, что въ воскресенье рукоположитъ меня, за что дали ему 70 грошей. Эта сдѣлка совершилась въ среду, и я приготовлялъ все нужное къ воскресенью. Но въ пятницу пришелъ икономъ, принесъ деньги и сказалъ: «знай, что владыка не сдѣлаетъ тебя священникомъ, такъ какъ другой далъ 150 грошей и того хочетъ рукоположить». Какъ непріятно и жаль мнѣ стало, тѣмъ болѣе, что я уже было исповѣдывался у духовника, взялъ у него свидѣтельство и приготовилъ все нужное! Но кому же пересказать мнѣ свое горе!... Пошолъ я къ тѣмъ, которые просили его (т. е. архіерея) и дали деньги; они отправились къ нему и дали еще 30 грошей. Наконецъ-то, архіерей рукоположилъ меня сентября 1 дня, 1762 года. Такъ какъ я зналъ немного читать, другіе священники не навидѣли меня, потому что всѣ въ то время были пахари, а я, по своей безумной гордости, не хотѣлъ

---

[1]) 400 грошей во время Софронія (124 г. тому назадъ)=400 Австрійскимъ червонцамъ или около 1.420 руб. сер.; теперь же грошъ=около 6 коп.

[2]) Пара—Турецкая самая мелкая мѣдная монета; около 7 пара—1 коп.

имъ покоряться; они были просты и неучены и потому клеветали на меня предъ архіереемъ, и онъ сколько разъ заточалъ и наказывалъ меня! Былъ у архіерея протосингелъ, родомъ Грекъ, неученый и малограмотный (некнижный); онъ очень не любилъ меня, что̀ и весьма естественно: ученый человѣкъ любитъ ученаго, простой простого, пьяница пьяницу. И въ такомъ безпокойствѣ я провелъ нѣсколько лѣтъ.

Въ 1768 г. началась война между Турками и Московоца (Русскими). Что̀ мнѣ сказать о томъ, когда появились дикіе и свирѣпые Агаряне, сколько зла они надѣлали христіанамъ?! Чего имъ не пришло на умъ, того они только не сдѣлали! Сколько людей убили! Наше село находилось какъ разъ между четырьмя дорогами. Къ несчастью, домъ мой былъ весьма далеко отъ церкви; а по нашему обычаю, я долженъ былъ жить возлѣ церкви. Сколько улицъ обходилъ я, пока доходилъ до церкви и пока приходилъ домой! Сколько разъ хватали и били меня, и голову разбивали, и даже хотѣли убить; но Богъ сохранилъ меня.

Нерѣдко проѣзжали черезъ наше село паши и заставляли меня писать имъ квартирные листы. Отъ поспѣшности мнѣ некогда было сдѣлать выборъ квартиръ, а имъ (пашамъ) означенныя въ листахъ квартиры зачастую не нравились; и вотъ сколько разъ за это они прицѣливались въ меня пистолетами! Разъ случилось, что одинъ изъ нихъ бросилъ въ меня пикой, но, къ счастью, не попалъ. Однажды пріѣхалъ, по пути въ Русчукъ (Рущукъ), достопочтенный Джезаерли (Алжирскій) Хасанъ-паша. По обыкновенію, я раздавалъ квартирные листы; одинъ изъ его свиты схватилъ меня за бороду и чуть не вырвалъ ее. Когда всѣ были размѣщены по квартирамъ, паша позвалъ къ себѣ четырехъ стариковъ, изъ которыхъ одинъ былъ я. Призвалъ насъ чаушъ (унтеръ-офицеръ), который всегда жилъ въ нашемъ селѣ: онъ присланъ былъ сюда визиремъ для защиты села отъ произвола войска. Когда мы съ нимъ (чаушемъ) подошли къ воротамъ двора паши, онъ сказалъ: «оставайтесь здѣсь, я взойду на верхъ узнать, для чего паша зоветъ васъ». Какъ только онъ (чаушъ) явился туда, паша закричалъ на него, и сейчасъ вывели его оттуда и заперли, а мы пустились бѣжать, куда глаза глядятъ. Я побѣжалъ мимо двора паши и не догадался, что паша сидитъ, быть можетъ, верху, въ кіоскѣ и увидитъ меня. Онъ, какъ только замѣтилъ меня, закричалъ: «Гей, чего ты бѣжишь? Схватите и приведите его ко мнѣ»! И какъ я испугался! Онъ спросилъ меня: «отчего ты бѣжишь, кто тебя гонитъ»? Я сказалъ ему: «Эфенди, мы—райя, мы всегда боязливы, какъ зайцы; когда чаушъ былъ выведенъ, мы побоялись за себя и побѣжали». На это паша сказалъ: «Такъ чего же вамъ бояться? Я позвалъ васъ спросить на счетъ дороги». Злой былъ этотъ паша! Отсюда онъ поѣхалъ въ Русчукъ и тамъ остался.

Въ 1775 г. Московица (Русскіе), побѣдивъ Турокъ, перешли Дунай; здѣсь они штурмомъ взяли и Русчукъ, и Силистрію, и Варну. Въ то время въ нашемъ селѣ находился Арнаутскій паша; онъ охранялъ клисуру (горные проходы въ Балканахъ), чтобы Турецкое войско не убѣжало, что̀ у него было въ обычаѣ. Случайно находились тамъ кадій, чаушъ и субаши

(сельскій староста); какъ только они узнали, что Московица, послѣ штурма, взяли въ плѣнъ визиря, всѣ убѣжали въ Сливенъ. Какъ мы боялись, чтобы они не забрали насъ въ плѣнъ, когда встрѣтятъ насъ бѣгущими! Христіане караулили и днемъ, и ночью. Штурмъ продолжался 22 дня. Потомъ былъ заключенъ миръ. Наконецъ, Московци (Русскіе) ушли и изъ Турецкой, и изъ Влашской земли.

Послѣ того, я пошелъ на Святую Гору (Аѳонъ) и провелъ тамъ шесть мѣсяцевъ. По возвращеніи оттуда, сталъ я, затѣмъ, учить дѣтей грамотѣ, и, такимъ образомъ, жилъ себѣ хорошо и спокойно. Но діаволъ, всегда завидующій добру, внушилъ архіерею мысль принудить меня быть эпитропъ-икономомъ. И разстроилъ я богобоязненную свою жизнь, сталъ въ угоду ему (архіерею), по Греческому обычаю, грабить и обижать народъ, будто бы за нарушеніе степеней родства и подъ разными другими благовидными предлогами судилъ и рядилъ больше изъ-за денегъ и все въ угоду архіерею. Святой Богъ воздалъ мнѣ правильно по дѣламъ, но объ этомъ я скажу после. Спустя немного времени, завязалась крамола между Османъ-Пазарскими агами изъ-за того, кому быть аяномъ (правителемъ). Вѣрбишкій султанъ поставилъ своего аяна, но вали (губернаторъ) не призналъ его и, потому, попросили Векира-пашу изъ Силистріи помирить ихъ. Паша, пріѣхавъ сюда, убилъ султанскаго аяна. Насъ десять человѣкъ изъ нашего села отправились туда (въ Османъ-Базаръ). Когда уладилось дѣло, назначили платить нашему селу десять кошельковъ (5.000 грошей). Паша заключилъ подъ стражу трехъ человѣкъ, въ числѣ которыхъ былъ и я, а остальныхъ послалъ въ село за деньгами, строго наказавъ имъ, чтобы чрезъ три дня непремѣнно принесли деньги. И вотъ, сидѣли мы тамъ въ заперти. Прошло три, четыре дня,—неприходятъ. Слышали мы, что пошли (посланные за деньгами) въ Вѣрбицу жаловаться султану на пашу. Мои товарищи начали плакать навзрыдъ, говоря: «ахъ, погубилъ уже насъ паша»! И вотъ, не прошло и часа, какъ явился къ намъ одинъ изъ слугъ паши и сказалъ: «папазъ (батюшка), зоветъ тебя паша». Я сталъ про себя молиться Богу, чтобы Онъ простилъ мои грѣхи; совсѣмъ было отчаялся. Какъ только явился къ пашѣ, онъ сказалъ: «Послушай, гдѣ-жъ ваши люди, отчего они не несутъ денегъ»? Я сказалъ ему: «эфенди, уже три дня, какъ они пошли собирать; да, вѣдь, не сразу соберешь и доставишь такую сумму». На это паша отвѣтилъ мнѣ: «гявуръ (гяуръ), сейчасъ поди и напиши, чтобы они не собирали съ райи, но пусть соберутъ деньги съ купцовъ и богатыхъ. Если они не принесутъ черезъ три дня, я велю отсѣчь вамъ головы, а денегъ возьму потомъ съ нихъ (посланныхъ за деньгами) вдвое больше». Я пошелъ, написалъ это и отправилъ человѣка. Прошло три дня, но они все еще не приходили, а мы смотрѣли и выжидали какъ овцы, назначенныя для закланія. На третій день паша опять позвалъ меня. Идя къ нему, я не могъ уже соображать, что̀ мнѣ отвѣчать ему на его вопросы: до того было растерялся я и отчаялся. Явился къ пашѣ. Замѣтивъ, что я не могу отвѣчать, онъ сталъ кротко и ласково спрашивать меня: «Что, не пришли еще ваши люди»? Я отвѣтилъ ему:

«эфендимъ (эфенди), вы великодушны! Потерпите немного, какъ бы то ни было, а до вечера они непремѣнно придутъ». Но онъ никакъ не хотѣлъ ожидать, тотчасъ послалъ мубашира и взялъ еще 1.000 грошей (сверхъ 5.000). И чего мы не натерпѣлись въ заключеніи! Страдалъ я недугомъ сквернымъ, т. е. поносомъ: начался онъ у меня тогда отъ скверной пищи; хочу выйдти на дворъ,—меня не пускаютъ, ругаютъ. Отъ страха и отъ тяжелой болѣзни выпали у меня волосы на головѣ!

Все таки я никакъ не могъ дождаться покоя въ жизни. Пришло мнѣ въ голову купить двѣ избенки вблизи церкви и передѣлать ихъ съизнова, такъ что сколько было у меня денегъ, всѣ растратилъ. Недолго спустя, я заболѣлъ, но такъ, что нужно было лечь въ постель. Напала на меня какая-то сердечная тоска; удрученный болѣзнью, я никакъ не могъ остановиться на одномъ мѣстѣ, чтобы сосчитать хоть десять человѣкъ, но все ходилъ какъ сумашедшій и туда, и сюда, и плакалъ. Казалось, что вотъ-вотъ такъ и вылетитъ душа. Послалъ мнѣ Богъ наказаніе за мое безуміе и глупость, за то, что сталъ гордиться, будучи эпитропомъ, и за то, что обижалъ невинныхъ людей. А тамъ не было докторовъ, и лечили меня какія-то бабы нашептываньями,—и пользы никакой! Ходилъ я и въ Цареградъ, и тамъ напрасно истратилъ не мало денегъ.

Въ то время (1787 г.) Турокъ начинаетъ войну съ Московица (Русскими) и Нѣмца. Исуфъ-паша зимовалъ въ Русчукѣ. Мой сынъ поѣхалъ въ Валахію и закупилъ свиней; по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, потерпѣлъ убытокъ на 1.400 грошей. Видя, что мы въ большихъ долгахъ, онъ поступилъ въ военные писаря къ Косабъ-баши. Черезъ нѣсколько дней заболѣла и попадья. Лежала шесть мѣсяцевъ и умерла. Потерпѣли мы и другіе убытки: такъ, проходило войско и мы держали постой; кромѣ того, кредиторы безпокоили насъ—требовали денегъ хотѣли засадить насъ въ тюрьму. Когда я немного оправился отъ болѣзни, духовникъ, въ наказаніе за допущенныя мною бабьи нашептыванія, запретилъ мнѣ служить литургію впродолженіе трехъ лѣтъ. По прошествіи трехъ лѣтъ, духовникъ разрѣшилъ мнѣ служить, но деспотъ (владыка, архіерей) не позволялъ; онъ ожидалъ получить отъ моего сына проценты (84 гроша) на свои деньги. «Дай, говорилъ онъ, и эти деньги: я позволю тебѣ служить литургію». (Держалъ меня еще три года безъ разрѣшенія). А сколько попы безчестили меня и укоряли, и не оказывали мнѣ достойнаго уваженія! При раздѣлѣ, всегда говорили: «вотъ мы кормимъ тебя, какъ какого нибудь слѣпца»! И такъ поступали со мною всѣ мои ученики. Такіе укоры слушалъ я со стыдомъ втеченіе шести лѣтъ.

Когда визирская орда находилась еще въ г. Мачинѣ, Касабъ-баши послалъ моего сына съ однимъ изъ своихъ слугъ собирать овецъ въ Филиппійскомъ (или Пловдивскомъ) округѣ, и собрали. Этотъ ага послалъ съ моимъ сыномъ 12.000 овецъ въ орду, отдѣливъ изъ нихъ 700 для продажи, и по дорогѣ продалъ ихъ. Купили ихъ хаджи Вла-

сю и Матей; они отправили овецъ съ однимъ человѣкомъ въ Адріанополь для продажи на Турецкій корбанъ-байрямъ. Пастухи въ дер. Фундуклія перессорились между собою и одного изъ нихъ убили. Тамошній султанъ схватилъ ихъ и заперъ въ тюрьму, а овецъ оставилъ при себѣ. Этими днями бостанджи-баши выѣхалъ изъ Адріанополя охранять клисуры (проходы въ Балканахъ) для того, чтобы Турки не уходили изъ рядовъ войска. Султанъ передалъ этихъ узниковъ бостанджи-баши (отборная страна), а мы, между тѣмъ, не имѣли обо всемъ этомъ никакихъ извѣстій. Въ одинъ прекрасный день является въ наше село 20 бостанджи узнать, кто продалъ тѣхъ овецъ. Наши старики отвѣчаютъ: «тѣ овцы продавались у попа, его спрашивайте: кто продавалъ ихъ, кто купилъ,— онъ знаетъ; мы ничего не знаемъ». Позвали меня туда и представили бостанджи — этимъ извергамъ. Отправили насъ троихъ къ бостанджи-баши въ Сливенъ, а онъ (бостанджи-баши), имѣя намѣреніе ѣхать въ г. Казанлыкъ, отправилъ насъ къ орта-чаушу. До Коритена мы отправились полемъ. 23 м. іюля, было такъ душно и жарко, какъ въ огнѣ, а намъ связали руки назадъ и заставили идти пѣшкомъ. Шли около двухъ часовъ и отъ жара не могли продолжать дальше путь, тѣмъ болѣе, что сопровождавшіе насъ были верхомъ, а мы пѣшіе. Возможно-ли одинаково ходить! Хаджи Власіе, какъ самый старый, упалъ отъ усталости. Орта-чаушъ послалъ къ бостанджи-баши спросить, не посадить ли насъ на нашихъ коней. Онъ отвѣтилъ: «Развѣ у него (орта-чауша) нѣтъ боздугана, чѣмъ бы можно бить ихъ, чтобы они шли; если они не могутъ продолжать путь, то пусть отрубитъ имъ головы и оставитъ». Какъ услышали мы это, отъ страха за жизнь, казалось, душа ушла въ пятки,—только думали, чтб дѣлать. Сговорились и обѣщали дать этому чаушу 30 грошей: извѣстно, что Турки изъ-за денегъ дѣлаются очень скоро сговорчивыми. Отдалившись немного, онъ позволилъ намъ садиться на своихъ лошадей. Пріѣхали въ село Коритенъ и тамъ остановились. Черезъ часъ привели насъ къ бостанджи-баши. Прежде всего онъ спросилъ меня: «Кто продалъ этихъ овецъ»? Я отвѣтилъ ему: «Ислямимъ-ага, а хаджи Власіе купилъ ихъ»—«А сколько овецъ онъ продалъ»? Я сказалъ: «700».—«Но больше онъ не продавалъ»? Я прибавилъ: «Не знаю, знаю только то, о чемъ сейчасъ сказалъ». — «Не знаешь, мерзавецъ»! И тутъ же приказалъ разложить меня. Сѣли на меня трое и стали бить по босымъ ногамъ. Сохрани Богъ! Бостанджи бьютъ безъ сострадания! Били и допрашивали меня: «Скажи, сколько овецъ продалъ»! Больше я не могъ терпѣть, раздиралось сердце отъ боли и я сказалъ: «отпустите меня, я скажу. Перестали бить. «Скажи»—все допрашивалъ онъ. «Знаю, отвѣтилъ я, что Касабъ-баши продалъ овецъ двумъ прасоламъ, но сколько овецъ и по какой цѣнѣ продалъ ихъ, не знаю». Тогда онъ закричалъ: «Сейчасъ повѣсить этого мерзавца»! Бостанджи потащили меня на висѣлицу; какъ я ни упирался не идти, они все тянули меня на дворъ и разорвали на мнѣ одежду. Забылъ я даже про истязаніе и боль! Къ счастію, тутъ же заступились

за меня нѣкоторые аги, что были при немъ (бостанджи-баши) и упросили его не вѣшать меня. Послѣ того приковали насъ желѣзными цѣпями къ другимъ узникамъ, которыхъ было до 25: Турокъ, христіанъ, Цыганъ, но больше Арнаутовъ (Албанцевъ), убѣжавшихъ изъ орды, разбитой Московица (Русскими), при Мачинѣ. И хаджи Власія били, но меньше. Каждый день на нашихъ глазахъ сажали на колъ кого нибудь изъ Арнаутовъ. Часто приходили къ намъ бостанджи и стращали тѣмъ, что и насъ посадятъ на колъ. Потомъ мы условились съ людьми аги, чтобы они выхлопотали намъ прощеніе. Черезъ пять дней мы заплатили штрафу 1.500 грошей. Этотъ мучитель отпустилъ насъ, а пастуховъ нѣтъ, давъ такое обѣщаніе: «Когда мнѣ придется ѣхать въ Адріанополь, тогда дамъ имъ свободу». Но еще до отъѣзда его въ Адріанополь онъ былъ лишенъ власти, и пастухи—бѣдные наши поселяне остались взаперти.

А сколько мы переносили отъ женъ Турокъ!.. Проѣхалъ какой-то паша черезъ село, а жены ихъ пошли къ нему съ жалобою на насъ. Что мнѣ дѣлать?—другая бѣда. Но какъ узналъ я объ этомъ, сейчасъ убѣжалъ въ лѣсъ и тамъ оставался два дня, пока не уѣхалъ паша. Бѣдные пастухи пробыли взаперти три мѣсяца. Затѣмъ, Касабъ-баши взялъ отъ визиря для нихъ фирманъ и освободилъ ихъ, овецъ отнялъ у султана, а изъ штрафныхъ денегъ взялъ отъ лишеннаго власти бостанджи-баши половину, т. е. 750 грошей. Бостанджи-баши былъ изъ Карнобата (городъ въ восточной Болгаріи) и назывался Мехмедъ, сынъ Сервера-оглу.

По окончаніи этого дѣла, всю зиму я провелъ дома. Деспоти (владыка, архіерей) еще не позволялъ мнѣ служить литургію, а священники не переставали укорять меня; старики же наши безъ всякой съ моей стороны вины еще выдали меня бостанджи-баши. И все это я долженъ былъ переносить за мою службу общественнымъ интересамъ! Сколько разъ ходилъ я въ визирскій диванъ и защищалъ общіе сельскіе интересы! 20 лѣтъ училъ дѣтей ихъ грамотѣ и каждое воскресенье и каждый праздникъ поучалъ ихъ въ церкви. И за всѣ труды и добро, что я имъ сдѣлалъ и желалъ сдѣлать, они выдали меня, наконецъ, бостанджи-баши, чтобы онъ убилъ меня! Я не могъ уже болѣе переносить такихъ обидъ, особенно и отъ того, что попы оскорбляли меня, упрекая меня тѣмъ, будто они кормятъ меня, какъ нищаго. Чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ непріятностей, я перешолъ въ Ахіальскую епархію, гдѣ архіерей принялъ меня съ радостью и далъ мнѣ енорію (приходъ) въ 12 деревень, вмѣстѣ съ Карнобатомъ.

Я зналъ, что Серверъ-оглу былъ тамъ. Это тотъ самый, который оштрафовалъ меня, а, потомъ, этотъ штрафъ фирманомъ (по указу) отняли отъ него. Всегда я держался одного—правды, именно, что я и не покупалъ, и не продавалъ овецъ, но что только онѣ были проданы на моемъ дворѣ. Христіане очень радовались, когда я пріѣхалъ къ нимъ быть у нихъ священникомъ, и съ марта до праздника Троицы я

жилъ спокойно. Въ этотъ день (Троицынъ) полученъ былъ фирманъ о томъ, чтобы тамъ опять былъ бостанджи-баши, и онъ тотчасъ, по полученіи фирмана, послалъ своихъ людей схватить меня, и заперли меня въ одной проклятой тюрьмѣ, гдѣ держали меня четыре дня, но ничего худого не сдѣлали мнѣ, такъ какъ въ это время въ Карнобатѣ была ярмарка и по этому случаю у него (бостанджи-баши) гостилъ какой-то султанъ и потому не было возможности повредить мнѣ чѣмъ-либо. Насъ сидѣло четверо скованныхъ одною до того короткою цѣпью, что никакъ нельзя было лечь; а когда двое садились, тогда другіе двое стояли. Ко мнѣ приходили бостанджи, ругали меня и все говорили: «Вотъ, какъ только уѣдетъ султанъ, тотчасъ тебя посадимъ на колъ, чтобы ты зналъ, какъ отнимается штрафъ отъ бостанджи-баши». Не допускали къ намъ ни одного изъ христіанъ. Глядѣлъ, я какъ волъ, ожидая съ часу на часъ, что вотъ-вотъ сейчасъ меня убьютъ. На пятый день султанъ уѣхалъ. Какъ только выѣхалъ онъ за ворота, тотчасъ бостанджи пришелъ ко мнѣ и спросилъ: «Какъ тебя зовутъ, скажи правду»? Я далъ ему отвѣтъ. Онъ хотѣлъ снять съ меня рясу и умертвить меня. Какъ только узнали объ этомъ христіане, тотчасъ собралась большая толпа горожанъ и поселянъ: въ это время ихъ тамъ было много потому, что тогда была ярмарка. Объ освобожденіи меня мужчины стали просить одного изъ вліятельныхъ людей бостанджи-баши, а женщины—его мать. Мать выпросила его подарить меня ей, выставляя ему на видъ то, что, въ противномъ случаѣ, онъ оскорбитъ христіанъ, если умертвитъ меня. Послѣ многихъ просьбъ, освободили меня отъ такой страшной смерти. Но такъ какъ бостанджи-баши поклялся было непремѣнно умертвить меня, то въ тотъ же день, вмѣсто меня, посадилъ на колъ одного преступника, убійцу, а вмѣсто отнятаго у него, бостанджи-баши, штрафа онъ взялъ съ меня другой—въ такую же сумму.

Съ этого времени со мною такой страшной и опасной бѣды болѣе не случалось.

Въ моей еноріи (приходѣ) была деревня Шехлари; въ ней жилъ султанъ Ахмедъ-Герай, жена котораго была ханская дочь. Этотъ султанъ влюбился было въ дѣвушку-христіанку и хотѣлъ взять ее къ себѣ во вторыя жены. Она была дочь одного поселянина Ювана-чорбаджи, по прозванію, Кобанджи-оглу. Ханская дочь не позволяла Гераю имѣть вторую жену, и, такимъ образомъ, не оставляли въ покоѣ молодую дѣвушку впродолженіе 4—5 лѣтъ: Герай и не женился на ней, и не позволялъ ей выйдти замужъ. Въ одинъ день зовутъ меня въ Карнобатъ вѣнчать свадьбу. Спрашивалъ я, откуда эта дѣвушка, и мнѣ отвѣчали, что это та самая, которую султанъ хотѣлъ имѣть второю женою, а теперь позволилъ ей выйдти замужъ, — и ради этого пришли сюда. Конечно, я повѣрилъ и обвѣнчалъ ихъ. Черезъ три дня я узналъ, что султанъ искалъ ея отца убить, но онъ успѣлъ уйдти; за то султанъ схватилъ брата ея: билъ его и содралъ съ него много денегъ, и я сталъ побаиваться за себя и приходить въ сильное волненіе. Затѣмъ, я поѣхалъ

въ село Костенъ отслужить литургію въ день святыхъ апостоловъ Петра и Павла, такъ какъ только въ этомъ мѣстѣ Карнобатскаго округа есть церковь. Пріѣхалъ нѣкто Милошъ звать меня къ себѣ по какому-то дѣлу, и послѣ обѣда я отправился съ нимъ въ путь. Ѣдучи, видимъ, что въ одномъ мѣстѣ, въ полѣ, недалеко отъ дороги, мужчины и женщины жнутъ, а вблизи ихъ два Турка сидятъ верхомъ на лошадяхъ. Когда мы доѣхали до самой нивы, видимъ, Турки зовутъ насъ къ себѣ, и когда мы подъѣхали къ нимъ уже близко, Милошъ говоритъ мнѣ: «Это—султанъ». Онъ (султанъ) спросилъ меня: «Ты попомъ въ этихъ деревняхъ»? Я отвѣчалъ: «Я, рабъ вашъ». Затѣмъ онъ спрашиваетъ меня: «Ты обвѣнчалъ въ Карнобатѣ дочь Куванджи»? Я отвѣчалъ: «Я, человѣкъ не здѣшній, недавно сюда пріѣхалъ и не знаю, кто такая дочь Куванджи». И онъ тотчасъ поднялъ ружье и прикладомъ его ударилъ меня два раза по плечамъ. Затѣмъ, прицѣлилъ въ меня изъ пистолета, но я, такъ какъ стоялъ близко къ нему, схватилъ за пистолетъ. Онъ закричалъ на своего человѣка: «Дай сейчасъ веревку повѣсить этого мерзавца»! Тотъ пошолъ, снялъ съ моего коня довольно длинные поводья и бросилъ ихъ мнѣ на шею. Тамъ же стояла верба, на которую тотчасъ полѣзъ султанскій слуга и сталъ тянуть меня вверхъ за поводья. Но такъ какъ у меня руки были не связаны, то я схватилъ за поводья и тянулъ внизъ и, въ то же время, умолялъ султана пощадить меня. Султанъ, сидя на лошади, гнѣвно закричалъ на Милоша: «Послушай, иди и подними этого мерзавца». Милошъ сталъ просить его за меня. За это султанъ такъ сильно ударилъ его по лицу, что чуть не раздробилъ ему одной челюсти. Затѣмъ, султанъ обернулся къ вербѣ и, прицѣливая изъ ружья въ своего человѣка, закричалъ: «Послушай, отчего не тянешь за веревку, сейчасъ свалю тебя съ вербы»! Тотъ тянулъ вверхъ, а я тянулъ внизъ: вѣдь у меня руки не были связаны. Въ то время, когда султанъ смотрѣлъ вверхъ, Милошъ куда-то скрылся, такъ что некому было поднять меня. Тогда султанъ сказалъ своему слугѣ: «Слѣзай съ дерева, пойдемъ въ деревню и тамъ повѣсимъ его, чтобы всѣ видѣли». Мнѣ дали вести моего коня за узду, а онъ (султанскій слуга) велъ меня за веревку, привязанную къ моей шеѣ. Султанъ же ѣхалъ позади и ругалъ меня: «Если я тебя не убью, то кого же другого? Какъ было тебѣ вѣнчать мою жену съ гявуромъ (гяуромъ)»! Я все молчалъ, такъ какъ мною овладѣло уже совершенное отчаяніе. На полѣ, черезъ которое меня вели, сколько разъ я падалъ, такъ какъ оно поросло травой и бурьяномъ до колѣна, а онъ (султанскій слуга) тянулъ за веревку и едва меня не задавилъ. Султанъ, идя за мной и ругая меня, спустилъ курокъ пистолета, но была осѣчка. Потомъ, опять спустилъ и выстрѣлилъ, но не попалъ въ меня, такъ какъ былъ пьянъ. Какъ только мы вышли на дорогу, султанъ закричалъ своему слугѣ: «Стой»! Мы остановились. Потомъ прицѣливаясь въ меня изъ ружья, сказалъ: «Гявуръ (гяуръ), переходи въ нашу вѣру, а не то сейчасъ отправлю тебя на тотъ свѣтъ»! Отъ страха не зналъ я, что дѣлать:

одервенѣлъ было у меня языкъ и я не могъ говорить,—только замѣтилъ султану: «Эфендимъ, развѣ можно принять вѣру отъ ружья? И если убьешь одного попа, развѣ заслужишь похвалу отъ людей»? Султанъ долго прицѣливался въ меня изъ ружья и потомъ сталъ въ раздумьи. Затѣмъ, онъ спросилъ меня: «Разведешь ту женщину съ мужемъ»? Я отвѣтилъ: «Истинно говорю, какъ только пойду въ Карнобатъ, разведу ихъ — «Побожись», сказалъ онъ. А мнѣ что дѣлать отъ страха?—побожился, сказавъ: «Ей Богу разведу ихъ». Тогда помогъ мнѣ и его слуга, говоря: «Эфенди, зачѣмъ давать имъ разводъ: пусть онъ ихъ только проклинаетъ (афореса): жена сама уйдетъ отъ мужа. Тогда султанъ сказалъ: «Если такъ, то пусть идетъ своей дорогой»! Я сѣлъ верхомъ и черезъ четверть часа былъ уже въ деревнѣ Сегменъ, лежащей отъ того мѣста на разстояніи двухъ часовъ. Тамъ я на скорую руку выпилъ три—четыре рюмки крѣпкой водки. Сѣлъ опять верхомъ, и стало мнѣ страшно; я началъ дрожать какъ въ лихорадкѣ. Черезъ часъ пріѣхалъ туда Милошъ и, видя меня и припоминая тотъ ужасъ, который охватилъ его душу, когда услышалъ приказъ султана о повѣшеніи меня, не могъ надивиться, какимъ чудомъ спасся я. «Охъ, батюшка мой, ты живъ?!! Я, говоритъ онъ, убѣгая, часто глядѣлъ издали на вербу, висишь ли ты или нѣтъ, но не видалъ тебя, а какъ услышалъ выстрѣлъ, сказалъ: бѣдный попъ Стойко, отошелъ уже съ этого свѣта!» Вотъ какъ я пострадалъ изъ-за другихъ

Проживъ тамъ съ годъ, я поѣхалъ въ Кара-Пунаръ (или Кара-Бунаръ—Черный Колодецъ), село въ восточной Болгаріи, къ западу отъ Сизополя, гдѣ я пробылъ тоже съ годъ. Тамъ провелъ я время спокойно. Когда я уѣзжалъ оттуда, христіане плакали по мнѣ; они желали, чтобы я остался еще на годъ, но мнѣ нельзя было оставаться, такъ какъ наши дѣти изъ Котла переселились въ Арбанаси, потому и мнѣ нужно было ѣхать туда къ нимъ.

Поѣхалъ я въ Арбанаси 13 марта, и до іюля пробылъ тамъ безъ всякаго дѣла. Въ одномъ монастырѣ жилъ около двухъ мѣсяцевъ. Тогда пріѣхалъ туда Врачанскій епископъ, киръ Серафимъ больнымъ и чрезъ нѣсколько дней отошелъ къ Господу—умеръ. Чрезъ нѣсколько дней я поѣхалъ къ протосингелу Търновскому, киръ Григорію, спросить его объ одномъ монастырскомъ дѣлѣ; онъ сказалъ мнѣ: «Ты оставь монастырь; мы хотимъ сдѣлать тебя Врачанскимъ епископомъ». Но я, какъ недостойный такого званія, отказался. Такъ поступить я рѣшился, прежде всего, отъ того, что я былъ уже старъ: мнѣ было 54 года; во вторыхъ, слышалъ я, что эта епархія состоитъ изъ маленькихъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ деревень, а потому приходилось имѣть много хлопотъ. Между тѣмъ, киръ Григорій все твердилъ мнѣ про епископство. Спустя 15 дней, въ самый день Воздвиженія Честнаго Креста пріѣхалъ ко мнѣ архидіаконъ, киръ Ѳеодосій, и говоритъ: «Вотъ, батюшка, прошло ужъ нѣсколько дней, какъ мы просимъ тебя быть архіереемъ, а ты не хочешь! Теперь господинъ митрополитъ, по имени Матей, послалъ меня

къ тебѣ. Вотъ, видишь, онъ теперь совѣтуется съ подвластными ему четырьмя епископами и всѣ они желаютъ, чтобы ты былъ епископомъ. Теперь дай рѣшительный отвѣтъ, хочешь быть епископомъ или нѣтъ; за этимъ-то я и пріѣхалъ. Слушай, батюшка, сказалъ онъ, наконецъ,— мы служимъ по 20 лѣтъ, но все таки неудостоиваютъ насъ архіерейства; другіе и мито (подкупъ денежный) даютъ и просьбы подаютъ, а тебѣ всѣ пришло въ руку и безъ мито и безъ молебновъ». Сталъ я думать, какой отвѣтъ мнѣ дать. А тутъ и дѣти ко мнѣ пристали: «Отчего, батюшка, не хочешь дать обѣщанія, когда тебя просятъ; пусть и нашъ отецъ будетъ архіереемъ»! Я послушался ихъ и согласился, далъ обѣщаніе. Архидіаконъ поцѣловалъ у меня руку и уѣхалъ. Затѣмъ, призвали меня въ митрополію, гдѣ были собраны епископы. Я поцѣловалъ у нихъ всѣхъ руки. Это было въ четвергъ. Митрополитъ сказалъ мнѣ: «Приготовляйся къ воскресенью; мы рукоположимъ тебя въ архіереи». Какое совпаденіе: рукоположили меня во священника въ 1762 г., въ сентябрѣ, 1 числа, въ воскресенье; а во архіерея рукоположили меня въ 1784 г., тоже въ сентябрѣ, въ 13 день, въ воскресенье. Одѣли меня въ тѣ самыя ризы, въ которыя былъ одѣтъ тогдашній архіерей, киръ Гедеонъ, въ Котлѣ, когда онъ рукополагалъ меня во священника. Всѣ очень радовались въ митрополіи, Търновѣ, когда сталъ я архіереемъ; и у меня было большое угощеніе. Затѣмъ, пробылъ я въ Арбанаси еще три мѣсяца, пока полученъ былъ фирманъ и разрѣшеніе изъ Цареграда, и отправился въ епархію свою 15 декабря; тогда былъ страшный морозъ и снѣгъ. Предполагалъ быть въ моей епископіи къ Рожд. Хр. Но въ Плевнѣ христіане удивлялись, какъ въ такое время я рѣшился ѣхать въ Врацу.

Вотъ здѣсь то до меня дошло первое печальное извѣстіе. Я спросилъ: «Что за возмущеніе тамъ, около Врацы? Они мнѣ разсказали, что между Пазванджи—оглу и Генчъ-агой и Хамамджи-оглу завязалось междуусобіе изъ-за того, что Пазванджи-оглу прогналъ ихъ изъ Видина. Генчъ-ага и Хамамджи-оглу набрали войска изъ Турокъ и Арнаутовъ, чтобы драться съ Пазванджи, но не имѣли возможности пробраться къ Видинскому кадилыку изъ-за войска Пазванджи, и теперь размѣстились по Врачанскимъ селамъ. Но какъ же намъ добраться до Врацы? Остановился я, сначала, въ Плевнѣ, а на четвертый день направился къ Врацѣ. Но впередъ я послалъ нѣсколько поселянъ развѣдать о томъ, есть ли по деревнямъ войско; если есть, то дали бы мнѣ знать, чтобы я могъ возвратиться въ Плевенъ. Такимъ образомъ, мы дошли до деревни Коюнлари, лежащей на половинѣ пути разстоянія отъ Плевна. Въ полночь пришли туда люди и объявили, что въ дер. Браницу, лежащую на часъ разстоянія отъ Коюнлари, пришло до 400 пандуровъ [1]) Пазванджи. Отъ одного только имени: «пандуръ» мы стали страшиться: вѣдь, мы не-

[1]) Пандурами во время Пазвант-оглу назывались отборные молодцы, считавшіеся тѣлохранителями своего господина, повелителя. Пандуръ собственно значитъ пограничный сторожъ.

знали, кто они такіе, и мы только думали, какъ бы намъ убраться отсюда. Посылалъ людей найдти мнѣ проводника, но въ моровое время и отъ страха сперва никто не хотѣлъ идти. Было уже обѣденное время, а людей нѣтъ, какъ нѣтъ. Я очень боялся, чтобы не напали на насъ пандуры и не ограбили насъ. Едва нашли одного Турка и выѣхали изъ этой деревни. Уже шли около Врацы, видимъ, на встрѣчу намъ идетъ пропасть войска. Мы не знали, что это за войско, а пока узнали, сколько мы дрожали! Это были Врачане; они пошли гнаться за тѣмъ войскомъ, которое разграбило Врачанскія деревни.

Пріѣхалъ я въ свою епископію, но и она показалась мнѣ не лучше тюрьмы. Пусть такъ! Христіане приняли меня съ радостью. Въ воскресные и праздничные дни ходилъ я по церквамъ, часто говорилъ поученія на нашемъ Болгарскомъ языкѣ, и христіане, не имѣвъ случая слышать такихъ поученій отъ другого архіерея, считали меня философомъ. Ходилъ я и по деревнямъ собирать мирію (владычину), но помощи-милостыни, по обычаю, давали мнѣ очень мало, потому что въ тотъ годъ былъ страшный голодъ по всей Болгаріи: такъ, напр. 20 пара ($3^1/_2$ к.) платили за око (3 ф.) муки. Обѣщали помочь мнѣ потомъ, если Богъ дастъ урожай.

Объѣздивъ весь Врачанскій кадилыкъ, въ м. іюнѣ я отправился въ Плевенъ собирать владычину. Когда мы приближались уже къ Плевену я послалъ туда людей дать знать, что ѣду туда. Вышли мнѣ на встрѣчу нѣсколько поповъ и сказали: «Деспоти (ваше преосвященство), невозможно тебѣ пріѣхать теперь въ Плевенъ; здѣсь дерутся Топузъ-оглу и Налбантъ-оглу изъ-за аянлыка, рѣшаютъ споръ о томъ, кому изъ нихъ быть аяномъ. Ни одинъ христіанинъ не выходилъ теперь изъ своего дома; и мы вышли къ тебѣ скрытно, ночью!» Проѣзжая мимо Плевена, мы слышали ружейные выстрѣлы. Какъ мы боялись, пока проѣхали! Поѣхали, затѣмъ, въ Арбанаси. По моемъ выѣздѣ изъ епархіи, попущеніемъ Божіимъ вдругъ появилась чума и охватила всю епархію и города, и села. Не осталось ни одной незараженною ею деревни и все это несчастіе послано намъ за наши грѣхи. Отъ страха никуда не выѣзжалъ изъ Арбанаси впродолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Всѣ деньги, которыя собралъ я въ Врачанскомъ кадалыкѣ, израсходовалъ за это время. Въ м. октябрѣ пріѣхали за мною Плевняне и сказали мнѣ: «чума еще есть, но больше между Турками, а между христіанами немного поослабла». И я поѣхалъ съ ними въ Плевенъ. Здѣсь попъ подошелъ цѣловать мнѣ руку; смотрю на него, а лицо у него все красное, какъ огонь. Когда уже отходилъ онъ отъ меня, слышу, другой попъ говоритъ ему: «Зачѣмъ ты цѣловалъ руку деспоти (владыкѣ), развѣ ты не видишь, что на тебя напала чума»? И дѣйствительно, такъ было;—въ туже ночь онъ и умеръ. На другой день пришли ко мнѣ міряне просить назначить поповъ для погребенія умиравшихъ. «Если ты, говорили они, не благословишь, то мы обратимся къ агѣ (управителю) и насильно заставимъ ихъ (поповъ) погребать его (попа). До этого времени попы погребали,

всѣхъ очумленныхъ и отчего не похоронить имъ этого попа?» И что мнѣ было дѣлать? Послалъ поповъ и погребли его. На другой день явились ко мнѣ всѣ попы; я немного познакомился съ ними. Порѣшилъ, затѣмъ, отслужить литургію и пріобщиться святыхъ таинъ, а потомъ выжидать, что Богъ дастъ.

Изъ Плевена мы ходили въ деревни, вездѣ святили воду, и Богъ меня сохранилъ. Такимъ образомъ, я провелъ два года. Собранныхъ денегъ едва хватило мнѣ на мирію, на проценты и на покрытіе самыхъ насущныхъ расходовъ, но я не могъ ничего убавить изъ своего долга.

Въ 1796 г. появились здѣсь гайдуки Пазванджи: ихъ очень много разсѣялось по всѣмъ деревнямъ и городамъ, такъ что я никуда не могъ выѣхать. Посылалъ поповъ собирать мирію, но болѣе половины ея ни за что не могли собрать. Въ этомъ же году одинъ изъ генералъ-губернаторовъ Европейской Турціи Урумеливалиси Мустафа-паша, съ 40 тыс. войскомъ вышелъ противъ Пазванто-оглу и долгое время держалъ Виддинъ въ осадѣ, но ничего не могъ ему сдѣлать. И какъ только ушелъ Мустафа-паша, Пазвантскіе гайдуки опять наводнили всю мою епархію.

Въ 1797 г. кирджаліи соединились съ Пазвантскимъ войскомъ, пришли во Врацу и держали ее въ осадѣ восемь дней, но не могли войти во внутрь ея. За два дня предъ тѣмъ, ночью, я убѣжалъ съ намѣреніемъ остановиться въ Рѣхово (Рахово) и перейти Влашскую границу. Но случилось, что въ эту ночь навьюченный конь развязался и пропалъ; съ нимъ я потерялъ вещей на 200 грошей. Только одинъ Богъ знаетъ, какъ страшно было намъ, пока мы перешли чрезъ Дунай. Затѣмъ, я поѣхалъ въ Арбанаси, но и тамъ я пробылъ недолго, пока кирджаліи не ушли изъ моей епархіи, а къ осени опять поѣхалъ въ Врацу.

Въ 1798 г. опять многое множество регулярнаго войска пошло противъ Пазванто-оглу, потому что онъ занялъ было все пространство до Рущука и Варны. Съ тою же цѣлью выступилъ изъ Цареграда копуданъ-паша (Турецкій адмиралъ) со многими пушками; съ нимъ были достопочтенный Кара-Османъ-оглу изъ Анатоліи и другіе 24 паши и всѣ аяны изъ Румыніи (Урумели). Говорили, что на Виддинъ пошло до 30,000 войска; шесть мѣсяцевъ держали крѣпость въ осадѣ, дрались, но ничего не могли сдѣлать. Куда я тогда не убѣгалъ! Въ одномъ овечьемъ загонѣ (кошара) въ м. іюнѣ я пробылъ 20 дней, пока не прошли первые отряды войска. Когда дорога немного освободилась отъ него, ночью, чрезъ лѣсъ я поѣхалъ въ г. Тетювенъ. По дорогѣ, въ лѣсу, кончиками вѣтокъ чуть не выкололъ себѣ глаза. Тамъ я пробылъ два мѣсяца. Когда первые отряды были почти у Виддина, я отправился изъ Тетювена во Врацу, чтобы поспѣть туда къ Воскресенію Христову (Пасхѣ), но на дорогѣ Турки чуть не убили меня и совершенно по винѣ другихъ. Въ то время Силихдаръ-Хусейнъ-паша, отправляясь въ Виддинъ, по дорогѣ зажегъ Габрово, а кирджаліи разграбили Арбанаси. Все наше имущество и домъ разграбили такъ, что не осталось ни ложки ни чашки; взяли мое платье и всѣ книги, которыя у

меня были, а домъ весь разрушили. Дѣти убѣжали въ Котелъ, а оттуда перешли въ Свиштовъ. Такъ какъ присутствіе всюду войскъ нигдѣ не давало мнѣ возможности разъѣзжать по своей эпархіи, то я вмѣстѣ съ протосингеломъ Терновскимъ отправился собирать мирію (владычину) по Терновской епархіи; затѣмъ, поѣхалъ въ Свиштовъ, гдѣ и нашелъ своихъ дѣтей голыми, сидѣвшими на рогожкахъ; у меня же тогда, какъ разъ случилось, что не было денегъ купить имъ платье. Ахъ, мое горе!..

Въ м. августѣ я отправился въ свою епархію. Войско все стояло еще у Виддина; все дрались, чтобы взять его. Какъ страшно было мнѣ ѣздить по деревнямъ и собирать мирію! Турки-дели бѣжали изъ орды, грабили и деревни, и субашей (сельскихъ управителей, старостъ) обирали, а между тѣмъ, я ѣздилъ по деревнямъ. Когда, наконецъ, Пазванджи-оглу послѣ Дмитріева дня разбилъ и разсѣялъ царскую орду, Турки разбѣжались тогда изъ Виддина по деревнямъ. А я все-таки ѣздилъ по деревнямъ; но за то какъ трудно и какъ страшно было мнѣ пока доѣхалъ до Врацы! Сколько горъ и долинъ обошли мы! Но и въ Врацѣ недолго пробылъ. Чрезъ нѣсколько дней разнеслась молва, что Али-паша съ 15,000 войска идетъ на Врацу; еще ночью пріѣхали туда квартирмейстеры. Сейчасъ какъ узналъ я объ этомъ, въ 8 часовъ всталъ и убѣжалъ изъ Врацы. Ночь темная, дождь, а тутъ горы и круты, и высоки! Сколько разъ я падалъ на дорогѣ, пока дошелъ до монастыря Черепишъ. Пришелъ къ монастырю, а тутъ никого нѣтъ: всѣ монахи убѣжали, а монастырь заперли. Я не зналъ, гдѣ нахожусь. Благо еще, что по дорогѣ встрѣтился поселянинъ; онъ зналъ, гдѣ монахи, — что они скрываются въ пещерѣ и повелъ меня къ нимъ. Живя тамъ, въ пещерѣ, я простудился и заболѣлъ: 24 дня, лежалъ больнымъ. Потомъ оправился немного и пришелъ въ себя. Оттуда я отправился въ другой монастырь Софійской епархіи. Тутъ дорога пролегаетъ по такимъ высокимъ горамъ, что и лошадь не можетъ идти; пѣшкомъ же идти я не могъ: у меня ноги болѣли; подниматься и спускаться нужно было цѣлые два часа. И часто я заливался слезами, когда поднимался на гору, или спускался внизъ. Тамъ я пробылъ 14 дней. Въ это время я получилъ письмо изъ Врацы, съ извѣстіемъ, что капуданъ-паша (Турецкій адмиралъ) убилъ Али-пашу въ Ряховѣ, и войско его разбѣжалось, а въ Врацу, на зимовку, прибылъ другой, Исуфъ-паша, и онъ уже освѣдомлялся, отчего же нѣтъ никого въ епископіи. Исуфъ-паша былъ добрый человѣкъ. Я долженъ былъ уже ѣхать въ свою епископію, а тутъ снѣгъ большой, зима суровая; хотя епархія была только въ десяти часовомъ разстояніи, но едва въ три дня проѣхали этотъ путь. Но и въ Врацѣ спокойно было лишь около десяти дней; затѣмъ, пришли десять отрядовъ Арнаутовъ, и такъ какъ домовъ, не занятыхъ постоемъ, было мало, то въ епископіи (домъ епископа) помѣстилось около 15 душъ и, къ тому, мнѣ надо было кормить ихъ. Былъ только одинъ домикъ (былъ и другой, но Турки разрушили его), а въ зимнее время здѣсь бы-

ваетъ страшный холодъ. По этой причинѣ прежде не была здѣсь епископія, а было церковное подворье («общти имотъ») для пріюта монаховъ. Сколько разъ приходилось обманывать ихъ, пока убѣжалъ оттуда! Но въ какую хижину было мнѣ идти, когда все было переполнено Турками! Пошолъ къ татаръ-ага-си (начальникъ курьеровъ и управлявшій въ то время почтами) въ зеленомъ колпакѣ. Спрашиваетъ меня: «кто ты такой?» Сказать, что я владыка—не приходится; поэтому, сказалъ я: «я докторъ». Они спрашивали меня о разныхъ лекарствахъ, — ну, конечно, на сколько только съумѣлъ, я давалъ имъ отвѣты. Затѣмъ, по наступленіи вечера, я пошолъ къ одному христіанину и онъ пріютилъ меня въ своемъ домѣ, при семействѣ, такъ какъ у него не было другой свободной комнаты. Мнѣ оставалось только глядѣть, какъ мои слуги, оставаясь на дворѣ, чуть не умерли отъ холода. Искалъ случая, какъ нибудь выбраться изъ Врацы, но Арнауты паши стерегли городскія ворота и опрашивали всѣхъ, кто входитъ и кто выходитъ. И вотъ что́ я сдѣлалъ: послалъ впередъ человѣка съ вещами въ сопровожденіи двухъ тамошнихъ Турокъ, а самъ обвязалъ голову шалью (чалма-пушъ) и въ руку взялъ бичъ (камчикъ); впередъ отправилъ сеизина, и, затѣмъ, я, какъ какой-нибудь скороходецъ паши (татаринъ), мигомъ пробрался чрезъ ворота и, такимъ образомъ, не узнали меня, кто я такой. Опять я поѣхалъ въ монастырь Черепишъ. Въ епископіи уже распоряжались Арнауты: постель, овощи, жито, ячмень, вино—все это поѣли и выпили, или продали. Въ этомъ монастырѣ я не могъ оставаться продолжительное время; уѣхалъ я оттуда въ другой, подальше отъ Врацы. Вечеромъ попали мы въ одно селеніе, изъ котораго всѣ жители разбѣжались; не нашли мы тутъ ни хлѣба, ни дровъ; а такъ какъ это было въ м. декабрѣ, то холодъ былъ страшный, ночь длинная,—чуть не окоченѣли отъ холода. На другой день встали рано по утру, но—опять бѣда: дороги не видно, снѣгъ большой. Четырехъ-часовое разстояніе едва прошли въ два дня, пока пріѣхали въ Карлюкавскій монастырь. Тамъ пробылъ я 5—6 дней, гдѣ провели рождественскіе праздники. Но и туда стали являться Турки съ театра войны; они возвращались изъ-подъ Виддина. Во всѣхъ окрестныхъ городахъ стояли паши, а по деревнямъ ходили люди пашей, болѣе всего съ тою цѣлью, чтобы грабить поселянъ и кормиться на ихъ счетъ. Не было возможности оставаться мнѣ и въ этомъ монастырѣ, и я поѣхалъ опять въ Тетювенъ, гдѣ и пробылъ сорокъ дней. Въ м. февралѣ туда пришло нѣсколько человѣкъ и объявили, что 2000 деліевъ капудана-паши, которые зимовали въ Плевенѣ, ушли. Узнавъ объ этомъ, я очень обрадовался и поѣхалъ въ Плевенъ, но забылъ, что въ Врацѣ находится Исуфъ-паша, въ г. Ломѣ—Гюрджи-паша, въ Валахіи, насупротивъ Лома,—Селихдаръ-Хусейнъ-паша,—самые жестокіе мучители, и, если имъ придется проѣхать чрезъ Плевенъ, куда мнѣ бѣжать. Не бѣжалъ бы, если бы я сдѣлалъ что нибудь нехорошее, но мое имя «владыка (архіерей)» — громкое, и отъ злого паши, если только схватитъ меня, безъ 10 кошельковъ (5,000 грошей) нельзя

мнѣ освободиться, у меня же нѣтъ и ста грошей. Въ Плевенъ мы пріѣхали въ «задушную субботу». Здѣсь я спокойно прожилъ до сырной пятницы; тогда пріѣхали сюда поздно вечеромъ дели Гюрджи-паши и стали разбивать ворота; и въ нашу квартиру пришли 12 делiевъ съ лошадьми, но у насъ не было ни хлѣба, ни ячменя, ни соломы, ни сѣна. Мы стали умолять ихъ удалиться, дали имъ и деньги, и, затѣмъ, они пошли въ другой домъ, сказавъ, что на другой день утромъ пріѣдетъ Гюрджи-паша съ 4.000 войска. Какъ же мнѣ теперь уйти изъ города! Никуда нельзя было уйти, а жить въ какомъ-нибудь христіанскомъ домѣ не было никакой возможности. Убѣжалъ я въ одинъ Турецкій гаремъ и скрылся тамъ. Думалъ, что паша пробудетъ день, два и уѣдетъ, но ни тутъ то было; пробылъ онъ цѣлыхъ десять дней. Какъ только онъ уѣхалъ, въ тотъ же самый день пріѣхалъ Исуфъ-паша съ 6,000 войска; не остался не занятымъ войскомъ ни одинъ христіанскій и Турецкій домъ: Турецкія женщины подняли шумъ, гамъ, но кто ихъ слушалъ? Приходили и въ нашу квартиру, но въ ней не было мѣста для лошадей, и потому она имъ не понравилась.

Но пока ходили и кругомъ осматривали этотъ домъ, я отъ страха побѣжалъ къ самой кадынѣ (хозяйкѣ дома); она, по обычаю, все отворачивалась отъ меня, чтобы я не могъ видѣть ея лица. Этотъ паша пробылъ тутъ 12 дней. Такимъ образомъ, я пробылъ въ гаремѣ 26 дней. Дѣло было въ великомъ посту, и у Турокъ нечего было ѣсть: базаръ былъ закрытъ, а у каждаго христіанина стояли Турки. Кого было мнѣ просить прислать что нибудь поѣсть!

Нужно замѣтить, что тамошніе жители не привыкли держать архіерея въ почетѣ. Часто оставался я безъ хлѣба, — о пищѣ нечего и говорить, да и Турокъ мой былъ бѣденъ: въ семействѣ ѣли больше кукурузный хлѣбъ [1]), да было у него еще немного квашенной капусты и больше ничего. Какъ я боялся, чтобы кто нибудь не пошелъ къ пашѣ и не открылъ мое здѣшнее пребываніе: тогда потребовали бы у меня денегъ, и такъ какъ у меня ничего не было, то думалъ, что убьютъ меня! Послѣ выхода Турокъ, я перешелъ изъ гарема въ домъ моего епитропа (намѣстника). Не прошло и трехъ дней, какъ весь городъ взволновался. Спрашиваю о причинѣ волненія, — говорятъ: «кирджаліи подошли къ городу и непремѣнно хотятъ войти въ него!» Видѣлъ я теперь, какъ кадыни и жены христіанъ плакали и бѣгали съ своими лучшими пожитками въ Турецкую, болѣе надежную, часть города. Епитропъ съ женою захватили съ собой изъ всѣхъ вещей, сколько могли, и убѣжали изъ своего дома. А мнѣ куда бѣжать? Посовѣтовали мнѣ перейдти въ одинъ изъ постоялыхъ дворовъ (ханъ), обведенный каменною стѣною; тамъ было и Турокъ много, такъ что кирджаліи не могли напасть на

[1]) Хлѣбъ изъ кукурузной муки — обыкновенная пища въ Болгаріи. Изъ муки и воды сдѣланную лепешку засыпають горячей золою, и — черезъ пять минутъ хлѣбъ готовъ. Онъ очень тяжелъ и вреденъ для непривычнаго желудка. *Ред.*

него. Перешелъ я въ этотъ постоялый дворъ и пробылъ тамъ 15 дней, пока кирджаліи ушли по направленію къ Тернову. Вотъ наступилъ и Святой Лазарь (Лазарева суббота). Въ этотъ день изъ постоялаго двора я перешелъ въ подворье Святаго Гроба, гдѣ спокойно пробылъ страстную недѣлю, а въ самый пасхальный день отслужилъ литургію. Всѣ радовались. Въ 9 часовъ, по обыкновенію, пошли на вечерню и предъ началомъ христосованія, слышимъ, идетъ градъ и всѣ стали въ одинъ голосъ кричать, и весь народъ, бывшій въ церкви, вышелъ изъ нея. Остался я одинъ въ церкви, такъ какъ былъ въ архіерейскомъ облаченіи. Слышались мнѣ извнѣ и крики, и плачъ, но не зналъ, изъ-за чего начался такой страшный шумъ; выходить изъ церкви, чтобы посмотрѣть, я не осмѣливался, и такъ какъ ограда церковная была не высока,—отовсюду было видно. Тотчасъ сталъ падать сверху градъ величиною въ орѣхъ, но это продолжалось недолго, — скоро прошелъ. Затѣмъ, приходитъ ко мнѣ въ церковь священникъ и объявляетъ, что въ городъ пришло до двухъ тысячъ Пазвантскихъ гайдуковъ, что они разбили ворота и двери домовъ и, занявъ и наше подворье, всѣ мои вещи обобрали. Куда мнѣ идти? Совсѣмъ было растерялся! Случайно находился тамъ оброчникъ Киръ Костадинъ съ чуфадаромъ, бостанджи и около 60 человѣкъ наемныхъ пастуховъ; по обыкновенію, они пришли собрать оброкъ. Послалъ я этого священника къ оброчнику и пришли его люди и изъ церкви привели меня прямо къ нему, въ его квартиру. Тамъ я пробылъ 19 дней. Квартировало тамъ и нѣсколько Пазвантскихъ гайдуковъ; они только пьянствовали и обижали другихъ; для этого они потребовали двоихъ человѣкъ отъ ихъ аги, Хошанцала Халиля. Тамъ они жили вмѣстѣ съ нами и ѣли одинъ хлѣбъ. Изъ окресностей приходили кирджаліи. Такимъ образомъ, проводилъ я время между ними, и всегда надѣвалъ Влашскую кагулу (баранью шапку), а звали меня: «язьцджи (писарь) Стоянъ».

Никогда я не имѣлъ возможности ни читать что либо, ни молиться.

Разъ Костадинъ чорбаджій говоритъ мнѣ: «Мы хотѣли ѣхать въ Терново, но чрезъ Валахію; ѣхать прямо не осмѣливаемся изъ-за кирджаліевъ». Сталъ я размышлять о томъ, что мнѣ дѣлать. Остаться въ Плевенѣ одному между кирджаліями—невозможно; поѣхать въ Врацу—не хватаетъ смѣлости; не поѣхать-ли съ ними въ Валахію? Что же дѣлать! Хочется ѣхать въ Врацу, но не рѣшаюсь взять проводника—Турка, чтобы онъ не разнесъ молвы объ этомъ въ округѣ. Взявъ у Костадина чорбаджія одного человѣка, мы отправились ночью; а ночь была короткая: это было въ м. маѣ. Въ четверомъ мы отправилось въ путь, который мы держали чрезъ лѣса, поля, все по зеленой травѣ, но не по большимъ дорогамъ. Такимъ образомъ мы добрались до рѣки Искера, а чрезъ эту рѣку безъ лодки никакъ невозможно переправиться. На противоположной сторонѣ находится село Коюнлари. Кричимъ,—не слышатъ, вслѣдствіе рѣчнаго шума; никто не отзывается, а тутъ темнѣетъ, да еще дождь идетъ. Выстрѣлить не рѣшаемся,—можетъ быть въ селѣ находятся Пазвантскіе

гайдуки. Мы стали въ тупикъ и не знали, что намъ дѣлать. Едва мы увидѣли одного пастуха; онъ узналъ насъ и сейчасъ пошелъ дать знать въ селѣ. Пришло нѣсколько человѣкъ съ лодкою; но лодка была мала, въ родѣ корыта, и ненадежная; въ ней помѣстилось насъ только трое-четверо, а лошади переплыли сами. Но опять бѣда. Когда мы гнали лошадей переплывать рѣку, одна изъ нихъ ускакала назадъ въ лѣсъ. Боже мой, что тутъ дѣлать! Потемнѣло у меня въ глазахъ. Прочія лошади переплыли на другой берегъ, а эта ускакала въ лѣсъ: теперь, вотъ, за этими ли присматривать, или гнаться за тою. А тутъ какъ же ночью перейдти такую рѣку? Страшно! Всѣ едва не утонули. Но, по волѣ Божіей, лошадь не убѣжала далеко; возвратилась назадъ и поплыла къ другимъ. На другомъ берегу намъ стало въ глазахъ свѣтлѣе, да, притомъ, и успокоились: вѣдь, около Врацы не боялись и кирджаліевъ. Пріѣхали въ Врацу. Тутъ я пробылъ только это лѣто до Димитріева дня, но за то никуда ни за что не выѣзжалъ изъ города. Послѣ Димитріева дня поѣхалъ я въ Плевенъ, но и тамъ стояли тогда Пазвантскіе гайдуки. Здѣсь я пробылъ только до Николина дня. За это время попы собрали мнѣ мирію. Затѣмъ, видя, что стало собираться въ Плевенъ много гайдуковъ (Пазвантскихъ солдатъ), и, опасаясь, чтобы они не причинили мнѣ какого нибудь зла, я въ декабрѣ 1799 г. выѣхалъ изъ Плевена. Я отправился на Никополь, чтобы тутъ переправиться чрезъ Дунай въ Валахію, но Дунай былъ покрытъ тогда льдомъ съ обѣихъ сторонъ и, поэтому, нельзя было переправиться чрезъ него; вслѣдствіе этого, въ Никополѣ мы пробыли шесть дней. Затѣмъ разнеслась молва, что въ Никополь ѣдетъ Гявуръ-Имамъ, и я весьма испугался. Много денегъ израсходовалъ, пока провезли меня чрезъ Дунай. Какъ сильно я боялся! А тутъ еще разломался ледъ; одна лошадь пошла ко дну и утонула; другихъ лошадей повезли привязанными на льдинѣ. И пока доѣхали до Зимнича (Зимницы), думали, что перемерзнемъ отъ холода. Влашская земля была вся голая; не видно было ни дороги, ни пристанища; шесть часовъ разстоянія еле проѣхали въ три дня.

Въ 1800 г. противъ Пазванджи опять двинулись султанскія войска, во главѣ которыхъ были: Мурузъ-бей Бухарестскій, изъ Валахіи, и наши изъ Турціи, и вотъ я вамъ скажу, по какой причинѣ. Въ селѣ В(е)ърбицѣ (Прѣславскій округъ) находился султанъ, извѣстный своими побѣдами надъ Нѣмцами, при Гюргевѣ (Журжевѣ); онъ гордился своими заслугами и не хотѣлъ оказывать почтенія визирю, въ то время, когда тотъ съ Турецкою ордою былъ въ Шуменѣ; за это визирь приказалъ разрушить его султанскій домъ. Султанъ убѣжалъ въ Московію (Россію) и тамъ пробылъ шесть лѣтъ. Затѣмъ, подъ покровительствомъ Московіи, явился въ Цареградъ. Царь (султанъ Турецкій) позволилъ ему снова исправить домъ, но онъ (султанъ), отправляясь въ Върбицу, дорогою набралъ войско изъ Турокъ, христіанъ и пошолъ на Виддинъ. Не знаю, о чемъ онъ совѣтовался съ Пазванджи, но былъ слухъ, будто бы они условились о томъ, чтобы султанъ сдѣлался ца-

ремъ, а Пазванджи визиремъ. По этой ли причинѣ, или по другой, но войско опять пошло на Видинъ. Что же мнѣ-то дѣлать! Денегъ на расходы нѣтъ, а мирію отъ меня требуютъ; уйти—скверно, не уйти—опять скверно. Прежде всего, мнѣ нужно было взять отъ Видинскаго паши письменный видъ, и, затѣмъ, собирать мирію, а тутъ я какъ разъ безъ митрополіи, безъ епископіи и, поэтому, нельзя было получить разрѣшенія на сборъ ея. Въ Марковомъ монастырѣ, въ Валахіи, игуменомъ былъ одинъ изъ тамошнихъ монаховъ, человѣкъ гордый; никого не хотѣлъ знать и всего менѣе Угро-Влахійскаго митрополита, который за какое-то дѣло наказалъ его заключеніемъ, а онъ, по своей непокорности, что же дѣлаетъ? Посылаетъ человѣка въ Видинъ, съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній отъ имени игумена обѣщалъ Пазванджи 40 кошельковъ (20 тысячъ грошей) денегъ, если онъ согласится предоставить ему архіерейское мѣсто въ Видинѣ; между тѣмъ, Пазванджи изъ-за чего-то былъ тогда сердитъ на Видинскаго архіерея. Зная все это, этотъ монахъ, Калиникъ, поѣхалъ въ Видинъ. Здѣсь онъ сталъ всячески льстить Пазванджи. Тотъ прогналъ прежняго архіерея, отнявъ у него все, что только было у него, и на мѣсто его послалъ на митрополію Калиника, съ тѣмъ, чтобы онъ ожидалъ тамъ, пока придетъ ему отъ патріарха позволеніе занять каѳедру Видинской митрополіи. Къ этому же Калинику, съ которымъ я былъ въ дружбѣ съ давнихъ поръ, я написалъ просительное письмо, о томъ, чтобы онъ просилъ за меня Пазванджи, такъ какъ имѣлъ доступъ къ нему, объ исходатайствованіи для меня у паши, или его секретаря теснере—билетъ на право собирать мирію. Онъ мнѣ пишетъ: «Пріѣзжай въ Врацу и пошли человѣка за тескере (билетомъ)». Я не зналъ тогда, что значитъ эта лесть. Поѣхалъ въ Врацу и, пока, спустя нѣкоторое время, я успѣлъ отправить человѣка въ Видинъ, Калиникъ поспѣшилъ послать ко мнѣ мубашира съ Пазвантскимъ тескере, съ тѣмъ, чтобы онъ взялъ меня съ собою и вмѣстѣ отправился въ Видинъ. Поѣхалъ я въ Видинъ. Тамъ въ разныхъ церквахъ я служилъ два, три мѣсяца. Такъ было предписано мнѣ и въ тескере паши, именно, что я нуженъ на недолгое время для совершенія требъ христіанамъ, а потомъ обязанъ возвратиться въ свою епархію. Я сталъ просить разрѣшенія на выѣздъ, но ко мнѣ явился отъ паши человѣкъ и сказалъ мнѣ: «Пока Калиникъ не будетъ владыкой (архіереемъ), тебѣ выѣхать никуда нельзя». Что же въ такомъ случаѣ было дѣлать? Бѣдный я! Совсѣмъ запутался было! Такимъ образомъ, пробылъ я въ Видинѣ три года. И сколько мнѣ пришлось терпѣть отъ монаха Калиника! Онъ обходился со мной, какъ съ послѣднимъ слугой; не хотѣлъ считать меня даже за человѣка, а за архіерея—тѣмъ менѣе. Съ Турками, съ Пазвантскими гайдуками онъ былъ заодно. А я ни слова не смѣлъ вымолвить. Никуда не отпускалъ меня, даже на прогулку, кромѣ церкви, да и то въ сопровожденіи какого нибудь священника. Впрочемъ, если бы даже и отпускалъ, то не пошелъ бы,—у меня ноги болѣли. Въ церковь я всегда ѣздилъ въ повозкѣ. Осада продолжалась два года съ половиною. Какъ боялся я,

сколько горя и заботъ было у меня! Началась третья осада Виддина; осаждавшіе были, впрочемъ, не въ близкомъ разстояніи отъ города. Въ Плевенѣ стоялъ Пляса-паша съ 15,000 арнаутовъ, а въ Берковцѣ стоялъ Гюрджи-паша съ такимъ же количествомъ войска; на Влашской сторонѣ были Мурузъ-бей съ Ибраилъ-Назаромъ и Аидинъ-пашою съ такимъ же войскомъ. У Пазванджи кирджаліи были раздѣлены на три отряда (булюка): Манафъ-Ибрагимъ съ 2,000 человѣкъ; онъ разбилъ Пляса-пашу, отнялъ у него всѣ военные припасы и привезъ ихъ въ Виддинъ, а Пляса-паша убѣжалъ, куда глаза глядѣли. Кромѣ того, онъ привелъ въ Виддинъ около 1,000 плѣнныхъ солдатъ Пляса-паши; Пазванджи далъ каждому изъ нихъ по одному хлѣбу и, затѣмъ, прогналъ ихъ. Другой начальникъ кирджаліевъ былъ Филибели-кара-Мустафа; онъ напалъ ночью на Гюрджи-пашу и также отнялъ у него всѣ военные припасы и привезъ въ Виддинъ. Третій начальникъ отряда (булюкъ баши) Гушанцала-Халиль, и еще много такихъ же гайдуковъ Пазванджи давали сильный отпоръ регулярному войску и не допускали его подходить близко къ Виддину. Наконецъ, кирджаліи, по дозволенію Пазванджи, перешли въ Валахію и зажгли Кралюво (Крайова) и множество деревень и избили много людей. Тогда воевода Михалъ съ Угро-Влахійскимъ мирополитомъ и со всѣми Влашскими боярами и епископами отъ кирджаліевъ убѣжалъ въ Брашово (нынѣ Кронштадтъ, въ Австріи). Наконецъ, съ Пазванджи былъ заключенъ миръ. Пазванджи послалъ Калиника съ 50 Турками въ Букарештъ къ Ипсиланти-бею, и тамъ Калиникъ, съ разрѣшенія князя (бея), сдѣланъ былъ Виддинскимъ архіереемъ. Спустя мѣсяцъ, по пріѣздѣ Калиника въ Виддинъ, я попросилъ у него позволенія возвратиться въ свою епархію послѣ трехлѣтняго здѣсь пребыванія. Но кирджаліи находились еще въ моей епархіи, а потому теперь нельзя еще было туда ѣхать. Задумалъ ѣхать въ Кралюво и остановиться тамъ, такъ какъ Виддинъ совсѣмъ надоѣлъ мнѣ и только искалъ я удобнаго случая поскорѣе вырваться оттуда. Въ Кралювѣ пробылъ около 20 дней; здѣсь каймакамъ (начальникъ города) Костаки-Караджа оказалъ мнѣ большое почтеніе. Однажды по Кралювѣ разнеслась молва, что туда идутъ кирджаліи, и въ ту же ночь убѣжали изъ Кралюва: каймакамъ и бояре, и купцы, и монахи, и попы; въ епископіи остался я одинъ и думалъ также уйдти, но нигдѣ не могъ найдти подводы. Какъ я боялся! Однако, кирджаліи не пришли. Затѣмъ, возвратились всѣ по своимъ домамъ. Вижу я, что кирджаліи все еще не уходятъ изъ моей епархіи, поэтому изъ Кралюва я отправился въ Букарештъ къ своимъ дѣтямъ, которыя проходили тамъ высшія науки (епистимия) въ княжеской школѣ (бейската академия). Поѣхалъ и (поклонихъ се) сдѣлался подчиненнымъ святому митрополиту Угро-Влахійскому, который назывался Досиѳеемъ. Онъ былъ человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, ученый и исполненный мудрости. Онъ принялъ меня любезно, представилъ меня князю (бею), воеводѣ Костадину Ипсиланти и нѣкоторымъ другимъ боярамъ, которымъ разсказы-

валъ, что я былъ въ Виддинѣ три года и перенесъ тамъ много горя и терпѣлъ большую нужду. Онъ пригласилъ меня жить въ митрополіи, гдѣ назначилъ мнѣ келью, и каждый день приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ. Я разсказалъ ему всѣ свои несчастія: какъ сперва обманули меня и дали мнѣ епархію за дорогую цѣну, за 55 кошельковъ, какъ впродолженіе четырехъ лѣтъ, я не былъ въ своей епархіи и потому не получилъ оттуда ни одной денежки, самъ не давалъ ни миріи, ни лихвы на эти (невнесенныя) деньги, такъ что мой долгъ возросъ свыше 80 кошельковъ. Епархія раззорена, ни одной деревни не осталось въ цѣлости—всѣ были сожигаемы кирджаліями и гайдуками Пазванджи; жители разбѣжались по Валахіи и по другимъ мѣстамъ. Между тѣмъ, синодъ не вѣритъ, требуетъ одинаковой миріи (какъ за прежніе годы) и нѣтъ никакой возможности какъ нибудь покончить съ епархіей и долгомъ. И онъ сжалился надо мною: попросилъ князя (бея) выхлопотать мнѣ у синода паретисъ, т. е. отставку, чтобы я могъ быть свободнымъ отъ епархіи, и князь (бей), [дай Богъ ему долгоденствіе!] послушался и послалъ прошеніе въ синодъ, и, такимъ образомъ, досталъ мнѣ отставку (писаніе оставительное). Такимъ образомъ, я освободился отъ тѣхъ заботъ и временныхъ безпокойствъ, но на сердцѣ у меня лежитъ одно горе, и я боюсь Бога, да не осудитъ Онъ меня, что я взялъ на свои рамена эту паству и теперь оставляю ее; въ надеждѣ на всемилостиваго Бога я оставилъ ее не по своей лѣности, чтобы проводить время въ бездѣйствіи, но вслѣдствіе тяжелаго бѣдствія и большого долга, которые свалили на меня, и вслѣдствіе того, что мнѣ не вѣрятъ, что народъ разбѣжался и наиболѣе съ той стороны, которая прилегаетъ къ Виддину, такъ какъ она стала жилищемъ разбойниковъ («варварское») и гайдуковъ.

Поэтому я тружусь и днемъ, и ночью, желая написать нѣсколько книгъ на нашемъ Болгарскомъ языкѣ, и такъ какъ у меня нѣтъ возможности лично говорить предъ ними (Болгарами) какое-нибудь полезное поученіе, а имъ невозможно слушать мня, грѣшнаго, то пусть хоть прочтутъ «писаніе мое» и изъ него научатся чему-нибудь полезному, а за меня, недостойнаго, молились-бы Богу, тобы Онъ исправилъ мое невѣжество и удостоилъ меня прощенія за трудъ, дабы и намъ получить въ день страшнаго суда мѣсто между стоящими по правой сторонѣ. Аминь.

Сіе вамъ искренно желаю. Вы же будьте благосклонны къ тому, который трудился и здравствуйте!

Балканскіе гайдуки.

Покореніе Турками Балканскихъ Славянъ не закончило ихъ борьбы противъ чужеплеменнаго, иновѣрнаго и варварскаго ига. Масса народа, предоставленная самой себѣ, безъ всякой надежды на освобожденіе, шагъ за шагомъ, продолжала отстаивать послѣднія искры свободы и независимости, защищать свои народныя учрежденія: какъ со стороны врага не было конца всевозможнымъ притѣсненіямъ, такъ и въ порабощенныхъ Балканскихъ Славянахъ никогда не изчезало мужество ратовать за сохраненіе завѣтовъ старины. Но въ этой отчаянной борьбѣ силы были неравны. Часть населенія спасалась отъ тяжести борьбы сперва на окраины владѣній Турокъ (крайны, краишники), а затѣмъ, отсюда принуждена была бѣжать въ другія земли (ускоки). Скоро опустѣло много селеній, стали дичать плодородныя нивы; быстро были изглажены высшіе классы Болгарскаго народа: вступившіе въ сдѣлку съ побѣдителемъ должны были измѣнить и вѣрѣ, и народности, и стали жестокими ея притѣснителями; непокорившіеся ему или пали подъ его ударами, или принуждены были бѣжать изъ родной страны; государственныя и частныя земли были захвачены азіатами-побѣдителями; замерли зачатки образованности; христіанскіе храмы обращены въ мечети, стала оскверняться святость обычая; наложена тяжелая дань и особенно самая тяжелая изъ всѣхъ даней—дань родными дѣтьми, изъ которыхъ дикіе завоеватели воспитывали жестокихъ враговъ славянства (янычары); въ общественной жизни грубый произволъ и насиліе простерлись до того, что «правѣрный» мусульманинъ получилъ возможность во всякое время бросить гяура въ темницу и даже безнаказанно изрубить его. Народъ обезоруженъ, ослабленъ и разъединенъ, онъ не имѣлъ уже общаго центра, не могъ уже сплотиться, ополчиться, для того, чтобы дать побѣдоносный отпоръ врагу и освободиться изъ варварскихъ его оковъ. Такъ, изъ цѣлыхъ государствъ, свободныхъ народовъ и племенъ возникли, на Балканскомъ полуостровѣ, подъ владычествомъ Турокъ, рабы — «райя».

Оставалось вести нескончаемую борьбу съ грубою вооруженною варварскою силою самой этой порабощенной райѣ, въ лицѣ своихъ народ-

ныхъ храбрыхъ и беззавѣтныхъ защитниковъ, рѣшавшихся карать и вразумлять своихъ притѣснителей. Эти защитники и родолюбцы, покидавшіе дома и семейные очаги и уходившіе въ дикія горы и дремучіе лѣса, съ единственною цѣлью—мстить за неправду и злодѣйство Турокъ, были гайдуки. (Болгарскій «хайдутинъ» «Сербскій гайдукъ», Греческій «клефтъ» — только разныя имена для этого класса людей.)

Гайдучество, какъ протестующій, отрицательный элементъ въ государствѣ, — не единственное явленіе въ исторіи. Подобное явленіе— естественное слѣдствіе крутыхъ, стѣснительныхъ мѣръ, крайне дурнаго управленія и отсутствія правосудія. Эти общественные отрицательные элементы или достигали своего полнаго развитія и обособлялись отъ государства, или же, съ теченіемъ времени, тяготѣя къ нему, превращались въ охранительные его элемены противъ общегосударственныхъ враговъ. Достаточно вспомнить сходное во многомъ съ гайдучествомъ наше казачество. Извѣстно, что Сербское гайдучество отстояло независимость княжества.

Гайдучество Болгарское до самаго послѣдняго времени продолжало вести народную партизанскую войну противъ несправедливостей Турокъ, не переставая служить тѣмъ задачамъ, которыя возлагались на него Болгарскимъ народомъ.

О прошломъ и современномъ бытѣ Балканскихъ Славянъ наука собрала крайне мало свѣдѣній.

Западнымъ сподвижникамъ гайдуковъ—Далматинскимъ гайдукамъ или ускокамъ болѣе посчастливилось въ литературѣ: Со словъ Венеціанскихъ писателей, много занимавшихся ускоками (Фра Паоло Сарпи, Минуччіо Минуччи, написавцій «Исторію ускоковъ» и др.), о нихъ стали писать и интересоваться во всѣхъ западныхъ литературахъ. Между тѣмъ, о Балканскомъ гайдучествѣ до настоящаго времени имѣется только одинъ серьезный трудъ, напечатанный въ 1852 г. нашимъ соотечественникомъ П. А. Безсоновымъ *). Онъ первый обратилъ вниманіе на важность собранія и изученія Болгарскихъ народныхъ пѣсенъ и впервые попытался изобразить Болгарскій бытъ, какъ онъ представляется въ народномъ эпосѣ.

Болгарскій народный эпосъ сохранилъ многіе эпизоды борьбы за свободу и народность.

Гайдучество — главное и общее содержаніе Болгарскаго эпоса: всѣ герои — гайдуки, всѣ они дѣйствуютъ противъ Турокъ.
Почти всѣ собранныя и изданныя до настоящаго времени пѣсни относятся къ ближайшимъ къ намъ временамъ; о временахъ болѣе отдаленныхъ и, въ особенности, о первоначальной борьбѣ князей, воеводъ городовъ и областей, крупныхъ землевладѣльцевъ имѣются самыя темныя

*) Болгарскія пѣсни .. Эпосъ Сербскій и Болгарскій во взаимныхъ отношеніяхъ историческомъ и топографическомъ. М. 1855.

воспоминанія. Въ этихъ древнѣйшихъ пѣсняхъ между гайдуками встрѣчаются представители старыхъ, богатыхъ и сильныхъ родовъ; затѣмъ, всѣ позднѣйшіе гайдуки выходятъ изъ народной массы. Въ народной поэзіи гайдуки непосредственно смѣняютъ старыхъ героевъ эпоса, царей, князей и бановъ. И дѣйствительно, они послѣдніе сражались противъ Турецкаго натиска; народные юнаки-гайдуки являются продолжителями этой борьбы. Юнацкія пѣсни, по преимуществу—гайдуцкія. По юнацкимъ пѣснямъ можно прослѣдить всю жизнь гайдука.

Неисчерпаемое и важное для науки богатство Болгарскаго эпоса едва тронуто, и записано и издано лишь самое незначительное количество пѣсенъ, которыя, воспѣвая героическія похожденія гайдуковъ, рисуютъ, въ то же время, всю бытовую и, конечно, не особенно богатую выдающимися событіями, жизнь народа. Сами Болгарскіе писатели сознаются, что гайдучество еще мало изслѣдовано. Между тѣмъ, гайдуки—лучшіе знатоки и пѣвцы юнацкихъ пѣсенъ; гайдуки—лучшіе географы и этнографы своей родной земли, которую знаютъ въ совершенствѣ и въ состояніи каждую мѣстность описать подробнѣйшимъ и точнѣйшимъ образомъ. Изъ ихъ описаній природы и ея явленій видно, что они высокіе цѣнители ея красотъ. Прелести Болгарской природы способны смягчать даже гайдуцкую суровую жизнь. Такъ, созерцаніе, напр., живописной мѣстности у Царскаго Извора (Равно-Буче) до того поразило грознаго гайдука, что онъ былъ не въ состояніи описать тѣ впечатлѣнія, которыя въ тотъ моментъ испытывало его сердце. Это созерцаніе дѣйствовало на душу гайдука такъ нѣжно, что, по собственному сознанію, располагало его любить не только свое отечество и свою порабощенную братью, но даже и своихъ непріятелей. Въ то время онъ былъ бы готовъ обнять даже своихъ кровныхъ враговъ, если бы только они позволили ему и его братьямъ жить спокойно, свободно и счастливо, наслаждаясь природою. Съ вершинъ Твердишской горы (Чемерна), окруженной буковыми лѣсами, гайдукъ П. Хитовъ рисуетъ великолѣпную картину, которая открывается отсюда на дальнія окрестности. «Въ которую сторону ни посмотримъ, замѣчаетъ онъ, — есть на что глядѣть и чему дивиться и радоваться. Красна наша земля! Я люблю сидѣть на этомъ мѣстѣ и оплакивать, какъ Іеремія, свое порабощенное отечество. Даже и моя дружина, которая ни во что ставила человѣческую жизнь и которая была готова почти каждую минуту проливать человѣческую кровь, очень часто проливала на этомъ мѣстѣ юнацкія слезы» (см. ниже, стр. 124). Гайдуки, восторгаясь красотами мѣстностей, описываютъ, какъ протекаетъ чрезъ нихъ р. Тунджа, «лоснящаяся на солнцѣ, точно серебристый поясъ»; часто любуются р. Камчикомъ, который, близъ Котла, «извивается, какъ змѣя, и блеститъ подъ солнечнымъ лучемъ, какъ алмазъ». Въ преданіяхъ гайдучества хранится вся исторія какъ самого этого гайдучества, такъ и всего народа. Въ тѣхъ же преданіяхъ и пѣсняхъ юнацкихъ, сбережено много чертъ о позднѣйшихъ войнахъ Русскихъ съ Турками, въ которыхъ гайдуки (Цеко и др.) принимали участіе (см., напр.,

пѣсню на стр. 99). Многими изъ такихъ преданій воспользовался П. Хитовъ. Онъ указываетъ, о чемъ знаетъ какъ очевидецъ, что передавалъ ему отецъ его, или другія лица и что ему неизвѣстно достовѣрно. Поэтому, мы полагаемъ, что недавно изданная въ Бухарестѣ брошюра Панайота Хитова о Балканскомъ гайдучествѣ вполнѣ заслуживаетъ вниманія нашей литературы. Брошюра заключаетъ въ себѣ «жизнеописанія нѣкоторыхъ старыхъ и новыхъ воеводъ» и разсказъ о томъ, какъ самъ авторъ странствовалъ (гайдуковалъ) по Балканамъ. Авторъ—самъ современный гайдукъ и воевода. Замѣчательно, что онъ никогда въ жизни не посѣщалъ школы и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучился читать и такъ увлекательно описывать свою странную судьбу. Онъ производитъ собою впечатлѣніе разсказчика искренняго и безпристрастнаго какъ къ своимъ братьямъ — Болгарамъ, такъ и къ врагамъ — Туркамъ. Въ брошюрѣ П. Хитова современная жизнь райи получаетъ болѣе полное освѣщеніе. Брошюра представляетъ тѣмъ болѣе цѣнный матеріалъ для народной Болгарской исторіи и эпической поэзіи, что П. Хитовъ помѣстилъ въ своемъ изданіи нѣсколько и, кажется, впервые появляющихся въ печати гайдуцкихъ пѣсенъ *). Жаль, что П. Хитовъ, хотя свѣдѣнія свои о старыхъ воеводахъ основывалъ почти исключительно на юнацкихъ пѣсняхъ, но привелъ ихъ сравнительно немного потому, что, будто бы; «имъ въ его брошюрѣ не мѣсто». Тексту перевода предпосылается нѣсколько замѣчаній о жизни гайдуковъ **).

— —

Сознаніе права и народности и чувство свободы никогда не угасали въ Болгарскомъ народѣ. Во всѣ времена Турецкаго ига, всякій, въ комъ сильнѣе были эти начала, кто не хотѣлъ подчиниться Турецкой власти, становился въ ряды гайдучества. Подъ его знамя собирались лучшія народныя силы; тутъ были передовые вожди народа и обыкновенные сыны его. Всѣхъ ихъ одушевляло стремленіе: охранить беззащитныхъ сиротъ, спасти жизнь и имущество невинныхъ христіанъ

---

*) Изъ напечатанныхъ въ брошюрѣ П. Хитова пѣсенъ только четыре пѣсни, а именно: „Собрались, сошлися“ (стр. 49), „Вѣдь тебя учила майка“ (91 на л. 7), „Эй, ты Киря, горскій староста!“ (94) и „Дай мнѣ, мать родная“ (121) напечатаны въ стихотворномъ Русскомъ переводѣ, остальныя же переданы прозою. Вторая и четвертая пѣсни переложены А. Н. Майковымъ, а первая М. П. Розенгеймомъ, за что приносимъ имъ благодарность.

**) Кромѣ труда г. Безсонова, см. также: всѣ вызванныя этимъ трудомъ замѣчанія, исправленія, дополненія.—Собраніе пѣсенъ В. С. Караджича (2 изданіе въ 1875 г.).—Болгарскія народныя пѣсни—Собраніе братьевъ Миладиновыхъ. Загребъ. 1861. Также сборн. пѣсенъ: Поповича, Радичевича, Ристича, Голебека и др.—Slovnik N., Т. III, стр. 579.—Бацетичъ Ѳ. М. «Очерки Старой Сербіи». «Бесѣда». М. 1871. V и X. — Стоянова Д.: «Horské junáctvo (hajductvo) bulharské» Чешск. ж. «Květy».—Иречекъ (К.) въ своей „Geschichte der Bulgaren“ (1876), говоря о гайдучествѣ, воспользовался двумя, тремя свѣдѣніями изъ труда г. Безсонова, а остальныя свѣдѣнія почерпнулъ изъ брошюры П. Хитова; содержаніе этой же брошюры воспроизведено Иречкомъ въ статьѣ его: «Na Balkánê», напечатанной въ Чешскомъ ж. «Osvêta» (1875, № 10).—Ранке: Исторія Сербіи, перев. Бартенева. М. 1876.

отъ произвола Турокъ, всякимъ несчастнымъ подать помощь. Это—единственные народные герои, богатыри, истинные родолюбцы. Безъ гайдуковъ райя представляется осиротѣлою; безъ охраны ихъ произволъ Турокъ усиливается. Поэтому, съ именемъ гайдуковъ, народъ всегда соединялъ нѣчто не только геройческое, но и патріотическое. По понятіямъ народа, служеніе ихъ — священное и подвиги ихъ считаются христіанскою добродѣтелью. «Гайдуки—пастыри, стрегущіе вѣру, честный крестъ, законъ христіанскій и правду». «Счастлива та душа, которая родитъ гайдука на защиту честнаго креста и святыни», повторялъ народъ. Принося пользу своему отечеству, гайдукъ, въ глазахъ народа, заслуживалъ геройской славы. И дѣйствительно, народная поэзія даетъ гайдукамъ героическую роль; подвиги ихъ воспѣты въ тысячахъ пѣсней, оповѣщены въ многочисленныхъ сказаніяхъ. Гайдуки грабятъ, убиваютъ, но это не мѣшаетъ имъ слыть людьми честными и правдивыми, ибо они борятся съ народнымъ врагомъ. Народъ всегда отличалъ гайдуковъ отъ простыхъ разбойниковъ. Сами гайдуки говорятъ: «Мы народные гайдуки... мы посланы Богомъ беречь бѣдныхъ и наказывать «злочинцевъ»; а если это такъ, то мы должны быть честными, правдолюбивыми и честосердечными. Болгарскій народъ не имѣетъ ни царства, ни покровителей, ни защитниковъ. Онъ долженъ надѣяться на Бога, на насъ и на свои молодецкія мышцы, а если такъ, то гайдукъ долженъ беречь его честь, защищать его несчастныхъ и вдовъ и утѣшать беззащитныхъ». Гайдуки не считали себя преступниками и даже Турки, по пѣснямъ, величаютъ гайдуковъ героями, богатырями. Въ представленіи народа, гайдуки стали выраженіемъ его лучшихъ стремленій, воплощеніемъ его идеаловъ. При Турецкомъ безправіи, гайдуки служили выраженіемъ народной правды, органомъ уголовныхъ репрессалій и общественнаго суда, который народъ считалъ самымъ справедливымъ.

Когда господствующая власть не въ состояніи дать истиннаго правосудія, когда она допускаетъ соблазнъ и оскорбленіе завѣтной народной святыни, тогда народу остается одинъ выходъ—силою своего духа вдохновить своихъ отважныхъ сыновъ до собственнаго правдиваго суда и расправы—наносить удары народной мести на самовластныхъ притѣснителей. «Безъ мщенія, нѣтъ спасенія» твердитъ народъ. «Благоразумные люди говорятъ, замѣчаетъ П. Хитовъ, что мщеніе свойственно дикарямъ и кровожаднымъ народамъ; а я думаю, что оно свойственно только честнымъ людямъ, которые имѣютъ душу и сердце, которые цѣнятъ свое человѣческое достоинство и которые не позволяютъ называть себя животными. П. Хитовъ сознается, что единственная цѣль его гайдукованья—«отомстить Турецкимъ звѣрямъ, которые не знаютъ ни чести, ни человѣчности, ни правды... Мое сердце искало свободы, искало чести, искало правды. Только Стара-Планина могла удовлетворить моимъ желаніямъ... Только ради этой правды я и сдѣлался гайдукомъ»... Такимъ образомъ, служа грозой для всякихъ злодѣевъ, настоящіе, идеальные гайдуки поддерживали въ народѣ бодрость духа, оберегали общественную, національную жизнь.

[illegible] всегда было много общихъ [illegible] гайдучества. Главная причина [illegible] отсюда государственный порядокъ [illegible] Турками и стѣснительные для Славян- [illegible] питать вражду и ко всѣмъ тѣмъ, которые [illegible] его поддерживали и дѣйствовали за-одно [illegible] кметы, а нынѣ чорбаджіи). И П. Хитовъ рисуетъ [illegible] Болгаръ въ самомъ ужасномъ видѣ. Населеніе нѣ- [illegible] Болгарскихъ деревень находится въ такомъ положеніи, что [illegible] заставитъ и камни возопить объ отмщеніи: 'оно ограблено, обезчещено, измучено.' Кто желаетъ составить себѣ понятіе [illegible] что такое рабъ и раба, замѣчаетъ П. Хитовъ, тотъ пусть вни- [illegible] вглядится въ Болгарскаго поселянина и Болгарскую поселянку, [illegible] въ деревняхъ у большихъ дорогъ: Турецкіе путешественники [illegible] у нихъ даже уши.» По признанію одного Турка, попавшагося въ руки гайдуковъ, «мука дана аллахомъ только для гяуровъ». И вотъ [illegible] нибудь поселившійся среди Болгаръ арнаутъ заставляетъ ихъ работать ему даромъ, рѣжетъ женщинамъ груди и жаритъ дѣтей на вертелѣ. За одинъ распространившійся невѣрный слухъ о возстаніи безоружныхъ Тетевенскихъ Болгаръ Турки готовы были разграбить ихъ имущество и самихъ ихъ изрубить. Порта подстрекаетъ цѣлыя орды головорѣзовъ убивать и истреблять невинныхъ христіанъ. Представитель мѣстнаго суда—кади также грабитъ вдовъ и сиротъ и заставляетъ проливать слезы и большихъ и малыхъ. Такимъ образомъ, кромѣ политической вражды къ Туркамъ вообще, была вражда народная къ отдѣльнымъ лицамъ. Были, затѣмъ, многочисленныя и разнообразныя частныя причины и всякіе случаи неудовольства окружающею обстановкою и желанія избавиться отъ нея: убійство отца, матери, или заточеніе ихъ въ тюрьму, похищеніе невѣсты, побѣгъ изъ тюрьмы и изъ плѣна, или отъ неминуемой казни, разореніе податями и грабительствомъ властей, ихъ обиды и притѣсненія, насильственное уничтоженіе торговли; были случаи, что удалялись изъ общества вслѣдствіе проклятія родителей (преимущественно матери) и изъ-за несчастной любви. Такъ, «Старина» Новакъ *) ушолъ въ гайдуки потому, что не могъ заплатить дани, наложенной на округъ. Корчо озлобился на Турокъ изъ-за того, что отецъ его невинно былъ посаженъ въ тюрьму и, затѣмъ, былъ брошенъ въ отхожее мѣсто. П. Хитовъ не могъ перенести несправедливостей Турецкаго суда. Тотье былъ обиженъ Турками, которые отняли у него скотъ и арестовали его самого. У Цонье отняли оружіе. У Хитова живо описано, какъ возникали четы у знаменитаго воеводы Ильи. Кто хотѣлъ мстить, вступить въ открытую борьбу противъ притѣснителей,

---

*) Новакъ—родоначальникъ гайдуковъ. Болгарскіе и Сербскіе гайдуки имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ.

тотъ уходилъ въ горы и лѣса—гайдуковать, блуждать по Старой-Планинѣ (Балканамъ).

Уходящій въ гайдуки самъ собиралъ и составлялъ «дружину», «чету» (отрядъ), или приставалъ къ одной изъ существующихъ уже дружинъ, а то иногда онъ дѣйствовалъ самъ по себѣ. Названіе дружинниковъ, кромѣ гайдуковъ, арамій—«юнаки» (это болѣе употребительное и болѣе лестное) т. е. удальцы, добрые молодцы, богатыри, и «момки»—ребята. Въ гайдуцкія четы поступали даже женщины (которыя должны были быть непремѣнно дѣвушками) въ сопровожденіи самихъ родныхъ: онѣ ловко владѣли оружіемъ и въ совершеніи подвиговъ соперничали съ мужчинами. Въ дружину принимался не всякій приходящій, а «по отбору», «подбору», лишь храбрый, достойный, испытанный (на разные лады) юнакъ съ «юнацкимъ сердцемъ и съ юнацкими способностями». Безчестный человѣкъ, обыкновенный разбойникъ и воръ, котораго звали «кокошаринъ», т. е. курный злодій, «лупежъ», «пецибаба» (т. е. досадитель бабамъ) не находилъ мѣста въ гайдуцкой средѣ: его выгоняли не только отъ себя, но и изъ лѣсовъ и горъ; за него не истили тѣмъ, кто убивалъ его. Составлявшіе чету приносили клятву въ соблюденіи справедливости, вѣрности данному своему слову и обѣту—истить за правду и кровь неповинныхъ жертвъ Турецкаго ига. Обрядъ клятвы состоялъ въ томъ, что, поднявъ три раза свои кинжалы и осѣнивъ себя честнымъ крестомъ, гайдуки клялись—божились обыкновенно Богомъ и св. Іоанномъ Крестителемъ—не измѣнять своей клятвѣ и не забывать ея до конца своей жизни: она должна была оставаться ненарушимою: «гайдуцкая вѣра крѣпче камня». «Пусть кинжалъ, или пистолетъ разорветъ сердце того, кто измѣнитъ данной клятвѣ и св. Іоаннъ да накажетъ его». Затѣмъ, всѣ дружинники цѣловались, положивъ правую руку на грудь, прежде съ своимъ начальникомъ («воеводою»), потомъ другъ съ другомъ. Младшіе изъ гайдуковъ цѣловали руку воеводы. Это заключеніе тѣснѣйшаго и священнаго союза—братства («побратимства») необходимо было для веденія борьбы съ исконнымъ врагомъ.

Дружинники, составляя чету, собирались подъ «байракъ» (знамя) краснаго или зеленаго цвѣта, съ кистями и шнурами и съ украшеніемъ на верху. Въ томъ случаѣ, когда представлялась необходимость собрать дружину, знамя водружалось въ землю, причемъ стрѣляли или подавали другой условный знакъ.

Составъ дружины нерѣдко бывалъ самый разнообразный, но это былъ народъ избранный. О дружинѣ говорится, что она «вѣрна, сговорна».

Численность дружины зависитъ отъ различныхъ условій и обстоятельствъ, но обыкновенно чаще встрѣчаются малыя дружины, въ 20—30 чел., такъ какъ четѣ въ 200—300 чел. дѣйствовать затрудни-

Въ безвыходномъ положеніи Болгаръ всегда было много общихъ причинъ для развитія и поддержанія гайдучества. Главная причина —владычество Турокъ и возникшій отсюда государственный порядокъ вещей и устройство, принятые Турками и стѣснительные для Славянскаго населенія; оно стало питать вражду и ко всѣмъ тѣмъ, которые премыкали къ этому порядку, его поддерживали и дѣйствовали за-одно съ Турками (кнезы, кметы, а нынѣ чорбаджіи). И П. Хитовъ рисуетъ недавнее положеніе Болгаръ въ самомъ ужасномъ видѣ. Населеніе нѣкоторыхъ Болгарскихъ деревень находится въ такомъ положеніи, что въ состояніи заставить и камни возопить объ отмщеніи: 'оно ограблено, совершенно обезчещено, измучено.' Кто желаетъ составить себѣ понятіе о томъ, что такое рабъ и раба, замѣчаетъ П. Хитовъ, тотъ пусть внимательно вглядится въ Болгарскаго поселянина и Болгарскую поселянку, живущихъ въ деревняхъ у большихъ дорогъ: Турецкіе путешественники «съѣли у нихъ даже уши.» По признанію одного Турка, попавшагося въ руки гайдуковъ, «мука дана аллахомъ только для гяуровъ». И вотъ какой нибудь поселившійся среди Болгаръ арнаутъ заставляетъ ихъ работать ему даромъ, рѣжетъ женщинамъ груди и жаритъ дѣтей на вертелѣ. За одинъ распространившійся невѣрный слухъ о возстаніи безоружныхъ Тетевенскихъ Болгаръ Турки готовы были разграбить ихъ имущество и самихъ ихъ изрубить. Порта подстрекаетъ цѣлыя орды головорѣзовъ убивать и истреблять невинныхъ христіанъ. Представитель мѣстнаго суда—кади также грабитъ вдовъ и сиротъ и заставляетъ проливать слезы и большихъ и малыхъ. Такимъ образомъ, кромѣ политической вражды къ Туркамъ вообще, была вражда народная къ отдѣльнымъ лицамъ. Были, затѣмъ, многочисленныя и разнообразныя частныя причины и всякіе случаи недовольства окружающею обстановкою и желанія избавиться отъ нея: убійство отца, матери, или заточеніе ихъ въ тюрьму, похищеніе невѣсты, побѣгъ изъ тюрьмы и изъ плѣна, или отъ неминуемой казни, разореніе податями и грабительствомъ властей, ихъ обиды и притѣсненія, насильственное уничтоженіе торговли; были случаи, что удалялись изъ общества вслѣдствіе проклятія родителей (преимущественно матери) и изъ-за несчастной любви. Такъ, «Старина» Новакъ *) ушолъ въ гайдуки потому, что не могъ заплатить дани, наложенной на округъ. Корчо озлобился на Турокъ изъ-за того, что отецъ его невинно былъ посаженъ въ тюрьму и, затѣмъ, былъ брошенъ въ отхожее мѣсто. П. Хитовъ не могъ перенести несправедливостей Турецкаго суда. Тотье былъ обиженъ Турками, которые отняли у него скотъ и арестовали его самого. У Цонье отняли оружіе. У Хитова живо описано, какъ возникали четы у знаменитаго воеводы Ильи. Кто хотѣлъ мстить, вступить въ открытую борьбу противъ притѣснителей,

*) Новакъ—родоначальникъ гайдуковъ. Болгарскіе и Сербскіе гайдуки имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ.

тотъ уходилъ въ горы и лѣса—гайдуковать, блуждать по Старой-Планинѣ (Балканамъ).

Уходящій въ гайдуки самъ собиралъ и составлялъ «дружину», «чету» (отрядъ), или приставалъ къ одной изъ существующихъ уже дружинъ, а то иногда онъ дѣйствовалъ самъ по себѣ. Названіе дружинниковъ, кромѣ гайдуковъ, арамій—«юнаки» (это болѣе употребительное и болѣе лестное) т. е. удальцы, добрые молодцы, богатыри, и «момки»—ребята. Въ гайдуцкія четы поступали даже женщины (которыя должны были быть непремѣнно дѣвушками) въ сопровожденіи самихъ родныхъ: онѣ ловко владѣли оружіемъ и въ совершеніи подвиговъ соперничали съ мужчинами. Въ дружину принимался не всякій приходящій, а «по отбору», «избору», лишь храбрый, достойный, испытанный (на разные лады) юнакъ съ «юнацкимъ сердцемъ и съ юнацкими способностями». Безчестный человѣкъ, обыкновенный разбойникъ и воръ, котораго звали «кокошаринъ», т. е. куриный злодій, «лупежъ», «пецибаба» (т. е. досадитель бабамъ) не находилъ мѣста въ гайдуцкой средѣ: его выгоняли не только отъ себя, но и изъ лѣсовъ и горъ; за него не мстили тѣмъ, кто убивалъ его. Составлявшіе чету приносили клятву въ соблюденіи справедливости, вѣрности данному своему слову и обѣту—мстить за правду и кровь неповинныхъ жертвъ Турецкаго ига. Обрядъ клятвы состоялъ въ томъ, что, поднявъ три раза свои кинжалы и осѣнивъ себя честнымъ крестомъ, гайдуки клялись—божились обыкновенно Богомъ и св. Іоанномъ Крестителемъ—не измѣнять своей клятвѣ и не забывать ея до конца своей жизни: она должна была оставаться ненарушимою: «гайдуцкая вѣра крѣпче камня». «Пусть кинжалъ, или пистолетъ разорветъ сердце того, кто измѣнитъ данной клятвѣ и св. Іоаннъ да накажетъ его». Затѣмъ, всѣ дружинники цѣловались, положивъ правую руку на грудь, прежде съ своимъ начальникомъ («воеводою»), потомъ другъ съ другомъ. Младшіе изъ гайдуковъ цѣловали руку воеводы. Это заключеніе тѣснѣйшаго и священнаго союза—братства («побратимства») необходимо было для веденія борьбы съ исконнымъ врагомъ.

Дружинники, составляя чету, собирались подъ «байракъ» (знамя) краснаго или зеленаго цвѣта, съ кистями и шнурами и съ украшеніемъ на верху. Въ томъ случаѣ, когда представлялась необходимость собрать дружину, знамя водружалось въ землю, причемъ стрѣляли или подавали другой условный знакъ.

Составъ дружины нерѣдко бывалъ самый разнообразный, но это былъ народъ избранный. О дружинѣ говорится, что она «вѣрна, сговорна».

Численность дружины зависитъ отъ различныхъ условій и обстоятельствъ, но обыкновенно чаще встрѣчаются малыя дружины, въ 20—30 чел., такъ какъ четѣ въ 200—300 чел. дѣйствовать затрудни-

тельно. Въ извѣстныхъ случаяхъ для общихъ цѣлей дружины могутъ соединяться.

Самаго опытнаго и храбрѣйшаго гайдука дружина избирала своимъ начальникомъ, «воеводою» («арамбашою») Онъ—главный распорядитель дѣйствій и хозяинъ дружины. При этомъ гайдуки клялись добровольно повиноваться ему во всемъ, что онъ признаетъ хорошимъ. Они говорили: «Теперь ты наша глава; гдѣ твой волосъ, тамъ и всѣ наши головы. Вмѣстѣ съ тобою мы готовы идти въ огонь и воду, за вѣру, общую правду, за честный крестъ, за имя св. Іоанна, за христіанскую кровь и кость и за данную клятву. Идемъ противъ поганыхъ (Туровъ)». Изъ двухъ сошедшихся въ одномъ мѣстѣ гайдуковъ, одинъ считался воеводою. Гайдуцкими четами иногда предводительствовали дѣвушки. По Болгарскимъ пѣснямъ, извѣстны: «воевода-Бояна», «мома-Елена» (считалась за юнака), Тодорка (также считалась за юнака, но, впослѣдствіи, была узнана при Дунаѣ); Сирма-воіводка (долго извѣстная за юнака) въ концѣ прошлаго столѣтія предводительствовала гайдуцкою дружиною, по 18 часовъ въ день могла оставаться на ногахъ. Ее, уже 80-лѣтней старухою, видѣли въ Прилѣпѣ.

Въ отношеніяхъ воеводы и дружины, по пѣснямъ, сохранялись взаимныя уваженіе и заботливость. Болгарская пѣсня разсказываетъ: «Стоянъ пособралъ дружину, и вѣру, и клятву сотворили: когда въ путь пойдемъ, кто болѣнъ разболѣется, по очереди будемъ смотрѣть за нимъ, на рукахъ будемъ носить его. Разболѣлся младъ Стоянъ, и на рукахъ носили его отъ свѣтлаго дня до Ильина дня; нигдѣ никакой добычи не брали, нигдѣ не дѣлали нападенія». Говоритъ дружина Ивану: «Стояновъ братецъ Иванъ! не во гнѣвъ тебѣ, хотимъ оставить батюшку». «Дружина вѣрная, сговорная! Не оставляйте батюшку, вѣдь, мы вѣрою клялись ему. Дружина, возьмите его, носите на рукахъ по очереди; отнесемъ его, дружина, къ лѣсу Карнабатскому: тамъ у насъ нива посѣяна, доброю жолтою пшеницею; какъ придутъ жать нивы, авось либо найдутъ батюшку». Отнесли они Стояна, и оставили на нивѣ. Всѣ-то голосятъ и плачутъ: «Стоянъ, изстари воевода, отъ стараго времени ты остался! Стоянъ, простишь ли ты насъ въ клятвѣ нашей вѣрою?» Грустно смотритъ на нихъ Стоянъ, махаетъ правою рукою: «будь вамъ прощеніе, дружина!» Воевода печется объ одеждѣ и пищѣ для дружины, предостерегаетъ ее объ опасностяхъ, когда она просится идти на добычу и (по словамъ пѣсни) прибавляетъ: «а если мы тамъ погибнемъ, или получимъ тяжелыя раны, не могите проклинать мою душу». Случалось, что разныя невзгоды и неудачи вызывали ропотъ дружины противъ своего воеводы; иногда юнаки послѣ первой неудачи расходились. И воевода, если не находилъ возможности сладить съ трусливою и ослушливою дружиною, покидалъ ее. Несогласіе, по замѣчанію Хитова, — главная язва Болгарскаго народа. Большая часть народныхъ представителей погибла отъ предательства, или отъ внутренняго несогласія.

Знаменосецъ («байрактаръ»), послѣ воеводы, первое лицо въ дружинѣ. Въ это званіе избирается достойнѣйшій изъ гайдуковъ. Онъ ближайшій совѣтникъ воеводы, часто одинъ водитъ дружину, а послѣ смерти воеводы вступаетъ въ его права. Многія славныя имена знаменосцевъ воспѣваются въ народной поэзіи наравнѣ съ именами знаменитыхъ воеводъ.

При каждой гайдуцкой дружинѣ находился «караулинъ» или «караулъ»—сторожъ, развѣдчикъ. Изъ пѣсенъ можно заключать, что наблюдательными пунктами у него обыкновенно были деревья и ближайшія возвышенности.

Болгарскіе гайдуки носятъ верхнюю одежду, большею частью, обыкновенную и простую. Сербскіе гайдуки, напротивъ, одѣвались въ платье весьма нарядное, расшитое разноцвѣтными украшеніями, носили шелковыя шапки съ большою, падавшею на грудь, кистью (по пѣснѣ, на гайдукѣ Лукѣ Стремогледѣ была шапка изъ двухъ волковъ, а султанъ изъ сорока перьевъ). На груди гайдуки носятъ, въ видѣ украшенія, бляхи, или, за неимѣніемъ ихъ, крупныя серебряныя монеты. Гайдукъ обыкновенно вооруженъ ружьемъ въ ростъ человѣка («пушка большая»), двумя пистолетами, прямымъ ятаганомъ и острою саблею. Драгоцѣнное оружіе изстари переходило отъ одного гайдука къ другому. Понятно, въ гайдуцкой жизни оружіе имѣло большое значеніе: посредствомъ его онъ пріобрѣталъ личную независимость, оно было средствомъ для расправы и придавало силу его требованію, наконецъ, своимъ оружіемъ гайдукъ могъ добывать себѣ громкую славу. Въ народномъ бытѣ сохранилось много поговорокъ о гайдуцкомъ оружіи. Напримѣръ: «собака боится палки, а Турокъ гайдуцкаго оружія». Арсеналомъ для оружія гайдуковъ, по необходимости, должны были служить тѣ же Балканы: уходя на зимовку, гайдуки свое оружіе зарывали въ землю и ставили на этомъ мѣстѣ извѣстный знакъ, по которому весною отыскивали его. Пѣсня «Янка черезъ горы проходитъ» (см. ниже) рисуетъ внѣшній видъ юнака. Но особенно рельефными чертами изобразилъ его въ своемъ «Горскомъ Путникѣ» поэтъ Раковскій:*).

Надъ моремъ стоитъ воевода,
Болгарскій воитель стоитъ,
И, крѣпкую думая думу,
Печально на Сѣверъ глядитъ.

***

Встаютъ передъ нимъ, какъ видѣнья,
Пришедшіе славные дни:
Онъ мыслитъ о горномъ возстаньи,
Что манитъ его искони.

***

*) Георгій Раковскій человѣкъ образованный, ревностнѣйшій Болгарскій патріотъ, замѣчательный дѣятель на пользу умственнаго и нравственнаго развитія Болгарскаго народа. Въ Крымскую войну онъ издавалъ въ Нов. Садѣ скоро запрещенную Австрійскимъ правительствомъ газету «Болгарскую Денницу»; въ 1856 г. напечаталъ брошюру: «Предвѣстникъ къ Горскому Путнику», а въ 1857 г.—поэму «Горскій Путникъ» и мн. др., брошюры и научныя сочиненія (напр. объ Асѣнѣ I); издавалъ нѣкоторое время «Дунайскій Лебедь». Умеръ въ 1868 г. въ Бухарестѣ.

«Ой, любо съ Болгарской дружиною
Скитаться въ нагорныхъ лѣсахъ
И въ битвѣ встрѣчать супостатовъ,
Съ булатною саблей въ рукахъ!

***

«На каждомъ широкое платье—
Старинный, народный уборъ.
У каждаго блещетъ оружье,
И всѣ—молодцы на подборъ.

***

«Въ рукахъ боевая винтовка,
На поясѣ пуговицъ рядъ,
За поясомъ ножъ, пистолеты,
Какъ ясное солнце, горятъ.

***

«Иду я въ главѣ ополченья,
За мной знаменосецъ сѣдой:
Подъ златою зеленой хоругвью,
Проходимъ Балканы грозой.

***

«Гдѣ бьется Болгаринъ съ невѣрнымъ
Въ прохладныхъ нагорныхъ лѣсахъ,
Тамъ зыблется знамя свободы,
Тамъ цѣпи ложатся во прахъ.

***

«О, соколъ, могучая птица!
Живешь ты въ гранитныхъ стѣнахъ
Съ подругой, съ своими птенцами,
Въ сосѣдствѣ съ орлами въ горахъ.

***

«Туда помоги мнѣ, о Боже,
Пробраться съ дружиною моею,
Чтобъ съ братьями тамъ мнѣ сойтися
Подъ сѣнью нависшихъ вѣтвей!

***

«Чего они ждутъ такъ упорно?
Чего они крѣпко такъ спятъ?
Кто ихъ бѣдняковъ пожалѣетъ,
Когда они сами молчатъ?

***

«Туда! - не теряйте минуты!
Отчизна насъ кличетъ, зоветъ!
Удѣлъ нашъ—лѣса и стремнины:
Тамъ наша свобода живетъ.

***

«Возстанетъ могучее племя,
Рука упадетъ на курокъ—
И снова воскресшую славу
Украситъ побѣдный вѣнокъ..» *)

***

Гайдучество начиналось обыкновенно въ пресловутый въ Славянской миѳологіи Юрьевъ день, когда, по выраженію П. Хитова, гайдуки начинаютъ «бѣситься и зеленыя ласточки даютъ имъ особую смѣлость», и продолжается до осеннихъ холодовъ. Расходясь на зимовье, гайдуки условливались, когда и гдѣ соберутся весною. Такими сборными пунктами («сбирницы»), были, большею частью, вблизи колодцевъ, водоемовъ, фонтановъ, которыхъ много находится въ горахъ и возлѣ дороги. Эти сбирницы обыкновенно бываютъ и мѣстомъ свиданій. Лѣто представляетъ гайдукамъ наиболѣе удобствъ для ихъ образа жизни. Проводить зиму въ Балканахъ имъ крайне затруднительно по причинѣ сильныхъ холодовъ и отъ того, что Балканскія горы, въ которыхъ мало хвойныхъ лѣсовъ, становятся тогда проглядными и, слѣдовательно, пребываніе въ нихъ крайне небезопасно. Впрочемъ, гайдукамъ случалось и зиму проводить въ устроенныхъ тамъ пещерахъ. Уже Византійскій императоръ Маврикій совѣтовалъ вести войну съ южными Славянами только

---

*) Н. В. Гербель: Поэзія «Славянъ». Спб. 1871, стр. 304.

зимою, когда лѣса обнажаются отъ листьевъ *). Зимою гайдуки уходили подальше отъ Балкановъ и скрывались у своихъ родныхъ и пріятелей, у которыхъ исполняли разныя работы. Они обязывались оберегать и лѣчить своихъ тайныхъ гостей, и, конечно, сами не были въ убыткѣ. Люди, дававшіе пріютъ гайдукамъ, назывались ятаками. Вообще въ средствахъ для сношеній гайдуковъ съ своимъ народомъ, сочувствующимъ имъ и сознающимъ ихъ самоотверженныя жертвы для него, никогда не было недостатка. Въ ближайшихъ къ Балканамъ мѣстностяхъ гайдуки всегда находили родныхъ, пріятелей, вообще ятаковъ, которые снабжали гайдуковъ пищею и другими необходимыми предметами, устраивали имъ тайныя свиданія, посылали письма, сообщали о злодѣйствахъ Турокъ. Такія сношенія съ народомъ чаще всего дѣлались чрезъ пастуховъ, мальчиковъ и стариковъ. Иногда гайдуки рѣшались сами заходить въ села и даже показываться на ярмаркахъ. Во время перваго весенняго сбора гайдуки повѣряютъ наличность своей дружины и когда не достаетъ кого-нибудь и, по разузнаніи, окажется, что его погубилъ, или выдалъ Туркамъ, напр., ятакъ, виновникъ наказывался жестокимъ мщеніемъ. Однажды, на прощаньи, передаетъ Болгарская пѣсня, гайдуки разсказывали другъ другу, кто и куда пойдетъ зимовать. Гайдукъ Янко говоритъ: «а у меня, милые братья, дорогая дружина, никого нѣтъ изъ роду; только Турчинъ, Богомъ побратимъ, въ г. Конинцѣ; три зимы я зимовалъ у него, съ миромъ вино попивалъ, перезимую и эту зиму, буду себѣ вино пить. Только слушайте, братья: какъ придетъ красный день Юрьевъ, лѣсъ пріодѣнется листомъ, а земля травою и цвѣтомъ, сойдемся мы опять на этомъ мѣстѣ; а не придетъ кто сюда на урочище, давайте искать его всѣ вмѣстѣ: пожалуй, можетъ случиться измѣна». Такъ, они переговорили, перецѣловались и пошелъ каждый въ свою сторону. Юнакъ въ пути днемъ обыкновенно лежитъ, а ночью идетъ. Придя въ домъ Али-бега, Янко одарилъ его и жену его подарками и легъ спать. Ночью Али-бегъ убилъ Янка. Гайдуки не замедлили прибыть въ домъ Али-бега и, узнавъ объ убійствѣ своего дружинника, «выхватили они сабли изъ-за пояса, изрѣзали бега на мелкіе куски, бѣлые дворы его ограбили, огнемъ попалили и пошли потомъ въ лѣсъ зеленый, Янка жалѣючи, себѣ на усъ мотаючи, — не держать бы вѣры никогда Турчину». Страхъ мщенія со стороны гайдуковъ отчасти удерживалъ Турокъ и потурченцевъ отъ посягательствъ на жизнь и безопасность какъ самихъ гайдуковъ, такъ и тѣхъ жителей, съ которыми они имѣли сношенія, и, разумѣется, уменьшалъ, конечно, не малое число ихъ измѣнниковъ.

Выше было замѣчено, что гайдуки вѣрныя убѣжища для себя находили въ Балканскихъ горахъ и лѣсахъ. Тутъ гайдуки скрывались въ

*) Въ 1851 г. Омеръ-паша, принимаясь за истребленіе гайдуковъ въ Старой Сербіи, началъ съ того, что велѣлъ жечь лѣса.

горныхъ пещерахъ, покинутыхъ овчарняхъ, среди неприступныхъ утесовъ, — однимъ словомъ уходили туда, куда не могъ проникнуть султанскій агентъ. Въ пѣсняхъ гайдуцкія убѣжища иногда называются соколиными гнѣздами, и говорится, что гайдуки, словно соколы, летаютъ по воздуху. Гайдуки терпѣливо переносятъ всѣ неудобства, спятъ на голой землѣ, голодаютъ и кормяться желудями. Общая любовь и сочувствіе народа къ гайдукамъ создавали положеніе ихъ въ горныхъ твердыняхъ вообще безопаснымъ и независимымъ. «Турецкій царь живетъ въ Стамбулѣ, говорили гайдуки, а царь сиротъ живетъ въ лѣсистой горѣ». «Царскія крѣпости, гайдуцкія ущелья и горы имѣютъ равное право». «У меня, повторялъ гайдукъ Турку, нѣтъ другого царя, кромѣ зеленой горы: я не боюсь ни кого, кромѣ Бога... я готовъ умереть за правду... Моя голова стоитъ царской головы; не боюсь ни вашего царя, ни его визирей: они царствуютъ надъ полями и морями, а я – царь горъ и лѣсовъ».

Но частыя преслѣдованія гайдуковъ цѣлыми отрядами войскъ, вынужденная, подъ угрозою, или чрезъ приманку разными обѣщаніями, измѣна со стороны своихъ соотечественниковъ, голодъ и холодъ зачастую дѣлали жизнь гайдуковъ самою тяжелою, невыносимою, полною всякихъ лишеній. Въ юнацкихъ пѣсняхъ и въ запискахъ П. Хитова нѣтъ недостатки въ краскахъ для описанія разныхъ бѣдствій, посѣщающихъ гайдуковъ и ихъ борьбы съ природою и исконнымъ ихъ врагомъ—Туркомъ. Пѣсни живо изображаютъ безчисленныя опасности, которымъ каждую минуту подвергается гайдукъ, нерѣдко незнающій покоя и пристанища,—ту скалу, или тотъ оврагъ, изъ за которыхъ онъ отражаетъ Турка,—ту пещеру и тотъ утесъ, въ которыхъ онъ прячется и въ которыхъ приходится ему найдти голодную смерть. «Извелись мы отъ голода и жажды,—по словамъ одной пѣсни, жалуются гайдуки своему воеводѣ,—поржавѣло наше свѣтлое оружіе, дожидаючи въ горѣ добычи, а добычи все нѣту!» «Но вотъ посмотрѣть бы тебѣ, говорится въ другой пѣснѣ, на муку и нужду то! Врага все нѣтъ, какъ нѣтъ; не стало хлѣбца и краснаго винца, въ мѣшочкѣ вкуснаго кушаньица. Сидѣли три, четыре дня, ни одинъ не попробовалъ хлѣба, ни вина краснаго. Досадила юнакамъ мука, но юнаки тверже камня, терпятъ голодъ и юнацкую жажду, никто ни слова не скажетъ». При этихъ трудностяхъ гайдуцкой жизни, облегченіемъ служитъ сознаніе, что ихъ независимость и свобода должны побѣдить голодъ. Понятно, лѣто представляетъ юнакамъ много удобствъ для гайдукованія, освобождая отъ особенныхъ заботъ о кровѣ и одеждѣ. Но, уже осенью, по замѣчанію Хитова, имъ приходится странствовать подъ дождемъ, снѣгомъ, безъ верхней одежды и постели и кормиться тѣмъ, что находятъ. «Гайдуки плачутъ и воютъ, говоритъ юнацкая пѣсня; ружья у нихъ на голыхъ плечахъ, пистолеты на голой груди, сумки съ порохомъ на голыхъ бедрахъ». Зима и многочисленные враги гайдуковъ особенно усиливаютъ и

безъ того бѣдственное ихъ положеніе. Юнаки неохотно соглашаются зимовать въ Балканахъ (если это представляется почему нибудь необходимымъ), и воеводѣ не легко убѣждать ихъ, что всѣ Балканы въ ихъ распоряженіи. Оставаясь зимовать, гайдуки подъ-часъ устраиваютъ хижину на самомъ неприступномъ мѣстѣ. Въ виду грозящей имъ опасности, удаляясь съ занятаго мѣста, они свою хижину сожигаютъ. Но сильные морозы, все таки, заставляютъ гайдуковъ покидать горы и искать пріюта въ ближайшихъ деревняхъ. Описаніе одной изъ такихъ жестокихъ зимъ П. Хитовъ внесъ въ свои записки. «Мы привыкли говоритъ онъ, переносить всякія невзгоды и жить подъ открытымъ небомъ, но эта зима была ужасна, снѣгу было въ аршинъ толщиною, а вѣтеръ пронизывалъ до костей. Подобная пора страшна даже для животныхъ, живущихъ въ горахъ. Куда намъ теперь дѣваться?.. Вѣтеръ ревѣлъ, какъ дикій звѣрь; снѣгъ бѣлѣлъ; рѣки и деревья жалостно стонали; волки выли въ горахъ; иногда раздавался крикъ какой либо зимней птицы; но, большею частью, ничего не было видно и слышно. Намъ было очень трудно идти, потому что постоянно тонули въ снѣгу... Втеченіе цѣлой ночи мы прошли едва триста шаговъ; вѣтеръ носилъ насъ по своей волѣ и перекидывалъ очень легко и очень часто. Уже на разсвѣтѣ мы набрели на пустую овчарню, въ которой нашли временный отдыхъ; развели огонь, разогрѣлись и развеселились». Случалось, что заболѣвалъ одинокій, или заблудившійся гайдукъ; безъ посторонней помощи, онъ погибалъ въ глубинѣ горъ, или въ тѣни дремучихъ лѣсовъ и, такимъ образомъ, исчезалъ безслѣдно для своего народа: тѣло его разносили хищныя птицы. Въ нравахъ гайдуковъ замѣтно какое-то рыцарско-суровое отношеніе къ смерти не только въ геройскомъ бою, но и въ случаѣ болѣзни. Для излѣченія больного дружинника принимаются всякія заботы, но если, по ихъ понятіямъ, теряется надежда на его выздоровленіе и приходится дружинѣ выбирать одно изъ двухъ: покинуть больного юнака на произволъ судьбы, или отрубить ему голову, то предпочитается послѣднее. Трудно сказать, что заставляетъ гайдуковъ прибѣгать къ такому своеобразному способу разставанія съ боевыми товарищами и даже близкими родными: желаніе ли больного избавиться отъ напрасной борьбы со смертью и не попасть случайно въ руки врага, или же простое чувство самосохраненія дружины, боязнь ея за обнаруженіе ея плановъ и дѣйствій. Интересный въ этомъ отношеніи фактъ занесъ въ свои записки П. Хитовъ. После Русско-Турецкой войны 1828—9 годовъ, въ которой гайдуцкія четы играли видную роль и сослужили службу Болгарскому дѣлу, начальникъ Русскаго Силистрійскаго отряда приказалъ Бойчѣ воеводѣ распустить свою дружину. Воевода не исполнилъ этого приказанія. Пойманный, онъ былъ заключенъ сначала въ крѣпость Силистрію, а затѣмъ, какими-то судьбами, съ частью своей дружины очутился въ какой-то крѣпости холодной и далекой Сибири. Задумавъ бѣжать изъ Сибири, Бойчо и братъ его, Петръ,

благополучно спустились съ высокой крѣпостной стѣны, а другой братъ его, Иванъ, переломилъ, при этомъ, ноги и не могъ спасаться бѣгствомъ. Бойчо зарѣзалъ своего брата, чтобы онъ, какъ замѣчаетъ Хитовъ, не мучился и не выдалъ его, воеводу Бойчо. Бойчо съ братомъ, Петромъ, чрезъ Азію, достигъ Константинополя, и, собравъ дружину, втеченіе 27 лѣтъ гайдуковалъ по всей Болгаріи. Дружина его дала впослѣдствіи нѣсколько замѣчательныхъ воеводъ, изъ которыхъ въ послѣднее время неоднократно заявлялъ о себѣ Ф. Тотьо.

Такимъ образомъ, отшельническая жизнь этихъ горскихъ героевъ, при безпрерывныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ ихъ съ своимъ народомъ, не отрывали ихъ отъ народной жизни: уходя въ горы, они продолжали жить тою же жизнью, переносили сюда тѣ же народные обычаи. Семейная жизнь воспѣвается во всѣхъ юнацкихъ пѣсняхъ. Въ гайдуцкихъ дружинахъ Балканскихъ горъ и лѣсовъ Славянскій общественный бытъ не терялъ своего значенія. Гайдуцкая дружина—та же Славянская община, но лишь съ тѣмъ различіемъ, что эта горская община совершенно свободная, независимая, не признающая никакихъ Турецкихъ законовъ и властей и неплатящая податей. Въ гайдуцкой дружинѣ нѣтъ мѣста единоличной власти; въ ней народное самоуправленіе сохранило всю силу. Сходкою начиналась и завершалась ея дѣятельность. Она была сильна сама въ себѣ своимъ устройствомъ, одушевляющею ее одною общею народною задачею, своими строгими нравственными правилами, на основаніи которыхъ она наказывала и своихъ членовъ за несоблюденіе ими клятвы, принесенной гайдуцкому суду.

Юнацкія пѣсни и описанія быта гайдуковъ изображаютъ ихъ религіозное состояніе. Гайдуки благочестивы, набожны. Старина Новакъ заявляетъ (въ пѣснѣ, описывающей начало его гайдученья): «не боюсь никого, кромѣ Бога». Предъ началомъ каждой партизанской компаніи гайдуки испрашиваютъ, чрезъ посредство священника, Божіе благословеніе своему оружію. Предъ каждымъ начинаемымъ дѣломъ, подвигомъ, они считаютъ святымъ долгомъ «помянуть Бога истиннаго». Для говѣнія приглашаютъ въ горы священника. Такъ, Панайотъ Хитовъ упоминаетъ, что въ 1861 г. причастилъ ихъ и благословилъ ихъ оружіе «попъ Іорданъ—большой патріотъ и человѣкъ безъ страха, и что отъ него они имѣли большую помощь». Гайдуки творятъ молитву подъ зеленою елью: обычай молиться подъ сѣнью высокаго дерева, если нѣтъ православнаго храма,—общій у всѣхъ южныхъ Славянъ. Гайдуки въ своей скитальнической жизни строго соблюдаютъ всѣ посты православной церкви, не вкушая ничего скоромнаго даже по средамъ и пятницамъ. Передъ смертью отказываютъ деньги на православные монастыри. Вообще, поминовеніе умершихъ гайдуки считаютъ одною изъ священныхъ обязанностей христіанина, и добычу дѣлятъ на живыхъ и умершихъ (т. е. для поминовенія своихъ сподвижниковъ). У воеводы

Головрана, разсказываетъ пѣсня, погибла половина дружины: «тотъ, который погибъ, а на дому есть у него старая мать, мать ли, или вѣрная жена, или братъ, или сестра родная, имъ Головрань отдѣлилъ по ровной долѣ, также какъ и себѣ, изъ добычи; а у какого юнака нигдѣ нѣтъ никого, тому выдалъ онъ за его душу, каковъ законъ есть въ вѣрѣ христіанской». По мнѣнію народа, придающего высокое значеніе юнацкимъ подвигамъ, «гайдукамъ во всякое время отверзты райскія двери за ихъ правду». На груди гайдуки носили разные амулеты (напр., сонъ Богородицы, частицу отъ честнаго древа, или отъ мощей какого либо святого, а то какую нибудь травку) и считали ихъ имѣющими силу отвратить непріятельскую пулю и спасти отъ смерти. Истинный гайдукъ не только никогда не нападаетъ на Болгаръ и не обижаетъ ихъ, но нерѣдко оказываетъ великодушіе даже непримиримому своему врагу, Турку, и безъ особенной надобности не убиваетъ человѣка. По словамъ Панайота Хитова, «безчинство вовсе несвойственно Болгарскимъ гайдукамъ». Онъ также разсказываетъ одну трагическую сцену, какъ однажды, во время нападенія на дорогѣ на Турецкихъ купцовъ, одинъ видъ ужасно перепугавшихся стариковъ и, притомъ, людей мирныхъ, умолявшихъ о пощадѣ изъ-за своихъ женъ и дѣтей, тронулъ гайдуковъ до того, что они отпустили ихъ живыми, хотя и не забывали въ эту минуту, что эти Турки въ молодости съ отчаяннымъ звѣрствомъ оскорбляли подвластныхъ имъ христіанъ (стр. 61).

На гайдуцкомъ судѣ, при гайдуцкихъ расправахъ всего лучше выражается нравственный кодексъ гайдуковъ. И насколько ихъ нравственныя убѣжденія возвышаются надъ окружающею ихъ мрачною дѣйствительностью, отчасти даетъ понять гайдуцкая расправа въ четѣ Дончa Ватаха, описанная П. Хитовымъ. Дончо Ватахъ—благороднѣйшій гайдукъ-рыцарь и родолюбецъ. Онъ дѣйствовалъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Однажды Дончева дружина приступила къ исполненію своего приговора надъ однимъ кадіемъ и его сыномъ за причиненныя ими Болгарамъ многія злодѣйства. Эти оба Турка были схвачены, и рѣшено было умертвить ихъ. Кадій, повидимому, не отрицалъ своей виновности и не ждалъ себѣ пощады. Онъ попытался тронуть гайдуцкое сердце мольбою объ освобожденіи только его сына. Кадій не ошибся въ своихъ разсчетахъ. «А любишь ли ты своихъ дѣтей?» спросилъ юнакъ Кунчо... и двѣ крупныя слезы покатились по его грубому лицу. Заплакалъ притворно и кадій. «Видите ли, какъ этотъ звѣрь, который никогда не жалѣлъ чужихъ дѣтей, плачетъ о своемъ сынѣ»? промолвилъ воевода, указывая своей дружинѣ на кадія. Дружина стала упрашивать воеводу не «рѣзать» сына кадія. «Ты плачешь о своемъ сынѣ, великодушно обратился Кунчо къ беззащитному тирану, и просишь, чтобы не убивать его. А знаешь ли, кто я? Ты погубилъ мою дочь, ты хотѣлъ зарѣзать моего сына, разорилъ мой домъ и убилъ мою жену! Развѣ ты не подумалъ, что у насъ, гяуровъ, есть не менѣе родительского

чувства, чѣмъ и у васъ, мусульманъ!» Дѣло въ томъ, что дочь этого дружинника насильно была взята кадіемъ къ гаремъ и обращена въ могамеданство. Рѣчь юнака произвела на Турка фанатика дѣйствіе, совершенно неожиданное для дружины. Кадій засмѣялся и безъ страха заявилъ искреннее, конечно, мнѣніе, раздѣляемое всѣми мусульманами, о томъ, что гяуры—рабы, животныя...

И сами гайдуки придавали своимъ юнацкимъ подвигамъ значеніе нравственное, высокое. Такъ, они, втеченіе гайдученья, воздерживались (какъ и наши запорожскіе казаки) отъ сношеній съ женщинами. Отношеніе ихъ къ женщинѣ вообще исполнены уваженія и даже рыцарства. Болгарская женщина не исключена изъ гайдуцкаго общества: она, наравнѣ съ мужчинами пользуется правомъ бороться противъ варварскаго ига. И внѣ сферы гайдуцкой жизни женщина въ глазахъ гайдуковъ всегда считалась существомъ, достойнымъ уваженія, особеннаго сочувствія и заботливости. Выше было сказано, что женщины были иногда воеводами. Со многими мѣстностями въ Балканахъ соединены воспоминанія о дѣйствовавшихъ въ нихъ гайдукахъ героиняхъ. Христіанская дѣвушка, замѣчаетъ Балканскій этнографъ, пользовалась въ народѣ величайшимъ уваженіемъ: она была безопасна отъ всякой обиды, отъ всякаго огорченія; Сербы считали тяжелымъ гнетомъ для своей совѣсти, если дѣвушка была опечалена чѣмъ нибудь: «Тяжело тому, на кого плачутся дѣвичьи глаза». Прикоснуться къ дѣвицѣ, обезчестить ее, почиталось преступленіемъ, значительнѣе святотатства. Народъ такъ разсуждаетъ: «Лучше церковь разорить, нежели дѣвицу обезчестить: церковь еще можетъ возстановиться, а честь дѣвицы—никогда, во вѣки вѣковъ». Потому проклятіе дѣвушки почиталось страшнѣе всякаго другого. За насиліе противъ христіанской дѣвицы Турокъ платилъ жизнью; христіанинъ, учинившій это преступленіе, долженъ былъ жениться на дѣвушкѣ; если она не соглашалась, и у нея не было ни отца, ни брата, который бы заступился за ея честь, гайдукъ убиваетъ виновнаго. Тотъ, кто осрамитъ дѣвицу-сироту, живущую своими трудами подъ чужимъ кровомъ, строго за это отвѣчаетъ предъ гайдуками. Она прямо жаловалась воеводѣ, или кому либо изъ его дружины. Стыдясь открыть свой позоръ передъ своею средою, она потихоньку узнавала, гдѣ бываютъ гайдуки, и шла просить у нихъ защиты, взявши съ нихъ клятву никому не говорить о причинѣ ея жалобы. Гайдуки, или воевода, выслушавъ ея слова, старались захватить въ свои руки насильственника, и если онъ прятался отъ нихъ, то мстили ему, какъ Турку; иногда-же заставляли его жениться на ней. Терпѣла ли православная дѣвушка отъ насилія, или народная святыня отъ поруганія, — самая надежная защита и самая страшная месть приходила отъ гайдуковъ, и народъ былъ убѣжденъ, что «гайдуцкое оружіе лучше всего отомститъ за церковь и за дѣвицу». По словамъ П. Хитова, между Болгарскими гайдуками существуетъ повѣрье, будто тотъ гайдукъ, который тронетъ, обе-

дитъ женщину, непремѣнно будетъ схваченъ Турками и непреодолимою силою судьбы будетъ обреченъ заключенію въ Турецкій тюрьмѣ. Какъ ни злобно относились гайдуки къ своимъ измѣнникамъ, доносчикамъ и сыщикамъ Турецкимъ изъ Болгаръ и какъ ни страшно наказывали ихъ, но, отнимая у нихъ имущество, оставляли неприкосновеннымъ дѣвичье приданое. Отнять подарки у дѣвицы, по понятію гайдуковъ, — все равно, что ограбить церковь.

Въ своихъ запискахъ, П. Хитовъ, замѣтивъ, что чета его условилась (это было въ 1867 г.) гайдуковать по одной командѣ, написать себѣ законъ и управляться такъ, какъ управляются всякія «народныя четы», сообщаетъ: «покойный Раковскій (упомянутый выше писатель и самый замѣчательный между новѣйшими гайдуцкими воеводами) написалъ намъ маленькій законъ и научилъ насъ, какъ дѣйствовать, чтобы имѣть хорошій успѣхъ (см. ниже стр. 91)». Къ сожалѣнію, П. Хитовъ не привелъ «закона» и въ своихъ запискахъ болѣе не упоминаетъ о немъ.

Поприщемъ дѣятельности гайдуковъ въ обширномъ смыслѣ была вся земля, занимаемая ихъ порабощенными братьями,—всякая мѣстность, куда жестокость и несправедливость Турокъ призывали гайдуковъ чинить судъ и расправу. Всюду ходили, говорятъ обыкновенно гайдуки, исходили такія то страны, горы и лѣса. Гайдуки старались возможно болѣе вредить злымъ Туркамъ, проникали въ ихъ дома, пробирались даже въ города и обманывали Турецкихъ чиновниковъ, или изъ своихъ убѣжищъ требовали выпустить заключенныхъ въ темницы, или освободить изъ оковъ. Но обыкновенно мѣстами дѣятельности гайдуковъ были особенно опасныя дороги въ Балканскихъ горахъ и лѣсахъ и пограничныя мѣстности. Здѣсь разставлялись по извѣстнымъ мѣстамъ часовые, которые и сообщали обо всемъ видѣнномъ. «Старина» Новакъ, рѣшившись гайдуковать, «сѣлъ на коня и отправился прямо къ Романіи... Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ, расказываетъ онъ, привыкъ я къ горѣ и лѣсу Романіи: полюбилъ, братъ, больше, чѣмъ дворы свои. А почему? Стерегу дорогу черезъ гору; дожидаюсь молодежи изъ Сараева, да отнимаю у нихъ серебро, золото, сукно, бархатъ; одѣваю себя и товарищей; всегда готовъ и настичь, и утечь, и постоять на страшномъ мѣстѣ, на сторожѣ: не боюсь никого, кромѣ Бога»! Съ своихъ наблюдательныхъ пунктовъ гайдуки сторожили ближайшія дороги и окрестныя мѣстности, грабили и убивали встрѣчавшихся вредныхъ и несправедливыхъ Турокъ, перехватывали денежныя суммы (особенно подати), отправляемыя въ Константинополь: Турки обманомъ и грабежемъ скопили себѣ богатство, грабежемъ, по мнѣнію гайдуковъ, оно должно быть и отнято у Турокъ. Гайдуки зорко высматривали, что дѣлалось въ городахъ и селахъ, наблюдали и за своими соотечественниками, помогаютъ ли богатые бѣднымъ и защищаютъ ли отъ Турокъ. При своихъ нападеніяхъ въ селахъ и домахъ на богатыхъ купцовъ, гайдуки захватывали все, попа-

давшееся имъ подъ руки. Если же гайдукамъ не выдавали того, что они предполагали найдти, уцѣнивали или клали уцѣну, т. е. брали какой нибудь залогъ, члена семейства, и назначали мѣсто, куда должны были быть доставлены деньги, или извѣстные предметы. Въ случаѣ несоблюденія условій, мстили и предавали огню имущество ослушниковъ.

Расправа и кара гайдуковъ иногда не сразу постигала виновнаго. Они предварительно требовали отъ народныхъ притѣснителей дани, выкупа, поручительства за безопасность христіанъ, или вызывали на юнацкій поединокъ, или, наконецъ, приглашали загладить причиненныя несправедливости. Съ этою цѣлью въ подобныхъ случаяхъ гайдуки посылали къ провинившемуся Турку гласоношу, или (если посылаемый доставлялъ «книгу» т. е. письмо) книгоношу. Послѣдній, въ случаѣ обвиненія его въ соучастіи съ гайдуками, обыкновенно оправдывался предъ Турками тѣмъ, что дѣйствовалъ по принужденію. Несоблюденіе требованій гайдуковъ вызывало со стороны ихъ разныя угрозы. Славный воевода Илья, по словамъ Хитова, самъ приходилъ съ юнаками въ свою деревню и, встрѣчаясь съ Турецкими чиновниками, грозилъ имъ выжжечь въ одну ночь всѣ Турецкія села, а самихъ Турокъ истребить, если они не перестанутъ обижать православныхъ христіанъ. Угрозы Ильи достигали своей цѣли: «Турки цѣловали ему руки и ноги, какъ Могамеду, и плакали, какъ дѣти». Въ знакъ дѣйствительной угрозы гайдуки посылали провинившемуся врагу патронъ (иногда даже окровавленный), который означалъ жизнь или смерть, съ напоминаніемъ, что за такое то дѣло на немъ не будетъ головы. При этомъ давался извѣстный срокъ на размышленіе. Иногда получившій патронъ, возвращалъ его обратно, просилъ о побратимствѣ и присылалъ подарки.

Нападеніе на врага, бой у гайдуковъ совершались по извѣстному, заранѣе принятому плану, сопровождались разными тактическими хитростями. Предъ каждымъ дѣломъ составляется планъ, распорядокъ дѣйствій, которому, волею неволею, всѣ должны подчиняться. Воевода напоминаетъ юнакамъ объ опасности, разставляетъ, приготовляетъ и воодушевляетъ ихъ къ бою. «Братья мои, не пугайтесь; выставьте долгія ружья и ступайте со мною подъ гору, въ тѣсные проходы; устройте земляные окопы, камнями заслоните груди и высуньте ружья; тутъ подождемъ мы отрядъ врага. Братья мои и дружина по всему ряду! Смотрите, не уязвила-бъ кого змѣя, не выпалилъ бы онъ изъ ружья прежде, чѣмъ выпалитъ первое мое». Для вѣрнѣйшаго успѣха выстрѣлы заранѣе распредѣляются между юнаками. «Пока не ударитъ ружье мое, продолжалъ воевода, не моги никто ружья выпалить; а какъ мое ударитъ, валяйте всѣ разомъ. Тогда помяните единаго Бога, схватите острое желѣзо и разомъ вылетайте всѣ на дорогу. А потомъ — что Богъ дастъ, и счастье отъ Бога». Разумѣется, гайдуки умѣли пользоваться всѣми

выгодами хорошо извѣстной имъ мѣстности. Смотря по обстоятельствамъ, гайдуки мѣняли свои фамиліи, переодѣвались (напр., въ видѣ дѣвушки, мирнаго Болгарскаго поселянина и т. д.); приближаясь ночью, напр., къ дому одного спахіи, о которомъ гайдукамъ было извѣстно, что онъ отправился добывать плѣнныхъ, представили сцену приведенныхъ рыбынь «Воютъ гайдуки, какъ горныя вилы, жалостно воютъ, какъ рабыни».

Добыча обыкновенно раздѣляется между всѣми дружинниками поровну,—раскладываютъ на живыхъ и мертвыхъ; одинаковую часть получалъ и воевода, если онъ дѣйствовалъ не одинъ. «Добудемъ имѣнье, братски раздѣлимъ его»—говорятъ воеводы. Юнацкая пѣсня рисуетъ одну изъ картинъ дѣлежа добычи. Нѣкто Ненадъ, сначала гайдукъ, а потомъ воевода, прогайдуковалъ три года, стосковалъ по своей матери и пожелалъ возвратиться домой. И говоритъ онъ своей четѣ: «дружбина, мои дорогіе братья! Жаль мнѣ стало матери: давайте вы, братья, дѣлить имущество, да пойдемте каждый къ своей матери». Охотно послушала его дружбина. Какъ только кто по очереди высыпаетъ деньги, тяжко клянется надъ ними, кто братцемъ, а кто сестрицей. А когда Ненадъ высыпалъ свои деньги, говорилъ онъ братьѣ-дружбинѣ: «нѣтъ у меня брата, нѣтъ у меня сестрицы. А клянусь я вамъ Богомъ единымъ! Что бы правая рука не отсохла! Чтобы доброму коню грива не отпала! чтобы острая сабля не заржавѣла! Нѣтъ у меня болѣе денегъ». Алчность гайдуковъ не всегда знаетъ предѣлъ. Однажды, разсказываетъ пѣсня, гайдуки ночью напали на домъ отсутствовавшаго потурченца, награбили вдоволь, очистили всѣ сундуки, такъ что воевода совѣтовалъ не перегрузиться, чтобы не было затрудненій при возможной погонѣ. Когда все было готово къ отъѣзду дружины, воевода вернулся, поужиналъ съ хозяйкою, но онъ мало ужиналъ и заплакалъ отъ своего дьявольства: «сестрица моя! прошло лѣто, злая зима пришла; изба гайдуку—плащъ его, а у меня нѣтъ плаща; принеси-ка мнѣ плащъ, да еще ужь ружье и саблю; пора мнѣ идти, ждетъ дружина; принеси поскорѣе, пока они не вернулись, а то еще больше будетъ бѣды». Воевода надѣлъ на себя принесенный плащъ, повѣсилъ ружье на плечо, припоясалъ саблю и цѣлуетъ госпожу въ щеку: вотъ и видитъ, что на шеѣ у нея три нитки—одна съ мелкимъ бисеромъ, другая съ дорогими каменьями, третья съ Латинскими руніями (Итальянско-Далматинская монета). Воевода отрѣзалъ всѣ три нитки, положилъ ихъ въ карманъ и прощается: «оставайся съ Богомъ, сестрица! я скоро опять буду». Гайдуки грабили не для одной только личной наживы и удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей: какъ народные защитники, они нерѣдко преслѣдовали, при этомъ, общенародныя цѣли. Дончо воевода, мстя Туркамъ и отнимая у богатыхъ чорбаджіевъ деньги (послѣднихъ онъ никогда не убивалъ), всегда имѣлъ въ виду помочь несчастнымъ и бѣднымъ Болгарамъ. Награбленныя деньги Дончо раздавалъ имъ въ долгъ, покупалъ имъ на эти деньги скотъ и уплачивалъ за нихъ подати.

Тѣ изъ Турецкихъ беевъ, противъ которыхъ гайдуки не имѣли никакихъ жалобъ, пользовались совершенною безопасностью дома и въ дорогѣ. Случалось даже, что гайдуки поддерживали съ ними постоянныя сношенія, дѣлали имъ порученія и т. п. Тоже надо сказать вообще о тѣхъ изъ мусульманъ, къ которымъ гайдуки не питали никакихъ неудовольствій. Безъ сомнѣнія, эти отношенія устанавливались болѣе подъ вліяніемъ страха, чѣмъ взаимными чувствами довѣрія и сочувствія. О силѣ же этого страха, отчасти, можно судить изъ того, что Турецкіе солдаты, по словамъ пѣсни, предпочитаютъ лучше идти противъ султанскаго войска, чѣмъ гоняться въ горахъ и лѣсахъ за Ильею воеводою: вѣдь онъ, убѣждены низамы, сынъ краля Марка.

Вообще же масса мусульманскаго населенія была сильно озлоблена противъ гайдуковъ и всѣми способами содѣйствовала Турецкой власти истреблять ихъ. Порта обыкновенно грозитъ конфискаціею имущества и ссылкою въ вѣчную каторгу всякаго, кто приметъ гайдуковъ въ домъ и дастъ имъ пищу. Турки высылали противъ гайдуковъ цѣлые отряды войскъ (сегмены или сеймены, кавасы), сгоняли окрестное населеніе для облавы, разставляли караулы, оцѣпляли лѣсъ. Войско, высылаемое для поимки гайдуковъ, называется пандурами, а псгоня вообще—потера. Но Турки сильны и страшны только въ городахъ, а не въ горахъ и лѣсахъ, гдѣ борьба съ гайдуками представляетъ много затрудненій по причинѣ громадности лѣсовъ и невозможности врасплохъ напасть на гайдуковъ, которые умѣютъ скрываться, встрѣчать и поражать пандуровъ: объ этомъ свидѣтельствуютъ «сеймenскія гробищ» (кладбища) въ Балканахъ съ могилами пандуровъ, павшихъ въ бою съ гайдуками. Нѣкоторые воеводы имѣли сотни стычекъ съ Турецкими отрядами. Отрубленныя головы павшихъ гайдуковъ пандуры приносили въ городъ и на площадяхъ втыкали на колъ въ стѣны домовъ. Пойманнаго гайдука живымъ, если онъ не успѣвалъ бѣжать изъ плѣна, сажали на колъ вблизи городскихъ воротъ. Сохраненіе жизни гайдукъ могъ пріобрѣсть цѣною измѣны христіанству. Какъ бы въ отвѣтъ на такое предложеніе, гайдукъ, когда вели его на казнь, нерѣдко при ужаснѣйшихъ страданіяхъ осмѣивалъ и ругалъ Могамеда, безстрашно грозилъ мщеніемъ своихъ друзей, пѣлъ пѣсни, давая тѣмъ знать о себѣ своимъ товарищамъ, которые иногда и освобождали юнака. Случалось, что Турки успѣвали уговорить гайдука покориться Турецкой власти, обѣщая предоставить ему жить спокойно въ своемъ селѣ, среди семьи; но, по пріѣздѣ гайдука въ его домъ, схватывали и вѣшали его.

Безсильную свою злобу противъ гайдуковъ Турки нерѣдко вымещаютъ на семействахъ ихъ. Хотя гайдуки всегда старались скрывать отъ властей участіе мирныхъ жителей во враждебныхъ дѣйствіяхъ гайдуковъ противъ Турокъ, но за слишкомъ смѣлые юнацкіе подвиги многія сотни иногда совершенно невинныхъ христіанъ умирали въ темницахъ, или въ вѣчной каторгѣ. Нерѣдко и между христіанами находились люди, кото-

рые враждебно относились къ гайдукамъ. Такъ, одни ставили свои личные интересы выше общаго дѣла, которому служили гайдуки; другіе, напримѣръ, какъ тѣ чорбаджіи, или бездушные фанаріоты, о которыхъ не разъ упоминаетъ П. Хитовъ въ своихъ запискахъ, не имѣли сочувствія къ народу, а, слѣдовательно, и къ защитникамъ его свободы. Монахи доносятъ Турецкой власти о появленіи вблизи извѣстныхъ деревень гайдуцкихъ дружинъ, обманомъ и всякими средствами склоняютъ гайдуковъ покориться Турецкой власти и жить мирно. О чорбаджіяхъ — этихъ выборныхъ для защиты христіанъ отъ неправды Турокъ — П. Хитовъ отзывается съ накипѣвшею противъ нихъ злобою. «Чорбаджіи — полу-Турки... и даже хуже самихъ Турокъ... помогаютъ имъ совершать противъ райи различныя злодѣйства». Хитовъ совершенно оправдываетъ тѣхъ гайдуковъ, которые месть свою противъ Турокъ простирали и на чорбаджіевъ, и отнимали отъ нихъ деньги въ пользу бѣдныхъ Болгаръ.

Если гайдукъ насытилъ свое чувство мщенія и желалъ, вмѣстѣ съ подвигами, окончить свою бурную жизнь и возвратиться къ спокойной жизни, то онъ «предавался», т. е. испрашивалъ письменную амнистію — «буринтію», которая означала, что онъ принятъ въ общество и никто не можетъ укорять его за прежнюю жизнь. Иногда такіе гайдуки сами становились пандурами, или начальниками заптіевъ. Нѣкоторые изъ юнаковъ достигали глубокой старости. «Старина» Новакъ доживалъ послѣдніе дни, помѣстившись на утесѣ, внизу котораго, у дороги разстилалъ свой плащъ и возлѣ втыкалъ въ землю свой ятаганъ. Прохожіе добровольно бросали на плащъ деньги на пропитаніе старца, какъ пенсію за его долгую службу. Любопытно сохранившееся преданіе о похоронахъ Инджи-воеводы. Когда закопали его, земля три раза выбрасывала его, ибо этотъ знаменитый разбойникъ былъ очень грѣшенъ. Поэтому, суевѣрные Болгары, вмѣстѣ съ Инджею, закопали въ землю убитую собаку.

Вотъ нѣкоторыя характеристическія черты гайдучества въ его истинномъ смыслѣ. Въ принципѣ, оно было народною самозащитою. Безъ сомнѣнія, возможны были извращенія идеи гайдучества и уклоненія отъ идеальной его цѣли, и изъ среды гайдуковъ могли выходить простые разбойники и враги своихъ соотечественниковъ. Но этихъ послѣднихъ народъ никогда и не считалъ «юнаками».

Значеніе и смыслъ гайдучества раскрывается во всей полнотѣ въ эпохи народныхъ возстаній. Гайдучество представляетъ центръ и главную силу политической борьбы, ему принадлежитъ починъ и направленіе всѣхъ дѣйствій. Это подтверждаютъ извѣстныя недавнія возстанія Болгаръ въ 1862 и 1867—8 годахъ. Турецкія войны и народныя бѣдствія обыкновенно увеличивали число гайдуцкихъ дружинъ. Вообще, гайдучество всегда было сильнѣе и жизненнѣе въ тѣхъ Турецкихъ провинціяхъ, въ которыхъ варварское иго Турокъ было тяжелѣе, невыносимѣе и постепенно исчезало тамъ, гдѣ народъ освобождался отъ власти Турокъ.

Возвращеніе Болгарскому народу свободы, возстановленіе на Болгарской землѣ правды, истиннаго суда и порядка само собою упразднятъ или преобразуютъ гайдучество, и на обогренныхъ кровью вѣковыхъ народныхъ защитниковъ Балканскихъ горахъ и долинахъ запоются тысячи пѣсенъ о свободѣ Болгаріи и ея освободителяхъ... *)

З.

Май 1877 г.

*) Въ концѣ своей брошюры Хитовъ приложилъ списокъ юнаковъ, которыми онъ предводительствовалъ въ 1867 г. и которые погибли во время востанія 1868 г. и напечаталъ 4 примѣчанія, въ которыхъ, между прочимъ, проситъ читателей извинить ему могущія встрѣтиться въ его «первомъ трудѣ» ошибки и недомолвки, и обѣщаетъ дополнить ее, современемъ, біографіями другихъ воеводъ и описать путешествіе свое по Валахіи и Сербіи въ 1867 г. Онъ проситъ всѣхъ имѣющихъ свѣдѣнія и пѣсни о воеводахъ: Страшилѣ, Манушѣ, Радѣ, кирджаліяхъ, деліяхъ, Димитріѣ и Тотьѣ, подѣлиться съ нимъ этими матеріалами. Сообщая о томъ, что Ф. Тотьо описана битва его съ Турками, Хитовъ сожалѣетъ, что до сихъ поръ никто не составилъ біографіи Раковскаго. «Посмотрите, заключаетъ Хитовъ, что дѣлаютъ другія народности. Наша апатичность низка и недостойна людей».

СТРАНСТВОВАНІЕ ГАЙДУКА ПО БАЛКАНАМЪ

и

ЖИЗНЕОПИСАНІЯ НѢКОТОРЫХЪ СТАРЫХЪ И НОВЫХЪ ВОЕВОДЪ *).

I. Молодые годы.

Я родился въ 1830 г. въ Сливнѣ. Моего отца звали Иваномъ Хитовымъ, а мать Себою. Моего отца звали Хитовымъ потому, что имя моего дѣда было Хито. Отецъ моей матери звался Христоскалъ, а отецъ Христоскала былъ Златко-чорбаджи, который въ то время былъ очень знаменитъ; его по настоящее время помнятъ Сливненскіе жители. Когда Златко-чорбаджи проходилъ черезъ городъ, Турки поднимались на ноги и низко ему кланялись, а когда входилъ въ меджлисъ, то ханы и беи очищали для него мѣсто и усаживали его. Въ его виноградникахъ всегда была музыка и большое веселье. Златко-чорбаджи напугалъ Турокъ до того, что они рѣшились убитъ его,—и, наконецъ, убили. Онъ погибъ еще въ самой нѣжной молодости. Вотъ что говоритъ объ этомъ человѣкѣ Болгарское преданіе:

Собрались, сошлися
Аги да чорбаджи,
Красно вино пили,
Сами говорили:
«Господи, ты Боже,
Все посбыть не можемъ
Златки мы чорбаджи!
Ворогъ, вѣдь, намъ Златко,
И страшенъ онъ намъ;
Бережетъ онъ сиротъ,
Помощникъ вдовамъ,
Что овчарь Балканскій
Объ овцахъ печется».
И сказалъ тутъ Христо
Агамъ и чорбаджамъ:
«Слушайте вы, аги,
И чорбаджи Сливна
И вы, городскіе
Старосты, внимайте.
Съ Златко шутки плохи:
За него сельчане—

*) «Мое-то пѫтуване по Стара планина и животописание-то на нѣкои Бѫлгарски стари и нови воеводи. Написалъ Панайотъ Хитовъ. Издана подъ редакціею Л. Каравелова. Букурецъ 1872 г.» (159 стр.)

Турки съ пистолетомъ,
Съ палками Болгары.
Давай соберемся
На рѣку на Равну,
Гурьбой погуляемъ,
Да убьемъ тамъ Златко».
Христо всталъ и вышелъ,
Къ Златку путь направилъ
И сказалъ ему онъ:
«Чорбаджи Златко,
Агами я посланъ;
Агами, чорбаджми
Звать тебя на пиръ ихъ,
На рѣкѣ студеной,
На рѣкѣ на Равнѣ».
Златко молвилъ Христу:
«Ступай поклонися
Агамъ и чорбаджамъ
И скажи: приду я
На рѣку на Равну
Погулять гульбою».
Собрались, сошлися
Аги и чорбаджи,
Между нихъ и Златко
Пьетъ и веселится.
Христо въ эту пору
Снарядилъ злодѣевъ;
Они поджидали въ зеленомъ лѣсу,
Въ глубокомъ оврагѣ,
При ключѣ студеномъ;
И вотъ вдругъ вскричали:
«Горе намъ несчастнымъ!
«Гайдуки убьютъ насъ!»
Тутъ грянули ружья,
И не стало Златка.

Эта пѣсня поется и до настоящаго дня.

Мой отецъ былъ горецъ—овчарь и «козарь». Богатство его было среднее. Когда мнѣ было 12 лѣтъ, отецъ взялъ меня съ собою и поручилъ мнѣ пасти козъ. И такъ. я почти выросъ въ горахъ, при козахъ, и выучился еще съ малолѣтства носить ружье и цѣнить свободу вольнаго человѣка. Пусть мнѣ будетъ позволено сказать, что въ нашемъ отечествѣ только гайдуки и пастухи свободны отъ Турецкаго рабства и отъ чорбаджійскихъ насилій; а за свободу и счастливую минуту многіе Болгары готовы пожертвовать всею своею жизнью.

Разъ вечеромъ, когда мы уже вечеряли, отецъ мой всталъ, взялъ ружье и сказалъ мнѣ: «возьми, сынъ мой, свое ружье и иди спать за овчарнею». Я, какъ молодой и неопытный юноша, не послушалъ отцовскаго совѣта и остался съ пастухами, которые въ то время играли, пѣли и веселились. (Еще будучи ребенкомъ, я любилъ слушать звуки кавала. т. е. свирѣли. Свирѣль способна «умилостивить» и самыя жесткія сердца. Въ пѣсняхъ кавалъ называется «меденъ», но я и до настоящаго дня не знаю, отъ чего происходитъ это названіе: отъ слова ли медъ, что

означаетъ сладость, или отъ слова мѣдь (металлъ). Я думаю, что это слово происходитъ отъ медъ, потому что кавалъ [1]) сладокъ, какъ медъ). Въ то время, когда мы веселились, на насъ напала вооруженная Турецкая чета и вошла въ нашу хижину. Наши молодцы, вмѣсто того, чтобы защищаться, предались въ руки Турокъ, какъ бабы. Турки ограбили все, что нашли въ хижинѣ, а меня и двоихъ нашихъ пастуховъ связали и повели съ собою. Передъ разсвѣтомъ пастухи были отпущены, но Турки сказали имъ передать моему отцу, чтобы онъ послалъ имъ тысячу червонцевъ. «А если Иванъ не пошлетъ намъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, тысячу червонцевъ, то пусть придетъ на Ройну-Планину собрать кости своего сына». Пастухи возвратились къ моему отцу и расказали ему, что видѣли, слышали и испытали. Тогда отецъ мой взялъ ружье и отправился отъискивать меня. Когда онъ достигъ того мѣста, которое называется Енйова-гора, то вдругъ раздался ружейный выстрѣлъ и одинъ изъ разбойниковъ повалился на землю. Турки, увидѣвъ своего товарища мертвымъ, бросили меня и убѣжали. Убѣжалъ и я. Когда я бѣжалъ, то слышалъ шумъ и ругательства, но былъ уже далеко. Въ передобѣденное время я былъ уже дома: къ обѣду пришолъ и мой отецъ, и тогда только я узналъ, что былъ спасенъ отцомъ. Съ этого времени я бросилъ пастушество и занялся торговлею; но это занятіе было не по мнѣ: для свободнаго человѣка очень трудно продавать Азіятамъ на три пары [2]) три сыра и слушать, при этомъ, всевозможныя ругательства. Скоро я бросилъ это занятіе и сталъ мясникомъ. Понятно, что и это занятіе не могло удовлетворить меня. Впродолженіе трехъ лѣтъ, я потерялъ половину своего капитала. Турецкіе чиновники брали мясо въ долгъ и никогда мнѣ не платили. Съ одного конака [3]) я имѣлъ получить болѣе 4,000 піастровъ. Поди ты занимайся торговлей, когда въ странѣ не существуетъ сколько нибудь порядочнаго управленія, и когда почти каждый Турокъ — воръ! Турецкіе чиновники кормятся по всей Болгаріи безплатно. И такъ, я бросилъ и мясничество и сталъ покупать овецъ, козъ, рогатый скотъ и перепродавать мясникамъ.

Въ 1855 г. умерла моя мать. Послѣ ея смерти, насъ осталось два брата и двѣ сестры. Отецъ нашъ еще былъ живъ. Въ это самое время между народомъ разнесся слухъ, что Болгары могутъ дѣлить наслѣдство между собою сами, безъ дозволенія правительственной власти. Этотъ слухъ заставилъ насъ созвать лучшихъ изъ согражданъ, сосѣдей и родныхъ, и раздѣлить то, что осталось отъ матери. Сестры были уже замужнія. Спустя три года, какой-то Турецкій блюдолизъ подговорилъ моихъ сестеръ требовать отъ меня, сверхъ того, что они уже получили, части изъ имѣнія, оставленнаго мнѣ матерью. Понятно, что я

---

[1]) Кавалъ это — длинная свирѣль въ родѣ флейты, но звукъ его пріятнѣе послѣдней.

[2]) Пара — эта сороковая часть піастра, а піастръ содержитъ около 6 коп. сер.

[3]) Конакъ—домъ губернатора.

*

долженъ былъ отказать имъ, и онѣ пошли жаловаться кадію. Кадій [1]) былъ одинъ изъ тѣхъ Турокъ, которые упиваются потомъ народа и сосутъ народную кровь, словно пьявицы. Этотъ кадій приказалъ одному заптію (полицейскій агентъ, жандармъ) отвести меня въ судилище. У меня перевернулось сердце отъ огорченія.—«Ступай ты въ судъ, а я приду черезъ нѣсколько минутъ»., сказалъ я заптію, потому что мнѣ было стыдно идти въ сопровожденіи полицейскихъ.—«Кадій мнѣ приказалъ идти вмѣстѣ съ тобою,—онъ боится, чтобы ты не убѣжалъ» отвѣтилъ заптій. Отправились. Когда мы шли дорогою и когда я видѣлъ, что люди смотрятъ и указываютъ на меня пальцами, мнѣ стало крайне горько и обидно, и я сказалъ заптію:—«Прошу тебя, ага, оставь меня!... Иди ты за мною или передо мною, потому что мнѣ стыдно смотрѣть на людей». Но этотъ Турокъ, какъ и всѣ Турки, захотѣлъ совсѣмъ осрамить меня передъ людьми: онъ подошелъ ко мнѣ поближе, схватилъ меня за шиворотъ и потянулъ насильно. Это Турецкое нахальство заставило меня совсѣмъ выйти изъ себя, и съ этихъ поръ у меня началась борьба съ Турками. Я схватилъ султанскаго чиновника въ охапку, швырнулъ его въ грязь и началъ его топтать ногами. Когда я насытилъ свою ярость, пошелъ къ чорбаджіямъ и объяснилъ имъ случившееся. Всѣмъ уже извѣстно, что Болгарскіе чорбаджіи полу-Турки; а если это такъ, «то и нечего бросать бисеръ передъ свиньями»; но я былъ еще молодъ и неопытенъ. Наши почтенные чорбаджіи, вмѣсто того, чтобы спросить меня, зачѣмъ меня вели насильно и почему я такъ поступилъ съ заптіемъ, — начали кричать. обвинять меня и ругать. «Развѣ ты не знаешь, что мы не можемъ сопротивляться Туркамъ? Чего ты искалъ, то и долженъ найти! Было бы очень хорошо, если бы кадій велѣлъ накинуть тебѣ петлю на шею. Негодяи и умираютъ негодною смертью».—«Будьте вы прокляты». подумалъ я, но не сказалъ ничего опредѣленнаго. Такова была помощь, которую мнѣ оказали наши Болгары, выбранные народомъ для защиты интересовъ христіанскаго населенія. Въ это время пришло нѣсколько полицейскихъ и они потащили меня къ кадію. Кадій приказалъ дать мнѣ 50 палокъ по пяткамъ, за то, что я дерзнулъ ударить царскаго чиновника; но заптій, котораго я измялъ колѣнами, былъ до такой степени «человѣколюбивъ», что извинилъ меня и выпросилъ мнѣ прощеніе у кадія. Нужно замѣтить и то, что этотъ «человѣколюбивый» заптій былъ въ зависимости отъ моихъ родныхъ и боялся потерять свой кусокъ хлѣба. Началось судопроизводство. Что бы я ни говорилъ, кадій замѣчалъ мнѣ: «молчи, гяуръ! я не хочу слушать твоихъ рѣчей. Ты достоинъ висѣлицы!» Во время этого Турецкаго судопроизводства, мнѣ до того сдѣлалось тяжело, что я едва не бросился на этого судью, чтобы схватить его за горло и задушить, какъ лягушку. Въ концѣ концовъ, кадій рѣшилъ, чтобы я заплатилъ сестрѣ 200 червонцевъ, или отдалъ ей свой домъ. Онъ не хотѣлъ знать, что

[1]) Кадій—Турецкій судья.

Болгарскій обычай не дозволяетъ дочерямъ владѣть отцовскимъ деньгамъ, если есть сыновья, и я былъ принужденъ отдать второй разъ 200 червонцевъ, чтобы только избавиться отъ Турецкаго правосудія. Но послѣ этого на душѣ у меня стало такъ тяжело, что я рѣшился продать все свое имѣніе и пойти, куда глаза глядятъ.

Вотъ, въ одинъ день я позвалъ своего брата, передалъ ему все свое имущество, отдалъ ему домъ и попросилъ его взять на себя заботу о пропитаніи моей жены. Братъ очень любилъ меня, и, поэтому, узнавъ о моемъ намѣреніи, сказалъ мнѣ: «Я не отстану отъ тебя и пойду съ тобою хоть въ адъ». Трудно мнѣ было убѣдить его остаться дома беречь отцовскій очагъ; но братская любовь всемогуща. Послѣ долгихъ упрашиваній, братъ согласился остаться, а я съ моимъ шуриномъ Стояномъ пошелъ «шататься» по Старой - Планинѣ, т. е. по Балканамъ. Я сказалъ уже выше, что гайдуки—самые счастливые люди въ Турецкомъ государствѣ. Мое сердце искало свободы, искало честности, искало правды. Только Стара-Планина могла удовлетворить моимъ желаніямъ. «Благоразумные» люди говорятъ, что мщеніе свойственно только дикарямъ и кровожаднымъ народамъ; а я думаю, что оно свойственно. только честнымъ людямъ, которые имѣютъ душу и сердце, которые цѣнятъ свое человѣческое достоинство и которые не позволяютъ называть себя животными. Когда я вышелъ «блуждать» по Старой-Планинѣ, то единственная моя цѣль была—отомстить Турецкимъ звѣрямъ, которые не знаютъ ни чести, ни человѣчности, ни правды. Причина, которая заставила моего шурина взяться за ружье и идти вмѣстѣ со мною, была слѣдующая. Стоянъ имѣлъ четырехъ братьевъ. изъ которыхъ одинъ занимался бакалейною торговлею и звался Θедоромъ. Однажды онъ поссорился съ нѣсколькими Турками, которые перебили ему ноги. Θедоръ проболѣлъ цѣлыхъ два года и истратилъ около 20,000 піастровъ. Стоянъ захотѣлъ отомстить за своего брата и убилъ двухъ изъ вышеупомянутыхъ злодѣевъ. Другіе Турки пронюхали это и искали случай убить его. Съ нашею «вѣрною и согласною дружиною» соединился и Георгій Тренинъ, который былъ родомъ изъ Сливна, но жилъ въ Добруджѣ. Георгій былъ изъ числа старыхъ гайдуковъ. Когда мы встрѣтились съ нимъ и спросили, гдѣ наши старые воеводы, то онъ разсказалъ намъ, что Димитрій Калачлія схваченъ. Спустя немного времени, мы собрали цѣлую чету молодцевъ, и начали прогуливаться по лѣсамъ и горамъ. Георгій былъ выбранъ воеводою. И такъ, почти втеченіе всего 1858 г., мы занимались гайдучествомъ, но не могли сдѣлать ничего важнаго, потому что еще были молоды и неопытны. Пришла осень, нужно было искать мѣсто для зимовки. Бросили мы Сливненскія горы и отправились въ Шумлу, изъ Шумлы въ Кюстендже, а оттуда каждый изъ насъ пошелъ, куда кому вздумалось. Я съ Стояномъ отправились въ Тульчу, а оттуда въ Браиловъ. Въ 1859 мы вздумали собрать болѣе опытную и многочисленную дружину. Изъ Браилова мы переправились въ Болгарію, черезъ Хурсово.

Понятно, что мы имѣли и тескере ¹), свидѣтельствовавшій о томъ, что мы были купцы и шли покупать овецъ и рогатый скотъ. Изъ Хурсова пошли мы на Черна-воду, а оттуда въ Меджидіе, а изъ Меджидіе въ Пазарджикъ, а тамъ черезъ Шумлу, Преславу, Вербицу—на Стару-Планину (Болгарскіе Балканы). Вотъ вамъ вкороткѣ исторія моего дѣтства и начало моего гайдучества.

II. Стара-Планина (Балканы).

Взобрались на Балканы и остановились на томъ мѣстѣ, которое называется Равно-Буче или Царскій-Изворъ. Это мѣсто очень живописно. Я думаю, что тотъ Болгаринъ, который сочинилъ пѣсню:

Лѣсъ ты мой зеленый,
Вода студеная....

находился на этомъ мѣстѣ. Я не въ состояніи описать тѣ впечатлѣнія, которыя испытало мое сердце, когда я остановился на этомъ мѣстѣ. Представьте себѣ, что это было весною; деревья только что покрылись нѣжными зелено-бѣловатыми листьями; сливы, яблони и груши цвѣли; воздухъ былъ чистъ, ароматенъ и прохладенъ; а все это дѣйствуетъ на душу человѣка такъ нѣжно, что располагаетъ его любить не только свое отечество и свою порабощенную братію, но даже и своихъ непріятелей. Сказать вамъ по правдѣ, въ то время я былъ бы готовъ обнять даже своихъ кровныхъ враговъ, если бы только они позволили мнѣ и моимъ братьямъ жить спокойно, свободно и счастливо, наслаждаясь природой. Понятно, что такое настроеніе продолжалось недолго. У подошвы горы находилась Болгарская деревня, которая была въ состояніи заставить и камни возопить объ отомщеніи. Эта деревня была полуразрушена, ограблена и обезчесчена. Даже и деревца, которыя находились въ дворахъ, вѣрно исполняли султанскую волю: ихъ вѣтви были обнажены и не давали прохладной тѣни измученнымъ поселянамъ. Какъ видно, и они платили тяжелую дань. Крыши домовъ провалились, почернѣли и стали негодны, такъ что измученный тѣломъ и разбитый сердцемъ поселянинъ не могъ найти подъ ними защиты ни отъ осеннихъ дождей, ни отъ сильныхъ зимнихъ стужъ. Болгары, живущіе у большихъ дорогъ, достойны искренняго сожалѣнія. Турецкіе путешественники съѣли у нихъ даже уши. Кто желаетъ составить себѣ понятіе, что такое рабъ и раба, тотъ пусть внимательно вглядится въ Болгарскаго поселянина и Болгарскую поселянку въ этихъ деревняхъ, и если его сердце не вскипитъ отъ негодованія, если онъ не пожелаетъ отомстить тѣмъ, которые уничтожили въ нихъ человѣческую личность, сдѣлали изъ человѣка четвероногое животное, убили въ немъ всякое человѣческое чувство и человѣческій смыслъ, то онъ и самъ не человѣкъ. Скажу коротко, кто берется защищать Турецкую «невинность» или фанаріотское

¹) Билетъ для путешествія по имперіи.

«каноническое право». тотъ. должно быть. звѣрь. тотъ, должно быть, не имѣетъ ни сердца, ни души,—тотъ. должно быть. не имѣетъ въ себѣ ничего общаго съ людьми. Фанаріотское духовенство и Турецкая палка убили Болгарскій народъ. такъ что онъ потерялъ свой человѣческій образъ и превратился въ машину, которая пашетъ и роетъ землю только для того. чтобы добыть хлѣбъ для другого. Но оставимъ это и взглянемъ на наше несчастное отечество съ высотъ Равно-Буче. Съ этого мѣста видно все Ѳракійское поле, видѣнъ Бургасъ. Карнобатъ. видно и Черное море. Луда - Камчій. который вытекаетъ недалеко отъ деревни Раково. близъ Котла. извивается. какъ змія. и блеститъ подъ солнечнымъ лучемъ, какъ алмазъ. Горы и отлогости, которыя лежатъ на востокъ отъ этого мѣста, покрыты буковымъ лѣсомъ. На югъ отъ этого мѣста находится гора, которая называется Стидово. Если вы обернетесь на западъ, то увидите гряду горъ до самого Демиръ-Капія (Желѣзныя Ворота; по-Болгарски—Вратликъ). Онѣ то поднимаются вверхъ множествомъ вершинъ, то спускаются внизъ отлогостями и крутыми обрывами, и представляются издали цѣпью нагроможденныхъ другъ на друга облаковъ. Повернетесь къ сѣверу и передъ вашими глазами открывается. на одной небольшой равнинѣ. весь Османъ-Пазарджикскій округъ, со множествомъ Болгарскихъ и Турецкихъ селъ. Первое село. которое видно яснѣе другихъ, это Тича или Читакъ.

Съ Равно-Буче мы спустились около Сливна и остановились на томъ мѣстѣ, которое называется Кушъ-бунаръ (Птичій Колодецъ). Съ этого мѣста видна почти вся Ѳракія. Здѣсь мы должны были остановиться, чтобы вырыть изъ земли зарытое прошлою осенью оружіе и раздать его молодцамъ. Тутъ былъ нашъ арсеналъ. Въ это самое время пришелъ изъ Добруджи Георгій и привелъ съ собою еще нѣсколько молодцевъ. Мы составили маленькій отрядъ и опять воеводою выбрали Георгія. Это лѣто было для насъ болѣе счастливо,—намъ удалось убить нѣсколько злодѣевъ, заставившихъ многихъ беззащитныхъ сиротъ проливать слезы. Пришла осень. Дружина приготовилась опять идти въ Валахію, а я со Стояномъ составилъ другой планъ. 14 сентября. въ праздникъ Воздвиженія креста Господня, мы распростились съ дружиною и условились собраться снова на томъ же самомъ мѣстѣ, т. е. у Птичьяго колодца, къ Юрьеву дню. Мы со Стояномъ рѣшили остаться въ отечествѣ и окончить нѣсколько важныхъ дѣлъ. Мы спрятались въ долину и отправили одного мальчика къ нашимъ друзьямъ въ Сливнѣ сказать имъ. чтобы они привезли намъ муки, сыру и пастармы (сушоное мясо). Долгое время мы жили, словно медвѣди, въ лѣсу. Вотъ началъ пробирать морозъ, началъ падать снѣгъ, задулъ холодный вѣтеръ,—и мы не знали, что дѣлать и куда дѣваться. Но наибольшимъ несчастьемъ было болѣзнь Стояна. Что мнѣ было дѣлать? Стоянъ заболѣлъ горячкою. Разъ я вышелъ на дорогу, по которой шло нѣсколько купцовъ и просилъ ихъ продать мнѣ одну лошадь. Купцы знали меня и исполнили мое желаніе. но денегъ не захотѣли взять, хотя я искренно просилъ ихъ получить. чтó слѣдуетъ.—«А для чего тебѣ

нужна лошадь?» спросилъ одинъ изъ купцовъ. — «У меня заболѣлъ товарищъ и я хочу свезти его въ какую либо деревню», отвѣтилъ я. Купцы, услышавъ объ этомъ, выразили сожалѣніе и сказали мнѣ: «возьми лошадь и ступай... Зима очень суровая въ этомъ году... Прощай»! Привелъ я лошадь, посадилъ на нее Стояна и отвезъ его въ деревню Стрѣлжу. Это было за 15 дней до праздника Рождества Христова. Въ сказанномъ селѣ у насъ былъ добрый пріятель, который готовъ былъ пожертвовать для насъ даже своею жизнью. Онъ звался Иваномъ. Иванъ принялъ насъ братолюбиво и сидѣлъ по цѣлымъ ночамъ возлѣ Стояна. Немного такихъ Болгаръ. И то нужно сказать, что если простой и необразованный поселянинъ имѣетъ доброе имя и честное сердце, то у него великая душа. У неиспорченнаго Болгарина душа чище алмаза. Кто ѣздилъ по Болгарскимъ селамъ и кто жилъ между поселянами, тотъ долженъ признать, что въ Болгаріи есть люди. есть добрыя сердца и чистыя души, которыя даже и подъ тяжелымъ рабствомъ, во мракѣ невѣжества, носятъ въ груди своей сѣмя будущаго Болгарскаго развитія и нашего будущаго счастья. Между этими чистыми душами и между городскою «грязью» нѣтъ ничего общаго.

Однажды мы отправили Ивана въ Ямболъ извѣстить нашихъ друзей. что мы живы и находимся въ Стрѣлжѣ. Въ это время въ Ямболѣ находилось нѣсколько изъ нашихъ Сливненскихъ друзей. которые давно уже разспрашивали и розыскивали насъ. Разспросивъ про насъ, что имъ нужно было знать, они сказали Ивану, что желаютъ придти къ намъ и поговорить о нѣкоторыхъ общихъ дѣлахъ. Они обѣщали-было намъ разсказать о нѣкоторыхъ злодѣйствахъ, совершенныхъ Турками, Болгарскими чорбаджіями и новопоселенными Черкесами. Нужно здѣсь замѣтить, что Татаро-Черкесское переселеніе было въ это время въ самомъ большомъ разгарѣ. Переселеніе Татаръ и Черкесовъ—это такое дѣло... Да, наслали намъ нѣсколько полковъ баши-бузуковъ. которые опустошали нашу землю, какъ саранча. Не хватало намъ Турокъ и фанаріотовъ! Говорить ли здѣсь и о нашихъ братьяхъ, которые въ разное время переселились въ Россію...

Но продолжу свой разсказъ.

Спустя нѣсколько дней, пришли нѣкоторые изъ нашихъ друзей (именъ ихъ не называю потому, что между ними есть и живые) и сказали мнѣ, что въ деревню Могила пришелъ богатый Черкесъ, который желаетъ поселиться въ этой деревнѣ и который имѣетъ большую дружину. «Болгары, живущіе въ этомъ селѣ думаютъ бѣжать и переселиться въ Россію», сказали наши пріятели. Что́ мы должны были дѣлать? Нужно было работать скоро и живо. Въ тотъ же самый вечеръ мы сѣли на лошадей, напали на Черкесскій таборъ и разбили его. Богатый Черкесъ и его сынъ убѣжали, хотя и были ранены, а остальные принуждены были бросить деревню и переселиться въ Ямболъ. Надо прибавить, что мы отобрали у Черкесовъ 2,000 полуимперіаловъ. Понятно, что послѣ этого приключенія мы не могли болѣе остаться въ Стрѣлжѣ, потому что Турецкая власть обшарила всю деревню. Мы пошли въ Ямболъ и спрятались у самого конака. Когда дѣло утихло, то опять сѣли

на лошадей и поѣхали въ Сливненскіе виноградники, которые называются Гюнменскими виноградниками. На этомъ мѣстѣ мы поклялись убить кадія, который обидѣлъ и осудилъ много православныхъ христіанъ, ограбилъ очень много вдовъ и сиротъ и который заставилъ проливать слезы и малыхъ, и большихъ. Этотъ кадій звался Али-эфенди. Наконецъ, надо было привести въ исполненіе наше рѣшеніе относительно кадія. Стоянъ пошелъ съ друзьями въ городъ, а я, оставшись одинъ, пошелъ къ «Синимъ-Камнямъ» и спрятался на томъ самомъ мѣстѣ, которое называется «Змѣевъ-Долъ»; но и тутъ я не могъ долго оставаться. Спустя два дня поднялись очень сильные вѣтры, выпалъ большой снѣгъ и началась суровая зима. Вѣтеръ былъ до того силенъ, что сносилъ крыши съ домовъ, Что дѣлать? Послѣ долгихъ размышленій, я рѣшился пойдти въ городъ. Нашедши Стояна, я узналъ, что товарищи рѣшили напасть на конакъ кадія въ этотъ же самый вечеръ. Составили планъ дѣйствія и раздѣлились на двѣ части: одна должна была напасть съ одной стороны, а другая—съ другой. Такой планъ не нравился мнѣ, но я долженъ былъ согласиться съ товарищами. Когда мы всѣ собрались у Цыганскаго переулка, то я сказалъ товарищамъ: «мы рѣшились напасть на конакъ кадія; а лошади наши въ постояломъ дворѣ!... Если мы встрѣтимся съ полицейскими, то вы не будете имѣть возможности взять своихъ лошадей и бѣжать. Лошади должны бы находиться гдѣ либо внѣ города».—«Не безпокойся объ этомъ,—мы все устроили, какъ слѣдуетъ», сказали мнѣ товарищи, и я долженъ былъ покориться большинству. Разобравъ ограду, мы отворили дверь и взошли въ конакъ. Кадій еще не ложился въ постель и свѣча еще горѣла въ его комнатѣ. Когда мы уже были во дворѣ, двѣ кадины (барыни) изъ гарема кадія, вышедши на дворъ, замѣтили насъ. Поднялся шумъ, крикъ и плачъ. Кадины убѣжали назадъ, а мы пустились за ними и вошли вмѣстѣ въ гаремъ. Кадій встрѣтилъ насъ съ пистолетами, но мы отсѣкли ему руки и перевязали всѣхъ бывшихъ въ домѣ. Мы взяли все, что только нашли: деньги, много серебряныхъ и золотыхъ вещей и нѣсколько мѣшечковъ съ червонцами. По окончаніи дѣла, нужно было подумать, что дѣлать съ кадіемъ и съ его семействомъ. Я былъ того мнѣнія, что нужно перерѣзать женъ и дѣтей, потому что если оставить ихъ живыми, то они очень легко могутъ узнать кого либо изъ насъ и выдать его; но мои товарищи были изъ числа тѣхъ людей, которые желаютъ работать много и не жертвовать ничѣмъ. Мои товарищи привыкли равнодушно смотрѣть, какъ насъ рѣжутъ Турки, и сами боялись зарѣзать хоть одного изъ этихъ послѣднихъ. Понятно, что я долженъ былъ согласиться съ ними, боясь, чтобы не сказали, будто я распоряжаюсь самовольно. Оставивъ конакъ кадія, мы вышли на поле, подѣлили добычу и разошлись. Я со Стояномъ отправился въ городъ и тамъ спрятался въ надежномъ мѣстѣ.. Разставшись съ товарищами, мы приказали имъ передать Слави, чтобы онъ принесъ намъ хлѣба. Ждали мы день, два, три — нѣтъ ни Слави, ни чорта! На четвертый день отправились за хлѣбомъ къ одному пастуху, который разсказалъ намъ,

что нашихъ товарищей схватили. Схватили всѣхъ! Прежде всѣхъ схватили Кира, который выдалъ и своихъ товарищей. Я еще и до сихъ поръ не могу надивиться, какъ подобные молодцы могли передаться въ руки непріятелей? «Да развѣ хотя единъ изъ нихъ не могъ умереть, какъ подобаетъ юнаку», думалъ я. Какъ имъ не было стыдно отдаться въ руки, словно они были не мужчины, а бабы, схваченныя въ своихъ кучахъ. Многіе изъ нашихъ товарищей, дѣйствительно, были юнаки; но они думали, что дѣло это не откроется. Они не знали, что мой проклятый Киро разсказалъ властямъ все еще прежде, чѣмъ былъ схваченъ. Киро былъ схваченъ часовымъ по тому поводу, что шелъ безъ фонаря, слѣдовательно, онъ могъ очень легко отдѣлаться, не выдавая ни себя, ни своихъ товарищей. Не находчивы наши земляки, а пуще того трусливы! Изъ нашихъ товарищей убѣжалъ только Никола Аджемъ, который нашелъ насъ, или лучше, котораго мы нашли, очень скоро. Когда начали пытать нашихъ товарищей, то они разсказали всю исторію со всею подробностью. Произошло маленькое замѣшательство. Правительство схватило около трехъ сотъ душъ Болгаръ, изъ которыхъ $^{90}/_{100}$ были совершенно невинные люди. Спустя два мѣсяца, двѣсти человѣкъ были выпущены, 50 умерли, а 50 отправлены въ Адріанополь и осуждены на вѣчное рабство. Сто человѣкъ пробыли въ заключеніи въ Сливнѣ болѣе двухъ лѣтъ. Много мукъ претерпѣли эти невинные люди. Вслѣдъ за нами послали полицейскихъ, но мы остались здоровы и невредимы. И такъ, изъ нашей четы осталось только трое: Я, Стоянъ и Николай Аджемъ. Пришла весна. Около Юрьева дня мы опять собрали «вѣрную и сговорную дружину» и рѣшили продолжать свое дѣло. Къ нашей дружинѣ присоединился и хаджи Димитрій, который уцѣлѣлъ отъ Турецкаго кинжала только потому, что гдѣ-то спрятался. Два брата Хаджи Димитрія и его отецъ были заключены въ тюрьму вмѣстѣ съ другими согражданами.

III. 1860 годъ.

Мы уже составили было маленькую чету, когда прибылъ и Георгій изъ Валахіи съ своими молодцами. Всѣ единогласно выбрали въ воеводы, опять Георгія Начали ходить опять по лѣсамъ и горамъ; но караулы были до такой степени часто разставлены, что мы нигдѣ не могли остаться на долго—на каждой недѣлѣ приходилось выдерживать одно или два сраженія. И такъ, мы были вынуждены почти каждую недѣлю мѣнять мѣста: ходили по округамъ: Шумленскому, Терновскому, Филиппопольскому—вездѣ худо. Втеченіе двухъ мѣсяцевъ перемѣняли десять разъ свое мѣстопребываніе и десять разъ должны были сражаться. Наконецъ, мы опять пришли въ Терновскій округъ и остановились между деревнями Елена и Беброво. Нужно было караулить дорогу, которая ведетъ изъ Беброва въ Сливенъ. Поставили и часовыхъ; но въ тотъ-же самый день пришелъ одинъ изъ нашихъ часовыхъ и объявилъ, что изъ Сливна идетъ противъ насъ очень большой

отрядъ. Воевода приказалъ намъ выстроиться и приготовиться къ бою, и мы тотчасъ исполнили его волю. Сразились. Отъ перваго нашего залпа пало двое убитыхъ и двое раненыхъ. Я поставилъ себѣ цѣлью положить предводителя и достигъ этого. Пуля моя попала ему въ правую руку и онъ выпустилъ свое ружье. Послѣ этой потери непріятели разбѣжались въ разныя стороны. Итакъ, побѣда осталась на нашей сторонѣ; но эта побѣда была очень несчастна для насъ, потому что мы потеряли воеводу. Турецкая пуля попала ему прямо въ сердце. Никогда я не забуду этотъ несчастный для насъ день! Когда похоронили дорогого для насъ юнака, то дружина предложила мнѣ быть воеводой. Я согласился. Принявъ эту должность и ставъ предводителемъ нашихъ ребятъ, я предполагалъ перезимовать съ ними въ Балканахъ; но большая часть изъ нихъ находила мое предложеніе неудобнымъ и высказывала желаніе отправиться въ Валахію. Видя ихъ нерѣшительность, я обратился къ дружинѣ съ слѣдующими словами: «кто хочетъ быть товарищемъ мнѣ, тотъ пусть останется при мнѣ и слушаетъ моихъ совѣтовъ; а кто не желаетъ быть подъ моимъ знаменемъ и повиноваться моимъ распоряженіямъ, пусть идетъ съ этого времени, куда ему угодно».—«А гдѣ мы будемъ зимовать»? спросили товарищи.—«Чего вы, братья мои, боитесь, когда весь Балканъ въ нашемъ распоряженіи и когда Старо-Планинскіе Болгары очень народолюбивые, гостепріимные и чистосердечные люди», сказалъ я. Мои слова убѣдили молодцевъ, которые единогласно приняли мое предложеніе. Когда между нами установилось согласіе, мы придумали зимовать въ Сливненскомъ округѣ, на Матейской-Планинѣ, на окраинѣ полей Ѳракіи. Ближайшими къ нашему зимовищу селами, были: Кавакліе, Калояново и Глушникъ. На сѣверъ, у подножія горы Гребенецъ, лежала деревня Сѣдларево. Мы устроили себѣ хижину на томъ самомъ мѣстѣ, которое называется Рамадана. Это мѣсто неприступно. Разскажу теперь и о сосѣднихъ мѣстахъ, т. е. лежащихъ на Ѳракійской сторонѣ и берегахъ рѣки Тунжы. Величественна эта рѣка, прекрасна эта мѣстность, честны тамошніе жители. Главныя деревни, которыя находятся по обѣимъ сторонамъ Тунжи, слѣдующія: во-первыхъ, Артакларъ; она лежитъ среди очень живописной мѣстности и при ней находится мостъ черезъ Тунжу; во-вторыхъ, Демирджилеръ—очень маленькая деревня; въ третьихъ, Черкишли—лежитъ въ прекрасной мѣстности и, въ четвертыхъ, Колакли. На западъ отъ Ямбола находятся слѣдующія деревни: Ханово, Таушъ-тепе и Махала. Всѣ эти деревни лежатъ по берегамъ Тунжи. До зимняго Николы, мы ходили по этимъ селамъ подъ дождемъ, снѣгомъ, безъ верхней одежды и постели, и кормились тѣмъ, что находили; но около св. Николы начался сильный морозъ, и мы были принуждены остановиться въ деревнѣ Калояново. Въ этой деревнѣ у меня было очень много пріятелей, которые намъ дали муки, сыру и всего, чего намъ нужно было, а затѣмъ, мы отправились бродить по Рамаданской планинѣ. Во время святокъ, я пошелъ въ одинъ Турецкій дворъ, добылъ тамъ вина, водки и трехъ коровъ; этотъ дворъ принадлежалъ хаджи Байрактару Таванджи, который былъ родомъ изъ Сливна. Зарѣзали коровъ и приготовились праздновать. Изъ

деревень прибыли поселяне, наши пріятели, и принесли вина и прочаго какъ дорогимъ гостямъ. Нужно сказать и то, что въ этихъ деревняхъ я имѣлъ очень искреннихъ пріятелей, которые были готовы за меня броситься въ огонь и воду. Въ это время мою чету составляли слѣдующія лица: Никола Мавроди-оглу, родомъ изъ Ямбола; Жельо Черневъ, изъ Ямбола; Стоянъ Арноудо-оглу, изъ Жеравны; Яно, изъ Македоніи; хаджи-Димитрій Николовъ, изъ Сливна; Стоянъ Папазо-оглу (мой шуринъ), изъ Сливна; Георгій Сливнелій, изъ Сливна; Коста, изъ Ески-Захары; Божилъ Бафоли, изъ Сливна; Никола Овелій, изъ Сливна. Я былъ самъ двѣнадцатый, и всегда могу похвалиться, что моя дружина въ то время была избранная; большая часть этой дружины была изъ Сливна и изъ его окрестностей.

Я сказалъ выше, что наши Болгары, живущіе по южной сторонѣ Балкана, гостепріимные и добрые люди. Это всѣми запримѣчено. Разъ я пришелъ въ деревню и попросилъ у одного поселянина немного муки и немного сыру. Поселянинъ наполнилъ этими припасами одинъ мѣшокъ; но когда я хотѣлъ ему заплатить, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Тебѣ это болѣе нужно, чѣмъ мнѣ. Пусть Богъ даетъ тебѣ счастье и здоровье!» Другой Болгаринъ далъ мнѣ 300 піастровъ, чтобы купить ребятамъ пороху.

Едва приблизилась весна, я отправился съ своими молодцами и привелъ ихъ на Θракійскія поляны, вдоль береговъ рѣки Тунжи. Весна того года была очень теплая. Пастухи встрѣтили насъ съ большею радостью. Но по этимъ мѣстамъ мы ходили очень немного времени; мнѣ хотѣлось побродить и по Бакаджику. По Черноморскому побережью и Бакаджику мы ходили до Юрьева дня, а послѣ опять отправились на Стару-Планину. Когда мы пришли въ деревню Стрѣлжу, то узнали отъ поселянъ, что около рѣки Марашки поселились Татары, которые не дозволяютъ черезъ свою деревню и птицѣ пролетѣть. Если какіе-либо проѣзжіе пустятъ въ ихъ степи лошадей пастись, то они бьютъ ихъ и штрафуютъ по рублю сер. съ лошади; а если какіе-либо пастухи пройдутъ черезъ ихъ земли, то съ нихъ берутъ по два барашка и по двѣ овцы. Мы отправились въ ихъ деревню и посѣтили нѣсколькихъ важнѣйшихъ лицъ. «Скажите-ка вы мнѣ, почему вы грабите людей»? спросилъ я строго. «Мы имѣемъ позволеніе отъ падишака,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ. Султанское правительство даетъ намъ бóльшія права, чѣмъ своимъ подвластнымъ. Мы мусульмане». Слово за слово, мы поссорились и взялись за ружья и пистолеты; но очень скоро увѣрились, что Татары—пугливый народъ. Въ этомъ ничтожномъ бою изъ числа Татаръ пало 16 человѣкъ убитыми и около 10 ранеными. Наказавъ Татаръ «мусульманъ», которые имѣли «бóльшія права», мы пошли на Стару-Планину и укрѣпились на Котленской дорогѣ. Въ то время насъ извѣстили, что Турки пришли на сватьбу одного Болгарина и обезчестили его новобрачную жену. Это извѣстіе возмутило насъ и призывало къ отмщенію. Изъ Карнобата возвращалось нѣсколько человѣкъ Турокъ, которые шли въ сѣверную Болгарію. Эти Турки погибли до одного и оставили намъ 36,000 піастровъ.

Нужно замѣтить, что впродолженіе трехъ дней мы убили около 60 Турокъ «правовѣрныхъ». Спустя нѣсколько дней, мы схватили десять человѣкъ Турецкихъ купцевъ изъ Тернова и Сливна, но отпустили ихъ потому, что они были большею частью старики и мирные люди. Любопытно было посмотрѣть на этихъ мухамеданъ. Эти люди, которые въ молодости съ отчаяннымъ звѣрствомъ оскорбляли подвластныхъ, дрожали теперь передъ нами, когда они потеряли свою власть; черты лица выражали все, что существуетъ ужаснаго въ страхѣ, низкаго въ малодушіи и мрачнаго въ отчаяніи. Эти люди цѣловали намъ ноги, молились на насъ, какъ на Мухамеда, и разсказывали, что у нихъ есть жены и дѣти. Какъ будто Болгары, кровь которыхъ они ежедневно проливаютъ, бездушныя существа! Когда мы ихъ отпустили, то сказали имъ, чтобы они требовали своихъ денегъ у паши, потому что онъ долженъ защищать и Болгаръ, и мухамеданъ отъ насилія гайдуковъ. Полиція принудила насъ искать спасенія въ Казанлыкскихъ и Габровскихъ горахъ. Спустя мало времени, мы прошли черезъ Карловскую планину, спустились у Гіопца и по берегамъ Марицы дошли до Сакаръ-Планины, возвышающейся невдалеко отъ Адріанополя. Въ этихъ мѣстахъ Болгары до крайности забиты Турецкимъ насиліемъ и Греческимъ духовенствомъ, а Турки здѣсь очень кровожадны. По этимъ мѣстамъ мы ходили до праздника Пресвятой Дѣвы Маріи; а послѣ возвратились въ сѣверную Болгарію и остановились между Котломъ и Шумлою. По дорогѣ шло нѣсколько Турокъ, съ которыми мы должны были помѣряться силами. Эти Турки ѣхали дорогою весело, пѣли Турецкія пѣсни и смѣялись. Когда они достигли до мѣста, называемаго Сѣченымъ-Камнемъ, мы напали на нихъ. Путешественники были такъ хорошо вооружены, какъ и мы сами, и между нами произошло большое сраженіе. Одному изъ нихъ пуля попала въ ногу и онъ закричалъ по-Болгарски. Эти путешественники были не Турки, а Болгары, и между ними находились и наши друзья. Турецкія пѣсни и Турецкая одежда едва не стоили имъ жизни. Я не знаю, почему наши путешественники любятъ носить Турецкую одежду и почему говорятъ въ дорогѣ по-Турецки? Видно, они боятся Турецкихъ разбойниковъ, и хотятъ показать, будто они Турки, потому что Турецкіе разбойники никогда не нападаютъ на своихъ братьевъ, «динъ исляиъ». Настоящіе Болгарскіе гайдуки также никогда не нападаютъ на Болгаръ, а если кто либо сдѣлаетъ отступленіе отъ этого правила, то онъ называется уже «кокошаринъ» т. е. куриный злодѣй, и дѣйствительные гайдуки уже не принимаютъ его къ себѣ. Бываютъ и такіе случаи, когда дѣйствительные гайдуки отомщаютъ тому, кто напакостилъ православнымъ и кто позволилъ обидѣть женщину. Между Болгарскими гайдуками существуетъ преданіе, что если какой либо гайдукъ тронетъ женщину, то Турки непремѣнно должны его схватить. Изъ этого видно, что безчинство вовсе не свойственно Болгарскимъ гайдукамъ. Болгарскій гайдукъ знаетъ, что его занятіе честное; а если такъ, то это занятіе не должно безчеститься низкими, безчестными дѣлами. Одинъ простой, старый гайдукъ говорилъ мнѣ такъ: «мы посланы Богомъ беречь

бѣдныхъ и наказывать «злочинцевъ»; а если это такъ, то мы должны быть честными, правдолюбивыми и чистосердечными. Болгарскій народъ не имѣетъ ни царства, ни покровителей, ни защитниковъ. Онъ долженъ надѣяться на Бога, на насъ и на свои молодецкія мышцы, а если такъ, то гайдукъ долженъ беречь его честь, защищать его несчасныхъ и вдовъ и утѣшать беззащитныхъ».

Послѣ вышеупомянутаго происшествія, мы составили очень хорошій планъ. Купцы возвратились въ Сливенъ и объявили Турецкой власти, что на нихъ напали Турки, которые, будто-бы, отняли у нихъ деньги. Наша чета перемѣстилась опять въ Рамаданъ и приготовилась зимовать. Такъ кончился 1861 г. Нужно похвалиться передъ вами, что, впродолженіе этихъ нѣсколькихъ лѣтъ, мы отмстили за многихъ несчастныхъ Болгаръ, которые погибли отъ Турецкаго фанатизма. Если слышали, что Турки въ томъ или другомъ мѣстѣ сдѣлали какую-либо несправедливость или какое-либо зло, то мы спѣшили помочь несчастнымъ Болгарамъ.

IV. 1862 годъ.

Опять пришла весна. Мы рѣшили послать Паскала изъ деревни Глушникъ, чтобы онъ обошелъ Ѳракію и Македонію, повидался съ нашими пріятелями и извѣстилъ ихъ о нашихъ дѣйствіяхъ. Паскалъ принялъ это порученіе съ радостью. Онъ пошелъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратился назадъ, нашелъ насъ возлѣ Луджи (Теплыхъ Бань) и принесъ намъ хорошія извѣстія. Между другими письмами, изъ которыхъ большая часть была изъ Филиппопольскаго округа, Паскалъ принесъ мнѣ одно письмо отъ Раковскаго и нѣсколько нумеровъ газеты «Дунайскій Лебедь». Въ своемъ письмѣ Раковскій говорилъ такъ: «Послушайте, братья Болгары и всѣ храбрые Балканскіе юнаки, что я вамъ скажу: будьте юнаками, будьте готовы, будьте веселы. Ходите до Петрова дня по Балканамъ и дожидайтесь того времени, котораго ждетъ каждый изъ насъ. Приготовляйтесь. Около Петрова-дня пошлю вамъ одного человѣка, который извѣститъ васъ, что нужно дѣлать. Отечество наше скоро должно освободиться. Приготовляйтесь».

Когда я получилъ это письмо, то сейчасъ отправилъ Паскала къ моимъ пріятелямъ, чтобы онъ извѣстилъ ихъ и велѣлъ имъ приготовиться. Я думалъ, что время уже приблизилось. Въ этотъ самый день, я повелъ своихъ молодцевъ и пришелъ съ ними на Среднюю Гору. Изъ деревни Крива-Круша пришелъ къ намъ Генчо Оси-оглу и принесъ намъ хлѣба, вина и пастармы (сушенаго мяса). Это было послано намъ отъ И. Х. изъ деревни Ени-Захара. Вмѣстѣ съ Генчею пришелъ и М. Это крайне удивило меня, и я спросилъ М., какая нужда его привела къ намъ? М. посмотрѣлъ сюда—туда, какъ будто боялся, чтобы его не услышалъ кто-либо и заговорилъ: «Наши отправили меня къ тебѣ... Въ наше село прибылъ тотъ поганецъ Дели-Мехмедъ, который перевернулъ все вверхъ ногами. Шайка его со-

стоитъ изъ восьми человѣкъ... Наши поселяне просятъ тебя, чтобы ты пришелъ съ молодцами и избавилъ насъ отъ Турецкаго насилія».—«А почему ваши поселяне не возьмутъ по одной палкѣ и не снесутъ имъ головы?», спросилъ я. М. почесалъ себѣ затылокъ и вздохнулъ нѣсколько разъ.— «Ну, ступайте домой и ждите насъ до вечера», сказалъ я. Вечеромъ мы пошли въ деревню и окружили домъ упомянутаго разбойника. Была лунная ночь. Я и Коста взошли во дворъ. Одинъ изъ поганцевъ вышелъ было на дворъ, но мы не хотѣли застрѣлить въ его, потому что имѣли намѣреніе уничтожить всю шайку. Къ своему несчастью, этотъ поганецъ увидѣлъ насъ и побѣжалъ назадъ въ комнату. Нужно было работать... Моя пуля попала ему въ середину спины и онъ бухнулъ головою въ дверь. Другіе Турки заперлись въ домѣ и мы принуждены были оставить ихъ. Нужно замѣтить и то, что эти Турки испугались до того, что боялись и трогать православныхъ. Мы отправились къ Котлу. Мнѣ хотѣлось встрѣтить султанскую почту и обобрать ее, потому что нужны были деньги для будущаго возстанія. Прошли возлѣ Котла къ Сухому Долу, гдѣ просидѣли цѣлыхъ пять дней въ ожиданіи почты. Это мѣсто называется Сухой Долъ (Дялъ) потому, что только на одномъ пунктѣ въ немъ находится вода. Пошли напиться воды у единственнаго источника и посмотрѣть дорогу, ведущую къ Тернову. Что-то видѣлось по дорогѣ. Прежде всего мы подумали, что это пастухи и не обратили никакого вниманія; но когда начало смеркаться, мы увидѣли нѣсколько вооруженныхъ людей, которые намъ показались словно Турецкими заптіями. Нужно было нагнать ихъ и напасть на нихъ; между тѣмъ, они находились далеко и все болѣе и болѣе удалялись къ Котлу. Погода была пасмурная и туманная. Спустя одинъ часъ, мы догнали ихъ, но не было никакой возможности окружить ихъ. Одинъ изъ нихъ отдѣлился отъ своихъ и началъ рубить дерево, а другіе сѣли въ кружокъ возлѣ дороги. Я велѣлъ ребятамъ спрятаться въ лѣсу и ждать; но одинъ изъ нашихъ товарищей не могъ тотчасъ спрятаться, и они увидѣли его.—«Подожди, не убѣгай!»—вскрикнулъ одинъ изъ нихъ. и сію же минуту раздался ружейный выстрѣлъ. Понятно, съ чьей стороны былъ сдѣланъ этотъ выстрѣлъ. Нашъ дружинникъ, у котораго ружье было наготовѣ, отвѣтилъ сію же минуту непріятелю. Турки убѣжали въ противуположный лѣсъ. Раздались еще два выстрѣла, но они были сдѣланы нашими, т. е. одинъ принадлежалъ х. Димитрію, а другой Стояну Жеравченину. Спустя немного времени, одинъ изъ заптіевъ вернулся назадъ и вышелъ на дорогу. «Подождите, ребята, выстрѣлю и я», замѣтилъ я своимъ, и выстрѣлилъ. Противникъ мой словно провалился въ землю. Я побоялся, чтобы насъ не окружили со всѣхъ сторонъ, и велѣлъ молодцамъ отступить назадъ. Злость кипѣла въ моемъ сердцѣ: мои мечты обобрать почту разсѣялись, какъ туманъ. Я разсердился и началъ кричать, сколько силы хватило: «Эй, если вы изъ полиціи, то выходите помѣряться силами съ нами. Или вы, или мы... Мы народные гайдуки... Свобода или смерть!» Ничего не слышно! Я былъ принужденъ усилить свой голосъ. Чрезъ минуту изъ лѣсу послышался мнѣ голосъ, но этотъ голосъ былъ очень далеко. «Сюда, сюда», кричалъ я. Голосъ все бо-

лѣе и болѣе ко мнѣ приближался. «Вы кто такіе?» кричалъ я. «А вы кто такіе?» спрашивалъ онъ. «Хитовъ и Папазо-оглу», отвѣтилъ я.—«Вы ли это, братья мои?» отвѣчалъ голосъ. «Мы,—а вы кто такіе?» отозвался я. «Если это вы, то скажите мнѣ, гдѣ были въ Юрьевъ день?» спросилъ онъ. Я замолчалъ и не отвѣчалъ нѣсколько минутъ, боясь, что это полицейскіе и хотятъ узнать что-нибудь. «Вспомнилъ ли ты Синіе Камни?» снова спросилъ голосъ. «Теперь уже вѣрю, что вы свои люди», отвѣтилъ я.—«А ну-ка, скажи ты мнѣ, кто вашъ воевода?» спросилъ я черезъ двѣ минуты. «Иванчо Марковчето изъ Котла и Иванъ Кизето изъ Габровскаго округа». Мы пошли къ нему, взяли его, перевязали ему руку, которая была ранена.—«А гдѣ ваша дружина?» спросилъ я, наконецъ «Не знаю, куда она ушла», онъ отвѣтилъ. «Какой же ты гайдукъ, когда не знаешь, гдѣ твоя дружина?»—«Они послали меня срубить одно дерево, чтобы отнести его въ Котелъ»...—«Откуда ты?»—«Я изъ Калифарскихъ хижинъ, изъ деревни Войнеже».—«А сколько васъ всѣхъ?»—«Девять душъ».—«А изъ какихъ мѣстъ твои товарищи?»—«Двое изъ Хасанъ-боазъ, двое изъ села Хотница и трое изъ Казанлыкскаго округа».

Понятно, что нужно было переночевать на этомъ мѣстѣ, чтобы осмотрѣть, не лежитъ ли кто на землѣ, раненый нашими пулями. Когда разсвѣтало, пошли искать; но ничего не могли найдти, потому что и Болгарская судьба не всегда бываетъ мачихой. Нашли только хлѣбъ, печеное мясо и два патронташа, которые оставили было наши неопытные юнаки. Когда разстроился мой планъ—обобрать почту, то нужно было перебраться опять на Среднюю Гору. Пришли къ Желѣзнымъ Воротамъ (Демиръ-Капія) и засѣли возлѣ дороги. Вотъ идутъ изъ Сливна одинъ Арнаутъ, четыре Турка и одинъ Болгаринъ. Эта дружина защищалась молодецки и много труда стоило намъ отнять у нея оружіе. Едва ихъ связали, какъ вотъ идетъ другая дружина изъ Тернова. Она состояла изъ шести Турокъ и одного Требизондскаго жителя. Эти Требизондскіе жители называются Лазами. Турки передались намъ очень легко, но Требизондскій житель надѣлалъ намъ хлопотъ. У этого Лаза мы нашли 200 Турецкихъ лиръ, а у Турокъ 28,000 грошей. Турки были очень умны, потому что когда мы къ вечеру отпустили ихъ на волю, то они попросили насъ дать имъ по 100 гр. на путевыя издержки. Я приказалъ знаменосцу моему дать имъ денегъ. Пошли въ Елену, а оттуда въ село Ченакчи. Пришло къ намъ нѣсколько поселянъ и просили избавить ихъ отъ сына Дели-Мехмеда. Поселяне предупредили насъ, что этотъ разбойникъ пойдетъ въ этотъ вечеръ въ Ени-Захару. Разставивъ молодцевъ по обѣимъ сторонамъ дороги, я и самъ приготовился. Вотъ мы видимъ, что по дорогѣ ѣдутъ одинъ Турокъ и одинъ Болгаринъ. Когда эти два человѣка очутились между мною и дружиною, то ребята закричали имъ, чтобы они отдали свое оружіе, но путешественники не послушались и пустились на утекъ. Когда дошли они до меня, я поднялъ ружье и прицѣлился въ Турка, крикнувъ: «стой!» Турокъ не послушался меня. Я выстрѣлилъ, но ружье сдѣлало осѣчку. Турокъ выстрѣлилъ въ меня, обжегъ мнѣ лѣвую щеку и ускакалъ. Это крайне огорчило меня. Я схватилъ мое ружье и разбилъ его

на части. Конечно, это было очень смѣшно, но человѣческое сердце непостижимо. Послѣ того мы раздѣлились. Знаменосецъ мой пошелъ въ Ямбольскій округъ, а я ушелъ въ Терновскія окрестности, къ Калифарскимъ хижинамъ. Тамошніе жители разсказали мнѣ, что черезъ эти мѣста прошло около 50 душъ вооруженныхъ Болгаръ, которые направились къ Габровскому монастырю. Тѣ же жители разсказали мнѣ, что въ Терновѣ схвачено нѣсколько Болгаръ, которые вздумали взяться за оружіе и провозгласить «свободу и равенство». Это принудило меня идти скорѣе въ Сливенъ и распросить подробнѣе объ этомъ важномъ дѣлѣ. «Что за легкомысліе и что за безтолочь между нами?» думалъ я себѣ и готовъ былъ лопнуть съ горя. Въ Сливнѣ разсказали мнѣ, что изъ Сербіи пришли два Болгарина (Иванъ Каратанчовъ и х. Ставри) и уговаривали своихъ земляковъ взяться за оружіе и завоевать себѣ свободу. «Мы сказали Ивану, что пока не поговоримъ съ тобою и не повидаемся лично съ твоею четою, ничего не можемъ предпринять», сообщили мнѣ мои друзья. Они уже было отправили людей отыскивать меня. Х. Ставри не пожелалъ ждать, собралъ нѣсколько молодцевъ и пошелъ въ Габровскій монастырь. Когда Турецкое правительство пронюхало, въ чемъ дѣло, арестовало нѣсколько душъ Терновскихъ обывателей и послало своихъ шпіоновъ отыскивать Ивана. Мы предостерегали его быть осторожнымъ, но онъ пошелъ въ Терновъ и попалъ въ руки Турокъ. Иванъ Пановъ былъ отправленъ въ Константинополь. Нужно было подумать, что дѣлать. Послѣ многихъ размышленій, я рѣшился отправить особаго человѣка въ Свищовъ, чтобы узнать, что дѣлается въ Бѣлградѣ. Нашъ посыльный пошелъ, но, спустя мало времени, возвратился и извѣстилъ насъ, что бунтъ въ Бѣлградѣ затихъ, т. е. Сербы помирились съ Турками. Когда я услышалъ это извѣстіе, чуть не сошелъ съ ума. Мы ожидали этого времени втеченіе столькихъ лѣтъ, а между тѣмъ оно не продолжалось и одной недѣли! Что дѣлать!

Наше положеніе было незавидное, потому что множество Болгаръ бросили свои занятія и продали все, что имѣли. Посланный нами принесъ мнѣ письмо отъ Раковскаго. Раковскій писалъ мнѣ такъ: «Если не взбунтовались, то берегитесь, чтобы не взбунтовался какой либо городъ или деревня, потому что въ Сербіи ничего не будетъ. Сербы помирились съ Турками». Нужно замѣтить и то, что въ то время погибло множество нашихъ людей. Понятно, что и я долженъ былъ спрятаться куда либо и начать снова съ азъ-буки... Повелъ я опять свою чету и пришелъ съ нею на Стару-Планину. Молодцы мои были въ отчаяніи и стали неохотно работать. Что я долженъ былъ дѣлать? Я рѣшилъ обобрать почту и удовлетворить ихъ, по крайней мѣрѣ, деньгами. Съ этой цѣлью мы пошли между деревнями Ичеромъ и Жеравною, и остановились на горахъ, которыя называются Кобиличницкими. Когда проѣзжала почта, мы ранили лошадей, ранили Татарина, а полицейскіе разбѣжались, предоставивъ намъ распоряжаться деньгами. Послѣ этого происшествія молодцы были удовлетворены; но мы должны были укрываться цѣлыхъ два мѣсяца, потому что розыски были очень строги. Пришла опять осень. Ребята объявили мнѣ, что не желаютъ бе-

дёе зимовать въ горахъ, слѣдовательно, я долженъ былъ позаботиться о нихъ. Я думалъ, что Сербія не останется въ покоѣ, а если она помирилась съ Турками, то лишь потому, что не была приготовлена. Все это заставило меня обратить вниманіе на то, какъ-бы моя дружина не разошлась, а осталась бы въ одномъ мѣстѣ. Однажды я сказалъ имъ, что уже поздно ѣхать въ Валахію, а если такъ, то нужно искать другого зимовища.— «А гдѣ это другое мѣсто?» спросили ребята. Я не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ и, затѣмъ, продолжалъ:—«Турки стерегутъ по границамъ очень строго и, слѣдовательно, мы должны перезимовать и теперь на Балканахъ, а весною—что Богъ дастъ». Это мое предложеніе было принято.— «Слушайте, что я вамъ скажу, заключилъ я. До весны никто не можетъ отдѣлиться отъ насъ, а кто несогласенъ, пусть идетъ теперь же, куда ему угодно». Понятно, что всѣ приняли мое предложеніе и согласились исполнять мои приказанія и желанія; я пошелъ съ ними на Балканы и выбралъ мѣсто для зимовки. Это мѣсто находилось вблизи Хасанъ-Боазъ. Со стороны Ени-Захарской самыми близкими деревнями были: Чилинская гора и Золотая гора; а съ Терновской стороны—Еленскія хижины и деревня Дрѣнта. Надъ Дрѣнтой, на горахъ, находится то знаменитое мѣсто, которое очень часто вспоминается въ гайдуцкихъ пѣсняхъ и которое называется Крстата-Локва (Коростовая Лужа). Отъ этой лужи на западъ лежитъ Папратлива-поляна. Изъ этого мѣста вытекаетъ маленькая рѣка, которая называется Лазовскій-Боазъ. Эта рѣка протекаетъ черезъ деревню Колапче (Ханъ-кіой). Верховье этой рѣки недоступно; на этомъ же мѣстѣ находилась наша хижина. Кругомъ насъ былъ буковый лѣсъ; въ немъ растутъ такія старыя деревья, которымъ, можно полагать, было 5,000 лѣтъ. Пожалуй, эти деревья выросли еще прежде потопа и даже ранѣе Адама.

V. Предатели.

Теперь разскажу вамъ, какъ мы провели эту зиму. Осенью мы зарѣзали восемь коровъ и приготовили себѣ пастармы и «царвуле» (лапти). Нашли хорошихъ людей, которые принесли намъ сыру, вина, соли и муки. Не хочу упоминать имена этихъ добрыхъ и достойныхъ похвалы людей, потому что между ними есть и живые; упомяну только имя дѣда Стояна Странжа, который былъ родомъ изъ деревни Грециты. Мои пріятели были бѣдны, но сердцемъ они были очень богаты. Въ Твердишской горѣ находились свиньи х. Нетка, изъ Елены. Однажды я прошелъ съ двумя моими молодцами черезъ вышеупомянутыя горы и заставилъ свинопасовъ зарѣзать мнѣ одного поросенка за десять окъ. Когда свинопасы исполнили мое желаніе, чрезъ нихъ я велѣлъ объявить х. Петку, чтобы онъ заплатилъ мнѣ дань. Спустя недѣлю времени, одинъ изъ моихъ друзей пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что х. Петко ходилъ въ Терновъ къ пашѣ, разсказалъ ему все и попросилъ у него дозволенія схватить меня и убить. Паша дозволилъ ему составить чету и схватить насъ. И х. Петко послалъ прежде всего Іорданчо Сироту провѣдать и устроить все, что нужно. Іорданчо пришелъ въ деревню Дрѣнту

подъ предлогомъ охоты; самъ остался въ деревнѣ, а шайку свою послалъ отыскивать насъ въ горахъ. Полицейскіе прошли мимо, но не замѣтили насъ. На другой день я пошелъ въ деревню и нашелъ Илью чорбаджи, съ которымъ Іорданчо разговаривалъ. Вотъ что разсказывалъ мнѣ Илья. Іорданчо сказалъ ему такъ: «Этихъ людей, которые ходятъ по Балканамъ, или нужно всѣхъ избить, или отнять у нихъ деньги и дать имъ паспорты, чтобы они переправились въ Валахію и Сербію. Но я знаю, что перебить ихъ очень трудно, потому что у насъ нѣтъ годныхъ для этого людей и, притомъ, Панайотъ—хорошій юнакъ. Было бы очень хорошо, если бы при немъ была не вся его дружина. Нужно позаботиться о томъ, чтобы разъединить ихъ». «Не знаю что сказать тебѣ на это, отвѣтилъ Илья. Я думаю, что очень трудно бороться съ подобными людьми, которые вездѣ имѣютъ друзей».—«Если мы не въ силахъ истребить ихъ, то, возразилъ Іорданчо, по крайнѣй мѣрѣ, отнимемъ у нихъ деньги и заставимъ ихъ уйти въ Валахію. Хитрость превосходитъ и самое сильное войско, а ловкость уничтожаетъ самыя сильныя укрѣпленія». Этотъ Болгаринъ-предатель не постыдился даже похвастаться передъ х. Петкомъ, что приготовленія уже сдѣланы и что поросенокъ будетъ отомщенъ! Эта фамилія извѣстна еще со времени капетанъ Георгія, по предательству, совершенному въ Капиновскомъ монастырѣ (въ 1835 г.). Говорить болѣе объ этой фамиліи—не желаю; скажу только, что какъ Іорданчо Сирота, такъ и х. Петко прокляты и мною, и народомъ. Пусть ихъ имя, какъ гнусное, упоминается во вѣки вѣковъ! Когда я узналъ все, сейчасъ сказанное, то, собравъ всю дружину и поджегши хижину мы пустились искать себѣ другого убѣжища. Мы уже привыкли переносить всякія невзгоды и жить подъ открытымъ небомъ; но эта зима была ужасна; снѣгу было въ аршинъ толщиною, а вѣтеръ пронизывалъ до костей. Подобная пора страшна даже для животныхъ, живущихъ въ горахъ. Куда намъ теперь дѣваться? Мы рѣшили пройдти черезъ Циминскую гору, проходомъ Хайнъ-Боазъ и спуститься къ деревнѣ Хайнѣ. Отправились. Вѣтеръ ревѣлъ, какъ дикій звѣрь; снѣгъ бѣлѣлъ; рѣки и деревья жалостно стонали; волки выли въ горахъ; иногда раздавался крикъ какой-либо зимней птицы; но, большею частью, ничего не было видно и слышно. Намъ было очень трудно идти, потому что постоянно тонули въ снѣгу. Молодцы мои просили, чтобы я завелъ ихъ на Среднюю гору, но мнѣ не хотѣлось исполнить этого ихъ желанія по различнымъ причинамъ.—«Если мы пойдемъ по Средней горѣ, то Турки очень легко могутъ насъ разбить», сказалъ я.—«Лучше пусть Турки перебьютъ насъ, чѣмъ умирать съ холоду», отвѣтили мнѣ. Признаться, и самъ я мало вѣрилъ, что мы могли выдержать эту суровую зиму.—«Отпусти, по крайней мѣрѣ, семь—восемь человѣкъ изъ насъ на Среднюю гору, потому что если мы раздѣлимся, то легче можемъ прокормиться», убѣждалъ меня мой знаменосецъ. Понятно, что сами обстоятельства заставили меня согласиться на просьбу дружины. Позвалъ я ребятъ и сказалъ имъ: «позволяю вамъ идти на Среднюю гору, но прошу васъ не говорить никому, гдѣ я остался и въ которую сторону пошелъ... Кто желаетъ идти съ знаменосцемъ, тотъ пусть отой-

*

деть въ сторону». Отдѣлилось шесть человѣкъ. Мы распрощались. Втеченіе цѣлой ночи мы едва прошли триста шаговъ; вѣтеръ носилъ насъ по своей волѣ и перекидывалъ очень легко и очень часто. Уже на разсвѣтѣ мы набрели на пустую овчарню, въ которой нашли временной отдыхъ. Развели огонь, разогрѣлись и развеселились. Вечеромъ погода поправилась и мы пошли впередъ. Прошли четыре деревни: Казосмодіе, Твердицу, Жомали и Терзобасъ. Втеченіе слѣдующаго дня мы остановились въ Бинкозскомъ проходѣ. На третій день прошли Турецкія деревни: Чочовене, Дермендере, Касамово и Чеирлій. Въ послѣдней деревни мы взяли немного муки и пошли въ Чйогменъ-ташъ, гдѣ и просидѣли цѣлый день, а вечеромъ прошли мимо Сливна. Вышелъ я на Сливненскую гору, которая называется Болгарская или Дивѣшка-осойна или Тонки-рътъ (Тонкая возвышенность). Извѣстивъ моихъ Сливенскихъ пріятелей, гдѣ я нахожусь, я просилъ ихъ придти повидаться со мною. Пришло нѣсколько человѣкъ и принесли намъ хлѣба, водки и свѣжихъ сельдей. Я зналъ, что въ Черныхъ-Камняхъ есть одна пещерка и задумалъ тамъ спрятаться. Здѣсь провели мы около 20 дней; затѣмъ отправились въ Рамаданъ, гдѣ провели и прошлую зиму. Послалъ двухъ человѣкъ къ Паскалу въ Глушникъ—пригласить его придти ко мнѣ. Когда Паскалъ встрѣтился со мною, то первыми его словами были: «О, Панайотъ, Панайотъ! давно я не видѣлъ тебя такъ разстроеннымъ и такъ задумчивымъ. Зима ли тебя обожгла, или путешествіе тебя заморило?... А гдѣ твой знаменосецъ? Гдѣ твои молодцы? Не подрались ли гдѣ нибудь съ Турками?» Я объяснилъ ему, что зима и Болгарскіе выродки—главная причина, которая довела меня до этого жалкаго положенія.—«Наши чорбаджіи хуже самихъ Турокъ и фанаріотовъ, прибавилъ я. Знаешь ли ты, что нѣсколько чорбаджіевъ изъ Елены безъ малаго насъ не продали за 30 сребренниковъ? А называются еще Болгарами и православными христіанами! Сдѣлаться предателемъ, убить ближняго и натворить зла своимъ братьямъ, православнымъ христіанамъ, это для нихъ очень обыкновенная вещь и естественное дѣло!.. Но дай Богъ быть здоровыми!... Если Богъ не отомститъ имъ, то отомстимъ имъ мы».—«А гдѣ ты думаешь провести зиму»? спросилъ Паскалъ.—«Я думаю провести ее здѣсь», отвѣтилъ я.—«Здѣсь хорошо... Какъ провели прошлую зиму, такъ проведете и нынѣшнюю. Я буду помогать вамъ», замѣтилъ этотъ добрый человѣкъ и народолюбецъ.

Прошла зима и началась весна. Былъ день Благовѣщенія. Одинъ изъ нашихъ пріятелей извѣстилъ насъ, что мой знаменосецъ и его дружина, кажется, будутъ отданы предателями въ руки Турокъ; поэтому я поспѣшилъ отправить письмо дѣду Георію въ Кортинъ и просить его извѣстить моихъ товарищей о грозившей имъ опасности. Когда наши пріятели нашли знаменосца и его дружину и когда имъ прочли письмо, они улыбнулись и сказали: «Эхъ, Панайотъ изъ пугливыхъ людей!.. Пусть онъ не печалится о насъ». Въ своемъ письмѣ, я совѣтовалъ имъ удалиться отъ Средней горы, потому что Турки уже знаютъ ихъ гнѣздо. Когда возвратились посланные и извѣстили меня о томъ, что имъ сказали наши товарищи, я подумалъ немного и воскликнулъ: «Браво! Пріятно слышать, что между нами

есть люди съ неустрашимымъ сердцемъ». Не прошло и двухъ дней, какъ явились ко мнѣ Паскалъ и Бойчо изъ Калаянова. Лица ихъ выражали испугъ: они были блѣдны и безпокойны.—«Отчего вы такъ испуганы?... Почему вы пришли вооруженными»? спросилъ я.—«Наше дѣло уже кончено... Мы исполнили его»! сказалъ Паскалъ.—«Говорите поскорѣе, что случилось»? спрашивалъ я съ нетерпѣніемъ. Паскалъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: «Вечеромъ я пошелъ въ конакъ по обыкновеннымъ дѣламъ и слышалъ тамъ такія вещи, отъ которыхъ у человѣка волосы дыбомъ становятся. Изъ Ени-Захара пришло извѣстіе, что Турки разбили при Кортинѣ Болгарскую чету, которою предводилъ Никола Аджемъ. Никола схваченъ живымъ; также схвачены живыми и нѣсколько изъ его товарищей. Я боюсь, чтобы не выдали дѣло».—«Не бойтесь», замѣтилъ я.—«Никола не выдастъ насъ; впрочемъ, если и не выдастъ, то и тогда мы не можемъ поправить дѣло». Сію же минуту мы уничтожили свою хижину и пошли на Матейску-Планину. Вотъ, что случилось съ разбитою четою, которою предводительствовалъ мой знаменосецъ. Когда привели Николу въ Сливенъ раненымъ, Турки сказали ему такъ: «Скажи намъ, Никола, все, что знаешь, если не хочешь быть повѣшеннымъ... Мы знаемъ, что ты не виновенъ и что ты работалъ по приказанію другого... Скажи намъ, гдѣ Панайотъ и Стоянъ Папазо-оглу? Если мы схватимъ Панайота, то тебя выпустимъ. Скажи намъ также, кто приносилъ вамъ хлѣбъ и у кого вы скрывались»? Когда мой знаменосецъ услышалъ эти сладкія рѣчи, то, какъ всякій предатель, началъ говорить все. Прежде всего, онъ разсказалъ Туркамъ, что попъ Іорданъ (его дядя) большой патріотъ и человѣкъ безъ страха, что онъ причастилъ насъ въ 1861 г. и благословилъ наше оружіе, и что отъ него мы имѣли большую помощь. Послѣ этого онъ выдалъ дѣда Георгія изъ Кортина, Паскала и Бойча, Георгія (?) и Генча, изъ Крива-Круша. Когда онъ высказалъ все, что зналъ объ этихъ людяхъ, то онъ передалъ, что одинъ Турокъ, по имени Келеджи-оглу, лечилъ нашу чету, что другой Турокъ, по имени Османъ-ага, принималъ насъ, что его сынъ Бозвали — нашъ пріятель, и что сыновья дѣда Георгія помогали намъ очень часто. Словомъ, этотъ безсовѣстный заяцъ выдалъ всѣхъ нашихъ друзей, изъ которыхъ многіе умерли въ Турецкихъ тюрьмахъ. Когда Турки узнали о насъ и о нашихъ друзьяхъ, тотчасъ начали распрашивать Николу и о прошедшемъ. — «Скажи намъ теперь, допытывались Турки, кто отрѣзалъ руки кадію, кто убилъ Топчибилюкъ-баши и убилъ полицейскихъ въ Кишешликѣ? Если ты скажешь намъ правду, немедленно выпустимъ тебя». И нашъ безумецъ повѣрилъ имъ и отвѣчалъ: «Все это сдѣлалъ Панайотъ».—«Скажи намъ теперь, спрашивали, затѣмъ, Турки, гдѣ мы можемъ отыскать Панайота»? Никола угадалъ.— «Панайотъ не остается на одномъ мѣстѣ—сказалъ онъ,—но болѣе всего онъ останавливается на Матейской-Планинѣ». Немедленно была выслана на Матейскую-Планину большая команда. Передъ разсвѣтомъ, смотримъ—лѣсъ полонъ людьми! Я тотчасъ же собралъ свою дружину и мы спрятались въ очень хорошемъ мѣстѣ. Въ полдень прошли мимо насъ двое Болгаръ; мы схватили ихъ и распросили, куда они идутъ и кого ищутъ.—«Мы идемъ

отыскивать гайдуковъ, сказали Болгары». — «Кто сказалъ вамъ, что на этой горѣ находятся гайдуки»? спросилъ я. — «Вечеромъ пришли полицейскіе изъ города и заставили насъ идти отыскивать въ горахъ Панайота съ дружиною». — «А много-ли васъ»? — «Всѣ окольныя деревни поднялись на ноги». Узнавъ то, что нужно было мнѣ узнать, я отпустилъ Болгаръ и приказалъ имъ не говорить никому, что они были у насъ въ рукахъ. Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ у насъ былъ разговоръ съ Болгарами, мы положили на огонь хлѣбъ, чтобы онъ испекся; когда мы пошли его брать, то не нашли, — сыщики набрели на него и взяли его. Нужно было бѣжать, потому что команда очень легко могла насъ открыть. Невдалекѣ отъ насъ находилось мѣсто, называемое Сейменскій гробъ или Корита; мѣсто это недоступно и укрѣплено природою. Мы прошли мимо отыскивавшихъ насъ и спрятались въ этомъ мѣстѣ. Много разъ полицейскіе проходили мимо, но ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ насъ. Вечеромъ поселяне возвратились въ деревни, но оставили часовыхъ караулить лѣсъ. Ночь была очень темная. Нужно было бѣжать и съ занятаго нами мѣста; но темнота не дозволяла намъ пройти сквозь густой лѣсъ и глубокіе овраги. Нужно сказать вамъ и то, что мы ознакомились съ этою мѣстностью до такой степени, что свободно могли пройдти между стражами, не бывъ замѣченными, не производя шелеста сухихъ листьевъ подъ ногами, не задѣвая головою вѣтокъ; но темнота могла помѣшать и самому опытному человѣку. Сначала я рѣшился было повести свою дружину и бѣжать; но очень скоро я былъ принужденъ возвратиться назадъ. Долго мы должны были пресмыкаться, какъ змѣи. Въ такомъ положеніи мы были вынуждены переносить голодъ втеченіе цѣлыхъ 24 часовъ. Когда билюкъ-баши (сотникъ) возвратился въ Сливенъ, то паша спросилъ его: «Скажи ты мнѣ, какъ вы не могли схватить этого гяура, когда нашли его хлѣбъ и мѣсто, гдѣ они спали?» Кто-то было объявилъ уже пашѣ, что полицейскіе украли нашъ хлѣбъ. «Мы не могли ихъ видѣть», отвѣтилъ билюкъ-баши. «Если я схвачу тебя за бороду, то сдѣлаю изъ твоихъ костей соль и пепелъ!» вскрикнулъ паша и вскочилъ на ноги. «Какой же ты билюкъ-баши, когда съ 300 человѣкъ ты не могъ поймать нѣсколькихъ гяуровъ!» Выслушавши эти слова, билюкъ-баши немедленно подалъ въ отставку. Послѣ этихъ приключеній; мы спустились внизъ и пошли къ деревнямъ. Бойчо, нашъ новый товарищъ, попросилъ у меня двухъ молодцовъ, чтобы они проводили его до дому. Онъ сообщилъ мнѣ, что имѣетъ сдѣлать кое-какія распоряженія своему сыну, и что, затѣмъ, онъ тотчасъ же возвратится обратно. Вечеромъ ребята возвратились одни и сообщили, что Бойчо передался Туркамъ. Онъ встрѣтился съ нѣсколькими поселянами, которые сказали ему, что возьмутъ его на поручительство и что выпросятъ его у паши. Когда Бойчо услышалъ эти рѣчи, то сказалъ моимъ людямъ такъ: «кланяйтесь воеводѣ и скажите ему, что я передался Туркамъ; а тамъ — что Богъ дастъ». Вотъ еще одно неслыханное чудо! Какъ могъ этотъ умный и разсудительный человѣкъ сдѣлать подобную глупость? Не знаю. Подобныя чудеса случаются у насъ очень часто. Когда Байчо пришолъ въ конакъ, Турки тотчасъ же сдѣлали его

начальникомъ заптіевъ и отправили искать насъ и уничтожить. Въ это самое время правительство издало приказъ, по которому всякій, кто приметъ насъ къ себѣ въ домъ или кто дастъ намъ кусокъ хлѣба, — будетъ лишенъ имѣнія, которое будетъ конфисковано, а самъ онъ отправится въ вѣчную каторгу... Этими средствами правительство заставляло каждаго человѣка быть шпіономъ. Я самъ видѣлъ, что уже ни у кого мы не въ состояніи скрыться; но это было около Юрьева дня, когда гайдуки начинаютъ бѣситься. Зелень и ласточки давали намъ такую смѣлость, что я три раза отправлялъ пашѣ извѣстіе, что я живъ и здоровъ и... Когда Миралай-бей видѣлъ, что жители утомлены поисками за нами и что они потеряли цѣлые дни, недѣли и мѣсяцы, то писалъ въ Адріанополь, чтобы ему выслали 300 человѣкъ низамовъ.

Пошли мы въ Камарскіе виноградники. Паскалъ отошелъ въ сторону и болѣе не возвратился назадъ. Мы кричали, подсвистывали—нѣтъ его. И онъ убѣжалъ! Это происшествіе заставило меня отдалиться отъ Сливнинскихъ горъ и спрятаться нѣсколько подальше. Нужно было отыскать такое мѣсто, которое было бы недоступно для нашихъ непріятелей. Еслибы мы остались въ Сливненскихъ горахъ, то нужно было бы по деревнямъ отыскивать прокормленіе; а поселяне до того были напуганы Турками и нашими предателями, что очень легко могли сами измѣнить намъ. «Подальше, подальше!» вскрикнулъ я. «Наша независимость и свобода должны побѣдить голодъ». Мы уже привыкли переносить всѣ неудобства, спать на голой землѣ, голодать и кормиться желудями. Пришло затребованное Миралай-беемъ войско и стало гоняться за нами. Поведеніе низамовъ было до того смѣшно, что они могли бы сдѣлаться игрушкой даже для дѣтей. Своею музыкою, своимъ топотомъ они намъ давали знать гдѣ находятся, и мы могли ихъ водить за носъ цѣлые мѣсяцы и годы. Спустя немного времени, я отвелъ мою дружину къ Черному морю, къ Русокастро, при Мандра-гіолѣ. Пришли въ овчарню паши, которая называется Джанъ-Кардашъ. Вблизи ея находится густой лѣсъ, въ которомъ мы принуждены были спрятаться. Взяли отъ пастуховъ шесть ягнятъ и 40 хлѣбовъ и ушли; а войско окружило лѣсъ и ждало, чтобы мы вышли и позволили схватить себя. Притомъ же, лѣсъ былъ до того великъ, что его не могло окружить и 10,000-е войско. А Турецкіе молодцы хотѣли его окружить 500-ми человѣкъ. Въ этомъ лѣсу мы прожили три дня, а послѣ отправились къ Карнобату. Пришли на Матейскую-Планину и извѣстились, что Паскаль отдался въ руки Турокъ. Изъ Константинополя отправленъ былъ въ Сливенъ какой-то Миралай-бей, чтобы получше разузнать о нашихъ дѣлахъ, т. е. узнать, революціонеры ли мы, или просто гайдуки, потому что нѣкоторые Турки изъ Сливна писали въ Константинополь, что Болгары бунтуются. Паскалъ передался Миралай-бею. Миралай-бей позвалъ городскаго чорбаджія Димитрія Чернаго, передалъ ему Паскала и сказалъ ему: «возьми Паскала и води его цѣлый день по городу; а передъ вечеромъ приведи его въ конакъ». Въ этотъ же день Миралай-бей дѣлалъ допросъ: «Послушай! я знаю, что ты не-

виновенъ... Разскажи мнѣ, что дѣлаетъ Панайотъ и кто его товарищи? Скажи мнѣ еще, зачѣмъ онъ вышелъ въ горы: обирать ли людей или бунтовать противъ правительства?» Паскалъ отвѣтилъ ему: «прошу васъ, Миралай-бей, подождите до завтрашняго дня... Теперь я немного выпилъ. Завтра все разскажу вамъ». Тогда Миралай-бей сказалъ Димитрію: «Запри Паскала до завтрашняго дня,—а самъ ступай домой и завтра рано явись ко мнѣ». На слѣдующій день Паскалъ уже былъ мертвымъ. Про его смерть говорятъ различно. Одни говорятъ, что его отравили Турки; другіе, что онъ самъ отравился; а третьи утверждаютъ, что его отравилъ народъ. Въ 1862 Болгарская молодежь рѣшилась было работать и избрали Паскала воеводою, до моего возвращенія. Паскалъ зналъ всѣ тайны. Слѣдовательно, когда онъ передался, то молодежь побоялась, чтобы онъ не выдалъ ее и потому отравила его. Но какъ бы то ни было, я оплакалъ Паскала по-братски. Очень жаль было мнѣ этого добраго юнака, который заслуживалъ умереть не такою собачьею смертью. Рѣдко рождаются подобные юнаки! Въ 1863 г. Турецкая имперія была спокойна со всѣхъ сторонъ. Ждалъ я до Петрова дня, что война поднимется противъ Османовъ; но видѣлъ, что жду напрасно, поэтому и двинулся я съ своею дружиною и привелъ ее къ окрестности деревни Врбица (Шумлинскаго округа). На этомъ мѣстѣ насъ нагнало большое войско. Противъ насъ были высланы низамы изъ Сливна и Шумлы. Эти молодцы оглушили насъ своею музыкою, но ни одинъ изъ ихъ числа не посмѣлъ войти въ лѣсъ. Спустя три дня, «храброе» войско возвратилось во-свояси.

VI. Сербія.

Убѣдившись, что нельзя болѣе надѣяться и на Сербію, я рѣшился распустить свою дружину. Однажды я отправилъ нѣсколько Болгаръ въ Котелъ, чтобы они принесли вина, водки, хлѣба и табаку. Эти Болгары были изъ Софійскаго округа, изъ деревни Желѣва, и занимались выдѣлкою досокъ. Отъ этихъ-то Болгаръ я получилъ свѣдѣнія о дорогѣ, ведущей къ Сербіи. Дѣдъ Георгій Симовъ подробно разсказалъ мнѣ все, т. е. онъ объяснилъ мнѣ, сколько встрѣчается по пути карауловъ, какъ онѣ называются и какъ отъ нихъ спрятаться. Тогда я сказалъ Стояну (моему шурину) записать все, что намъ нужно было знать, и приготовить молодцевъ въ дорогу. Одинъ изъ числа дружины, по имени Жельо, воспротивился моему желанію; онъ возражалъ: «Если пойдемъ въ Сербію, то войско уничтожитъ насъ.... Намъ неизвѣстны дороги». Я отвѣтилъ ему: «Еслибы земледѣльцы думали, что въ этомъ году будетъ засуха и неурожай, то остались бы голодными; а если войско пугается смерти, то оно не войско». Жельо замолчалъ и мы отправились къ Сербіи. Спустя 54 дня, мы достигли до Княжевца, который прежде назывался Гургусовацъ. Начальникъ этого города спросилъ насъ: «По какой причинѣ вы пришли въ Сербію?» Понятно, что мы разсказали ему все подробно.— «Мы думали, что Сербія начнетъ воевать съ Турціею и мы готовились

взбунтовать народъ», сказалъ я. Иоцо Наумовичъ (такъ звался этотъ начальникъ) принялъ насъ очень братски и распросилъ, что намъ нужно и гдѣ мы желаемъ жить. Я отвѣтилъ: «Господинъ начальникъ! мы ничего не знаемъ и чему насъ научитъ ваша милость, то мы и сдѣлаемъ. Начальникъ мнѣ отвѣтилъ: «Братъ! Вы имѣете право жить въ Сербіи, гдѣ вамъ угодно: министерство писало мнѣ принять васъ хорошо и отправить васъ, куда вамъ будетъ угодно; но, въ тоже самое время, я долженъ сказать вамъ, что вы должны выбрать такое мѣсто, которое находится отъ границы на 12 часовомъ разстояніи». Услышавъ эти слова отъ начальника, я спросилъ его: «а гдѣ находится воевода Илья, изъ села Малешова?» — «Въ Крагуевцѣ», отвѣтилъ онъ.—«Дайте намъ паспортъ, чтобы поѣхать туда», сказалъ я. Начальникъ приказалъ выдать намъ паспорты и очень дружески распрощался съ нами. Пришли мы въ Крагуевацъ и нашли Илью. Мои товарищи пошли въ Бѣлградъ. а я съ знаменосцемъ х. Димитріемъ остался въ Крагуевцѣ. Здѣсь я познакомился съ г. Цекою, изъ Ломъ-Паланки, и съ воеводою Костою, изъ села Влашка. Г. Цеко отвелъ меня къ начальнику и представилъ меня ему; я разсказалъ, откуда я, по какому дѣлу пришелъ и проч. Прожилъ здѣсь три мѣсяца. Однажды, рано утромъ, пришелъ ко мнѣ полицейскій пригласить меня къ начальнику. «По какой надобности зоветъ меня начальникъ?» подумалъ я и потихоньку шагалъ къ полиціи. Когда вошелъ я въ комнату начальника, онъ, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, спросилъ меня: «что ты дѣлаешь въ Крагуевцѣ?»—«Ничего», отвѣтилъ я.—«А чѣмъ кормишься?»—«Я имѣю средства», отвѣтилъ я.—«Ты ходилъ по кофейнямъ гулять и безпокоить людей», замѣтилъ онъ.—«Съ тѣхъ поръ какъ я родился, не имѣлъ во рту ни вина, ни ракіи».—«Не знаю, мнѣ такъ дано знать изъ полиціи». Въ то самое время начальникъ приказалъ дать мнѣ паспортъ, въ которомъ объявлялось, что меня выгоняютъ въ Паракинъ. Я ничего не отвѣтилъ и взялъ паспортъ. Пошелъ проститься съ Ильею и Цекою. Когда я сказалъ имъ, что̀ со мною случилось, они совѣтовали мнѣ не выходить изъ Крагуевца. «Начальникъ— сумасбродъ», вскрикнулъ Илья, а чиновники его—злодѣи и воришки. Если бы ты подбросилъ полиціймейстеру нѣсколько рублей, то лучшаго гражданина, чѣмъ ты, не было бы. Начальникъ и полиціймейстеръ обдираютъ народъ и дѣлятся между собою». Я не повѣрилъ этому, потому что думалъ, что въ Сербіи нѣтъ дурныхъ людей. — «А ты думаешь, продолжалъ Илья, что въ Сербіи нѣтъ негодяевъ? Если бы высшее правительство знало, что̀ дѣлается въ нашемъ городѣ, то уничтожило бы это зло; но, спрашиваю тебя, кто посмѣетъ разсказать министру, въ какомъ состояніи находится городъ? Всякій боится бѣды».—«Пусть дѣлаютъ, что имъ угодно, а я пойду въ Паракинъ; но удивляюсь Сербіи и ея начальникамъ», замѣтилъ я.—«Такіе начальники очень рѣдки въ Сербіи. Ты не долженъ ходить въ Парачинъ. Останься здѣсь и увидишь, что̀ тебѣ сдѣлаетъ начальникъ? Я отвѣчаю за тебя», увѣрялъ меня Илья.—«Не хочу оставаться здѣсь, чтобы на меня смотрѣли косо».—«Ну-ка, дай мнѣ свой паспортъ посмотрѣть на него», просилъ меня Илья. Когда я подалъ ему паспортъ, онъ спряталъ его въ

карманъ и сказалъ мнѣ: «не пущу тебя на перекоръ полиціймейстеру. Я напишу письмо къ министру». Затѣмъ, я пошелъ въ гостинницу. Сюда пришелъ одинъ парень съ почты и спросилъ: «не желаетъ кто-либо поступить въ почтальоны»? Такъ какъ я былъ крайне огорченъ приключеніемъ съ полиціею, то и отозвался: «Я поступлю», и сейчасъ же отправился на почту. Когда я вошелъ въ комнату почтмейстера, онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и спросилъ.—«Ты желаешь быть почтальономъ?»—«Да», отвѣтилъ я.—«Но вамъ извѣстно, что мы ищемъ собственно ямщика для почтовой гоньбы?»—«Знаю». Почтмейстеръ, посмотрѣвъ на меня еще съ бо́льшимъ удивленіемъ, спросилъ: «а имѣешь ли другую одежду?»—«Имѣю».—«Я спрашиваю тебя объ этомъ потому, что эта суконная одежда, которая стоитъ болѣе 20 червонцевъ, пропадетъ въ одинъ мѣсяцъ и мнѣ жаль ея».—«Нечего бояться», замѣтилъ я, «у меня есть одежда и деньги». Записалъ меня.—«Мѣсячная плата тебѣ назначается по три червонца и одному рублю».—«Будетъ съ меня», отвѣтилъ я. Возвратился въ гостинницу и разсердился еще болѣе. Илья, Цеко и Коста начали осуждать меня за то, что я сдѣлался почтальономъ и тѣмъ осрамлю имя «воеводы».—«Да, ну васъ»! возразилъ я. «Развѣ вы не понимаете, что можетъ выдти отъ того, что я ничѣмъ не занимаюсь? Придетъ полиціймейстеръ, начнетъ говорить то, чего я не люблю, и такъ какъ я не привыкъ терпѣть,..—то и сами вы не будете рады. Скажи онъ мнѣ дурное слово, я не стерплю и хвачу его; а отъ этого произойдутъ очень дурныя послѣдствія. Вы и сами видите, какихъ я молодцевъ водилъ по Балканамъ; вы сами знаете, что я былъ начальникомъ юнацкой четы, которая слушала меня и шла вслѣдъ за мною на жизнь и смерть. Скажите вы мнѣ теперь, могу ли я терпѣть и дозволить какому-нибудь сопливому полиціймейстеру водить меня по полиціи и смѣяться надо мною? Могу ли я дозволить негодяю называть меня пьяницей? Я самъ изъ тѣхъ людей, которые любятъ правду... Только ради этой правды я и сдѣлался гайдукомъ. Лучше сдѣлаться слугою, чѣмъ переносить, чтобы меня называли дармоѣдомъ. Одну зиму, если бы даже камнями нагружали меня, я все-таки вытерплю. Буду выносить все,—я уже далъ слово». И такъ, я прослужилъ на почтѣ два съ половиною мѣсяца. Пришло Благовѣщеніе. Мы сами рѣшили ждать Юрьева дня. Х. Димитрій находился въ то время въ одной деревнѣ, которая называется Кникъ. Я послалъ одного человѣка позвать его въ Крагуевацъ. Мы условились съ Ильей выдти на зиму въ Балканы; но когда пришелъ х. Димитрій и мы спросили стараго воеводу, будетъ ли онъ съ нашею четою, — онъ отвѣтилъ, что не можетъ.—«Научи, по крайней мѣрѣ, насъ, что́ дѣлать», сказалъ я.—«Я ни чему не могу научить васъ», отвѣтилъ Илья.—«Если не пойдетъ Илья, то не пойти ли ужь мнѣ?» сказалъ Цеко.—«Нѣтъ необходимости и тебѣ идти», замѣтилъ я. Если Илья—старый и извѣстный воевода, не желаетъ идти съ нами, то не нуженъ намъ и ты. Сербія, какъ видно, не желаетъ воевать, а если это такъ, то наше положеніе не очень завидное. Я пойду съ х. Димитріемъ въ Бѣлградъ и оттуда извѣщу васъ, что дѣлать». Отправились съ х. Димитріемъ въ Бѣлградъ и нашли свою дружину. Рѣшили отправить х. Димитрія въ Валахію, чтобы тамъ пе-

реговорить съ Раковскимъ и спросить его. можно-ли оттуда дѣйствовать въ пользу нашего порабощеннаго отечества. Я рѣшился-было уже отправиться въ Балканы и, поэтому, просилъ х. Димитрія собрать въ Валахіи маленькую чету, перейти Дунай и встрѣтиться со мною на Озанѣ. Я рѣшился ждать отвѣтъ отъ х. Димитрія въ Бѣлградѣ десять дней; но прошло и двадцать, а отъ него не было ни письма, ни извѣстія. Согласились съ дружиною взять паспорты, чтобы отправиться вовнутрь Сербіи, будто-бы для покупки овецъ, и условились встрѣтиться въ Зайчарѣ. Въ это время Сербское правительство строго оберегало границы. чтобы кто либо не прошелъ въ Турцію и особенно съ четою.

Въ Бѣлградѣ мы встрѣтились съ И. Куршовскимъ, родомъ изъ Елены, который объявилъ мнѣ о своемъ желаніи идти со мною. Мнѣ было очень лестно, что такой ученый человѣкъ желаетъ идти со мною; но я долженъ былъ ему сказать: «Лучше не ходи съ нами, а то тебя провозгласятъ гайдукомъ». Куршовскій на это отвѣтилъ мнѣ: «пусть прозываютъ... пусть говорятъ, что́ кому угодно; наше сердце знаетъ, что мы не разбойники, а представители народа, воины.... Наша чета, во всякомъ случаѣ, чета народная». Послѣ этихъ словъ я еще болѣе полюбилъ этого молодца. Въ Бѣлградѣ мы устроили слѣдующій планъ. Куршовскій долженъ былъ отправиться на пароходѣ, пройдти черезъ Елену, Габрово, Сливенъ и проч. и извѣстить нашихъ друзей о томъ, что я собираюсь опять въ Балканы. Нужно было повидаться и уговориться. Иванъ отправился, чтобы выполнить это порученіе, а я возвратился въ Паракинъ и встрѣтился тамъ съ воеводой Костою. Отсюда мы отправили шесть молодцевъ впередъ, а съ нами пошли другіе десять. Нужно было собраться въ Зайчарѣ; но Зайчарскій начальникъ поставилъ вокругъ города стражу, чтобы схватить насъ и отнять оружіе. Въ Зайчарѣ мы не имѣли много друзей. Дѣдъ Иванъ послалъ одного человѣка встрѣтить насъ и сказать намъ, чтобы мы не являлись въ городъ. Скажу нѣсколько словъ объ этомъ дѣдѣ Иванѣ. Дѣдъ Иванъ принадлежитъ къ числу тѣхъ людей, которые посвятили всю свою жизнь Болгаріи и ея свободѣ. Право, и не знаю, что болѣе сказать объ этомъ человѣкѣ. И такъ, мы прошли мимо Зайчара и Тимока, прошли границу и остановились. Прежде чѣмъ вступить въ Болгарію, мы выбрали своимъ воеводою Косту и поклялись слушаться его. На другой день одинъ Болгаринъ, изъ деревни Бойницы, передъ тѣмъ ходившій въ Зайчаръ повидаться съ своими родными, сообщилъ намъ, что наша дружина, которая должна была придти вслѣдъ за нами, арестована Зайчарскимъ начальникомъ и обезоружена. Нечего было ожидать. Нужно было идти впередъ.

VII. Новыя невзгоды.

Пошли мы внизъ по Дунаю, мимо Акчаръ-Паланки, дошли до рѣки Ломъ, прошли ее и скрылись въ Кеселовскомъ лѣсу. Отдохнувъ и купивъ себѣ продовольствія, мы отправились къ деревнѣ Вираницѣ, прошли черезъ деревни: Бѣла-Рикса или Каменная Рикса, затѣмъ Превалу, Влашко,

родомъ изъ которой былъ нашъ храбрый воевода Коста. наконецъ, Кипаровцы (Чипоровцы) и вышли въ Балканы, которые въ этихъ мѣстахъ называются Три-Чуки. На этомъ мѣстѣ находится каменный крестъ. про который разсказываютъ, что онъ поставленъ какимъ-то Русскимъ консуломъ (?). Отъ этой горы мы отправились въ Пиротскій округъ. пришли къ деревнѣ Дойкинцы. прошли черезъ Высошскія села и остановились при деревнѣ Гинцы, которая лежитъ близъ дороги, ведущей изъ Софіи въ Берковцу. Тутъ мы рѣшили обобрать почту, потому что намъ нужны были деньги на покупку пороха и другихъ вещей. Къ нашему несчастью, почта хотя и прошла, но въ ней мы не нашли ничего такого, чтобы могло обогатить нашъ карманъ. За почтою прошли четыре Турка, которые шли изъ Пазарджика въ Виддинъ. Эти Турки были вооружены съ ногъ до головы и везли разныя разности продавать въ Виддинскомъ округѣ. У нихъ мы нашли 4 ока пороха, отняли у нихъ ружья, ножи и отпустили ихъ. Не прошло и десяти минутъ, какъ на дорогѣ показались еще два Турка, которые были родомъ изъ Враня. Мы захотѣли отнять у нихъ оружіе, но они воспротивились этому, и мы были принуждены сдѣлать по нимъ выстрѣлъ. при чемъ одного убили, а другого ранили. У мертваго нашли 12,000 піастровъ. Въ тотъ же самый день противъ насъ былъ высланъ большой отрядъ и мы были принуждены скрываться во Врачанскихъ горахъ, близъ рѣки Искара. Я предложилъ дружинѣ перейти черезъ эту рѣку и идти прямо къ Траянскимъ горамъ, а оттуда къ Карлову, Калоферу, Габрову, Сливну и проч. Дружина побоялась и не рѣшилась идти со мною въ неизвѣстныя мѣста. Воевода Коста, Петръ Пиротчанинъ и Велко. изъ деревни Турчина. отвѣтили мнѣ отрицательно.—«Братья мои. что же вы дѣлаете? Развѣ мы не обѣщали нашимъ ребятамъ, которые придутъ изъ Валахіи, что мы встрѣтимся въ Балканахъ? Подумайте. что вы послѣ этого дѣлаете. Не честно оставлять своихъ товарищей». Мои слова не были въ состояніи убѣдить товарищей принять предложеніе; самъ же я не желалъ оставить ихъ и искать своихъ старыхъ товарищей. Еслибы я отдѣлился отъ нихъ, мои товарищи подумали бы, что мы разбиты и испугались бы.

Пошли снова въ Виддинскій пашалыкъ. Когда прошли во Врачанскія горы, то вздумали идти въ Каменную-Риксу. Былъ день св. Троицы. Въ названной деревнѣ жилъ одинъ Арнаутъ. который имѣлъ свой хуторъ. Этотъ Арнаутъ поселился въ Каменной Риксѣ во время Бѣлградчицкаго бунта. Болгары разсказали мнѣ. что этотъ злодѣй заставлялъ людей работать ему даромъ. рѣзалъ женщинамъ груди и жарилъ дѣтей на вертелѣ. Пошли въ деревню, схватили его и привели въ горы съ разбитою головой; тутъ начали распрашивать его, почему онъ такъ звѣрски поступалъ съ Болгарскимъ населеніемъ, которое его одѣвало и кормило. Отвратительно было смотрѣть, какъ этотъ изувѣръ дрожалъ передъ нами и просилъ прощенія. Въ карманахъ и въ кисетѣ этого разбойника мы нашли серебряныя запястья. серьги и женскіе перстни. Кому принадлежали эти вещи? По какой причинѣ онѣ находились въ кисетѣ этого разбойника? Все это осталось для насъ тайною, потому что Арнаутъ не хотѣлъ намъ объяснить этого. Когда

мы отправили его къ аллаху, направились черезъ горы къ деревнѣ Превалѣ и пришли въ Пиротскій округъ. Разъ, вечеромъ, на насъ напали Турецкіе заптіи и убили одного изъ нашихъ товарищей, по имени Николу Велешанца. Причиною того, что мы потеряли этого молодца, была оплошность нашей стражи, которая имѣла несчастіе заснуть. Когда раздался первый выстрѣлъ, наша сонливая дружина вскочила на ноги и пустилась бѣжать. Сумка и шинель воеводы Косты остались на мѣстѣ, остались также пистолеты, кинжалы и даже ружья нѣкоторыхъ молодцевъ. Когда мы сообразили, въ чемъ дѣло, я сказалъ воеводѣ и дружинѣ: «Мы должны отомстить за смерть Николы. Давайте вернемся и убьемъ нѣсколькихъ Турокъ». Дружина не согласилась на мое предложеніе, потому что испугалась Турокъ. На слѣдующій день я попросилъ собраться всѣхъ моихъ товарищей. Я сказалъ имъ: «Не стану я болѣе ходить съ вами; не хочу, чтобы люди смѣялись надо мною. Я пойду въ Валахію... Я думалъ, что найду храбрую дружину, а теперь вижу, что я обманутъ: вы—бабы и больше ничего. Кто боится Турокъ, тотъ мнѣ не товарищъ». Часть дружины обратилась ко мнѣ съ слѣдующими словами: «Панайотъ, останься съ нами, по крайней мѣрѣ, до весны. Мы и сами желаемъ идти въ Валахію. Не бросай насъ».—«Не могу я ходить съ подобною дружиною, сказалъ я. Лучше ступайте въ Сербію садить лукъ, чѣмъ ходить въ горахъ и отдавать себя на избіеніе Туркамъ. Вы еще не умѣете стоять на часахъ, а думаете дѣлать Богъ знаетъ что! Надоѣли мнѣ подобные юнаки». Послѣ этого пришли мы къ Сербской границѣ и отдѣлили десять человѣкъ, которыхъ отправили въ Сербію. Я остался только съ пятью товарищами и сдѣлался ихъ воеводою.

Осенью мы опять возвратились въ Зайчаръ. Сряду послѣ прихода нашего въ этотъ городъ, начальникъ арестовалъ насъ. Въ тюрьмѣ мы просидѣли около сорока дней. Нужно вамъ сказать и то, что начальникъ отнялъ у насъ и деньги и, затѣмъ, далъ намъ паспорты для слѣдованія въ Чачакъ. Въ паспортахъ нашихъ, между прочимъ, было сказано, что мы не имѣемъ права выходить изъ Чачака. Коста, Велко и Петръ были отправлены въ другое мѣсто въ середину Сербіи. Начальникъ взялъ отъ насъ около ста червонцевъ, и мы требовали отдать ихъ намъ.—«Ваши деньги останутся въ правительственной кассѣ», замѣтилъ онъ.—«Дайте намъ хоть по одному рублю, потому что нечѣмъ кормиться, пока позаймемся дѣломъ», сказалъ я. Начальникъ разсердился и вскрикнулъ: «вотъ сейчасъ передамъ васъ Туркамъ, чтобы васъ повѣсили! Просите милостыни и кормитесь подаяніемъ, пока найдете себѣ дѣло, Цыгане вы этакіе!» Услышавъ эти оскорбительныя рѣчи, мы переглянулись и закусили губы. Димитрій шепнулъ мнѣ на ухо: «еслибы не спрятали часть денегъ, то пришлось бы просить милостыню, или продать свое оружіе».—«Молчи, чтобы не услышалъ тебя этотъ проклятый начальникъ, а то отниметъ и остальныя деньги».—«А если начнутъ обыскивать, то должны ли мы позволить имъ раздѣвать насъ до-нага?» спросилъ Димитрій.—«Нечего дѣлать. Молчи...» — «Братъ ты мой, Понайотъ, убьемъ этого проклятаго начальника и убѣжимъ въ Болгарію».—«Молчи, Димитрій, и не говори такихъ словъ», замѣтилъ я.—«Я не могу стерпѣть», возразилъ Димитрій; «выстрѣлю—и маршъ черезъ границу.

Отъ Зайчара до границы нѣтъ и часу разстоянія».—«Послушай меня, Димитрій», убѣждалъ я. «Мы—Болгары, слѣдовательно мы должны быть скромнѣе и осторожнѣе. Если разойдется молва, что мы убили начальника, то каждый скажетъ: «вотъ каковы Болгары». А подумай-ка хорошенько, сколько Болгаръ проживаетъ въ Сербіи, добывая себѣ здѣсь свой насущный хлѣбъ! Если мы сдѣлаемъ зло, то и ихъ начнутъ укорять. Мы должны потерпѣть, и если Богу угодно, и мы будемъ живы и здоровы, то очень скоро можемъ доказать этому начальнику, что Болгарскіе гайдуки не Цыгане и не воры, какъ онъ называетъ насъ, а истинные патріоты, которые готовы положить головы свои за свое милое отечество». Отсюда мы съ Димитріемъ отправились въ Чачакъ. Спустя три дня, я пошелъ къ Чачацкому начальнику, чтобы представиться ему и испросить паспортъ на поѣздку въ Бѣлградъ. Начальникъ, посмотрѣвъ на наши паспорты, сказалъ: «не могу дать вамъ паспортовъ, потому что Зайчарскій начальникъ ограничилъ вашу свободу. Я совѣтую вамъ приняться за какую-либо работу, потому что у насъ не дозволяется сидѣть безъ дѣла. Найдите себѣ занятіе, чтобы васъ никто не безпокоилъ». Я возвратился къ Димитрію и передалъ ему, что сказалъ мнѣ начальникъ. Нанялись мы въ одну гостинницу: я—готовить кушанье, а Димитрій—печь хлѣбъ. Намъ платили по 60 піастровъ въ мѣсяцъ. Когда мы прожили въ гостинницѣ около двухъ мѣсяцевъ, однажды хозяинъ, пригласивъ меня къ себѣ, сказалъ: «ты, братъ Панайотъ, не долженъ быть слугою. Я удивляюсь, какъ ты дошелъ до такого положенія, чтобы сдѣлаться слугою! Ты—вѣрный и способный человѣкъ, и мнѣ стыдно платить тебѣ по 60 піастровъ».—«Не заставляй меня, Христо, разсказывать вамъ свою исторію: она продолжительна и пространна; ты можешь даже испугаться меня. Если ты доволенъ моею службою, я останусь у тебя и не спрашивай меня ни о чемъ; а если не доволенъ, позволь мнѣ уйдти. Я буду тебѣ служить честно...» Онъ замолчалъ. Спустя нѣсколько дней, этотъ благородный человѣкъ опять обратился ко мнѣ съ такими словами: «скажи мнѣ, почему ты не желаешь, чтобы мы сдѣлались компаньонами? Я не могу держать тебя за такую плату».—«Мнѣ не нужно ни денегъ, ни богатства», объяснилъ я: «думаю оставаться у тебя только до Юрьева дня, а тамъ—что̀ Богъ дастъ! Я и самъ не знаю»...—«Я буду признавать тебя своимъ компаньономъ и буду тебѣ платить часть своего дохода. Въ этомъ году я думаю жениться и приняться еще за другую торговлю; а ты останешься полнымъ хозяиномъ въ гостинницѣ. Я не имѣю въ виду лучшаго человѣка, чѣмъ ты».—«Не безпокойся о моей службѣ; я лучше буду беречь твое имѣніе; ты и самъ уже видѣлъ, что я работаю, не какъ слуга, а какъ компаньонъ. Когда кончится дѣло, дай мнѣ сколько тебѣ угодно будетъ; а если не буду служить тебѣ вѣрно, то ничего не плати мнѣ». И такъ, мой хозяинъ далъ мнѣ полную свободу управлять его гостинницей. Въ опредѣленной день мы свели счеты и нашли, что заработали 120 червонцевъ. Этотъ добрый человѣкъ далъ мнѣ 30 червонцевъ, т. е. ¼ часть дохода и попросилъ меня остаться при немъ и дѣлить всѣ доходы по-поламъ; но я не согласился, потому что мнѣ не хотѣлось подавать кушанье и питье всевозможнымъ пьяницамъ, которые чванились передо

мною своимъ... Я сошелся съ нѣкоторыми Болгарами-огородниками и присталъ къ нимъ,—не принимая, впрочемъ, участія ни въ ихъ выигрышѣ, ни въ проигрышѣ—за 30 червонцевъ на все лѣто. Новый мой хозяинъ былъ изъ Лѣсковца; звали его Нико Статеновъ. Прожилъ я у него цѣлое лѣто. Осенью 1865 г. хозяинъ одного огорода пожелалъ уѣхать въ Терновъ, но не имѣлъ въ виду человѣка, котораго бы могъ оставить на своемъ мѣстѣ. Лучшіе изъ его людей хотѣли ѣхать съ нимъ, потому что ни одинъ изъ нихъ не ѣздилъ домой уже четыре года. Я взялся быть хозяиномъ въ его отсутствіе. Хозяинъ приказалъ всѣмъ слушаться меня, и я долженъ былъ платить имъ жалованіе изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи лука, который былъ оставленъ въ мое распоряженіе. Единственная награда, какую я желалъ получить отъ хозяина, были вѣсти изъ дорогого отечества, которыя онъ долженъ былъ принести мнѣ.

VIII. Бухарестскіе Болгары и Раковскій.

Разнесся слухъ, что Румынскій князь Куза изгнанъ, что Турція протестуетъ и желаетъ занять Румынію своимъ войскомъ. Это происшествіе заставило меня поэнергичнѣе хлопотать въ пользу своего порабощеннаго отечества и подумать, нельзя ли для этой цѣли воспользоваться обстоятельствами. Взялъ я паспортъ на поѣздку въ Румынію для покупки огородныхъ сѣмянъ. Я пріѣхалъ въ Бухарестъ 22 мая 1866 г. Прежде всего, я пошелъ повидаться съ Раковскимъ и посовѣтоваться съ нимъ, что̀ дѣлать и что̀ предпринять. Нужно сказать, что въ то время только Раковскій работалъ въ Бухарестѣ явно въ пользу Болгаръ, т. е. только онъ дѣйствовалъ въ пользу Болгарскихъ интересовъ. Раковскій принялъ меня по-братски и съ большою радостью. Когда начали говорить о нашихъ домашнихъ дѣлахъ и объ освобожденіи нашего отечества, Раковскій передалъ мнѣ, что Румынскій министръ Братьяно приходилъ къ нему и спрашивалъ его, можетъ ли онъ собрать добравольцевъ и помогать Румынамъ въ томъ случаѣ, если Турецкія войска перейдутъ Дунай. Раковскій отвѣтилъ: «дайте мнѣ все нужное и я въ пять дней соберу вамъ 5,000 Болгаръ, съ которыми натворю чудесъ». Вернувшись домой, Братьяно перемѣнилъ свои планы. Мнѣ сообщили, что одному извѣстному лицу онъ вотъ что сказалъ: «Если дадимъ Раковскому средства, то онъ можетъ ихъ употребить въ свою пользу. Съ 5,000 вооруженныхъ людей Раковскій можетъ надѣлать и намъ много непріятностей (?). Мы должны прогнать отсюда этого опаснаго человѣка, и, затѣмъ, пригласимъ собраться волонтеровъ. Сегодня приходилъ ко мнѣ одинъ Болгаринъ, который совѣтывалъ мнѣ беречься Раковскаго». Понятно, что этотъ Болгаринъ былъ или И. К...въ, или И. Г...въ. К...ву и Г...ву не нравился Раковскій, потому что онъ былъ умнѣе и дѣятельнѣе, а ограниченные и лѣнивые люди почти всегда бываютъ завистливы, мстительны и злы. Многіе Болгары начали приходить къ Раковскому спрашивать его, когда онъ начнетъ вербовать волонтеровъ; полиція, между тѣмъ, пустила въ ходъ множество шпіоновъ, которые всѣми силами преслѣдовали этого патріота. Разъ

Раковскій пригласилъ меня отправиться къ (племяннику его) Николаю Балканскому, въ его имѣніе, чтобы не быть на глазахъ полиціи. Раковскій получилъ письмо отъ К...ова, въ которомъ тотъ ему писалъ: «Берегись, тебя разыскиваетъ полиція. Смотри, какъ бы ты не обманулся, ходя ночью по Бухаресту». Раковскій, который привыкъ уже къ преслѣдованіямъ то со стороны Турокъ, то Нѣмцевъ, то Румынъ, то, наконецъ, Сербовъ, такъ какъ онъ подвергался гоненію за свои политическія убѣжденія и революціонныя дѣйствія, послушалъ К...ва и рѣшился бѣжать изъ Бухареста. Какъ-то Раковскій позвалъ меня и сказалъ: «Панайотъ, я принужденъ бѣжать изъ Бухареста и ѣхать въ Браиловъ. Если меня будутъ преслѣдовать и въ Браиловѣ, то надо будетъ бѣжать въ Россію. Какъ бы то ни было, если Румуны пожелаютъ схватить меня и выдать Туркамъ, то я не отдамся живымъ въ ихъ руки... Я заварю имъ такую кашу, которую не въ состояніи будутъ переварить даже и самые лучшіе желудки!.. Пусть только наложатъ руки свои на меня и тогда увидимъ, что такое Раковскій! Ну, Панайотъ, поѣдемъ въ Браиловъ, и когда увидимъ, что тамъ ничего нѣтъ, возвратимся обратно, а если увидимъ, что намъ грозитъ какая нибудь опасность, то убѣжимъ въ Россію». Само собою понятно, что я долженъ былъ послушать этого Болгарскаго патріота и исполнить его желаніе. Раковскій въ то время уже довольно постарѣлъ (имѣя около 48 лѣтъ) и страдалъ чахоткой, слѣдовательно, я долженъ былъ ему помочь, гдѣ и чѣмъ возможно. Мнѣ было жаль смотрѣть, какъ этотъ патріотъ боится, чтобы Румынская власть не выдала его Туркамъ, и потому я употребилъ всѣ свои силы, чтобы успокоить его.—«Власть не смѣетъ передать тебя Туркамъ; а если случится противное, то мы будемъ защищаться, какъ львы. Я поѣду въ Браиловъ вмѣстѣ съ тобою; а если же Браиловская полиція посмѣетъ тронуть тебя, я устрою такую комедію, которая разнесется по всѣму свѣту. Политическіе преступники безопасны и въ Азіатскихъ государствахъ; а Румынія конституціонная и христіанская держава». Поѣхали въ Браиловъ и повидались съ Болгарами. На слѣдующій день къ намъ явились наши лучшіе друзья, напримѣръ: х. Радушъ, х. Христовъ и докторъ Мирковичъ, и сказали намъ, что полиція преслѣдуетъ насъ и что мы должны спрятаться, чтобы не быть схваченными. Раковскій отвѣтилъ: «Пусть придутъ и узнаютъ, что Раковскій не боится того, что заяцъ топаетъ ногою». На слѣдующій день мы отправились въ Галацъ. Раковскій пошолъ въ Русскому консулу въ этомъ городѣ, чтобы подписать свой паспортъ, и объявилъ ему, что Румынское правительство преслѣдуетъ его.—«Отправляйтесь въ Россію, сказалъ ему консулъ, потому что теперь въ Румыніи не существуетъ ни порядка, ни честности, ни правды. Румынское правительство не можетъ защищать самого себя, а ты хочешь, чтобы оно защищало и тебя, и меня! Я—консулъ, но не имѣю войска, чтобы драться съ властью». Раковскій возвратился и разсказалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ консула; я посмѣялся надъ нимъ и замѣтилъ, что консулъ пуще нашего испугался. Прошедши мимо Галаца, мы направились къ Бѣлграду черезъ поля и рѣку Прутъ. Когда мы пришли къ Русской границѣ, козаки приняли насъ какъ родные братья. Въ Кубеѣ

мы сдѣлали стоянку, потому что Раковскій очень сильно заболѣлъ. Онъ пролежалъ цѣлыхъ 20 дней. Когда ему сдѣлалось немного лучше, мы пошли въ Кипріяновскій монастырь, который находится близъ Кишинева. Этотъ Болгарскій монастырь очень богатъ. Я остался въ монастырѣ, а Раковскій поѣхалъ въ Одессу, чтобы перемѣнить свой паспортъ, повидаться съ Н. М. Тошковымъ и попросить у него помощи для будущихъ нашихъ предпріятій. Раковскій думалъ составить четы и разослать ихъ по Болгаріи. Спустя мало времени, Раковскій возвратился назадъ и разсказалъ мнѣ о своихъ дѣлахъ. «Тошковъ сообщилъ мнѣ, сказалъ Раковскій, что не можетъ помочь мнѣ. Я попросилъ у него 10,000 руб. сер., но не могъ получить ни одной тысячи. Онъ сказалъ мнѣ, что въ этомъ году потерялъ 200,000 руб. и что торговля его не идетъ. Далъ мнѣ только 800 руб. А что̀ я могу сдѣлать съ 800 руб.?»—«Что мы должны теперь предпринять»? спросилъ я.—«Я думаю, что мы должны ѣхать въ Бухарестъ. Румыны выбрали себѣ князя изъ Германіи; а этотъ князь, какъ мнѣ кажется, будетъ лучше Кузы. Постучимся и въ его двери... Болгары должны испытать всѣ средства». Изъ монастыря мы направились къ Кишиневу. Проѣхали черезъ Комратъ, Кубей, Болградъ, деревню Тумарево и пришли въ Галацъ. Когда отдохнули немного, пошли затѣмъ, въ село Цыганку, т. е. въ имѣніе Николая Балканскаго, гдѣ и провели зиму. Г. Балканскій обѣщалъ кормить нашихъ лошадей и насъ самихъ безплатно. Въ это время Румынское правительство распускало волонтеровъ, собранныхъ во время революціи. Между волонтерами находилось очень много нашихъ Болгаръ. Румынское правительство обратилось къ болѣе образованнымъ Болгарамъ, дало имъ по 20 или 30 червонцевъ, и они составили тайный комитетъ, навербовали простыхъ Болгаръ и велѣли имъ приготовиться, предупреждая, что имѣетъ нѣчто произойти. Понятно, что все это была ложь, которая была полезна только К....ву, Г....ву, Д....ди и др. Когда мы прибыли въ Бухарестъ, Раковскій, вышедши въ городъ, встрѣтилъ К....ва и спросилъ его: «послушай Иванъ! Зачѣмъ вы приводили людей къ присягѣ и почему обманывали ихъ? Скажи мнѣ, есть ли у васъ какая-либо система, или вы работаете безъ цѣли?». Иванъ К....въ отвѣтилъ ему: «прежде всего ты долженъ присягнуть, и тогда скажу тебѣ». Раковскій, какъ извѣстно, былъ очень вспыльчивъ,—и началъ ругать и его, и комитеты, и тѣхъ, которые ихъ составляли. Въ гостинницу онъ вернулся очень разсерженнымъ и разсказалъ мнѣ все.—«Не сердись, г. Раковскій, убѣждалъ я. Если сердиться на каждую глупость, то давно бы пришлось распрощаться со свѣтомъ». Понятно, что рѣчи мои говорились только для утѣшенія,—я сердился болѣе самого Раковскаго.—«Братъ ты мой, Панайотъ, какъ мнѣ не сердиться! Развѣ когда-либо я надѣялся, что К....въ—это ничтожное созданіе, котораго я кормилъ, одѣвалъ и любилъ,—дерзнетъ шутить со мною! Развѣ я могъ думать, что у него такое мерзкое сердце! Спрашиваю его, что происходило во время моего отсутствія, а онъ заставляетъ меня присягнуть, и тогда скажетъ мнѣ! Братецъ ты мой, я присягалъ болѣе 100 разъ служить вѣрно отечеству, а теперь дошелъ до такого униженія, что этотъ улич-

никъ, который былъ моимъ слугой, котораго я одѣвалъ и кормилъ, дерзнулъ спросить у меня присяги въ томъ, что я буду вѣрнымъ отечеству! Я зналъ уже все, но мнѣ хотѣлось узнать и отъ К...ва, въ чемъ дѣло. Я давно уже зналъ, что этотъ человѣкъ имѣетъ черное, неблагодарное и злое сердце; но никогда не думалъ, что онъ поступитъ такъ низко».—«Прошу тебя, г. Раковскій, имѣй немного терпѣнія и разскажи обо всемъ подробно», сказалъ я.—«Вотъ, что надѣлали К...въ, Г...въ и еще два негодяя, вскрикнулъ Раковскій. Румынское правительство подкупило ихъ и заставило выдумывать комитеты, приводить простой народъ къ присягѣ, какъ будто Румынія открываетъ войну съ Турціей. Понятно, что правительство употребило ихъ въ свою собственную пользу. Простые люди повѣрили, бросили свою работу и приготовились; а К...въ и его компанія думаютъ, что они сдѣлали неслыханныя чудеса! Когда наступитъ подходящее время, то народъ болѣе не будетъ намъ вѣрить, потому что много разъ былъ обманутъ различными шарлатанами. Они обманывали народъ, будучи подкупленными 20 червонцами. Если бы они могли добыть какое нибудь дѣло для народа, я еще простилъ бы ихъ. Но продавать его за 20 червонцевъ — гнусное дѣло, очень недостойный поступокъ!.. Чтобы народъ не узналъ, кто они такіе, надѣваютъ маски». Втеченіе зимы, съ этими людьми Раковскій очень много ссорился и имѣлъ большія непріятности. К...въ и Г...въ старались унизить Раковскаго, уничтожить его заслуги и стать на его мѣстѣ. Затѣмъ, мы поѣхали къ Н. Балканскому въ его имѣніе. При окончаніи зимы, я приготовился съ тремя четами отправиться въ Балканы. Въ это же самое время К...въ, Г...въ и Д...ди напечатали мемуаръ и нѣсколько брошюръ для Болгарскаго народа, въ которыхъ старались доказать всему свѣту, что имъ извѣстно положеніе народа и его стремленія. К...въ и Г...въ думали, что едва появится въ свѣтъ этотъ мемуаръ, какъ Болгарія будетъ освобождена!

Когда я видѣлъ, что народъ раздраженъ и что Критъ храбро отстаиваетъ свою свободу, я предложилъ Раковскому самому составить нѣсколько четъ и произвести возстаніе. Онъ не одобрилъ моего плана. «Критъ скоро сложитъ оружіе—разсуждалъ Раковскій—потому что никто ему не помогаетъ. Можемъ ли мы воевать, когда у насъ нѣтъ ни пуль, ни пороха, ни предводителей? Г...въ ли съ толстымъ брюхомъ, или Ка...въ съ очками поведутъ войско». — «Мы должны собрать всѣхъ воеводъ, которые живутъ въ Сербіи, Россіи и Румыніи и взяться за дѣло», возразилъ я.—«А откуда денегъ возьмемъ?» спросилъ Раковскій.—«Найдемъ», отвѣтилъ я.—«Не такое время, замѣтилъ Раковскій. Сербія только получаетъ свои крѣпости, слѣдовательно, она, еще втеченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, ничего важнаго не предприметъ противъ Турціи; а наши Бухарестскіе Болгары ждутъ изъ Россіи жаренаго ягненка. Будь увѣренъ, братъ Панайотъ, что теперь ни Россія, ни Сербія ничего не предпримутъ, и сами мы тоже не въ состояніи ничего сдѣлать».—«Если это такъ, то, проэктировалъ я, соберемъ денегъ и вооружимъ, по крайней мѣрѣ, тысячу человѣкъ».—«Ничего мы теперь не сдѣлаемъ». Когда я слушалъ рѣ-

чи Раковскаго, не хотѣлъ вѣрить, что это говорилъ Раковскій. Съ Н. Балканскимъ мы уговорились, тайкомъ отъ Раковскаго, попросить у Бухарестскихъ богатыхъ купцовъ пособить намъ купить, покрайней мѣрѣ, 500 ружей и вооружить маленькую чету. Нужно было скрыть это отъ Раковскаго еще и потому, что онъ былъ въ ссорѣ со всѣми Бухарестскими чорбаджіями. И такъ, я рѣшилъ отправиться въ Балканы съ 60 молодцами. Пришелъ день Благовѣщенія. Поѣхали мы въ Бухарестъ; но меня не призналъ ни одинъ Бухарестскій купецъ, хотя я прожилъ тамъ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. Только Балканскій былъ для меня патріотомъ, такъ какъ онъ помогъ мнѣ провести зиму вмѣстѣ съ нимъ. Необходимо было мнѣ съ Болканскимъ явиться передъ свѣтлыя очи Бухарестскихъ Болгаръ, чтобы попросить ихъ участія и этимъ исполнить свой долгъ. Я рѣшился сказать имъ, что отправлюсь въ Балканы бороться противъ Турецкой несправедливости, потому что наше отечество ждетъ отъ насъ большой помощи и каждый Болгаринъ долженъ жертвовать. Послѣ долгихъ мукъ и хлопотъ, я успѣлъ приблизиться къ нимъ и попросить, чтобы они собрали между собою потребную сумму купить оружіе и исполнить свой долгъ. «Если мы не поможемъ сами себѣ, говорилъ я, то ни Россія, ни Сербія не помогутъ намъ». Наши купцы сообщили мнѣ, что они будутъ работать съ Сербіею, съ которою думаютъ составить «южно-Славянскую» державу, т. е. соединить Болгарско-Сербскія силы и составить крѣпкую федерацію. Услышавъ это ихъ мнѣніе, я замѣтилъ: «все это хорошо, но я увѣряю васъ, что Сербія не въ состояніи теперь воевать. Если Сербское правительство обѣщало вамъ что либо, то оно обмануло васъ, потому что вынуждено было обмануть васъ. Я былъ въ Сербіи и знаю положеніе дѣлъ. Пока Сербія не усмирится, она не намѣрена воевать; въ противномъ случаѣ, она была бы невѣроятно недальновидна. Кромѣ того, она управляется такими людьми (Г....нъ, Никола К....чъ, Ц....ъ и проч.), которые мало думаютъ и заботятся даже о благосостояніи своего народа». Господинъ Христо Георгіевъ возражалъ мнѣ: «нечего тебѣ бояться за наши политическія отношенія къ Сербіи. Ты не посвященъ въ кабинетныя тайны. Сербы не обманутъ насъ, потому что ихъ интересы тѣсно связаны съ нашими. Мы отправимъ въ Бѣлградъ депутацію, которая сдѣлаетъ все, что необходимо; а ты иди въ Болгарію и смотри, чтобы народъ не взбунтовался».—«Я отправлюсь въ Болгарію и постараюсь исполнить ваше желаніе; но вы очень хорошо знаете, что моя миссія трудна. Когда я поѣду въ Болгарію, конечно, принужденъ буду драться съ Турками, а это не останется тайною для моихъ друзей. Народъ очень легко можетъ взбунтоваться. Теперь скажите же вы мнѣ, если взбунтуется какое-либо село или городъ, долженъ ли я помогать своимъ братьямъ, или оставить ихъ, чтобы Турки перерѣзали ихъ»? Христо Георгіевъ отвѣтилъ мнѣ: «Ты долженъ употребить всѣ свои силы к остановить всякую могущую возникнуть вспышку возстанія до того времени, пока мы не условимся съ Сербіею».—«Работайте, какъ вамъ благоразуміе позволяетъ, а мнѣ дай-

*

те немного оружія и отправьте меня въ Болгарію», заключилъ я. Послѣ этого разговора, г. Христо Георгіевъ далъ Балканскому 100 Турецкихъ лиръ, а г. Стефанъ Аженовъ далъ мнѣ 30 лиръ. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ съ юнаками, г. Христо прислалъ мнѣ еще 30 лиръ.

Я приготовился. Василій Левскій былъ выбранъ моимъ знаменосцемъ; Иванъ Куршовскій — писаремъ; Тотьо Филиппъ второстепеннымъ воеводою; Жельо Черневъ—моимъ помощникомъ.

IX. 1867 годъ.

И такъ, я оставилъ Румынію и вступилъ въ предѣлы своего милаго отечества. Балканскій былъ оставленъ въ Румыніи собирать помощь и подослать мнѣ подкрѣпленія. — «Если взбунтуется Ѳессалія и Эпиръ, говорилъ я Балканскому, то должны будемъ взбунтоваться и мы. Я напишу тебѣ съ Балканъ, что ты долженъ дѣлать; а ты смотри, заставь Болгаръ давать денегъ». Прошли черезъ Дунай у Тутракана и въ 13 дней дошли до Балканъ. Каждый изъ Болгаръ уже зналъ о томъ, что въ то время было зарѣзано нѣсколько Турокъ. Дѣйствительно, эти Турки были зарѣзаны совершенно напрасно; но, нужно говорить правду, могли ли мы поступить иначе? Если бы мы выпустили ихъ живыми, то не могли бы спасти своихъ головъ? Турки могли бы дать знать о насъ войскамъ, расположеннымъ въ Османъ-Пазарѣ, Джумаатѣ, Разградѣ и Шумлѣ, и намъ пришлось бы постоянно съ ними возиться.—«Чѣмъ они будутъ бѣгать да призывать войско, которое будетъ, за нами гнаться по Дели-Орманскимъ равнинамъ и Герлову, то лучше будетъ, если мы ихъ зарѣжемъ», сказалъ я своей дружинѣ, и мы ихъ зарѣзали. Если бы мы были на Балканахъ, то эти Турки остались бы живыми. Мы заняли крѣпкую позицію на рѣкѣ Тичѣ, но силы оставили насъ. Сонъ, голодъ, безпокойство и усталость! Когда мы думали уже сѣсть и отдохнуть, одинъ Турокъ догналъ насъ и спросилъ, откуда и куда мы идемъ? Я приказалъ молодцамъ схватить и связать его. «Куда вы ведете меня» спросилъ онъ.—«Къ полковнику,» отвѣтилъ я. Не узнавши, что мы—Болгары, Турокъ сказалъ: «Отпустите меня, потому что грѣшно водить меня связаннымъ. Развѣ вы не знаете, что мука дана аллахомъ только для гяуровъ? Грѣхъ мучить османліевъ». Услышавъ отъ Турка эти слова, я немедленно приказалъ молодцамъ повѣсить его, чтобы доказать, что муки не даны Богомъ только для гяуровъ.— «Нужно отдѣлить немного мукъ и османліямъ, объяснилъ я Турку, потому что гяурамъ уже очень тяжело терпѣть ихъ». Послѣ того пошли въ Балканы, остановились при селѣ Котлѣ и отдохнули. На этомъ мѣстѣ я оставилъ Цонка Каньова съ восьмью юнаками и приказалъ ему не отдаляться отъ этого пункта. Причина была слѣдующая. Я получилъ извѣстіе, что въ Варнѣ и Тульчѣ нѣсколько горячихъ защитниковъ вообразили, что уже настала ихъ пора и приготовились къ возстанію. Эти молодцы ходили въ Сливенъ, Котелъ, Жеравну и проч. и проповѣдывали народу о возстаніи противъ Турецкаго ига. Товарищи

посовѣтовали пригласить ихъ къ себѣ, потому что Турки очень легко могутъ схватить ихъ. Я приказалъ Цонку принимать только тѣхъ молодцовъ, которые не имѣютъ паспортовъ, а другихъ возвращать обратно и пригласить ихъ до времени поддерживать миръ. Когда мы подошли къ Жеравнѣ, къ намъ прибыли двое туземцевъ: одинъ изъ молодцевъ былъ Христо Дрѣновскій, а другой Иванчо Цанковъ. Поговоривъ съ Дрѣновскимъ, я скоро убѣдился, что эти молодцы не имѣютъ понятія ни о какихъ революціонныхъ дѣлахъ; но я не разочаровалъ ихъ. Дрѣновскаго я принялъ въ дружину, а Цанкова послалъ съ письмомъ къ Балканскому. Когда я пришлъ въ Сливенъ, друзья принесли мнѣ Болгарскую газету «Македонія». Съ удивленіемъ читаю: «чета, которою предводительствовалъ Тотьо, разбита при Вербовкѣ; самъ Тотьо съ остальными товарищами пошелъ въ Балканы», говорилось въ газетѣ. Я полагалъ, что Тотьо придетъ къ назначенному мѣсту при Хаинскомъ проходѣ (Хаинъ-Боазъ), и, поэтому, я отправилъ Желья (съ 20 чел.), чтобы онъ встрѣтилъ Тотьо и если есть раненые, привелъ ихъ ко мнѣ, на Твердишскія горы. Жельо пошелъ, а я остался около Сливна, чтобы повидаться и уговориться съ за-Балканскими Болгарами. Пришли ко мнѣ люди изъ Пловдива (Филиппополя), Ямбола, Карнобата, Желѣзника, чтобы спросить, не пора ли теперь начать возстаніе. Я объявилъ имъ, что теперь не время и, что должно приготовиться къ слѣдующему году. Спустя недѣлю, я снова узналъ, что Тотьо въ другой разъ разбитъ въ Травненскомъ округѣ, при селѣ Еловѣ, и, при этомъ, потерялъ своего писаря. Наша молодежь въ Сливнѣ перепугалась. Разъ вечеромъ, я нашелъ ихъ вооруженными за городомъ, на Болгарской горѣ. Между ними находились жители изъ Пловдива, Желѣзника и Казанлыка. Эти удальцы рѣшились-было собрать поселянъ, ударить на ту часть города, гдѣ живутъ Турки, и поджечь конакъ. «Что вы задумали дѣлать»? спросилъ я.—«Драться за свободу», отвѣтили они. Посмотрѣлъ я на ихъ вооруженіе. Оружіе было старое, патроны нехорошіе, порохъ негодный, а молодцы эти были неопытны. Можно-ли воевать съ подобнымъ оружіемъ? Лично увидѣвъ все это, я совѣтовалъ будущимъ юнакамъ возвратиться назадъ и заниматься своимъ дѣломъ, потому что тогдашнее время не позволяло произвесть возстаніе; но они отвѣтили мнѣ, что боятся возвратиться обратно, такъ такъ писарь Тотья схваченъ и съ нимъ взято также нѣсколько человѣкъ изъ Свищова.—«Если мы возвратимся въ городъ, говорили они, Турки схватятъ и насъ, и мы пропадемъ въ тюрьмахъ».—«Не безпокойтесь», замѣтилъ я.—«Писарь Тотья никого не знаетъ и никого, слѣдовательно, не выдастъ. Кромѣ того, Турки боятся, чтобы не взбунтовался народъ и не могутъ васъ схватить» Молодежь возразила мнѣ: «Почему ты утверждаешь намъ, что не смѣютъ, когда и самъ ты хорошо знаешь, сколько удальцовъ изгнило въ темницахъ послѣ того, когда ты напалъ на конакъ кадія! Ты знаешь также и то, что когда чета Аджема была разбита при Кортинѣ—сколько провинившихся и невинныхъ Болгаръ перемерло въ Турецкихъ темницахъ! А если все это

такъ, то зачѣмъ увѣряешь насъ, что Турки не смѣютъ схватить насъ»? Многіе изъ этихъ молодцовъ плакали и просили меня взять ихъ съ собою. Но въ состояніи ли я былъ удовлетворить ихъ желаніе? Я не могъ позволить имъ начать возстаніе, потому, что народъ не былъ подготовленъ къ этому, и мы не имѣли никакой организаціи. Но поразмысливъ хорошенько, я сказалъ: «Если вы—Болгары и народолюбцы, то прошу васъ возвратиться домой и заниматься своимъ дѣломъ. Я очень хорошо знаю, что Турки теперь и пальцомъ не смѣютъ тронуть васъ, а если случится противное, т. е. если начнутъ ловить васъ, то убѣгайте и приходите ко мнѣ. Если захватятъ и заключатъ васъ, то я рѣшусь сжечь Сливенъ и взбунтовать народъ, а тамъ—что Богъ дастъ. . Вернитесь. Я очень хорошо знаю, что Турки испугались. Они знаютъ, что я сижу здѣсь уже 20 дней, но ни одинъ изъ нихъ не смѣетъ придти и напасть на насъ. 15 дней тому назадъ меня видѣли два Турка, сыновья Диде-оглу, и я сказалъ имъ, что если выйдутъ противъ меня, то зажгу и городъ, и села; а если какой либо Турокъ попадетъ мнѣ въ руки, то не оставлю его живымъ. Они разсказали въ городѣ и въ деревняхъ о томъ, что я заявилъ имъ, и вижу, что мои внушенія подѣйствовали. Я видѣлъ уже, что Константинопольскія газеты говорятъ обо мнѣ. Турки знаютъ, что я давно уже нахожусь въ Балканахъ и боятся, чтобы я не поднялъ возстанія. Не думайте, что кукушка выпила Турецкій мозгъ до капли. Турція боится возстанія, какъ огня». Послѣ большихъ усилій и всевозможныхъ доказательствъ, я убѣдилъ, наконецъ, нашихъ молодцовъ возвратиться домой и ждать болѣе удобнаго времени. Хорошо ли я сдѣлалъ,—этого я и самъ не знаю.

Спустя нѣсколько дней, пришелъ и Жельо, т. е. возвратился съ Твердишской горы, такъ какъ встрѣтилъ тамъ очень большую опасность. Желье не могъ добраться до Хаинскаго прохода, потому что со всѣхъ сторонъ его преслѣдовали очень строго. Я оставилъ Желью въ Сливненскихъ горахъ и приказалъ ему защищать Болгаръ въ томъ случаѣ, если Турки начнутъ ихъ ловить и арестовать; а если ничего не случится, то пусть около Дмитріева дня возвратится въ Валахію. Я рѣшился идти въ Травну, Габрово, Шипку и распрашивать про Татьо и его дружину. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось узнать, въ какомъ положеніи находится народъ въ тѣхъ мѣстахъ. Подошелъ я къ Калифарову и спросилъ Волкана (изъ дер. Кладни-дѣлъ), не видѣлъ ли онъ Тотья. Волканъ разсказалъ мнѣ, что Тотьо остался только съ четырьмя товарищами.—«Я предлагалъ Тотьу», сообщилъ мнѣ Валканъ, «собрать сотню юнаковъ и взбунтовать народъ, но онъ отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ исполнить моего желанія, такъ какъ не имѣетъ на то позволенія отъ главнаго предводителя». Послѣ этого разговора, Тотьо отправился на Среднюю гору. Разставшись сь Волканомъ, я пошелъ въ деревню Горановцы, что у Добре (?), и спросилъ тутъ, не видѣли ли Тотья, но получилъ отрицательный отвѣтъ. Оттуда я пошелъ на Мглишскія горы и остановился на мѣстѣ, называемомъ Болгаркая гора. Здѣсь я узналъ, что

Тотьо пошелъ въ село Шипку; тамъ на него налетѣла полиція, такъ что онъ едва спасъ свою голову. Тотьо убилъ двухъ Турокъ. Видѣлся я съ Болгарами изъ Шипки и узналъ отъ нихъ слѣдующее: «Мы имѣемъ около 600 готовыхъ удальцовъ, да и всѣ мы готовы».—«Такъ, братья, такъ! Желаю видѣть васъ такими всегда!» произнесъ я. «Меня радуетъ ваше родолюбіе, но я долженъ сказать вамъ, что вы должны подождать еще одинъ годъ. Я надѣюсь, что на слѣдующій годъ, съ Божьею помощью, все это будетъ! Потерпите немного!» Затѣмъ, я пошелъ на Карловскія горы. Мой знаменосецъ, который былъ родомъ изъ Карлова, попросилъ меня отпустить его домой повидаться съ матерью. Я позволилъ ему идти, но совѣтывалъ быть осторожнымъ. Онъ пошелъ, просидѣлъ тамъ два дня и возвратился, какъ говорится, только съ половиною души. Въ это время какой-то Турецкій офицеръ попросилъ правительство позволить ему отправиться въ горы и принести наши головы; знаменосецъ мой узналъ объ этомъ и поспѣшилъ извѣстить меня. Сидя однажды на камнѣ и, глядя въ подзорную трубу на широко-разстилавшееся поле, я увидѣлъ этого офицера, шедшаго къ пастухамъ, которые были не Болгары; онъ оставался тамъ до вечера. Вечеромъ я пошелъ къ этимъ пастухамъ, и, схвативъ одного изъ нихъ, спросилъ его, зачѣмъ приходилъ къ нимъ Турокъ. Пастухъ далъ мнѣ такой отвѣтъ: «онъ просилъ у насъ одежды переодѣть свою дружину, чтобы вы не могли узнать ее, и онъ, подошедши къ вамъ, успѣлъ бы переловить васъ».—«Дайте ему свою одежду», замѣтилъ я, отходя отъ нихъ, «но послѣ не сожалѣйте, когда ее возвратятъ вамъ продырявленною нашими пулями». Спустя три дня, вотъ идетъ и самъ офицеръ, переодѣтый въ пастушескую одежду. Этотъ Турокъ думалъ, что мы не узнаемъ его и шелъ къ намъ очень смѣло. Разставилъ я своихъ молодцевъ и приказалъ имъ не стрѣлять, пока я не дамъ имъ къ тому знака. Турки должны были пройдти мимо насъ, слѣдовательно, мы могли разбить ихъ очень легко: дорога была отъ насъ на разстояніи 15 шаговъ. Все это было такъ хорошо... Когда человѣку суждено умереть, никакая сила, повидимому, не въ состояніи спасти его. Турки приблизились къ намъ, не зная, что мы спрятались въ травѣ и ждемъ ихъ съ нетерпѣніемъ. Вотъ они очутились противъ насъ. Я запретилъ молодцамъ стрѣлять, потому что не имѣлъ намѣренія нападать на нихъ; но Турки искали своего счастья и приготовились напасть на насъ. Нужно было драться. Каждый изъ моихъ молодцовъ выбралъ себѣ мѣсто за деревомъ, спрятался тамъ и приготовился. — «Смотрите, прежде всего намъ надо убить офицера, потому что Турки безъ предводителя разбѣгутся и оставятъ насъ въ покоѣ». Едва я выговорилъ эти слова, какъ раздался залпъ молодцовъ, и офицеръ и еще два человѣка низама повалились. Остальные разбѣжались. Отъ этого мѣста мы держали путь къ Троянскому монастырю и пришли къ окрестностямъ Тетевена, возлѣ рѣки Рыбарицы. Мнѣ казалось, что и мы должны дать одну жертву смерти. Скажу вамъ правду, я не вѣрю въ человѣческіе или бабьи предразсудки, но вотъ одинъ весьма удивительный фактъ, кото-

рый смущаетъ меня очень часто! Когда я сказалъ молодцамъ быть готовыми и занять хорошую позицію, они подумали, что я предъизвѣщенъ о какой-либо опасности, которая грозила намъ со стороны Турокъ. Пошли мимо рѣки осторожно. На этомъ мѣстѣ находится очень много сливъ и молодцы мои собирали и ѣли ихъ. Встрѣтили тутъ одного Болгарина изъ Тетевена, несшаго водку своимъ косарямъ. Водку выпила моя дружина, а я, тѣмъ временемъ, бесѣдовалъ съ этимъ Болгариномъ. «Мѣсяцъ тому назадъ», сказалъ Болгаринъ, «Помаки изъ Ловечскаго округа пришли-было изрубить Болгаръ въ Тетевенѣ и разграбить ихъ имущество за то, что они слышали, будто Болгары въ различныхъ мѣстахъ подняли возстаніе съ оружіемъ. Еслибы не пришелъ изъ Ловча мюдиръ и не унялъ ихъ, то, право, не знаю, что могло бы случиться».—«Да развѣ у васъ рукъ нѣтъ, что-ли? Если Турки хотятъ рѣзать васъ, то и вы рѣжьте ихъ. Скажи мнѣ, имѣете вы ружья, или нѣтъ?» спросилъ я.—«Не имѣемъ, да и имѣть не можемъ, потому что Турки обыскивали наши дома и отняли у насъ всякое оружіе», сказалъ Болгаринъ. Оставили мы этого Болгарина и пошли дальше мимо рѣки. Одинъ изъ моихъ молодцовъ, по имени Иванъ Капетанъ, родомъ изъ Тернова, упалъ въ рѣку и промокъ. Когда мы немного прошли, Иванъ захворалъ и началъ кричать, что у него болитъ животъ и его начало рвать. Необходимо было оставаться на одномъ мѣстѣ цѣлыхъ два дня, чтобы вылечить больного; но это оказалось невозможнымъ. Иванъ безпрестанно требовалъ давать ему пить воду, и сначала мы давали понемногу, но когда увидѣли, что Иванъ болѣе не будетъ жить, дали ему волю дѣлать, что угодно. Наконецъ, намъ оставалось: покинуть его живымъ, или отрубить ему голову. Иванъ умолялъ не оставлять его живымъ, чтобы онъ мучился, и мы принуждены были исполнить его желаніе.

Оттуда мы пошли повыше Златицы, гдѣ находился въ одной овчарнѣ Филиппъ Тотьо съ четырьмя молодцами. Тотья мы взяли съ собою и направились къ Етропольскимъ горамъ. Въ этихъ мѣстахъ встрѣтились съ Златицкимъ мюдиромъ и разбили его. Въ тотъ же самый день противъ насъ выслано было большое войско, и мы находились въ очень опасномъ для насъ мѣстѣ. Турки окружили насъ со всѣхъ сторонъ. Я размѣстилъ моихъ юнаковъ и далъ приказъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не сходилъ съ мѣста. Счастье помогло мнѣ убить Софійскаго билюкъбаши; а товарищи убили четырехъ заптіевъ и ранили нѣсколько человѣкъ. Ночью мы отправились къ Врацѣ, прошли мимо Турецкой стражи и дошли до р. Искара. Едва только мы прошли рѣку, какъ насъ опять встрѣтили десять человѣкъ Черкесовъ; мы разбили ихъ и отправились къ Берковцу. Жители деревни Дервенъ предали насъ Туркамъ и тѣмъ запятнали честное имя Болгаръ. Дѣло было такъ. Въ Берковцѣ въ то время былъ архіереемъ киръ Доровей, котораго обыкновенно называютъ Дорчо-эфенди. Этотъ Болгарскій выродокъ надѣлалъ Болгарскому народу много зла: много людей предалъ, многихъ ограбилъ и обезчестилъ этотъ звѣрь, одѣтый въ монашескій подрясникъ. Я и до сихъ поръ не перестаю уди-

вляться Болгарскому терпѣнію! Какъ и до сихъ поръ не нашлось ни одного патріота, который отслужилъ бы панихиду («освѣти маслото») по этомъ Болгарскомъ Туркѣ? Или у насъ нѣтъ ни смѣлости, ни честности, ни юначества? Кто убъетъ Дорча, тотъ пойдетъ прямо въ рай, потому что избавитъ народъ отъ большого зла. Еще не поздно... Дорчо взялъ съ жителей вышеозначеннаго села клятву извѣщать его о всякой Болгарской «гайдуцкой» четѣ, которая бы появилась около ихъ деревни. Простодушные поселяне пошли и извѣстили Дорча, что они видѣли насъ; а Дорчо сообщилъ о томъ Берковскому мюдиру, желая тѣмъ показать, что онъ-молъ вѣрный подданный султана и что выдаетъ Турецкому правосудію Болгарскихъ бунтовщиковъ [1]). Изъ Берковца противъ насъ было отправлено 600 Турокъ, но они ничего не могли сдѣлать намъ,—лишь продержали насъ 36 часовъ голодными. Послѣ этого происшествія, мы пошли по горамъ, достигли горы Три-Чуки и остановились на «Нова-Патека». Тамъ насъ ждали полицейскіе изъ Пирота. Число ихъ достигало до 500 и всѣ были Турки; но мы не встрѣтились съ ними, потому что и имъ не хотѣлось встрѣтить насъ. Цѣлый день мы стояли на горахъ и смотрѣли другъ на друга, и, затѣмъ, каждый пошелъ своею дорогою.

Разскажу теперь про Филиппа Тотья и про его чету, которая была разбита при Вербовкѣ. При отправленіи Тотья изъ Валахіи, я далъ ему оружіе и немного денегъ и наказалъ ему, нигдѣ не теряя времени, идти поскорѣе въ Балканы. Онъ не исполнилъ моего предложенія и почти три дня простоялъ у Свищова. Когда чету его увидѣли три Черкеса, Тотьо приказалъ заколоть ихъ; но, при этомъ, не потрудился убрать тѣла ихъ, какъ слѣдуетъ. Изъ Свищова были отправлены люди отыскивать пропавшихъ Черкесовъ, и когда нашли ихъ, подумали, что ихъ умертвили Турки. Послѣ того Тотьу нужно было бѣжать и спрятаться; между тѣмъ, онъ отправился въ деревню Вербовку и въ ней остановился отдыхать. Однажды, днемъ, вблизи его прошелъ одинъ Турокъ и видѣлъ всю его дружину; но Тотьо опять не принялъ мѣръ предосторожности. Турокъ пошелъ въ близъ-лежащія деревни и разсказалъ о томъ, что онъ видѣлъ. Турки немедленно отправили вслѣдъ за Тотьемъ большое войско; между тѣмъ, Тотьо и его дружина преспокойно отдыхали. Когда Турки приблизились къ нимъ на 20 шаговъ и когда начали спрашивать другъ друга, кто первый рѣшится войдти въ лѣсъ, лишь тогда чета увидѣла, въ какой опасности она находится. Одинъ Турокъ рѣшился войдти въ лѣсъ. Въ это самое время одинъ изъ Тотьовыхъ товарищей, по имени Георгій Велез-

---

[1]) Дорчо выдалъ Туркамъ еще и многихъ другихъ Болгарскихъ патріотовъ. Докторъ Мирковичъ былъ арестованъ по предательству Дорча-эфенди. Разсказываютъ, что этотъ звѣрь совершилъ въ Берковцѣ много злодѣйствъ. Если у какого-либо Болгарина водилось много денегъ, или была молодая жена, Дорчо старался представить его замѣшаннымъ въ народномъ волненіи, чтобы, затѣмъ, получить съ него хорошій выкупъ и т. п.

лія, спалъ подъ деревомъ. Турокъ кинулся къ нему, чтобы схватить его живымъ, но одинъ изъ нашихъ юнаковъ тотчасъ выстрѣлилъ въ Турка и положилъ его на мѣстѣ. Когда раздался первый выстрѣлъ, Турки, по своему обычаю, начали кричать: «урунъ, тутунъ», т. е. лови, бей! Дружинники, не бывавшіе еще въ подобныхъ перестрѣлкахъ, испугались и начали также кричатъ: «убѣгайте, насъ убьютъ!». Тотьо, видя, что не можетъ удержать ихъ, убѣжалъ и самъ. Въ этомъ чудесномъ бою Тотьо остался только съ двѣнадцатью юнаками; но съ ними онъ выдержалъ большую битву. Разумѣется, дружина его пострадала лишь вслѣдствіе того, что дѣйствовала безъ всякаго порядка и предосторожности. Многіе изъ этой дружины были убиты, другіе были ранены; остальные убѣжали, или передались живыми въ руки Турокъ. Тотьо съ своими двѣнадцатью товарищами пошелъ къ Балканамъ, но, потерявъ дорогу, принужденъ былъ оставаться цѣлыхъ двѣнадцать часовъ въ полѣ при одной деревнѣ. Его настигъ посланный отрядъ и принудилъ убѣжать въ лѣсъ и скрыться въ немъ. Въ преслѣдовавшемъ его отрядѣ были и верховые, но они не осмѣлились войти въ лѣсъ и гнаться за Болгарскою четою. Съ обѣихъ сторонъ раздавались выстрѣлы, но безъ вреда для обѣихъ сторонъ. Послѣ этого происшествія Татьо отправился въ горы и дошелъ до с. Ялова. Возлѣ этой деревни жилъ одинъ Татаринъ, къ которому Тотьева дружина зашла напиться воды. Наши дружинники забыли здѣсь одну сумку, въ которой находились различныя военныя принадлежности и какія-то письменныя замѣтки. Нашедши сумку, Турки догадались, что бунтовщики находятся близко. Собрали небольшой отрядъ и окружили лѣсъ. Шесть человѣкъ поссорились съ Татьемъ изъ-за того, что онъ не позволялъ имъ идти къ рѣкѣ (рѣка находилась отъ нихъ на разстояніи 2,000 шаговъ) напиться воды, и, потому, отдѣлились отъ дружины. Между этими молодцами находились: Коста—писарь четы, х. Никола Македонецъ и Георгій Велезлія. Когда они пошли къ рѣкѣ пить воду, остались отдыхать на этомъ мѣстѣ и не хотѣли возвратиться къ Тотьу. Черезъ нѣсколько минутъ они были окружены Турецкимъ отрядомъ. Коста былъ схваченъ раненымъ, трое умерло на мѣстѣ, а двое—Никола Македонецъ и Георгій Велезлія остались живыми и невредимыми. Послѣдніе убѣжали и успѣли добраться до р. Искара; тамъ на нихъ напалъ другой отрядъ, и Георгій былъ убитъ, а х. Никала раненъ. Хаджи Никола добрался раненымъ до Сербіи. И такъ, Тотьо остался лишь съ пятью товарищами. Когда онъ пришелъ на Мглишскую-Планину, именно—на Болгарку гору, то набрелъ на чету, состоявшую изъ Арнаутовъ-Дебралійцевъ, которые были посланы правительствомъ ловить «бунтовщиковъ». Замѣтивъ Арнаутовъ, Тотьо скрылся въ лѣсу и оттуда ружейнымъ выстрѣломъ убилъ билюкъ-баши; въ тоже время одинъ изъ его молодцевъ ранилъ другого Арнаута. Раненый былъ перенесенъ въ Травну. Здѣсь Тотьо потерялъ одного изъ своихъ товарищей, по имени Ивана Пиротчанина, который нѣсколько дней искалъ своей дружины и, не дождавшись ея, ушелъ и самъ въ Сербію. И такъ, Тотьо остался только съ четырьмя юнаками.

Филиппъ Тотьо, родомъ изъ хижинъ Гарци (Терновскаго округа). Теперь [1]) ему 32 г. Тотьо очень добрый человѣкъ, хорошій пріятель, отличный пѣвецъ, народолюбецъ, удалецъ способный и храбрый, но, въ тоже самое время, онъ нетерпѣливъ, рискованно отваженъ и неостороженъ. Сначала, онъ былъ купцомъ, т. е. торговалъ скотомъ. Однажды, дорогою, Турки обидѣли его: отняли у него сто буйволицъ и арестовали его. Когда онъ былъ выпущенъ изъ тюрьмы на свободу, отправился въ Балканы, нашелъ здѣсь моихъ юнаковъ, которые было отдѣлились отъ меня подъ предводительствомъ Аджема и, такимъ образомъ, сдѣлался борцомъ за народное дѣло. Тотьо пріобрѣлъ опытъ въ гайдуцкихъ дѣлахъ, находясь нѣкоторое время въ четахъ подъ предводительствомъ Бойча-воеводы. Упомянутая чета была разбита близъ деревни Кортина; слѣдовательно, Тотьо былъ гайдукомъ только два мѣсяца. Въ этомъ сраженіи Тотьо, раненый, былъ взятъ въ плѣнъ и просидѣлъ въ Сливнинской тюрьмѣ отъ Благовѣщенія до Дмитріева дня. Въ то время все тѣло этого героя было прорѣшечено дробью, одна рука его была нѣсколько искалѣчена и одна нога опасно ранена. Около Дмитріева дня, Тотьо и одинъ изъ его товарищей бѣжали изъ тюрьмы и ушли въ Румынію. Чтобы никто не узналъ его и не передалъ властямъ, онъ перемѣнилъ свое имя и сталъ называться Филиппъ Тотьовъ. Первоначальное его имя было Тотьо Тодоровъ. Послѣ того, онъ съ тремя-четырьмя товарищами еще разъ ходилъ по Балканамъ и прожилъ тамъ цѣлое лѣто. Возвратившись въ Румынію, онъ женился въ Зимничѣ. Въ 1866 г. онъ опять перешелъ Дунай и бродилъ по Терновскому округу. Когда осенью онъ возвратился въ Зимничъ, вслѣдъ за нимъ пришли туда два Турка и предложили полиціймейстеру этого города сто Турецкихъ лиръ, чтобы онъ выдалъ имъ Тотьова. Полиціймейстеръ арестовалъ Тотьова, раздѣлъ его передъ Турками и далъ имъ возможность осмотрѣть его тѣло, чтобы они могли удостовѣриться, онъ ли это. Происшествіе это разнеслось по всей Румыніи. Болгары изъ Бухареста, Гюргева и Александріи протестовали передъ министромъ, и Тотьовъ былъ освобожденъ. Въ 1867 г. онъ пришелъ въ Бухарестъ; тутъ я познакомился съ нимъ и мы поклялись быть братьями. Мы условились гайдуковать по одной командѣ, написать себѣ законъ и управляться такъ, какъ управляются всякія «народныя четы». Покойный Раковскій написалъ намъ маленькій законъ и научилъ насъ, какъ дѣйствовать, чтобы имѣть хорошій успѣхъ.

X. Болгарская чета въ Бѣлградѣ.

Съ Пиротской горы я направился къ Сербіи, перешелъ границу, пришелъ въ Княжевацъ и привелъ свою непобѣдимую чету на зимовку. Когда я дошелъ до Ивановой-Ливады, гдѣ находилась Сербская стража,

---

[1]) «Моето путуване по Стара-Планина» Панайота Хитова напечатано въ 1872 г. *Ред.*

здѣсь встрѣтилъ меня капитанъ и принесъ хлѣба и вина. Этотъ добрый человѣкъ (имени его не помню) принялъ меня братски, освѣдомился, какъ мнѣ живется—можется и спросилъ: «что вамъ нужно, братъ Панайотъ? Не требуется ли вамъ въ чемъ либо помочь?»—«Ничего намъ не нужно; я только желаю поскорѣе быть въ Княжевцѣ и распустить своихъ ребятъ. Нужно получить для нихъ паспорты».—«А поскольку ты имъ платишь въ мѣсяцъ»? спросилъ онъ.—«Что за плата? возразилъ я. Я могу собрать 100,000 Болгаръ безъ денежки. Я долженъ дать имъ только ружья, пороху и обувь». Слыша мои рѣчи, капитанъ не мало дивился и въ заключеніе замѣтилъ мнѣ: «Это очень хорошій признакъ, если наши братья Болгары такъ преданы своему отечеству. Пробудился уже Болгарскій народъ!»... Затѣмъ, капитанъ отвелъ меня въ Княжевацъ. Едва только мы пришли туда, какъ посѣтилъ насъ начальникъ Иоцо Наумовичъ и распросилъ обо всемъ, какъ и что случилось.—«Если вамъ нужно денегъ, сказалъ г. Наумовичъ, то я могу дать немного». Хотя деньги мнѣ и были нужны (я имѣлъ только 20 Турецкихъ лиръ), но я стыдился заявить, что мнѣ нужны деньги. Съ этими 20 лирами я прокормилъ своихъ ребятъ 15 дней, далъ имъ на дорогу по одному р. с. и поручилъ ихъ своимъ пріятелямъ, прося ихъ помогать имъ, гдѣ будетъ нужно. Попрощавшись съ дружиною, я взялъ съ собою Ивана Куршовскаго и Ивана Зирделійскаго и отправился въ Бѣлградъ. Г. Христо Георгіевъ прислалъ мнѣ въ Бѣлградъ отъ «Добродѣтельной Дружины» 50 Австрійскихъ дукатовъ, съ которыми я и продержался зиму.

Въ Бѣлградѣ я нашелъ 15 Болгаръ, бѣжавшихъ изъ Свищова. Турецкое правительство думало, что эта молодежь участвовала въ возстаніи и что она помогала Тотьу и его дружинѣ перейти черезъ Дунай; напротивъ, мы знаемъ, что Свищевское дѣло было не что иное, какъ дѣтская проказа. Когда эти молодые люди прибѣжали въ Бухарестъ, наши богатые купцы отправили ихъ въ Сербію учиться, т. е. послали ихъ изучать военныя науки и приготовиться къ будущему возстанію. Эти молодцы сами отправились къ военному министру и предложили ему слѣдующія условія: 1) составить чету и наименовать ее Болгарскою; 2) опредѣлить нѣсколькихъ учителей, которые бы преподали имъ теорію военныхъ наукъ; 3) Каждому изъ этой четы платить по 60 грошей с. въ мѣсяцъ и давать по пяти кушаньевъ въ день; 4) новые воины должны оставаться (на мѣстѣ) только до м. марта 1868 г.; 5) дать имъ новое приличное платье. Эти молодые люди пришли и ко мнѣ — спросить, не посовѣтую ли я имъ чего либо. Я долженъ былъ высказаться противъ ихъ требованій. «Это невозможно, говорилъ я имъ. Если вамъ дадутъ по одному дукату въ мѣсяцъ и, сверхъ того, особое кушанье, тогда и ихъ войско взбунтуется, и вы должны будете подать въ отставку. Кромѣ того, кто можетъ поручиться, что именно въ мартѣ начнется то счастливое время, котораго ждетъ каждый изъ насъ? Но оставимъ это. Вы уже пришли и договорились съ военнымъ министромъ, слѣдовательно, вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ старательно учиться, повино-

ваться и смотрѣть, чтобы не осрамить Болгарскую молодежь». Итакъ, эта молодежь была принята въ военную службу, стала изучать военныя науки теоретически и практически. Эти 15 Болгаръ писали своимъ пріятелямъ въ Болгарію, приглашая ихъ въ Бѣлградъ, и скоро число ихъ достигло 200. Между ними находилось нѣсколько Босняковъ, Герцеговинцевъ и Черногорцевъ. Спустя немного времени, пришло нѣсколько молодыхъ людей изъ Хорватіи, Далмаціи и отъ Австрійскихъ Сербовъ. Всего собралось около 300 человѣкъ. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, правительство начало платить этимъ молодымъ воинамъ по одному рублю на человѣка и стало кормить ихъ тѣмъ же, что ѣли и обыкновенные солдаты. Наши будущіе воины этимъ были оскорблены. Скоро появилась и другая причина неудовольствія. Одинъ изъ числа учителей, Др...вичъ, когда преподавалъ урокъ изъ географіи, между прочимъ, сказалъ: «До того мѣста, гдѣ говорится «помози Богъ»,—все Сербская земля. Солунь находится въ Старой Сербіи, а Болгарія простирается только отъ Тернова до Варны». Молодые Болгары, услышавъ это, оскорбились еще болѣе. Почти каждый день они стали приходить ко мнѣ жаловаться.— «Г. Панайотъ! Сербское правительство не желаетъ добра Болгарамъ. Зачѣмъ оно назначило намъ такихъ учителей, которые сѣютъ раздоры между нами, т. е. между Болгарами и Сербами». — «Не обращайте вы вниманія на всякія фантазіи и вздоры, постарайтесь изучить военныя науки и быть достойными и способными людьми для освобожденія нашего отечества. Слова Драгашевича—лишь одинъ сонъ, не имѣющій никакого значенія. Ни я, ни Драгашевичъ, ни вы не рѣшимъ, кто Болгаринъ и кто Сербъ: это рѣшитъ самъ народъ, который населяетъ эти земли. Да кромѣ того, вы пришли сюда не дѣлить Балканскій полуостровъ, а учиться. Если Драгашевичъ сошелъ съ ума, то должны ли и вы быть таковыми?» Наши ребята нѣсколько одумались, но скоро появились новые раздоры и несогласія. Пришелъ м. мартъ. Молодые люди объявили правительству, что если оно не намѣрено воевать съ Турками, то отпустило бы ихъ въ Румынію. Военный министръ сказалъ имъ: «я не могу отпустить васъ, покуда не получу письма отъ вашихъ Бухарестскихъ Болгаръ». Они тотчасъ же написали письмо въ Бухарестъ въ «Добродѣтельную Дружину» и разсказали ей, чего они желаютъ. Изъ Бухареста прибыли: Михаилъ Колони и Мустаковъ, а изъ Россіи полковникъ Иванъ Кишельскій [и поручикъ Кисековъ], чтобы поправить дѣло. Эти лица старались убѣдить молодыхъ Болгаръ быть послушными и попросить министерство сдѣлать нѣкоторыя уступки. Въ концѣ концевъ, было рѣшено отдѣлить Болгаръ въ отдѣльную казарму. Прошелъ еще мѣсяцъ, но сейчасъ упомянутое рѣшеніе не могло быть исполнено, и молодежь была вынуждена подать въ отставку. Итакъ, мое предсказаніе исполнилось. Я предчувствовалъ, къ какимъ результатамъ придетъ эта чета, но не нашелъ людей, которые бы послушались моего совѣта. Прежде всего, эта молодежь должна была имѣть безпристрастнаго и строгаго старшину, который бы свои обязанности исполнялъ «по-солдатски». Дѣйствительно, большая часть этой

молодежи была очень хороша: дѣти изъ богатыхъ домовъ, купцовъ и ученыхъ; но между ними находились и распущенные, которые любили выпить. Такихъ распущенныхъ, впрочемъ, было немного; но, вѣдь, «паршивая овца можетъ заразить все стадо». Самыми негодными были: Симеонъ С...въ, изъ Сливна, Савва Сл...въ, изъ Свищова и Атанасъ (?), изъ Калофера. Я сказалъ выше, что молодежь должна была имѣть безпристрастнаго начальника. Это было необходимо. Когда кто либо изъ молодежи напивался пьянымъ, офицеръ ставилъ всю чету во фронтъ и укорялъ всю молодежь, что она распутничаетъ и пьянствуетъ. Если одинъ сдѣлалъ преступленіе, обвинялись всѣ Болгары! Г. Иванъ Г...вичъ, военный начальникъ, выразился, что въ Болгарской четѣ собрались разные «бузаджіе и холвадміе», которые ищутъ только готоваго прокормленія. «Мы одѣли васъ—говорилъ г. Г...вичъ—хорошею одеждою и кормимъ пшеничнымъ хлѣбомъ, а наши поселяне ѣдятъ кукурузный хлѣбъ и работаютъ какъ раби: —вы кормитесь потомъ поселянъ». Это еще болѣе задѣло нашу молодежь, которая въ послѣднее время стала очень капризна. Другіе говорили имъ, что они не имѣли чѣмъ прокормиться въ Болгаріи и пришли въ Сербію. Изъ всѣхъ офицеровъ только г. Иличъ и г. Влайковичъ относились хорошо къ молодымъ людямъ и укрощали страсти новыхъ Болгарскихъ воиновъ. Но самая главная причина, по которой чета разстроилась, была та, что молодежь ясно увидѣла, что съ Турками войны не будетъ и потеряла весь куражъ. Я думаю, что молодежь осталась бы въ отрядѣ еще годъ или два, если бы имъ дали слово, что война съ Турками скоро начнется и что, слѣдовательно, къ ней нужно хорошенько приготовиться. Если бы г. Иличъ былъ начальникомъ вышеупомянутой четы, то, навѣрное, можно сказать, что чета не разстроилась бы и черезъ пять лѣтъ. Это вѣрно. Когда нѣтъ способныхъ предводителей, то все напрасно! Но я долженъ быть безпристрастнымъ и сказать, что наибольшую ошибку сдѣлали мы, Болгары. Мы рѣшились составить чету и, затѣмъ, произвести цѣлое народное движеніе, и, въ тоже время, не постарались выбрать для этого людей и составить хорошій планъ своихъ дѣйствій! Когда войско дѣйствуетъ безъ плана и дисциплины, то все напрасно! Я могъ бы сказать еще много объ этомъ предметѣ; но лучше ничего не говорить, потому что не хочется раскрывать зажившія раны. Что думало въ это время Сербское правительство—я не знаю, но только знаю, что отъ 200 человѣкъ Болгаръ потеряло умъ и самое правительство.

И такъ, этотъ отрядъ уничтожился и молодые Болгары возвратились въ Валахію. Въ то время я лежалъ въ больницѣ. Выздоровѣвъ, я отправился къ военному министру, который сказалъ мнѣ: «Извѣстно ли тебѣ, Панайотъ, что ваши Болгары приготовляются переправиться изъ Румыніи въ Болгарію?»—«Слышалъ, но не знаю, правда ли это», сказалъ я. Министръ, помолчавъ немного, промолвилъ: «Я знаю, что это правда, но мнѣ очень жаль, что это движеніе состоится. Эти молодые люди пропадутъ, Болгарія не богата подобными людьми. Ясно, что есть здѣсь какая-то невидимая сила, которая морочитъ вашихъ юнаковъ и влечетъ ихъ на явную смерть. Если они перейдутъ черезъ Дунай, погибнутъ

всѣ до одного. Ты самъ, вѣдь, разсказывалъ мнѣ, что народъ еще не готовъ. Не можемъ ли мы задержать ихъ?»—«Эти люди молоды и неопытны, замѣтилъ я, а молодому человѣку, если придетъ что либо въ голову, то онъ это исполнитъ». «Должно сдѣлать имъ извѣстнымъ, прибавилъ Блазнавацъ, что мы не въ состояніи оказать имъ никакой помощи, если они поднимутъ возстаніе».—«Я поѣду въ Бухарестъ и постараюсь убѣдить ихъ тотчасъ отказаться отъ всѣхъ ихъ намѣреній», сказалъ я въ заключеніе и, затѣмъ, приготовился къ отъѣзду. На другой день Блазнавацъ далъ мнѣ на дорогу 80 Австрійскихъ дукатовъ и объявилъ мнѣ, что пошлетъ вмѣстѣ со мною одного полусумасшедшаго монаха. Я старался убѣдить военнаго министра не отправлять этого монаха вмѣстѣ со мною; но когда увидѣлъ, что онъ непремѣнно этого желаетъ, ничего не отвѣтивъ ему на это, я рѣшился исполнить его желаніе. И такъ, я и священникъ Мартирій отправились въ Бухарестъ. Въ Бухарестѣ меня посѣтили всѣ молодые Болгары; они думали, что я рѣшился идти съ ними въ Балканы; но когда я откровенно сказалъ имъ, что не могу идти и совѣтовалъ имъ подождать еще одинъ годъ, послѣ того ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ со мною поддерживать дружественыя отношенія. Въ послѣднее время приходили ко мнѣ только г. Димитрій Ясеновъ, Спиро Геровъ и Стефанъ Караджа, которые постоянно уговаривали меня идти съ ними; съ своей стороны, я говорилъ имъ, что было бы величайшею глупостью безъ надлежащей подготовки затѣвать борьбу: насъ побьютъ, мы пропадемъ. Послѣ этого многіе изъ молодежи отказались идти съ х. Димитріемъ. Однажды х. Димитрій сказалъ мнѣ: «Если не хочешь идти, и говоришь, что теперь не время, то и я не пойду; но, увѣряю тебя, что лучшаго времени ты не найдешь. Если Критъ положитъ оружіе, то послѣ будетъ очень трудно бороться съ многочисленными непріятелями».—«Теперешнее время, возразилъ я, похоже на всякое другое. Критъ падетъ очень скоро, потому что Грецін принесла его въ жертву своему самолюбивому божеству. Греки должны бы возстать сразу, а мы видимъ, что они оставили своихъ братьевъ драться самихъ и умирать безъ всякой пользы. Почему не взбунтуется Ѳессалія и Эпиръ? Если бы взбунтовались всѣ Греки, то и наше дѣло было бы окончено. Мы сами ничего не можемъ предпринять! Если бы Сербія подумала нѣсколько посерьезнѣе о своихъ дѣлахъ, то тогда было бы хорошо; но мы видимъ, что и между Сербами нѣтъ согласія». Послѣ того х. Димитрій далъ мнѣ слово, что онъ не пойдетъ.

Это случилось послѣ убійства князя Михаила. Я приготовился возвратиться въ Бѣлградъ. Нѣкоторые изъ нашихъ Болгаръ уговаривали меня не ходить въ Сербію, потому что опасность угрожала и мнѣ, и Болгарамъ (?) — «Почему не ѣхать? Почему это опасно для меня? спрашивалъ я. Я очень хорошо знаю Сербію и Сербское правительство, и потому не имѣю никакихъ причинъ бояться ихъ».—«Но, вѣдь, въ Сербіи, возразили они, въ настоящее время очень опасно, потому что убитъ князь».—«Сказать вамъ правду, потому-то я и ѣду, т. е. узнать, за

что убитъ князь и кто его убилъ». Попрощались, и я отправился въ Бѣлградъ. Изъ Бухареста до Александріи я ѣхалъ вмѣстѣ со Стефаномъ Караджею. По дорогѣ я говорилъ ему, что мы обязаны смотрѣть, какъ бы народъ не взбунтовался, потому что теперь не время и мы не имѣемъ никакой организаціи. Караджа увѣрялъ меня, что ни онъ, ни х. Димитрій не думаютъ затѣвать что либо. Но когда я пріѣхалъ въ Бѣлградъ и прожилъ тамъ не болѣе 15 дней, то разнесся слухъ, что х. Димитрій перешелъ Дунай съ 150 человѣкъ «отборной дружины». Какъ-то пригласилъ меня военный министръ и спрашивалъ о томъ, будетъ ли народное возстаніе; я высказалъ ему по этому поводу свое сомнѣніе, такъ какъ зналъ, что во-1-хъ, ни одинъ изъ гкавныхъ вождей не принялъ участія въ движеніи; во-2-хъ, народъ не предъизвѣщенъ и не подготовленъ встрѣтить нашихъ юнаковъ. Такъ это и случилось.—«Народъ возстанетъ, говорилъ я, только тогда, когда Турки совершатъ какое-нибудь тиранство, т. е. начнутъ сожигать села и города и грабить народъ, какъ они уже привыкли это дѣлать. Если еще разъ случится такое происшествіе, какое было въ 1867 г. въ Тетевенѣ, то возстаніе готово».—«А послѣ въ стояніи ли вы будете выдержать»? спросилъ г. Блазнавацъ.—«Этого ни я, ни другой, ни третій не можемъ уже ждать. Я, если пойду, возьму съ собою, по крайней мѣрѣ, 50 человѣкъ».—«Съ 50 человѣками дѣло не сдѣлается», возразилъ онъ.—«И въ 1867 г., замѣтилъ я, у меня было не болѣе 50 молодцовъ; но еслибы я захотѣлъ, могъ бы собрать 50,000». Изъ всего видно было, что, еслибы произошло возстаніе, г. Блазнавацъ помогъ бы намъ явно или тайно.

XI. Стефанъ Караджа и х. Димитрій.

Стефанъ Караджа родомъ изъ Тульчи; его семейство изъ Адріанопольскаго округа, изъ Казаленджанской волости, изъ деревни Хамбарлы. Въ сосѣдствѣ съ этою деревнею находятся слѣдующія Болгарскія селенія: Попово-село, Доброжа и Козлуджа. Въ малолѣтствѣ Караджа (какъ онъ самъ разсказывалъ мнѣ) былъ очень безпокоенъ, рѣзвъ, мстителенъ и строптивъ. Онъ очень часто нападалъ на тѣ деревни, на которыя былъ сердитъ. Очень скоро Караджа попалъ въ Тульчинскую тюрьму. Бывъ выпущенъ оттуда, онъ сдѣлалъ большое преступленіе и принужденъ былъ бѣжать въ Румынію. Въ Румыніи онъ жилъ очень мало времени, и въ 1862 г. прибылъ въ Сербію, полагая, что пришла уже пора помочь освобожденію отечества. Онъ записался добровольцемъ въ чету Раковскаго. Послѣ бомбардированья Бѣлграда множество нашихъ Болгаръ отправилось въ Сербію, думая, что скоро нѣчто произойдетъ; но иностранныя силы подавили Сербское возстаніе, и Караджа принужденъ былъ возвратиться въ Валахію. Когда я посылалъ въ 1864 г. х. Димитрія въ Бухарестъ къ Раковскому, тогда же послалъ и моего шурина Стояна. Раковскій сказалъ имъ: «если вы можете убить въ Терновѣ архіерея, то сдѣлаете для народа большое добро». Составилась маленькая чета изъ двѣ-

надцати человѣкъ. Стоянъ (мой шуринъ) былъ выбранъ воеводою, а х. Димитрій знаменосцемъ. Собрались они въ Гюргевѣ. Раковскій рекомендовалъ ихъ своимъ друзьямъ и тѣмъ облегчилъ ихъ переходъ. Такъ, изъ Свищева пришла лодка и отвезла ихъ, куда слѣдовало. Въ Свищевѣ они пробыли скрытно 24 часа, а послѣ отправились къ Тернову. По дорогѣ х. Димитрій и Стоянъ немного поссорились. Между х. Димитріемъ и Стояномъ бывали ссоры и тогда, когда они ходили со мною. Однажды Стоянъ отсталъ. Дружина замѣтила х. Димитрію, что нѣтъ воеводы. —«Шелъ бы онъ съ нами и не отставалъ. Я въ этомъ не виноватъ», сказалъ х. Димитрій. Итакъ, Стоянъ потерялся. Когда х. Димитрій пришелъ въ Терново съ дружиною, то (какъ мнѣ разсказывали сами молодцы) не посмѣлъ напасть на домъ архіерея и отправился прямо въ Балканы. Осенью х. Димитрій опять возвратился въ Валахію. Стоянъ ходилъ почти все лѣто самъ одинъ, а зиму провелъ въ горахъ, вблизи Сливна. Въ 1865 г. Стоянъ чрезъ проѣзжихъ наказывалъ своимъ пріятелямъ въ Гюргевѣ послать ему, если возможно, 4—5 человѣкъ. Въ то время къ Стояну зашелъ какой-то Михаилъ Куртьо-оглу, который былъ хлѣбопекомъ въ Гюргевѣ, и они разговорились. Когда Михаилъ возвратился въ Гюргево, то сказалъ х. Димитрію. что если Стоянъ возвратится въ Румынію. онъ непремѣнно зарѣжетъ его среди Бухареста. Михаилъ собралъ нѣсколько ребятъ и отвелъ ихъ къ Стояну. Х. Димитрій въ это лѣто не выходилъ гайдуковать. Имена молодцевъ, которые ходили со Стояномъ, слѣдующія: Николай Манчовъ, изъ Сливна, Димитрій Косовацъ (Общій), Мавро Казанлычанинъ, Михаилъ Куртьо-оглу и Трифонъ, изъ села Турія (Казанлыкскаго округа). Стоянъ встрѣтилъ свою новую дружину, какъ братьевъ, и посовѣтовалъ Куртьо-оглу возвратиться обратно въ Гюргево. Стоянъ ходилъ съ своею новою дружиною по Балканамъ полтора мѣсяца. Однажды, во время сна онъ былъ убитъ недалеко отъ деревни Жеравны. Разсказываютъ, что его убилъ Трифонъ. Все это мнѣ разсказалъ Димитрій Косовацъ (Общій). Онъ говорилъ мнѣ еще, что объ этомъ убійствѣ зналъ и Никола. Не знаю, вѣдалъ ли объ этомъ гнусномъ дѣлѣ и х. Димитрій. Я не думаю. Если когда либо попадетъ мнѣ въ руки Трифонъ, то я узнаю всю истину и отомщу за невинную кровь этого Болгарскаго юнака [1]. Вотъ одна пѣсня про него.

Вѣдь, тебя учила майка:
«Охъ, Стоянъ, ты мой сыночекъ,
Набирай себѣ дружину
Изъ такихъ, кто росъ съ тобою,
Изъ товарищей изъ вѣрныхъ.
Изъ родныхъ, изъ побратимовъ»!
Не послушался сыночекъ,
Самъ пошелъ въ проклятый Гюргевъ.
Набиралъ себѣ дружину.

[1] Разсказываютъ, что Трифонъ убитъ въ одной овчарнѣ въ прошломъ 1872 г.
Примѣчаніе автора.

Набиралъ, кого попало.
Со своей дружиной ходитъ
По Балканамъ и гуляетъ
По густымъ лѣсамъ зеленымъ,
По Жеравненскимъ колибамъ.
Говорилъ Стоянъ дружинѣ:
„Братцы, вѣрная дружина!
Я соснуть прилягу, братцы,
Вы-жъ держите караулы.
Не напали бы злодѣи.
Не подкрался-бъ ворогъ-Турокъ».
Спитъ себѣ Стоянъ и снится,
Снится сонъ ему недобрый:
Будто онъ съ своей дружиной
Ужь прощается на вѣки —
А Николѣ Трифонъ шепчетъ:
«Заруби его, Никола,
Приглянулось мнѣ ужь очень
Ружьецо его и сабля —
Продадимъ—да погуляемъ».
А на небѣ вьется птичка,
Говоритъ—поетъ Стояну:
«Ты ли, старый воевода,
Отъ временъ ли старыхъ витязь!
Не тебя-ль учила майка:
Не бери чужихъ юнаковъ.
Не бери, кого попало!
Проклята на вѣкъ дружина,
Если выдастъ воеводу.
Проклята дружина трижды,
Коль сама его загубитъ.

Многіе говорятъ, что дружина убила Стояна только изъ-за того, чтобы взять его деньги. Въ 1865 г. Караджа держалъ въ Гюргевѣ гостинницу. Въ бытность мою въ Бухарестѣ, Раковскій показалъ мнѣ письмо, въ которомъ говорилось, что Стоянъ убитъ въ 1865 году. Въ 1866 г. я не могъ идти въ Балканы, потому что долженъ былъ остаться съ Раковскимъ. Х. Димитрій, Караджа и Желью отправились съ 20 молодцами. Въ это время воеводы перессорились, раздѣлились на три части и чуть не перерѣзали другъ друга. Желью пошелъ со своею дружиною въ Казанлыкскія горы, но тамъ подвергся нападенію одного отряда и потерялъ одного молодца, а самъ былъ раненъ въ спину. Осенью эти три юнака собрались снова: но Караджа побоялся того, какъ бы его не убилъ х. Димитрій, или Желью, и ушелъ въ Валахію. Караджа, пришедши въ Бухарестъ, разсказалъ мнѣ все подробно; разсказалъ также и Желью. Х. Димитрій не хотѣлъ мнѣ разсказать ничего—такъ настроили его ловкіе мастера. Эти интриганты были опять тѣ же: И. К...въ и И. Г...въ. Когда х. Димитрій пришелъ съ Балканъ, то я посовѣтовалъ ему не жить въ Бухарестѣ, потому что въ этомъ городѣ всегда очень много Турецкихъ шпіоновъ; но онъ не послушалъ моихъ совѣтовъ, и тутъ зимою 1862 г. его два раза сажали въ тюрьму. Весною онъ разсорился съ Димитріемъ Пехлеваниномъ, который почти всегда былъ его

вѣрнымъ. другомъ. Х: Димитрій подговорилъ Михаила Куртьо-оглу убить Пехлеванина. Однажды, х. Димитрій и Михаилъ пошли въ одну корчму, въ Табашскомъ переулкѣ, и, повстрѣчались съ Пехлеванинномъ. Михаилъ вынулъ пистолетъ и выстрѣлилъ въ него, но одинъ изъ хозяевъ подтолкнулъ, пистолетъ и пуля попала въ потолокъ. Михаилъ убѣжалъ, а х. Димитрій остался въ корчмѣ. Пехлеванинъ не захотѣлъ заявить объ этомъ полиціи. Въ 1867 г. я пригласилъ Караджу собрать чету и идти въ Балканы; но Караджа не согласился, потому что я-молъ не объявилъ о возстаніи противъ Турокъ. Между х. Димитріемъ и Раковскимъ также не было согласія. Впрочемъ, когда х. Димитрій пришелъ въ Бухарестъ, Раковскій открылъ ему многія изъ своихъ тайнъ, но въ 1866 г. они поссорились и дѣло достигало до страшныхъ размѣровъ. К...въ и Г...въ, по неизвѣстнымъ причинамъ, разжигали эту ссору. Кромѣ того, х. Димитрій имѣлъ завистливый и мстительный характеръ. Не могу похвалить и Раковскаго, потому что и онъ имѣлъ большіе недостатки; но не могу и укорять его, потому что Болгары даже и теперь не имѣютъ человѣка, болѣе способнаго и болѣе дѣятельнаго въ политическихъ дѣлахъ, чѣмъ былъ Раковскій. Каждый долженъ согласиться, что наше отечество и нынѣ еще нуждается въ подобныхъ людяхъ. Главными недостатками въ характерѣ Раковскаго были: его крайнее самолюбіе и безграничное упрямство. Этотъ человѣкъ не любилъ противорѣчій и не желалъ согласиться даже съ самымъ здравомыслящимъ человѣкомъ въ мірѣ. Г...въ до сихъ поръ все еще сомнительный человѣкъ. Онъ ничего не дѣлаетъ, ничего не предпринимаетъ, а прохаживается по цѣлымъ днямъ по кофейнямъ и интригуетъ, гдѣ можетъ. Чѣмъ кормится этотъ человѣкъ? Я могу сказать только то, что онъ живетъ довольно богато. Если гдѣ либо предвидится кусочекъ, то Г...въ и К...въ тотчасъ появляются, какъ орлы на падаль. Когда печаталась «Народность», Г...въ и К...въ считались усердными патріотами, а Иванъ А...въ потратилъ десять тысячъ грошей Румынскихъ денегъ. Г...въ получалъ изъ редакціи деньги только потому, что въ газетахъ иногда упоминалось его имя. Удивительны эти два патріота! Какъ одинъ, такъ и другой знакомятся съ человѣкомъ только потому, чтобы «стянуть» съ него что нибудь. Каждому извѣстна та неблагодарность, которую К...въ выказалъ противъ такъ называемыхъ «стари» (т. е. партіи стариковъ). Пока они давали ему деньги, были хороши; какъ сказали ему не тратить много по-пустому, стали въ его глазахъ самыми гадкими людьми.

XII. Старые воеводы.

Одинъ изъ болѣе старыхъ воеводъ, нашихъ учителей, былъ Стоянъ, котораго обыкновенно называютъ «Алтынъ Стоянъ», т. е. золотой Стоянъ. Этотъ знаменитый юнакъ родомъ изъ Котла. Стоянъ болѣе всего прославился тѣмъ, что убилъ Кула-Байрактара, который вмѣстѣ съ Арнаутъ-Пѣньо извелъ многихъ горскихъ юнаковъ. Пѣсня, которую я

приведу далѣе, говоритъ, что Стоянъ убилъ Пѣньо, но это несправедливо. Пѣньо любилъ ѣздить на хорошихъ лошадяхъ. Однажды онъ упалъ съ взбѣшенной лошади и тотчасъ же умеръ. Кула-Байрактаръ (Турокъ) и Арнаутъ Пѣньо (Болгаринъ)—оба родомъ изъ Сливна. Дочь Пѣньо, по имени Марія, еще не очень давно жила въ этомъ городѣ. Вотъ и пѣсня.

«Эй, ты Киря, горскій староста!
Или всю ты правду скажешь,
Всю мнѣ истину разскажешь.—
Иль башку тебѣ снесу я,
Что Петровскому цыпленку [1],
Что весеннему ягненку,
Иль оперившейся птичкѣ».
Киря воеводѣ отвѣчалъ:
«Воевода, золотой Стоянъ,
Мнѣ обманывать тебя нельзя
И шутить съ тобою не пристало.—
Всю я истину скажу,
Всю тѣ правду доложу».—
И Стоянъ Кирющѣ молвилъ:
«Приходили-ль сыщики сюда,
Злые вороги, сегмене [2],
Приходилъ ли Кула-Байрактаръ,
Также Арнаутъ Пѣньо?»
«Воевода, золотой Стоянъ,—
Киря воеводѣ отвѣчалъ:
Вечеромъ корова отелилась.
Малъ теленочекъ, пестренекъ».
«Такъ веди-жь меня, Кирюша, —
Такъ приказывалъ Стоянъ:
Я теленка обласкаю».
Вотъ, повелъ Кириллъ Стояна.—
Какъ пришли они въ телятникъ,
Видятъ—передъ ними Кула-Байрактаръ
И двѣнадцать бусурманъ-сегменовъ.:
«Эй ты, Кула—славный Байрактаръ!
Молвилъ воевода тутъ Стоянъ,
Саблей вострою махая:
Ты зачѣмъ попалъ въ телятникъ?
Ужъ не гайдуковъ ли
Хочешь здѣсь ловить?»...
И башка Байрактара—
Покатилась съ плечъ долой.—
Тутъ сегмене Стояну взмолились:
«Воевода славный, золотой Стоянъ,
Даруй намъ ты наши головы!
Ходя по свѣту, восхвалимъ
Мы тебя, богатыря;
Мы прославимъ твою ловкость,
Какъ въ Кирюшинъ во телятникъ
Заманилъ ты насъ, сегменъ.

---

[1]) Петровскій цыпленокъ—оперившійся къ Петрову дню.

[2]) Особо назначенное правительствомъ отдѣленіе войска, для того, чтобы ловить гайдуковъ.

Другой воевода, который десять лѣтъ ходилъ по Балканамъ, былъ Кара-Танасъ, родомъ изъ Жеравны. Онъ водилъ съ собою не болѣе 10 душъ, но нигдѣ не былъ разбитъ. Мой отецъ разсказывалъ мнѣ, что его дружина была избранный народъ («отборъ-отбрани») и молодецъ къ молодцу («лики-прилики»). Ихъ оружіе и одежда были одинаковы. Кара-Танаса прославляютъ многія пѣсни. Я приведу только двѣ изъ этихъ пѣсенъ.

I.

Лучи солнца, дрожа, потухаютъ.
Танасъ-воевода выходитъ
Изъ Копеклійской дубравы —
Указывая глазами прямо
На султанскую овчарню.
Онъ говоритъ Дмитрію:
«Дмитрій, ты, царскій пастухъ!
О чемъ тебя спрошу,
Всю правду о томъ мнѣ скажи,
Иль голову тебѣ отрѣжу:
Когда пріѣдетъ въ деревню,
Въ деревню Мусо-Кошалу,—
Молодой султанъ-бусурманъ,
Молодой султанъ, твой господинъ?
Я хочу пойти и схватить его».
Дмитрій Танасу говоритъ:
«Танасъ, ты, старый воевода!
О чемъ спрашиваешь, всю правду скажу
И ни въ чемъ тебѣ не солгу.
Султанъ сегодня пріѣдетъ,
Къ своимъ пестрымъ стадамъ,
Чтобы выбрать матераго барашка,
Къ байраму его зарѣзать».
Танасъ Дмитрію говоритъ:
«Дмитрій, ты, царскій пастухъ!
Ну-ка, спрячь меня въ овчарню
До султанскаго прихода.
Султана живого я схвачу
И къ празднику Ильи зарѣжу».

II.

Янка черезъ горы проходитъ,
Грушевымъ листкомъ играетъ,
Зеленому лѣсу говоритъ:
«Охъ, ты, лѣсъ зеленый,
Охъ, ты, студеная водица!
Видѣли-ль вы гайдуковъ,—
Кара-Танаса воеводу?
Вѣдь, онъ ходитъ по лѣснымъ сѣнямъ,
И въ его дружинѣ мой братецъ родной».
Изъ глубины лѣса запѣла птичка:
«Янка, прекрасная дѣвица!
Почему ты такъ хороша,
Когда на столько глупа?
Если бы лѣса говорили,
То полѣсовщики бы ихъ не рубили.

Овцы бы въ нихъ не паслись,
И гайдуки въ нихъ не скрывались бы
Подъ зелеными буками».
Еще пташечка не кончила, —
Какъ вдругъ показалась дружина;
Кара-Танасъ ее ведетъ,
Иванчо знамя несетъ.
Длинныя ружья на плечахъ,
Золотые ятаганы за поясомъ,
Патронташи изъ чистаго золота,
Двуствольные, пестрые пистолеты, —
Нѣтъ примѣты, по коей можно было бы узнать,
Кто изъ юнаковъ воевода!
Янка вытерла слезы свои
И вскрикнула, закричала:
«О, вы, лѣса зеленые!
Распустите листья широко,
Подымите вѣтви высоко,
Устройте густую сѣнь
Для братьевъ, любезныхъ гайдуковъ,
Дайте пріютъ отборнымъ юнакамъ;
Пусть они ходятъ подъ вашею сѣнью,
Пусть они рубятъ нашихъ душегубцевъ,
Пусть они воюютъ Царьградскихъ султановъ».

Дѣдъ Цоньо-воевода, изъ деревни Драгуданова, сталъ ходить по Балканамъ въ 1810 г. и продолжалъ до 1825 года. Его дружина состояла изъ 10—15 человѣкъ. Когда у Болгаръ было отнято оружіе, Цоньо ушелъ въ Балканы, чтобы надѣлать хлопотъ правительству. Турки поспѣшили заявить Силистрійскому пашѣ, что онъ прячется у Болгаръ; поэтому паша послалъ въ с. Матей цѣлый отрядъ сегменовъ; но они не могли схватить Цоньо, хотя знали, гдѣ онъ скрывается. Когда Цоньо узналъ, что Турки ищутъ его въ Матеѣ, то черезъ пастуха велѣлъ поселянамъ объявить Турецкому отряду, что они не прячутъ его и что онъ на Гребнецкой горѣ,—пусть де его ловятъ. Это войско позвало на помощь и Сливенскихъ Турокъ и окружило Гребнецкую гору, но Цоньо встрѣтилъ ихъ молодецки на Гребнецкомъ хребтѣ, который въ этомъ мѣстѣ называется Коритомъ. Нѣсколько въ сторону, къ востоку, лежитъ одна поляна, которая и до сихъ поръ называется «Сейменски гробища» т. е. кладбище сегменевъ. На этомъ мѣстѣ Цоньо разбилъ отрядъ паши, причемъ легло на мѣстѣ 20 человѣкъ сегменовъ. Впродолженіе 10 лѣтъ, Цоньо потерялъ только двоихъ товарищей, а встрѣчался съ Турецкими отрядами болѣе 100 разъ. Одного его товарища Турки убили при Тунджѣ-Орманѣ, близъ деревни Атліи, а другой погибъ отъ пули одного Болгарина при томъ-же селеніи. Старые гайдуки обыкновенно называли Цоньо «бородатымъ воеводою». Этотъ богатырь умеръ въ Бухарестѣ естественною смертью. Одинъ изъ числа дружины дѣда Цоньо, Стоянъ Касапинъ, родомъ изъ селенія Конари (Ени-Захарскаго округа), ушелъ съ Русскими [при выходѣ ихъ изъ Болгаріи]. Послѣ 1829 г. онъ возвратился изъ Валахіи обратно, ходилъ по Балканамъ съ 25 молодцами и погибъ во время этихъ походовъ.

Бойчо-воевода, родомъ изъ Терновскаго округа, изъ Травненскихъ жителей, называемыхъ Цепаранскими. Бойчо ученикъ Цонья. Во время пребыванія здѣсь Русскихъ, онъ составилъ чету и воевалъ противъ Турокъ очень успѣшно. Когда былъ заключенъ міръ, начальникъ Русскаго войска въ Силистрійской крѣпости приказалъ Бойчу распустить свою дружину; но Бойчо отказался исполнить это приказаніе и скрылся въ Хаинъ-Боазскихъ горахъ. За одно съ Бойчемъ были и его два брата. Не знаю, какъ это случилось, но Бойчо былъ пойманъ Русскимъ генераломъ и заключенъ на долгое время въ Силистрію, а оттуда сосланъ въ Сибирь. Были сосланы въ заточеніе также и его братья и товарищи. Старшій его братъ звался Петромъ, а младшій Иваномъ. Въ 1829 г. многіе изъ нашихъ юнаковъ переселились въ Россію и оставили Турокъ бѣсноваться въ Болгаріи и дѣлать всевозможныя обиды осиротѣвшимъ райямъ. Болгарія осталась безъ защитниковъ. Бойчо-воевода былъ заключенъ въ одной Русской крѣпости какого-то города въ Сибири. Стѣны этой крѣпости были очень высоки; но энергія и родолюбіе не пугаются ничего. Бойчо подговорилъ своихъ двухъ братьевъ бѣжать изъ Сибири. Всѣ они спрыгнули съ высокихъ крѣпостныхъ стѣнъ, причемъ Бойчо и Петръ остались невредимы, а Иванъ переломилъ себѣ ногу и не могъ бѣжать съ ними. Бойчо зарѣзалъ своего брата, чтобы онъ не мучился и и не выдалъ его. А самъ съ Петромъ черезъ Азію перешелъ въ Константинополь. Послѣ того онъ опять собралъ дружину и вышелъ въ Балканы. Зиму проводилъ или въ Варнѣ, или въ Константинополѣ. Наконецъ, Бойчо перевелъ свое семейство въ Провадію и началъ совершать свои хожденія по горамъ систематически. 27 лѣтъ ходилъ онъ по Балканамъ, по Дунайской линіи и по берегамъ Чернаго моря, отъ Виддина до Варны и Константинополя. Нѣтъ мѣста въ этихъ краяхъ, гдѣ бы не ступила нога Бойча-воеводы. Послѣ Бойча остались его четыре ученика: Димитрій Калачли, Пѣйо Буюкли, Златьо и современный намъ Филиппъ Тотьо.

Димитрій Колачли—родомъ изъ Ени-Захарскаго округа, изъ села Теке-Махалеси; Пѣйо Буюкли изъ Козосмоде, а Златьо изъ Конари. Все это разсказалъ мнѣ Курте-Байрактаръ, двоюродный братъ Д. Калачли. Курте родомъ изъ Ени-Захарскаго округа. Курте ходилъ со мною въ 1867 г. по Балканамъ. Димитрій Калачли одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ Болгарскихъ воеводъ. Онъ самъ занимался гайдучествомъ въ Өракіи и Добруджѣ болѣе 12 лѣтъ. Очень часто онъ имѣлъ болѣе 20 товарищей. Его знаменосцемъ былъ Златьо Конаранинъ. Этотъ Златьо напугалъ Турокъ до того, что его именемъ Турецкія жены и до сихъ поръ пугаютъ своихъ дѣтей. Цѣлое лѣто почти все Варненское войско гонялось за Д. Колачли въ Варненскомъ округѣ, но онъ и не думалъ даже бѣжать изъ этого округа. Въ слѣдующемъ году,—когда въ Сливенъ пришелъ Зейнилъ-паша съ 500 ч., для поимки гайдуковъ, - Бойчо уже былъ убитъ. Передъ тѣмъ Бойчо-воевода схватилъ Маньо-оглу, изъ Казанлыка, чтобы избавить Болгарскихъ сиротъ отъ его звѣрствъ, потому что этотъ Маньо-оглу заставилъ многихъ бѣдняковъ продать и послѣднюю овечку: отъ

-него вся окрестность плакала. Войчо былъ убитъ близъ Хаинскаго прохода, на томъ самомъ мѣстѣ, которое называется «Бѣлый Букъ». Курте былъ раненъ очень тяжело. Димитрій Колачли въ то время ходилъ съ Пѣйомъ Буюкли и съ Златьомъ-Байряктаремъ. Они имѣли 18 человѣкъ дружины. Въ томъ именно году когда гайдукамъ грозила самая большая опасность отъ Турецкаго войска, Димитрій остался съ одною четою, а Златьо и Пѣйо отдѣлились и составили другую чету. Спустя мало времени, по неизвѣстной причинѣ, были распущены обѣ четы. Пѣйо, схваченный Турками въ Ямболѣ, отведенъ къ Зейнилу-пашѣ, въ Сливенъ. Несогласіе—самая главная наша болѣзнь, которая не позволяетъ намъ стать людьми и быть полезными своему отечеству и самимъ себѣ. Большая часть нашихъ народныхъ представителей погибла или отъ предательства, или отъ внутренняго несогласія. Если бы между нами не было проклятой зависти, мы бы надѣлали чудесъ. Когда былъ схваченъ Пѣйо, народъ сочинилъ Д. Колачли слѣдующую пѣсню:

I.

Паша Пѣйю говорилъ:
«Пѣйо, ты, длинно-усый!
Отвѣчай мнѣ по правдѣ,
О чемъ тебя спрошу».
Пѣйо пашѣ отвѣчалъ:
«Спрашивай, паша, я скажу,
Всю правду тебѣ доложу».
Паша Пѣйю молвилъ:
«Скажи мнѣ, гдѣ промышляетъ
Хлѣбъ себѣ Димитрій?
Я пойду и схвачу его».
Пѣйо пашѣ отвѣчалъ:
«Паша, Зейнилъ-эфенди!
Если Димитрія увидишь,—
До земли ему поклонишься,
Руку ему поцѣлуешь
И хлѣба самъ ему подашь!
Еслибъ ты видѣлъ Димитрія,
Какъ онъ вертитъ саблею Дамаскою,
Какъ глаза его горятъ,
То войска не посылалъ-бы
Для поимки Димитрія!»
Паша собралъ низамовъ
И сердито приказалъ имъ
Поймать и схватить Димитрія.
Димитрій, съ Твердишской горы,
Посылаетъ къ Зейнилу-эфенди-пашѣ,
Предлагая ему единоборство:
«Паша, ты, Зейнилъ-эфенди!
Юнацкое-ль у тебя сердце.
Закалена ли твоя сабля?
Если ты прямой человѣкъ,
Не посылай несчастныхъ сегменовъ,
А выходи самъ противъ меня!
Въ полѣ, у Тунджи веселой,
Съ тобою помѣряемъ силы!

Знаешь-ли, паша, вѣришь-ли,
Что девять лѣтъ я уже хожу
По могучему Балкану;
Довольно изрубилъ я Турокъ
И этихъ царскихъ сегменовъ»....
У паши лицо перемѣнилось
И такъ онъ Пѣйю сказалъ:
«Ну, скажи, Пейо, не солги мнѣ;
Правда ли то, что ты мнѣ сказалъ?
А Пѣйо ему въ отвѣтъ:
«Болѣе тысячи человѣкъ онъ изрубилъ».
Паша нахмурилъ свои брови
И такъ Пѣйю молвилъ:
«Пѣйо, ты длинно-усый!
Гдѣ они, Пѣйо, убиты?
На какомъ несчастномъ мѣстѣ?»
А Пѣйо ему отвѣтилъ:
«Ты знаешь, паша, ты помнишь,
Когда войска собирались
Въ этой Варнѣнской нахіи,
Чтобъ идти на встрѣчу Русскимъ?
Димитрій собралъ дружину.
Перешелъ Дунай кровавый,
Тутъ онъ на Турокъ напалъ,
Изрубилъ много низамовъ,
Иванчольскихъ Манафовъ,
И Добруджинскихъ Татаръ
Среди Валашскихъ равнинъ.

II.

Димитрій птичкѣ говоритъ:
«Птичка, ты, пестрый соловей!
Почему рано такъ встала,
Меня отъ сна пробудила,
Меня и вѣрную дружину?»
Соловей тихо говоритъ:
«Димитрій Калачли-оглу!
Димитрій, молодой воевода,
Если спрашиваешь, то скажу,
Тебѣ самому пожалуюсь,
Все свое горе выскажу:
Девять лѣтъ уже я живу
Въ этихъ просторныхъ долинахъ;
Девять гнѣздъ я уже свила,
А птенца еще не уберегла
Отъ этихъ ужасныхъ змѣй,
Отъ этихъ неизбѣжныхъ змѣй, —
Отъ твоей вѣрной дружины.
Вотъ уже десятый годъ
И это десятое гнѣздо.—
Мужскаго птенца я выведу,
Тебѣ я его подарю,
Чтобъ онъ водилъ молодыхъ юнаковъ,
Чтобъ носилъ, сине-зеленое знамя
По этимъ старымъ Балканамъ,
По нашей старой родной землѣ,
Въ прохладномъ зеленомъ лѣсу».

III.

Собрались, сошлись
Двѣнадцать юнаковъ,
Двѣнадцать душъ дружины,
Вѣрную присягу дали,
Клятвой утвердили,
Чтобъ никто не отказался.
Чтобъ никто не отдѣлялся.
А кто былъ воеводой ихъ?
—Димитрій Калачли-оглу.
А кто былъ въ его дружинѣ?
—Пѣйо длинноусый,
Златьо Конаранецъ,
Минко Черкешенецъ,
Нашъ Юрій добрый юнакъ.
Да Баба Тренка удалецъ,
Нашъ Стефанъ Люцкано-оглу.
Нашъ Жельо Ямболчанинъ.
Шли они мало, немного,
Перешли поле широкое
И пришли въ зеленый лѣсъ:
Тутъ сѣли они отдохнуть,
Да поѣсть и выпить.
Вотъ воевода Стоянъ
Своей дружинѣ говоритъ:
«Вѣрная, сговорная дружина!
Кушай, веселись, дружина.
Но не напивайтесь,
А то скоро мы пойдемъ
Къ Адріанопольскимъ полямъ:
Царская казна тамъ будетъ проѣзжать.
Мы должны ее раздѣлить».
Казну они обобрали
И какъ должно подѣлились.
Кому пай, кому полъ-пая,
А воеводѣ два пая.

Турки ловили Пѣйя три раза и водили его въ Константинополь; но Пазарджикскіе и Варненскіе Болгары выпросили его у Турецкаго правительства.

XIII. Куманъ-воевода и Златьо Кокарчо-оглу.

Теперь поговорю о Куманѣ воеводѣ, который ходилъ гайдукомъ отъ 7—8 лѣтъ. Куманъ имѣлъ двухъ сыновей, которые и до сего дня живутъ въ Сербіи (въ Шабацѣ) и занимаются огородничествомъ. А вотъ и одна пѣсня, въ которой поется о Куманѣ:

Гдѣ слышано, иль видѣно,
Чтобъ гайдуки ловили дѣвушекъ.
Какъ похитилъ нашъ Куманъ
Славную дѣвицу Велику,
Изъ Адріанопольскихъ полей.
Изъ Казылендженскихъ селъ.

Изъ славнаго села Добруджи!
Связавъ назадъ ей руки,
Онъ въ горы ее отвелъ,
Въ сборище гайдуковъ.
Гайдуки ѣдятъ и пьютъ,
Дѣвица Велика стоитъ,
Хрустальный стаканъ подаетъ
И крупныя слезы роняетъ.
Куманъ Великѣ говоритъ:
«Полно, Велика, не плачь—
Я беру тебя не изъ корысти,
Я беру тебя не въ жены....
Три года прошло, Велика,
Какъ я похвалился
Передъ моимъ молодымъ парнемъ,
Что приведу ему невѣсту,
Которая бы на него походила;
Теперь я веду ему, Велика,
Первую красавицу Велику
Изъ Адріанопольскихъ полей,
Изъ Казыленджснскихъ селъ,
Изъ славнаго села Добруджи.

Слѣдующая пѣсня говоритъ про Златьо-воеводу, Кокарчу-оглу, родомъ изъ Сливна.

Демьянъ Златьо говоритъ:
«Златьо Кокарчу-оглу,
Златьо-ль, ты, мой побратимъ!
А ну-ка, Златьо, пойдемте
Мы къ Тунджѣ рѣкѣ веселой,
Наловимъ въ ней свѣжей рыбы
И ее мы отнесемъ
На Лаженское сборище.
Будемъ ѣсть, Златьо, будемъ пить,
Красныхъ дѣвушекъ поглядимъ,
Съ молодцами поборемся».
Говоритъ Златьо Демьяну:
«Демьянъ, ты, мой побратимъ!
Довольно сборищъ мы глядѣли,
Дѣвицъ довольно мы любили,—
Безъ насъ сборищъ не бывало,
Безъ насъ свадьба не справлялась.
Всюду мы ходимъ пить вино
И пробовать силу въ борьбѣ!...
Демьянъ, ты, мой побратимъ,
Меня, вѣдь, султанъ зоветъ,
Султанъ онъ Пандаклійскій,
Чтобъ я былъ его борцомъ».
Демьянъ ему отвѣчаетъ:
«Златьо-ль, ты, мой побратимъ!
Это хорошо для тебя,—
На добрыхъ коняхъ будешь ѣздить,
Хорошія ружья будешь носить»!
Златьо ему на то молвилъ:
«Демьянъ, ты, мой побратимъ!

Ѣзжалъ я на добрыхъ коняхъ,
Нашивалъ хорошія ружья,—
Сердце тѣмъ мое сыто
Эхъ, вы-ль, мои славные Балканы!
Пока вы на свѣтѣ стоите,
Не поклоняюсь я Туркамъ.
Теперь я задумалъ, дружище,
Собрать молодую дружину,
Въ Балканы съ нею пуститься,
Османскія головы рѣзать».
Вотъ собралъ Златьо дружину.
На Стару-Планину ушелъ,
Никто не смѣетъ рѣшиться
Златьо воеводу ловить.
Слухъ прошелъ о Златьѣ воеводѣ,—
Что Турокъ ли встрѣтитъ—ихъ рубитъ.
Казна-ль подвернется—захватитъ.
Турки тожь хитры, разумны,—
Они обѣщали большую награду
Какому-то сыщику Ману
И Христу, его побратиму,
Чтобъ Златья убили они.
Тайкомъ эти сыщики уговорились
Къ Златьѣ воеводѣ явиться,
Въ гайдуки къ нему записаться.
Вотъ собрались и пошли —
Златьо воеводу стали просить
Въ дружину ихъ записать.
Златьо дивится, не зная,
Вписать ихъ въ дружину, иль нѣтъ:
А Петръ ему говоритъ:
«Златьо, ты, старый воевода!
Проситъ дружина вся тебя
Пришельцевъ этихъ принять,
Имъ нечѣмъ бѣднягамъ кормиться,
Отъ алчбы они умираютъ».
Златьо тутъ дружинѣ сказалъ:
«Дружина, вѣрно-собранная!
Этимъ молодцамъ я не вѣрю;
Но все-таки я ихъ приму,
Чтобъ ваше желаніе исполнить....
Однако я вамъ прикажу:
Смотрите и ночью, и днемъ,
Что̀ будутъ дѣлать пришельцы».
Принялъ ихъ Златьо вовода,
И снова дружину повелъ
На Среднюю славную гору,
Въ густыя прохладныя сѣни.
Златьо̀ двухъ злодѣевъ поймалъ,
Двухъ Турокъ негодныхъ схватилъ
И такъ юнакамъ говорилъ:
«Дружина вѣрно-избранная!
Вы караульте здѣсь Турокъ.
Я-жь съ Христо отправлюсь самъ-другъ
На путь, что ведетъ въ Филиппополь,—
Мнѣ ходжу тамъ надо схватить,
Взять ходжу, что̀ изъ Ламбатлара».

Когда уже Златьо пошелъ,
То Мано дружину провелъ,—
Принесъ имъ вина и ракіи,
Всѣхъ допьяна ихъ напоилъ,
И руки двумъ Туркамъ тогда развязалъ:
Дружину Болгаръ они всю истребили,
И стали по селамъ ходить,
Сегменъ противъ Златья сбирать.
А Златьо ждетъ проѣзда ходжи.
Котораго хочетъ схватить,—
Ждетъ съ двумя лишь товарищами.
Одинъ изъ нихъ Христо—шпіонъ!
Собрался большой отрядъ
Изъ пятисотъ Турокъ сегменовъ.
Изъ пятисотъ Турокъ пизамовъ,
Изъ пятисотъ черныхъ Татаръ.
Окружили они Златьо
Въ одномъ маленькомъ лѣсу.
Мано издали вскрикнулъ:
«Поди-ка, Христо, ко мнѣ!»
Христо сталъ просить Златьо:
«Отпусти меня, Златьо,
Я пойду къ моему вѣрному товарищу».
Златьо вынулъ свой ятаганъ
И, сказавъ Христу: «съ тобой
Ятаганомъ я попрощаюсь»!
Отрубилъ ему голову.
Тутъ сегмене сдѣлали ружейный залпъ.
Наровя въ Златьо попасть,
Но убили лишь его товарища.
Остался Златьо одинъ,
Ни отъ кого не ожидая помощи:
Какъ истый юнакъ онъ защищался
Отъ полудня до вечера:
Двѣнадцать враговъ на смерть убилъ.
Тринадцать ранилъ изъ ружья,
Турки совсѣмъ растерялись,
И стали говорить другъ другу:
«Оставимъ его, довольно».
Проклятый Мано вдругъ закричалъ:
«Оставлять его не слѣдъ,
У него вышли всѣ патроны».
Къ несчастью, это была правда:
Засунувъ руку въ суму,
Златьо досталъ пороху
И зарядилъ свое ружье;
Но одна искра упала,—
Порохъ вспыхнулъ
И опалилъ ему лицо.
Тутъ Златьо громко вскричалъ:
«Несчастная настала минута,
Не могу стрѣлять изъ ружья,
Не могу я схватить Мана,—
Юнакъ безъ глазъ безсиленъ»!
Тогда онъ вынулъ ятаганъ
И ринулся на Турецкій отрядъ,
Крича зычнымъ голосомъ:

«Поди ты сюда. Мано проклятый,
Поди-ка, Мано, вотъ ко мнѣ»!
Съ кровавой пѣной во рту,
Съ грознымъ ятаганомъ въ рукѣ.
Златьо сегменовъ рубилъ:
Сегмене же били его
Мелкими и крупными каменьями.
Еще разъ Златьо вскрикнулъ:
«Проклятъ будь тотъ воевода,
Что слушаетъ простую дружину
И не рубитъ невѣрныхъ»!
Тутъ палъ Златьо на землю
И съ душою разстался.
Много слезъ пролили Болгары.
Страшно проклинали они Мана:
«Проклятъ будь Мано негодный.
Что погубилъ нашего юнака»!

Затьо убитъ въ 1810 г. недалеко отъ Сливна. По дорогѣ изъ Сливна въ Филиппополь, возлѣ деревни Налбантлара, недалеко отъ Тунджи, находится небольшая долина, которая съ 1810 г. называется Кокарчевою рѣкою или Кокарчевою долиною. Старожилы разсказываютъ, что Златьо Кокарчо-оглу, защищаясь, убилъ до 25 Турокъ и 10 Болгаръ, а до 40 душъ было раненыхъ, пока вспыхнулъ его порохъ. Про то, какъ вспыхнулъ его порохъ, вотъ что разсказываютъ. Когда истощились патроны, Златьо вынулъ изъ сумки двѣ оки пороху и зарядилъ ружье; но искра заронилась въ порохъ и огонь обжегъ ему глаза. Златьо былъ просто герой: никто не могъ его побороть и никто не могъ съ нимъ сравняться. Онъ былъ бѣднякъ и любилъ играть на свирѣли. Ростомъ онъ былъ высокъ, волосы онъ имѣлъ черные, а усы длинные. Разъ онъ отправился, съ 25 ослами. привезти дровъ. При этомъ онъ имѣлъ съ собою только одного маленькаго мальчика. который долженъ былъ помогать ему накладывать дрова. Случилось, что онъ остался позади мальчика, который гналъ ословъ. Встрѣтившіеся три Турка растолкали ословъ, и дрова попадали по дорогѣ. Златьо, догнавъ мальчика, спросилъ его, изъ-за чего онъ плачетъ и почему дрова попадали. Когда Златьо узналъ причину, немедленно догналъ Турокъ и убилъ всѣхъ троихъ. Изъ семейства его осталась только одна жена. которая еще не такъ давно проживала въ Бухарестѣ.

XIV. Кара-Субе, Трифонъ-воевода и Добре.

Кара-Субе, родомъ изъ Сливца. Онъ ученикъ двоихъ братьевъ Бонарджи-Минчо-огларъ, которые 15 лѣтъ ходили по Балканамъ. Однажды Бонарджи-Минчо-огларъ пришли со своею четою къ Синимъ Камнямъ и остановились на томъ мѣстѣ, которое называется Керемидна-кушла (Черепичный хуторъ). Они замѣтили, что въ одной овчарнѣ, недалеко отъ хутора, горитъ огонь. Нужно сказать, что одинъ братъ былъ воеводою, а другой знаменоносцемъ.—«Теперь нѣтъ пастуховъ въ овчарнѣ... Кто-

же это развелъ огонь?» спросилъ знаменоносецъ.—«Вы ступайте себѣ впередъ, а я пойду и узнаю, кто тамъ въ овчарнѣ», сказалъ воевода. Пришедши въ овчарню, онъ нашелъ двоихъ Турокъ и одного Болгарина, котораго имя было Нейко Ичерецъ, и убилъ всѣхъ троихъ. Услышавъ выстрѣлъ, знаменоносецъ приказалъ дружинѣ подождать его и пошелъ на выручку брата. Между тѣмъ воевода, убивъ троихъ, началъ заряжать ружье и услышалъ шумъ, который означалъ, что къ нему кто-то приближается. Онъ подумалъ, что къ нему идетъ Турокъ, выстрѣлилъ и убилъ своего брата. Когда же пошелъ къ дружинѣ и спросилъ, гдѣ его братъ, дружина отвѣчала ему, что онъ молъ пошелъ спасти его. «Пусть Богъ проститъ его», и съ тѣхъ поръ бросилъ гайдуковать... Послѣ того Кара-Субе былъ выбранъ въ воеводы, а Трифонъ въ знаменоносцы. Вотъ, что поется о Субѣ въ одной пѣснѣ.

Ходилъ этотъ Субе, молодецъ,
Три года молодымъ знаменосцемъ,
А шесть лѣтъ старымъ воеводой.
Султанъ ему сдѣлалъ предложеніе:
«Брось, ты, Субе, бродить,
Вѣрную клятву даю тебѣ:
Подарю тебѣ имѣніе,
Имѣніе Мосокожалу».
Субе дружину повелъ,
Пришелъ съ нею въ Исирліе
И поздоровался съ султаномъ.
Султанъ Субе говоритъ:
«Субе, ты, молодой воевода!
Подарю тебѣ имѣніе,
Если ты меня избавишь,
Отъ Стамбульскаго падишаха.
Я, Субе, разсердился
И зарѣзалъ свою сестру;
А царь снарядилъ кавасовъ,
Чтобы они отрубили мнѣ голову».
Согласился Субе воевода—
Шесть лѣтъ просидѣлъ и берегъ его;
Однако пришелъ фирманъ
Къ Ени-Захарскому аяну
Отъ Адріанопольскаго паши
Схватить Субе воеводу,
Схватить и убить его.
Бозвалія долго раздумывалъ
И такъ сказалъ заптіямъ:
«Иль мы должны схватить Субе,
Или потерять головы
Въ великомъ городѣ Адріанополѣ».
Билюкъ-баши говорили:
«Субе—грозный богатырь,
Субе—юнакъ изъ юнаковъ»!
Бозвалія имъ молвилъ на это:
«Я васъ научу,
Какъ схватить Субе.
Вы, смотрите, сдѣлайте какую-либо проказу,
Да бѣжите прямо къ Кара-Субе

И просите его,
Чтобы онъ избавилъ васъ отъ смерти».
Турки подрались межъ собой,
И семеро изъ нихъ побѣжали
Прямо къ воеводѣ Субе
Въ деревню Мосокоджалу.
И говорятъ Субе:
«Мы просимъ тебя, Субе, воевода,
Избавь ты насъ отъ смерти,
Которою грозитъ намъ
Еин-Захарскій аянъ».
Субе легко Туркамъ повѣрилъ,
Принялъ ихъ въ число дружины,
И головы ихъ избавилъ.
Сидѣли они, служили ему,
Дожидаясь благопріятнаго времени...
Когда Субе раздѣлся, перемѣняя бѣлье,
Турки на него бросились
И хотѣли схватить живымъ.
Субе, ища своего кинжала,
Отбивался отъ нихъ руками:
Двоимъ онъ выкололъ глаза,
Третьему выбилъ зубы,
Пятерыхъ убилъ до смерти,
А, затѣмъ, и самъ свалился и умеръ.
Когда же Субе убили,
То и султана схватили,
Султана Есирлійскаго.

Про Трифона и Добре я знаю очень мало. По нижеприведенной пѣснѣ читатели могутъ составить себѣ кое-какое понятіе объ этихъ двухъ юнакахъ.

Трифонъ Добре говоритъ:
«Добре, ты, кичюкъ-байрянтаръ!
Подымай, Добре, знамя
Высоко на Гребенскую гору;
Гребенецъ, Добре, мы пройдемъ,
Къ Матейской горѣ придемъ,
Къ Матейскимъ придемъ дубравамъ.
Дурной сонъ, Добре, мнѣ снился,—
Турки насъ должны разбить».
Добре Трифону говоритъ:
«Трифонъ, ты, старый воевода!
Матей очень далеко,
А ребята сильно устали,—
Цѣлый день, вѣдь, они шли
Отъ большаго Бакаджика.
Веди ты, братецъ, дружину
По берегу рѣки Марашн;
А я побѣгу въ Стралжу,
Чтобы узнать—развѣдать
У Турецкихъ лавочниковъ,
Собирается ли войско».
Вотъ пошелъ Добре и вернулся,
И Трифону такъ говоритъ:
«Трифонъ, ты, старый воевода!

Султанъ большой отрядъ собралъ
И сейчасъ онъ насъ догонитъ».
Чуть заря забрезжилась,
Чуть загорѣлось красное солнышко,
Появился сильный отрядъ:
Впереди его идетъ султанъ,
На зеленой лошади онъ сидитъ
И своимъ товарищамъ говоритъ:
«Схватите мнѣ Трифона»!
Трифонъ дружинѣ говоритъ:
«Дружина вѣрнособранная!
Наше положеніе неудобно,
Но будемъ, братцы, юнаками
И юнацкой смертью умремъ».
Выстрѣлилъ изъ ружья Трифонъ,
Повалилъ султана съ коня,
Султана Асланъ-Геритскаго,
И такъ онъ Туркамъ говорилъ:
«Подите, схватите меня!»
Но султанъ страшно закричалъ:
«Мано, ты, негодная собака!
Останови отрядъ, не бѣжать»!
Мано же повернулъ отрядъ,
И снова онъ вступилъ въ бой.
Съ самого восхода солнца
И до полудня сражались,—
Вся дружина погибла...
Трифонъ и Добре остались.
Трифонъ Добрю говоритъ:
«Складывай мертвыя тѣла—
Изъ нихъ позицію составимъ».
А Добре ему отвѣтилъ:
Намъ позиція ненужна...
«Вынимай тяжелую палицу,
Черезъ весь отрядъ мы пройдемъ
И головы свои избавимъ».
Еще Добре не окончилъ,
А Трифонъ на землю палъ.
Вынулъ тогда Добре ятаганъ,
Черезъ весь отрядъ прошелъ.
Султанъ при смерти закричалъ:
«Прощенье тебѣ отъ меня»!

Старые люди разсказываютъ, что Добре приходилось бѣжать по тѣламъ мертвыхъ и живыхъ; при этомъ, феска его зацѣпилась за вѣтвь, которая была отъ земли на высотѣ въ два человѣческихъ роста. Этотъ бой произошелъ между деревнями Боргуджа и Сѣдларево, находящимися вблизи рѣки Мараши.

XV. Илья-воевода.

Илья родился въ деревнѣ Беровѣ, Малешовскаго округа. Выйти въ горы заставило этого юнака то обстоятельство, что братъ его Станко былъ убитъ Турками. Разъ Илья вышелъ съ братомъ и матерью въ поле ко-

сить. Когда они сѣли отдохнуть, изъ лѣсу раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, которыми были ранены Илья и его братъ. Станко былъ опасно раненъ, но собрался съ силами, выстрѣлилъ и убилъ одного Турка. Илья убѣжалъ въ лѣсъ; раны свои успѣлъ вылѣчить. Нужно замѣтить, что Илья и Станко имѣли здѣсь дѣло съ Турками изъ султанскаго войска, которое было снаряжено правительствомъ для поимки бродягъ и грабителей. Илья боялся возвратиться въ деревню, чтобы не свалили на него вину за убитаго солдата. Кромѣ того, онъ желалъ быть свободнымъ и отмстить за своего брата. Очень скоро дѣла его приняли широкіе размѣры. Около него собралось множество несчастныхъ Болгаръ, ища защиты и пылая мщеніемъ къ своимъ притѣснителямъ. Такъ, одинъ юнакъ разсказывалъ, что Турки убили его брата, другой скорбѣлъ, что они убили его отца; третій рыдалъ, что у него отняли жену и дочь, а четвертый желалъ спасти свою собственную голову и т. п. Видя, что подобныхъ людей набралось очень много, Илья посовѣтовалъ имъ составить нѣсколько четъ, потому что въ одной четѣ 200-мъ, или 300-мъ нельзя гайдуковать, или, по крайней мѣрѣ, это очень трудно. Кромѣ того, Илья замѣтилъ, что многіе изъ этихъ несчастныхъ людей не имѣютъ ни юнацкаго сердца, ни способностей къ гайдучеству. Онъ выбралъ только 15 человѣкъ добрыхъ молодцевъ и повелъ ихъ съ собою въ Доспатскіе Балканы. По этимъ горамъ онъ ходилъ цѣлыхъ шесть лѣтъ. Его знаменосцемъ былъ какой-то Стоименъ. Впродолженіе этого времени, Турки ни разу не могли его разбить, ни одинъ изъ его товарищей не былъ убитъ, ни даже раненъ. Когда Турки увидѣли, что ничего не могутъ ему сдѣлать, настроили администрацію къ мщенію противъ его жены. Кюстендильскій каймакамъ послалъ нѣсколькихъ кавасовъ, чтобы схватить жену Ильи вмѣстѣ съ дѣтьми и привести ихъ въ этотъ городъ. Этотъ поступокъ заставилъ Илью дѣйствовать отчаянно. Илья сталъ убивать каждаго Турка, попадавшагося ему въ руки. Затѣмъ, онъ послалъ къ Кюстендильскому каймакаму письмо, въ которомъ говорилъ, что если его жена и дѣти не будутъ отпущены, то онъ начнетъ рѣзать, вѣшать и жечь, гдѣ только представится возможность. Разумѣется, послѣ этого письма Турки отпустили жену и дѣтей. Къ концу шестого года въ дружинѣ Ильи возникли раздоры и частыя неудовольствія. Каждый изъ его дружины желалъ сдѣлаться самостоятельнымъ воеводою и предводительствовать отдѣльною четою. Сначала отдѣлился отъ Ильи Стоименъ, а за нимъ пошла половина Ильиной дружины. Долгое время Илья просилъ Стоимена и остальную дружину не оставлять чету; но никто изъ нихъ не слушалъ его. «Ты думаешь, что только Илья можетъ быть воеводою», сказалъ Стоименъ, и оставилъ его. Съ этого времени силы Ильиной четы начали ослабѣвать; но имя Ильи стало прославляться болѣе и болѣе. А что сдѣлалось съ Стоименомъ и его дружиною? Еще не прошло и двухъ недѣль, какъ Турки стали приносить головы Стоименовыхъ дружинниковъ одну за другою. Когда ранили и самого Стоимена, Илья взялъ его къ себѣ и, вылѣчивъ его, опять сдѣлалъ его своимъ знамено-

носцемъ. Но Стоименъ снова отдѣлился и снова былъ разбитъ Турками. Прошло еще шесть лѣтъ. Впродолженіе этого времени, Илья получилъ нѣсколько ранъ въ разныхъ мѣстахъ. Два раза онъ былъ даже вынужденъ отдаваться въ руки Турокъ, вмѣстѣ съ своею дружиною. Это изъявленіе покорности было очень странно! Неужто Турки прощали вину такого гайдука, который отрубилъ нѣсколько сотъ «динъ-ислямскихъ» головъ? Нѣтъ, тутъ были причины совершенно иныя. Когда Илья замѣчалъ, что Турки прощаютъ ему страха ради и что ищутъ причины осудить, или даже убить его, то опять отправлялся въ Доспатскіе Балканы и снова становился свободнымъ человѣкомъ. Молодцы, которые вмѣстѣ съ нимъ слагали свое оружіе, были убиты до одного. Является вопросъ, почему была истребляема его дружина, когда самъ Илья оставался живъ и здоровъ? Это вотъ почему. Юнаки, слагая оружіе, женились и дѣлались друзьями Турокъ; а Илья всегда былъ готовъ взять ружье и броситься въ Балканы. Если бы Илья сдѣлался купцомъ, то и онъ потерялъ бы голову.— «А если это такъ, то почему онъ слагалъ оружіе»? спросятъ нѣкоторые изъ читателей. Слагалъ онъ оружіе потому, что былъ обманываемъ монахами. Самъ Илья разсказывалъ мнѣ, что нѣсколько Греческихъ архіереевъ уговаривали его изъявить покорность правительству и жить мирно. Много разъ приходили въ Берово изъ Софіи, Кюстендиля, Сереза и Ниша Турецкіе чиновники и старались схватить Илью. Илья приходилъ въ свою деревню съ пятью, шестью молодцами, встрѣчался съ чиновниками и говорилъ имъ, что если они не перестанутъ дѣлать несправедливости и обиды православнымъ христіанамъ, то всѣ Турецкія села будутъ сожжены въ одну ночь, а сами Турки будутъ изрублены, какъ огурцы. Турецкое населеніе слушало Илью и просило чиновниковъ не трогать ни его самого, ни его дружину; а Ильѣ говорили такъ: «Не жги, Илья, нашихъ домовъ. Если мы начнемъ рѣзаться между собою, то пропадемъ и мы, и вы». Турки цѣловали ему руки и ноги, какъ Могамеду, и плакали, какъ дѣти. Илья дрался съ Турками болѣе 100 разъ. Конечно, это очень легко можетъ показаться преувеличеніемъ; но я увѣряю, что разсказы объ Ильѣ истинны и непреувеличенны. Съ одними Турецкими разбойниками Илья дрался болѣе двадцати разъ; а это съ нимъ случалось еще въ то время, когда онъ даже и не думалъ быть гайдукомъ. Когда Илья, въ качествѣ пандура, ходилъ въ Рыльскій монастырь, то разбивалъ Турецкія четы болѣе десяти разъ.

Стоименъ никогда не слагалъ оружія передъ Турками. Этотъ юнакъ давно уже убитъ. Георій Айка также убитъ, бывъ захваченъ Турками пьянымъ; а Цеку Горленчанина Турки изрубили въ Нишѣ.

Когда Илья въ четвертый разъ вышелъ въ горы, то собралъ новыхъ товарищей и занимался гайдуцкимъ дѣломъ еще два года. Въ 1861 г. онъ переселился въ Сербію, гдѣ и теперь живетъ. Илья прозывается Марковымъ, потому что имя его отца Марко. Про него сложена слѣдующая пѣсня:

Сталъ извѣстнымъ Илья-воевода
По этимъ Рыльскимъ горамъ,
По этимъ зеленымъ лѣсамъ,
У этой зеленой травы,
У этой студеной воды.
Илья превосходитъ юначествомъ всѣхъ!
Не позволяетъ проѣхать казнѣ,
Не позволяетъ произойти грабежу,
Не позволяетъ случиться обидѣ
На этихъ Рыльскихъ горахъ
Отъ этихъ негодныхъ Турокъ.
Собрались, сошлись
И Турки, и Арнауты,
И чернокожіе Цыгане,
Прямо въ пашѣ они пошли,
И такъ говорили ему:
«Паша, ты, царскій хранитель!
«Дай ты намъ, паша, низамовъ,
Къ Малешскимъ селамъ пойдемъ,
Илью воеводу тамъ словимъ,
Кожу мы съ Ильи сдеремъ;
А то плачутъ отъ него аги,
И перепуганы всѣ паши.
И много пролилъ онъ Турецкой крови!
Много изрубилъ онъ
Ходжей и хаджіевъ,
Пашей и аяновъ,
Агъ и сегменовъ,
Муллъ и дервишей».
Паша созвалъ низамовъ
И тихо имъ говоритъ:
«Въ Малешскія села идите,
Илью воеводу схватите,
Назадъ ему руки свяжите,
Да въ тюрьму его ведите».
Низамы жалостно отвѣчаютъ:
«Паша, ты, царскій хранитель,
Отправь ты насъ прямо въ Стамбулъ,
Противъ царскихъ войскъ—мы пойдемъ;
Только не принуждай ты насъ
Ловить того Илью воеводу,—
Вѣдь, онъ сынъ краля-Марка».

Про Корча Сарайлія и Цека Горленчанина дѣдъ Илья разсказалъ мнѣ слѣдующее: Корчо родомъ изъ Струмницкаго округа, изъ деревни Сарая. Когда онъ былъ пастухомъ вмѣстѣ со своимъ отцомъ у одного Турецкаго бея, съ нимъ случилось такое обстоятельство. Вдругъ на овецъ напала какая-то неизвѣстная болѣзнь, и онѣ стали болѣть и издыхать. Это разъярило Турка до того, что онъ заключилъ отца Корча въ тюрьму, за то, что будто этотъ старикъ не умѣетъ беречь его овецъ. Корчо убѣжалъ въ горы и послалъ къ бею сказать, что если онъ не выпуститъ его отца, то и его овцы, и онъ самъ скоро увидятъ страшнаго мстителя; но бей не обращалъ вниманія на угрозы Корча и продолжалъ держать его отца въ затворѣ. Этотъ бей жилъ въ Струмницѣ. Наконецъ,

Корчо послалъ ему окроваленный патронъ (фишекъ)и объявилъ, что скоро отомститъ. Но Турокъ отомстилъ еще скорѣе. Изувѣръ бросилъ насчастнаго старца въ отхожее мѣсто. Этотъ случай привелъ Корча въ крайнее ожесточеніе и онъ рѣшился мстить. Беи въ то время были самодержавными деспотами; они были крѳвожаднѣе самого Цареградскаго правительства; сами султаны и ихъ янычары боялись ихъ тронуть. И такъ, Корчо рѣшился отомстить за отца и всѣхъ невинныхъ Болгаръ, которые сложили головы подъ Турецкимъ кинжаломъ. Очень скоро онъ собралъ «вѣрную дружину», пошелъ съ нею въ горы и началъ крайне жестоко преслѣдовать Турецкихъ беевъ. У весьма многихъ беевъ онъ сжогъ хутора, многимъ Турецкимъ кровопійцамъ отрубилъ головы, многимъ Турецкимъ тиранамъ было отомщено по заслугамъ. Много разъ этотъ юнакъ терялъ всю дружину, но тотчасъ же собиралъ новую и продолжалъ свои опустошенія. Однажды Корчо встрѣтилъ одного изъ беевъ въ деревнѣ Дабиловѣ (Струмницкаго округа). Этотъ кровопійца сиротъ ѣхалъ тогда на прекрасной Арабской лошади, а за нимъ шла цѣлая толпа конюховъ, олановъ и чибукчіевъ, одѣтыхъ въ богатыя одежды. Этотъ бей былъ еще молодъ. Въ одно мгновеніе дружина Корча окружила тирана, сбросила его съ коня, и на него наступило около ста ногъ людей, пылавшихъ ненавистью къ нему. Гайдуки отрубили ему руки, ноги, а послѣ уже отрѣзали голову, которую одинъ дружинникъ вздѣлъ на палку и началъ носить передъ дружиною. Это было для Корча и его дружины большое торжество. Молодцы вышли отсюда въ путь очень веселы и пѣли пѣсни. Нужно замѣтить, что этотъ бей былъ изъ тѣхъ тирановъ, которые не останавливаются ни передъ какимъ преступленіемъ. Множество сиротъ потеряли жизнь подъ палкою этого тирана, множество женъ и мальчиковъ потеряли изъ-за него свою честь, множество дѣтей было обращено въ могамеданство, множество юношей было обезчещено скотски или, вѣрнѣе сказать, Азіатски, потому что скоты гораздо благонравнѣе Турокъ.

Корчо служилъ гайдучеству болѣе десяти лѣтъ. Въ одномъ году Корчо купилъ нѣсколько лошадей, переодѣлся въ купеческую одежду и поѣхалъ куда-то. Гдѣ онъ ѣздилъ цѣлыхъ десять лѣтъ—никто не зналъ объ этомъ. По прошествіи десяти лѣтъ, Корчо появился въ Виддинскомъ округѣ съ 300 человѣкъ. Многіе разсказываютъ, что Корчо ходилъ со своею дружиною по Сербіи и Греціи, чтобы помогать имъ противъ Турокъ и просить у нихъ взаимной помощи противъ общихъ враговъ; но, когда Корчо увидѣлъ, что его надежды напрасны, что каждый думаетъ только о себѣ, пришелъ съ своею четою въ Виддинъ помочь Пазванто-оглу, который взбунтовался-было противъ правительства. Но Пазванто-оглу былъ Турокъ! Спустя короткое время Корчо оставилъ Пазванто-оглу, напалъ съ дружиною на Струмницу, изрубилъ почти всѣхъ жителей, которые были Турки, Болгары и Греки, зажегъ городъ и опустошилъ всю окрестность. Таково было мщеніе этого страннаго человѣка! Вмѣсто того, чтобы напасть на бея и избавить народъ отъ его тиранства, Корчо истребилъ и самый народъ! Кто можетъ намъ сказать,

что̀ лежало на душѣ у этого человѣка? Я не обвиняю его, потому что тотъ злодѣй бросилъ его отца въ такое грязное мѣсто, а граждане смотрѣли на это равнодушно и не подумали о томъ, что несчастія—общая принадлежность всѣхъ христіанъ. Если и тогдашніе чорбаджіи были похожи на теперешнихъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, они помогали Туркамъ совершать противъ райи различныя злодѣйства; слѣдовательно, Корчо добросовѣстно исполнилъ лежавшій на немъ долгъ. Изъ Струмницы Корчо опять возвратился въ Виддинъ. Что̀ послѣ этого съ нимъ случилось—никто ничего не знаетъ.

Цеко Горленчанинъ, родомъ изъ Піанишской области, изъ деревни Горлени. Причины, которыя заставили Цеко быть гайдукомъ, очень темны; но, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ заслуживаетъ геройской славы, т. е. онъ долженъ славиться какъ каждый юнакъ, который принесъ пользу своему отечеству. Цеко ходилъ по горамъ и лѣсамъ болѣе пяти-шести лѣтъ. Дружина его была то малочисленная, то многочисленная; но онъ успѣвалъ при разныхъ случаяхъ сдѣлать Туркамъ много вреда. Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что причины, заставившія Цеко мстить османліямъ, были не очень маловажны. Послѣ многолѣтнихъ преслѣдованій, Турки успѣли обмануть Болгарскаго юнака и уговорили Цеко покориться правительству. Нишскій паша послалъ къ Цекѣ одного человѣка сказать ему, что если онъ сложитъ оружіе и покорится правительству, то его оставятъ жить спокойно въ своемъ родномъ селѣ и домѣ. Цеко повѣрилъ пашѣ и покорился; но Турки связали его и отвели въ Нишъ. Скоро онъ былъ осужденъ на смерть. Когда его привели къ висѣлицѣ, онъ успѣлъ отвязать себѣ правую руку и началъ бить вправо и влѣво. Такимъ образомъ храбрецу удалось убить нѣсколько человѣкъ Турокъ и умереть, какъ слѣдуетъ умирать юнаку. Турки искололи тѣло его сотнями глубокихъ ранъ. Я бы желалъ подобной смерти каждому Болгарскому юнаку. Лучше умереть, защищаясь зубами, нежели висѣть на висѣлицѣ, какъ негодной твари.

XVI. Истребленіе Турецкихъ шаекъ.

Дончо Ватахъ былъ родомъ изъ Коприщицы. Что за причина заставила этого человѣка сдѣлаться гайдукомъ и истребить столько сотенъ Турецкихъ негодяевъ — я не знаю; знаю только, что цѣлью его дѣятельности было—преслѣдовать Турокъ лиходѣевъ и помогать несчастнымъ Болгарамъ. Подобные гайдуки—большая рѣдкость въ нашемъ отечествѣ! Дончо нападалъ только на злодѣйскія Турецкія шайки, на заптіевъ и на Болгарскихъ чорбаджіевъ; но послѣднихъ онъ никогда не убивалъ, а только отнималъ у нихъ деньги и отпускалъ ихъ живыми. Отнятые у богатыхъ людей деньги, Дончо раздавалъ сиротамъ, т. е. покупалъ имъ быковъ, платилъ за нихъ подати и давалъ имъ въ долгъ. Дончо прославился болѣе всего въ Адріанопольской и Димотишской на-

хіяхъ, а именно, въ Кешанѣ, Эроболѣ, Ипцалѣ и Узунъ-Кюпріѣ, гдѣ онъ геройски гайдуковалъ болѣе пяти лѣтъ. Въ одинъ изъ этихъ годовъ противъ Донча былъ отправленъ изъ Адріанополя отрядъ изъ 200 ч., изъ которыхъ только 60 принесли обратно свои головы. Это случилось въ 1848 г. Послѣ того, Турецкое правительство не трогало его болѣе. Причины этого различны. Во-первыхъ, простой народъ любилъ Донча и предупреждалъ его о мѣрахъ, предпринимаемыхъ противъ него правительствомъ; во-вторыхъ, эти бѣдняки (Болгары, Турки и Греки) помогали своему благодѣтелю во всѣхъ отношеніяхъ; въ третьихъ, Дончо зналъ очень хорошо какъ Балканскія, такъ и Доспатскія горы и всегда успѣвалъ во-время убѣжать и скрыться. Кромѣ того, Турки сильно были напуганы геройствомъ Донча. Его геройскій подвигъ противъ трехъ-сотеннаго отряда, о которомъ очевидцы разсказываютъ много даже невѣроятныхъ вещей, навелъ на Турецкихъ заптіевъ такой страхъ, что если Дончо показывался въ какомъ либо городѣ, то могъ обратить въ бѣгство цѣлый батальонъ войска. Турки боялись не только его необыкновенной силы и ловкости, но еще и какой-то, покровительствовавшей ему, сверхестественной силы, т. е. они вѣрили, что Дончо и его дружина—черти въ человѣческомъ образѣ и т. п. Долгое время Дончо скрывался около того моста, про который теперь народъ разсказываетъ невѣроятныя легенды, и Турки вѣрили, что Дончо находится въ побратимствѣ съ вѣдьмами («самодиви»). «Если бы ему не помогали вѣдьмы, то онъ не ночевалъ бы подъ Узунъ-Кюпрійскимъ мостомъ», говорили они. Солдаты также разсказывали, что ихъ пули не въ состояніи были ранить его, а сабли и кинжалы ихъ притуплялись объ его тѣло. Во всемъ этомъ, повидимому, твердо убѣждались даже тѣ лица, которыя изъ собственныхъ рукъ стрѣляли въ него. Каждый изъ нихъ готовъ былъ присягнуть, что онъ убилъ бы Донча, если бы ему не помогали вѣдьмы—его родныя сестры. Я думаю, что ни въ одной народности не существуетъ столькихъ суевѣрій, какъ это мы видимъ у Азіатскихъ могамеданъ. Самая могамеданская религія есть не что иное, какъ грубое суевѣріе и крайнее заблужденіе. Турки вѣрятъ этимъ суевѣріямъ, какъ вѣрятъ и въ самого Бога. Вотъ почему они смотрѣли на сношенія Донча съ вѣдьмами, какъ на естественную вещь. И дѣйствительно, его подвиги, его мужество, его укрывательство, столько разъ спасавшее его отъ очевидной смерти и проч. представляли въ себѣ что-то романтическое, сверхестественное. Однажды Дончо былъ схваченъ и посаженъ въ Адріанопольскую тюрьму; но «патріархальный» Адріанопольскій паша простилъ его, потому что ему было жаль погубить такого «добраго» юнака. Другой разъ убѣжалъ онъ изъ тюрьмы, успѣвъ, при этомъ, убить трехъ Турокъ. Разсказываютъ, что однажды Дончо схватилъ Димотишскаго кадія и его сына и приказалъ своимъ молодцамъ заколоть ихъ. Я долженъ замѣтить еще, что въ гаремѣ этого кадія находилась дочь одного изъ Дончевыхъ товарищей, которая насильно была обращена въ могамеданство. Этотъ Дончевъ товарищъ прозывался Кунчо и былъ родомъ изъ деревни Куручешмя (Пловдивскаго округа). Кадій умолялъ гайдуковъ дѣлать съ нимъ,

что имъ угодно, но только отпустить его сына.—«А любишь ли ты своихъ дѣтей»? спросилъ юнакъ. Дѣлая этотъ вопросъ, Кунчо съ большою ненавистью посмотрѣлъ на кадія, и двѣ крупныя слезы покатились по его грубому лицу. Видя, что этотъ юнакъ плачетъ, заплакалъ и самъ кадій, думая, что этимъ можетъ тронуть его сердце. «Видите ли, какъ этотъ звѣрь, который никогда не жалѣлъ чужихъ дѣтей, плачетъ о своемъ сынѣ»? произнесъ дрожащимъ голосомъ Дончо. «Не рѣжьте его сына», просили нѣсколько человѣкъ изъ дружины. «Слышишь ли кадій-эфенди? Кунчо обратился великодушно къ беззащитному тирану.—Ты плачешь о своемъ сынѣ и просишь, чтобы его не убивать! А знаешь ли, кто я? Ты погубилъ мою дочь, ты хотѣлъ зарѣзать моего сына, разорилъ мой домъ и убилъ мою жену! Развѣ ты не подумалъ, что у насъ, гяуровъ, есть не менѣе родительскаго чувства, чѣмъ и у васъ, мусульманъ». Услышавъ это, Турокъ тотчасъ засмѣялся. Это весьма удивило всю дружину.—«А чего ты смѣешься»? спросилъ Кунчо.—«Мнѣ смѣшно слушать, что какой-то рабъ («робъ»), гяурская собака, «безвѣрникъ», волъ вздумалъ толковать мнѣ про родительскія чувства людей. Ты не что иное, какъ волъ, оселъ, мулъ, гяуръ, и ты смѣешь сравнивать себя съ динислямомъ! Да развѣ у скотовъ есть родительскія чувства?»—«По его мнѣнію, у христіанъ, т. е. у рабовъ, нѣтъ ни родительскихъ чувствъ, ни доброй души, ни жалостнаго сердца», сказалъ Дончо и съ выраженіемъ горькаго чувства покачалъ головою.

Надо полагать, что Турокъ говорилъ искренно: Турокъ считаетъ только себя человѣкомъ. А можетъ ли онъ, скажите-ка мнѣ, смотрѣть иначе, когда мы почти каждый день ему доказываемъ, что мы—животныя и даже хуже ихъ,—что достойны быть рабами? Ну-ка, посмотрите, сколько милліоновъ рабовъ падаютъ на колѣни передъ Турецкими эфенди и умоляютъ ихъ взять на одну ночь ихъ дочерей, или женъ и сказать имъ: «аферимъ кахпоолу» (браво)! Да развѣ мы не видимъ и такихъ отцовъ, которые радуются, когда ихъ сыновья дѣлаются Турецкими оланами и чибукчіями? Да развѣ мы не видимъ такихъ матерей, которыя хвастаютъ тѣмъ, что ихъ дѣти—народные палачи и правительственные шпіоны? Тяжело объ этомъ и подумать! Я самъ слышалъ, какъ многіе изъ нашихъ мѣднолобыхъ завидуютъ Петраки Златеву, Ивану Чорапчіеву, Стоилу Попову, х. Иванчѣ Величкову, Крестовичу, Іоакиму Груеву и проч. и какъ величаютъ ихъ именами: «эфенди», «ага» и «челеби». Будь проклятъ и тотъ Болгаринъ, который становится Турецкимъ чиновникомъ, и тотъ, кто его хвалитъ и почитаетъ! Я увѣренъ, что моя клятва падетъ на плодородную почву, потому что она происходитъ изъ глубины сердца, наболѣвшаго отъ нашихъ собственныхъ язвъ. Да будутъ благословенны гайдуки! Боже, услышь мою молитву!

Знаменоносцемъ Дончa былъ Петко Янтахта, который былъ родомъ также изъ Коприщицы. Жена Дончa была жива до 1856 г. О Дончѣ можно сказать еще, что этотъ человѣкъ былъ народнымъ воеводою. Разсказываютъ, что Дончо ученикъ Никола Кирджели, родомъ изъ деревни Поибреня.

Никола названъ Кирджели лишь потому, что много разъ дрался съ Кирджеліями.

Скажу нѣсколько словъ и о Кирджеліяхъ. Съ 1790—1828 г. по Болгаріи бродило много разныхъ гайдуцкихъ шаекъ, которыя обыкновенно называли Кирджеліями (и Кирджаліями). Разсказываютъ, что онѣ назывались такъ потому, что первый основатель ихъ былъ Болгаринъ, по имени Кирджали. Въ началѣ XIX столѣтія, эти злодѣи образовали двѣ сильныхъ разбойничьихъ шайки и выжгли всю Европейскую Турцію. Предводителемъ одной шайки былъ Кара-Феизъ, а другой—Токакчи. Первый имѣлъ около 200 верховыхъ человѣкъ, а второй болѣе 300. Эти отчаянные злодѣи сожигали деревни и города втеченіе цѣлыхъ 12 лѣтъ. Никакое перо не въ состояніи описать тѣхъ злодѣйствъ, которыя Кирджаліи совершали въ Болгаріи! Весь Балканскій полуостровъ горѣлъ съ одного конца до другого. Сохранились въ цѣлости лишь нѣсколько городовъ и большихъ деревень. Эти города и села слѣдующіе: Пловдивъ (Филиппополь), Ямболъ, Карнобатъ, Айдосъ, Ески-Захара, Габрово, Карлово, Калоферъ и проч. Всѣ маленькія села превратились въ пепелъ. Въ Болгаріи, Ѳракіи и Македоніи было составлено нѣсколько большихъ Болгаро-Турецкихъ четъ, чтобы защищаться отъ Кирджаліевъ, но эти четы очень часто оставались побѣжденными. Македонскою четою предводительствовалъ вышеупомянутый Никола. Когда Кирджаліи видѣли какого-либо красиваго мальчика, красивую женщину, или миловидную дѣвушку, то брали ихъ съ собою и дѣлали съ ними всевозможныя варварства. Жены у нихъ именовались «гевендіи», а мальчики «олане» и «кіочеки».

Кромѣ упомянутыхъ двухъ четъ, по Болгаріи ходила еще одна Кирджалійская чета, составленная изъ Болгаръ и предводимая Кара-Кольо и Индже-воеводою. Сначала Инджe-воевода былъ простымъ разбойникомъ и водилъ съ собою только 70 товарищей; но когда появились Турецкіе Кирджаліи, Инджe-воевода собралъ около 500 человѣкъ конницы и сталъ злодѣйствовать надъ христіанами и надъ мусульманами. Сначала были разбиты Турецкіе Кирджаліи, а потомъ и Инджe-воевода. Старики разсказываютъ, что Инджe былъ убитъ деревенскимъ мальчикомъ. Другіе говорятъ, что онъ былъ только раненъ и что, послѣ того, ходилъ еще цѣлыхъ три года. Вотъ что говоритъ народное преданіе объ этомъ убійствѣ:

Дай мнѣ, мать родная,
Дай съ руки запястье,
Сребреную гривну;
Вылью я изъ гривны
Сребреную пулю:
Сребреною пулей
Застрѣлю я, мама,
Инджe-воеводу.

Словомъ, это убійство случилось такъ. Въ одной деревнѣ былъ праздникъ. А Кирджаліи, переодѣвшись, ходили по праздникамъ и безчинствовали. Одинъ молодой Болгаринъ, узнавъ, что на праздникѣ будетъ Инджe,

задумалъ, по неизвѣстной причинѣ, убить его. Едва только показались Кирджаліи, этотъ парень приложился къ ружью и свалилъ Индже на землю. Бабы разсказываютъ, что, когда Индже хоронили, земля три раза выбрасывала его, потому что онъ былъ очень грѣшенъ. Все это заставило народъ исполнить свои суевѣрные обряды: Болгары убили собаку и закопали ее въ землю вмѣстѣ съ знаменитымъ разбойникомъ. Эти легенды свидѣтельствуютъ, что Индже не походилъ на Донча, ни даже на Илью. Послѣ сказаннаго происшествія, чета Индже зимовала въ с. Шихлорѣ, близъ Карнобата. Весною Кирджаліи съ большею энергіею напали на этотъ укрѣпленный городъ. Но въ то время Карнобатъ былъ окруженъ большими рвами, слѣдовательно, Кирджаліи не такъ легко могли пробраться въ него. Много Кирджаліевъ пало при осадѣ этого города. Затѣмъ, разбитыя шайки направились въ Дунайскую область, сожгли села въ окрестностяхъ Сливна, уничтожили водяныя мельницы по рѣкѣ Сотирской и, наконецъ, были окончательно разбиты между Котломъ и Раковомъ, т. е. при рѣкѣ Козьей. Оставшіеся Кирджаліи, числомъ около ста человѣкъ, отправились къ Пазванто-оглу и къ Кара-Георгію, въ Сербію. Только Кара-Кольо остался съ 60 человѣками пѣшей дружины и ходилъ съ ними по Ѳракіи еще 10 лѣтъ. Дорога между Сакаръ-Планиною и Бакаджикомъ еще и теперь называется Кара-Кольовою дорогою. На Средней горѣ, близъ деревни Чанакчіи, находится колодезь, который точно также называется Кара-Кольовымъ колодеземъ. Кара-Кольо былъ родомъ изъ с. Омарчева, что близъ Ени-Захары. Турки и донынѣ называютъ поселянъ этой деревни «Омарчо-хайдутлары», хотя эти поселяне самые кроткіе и самые мирные люди въ свѣтѣ. Про Индже-воеводу и Кара-Колья поется Болгарами множество пѣсенъ; но я не желаю приводить ихъ, потому что имъ здѣсь не мѣсто.

Сербское и Греческое возстанія нашли откликъ и въ Болгарскихъ сердцахъ: долговѣчное рабство поколебалось, рабы пробудились и каждая молодая и честная душа стала думать о свободной жизни. Цѣлыя сотни Болгаръ бѣжали въ Сербію и Грецію, чтобы отомстить поработителямъ и подышать хоть одинъ день свободнымъ воздухомъ. Время проходило, Сербія и Греція были уже счастливы и свободны, а Болгарская молодежь, возвращаясь домой, находила свое отечество, по прежнему, несчастнымъ и еще болѣе угнетеннымъ Турками. Равнодушіе народа, предательство фанаріотскаго духовенства и подкупность Болгарскихъ «лучшихъ» людей (чорбаджіевъ) довели народъ до отчаянія и нѣкоторые Болгары рѣшились убивать и чужихъ и своихъ. Индже-воевода и Кара-Кольо принадлежали къ числу этихъ отчаянныхъ людей, которые вынуждены были самими обстоятельствами рѣзать каждаго безъ разбора. Кто въ этомъ виноватъ? Еслибы народъ былъ энергичнѣе—было бы совсѣмъ иное...

Другой послѣдователь Кирджаліевъ былъ Дели-Миндо. Этотъ человѣкъ былъ простымъ пастухомъ. Однажды Кирджаліи схватили Минда и отвели его въ с. Кавакліе, гдѣ находился ихъ лагерь. Онъ обѣщалъ Кирджаліямъ быть ихъ вѣрнымъ другомъ и слушать ихъ, и они приняли его въ свою

чету. Однажды, ночью, онъ напалъ на уснувшихъ казнохранителей, перебилъ ихъ и отнялъ деньги. Этихъ казнохранителей было двѣнадцать человѣкъ, а Миндо убилъ ихъ однимъ топоромъ! Кирджаліи догнали Минда въ горахъ и отняли свои деньги; но самъ онъ успѣлъ убѣжать и, впослѣдствіи, дрался съ ними еще втеченіе долгаго времени. Надо упомянуть, что Кирджаліи много разъ выходили противъ султанскаго войска и разбивали его на голову. Когда граждане города Сливна попросили правительство помочь имъ противъ Кирджаліевъ, то изъ Константинополя былъ отправленъ бостанджи-баши съ цѣлымъ батальономъ войска, кавалеріи и артиллеріи, но Кирджаліи выступили противъ этого войска и заставили его возвратиться во-свояси.

Теперь мы должны предложить себѣ такого рода вопросъ: какимъ образомъ тысяча человѣкъ Кирджаліевъ могли надѣлать столько бѣдъ и какимъ образомъ правительство, которое боролось съ Австріею и Россіею, не могло ихъ уничтожить? Мнѣ кажется, что само правительство подстрекнуло этихъ головорѣзовъ убивать и истреблять невинныхъ христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ; а когда увидѣло, что начинаютъ бунтоваться паши (Али-паша, Пазванто-оглу и храбрый Кара-Георгій), то подумало и объ истребленіи янычаръ.

XVII. Стара-Планина (Балканы).

Подъ именемъ Старой-Планины Болгары подразумѣваютъ тѣ высокія горы, которыя простираются отъ Чернаго моря до Сербскихъ границъ. Вообразите себѣ, что находитесь на томъ мѣстѣ, гдѣ соединяются рѣки Малка или Луда (Бѣшеный) Камчій съ Великимъ (Голѣма) Камчіемъ. Это мѣсто лежитъ немного выше деревни Сандукліи. Повернитесь спиною къ Черному морю и смотрите къ западу: съ лѣвой стороны будетъ Малый Камчій, а съ правой Великій Камчій. Малый Камчій вытекаетъ близъ деревни Ракова и называется Раковскою рѣкою. Этотъ Камчій имѣетъ еще и другой источникъ, который находится вблизи Котла, и въ немъ такъ много воды, что онъ свободно можетъ двигать валы трехъ мельницъ сразу. Близъ деревни Нейкова, Камчій соединяется съ другой рѣкой, которая называется Дѣвичьею (Дивѣшка). Разсказываютъ, что 250 лѣтъ тому назадъ, близъ этой рѣки находилась Болгарская деревня, по имени «Дивѣци», отъ которой она и получила свое наименованіе. Ниже деревни Градецъ Камчій соединяется съ Котлинскою рѣкою, а при д. Шеховой—съ Медвянской. Близъ д. Садова съ Камчіемъ сливается еще одна рѣка, называемая Садовскою, а ниже д. Эсопли въ него вливается Царская или Эсоплійская рѣка. Отъ Садова къ юго-востоку по берегамъ Камчія до самаго Айдоса лежатъ деревни все Турецкія, только на правомъ берегу этой рѣки находится Болгарская деревня, которая называется Босилково. На югъ отъ этой деревни до самаго Карнобата расположены все Болгарскія деревни. Скажу нѣсколько словъ о Большомъ Камчіѣ. Эта рѣка вытекаетъ изъ Тичинскихъ горъ, близъ деревни Тича.

Эта деревня населена Болгарами и Турками. Турки называютъ ее Читакъ. Читаками и Четаками называются тѣ Турки, которые стали мусульманами изъ христіанъ. Старые Турки, т. е. Азіатскіе завоеватели приказывали новообращеннымъ обмазывать трубы своихъ домовъ известкою, чтобы отличать ихъ отъ домовъ христіанъ. Турецкое слово «ч и т - а к ъ» Болгары переводятъ бѣлая труба. Бѣлыя трубы или читаки имѣли большія права: въ такіе дома никто не имѣлъ права проникнуть: ни заптій, ни янычаръ, ни простой человѣкъ. Въ Герловѣ всѣ жители Читаки или по-Турченцы. Большой Камчій протекаетъ черезъ многія Читакскія деревни, между которыми находится Карадемиръ-киой. Ниже этой деревни рѣка Б. Камчій протекаетъ между двумя горами, т. е. между Дервишъ-Иванъ-Балканъ и между Стара-Планиной. Этотъ проходъ называется Карадемиръ-киой боазъ. Старая Болгарская столица Прѣслава находится въ двухчасовомъ разстояніи отъ этого мѣста. Ниже вливается рѣка Врана. И такъ, Старая-Планина начинается отъ деревни Ченгелъ или Ченге. Болгары называютъ ее Рѣшени или Рѣшенцы. Взойдите на гору и направьтесь къ западу. Придете въ Котелъ, въ Вратникъ и на Твердишскую гору, которая называется Чемерна. Здѣсь находится старая крѣпость, называемая Шишкинъ градъ. Народное преданіе говоритъ, что эта крѣпость устроена Иваномъ Шишманомъ, который на этомъ мѣстѣ имѣлъ большое сраженіе съ Турецкими ордами. И воевода, и его родня, носившая имя Шишкиныхъ, погибли на этомъ мѣстѣ, и построенная здѣсь крѣпость назвалась Шишкинъ-градъ. Сами Турки говорятъ, что на этомъ мѣстѣ погибло 10,000 янычаръ. Твердишская гора окружена буковымъ лѣсомъ. Когда придете къ Чемернѣ, передъ вашими глазами развертывается великолѣпная картина. Въ которую сторону ни посмотримъ—есть на что глядѣть и чему дивиться и радоваться. Красна наша земля! Я люблю сидѣть на этомъ мѣстѣ и оплакивать, какъ Іеремія, свое порабощенное отечество. Даже и моя дружина, которая ставила человѣческую жизнь ни во что и которая была готова почти каждую минуту проливать человѣческую кровь, очень часто проливала на этомъ мѣстѣ юнацкія слезы. Съ этого мѣста видны Сакаръ-гора, Адріанополь, Филиппополь, видѣнъ и Доспатъ. Взгляните вправо: тамъ видны: Елена, Беброво, Терново, Габрово, Плевенъ; точно также видна и рѣка Тунджа, по берегамъ которой растутъ почти цѣлые розовые сады. Посмотрите на югъ—видите много полей и рѣкъ; а глядя къ Дунаю—видите горы и дубравы; покрытыя лѣсомъ возвышенности облиты золотыми лучами Болгарскаго солнца; среди зеленыхъ полей краснѣютъ черепицы; бѣлые-домики высматриваютъ между сливовыми, орѣховыми, грушевыми и вишневыми садами, а рѣки лоснятся подъ лучами солнца, что серебряные пояса. До Хаинъ-боаза горы покрыты буковымъ лѣсомъ, а около Хаинъ-боаза засѣяны ячменемъ и овсомъ. Лѣсныя мѣста встрѣчаются до самаго Оазана, который лежитъ между Шипкой и Габровомъ. На Оазанѣ находятся два Турецкихъ блокгауза. Одинъ изъ этихъ блокгаузовъ былъ выстроенъ противъ Русскихъ во время Севастопольской войны, т. е. на этомъ мѣстѣ Турки приго-

товлялись встрѣтить Московскихъ казаковъ и изрубить ихъ, какъ свѣжій сыръ. Далѣе находится Кадимлій и Мара-Гедикъ. Эти двѣ горы протягиваются между Калоферомъ и Севліевымъ, Ловчемъ и Карловомъ; словомъ, на этомъ мѣстѣ Балканы очень широки. Между Трояномъ и Сопотомъ есть дорога, называемая «Троянская дорожка». Горы имѣютъ голыя вершины. Если отъ Сопотскихъ горъ направитесь къ западу, на вашемъ пути встрѣтятся Леженскія, Златишскія, Буновскія и Мирковскія горы. Съ Буновской или Этропольской горы видны Софія, Витоша и Доспатскія горы. Придя къ Араба-Конаку, найдете широкую дорогу и телеграфъ, который идетъ отъ Софіи въ Орханіе. Пройдя эту дорогу, придете на Мургашь-гору. Эта гора находится противъ Софіи. Прекрасна эта Болгарская гора! Народная пѣсня говоритъ:

Мургашь, ты, гора-планина,
Очень, ты, Мургашь, хороша!

Отъ Мургаши видны: Софійская равнина, Доспатскія горы, Рыла-гора и проч.; видны: Пиротъ, Плевна, Орханіе, Враца и проч.; видѣнъ Искеръ и множество другихъ рѣкъ. Пройдя Искеръ, придешь на Берковскія горы. Онѣ имѣютъ голыя вершины. Между Пиротомъ, Берковцемъ и Бѣлградчикомъ находится гора Три-Чуки. Вокругъ нея лежатъ слѣдующія деревни: вправо—Копеловцы, Главановцы, Говежда, Чипоровцы и Влашско-село; влѣво — Топлій-Долъ, Дойкинцы и Высошскія деревни. Съ этого мѣста видны: Софія, Витоша, Самоковскія горы, Виддинъ, Акчаръ-Паланка, Орѣхово, даже и Дунай. Прямо передъ вами, на западъ, лежитъ Бѣлградчикская гора, а на ней Сербская граница. На сѣверо-западъ видны Нишская гора, которая называется Сухою горою. и Хортенъ. На Хортенѣ зимовалъ гайдукъ Велко. Старики разсказываютъ, что гайдукъ Велко цѣлую зиму провелъ на этой горѣ и боролся съ Турками. Весною, условившись съ Кара-Георгіемъ, онъ напалъ на Банью (Алексинацъ) и выгналъ Турокъ изъ этой мѣстности.

УКАЗАТЕЛЬ*.

ЛИЦА.

*) Римскія цифры, стоящія передъ Арабскими, означаютъ отдѣлы тома.

В.

М.

Р.

С.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Θ.

МѢСТА *).

А.

Б.

*) Сокращенія: г.=городъ, дер.=деревня, комт.=комитетъ, м.=мѣстечко, обл.=область, р.=рѣка, с.=село, ст.=станъ. стол.=столица.

В.

Г.

Д.

Е.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Ш.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.

Важнѣйшія сочиненія по славяновѣдѣнію за 1873—1875.

I. SLAVICA.

Акты Русскаго на св. Аѳонѣ монастыря св. Пантелеймона. Кіевъ. 1873.

Амфилохій. Описаніе Воскресенской Ново-Іерусалимской библіотеки. Москва. 1875.

Voelkel Otto. Die Slavenchronik Helmolds. Göttingen. 1873.

Wojciechowski, T. Chrobacya. Rozbiòr Starożytności Słowiańskich. T. I. Kraków. 1873.

Vymazał, Fr. Poezije Slovanská ....v Ceských překladech. V. Brně. 1874—75.

Hankiewicz, Dr. Kl. Ueber das Accentuationssystem in der sanskrit., griech und ruth. Sprache. Czernowitz. 1875.

Geitler, L. Starobulharska Fonologie se stalym žretelem kjazyku Litewskomu. 1873. V Praze.

Герцеговинское возстаніе и восточный вопросъ. Спб. 1875.

Гильфердингъ, А. Ѳ. Собраніе сочиненій. Спб. Т. 3 и 4. 1873—4.

Guépin. Saint Josaphate, archêvèque de Polock. II. 1875.

Jagić, V. Archiv für slavische Philologie. Berlin. 1875—6. (По настоящее время вышло 3 вып.).

Iugoslovenska slova. U Beču kod Mehitarista. 1874.

Kirkor, A. H. O literaturże pobratymczych narodów Słowianskich. Krakow. 1873.

Кочубинскій, А. Записки о путешествіи по Славянскимъ землямъ. Одесса. 1874.

К(ориика), Ф. Сосѣди Славянъ. Переводъ Дубровскаго (Чтенія М. О. Ист. Др.). Москва. 1874.

Krek, Gr. Einleitung in die Slavische Litteratur-Geschichte. Gratz. 1874. 1 Bd.

Luttes. Des peuples Léchites contre les ouraliens. Tt. 2. Paris. 1874.

Leger, L. Le monde Slave. Paris. 1873.

Majar, M. Slavjan (Časnik). Celovec. 1873—74.

Maciejowski, W. A. Dopełnienia historyi prawodawstw Słowiańskich. Warszawa. 1873.

Макушевъ, В. Monumenta historica Slavorum meridionalium. Варшава. 1874. 1-й томъ.

Malinowski, L. Beiträge zur Slavischen Dialectologie. I. Leipzig. 1873.

Malinowski, Fr. Gramatyka sanskrytu porownanego z językiem Starosłowiańskim i Polskim, na podstawie sanskryckiej gramatyki Fr. Boppa napisana. Poznań. 1873.

Michna, W. Pogląd na dzieje Słowian. Krakow. 1873.

Miklosich. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. II, IV. Wien. 1868—75.

— id. Ueber den Ursprung einiger Casus der pronominalen Declination. Wien. 1874.

— Ueber die Mundarten und Wanderunger der Zigeuner Europa's. Wien. 1872—74. IV вып.

— Altslovenische Formenlehre in Paradigmen, mit Texten aus glagolischen Quellen. Wien. 1874.

— Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Wien. 1875.

Микуцкій. Наблюденія и выводы по сравнительному Арійскому языкознанію. Варшава. 1874.

Модестовъ, В. Объ одномъ Славянскомъ имени въ Помпейскихъ надписяхъ. Кіевъ. 1875.

Небосклоновъ. Начало борьбы Славянъ съ Нѣмцами за независимость. Казань. 1874.

Оболенскій, М. А., кн. Изслѣдованія и замѣтки по Русскимъ и Славянскимъ древностямъ (Приложенія къ сочине-

ній: „О первоначальной Русской лѣтописи. М. 1870). Спб. 1875.

Павловичъ, В. А. О жизни Славянъ за тысячу лѣтъ до нашего времени. Спб. 1873. (Популярное изданіе).

Первольфъ, І. І. Славянская взаимность съ древнѣйшихъ временъ. Спб. 1874.

Поповъ, Андрей. Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова. М. 1875.

Ригельманъ. О значеніи общенія нашего со Славянами. Кіевъ 1874.

Сергій, архим. Полный мѣсяцесловъ Востока. Восточная агіологія. Москва. 1875.

Slowanstvo. Jzdala Matica Slovenska. Ljubliana. 1873. 1-й т.

Turner. P. Slavisches Familienrecht. Strassburg. 1874.

Филологическія Записки (Журналъ) Воронежъ.

Хомяковъ, А. С. Обзоръ Всемірной Исторіи (2 ч. Записокъ о всем. исторіи). М. 1873.

II. ROSSICA.

Аксаковъ, К. Сочиненія. II. М. 1875.

Аѳанасьевъ, А. Н. Народныя Русскія сказки. 3 книги. Изд. 2-е, М. 1873.

Батюшковъ, П. Н. Памятники Русской старины въ зап. губ. имперіи. Спб. 1874. (Вып. 6-й, съ рисунками).

Bidder. Bekehrungen, russishe, wie sie H. Georg v. Samarin enthüllt u. bekennt. Leipzig. 1874.

Боголюбовъ. Стратегическія изслѣдованія Австрійскихъ военныхъ людей о войнѣ Австріи съ Россіею (Сборникъ извѣстій и переводовъ съ Нѣмецкаго). Спб. 1873.

Witwicki, X. I. O Hucułach, rys historyczny. Lemberg. 1873.

Владимірскій, Н. Нѣсколько словъ о прологѣ—памятникѣ древне-Русской письменности и нѣсколько вопросовъ изъ древнѣйшей эпохи нашего просвѣщенія. Казань. 1875.

Gintl, H. E. Wykaz udziala Galicyi W. Ks. Krakowskiego na powszechnej wystavie 1873 r. w. Wiedniu. Wiedeń. 1873.

Головацкій, Я. Ѳ. Библіографическія находки во Львовѣ. Спб. 1873.

Dinald. Central-Karpathen und deren einzelne Partheien. 1875.

Доринъ, Каспій. О походахъ древнихъ Русскихъ въ Табаристанъ. Спб. 1875.

Дуликовичъ. Историческія черты Угро-Русскаго народа. Унгваръ, I, II, III. 1875.

Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—1856). Paris. 1874.

Житецкій, П. Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1875.

Jan ze Sliwina. Zarysy współczesnej literatury Rossyjskiej. Krakow. 1873.

Catalogue de la section des Russica de la Bibliotèque Impériale Publique de St.-Pétersbourg. Спб. 1873. II т.

Kolář. J. Mluvnice Ruského jazyka, v Praze. 1873.

Колосовъ, М. Матеріалъ для характеристики сѣверо-велико-Русскаго нарѣчія (Варшав. Унив. Изв.). 1874.

Constantinow. Le panslavisme au Mont-Athos. Constantinople. 1873.

Кояловичъ, М. О. Исторія возсоединенія Русскихъ уніатовъ старыхъ временъ. Спб. 1873.

Купчанко. Нѣкоторыя историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ. Кіевъ. 1875.

— Буковина и ея народонаселеніе. Буковинскій календарь на 1875 г.

— Russische Nationaltrachten (съ иллюстраціями). Illustr. Zeitung. 1875.

Левченко, М. Опытъ Русско-Украинскаго словаря. Кіевъ. 1874.

Likowski, E. Historya unii kosciola Russkiego. Poznań. 1875.

Лопачевскій. Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. Кіевъ. 1875.

Мартенсъ, Ф. Собраніе трактатовъ и конвенцій Россіи съ иностранными государствами. II. Спб. 1874.

— О консулахъ и консульской юрисдикціи на востокѣ Спб. 1873.

Martynow S. J. O wprowadzeniu języka Rossyiskjego do obrządków religii katolickiej w Litwie. Lwow. 1874.

Marassè, M. Gospodarcze stosunki w Galizyi. Warszawa. 1874.

Мордвиновъ, В. Православная церковь въ Буковинѣ. Спб. 1874.

Накко, А. Исторія Бессарабіи. Одесса. 1875. (1-я ч.).

Петровъ. Война Россіи съ Турціею

и Польскими конфедератами (1769—74) IV т. Спб. 1874.

Петровъ, Н. О происхожденіи и составѣ Славяно-Русскаго печатнаго пролога (иноземные источники). Кіевъ. 1875.

Петрушевичъ, А. Сводная Галицко-Русская лѣтопись съ 1600—1700 годъ. Львовъ 1874.

Pilat, T. Wiadomości statystyczne o stosunkach Krajowych. Lwow. 1873.

— Wiadomosci statyts. przez krajowe bióro, pod red. Pilata. Lwów. 1874—75. 2 вып.

Поделяшинъ. Переглядъ Южно-Русской исторіи (1873—1450). Изд. Львовской Русской Матицы. 1875.

Padurry, Tymka. Pisma. Lwów. 1874.

Поповъ, А. Историко-литературный обзоръ древнихъ Русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ (XI—XV в.). Москва. 1875.

Потебня, А. Изъ записокъ по Русской грамматикѣ. 1874. 2 т.

Ralston, R. S. Early russian history, four lectures. London. 1874.

— Russian Folq-Tales. 1873.

Rapacki W. Ludnośc Galicyi. Lwów. 1874.

Rapt de la Bukovine, d'apres de documents autentiques. Archives diplomatique. Politique allemande en Orient. Paris. 1874.

Ритгахъ, А. Племенной составъ контингентовъ Русской арміи. Спб. 1875.

Romanowicz, T. Wiadomości statystyczne o mieście Lwówie. Rocznik 1. Lwów. 1874.

Simiginowicz-Staufe, L. A. Bodenplastir der Bukovina. Kronstadt. 1873.

Suffczynski. Zawsze oni, obrazy historyczne i obyczajowe z czasow Koscjuszki i legionów. Poznań. 1873.

Сборникъ орнаментныхъ украшеній, почерпнутыхъ изъ Греческихъ и древне-Русскихъ рукописныхъ книгъ съ X—XVI в. Вып. 1. Москва. 1873.

Schneider, A. Encyklopedia do krajoznawstwa Galicyi. Lwów. 1868—75. 8 вып.

Tatomir, L. Geohrafia Galicyi. Lwòw. 1874. 1-й вып.

Чубинскій, П. П. Труды этнограф.-статист. экспедиціи въ западно-Русскій край. Матеріалы и изслѣдованія. Т. I. Вѣрованія и суевѣрія, загадки и пословицы; колдовство. Т. VI. Народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Т. VII. Евреи, Поляки; племена не-Мало-Русскаго происхожденія. Малоруссы.

III. POLONICA.

Acten der Ständetage Ost-und-West Preussens. 1-er Bd. Leipzig. 1875.

Acta publica, Verhandlungen und Correspondenzen der Schlesischen Fürsten und stände. 1875.

Album Schlesischer Dichter. Breslau. 1875.

Baudouin de Courtenay. Rozbiór Grammatyki ks. Malinowskiego. Warszawa. 1875.

Belcikowski, A. K. Brodziński Studeum literackie. Lwów. 1875.

Biblioteca Mrówki. Lwòw. 1869—74 (сочиненія Кохановскаго, Словацкаго, Бродзинскаго).

Biblioteca Warszawska (ежемѣсячникъ). Warszawa.

Bobrzyński, M. O davnym prawie Polskim. Warszawa. 1874.

Boniecki, M. Książęta Szląscy z domu Piastów. III ч. (1146—1675 г.). Warsz. 1874—5.

Buszczyński. St. Pol i jego pisma. Kraków. 1873.

Brandowski, A. Założenie Uniwersytetu Krakowskiego w r. 1364. Kraków. 1873.

Brodziński, K., Pisma. Wydanie S. I. Kraszewskiego. Poznań. 1872—74. 8 т.

Caro, F. Geschichte Polens. IV-er Bd. 1874.

— Liber cancellariae Stanislavi Ciołek. Pars 2-a. Wien. 1874 (см. Archiv für Oester. Gesch.).

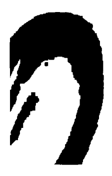
Celichowski, Z. Dwa kalendarze Polskie na r. 1528 i 1529. Poznań. 1874.

— Słowniczek-łacińsko-polski wyrażów prawa magdeburgskiego z wieku XIV. Poznań. 1875.

Codex diplomaticus Silesiæ. VII-er Bd. Breslau. 1875.

Czerwiński, B. Kilka uwag nad odą do mlodości Ad. Mickiewicza. Lwów. 1874.

Die Nationalitätsfrage der Polnischen Bevölkerung unter Preussischen Herrschaft, von einem Westpreussischen Polen. Posen. 1875.



Estreicher, K. Bibliografia Polska. Części I—III, stuletie XIX. Krakow. 1870—75.
Gacki, I. Jedlnia, w niej kościół i akta prawa obelnego. Radom. 1874.
Gąsiorowski, A. Adam Mickiewicz od wyjazda z Petersburga i pan Tadeusz. I. Wadowice. 1874.
— W. Cechy krakowskie. Kraków.
Helcel. A. Starodawne prawa polskiego pomniki, z ksiąg rękopiśmiennych i dotąd nieużytych i t. d. Kraków. 1857—74.
— Pism pozostałych wydanie posmiertne. I. Dawne prawo prywatne polskie. Kraków. 1874.
Hube. R. Prawo Polskie w wieku XIII. Warsz. 1875.
Katalog książek polskich wydanych od r. 1860 do końca 1874 r. Warsz. 1875.
Kolberg, O. Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, musyka i tańce. (Также подъ заглавіемъ: Materyały do etnografii Słowiańskiej). 9 вып. Warzszawa-Kraków. 1857—1875.
Kozłowski, K. Lud. Pieśni, podania, baśnie, zwyczaje i przesądy lud zu z Mazowsza Czerskiego. Warsz. 1867—1873.
Kondratowicz, L. (Syrokomla Wl.) Dzieje literatury w Polsce. Warsz. 1874.
Kuliczkowski, A. Zarys dziejów literatury Polskiej. Lwów. 1872.
Krasiński, Z. Pisma. Lwów. 1875. 2 тома.
L. St. O prawie granicznem Polskiem. Warsz. 1875.
Lipnicki, L. Geschichte der polnischen National-Litteratur. Mainz. 1873.
— Polnische Litteratur. Breslau. 1873.
Louis, J. Wieś Paczołtowice. Monografia. Kraków. 1874.
Łukaszewicz, J. Klótki historyczno-statystyczny opis miast i wsi w dzisiejszym powiecie Krotoszyńskim. Poznan. 1879—75. 2 т.
Maciejowski, W. A. Historya włościaz w Polsce. Warszawa. 1874.
Malinowski, ks. J. K. Dodatek do krytycznej grammatyki języka Polskiego. Poznań, 1873.
Malinowski, K. Beyträge zur slawischen Dialectologie. I. Ueber die oppelnsche Mundart. Leipzig. 1873.
Malinowski. Krytyka pisowni Maleckiego. Poznań. 1873.
Herwart, K. Erster Zusammenstoss Polens mit Deutschland. Gratz. 1874.
Mickewicza, Adama. Correspondencja. Wydanie 3-e. Paryż. 1874. 2 tomy.
Mieroslawski, L. Dyplomacya Polska w powstaniu 1831 r. 1875.
Niemcewicz, J. U. Podróż do Wielkopolski i Szląska w 1821. Poznań. 1873.
Niemiecko-polski słównik wyrazów prawniczych i administracyjnych. Kraków. 1874.
Obermüller, W. Amazonen, Sarmaten, Jazygen und Polen. Berlin. 1873.
Odyniec, A. E. Poezye. 4-е изд. Wars. 1874—75. 2 т. (Legendy, ballady).
Otto. Schlesischer Clerus im 1813. Breslau. 1875.
Parnass: der Polnische, von Nitschmann. Leipzig. 1875.
Poezye, S. Poznań. 1875. 2 т.
Pamiętnik Akademii umiejętności w Krakowie. Wydziały: filologiczny i historyczno-filozoficzny. Krakow. 1875.
— Towarzystwa nauk ścisłych w Paryżu. Poznań. 1875. T. VI.
Pawiński, A. Pamętniki Marcina Matuszewicza, kasztelana brzeskiego litewskiego (1714—65). IV т. Warszawa 1875—6.
Pilat. O literaturze politycznej sejmu cztero-letniego (1788—94).
Potocki, Fr. A. Słownik polskiego i rossyjskiego języka podlug najnowszych i najlepszych źródeł. Lipsk. 1873—76.
Po dziesięciu latach (Разсказъ Сибирскаго ссыльнаго). Lwów. 1875.
Rocznik dla archeologów, nymismatyków i bibliografów Polskich. Kraków. 1870—74. 3 т.
Rozprawy i sprawozdania wydziału historyczno-filologicznego Akademii umiejętności Krakowskiej. Kraków. 1874—75. 3 т.
Schmitt, H. Ksiądz Hugo Kołłątaj i jego prześladowcy. Lwów. 1873.
Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. Breslau. 1874.
Симоненко. Очеркъ экономическаго развитія Привислинскаго края съ 1864. Варшава. 1874.
Siemieński, L. Pol i jego utwory. Krakow. 1873.
Sławiński, F. Obliczenie wyrazów zawartych w trzech słownikach: Lindego, w Wileńskim i Rykaczewskiego. Warszawa. 1873.

Skobel, F. O skażeniu języka Polskiego w Galicyi. Kraków. 2 t. 1872—74.

Sowiński, A. Słuwnik Muzyków Polskich dawnych i nowoczesnych. Варшава. 1875.

Vivenot, Zur Genesis der zweiten Theilung Polens. Kien. 1874.

Walewski. C. Marcin Kromer. Warsz. 1874.

Wańskowski, K. Itinerarium Casimiri Jagellonis (1447—92).

Weryha-Darowski, Al. Przysłowia Polskie, odnoszące się do nazwisk szlacheckich i miejscowości. Poznań. 1874.

Wiadomości Archeologiczne. Spostrzeżenia lat ostatnich w dziedzinie starożytności krajowych. Czasy przedhistoryczne. Warsz. 1873 -74. 2 вып.

Wislocki, W. Kodex Pilznieński orylów Magdeburskich. Warszawa. 1875.

Wislocki, W. Dwie rzadkości bibliograficzne. Marc. Bielskiego. Lwów. 1873.

Wojcicki, W. Z dawnych dziejów i wspomnień naszego stulecia. Kraków. 1875.

Volyński. Kopernik w Italii, czyli dokumenta italskie do monografii Kopernika. Poznań. 1873.

Zawadzki, B. Mikołaj Rej z Nagłowic. Lwów. 1875.

Zieliński. W. Opis Lublina. Lublin. 1875.

Zeissberg, H. Die polnische Gechichtschreibung des Mittelalters, gekrönte Preisschrift. Leipzig. 1873.

Zeitschrift des Vereines für Geschichte und Alterthum Schlesiens. V. Grünhagen. XII Bd. Breslau. 1875.

— Kilka aktów originalnych sądowych z w. 14 и 15-go. Warz, 1873.

— Statuta Nieszawskie z. r. 1454. Warz, 1875.

— Roty przysiąg Krakowskich z końca w. XIV. Warsz. 1875.

IV. POMERANICA, POLABICA, LUSATICA.

Baltische Studien. Herausgegeb. von der Gesellschaft für Pommernsche Geschichte und Alterthumskunde. 25-й годъ. Stettin. 1875.

Berghaus. Handbuch des Herz. Pommern und Fürstenthum Rügen. VIII Bd. Wriesen. 1875.

Geschichtsblätter fur Hansische Geschichte. Leipzig. III.1873.

Grünhagen. Codex diplomaticus Silesiae. Breslau. 1875.

Haag. Quelle, Gewährsmann und Alter der ältesten Lebensbeschreibung des Pommernapostels Otto von Bamberg. Halle. 1874.

Лебедевъ, И. А. Послѣдняя борьба Балтійскихъ Славянъ противъ онѣмеченія. М. 1875.

Котляревскій, А. Древности права Балтійскихъ Славянъ. Прага. 1874. 1-я ч.

— Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ Славянъ въ XII в. Прага 1874 г.

Микуцкій, С. Остатки языка Полабскихъ Славянъ. Варшава. 1873.

Neues Lausitzisches Magazin. 51-й т. Görlitz. 1875.

Obermüller, W. Urgeschichte der Wenden. Berlin. 1874.

Pyl. T. Pommernsche Geschichtsdenkmäler. IV и. V. Greiswald. 1874—75.

V. BOHEMICA et MORAVICA.

Bager. Walaškė národní pohádky a povėsti z okoli Rožnovského. Kroměříž. 1874. 1-й в.

Bezold. König Sigismund und und die Reichskriege gegen die Hussiten (1423—28). Berlin. 1875.

— Dėjiny národu Českého. Praha. 1874—75.

Biermann. Geschichte der Herzogthümer Troppau und Jägerndorf. Teschen. 1874.

Borovy, K. Čtyri doby w historii České. Praha. 1873.

— Antonin Brus z Mohelnice, Arcibiskup Pražsky. Praha. 1873.

Casopis Českého Museum. Praha. 1873 7.

Casopis Matice Moravskė. Brno. 1873—7.

Die Čechen in Preüssish-Oberschlesien. von einem Slaven. Prag. 1875.

Dudik, B. Dějiny Moravy. Praha. 1875—77.

Drivok, P. Älteste Geschichte der deutschen Reichsstadt Eger und das Egerland. 9 вып. Leipzig. 1875.

Emler Regesta diplomatica nec. non

Epistolaria Bohemiæ et Moraviæ. Prag. 1874.

Erben, S. Statistisches Handbüchlein der Stadt Prag für das J. 1872—73. Prag. 1874.

Födisch, F. E. Die deutschen Stämme in Böhmen. 1873.

Fontes rerum Bohemicarum. II. Prag. 1874.

Frid, A. Geschichte der Bischöfe und Erzbichöfe von Prag. Praga. 1873.

Graeber, B. Die Kunst des Mittelalters in Böhmen. Wien. II. 1874—77.

Haněl, S. O vlivu práva německého v Čechach a na Moravé. Praha. 1874.

Jechl. Der bömische Grossgrundbesitz. Prag. 1874.

Jireček, J. Rukovět k dějinam literatury České. Praha. 1874.

— Anthologie ze staré literatury České. 3 vyd. v Praze. 1875.

Jirecek. Herm. Codex juris Bohemici (tom III de jure terrae Bohemicae). Prag. 1873—1874.

— Viktorina ze Wšehrd. O pravich mě České. knihy devatery. Praha. 1874.

Kořinek. I. Rukopis Zelenohorsky a Královedvorský. Text znovu přehlédl a výkladem opatřil. V Praze. 1875.

Kulda, B. M. Svadba v narodě Československém. 3 vyd. v Olomouci. 1875.

— Moravské národní pohádky. povésti, obyčeje a pověri. Praha. 1874—75.

Krasnohorska, E. Ze Šumavy. Praha. 1873.

Národní pohádky, pisně etc. vyd. spolek «Slava». Praha. 1873. 1-й в.

Nowak, T. a Gregr. F. 12 prostonárodnich Českych pisni s napěvy. Praha. 1873.

Osvěta. Časopis. Praha. 1873—76.

Orth, J. Dalimilová chronika. Praha. 1874.

Palacký. Urkundliche Beiträge zur Geschichte Hussitenkrieges. Prag. 1873.

Palacký, F. Radhost. Shirka spisův. 3 тома. Praha. 1871—73.

Rank, I. Rusko-český Slovnik. v Praze. 1874.

Rądzkiewicz, A. Jan Amos Komienski. Lwów. 1874.

Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars II, vol. 6. Opera J. Emer. Prag. 1874—75.

Reliquiae tabularum terrae regni Bohemiae. Ed. J. Emler. T. II, vol. 8. Prag. 1874.

Sbornik vědecký Mus. Kral. Českého. odboru filol. histor. Praga. 1868—72. IV тома.

Světozor, časopis (иллюстр. журн.). Praha. 1873—75.

Smorczewski, A. Listy z Czech. Warsz. 1873.

Světlá. K. Povidky. Praha. 1873.

Tomek. W. Regesta decimarum papalium, čili Registra desátků papežských z dioecezi Pražské. Prag. 1873.

Tomek, W. Dějepis Prahy. 3 тома. Praha. 1855—1875.

Tieftrunk. K. Historia literatury České. V Praze. 1875.

Воцель, Я. Э. Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности. Переводъ съ Чешскаго Н. Задерацкаго. Кіевъ. 1875.

Задерацкій, Н. Павелъ-Іосифъ Шафарикъ. Кіевъ 1875.

VI. HUNGARO-SLOUENICA.

Archiv starych Cesko-Slovenských listin, pisemnosti a dějèpisnych povodnin. T. Sv. Martin. 1872—78. 2 вып.

Chalupka. J. Dramaticné Spisy. T. Sv. Martin. 1871—74. III вып.

Fabo. A. Monumenta evangelicorum augustanae confessionis in Hungaria historica. 1873.

Francisci, J. Slovenska národnà knižnica. T. Sl. Martin 1873. 2 вып.

Letopis Matice Slovenské. Turčansky Sv. Martin. 1874—75.

Sasinek. F. Die Slovaken. T. St. Martin. 1875.

— Archiv starých československých listin, pisemnosti a dějepisnych pôvodnin pre dejepis a literaturu Slovákow. Тамъ-же. D. II. 1873.

Sbornik Slovenskych nàrodnich piesni, povésti, prislovi, porekadiel, hadok, hier, obyčajov a povier. Svazok 1, ve Vidni; Sv. II—Turč. Sv. Martin. 1874.

VII. SERBO-CROATICA.

Adamović, V. Della monetazione Ragusea. Ragusa. 1874.

Ali Snavi. A propos de l'Herzegowine. Avec deux cartes et un portrait de l'auteur. Paris. 1874.

Бесрыковъ, Г. Герцеговина. Спб. 1875.

Bogišić, V. Sbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. 1-я кн. Zagreb. 1874.

— Die Slavisirten Zigeuner in Montenegro (изъ Ausland). 1874.

Boglić, W. Studi storici Jull'isola di Lesina. 1-й в. Zara. 1875.

Črnčić, J. Popa Dukljanina letopis po latinsku i několiko po hrvatsku. Kraljevica. 1874.

Даничичъ. Облици Српского или Хрватскога iезика. 7-е изд. Бѣлград. 1874.

— Основе Српскога или Хрватскога iезика. У Биограду. 1875.

— Историја облика Српскога или Хрватскога језика до свршетка 17 в. Биоград. 1874.

— Диоба Словенскихъ језика. У Биограду. 1874.

De Leva, G. In morte di Niccolo Tomaseo discorso. Venezia. 1874.

Dubrovnik. Zabavnik štionice dubrovačke. Uredio J. Bunić. 2 в. Dubrovnik. 1874.

Filipović. Kratka pověst književnosti Hrvatske i Srbske. Zagreb. 1875.

Novi Rječnik hrvatskoga i njemačkoga jezyka. I. Njemačko-hrvatskj dio. u Zagrebu. 1873. 2 t. II. Hrvatsko-njemački dio (вышло 20 вып., не достаетъ 5—6 вып.).

Frilley, G. et **Wlahovitj**, J. Le Montenegro contemporain. Paris. 1875. (Переведена на русскій языкъ: „Современная Черногорія". Спб. 1876).

Gaj Velimir. Knjižnica Gajka. Ogled bibliografijskih studija. Zagreb. 1875.

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Спб. 1875.

Гласникъ Српского Ученого Друштва. Београдъ. 1873. 37—39 кн.

Istrien, Kroatien, Dalmatien, Montenegro. Graz. 1875.

Историчко-канонички поглед на установлење пово Српско-Румунске митрополије. Задръ. 1873.

Караджичъ, Вукъ. Србске народне пѣсме. I—III. Вѣна. 1875. 2-е изд.

Косово, српске народне пјесме о боју на Косову, уређене као цјелина. 8 изд. у Биограду. 1875.

Kostrenčić, J. Urkundliche Beiträge zur Geschichte der protestantischen Literatur der Südslaven in den Jahren 1559—1569. Wien. 1873.

Kukuljević. Putne uspomene iz Hrvatske, Dalmacie, Albanie, Krfa, Italije. Zagreb. 1873. I.

— **Codex** diplomaticus Regni Croatiæ, Slavoniae et Dalmatiae. Zagreb. 1874. 1-й т.

Berba Hrvatka u 30-ljetnom ratu. Zagreb. 1875.

Le pays Iougo-Slave (Croatie-Serbe). Son état physique et politique. Paris. 1874.

Ljubić, S. Numismatika jugoslovenska. Zagreb. 1874.

Лѣтопис Српске Матице. Нови Сад. 1873—75.

М. В. Српске народне песме, скупио по Срему. Панчево. 1875.

Максимовичъ, М. Развитак државног живота у Србији. Бѣлград. 1875.

Maschek. Manuale del Regno di Dalmatia, per A. 1871—74. Zara. IV т.

Mijatovicz, C. Serbian Folk-Lore, popular tales selected and translated. London. 1874.

Mikaličić Fr. Narodne pripovietke i pjesme iz hrvatskoga primorja. U Kraljevici. 1876.

Милеевичъ. Песме и обичаи укупног народа Србског. I—III. Бѣлградъ. 1875.

Matković, P. Hrvatska i Slavonija u svojih fizičnih i duševnih odnošajih. Zagreb. 1873.

— Bosanjske stupnjevine. Zagreb. 1873.

— Orografska razredba Južnohrvatske Visočine. Zagreb. 1873.

Михаилъ, митроп. Православна Српска Црква у княжеству Србіи. Бѣлградъ. 1874.

Народне јуначке песме. Трошком. Х. А. О. Поповича. У Београду. 1874.

Narodna biblioteka (Сочиненіе Ан. Казначича). Ragusa. 1875.

Новаковичъ Ст. Археологичка испложба у Кијеву. Биоград. 1874.

— Српска синтакса. у Биограду. 1874.

Отачбина. Ежем. журналъ. Ред. Поповичъ. Бѣлградъ. 1875.

Поповъ Н. Нынѣшнее состояніе правосл. церкви въ Сербіи. Москва. 1874.

Parčić P. Grammatica della lingua Slava (Illirica). Zara. 1873.

— **Rječnik slovinsko-talijanski**. U Zadru. 1874.

Pawinski A. Serbija, zarysy historyczno-etnographiczne. Warszawa. 1874.

Preradović P. Pesnička dela (izdana troškom narodu). Zagreb. 1873.

Pricaut de Sainte Marie. Les Slaves meridionaux, leur origine et leur établissement dans l'ancienne Illyrie. Paris. 1874.

Racki Fr. Borba južnih Slavena za neodvislost. Zagreb. 1875.

— Acta conjurationem bani P. a Zrinio et com. F. Frangepani illustrantia. Zagreb. 1873.

Rad Jugoslavenske Akademije XXXIX тт. (журналъ). Загребъ. 1873–7.

Радичевичъ, Бр. Песме. Панчево. 1873.

Rajačich. Das Leben, die Sitten und Gebräuche der im Kaiserthume Oesterreich lebenden Südslawen. Wien. 1873.

Reinach F. Etudes sur les peuples slaves et l'Europe orientale. IX. Serbie et Montenegro. Coutances. 1875.

Runge W. Reisebriefe aus Serbien. 1875.

Šafařik P. S. Pámatky dřevniho písemnictvi jihoslavanův. v Praze. 1873.

Sainte-Marie (de) E. L'Herzégovine, étude géographique, historique et statistique. Paris. 1875.

Schatzmayer P. Die Kaiserreise durch Dalmatien. Zara. 1875.

Schwicker. Zur Geschichte der Kirchlichen Union in der Croatischen Militärgrenze. Wien. 1875.

Senoković M. Djela Mat. An. Relkovića. U Vinkovcih. 1875.

Serben an der Adria. Jhre Typen und Trachten. Leipzig. 1875. 8 выпусковъ.

Skurla St. Ostan bozje ljubavi i razlike piesni duhovne Andrije Vitaljica. Dubrovnik. 1874.

— Dubrovnik ponovljen spjevao Palmotić, vlastelin dubrovački. Dubrovnik. 1874.

Србо-Далматинс ii Магазинъ. Задръ. 1873.

Српске народне пjесме, новуилене по Босни. Збирка Косте Х. Рнстича У Београду. 1873.

Statistica narodnjego školjstva u Dalmacii Hrvatskoj i Slavonlji. Zagreb. 1875.

Stari pisci hrvatski. Izdaje jugosl. Akademija zn. i um. Zagreb. 1869—1875. I - VIII.

Šulek B. Hrvatsko-njemačko-talijanski rječnik znanstvenoga-nazivlja. Zagreb. 1875. (2 части).

Tkalčić J. Monumenta historica episcopatus Zagrabensis saec. 12—18. Zagreb. 1873. 1 т.

Tomšić. Naža zemlja ili 2 razgovora sa djedom. Zagreb. 1875.

Valgé (de) **F.** Les troubles de l'Herzegovine. Paris. 1874.

Верковичъ Ст. Веда Словена. — Le veda Slave. Београдъ. 1874.

Vaniček Fr. Spezialgeschichte der Militärgrenzeaus Originalquellen und Quellenwerken geschöpft. IV. Wien. 1875.

Ястребовъ. Податци за историју цркве у Старај Србији (оттиски „Гласника").

VIII. CHORUTANO-SLOVENICA.

Baudouin de Courtenay J. Někter opazke ruskega profesorja (въ газетѣ Soča). Gorica. 1873.

Czoernig C. Das Land Görz und Gradisca. Wien 1873.

— Die Stadt Görz, als climatischer Kurort. Wien. 1874.

Frischauf J. Gebirgsführer durch Steyermark, Kärnten und Krain. Gratz 1873.

Janisch J. Topographisch-statistisches Lexicon von Steyermark. 2 Hefte. Graz. 1875.

Jurčić J. Listki (литературный сборникъ). Maribor, Ljubljana. 1873.

Letopis Matice Slovenske (журналъ) Ljubljaua. 1873–5.

Podšavnlški. Slovenske pripovedke iz Motnika. Celovec. 1874.

Trstenjak D. Slovanski elementi u venetštini. Любляна. 1875.

Urbas W. Die Slovenen, etnografische Skizze. Triest. 1873.

IX. BULGARICA.

Бобриковъ Г. Н. Историческій очеркъ Болгаріи. Спб. 1875.

Богоровъ И. А. Френско-български и българско-френски рѣчникъ. 2 издание. Вѣна. 1878.

Dozon. Chansons populaires Bulgares inédites. Paris. 1875.

Дриновъ М. С. Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами. Москва. 1873.

— **Южные** Славяне и Византія въ X в. М. 1876.

Holebec J. Poesie světova. Sbirka básnických spisův jinojazycných. XIII Junacké pisné národa Bulharckého, s připojenim pisni milostnych. U Praze 1875.

Jireček K. J. Dějiny Bulgarského národa. Praga. 1874. (Эта книга въ 1876 г. въ Прагѣ переведена на Нѣмецкій, и нынѣ въ Варшавѣ переводится на Русскій языкъ).

— Книгописъ на новобългарска-та книжнн 1806—70. Віена. 1872.

За Юстиніановы права на Охридска архіепископія или за църковна независимость и самостоятельность на Охридско-Българско священноначаліе. Царьградъ. 1878.

Kanitz F. Donau-Bulgarien und der Balkan. I. Leipzig. 1875. II. 1877.

(Переведена на Русскій языкъ: „Дунайская Болгарія и Балканскій полуостровъ. I. Спб. 1876).

Лѣтоструй или календарь. Изданіе Данова. Вѣна. Съ 1869 г. вышло до 6 выпусковъ.

Періодическо - Списаніе (журналъ). Браиловъ. 1873—6.

Челаковъ В. Българскій народный сборникъ. Болградъ. 1878.

Шишковъ Т. Н. Исторія на Българскыя народъ. 2 части. Цариградъ. 1873.

X. BYSANTINO-HELLENICA ET OSMANICA.

Васильевскій В. Варяго-Русская и Варяго-Англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ. Спб. 1874—75.

Barozzi e Berchet. Relazioni degli ambascialori Veneti a Constantinopoli. I. II. Venezia. 1873.

Bauer E. Orientaliscne Frage. München. 1874.

Chometowski W. Pielgrzymki de Swietej ziemi. Warszawa. 1874.

Chiceo E. Memorie sul Levante. Torino. 1874.

Collection d'historiens Armeniens. Traduit par Brosset. I. Spb. 1874.

Conze A. Archeologische Untersuchungen auf der Insel Samothrake. Wien. 1875.

Debelak. Orientalische Frage. Wien. 1875.

Dethier P. A. Der Bosphor und Constantinopel. Wien. 1873.

Δήμιτσα Μ. 'Αρχαιὰ γεωγραφία τῆς Μακεδονὶας. I. II. Αθηнн. 1870—74.

Dumont A. Le Balkan et l'Adriatique. Paris. 1873.

Δραγούμη Ν. Ἱστορικαὶ ἀναμνήσεις. Athen. 1874.

Farley L. Der finanzielle und politische Verfall der Türkei. Berlin. 1875.

Fligier. Beyträge zur Ethnographie Klein-Asiens und des Balkanhalbinsels. Breslau. 1875.

Granville A. Autobiography, or 28 years of the life of a physicien. who practised his profession in Italy, Greece, Turkey. I, II. London, 1874.

Јелада и Јелини. Београд, 1874.

Isambert E. Itinéraire de l'Orient Paris. 1878.

Klimke. Quellen zur Geschichte des IV-ten Kreuzzuges. Breslau. 1875.

Koszczyc W. Wschód. Ze Stambulu do Angory. Lwów. 1874.

Kremer. Culturgeschichte des Orients unter den Chalifen. 1-er Bd. Wien. 1875.

Леонидъ, Арх. Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аеонской горѣ. Москва. 1875.

Löher. Griechischen Küstenfahrten. Leipzig. 1875.

Marrast A. Esquisses Bysantines. Paris. 1874.

Melek-Hanum. 30 ans dans les harems d'Orient. Paris. 1874.

Mefras E. La vie d'un patricien de Wenise au XVI-ème siècle, Paris. 1874.

Moustier A., Jerusalemy F. ed Praust A. Asia Minore e Turchia.

Нечаевъ М. Г. Путешествіе въ Іерусалимъ (1719 — 20 гг.). Изд. Н. П. Барсова, въ Унпверсит. Изв. Варшава. 1875.

Oesterreichische Monatschrift für den Orient, v. A. Scala. Wien. 1875.

Παπαρρηρòπονυλος Κ. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους ἀπò τῶν ἀρχαιοτάτων χρονων μέχρι τῶν νεωτέρων. I—V. Αθηны 1874.

Riant P. (Le comte) Innocent III, Philippe de Souabe ef Boniface de Montferrat. Paris. 1875.

Röhricht R. Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge. 1-er Bd. Berlin. 1874.

Savelsberg. Beiträge zur Entzifferung der Lykischen Sprachdenkmäler. I. Bonn. 1874.

Scherzer C. Smyrna, mit besonderer Rücksicht auf die geographischen, wirthschaftlichen und intellectuellen Verhältnisse der Vorder - Kleinasien. Wien. 1873.

Schwegel, R. Volkswirthschaftliche Studien über Constantinopel und das anliegende Gebiet. Wien. 1873.

Seiff. Reisen in der Asiatischen Türkei. Leipzig. 1875.

Sepet, M. Geoffroi de Yille-Hardouin. Conquête de Constantinople. Paris. 1874.

Stillmann, W. The Cretan insurrection of 1866. New-Jork. 1874.

Терновскій, Ф. Изученіе Византійской исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ древней Руси. Кіевъ. 1875.

Thielmann. Streifzüge im Kaukasus, Persien und in der Asiatischen Türkei.

Чарыковъ. Путевой журналъ изъ путешествія по разграниченію земель Турціи и Персіи. Изд. Кавказ. отдѣла географ. общ. Тифлисъ. 1875.

Z podróży **Oswiecima** po Turcyi, Francyi. Lwów. 1875.

XI. HUNGARICA.

Braun-Wiesbaden, K. Tokaj und Jokaj. Berlin. 1873.

Codex diplomaticus domus senioris comitum Zichy. T.III-us. Budapest.1874.

Jahrbuch des Ungarischen Karpathen-Vereins. Kaschau. 1874 –1875.

Löher. Die Madyaren und andere Ungarn.

Лихутинъ, М. Записки о походѣ въ Венгрію въ 1849 году. Москва. 1875.

Lonyay, M. Graf S. Sechenyi. Budapest. 1875.

Monumenta Hungariae historica. Pest. 1874—76.

Петерсонъ. Венгрія и ея жители. Спб. 1873.

Publicationen des Statistischen Büreau's der Stadt Budapest. X. 1875.

Ungarische Volksdichtungen, übersetzt von Aigner. Budapest. 1873.

Ungarn auf der Wiener Weltausstellung. Budapest. 1873.

XII. AUSTRIACA.

Amtlicher Catalog der Ausstellung (in Wien) der im Reichsrathe vertretenen Königreiche und Länder. Wien. 1873.

Archiv fur die Oesterreichische Geschichte. 51-er, 52-er Bdd. Wien. 1874.

Archiv des Vereins fur Siebenbürgische Landeskunde. XII-er Bd. Hermanstadt. 1875.

Böhm. Die Handschriften des K. k. Haus-Archivs. Wien. 1873.

Ficker, A. Bericht uber Oesterreichisches Unterrichtswesen. Wien. II. 1873.

Günther. Der Oesterreichischer Grossgrundbesitz. Wien. 1873.

Křížek, W. Statistika cisařstvi Rakouského. Praha. 1872.

Mittheilungen aus dem Gebiete der Statistik. Herausgegeben von der K. k. Central-Commission. Wien. 1874. 75. 76.

Mittheilungen der K. k. Geographischen Gesellschaft in Wien. XVIII-er Bd. 1875.

Peez, A. Oesterreich und der Orient. Wien. 1875.

Риттихъ, А. Θ Австро-Венгрія. Спб. 1875.

Roskiewicz, J. Kartographie in Oesterreich, vom J. 1750 bis 1873. Wien. 1875.

Seidel. Oesterreich und die Orientalische Frage. Wien. 1875.

Tabulae codicum manuscriptorum in bibliotheca Palatina Vindobanensi asservatorum. Vol. VII. Wien. 1875.

Würzbach, C. Biographisches Lexicon des Kais. Oesterreich. 27-er Theil. Wien. 1874.

XIII. PRUSSICA.

Beheim - Schwarzbach. Hohenzollernsche Colonisation. Leipzig. 1873.

Brecher. Darstellung der territorialen Entwickelung des Brandenburgisch-Preussischen Staates. Berlin. 1873.

Droysen. Geschichte der Preussischen Politik. Leipzig. 1875.

Ewald, A. Die Eroberung Preussens durch die Deutschen. I. II. Halle. 1875.

Harteck. Historische Bilder aus dem deutschen Ordenslande. Danzig. 1875.

Neumann, G. Das Deutsche Reich. Berlin. 1872—73.

Perlbach. Die Preussischen Regesten, bis zum Ausgange des XIII-ten Jahrhunderts. Königsberg. 1875.

Scholz, P. Eroberung der Mark Brandenburg durch Karl IV. Glatz. 1874.

Scriptores reum Prussicarum. V. 1874.

Zeitschrift fur Preussische Landeskunde, v. Rössler. XII-er Jahrgang. Berlin. 1875.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*строка.*	*напечатано:*	*слѣдуетъ читать:*
1 (I отд.)	1 (сверху)	о Славянствѣ (сверху)	о славянствѣ
21	14 (снизу)	принуждена	принужденъ
47	20 (сверху)	принадлежитъ	принадлежать
77	23 „	Ургія	Угрія
132	19 „	пленяетъ	плѣняетъ
227	11 „	и завались	издѣвались
350	3 „	Селвіева	Сельвіева
354	12 (снизу)	Лемановъ	Лежановъ
371 (и ниже)	6 „	Митхадъ	Мидхатъ
394	14 „	Софкіой	Серикіой
16 (II отд.)	8 „	о Красѣ	о красѣ
—	18 (сверху)	Луиза	Луизы
40	7 „	Шегединѣ	Сегединѣ
—	19 „	Люксамбургскаго	Люксембургскаго
45	15 „	Слатину	Златину
—	13 „	Чипки	Шипки
51	8 „	Махмутъ	Махтудъ
51	7 „	карача	харача
64	12 „	Ирчка	Иречка
80	8 „	Черновича	Черносвича
82	16 „	Бече	Беча
88	15 „	Опово	Опосвкія
1 (III отд.)	6 „	подъ-Балканьи	подъ-Балканье
23	9 „	Фракія	Ѳракія
—	14 „	на канунѣ	наканунѣ
25	28 „	оцепенѣнія	оцѣпенѣнія
28	2 (сверху)	Боснѣ	Боснія
29	18 „	палакокъ	паланокъ
—	24 „	Балгары	Болгары
30	23 „	послѣдніе	они (т. е. консулы)
—	13 (снизу)	намѣрено держать	намѣренно держать
31	7 (сверху)	многія	многіе
36	15 (снизу)	разо	разно
45	1 „		*Ред.* (подъ примѣчаніемъ)
47	1 „	Омеръ-Дютифъ-паша	Омеръ-Латифъ-паша
48	22 „	Черной Водѣ	Черноводахъ
52	10 „	Гуреевъ	Гиреевъ
12 (IV отд.)	9 „	Ахіальскую	Анхіальскую
51	4 „	они	онѣ
—	2 „	эта	это
60	4 „	сватьба	свадьба
66	24 „	Коростовая	Крестовая
71	1 „	Миралай-бей	миралай-бей
76	16 „	Враня	Враньи
80	2 „	Бѣлградъ	Болградъ
92	11 „	кушаньевъ	кушаній
91 (на листѣ 7)	„		97 и т. д.
131	28 „	Мазрякія	Мазрякій

Славянскій Сборникъ, томъ II—подъ наблюденіемъ Я. Л. Зосимовича. 1877. VI, 406, 112, 64 и 119. Цѣна. . 3 р.

Содержаніе: 1) Нѣсколько замѣчаній объ изученіи Славянскаго міра, *проф. А. С. Будиловича*; 2) Карпатская Русь, *Я. Ѳ. Головацкаго;* 3) Минувшее десятилѣтіе у Сербовъ-Лужичанъ, *М. Горника*; 4) Очеркъ политической и литературной исторіи Словаковъ за послѣднія сто лѣтъ (VIII-XII), *О. Пича;* 5) Изъ исторіи Византіи, *проф. В. Г. Васильевскаго*; 6) Очерки изъ Сербской исторіи, *проф. А. С. Будиловича*; 7) при-Дунайская Болгарія (стат.-экон. очеркъ), *А. Н. Мошнина.* 8) Критика и библіографія. 9) О литературномъ единствѣ народовъ Славянскаго племени, *проф. А. С. Будиловича*; 10) Юго-Славянская (Загребская) Академія Наукъ въ 1875 г.; 11) Письмо изъ Рима, *Я. К. Грота*; 12) Болгарія наканунѣ ея погрома, *проф. М. С. Дринова*; 13) Татары и Черкесы въ Турціи (два письма б. Турецкаго паши). 14) Автобіографія Врачанскаго епископа Софронія; 15) Балканскіе гайдуки. Списокъ важнѣйшихъ сочиненій по славяновѣдѣнію за 1873—1875.

Славянскій Сборникъ, томъ III—подъ наблюденіемъ П. А. Гильтебрандта. 1876. IV, 400, 80, 139 и 18 стр. Цѣна 3 „

Содержаніе: 1) Восточный вопросъ въ XVI и XVII в., *проф. В. В. Макушева*; 2) Общественные и государственные вопросы въ Польской литературѣ XVI в., *проф. В. В. Макушева*; 3) Отрывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ, *проф. А. Н. Веселовскаго*; 4) Слѣды Русскаго вліянія на старо-Польскую письменность, *проф. В. В. Макушева*; 5) Сербскія житія и лѣтописи, *В. В. Качановскаго*; 6) Резья и Резьяне, *проф. И. А. Бодуэна*; 7) Изъ исторіи Византіи въ XII вѣкѣ *проф. В. Г. Васильевскаго*; 8) Критика и библіографія; 9) Этнографическій очеркъ Болгаръ; 10) О Мазурахъ; 11) Крестьяне въ Польшѣ.

Въ память Ю. Ѳ. Самарина, съ приложеніемъ портрета. 1876. 53 стр. Цѣна. . . . . — „ 50 к.

Германизація Балтійскихъ Славянъ. Изслѣдованіе I. Первольфа. 1876. 260 стр. Цѣна . . . . 1 „ 50 „

Исторія Пряшевской Епархіи (въ Угорской Руси). Соч. А. В. Духновича, переводъ прот. К. Кустодіева. 1877. 102 стр. Цѣна. . . . . — „ 50 „

ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Русско-Сербскій Словарь.

Сборникъ статей объ Угорской Руси.

ПРОДАЮТСЯ ВЪ ПОЛЬЗУ БАЛКАНСКИХЪ СЛАВЯНЪ:

«Братская помочь» пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины. Учено-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ Русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Спб. 1875. Ц. 3 р.

Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ. Соч. Гладстона, перев. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. Спб. 1876. Цѣна . . . . — „ 20 к.

Впечатлѣнія Сербской войны. Соч. Макъ-Ивера. Спб. 1876. Цѣна. — „ 20 „

Изъ Малороссійской колядки. Соч. Пономарева. Спб. 1876. Цѣна. — „ 20 „

Разсказы изъ Русской исторіи. Начало Москвы и начало Восточнаго вопроса. Соч. А. Майкова. Спб. 1877. Ц. — „ 50 „

Хомяковъ и Славянское дѣло. Соч. А. Васильева Спб. 1877. Съ портретомъ. Цѣна . . . . — „ 5 „

Портретъ Іоанна Гуса съ пояснительнымъ текстомъ. 1 листъ in-folio Спб. 1877. Цѣна . . . . — „ 10 „

Продаются изданія, пожертвованныя С.-Петербургскому Славянскому Благотворительному Обществу:

«Лепта». Сборникъ, изд. въ пользу южныхъ Славянъ. Спб. 1876.. Цѣна. . . . . — „ 20 „

Историческій очеркъ Болгаріи, сост. Г. И. Бобриковъ. Ц. — „ 30 „

Герцеговина въ историческомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніи. Г. Б., Спб. 1876. Цѣна . . — „ 75 „

Славянская война за независимость— свѣтопечатный сборникъ. Вып. 1 и 2. Спб. 1876. Цѣна 1 в. . . . . . — „ 50 „

Вѣнскій походъ Яна Собіесскаго. Соч. Павлищева Ц. 1 „ — „

Чешская Грамматика, сост. Ив. Шрамекъ. Спб. 1868. Ц. — „ 50 „

Продаются изданія Московскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества

Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ маѣ 1867 года. М. 1867, б. 8°. X и 473 стр. Ц. 1 р 25 к.

«Родное Племя». Сборн., издан. Дамск. Отдѣленіемъ Слав. Общества въ Москвѣ. М. 1877. 2 книги и каждая по 2 „ — „

Лука Вуколовичъ (первое Герцеговинское возстаніе). Переводъ съ Сербскаго. М. 1875. Цѣна . . . . — „ 10 „

Земскимъ школамъ и библіотекамъ, православному духовенству, военнымъ библіотекамъ, учебнымъ заведеніямъ уступается **20 процентовъ противъ объявленной цѣны.** Эта же уступка дѣлается и частнымъ лицамъ при выпискѣ ими изданій на 20 р. и болѣе.

Складъ изданій находится въ помѣщеніи Общества.

Требованія о высылкѣ изданій адресуются: въ Петербургъ, въ Славянское Благотворительное Общество, у Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества.